Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Дальневосточный юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени И.Ф. Шилова»

Актуальные проблемы науки и практики

Сборник научных трудов
по итогам научно-представительских мероприятий

Выпуск 16

Хабаровск
ДВЮИ МВД России
имени И.Ф. Шилова
2025

ISBN 978-5-9753-0602-9

© ФГКОУ ВО ДВЮИ МВД России
имени И. Ф. Шилова, 2025

УДК 34+37+159.9+004+81
ББК я54(67)
А437

Издается по решению редакционно-издательского совета
Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова

А437 **Актуальные проблемы** науки и практики : электрон. сб. науч. тр. по итогам науч.-представит. мероприятий / Дальневост. юрид. ин-т МВД России имени И. Ф. Шилова. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России имени И. Ф. Шилова, 2018– . – Текст : электронный.

Вып. 16. – 2025. – 1532 с. – URL: https://двюи.мвд.рф/Institut/Struktura/OTDELI/Redakcionno_izdatelskij_otdel/электронные-издания. – Дата публикации: 30.12.2025. – ISBN 978-5-9753-0602-9.

В выпуске представлены материалы научно-представительских мероприятий, проводившихся Дальневосточным юридическим институтом МВД России имени И. Ф. Шилова и его Владивостокским филиалом в июне – декабре 2025 года. В статьях с теоретической и практической точек зрения рассматриваются актуальные проблемы деятельности полиции, в частности применения современных информационных и телекоммуникационных технологий в раскрытии и расследовании киберпреступлений, борьбы с коррупцией, уголовного судопроизводства, психологии и педагогики в деятельности сотрудников органов внутренних дел, а также теоретические и прикладные аспекты современного лингвистического образования в условиях неязыкового вуза, развития и совершенствования электронной информационно-образовательной среды в условиях цифровой трансформации образовательной деятельности, материалы к 80-летию окончания Второй мировой войны и др.

Издание может представлять интерес для научно-педагогического состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций системы МВД России, для преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов иных образовательных организаций, для сотрудников правоохранительных органов.

Статьи изданы в авторском варианте (с сохранением графических выделений и примечаний), *без редакторской и корректорской обработки*. Ответственность за содержание материалов, в том числе за их соответствие лексическим и стилистическим нормам русского языка, за подбор и точность фактов, цитат, статистических данных, верность и полноту библиографических описаний, перевод на английский язык и т. п., несут авторы.

УДК 34+37+159.9+004+81
ББК я54(67)

Является самостоятельным электронным изданием.

Минимальные системные требования: 1) браузер Microsoft Edge; 2) скорость подключения к сети Интернет – 1 Мбит/с и выше; **дополнительные программные средства:** Acrobat 6.0 и Adobe Reader 6.0, а также их более поздние версии.

ISBN 978-5-9753-0602-9

© ФГКОУ ВО ДВЮИ МВД России имени И. Ф. Шилова, 2025

Электронное научное издание выполнено с помощью пакета программ семейства Adobe (Adobe InDesign CC 2020, Adobe Acrobat DC).

Компьютерная верстка, дизайн: *О. Ф. Вальченко*

Подписано к использованию 30.12.2025. Объем издания: 7,5 Мбайт.
Дальневосточный юридический институт МВД России им. И. Ф. Шилова.
Редакционно-издательский отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск, Казарменный пер., 15.
Тел.: 8 (4212) 92-02-59, e-mail: dvui@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы Всероссийской конференции «Вехи российского конституционализма» (15 мая 2025 года) 27

Власов К. А. Конституция как отражение базовых ценностей Российского общества (нации) 27

Гаджиев Т. К. Конституционно-правовые основы охраны памятников истории и культуры в Санкт-Петербурге 34

Мазитов Р. Р., Мазитов Р. Р., Конституционное закрепление права на свободу вероисповедания в России и Узбекистане: сравнительно-правовой анализ 40

Орнацкая Т. А. Судебное толкование конституционных норм: опыт европейских государств 45

Солонченко А. Д. Проблемы конституционно-правового развития славянских государств в теоретическом наследии Ф. Ф. Зигеля 51

Школьный А. М. Полицейское государство: истоки формирования концепции в политико-правовой мысли западной Европы 57

Материалы Всероссийского семинара «Применение современных информационных и телекоммуникационных технологий в раскрытии и расследовании киберпреступлений» (25 июня 2025 года) 62

Ахметвалеев А. М. Современные технологии использования визуально-оптического канала утечки информации 62

Белоусов А. Д. Целесообразность и возможность внешнего формирования психологической устойчивости граждан к дистанционному мошенничеству 68

Бондарь К. М. Использование интеллектуальных технологий в противодействии киберпреступности 74

Бондарь К. М., Броненкова Ю. В. Современные «тренды» киберпреступности 80

Воронцова Д. П. Современные угрозы информационной безопасности объектов критической информационной инфраструктуры 86

Галимова А. О. Правовое регулирование и проблемы квалификации хищения цифровых финансовых активов 91

Кантышева А. В. Использование VPN-сервиса для совершения преступлений 97

Колесникова А. Ю. Устойчивость критической информационной инфраструктуры как компонент цифрового суверенитета 103

Кудряшов А. Б., Кудряшова Н. А. Теоретические основы противодействия мошенничеству с использованием инфокоммуникационных технологий 108

Куликов Л. С., Пахомов А. К., Толпыгин А. С. Искусственный интеллект в цифровой полиции: возможности и перспективы 114

Лапшин И. О., Волков А. А. Современные алгоритмы распознавания лиц 119

Минаев В. А., Коломина А. С. Моделирование распространения дискредитирующей информации в социальных медиа 126

Минаев В. А., Эрдниев А. С. Методика оценки информационных рисков образовательной организации 133

Орлов Н. Н. Основные подходы к деанонимизации участников транзакций, применению специализированных аналитических платформ и программных комплексов для мониторинга движения цифровых активов 140

Орлов Н. Н., Куканов О. Д. Применение искусственного интеллекта в расследовании киберпреступлений 146

Рабчевский А. Н., Рабчевский Е. А. Детектирование ботов в ходе информационных атак 152

Скрипко П. Б. Решение задачи анализа сведений о соединениях абонентов мобильной связи с помощью средств и инструментов визуализации данных 156

Стручков И. С. Моделирование динамики информационного воздействия в социальных медиа 163

Толпыгин А. С. Проблемы и решения в сфере информационной защиты систем управления беспилотным транспортом 169

Фаддеев А. О., Мокшанцев А. В. Новая модель геодинамического риск-зонирования территорий в интересах служб чрезвычайного реагирования 175

Федорович В. Ю. Искусственный интеллект в решении экспертно-криминалистических задач (профилактический аспект) 181

Шешера Н. Г. Идентификация и распознавание для поддержки правоохранительной деятельности 187

Чемарёв Д. В., Легоцкий В. Н. Опыт применения беспилотных летательных аппаратов Управлением Министерства внутренних дел Российской Федерации по Хабаровскому краю в раскрытии и расследовании преступлений 193

Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки и практики. К 80-летию окончания Второй мировой войны (1939–1945 годы)» (3 сентября 2025 года) 197

Анисимов А. Л. Участие 52-го Сахалинского морского пограничного отряда Народного комиссариата внутренних дел в освобождении Сахалина в августе 1945 года 197

Галбадрах Б. Патриотизм монголии во время Великой Отечественной войны: исторический аспект взаимопомощи 209

Власов К. А. Помощь Союза Советских Социалистических Республик Китаю в освобождении от японских милитаристов в годы Второй мировой войны: правовые основы и реализация 213

Григорян М. А. История второй мировой войны 1939–1945 годов в произведениях искусства. Сохранение исторической памяти народа 218

Дорохов В. Ж. Организация оперативно-чекистской работы управления Народного комиссариата внутренних дел / Управления Министерства внутренних дел по Хабаровскому краю с японскими военнопленными и интернированными в 1945–1950 годах 224

Дмитриева Е. Е. Проблема отбора заданий для курсантов в условиях свободного доступа к программам искусственного интеллекта 230

Зинятова М. Н. История как особая форма мышления в понимании русских философов 234

Зинятова М. Н., Стогний А. К. Освещение вопросов Второй мировой войны на страницах современных школьных учебников истории 238

Зорина О. Р. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: виктимологическая характеристика 242

Кофтина Ю. Н., Голубцов М. О. Проблемные вопросы кадрового обеспечения следственных органов и эффективности оценки их деятельности 248

Красилова Е. В. Проблема кадрового формирования подразделений органов внутренних дел в Томской области в послевоенный период (1945–1949 годы) 254

Ковалёв Н. Н. Особенности правового регулирования деятельности поставщиков платежных услуг по противодействию несанкционированным платежным операциям в Республике Беларусь 259

Ляскина Н. В. Роль педагогического состава Юхтинской трудовой воспитательной колонии Управления Народного комиссариата внутренних дел по Хабаровскому краю в перевоспитании колонистов (1943–1945 годы) 264

Мазитов Р. Р. Сотрудничество правоохранительных органов Союза Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республики в послевоенный период в сфере подготовки кадров 271

Наурзбаева А. К. Общечеловеческие ценности личности военнослужащего в социально-философском разрезе 276

Николаев А. В. Порядок применения конфискации имущества в уголовном праве 281

Петухов В. С. Незаконное перемещение Библии под видом юридической литературы в Англию в 1526–1534 годах 286

Протодьяконова Е. А., Якушева Т. В. К вопросу об особенностях квалификации действий по уничтожению или повреждению чужого имущества 291

Рожин И. С. Деятельность российской полиции по борьбе с преступностью на территории Приамурского генерал-губернаторства в условиях военного времени (1914–1917 годы) 296

Рябцун А. П. Развитие «русской идеи» в философской концепции Ф. М. Достоевского 302

Самойлов А. Ю. Понятие взаимодействия следователя с органами дознания: задачи, цели, принципы взаимодействия 306

Серебренников И. Н. Преюдиция и административная ответственность: взаимосвязь понятий 310

Суверов Е. В. Перестройка деятельности милиции в Хабаровском крае в годы Второй мировой войны (1939–1945 годы) 314

Тарасенко Р. В. Проблемы взаимодействия следователя с органом дознания: правовой и организационный аспект 319

Трухин М. А. Борьба сотрудников Народного комиссариата внутренних дел с экономическими преступлениями в исправительно-трудовых учреждениях Кузбасса (1941–1945 годы) 324

Тумин А. Ю. Служение отечеству и ответственность за его судьбу как стратегический национальный приоритет 328

Шмаков В. Н. К вопросу о влиянии последствий Второй мировой войны 1939–1945 годов на развитие института ренты в российской правовой системе 334

Якимова З. В. Психология экстремизма и терроризма: сравнительный анализ 342

Яхимович С. Ю. Место и роль профессиональных союзов и обществ русской эмиграции в государственно-экономической модели Маньчжоу-Ди-Го (1934–1945 годы) 348

Материалы межведомственного круглого стола «Противодействие терроризму правоохранительными органами» (12 сентября 2025 года) 353

Жигульский А. А. Механизмы предупреждения и профилактики терроризма и экстремизма в системе органов внутренних дел современной России 353

Жигульский А. А., Дашинимаева В. П. Правовая основа деятельности правоохранительных органов по противодействию терроризму 358

Коревин Г. Д., Лобанов М. Д. Стратегия и тактика действий сотрудников полиции в условиях военного положения 363

Носов Д. А. Противодействие терроризму правоохранительными органами 367

Пашин А. С. Необходимость создания силового подразделения в системе внутренних дел 372

Поздняков Ю. С. Оптимизация тактики и методов обеспечения порядка в местах публичных мероприятий: анализ, рекомендации и перспективы 375

Светличный Б. А. Беспилотные летательные аппараты как средство совершения преступлений террористической направленности и проблемы противодействия 379

Свиридов В. В. Актуальные социальные негативные проявления с участием несовершеннолетних, связанные с демонстративным противоправным поведением 387

Федоричев Е. А., Диянич В. Ю. Обеспечение общественного порядка органами внутренних дел на железнодорожном, воздушном и речном видах транспорта 393

Фролов А. Н. Совершенствование боевой подготовки сотрудников органов внутренних дел как путь повышения их личной безопасности и безопасности граждан 399

Материалы внутриведомственного круглого стола «Актуальные проблемы применения мер принуждения в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» (24 октября 2025 года) 402

Бувака Н. А. Применение современных механизмов принуждения в борьбе с незаконной миграцией 402

Ганиева И. А. Актуальные проблемы применения мер пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве 410

Дряглина С. А. Привод свидетеля и потерпевшего: проблемы применения мер процессуального принуждения к лицам, не обвиняемым в совершении преступления 414

Дубовик С. А. Проблемные вопросы противодействия преступлениям, связанным с фиктивной регистрацией в Российской Федерации 417

Жданская Н. В. Меры процессуального принуждения в России и за рубежом: сравнительный анализ и поиск лучших практик 423

Картавенко У. А. Проблемы правовой регламентации домашнего ареста 429

Клименко А. К., Молчанова М. С., Бахталова И. С. Проблемы регламентации уголовно-процессуального задержания подозреваемого 432

Кузнецова К. А., Баирова А. Д. Актуальные вопросы пресечения подразделениями патрульно-постовой службы полиции правонарушений, совершаемых лицами, управляющими средствами индивидуальной мобильности в общественных местах 438

Лихолет Е. Н., Лазурина Е. Э. Административно-правовое регулирование использования цифровых технологий в деятельности органов внутренних дел 442

Лобанов М. Д. Применение мер принуждения в условиях цифровизации: новые риски и правовые барьеры для органов внутренних дел 447

Морозов А. Б., Кормина У. И. Проблема несоразмерности применения мер принуждения в деятельности полиции: критерии оценки и пути минимизации рисков 451

Мусинова М. А., Завьялов М. Э. Применение мер принуждения к пассажирам: поиск баланса между обеспечением безопасности и соблюдением прав граждан 456

Набока А. А. Совершенствование мер принуждения в деятельности органов внутренних дел: баланс эффективности и правовых гарантий 465

Наумов Е. В., Абитова Е. Ш. Особенности применения мер обеспечения в отношении несовершеннолетних правонарушителей 469

Протасова А. И. Административное принуждение: психологические барьеры и пути их преодоления 475

Рубцов А. Г., Фиалковская Е. В. Административное задержание как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: сравнительный анализ правового регулирования в Российской Федерации и Республике Беларусь 481

Теплова Е. В. Проблема применения административного наказания в отношении несовершеннолетнего 485

Турская Е. Р., Бондаренко Д. М. Вопросы деятельности правоохранительных органов по пресечению правонарушений в условиях существования параллельного импорта 489

Харитонов П. А. Физическая подготовка как условие психологической готовности сотрудника органа внутренних дел к применению мер принуждения в экстремальных условиях 494

Харитонов П. А., Коленко Р. С. Влияние уровня физической подготовки сотрудников органов внутренних дел на эффективность и правомерность применения мер принуждения на примере задержания и сопровождения 498

Шевко Н. Н., Бурдинский И. Г. Алгоритмизация оперативно-служебной деятельности патрульно-постовой службы полиции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности 503

Материалы внутриведомственного круглого стола «Проблемы деятельности полиции в современных условиях (28 октября 2025 года) 508

Абитова Е. Ш. Применение информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации при охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности 508

Агаркова А. П., Попов А. А. Анализ развития АК-47 как средства вооружения для борьбы в современных военных конфликтах 514

Богданов Е. В., Чиновников А. И. Проблема законодательного ограничения на модификацию табельного оружия 519

Бувака Н. А. Проблемы международного взаимодействия в борьбе с транснациональной преступностью 523

Бурдинский И. Г., Шевко Н. Н. Поведение потерепевшего как фактор совершения противоправного деяния 531

Жданская Н. В. Искусственный интеллект в правоохранительной деятельности: возможности, риски и границы применения 537

Кодырко У. С., Чиновников А. И. Актуальные вопросы применения огнестрельного оружия при проведении следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий сотрудниками органов внутренних дел в особых условиях 542

Михайленко О. В. Расширение полномочий транспортной полиции: необходимость включения автовокзалов и междугородних автобусов в зону ответственности 547

Мусинова М. А. Противодействие в деятельности участкового уполномоченного полиции сепаратистским, экстремистским, анархистским настроениям среди населения на административном участке 553

Симакина И. А. К вопросу применения ответственности за нарушения правил дорожного движения 561

Теплова Е. В. К вопросу дефицита доверия населения к правоохранительным органам 565

Теплова Е. В., Смельцова Е. В. Рост киберпреступности как серьезный вызов для правоохранительных органов 569

Шевко Н. Н., Бурдинский И. Г. Некоторые особенности расследования убийств 573

Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Традиции и инновации в современной науке и образовании: теория и практика» (30 октября 2025 года) 578

Акапьев В. Л., Савотченко С. Е. Возможности внедрения технологий иммерсивного обучения при подготовке кадров для правоохранительных органов 578

Антонченко В. В. Цели уголовного наказания и правовосстановительная функция уголовного права 583

Баженов А. В. Применение беспилотных летательных аппаратов в ходе осмотра места дорожно-транспортного происшествия 590

Балковая В. Г. Проблемы организации государственно-патриотического воспитания в ведомственных образовательных организациях 594

Берёза В. М. Актуализация личностно-профессионального саморазвития курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации: роль педагога в образовательном процессе 599

Бондаренко Д. М. Вопросы административной ответственности за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) 602

Бульбенко Е. С. Профессиональная коммуникативная деятельность как основа формирования личности будущего сотрудника министерства внутренних дел Российской Федерации 607

Бурдина О. В. Административная преюдиция в уголовном праве: генезис и современное состояние 612

Васильев В. Е. Некоторые страницы истории Уссурийского факультета Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И. Ф. Шилова 618

Васильева Т. А. Проблемы уголовной политики в России 622

Гарина О. В. Теория государства и права: методологический базис для правоприменительной деятельности органов внутренних дел 627

Гнездилова Е. В. Психологическая подготовка сотрудников органов внутренних дел: ключевые аспекты и практики 632

Горынин Д. В. Гиревой спорт – основа подготовки сотрудника Министерства внутренних дел в особых условиях 636

Денисова А. Ю. Погружение в аутентичную языковую среду посредством использования виртуальной реальности в обучении иностранным языкам 641

Диянич В. Ю., Романов Р. В. Современный подход к физической и огневой подготовке сотрудников органов внутренних дел для решения задач в особых условиях 646

Добрынин Д. А. К вопросу об уголовно-процессуальных аспектах избрания иной меры процессуального принуждения в виде приостановления операций с денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи 651

Дорохов В. Ж. 1917 год. Пять министров, два наркома. От Министерства внутренних дел Российской империи к Народному комиссариату внутренних дел Советской России 656

Дробязко Д. Г. Особенности профессионального выгорания сотрудников органов внутренних дел 661

Дудченко Л. В. Особенности проявления правового нигилизма в служебной деятельности сотрудников Госавтоинспекции 667

Екимов В. А. Использование современных технологий на занятиях по огневой подготовке 674

Емельянова О. А. О дискурсах по вопросам высшего образования для сотрудников полиции в России и других странах 677

Ермоленко Д. А. О новом концептуальном подходе к физической подготовке сотрудников полиции, занимающих должности профессорско-преподавательского состава 684

Жихорева Р. Е. , Нацибулина М. В. Организация работы сотрудников полиции при дорожно-транспортных происшествиях в чрезвычайных ситуациях 688

Жихорева Р. Е., Шерпаков Р. А. Становление и развитие киберполиции в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации 692

Загвоздкин Н. Н. Образовательные организации системы Министерства внутренних дел Российской Федерации: перемен требуют наши сердца 697

Землякова Е. В. Организация выявления и раскрытия хищений бюджетных средств, выделенных на реализацию материнского (семейного) капитала (на примере материалов Управления экономической безопасности и противодействия коррупции управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Приморскому краю) 704

Калимуллина А. Ф. Особенности применения искусственного интеллекта в образовании 711

Климова О. М., Давыдовская М. В. От розыска к следствию: роль «майорских канцелярий» в досудебном производстве Российской империи 714

Клочков Р. В. Изучение одной из базовых тем боевого раздела с курсантами методом расчлененного упражнения 723

Королева Е. Г., Артюшкина Д. А. Обеспечение законности при применении сотрудниками полиции мер административного принуждения при охране общественного порядка 727

Королева Е. Г., Селифонтов Я. Е. Влияние специальной военной операции на деятельность национальных диаспор 733

Королёва Э. В. Физиогномика в контексте правоохранительной деятельности: исторический опыт и современные дискуссии 739

Кортиков А. В. Подготовка кадров для органов внутренних дел: исторический этап и современность 744

Коршикова Е. О. Профилактика рецидивов преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: сравнительно-правовой анализ (опыт Соединенных Штатов Америки) 749

Кукина Т. Е. Исторический опыт законодательного нормотворчества, регулирующего подготовку кадров для органов внутренних дел, на примере статьи 81 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» 756

Кулицкая Л. И. Правовая природа института брака в Российской Федерации: регистрация, венчание, фактические брачные отношения 761

Кулицкая Л. И., Галан Т. Н. Актуальные проблемы правоприменительной практики по гражданским делам коррупционной направленности в сфере экономики 766

Литвиненко А. Г. Обучение сотрудников полиции огневой подготовке и работе в особых условиях 771

Лим М. Д. Участие органов Народного комиссариата внутренних дел в мобилизационной подготовке Хабаровского края в годы Великой Отечественной войны 775

Литвин Д. В. Особенности среды инновационной профессионально-педагогической деятельности в специальной подготовке сотрудников органов внутренних дел 780

Лобанов М. Д. Анализ актуальных проблем деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в особых условиях 785
Лукьянова Ю. И. Проблемы построения правового государства в Российской Федерации 790
Луценко В. Е. Особенности обучения основам русского жестового языка сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации 796
Миронова А. В., **Мандрыка Ю. С.** Изучение личностных и профессиональных качеств следователя через образ, созданный в отечественном кинематографе 802
Молоков Е. С. Дисциплинарный устав органов внутренних дел как нормативный кодекс служебной дисциплины 808
Морозова А. А. Коммуникативный компонент профессиональной компетентности сотрудника органов внутренних дел 812
Овчинников Ю. Г. Порядок избрания заключения под стражу в свете измененииий в феврале 2025 года 816
Пестова Е. В. Обучение аудированию как средство интегративного формирования иноязычной компетенции на занятиях по иностранному языку в образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации 822
Поддубная Н. Н. Обучение изучающему чтению на занятиях по немецкому языку в неязыковом вузе 826
Поздняков Ю. С. Методика управления стрессовыми состояниями перед выстрелом из огнестрельного оружия 831
Порываева П. С. Компетентность судебного эксперта как условие реализации принципа объективности судебно-экспертной деятельности 835
Прокофьева Е. В., **Мерзликин Р. А.** Анализ практического опыта использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с убийством 839
Пушкарев М. Е. Развитие психологической устойчивости курсантов за счет проведения занятий по огневой подготовке в особых условиях 844
Пушкарева Д. Г. Крайняя необходимость: условия правомерности, соотношение причиненного и предотвращенного вреда 849
Рожин И. С. Освещение правоохранительной работы полиции в городе Никольск-Уссурийском на страницах дальневосточной печати (1914 год) 854

Романков А. Н., Попов Н. А. О предмете преступления, предусмотренного статьей 173.3 Уголовного кодекса Российской Федерации 858

Рыжков Д. А. Механизм воздействия ключевой ставки на налоговые правоотношения 864

Савичева И. А. Цифровая нейропедагогика в современном образовании 869

Севостьянова С. О. Трансформация образовательного процесса в ведомственных образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации 873

Солнышкин Д. Б. Разработка и внедрение аналогов CRM-систем в кадровые подразделения Министерства внутренних дел Российской Федерации с целью оптимизации процесса комплектования 877

Спильная В. А. Уголовная ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах 884

Старова Е. В. Инновационные подходы в обучении иностранному языку с учетом профессиональной специфики 888

Тищенко А. И. Стрельба в условиях ограниченной видимости 893

Томас А. В. Правильное питание как ключевой фактор здорового образа жизни участкового уполномоченного полиции 897

Файрушина М. З. Обучение сотрудников органов внутренних дел основам морально-психологической подготовки 900

Федякова О. Е. Статья 267^1 Уголовного кодекса Российской Федерации как новый инструмент противодействия угрозам на транспорте: проблемы правоприменения и пути их решения 906

Шадрина А. Н. Становление и развитие конституционно-правового регулирования экологических обязанностей граждан 917

Шевченко А. А. Сеть Интернет как средство вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений 923

Шелеметьева Е. В. Теоретические основы гражданского общества: сущность и исторический аспект 927

Шилова Е. С. Реализация лингвопрагматического принципа в процессе обучения грамматике иностранного языка 933

Шнейдер Л. Г. Актуальные проблемы подразделений по делам несовершеннолетних на современном этапе и пути их решения 937

Шушина Е. В. К вопросу о способах обеспечения исполнения постановлений о назначении административного штрафа..... 943

Яцуценко И. В. Криминалистическая характеристика преступлений против жизни..... 948

Материалы Всероссийского круглого стола «Актуальные проблемы психологии и педагогики в деятельности сотрудников органов внутренних дел» (20 ноября 2025 года) 954

Берёза В. М. Педагогическое содействие личностно-профессиональному саморазвитию курсантов образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации..... 954

Галкина Н. Ю. Исследование жизненных приоритетов современной молодежи 958

Дробязко Д. Г. Сущность педагогического мастерства преподавателя. Слагаемые педагогического мастерства: профессионально-педагогические знания, педагогический опыт, личностные качества 963

Козловская О. П. Профильная подготовка обучающихся Санкт-Петербургского суворовского военного училища Министерства внутренних дел Российской Федерации как будущих сотрудников подразделений органов внутренних дел, специализирующихся на предотвращении, выявлении, расследовании и раскрытии IT-преступлений: опыт, проблемы, перспективы..... 968

Мансурова З. Р., Михайлова В. В. Сайты личностного развития, применяемые для формирования гармоничной личности и приемов антикоррупционного поведения 975

Марьина Т. А. Специфика методов коллективного и индивидуального воспитания..... 979

Марьина Т. А., Иванова А. А. Профайлинг как инструмент прочтения преступника 984

Морозова А. А. Учебно-педагогическое сотрудничество и общение в образовательном процессе..... 988

Никольская И. Ю. Моральный выбор в условиях властных полномочий: психологические аспекты профессиональной этики сотрудника полиции 993

Никольская И. Ю., Рощектаева К. В. Интеграция психологии управления и учет личностных особенностей обучающихся в образовательном процессе ведомственных вузов 998

Плетнев Е. А., Паздников Д. В. Современные требования к работе с личным составом и психологические особенности профессионального общения в системе органов внутренних дел Российской Федерации 1005

Плетнев Е. А., Соболева Д. Е. О мотивах поступления молодых людей в образовательные организации системы Министерства внутренних дел Российской Федерации 1011

Покотиленко Н. А. Психологическое благополучие сотрудников органов внутренних дел 1016

Прокопцева Н. В., Писаренко А. С. Стресс как фактор результативности учебной деятельности курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации ... 1022

Халитов О. Ф. Цифровая трансформация правоохранительной системы: психологические и педагогические вызовы 1028

Чернобродов Е. Р. Психологическая безопасность личности в информационном пространстве 1033

Материалы Международной научно-методической конференции «Теоретические и прикладные аспекты современного лингвистического образования в условиях неязыкового вуза» (21 ноября 2025 года) 1037

Кожина Ю. Г., Лю Юньхун. Практикоориентированный аспект изучения русского и китайского языков слушателями полицейских вузов России и Китая 1037

Меркулова М. В., Сун Линьюй. Диалог как педагогический прием при обучении чтению на занятиях по китайскомуязыку 1044

Акенина А. В. К вопросу о цели и результатах обучения иностранному языку в адъюнктуре 1054

Алферова Ю. И. Совершенствование навыков перевода и активизация в речи сложных грамматических явлений английского юридического дискурса в учебном процессе образовательной организации Министерства внутренних дел Российской Федерации 1061

Аринина М. В. Видеоматериалы в обучении иностранному языку в сфере правоохранительной деятельности 1066

Барсукова Н. В. Использование некоторых инструментов искусственного интеллекта в преподавании иностранных языков 1072

Гнездилова Е. В. Кросс-культурное взаимодействие как ключевой аспект обучения иностранному языку в неязыковых вузах 1076

Гордиенко В. А. Об эквивалентности некоторых английских и русских юридических терминов 1081

Евдокимова М. Г. Обучение иноязычной коммуникации через опорные схемы и символы 1087

Землякова Т. А. Значение технологии персонализации обучения в ходе иноязычной подготовки сотрудников полиции 1093

Калашникова С. В. Культурные аспекты юридического перевода 1099

Калимуллина А. Ф. Особенности обучения специальной лексике сотрудников полиции 1103

Кожина Ю. Г. Практика изучения дисциплины «Русский язык в профессиональной деятельности» на билингвальной основе 1106

Кравчук Л. С. О формировании межкультурной коммуникации полицейских при изучении иностранного языка 1112

Крадожён-Мазурова Е. М. Некоторые приемы обучения иностранных слушателей по теме «Имя числительное» 1116

Кузнецова Н. В. Системный подход к изучению юридической терминологии на занятиях по русскому как иностранному 1121

Кузнецова Н. В. Проблемы изучения английского языка в духовной семинарии 1126

Кунина М. Н., Федорова Т. В. Специфика преподавания иностранного языка в образовательной организации системы Министерства внутренних дел 1132

Лукашёва Н. Ю. Психологические основы развития профессиональной рефлексии у курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации 1140

Малиновская Т. Н. Личностно ориентированный подход при обучении иностранному языку на факультете заочного обучения в образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации 1145

Маркова О. В. Уникальность гуманитарного образования в Китае и его отражение в классической прозе 1149

Меркулова М. В. Межкультурная коммуникация на занятиях по китайскому языку с использованием эмпирического метода как способ инкультурации курсантов 1155

Музыка Ю. В. Лингвистический анализ юридического выражения Non bis in idem в контексте правовой терминологии 1160

Мухина М. Д. К вопросу об использовании игровых технологий при обучении иностранному языку 1165

Орлова Н. М. Применение некоторых способов усвоения иноязычной лексики на занятиях по иностранному языку в Дальневосточном юридическом институте Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И. Ф. Шилова 1169

Павлова Г. Б. Дидактический потенциал реферирования в контексте преподавания иностранного языка 1175

Павлова Я. А. Концепт «Честь» в русско- и англоязычной лингвокультурах 1179

Поддубная Н. Н. Реализация принципов личностно ориентированного подхода в процессе обучения иностранному языку 1185

Селиверстова О. В. Дидактико-методические основы обучения иностранному языку в юридическом институте Министерства внутренних дел Российской Федерации 1189

Скоринова Ю. А. Предупреждении пунктуационных ошибок при редактировании документов 1197

Соломенко Н. И. Семантико-стилистические особенности мотивационно-вдохновляющих интернет-постеров 1204

Стрелкова Е. Ю. Особенности перевода квазиреалий художественного текста 1211

Ступина О. А. Социокультурный аспект в обучении иностранным языкам 1215

Цируль О. В. Некоторые аспекты современного языкового образования: теория и практика 1220

Шлома В. А. О практике работы центра подготовки международных полицейских Организации Объединенных Наций в Косово по определению уровня подготовленности кандидатов из числа полицейских (государств – членов Организации Объединенных Наций) по английскому языку для участия в миротворческих операциях Организации Объединенных Наций.....1226

Материалы Всероссийского круглого стола «Современная коррупция: эффективность уголовно-правового воздействия» (25 ноября 2025 года) 1234

Бурдина О. В. Некоторые особенности криминологической характеристики личности преступника, совершающего коррупционные преступления в современных реалиях.....1234

Галкин Д. В. Об уголовной ответственности за коррупционные нарушения в сфере государственных закупок.....1240

Киселёв Е. А. Детерминанты преступлений коррупционной направленности 1245

Ковальчук О. В. Коррупция в сфере государственных закупок..... 1250

Кошкина В. В. Анализ комплекса детерминант, способствующих взяточничеству как коррупционному преступлению..... 1256

Осипова Т. В. Причины и основания возвращения уголовных дел коррупционной направленности в порядке статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в 2024 году: принятие мер и организация процессуального контроля.....1261

Пинтсон А. Н. Борьба с коррупцией в Российской Федерации и перспективы повышения ее эффективности 1267

Подгорная Н. В. Наиболее эффективные стратегии противодействия коррупции: обзор зарубежного опыта 1276

Редкоус В. М. К вопросу о непрерывном повышении уровня знаний населения и государственных служащих в сфере противодействия коррупции (опыт Стран Содружества Независимых Государств)..... 1281

Уварова Н. В. Особенности построения норм об ответственности за взяточничество по уголовному законодательству Дании.....1288

Якушева Т. В. Коррупция как ключевой детерминант организованной преступности 1292

Материалы научно-практической конференции «Развитие, совершенствование электронной информационно-образовательной среды и управление ею в условиях цифровой трансформации образовательной деятельности» (27 ноября 2025 года) 1296

Алешина-Алексеева Е. Н., Шутова Ю. А. Использование искусственного интеллекта как ассистента в рамках учебного занятия 1296

Бондарь К. М. Имитационное моделирование проектов противодействия криминальным угрозам в профессиональном учебном процессе.....1301

Боюр А. В. Развитие, совершенствование электронной информационно-образовательной среды и управление ею в условиях подготовки специалистов 1306

Боюр А. В., Ганишева П. А. Электронные образовательные системы как инструмент повышения квалификации в контексте управления отделами информационных технологий, связи и защиты информации Министерства внутренних дел Российской Федерации.....1312

Бутов В. В. Электронная информационно-образовательная среда как способ обучения сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации по физической подготовке 1318

Гилев И. В. Экспериментальная установка на базе HackRF One для моделирования деструктивных воздействий на системы радиосвязи специального назначения.....1322

Джурук Д. С. Проблемы и инновации в образовании системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в эпоху информационных технологий 1327

Канавин С. В. Цифровая трансформация образовательной деятельности и ее влияние на подготовку технических специалистов для центров информационных технологий, связи и защиты информации Министерства внутренних дел Российской Федерации 1332

Кубасов И. А. Применение искусственного интеллекта в роли учебного ассистента в современных образовательных организациях....1337

Орлов Н. Н., Борисова Е. М. От цифровизации к цифровой зрелости: стратегии развития электронной информационно-образовательной среды.....1341

Рыбак А. В., Применение типовой технологии системного анализа при разработке курсов электронного обучения.....1347

Суханова С. Г., **Старченко П. Ю.**, **Коваль И. В.** Цифровая образовательная среда в Хабаровском институте инфокоммуникаций: кейсы практического применения.....1353

Уманцева О. О. Технологии искусственного интеллекта и машинного обучения в управлении электронной информационно-образовательной средой.....1360

Чемарев Д. В. Применение анализа больших данных метеорологической обстановки в районе города Хабаровска для планирования подготовки и применения беспилотных летательных аппаратов..... 1365

Шешера Н. Г. Цифровая трансформация и служебная идентичность в системе высшего образования Министерства внутренних дел Российской Федерации 1372

Ярмак К. В. Актуальные вопросы функционирования систем автоматизации образовательного процесса в ведомственном вузе.....1377

Материалы Всероссийского круглого стола «Актуальные вопросы уголовного судопроизводства (памяти Э. И. Воронина)» (28 ноября 2025 года) 1383

Буянкина Е. В. Проблемы предотвращения преступлений средствами криминалистики 1383

Васильева Т. А. К вопросу об эффективности международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в борьбе с киберпреступлениями в условиях санкционного воздействия на Российскую Федерацию.....1389

Голубева О. А., **Загайнова Ю. В.** Правовой статус свидетеля и его защита в уголовном судопроизводстве.....1394

Димидов Д. С. Мошенничество с использованием информационно-коммуникационных технологий как угроза национальной безопасности: уголовно-правовой аспект 1399

Добрынин Д. А. К вопросу об уголовно-процессуальных возможностях производства некоторых следственных действий с участием лиц, проходящих военную службу в зоне проведения специальной военной операции 1407

Жарикова А. Д. Использование искусственного интеллекта в расследовании преступлений, связанных с использованием криптовалют 1413

Жердев П. А. Некоторые особенности использования технологии OSINT в качестве инструмента противодействия киберпреступности в Российской Федерации..... 1418

Жердев П. А., Клюзова Е. Р., Обоскалова Н. М. Современные возможности использования экспертно-криминалистических учетов в деятельности органов внутренних дел..... 1423

Загайнова Ю. В., Голубева О. А. Особенности правового статуса и защита интересов несовершеннолетних как участников уголовного процесса 1430

Колосова Л. В. Тактические аспекты разоблачения ложного алиби при расследовании преступлений..... 1434

Мазур Л. Г., Мерецкий Н. Е. Криминалистические способы предупреждения хищения дизельного топлива из железнодорожного подвижного состава..... 1439

Марусенко Т. В., Клименко А. А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: эффективность применения и проблемы взаимодействия сторон 1444

Осипова Т. В. Осуществление процессуального контроля по уголовным делам о врачебных ошибках..... 1450

Потюпина А. В., Колосова Л. В. Актуальные проблемы, возникающие при отборе образцов для сравнительного исследования в ходе назначения судебной портретной экспертизы..... 1454

Тарасенко Р. В. Электронные доказательства в уголовном процессе: проблемы допустимости и оценки..... 1459

Трубчик И. С. Организация процессуального контроля за проведением доследственных проверок и расследованием уголовных дел о преступлениях, связанных с травматизмом на производстве 1465

Чепик М. М. К вопросу о применении технических средств в уголовном судопроизводстве.....1469

Чепик М. М., Воронецкий А. А. Современное состояние института сокращенного дознания: проблемы и перспективы.....1475

Материалы Всероссийского круглого стола «Проблемы обеспечения общественного порядка и общественной безопасности в современных условиях» (12 декабря 2025 года) 1480

Абитова Е. Ш. Цифровая трансформация систем обеспечения общественного порядка и безопасности: инновационные технологии, межведомственное взаимодействие и роль гражданского общества 1480

Бондаренко Д. М. К вопросу о множественности административных правонарушений 1486

Бурдинский И. Г. Проблемы правовой оценки признаков систематических сексуальных отношений, направленных на получение выгоды 1490

Грачева Н. Г. Интеграция сетевого взаимодействия в систему подготовки кадров как фактор обеспечения общественного порядка и безопасности в условиях цифровизации.....1496

Карягин Р. С. К вопросу о деятельности участковых уполномоченных полиции по предупреждению и пресечению административных правонарушений на административном участке 1499

Лихолет Е. Н., Ленкова Д. Д. Проблемы реализации административного надзора за лицами, условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы в период проведения специальной военной операции 1507

Лихолет Е. Н., Усатинова А. В. Использование социальных сетей и мессенджеров с целью распространения информации экстремистского характера: проблемы и возможные пути их решения.....1512

Молоков Е. С. Механизм учета дисциплинарных проступков сотрудников полиции в условиях ограниченной инициативы гражданского общества: баланс между прозрачностью и доверием.....1516

Никитин А. И. Некоторые проблемы и пути их решения при использовании беспилотных летательных аппаратов подразделениями Министерства внутренних дел Российской Федерации для обеспечения общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий.....1520

Пономарева О. М. Административный надзор как мера предупреждения совершения правонарушений 1525

Симакина И. А. К вопросу об ответственности за повторное управление транспортными средствами лиц, лишенных права управления 1529

Материалы Всероссийской конференции «Вехи российского конституционализма» (15 мая 2025 года)

УДК 342.4

КОНСТИТУЦИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (НАЦИИ)

***К. А. Власов**, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук, доцент*

В статье говорится о том, что норма в России создает правовые формулы ценностей, связывая духовное и нравственное развитие с философией страны. Ценностное содержание Конституции 1993 г. не является либеральным, а скорее является неким ДНК национальной идеи, проявлением культурного, цивилизационного кода нашего многонационального народа, утверждая принципы свободы личности и социальной ответственности, определяя комплекс базовых и незыблемых ценностей.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, государство, нормы, ценности, духовно-нравственное единство, правопреемство.

THE CONSTITUTION AS A REFLECTION OF THE BASIC VALUES OF RUSSIAN SOCIETY (NATION)

***K. A. Vlasov**, head of the Department of State and Legal Disciplines Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

The article says that the norm in Russia creates legal formulas of values, linking spiritual and moral development with the philosophy of

the country. The value content of the 1993 Constitution is not liberal, but rather is a kind of DNA of the national idea, a manifestation of the cultural, civilizational code of our multinational people, affirming the principles of individual freedom and social responsibility, defining a set of basic and unshakable values.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, state, norms, values, spiritual and moral unity, succession.

Духовные и нравственные ценности России, коренящиеся в ее культурном наследии, имеют решающее значение для развития общества. Каждая нация развивает свои собственные ценности, часто уникальные, но с течением времени они трансформируются, изменяются, подменяются под воздействием различных детерминант. Наша российская цивилизация стремится противостоять внешним и внутренним факторам, негативно влияющим на изменение нашего культурного кода, что напрямую и явно раздражает другие нации, особенно западного типа мышления и это проявляется в тех заявлениях и ситуациях, которые происходят в не только в последнее время, а на протяжении всего существования нашего государства. На сегодняшний день проблема сохранения духовности стоит как никогда остро, поскольку духовные и нравственные ценности формируют личности молодых людей, каждого нового поколения. Эти ценности представляют собой изменчивые социальные ожидания, жизненно важные для понимания трансформаций современной России в условиях модернизации.

Формирование духовно-нравственных ценностей проистекает из нравственного сознания, самореализации, самообразования и принципов нравственности. Эти ценности указывают на уровень общественного развития и отражаются в сознании, интеллектуальном производстве и социальной реальности.

Актуальность духовности в современном обществе велика в связи с кризисом социальной жизни. В этой статье излагаются пять принципов воспроизведения духовных ценностей: гуманизация, независимое мышление, редукция, эмоциональный опыт и универсальная идентификация. Эти принципы коренятся в моральной основе верховенства закона, поощряющего гуманизм, справедливость, равенство, свободу и достоинство.

В ст. 67.1 Конституции России подчеркивается правопреемственность России от СССР и его наследия, подчеркивается уникальность российской цивилизации. В ней также подчеркивается патриотизм, почитание памяти защитников и защита исторической правды, а также запрещается принижать подвиг народа при защите Отечества. Государство стремится создать условия для воспитания у детей патриотизма, гражданственности и уважения к старшим.

Следующим важным положением, закрепляющим основы национальной идеи, является п. 4 ст. 68 Конституции РФ, где производится отсылка к культуре

России, как «уникального наследия ее многонационального народа», подчеркивается обязанность государства ее охранять.

Статья 75.1 направлена на создание условий для устойчивого экономического роста, повышение благосостояния граждан, обеспечение взаимного доверия, достоинства и уважения между государством и обществом, а также сбалансированности прав и обязанностей личности, содействие социальной и экономической солидарности.

Немаловажное значение имеет новая редакции ст. 69 Конституции РФ в части указания на то, что не подлежат исполнению решения межгосударственных органов, которые в их истолковании, противоречат Конституции РФ, что явно направлено на обеспечение суверенитета Российской Федерации, его полноте и неограниченности. Таким образом, введен конституционный механизм защиты национального суверенитета и отечественной правовой системы.

Включение вышеперечисленных положений в Конституцию РФ в 2020 г. положило начало концептуального и нормативного оформления новой национальной идеи российского государства.

Российское общество руководствуется принципами демократии, справедливости и прав личности, а духовное насыщение влияет на нравственную зрелость. Традиционные ценности основаны на духовных и нравственных ценностях, сформированных глобализацией, и в обществе распространяется нищета духа. Российские культурные ценности трансформируются, влияя на менталитет и поведение, а духовные ценности формируют ядро ментальных конструктов, определяющих мировоззрение и идентичность. Традиционные российские ценности включают жизнь, здоровье, права человека, достоинство, равенство, законность, справедливость, собственность, конкуренцию, свободу совести и светское государство.

Конституции постсоциалистических стран, включая Россию, подчеркивают права человека и общечеловеческие духовные и нравственные ценности, такие как защита чести, достоинства и репутации. Например, Конституция Болгарии гарантирует свободу совести и вероисповедания, в то время как Конституция Македонии провозглашает физическую и моральную неприкосновенность личности неприкосновенной. Другие конституции, такие как Чешская и Словацкая, допускают ограничения прав на общественную безопасность, здоровье, нравственность и права и свободы других лиц. Российская Конституция говорит о вере в добро и справедливость, а польская – гарантирует родителям право на нравственное воспитание детей в соответствии с их убеждениями [4, с. 45].

В XXI в. конституционные ценности не могут быть произвольными суждениями. Они не могут оправдывать дискриминационное или бесчеловечное обращение. Конституционные ценности основаны на общей системе взглядов. В них проводится различие между моральными ценностями в законе и правом как

моральной ценностью. Переоценка предполагает уравновешивание ожиданий общества, включая понимание, консенсус и конформизм, с замешательством, несогласием и девиантностью.

Российская Конституция [1] защищает нравственность как охраняемую ценность, что является важной целью законодательного ограничения. Конституции, как правообразующие правовые документы, в первую очередь устанавливают фундаментальные принципы и правила, но также отражают нормативные этические ценности, формирующие политическую и правовую систему страны, как это видно из Конституции Индии.

Устанавливая примат права, Конституция обязывает всех людей соблюдать Конституцию и законы, являющиеся ее прямым продолжением, уважать права, свободы и ценности других людей, вне зависимости от каких-либо признаков. Правосознание и культура имеют решающее значение в обществе, и они укрепляются с помощью образования и окружающей среды [3, С. 28].

Конституция устанавливает принципиальные основы государства, его цели, задачи и функции, обеспечивающие устойчивое развитие, национальное единство, права и обязанности граждан, социальную структуру и основу общества, определяя значение семьи, детства, отцовства и материнства как стержневые понятия. Конституция определяет структуру государства, органы власти и права граждан, а также основы взаимоотношений между гражданами, государством и обществом, обеспеченные правовым балансом интересов.

9 ноября 2022 г. Президент России подписал Указ № 809, определяющий основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Это важный шаг в государственно-правовом развитии России, интеграции социокультурной и цивилизационной идентичности [2].

В документе определены выработанные веками традиционные ценности и их составляющие в нашем понимании. Вместе с тем права и свободы человека, закрепленные, например, во французской декларации, являются ключевой частью современного законодательства в таких демократических странах, как и Российская Федерация.

Можно, конечно отметить, что интерпретация конституционных положений с точки зрения духовно-нравственных ценностей может быть неоднозначной и зависеть от идеологических установок. Конституция не содержит явного списка «правильных» ценностей, а скорее закрепляет фундаментальные принципы, которые могут служить основой для развития духовно-нравственной сферы общества.

Российские ценности включают в себя права и свободы, закрепленные в Конституции, но их описание как «традиционных российских духовных и нравственных ценностей» меняет их гуманистическую природу, превращая

их в нечто иное, чем права личности. Данное обстоятельство свидетельствует об истинном проявлении в нашем государстве его социальной и общечеловеческой природы.

Не смотря на то, что Конституция РФ не содержит прямых механизмов сохранения и распространения перечисленных духовно-нравственных ценностей. Ее основная функция – гарантировать права и свободы граждан, создавая правовую основу для их реализации. Однако, косвенно, некоторые статьи и принципы создают условия, которые могут способствовать сохранению и укреплению этих ценностей.

Например, Конституция гарантирует право на образование (ст. 43). Система образования, должна формировать у граждан уважение к правам человека, справедливости, патриотизму и другим ценностям. Однако, можно задаться вопросом о том, каким образом эти ценности будут преподаваться и интерпретироваться в зависимости от конкретных образовательных программ и методик, которые не полностью регулируются самой Конституцией. Но прямое действие Конституции проявляется в действующем законодательстве в сфере образования, определяя единый стандартизированный подход к образовательному процессу. В качестве примера можно привести введение новой обязательной учебной дисциплины «Уроки о важном», «Основы российской государственности», изменение к подхода к преподаванию отечественной истории. Упоминание о признании института гражданского общества. Конституция гарантирует свободу собраний, объединений и других форм гражданской активности. Развитое гражданское общество может способствовать формированию и распространению духовно-нравственных ценностей через общественные организации, НКО и инициативы, и другие.

Важно понимать, что эти механизмы не являются специально созданными для распространения конкретных ценностей, а скорее предназначены для создания условий для их свободного развития и реализации в рамках закона. Однако и их эффективность зависит от многих факторов, включая политическую волю, социальный контекст и общественное мнение. Конституция сама по себе не гарантирует автоматического сохранения и распространения этих ценностей; это сложная многогранная задача, решение которой требует участия всех слоев и членов общества.

В современном мире растущих духовных угроз и морального разложения крайне важно развивать духовный иммунитет, нравственные качества и использовать духовное наследие восточной философии для достижения универсальных критериев личностного роста. Возможно, потребуется переоценка ценностей, замедление внедрения новых цивилизационных ценностей и переосмысление принципов существования различных культур и наций. Культура жизни, поощ-

ряющая ненасильственное сосуществование с природой, должна стать основой для морального выбора в глобализированном мире.

Рост национального самосознания среди разнообразного населения России привел к стремлению возродить традиционные духовные и нравственные нормы. Это влияет на мировоззрение людей всех национальностей. Нынешний международный политический климат ставит во главу угла поддержку всех народов и возрождение духовных ценностей и традиций, которые служат культурной основой общества. Эти ценности имеют решающее значение для решения наиболее важных традиционных задач.

Закрепленные в российской Конституции духовные и нравственные нормы, свободы, братство, равенство и социальная справедливость привели к укреплению демократии. Эти ценности укрепили этическое видение демократии, повысив ее стабильность, несмотря на вызовы.

Духовные и нравственные ценности – это социально одобряемые, передаваемые и личностно значимые нормы, регулирующие поведение человека. Они отражаются на культурном образе жизни, образовательных отношениях и прогрессе общества. Для обеспечения жизнеспособности ценности должны соответствовать жизненным ценностям молодого поколения и общему развитию общества.

Конституция России 1993 г. была разработана группой авторов, в которой ценности в значительной степени заменили дискуссии об институциональных системах. В трудах С. С. Алексеева и А. А. Собчака были сформулированы фундаментальные ценностные положения, направленные на создание конституции человека, ставящей во главу угла человеческое достоинство и неотъемлемые права. Проект предусматривал строгие правовые рамки, ограничения государственной власти и основных прав человека. Собчак проводил различие между естественными и неотъемлемыми правами и социальными правами, подчеркивая важность сохранения экономической свободы. Однако окончательный проект, одобренный Конституционной конференцией, сохранил сильную позицию президента и не содержал существенных изменений в институциональной системе, что отличалось от первоначального проекта, основанного на ценностях [5, с. 138].

Конституция РФ характеризуется внутренними несоответствиями и противоречиями, приводящими к разнообразному толкованию. Конституционный текст неоднороден, содержит конкурирующие принципы и ценности, что затрудняет определение четкого ценностного ядра. В преамбуле отражены как либеральные, так и общечеловеческие ценности, а также социальная солидарность, а статья 1 провозглашает Россию демократическим и федеративным государством, в то время как статья 7 определяет ее как социальное государство. Эта непоследовательность создает возможности для формирования содержания Конституции на основе практики, а не четкого смысла.

Конституция 1993 г. в России не могла быть написана с нуля из-за конституционной инерции, традиций и преемственности. На нее должно было повлиять наследие советских конституций, которые ставили во главу угла коллективизм, марксизм и доминирование экономики над политикой и правом. Положения российской Конституции демонстрируют текстуальное сходство с советской Конституцией, такие как важность социальных прав, доминирование государственной власти и патернализм. Эти сходства можно увидеть в таких положениях, как право на труд, социальные права и обязанность соблюдать Конституцию и законы. Наследие советских конституций оказало значительное влияние на то, как интерпретируется и применяется российская Конституция. Конституционный суд России ставит общественные интересы выше прав личности, часто устанавливая баланс между правами и общественными ценностями.

Идея об исключительно либеральной концепции российской Конституции не имеет под собой достаточных оснований. Ценностная основа Конституции отражает противоречивые посылы, вытекающие из ее исторического принятия, уравновешивая социальную солидарность и либеральный конституционализм. Этот компромисс привел к созданию сложного документа с различными принципами, но при этом более чем 30-летняя история действия Конституции подтверждает ее способность объединять, сохранять и защищать права и свободы граждан, обеспечивать интересы общества и государства, при соблюдении известного баланса, оберегать сгенерированные веками ценности нашего народа.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с изм. одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Прокошева Е. А. К вопросу о формулировке национальной идеи в проекте Указа Президента Рос. Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. № 3.
3. Саудаханов М. В. Духовно-нравственные права и свободы человека и их роль в укреплении межнационального и межконфессионального согласия в России: конституционно-правовой анализ // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 4.
4. Овчинникова А. И. Традиционные духовно-нравственные ценности как основа категории «публичной порядок» в современном правовом регулировании // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. № 4.
5. Галяшина Е. И., Богатырев К. М. Понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» в контексте обеспечения медиабезопасности в интернет-среде // Lex Russica. 2022. № 10.

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

***Т. К. Гаджиев**, аспирант факультета подготовки кадров высшей квалификации Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева*

В статье рассматриваются конституционно-правовые основы охраны памятников истории и культуры в России и Санкт-Петербурге. Особое внимание уделяется правам граждан на доступ к культурным ценностям и обязанностям государства по сохранению культурного наследия. Осуществлен анализ судебной практики по вопросам охраны памятников истории и культуры в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, охрана памятников истории и культуры, права и обязанности в области охраны культурного наследия, доступ к культурным ценностям, законы Санкт-Петербурга, охрана памятников истории и культуры в Санкт-Петербурге, зона охраны объектов культурного наследия, охрана объектов культурного наследия в многоквартирных домах.

THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE PROTECTION OF HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS IN ST. PETERSBURG

***T. K. Gadzhiev**, postgraduate student of the faculty of higher professional training* Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation General of the Army E. N. Zinichev

The article examines the constitutional and legal foundations of the protection of historical and cultural monuments in Russia and St. Petersburg. Special attention is paid to the rights of citizens to access cultural values and the obligations of the state to preserve cultural heritage. The article analyzes the judicial practice on the protection of historical and cultural monuments in St. Petersburg.

Keywords: cultural heritage sites, protection of historical and cultural monuments, rights and obligations in the field of cultural heritage protection, access to cultural values, laws of St. Petersburg, protection of historical and cultural monuments in St. Petersburg, protection zone of cultural heritage sites, protection of cultural heritage sites in apartment buildings.

Конституционно-правовые основы охраны памятников истории и культуры в Российской Федерации и в Санкт-Петербурге являются неотъемлемой частью правового регулирования в сфере охраны культурного наследия, важным элементом культурной политики государства [5], средством сохранения духовно-нравственных ценностей [7; 8; 9]. Эти основы связаны с рядом норм Конституции Российской Федерации, которые закрепляют основные права граждан, а также обязанности государственных органов и органов местного самоуправления в области сохранения и охраны историко-культурных объектов. Рассмотрим подробно эти основы с точки зрения их правового значения, как в общероссийском контексте, так и применительно к законодательству Санкт-Петербурга.

Одной из важнейших норм Конституции Российской Федерации, касающихся охраны культурных ценностей, является ст. 44, в которой закрепляются «культурные права граждан, включая право на участие в культурной жизни, на пользование учреждениями культуры и на доступ к культурным ценностям» [8]. Это право является не только индивидуальным, но и коллективным, так как участие в культурной жизни общества и государства является основой формирования и поддержания культурной самобытности. Закрепленное в ст. 44 право на доступ к культурным ценностям тесно связано с возможностью получения и распространения информации о таких ценностях, что способствует их сохранению и популяризации. Конституция Российской Федерации признает право граждан на участие в культурной жизни как важнейший элемент развития общества, подчеркивая, что человек является как творцом, так и результатом культурной деятельности.

В Конституции закреплены обязанности государства и граждан в отношении культурного наследия. Например, в ч. 3 ст. 44 Конституции Российской Федерации указано, что «каждый гражданин обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, что является основой для правовых актов, регулирующих охрану памятников истории и культуры» [8]. Конституционная обязанность в отношении объектов культурного наследия предполагает совершение действий, направленных на недопущение повреждения или уничтожения таких объектов, как собственниками, так и государственными органами. Это подтверждается тем, что государство в лице своих органов власти обязано принимать меры, направленные на предотвращение разрушения и утраты культурного наследия.

Особое внимание следует уделить пункту «е» ч. 1 ст. 71 Конституции Российской Федерации, который отводит вопросы установления основ государственной политики в области культурного развития в ведение Российской Федерации, включая принятие и реализацию федеральных целевых программ. В контексте охраны памятников истории и культуры, федеральные программы играют важную роль в обеспечении их сохранности и популяризации на всей территории страны, включая Санкт-Петербург.

Конституционные нормы, регулирующие права и обязанности в области охраны культурного наследия, являются основой для формирования системы охраны памятников на федеральном уровне и в субъектах Федерации. Для регионального управления особое значение имеет Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [6], который детализирует и конкретизирует правовые нормы, заложенные в Конституции Российской Федерации. Закон направлен на реализацию конституционного права каждого гражданина на доступ к культурным ценностям и обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия. В нем закрепляются основные принципы правового регулирования отношений в области охраны объектов культурного наследия, а также механизмы их защиты и использования.

Правовое регулирование охраны памятников в городе федерального значения Санкт-Петербург регулирует Закон Санкт-Петербурга от 12 июля 2007 г. № 333–64 [2].

Важным элементом в правовом регулировании охраны памятников в Санкт-Петербурге являются Постановления Правительства Санкт-Петербурга и распоряжения Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников, которые уточняют порядок применения законодательства на практике. Например, Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 28 апреля 2004 г. № 651 «О Комитете по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры» [3] устанавливает правила работы данного Комитета.

Закон Санкт-Петербурга от 24 декабря 2008 г. № 820–7 «О границах объединенных зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Санкт-Петербурга, режимах использования земель и требованиях к градостроительным регламентам в границах указанных зон» [9], регулирует установление зон охраны объектов культурного наследия, а также режимы использования земель в этих зонах. Закон устанавливает строгие требования к градостроительным регламентам и ограничениям на использование земель, находящихся в охранных зонах, что важно для предотвращения разрушения памятников вследствие несоответствующего строительства и других видов деятельности.

Анализ конституционно-правовых основ охраны памятников истории и культуры в контексте Определения Конституционного Суда Российской Федерации (№ 751-О/2023) позволяет глубже понять баланс между правами граждан на неприкосновенность жилища и государственными интересами, связанными с охраной объектов культурного наследия. Суть рассматриваемого дела заключается в том, что Петроградский районный суд Санкт-Петербурга постановил обязать собственника квартиры, Рагима Рагимова, обеспечить доступ в его жилое помещение для проведения мероприятий по контролю состояния объекта культурного наследия – «Дома С. В. Ершовой». Суд указал, что в случае отказа от предоставления доступа, собственник должен будет выплачивать штраф. Решения апелляционной и кассационной инстанций оставили это решение без изменений. В свою очередь, Р. Рагимов обратился в Конституционный Суд, ссылаясь на то, что нормы Закона о культурном наследии позволяют органам охраны объектов культурного наследия беспрепятственно проникать в жилые помещения без согласия собственников, что, по его мнению, нарушает Конституцию Российской Федерации, в частности, ст. 25, которая гарантирует неприкосновенность жилища.

Конституционный Суд, рассмотрев жалобу, пришел к выводу, что «оспариваемая норма Закона об объектах культурного наследия в контексте охраны объектов культурного наследия, в том числе многоквартирных домов, не нарушает Конституцию, поскольку предусмотрены необходимые ограничения, которые должны соблюдать должностные лица при осуществлении контроля» [11]. Конституционный Суд отметил, что закон не дает прав органам охраны объектов культурного наследия проводить осмотры жилых помещений без согласия собственников, если те не являются частью охраняемого объекта. Однако в случаях, когда такие объекты связаны с охранными обязательствами, относящимися к многоквартирным домам в целом, требования для выполнения этих обязательств могут распространяться и на собственников помещений, даже если их квартиры не являются объектами охраны.

В этом контексте важным выводом Конституционного Суда стало признание того, что при необходимости контроля за соблюдением обязательств по охране объектов культурного наследия в многоквартирных домах, должностные лица могут обращаться в суд с иском о понуждении собственников предоставить доступ к своим помещениям для осмотра. Это подтверждается тем, что Конституция Российской Федерации допускает возможность проникновения в жилище против воли его владельцев, но только на основании судебного решения. Таким образом, Конституционный Суд поддержал возможность реализации контроля и обеспечения доступа к объектам культурного наследия, соблюдая конституционные гарантии неприкосновенности жилища, если это необходимо для выполнения государственных обязанностей по охране культурных ценностей.

Таким образом, система охраны памятников истории и культуры в Санкт-Петербурге опирается на достижения современной юридической науки [10; 12] строится на основе общих конституционных и федеральных норм, а также региональных законодательных актов, которые детализируют эти нормы и обеспечивают эффективное выполнение обязательств по сохранению культурного наследия. Взаимосвязь между правами граждан на доступ к культурным ценностям и их обязанностями по сохранению этих ценностей является основой для правового регулирования в этой сфере, что подтверждается как конституционными нормами, так и конкретными актами на уровне субъекта федерации. Законодательство Санкт-Петербурга, в свою очередь, обеспечивает интеграцию федеральных и региональных норм в систему охраны памятников, создавая условия для их сохранности и успешного использования в культурной жизни города.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федер. закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ: ред. от 26.12.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об охране объектов культурного наследия в Санкт-Петербурге: закон г. Санкт-Петербурга от 12.06.2007 № 333–64: ред. от 07.12.2023 // Санкт-Петербургские ведомости. 2007. 25 июля.
4. О границах объединенных зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Санкт-Петербурга, режимах использования земель и требованиях к градостроительным регламентам в границах указанных зон: закон Санкт-Петербурга от 19.01.2009 № 820–7: ред. от 26.02.2025 // Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга. 2009. № 7/1. 4 марта.
5. О Комитете по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры: Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 28.04.2004 № 651: ред. от 24.06.2025 // Вестник Администрации Санкт-Петербурга. 2004. 28 июня.
6. Гаджиев Т. К. Правовое регулирование градостроительной деятельности как реализация идеи социального государства в современной России // Проблемы юриспруденции и педагогики высшей школы в работах молодых ученых: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., 28 ноября 2024 г. Выпуск 5. Белгород: Белгород. юрид. ин-т МВД России имени И. Д. Путилина, 2025. С. 43–50.
7. Нижник Н. С. Коммеморативные практики как средство сохранения духовно-нравственных ценностей // Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской государственности. К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали: материалы Международ. науч.-практ. конф., Иркутск, 13–14 октября 2023 г. / отв. ред.: С. И. Шишкин, П. А. Новиков. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2023. С. 219–225.

8. Нижник Н. С., Нижник В. А. Сохранение исторической памяти как атрибут укрепления духовно-нравственных ценностей // Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской государственности. К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали: материалы Международ. науч.-практ. конф., Иркутск, 13–14 октября 2023 г. / отв. ред.: С. И. Шишкин, П. А. Новиков. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2023. С. 226–237.
9. Нижник Н. С. Историческая память как детерминанта патриотического воспитания // Патриотическое воспитание в системе высшего образования: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, посвященной 82-й годовщине начала контрнаступления советских войск в битве под Москвой, 80-летию разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве, 55-летию поискового движения на Белгородчине, Москва–Старый Оскол, 30 ноября – 5 декабря 2023 г. М.: Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», 2023. С. 180–191.
10. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Права человека – проблема актуального юридического и политического дискурса // Гражданское общество в России и за рубежом. 2024. № 1. С. 8–13.
11. 11. Нижник Н. С., Савельева М. В. Юридическая наука в России: особенности современного состояния и перспективы развития // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2024. № 1(101). С. 34–50.
12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рагимова Рагима Явузовича на нарушение его конституционных прав подпунктом 2 пункта 6 статьи 11 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 06.04.2023 № 751-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 342.4

КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В РОССИИ И УЗБЕКИСТАНЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

***Р. Р. Мазитов**, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***Р. Р. Мазитов**, курсант Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В настоящей статье рассматривается конституционное закрепление права на свободу совести в Российской Федерации и Республике Узбекистан – многонациональных государствах, где свобода совести актуальна и требует постоянного внимания со стороны руководства государств. Россию и Узбекистан, объединяет факт наличия ислама, который считается традиционной религией для обоих стран и которую исповедует значительная часть населения рассматриваемых страны.

Ключевые слова: ислам, мусульмане, Российская Федерация, Республика Узбекистан, традиционная религия, конфессия.

CONSTITUTIONAL CONSOLIDATION OF THE RIGHT TO FREEDOM OF RELIGION IN RUSSIA AND UZBEKISTAN: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

***R. R. Mazitov**, senior lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***R. R. Mazitov**, cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article examines the constitutional consolidation of the right to freedom of conscience in the Russian Federation and the Republic of Uzbekistan, multinational states where freedom of conscience is relevant and requires constant attention from the leadership of the states. Russia and Uzbekistan are united by the fact of Islam, which is considered the traditional religion for both countries and which is practiced by a significant part of the population of the country in question.

Keywords: Islam, Muslims, Russian Federation, Republic of Uzbekistan, traditional religion, denomination.

Вопросы религии и веры являются неотъемлемой частью человеческой духовности. Наличие глубоких и обоснованных знаний о содержании этих вопросов служит правильной организации жизнедеятельности. При этом свобода совести – одно из неотъемлемых прав каждого человека, входящее в число естественных прав и свобод. Хотя свобода совести является одним из важнейших прав человека, она по-настоящему поднимается до уровня права только тогда, когда она находит свое выражение в законе и находится под защитой. В противном случае это право, выражающее душевные переживания человека, теряет свой истинный смысл.

Российская Федерация по праву считается многонациональным и многоконфессиональным государством. Возможность свободы религиозных убеждений конституционно закреплена в Основном законе государства.

Конституция РФ [1] закрепляет важные для гражданского общества положения, в том числе утверждающие принципы религиозной свободы – равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от их религиозных убеждений. Данная позиция закреплена в ст. 28 Основного закона, согласно которой каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

В Российской Федерации ислам является одной из традиционных религий. Выражая свою позицию в отношении российского мусульманского сообщества, Президент России В. В. Путин заявил: «… наши мусульмане – это россияне. У них нет другой родины. И в этом смысле Россия, конечно, часть мусульманского мира» [4]. Из чего можно сделать вывод, что Российская Федерация – не просто православное, но и одновременно мусульманское государство, обладающая определенным весом в мусульманском мире.

«У российских мусульман нет другой родины, кроме России», – сказал в одном из своих выступлений Верховный муфтий Российской Федерации шейх-уль-ислам Талгат хазрат Таджутдин [5].

Практически всю многовековую историю Российского государства невозможно представить без участия в ней мусульманских народов, ее населяющих, для которых Россия была и остается единственной Родиной. Ислам органично связан с духовной культурой и традициями народов нашей страны, исповедующих иные религии. Во многих исторических событиях, происходивших и происходящих в настоящее время в нашем государстве, за ее пределами, будь то военные действия, мирный труд, торговля или культурный обмен, непременно принимали участие мусульмане нашей страны.

Республика Узбекистан – многонациональное государство. Здесь проживают десятки национальностей и народностей, среди которых жители среднеазиатского региона: узбеки, каракалпаки, таджики, туркмены, казахи, киргизы, уйгуры, дунгане; западные и восточные славяне: русские, украинцы, белорусы, поляки; многочисленными диаспорами в Узбекистане представлены корейцы, иранцы, армяне, грузины, азербайджанцы, татары, башкиры, немцы, евреи, литовцы, греки, турки и многие другие национальности.

Узбекистан – самое густонаселенное государство в Средней Азии и по численности населения стоит на третьем месте среди стран СНГ, уступая лишь России и Украине. Численность населения Узбекистана превышает 35,3 млн человек (актуально на 14 февраля 2024 г.). Около 80 % современного населения Узбекистана – узбеки, свыше 10 % – представители других народов Средней Азии (4,5 % – таджики, 2,5 % – казахи, 2 % – каракалпаки, 1 % – киргизы, а также туркмены и др.). Одним из крупнейших этнических меньшинств остаются русские и другие славянские народы (10 %) [6].

Свобода совести – это право человека выбирать, следовать или отвергать свои убеждения, и это право является одним из основных прав человека, каждого гражданина. Это право закреплено и Конституции Республики Узбекистан, статья 31 которой гласит: «У каждого есть свобода совести. Каждый имеет право молиться, совершать или не совершать религиозные обряды в соответствии со своими убеждениями» [2].

Основываясь на данной норме в Конституции Узбекистана, свобода совести проявляется как правовая категория, которая представляет три аспекта:

– конкретный человек может верить в Бога, верить в любую религию, которую он хочет;

– неверие в Бога и религию может быть нейтральным по отношению к ним;

– атеист, то есть может не только не верить ни в какую религию, но и отрицать их.

Ислам является самой распространенной религией в Узбекистане, его исповедуют 92,2 % населения страны [8].

25 февраля 2025 г. Президентом Республики Узбекистан был подписан закон «О Концепции государственной политики в области обеспечения свободы совести граждан и религиозной сферы» [3].

Данный документ определил основные направления по укреплению религиозной терпимости в стране, обеспечение гармонии в многонациональном обществе. Концепция также направлена на реализацию принципов секуляризма государства и создание необходимых условий для развития страны [9]. В этой концепции отмечается, что религиозные организации играют важную роль в повышении духовности в обществе, продвижении моральных ценностей

и укреплении мира и стабильности. В Узбекистане действуют представители 16 религиозных конфессий. Их деятельность контролируется государством, что служит профилактике религиозного экстремизма.

В данное время на территории России проживают народы разных национальностей, исповедующие ислам и представляющие практически 40 различных этносов. Где-то они проживают компактно, как например Поволжье, Урал, Западная Сибирь и Северный Кавказ. На других территориях они расселены спорадически – это Дальневосточный регион, Якутия, Сахалин, Камчатка, а также, западная часть России. Эксперты в области межрелигиозных отношений, оценивая количество мусульман, проживающих в Российской Федерации, утверждают, что их численность на данный момент колеблется в пределах 12–20 млн человек и предположительно составляет от 8 до 12 % населения России, а к 2030 г. численность российских мусульман может достичь 30 млн человек [7].

Ислам, исповедуемый в России, носит традиционный характер. Он отвергает различные течения национализма, не приемлет экстремизм и грубое насилие. Один из заветов пророка Мухаммеда провозглашает: «Любовь к Родине является свидетельством веры» [10].

Подводя итог нашему исследованию, можно констатировать следующее – современное положение ислама в России и Узбекистане развивается в форме присутствия и использования со стороны мусульманских организаций материалов просветительского характера в информационном пространстве, участии в благотворительных мероприятиях и общественно значимых делах как патриотического, так и социального характера.

Конституция – основной государственный документ, которым определяются порядок и принципы государственного управления, деятельности органов государственной власти, права и обязанности государства, общества, граждан. Конституции Российской Федерации и Республики Узбекистан гармоничны и согласованы в соответствии со всеми этими целями. Основные законы России и Узбекистана служат прочной основой для реализации этих важных задач. Они устанавливают, что человек, его жизнь, свобода, честь, достоинство, религиозные убеждения и другие неприкосновенные права являются высшей ценностью. Конституции утверждают, что все граждане, независимо от пола, национальности, религии, расы, возраста, вероисповедания, социального происхождения, имеют равные права, и в них нет статей, дискриминирующих права человека и свободу вероисповедания.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Конституции Республики Узбекистан // URL: https://constitution.uz/ru (дата обращения: 20.04.2025).
3. Закон Республики Узбекистан от 20.02.2025 «Об утверждении Концепции обеспечения свободы совести граждан и государственной политики в религиозной сфере в Республике Узбекистан» // URL: https://lex.uz/docs/7404926 (дата обращения: 20.04.2025).
4. Владимир Путин: «Наши мусульмане – это россияне, у них нет другой родины» // URL: https://ru.wikinews.org/wiki/ Владимир_Путин:_«Наши_ мусульмане – это_россияне,_у_них_нет_другой_родины» (дата обращения: 20.04.2025).
5. Интервью Талгата Таджуддина информационно-аналитическому порталу «Islam-today» // URL: https://cdum.ru/news/44/5272/ (дата обращения: 20.04.2025).
6. Ислам в современной России // URL: https://islam-today.ru/blogi/rafik-muhametsin/islam-v-sovremennoj-rossii/ (дата обращения: 20.04.2025).
7. Национальный состав и численность населения Узбекистана // URL: https://www.advantour.com/rus/uzbekistan/people.htm (дата обращения: 20.04.2025).
8. Религиозные верования в Узбекистане // URL: https://www.worldatlas.com/articles/religious-beliefs-in-uzbekistan.html (дата обращения: 20.04.2025).
9. Свобода совести и пропаганда религиозных организаций // URL: https://xadicha.uz/uz/news/860 (дата обращения: 20.04.2025).
10. Является ли любовь к родине частью веры? // URL: https://islam-today.ru/obsestvo/avlaetsa-li-lubov-k-rodine-castu-very/ (дата обращения: 17.03.2025).

УДК 342.4

СУДЕБНОЕ ТОЛКОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ: ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

***Т. А. Орнацкая**, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, доктор исторических наук, доцент*

В статье рассматривается зарубежный опыт европейских государств в области такого вида толкования, как судебное толкование конституционных норм, в настоящее время отсутствующего в Российской Федерации. Судебное толкование конституционных норм анализируется как процесс разъяснения и конкретизации смысла и содержания конституционных положений, осуществляемый судами при рассмотрении конкретных дел.

Ключевые слова: Конституция, судебное толкование, конституционные нормы, Конституционный Суд.

JUDICIAL INTERPRETATION OF CONSTITUTIONAL NORMS: EXPERIENCE OF EUROPEAN STATES

***T. A. Ornatskaya**, professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, Doctor of History, Associate Professor*

The article examines the foreign experience of European states in the field of judicial interpretation of constitutional norms, which is currently absent in the Russian Fe deration. Judicial interpretation of constitutional norms is analyzed as a process of clarifying and specifying the meaning and content of constitutional provisions, carried out by courts when considering specific cases.

Keywords: Constitution, judicial interpretation, constitutional norms, Constitutional Court

Толкование норм права на соответствие Конституции является необходимым условием обеспечения верховенства Конституции, защиты прав и свобод граждан, обеспечения законности и правопорядка, развития конституционных принципов и ценностей и предотвращения правового нигилизма и произвола.

При принятии нормативных правовых актов органы власти должны руководствоваться Конституцией и обеспечивать соответствие принимаемых актов ее положениям. При рассмотрении конкретных дел суды должны проверять соответствие применяемых норм права Конституции и, в случае выявления противоречий, руководствоваться Конституцией. Однако в Российской Федерации отсутствует такой вид токования, как судебное толкование конституционных норм. В этой связи интересно обратиться к опыту зарубежных государств.

В зарубежных странах имеется особый вид толкования правовых норм – толкование в соответствии с Конституцией. Данный вид толкования интересен для нас тем, что в его основе лежит «идея о том, что в существующей иерархии законодательных актов нижестоящие нормы не должны противоречить вышестоящим, иначе они признаются ничтожными» [1].

Особенность судебного толкования, проявляемая в деятельности Конституционного Суда, состоит в том, что он не может давать абстрактное и не точно сформулированное толкование текста Конституции. Из содержания гл. 25 Закона «О Федеральном Конституционном Суде Германии» следует, что Федеральный Конституционный Суд (далее – ФКС) Германии может в своем решении определить его исполнителя. Следует заметить, что в нормах немецкого законодательства мы не найдем положений, делегирующих ФКС Германии полномочия по даче нижестоящим судам разъяснений и указаний, носящих для них обязательный характер, разработке правовых позиций. Вместе с тем практика сложилась таким образом, что соответствующие полномочия осуществляются ФКС, причем, реализуются достаточно активно. В частности, во многих судебных решениях им раскрываются и детализируются правовые нормы, которые не находят однозначного понимания, носят двусмысленный характер и могут трактоваться по-разному.

В вопросе толкования Основного закона ФРГ Конституционный Суд руководствуется правилом, аналогичным отечественной правовой системе, а именно: нижестоящие федеральные законы и подзаконные правовые акты не могут противоречить нормам, закрепленным в Основном законе страны. Если в результате толкования правовых актов Конституционный Суд выявит их несоответствие Основного закона, то он наделяет правом признания их неконституционными и не подлежащими применению.

В силу положений германского законодательства Конституционный Суд в отличие от российской правовой системы не наделен правом законодательной инициативы, то есть предоставления законопроектов в высший законодательный орган страны. Умалчивает основной закон страны и о возможности обращения Конституционного Суда к парламенту с посланием о состоянии конституционной законности в стране.

Судебное толкование во Франции имеет некоторые особенности. Изучение основных способов судебного толкования во Франции позволило К. В. Карпенко сделать вывод, что оно не подменяет собой законодательных функций парламента, а, напротив, дополняет содержание закона, раскрывает его действие, делает более гибким и универсальным применение правовой нормы [2].

Своими особенностями обладает практика конституционного контроля во Франции, где Конституционный Совет в отличие от своего немецкого «коллеги» не наделен правомочиями по толкованию уже действующих законодательных актов. Конституционный Совет наделяется полномочиями только по проверке законопроектов на предмет их соответствия тексту Конституции. После его утверждения и принятия парламентом Конституционный Совет лишается своего правомочия по проверке конституционного правового акта. Изложенное позволяет прийти к выводу, что полномочия Конституционного Совета во Франции носят более ограниченный характер.

На протяжении длительного периода времени во Франции судебное толкование не признавалось на законодательном уровне и даже запрещалось. Но постепенно позиция законодателя изменилась, во многом под влиянием научной школы, которая обосновала наличие практической потребности в судебном толковании. Одна из них, по признанию многих французских исследователей, заключается в том, что за быстро изменяющимися и трансформирующимися общественными отношениями не всегда успевает право. В этой связи некоторые сферы общественных отношений остаются без должного правового регулирования или характеризуются недостаточностью внимания законодателя [4]. Поэтому судебное толкование способно не только восполнить имеющиеся законодательные пробелы, но и придать новый импульс развития правовым нормам, привести их в движение. Во французской социологии в этой связи появился, даже, новый термин «judiciarisation», означающий проникновение судебных процедур в сферу бытовых взаимоотношений людей [2]. Данную формулировку следует воспринимать, как установление приоритетного характера судебного разбирательства возникших споров.

Франция в своем историческом развитии прошла достаточно длительный путь, который существенным образом повлиял не только на формирование государства, систему органов государственной власти, но и на сознание и мировоззрения французов. В особенности сильное влияние в этом отношении оказала французская революция, повлекшая формирование у граждан чувства собственного достоинства, приоритета их прав, справедливости. Сегодня это проявляется, например, активной защите гражданами Франции своих конституционных прав (личных, экономических, трудовых и т. д.). При этом в последние годы существенным образом в обществе возросло недоверие к президенту страны, правительству, законодательной ветви власти, которые достаточно часто принимают непопулярные решения для граждан, вызывающие бурный протест

населения. Стоит только вспомнить стачки так называемых «желтых жилетов», периодические погромы, устраиваемые в разных городах страны, которые рассматриваются в качестве ответа, протеста на решения властей. В Германии также нередкими являются протестные акции и периодически проводимые забастовки работников различных отраслей хозяйства, но они носят иной характер и размер по сравнению с Францией.

В этих условиях существенным образом возросла роль судебной власти, которая рассматривается в качестве защитника граждан, их прав и свобод, в том числе, от органов государственной власти, необоснованно вмешивающихся в их личную жизнь. Среди французских исследователей устоялась точка зрения, что судебная власть призвана защищать права и интересы всего народа.

Сегодня конституционное судебное толкование во Франции характеризуется оперативностью процедурных аспектов.

Согласно ст. 61–1 Конституции Франции 1958 г. Конституционный совет наделяется весьма значительным спектром полномочий. Например, допускается осуществление проверки любого законодательного акта на предмет его соответствия нормам основного закона страны. Ряд французских исследователей отмечает, что по тексту Конституции употребляется термин «конституционное положение» как предмет проверки Конституционного Совета. На основании изложенного они приходят к выводу, что проверке на конституционность подлежит любой нормативный акт, обладающий юридической силой закона.

Интерпретируя вышесказанную точку зрения, можно предположить, что авторы допускают расширенное понимание предмета толкования Конституционного Совета, включая в него не только законы, но и подзаконные нормативные правовые акты.

Особенность правомочий Конституционного совета в вопросе толкования состоит в том, что он вправе проверять на конституционность не только положения законов, но и выявлять правильность ранее осуществленного нижестоящим судом толкования правовой нормы. В этой связи французский законодатель допускает, что судебное толкование также не является истиной в последней инстанции, возможными являются судебные ошибки, неправильная интерпретация правовой нормы. Поэтому конституционный контроль, осуществляемый Конституционным Советом, является важнейшей гарантией законности и правильности судебного толкования.

Если Конституционный совет признает тот или иной закон неконституционным в целом или определенной его части, то он подлежит отмене с момента принятия советом соответствующего решения. Для признания закона неконституционным необходимо наличие следующего обязательного условия: положения закона должны затрагивать права и интересы значительной части населения страны.

Положительным следует оценить французскую практику, согласно которой допускается приостановление действия решения Конституционного совета о признании закона неконституционным и его отмене до момента принятия законодательным органом нового закона, регламентирующего отношения в данной сфере, что позволяет осуществлять правовое регулирование данных отношений, но с учетом замечаний, обговоренных в решении Конституционного совета. Указанные положения можно также имплементировать в отечественную правовую систему.

В отличие от многих других стран Конституционный совет Франции фактически наделен функцией судебного нормотворчества, поскольку он вправе на временной основе принимать положения, устанавливающие общеобязательные правила поведения в определенной сфере общественных отношений, правовое регулирование которых осуществлял закон, признанный неконституционным и подлежащим отмене.

Вынесенное Конституционным советом решение обладает обязательной юридической силой для любого суда при рассмотрении конкретного дела, в котором исследуются обстоятельства, ставшие предметом исследования Конституционного совета.

Таким образом, Конституционный совет Франции наделен значительными полномочиями по осуществлению последующего контроля за законодательной ветвью власти в части проверки принимаемых законов на конституционность, итогом которой является осуществление судебного толкования текстов законов, выявление в нем пробелов и противоречий. В тоже время, признавая неконституционной ту или иную норму права, Конституционный совет не только устраняет пробелы и противоречия в правовом регулировании, но также способствует улучшению законодательной работы органов власти, стимулирует их к повышению качества законодательной техники. Такая система является взаимовыгодной и для судебной, и для законодательной ветвей власти.

Помимо Конституционного совета правом судебного толкования наделены и обычные суды. Так, в соответствии с ГК Франции (ст. 4) судья при рассмотрении дела должен вынести решение и не вправе ссылаться на умолчание, нечеткость или недостаточность закона [3]. На сегодняшний день французские суды достаточно активно толкуют положения законодательства при рассмотрении конкретных споров.

Таким образом, Конституция является основным законом государства, обладающим высшей юридической силой. Все остальные нормативные правовые акты должны соответствовать Конституции и не могут ей противоречить (ст. 15 Конституции РФ). Толкование норм права на соответствие Конституции позволяет гарантировать, что ни один закон или иной нормативный акт не будет нарушать конституционные принципы и права граждан.

Судебное толкование конституционных норм – это процесс разъяснения и конкретизации смысла и содержания конституционных положений, осуществляемый судами при рассмотрении конкретных дел. Оно играет ключевую роль в обеспечении верховенства Конституции и защиты основных прав и свобод граждан.

Список источников

1. Дубинин М. Г. Толкование права в романо-германской и англосаксонской правовых семьях (на примере ФРГ и Великобритании) // Вестник Нижегород. ун-та имени Н. И. Лобачевского. 2015. № 3.
2. Карпенко К. В. Особенности конституционного судебного толкования нормативных актов: опыт Франции и России // Типы правопонимания и вызовы меняющегося мира: сб. науч. ст. / К. В. Карпенко [и др.]; под ред. А. А. Дорской; РГПУ имени А. И. Герцена. СПб., 2016.
3. Общая теория государства и права: академический курс: в 2 т. / под ред. М. Н. Марченко. Т. 2. Теория права. М., 1998.
4. Слеженков В. В. Теоретическая модель судебного правотворчества в контексте современного французского правового реализма // LegalConcept. 2014. № 1.

УДК 340.5

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Ф. Ф. ЗИГЕЛЯ

***А. Д. Солонченко**, соискатель кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*

Развитие юридической науки в России связано с именами ученых-энциклопедистов, исследовавших закономерности государственно-правового развития не только России, но и зарубежных стран. В число видных юристов Российской империи конца XIX – начала XX в. входил профессор Варшавского университета, внесший значительный вклад в изучение исторического развития права славянских народов, Федор Федорович Зигель (1845–1921). Творчество Ф. Ф. Зигеля в современной юридической науке не получило должного освещения. Статья посвящена анализу подходов Ф. Ф. Зигеля к исследованию конституционно-правового развития славянских государств.

Ключевые слова: Ф. Ф. Зигель, юридическая наука Российской империи, славянское право, Законник Стефана Душана, история права южных славян, история права восточных славян.

PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL DEVELOPMENT OF SLAVIC STATES IN THE THEORETICAL HERITAGE OF F. F. SIEGEL

***A. D. Solonchenko**, applicant of the Department of Theory of Law and Civil-Law Education Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*

The development of legal science in Russia is associated with the names of encyclopedic scholars who studied the patterns of state and legal development not only in Russia, but also in foreign countries. Among the prominent lawyers of the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries was Fyodor Fyodorovich Zigel (1845–1921), a professor at the University of Warsaw who made significant contributions to the study of the historical development of the law of the Slavic peoples. However, Fyodor Fyodorovich Zigel's work has not received adequate

attention in modern legal scholarship. The article analyzes F. F. Zigel's approaches to the study of the constitutional and legal development of Slavic states.

Keywords: F. F. Siegel, legal science of the Russian Empire, Slavic law, Lawbook of Stefan Dušan, history of the law of the southern Slavs, history of the law of the eastern Slavs.

Становление и развитие юридической науки в России [1; 5; 10; 11] связано с именами ученых-энциклопедистов, предметом исследования которых являлись закономерности и особенности государственно-правового развития России и зарубежных стран.

В числе видных юристов Российской империи конца XIX – начала XX в. был профессор Варшавского университета, правовед-славист, внесший значительный вклад в изучение исторического развития права славянских народов, Федор Федорович Зигель (1845–1921) [5; 11]. Конституционно-правовое развитие славянских государств являлось предметом научных исследований Ф. Ф. Зигеля, который предпринимал попытки выявить общие закономерности конституционно-правового развития славянских государств и выявить особенности их эволюции. Исследователь стремился восполнить пробелы в западноевропейской науке о государстве и праве, привлекая внимание к опыту славянских стран. Его подход сочетал сравнительно-исторический метод и широкий историософский взгляд: Ф. Ф. Зигель рассматривал право как отражение политической, социальной и духовной жизни общества и пытался определить основные этапы его развития с учетом смены мировоззренческих эпох [1].

Современники Ф. Ф. Зигеля отмечали оригинальность и глубину его взглядов на историю славянского права, а многие идеи ученого опередили свое время.

Вопрос о происхождении древнерусской государственности имеет долгую историю изучения, но остается дискуссионным: историки длительное время спорили о роли внешнего и внутреннего факторов в возникновении государственности у восточных славян [8]. Современные исследователи поддерживают концепцию самобытного развития древнеславянских политико-правовых институтов. Так, А. В. Серегин указывает, что истоки государственности Киевской Руси следует искать в ее собственном публично-правовом творчестве, уходящем корнями в глубь славянской древности, а не в навязанной извне норманской силе [6, с. 3]. Эти оценки созвучны взглядам Ф. Ф. Зигеля и подтверждают актуальность его трудов.

Ф. Ф. Зигель подчеркивает, что первоначальное развитие социально-политических институтов у славян шло в русле общеарийских традиций, однако впоследствии подверглось воздействию иных цивилизационных влияний. Ученый указывает, что исходно (в раннем средневековом периоде) славянские общества

жили собственными традициями и обычаями, унаследованными от праславянской эпохи. Лишь с образованием первых государств у славян и принятием христианства в X в. начинается новый этап – заимствование институтов и идей извне. По наблюдению Ф. Ф. Зигеля, уже до крещения Руси первые славянские князья пытались реформировать управление, беря образцы у соседей – например, из государственного устройства франкских Меровингов или Византии. После принятия христианства славянские государства вошли в общеевропейский цивилизационный контекст, восприняв западноевропейские или византийские политико-правовые модели как универсальные.

В ходе исследования истории права южных и восточных славян Ф. Ф. Зигель отмечает сильное влияние на них византийского права. Уже в Болгарском царстве при царе Симеоне (начало X в.) появились переводы греческих законов на старославянский язык. Согласно Ф. Ф. Зигелю, в X в. в Болгарии сложилась обширная юридическая литература: возникли чистые переводы греческих законов и компиляции из византийских и еврейских материалов. Среди таких переведенных византийских кодексов он называет Эклогу, Земледельческий закон, Прохирон, позднее – Номоканоны и Судебник царя Юстиниана. Эти сборники включали в себя в сжатом виде нормы византийского семейного, наследственного, уголовного права, зачастую дополняемые местными славянскими обычаями.

В монографическом исследовании 1872 г. Зигель анализировал влияние Византии на сербское право и пришел к выводу, что оно особенно сказалось на уголовной сфере. Так, система телесных наказаний, мало известная в докрестной сербской традиции, получила развитие «под сильным влиянием византийского элемента, проникнувшего путем церковных законов и светских постановлений византийских императоров» [10, с. 103]. Тем не менее, сам Душан, по мнению Ф. Ф. Зигеля, стремился не столько коренным образом реформировать общественные отношения, сколько утвердить себя в ряду великих законодателей христианского мира. Он желал укрепить нравы церкви и народа, ограничить злоупотребления знати и администрации, но при этом не посягал на основы социального строя – широкие привилегии феодальной аристократии и духовенства.

Фактически Законник закрепил сложившиеся порядки, сочетая их с нормами византийского происхождения. Ф. Ф. Зигель отмечает, что сразу после смерти царя (1355 г.) данный свод утратил юридическую силу, однако остался важнейшим памятником сербской старины и многократно переписывался, поскольку был дорог народу как символ утраченного величия и собранных воедино обычаев и установлений.

Наряду с византийским влиянием на православных славян, важную роль играло немецкое право. В Чехии и Польше уже с XIII в. происходила массовая рецепция западноевропейских правовых институтов. Ф. Ф. Зигель в качестве примера приводит судьбу древних чешских общинных порядков: «в течение

XIII в. в Чехию вместе с немецкими колонистами проникает немецкое право, которое оказывает громадное влияние на города и деревни. Чешское деревенское управление почти совершенно исчезает и заменяется немецким – с войтом и присяжными» [11, с. 1].

К XIV в. старая сельская община, основанная на славянском обычае, бесследно исчезает в Чехии, уступив место немецкой системе самоуправления. Похожий процесс шел и в городах: магдебургское право и другие западные городские уставы вытесняли местные обычаи. В Польше влияние западных (прежде всего германских) заимствований было велико. Польские короли поощряли пересадку западноевропейских институтов на свою почву – от шляхетских вольностей до городского самоуправления. Однако, столкнувшись с консерватизмом народных масс и сопротивлением православного населения присоединенных земель, польская власть пошла по пути разделения сословий.

В Великом княжестве Литовском, куда входили западнорусские земли, для внедрения западной культуры потребовалось выделить носителей этой культуры – дворян-католиков. Первые шаги в этом направлении – привилегии Ягеллонов: «1387 г. всем католическим феодалам Литвы даны такие же права, как польской шляхте; … великая привилегия 1492 г. утвердила политическое всемогущество аристократии… Литовское княжество стало аристократической республикой» [11, с. 33–34]. В результате общество было расслоено: в Литве и Польше власть заботилась главным образом о шляхте, тогда как остальные сословия отстранялись от участия в политической жизни. Ф. Ф. Зигель противопоставил такой подход московско-русской модели, где власть с древности ориентировалась на интеграцию всех сословий.

Таким образом, в эпоху Средневековья правовые системы славян разделились на два больших культурных круга: восточно-православный и западно-католический. При этом эти системы сохраняли элементы древнего славянского обычая, особенно в области гражданского права и самоуправления.

Анализ теоретического наследия Ф. Ф. Зигеля показывает, что ученый не только глубоко исследовал историю славянских правовых систем, но и сумел выявить ряд общих тенденций и проблем их конституционного развития. Ф. Ф. Зигель подчеркивал, что в развитии славянских государств имели место сходные этапы: первоначальная самобытность, основанная на древних общих традициях; поворотный момент христианизации и связанная с ним утрата прежней самостоятельности правового развития; длительный период восприятия внешних политико-правовых моделей, часто сопровождающийся упадком собственных институтов; в Новое время – попытки национального возрождения и восстановления прерванной эволюции.

Ученый фиксирует, что историческая судьба многих славянских правовых систем сложилась драматично: завоевания и иностранное владычество остано-

вили их прогресс на столетия. В то же время Ф. Ф. Зигель отмечает жизненную силу народных правовых начал – обычаев, общинных ценностей, элементов местного самоуправления, которые сохранялись у славян и служили основой для будущего возрождения. Его констатация того, что «славянские государства, за исключением России, завершили свою эволюцию» (исторически прекратили существование), с одной стороны, фиксирует факт утраты народами независимости, а с другой стороны, подчеркивает исключительную роль России как единственного славянского государства, сумевшего сохранить государственность и укрепить национальные традиции. Ф. Ф. Зигель рассматривал Московскую Русь (а позднее – Российскую империю) как прямую наследницу восточнославянской цивилизации, которая сохранила многие элементы общего славянского наследия, утратившие актуальность на родине. Исследования Ф. Ф. Зигеля подчеркивают идею взаимосвязи исторических судеб славянских народов: исчезновение одних государств компенсировалось усилением других, а общая духовно-правовая основа продолжала существовать, перетекая из одного контекста в другой.

Труды Ф. Ф. Зигеля, посвященные проблемам конституционно-правового развития славян, являются ценным источником для современной юридической науки. Многие идеи ученого созвучны более поздним историографическим концепциям о цивилизационной самобытности славян. Ф. Ф. Зигель обосновал несостоятельность исключительно внешних схем развития (например, норманнской теории происхождения государства у восточных славян) и показал значимость внутренних факторов – изменений мировоззрения, социальных отношений, обычаев в процессе формирования права. Сравнительный метод и широкая панорама славянской правовой истории позволили Ф. Ф. Зигелю увидеть за частными случаями универсальные проблемы: зависимость права от цивилизационного выбора, роль религии и культуры в конституционном развитии, цену потери национального суверенитета для правовой системы. Теоретическое наследие Ф. Ф. Зигеля характеризует прошлое славянских конституций, создает основу для размышлений о путях развития современного государственного права в славянских странах, его месте между традицией и заимствованием, между национальной самобытностью и общечеловеческими тенденциями развития права.

Список источников

1. Зигель Ф. Ф. Законник Стефана Душана. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1872.
2. Зигель Ф. Ф. Исторический очерк местного земского самоуправления в Чехии и Польше / Сочинение Федора Зигеля. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, ценз. 1883. 12. Sigel F. F. Lectures on Slavonic Law. Being the Ilchester Lectures for the year 1900. Kitchener: Batoche Books, 2001.

3. Лаптева Л. П. Научная и педагогическая деятельность русского историка права, слависта Ф. Ф. Зигеля (1845–1921) // История и историки: историографический вестник / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Наука, 2007.
4. Нижник Н. С. Юриспруденция как комплексный социально-правовой институт: специфика становления и развития в России // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Труды кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России / науч. ред. Н. С. Нижник. Том 1. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2012.
5. Нижник Н. С. Утилитаризм и фундаментализм как феноменологические характеристики российской юриспруденции // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: материалы международ. науч.-практ. конф., г. Новороссийск, 29–30 сентября 2011 г. / Краснодар. ун-т МВД России, Новорос. филиал Краснодар. ун-та МВД России, ООО «Издательский Дом – Юг». Новороссийск: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский Дом – Юг», 2012.
6. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Юридическая наука в России как фактор социальных трансформаций современности // Государство и право. 2024. № 3.
7. Нижник Н. С., Савельева М. В. Юридическая наука в России: особенности современного состояния и перспективы развития // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2024. № 1(101).
8. Нижник Н. С. История отечественного права и государства (IX–XVI). Древняя и Средневековая Русь: учеб. пособие. СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2013.
9. Солонченко А. Д. Федор Федорович Зигель: вклад в исследование истории славянского права // Правовая культура в современном обществе: сб. науч. ст. / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев: Могилев. институт МВД, 2025. URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/handle/MVD_NAM/8895 (дата обращения: 10.03.2025).
10. Солонченко А. Д. Теоретико-методологические подходы Ф. Ф. Зигеля к исследованию государственно-правовых систем славянских народов // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне): материалы XXII международ. науч.-практ. конф. В 2-х ч., Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 г. СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2025.
11. Серегин А. В. Юридическое исследование государства и права Древней Руси. Ростов-н/Д.: ФГАОУВПО «ЮФУ», 2014.

УДК 340

ПОЛИЦЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО: ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

***А. М. Школьный**, аспирант кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*

В статье рассматривается процесс формирования концепции полицейского государства в западноевропейской политико-правовой мысли. Дана характеристика черт полицейского государства. Описан вклад отдельных исследователей в развитие концепции полицейского государства.

Ключевые слова: полицейское право, полицейско-правовая теория, полицейское государство, камерализм, государственное управление, всеобщее благо.

POLICE STATE: ORIGINS OF THE CONCEPT IN POLITICAL AND LEGAL THOUGHT OF WESTERN EUROPE

***A. M. Shkolny**, postgraduate Student at the Department of Legal Theory and Civil Law Education Russian State Pedagogical University in the name of A. I. Herzen*

The article examines the process of forming the concept of the police state in Western European political and legal thought. The features of the police state are described. The contribution of individual researchers to the development of the concept of the police state is described.

Keywords: police law, police law theory, police state, cameralism, public administration, common good.

Концепция полицейского государства как уникальной формы государственного устройства формировалась в контексте европейской политико-правовой мысли с XVII в. Термин «полиция» охватывал широкий круг функций государственного управления, направленных на обеспечение общественного благосостоянии и безопасности.

Истоки концепции полицейского государства связаны с идеями камерализма и меркантилизма [2, с. 20; 2, с. 13–15]. В этот период государство рассматривалось

как ключевой инструмент достижения экономического процветания и укрепления могущества государства [6]. Эпоха камерализма ознаменовала собой начало формирования науки полицейского права, которая представляла собой междисциплинарную науку [7]. Зародившись в XVII в. в Австрии, Германии, Франции, полицейское право охватывало вопросы финансов, экономики и управления хозяйством и государством в целом. Полицейское право превратилось в самостоятельную научную дисциплину [12]. В предмет ее вошли теоретические и практические аспекты деятельности органов полиции, обеспечивающих правопорядок в рассматриваемый исторический период.

В XVIII в. под воздействием просветительской идеологии и философских воззрений немецкого просветителя Христиана Вольфа (1679–1754 г.) сформировалась концепция полицейского государства [3, с. 3], согласно которой основной функцией государства является обеспечение благосостояния всех граждан. Это предполагает активное вмешательство в регулирование практически всех сфер жизни общества, включая частные. Прусский король Фридрих Великий (1712–1786 г.), например, являясь последователем этой концепции, утверждал, что государство должно контролировать все аспекты жизни граждан, подобно тому, как родители заботятся о своих детях, включая их питание и потребление [8, с. 222–223]. Отдельные сферы общественного бытия, действительно, могут нуждаться в более строгом государственном регулировании, однако всесторонне жесткий контроль вызывает немало вопросов, в том числе и сегодня, а многие ученые-правоведы, отмечая подобные признаки в отдельных государствах, присваивают таким государствам статус авторитарных или тоталитарных.

Концепция Иоганна Генриха Готлиб Юсти (1717–1771 г.) о полицейском государстве представляет собой систематизированное изложение принципов организации государственной власти, направленных на достижение общего блага. Юсти утверждал, что основной задачей полиции является создание институциональных и административных механизмов, обеспечивающих гармоничное сочетание безопасности и благосостояния каждой отдельной семьи, с целью достижения аналогичного состояния всего общества [9]. В рамках этой концепции полиция рассматривается как многофункциональный институт, охватывающий широкий спектр внутренних дел государства. Юсти подчеркивал, что функции полиции выходят за рамки традиционного понимания охраны правопорядка и включают в себя меры, направленные на укрепление и приумножение общего могущества государства. К этим мерам относятся: регулирование коммерции, управление финансами, развитие городского и сельского хозяйства, контроль за эксплуатацией шахт, лесное хозяйство и другие ключевые сферы государственной деятельности. Так Юсти обосновал подход к организации государственной власти, в котором полиция выступает как ключевой инструмент обеспечения общественного порядка и процветания.

Представители камерализма в полиции видели не только инструмент принуждения, но прежде всего – средство достижения государственных целей, направленных на благосостояние и общественное развитие. Государство выступало активным субъектом, обладающим правом и обязанностью глубоко вмешиваться в различные аспекты общественной жизни.

В XIX в. на фоне усиления либеральных идей и концепции правового государства, идеи полицейского государства подверглись существенной критике. Мыслители, придерживавшиеся либеральных взглядов, выступили против чрезмерного государственного вмешательства в общественную жизнь. Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835 г.) в своем труде «О пределах государственной деятельности» [1, с. 4(20)] подчеркивал, что государство должно ограничиваться обеспечением безопасности и справедливости, предоставляя индивидам широкие возможности для самореализации.

Оценил в негативном свете концепцию полицейского государства Роберт фон Моль (1799–1875 г.) [4, S. 250]. По его мнению, полицейское государство представляет собой форму правления, при которой государственная администрация осуществляет тотальное вмешательство в жизнь граждан, подавляя их права и свободы во имя абстрактной идеи «общего блага». Моль подчеркивал необходимость ограничения государственной власти, обеспечения защиты прав и свобод граждан, а также разделения властей, создания принципа верховенства закона и независимости судебной системы как важнейших гарантий против возможных злоупотреблений со стороны государства.

Несмотря на множественную критику, концепция полицейского государства продолжала эволюционировать, адаптируясь к новым социально-экономическим условиям. Некоторые ученые, например, Лоренц фон Штейн (1815–1890 г.), стремились переосмыслить концепцию полицейского государства в свете новых реалий. Штейн акцентировал внимание на необходимости государственного регулирования социальных отношений для обеспечения социальной справедливости и защиты интересов трудящихся [10], что более приемлемо, чем идея тотального контроля, которая представляется чрезмерно радикальной, даже с учетом некоторых современных тенденций развития человечества.

Следует акцентировать внимание на развитии идеи полицейского государства в XX в., которая использовалась в некоторых авторитарных режимах и диктатурах Европы, что способствовало ее глубокому отторжению за рубежом. Это привело к существенной трансформации содержания понятия «полицейское государство», которое утратило свое изначальное значение и приобрело коннотации, отражающие негативные аспекты государственного контроля. Негативное восприятие термина усилилось и вследствие буквального перевода немецкого термина «Polizeistaat» на английский как «Police state».

В конце 1930-х гг. этот термин получил широкое распространение в английской лексике, а также в академической и общественной среде, где он стал синонимом репрессивного характера нацистского режима в Германии [11].

Таким образом, термин «полицейское государство» приобрел устойчивую семантическую окраску, которая сегодня ассоциируется с репрессивным государственным аппаратом, осуществляющим тотальный контроль над всеми аспектами жизни общества. Такой режим в современном понимании, в отличие от исторического, характеризуется применением насилия против политических оппонентов и произвольными, зачастую незаконными действиями со стороны правоохранительных органов по отношению к гражданам, не согласным с общеполитическим курсом государства. Это преобразует термин в символ авторитаризма и подавления гражданских свобод.

Таким образом, концепция полицейского государства претерпела значительную эволюцию – от ранних идей эпохи развития камерализма до критического анализа в трудах представителей либеральной правовой мысли. В первоначальной интерпретации термин «полиция» обозначал инструмент, призванный обеспечивать благосостояние и национальную безопасность, а государство рассматривалось в качестве универсального опекуна, регулирующего практически все аспекты общественной жизни. Однако с развитием либеральных идей и концепции правового государства эта модель подверглась острой критике за чрезмерное вмешательство в личную свободу и общественные отношения. Были предприняты последовательные попытки адаптации концепции полицейского государства к новым социально-экономическим реалиям. Исследование развития идеи полицейского государства в зарубежной научной литературе позволяет глубже постичь трансформацию представлений о функциях государства в обществе и вычленить истоки современных дебатов о соотношении свободы и безопасности. Анализ исторических концепций полицейского государства способствует критической оценке современных практик государственного управления и предупреждению потенциальных злоупотреблений властью.

Список источников

1. Гумбольдт В. Ф. О пределах государственной деятельности / пер. с нем. Челябинск: Социум, 2009.
2. Кильдюшов О. В. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 3.
3. Куляскина И. Ю., Титлина Е. Ю. Полицейское государство: понятие и феномен // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 94.
4. Моль Р. Наука полиции по началам юридического государства. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1871.

5. Нижник Н. С. Полицейско-правовая теория об институционализации государственного управления и месте полиции в механизме государства // Современные проблемы общей теории права: материалы международ. науч.-практ. конф., посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 60-летию Алматинской академии МВД Республики Казахстан, Алмата, 7 июля 2016 г. Алмата: Алматин. акад. МВД Республики Казахстан, 2016.
6. Нижник Н. С. Полицейская система как элемент механизма реализации правоохранительной функции государства // Совершенствование законодательства о полиции и полицейской деятельности: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Омск, 12 ноября 2015 г. Омск: Омск. акад. МВД России, 2016.
7. Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Систематизация знаний об управлении обществом и становление науки полицейского права в Западной Европе в XVIII веке // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2014. № 3(63).
8. Нижник Н. С. Полицеистика: основные этапы развития полицейско-правовой теории в России // Российская полиция: три века служения Отечеству: сб. ст. Юбилейной международ. науч. конф. В 2-х ч., Москва, 21 декабря 2018 г. / под ред. В. Л. Кубышко. Ч. 1. М.: Акад. управления МВД России, 2019.
9. Нижник Н. С. Полицейское государство – социоюридический феномен: характеристика сущностных черт в отечественной полицейско-правовой теории // Вестн. Нижегород. ун-та имени Н. И. Лобачевского. 2018. № 6.
10. Нижник Н. С. Омнипотенция полицейского государства в оценке российской полицеистики // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11.
11. Нижник Н. С. Аксиологическое обоснование правового дискурса полицейского государства // Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования: сб. науч. тр., Минск, 3–4 мая 2019 г. / Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск: Акад. МВД Республики Беларусь, 2019.
12. Nizhnik N. S. Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State // Man. Society. Communication, Veliky Novgorod, 23–24 апреля 2020 г. ISO LONDON LIMITED: ISO LONDON LIMITED – European Publisher, 2021. P. 1826–1835. DOI 10.15405/epsbs.2021.05.02.228. EDN QCCGDR.

Материалы Всероссийского семинара «Применение современных информационных и телекоммуникационных технологий в раскрытии и расследовании киберпреступлений» (25 июня 2025 года)

УДК 004.056.53

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИЗУАЛЬНО-ОПТИЧЕСКОГО КАНАЛА УТЕЧКИ ИНФОРМАЦИИ

***А. М. Ахметвалеев**, заместитель начальника кафедры специальных информационных технологий учебно-научного комплекса информационных технологий Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат технических наук*

В статье показаны новые возможности использования визуально-оптического канала утечки информации с применением нейронных сетей и беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Расшифровка речи представляет собой новый способ добывания акустической информации из оптического канала. Рассмотрены системы визуального распознавания речи, позволяющие осуществлять перевод движений губ в слова и предложения. Указывается, что точность современных нейронных моделей распознавания англоязычных предложений составляет более 93 %. Показана возможность применения БПЛА для перехвата оптической информации. Освещены вопросы обеспечения информационной безопасности в условиях применения указанных технологий.

Ключевые слова: оптический канал, утечка информации, нейронная модель, распознавание речи, чтение по губам, беспилотный летательный аппарат.

MODERN TECHNOLOGIES OF USING VISUAL-OPTICAL INFORMATION LEAKAGE CHANNEL

***A. M. Akhmetvaleev**, deputy head of the Special Information Technologies Department of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russian, kandidat nauk, degree in in Technical Sciences*

The article shows new possibilities of using a visual-optical information leakage channel based on the use of neural networks and unmanned aerial vehicles (UAVs). Speech decoding is a new way of extracting acoustic information from an optical channel. Visual speech recognition systems allowing the translation of lip movements into words and sentences are considered. It is indicated that the accuracy of modern neural models for recognizing English sentences is more than 93 %. The possibility of using UAVs to intercept optical information is shown. The issues of ensuring information security in the context of the use of these technologies are highlighted.

Keywords: optical channel, information leakage, neural model, speech recognition, lip-reading, unmanned aerial vehicle.

Оптический канал утечки информации (ОКУИ) традиционно представляют как способ несанкционированного доступа к информации, при котором данные считываются или фиксируются с помощью визуального наблюдения или технических средств [4; 6]. Такие каналы в основном связаны с перехватом видимого и инфракрасного излучения, исходящего от объекта, будь то экран монитора, бумажный документ или отражающие поверхности.

Для наблюдения используются различные оптические приемники: фото- и видеокамеры, специальная техника для дистанционного наблюдения и т. д. Утечку информации по данному каналу сложно обнаружить, так как наблюдение в общем случае не оставляет цифровых следов по сравнению с большинством атак на компьютерные системы.

Считается, что результатом утечки в ОКУИ является изображение объекта наблюдения [4; 6], однако новые технологии позволили расширить способы применения канала. Это связано как с использованием новых приемников информации, таких как специальная аппаратура БПЛА, так и с перехватом данных, исходящих от объекта, но не свойственных ОКУИ, например, получением речевой информации за счет визуального распознавания.

Под визуальным распознаванием речи понимается общеизвестный термин «чтение по губам», представляющий собой процесс декодирования речи за счет комплексного анализа движений губ говорящего [5; 7; 10]. «Чтение

по губам» применяется для решения многих задач, среди которых наиболее распространенными являются помощь людям с нарушением слуха, а также улучшение распознавания речи в условиях шума и обеспечение безопасности в ситуациях, когда звукоусилительную технику применять нельзя.

Автоматизация визуального распознавания речи на практике связана с решением сложной математической, лингвистической и технологической задачи из-за неопределенности движений губ (в частности, из-за отнесения фонем к тому или иному классу звуков) и влияния многих внешних факторов (освещение, ракурс, наличие усов, расстояние до объекта и т. д.).

В последнее время, благодаря технологиям машинного зрения и применению нейросетевых технологий, значительно повысилась точность чтения по губам. Вместе с тем эти же технологии могут использоваться злоумышленниками и техническими разведками для реализации непубличного потенциала данных решений. С одной стороны, они могут стать инструментом в руках криминальной среды, позволяя создавать изощренные схемы утечки конфиденциальной информации. С другой стороны, эти же инструменты могут использоваться правоохранительными органами для решения прикладных задач оперативно-разыскной деятельности и повышения эффективности борьбы с преступностью.

Современные системы визуального распознавания речи на основе нейронных сетей (НС) состоят из следующих ключевых компонентов:

1) сверточные НС [4], которые используются для извлечения признаков и обнаруживают локальные паттерны (форма губ, углы, текстуры и переходы). Среди сверточных сетей можно назвать *ResNet, VGGNet* и *EfficientNet*;

2) модели временных зависимостей между кадрами видеоряда, необходимые для установления зависимости между движениями губ и элементами речи. Для реализации моделей применяются рекуррентные НС *LSTM (Long Short-Term Memory)* и GRU *(Gated Recurrent Unit)*;

3) модели, преобразующие визуальные признаки в текст, в том числе путем учета статистической частоты различных слов и фраз, которые используются для декодирования речи из последовательности движения губ [5; 7; 10].

В 2016 г. в Оксфордском университете разработали нейросеть *LipNet* [5], успешно распознающую по губам речь на уровне предложений с результатом в 93,4 % [2]. Данный проект остается актуальным и в настоящее время. НС для анализа движения губ выделяет ключевые области лица – глаза, нос, губы. Учет движений данных ключевых областей позволяет установить связь с произносимой речью.

Разработки НС для визуального распознавания речи ведутся и в Российской Федерации. В СПИИРАН разработали нейросетевую модель для распознавания команд водителя автотранспортного средства в сложной акустической обстановке, которая достигла точности распознавания речи по губам порядка 88,7 %.

В последние годы стали использоваться беспилотные авиационные средства для съема информации по оптическим каналам. БПЛА, оснащенные высококачественными оптическими и тепловизионными камерами, могут проводить скрытую видеосъемку через окна, проемы [9]. Это позволяет злоумышленникам получать доступ к конфиденциальным данным, отображаемым на мониторах, просматривать документы, наблюдать за действиями в помещениях.

БПЛА также могут перехватывать побочное электромагнитное излучение от дисплеев, клавиатур и других устройств, отображающих информацию, даже если они скрыты от прямого наблюдения [9].

Более того, обладая высокой мобильностью и возможностью скрытного проникновения на охраняемую территорию, БПЛА могут использоваться для установки миниатюрных камер, микрофонов и других устройств с целью сбора информации в охраняемых зонах. Из-за возможностей функционирования БПЛА на значительных высоте и расстоянии возникают объективные сложности по их обнаружению и перехвату. Это позволяет злоумышленникам собирать информацию особо не подвергая себя риску обнаружения.

В сфере информационной безопасности для защиты от использования ОКУИ рекомендуется применять следующие меры:

1) *физическую защиту помещений* – перекрытие путей распространения оптического сигнала в помещениях, где проводятся конфиденциальные переговоры, путем использования жалюзи, штор или тонировочных пленок для исключения прямой видимости объекта наблюдения;

2) *маскировку движений губ*, например, с помощью медицинских масок;

3) *административно-организационные меры* – введение регламентов по избеганию обсуждения конфиденциальных вопросов в непосредственной близости от окон, видеокамер или в неконтролируемых пространствах;

4) самоконтроль – формирование личной ответственности за создание потенциальной угрозы утечки информации через оптические каналы.

Для защиты информации от наблюдения с помощью БПЛА аппаратов требуются:

1) физическая защита и маскировка окон с использованием жалюзи, плотных штор или светонепроницаемых пленок;

2) противодействие БПЛА с использованием детекторов сканирования радиоэфира на наличие признаков управления и передачи видеосигнала, характерных для беспилотных систем, а также радиоэлектронное подавление каналов управления и навигации;

3) защита от побочных электромагнитных излучений с использованием пассивных и активных мер, например экранирование помещений и окон, а также электромагнитное зашумление опасных сигналов;

4) информирование сотрудников об угрозах, связанных с БПЛА, и правилах поведения для минимизации рисков, а также организации хранения документов на рабочих столах и размещения рабочих мест с конфиденциальной информацией, исключающих утечку.

Комплексное применение названных мер позволяет значительно снизить риск утечки информации через оптические каналы с использованием БПЛА.

Современные НС и БПЛА с их возможностями расширенного наблюдения зарекомендовали себя как перспективные инструменты для решения разнообразных прикладных противоправных задач обработки данных. Их развитие открыло и новые горизонты для эксплуатации технических каналов утечки информации, в частности оптических.

Дальнейшие исследования в области развития методов визуального распознавания речи позволяют расширять их применимость в различных сферах, открывая подчас неожиданные перспективы технологического совершенствования оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел [1].

В связи с этим особо стоит подчеркнуть, что в период становления и активного развития современных технологий крайне важно обеспечить совершенствование нормативно-правовой базы в целях недопущения злоупотребления высокотехнологичными достижениями и их неконтролируемого использования в противоправных целях.

Список источников

1. Андреев А. А., Бондарь К. М., Минаев В. А. Терроризм и экстремизм: моделирование информационного противодействия. Хабаровск: Дальневост. юрид. ин-т МВД Росии, 2020. 248 с.
2. Ахметвалеев А. М. О возможности визуального распознавания речи в оптических каналах утечки информации // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов: междунар. науч.-практ. конф. М.: Акад. упр. МВД России, 2025. С. 37–43.
3. Ахметвалеев А. М. Технология бесконтактного превентивного выявления потенциально опасных лиц в интеллектуальных системах поддержки принятия решений // Аналитическая механика, устойчивость и управление: тр. XI междунар. конф. Казань: КНИТУ-КАИ, 2017. С. 309–316.
4. Голиков А. М. Защита информации от утечки по техническим каналам: учеб. пособие. Томск: Том. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2015. 256 с.
5. Нейросеть LipNet читает по губам с точностью 93,4 % // Хабр: [сайт]. URL: https://habr.com/ru/articles/398901/ (дата обращения: 23.06.2025).
6. Соколов А. И., Монахов М. Ю. Технические средства защиты информации: технические каналы утечки информации: учеб. пособие. Владимир: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2006. 71 с.

7. Afouras T., Chung J. S., Zisserman A. (2018). Deep Audiovisual Speech Recognition. IEEE transactions on pattern analysis and machine intelligence. 2018. 40 (11). P. 2690–2703.
8. Khan, A. A., Khan, M. Security and Privacy Challenges in Using Drones: A Survey // Journal of Network and Computer Applications. 2018. Vol. 124. P. 21–34.
9. Loughry J. R., Umphress D. A. Information Leakage from Optical Emanations // ACM Transactions on Information and System Security (TISSEC). 2002. Vol. 5, No 3. P. 262–282.
10. Naylor G., & Ling D. Evaluating models of speech intelligibility: The need to predict more than just the mean score // The Journal of the Acoustical Society of America. 2018. 144 (5), P. 3134–3134.

УДК 343.7

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ ВНЕШНЕГО ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ГРАЖДАН К ДИСТАНЦИОННОМУ МОШЕННИЧЕСТВУ

***А. Д. Белоусов**, ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, кандидат биологических наук, доцент*

В статье приведен авторский подход к пониманию значимости, целевой направленности, возможности внешнего формирования и реализации психологической устойчивости, которую требуется развивать у граждан страны при организации эффективного противодействия дистанционным формам мошенничества как одним из самых распространенных и социально напряженных видов современной киберпреступности.

Ключевые слова: формирование психологической устойчивости граждан, дистанционное мошенничество, киберпреступность, правоохранительный орган.

EXPEDIENCY AND POSSIBILITY OF EXTERNAL FORMATION OF PSYCHOLOGICAL RESISTANCE OF CITIZENS TO REMOTE FRAUD

***A. D. Belousov**, leading researcher of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Biology, Associate Professor*

The article presents the author's approach to understanding the importance, purpose, and possibility of external formation and realization of psychological stability, which must be developed among citizens of the country in organizing effective counteraction to remote forms of fraud, as one of the most widespread and socially stressful types of modern cybercrime.

Keywords: formation of psychological stability of citizens, remote fraud, cybercrime, law enforcement agency.

В настоящее время значительной социальной проблемой остается хищение денежных средств граждан на основе преступного психологического влияния через телефонию, ресурсы сети Интернет, а в общем виде – с помощью дистанционных информационно-телекоммуникационных технологий. Оно квалифицируется как преступление, предусмотренное соответствующим пунктом статей 158 и 159 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Введение потенциальных жертв в заблуждение значительно облегчает технически возможная «мимикрия» телефонных звонков, аудио- видео- и текстовых сообщений мошенников под идущие от подлинных адресатов. Методика дипфейков (*Deepfake*), основанная на искусственном интеллекте, в перспективе способна поддерживать высокий уровень данной преступности.

Сотрудники научных подразделений ВНИИ МВД России психологического профиля проводят всесторонние исследования данной проблемы. Конечной целью разработок мы видим донесение до каждого сотрудника и других граждан (через участие в рабочей группе Центробанка) психологической сути мошеннического акта, формирование готовности людей к критичному восприятию сообщаемой им информации, закрепление у них на уровне поведенческих навыков простых принципов оценки и реакций на попытки дистанционного введения в заблуждение.

Системное представление комплекса профилактических мер с коммуникационной точки зрения, по нашему мнению, сводится к трем базовым направлениям:

1) недопущению этой коммуникации (извне) – реализуема технически специалистами;

2) устранению замыслов мошенников (их изоляция от общества или угроза наказания) – реализуема правоохранительными и законотворческими институтами;

3) безопасной реакции граждан (если такая коммуникация все же состоялась) – реализуема информационными средствами разной широты охвата населения (с использованием знаний о механизмах функционировании психики).

Прежде чем детализировать основные идеи и результаты психологического исследования дистанционного мошеннического влияния, обозначим ключевые тезисы или отправные точки проблемы профилактики действенности манипулятивных технологий.

Объективные характеристики проблемы (профилактики действенности манипулятивных технологий):

– суть мошеннических технологий – воздействие на психику конкретного человека;

– отсутствие у атакуемого времени на адаптацию и использование специфичных ресурсов для уверенного и безопасного пребывания в новом информационном пространстве;

– совершенствование технологий влияния параллельно развитию новых возможностей информационной среды;

– возможность выделить в многообразии видов воздействия более ограниченное число в соответствии с психологическими алгоритмами;

– возможность профилактики при знании личностных мишеней и разновидностей воздействия.

В ходе исследований нами были тщательно изучены многие мошеннические алгоритмы и в результате анализа и обобщений обнаружены психологические технологии влияния. На основании этого были проведены соответствующие классификации как целых преступных алгоритмов, так и их отдельных блоков, что позволяет предвидеть смысл новых схем и объяснять манипулятивный характер отдельных действий преступников.

Практическая цель этих результатов – в грамотной подаче профилактической информации гражданам. Она отличается от сухого информирования о возникновении очередной новой мошеннической схемы и, соответственно, от сложных профилактических рекомендаций технического и экономического характера по правилам поведения в соответствующих условиях. Вместо этого гражданам может быть объяснена манипулятивная суть отдельных фраз и действий мошенников, а рекомендации – содержать упрощенные принципы оценки ситуации и поведения.

Многие из потерпевших ранее слышали из разных источников о существовании таких угроз, что не защитило их от потери денег при поступлении звонков или сообщений от неизвестных лиц. Отсюда выводы: либо способ донесения профилактической информации был неудовлетворительным, либо причина – в личностных особенностях самих потерпевших.

Ответы на данные вопросы способны значительно снизить уровень преступности данного вида, так как, очевидно, что, какие бы технические барьеры ни разрабатывались государством и ведомствами, мошенники находят способы выхода на личный контакт с человеком и от его восприятия и действий будет зависеть, сработает ли преступный алгоритм.

На основании проведенного нами исследования мы не разделяем точку зрения о том, что потерпевшим от дистанционных действий мошенников может стать каждый.

Оттолкнемся от типичных для ситуации мошеннического телефонного звонка психологически значимых условий, направленных на вызывание состояния повышенной внушаемости потерпевших:

– неожиданность (контраст высокой значимости сообщаемой темы и предшествовавшего относительно ровного эмоционального состояния);

– высокая личная актуальность темы сообщения;

– ограниченность (недостаточность) каналов восприятия (чаще только слуховой);

– недостаточность времени для принятия решений;

– недостаточность у потерпевшего специальных компетенций по поводу сообщаемого (это создает сумбур из потока информации, перегружающей сознание), а также воздействие специфических смысловых условий, таких как владение мошенником личной информацией об адресате звонка или обращение к нему от имени знакомой авторитетной личности.

Имеющиеся отдельные исследования в направлении выявления личностных особенностей лиц, не устойчивых перед мошенническими действиями, на наш взгляд, не в полной мере учитывают психологические механизмы восприятия, сортировки и обработки информации потерпевшими, а кроме этого, динамику их реагирования на стимулы злоумышленников, реализуемые в специфических условиях [1; 2].

Таким образом, мы сделали эмпирический вывод о том, что в данных обстоятельствах предъявляются особенно высокие требования к таким когнитивным (мыслительным) операциям слушающего, как восприятие, контроль и реагирование. Очевидно также, что имеются значительные индивидуальные различия между людьми по выраженности соответствующих когнитивных стилей [3]: поленезависимость (полезависимость) восприятия; гибкость (ригидность), интернальность (экстернальность) познавательного контроля; рефлексивность (импульсивность) реагирования.

Сравнительное исследование лиц, потерпевших от действий мошенников и тех, кто никогда не терял свои средства при общении с ними, позволило выделить четыре типичных профиля стилевых мыслительных особенностей, различающих их обладателей по устойчивости к дистанционным влияниям.

На основании Методики оценки стилей мышления по функциональной асимметрии мозга (К. Безингер) в выборке «устойчивых» лиц [4]:

1) левополушарные независимые – 47,6 %;

2) левополушарные коллективные – 28,6 %;

3) правополушарные коллективные – 14,3 %;

4) несбалансированные межполушарные – 9,5 %.

Информация о личностных причинах уязвимости граждан к дистанционному мошенническому влиянию дает возможность научно обосновать создание профилактического контента в форме роликов социальной рекламы. Они должны не просто представлять примеры новых мошеннических алгоритмов, а быть направлены на коррекцию неэффективных мыслительных особенностей.

Самыми общими формами такого массового профилактического материала могут быть:

1) учет стилевых типажей потребителей (для подстройки к ним образов героев рекламы);

2) коррекция или расширение диапазона реагирования граждан (при демонстрации новых способов мышления и действий).

Такая подача материала особенно важна в качестве альтернативы сухому информированию населения, которое, как свидетельствует практика, не решает задачу изменения неконструктивного поведения значительной доли населения.

В целом можно достаточно исчерпывающе очертить самые общие направления в содержании профилактического контента:

1) ознакомление с примерами мошеннических воздействий (эффективно для лиц, демонстрирующих конструктивные мыслительные стратегии в отношении действий мошенников);

2) использование развивающих сценарией, «усиливающих» выраженность необходимых качеств и стратегий: рефлексивности, независимости, гибкости в мышлении и т. д.;

3) проигрывание купирующих сценариев, «устраняющих» или снижающих проявление неэффективных качеств и стратегий: внушаемости, комфортности, шаблонности, ограничивающих убеждений и т. д.

Относительно низкая доля соответствующей социальной рекламы в средствах массовой информации, по нашему мнению, связана в первую очередь с нерешенностью организационных задач по ее созданию и распространению.

Кроме этого, полученные результаты могут иметь прикладное значение и для поддержания профессиональной готовности сотрудников подразделений следствия и дознания органов внутренних дел. Так, согласно проведенным нами исследованиям, у значительной части данных профессионалов выявлены когнитивно-стилевые особенности, не способствующие рассматриваемой устойчивости к мошенническим действиям. Получено следующее распределение:

– полезависимость восприятия – выявлена у 60 % сотрудников;

– импульсивность реагирования – у 33 %;

– ригидность познавательного контроля – у 66 %;

– экстернальность познавательного контроля – у 88,9 %.

Знание о типичных психологических чертах потерпевших по уголовным делам данной категории может быть полезно и для повышения эффективности их допроса.

Так, 63,8 % опрошенных сотрудников следственных подразделений указали на наличие специфических затруднений при допросе данных лиц. Среди таких затруднений психологического порядка 31,8 % сотрудников выделили необходимость преодоления особых психических состояний допрашиваемых. Далее, 9,1 % опрошенных следователей отнесли к трудностям при допросе потерпевших (вне зависимости от их возраста) их личностные особенности.

Дальнейшие исследования в направлении раскрытия психологической составляющей преступлений на основе дистанционного влияния способны не только объяснить причины распространенности уже известных мошеннических схем, но и предвидеть возникновение новых по мере совершенствования информационно-телекоммуникационных технологий.

Список источников

1. Мешкова Н. В., Кудрявцев В. Т., Ениколопов С. Н. К психологическому портрету жертв телефонного мошенничества // Вестн. Моск. ун-та. Психология. 2022. № 1. С. 138–157.
2. Мешкова Н. В., Ениколопов С. Н., Кравцов О. Г. Психологический профиль макиавеллистов в рамках исследования симптомокомплекса жертв манипулятивного поведения // Сибир. психолог. журн. 2020. № 78. С. 6–20.
3. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004. 346 с.
4. Benziger K. The Physiology of Type: Introversion and Extraversion, Benziger Thinking Styles Assessment // K. Benziger: [сайт]. URL: www.benziger.org/articlesIng/?p30 (дата обращения: 20.09.24).

УДК 343.98: 351.754.1:519.715

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

***К. М. Бондарь**, профессор кафедры информационного и технического обеспечения органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат технических наук, доцент*

В статье делается попытка проанализировать современную деятельность правоохранительных органов по раскрытию и расследованию киберпреступлений в общем виде, а также делается акцент на кибермошенничестве, являющемся социально актуальным из-за активного развития в последнее время. По мнению автора, основным концептуальным и технологическим ресурсом противодействия киберпреступности является ориентация на исследование возможностей адаптации и применения технологий искусственного интеллекта. Это обусловлено, в частности, тем, что данная форма общественного преступного проявления, прежде всего базируется на технологических и организационных недостатках, проявляющихся в создании и использовании систем информационной киберзащиты.

Ключевые слова: правоохранительный орган, кибербезопасность, киберпреступность, кибермошенничество, метод раскрытия и расследования.

THE USE OF INTELLIGENT TECHNOLOGIES IN COUNTERING CYBERCRIME

***K. M. Bondar**, professor of the Department of Information and Technical Support of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Technical Sciences, Associate Professor*

The article attempts to analyze the current activities of law enforcement agencies in the field of cybercrime detection and investigation, with a particular focus on cyberfraud, which has become a socially relevant issue due to its recent rapid growth. According to the author, the main conceptual and technological resource for combating cybercrime is the focus on exploring the possibilities of adapting and utilizing artificial

intelligence technologies. This is due to the fact that this form of public crime is primarily based on technological and organizational weaknesses in the creation and use of information cyberdefense systems.

Keywords: law enforcement agency, cybersecurity, cybercrime, cyberfraud, method of detection and investigation.

Актуальность активной работы правоохранительных органов в отмеченной сфере определяется современными трендами роста видов и объемов киберпреступлений в мире, и стране в частности, что относится, к сожалению, к объективной реальности. В этом плане уже обоснованным вариантом решения проблем является разработка подходов и методов использования технологий искусственного интеллекта (ИИ).

По-нашему мнению, один из рациональных путей в данном случае – привести некоторые наглядные представления по ряду направлений правоохранительной деятельности. Предлагаемые аспекты являются довольно значимыми в общем объеме работы по расследованию и раскрытию преступлений, в том числе киберпреступлений, на основе применения тех или иных технологий ИИ. Осветим общие положения эволюционного подхода к применению ИИ в решении оперативно-служебных задач правоохранительных органов, а также отметим и революционные, по нашему мнению, составляющие.

Итак, назовем направления, где нашли применение и перспективны подходы и методы обращения к технологиям ИИ для обеспечения поддержки раскрытия и расследования общеуголовных и киберпреступлений, объединяемых общими тактическими решениями, но обращенных к разным предметам и способам совершения преступных деяний.

Цифровые следы Интернета – основа оперативно-разыскного поиска. Полученные в данном направлении результаты в наиболее общем виде представлены монографии «Противодействие экстремистской идеологии в социальных медиа: математические модели и методы» [4]. Там авторами раскрыта методика программно-интеллектуального выявления и анализа материалов оперативного интереса в публичном пространстве социальных медиа.

Базовым положением выделено то, что любая человеческая деятельность оставляет после себя определенные следы («цифровые»), физически являющиеся совокупностью уникальных наборов действий пользователя в сети Интернет или на микропроцессорных аппаратных устройствах. Данные типы следов в том или ином формате могут быть использованы в системе доказательств при раскрытии и расследовании общеуголовных и киберпреступлений.

Важной особенностью «цифровых следов», оставляемых объектами оперативного интереса в процессе сетевой активности, является то, что эти объективные информационные сведения постоянно меняются, что делает целесообразным их профессиональный смысловой мониторинг [1].

Противодействие серийным преступлениям. Преступления данного вида считаются одними из самых сложных в раскрытии и расследовании. Они требуют высокопрофессиональных подходов и умений, специализированной тактики в процессах поиска, сбора, информационного обоснования выдвигаемых версий.

Естественно, что эффективную помощь в этой правоохранительной деятельности могут оказать подходы и методы использования специализированных технологий ИИ. Особенности научной проработки и организации внедрения в практику подобного инструментария можно проследить, например, в статье коллектива авторов «Искусственный интеллект в борьбе с серийными преступлениями. Научная разработка в практику» [2].

Экономическая безопасность и противодействие коррупции. В указанной сфере, как и по другим направлениям интеллектуальной поддержки оперативно-служебных задач правоохранительных органов, имеются значительные наработки, представляющие интерес применения технологий ИИ против самого распространенного вида – кибермошенничества.

Реальная практика в целом говорит о достаточно активном использовании технологий ИИ в деятельности сотрудников полиции. Речь идет прежде всего о таких системах, как ИСОД МВД России, «Карта криминогенности», «Безопасный город», «Дистанционное мошенничество», «ИБД-Ф» (федеральный интегрированный банк данных), «Следопыт-М», «Паутина» с включением массивов данных от «Розыск-Nano», «Сфера», «Крибрум», «Зеркало» («Верблюд»), «ФинЦЕРТ» и многих других.

Профилактика преступлений в киберпространстве. Обозначим изыскания В. Ю. Федоровича, связанные с созданием частной теории криминалистической (экспертной) профилактики или превенции именно в оцениваемой области [6]. Краткая смысловая основа данного научно-практического подхода формулируется автором на основании соединения новелл современного нормативно-правового регулирования общих задач профилактической деятельности правоохранительных органов и выполняемых уже долгое время целенаправленных изысканий в этой предметной области.

Учитывая всепроникающее влияние технологий ИИ во все сферы человеческой деятельности, в современных условиях актуально создание сильного инструментария ИИ для выявления и нейтрализации угроз безопасности общества, выработки правовых и организационно-технических механизмов реагирования на потенциальные и существующие угрозы, особенно при реализации эффективных средств профилактики и предотвращения преступлений.

Таким образом, освещены общие, систематизированные положения, относимые к *эволюционному подходу* в развитии применения ИИ в решении оперативно-служебных задач правоохранительных органов. Но следует уделить

определенное внимание и революционным, по сути, тенденциям, которые ранее казались исследователям не обладающими перспективностью, значительным потенциалом в формировании новых подходов, технологических решений, активной востребованностью практических приложений и т. д.

В числе таких тенденциозных направлений отметим те, которые составляют ведомственный интерес автора и относятся к предметной сфере многих последних изысканий.

Первое связано, в принципе, с известными и применяемыми технологиями – это *использование беспилотных транспортных средств*, в частности, беспилотных авиационных средств, функционального набора возможностей организации их движения, управления ими, в реализации которых все большее место отводится технологиям ИИ.

К современным факторам интенсификации отмеченного направления в основном относятся: технико-политические, политико-организационные условия развития мира; резкие ресурсные вливания для совершенствования технологий (в связи с международной обстановкой, военным противостоянием политических систем); новые пути использования технологических решений (ранее не требовавшиеся или потенциально не оценивавшиеся). Общие направления использования воздушных беспилотных средств, в том числе под управлением технологий ИИ, применительно к деятельности органов внутренних дел, выражаются следующим функционалом:

– видеонаблюдение – оперативно-служебное и профилактическое. Например: обеспечение массовых, представительских, протестных мероприятий; выполнение задач «Безопасного города»; предотвращение и профилактика террористических актов и т. д.;

– разыскные мероприятия;

– организация оперативной связи;

– поддержка проведения оперативно-разыскных и следственных мероприятий (задержание, проведение операций, пресечение нелегальной миграции и т. д.; осмотр места происшествия, особенно со сложными и опасными условиями, требующими 3-D-видеоотчета);

– видеонаблюдение за наземными и морскими линиями регулярных сообщений, транспортными потоками, транспортом, угнанным или представляющим оперативный интерес; анализ причин ДТП;

– противодействие морскому пиратству;

– фиксация незаконной разработки недр, хищения биоресурсов, выращивания растений, содержащих наркотические средства, и т. д. [3].

При этом не следует забывать, что данный вариант использования технологий ИИ – беспилотные воздушные средства – вызвал, к сожалению, активный

интерес у так называемой высокотехнологичной преступности. Все более широкое распространение данной особенности связано как с организацией новых видов общеуголовной и киберпреступности на базе интеллектуального управления беспилотными воздушными средствами, так и с созданием и воплощением ранее не встречавшихся киберугроз, которые преступный мир направляет непосредственного на нарушение безопасного управления беспилотникам (реализация киберпреступлений обновленной формации).

Противоправными формами деяний в этом частном виде являются, например: террористическая деятельность, посягательство на жизнь; несанкционированное исследование разных видов объектов, фиксация результатов и потенциальное их применение для организации последующих преступлений; слежка за людьми и объектами; контрабанда запрещенных предметов (оружие, наркотики, средства связи, денежные средства и т. д.), доставка их в режимные области и места; отслеживание действий правоохранительных органов и организация маневров по сокрытию следов, выхода без ущерба из оперативных ситуаций; реализация новых видов и типов киберпреступлений, руководство их осуществлением [5].

Второе направление было фактически порождено противоречиями, традиционно относимыми к противостоянию, борьбе или даже своеобразной «войне» технологий. Речь идет о по сути тенденциях использования технологий ИИ для подготовки и непосредственного совершения киберпреступлений.

Организация должного противодействия данным негативным процессам, естественно, подразумевает при этом поиск эффективных решений. В этом плане оказалось, что требующийся уровень обеспечивают как раз технологии ИИ, применяемые в различных приложениях, аппаратно-программных комплексах и других видах технической и технологической агрегации.

Поэтому именно тенденция применения технологий ИИ в целях борьбы с киберпреступностью обладает характеристиками революционного развития. Это обусловлено взаимосвязью и взаимовлиянием указанных сторон противоречия, очень быстрыми темпами непосредственного становления ИИ как такового, теоретического и практического совершенствования создаваемых и внедряемых решений в конкретной сфере киберпреступлений и, в частности, кибермошенничества.

В целом описанные ситуации и отражают современные направления использования интеллектуальных технологий в противодействии киберпреступлениям. Их уровень мы относим в каком-то смысле к революционным изменениям, бурно развивающимся под воздействием ряда новых факторов и требующих в связи с этим активной ресурсной и целенаправленной государственной реакции правоохранительных органов.

Список источников

1. Бондарь К. М., Минаев В. А., Коломина А. С. Технологии поиска дискредитирующей информации в социальных медиа // Информация и безопасность. 2024. Т. 27, вып. 4. С. 591–598.
2. Владимиров В. Ю., Данилов И. А., Ильин Н. Н. Искусственный интеллект в борьбе с серийными преступлениями. Научная разработка в практику // Тр. Акад. упр. МВД России. 2024. № 4 (72). С. 139–150.
3. Жданов Ю., Овчинский В. Полиция будущего. М., 2018. 166 с.
4. Противодействие экстремистской идеологии в социальных медиа: математические модели и методы: моногр. / В. А. Минаев, К. М. Бондарь, А. Н. Рабчевский, В. Ю. Федорович; под ред. В. А. Минаева, К. М. Бондаря; Дальневосточ. юрид. ин-т МВД России. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2023. 232 с.
5. Суходолов А. П., Бычкова А. М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // Всерос. криминолог. журн. 2018. Т. 12, № 6. С. 753–766.
6. Федорович В. Ю. Технологии искусственного интеллекта в решении экспертно-профилактических задач // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов: сб. тр. междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. В. Бецкова [и др.]. М.: Акад. упр. МВД России, 2025. С. 397–402.

УДК 339.564

СОВРЕМЕННЫЕ «ТРЕНДЫ» КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

***К. М. Бондарь**, профессор кафедры информационного и технического обеспечения органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат технических наук, доцент;*

***Ю. В. Броненкова**, заместитель начальника кафедры информационных технологий Академии управления МВД России*

В статье акцентировано внимание на отсутствии единого подхода к определению киберпреступности в рамках международных правовых актов. Рассмотрены ее мировые тенденции, а также особенности эволюции киберпреступлений в России. Обсуждены направления решения задач обеспечения кибербезопасности – правовое направление и механизмы эмоциональной поддержки лиц, подвергающихся криминалу со стороны кибермошенников.

Ключевые слова: киберпреступность, киберугроза, кибербезопасность.

MODERN "TRENDS" OF CYBERCRIME

***K. M. Bondar**, professor of the Department of Information and Technical Support of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Technical Sciences, Associate Professor;*

***Yu. V. Bronenkova**, deputy head of the Information Technology Department of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article focuses on the lack of a unified approach to the definition of cybercrime within the framework of international legal acts. Its global trends are considered, as well as the features of the evolution of cybercrime in Russia. The directions of solving cybersecurity problems were discussed, including legal and emotional support mechanisms for persons who are subjected to criminal acts by cybercriminals.

Keywords: cybercrime, cyber threat, cybersecurity.

На уровне национальных правовых систем пока нет единого подхода к определению киберпреступности. Так, Будапештская конвенция о киберпреступности 2001 г., как первый международный договор, направленный на борьбу с компьютерной преступностью, по своей сути должна отражать специфическую регламентацию правонарушений в этой сфере, но и она содержит некоторую подмену понятий: термин «киберпреступление» аккуратно заменяется термином «компьютерное преступление» [1].

Эти сложности сохраняются и сейчас. Об этом свидетельствует, например, тезаурус современной Конвенции ООН против киберпреступности [2], принятой в 2024 г.

Возвращаясь к Будапештской конвенции, отметим, что к киберпреступлениям в ней отнесены преступления с таким обязательным признаком совершения, как использование компьютерной техники. Специалисты из Лаборатории Касперского к киберпреступлениям относят, например, мошенничество с использованием электронной почты и Интернета; кражу «цифровой личности» (хищение и использование личных данных); кражу данных платежных карт и другой финансовой информации [6].

Рассмотрим некоторые мировые тенденции в области киберпреступности (рис. 1, рис. 2).

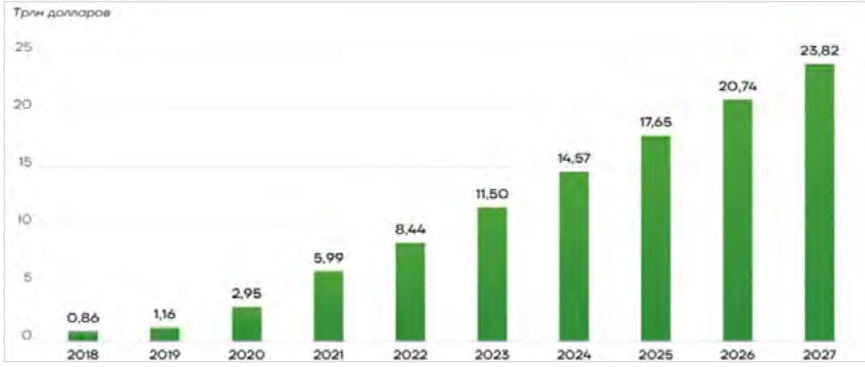

Рис. 1. Ежегодные потери в мире от кибератак [4]

В зарубежных публикациях мотивы совершения киберпреступлений распределяются следующим образом: корыстные побуждения – 66 %, шпионаж и диверсия – 17 %, исследовательский интерес – 7 %, хулиганство и месть – по 5 % [4].

Масштабы киберпреступлений измеряются миллионными показателями: каждый день в мире около 1 млн человек становятся жертвами киберпреступников; ежегодно данная статистика говорит о 0,4 млрд жертв [4].

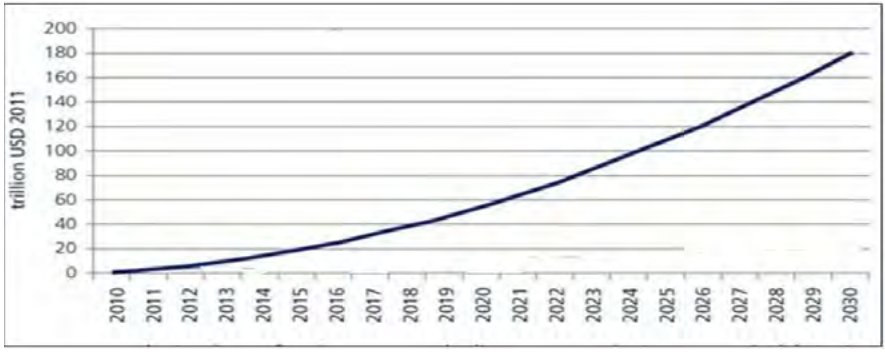

Рис. 2. Динамика и прогноз мирового кумулятивного ущерба от кибератак [4]

Как одно из ключевых киберпреступлений фишинговые атаки по странам мира в первой десятке распределяется следующим образом: в США – 37,3 %, России – 11,6 %, Китае – 10,3 %, Германии – 5,6 %, Румынии – 5,1 %, Франции – 3,3 %, Южной Корее – 3,3 %, Канаде – 1,9 %, Великобритании – 1,9 %, Италии – 1,6 %.

Обратимся к состоянию проблемы киберпреступности в России. Здесь отмечается значительное повышение киберпреступлений в общей структуре преступности (с трети в 2023 г. до почти 40 % в 2024, а за 10 лет показатели увеличились в 150 раз, около двух третей – кражи или мошенничества). До 70 % возросло количество *DDoS*-атак на важные информационные объекты России, фишинговые атаки за 2024 г. увеличились более чем в пять раз [7]. Обострилась проблема дистанционного мошенничества, совершаемого посредством социальной инженерии.

Естественной реакцией на это является блокировка звонков с подменных номеров с помощью системы «Антифрод», созданной Роскомнадзором (в 2023 г. блокировке подверглось около 2 млрд звонков мошенников [5]). Усиливаются меры уголовной ответственности дропперов.

Правоохранительные органы создают комплекс мероприятий по сокращению путей утечки персональных данных, попадающих к мошенникам. Цель – исключить избыточный сбор персональных данных и организовать их надежное уничтожение после проведения с ними законных информационных операций. Важным при этом представляется усиление профилактической деятельности среди граждан страны [7].

Преступниками все больше используются достижения искусственного интеллекта (ИИ), нейросетей, генеративного ИИ (ГИИ). С помощью ГИИ осуществляются противоправные процедуры по имитации контентов

фишинговых веб-сайтов, страниц банков, фейковых магазинов известных брендов, где предлагаются «неожиданные» акции или значительные скидки на товары и услуги.

В числе киберпреступлений – онлайн-мошенничество, попытка заражения устройств вредоносным программным обеспечением, фишинг в известных социальных сетях, что приводит к воздействию различных киберугроз примерно на две трети российских пользователей. При этом отмечен опасный тренд, связанный с манипуляцией эмоциями с целью заставить жертв переводить деньги на «безопасные счета».

Все это стало возможным с ростом доступности интеллектуальных программных инструментов для все повышающего свой профессиональный уровень криминалитета.

Все больший размах приобретает традиционное телефонное мошенничество, но с доработками по использованию ИИ (в основном на базе нейронных сетей идет генерация поддельных аудио- и видеоматериалов в масштабе реального времени). Они позволяют эффективно атаковать эмоциональную сферу потенциальных жертв и притуплять бдительность (например, это инсценировка сообщений от руководителей любого уровня; представителей силовых структур; о произошедших авариях и катастрофах, в которые вовлечены родственники; о возникновении крупной задолженности; о потенциальной возможности крупно выиграть; об оказания социальных или иных услуг со значительными скидками и т. д.).

На весенней Коллегии МВД России в 2025 г. президент Российской Федерации В. В. Путин и министр внутренних дел В. А. Колокольцева отметили рост кибермошенничества до «недопустимого размера ущерба», а сам факт этого роста сравнили с уровнем угрозы национальной безопасности [8].

При создании киберзащиты индивидуальных пользователей требуются интеллектуальные технологические решения, которые позволяют реализовывать следующий функционал:

– профилактическое воздействие на злоумышленника, заставляющее его оценить факт специального противодействия и, возможно, отказаться от продолжения преступного деяния;

– снижение вероятности наступления первичного психологического воздействия, затормаживающего механизмы критического оценивания ситуации.

На последнее как раз и рассчитывают кибермошенники, пытаясь дестабилизировать нормальное состояние жертвы. Далее на этой основе осуществляется преступное получение с атакуемого лица денежных средств.

Исходя из высказанных соображений, рассмотрим два направления, по которым ожидается активизация применения технологий ИИ для более эффективного решения задач обеспечения кибербезопасности.

Правовое обеспечение. Недавно в России принят федеральный закон, регламентирующий создание государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий [3].

Применение этого закона предполагается путем реализации следующего функционала:

– установки самозапрета на дистанционное оформление СИМ-карт, чтобы исключить данную опцию со стороны злоумышленников;

– установки самозапрета на международные звонки, рассылку спама и массовые обзвоны, СМС-рассылки;

– введения при приеме звонков маркировки вызывающей организации;

– исключения в период проведения телефонного разговора сообщений пользователю от портала «Госуслуги» (в том числе, кода подтверждения);

– использования биометрии при получении микрозаймов российскими пользователями;

– введения в обязанности банков обязательств по проведению мероприятий по антифроду как на онлайн-платежи, так и на операции в банкоматах, а также по проверке признаков выдачи денег в банкомате без добровольного согласия клиента.

Наряду с указанными новыми решениями необходимо использовать уже наработанный опыт, а именно исключить обращение к файлам из сомнительных источников, переход по подозрительным ссылкам; эксплуатировать только официальные программные приложения и платформы с регулярным обновлением; сделать обязательными процедуры защиты на основе сложных и уникальных паролей, применения не менее как двухфакторной аутентификации, использования надежных антивирусных решений.

Нужно задействовать механизмы эмоциональной поддержки. Целый ряд киберпреступлений связан с эмоциональной дестабилизацией жертвы, запуском психологического механизма ее эмоционального расстройства (испуг, страх, прострация, желание обогатиться при некоторых надуманных обстоятельствах). Это приводит к технологической, правовой, экономической неопределенности.

Задача инструментария – не допустить, чтобы атакуемый успел «запустить» в себе процедуры и механизмы эмоциональных реакций на воздействие, которое чаще всего выражается в «легенде оригинальных обстоятельств», излагаемых кибермошенниками. Например, банки Сбер, ВТБ создают программные интеллектуальные продукты – «защитники».

Важны возможности инструментария по поиску и фиксации цифровых следов воздействия как источников криминалистически значимой информации, признаков серийности кибератак, деанонимизации исполнителей, то есть определения реальных подозреваемых в совершении киберпреступлений, а затем

при наличии комплекса доказательств – предъявления обвинения. Высказанные соображения приводят к выводу, что указанный инструментарий должны применять специализированные структуры правоохранительных органов, ответственные за организацию кибербезопасности и противодействие киберпреступности.

В статье системно изложены основные факторы становления и трактовки киберпреступности, ее современных особенностей, текущего состояния и проявившихся тенденций развития, пути эффективного противодействия со стороны правоохранительных органов, в том числе путем активного применения технологий искусственного интеллекта.

Список источников

1. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации, ETS № 185: [заключена в Будапеште 23.11.2001] // Европейский парламент: [сайт]. URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7_convbudapest_/7_conv_budapest_en.pdf (дата обращения: 31.05.2025).
2. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности // Информация для всех: [сайт]. URL: https://ifap.ru/pr/2024/n241230a.pdf (дата обращения: 29.05.2025).
3. О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Иллюстрации об ущербе от кибератак // Яндекс: [сайт]. URL: https://yandex.ru/images/search?lr=214&source=serp&stype=image&text=ущерб%20от%20кибератак%20картинки (дата обращения: 29.05.2025).
5. Королькова Е. Проблема острая, решение есть // Полиция России. 2025. № 1. С. 11.
6. Лаборатория Касперского о киберпреступлениях // Kaspersky: [сайт]. URL: https://esg.kaspersky.com/ru/safer-cyber-world/combating-cybercrime (дата обращения: 29.05.2025).
7. Немов Ф. Н. Что противопоставить виртуальному злу // Полиция России. 2025. № 1. С. 12–15.
8. Расширенное заседание коллегии МВД // События. 2025. 5 марта // Президент России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408 (дата обращения: 31.05.2025).

УДК 004.056.5

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЪЕКТОВ КРИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

***Д. П. Воронцова**, аспирант кафедры стратегии и технологии кибербезопасности Национального исследовательского ядерного университета МИФИ*

В статье обобщены и систематизированы основные направления возможных угроз информационной безопасности объектов критической информационной инфраструктуры, проанализированы ключевые понятия, связанные с информационно-психологическим воздействием, мультимедийными угрозами и цифровой устойчивостью. В частности, рассматриваются особенности отечественной и зарубежной практики в области защиты персонала объектов критической информационной инфраструктуры от деструктивных воздействий информационной среды.

Ключевые слова: информационная безопасность, критическая информационная инфраструктура, когнитивный компонент, информационно-психологическое воздействие.

MODERN THREATS TO INFORMATION SECURITY OF CRITICAL INFORMATION INFRASTRUCTURE FACILITIES

***D. P. Vorontsova**, postgraduate of the Department of Cybersecurity Strategy and Technology of the National Research Nuclear University MEPhI*

The article summarizes and systematizes the main areas of possible threats to the information security of critical information infrastructure facilities, and analyzes key concepts related to information and psychological impact, multimedia threats, and digital resilience. In particular, the features of domestic and foreign practice in the field of protecting personnel of critical information infrastructure facilities from the destructive effects of the information environment are considered.

Keywords: information security, critical information infrastructure, cognitive component, information-psychological impact.

В современном мире информационные технологии играют определяющую роль в обеспечении функционирования критической информационной инфраструктуры (КИИ). Согласно ст. 2 Федерального закона № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» критическая информационная инфраструктура – это совокупность объектов, включая информационные системы, автоматизированные системы управления, а также сети электросвязи, имеющие ключевое значение для функционирования экономики, общественной и государственной безопасности [1]. Объекты КИИ включают в себя системы энергетики, транспорта, связи, финансовых и других важнейших сфер, от которых зависит стабильность и безопасность государства и общества в целом.

В условиях активного развития цифровых технологий и глобализации возрастает и угроза их деструктивного воздействия, в том числе через информационно-психологические методы. Технологии дипфейков, манипулятивного видео, эмоционального давления стали доступными не только государственным структурам, но и злоумышленникам, действующим в корпоративной и социальной среде. При этом традиционные средства защиты не охватывают когнитивный компонент, что делает персонал уязвимым звеном в системе информационной безопасности (ИБ).

Человеческий фактор – ключевой источник инцидентов ИБ. Согласно данным IBM Security и NIST, 95 % киберинцидентов происходят по вине пользователей. Поэтому одной из актуальных проблем является защита персонала, работающего на объектах КИИ, от деструктивных информационно-психологических воздействий, реализуемых с помощью мультимедийного контента социальных сетей. Такие воздействия могут включать распространение дезинформации, пропаганды, психологического давления и манипуляций, направленных на подрыв доверия, снижение боеспособности и нарушение нормальной деятельности специалистов.

Информационно-психологическое воздействие (ИПВ) определяется как влияние на индивидуальное или общественное сознание, вызывающее трансформацию психики, изменение взглядов, мнений, отношений, ценностных ориентаций, мотивов, установок и стереотипов объекта воздействия [2]. Это явление активно изучается экспертами в области ИБ и психологии.

В европейской литературе подобные процессы рассматриваются как часть феномена цифровой гиперреальности, в которой реальность подменяется эмоционально заряженными образами. Лучано Флориди подчеркивает, что в эпоху гиперсвязанности человек становится объектом постоянного когнитивного давления и цифрового вмешательства, что требует новых подходов к защите личности и общества в киберпространстве [7].

По данным российского журнала Форбс, в 2024 году фиксируются данные о том, что 28 % российских компаний имеют внутренние правила, регламентирующие поведение сотрудников в социальных сетях, и следят за их исполнением [3]. Данный факт свидетельствует о растущем понимании угроз, связанных с ИПВ в корпоративной среде. Однако подобные меры часто ограничиваются поверхностным контролем и недостаточно охватывают психологические аспекты устойчивости сотрудников.

Деструктивное воздействие – это форма ИПВ, которая приводит к снижению когнитивной активности, нарушению способности к принятию решений и даже к риску компрометации защищаемой информации. В исследованиях Леха Янчевски и Эндрю Коларика данный феномен рассматривается как элемент киберпсихологических атак, способных разрушать организационные структуры не только технически, но и поведенчески [5].

Особое внимание уделяется мультимедийному контенту, который включает тексты, изображения, видео, аудиофайлы и элементы виртуальной реальности. Современные европейские исследования указывают, что визуальные и эмоционально насыщенные сообщения значительно сильнее влияют на пользователей, особенно при распространении через короткоформатные платформы (например, TikTok, Telegram) [8; 9].

Германский философ и культуролог Бюнг-Чул Хан в книге «Психополитика» рассматривает феномен информационного перенасыщения как инструмент управления и манипуляции. Он отмечает, что современный человек подвержен воздействию информационных потоков, направленных на формирование фрагментированного (клипового) мышления, снижающего критичность восприятия [4].

Несмотря на признание угроз, исходящих от ИПВ, в большинстве организаций меры ограничиваются базовым обучением сотрудников основам информационной гигиены. Во избежание угроз безопасности акцент следует сместить на многоуровневую подготовку, включая психологические тренинги, сценарный анализ угроз и мониторинг цифрового поведения. Для реализации такого подхода необходимо применение системного подхода к информационной грамотности, в который включаются навыки распознавания манипуляций, управление цифровым следом и саморегуляция в условиях цифровой среды.

Современные исследования в области ИБ активно развивают концепцию цифровых двойников – виртуальных моделей физических процессов, систем или объектов, которые используются для имитационного анализа уязвимостей и оценки устойчивости КИИ. Европейское агентство по кибербезопасности ENISA рекомендует включать цифровые двойники в архитектуру управления безопасностью при проектировании, что позволяет моделировать поведение при возможных воздействиях, включая ИПВ [6].

Результаты проведенного исследования подтверждают, что защита персонала объектов КИИ от деструктивных ИПВ, распространяемых с использованием мультимедийного контента социальных сетей, представляет собой сложную, междисциплинарную и многокомпонентную задачу. Современные угрозы всё чаще носят гибридный характер, сочетая в себе технические средства воздействия с манипулятивными и психологическими методами, что требует качественно нового уровня защиты персонала.

ИПВ оказывает значительное влияние на когнитивную устойчивость сотрудников, увеличивая вероятность ошибок в процессе принятия решений, нарушений регламентов ИБ и, как следствие – утечки конфиденциальной информации. Особую опасность представляют мультимедийные формы атак (видеофейки, аудиофальсификации, симулированные сообщения), активно эксплуатирующие недостаточную подготовленность персонала к восприятию и распознаванию деструктивного контента.

Особенно важной задачей на ближайшую перспективу становится проведение прикладных исследований в области поведенческой кибербезопасности и когнитивной нейтрализации ИПВ. Только на основе научно обоснованных моделей, опирающихся на данные психологии, нейронауки, анализа поведения и информационных технологий, возможно создание эффективной и устойчивой системы защиты персонала КИИ в условиях нарастающей цифровой нестабильности.

Список источников

1. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: федер. закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ: ред. от 10.07.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Касюк А. Я. Информационно-психологическое воздействие в информационном противоборстве // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Общественные науки. 2012. № 842. С. 22–34.
3. Неретина М. Почти треть российских компаний следят за поведением сотрудников в соцсетях // Форбс, 24 июля 2024: [сайт]. URL: https://www.forbes.ru/biznes/517382-pocti-tret-rossijskih-kompanij-sledat-za-povedeniem-sotrudnikov-v-socsetah (дата обращения: 14.05.2025).
4. Хан Б.-Ч. Психополитика: Неолиберализм и новые технологии власти / пер. с нем. С. Аптикеева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. 112 с.
5. Anczewski L., Colarik A. M. Cyber Warfare and Cyber Terrorism. Hershey, PA: IGI Global, 2008. 460 p.
6. ENISA. Threat Landscape 2023 // European Union Agency for Cybersecurity. 2023: [сайт]. URL: https://www.enisa.europa.eu/publications/enisa-threat-landscape-2023 (дата обращения: 02.06.2025).

7. Floridi L., Green S. The Internet of Things. Cambridge, MA: MIT Press, 2019. 216 p.
8. Molem A., Makri S., McKay D. Keepin' It Reel: Investigating how Short Videos on TikTok and Instagram Reels Influence View Change // Proceedings of the 2024 ACM SIGIR Conference on Human Information Interaction and Retrieval (CHIIR24): [сайт]. URL: https://dl.acm.org/doi/10.1145/3627508.3638341 (дата обращения: 02.06.2025).
9. Rietveld R., van Dolen W., Mazloom M., Worring M. What you feel, is what you like: Influence of message appeals on customer engagement on Instagram // Journal of Interactive Marketing. 2020. Vol. 49. P. 20–53.

УДК 343.98

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ

***А. О. Галимова**, доцент кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук*

В статье рассматривается современное состояние правового регулирования цифровых финансовых активов в России, особенности судебной практики и проблематика квалификации преступлений, связанных с их хищением. Анализируются нормы законодательства, а также судебные решения. Особое внимание уделяется вопросу правового статуса криптовалюты как «иного имущества» и последствиям этого для квалификации преступных деяний. Отмечается недостаточная ясность и единообразие в правоприменении, а также необходимость дальнейшего совершенствования законодательства и развития судебной практики в данной сфере.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровые финансовые активы, правовое регулирование, судебная практика, хищение, мошенничество, цифровая валюта, право собственности.

LEGAL REGULATION AND ISSUES OF QUALIFICATION OF THEFT OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS

A. O. Galimova, associate professor of the Department of Criminal Procedure of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law

The article examines the current state of legal regulation of digital financial assets in Russia, features of judicial practice, and issues related to the qualification of crimes involving their misappropriation. It analyzes the provisions of Federal Law and relevant court rulings. Special attention is given to the legal status of cryptocurrency as "other property" and its implications for criminal law qualification. The article highlights the lack of clarity and uniformity in law enforcement and emphasizes the need for further legislative improvements and judicial practice development in this area.

Keywords: cryptocurrency, digital financial assets, legal regulation, judicial practice, misappropriation, fraud, digital currency, property rights.

Современное информационное общество характеризуется появлением криптовалют и криптоактивов, но в России они пока не получили полного и должного нормативно-правового регулирования. Это вызывает сложности в рамках контроля и налогообложения, а также в противодействии криминальному использованию таких активов: криптовалюта и объект преступных посягательств, и инструмент для совершения преступлений.

Основные нормы регулирования сосредоточены в федеральном законе № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] (далее – ФЗ О ЦФА). До этого работали нормы ГК РФ [1; 2]: было введено понятие цифровых прав и заложена основа для перехода гражданского права в цифровую сферу. Затем было определено регулирование инвестиционных и финансовых платформ для трактовки цифровых финансовых активов [3; 4].

Выпуск цифровых финансовых активов (ЦФА) физлицами, незарегистрированными индивидуальными предприниматели и юридическими лицами считается незаконным. Право собственности на ЦФА возникает с момента внесения записи о них в информационную систему, где осуществляется их выпуск.

Ограничено и использование цифровой валюты, допускаемой к обороту только с использованием инфраструктуры и оборудования, расположенного на территории РФ. Она в стране запрещена как средство платежа для расчетов за товары и услуги для юридических и физических лиц. Запрещена также пропаганда и распространение информации о принятии цифровой валюты в качестве оплаты.

Криптовалюты в российском праве чаще рассматриваются как иное имущество или иные имущественные права, что подкрепляется ст. 128 ГК РФ, где «иное имущество» трактуется широко с учетом современных технологий. Эта позиция поддержана судебной практикой. Например, Девятый арбитражный апелляционный суд в решении от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40–124668/2017 рассмотрел вопрос о включении содержимого криптокошелька, принадлежащего должнику, в конкурсную массу. Суд указал, что действующее гражданское законодательство не содержит понятия «иное имущество», упомянутого в ст. 128 ГК РФ. Одновременно с этим с учетом современных экономических реалий и уровня развития информационных технологий допустимо максимально широкое его толкование. По мнению суда, криптовалюта не может быть расценена применительно к ст. 128 ГК РФ иначе как иное имущество.

Право собственности на ЦФА включает владение, пользование и распоряжение активами согласно ст. 209 ГК РФ. Вместе с тем правообладатели должны соблюдать установленные законом ограничения, включая требования

по законному выпуску и обороту ЦФА. Владение ЦФА вне рамок закона может привести к применению статьи 238 ГК РФ, предусматривающей прекращение права собственности при незаконном владении имуществом.

Таким образом, несмотря на то, что законодатель создал базу для легального обращения цифровых финансовых активов и цифровой валюты, их правовой режим остается комплексным и требующим дальнейшего совершенствования.

Судебная практика по делам, связанным с оборотом криптовалюты в России, характеризуется неоднозначностью, но в большинстве решений, в том числе на основании Арбитражного процессуального кодекса, отмечается, что операции с криптовалютой не защищены действующим законом. Главная особенность криптовалют – их возникновение исключительно в цифровой форме, в отличие от традиционных денег, которые изначально вносятся на счета или в электронные кошельки [6, с. 90].

Криптовалюта фактически представляет собой набор символов в информационной системе, доступ к которой осуществляется с помощью информационно-телекоммуникационной сети с использованием специального программного обеспечения.

Правовой статус криптовалют напрямую влияет на квалификацию преступлений, связанных с их хищением. Признание криптовалюты «иным имуществом» позволяет рассматривать незаконное присвоение криптовалюты как хищение по признакам, предусмотренным ст. 158 УК РФ (хищение чужого имущества). Однако вопрос законности нахождения криптовалюты у физического лица, не зарегистрированного как индивидуальный предприниматель (в отличие от юридических лиц или ИП, действующих в рамках ФЗ О ЦФА), остается проблематичным и такие лица не считаются надлежащими собственниками.

Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» уточняет, что хищение безналичных денежных средств, включая электронные, квалифицируется как хищение чужого имущества с причинением ущерба собственнику, а место окончания преступления – подразделение банка или организация, где счет открыт. Для криптовалюты подобные четкие критерии определения ущерба и объекта преступления порой отсутствуют, что осложняет правоприменение.

Записи в блокчейне рассматриваются как абсолютные права, схожие с вещами, но при совершении преступления предметом преступления иногда признается не сама криптовалюта, а код (пароль) доступа к кошельку. Например, Ш. и О. были осуждены Сургутским городским судом Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по ч. 3 ст. 272, ч. 3 ст. 159 УК РФ. По приговору они совершили неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, повлекший ее модификацию, совершенный из корыстной заинтересованности

группой лиц по предварительному сговору, а также мошенничество в крупном размере. В частности, Ш. и О. путем обмана, имея умысел на хищение кодов BTC-e, ввели потерпевшего в заблуждение, пообещав ему обменять код BTC-e на российские рубли, не намереваясь этого делать.

Потерпевший в личном сообщении передал Ш. и О. BTC-e код, рыночная стоимость которого по состоянию на момент совершения преступления, согласно заключению эксперта, составляла 821100 руб. 00 коп. Тем самым Ш. и О. похитили указанный код и в дальнейшем распорядились им по своему усмотрению, чем причинили потерпевшему материальный ущерб в крупном размере. Отметим, что размер причиненного ущерба устанавливался путем проведения судебной экспертизы, однако полагаем, что эксперт все же определял не стоимость самого кода как средства доступа к криптокошельку, а самой по себе криптовалюты.

Существуют и другие подходы. Так, в решении Суда по интеллектуальным правам криптовалюта определена как пиринговая платежная система (то есть основанная на соединении сетей и обмене информацией о сетевых маршрутах согласно протоколу), использующая большей частью одноименную платежную единицу.

Проблема в том, что переход криптовалюты в чужое владение сам по себе не всегда означает реальный ущерб, поскольку ее курс формируется частным сообществом, и для суда это не окончательное доказательство ущерба. Тем не менее, ущерб в денежном эквиваленте важен для возбуждения уголовных дел и квалификации преступлений.

Ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) часто рассматривается как средство совершения основного преступления – хищения криптовалюты, которое целесообразно квалифицировать как мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ). Эта статья, в отличие от классического мошенничества (ст. 159 УК РФ), не требует обязательного признака обмана, что упрощает квалификацию преступлений с использованием цифровых активов. Однако квалификация классической кражи (ст. 158 УК РФ) затруднительна, так как предметом кражи по общему правилу считается осязаемое имущество.

В судебной практике встречаются ситуации, когда под видом криптовалюты похищаются реальные деньги при оформлении фиктивных сделок, что квалифицируется как мошенничество по ст. 159 УК РФ. Таким образом, правильная квалификация преступлений зависит от того, какой ущерб и по какому предмету был нанесен: если криптовалюта украдена через взлом, – это мошенничество в сфере компьютерной информации; если похищены деньги при фиктивных операциях с криптовалютой – мошенничество по классической статье.

Аналогии с хищениями виртуальных ценностей в онлайн-играх указывают на двойственный характер преступлений: посягательство и на право

собственности, и на компьютерную информацию. Соответственно, квалификация только по статье о неправомерном доступе к данным не закрывает вопрос по хищению имущества. Для криптовалют тоже важно учитывать оба аспекта: нарушение компьютерной безопасности и нарушение имущественных прав.

В современной практике учитывается, что посягательство на криптовалюту одновременно затрагивает общественные отношения в области компьютерной информации и собственнические отношения. Статья 159.6 УК РФ («Мошенничество в сфере компьютерной информации») отражает новую форму преступления, где завладение имуществом связано с проникновением в информационную среду, и ее применение при хищениях криптовалюты сейчас наиболее оправдано.

Однако судебная практика в России пока формируется и испытывает недостаток единообразия из-за отсутствия четкого правового регулирования криптовалют и их статуса. Это порождает неопределенность в квалификации преступлений и определении ущерба, что затрудняет защиту прав участников оборота криптоактивов.

В условиях несовершенного законодательства и неоднозначной судебной практики в России криптовалюта признается имуществом, но юридический статус и механизмы защиты прав собственников остаются спорными. Это отражает двойственную природу криптовалюты как цифрового ресурса и имущественного объекта, что требует совершенствования правового регулирования и практики суда. Кроме того, сама природа цифровых финансовых активов осложняет не только вопросы квалификации посягательств на сами активы, но и раскрытие, расследование преступлений такой категории [7, с. 80].

В России правовое регулирование криптовалют и цифровых финансовых активов еще формируется. Криптовалюта признается имуществом, однако в праве собственности и обороте пока имеются ограничения и неопределенность. Судебная практика по делам, связанным с мошенничеством и хищением криптовалюты, неоднозначна, но наиболее адекватным при квалификации преступлений является применение статьи 159.6 УК РФ («Мошенничество в сфере компьютерной информации»). В случаях с реальным денежным ущербом уголовная ответственность должна наступать по классическим статьям о мошенничестве.

Список источников

1. О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 26.07.2017 № 212-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы: федер. закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ: ред. от 28.12.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Галимова А. О. Актуальные вопросы квалификации посягательств на цифровые финансовые активы // Вестн. Сибир. юрид. ин-та МВД России. 2023. № 4 (53). С84–96.
7. Галимов О. Х., Галимова А. О. Вопросы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве на современном этапе // Вестн. Сибир. юрид. ин-та МВД России. 2024. № 1 (58). С. 74–81.

УДК 343.97

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ VPN-СЕРВИСА ДЛЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

***А. В. Кантышева**, доцент кафедры информационного и технического обеспечения органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат технических наук*

В статье рассматриваются особенности расследования преступлений, совершаемых с использованием VPN-сервисов. На основе анализа выделены основные сложности, возникающие при их расследовании. Особое внимание уделяется методам повышения эффективности расследования.

Ключевые слова: анонимность, расследование преступления, сеть Интернет, шифрование данных, VPN-сервис, Proxy-сервис, IP-адрес, обфускация, деанонимизация, Big Data.

FEATURES OF INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED USING VPN SERVICES

***A. V. Kantysheva**, associate professor of the Department of Information and Technical Support of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Technical Sciences*

This article examines the specifics of investigating crimes committed using VPN services. Based on this analysis, the main challenges encountered during their investigation are highlighted. Particular attention is given to methods for improving the effectiveness of investigations.

Keywords: anonymity, crime investigation, Internet, data encryption, VPN service, Proxy service, IP address, obfuscation, deanonymization, Big Data.

Развитие компьютерных технологий привело к появлению специфических форм преступлений, и уже с конца прошлого века сотрудники правоохранительных органов столкнулись с необходимостью определения нового типа следов, возникающих в виртуальной среде, а также установления их места в существующей дихотомии следов материальных и идеальных. Необходимо подчеркнуть,

что масштабное распространение компьютерных технологий дало толчок формированию отдельного ИТ-сектора, а возможности противодействия киберпреступности стали совершенствоваться наравне с получаемыми достижениями указанного научно-практического направления.

Это выразилось в нарастании интереса к цифровым следам преступной деятельности, что отразилось в двухвекторной специализации изучения:

– в узком фокусе внимание уделяется расследованию событий, детализированных гл. 28 УК РФ, таких как неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), создание и распространение вредоносных программ (ст. 273 УК РФ) и других преступлений, часто сопутствующих совершению или сокрытию иных противоправных деяний: краж, манипуляций с результатами голосования, распространения запрещенных материалов);

– в широком аспекте исследуется противодействие киберпреступности высокого уровня, включая не только перечисленные выше составы, но и преступления, реализуемые с использованием информационных технологий (от финансового мошенничества и нарушения неприкосновенности несовершеннолетних до организации незаконных азартных игр, распространения наркотиков, шантажа и кражи персональных данных, а также действий, совершаемых с помощью удаленного доступа или в онлайн-среде) [2].

Целесообразно отметить, что киберпреступность – это общее название разного рода преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет. Их инструментами на сегодняшний день выступает большое количество программ шпионского толка, вирусов, используемых в целях хищения значимой информации, а также в целях сокрытия реального местоположения или воспрепятствования возможности слежения за действиями. Злоумышленники используют специальные средства, такие, как virtual private network (VPN, виртуальная частная сеть – технология, позволяющая создать защищенное соединение между устройствами через Интернет). Проведенный анализ развития современных компьютерных технологий позволяет говорить о том, что за последние несколько лет количественные показатели использования технологии VPN значительно возросли.

VPN-сервисы обеспечивают шифрование данных, передаваемых между клиентом и сервером, что обеспечивает защиту конфиденциальной информации и анонимность в сети. Использование VPN позволяет пользователям обходить географические и сетевые ограничения, защищать свои данные от перехвата и скрывать собственный IP-адрес.

В связи с тем, что VPN-сервисы обеспечивают конфиденциальность и анонимность пользователей в сети Интернет, они часто используются в преступных целях. Так, гражданка при помощи принадлежащего ей мобильного устройства с установленным программным обеспечением Tor Browser, имея встроенные VPN-сервисы – средства для скрытия информации о компьютере (устройстве),

в данном случае об IP-адресе или пользователе, его местонахождении, вошла в личный кабинет пользователя Roknank89 на запрещенной в Российской Федерации торговой интернет-площадке BlackSprut, где в интернет-магазине DrugHub осуществила для другого лица заказ наркотического средства [5].

Таким образом, на сегодняшний день использование VPN-сервисов преступниками представляет собой актуальную проблему, что обусловливает необходимость разработки комплексных мер по противодействию преступной деятельности с использованием VPN-сервисов.

Рассматривая классификацию основных видов преступлений, совершаемых с использованием VPN-сервисов, можно выделить следующие преступления, совершаемые с использованием теневого сегмента сети Интернет:

– преступления в сфере незаконного оборота наркотиков;

– преступления в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ;

– возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства;

– преступления экстремистской направленности;

– преступления в сфере незаконного изготовления и оборота порнографических материалов или предметов [1].

Использование VPN-сервисов является одним из способов совершения компьютерных преступлений (ст. 272–274 УК РФ) [3].

Исследуя проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, можно отметить, что существенным препятствием для идентификации мошенников является использование VPN и PROXY-сервисов для интернет-соединений при совершении вызовов по системе IP-телефонии [4, с. 194].

Также VPN-сервисы активно используются злоумышленниками при совершении преступлений против собственности, а именно при совершении мошеннических действий с целью хищения чужого имущества. Так, гражданин создал объявление на сайте «Зарплата.ру» для того, чтобы обманным путем, под предлогом обучения в несуществующих учебных центрах, заработать денежные средства от лиц, которые заинтересуются данным объявлением. При размещении объявления он использовал VPN-сервисы, а также домены, приобретенные им на сайте «Рег.Ру» [6].

При этом расследование преступлений, совершенных с использованием VPN-сервисов, представляет собой значительную проблему для правоохранительных органов, поскольку анонимность, обеспечиваемая указанными сервисами, позволяет скрыть реальное местоположение и личность злоумышленника, что затрудняют процесс его поиска и задержания.

Рассмотрим основные проблемы, возникающие в процессе раскрытия и расследования преступлений, совершенных с использованием VPN-сервисов.

Во-первых, VPN-сервисы маскируют реальный IP-адрес злоумышленника. Так, при подключении через VPN пользователь использует IP-адрес сервера провайдера вместо своего собственного. Вследствие этого невозможно напрямую определить географическое местоположение пользователя и его личность.

Во-вторых, шифрование трафика, используемое VPN-сервисами, защищает данные от перехвата и анализа. Многие современные VPN-сервисы используют надежное шифрование данных, что делает невозможным прослушивание или анализ передаваемой информации. Это влечет за собой сложности в отслеживании каналов связи между злоумышленниками.

В-третьих, многие VPN-сервисы зарегистрированы на территории других стран, что создает дополнительные сложности для правоохранительных органов в современных условиях политической нестабильности. Если VPN-сервисы зарегистрированы в странах, с которыми у Российской Федерации нет двусторонних соглашений о правовой помощи, получение данных практически невозможно.

Если сервис зарегистрирован в юрисдикции с низким уровнем правового регулирования, это может повлечь за собой определенные риски и последствия. Такая юрисдикция часто характеризуется недостаточной защитой прав потребителей, отсутствием прозрачности в финансовых операциях, сложностями в обеспечении соблюдения законодательства и непредсказуемостью правоприменительной практики. В конечном итоге это может привести к ухудшению репутации сервиса, потере доверия клиентов и юридическим проблемам.

Кроме того, некоторые VPN-сервисы могут применять политику «без логов», что означает, что они не хранят информацию о действиях пользователей. В связи с этим правоохранительные органы не могут получить доступ к необходимой информации.

Следует отметить, что расследование преступлений, связанных с использованием VPN, требует значительных ресурсов, включая использование специализированного программного обеспечения и наличие глубоких знаний в области информационной безопасности, сетевых технологий и криптографии. Так, нехватка необходимого материально-технического обеспечения и отсутствие квалифицированных специалистов значительно затрудняют процесс расследования уголовных дел рассматриваемой категории.

Для повышения эффективности расследования преступлений, совершаемых с использованием VPN-сервисов, необходимо реализовать комплексный подход, который включает в себя несколько ключевых аспектов:

– совершенствование технических возможностей правоохранительных органов посредством внедрения систем анализа трафика для выявления

VPN-соединений даже при обфускации (запутывании) кода; разработку инструментов деанонимизации (процесс выявления реальной личности человека, скрывающейся за анонимным никнеймом, аккаунтом или другим псевдонимом в Интернете); использование искусственного интеллекта и Big Data для выявления паттернов поведения преступников; создание «ловушек» в виде фейковых VPN-сервисов для сбора данных о киберпреступниках;

– установление и обеспечение международного сотрудничества между правоохранительными органами разных стран;

– совершенствование нормативно-правовой базы, устанавливающей обязательные требования к VPN-провайдерам по хранению и предоставлению минимальных метаданных (время подключения, IP-адрес сервера, продолжительность сеанса);

– установление административной и уголовной ответственности за деятельность анонимных и нелегальных VPN-сервисов;

– контроль деятельности VPN-провайдеров путем введения обязательной регистрации и лицензирования деятельности VPN-провайдеров, действующих на территории Российской Федерации;

– требование к VPN-провайдерам соблюдения принципа «политики отсутствия логов» с возможностью хранения данных для правоохранительных целей;

– развитие «цифровой» криминалистики посредством обеспечения сотрудников экспертных подразделения современным оборудованием для анализа зашифрованного трафика и отслеживания цифровых следов;

– создание специализированных подразделений по расследованию киберпреступлений и повышение квалификации сотрудников в области сетевых технологий, криптографии и работы с анонимайзерами и VPN-сервисами;

– создание системы оперативно-разыскных мероприятий, основанной на законном использовании теневого сегмента сети Интернет и/или вмешательстве в каналы взаимодействия преступников, использующих такие средства связи.

Таким образом, эффективное расследование преступлений, совершенных с использованием VPN-сервисов, требует сочетания технических, правовых и международных мер. Только комплексный подход может обеспечить реальное снижение уровня киберпреступности и повышение раскрываемости рассматриваемой категории уголовных дел.

Список источников

1. Апкаев Д. М., Никишкин Н. М. Преступления, совершенные неустановленными лицами с использованием анонимайзеров и VPN-сервисов: проблемы противодействия // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2021. № 1. С. 39–41.

2. Бахтеев Д. В. Криминалистическая классификация цифровой доказательственной информации // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения): сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. М.: Акад. упр. МВД России, 2020. С. 44–49.
3. Иванова В. В. Способы совершения компьютерных преступлений // Разработка и применение наукоемких технологий в интересах модернизации современного общества: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (5 ноября 2021 г., Уфа). Уфа: Аэтерна, 2021. С. 129–135.
4. Костенко Н. С., Семененко Г. М., Пшеничкин А. А. Основные проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, на современном этапе // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2020. № 4. С. 192–196.
5. Приговор Боровичского районного суда (Новгородская область) № 1–217/2024 от 25 июля 2024 г. по делу № 1–217/2024 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/GZsmGmCyuGVf/ (дата обращения: 10.06.2025).
6. Приговор Кировского районного суда г. Уфы (Республика Башкортостан) № 1–44/2024 1–536/2023 от 2 сентября 2024 г. по делу № 1–44/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/SkUt7a9ZNOLx/ (дата обращения: 10.06.2025).

УДК 004.9:004.056

УСТОЙЧИВОСТЬ КРИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КАК КОМПОНЕНТ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА

***А. Ю. Колесникова**, преподаватель кафедры информационного и технического обеспечения органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Цифровая трансформация общественной жизни привела к возникновению концепции цифрового суверенитета. В научной литературе данный термин имеет разные трактовки. В статье рассмотрены ключевые подходы к описанию цифрового суверенитета. Критическая информационная инфраструктура выделена в качестве отдельно компонента цифрового суверенитета.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, цифровизация, инфраструктура, устойчивость, кибератака, уязвимость.

SUSTAINABILITY OF CRITICAL INFORMATION INFRASTRUCTURE AS A COMPONENT OF DIGITAL SOVEREIGNTY

***A. Yu. Kolesnikova**, lecturer of the Department of Information and Technical Support of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov*

The digital transformation of public life has led to the emergence of the concept of digital sovereignty. This term has various interpretations in the scientific literature. The article discusses key approaches to the description of digital sovereignty. Critical information infrastructure is singled out as a separate component of digital sovereignty.

Keywords: digital sovereignty, digitalization, infrastructure, resilience, cyberattack, vulnerability.

Стратегия национальной безопасности в качестве одного из ключевых приоритетов выделяет информационную безопасность. Сегодня – в условиях цифровизации ключевых отраслей и социальной сферы – объекты информационной безопасности трансформируются от отдельного компьютера и локальной

вычислительной сети к промышленным процессам, облачным сервисам, производственным механизмам, информационным системам по сбору и хранению данных и т. д. Цифровые технологии внедряются в производственные процессы, государственное управление и социальную сферу, а также в структуру самих городов.

Так, концепция *проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город»* описывает Smart City как инновационную систему, комплексно использующую различные современные информационные технологии, целью которой является улучшение городской среды и рост благополучия жителей. На сегодняшний день выделены главные направления цифровизации городского хозяйства: городское управление, инновации для городской среды, интеллектуальные системы общественной безопасности, инфраструктура сетей связи, умное ЖКХ, умный городской транспорт, интеллектуальные системы экологической безопасности, туризм и сервис, интеллектуальные системы социальных услуг, экономическое состояние и инвестиционный климат [4].

Отдельным объектом становится *цифровая экономика* – способ организации хозяйства, базирующийся на цифровых технологиях (в том числе информационно-коммуникационных, мобильных технологиях, IoT и т. д.), который трансформирует процессы производства, распределения, потребления товаров и услуг. Логическим развитием цифровой экономики является *экономика данных*.

Она объединяет девять национальных проектов: дальнейшая цифровизация экономики и социальной сферы, развитие информационно-телекоммуникационной инфраструктуры (в том числе доступа к сети Интернет), переход на отечественное оборудование и программное обеспечение, обеспечение защищенности государственных информационных систем, поддержка функционирования инфраструктуры обработки и хранения данных и т. д.

Таким образом, в современных агломерациях «в большом объеме и с высокой плотностью концентрируются различные информационно-телекоммуникационные сети и системы управления технологическими процессами» [9]. Следовательно, особенно актуальным является вопрос обеспечения состояния их защищенности от целенаправленных кибератак, которые могут спровоцировать выход из строя промышленных объектов или перехват управления системами и процессами.

Такое состояние в современной литературе называют разными терминами: «цифровой суверенитет», «технологический суверенитет», «информационный суверенитет», «суверенитет в киберпространстве», «киберустойчивость» и т. д. Они могут использоваться как синонимы, как взаимодополняющие понятия либо для описания разных аспектов одного явления. В целях разграничения данных дефиниций необходимо рассмотреть ряд существующих подходов.

Цифровой суверенитет как независимая политика. В рамках данного подхода характерны верховенство и независимость государственной власти при формировании и реализации информационной политики, контроль над коммуникационной инфраструктурой, стремление к независимости от зарубежного программного обеспечения [10]. Понятия *технологический суверенитет и информационный суверенитет характеризуют аспекты цифрового суверенитета*.

Цифровой суверенитет как информационная безопасность. Данный подход основное внимание уделяет вопросам контроля над технической инфраструктурой и ее *киберустойчивости* через призму угроз информационной безопасности.

Цифровой суверенитет как автономия. Способность страны автономно генерировать технологические и научные знания или использовать технологические возможности, разработанные внешними игроками, за счет активизации надежных партнерских отношений. В данном случае понятия цифровой суверенитет и *технологический суверенитет* используются как синонимы.

Цифровой суверенитет как «интернет-суверенитет»: «право государства устанавливать собственные правила функционирования интернет-пространства, отвечающие национальным интересам и традициям» [2].

Исходя из рассмотренных подходов, можно выделить существенные признаки цифрового суверенитета:

– независимое управление цифровыми ресурсами и инфраструктурой в национальном сегменте;

– наличие собственных программных продуктов и аппаратных средств для решения задач производства и т. д.;

– необходимость развития собственного технологического потенциала;

– независимость, контроль и автономия в отношении не только цифровых технологий, но и контента;

– надежная инфраструктура с точки зрения технологий (магистральных сетей, широкополосного доступа, последней мили).

Таким образом, можно говорить о том, что цифровой суверенитет является важным аспектом цифровой трансформации и *тесно связан с понятиями цифровая информационная инфраструктура и критическая информационная инфраструктура.*

Цифровая информационная инфраструктура – это совокупность технологий, аппаратных ресурсов и процессов, с помощью которых осуществляется обработка, передача, хранение и управление данными, представленными в цифровой форме. Исходя из этого, в широком смысле под цифровым суверенитетом понимается «способность государства обеспечить граждан, органы власти, коммерческие организации, промышленность цифровыми каналами связи» [7].

Критическая информационная инфраструктура (КИИ) – это инфраструктура компаний, осуществляющих деятельность в сфере здравоохранения, науки,

транспорта, связи, энергетики, в банковской сфере, в топливно-энергетического комплексе, в области атомной энергии, оборонной, ракетно-космической, горнодобывающей, металлургической и химической промышленности, а также организаций по взаимодействию этих систем или сетей.

В соответствии с законодательством к КИИ относятся информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления. Таким образом, КИИ – это сложная социотехническая система [3], которая с одной стороны, содержит ряд уязвимостей, а с другой – подвержена влиянию внешних факторов. В контексте обеспечения цифрового суверенитета необходимым требованием является обеспечение устойчивого функционирования КИИ – способность выполнять функции при угрозах информационной безопасности и их непосредственной реализации, при отказе части компонентов объекта КИИ, при восстановлении штатного функционирования [5].

В целях обеспечения устойчивости КИИ предпринимается ряд шагов:

– нормативно-правовое регулирование: категорирование объектов КИИ, запрет использования иностранного программного обеспечения и технологических решений из недружественных стран;

– снижение зависимости от иностранного программного обеспечения. В госсекторе и в значимых объектах КИИ доля отечественных решений достигает 90–100 %. При этом атаки на банковскую сферу, сферу здравоохранения, на государственные институты – в виду их более слабой защищенности – более распространены [1];

– переход на отечественное программное обеспечение. В реестр российских средств на сегодняшний день входит более 20 тыс. продуктов от 8 тыс. разработчиков [6];

– защита от несанкционированного доступа и контроль над данными и их хранением. Для получения данных, обрабатываемых на объектах КИИ, могут быть использованы недокументированные возможности иностранного оборудования и программного обеспечения;

– непрерывный доступ к цифровым каналам связи на основе отечественного оборудования. КИИ «должна быть защищена не только с точки зрения несанкционированного доступа, сколько с точки зрения самой возможности потребления услуг связи» [7] в условиях «внешних шоков»: в случае ухода иностранных компаний с российского рынка или прекращения поддержки программных продуктов.

Меры, направленные на обеспечение устойчивости КИИ, формируют *технологический суверенитет*, который можно определить как способность государства генерировать технологические знания и использовать технологические возможности для обеспечения безопасности, благосостояния и конкурентоспособности страны. В этом случае технологический суверенитет является компонентом *цифрового суверенитета*.

Однако обеспечение цифрового суверенитета – это не только технологическая, но социальная и экономическая задача. Цифровой суверенитет является составной частью национальной безопасности. Способность защитить сегменты (экономический, социальный, управленческий) от внешних кибератак составляет основу цифрового суверенитета. Следовательно, от цифрового суверенитета зависит и уровень государственного суверенитета в целом [8]. В этом контексте главной задачей становится поиск механизма обеспечения цифрового суверенитета с учетом сохранения положительных эффектов цифровизации.

Список источников

1. Зегжда Д. Обеспечение киберустойчивости критической цифровой инфраструктуры и медиапространства // Эксперт online: [сайт]. URL: https://expertnw.com/ekspertnoe-mnenie/obespechenie-kiber-ustoychivosti-kriticheskoy-tsifrovoy-infrastruktury-i-mediaprostranstva/ (дата обращения: 22.06.2025).
2. Зиновьева Е. С., Шитьков С. В. Цифровой суверенитет в практике международных отношений // Междунар. жизнь. 2023. № 3. С. 38–51.
3. Критическая информационная инфраструктура: оценка устойчивости функционирования / В. А. Минаев [и др.] // Радиопромышленность. 2018. Т. 28, № 4. С. 59–67.
4. Колесникова А. Ю. «Умный город»: о некоторых вопросах кибербезопасности // Актуальные проблемы науки и практики: сб. науч. тр. по итогам научно-представительских мероприятий. Вып. 12. Хабаровск, 2024. С. 107–112.
5. Устойчивость функционирования объектов критической информационной инфраструктуры / Г. П. Гавдан [и др.] // Безопасность информационных технологий. 2022. Т. 29, № 4. С. 53–66.
6. Цифровой суверенитет в сфере защиты информации на примере критической информационной инфраструктуры // Securitylab.ru: [сайт]. URL: https://www.securitylab.ru/blog/company/Rubikon/354156.php?utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 22.06.2025).
7. Цифровой суверенитет с точки зрения технологий // Электросвязь. 2020. № 11. С. 8–10.
8. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) / В. А. Никонов [и др.] // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 206–216.
9. Чеботарева А. А., Чеботарев В. Е. Цифровой суверенитет и кибербезопасность на транспорте в санкционных условиях // Цифровой суверенитет и кибербезопасность: материалы Четвертого международ. трансп.-правов. форума. М., 2022. С. 6–9.
10. Шитьков С. В. Подходы к изучению цифрового суверенитета в современной политической науке // Междунар. жизнь. 2025. № 5. С. 90–99.

УДК 343.72

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

***А. Б. Кудряшов**, доцент кафедры информационного и технического обеспечения органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат педагогических наук;*

***Н. А. Кудряшова**, курсант Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматриваются проблемы выявления, расследования и защиты от мошенничества, совершаемого с использованием инфокоммуникационных технологий.

Ключевые слова: мошенничество, киберпреступность, Интернет, банковская карта, киберугроза.

THEORETICAL BASIS FOR COUNTERING FRAUD USING INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

***A. B. Kudryashov**, associate professor of the Department of Information and Technical Support of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Pedagogy;*

***N. A. Kudryashova**, cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article examines the problems of detection, investigation and protection against fraud committed using information and communication technologies.

Keywords: fraud, cybercrime, internet, bank card, cyber threat.

Сегодня Интернет достиг такой стадии, когда многие аспекты нашей жизни связаны онлайн, включая покупку товаров и услуг, ведение бизнеса, банковское дело, бронирование, управление путешествиями и отпусками, также многое другое. Д. В. Шибаев отмечает, что достижения в области интернет-технологий также значительно расширили возможности преступников злоупотреблять технологией для финансовых махинаций [4].

Интернет позволил киберпреступникам совершать преступления на расстоянии тысяч миль, в другой юрисдикции, скрывая свои личности и оставаясь вне досягаемости прокуроров. Кибермошенничество приводит к убыткам потребителей, предприятий и правительств по всему миру на сумму около $608 млрд в год.

Масштабы финансового ущерба от киберпреступности в мировом измерении достигли беспрецедентного уровня. Если в 2014 г. он оценивался в $445 млрд то к 2024 г., по данным исследований, этот показатель взлетел до ошеломляющих $9,22 трлн [6]. Интересно, что величина потерь напрямую коррелирует с экономическим развитием: регионы с высоким ВВП несут наиболее значительные убытки от действий киберпреступников.

Для обмана пользователей злоумышленники применяют разнообразные схемы. Активно используются методы социальной инженерии, включая фишинговые атаки как по телефону, так и через интернет-каналы (электронная почта, социальные сети) в целях завладения личной информацией. Эти данные затем вводятся в оборот для незаконного оформления платежных инструментов: дебетовых, кредитных и магазинных банковских карт.

Согласно статистике ООН за 2024 г., ежедневно в мире фиксируется порядка 2,2 тыс. кибератак. Их последствия для конечных пользователей катастрофичны: совокупные потребительские убытки составили $172 млрд что в пересчете на одну жертву в среднем эквивалентно $142. При этом на разрешение возникших проблем пострадавшие тратят в среднем до 24 часов своего времени. Помимо прямого финансового ущерба, подобные мошенничества оказывают глубокое негативное воздействие на психологическое состояние и социальное благополучие жертв.

Потребители в современном мире регулярно подвергаются ряду широко распространенных киберпреступлений. К ним относятся компрометация электронной почты или профилей в социальных сетях, мошеннические операции в сфере электронной коммерции, а также случаи, когда личная информация раскрывается мошенникам при телефонном звонке или переходе по ссылкам в фишинговых электронных письмах. Особенно актуально мошенничество с использованием дебетовых и кредитных карт.

Масштабы ущерба для экономики Соединенного Королевства от подобного кибермошенничества оцениваются приблизительно в £27 млрд ежегодно. Наибольшая доля потерь, порядка £21 млрд приходится на британские предприятия. Государственный сектор и граждане несут сопоставимый ущерб – около £3 млрд каждый.

В 2017 г. Центр рассмотрения жалоб на интернет-преступления зафиксировал порядка 11 тыс. обращений, связанных с убытками на сумму примерно $15 млн. Этот показатель финансового урона на 90 % превысил данные за 2016 г. Параллельно компания Microsoft отметила значительный рост в 24 %

числа сообщений о техническом мошенничестве со стороны клиентов в 2017 г. по сравнению с 2016. Средний ущерб от каждого такого инцидента варьировался от $200 до $400 [7].

Среди наиболее отлаженных и профессиональных механизмов мошенничества выделяются атаки на финансовые системы, включающие запуск программ-вымогателей, несанкционированные операции с картами и преступление как услугу (CaaS).

В большинстве случаев киберпреступники используют платформы, ориентированные на клиента, для поиска жертв и практикуют кибермошенничество. Некоторые из платформ для потребителя включают платежные системы, где киберпреступники получают контроль над платежным счетом целевой жертвы; мобильные платформы, где мобильный телефон жертвы используется для получения контроля над платежными приложениями; телекоммуникационные системы, где незаконные действия совершаются путем нацеливания на жертву через их телефонную сеть, и др.

С развитием киберсистем киберпреступники также совершенствовали методы нападения на такие системы. Поэтому существует острая необходимость охарактеризовать наиболее используемые механизмы киберпреступлений, чтобы защитить организации и потребителей от киберпреступников.

Наблюдается устойчивая тенденция вытеснения настольных компьютеров портативными устройствами – смартфонами и планшетами. Этой технологической трансформацией незамедлительно воспользовались киберпреступники, перенаправив противоправную активность в данном направлении.

Схемы мобильного веб-мошенничества преимущественно копируют тактики, характерные для классического онлайн-мошенничества. Такое сходство значительно упрощает адаптацию существующих видов кибермошенничества к особенностям мобильной среды. Дополнительно злоумышленники разработали и внедрили специфические методы извлечения незаконной прибыли, ориентированные исключительно на мобильные приложения [7].

Телефонная связь прочно вошла в повседневный обиход, охватив свыше 6 млрд абонентов по всему миру. Колоссальный охват пользователей, в сочетании с легкой интеграцией телефонных сетей в интернет-инфраструктуру и минимальной стоимостью звонков, превратили этот канал в высокодоходный инструмент для мошенников. Их деятельность часто характеризуется нацеленностью на жертв в режиме реального времени.

Мария Зазирная, адвокат компании АБ ЕПАМ, отмечает, что если выделять преступления, совершаемые с использованием информационных технологий в качестве отдельной группы, можно разделить эту группу внутри на следующие множества:

– специальные составы гл. 28 УК РФ, групповым объектом которых являются отношения в сфере компьютерной информации, то есть преступления,

непосредственно посягающие на данную сферу общественных отношений. Преступления, предметом которых в том или ином статусе объекта гражданских правоотношений выступает информация и ее носители, например, преступления, связанные с нарушением режима охраняемых законом тайн, нарушения авторских и смежных прав, неправомерный оборот средств платежей, преступления в сфере оборота порнографии и т. д. [3];

– преступления, объективная сторона которых включает действия, связанные с искажением информации, например, фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета, фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации и т. д. [2];

– преступления, объективная сторона которых включает действия, связанные с передачей и распространением информации, например, клевета, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства и т. д.;

– преступления, способ которых может включать или с обязательностью включает использование информационных технологий. В последнее множество входят не только очевидные примеры вроде мошенничества и его специальных видов, но и традиционные составы преступлений против жизни и здоровья. Так, ненадлежащее оказание медицинской помощи с применением телемедицинских технологий в зависимости от наступивших последствий вполне может быть квалифицировано как причинение смерти или тяжкого вреда здоровью по неосторожности.

Подводя итоги, следует констатировать, что в научной литературе сформировались разные подходы к определению киберпреступлений. Ученые указывают на разнообразие инфокоммуникационных средств, которые используются в мошеннических схемах. На данный момент на уровне государств разрабатываются различные меры по противодействию мошенничеству с использованием инфокоммуникационных технологий.

К решению проблем мошеннических звонков активно подключились крупные операторы мобильной связи, доля фрода у них составляет 1–2 %. Министерство ведет активную работу с мелкими операторами, которые порой зависят от недобросовестных клиентов. Внесение изменений в законодательство должно способствовать улучшению ситуации со стороны операторов мобильной связи.

Владимир Бенгин подчеркнул, что мошенники перешли на мобильные номера, и все чаще активно работают в мессенджерах (WhatsApp, Viber), звонки через которые пока недоступны для блокировки операторам. Это новая проблема и задача, которую необходимо решать для защиты граждан от фрода.

Доклад «Ландшафт киберугроз 2022» Сергея Голованова, главного эксперта «Лаборатории Касперского» (ЛК), еще в то время наглядно проиллюстрировал слова Владимира Бенгина. Аналитики ЛК зафиксировали резкое падение мошеннических звонков после 24 февраля 2022 г., сократился практически до нуля и объем предложений покупки-продажи банковских карт в даркнете и телеграм-каналах. Эксперты не отметили аналогичного падения трафика в октябре 2022 г., что говорит о том, что мошенники переместили колл-центры в безопасные места.

Эксперты ЛК отмечают, что рост числа инцидентов в 2022 г. связан с тем, что пострадавшие стали активно информировать регуляторов и компании, работающие в области ИБ, о киберинцидентах. В 2021 г. о таких вещах старались забыть и по возможности не сообщать о проблемах заинтересованным сторонам.

В будущем эксперты ЛК прогнозируют рост числа DDoS и целевых хакерских атак, увеличение числа вирусов и программ для удаленного доступа, которые распространяются под видом актуальной новостной повестки. В условиях международной нестабильности ждать снижения числа кибератак и мошеннических действий не приходится, как подчеркнул Сергей Голованов. Учитывая, что противник объединяет усилия мелких хакерских группировок, противостоять им реально, только объединив собственные силы [8].

Отдельное внимание стоит обратить на правила использования персональных данных в цифровом пространстве. Необходимо осознанно подходить к вопросу о том, какие персональные данные и информацию передавать и распространять в информационно-телекоммуникационных сетях: имеет ли эта информация ценность сама по себе, позволяет ли изучить человека в качестве потенциального потерпевшего или подобрать пароль. Технический директор компании «Только Высокие Технологии» Даниил Ростовцев отмечает, что основная ошибка потерпевших полагать, что неправомерное использование персональных данных в обязательном порядке сопряжено с хакерскими атаками. Эксперт приводит статистику, согласно которой 90 % утечек данных происходит по вине субъекта персональных данных [1].

Таким образом, целесообразно совершенствовать и разрабатывать разнообразные средства для борьбы с мошенничеством на основе использования инфокоммуникационных технологий. Необходимо учитывать как собственный опыт противодействия киберпреступлениям, так и опыт других стран, выделяя положительные стратегии тактики и адаптируя их под совокупность конкретных условий функционирования пользователей.

Список источников

1. Долгиева М. М. Операции с криптовалютами: актуальные проблемы теории и практики применения уголовного законодательства // Актуал. проблемы рос. права. 2021. № 4 (101). С. 128.
2. Евдокимов К. Н. Новые угрозы информационной безопасности России: от компьютерной преступности к анекселенктотичной технотронной преступности (частная научная теория) // Основные направления государственной политики России в сфере обеспечения национальной безопасности: материалы междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2018. С. 57.
3. Какие преступления совершаются с использованием ИТ-технологий:| комментарии Марии Зазирной для «ГАРАНТ.РУ» // ЕПАМ: адвокатское бюро: [сайт]. URL: https://epam.ru/ru/media/view/kakie-prestupleniya-sovershayutsya-s-ispolzovaniem-it-tehnologij (дата обращения: 06.06.2025).
4. Чернякова А. В. Международный и зарубежный опыт уголовно-правового противодействия хищениям, совершаемым с использованием компьютерной информации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 4 (46). С. 168.
5. Число киберпреступлений в России: [сайт]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php (дата обращения 06.06.2025).
6. Шибаев Д. В. Содержание понятия «Преступление в сфере компьютерной информации» // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 4 (17). С. 131.
7. AntiFraud 2022: Тенденции и наблюдения // Bis Journal: [сайт]. URL: https://ib-bank.ru/bisjournal/post/1943 (дата обращения: 06.06.2025).Мошенничество в сети: судебная практика и ключевые аспекты // RTM Groop: [сайт]. URL: https://rtmtech.ru/research/online-fraud-research/ (дата обращения: 06.06.2025).

УДК 004.056:004.89:004.81

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЦИФРОВОЙ ПОЛИЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

***Л. С. Куликов**, профессор кафедры защиты информации Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, доктор военных наук, доцент;*

***А. К. Пахомов**, научный сотрудник Министерства обороны Российской Федерации;*

***А. С. Толпыгин**, доцент кафедры защиты информации Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, кандидат технических наук*

Рассматриваются возможности и перспективы применения технологий искусственного интеллекта в процессах цифровизации полиции. Освещены актуальные направления его использования для оптимизации рабочих процессов, повышения качества аналитического сопровождения расследования и предотвращения преступлений. Особое внимание уделено вопросам этики, юридическим ограничениям и техническим проблемам, возникающим при интеграции искусственного интеллекта в систему полицейской службы. Выявляются проблемы, связанные с ошибками и предвзятостью моделей, нарушением конфиденциальности персональных данных, необходимостью юридического регулирования и сложностями интеграции новых технологий в существующие информационные системы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, оперативно-разыскная деятельность, этика, правовые ограничения.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN DIGITAL POLICE: OPPORTUNITIES AND PROSPECTS

***L. S. Kulikov**, professor of the Information Security Department of the Bauman Moscow State Technical University, doctor of Military Sciences, Associate Professor;*

***A. K. Pakhomov**, researcher of the Ministry of Defense of the Russian Federation;*

***A. S. Tolpygin**, associate professor of the Information Security Department of the Bauman Moscow State Technical University, kandidat nauk, degree in Technical Sciences*

The possibilities and prospects of using artificial intelligence technologies in the processes of police digitalization are considered. The current directions of using artificial intelligence to optimize work processes, improve the quality of analytical support for the investigation and prevention of crimes are highlighted. Particular attention is paid to ethical issues, legal constraints, and technical issues that arise when integrating artificial intelligence into the police service system. The problems associated with errors and biased models, violation of the confidentiality of personal data, the need for legal regulation and the difficulties of integrating new technologies into existing information systems are identified.

Keywords: artificial intelligence, operational investigative activities, ethics, legal restrictions.

Полиция многих стран успешно *применяет различные инструменты искусственного интеллекта (ИИ) для решения оперативно-служебных задач* [1; 3; 5]:

– распознавание лиц и объектов: NEC NeoFace – для идентификации подозреваемых с использованием фото- и видеоматериалов из специализированных баз данных; ANPR (Automatic Number Plate Recognition) – для автоматического распознавания номеров машин; система PredPol – для прогнозирования преступлений; южнокорейская система Dejaview – для анализа данных камер видеонаблюдения и выявления признаков преступления до их совершения;

– анализ данных в реальном времени: система Palantir Gotham – помогает выявлять связи между преступниками, оперируя данными из соцсетей, с камер наблюдения и из баз данных); система ShotSpotter – обнаруживает выстрелы по акустическим паттернам и передает координаты в полицию;

– автоматизация рутинных задач: PoliceReports.ai – помогает генерировать отчеты и экономить время сотрудников; Speechify – преобразует текстовые отчеты в аудио, позволяя прослушивать информацию в дороге;

– раскрытие старых дел: система Soze, созданная в Австралии и начавшая использоваться в Великобритании, – способна оперативно выполнять детективную работу.

В январе 2024 г. Президент России Владимир Путин поставил задачу Верховному суду, Генеральной прокуратуре, Следственному комитету, МВД России и Минюсту «проанализировать практику применения технологий искусственного интеллекта при расследовании преступлений и при необходимости представить предложения по ее совершенствованию» [2].

По мере использования инструментов ИИ меняется облик полицейского:

– применяются элементы умной экипировки (очки и шлемы с дополненной реальностью, биометрические датчики, отслеживающие состояние здоровья);

– используются виртуальные тренажеры, способные выявить слабые навыки и создать индивидуальные программы тренировок;

– ИИ-ассистентами решаются рутинные задачи (подготовка отчетов, анализ показаний свидетелей, получение данных из баз). Ассистенты могут вести чат-боты (принимать заявления, консультировать и получать обратную связь);

– используется беспилотная техника (дроны и роботы) для наблюдения за территорией, работы в зонах повышенного риска (в России компания «Т-АВИАС» ведет разработку цифровой платформы сети центров контроля и управления движением беспилотных воздушных судов. В перспективе система будет способна контролировать и управлять наземными и водными беспилотными средствами).

Важным аспектом является этика применения ИИ [4], а для полиции этот вопрос предельно чувствителен. Например, в американском штате Калифорния существует запрет на распознавание лиц носимыми полицейскими видеорегистраторами.

Важен учет *особенностей внедрения ИИ в работу сотрудников полиции.*

Большие лингвистические (языковые) модели – это синтез нейронных сетей и машинного обучения. Их основой является предложенная в 2017 г. архитектура Transformer.

Процесс обучения требует огромных вычислительных мощностей и наличия гигантских текстовых корпусов. Сначала делается очистка данных (удаление дубликатов, вредоносного контента, спама) и их фильтрация (например, удаление текстов с ошибками). Затем текст разбивается на токены (слова, части слов или символы). Суть обучения заключается в приобретении моделью способности предсказывать пропущенные слова или следующие слова в последовательности (обучение без учителя). Одним из примеров использования больших лингвистических моделей является интеллектуальный помощник 41Chat, разрабатываемый компанией «Т-АВИАС». Интеллектуальный помощник имитирует человеческое общение на основе больших данных. Он определяет контекст беседы и генерирует «осмысленные» ответы на вопросы по заданной теме. В МВД и МЧС России 41Chat может применяться для юридических консультаций, подготовки типовых документов, выполнении профильных задач.

Существуют *определенные этические проблемы* при его использовании. В частности, это предвзятость – если обучающие данные содержат стереотипы или дискриминационные паттерны, модель усиливает предубеждения, например, дает ответ на основе расовых или гендерных предрассудков. Другой проблемой являются галлюцинации, то есть выдача моделью ложной информации под видом правдивой. Причиной галлюцинаций является обучение модели на недостоверной или непроверенной информации. Это может повлечь дезинформацию в разных областях человеческих знаний. Еще одной очевидной проблемой является нарушение приватности, поскольку модели могут запоминать и воспроизводить персональные данные из обучающего набора.

Следующий класс задач связан с обработкой естественного языка (Natural Language Processing, NLP):

– использование языковых моделей для генерации по шаблонам отчетов, протоколов и служебных документов;

– выделение ключевой информации (жалобы, экстренные вызовы);

– мониторинг соцсетей и мессенджеров на предмет выявления противоправной деятельности, организации незаконных акций, прочих угроз.

Большие лингвистические модели могут создавать сценарии для тренировок сотрудников и проведения учений подразделений на основе реальных кейсов. К этой же группе отнесем юридические консультация в режиме реального времени, например, проверку законности действий сотрудников и/или граждан.

Обучение моделей должно проводиться на данных, релевантных локальному контексту (язык, законодательство) и верифицированных высококвалифицированными специалистами. Для верификации также может быть применен метод внешней проверки (external validation). Этот метод предполагает использование отдельной независимой модели для оценки качества и надежности результатов основной проверяемой модели.

Рассмотрим *перспективы использования систем ИИ в деятельности органов внутренних дел*.

В результате внедрения ИИ-инструментов отмечается повышение производительности труда сотрудников до 40 %. LLM могут значительно повысить эффективность работы сотрудников органов внутренних дел, сократив время на рутинные действия и улучшив аналитику. Однако их внедрение требует баланса между инновациями и защитой прав граждан. Ключевой принцип – «доверяй, но проверяй»: технологии должны работать под надзором профессионалов в рамках правового поля.

Отметим перспективы использования ИИ в ОВД:

– применение мультимодальных систем, когда в одном инструменте совмещены, например, текстовый анализ с видео- и аудиоданными;

– кибербезопасность и борьба с «глубокими» фейками и кибератаками через генеративные ИИ;

– международное сотрудничество и обмен данными и моделями между странами для борьбы с транснациональной преступностью.

Перспективы развития ИИ-инструментов будут обусловлены *развитием следующих технологий*.

Нейронные сети – ключевой элемент современного искусственного интеллекта, применяемого в области безопасности. Их развитие приведет к следующим изменениям:

– улучшению распознавания лиц, объектов и действий благодаря глубокому обучению и использованию больших объемов данных;

– повышению точности анализа видеоданных и возможности выявления аномалий поведения, что позволит предотвращать преступления;

– созданию адаптивных моделей, способных самообучаться на новых данных и быстро реагировать на изменения окружающей среды.

Потенциальное влияние на полицию – возможность автоматического отслеживания подозреваемых и быстрого реагирования на чрезвычайные ситуации. Как следствие – повышение эффективности расследования преступлений.

Когнитивные технологии – открывают новые возможности для взаимодействия между людьми и машинами. Они включают:

– интеллектуальные системы поддержки принятия решений, способные анализировать большие объемы информации и предлагать оптимальные стратегии действий;

– роботы-помощники, выполняющие рутинные задачи, такие как патрулирование территорий и проверку документов;

– виртуальные ассистенты, помогающие гражданам получать доступ к услугам полиции и сообщать о происшествиях.

Развитие цифрового полицейского инструментария должно основываться на интеграции передовых технологий, в том числе ИИ, и обеспечении надежной инфраструктуры для эффективной реализации новых функций. Однако важно помнить, что новые технологии требуют комплексного подхода к решению вопросов безопасности, права и свободы личности, обеспечивающего доверие общества к современным методам ведения борьбы с преступностью.

Список источников

1. Искусственный интеллект на службе полиции: сб. статей международ. науч.-практ. конф. М.: Академия управления МВД России, 2021. 118 с.
2. Путин поручил улучшить использование ИИ для расследования преступлений // rbc.ru: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65a7a3359a794761a6913056 (дата обращения: 09.06.2025).
3. Робот-полицейский. Как искусственный интеллект помогает в расследованиях преступлений // Новая газета. Европа: [сайт]. URL: https://novayagazeta.eu/articles/2024/02/05/robot-politseiskii (дата обращения: 09.06.2025).
4. Этические последствия использования искусственного интеллекта в предиктивной полицейской деятельности // Falcon Scientific Editing: [сайт]. URL: https://falconediting.com/ru/blog/eticheskie-posledstviia-ispolzovaniia-iskusstvennogo-intellekta-v-prediktivnoi-politseiskoi-deiatelnosti (дата обращения: 09.06.2025).
5. This AI claims to predict crimes before they happen based on real-time CCTV analysis // Techspot: [сайт]. URL: https://www.techspot.com/news/104723-ai-claims-predict-crimes-before-they-happen-based.html (дата обращения: 09.09.2025).

УДК 004.932.2

СОВРЕМЕННЫЕ АЛГОРИТМЫ РАСПОЗНАВАНИЯ ЛИЦ

***И. О. Лапшин**, начальник кафедры специальных информационных технологий учебно-научного комплекса информационных технологий Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат технических наук;*

***А. А. Волков**, заместитель начальника отдела Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России*

В статье рассматриваются ключевые этапы построения современных систем распознавания лиц, включая детектирование, нормализацию, извлечение признаков и верификацию/идентификацию. Описаны основные алгоритмы, приведена классификация детекторов лиц, включающая как традиционные методы (Haar Cascades, HOG+SVM, Face Recognition), так и перспективные нейросетевые решения (MTCNN, RetinaFace, YOLOv11 Face, MediaPipe, SCRFD). Особое внимание уделено процессу нормализации, включая выравнивание по ключевым точкам и использование генеративно-состязательных сетей (GAN) для улучшения качества изображения. Показано влияние точности детектирования и нормализации на итоговую точность распознавания. Приведены результаты сравнительного анализа разных алгоритмов на основе метрик Precision, Recall и F1-score, а также оценки их эффективности. Выявлены наиболее эффективные для практического применения модели в зависимости от требований к производительности и точности.

Ключевые слова: распознавание лиц, компьютерное зрение, нейросетевая модель, метрика качества, биометрическая идентификация.

MODERN FACE RECOGNITION ALGORITHMS

***I. O. Lapshin**, head of the Department Special Information Technologies of the Educational and Scientific Complex of Information Technologies of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Technical Sciences;*

***A. A. Volkov**, deputy head of the Department for the Organization of Combating the Illegal Use of Information and Communication Technologies of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article discusses the key stages of building modern facial recognition systems, including detection, normalization, feature extraction, and verification/identification. The main algorithms are described, and the classification of face detectors is presented, including both traditional methods (Haar Cascades, HOG+SVM, Face Recognition) and promising neural network solutions (MTCNN, RetinaFace, YOLOv11 Face, MediaPipe, SCRFD). Special attention is paid to the normalization process, including key point alignment and the use of generative adversarial networks (GANS) to improve image quality. The effect of detection accuracy and normalization on the final recognition accuracy is shown. The results of a comparative analysis of various algorithms based on Precision, Recall, and F1-score metrics, as well as an assessment of their effectiveness, are presented. The most effective models for practical application have been identified, depending on performance and accuracy requirements.

Keywords: face recognition, computer vision, neural network model, quality metric, biometric identification.

Современные системы распознавания лиц представляют собой сложный многоэтапный процесс обработки изображений, направленный на преобразование исходного графического представления лица в структурированные векторные дескрипторы (рис. 1). Данный процесс включает последовательное выполнение взаимосвязанных вычислительных операций, обеспечивающих переход от пиксельных данных к математическим моделям, пригодным для задач идентификации и верификации личности.

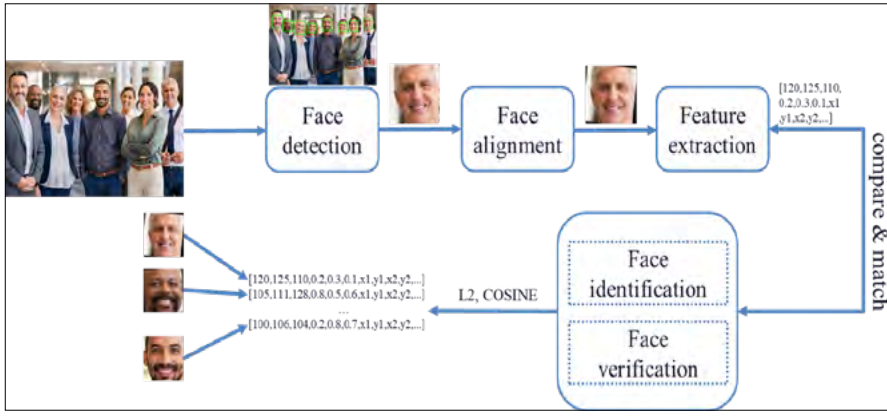

Рис. 1. Архитектура распознавания лиц

Детектирование лица на изображении выполняется с помощью методов компьютерного зрения и нейросетевых моделей.

Рассмотрим пять основных подходов: каскадные классификаторы (Haar Cascades); статистические методы (HOG + SVM, Face Recognition); многоэтапные нейросетевые модели (MTCNN); одноэтапные детекторы (YOLOv11 Face, RetinaFace, SCRFD) [1]; а также современные оптимизированные архитектуры (SCRFD, MediaPipe).

Нормализация изображения лица направлена на устранение геометрических (поворот, масштаб, ракурс) и фотометрических (освещение, контраст, шумы) искажений. Критической характеристикой является выравнивание по ключевым точкам, для единообразного пространственного представления лица.

Современные алгоритмы выделяют пять ключевых антропометрических точек, соответствующих наиболее стабильным лицевым ориентирам: центры левого и правого глаз, кончик носа, а также левый и правый углы рта. После их обнаружения на исходном изображении выполняется геометрическое выравнивание лица с помощью аффинного или проективного преобразования, целью которого является приведение расположения найденных точек к заранее заданному эталонному шаблону (рис. 2).

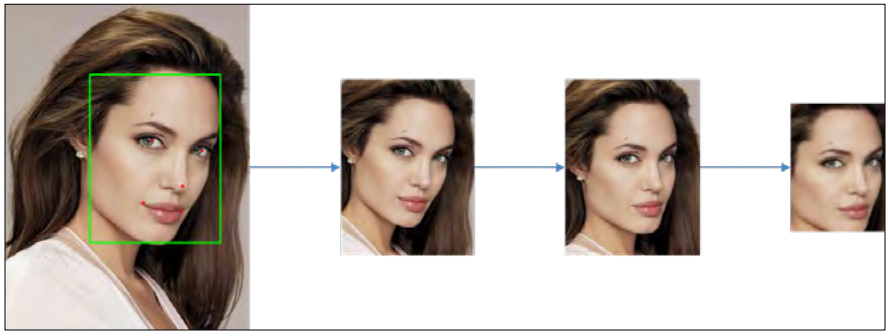

Рис. 2. Процесс нормализации изображения лица

Использование GAN позволяет устранять текстурные искажения и формирует унифицированное представление лица, что играет важнейшую роль в биометрических системах (табл. 1).

Таблица 1

Результат применения генеративно-состязательных сетей

Извлечение признаков лица реализуется через нейросетевые архитектуры, обученные на обширных датасетах (*ArcFace, FaceNet*). Выровненное лицо преобразуется в вектор-дескриптор (эмбеддинг), адаптивный к вариациям освещения, ракурса и других внешних факторов. Ключевым требованием является сохранение уникальных биометрических характеристик, что достигается за счет обучения с контрастными или угловыми потерями (*metric learning*).

Верификация и идентификация выполняются в едином метрическом пространстве, где расстояние (косинусное, евклидово) между эмбеддингами определяет степень сходства. Данный этап обеспечивает либо идентификацию (сопоставление с множеством классов), либо верификацию (подтверждение сходства с эталоном).

Таким образом, система распознавания лиц представляет собой конвейер обработки изображений с согласованными этапами. Это позволяет обеспечить устойчивость алгоритмов к вариативности входных данных (изменение освещения, ракурса, масштаба, наличие помех). При этом нужно учитывать, что погрешности обработки на начальных этапах вызывают снижение точности всей системы распознавания (табл. 2).

Таблица 2

Повышение точности за счет нормализации

Исходное изображение	Без выравнивания	Точность без выравнивания	С выравниванием	Точность с выравниванием
		Сходство: **94.05%** Косинусное сходство: **0.48**		Сходство: **95.50%** Косинусное сходство: **0.51**
				

Для тестирования в качестве датасета нами выбран стандартный набор данных WIDER FACE [3; 4], включающий 393703 аннотированных лица на 32 203 изображениях. В тестировании участвовала проверочная выборка, содержащая 3 226 аннотированных изображений, с общим количеством лиц 39 708.

Качество предсказаний моделей идет по следующим метрикам:

Precision (точность) – доля объектов, выделенных как положительные, и действительно являющихся положительными:

$$P = \frac{TP}{TP+FP},$$

где *TP (True Positive)* – верно предсказанные положительные случаи;

FP (False Positive) – отрицательные случаи, ошибочно предсказанные как положительные;

Recall (полнота) – характеризует долю обнаруженных положительных объектов среди всех реально положительных случаев:

$$R = \frac{TP}{TP+FN},$$

где *FN (False Negative)* – положительные случаи, ошибочно предсказанные как отрицательные.

Между метриками *Precision и Recall* наблюдается следующая обратная зависимость: повышение одной метрики может привести к снижению другой.

Для объединения этих показателей в единую оценку используется *F1-score* – гармоническое среднее Precision и Recall:

$$F1 = 2 \cdot \frac{P \cdot R}{P + R}.$$

Компромиссная метрика, чувствительная к дисбалансу между Precision и Recall. Максимальное значение *F1 = 1* достигается при $P = R = 1$.

Выбор метрики оценки модели зависит от решаемой задачи: если критичны ложные срабатывания – фокусируются на Precision, если критичен пропуск событий – на Recall.

В результате проведенного сравнительного анализа алгоритмов детектирования лиц получены следующие результаты (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение алгоритмов детектирования

Детектор	TP	FP	FN	Precision	Recall	F1-score	Avg Time (ms)
Dlib HOG	2676	117	37032	0.9581	0.0674	0.1259	178.17
OpenCV Haar	5111	2585	34597	0.6641	0.1287	0.2156	566.34
YOLOv11 Face	23435	4593	16273	0.8361	0.5902	0.6920	95.70
MediaPipe	3443	451	36265	0.8842	0.0867	0.1579	20.06
RetinaFace	22182	556	17526	0.9755	0.5586	0.7104	2165.99
SCRFD	20083	782	19625	0.9625	0.5058	0.6631	899.68
Face Recognition	5540	234	34168	0.9595	0.1395	0.2436	645.27
MTCNN (PyTorch)	15973	1788	23735	0.8993	0.4023	0.5559	250.98
MTCNN (TensorFlow)	15607	1139	24101	0.9320	0.3930	0.5529	579.06

Наибольшую точность (Precision = 0.9755) и сбалансированное качество детектирования (F1-score = 0.7104) демонстрирует алгоритм RetinaFace, однако его вычислительная сложность (2165.99 мс) существенно ограничивает область применения. У модели YOLOv11 Face сопоставимые показатели эффективности (F1-score = 0.6920, Recall = 0.5902) при значительно меньшем времени обработки (95.7 мс). Это оптимальное решение для задач, требующих баланса между точностью и производительностью.

Среди быстрых решений выделяется *MediaPipe* (20.06 мс), но его низкая полнота детектирования (Recall = 0.0867) делает его применимым лишь

в специальных сценариях. Традиционные методы (OpenCV Haar, Dlib HOG) значительно уступают современным нейросетевым подходам по всем ключевым метрикам.

Промежуточные результаты демонстрируют MTCNN и SCRFD, которые по показателям эффективности приближаются к YOLOv11 Face, но характеризуются более высокой вычислительной сложностью. Таким образом, выбор оптимального алгоритма должен определяться конкретными требованиями к точности, полноте детектирования и временным характеристикам в рамках решаемой прикладной задачи.

Метрический подход к анализу позволяет не только ранжировать исследуемые детекторы по точности и скорости, но и выявить наиболее устойчивые и эффективные модели для использования в реальных условиях распознавания лиц [2].

Проведенный нами анализ современных алгоритмов распознавания изображений лиц показал, что наибольшую точность обеспечивают нейросетевые модели, в то время как традиционные методы значительно уступают им по эффективности. Ключевое влияние на итоговую точность системы оказывает этап нормализации, включающий выравнивание по ключевым точкам и применение генеративно-состязательных сетей. Оптимальный выбор алгоритма зависит от конкретных задач требований к точности идентификации и временным затратам. Перспективным направлением развития является дальнейшая оптимизация нейросетевых моделей для работы в реальном времени без потери точности.

Список источников

1. Визильтер Ю. В., Горбацевич В. С., Моисеенко А. А. Одноэтапный детектор лиц и особых точек на цифровых изображениях // Компьютер. оптика. 2020. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/odnoetapnyy-detektor-lits-i-osobyh-tochek-na-tsifrovyh-izobrazheniyah (дата обращения: 21.05.2025).
2. Минаев В. А., Симонов А. В. «Просеивание» телеграмм-каналов при поиске контента экстремистского характера // Информация и безопасность. 2023. Т. 26, № 1. С. 25–30.
3. Yang S., Luo P., Loy C. C., Tang X. WIDER FACE: A Face Detection Benchmark // Proceedings of the IEEE Conference on Computer Vision and Pattern Recognition (CVPR). 2016. P. 5525–5533.
4. Zhang K., Zhang Z., Li Z., Qiao Y. Joint Face Detection and Alignment Using Multitask достигается при№ 10. P. 1499–1503.

УДК 32.019

МОДЕЛИРОВАНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДИСКРЕДИТИРУЮЩЕЙ ИНФОРМАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

***В. А. Минаев**, профессор кафедры специальных информационных технологий Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор технических наук, профессор;*

***А. С. Коломина**, адъюнкт кафедры специальных информационных технологий Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя*

Рассматривается системно-динамическая модель распространения дискредитирующей информации в социальных медиа. Производится описание динамики изменений в числе лиц, принявших дискредитирующую информацию с учетом влияния таких ключевых характеристик, как видимость контента в социальных медиа, его эмоциональная насыщенность (провокационность), латентное состояние лиц. Модель базируется на балансовых дифференциальных уравнениях. Сделан вывод о важности мониторинга и разработке методов противодействия информационным угрозам в социальных медиа для поддержания стабильности в обществе.

Ключевые слова: дискредитирующая информация, социальные медиа, системно-динамическое моделирование, имитационный эксперимент.

MODELING OF DEFAMATORY INFORMATION PROPAGATION IN SOCIAL MEDIA

***V. A. Minaev**, professor of the Special Information Technologies Department Kikot Moscow University of the Internal Affairs Ministry of Russia, Doctor of Technical Sciences, Professor;*

***A. S. Kolomina**, adjunct of the Special Information Technologies Department Kikot Moscow University of the Internal Affairs Ministry of Russia*

A system-dynamic model of the defamatory information propagating in social media is considered. The dynamics of changes in the number of people who have accepted defamatory information is described, taking into account the influence of such key characteristics as the visibility of content on social media, its emotional saturation (provocation), and the

latent state of individuals. Based on the proposed model based on balanced differential equations, it is concluded that it is important to monitor and develop methods to counter information threats in social media in order to maintain stability in society. A conclusion is drawn about the development of the model through a more detailed description of the process of discrediting in information networks.

Keywords: defamatory information, social media, system-dynamic modeling, simulation experiment.

Разработка моделей оценки и предотвращения угроз дискредитации, использования открытых источников для мониторинга и изучения репутации указанных объектов является пока недостаточно исследованной областью. В статье рассматриваются подходы, связанные с моделированием угроз дезинформации и применением для их анализа системно-динамического моделирования.

Одним из ключевых направлений в сфере обеспечения информационной безопасности сотрудников и организаций выступает моделирование инсайдерских угроз. В работе «System Dynamics Based Insider Threats Modeling» [14] применяется системно-динамическая модель для анализа угроз, исходящих от инсайдеров, и разработки стратегий нейтрализации этих угроз.

В статье «A Survey of Insider Threats in Cyber Security» [13] исследуются подходы к моделированию угроз инсайдеров, включая их поведение в цифровой среде и методы защиты от их негативного воздействия. Учитываются как факторы, которые могут существенно влиять на репутацию сотрудника, его деятельность, так и воздействие внешней среды и организационных механизмов на процессы дискредитации.

В диссертации «Identifikation von Influentials in virtuellen sozialen Netzwerken» [10] разработана имитационная модель оценки распространения дезинформации и ее влияния на имидж сотрудников. Необходимо также отметить статью «Theory of Rumour Spreading in Complex Social Networks» [12], в которой рассмотрены стохастические модели распространения слухов, достаточно легко адаптируемые для описания процессов дискредитации.

Монография «Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства» [3] описывает взаимодействие в социальных медиа (СМ) для исследования влияния информационного воздействия на репутацию индивидов, а также для разработки эффективных стратегий борьбы с негативным воздействием на имидж. Применение системной динамики развивается в работе «Modeling Echo Chambers and Polarization Dynamics in Social Networks» [11], где исследуются механизмы усиления негативного мнения в сообществах, непосредственно связанных с процессами дискредитации.

Изучение феномена дискредитации сотрудников и организаций имеет важное значение, поскольку такие действия непосредственно связаны с процессами правонарушений. В статье «Фактор дискредитации в механизме реализации юридической ответственности» [4] рассматривается влияние дискредитации на разных стадиях правового характера. В работе «Криминалистическая характеристика преступлений, направленных на дискредитацию Вооруженных Сил и государственных органов» [7] исследуются процессы дискредитации государственных структур путем распространения негативной информации, влияющей на общественное мнение.

Особое внимание уделяется исследованию дискредитации органов внутренних дел (ОВД). Так, в статье «Субъекты дискредитации сотрудников органов внутренних дел» [1] рассматриваются механизмы влияния на имидж сотрудников полиции, важные аспекты для построения моделей процессов дискредитации сотрудников ОВД в контексте добывания информации из открытых источников. Диссертация «Модели, алгоритмы и методика противодействия вредоносной информации в социальных сетях» [2] исследует методы борьбы с вредоносной информацией, включая модели распространения фейков.

Отсюда можно сделать два важных вывода:

1) инсайдерские угрозы и их изучение на моделях системной динамики являются теми актуальными объектами, которые могут быть использованы для выявления сотрудников организации, склонных к распространению дискредитирующей информации;

2) системно-динамические модели распространения информации в СМ дают возможность реализовывать эффективные подходы для исследования процессов дискредитации, при этом мониторинг названных процессов может осуществляться в реальном времени.

Определим дискредитацию как процесс целенаправленного управления разрушением общественного доверия, имиджа, авторитета, репутации личности или организации.

К ключевым характеристикам, определяющим сущность дискредитации, относятся:

– целевое распространение ложной или недостоверной информации об объекте (личности или организации);

– необоснованная критика или негативная оценка объекта;

– стремление проникнуть в психоэмоциональную сферу дискредитируемых и их социального окружения.

Системно-динамическая модель, представляемая в статье в упрощенном виде, описывает информационные процессы дискредитации с помощью совокупности параметров и взаимосвязей переменных, опираясь на результаты ряда работ [5–9]. Укажем обозначения переменных, параметров и их названия (таблица).

Обозначения и названия переменных и параметров модели

Обозначения	Названия переменных и параметров модели
N= Const	Общая аудитория, участвующая в кампании по дискредитации
S(t)	Количество лиц, могущих положительно воспринять дискредитирующую информацию (потенциальная аудитория)
L(t)	Количество лиц, положительно воспринявших дискредитирующую информацию, но не занимающихся ее активным распространением (латентная аудитория)
Y(t)	Количество лиц, положительно принявших дискредитирующую информацию, активно занимающихся ее активным распространением (активная аудитория)
S_L	Коэффициент перехода лиц из потенциальной аудитории в латентное состояние
L_Y	Коэффициент перехода лиц из латентной аудитории в активное состояние

Балансовые уравнения, приведенные ниже и реализованные в экспериментах более детализированно, учитывают влияние таких факторов, как алгоритмы СМ, участие ботов, смена мнений, эмоциональная насыщенность дискредитирующего контента, влияние СМИ и лидеров мнений.

1. Изменение потенциальной аудитории – S(t):

$$S_{t+1} = S_t - S_L \cdot S_t \ .$$

2. Изменение латентной аудитории – L(t):

$$L_{t+1} = L_t + S_L \cdot S_t - L_Y \cdot S_t \ .$$

1. Изменение активной аудитории – Y(t):

$$Y_{t+1} = Y_t + L_Y \cdot S_t \ .$$

4. Компоненты общей аудитории N = Const, участвующей в кампании по дискредитации:

$$N = S_t + L_t + Y_t \ .$$

Представим результаты экспериментов, выполненных в системе имитационного моделирования Anylogic, при описании динамики распространения дискредитирующей информации в СМ.

На рис. 1 показана динамика изменения потенциальной аудитории, могущей позитивно отреагировать на дискредитирующую информацию (S); находящихся в латентном состоянии (L); активно распространяющих информацию по дискредитации (Y). Начальные условия следующие: $S_0 = 10000$; $L_0 = 0$; $Y_0 = 0$.

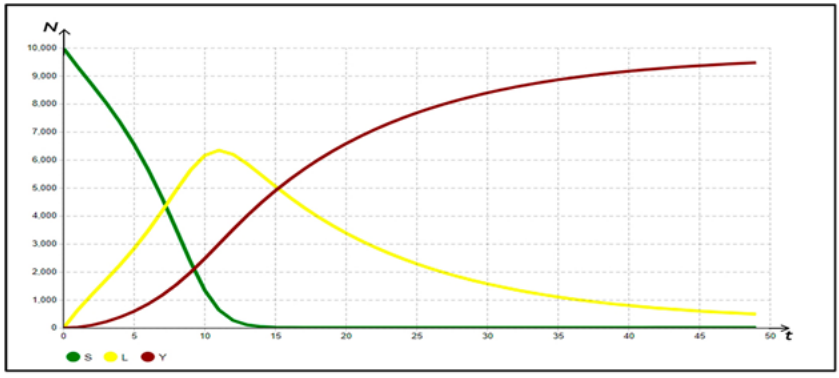

Рис. 1. Динамика состояний модели S, L и Y, отражающих распространение дискредитирующей информации в социуме

Результаты показали, что при сокращении латентного периода время достижения максимума в состоянии, отражающем активную вовлеченность в кампанию по дискредитации, уменьшается. Во втором эксперименте (рис. 2) исследовалась зависимость динамики латентного состояния (L) от продолжительности латентного периода.

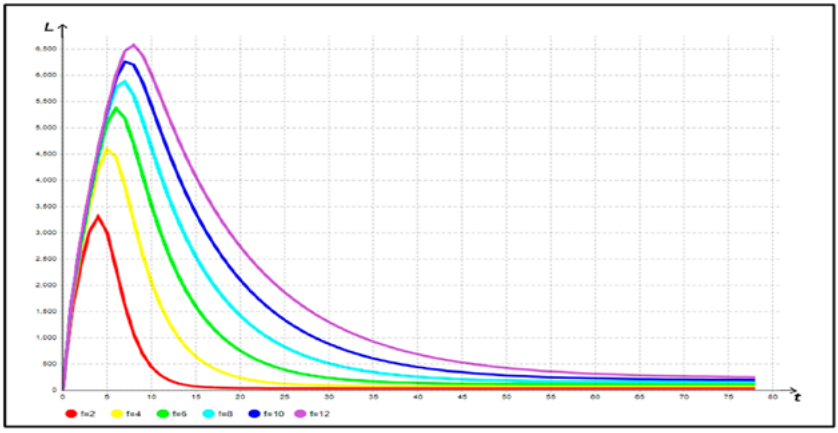

Рис. 2. Динамика состояния (L) в зависимости от длительности латентного периода

Характерны две особенности: при его увеличении наблюдается рост количества лиц, находящихся в латентной стадии, а их максимальное количество достигается медленнее, чем в экспериментах с меньшими значениями продолжительности латентного периода. Таким образом, управляя величиной латентного периода, можно изменять эффективность кампаний по дискредитации как отдельных личностей, так и целых организаций, что важно при разработке стратегий противоборства в указанной сфере.

В третьей серии экспериментов фокус исследования был ориентирован на эмоциональную насыщенность контента. Контент с высокой эмоциональной насыщенностью создает больше возможностей для манипуляции общественным мнением и значительным образом меняет динамику распространения дискредитирующей информации.

Отметим основные цели применения модели, отражающей распространение и противодействие дискредитирующей информации в СМ: мониторинг реакции общественно-политического и эмоционального характера со стороны социума по поводу содержания и ориентированности контента, затрагивающего деловую и репутационную сферу конкретных организационных структур, их руководителей и сотрудников, а также общественных деятелей, лидеров общественного мнения; выявление ключевых источников дезинформации; прогнозирование дискредитирующих атак и разработка контрмер противодействия им.

Список источников

1. Васильев Э. А., Дьяченко Н. Н. Субъекты дискредитации сотрудников органов внутренних дел // Рос. следователь. 2019. № 5. С. 42–46.
2. Виткова Л. А. Модели, алгоритмы и методика противодействия вредоносной информации в социальных сетях: дис. … канд. техн. наук. СПб.: СПбГУ, 2020. 184 с.
3. Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. 2-е изд. М.: Физматлит, 2011. 228 с.
4. Иванов А. М. Фактор дискредитации в механизме реализации юридической ответственности // Право и политика. 2018. № 3. С. 34–45.
5. Минаев В. А. Простые числа. Новый взгляд на закономерности формирования: моногр. М.: Логос, 2011. 80 с.
6. Минаев В. А., Вайц Е. В., Грачева Ю. В. Имитационные эксперименты с моделью информационно-психологических воздействий на массовое сознание // Безопасность информацион. технологий. 2017. Т. 24, № 2. С. 61–71.
7. Петров С. В. Криминалистическая характеристика преступлений, направленных на дискредитацию Вооруженных Сил и государственных органов // Вестн. Моск. ун-та МВД России имени В. Я. Кикотя. 2020. № 2. С. 112–118.

8. Противодействие экстремистской идеологии в социальных медиа: математические модели и методы: моногр. / В. А. Минаев, К. М. Бондарь, А. Н. Рабчевский, В. Ю. Федорович; под ред. В. А. Минаева, К. М. Бондаря. Хабаровск: ДВЮИ МВД России имени И. Ф. Шилова, 2023. 232 с.
9. Системно-динамическое моделирование сетевых информационных операций / В. А. Минаев, М. П. Сычев, Е. В. Вайц, К. М. Бондарь // Инженерные технологии и системы. 2019. Т. 29, № 1. С. 20–39.
10. Alf H. Identifikation von Influentials in virtuellen sozialen Netzwerken. Berlin: Technische Universität Berlin, 2018. 210 p.
11. Modeling Echo Chambers and Polarization Dynamics in Social Networks / F. Baumann, P. Lorenz-Spreen, I. M. Sokolov, M. Starnini // Physical Review Letters. 2020. Vol. 124, No 4.
12. Theory of Rumour Spreading in Complex Social Networks / M. Nekovee, Y. Moreno, G. Bianconi, M. Marsili // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2007. Vol. 374, № 1. P. 457–470.
13. Shafique M., Akhtar N. A Survey of Insider Threats in Cyber Security // IEEE Access. 2019. Vol. 7. P. 159103–159124.
14. Yang S.-C., Wang Y.-L. System Dynamics Based Insider Threats Modeling // Journal of Wireless Mobile Networks, Ubiquitous Computing, and Dependable Applications. 2015. Vol. 6, No 3. P. 61–81.

УДК 4.67

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ РИСКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

***В. А. Минаев**, профессор кафедры специальных информационных технологий Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор технических наук, профессор;*

***А. С. Эрдниев**, начальник учебно-научного комплекса информационных технологий Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат педагогических наук*

В статье рассмотрены основные этапы оценки информационных рисков в образовательной организации. Для этого разработана методика, основанная на экспертных процедурах теории активных систем. Первый этап – выявление и ранжирование информационных рисков. Второй этап – расчет приоритетов проектов информационной защиты. Третий этап – визуализация результатов «затраты» – «эффект». Делается вывод о возможности использования предложенной методики для построения оптимальной процедуры выбора проектов информационной защиты при ограничениях на объем ее финансирования.

Ключевые слова: учебное заведение, информационный риск, методика оценки, теория активных систем.

INFORMATION RISK ASSESSMENT METHODOLOGY EDUCATIONAL INSTITUTION

***V. A. Minaev**, professor of the Special Information Technologies Department Kikot Moscow University of the Internal Affairs Ministry of Russia, Doctor of Technical Sciences, Professor;*

***A. S. Erdniev**, head of the Educational and Scientific Complex of Information Technologies, Kikot Moscow University of the Internal Affairs Ministry of Russia, kandidat nauk, degree in Pedagogy*

The article discusses the main stages of information risk assessment in an educational institution. For this purpose, a methodology based on expert procedures of the theory of active systems has been developed. The first stage is the identification and ranking of information risks. The second stage is the calculation of priorities for information security

projects. The third stage is the visualization of the "cost" – "effect" results. It is concluded that the proposed methodology is possible to build an optimal procedure for selecting information security projects with restrictions on the amount of its financing.

Keywords: educational institution, information risk, assessment methodology, theory of active systems.

Образовательные организации характеризуются как общими, так и специфическими параметрами информационных рисков, требуя разработки адаптивной методики их оценки и управления. Применим для этого модели и методы теории активных систем, разработанные в Институте проблем управления РАН учеными из научной школы В. Н. Буркова [1–3]. Рассмотрим основные этапы методики.

Этап 1. Ранжирование информационных рисков. В этих целях был проведен экспертный опрос около 100 респондентов руководящего состава, преподавателей и обучающихся. Информационный риск рассчитывался как произведение вероятности реализации угрозы на значение возможного ущерба (табл. 1).

Таблица 1.

Результаты оценки информационных рисков

№	Вид информационной угрозы	Риск, баллы	Ранг
1.	Сбои и отказы технических средств	318	1
2.	Ошибки IT-специалистов	258	2
3.	Сбои и отказы программных средств	222	3
4.	Сбои и отказы сетевого оборудования	195	4
5.	Вредоносное ПО	185	5
6.	Несанкционированный доступ	128	6
7.	Шпионские программы	85	7
8.	Нарушение авторских прав	62	8
9.	Аварии	45	9
10.	Пожары	24	10
11.	Другие стихийные бедствия	17	11

Отметим основные результаты. Наибольший риск представляют сбои и отказы технических средств (318 баллов). Данный риск обусловлен высокой степенью зависимости научно-образовательного процесса от работающей техники, являющейся фундаментом бесперебойного функционирования вуза.

Второе место – ошибки специалистов при работе с информационными технологиями (258 баллов). Человеческий фактор продолжает оставаться одним из самых уязвимых звеньев в системе защиты информации.

Третье место – сбои программных средств (222 балла). Проблемы, связанные с использованием устаревшего, несертифицированного или плохо совместимого программного обеспечения, увеличивают вероятность возникновения уязвимостей, которые могут быть использованы злоумышленниками для кибератак.

К числу угроз, характеризующихся средним уровнем риска, относятся сбои сетевого оборудования (195 баллов). Дистанционное обучение стало неотъемлемой частью учебного процесса, надежность сетевой инфраструктуры имеет особое значение.

Вредоносное программное обеспечение (185 баллов) – фишинговые атаки, использование зараженных USB-накопителей, загрузка непроверенных приложений остаются актуальными угрозами распространения вредоносного кода.

Несанкционированный доступ к информации (128 баллов) – опасность заключается в возможной утечке персональных данных сотрудников и студентов, а также другой конфиденциальной информации, связанной с научно-образовательной деятельностью и внутренним управлением вуза.

Риски, имеющие более низкий уровень опасности, также не должны игнорироваться. Среди них:

– шпионские программы (85 баллов) – могут быть использованы для сбора информации о деятельности вуза, что влечет за собой потенциальный репутационный и правовой ущерб;

– нарушение авторских прав (62 балла) – может повлечь административную ответственность и негативно отразиться на имидже учреждения;

– аварии, пожары и другие стихийные бедствия (от 17 до 45 баллов) – имеют весьма низкую вероятность возникновения, однако последствия таких событий могут быть катастрофическими.

Наиболее значимой проблемой в сфере информационной безопасности являются технические неисправности оборудования (до 75 % от общего объема).

На втором месте по распространенности и значимости находится человеческий фактор.

Третью позицию в рейтинге рисков заняли сбои и отказы программного обеспечения, которые, хотя и менее часты, но все же существенно влияют на стабильность работы информационных систем. Этот вид риска говорит о необходимости постоянного контроля и своевременного обновления программных продуктов для минимизации возможных уязвимостей.

В целом исследование выявило, что технические неисправности оборудования, человеческий фактор и программные сбои составляют основу угроз информационной безопасности в вузе. Тем не менее, важно учитывать и другие угрозы, указанные в табл. 1.

Этап 2. Расчет приоритетов проектов информационной защиты. Для минимизации информационных рисков выделены четыре основные подцели: предотвращение технических сбоев и отказов, снижение ошибок персонала, защита от внешних угроз и утечек данных, минимизация последствий стихийных бедствий (рис. 1).

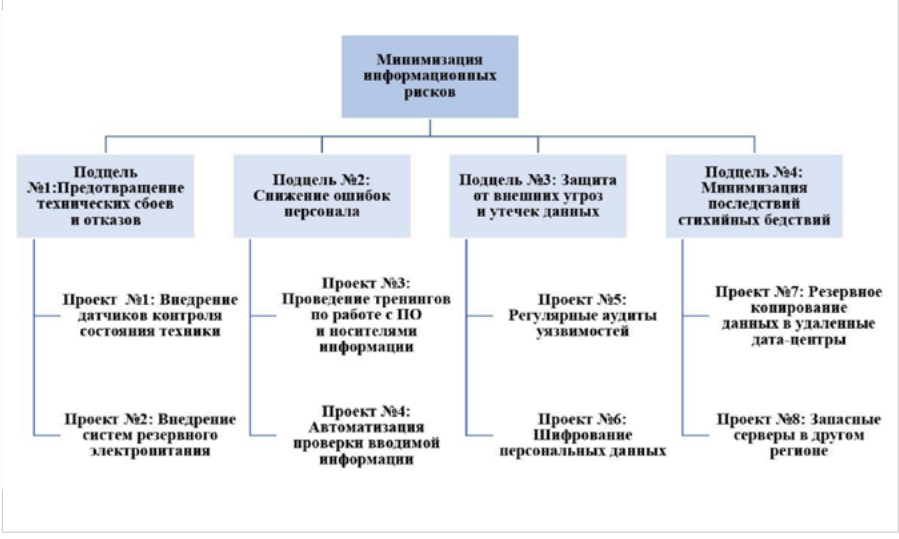

Рис. 1. Дерево целей (проектов) снижения информационных рисков

Далее определим эффективность каждого проекта, то есть рассчитаем отдачу с единицы вложенных в него затрат и проведем их упорядочивание в порядке убывания.

Пусть каждый i–ый проект характеризуется затратами si на его реализацию и ожидаемым эффектом wi. Обозначим через $M = \{1, 2, \ldots, m\}$ – множество

проектов; ui – объем затрат. Эффективность hi проекта определим как частное от деления эффекта на затраты hi = wi/ui. Для примера положим, что затраты на проекты (в условных единицах) и эффекты от проектов имеют значения (табл. 2).

Таблица 2.

Значения затрат на проекты, их эффекты и эффективность

№ проекта	Затраты на реализацию, u_i	Эффект, w_i	Эффективность, h_i
1	50000	7	0,00014
2	30000	5	0,00017
3	20000	5	0,00025
4	55000	3	0,000055
5	200000	10	0,00005
6	150000	7	0,000047
7	80000	8	0,0001
8	55000	5	0,000091

Сравнительную оценку эффективности проектов удобно представить графически, разместив по горизонтальной оси показатели затрат, а по вертикальной – величины ожидаемых эффектов.

В результате образуется набор лучей, исходящих из начала координат. При этом эффективность каждого проекта соответствует тангенсу угла наклона соответствующей прямой.

Дальнейший алгоритм распределения ресурсов согласно методике «затраты – эффект» [2] предполагает: первоочередной реализации подлежит наиболее результативный проект, за ним – следующий по эффективности и т. д. В рассматриваемом случае порядок выполнения проектов следующий: третий, за ним следуют второй, первый, седьмой, пятый, восьмой, четвертый и завершает список шестой проект.

Этап 3. Визуализация данных «затраты» – «эффект». В табл. 3 дан полученный порядок следования проектов, последние два столбца дают возможность построить график «затраты» – «эффект». После реализации каждого из проектов видно, какой максимальный эффект может быть получен от реализации предыдущей последовательности проектов и какие средства необходимо вложить в их совокупную реализацию.

Таблица 3

Ранжирование проектов по эффективности

№ проекта	Затраты на реализацию, u_i	Эффект, w_i	Эффективность, h_i	Затраты нарастающим итогом	Эффект нарастающим итогом
3	20000	5	0,00025	20000	5
2	30000	5	0,00017	50000	10
1	50000	7	0,00014	100000	17
7	80000	8	0,0001	180000	25
5	55000	5	0,000091	235000	30
8	55000	3	0,000055	290000	33
4	200000	10	0,00005	490000	43
6	150000	7	0,000047	640000	50

На графике «затраты» – «эффект» (рис. 2), построенном на основе информации из указанных столбцов таблицы, по оси абсцисс отображаются совокупные затраты, а по оси ординат – накопленный эффект проектов.

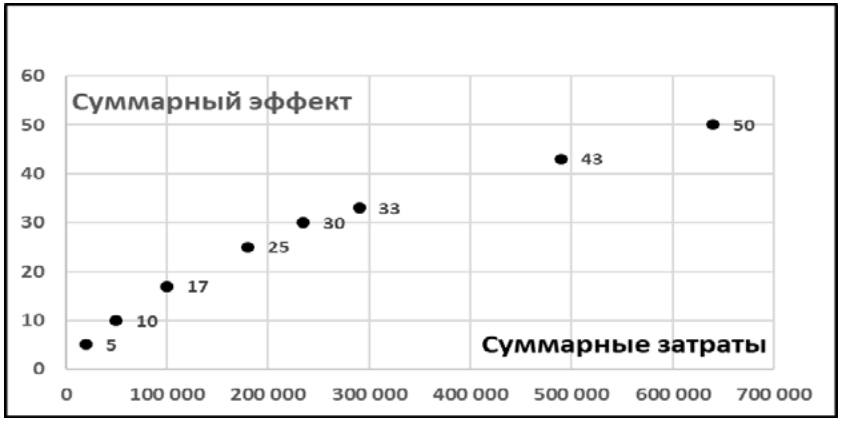

Рис. 2. График «затраты – эффект»

Анализ графика позволяет определить необходимый объем финансирования, а при наличии ограничений на общий бюджет – оптимальный набор (последовательность) внедрения необходимых в его рамках проектов.

Реализация предложенных в статье мер позволяет создать эффективную систему защиты информации, соответствующую специфике образовательных организаций. Важным аспектом является постоянная адаптация обсуждаемых мер к изменяющимся угрозам и технологическим возможностям обеспечения информационной безопасности. Системный подход к управлению информационными рисками должен стать неотъемлемой частью организационной культуры учебного заведения.

Качественно управляемый экспертный подход к анализу позволяет реализовать адекватную классификацию информационных угроз, обеспечивая требуемую полноту и удобство практического использования. Формализованное представление позволяет выполнять автоматизированную обработку данных и получать необходимые сведения для управления информационными рисками. Разработанная методика ранжирования проектов по эффективности дает возможность оптимизировать распределение ограниченных ресурсов вуза.

Список источников

1. Бурков В. Н., Ириков В. А. Модели и методы управления организационными системами. М.: Наука, 1994. 270 с.
2. Бурков В. Н., Коробец Б. Н., Минаев В. А., Щепкин А. В. Модели, методы и механизмы управления научно-техническими программами: моногр. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2017. 205 с.
3. Коробец Б. Н., Минаев В. А., Сычев М. П. Информационные операции и проблема формирования современной культуры информационной безопасности. // Системы высокой доступности. 2017. Т. 13, № 3. С. 38–43.

УДК 343.98

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ДЕАНОНИМИЗАЦИИ УЧАСТНИКОВ ТРАНЗАКЦИЙ, ПРИМЕНЕНИЮ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ПЛАТФОРМ И ПРОГРАММНЫХ КОМПЛЕКСОВ ДЛЯ МОНИТОРИНГА ДВИЖЕНИЯ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ

***Н. Н. Орлов**, преподаватель кафедры информационного и технического обеспечения органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматриваются современные методы и инструменты отслеживания криптовалютных транзакций с целью выявления и пресечения схем отмывания. Особое внимание уделяется анализу особенностей блокчейн-технологий, обеспечивающих прозрачность и неизменяемость данных, а также возможностям их использования в расследовании киберпреступлений. Описываются основные подходы к деанонимизации участников транзакций, применение специализированных аналитических платформ и программных комплексов для мониторинга движения цифровых активов.

Ключевые слова: киберпреступление, движение цифровых активов, применение специализированных аналитических платформ деанонимизации участников транзакций.

MAIN APPROACHES TO DEANOMIZING TRANSACTION PARTICIPANTS, USING SPECIALISED ANALYTICAL PLATFORMS AND SOFTWARE PACKAGES FOR MONITORING THE MOVEMENT OF DIGITAL ASSETS

***N. N. Orlov**, lecturer of the Department of Information and Technical Support of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article discusses modern methods and tools for tracking cryptocurrency transactions in order to identify and prevent money laundering schemes. Special attention is paid to the analysis of the features

of blockchain technologies that ensure transparency and immutability of data, as well as the possibilities of their use in the investigation of cybercrimes. The main approaches to deanonymization of transaction participants, the use of specialized analytical platforms and software packages for monitoring the movement of digital assets are described. The prospects for the development of digital forensics tools in the fight against money laundering through cryptocurrencies are discussed.

Keywords: cybercrime, the movement of digital assets, and the use of specialized analytical platforms for deanonymizing transaction participants.

В настоящее время количество преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ), растет с неимоверной скоростью и уже сейчас составляет около 40 % от общего числа преступлений, при этом большое количество преступлений так и остаются нераскрытыми. Количество киберпреступлений в России за минувшие пять лет выросло в 2,3 раза – с 294 тысяч в 2019 г. до 765 тысяч в 2024 г. В январе – марте 2025 г. было зарегистрировано 184,6 тыс. преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере компьютерной информации, что на 3,0 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 37,9 % в январе – марте 2024 г. до 38,8 % [5].

Полагаясь на этот неблагоприятный прогноз, правоохранительным органам необходимо рассматривать преступления, совершаемые с использованием ИТТ, в качестве одного из приоритетных направлений.

На начальном этапе самая эффективная мера противодействия преступлениям, совершаемых с использованием ИТТ, – это активная пропаганда правил поведения в сети Интернет посредством средств массовой информации. Это в конечном итоге, будет эффективно отражаться на количестве граждан, попавшихся в «лапы», и на авторитете органов внутренних дел. Эффективность проводимых мероприятий зависит от комплексного подхода к решению проблемы.

При этом сам характер киберпреступности заметно изменился: специалисты отмечают рост утечек и незаконной коммерциализации персональных данных, а в 2023 г. к нему добавилась новая угроза: выросло количество кибератак в целях разрушения информационных систем, а не создания инфоповода или получения выкупа. Раскрываемость подобных дел остается недостаточной – до суда доходит лишь четверть [5].

Цифровые финансовые активы и криптовалюта представляют собой относительно новые и быстро эволюционирующие явления в экономической и правовой сфере. В настоящее время трудно представить себе человека, который бы не использовал в повседневной деятельности «виртуальную валюту».

Вместе с тем применение криптовалюты может создавать условия для легализации доходов, полученных преступным путем, уклонения от уплаты налогов, а также финансирования экстремистской и террористической деятельности, что ведет к заметным экономическим потерям государства. Наиболее уязвимы обычные граждане, которые часто становятся пострадавшими [1].

В настоящее время государство акцентирует внимание на совершенствовании правового регулирования цифровых финансовых систем. Так, был принят Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ, но четкого определения «криптовалюта» в указанном законе нет.

При рассмотрении понятия «криптовалюта» можно отталкиваться от трактовки АО «Лаборатория Касперского». Криптовалюта – это любой вид валюты в цифровой или виртуальной форме. Для защиты транзакций в криптовалюте используется шифрование (криптография), при этом не существует центрального органа по выпуску или регулированию криптовалют, а для записи транзакций и выпуска новых единиц используется децентрализованная система [7].

Процесс цифровизации обусловил трансформацию преступных деяний и формирование новых моделей совершения правонарушений, вовлекающих криптовалютные активы как инструменты реализации преступных схем. Использование криптовалютных активов в совершении преступлений оказывает негативное влияние на эффективность деятельности органов внутренних дел существенно осложняет процесс деанонимизации субъектов, причастных к совершению указанных преступлений [2].

В своих исследованиях автор рассматривает использование криптовалют в процессе совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, например, отмечает, что «если до 2014 года сбыт наркотических средств осуществлялся преимущественно способом «из рук в руки», то с развитием цифровых технологий он стал осуществляться с использованием электронных торговых площадок в теневом сегменте сети Интернет (преимущественно на платформе «Hydra»), принимающих оплату посредством криптовалюты (обеспечивая тем самым анонимность сделок) и передающих информацию о местонахождении заранее оборудованных тайников – «закладок», в которых находятся запрещенные препараты» [6].

Из результатов изучения материалов уголовных дел следует, что криптовалюта активно используется при совершении преступлений, квалифицируемых по ст. 158, 159, 159.4, 159.6, 161–163, 174.1, 210, 228–228.1228.3, 229.1, 230, 272 УК РФ.

Анализ материалов уголовных дел, относящихся к данной категории преступлений, позволил установить, что в процессе их расследования следственные органы сталкиваются с рядом характерных затруднений, связанных в частности:

– с идентификацией IP-адресов, а также получением информации о технических устройствах, с которых осуществлялся выход в сеть Интернет, и установлением фактического местонахождения подозреваемых лиц;

– определением факта регистрации доменных имен на территории Российской Федерации в случаях, когда для размещения ресурсов используются зарубежные хостинговые платформы;

– установлением владельцев криптовалютных кошельков, поскольку для их регистрации, как правило, требуется лишь указание адреса электронной почты и пароля, что существенно затрудняет идентификацию субъектов преступной деятельности.

Таким образом, специфика цифровых технологий и анонимность криптовалютных инструментов создают дополнительные препятствия для эффективного расследования преступлений, совершаемых с их использованием.

Рассматривая практические аспекты раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, в том числе криптовалютных активов, необходимо рассмотреть технологии, позволяющие деанонимизировать лиц, совершающих данные преступления, а также сами криптокошельки.

Так, к числу специализированных коммерческих продуктов, которые направлены на деанонимизацию криптокошельков, следует отнести Crystal Blockchain Analytics & Crypto Compliance; Chainalysis, The Blockchain Data Platform и др. Наиболее распространенные криптовалюты на территории нашей страны – Bitcoin Cash, Litecoin, Zcash, Ethereum.

В целях анализа данных криптовалют предлагается использовать платформу GraphSense [3].

Обращая внимание на современные подходы к фиксации электронных следов, рассмотрим блокчейн (blockchain – цепочка блоков) – распределенную базу данных (или реестр), в которой информация хранится в виде последовательной цепочки блоков, связаных между собой механизмом шифрования.

Каждый блок содержит набор записей (например, транзакций), а также уникальный идентификатор (хэш) предыдущего блока. Благодаря этому, данные в блокчейне невозможно незаметно изменить или удалить: любые попытки фальсификации будут сразу обнаружены. Можно сказать, что если бы мы вели ежедневник, то записи в нем шли бы последовательно одна за другой и если кто-то захотел бы внести данные на предыдущей странице, то мы сразу это увидели бы [4].

Блокчейн-технологии предоставляют ряд возможностей для расследования киберпреступлений благодаря своей прозрачности, неизменяемости

и открытости данных. Задачи по деанонимизации успешно решают разные аналитические компании, работающие в сфере AML (противодействию отмыванию денег) и осуществляющие услуги KYT (проверки транзакций).

Все операции записываются в блокчейн и доступны для анализа. С помощью специальных инструментов (например, Chainalysis, Crystal Blockchain) можно строить графы транзакций: откуда куда и сколько было переведено, выявлять кластеры связанных адресов и находить точки пересечения с известными сервисами (биржи, миксеры, даркнет-маркеты). Если хотя бы один адрес связан с реальными данными (например, верифицирован на бирже), можно установить личность владельца.

Неизменяемость блокчейна гарантирует отсутствие подделки или удаления данных, что важно для доказательной базы. Использование смарт-контрактов и автоматизированных систем мониторинга позволяет в реальном времени отслеживать подозрительные транзакции и реагировать на них. Дополнительно в служебной деятельности следователя при работе с ИТТ-преступлениями необходимо рассмотреть принципы работы машинного обучения по таким признакам, как сумма, частота транзакций, количество входов и выходов транзакций, количество адресов поступления и отправки средств.

Все это дает возможность следователям проследить путь украденных средств от жертвы до биржи или обменника, где преступник пытается обналичить криптовалюту. Дополнительно анализируя сеть переводов, можно выявить группы адресов, контролируемых одной организацией или лицом [6].

При этом сотрудники следственных и оперативных подразделений должны обладать должной компетенцией при идентификации субъектов, являющихся владельцами криптовалютных активов. Это включает в себя умение анализировать транзакционные данные, интерпретировать информацию из блокчейн-сетей, а также применять нормативно-правовые механизмы идентификации в соответствии с законодательством и стандартами финансового регулирования.

Основываясь на вышеизложенном, предлагается внедрить в деятельность органов внутренних дел специализированное информационно-аналитическое программное обеспечение с возможностью взаимодействия с криптовалютными биржами. Требуется также внести поправки в Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части деятельности криптобирж и регулировании криптовалюты на территории Российской Федерации. Кроме того, необходимо организовывать повышение информированности общества о рисках киберпреступлений, проводить просветительскую работу среди населения о способах защиты личных данных, безопасном использовании Интернета и возможностях обращения за помощью в правоохранительные органы.

Список источников

1. Алахверенова С. У. Киберпреступления: криминалистическая характеристика и особенности расследования // Молодой ученый. 2024. № 5 (504). С. 229–231.
2. Болтенкова Ю. В. Особенности расследования преступлений, совершаемых с использованием it-технологий в сфере компьютерной информации // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых. 2022. С. 170–174.
3. Вехов В. Б., Зуев С. В. Цифровая криминалистика: учеб. для вузов. М.: Юрайт, 2024. 79 с.
4. Иванов Д. Д. Применение цифровой криминалистики в современных расследованиях и анализе данных // Вестн. науки. 2024. Т. 4, № 12 (81). С. 672–677.
5. Козин Н. Количество киберпреступлений в России выросло в 2,3 раза за пять лет // Парламент. газета: [сайт]. URL: https://www.pnp.ru/social/kolichestvo-kiberprestupleniy-v-rossii-vyroslo-v-23-raza-za-pyat-let.html (дата обращения: 05.05.2025).
6. Орлов Н. Н., Клюева А. С. Ведение оперативно-разыскных мероприятий в сети Интернет // Актуал. проблемы науки и практики: сб. науч. тр. по итогам науч.-представит. мероприятий. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2023. Вып. 11. С. 46–51.
7. Что такое криптовалюта и как она применяется? // Kaspersky: [сайт]. URL: https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-cryptocurrency (дата обращения: 05.05.2025).

УДК 004.853

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАССЛЕДОВАНИИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

***Н. Н. Орлов**, преподаватель кафедры информационного и технического обеспечения органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***О. Д. Куканов**, курсант Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье анализируются основные тенденции и проблемы развития киберпреступности в России с учетом зарубежного опыта и роли искусственного интеллекта. Проведен сравнительный обзор видов и специфики киберпреступлений, статистика, особенности расследования и правовых ограничений. Рассмотрены перспективы совершенствования нормативной базы и интеграции искусственного интеллекта в следственную практику. Сформулированы рекомендации по развитию отечественных цифровых технологий и международному сотрудничеству.

Ключевые слова: киберпреступность, безопасность, искусственный интеллект, правоохранительная деятельность.

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE INVESTIGATION OF CYBERCRIMES

***N. N. Orlov**, lecturer of the Department of Information and Technical Support of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***O. D. Kukanov**, cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article analyzes the main trends and problems of cybercrime development in Russia, taking into account foreign experience and the role of artificial intelligence. A comparative review of the types and specifics of cybercrimes, statistics, investigation features and legal restrictions has been conducted. The prospects of improving the regulatory framework and integrating artificial intelligence into investigative practice are considered. Recommendations on the development of domestic digital technologies and international cooperation are formulated.

Keywords: cybercrime, security, artificial intelligence, law enforcement.

В последние годы киберпреступность приобрела особую остроту, став одной из самых динамично развивающихся угроз для информационно-коммуникационных технологий и национальной безопасности. Рост числа киберпреступлений требует качественно новых подходов к их исследованию и раскрытию, что обусловливает актуальность анализа данной проблематики. Целью статьи выступает комплексное рассмотрение сущности и видов киберпреступлений, выявление ключевых сложностей их расследования, а также анализ возможностей искусственного интеллекта и зарубежного опыта в этой сфере.

Основу киберпреступлений составляют действия, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий и отличающиеся выраженной транснациональностью. Ключевыми признаками выступают анонимность субъектов, возможность дистанционного воздействия, а также сложная идентификация участников в виртуальном пространстве.

Киберпреступления охватывают широкий круг деяний – от хищения финансовых средств до нарушений в сфере персональных данных, что обусловлено особенностями киберпространства, способствующими как массовости, так и индивидуализации противоправных посягательств [3]. Наряду с этим, для данной категории преступлений характерна постоянная эволюция используемых инструментов и методов, а также высокая адаптивность преступников к изменениям в технической и правовой среде, что затрудняет систематизацию [6].

Виды киберпреступлений различаются по способу совершения и объекту посягательства. Наиболее распространенными выступают финансовое мошенничество – фишинг, скимминг, а также несанкционированный доступ к информационным системам, распространение вредоносных программ, атаки на критическую инфраструктуру, кибербуллинг, преступления против несовершеннолетних, хищение интеллектуальной собственности, кибертерроризм и киберэкстремизм [3]. Особо выделяются преступления, связанные с нарушением авторских и смежных прав, а также действия по использованию компьютерных технологий для организации преступных групп, что подчеркивает сложность и многоаспектность правового регулирования в данной сфере [6].

Динамика киберпреступности в Российской Федерации демонстрирует неуклонный рост всех показателей. Так, в 2023 г. доля киберпреступлений в общей структуре преступности достигла 34,8 %, а количество зарегистрированных случаев составило 677 тыс. Общий материальный ущерб превысил 156 млрд рублей. Более половины преступлений данной категории квалифицируются как тяжкие и особо тяжкие. Преобладают мошенничества – их доля составила 52 %, причем 77,8 % преступлений были совершены через Интернет, а 44,7 % – с использованием мобильных устройств. При этом уровень раскрываемости остается

крайне низким и составляет всего 26,6 % [3]. Такая ситуация подтверждается и сопоставимыми статистическими данными, свидетельствующими о росте латентности и увеличении технологической сложности расследования [4].

Наблюдается увеличение количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков через электронные платформы, а также рост числа взломов корпоративных сетей, краж персональных данных, применения облачных сервисов для сокрытия улик, появления дипфейков и других форм высокотехнологичных угроз. Эти явления свидетельствуют о тенденции к усложнению структуры преступности, а также о переходе преступников к использованию автоматизированных средств, что требует новых подходов к расследованию [3].

Существенную роль играет и международный контекст, поскольку распространение цифровых угроз обусловлено глобализацией сетевой инфраструктуры и трансграничным характером информационного обмена [6].

Проблемы раскрытия киберпреступлений многоуровневы и связаны с объективными и субъективными факторами. Среди объективных трудностей можно выделить высокую латентность, обусловленную анонимностью исполнителей и сложностью фиксации цифровых следов, а также значительные географические дистанции между субъектами преступления и жертвами.

Недостаточная техническая оснащенность правоохранительных органов, отсутствие устойчивых межведомственных коммуникаций, пробелы в законодательном регулировании и трудности при квалификации новых видов преступлений существенно осложняют работу следователей [3]. В частности, отсутствие единой терминологии затрудняет подготовку методических материалов и затягивает процесс адаптации к быстро меняющимся реалиям [4].

Субъективные проблемы связаны с несклонностью жертв сообщать о киберпреступлениях, что объясняется как недоверием к эффективности расследования, так и боязнью утечки конфиденциальной информации или репутационных потерь [3]. Для организаций фактор публичности также является существенным препятствием, что усугубляется недостаточным уровнем цифровой грамотности персонала.

Дополнительными факторами выступают нехватка квалифицированных кадров и замедленное внедрение современных технологий в оперативную практику [5]. Международное сотрудничество осложнено различием правовых систем и ограниченными возможностями быстрого обмена информацией, что снижает эффективность противодействия.

Искусственный интеллект (ИИ) в современной научной литературе определяется как область, сочетающая методы машинного обучения, нейронные сети, эволюционные алгоритмы и ряд других технологий, направленных на обработку больших объемов информации, выявление закономерностей и принятие решений в автоматизированном режиме [2]. Национальная стратегия

развития искусственного интеллекта в Российской Федерации до 2030 года предусматривает создание условий для интеграции ИИ в различные отрасли, включая правоохранительную деятельность, где реализуются задачи анализа больших данных, компьютерного зрения и обработки естественного языка [6].

Применение ИИ в расследовании киберпреступлений открывает принципиально новые возможности. В первую очередь речь идет о поиске и идентификации лиц по биометрическим данным, анализе цифровых следов и моделировании событий.

ИИ способен выявлять паттерны поведения, прогнозировать вероятность рецидива, автоматизировать процесс формирования экспертиз, создавать психологические портреты преступников, а также анализировать аномалии сетевой активности. Системы ИИ обрабатывают большие объемы информации за короткое время, что радикально сокращает сроки расследования и повышает точность интерпретации улик [2]. К числу эффективных практик относится автоматизация дешифровки зашифрованных данных, а также идентификация серийных преступлений с помощью специализированных алгоритмов [6].

Однако использование ИИ сопряжено с целым рядом ограничений. С одной стороны, необходима выработка прозрачных алгоритмов и этических стандартов чтобы исключить риск дискриминации и злоупотреблений при обработке персональных данных. С другой стороны, вопросы достоверности и допустимости доказательств, полученных с помощью ИИ, а также возможности вмешательства злоумышленников в работу систем остаются нерешенными.

Правовое регулирование также отстает от темпов технологического развития, что создает дополнительные риски при внедрении ИИ в уголовный процесс [6]. Важно учитывать, что отсутствие четких процедур оценки и контроля за алгоритмами может привести к ошибочным решениям или нарушению прав граждан [3].

Зарубежный опыт применения ИИ в расследовании киберпреступлений иллюстрирует различные модели интеграции технологий в практику правоохранительных органов. В США широко используются предиктивные алгоритмы, такие как COMPAS и Palantir, а также национальные биометрические базы данных и системы видеонаблюдения для мониторинга трафика и анализа цифровых следов [1]. Китай отличается тотальным контролем и интеграцией 200 млн видеокамер в национальную систему социального кредита, где осуществляется автоматическое распознавание лиц, термоскрининг и централизованный государственный анализ перемещений граждан (массовые скопления, индивидуальные траектории перемещений) [2].

Европейский опыт представлен примерами Голландии, где автоматизация анализа уголовных дел и поиск серийных преступлений реализуются на базе нейронных сетей; Великобритании, где функционирует Национальный центр

киберпреступности с применением ИИ; Германии, где широко используются методы социальной инженерии для анализа профилей подозреваемых в социальных сетях [1]. В ряде стран реализованы проекты по быстрому обмену информацией между ведомствами, а также формируются единые базы данных для оперативного реагирования на киберугрозы [4].

Совершенствование российской системы с учетом зарубежного опыта требует принятия ряда законодательных и практических мер:

– на законодательном уровне целесообразно ввести специализированную главу о киберпреступлениях в Уголовный кодекс Российской Федерации, подробно регламентировать процессуальные аспекты использования ИИ, а также закрепить правовой статус и допустимость доказательств, полученных с помощью ИИ. Необходимо формировать этические стандарты применения и создавать экспертные комиссии для оценки корректности и прозрачности алгоритмов [6];

– практические шаги должны быть направлены на развитие отечественных систем ИИ для расследования преступлений, повышение квалификации следователей, создание публичных сервисов для подачи заявлений о киберпреступлениях, проведение информационных кампаний и развитие государственно-частного партнерства. Требуется профилактика вовлечения молодежи в киберпреступления, а также повышение защищенности информационных систем в ключевых секторах экономики [3]. Одновременно важным направлением остается стимулирование развития отечественных технологических стартапов в сфере кибербезопасности;

– международное сотрудничество должно строиться на принципах гармонизации законодательства, ускорения процедур обмена данными, а также адаптации успешных зарубежных практик с учетом национальных особенностей. Создание единого национального центра приема и анализа заявлений о киберпреступлениях, по аналогии с IC3 (США), может повысить эффективность выявления и расследования инцидентов. Активное участие России в работе Интерпола и Европола позволит расширить возможности оперативного обмена информацией и обеспечит интеграцию отечественных решений в международное правоприменительное пространство [4].

Анализ, проведенный на основе исследований В. В. Коломинова, А. Ю. Гордеева, Р. А. Кузнецова, Н. Ш. Козаева и В. Д. Пристанскова, показал, что киберпреступность стала одним из ключевых вызовов для правоохранительной системы, требующих не только технических, но и организационных решений. Особое значение приобретают интеграция ИИ в расследование, совершенствование нормативной базы и учет международного опыта.

Практическая и теоретическая значимость результатов заключается в возможности комплексного совершенствования законодательства, развитии отечественных ИИ-технологий, внедрении успешных зарубежных методик, а также

системной подготовке специалистов для эффективного противодействия новым видам цифровых угроз. Перспективные направления исследований – создание отечественных экспертных систем, формирование этических и правовых стандартов применения ИИ в уголовном процессе, а также анализ и прогнозирование новых форм киберпреступлений с использованием интеллектуальных технологий.

Список источников

1. Гордеев А. Ю. Перспективы развития и использования искусственного интеллекта и нейросетей для противодействия преступности в России (на основе зарубежного опыта) // Науч. портал МВД России. 2021. № 1 (53). С. 123–135.
2. Коломинов В. В. Особенности расследования преступлений с использованием искусственного интеллекта // Юристъ-Правоведъ. 2023. № . 4 (107). С. 112–117.
3. Козаев Н. Ш. Киберпреступность в современном мире: тенденции, вызовы и стратегии противодействия // Гуманитар., социал.-экономич. и обществ. науки. 2024. № 11. С. 146–153.
4. Кузнецов Р. А. Киберпреступность в России: современное состояние и актуальные проблемы // Право и управление. 2024. № 6. С. 324–329.
5. Орлов Н. Н., Клюева А. С. Ведение оперативно-разыскных мероприятий в сети Интернет // Актуал. проблемы науки и практики: сб. науч. тр. по итогам науч.-представит. мероприятий. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2023. Вып. 11. С. 46–51.
6. Пристансков В. Д., Харатишвили А. Г., Евстратова Ю. А. Искусственный интеллект – новая форма использования специальных знаний в расследовании и раскрытии киберпреступлений // Всерос. криминолог. журн. 2023. Т. 17, № 6. С. 586–596.

УДК 623.624

ДЕТЕКТИРОВАНИЕ БОТОВ В ХОДЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ АТАК

***А. Н. Рабчевский**, доцент кафедры информационной безопасности и систем связи Пермского государственного национального исследовательского университета, кандидат технических наук, доцент;*

***Е. А. Рабчевский**, Генеральный директор компании СЕУСЛАБ, Пермь*

В статье представлены методики детектирования активности ботов, создаваемых для информационных атак в социальных сетях. Для выявления признаков активности информационных атак разработаны нейросетевые модели, проверка которых на тестовых данных показала точность результатов не менее 86 %. С помощью созданной авторами программы «Детектор ботов» проанализированы сопровождавшиеся атаками ботов информационные поводы «Дворец Путина» и «Специальная военная операция».

Ключевые слова: информационная атака, детектирование, бот, нейросетевая модель, динамика постов.

DETECTING BOTS DURING INFORMATION ATTACKS

***A. N. Rabchevsky**, associate professor of the Information Security and Communication Systems Department Perm State National Research University kandidat nauk, degree in Technical Sciences, associate professor;*

***E. A. Rabchevsky**, general director of SEUSLAB Company, Perm*

The article presents methods for detecting the activity of bots created to implement information attacks on social networks. To identify signs of information attack activity, neural network models have been developed, the verification of which on test data showed an accuracy of at least 86 %. With the help of the «Bot Detector» program created by the authors, the information reasons that were accompanied by bot attacks – "Putin's Palace" and "Special Military Operation" – were analyzed.

Keywords: information attack, detection, bot, neural network model, dynamics of posts.

Злоумышленники часто используют боты в социальных сетях при проведении целевых информационных атак в виде спланированного, массированного информационно-психологического воздействия на социум с целью формирования общественного мнения и массового поведения. Именно боты часто выступают эффективным инструментом для манипуляции, распространения дезинформации и создания фейковых новостей.

В целях понимания состояния в области детектирования ботов авторами изучались социальные боты, под которыми подразумевается программное обеспечение, которое автоматически генерирует контент и взаимодействует с пользователями социальных сетей, чтобы повлиять на поведение [4]. Такие боты автоматически публикуют сообщения, отвечают на вопросы пользователей и даже проводят опросы.

При этом боты могут помогать в создании персонализированного контента, что делает взаимодействие более эффективным. Распространение ложной информации особенно опасно в условиях политических выборов или во время кризисов, когда достоверность имеет решающее значение.

Так, перед выборами в Европарламент в 2019 г. были опубликованы тысячи постов с дезинформацией по вопросам иммиграции, преступности и национальной безопасности. Это значительно повлияло на выборы, так как взгляды многих избирателей изменились на противоположные [6].

Социальные боты, продвигая определенные идеи и игнорируя альтернативные мнения, могут активно создавать иллюзию консенсуса. Согласно работе «Social Media Bot Detection with Deep Learning Methods: Systematic Review», даже незначительное присутствие ботов в онлайн-пространстве может кардинально изменить восприятие и взгляды реальных пользователей [6].

Целью авторов в настоящей статье выступило исследование применения ботов в информационных атаках в социальной сети «ВКонтакте». Для детектирования ботов применялись нейросети как эффективный способ анализа большого числа аккаунтов пользователей.

Учтено, что в сети «ВКонтакте» имеются открытые и закрытые профили пользователей, отличающиеся числом доступных параметров. Поэтому были созданы две нейросетевые модели – для поиска ботов среди открытых профилей и для поиска ботов среди закрытых профилей.

Проверка полученных нейросетевых моделей на тестовых данных показала следующие результаты: для открытых профилей – 95 % точности выявления ботов, для закрытых – 86 %. После успешного тестирования нейросетевых моделей создана программа «Детектор ботов» [2].

В качестве иллюстрации экспериментальных результатов с помощью разработанной программы «Детектор ботов» были проанализированы два информационных повода. Были выбраны хорошо известные поводы, в связи с которыми

проводились информационные атаки ботами в социальной сети «ВКонтакте»: инфоповоды «Дворец Путина» и «Специальная военная операция».

Анализ показал, что 24 % постов по инфоповоду «Дворец Путина» создано ботами. Для инфоповода «Специальная военная операции» данный показатель почти в 3 раза выше – 67 %.

Экспериментальная часть исследования показала следующее.

Во-первых, врамках рассмотренных инфоповодов найдены и изучены потоки распространения информации, когда публикацию сначала создает реальный человек (группа людей), затем ее начинают массово распространять другие пользователи, а позже подключаются боты, число которых также возрастает.

Во-вторых, выявлены информационные потоки, когда изначально несколько постов создаются ботами, а затем их начинают распространять как пользователи, так и боты. Предложенная и успешно апробированная нейронная модель позволила провести ряд полезных экспериментов с данными из социальной сети «ВКонтакте».

В частности, подтверждены 2 исследовательские гипотезы относительно закономерностей в динамике постов, созданных ботами и реальными пользователями.

Первая из них сформулирована следующим образом: со временем доля постов, созданных ботами, в их общем количестве начинает снижаться, поскольку реальные пользователи сами начинают более активно делиться полученной информацией.

Вторая гипотеза, напротив, отражает рост доли постов, распространяемых ботами. Это происходит в случае, когда пользователи не проявляют интереса к информации и не делятся ею самостоятельно с другими.

Тогда боты «возлагают» на себя задачу распространения информации в целях ее донесения до как можно более широкой аудитории. Обе гипотезы нашли подтверждение при анализе с помощью нейронной модели разных практических вариантов распространения информации в социальной сети, отражающих информационные атаки с применением ботов.

Результаты проведенных исследований демонстрируют, что злоумышленники активно создают и применяют ботов для осуществления информационных атак в социальных сетях. Такие автоматизированные системы дают возможность эффективно распространять дезинформацию и манипулировать общественным мнением, что делает задачу обнаружения интернет-ботов весьма актуальной.

Очевидно, что наибольшую опасность как для отдельных индивидов, социальных групп, так и общества в целом представляют социальные боты, выступающие в руках злоумышленников инструментом дестабилизации общества, деструктивной трансформации в нем политических, социально-экономических отношений и морально-этических норм [1; 3]. Изучение эмпирических данных

из социальной сети «ВКонтакте» с помощью разработанных нейросетевых моделей свидетельствует о том, что они позволяют эффективно выявлять структурные и динамические особенности в системе постов, генерируемых ботами и пользователями, в условиях реализации информационных атак.

Это весьма важно для надежного обоснования мероприятий правоохранительных органов по противодействию атакам в социальных сетях, особенно если они связаны с деструктивным воздействием злоумышленников с применением ботов.

Список источников

1. Минаев В. А., Рабчевский А. Н., Мустакимова Я. Р. Выявление информационных операций в социальных сетях на их ранних стадиях // Информация и безопасность. 2022. № 4 (25). С. 485–494.
2. Программа «Детектор ботов». Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ, регистрационный номер 2024617353 от 01.04.2024.
3. Противодействие экстремистской идеологии в социальных медиа: математические модели и методы: моногр. / В. А. Минаев [и др.]. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2023. 232 с.
4. Что такое боты – определение и описание // Kaspersky: [сайт]. URL: https://www.kaspersky.ru/resourcecenter/definitions/what-are-bots (дата обращения: 20.05.2025).
5. 6Pierri F., Artoni A., Ceri S. Investigating Italian Disinformation Spreading on Twitter in the Context of 2019 European 25 Elections // PLoS One. 2020. V. 15, № 1. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31951628/ (дата обращения: 20.05.2025).
6. 6. Social Media Bot Detection with Deep Learning Methods: Systematic Review / K. Hayawi, S. Saha, M. Masud, S. Mathew et al // Neural Computing and Applications. 2023. V. 35. P. 8903–8918.

УДК 004.93'1

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ АНАЛИЗА СВЕДЕНИЙ О СОЕДИНЕНИЯХ АБОНЕНТОВ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ С ПОМОЩЬЮ СРЕДСТВ И ИНСТРУМЕНТОВ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ДАННЫХ

***П. Б. Скрипко**, начальник кафедры информационного и технического обеспечения органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат технических наук, доцент*

В статье рассматриваются особенности решения задач обработки и визуального анализа сведений о телефонных соединениях с помощью электронных таблиц и специальных приложений, их представления в виде ориентированного графа и нанесения на электронную карту. Предлагаемый подход позволяет при проведении оперативно-разыскных мероприятий или следственных действий получить дополнительную информацию, способствующую раскрытию и расследованию преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Ключевые слова: визуальный анализ, ориентированный граф, электронная карта, базовая станция, биллинг, электронная таблица, оператор мобильной связи.

SOLVING THE PROBLEM OF ANALYZING MOBILE SUBSCRIBERS' CONNECTION DATA USING DATA VISUALIZATION TOOLS

***P. B. Skripko**, head of the Department of Information and Technical Support of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Technical Sciences, Associate Professor*

This article examines the specifics of processing and visually analyzing telephone connection data using spreadsheets and specialized applications, presenting it as a directed graph, and plotting it on an electronic map. The proposed approach allows for the acquisition of additional

information during investigative operations or investigative actions, facilitating the detection and investigation of crimes committed using information and telecommunications technologies.

Keywords: visual analysis, directed graph, electronic map, base station, billing, spreadsheet, mobile operator.

Особое значение в аналитической деятельности уделяется задачам изучения связей, возникающих между разными объектами и явлениями. Такие связи могут носить явный и скрытый характер.

К первой категории относятся очевидные связи, не вызывающие сомнений у аналитика, например подозреваемый – потерпевший; организатор совершения преступления – его исполнитель. Ко второй относятся те, которые нельзя выявить с помощью тех или иных известных фактов, но существование которых в принципе возможно. Так, наличие одного и того же телефонного номера в списках контактов нескольких абонентов может указывать на то, что они, возможно, знакомы между собой посредством конкретного физического или юридического лица. Это, в свою очередь, говорит о возможности контактов между ними.

Неявные связи нередко подсказывают направления поиска в решении задач оперативно-разыскной деятельности, предопределяют разработку новых оперативно-разыскных версий.

Наряду с изучением характера связей, возникающих между объектами и явлениями, существенное значение имеет и сила таких связей.

Одним из возможных способов решения задач анализа связей являются методы визуальной аналитики или визуальный анализ данных [2].

Основная идя визуального анализа данных – представление их в некоторой визуальной форме, позволяющей человеку погрузиться в данные, работать с их визуальным представлением, понять суть, сделать выводы и напрямую взаимодействовать с ними. Современные инструменты визуального анализа дают возможность в реальном времени двигаться вокруг объектов или кластеров объектов и рассматривать их со всех сторон. Это позволяет использовать для анализа естественные человеческие перцепционные навыки в обнаружении неопределенных образцов в визуальном двух-, трехмерном представлении данных [1].

В ходе раскрытия и расследования современных преступлений перед сотрудниками полиции возникают задачи обработки и анализа сведений о телефонных соединениях, предоставляемых операторами связи по соответствующему запросу. При этом такие сведения передаются в формате электронной таблицы (*.xlsx, *.ods), которая содержит такие реквизиты, как время звонка,

продолжительность, номера абонента и собеседника, направление вызова (входящий или исходящий), информацию о базовых станциях и другую служебную информацию [4; 5].

Полученная информация о соединениях после определенной обработки – подготовки данных для анализа – может быть использована для графического (визуального) представления, например, в форме графа или нанесения местоположения базовых станций, обслуживающих абонента, на электронную карту [5].

Рассмотрим порядок (технологию) решения отмеченных задач визуализации. Учитывая, что в предоставляемых оператором связи данных о соединениях значительное место занимают служебная информация, сведения о служебных соединениях и соединениях, связанных с доступом к интернет-ресурсам, требуется предварительная обработка.

Для решения задачи визуализации соединений ограничимся следующими параметрами: «Время начала», «Продолжительность», «Номер абонента», «Направление», «Номер собеседника». С помощью функционала электронной таблицы (команда «Скрыть столбцы») оставим видимыми столбцы, содержащие указанные выше параметры. Используя режим фильтрации для столбца «Номер собеседника» отключим отображение строк, содержащих сведения о служебных номерах оператора связи и о доступе к Интернету (соответствует пустым значениям в столбце «Номер собеседника»).

Следующим шагом является преобразование указанной продолжительности разговора в секунды. Необходимость данного преобразования связана с текстовым (символьным) представлением интервала времени продолжительности разговора в данных, предоставленных оператором. Текстовый формат не позволяет сравнить или произвести расчеты для этого параметра. Для решения такой задачи предлагается использоваться следующие функции электронной таблицы: для преобразования из текста в дату/время – ВРЕМЗНАЧ(), а затем для пересчета в секунды – ЧАС()*3600+МИНУТЫ()*60+СЕКУНДЫ(). Так для расчета продолжительности разговора в строке 187 используется следующее выражение: =ЧАС(ВРЕМЗНАЧ(C187))*3600 + МИНУТЫ(ВРЕМЗНАЧ(C187))*60 + СЕКУНДЫ(ВРЕМЗНАЧ(C187)).

Затем полученные данные необходимо перенести на отдельный (новый, пустой) лист книги электронной таблицы. Это позволяет избавиться от лишних данных, не попавших в фильтр, для дальнейшей обработки. В результате указанных преобразований получаем следующий набор данных (рис. 1).

	A	B	C	D	E
1	Время начала	Продол жительн ость	Номер абонента	Направление	Номер собеседника
2	18.10.2021 9:09:31	0	7961 8	Исходящий	7900 6
3	18.10.2021 9:09:34	0	7961 8	Исходящий	7900 6
4	18.10.2021 9:10:26	19	7961 8	Исходящий	7900 6
5	18.10.2021 11:25:43	0	7961 8	Входящий	7900 6
6	18.10.2021 17:39:26	0	7961 8	Входящий	7961 7
7	18.10.2021 17:39:26	0	7961 8	Входящий	7961 7
8	18.10.2021 17:39:26	67	7961 8	Входящий	7961 7
9	18.10.2021 17:39:26	67	7961 8	Входящий	7961 7
10	18.10.2021 17:39:26	67	7961 8	Исходящий	7961 7
11	18.10.2021 19:51:40	11	7961 8	Исходящий	7961 7
12	18.10.2021 19:51:42	11	7961 8	Исходящий	7961 7
13	18.10.2021 19:52:34	11	7961 8	Исходящий	7961 7

Рис. 1. Данные о соединениях после преобразований

Целью проведенных преобразований является подготовка данных для группировки по номерам собеседников с подсчетом количества соединений (звонков) и общей длительности разговоров отдельно для входящих и исходящих вызовов. Для такой операции используется инструмент электронной таблицы «Сводная таблица». Результаты обработки данных с помощью сводной таблицы даны на рис. 2.

Особенностью рассматриваемой технологии является подготовка набора данных для построения и анализа графа соединений. Для этого в составе электронной таблицы реализована процедура преобразования данных в специальный формат для загрузки в приложение Gephi (http://www.gephi.org). Процедура реализована внутри электронной таблицы в виде программного модуля на языке программирования Visual Basic for Application. По окончании преобразования формируется файл с именем, соответствующим номеру телефона абонента, соединения которого анализируются.

Для визуализации интенсивности (количество соединений и суммарное время разговора) с помощью приложения Gephi строится ориентированный граф – диаграмма, обеспечивающая отображение направления вызова (входящий или исходящий) в виде линий со стрелками между точками (узлами), которые соответствуют собеседникам.

	A	B	C	D	E
1	Направление	Номер абонента	Номер собеседника	Продолжительность	Количество звонков
2	out	7961 8	7415 3	2	0
3	out	7961 8	7415 7	2	0
4	out	7961 8	7415 0	4	0
5	out	7961 8	7495 5	8	0
6	out	7961 8	7495 7	8	0
7	out	7961 8	7499 0	4	0
8	out	7961 8	7499 6	2	0
9	out	7961 8	7499 9	2	0
55	in	7961 8	7081 9	2	0
56	in	7961 8	7088 1	2	0
57	in	7961 8	7217 9	2	1
58	in	7961 8	7217 9	2	0
59	in	7961 8	7217 2	2	0
60	in	7961 8	7415 3	2	0
61	in	7961 8	7415 7	2	0
62	in	7961 8	7415 0	4	0
63	in	7961 8	7800 5	3	0
64	in	7961 8	7900 6	30	20
65	in	7961 8	7900 6#	1	0
66	in	7961 8	7900 9	7	0
67	in	7961 8	7903 5	6	358

Рис. 2. Группировка вызовов

В ходе загрузки данных в приложение Gephi необходимо обратить внимание на отсутствие ошибок в данных. При их наличии следует проверить и исправить несоответствия в исходном наборе. При успешной загрузке в окне программы будет сформировано изображение ориентированного графа соединений для рассматриваемого абонента (рис. 3).

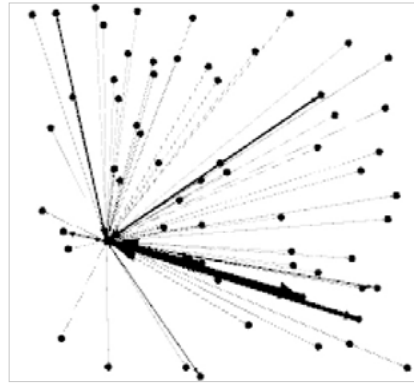

Рис. 3. Изображение графа соединений

Полученное первичное изображение графа соединений малоинформативно. Для дальнейшего исследования и анализа графа используется весьма разнообразный функционал приложения Gephi [5].

В частности, в нашем случае используются:

– алгоритмы укладки, с помощью которых возможно выбрать оптимальное взаиморасположение узлов и ребер (связей);

– управление масштабированием элементов графа, что обеспечивает настройку размера и соотношения узлов и ребер в зависимости от значений интенсивности соединений;

– размещение элементов исходного набора данных – позволяет отобразить на диаграмме графа номера собеседников, время вызова и другие параметры;

– настройка просмотра графа для детального или обобщенного отображения элементов на диаграмме графа, а также для импорта изображения в графический формат.

В ходе применения отмеченного функционала получается диаграмма, представленная на рис. 4.

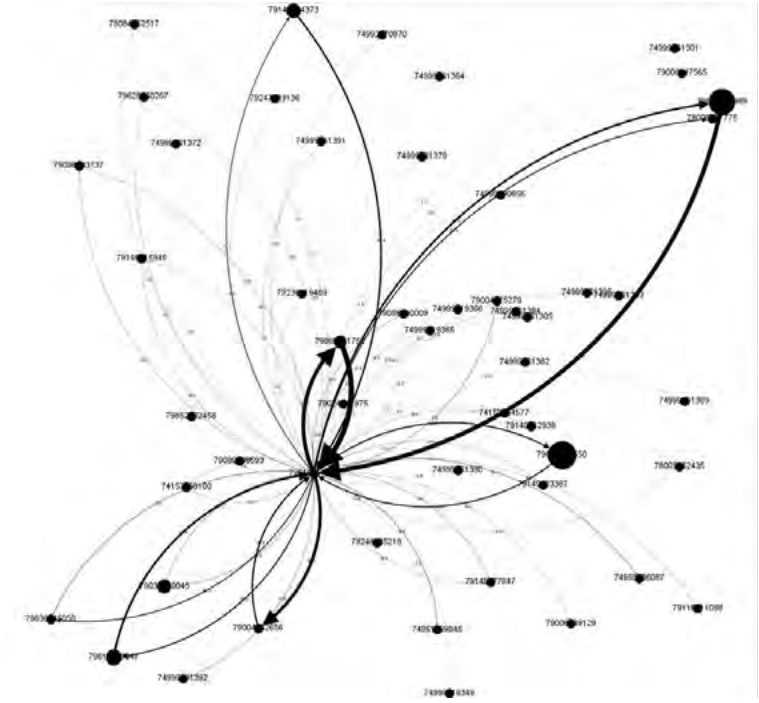

Рис. 4. Граф соединений после настройки просмотра

Дальнейшее изучение полученной визуализации соединений (рис. 4) позволяет сделать выводы о количестве звонков (толщина ребер) и суммарном времени разговора (размер узлов).

Еще одним направлением визуализации данных о соединениях абонента является использование геоданных о расположении базовых станций оператора сотовой связи, используемых для подключения абонента. Данные, указанные в исходном наборе, содержат значения долготы и широты базовой станции. Так, в нашем случае это данные столбца «Информация о первой БС (абонент)» в исходной таблице. Это данные следующего вида: «Power=0; Frequency=1800; Azimut=280; Width=67; PositioningSystem=NAVSTAR-WGS84; Latitude=53.0985; Longitude=158.351».

Применяя несложные преобразования, возможно использовать имеющиеся геокоординаты для нанесения их на электронную карту, например функционал сервиса Яndex.Карты «Мои карты». Отображение на карте расположения базовых станций, обслуживавших абонента, может быть дополнено данными о количестве вызовов, их длительности и другими сведениями. Изучение полученной карты позволяет оценить приблизительное местоположение абонента и выдвинуть гипотезы по оперативно-разыскным версиям.

Список источников

1. Барсегян А. А. и др. Анализ данных и процессов: учеб. пособие. СПб.: БХВ-Петербург, 2009. 512 с.
2. Журавленко Н. И., Михайлова Я. С. Методология расчета неопределенности исходов преступлений экономической направленности при осуществлении оперативно-разыскного прогнозирования // Евразийский юрид. журн. 2015. № 8 (87). С. 239–241.
3. Как плести виртуальные сети // «Системный Блокъ»: [сайт]. URL: https://sysblok.ru/knowhow/kak-plesti-virtualnye-seti-s-pomoshhju-gephi/ (дата обращения: 29.09.2025).
4. Применение современных информационных технологий в аналитической деятельности органов внутренних дел: учеб.-практ. пособие / К. М. Бондарь, В. С. Дунин, А. В. Рыбак, П. Б. Скрипко; Дальневост. юрид. ин-т МВД России. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2021. 140 с.
5. Специальные технологии аналитической работы и информационного противоборства в деятельности органов внутренних дел: заключит. отчет о науч.-исслед. работе / А. С. Овчинский [и др.]. М.: МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя, 2015. 60 с.

УДК 32.019

МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИНАМИКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

***И. С. Стручков**, старший преподаватель кафедры специальных информационных технологий учебно-научного комплекса информационных технологий Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя*

Моделирование динамики информационного воздействия в социальных медиа становится ключевым инструментом анализа указанного процесса, включая его негативные аспекты. В статье представлен системный обзор существующих подходов к моделированию распространения информации в цифровых средах. Проведена классификация моделей по типам: эпидемиологические, каскадные, агентные, сетевые и гибридные. Рассмотрены методологические основы количественного и качественного анализа, а также практические применения в маркетинге, управлении репутацией и предиктивной аналитике. Выявлены ограничения современных моделей и предложены направления дальнейших исследований, включая развитие контекстно-зависимых и семантических подходов.

Ключевые слова: социальное медиа, распространение информации, математическое моделирование, классификация моделей.

MODELING THE DYNAMICS OF INFORMATION IMPACT IN SOCIAL MEDIA

***I. S. Struchkov**, senior lecturer of the Department Special Information Technologies of the Educational and Scientific Complex of Information Technologies of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

Modeling the dynamics of information impact in social media is becoming a key tool for analyzing this process, including its negative aspects. The article provides a systematic review of existing approaches to modeling information propagation in digital environments. The classification of models by types is carried out: epidemiological, cascade, agent-based, network and hybrid. The methodological foundations of quantitative and qualitative analysis, as well as practical applications

in marketing, reputation management and predictive analytics are considered. The limitations of modern models are revealed and directions for further research are proposed, including the development of context-dependent and semantic approaches.

Keywords: social media, information propagation, mathematical modeling, classification of models.

Развитие цифровых технологий и широкое распространение социальных медиа привели к кардинальным изменениям в способах коммуникации и распространения информации. Современные онлайн-платформы стали основной средой для формирования общественного мнения, распространения новостей, маркетинговых кампаний и политических коммуникаций. В связи с этим актуальность исследований, направленных на моделирование динамики информационного воздействия, постоянно растет. Особую актуальность это приобретает для разных сторон деятельности органов внутренних дел.

Информационное воздействие в социальных медиа представляет собой сложный многоуровневый процесс, включающий социальные, психологические и технологические аспекты. Эффективное моделирование требует междисциплинарного подхода, объединяющего достижения теории информационных сетей, социальной психологии и информатики. Цель настоящей статьи – систематизация существующих подходов к моделированию динамики информационного воздействия в социальных медиа, анализ его методологических основ, выявление перспектив дальнейшего развития, использования результатов в правоохранительной сфере.

Исследования в области моделирования распространения информации имеют глубокие корни в классических работах. Модель диффузии инноваций Эверетта Роджерса стала одной из первых попыток систематического анализа процессов распространения информации в социальных системах. Эта модель выделяет пять этапов диффузии: знание, убеждение, решение, реализация и подтверждение.

Одновременно развивалась эпидемиологическая теория, представленная в работах Кермака и Маккендрика [5], которые предложили математическую модель распространения инфекционных заболеваний. Эта модель легла в основу широко используемых SIR (Susceptible-Infected-Recovered) и SIS (Susceptible-Infected-Susceptible) – моделей, применяемых для анализа сетевого распространения информации [6].

Теория социальных сетей, развитая в работах Грановеттера [3], подчеркнула важность структурных характеристик сетей для процессов распространения. Концепция «сильных» и «слабых» связей стала ключевой для понимания механизмов диффузии информации.

В последние годы наблюдается активное развитие новых подходов к моделированию информационного воздействия. Исследования показали важность и эффективность применения машинного обучения для прогнозирования вирусности контента, его учета в правоохранительной деятельности.

Эпидемиологические модели, такие как SIR и SIS, представляют информацию как инфекцию, распространяющуюся через сеть [6]. В модели SIR индивиды могут находиться в одном из трех состояний: восприимчивые к информации, зараженные (активные распространители) и неактивные индивиды. Модель SIS отличается тем, что индивиды могут возвращаться в состояние восприимчивости после «выздоровления». Эти модели эффективны для описания процессов распространения информации, но не учитывают ряд важных индивидуальных особенностей индивидов и некоторых видов социального взаимодействия, воздействия правоохранительной среды. В этой связи появились их достаточно развитые модификации.

Каскадные модели, разработанные Кемпе, Кляйнбергом и Тардосом [4], описывают распространение информации как последовательность активаций узлов в сети. Модель Independent Cascade (IC) предполагает, что каждый активированный узел может с определенной вероятностью активировать своих соседей. Модель Linear Threshold (LT) учитывает пороговые эффекты, когда узел активируется при достижении определенного уровня воздействия со стороны соседей. Эти модели лучше учитывают структурные особенности сетей, но имеют ограничения в описании поведенческих аспектов.

Агентно-ориентированные модели (Agent-Based Models, ABM) воссоздают поведение отдельных участников цифрового пространства как независимых агентов, обладающих уникальными свойствами и внутренними алгоритмами принятия решений. Такие модели позволяют учитывать индивидуальные особенности поведения, эффекты когнитивных искажений, влияние социального окружения и способность к адаптации. Основное преимущество ABM – высокий уровень детализации, однако их применение связано с большими вычислительными затратами и сложностями в настройке параметров.

Сетевые модели сосредоточены на анализе структурных характеристик социальных сетей. В их основе лежат такие показатели, как плотность связей, степень кластеризации, центральность узлов и наличие сетевых сообществ. Эти модели эффективно описывают архитектуру взаимодействий, но зачастую недостаточно отражают поведенческие аспекты.

Модели формирования мнений сосредоточены на изучении трансформации взглядов участников сети под воздействием окружения. Они позволяют воспроизводить процессы конвергенции мнений, поляризации и достижения согласия. К числу ключевых моделей в этой категории относятся:

– модель Хауснера – Краусса (HK Model): агенты обновляют свои убеждения, учитывая мнения соседей, если расхождение в позициях не превышает

установленный «порог доверия». Это способствует моделированию формирования групп единомышленников;

– модель Дефуанта – Краусса: аналогична НК-модели, но предполагает непрерывную шкалу мнений и степень влияния, зависящую от расстояния между позициями агентов;

– модель Виктора – Франка: учитывает не только текущее мнение, но и его динамику – склонность к изменению во времени, что делает ее более чувствительной к долгосрочным процессам.

Модели, базирующиеся на теории игр, используются для изучения стратегического поведения участников в процессах распространения информации. В таких моделях агенты принимают решения о передаче данных, опираясь на сопоставление потенциальных выгод и возможных затрат. Данный подход дает возможность анализировать соперничество между различными информационными потоками, учитывая рациональные установки и мотивацию пользователей.

Гибридные модели интегрируют компоненты различных методологий, что усиливает их способность к детализации описываемых процессов и прогнозированию. Современные версии таких моделей включают учет сетевой топологии, психологических характеристик поведения, эмоциональной насыщенности контента, а также контекстных условий информации. Эти модели рассматриваются как наиболее перспективные, поскольку охватывают широкий спектр факторов, влияющих на информационное воздействие.

Если говорить о практическом использовании моделей, то прогностические модели информационного влияния активно применяются в разных областях правоохранительной деятельности [1; 2], где важно описывать и предсказывать реакцию аудитории на содержание контента. Прогнозирование помогает силовым организациям разрабатывать стратегии своего развития с учетом ожидаемых изменений в информационной среде, что особенно важно в условиях высокой динамики в эволюции цифровых платформ.

Выявление деструктивного, а также потенциально вирусного контента стало важным инструментом для СМИ, издателей и создателей материалов. Это способствует более эффективному распределению ресурсов по противодействию социально опасному контенту и повышению результативности антисоциальных инициатив в информационных сетях.

Анализ поведения пользователей социальных медиа дает ценные сведения для персонализации взаимодействия и улучшения коммуникации с аудиторией. Модели, учитывающие индивидуальные интересы и особенности поведения, позволяют выстраивать точечные стратегии. Использование предиктивной аналитики способствует достижению поставленных правоохранительных, профилактических задач с минимальными затратами.

Для повышения эффективности моделей информационного влияния следует сосредоточиться на следующих направлениях:

– создание интегрированных платформ, объединяющих разные типы моделей и позволяющих их гибко адаптировать под конкретные задачи. Это повысит универсальность и применимость в разных сферах деятельности и, в частности, в правоохранительной;

– внедрение систем непрерывного обновления моделей на основе новых данных. Такой подход усилит их адаптивность и точность в быстро меняющейся цифровой среде;

– развитие инструментов интерпретации результатов, позволяющих представлять выводы в доступной форме для специалистов без углубленных технических знаний. Это важно для успешного внедрения моделей в управленческие процессы силовых структур;

– стандартизация методик сбора и обработки данных, что повысит воспроизводимость исследований и достоверность получаемых выводов. Необходимо также разрабатывать подходы к оценке рисков, связанных с использованием моделей, особенно в контексте их воздействия на общественное мнение, формирование профилактических мероприятий;

– формирование открытых хранилищ данных и моделей, способствующих научному сотрудничеству и проверке результатов. Перспективным направлением является создание междисциплинарных команд, объединяющих специалистов из области информатики, социологии, психологии, экономики и правоохранительной деятельности для разработки более комплексных и реалистичных моделей;

– подготовка кадров, обладающих навыками анализа больших данных, понимания сетевой динамики и цифровых коммуникаций. Развитие соответствующих образовательных программ будет способствовать практическому развитию и применению новых научных достижений.

Моделирование информационных процессов в социальных сетях является быстро развивающейся областью науки, приобретающей все большую значимость в условиях цифровой трансформации общества, организации противостояния противоправным явлениям. Существующие подходы позволяют описывать достаточно сложные механизмы распространения информации, требуя дальнейшего развития с учетом поведенческих, смысловых и контекстных факторов.

Дальнейший прогресс в создании моделей динамики информационного влияния возможен только при условии комплексного подхода, объединяющего теоретическую проработку, практическое применение и профессиональное осмысление результатов моделирования. Только такой синтез позволит разработать эффективные инструменты для анализа, прогнозирования и управления информационными процессами в современной цифровой среде, профилактики последствий.

Список источников

1. Андреев А. А., Бондарь К. М., Минаев В. А. Терроризм и экстремизм: моделирование информационного противодействия. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2020. 248 с.
2. Минаев В. А., Сычев М. П., Вайц Е. В., Бондарь К. М. Системно-динамическое моделирование сетевых информационных операций // Инженер. технологии и системы. 2019. Т. 29, № 1. С. 20–39.
3. Granovetter M. S. The strength of weak ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78, No 6. P. 1360–1380.
4. Kempe D., Kleinberg J., Tardos É. Maximizing the spread of influence through a social network // Theory of Computing. 2015. Vol. 11, No 4. P. 105–147.
5. Li J., Zou X. Generalization of the Kermack-McKendrick SIR Model to a Patchy Environment for a Disease with Latency // Math. Model. Nat. Phenom. 2009. Vol. 4, No 2. P. 92–118.
6. Pastor-Satorras R., Vespignani A. Epidemic spreading in scale-free networks // Physical Review Letters. 2001. Vol. 86, No 14. P. 3200–3203.

УДК 519.8

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЗАЩИТЫ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫМ ТРАНСПОРТОМ

***А. С. Толпыгин**, доцент кафедры защиты информации Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана, кандидат технических наук*

В статье рассматриваются вопросы информационной защиты систем управления беспилотного транспорта. Анализ задач, функций участников, а также технологий, применяемых в этой сфере, позволил выявить типовые причины возникновения проблем, связанных с этапами создания и эксплуатации беспилотных транспортных средств. Показаны риски производителей беспилотного транспорта, организаций, эксплуатирующих беспилотные транспортные средства. Предложен подход к построению системы моделей угроз при решении задач защиты информации беспилотного транспорта. Определены актуальные угрозы безопасности информации.

Ключевые слова: безопасность информации, беспилотный транспорт, модель угроз и нарушителей, защищенная цифровая платформа.

PROBLEMS AND SOLUTIONS IN THE FIELD OF INFORMATION PROTECTION OF UNMANNED VEHICLE CONTROL SYSTEMS

***A. S. Tolpygin**, associate professor of the Information Security of the Department of Bauman Moscow State Technical University, kandidat nauk, degree in Technical Sciences*

The article discusses the issues of information protection of unmanned vehicle control systems. An analysis of the tasks, functions of the participants, as well as the technologies used in this area made it possible to identify typical causes of problems associated with the stages of creation and operation of unmanned vehicles. The risks of manufacturers of unmanned vehicles and organizations operating of unmanned vehicles are shown. An approach to creating a system of threat models for solving information security problems in unmanned vehicles is proposed. The actual threats to information security have been identified.

Keywords: information security, unmanned transport, threat and intruder model, secure digital platform.

Активному развитию беспилотного транспорта сопутствуют не только положительные экономические и социальные эффекты, но и новые угрозы противоправных действий: терроризм, шпионаж, кражи грузов. Эти риски возникают из-за ненадежного контроля процессов разработки, производства, эксплуатации, сервисного обслуживания беспилотных транспортных средств (БТС), в частности беспилотных авиационных систем или средств (БАС).

Анализ проблем обеспечения безопасности информации в жизненном цикле БТС позволил выявить угрозы и провести их классификацию для каждого из участников процессов [6; 2], например:

– для государственных органов (Минцифры, Минпромторг, Минтранс, МЧС, МВД, МО) и госпредприятий (Росавтодор, Росавиация, ОрВД и др.): бесконтрольное применение БТС, терроризм, шпионаж; проблемы интеграции БТС в единое пространство с пилотируемым транспортом; аварии и катастрофы вследствие отсутствия данных о состоянии БТС и своевременной реакции на них;

– производителей БТС: перехват управления БТС; сложности оформления сертификатов летной годности и безопасности БТС; риски снятия БТС с производства из-за растущих требований регуляторов в части безопасности;

– эксплуатантов БТС: перехват управления; кража БТС и грузов, невыполнение полетного задания; длительность учета.

Для нейтрализации указанных угроз требуется решение задач:

– полного контроля трафика БТС в границах зон защищаемых объектов, включая объекты критической инфраструктуры;

– обеспечения киберустойчивости БТС и защиты от их неправомерного применения;

– контроля выполнения маршрутных (полетных) заданий;

– выявления и предотвращения аномалий в поведении БТС;

– установления соответствия БТС законодательству России и требованиям регуляторов по безопасности их применения.

Ключом решения данных задач является обеспечение безопасности информации системы управления БТС и защита от киберугроз.

Анализ методики просеивания угроз [3; 5] из Банка данных угроз безопасности информации ФСТЭК России показал, что, имея высокий уровень воздействия, с высокой вероятностью могут быть реализованы более 30 угроз безопасности информации беспилотного транспорта.

Реализацией этих угроз являются несанкционированный доступ к информации и ее кража, нарушение целостности и доступности информации, перехват злоумышленником управления БТС.

Нетрудно представить последствия реализации угроз на примере перехвата управления, который ведет к таким опасным последствиям, как блокировка движения на магистралях и улицах городов, совершение массовых противоправных действий с применением БТС, умышленные ДТП, включая террористические акты. Не менее опасны нарушения целостности и доступности информации.

В связи с изложенным очевидна потребность в создании распределенной защищенной автоматизированной системы контроля и управления движением БТС, в которой будут решаться указанные проблемы для всех участников. В основу такой автоматизированной системы должна быть положена иерархическая сеть центров контроля и управления беспилотным транспортом [6]. Детально задачи управления беспилотным транспортом на каждом уровне иерархии определены в работе «Модель киберустойчивости и управляемости флота беспилотных транспортных средств» [8]:

– федеральные центры контроля и управления могут быть организованы в городах федерального значения: Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе, а для равномерности и непрерывности покрытия территории России – в Екатеринбурге, Хабаровске или Владивостоке;

– региональные центры развертываются соответственно в областных и краевых центрах;

– ведомственные центры создаются при федеральных органах исполнительной власти (ФОИВ);

– нижний уровень системы покрывается стационарными и подвижными пунктами в зависимости от плотности беспилотного транспорта в заданном районе.

Об актуальности разработки такой системы говорится в паспорте Федерального проекта «Развитие инфраструктуры, обеспечение безопасности и формирование специализированной системы сертификации беспилотных авиационных систем» [9].

Ключевым системообразующим элементом автоматизированной системы является цифровая платформа [7]. Она содержит следующие основные элементы:

1) интеграционную шину, обеспечивающую взаимодействие всех компонентов системы и решение всех возникающих при этом задач;

2) комплекс программ интеллектуального управления БАС с включением модулей мониторинга и интеллектуального управления, которые обеспечивают: начальную проверку, включение и контроль параметров работы модулей БАС; сбор, анализ и передачу результатов контроля модулей; управление электропитанием и параметрами работы модулей; обслуживание и управление конфигурацией модулей;

3) интегрированное хранилище информации;

4) модуль, реализующий инструментарий цифровых двойников;

5) модуль искусственного интеллекта (киберарбитр);

6) модуль взаимодействия с бортовыми информационными системами БАС предыдущих поколений и сторонних разработчиков;

7) модуль взаимодействия с информационно-управляющими системами пилотируемых воздушных судов, обеспечивающий интеграцию БАС в единое информационное пространство воздушного движения.

Применение цифровой платформы позволит решать следующие задачи Федерального проекта в отрасли БАС:

– создать унифицированную инфраструктуру обеспечения полетов БАС;

– обеспечить контроль воздушной обстановки над защищаемыми объектами критической инфраструктуры;

– осуществить требуемую киберустойчивость БАС и защиту от их неправомерного применения;

– контролировать выполнение полетных заданий, выявлять и предотвращать аномалии в поведении БАС.

Исходными документами для оценки угроз безопасности информации являются:

– общий перечень угроз безопасности информации, содержащийся в Банке данных угроз (БнДУ) безопасности информации ФСТЭК России [3];

– Методика оценки угроз безопасности информации, утвержденная ФСТЭК России 5 февраля 2021 года;

– ГОСТ Р 58412–2019 «Защита информации. Разработка безопасного программного обеспечения. Угрозы безопасности информации при разработке программного обеспечения»;

– ГОСТ Р 56939–2024 «Защита информации. Разработка безопасного программного обеспечения. Общие требования».

Исходя из возможностей по доступу к среде разработки программ нарушители делятся на два типа:

– внешние – лица, не имеющие доступа к среде разработки программ и реализующие угрозы безопасности информации из-за пределов контролируемой зоны организации;

– внутренние – лица, имеющие доступ к среде разработки программ.

Приведем перечень критических технологий, обеспечивающих создание цифровой платформы БТС и как следствие безопасность эксплуатации беспилотного транспорта. К ним относятся:

– системы удаленной идентификации БТС, обеспечивающей безопасную передачу идентификационных сведений, пространственных координат и телеметрии;

– программно-аппаратные средства, обеспечивающие безопасность при интеграции беспилотного и пилотируемого транспорта, в том числе решения в области создания систем предупреждения столкновений БТС;

– защищенные хранилища информации для создания единой базы данных метеорологической и аэронавигационной информации, а также сервисов оперативного предоставления достоверной информации из этих источников;

– интеллектуальные транспортные системы для города и сервисы организации движения в условиях плотной застройки;

– каналы передачи данных, наземные наблюдательные комплексы и компактные устройства идентификации для беспилотных аппаратов;

– цифровые линии радиосвязи, технологии контроля и управления в полосах частот, утвержденных Международным союза электросвязи; профили в сетях 4G/5G и система предоставления информационных сервисов для обеспечения движения БТС на основе применения сетей подвижной радиотелефонной связи;

– средства спутниковой навигации для обеспечения движения БТС на основе глобальной навигационной спутниковой системы с учетом дифференциальной коррекции;

– средства тестирования, верификации и валидации технологий, включая комплексы имитационного моделирования с применением цифровых двойников БТС.

Данные технологии определены как критические [1; 2] для технологического суверенитета Российской Федерации и входят в Перечень важнейших наукоемких технологий, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529.

Защита информационных систем управления беспилотным транспортом приобретает ключевое значение в условиях стремительного развития транспортной инфраструктуры и внедрения инновационных технологий в транспортную отрасль России. Исследование выявило серьезные угрозы и риски, возникающие на всех этапах жизненного цикла БИС, подчеркнув важность комплексного подхода к вопросам обеспечения кибербезопасности. Для преодоления сложившейся ситуации разработан подход к созданию защищенной цифровой платформы, способной обеспечить высокую степень защиты беспилотного транспорта от современных киберугроз.

Список источников

1. О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ // Гарант – информационно-правовое обеспечение: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/411232539/ (дата обращения: 21.05.2025).

2. Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий: указ Президента Рос. Федерации от 18.06.2024 № 529 // Президент России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755/print (дата обращения: 21.05.2025).
3. Банк данных угроз безопасности информации ФСТЭК России // Федеральная служба по техническому и экспортному контролю: [сайт]. URL: http://bdu.fstec.ru (дата обращения: 21.05.2025).
4. Минаев В. А., Толпыгин А. С. Кибербезопасность беспилотного транспорта // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов: сб. тр. международ. науч.-практ. конф. М.: Акад. упр. МВД России, 2024. С. 197–204.
5. Минаев В. А., Толпыгин А. С. Кибербезопасность и киберустойчивость беспилотных транспортных систем // Информация и безопасность. 2024. Т. 27, № 2. С. 177–184.
6. Минаев В. А., Толпыгин А. С. Кибербезопасность систем управления беспилотным транспортом // Актуальные проблемы науки и практики: сб. науч. тр. всерос. семинара «Применение современных информационных и телекоммуникационных технологий в раскрытии и расследовании киберпреступлений» (Хабаровск, 27 июня 2024 г.). Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России имени И. Ф. Шилова, 2024. С. С. 142–147.
7. Минаев В. А., Толпыгин А. С. Цифровая платформа для защищенных информационно-управляющих систем беспилотного транспорта // Информация и безопасность. 2024. Т. 27, № 3. С. 309–318.
8. Толпыгин А. С., Пахомов А. К. Модель киберустойчивости и управляемости флота беспилотных транспортных средств // Актуальные проблемы защиты информации: современность и перспективы (Москва, 9–10 апреля 2024 года): материалы II науч.-практ. конф. М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2025. С. 61–70.
9. Паспорт Федерального проекта Российской Федерации «Развитие инфраструктуры, обеспечение безопасности и формирование специализированной системы сертификации беспилотных авиационных систем» // Департамент экономического развития Костромской области:. [сайт]. URL: https://der.kostroma.gov.ru/upload/medialibrary/14d/z16cruq43s1p2owxe7wxllzm8lqhlppf/FP_Infrastruktura._bezopasnost_i_sertifikaciya.pdf (дата обращения: 21.05.2025).

УДК 332.14; 550.34

НОВАЯ МОДЕЛЬ ГЕОДИНАМИЧЕСКОГО РИСК-ЗОНИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИЙ В ИНТЕРЕСАХ СЛУЖБ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО РЕАГИРОВАНИЯ

***А. О. Фаддеев**, профессор кафедры экономической безопасности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор технических наук, профессор;*

***А. В. Мокшанцев**, заместитель начальника кафедры информационных технологий Академии Государственной противопожарной службы МЧС России, кандидат технических наук, доцент*

Рассматривается модель риск-зонирования территории Российской Федерации по комплексным показателям, отражающим распределенные геофизические поля, данные по чрезвычайным ситуациям, а также радиационным и климатическим данным. Выявлены экспоненциальные зависимости риска от значений, включенных в типологизацию показателей, построены нормировочные шкалы. Разработана итоговая карта, отражающая результаты риск-типологизации субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, геодинамический показатель, моделирование, риск-типологизация территорий.

NEW MODEL OF GEODYNAMIC RISK-ZONING TERRITORIES IN THE INTERESTS OF EMERGENCY RESPONSE SERVICES

***A. O. Faddeev**, professor of the Department of Economic Security of the Ryazan Branch of the Kikot Moscow University of the Internal Affairs Ministry of Russia, Doctor of Technical Sciences, Professor;*

***A. V. Mokshantsev**, deputy head of the Department Information Technology of the State Fire Service Academy of the Emergency Situations Ministry of Russia, kandidat nauk, degree in Technical Sciences, Associate Professor;*

A model of risk zoning of the Russian Federation territory is considered based on complex indicators reflecting distributed geophysical fields, emergency data, as well as radiation and climate data. Exponential risk

dependences on the values of the indicators included in the typologization have been identified, and normalization scales have been constructed. The final map reflecting the results of risk-typologization of the Russian Federation subjects is constructed.

Keywords: emergency situation, geodynamic indicator, modeling, risk-typologization of territories.

В статье рассматривается процедура зонирования территорий России в интересах территориальных служб чрезвычайного реагирования (МЧС, МВД России, СМП и др.). Принципиальный интерес и актуальность исследования связаны с тем, что в деятельности так называемых силовых структур страны все большее значение приобретают информационно-аналитические слои, базы данных, которые ранее были недоступны, не имели аппаратно-программной систематизации, соответствующих платформ и сервисов. Развитие специализированных модельных средств, их адаптация до уровня удобных и доступных компьютерных приложений позволили создать общую базу, аналитическое оценивание которой может обеспечивать новый уровень обоснования разнообразных оперативно-служебных решений с учетом объективно значимых комплексных показателей, не реализовавшихся ранее.

В частности, на основе авторских изысканий, проводимых в системном порядке и показавших научно-практическую адекватность, подтвержденную обоснованность предлагаемых подходов [1; 3–5], делается попытка представить фактически новый взгляд на совокупность геодинамических оценок. Они в целом влияют на понимание данной категории объективных рисков воздействия на жизнедеятельность общества и выражены в связи с этим на уровне парадигмы. Комплексная совокупность теоретических воззрений, практических модельных и аппаратно-программных наработок, доводимых авторами, делает доступными и опционально удобными для силовых структур наглядное построение и распределение территорий Российской Федерации в формате конкретно классифицируемых зональных объектов, обладающих свойствами разных типов рисков на основе кластерного объединения ряда традиционных и вновь определяемых геодинамических параметров.

Ведущую гамму указанных параметров, которые исследованы в настоящее время (и могут быть расширены в случае необходимости по вводимым методологическим и методическим нотациям, сформулированным в авторских изысканиях) составляют распределенные геофизические поля, сведения по чрезвычайным ситуациям, а также по радиационным и климатическим характеристикам. Законченность и приемлемость излагаемых положений геодинамической парадигмы выражена системой моделей, объединяющих обоснованные зависимости риска экспоненциального вида для проведения типологизации оцениваемых значений

и параметров. В целом детализация позволила в итоге построить удобные нормировочные шкалы и соединить полученную совокупность расчетных данных на территориальной карте субъектов России с выделением типовых зон геодинамических рисков.

Эмпирическим аналитическим путем было выделено три принципиальных направления сбора данных для проведения отмеченных исследований: обеспечение достоверности; официальные приборные исследования; обращение к Всемирному центру обработки данных (WDC). Отмеченная методология сбора данных выделила следующие распределенные поля: скорость горизонтальных движений поверхности земной коры (в мм/год); значения аномалий гравитационного поля в изостатической редукции (в мГал); распределение поверхностного теплового потока Земли (в МВт/м2). К тому же были добавлены сведения о чрезвычайных ситуациях (ЧС) [6], радиационной и климатической обстановке [2].

Из ряда показателей, определяющих ЧС, особо выделен Ф1, количественно характеризующий интегральные риски в пределах территории субъектов РФ:

$$\Phi_1 = \frac{N_{\text{ЧС}}}{N_{\text{мун.обр.}}}, \qquad (1)$$

где $N_{ЧС}$ – количество ЧС на территории субъекта; $N_{мун.\ обр.}$ – количество муниципальных образований в субъекте.

Он позволяет в рамках конкретной административной единицы видеть значение относительной величины воздействия ЧС, а следовательно, становится основой для аналитического сравнения значений рисков территорий субъектов, разных по площади и топологическим особенностям.

Показатель характеризует относительную величину воздействия ЧС на одну административную единицу. Это дает возможность сравнивать по значению риска различные по площади и топологическим особенностям территории субъектов.

Далее для субъектов Российской Федерации были рассчитаны значения показателей Φ_1, а затем эти значения были расположены в порядке их возрастания. Очевидны эмпирические закономерности изменения величин показателя Φ_1 (рис. 1) с высокими коэффициентами объясняемости (более 90 %), если их описывать экспоненциальными кривыми. Отметим, что кривые такого вида просты, хорошо интерпретируемы, а территориальные риск-кластеры, описываемые одинаковыми экспонентами, достаточно компактно располагаются на карте Российской Федерации (показано ниже), давая возможность более глубокого анализа истоков и направлений развития рисков в регионах.

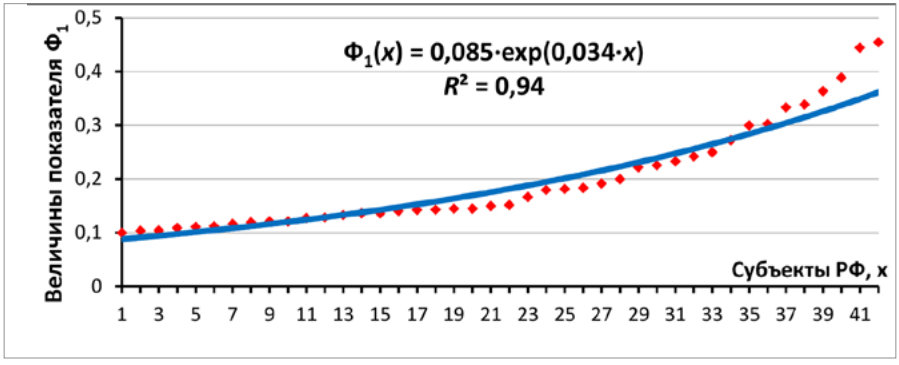

Рис. 1. Распределение показателя $Ф_1$ (красные маркеры – эмпирические значения) и функции аппроксимации (синяя линия) с данными коэффициента детерминации

Отметим, что субъекты Российской Федерации, относящиеся к одному и тому же кластеру, описываются одинаковой экспоненциальной функцией изменения показателя $Ф_1$ в определенном диапазоне. Таких диапазонов, соответствующих кластерам субъектов, оказалось пять. Соответственно, общая кривая, описывающая возрастающее изменение указанного показателя для 89 субъектов, является непрерывной кусочно-экспоненциальной функцией, состоящей из пяти экспонент с разными коэффициентами.

Совместно с другими указанными классификационными показателями сформировано предположение об экспоненциальной зависимости риска от значений величин x, расположенных в моделируемых диапазонах:

$$R(x) = \beta \cdot exp(\alpha \cdot x), \qquad (2)$$

где x – номер субъекта; $R(x)$ – значение риска, изменяющееся в границах $[0; 1]$; α, β – коэффициенты, определяемые из граничных условий для каждой из экспонент.

Для каждого классификационного показателя строилась нормировочная шкала, связывающая величину риска R со значением показателя. На рис. 2 для примера представлена нормировочная шкала для значений показателя $Ф_1$, отражающего риски ЧС.

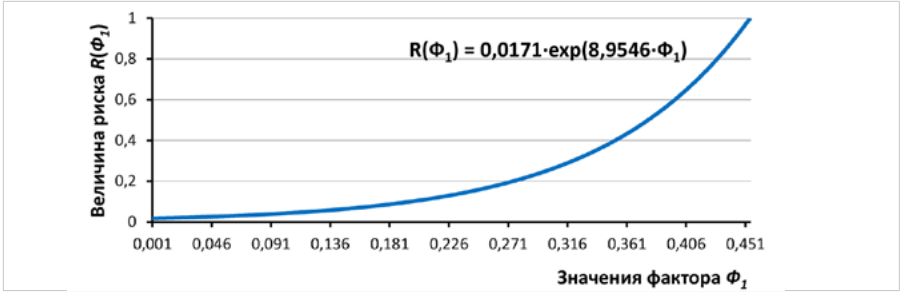

Рис. 2. Зависимость величины риска от значений фактора Φ_1

Полученные результаты сведены в 5 кластеров, соответствующие диапазонам значений риска (таблица).

Соответствия кластеров величинам рисков

№	Диапазон значений риска, R	Номер кластера
1	$0{,}00 \le R < 0{,}20$	1
2	$0{,}20 \le R < 0{,}40$	2
3	$0{,}40 \le R < 0{,}60$	3
4	$0{,}60 \le R < 0{,}80$	4
5	$0{,}80 \le R \le 1{,}00$	5

На рис. 3 приведен один и примеров графической иллюстрации риск-типологизации субъектов Российской Федерации по значениям комплексного риска, характеризующего риск возникновения ЧС, радиационным, климатическим и геодинамическим параметрам.

Рис. 3. Риск-типологизация территорий субъектов Российской Федерации по значениям комплексного риска

Новая парадигма риск-типологизации территорий Российской Федерации является перспективным аналитическим инструментарием. Он необходим для превентивных оценок стратегии развития субъектов Российской Федерации. В рамках аналитической деятельности служб чрезвычайного реагирования его целесообразно применять в решении задач оптимального распределения их сил и средств с учетом рисков на разных территориях, реализации программ подготовки и переподготовки кадров в регионах с различной обстановкой по линии указанных служб.

Список источников

1. Геодинамические риски: моделирование, оценки, управление / Т. Р. Ахметшин [и др.]: моногр. Уфа: УГНТУ, 2023. 338 с.
2. Изменение окружающей среды и климата: природные и связанные с ними техногенные катастрофы. Программа № 14 Президиума РАН: в 8 т. / Рос. акад. наук. М: Ин-т физики Земли РАН, 2008.
3. Минаев В. А., Степанов Р. О., Фаддеев А. О. Арктические риски: моделирование, комплексная оценка, управление: моногр. М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2022. 420 с.
4. Минаев В. А., Фаддеев А. О., Кузьменко Н. А. Моделирование и оценка геодинамических рисков: моногр. М.: РТСофт-Космоскоп, 2017. 256 с.
5. Минаев В. А., Фаддеев А. О. Математические методы и модели в геоэкологическом районировании рекреационных территорий // Математические методы и информационные технологии в современном обществе: материалы регионал. науч.-практ. конф., Рязань. 15 декабря 2007 г. Рязань: Акад. права и управления ФСИН, 2007. С. 111–117 с.
6. Оценка и пути снижения негативных последствий экстремальных природных явлений и техногенных катастроф, включая проблемы ускоренного развития атомной энергетики. Программа № 4 фундаментальных исследований Президиума РАН: моногр. / отв. сост. А. Л. Собисевич. М.: Ин-т физики земли РАН, 2011. 218 с.

УДК 343.98:351.74

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РЕШЕНИИ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ (ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В. Ю. Федорович, *заместитель начальника по научной работе Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент*

В статье акцентируется внимание на проблемах использования технологий искусственного интеллекта в повседневной экономической деятельности общества, необходимости разработки методик исследования современных аппаратно-программных систем для целей предупреждения преступлений, в том числе повышения эффективности исследования вещественных доказательств, выявляемых в ходе расследования преступлений. В частности, рассматриваются сложности получения профилактической информации с помощью специальных знаний в современных системах безопасности, а также возможности перспективных цифровых решений в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, экспертная профилактика, предупреждение преступлений, судебная экспертиза.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN SOLVING FORENSIC PROBLEMS (PREVENTIVE ASPECT)

V. Yu. Fedorovich, *deputy head of Scientific Work of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

The article focuses on the problems of using artificial intelligence technologies in the daily economic activities of society, the need to develop research methods for modern hardware and software systems for the prevention of crimes, including improving the effectiveness of the study of physical evidence identified during the investigation of crimes. In particular, the difficulties of obtaining preventive information with the help of special knowledge in modern security systems, as well as the possibilities of promising digital solutions in the process of detection, investigation and prevention of crimes are considered.

Keywords: artificial intelligence, expert prevention, crime prevention, forensic examination.

Появление сочетания слов «искусственный интеллект» (ИИ) как термина можно отнести к 1956 г., когда в Дартмутском колледже он впервые был применен к алгоритмам, описывающим имитацию человеческого мышления. Сейчас он используется в различных областях человеческой деятельности: медицине и здравоохранении, бизнесе, транспорте, образовании, развлекательной сфере, безопасности, науке задач и многих других.

В целях понимания явления ИИ обратимся к его определениям. Отечественный толковый словарь по искусственному интеллекту определяет его как свойство интеллектуальных систем выполнять функции (творческие), которые традиционно считаются прерогативой человека [9]. Стюарт Рассел и Питер Норвиг, обобщив разные подходы к определению ИИ, рассматривают его как систему, способную моделировать человеческое мышление и в связи с этим приходить к рациональным выводам на основании известных ей знаний [11].

В настоящее время в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года под ИИ понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их [1]. Комплекс технологических решений включает в себя информационно- коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. Использование ИИ в настоящее время регулируется различными нормативными правовыми актами как в нашей стране, так и за рубежом [7].

В Российской Федерации это Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»; указы Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», от 1 декабря 2016 г. № 642 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». В 2019 г. была утверждена Дорожная карта с указанием развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» [5].

Современные возможности ИИ, в том числе обозначенные в национальной стратегии, предопределяют проведение научных исследований с их использованием в целях решения каких-либо практических задач в области

экспертно-криминалистической деятельности и судебной экспертизы. Помимо этого, уже можно говорить о некоторой «истории» применения ИИ в области уголовного судопроизводства, в частности экспертно-криминалистической деятельности и судебной экспертизе.

Институт судебной экспертизы обслуживает судопроизводство и осуществляет ряд важных функций, включая профилактическую, которая обеспечивает установление фактических обстоятельств, способствующих совершению преступления, и оказывает содействие в этом вопросе органам предварительного расследования и суда. Именно судебная экспертиза является тем институтом, в котором со времени его становления ученые и практики стремятся использовать наиболее современные методы и средства для решения поставленных задач. Таким образом, развитие технологий ИИ в разных сферах продолжает влиять на развитие судебной экспертизы, возможности которой определяются эффективностью решения задач по установлению фактических обстоятельств по уголовным делам.

В связи с этим можно выделить три направления исследования ИИ с позиции уголовно-правовой оценки последствий его применения. Во-первых, в статике, когда ИИ применяется для нужд развития отраслей промышленности и социальной сферы. Во-вторых, в условной динамике, когда использование ИИ порождает последствия и требуется выработка комплекса профилактических предложений, направленных на предотвращение преступлений. И, в-третьих, в динамике, когда ИИ используется преступниками для совершения преступлений и необходимы комплексные меры противодействия этим действиям.

Во всех случаях обобщенные результаты судебных экспертиз могут активно участвовать в научно обоснованной разработке правовых и организационно-технических решений, направленных на противодействие угрозам и вызовам криминальных структур. Представляется, что формирование системы экспертно-криминалистического обеспечения по реализации предупредительных мер, особенно в сложных информационных системах, становится важной задачей экспертно-криминалистических подразделений.

Важно отметить, что современные средства и методы экспертных исследований с использованием эффективных программно-технических решений позволяют по большинству задач осуществить обнаружение, изъятие и в дальнейшем представление цифровых доказательств с компьютеров, мобильных устройств, из облачных хранилищ и с других электронных носителей информации. Имеющейся опыт обработки больших массивов данных (Big Data) с использованием источников информации в Интернете, данных мобильной связи и банковских расчетов успешно используется органами предварительного расследования для получения криминалистически значимой информации, направленной на выявление, раскрытие и расследование разных видов дистанционных преступлений [8].

Отметим, что при установлении события преступления технологии ИИ и машинного обучения помогают обнаружить и сформировать актуализированную информацию из больших объемов текстовых данных: социальных сетей, электронных протоколов и других документов [6]. Выявление такой информации дает возможность восстановить хронологию происходивших в цифровой среде событий, а также указать на представляющую интерес оперативную информацию в больших объемах данных, в том числе, используя результаты специальных знаний, предложить алгоритмы профилактического характера.

С использованием ИИ возможно проведение исследований, направленных на установление личности; поиск криминалистически значимой информации по базам данных; формирование предложений для прогнозирования вероятности совершения новых преступлений, в том числе места и временных рамок; оказание помощи в собирании следовой информации для установления преступника, включая поиск удаленных версий веб-сайтов, документирование их активности в сети Интернет и в дальнейшем реализацию предупредительных мер против преступных действий [10].

По мнению А. А. Бессонова, ИИ может быть полезен при производстве разных экспертиз по отдельным видам преступлений, особенно имеющим повторяющийся характер, оценке достоверности получаемой информации и процессуальном оформлении следственных действий и т. д. [2–3].

Внедрение цифровой техники с элементами ИИ позволяет реализовывать новые возможности повышения точности бесконтактных измерений при проведении осмотров мест происшествий с помощью оптических, ультразвуковых и лазерных дальномеров. Внедрение 3D-сканеров позволяет воссоздать реальную модель совершенного преступления, особенно с использованием транспортных средств.

Для решения вопросов о взаимном расположении двух транспортных средств в момент первоначального контакта используется сопоставление зафиксированных как в режиме фотосъемки, так и в режиме сканирования с получением трехмерного облака точек, повреждений контактных поверхностей кузовов. В результате сопоставления устанавливается взаимное расположения объектов в момент контактирования, что невозможно было бы реализовать с применением «традиционных» контактных методов осмотра в силу недостаточной степени точности определения величины угла контактирования [4].

Отдельно нужно отметить возможности использования электронного оборудования автомобилей участников ДТП. В современном автомобиле система узлов и деталей соединена единой электронной сетью обмена данными, которые в некоторых случаях управляются бортовыми компьютерами с отдельным модулем записи (Event Data Recorder – EDR). Данная система записывает всю информацию о событии (до столкновения, опрокидывания).

В настоящее время эта информация хранится в блоке управления системы пассивной безопасности транспортного средства (SRS). Очевидно, что профилактические функции ИИ в обеспечении безопасности дорожного движения будут усиливаться. Например, уже применяются технологии ИИ в системах активной безопасности автомобилей, позволяющие изменить скорость и траекторию транспортного средства без участия водителя, по этой причине уже сейчас требуется проведение научных исследований, учитывающих данные возможности.

Обеспечение информационной безопасности в условиях возросших угроз со стороны организованной преступности, включая участие недружественных стран, требует от специалистов, включая и судебных экспертов, продолжить выработку превентивных мер по защите информационных систем государственных органов от разных видов киберугроз. Это требует от субъектов профилактики постоянно повышать уровень знаний и навыков, своевременно разрабатывать правовые и организационно-этические нормы. Важно на основе экспертных исследований по использованию технологий искусственного интеллекта, а также с учетом российского и международного опыта продолжить формирование профилактического реагирования на возможные угрозы и вызовы.

Список источников

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 10.10.2019 № 490 // Гарант – информационно-правовое обеспечение: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/72838946/ (дата обращения: 20.05.2025).
2. Бессонов А. А. Использование алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическом изучении преступной деятельности (на примере серийных преступлений) // Вестн. У-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. Т. 10, № 2. С. 45–53.
3. Бессонов А. А. Перспективы использования технологии искусственного интеллекта в экспертно-криминалистической деятельности // Судеб. экспертиза и исследования. 2022. № 1. С. 16–21.
4. Данилкин И. А., Данилкина В. М. Использование современных технических средств в повседневной практической деятельности экспертно-криминалистических подразделений г. Москвы // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2023. № 4 С. 84-91.
5. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» // Минцифры: [сайт]. URL: https://digital.gov.ru (дата обращения: 20.05.2025).
6. Зокиров Б. П. Использование искусственного интеллекта для выявления подозрительных транзакций. Jamoat xavisizligi. // Ilmiy amaliy jurnali. 2024. № 1. С. 186–189.
7. Михеева С. Н., Литвин И. И. Правовая природа категории «искусственный интеллект»: моногр. Екатеринбург: Урал. юрид. ин-т МВД России, 2022. 90 с.

8. Саморока Е. А. Прохорова Е. А. Перспективы использования Big Data при раскрытии и расследовании преступлений // Академ. мысль. 2019 № 3 (8). С. 74–78.
9. Толковый словарь по искусственному интеллекту / авт.-сост.: А. Н. Аверкин, М. Г. Гаазе-Рапопорт, Д. А. Поспелов. М.: Радио и связь, 1992. С. 38–39.
10. Фрузенков Н. В. Использование искусственного интеллекта в расследовании преступлений // IV Минские криминалистические чтения. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2024. С. 99–103.
11. Russell, S.J., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. 3nd ed. 2016. Prentice Hall. URL: http://repo.darmajaya.ac.id/5272/1/Artificial%20Intelligence-A%20Modern%20Approach%20(3rd%20Edition)%20(%20PDFDrive%20).pdf

УДК 004.93'1

ИДЕНТИФИКАЦИЯ И РАСПОЗНАВАНИЕ ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***Н. Г. Шешера**, доцент кафедры информационного и технического обеспечения органов внутренних дел Дальневосточного юридического института имени И. Ф. Шилова, кандидат технических наук*

Для обеспечения правоохранительной деятельности необходимо обрабатывать большой объем информации. Используя современные инфокоммуникационные технологии, данный функционал доверили программно-аппаратным комплексам, в результате чего появился большой потенциал по идентификации и распознаванию. В статье рассматриваются проблемы действующих в России систем распознавания информационных объектов и предложены пути их решения для повышения эффективности правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: идентификация, биометрический анализ, система распознавания, программно-аппаратный комплекс.

IDENTIFICATION AND RECOGNITION TO SUPPORT LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

***N. G. Sheshera**, associate professor of the Department of Information and Technical Support of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Technical Science*

To ensure law enforcement activities, it is necessary to process a large amount of information. Using modern infocommunication technologies, this functionality was entrusted to hardware and software systems, which resulted in a large potential for identification and recognition. The article examines the existing problems of the information object recognition systems operating in Russia and suggests ways to solve them to improve the efficiency of law enforcement activities.

Keywords: Identification, biometric analysis, recognition system, hardware and software system.

Мы живем в информационном поле, взаимодействуем с ним, приспосабливаемся. От возможностей получения, анализа и хранения данных зависит будущее человечества. Важно понимать, что информационное пространство – это прежде

всего объективная реальность, характеризующаяся протяженностью и объемом (например, дом, улица, город, лес и т. д.), содержащая в себе информационные объекты (например, люди, цвет, материал, звук и т. д.).

Чем выше плотность информации в информационном поле, тем сложнее с ней работа. С письменностью появились первые способы фиксации объективной реальности и ее хранения. Позднее для удобной работы с накопленной информацией появились методы сортировки и табулирования. Сейчас вполне эффективно функционируют базы данных и системы их управления.

На сегодняшний день практически нет пределов для работы с информацией. Она хранится на цифровых носителях в больших объемах, передается по информационным телекоммуникационным сетям за доли секунды. Поступает из разных источников, удаленно подключенных к серверу, в том числе с устройств автоматической фиксации, либо в результате заполнения оператором табулированного шаблона, а также в результате ручного переноса данных с устройства автоматической фиксации через съемные носители.

Такие возможности по обработке данных сопровождаются сложным анализом, в который входит процесс исследования, фильтрации, преобразования и моделирования с целью извлечения полезной информации и принятия решений.

В МВД России самое широкое распространение нашел программный анализ – распознавание [6]. На сегодняшний день профильные программно-аппаратные комплексы эффективно работают с автомобилями. Они анализируют транспортный поток по государственному регистрационному знаку, определяют его смысловую нагрузку для сверки по базам данных.

Для правоохранительных органов такой программно-аппаратный потенциал оказывает качественное влияние на производительность специализированных отделов по сортировке, поиску объектов, наблюдению за его движением с точной фиксацией по времени на каждом рубеже программно-аппаратного комплекса, а высококачественное оборудование позволяет рассмотреть мельчайшие предметы, например, в салоне автомобиля [5].

При осуществлении мероприятий по поиску автомобилей в пределах населенного пункта, государственный регистрационный знак ставится на программный учет [7]. Если он появится в поле захвата систем видеонаблюдения программного комплекса, то сработает алгоритм оповещения. Но не стоит забывать, что автомобиль – это лишь средство передвижения и, как правило, конечная цель правоохранительного поиска – люди.

Как показывает практика, разыскиваемые лица имеют общие сведения о способах и приемах сыска правоохранительных органов и, если преследуют цель маскировки, передвигаются пешим способом, используют сторонние автомобили или изменяют государственные регистрационные знаки. Последний вариант маскировки относительно редок, так как автомобиль может привлечь

внимание государственной инспекции безопасности дорожного движения, патрулирующей автомобильные дороги круглосуточно [8]. Если же разыскиваемые лица спешиваются, то им легче потеряться в информационном пространстве большого города, а в условиях отсутствия данных о контактах разыскиваемого лица поиск представляется весьма трудной задачей.

Самая информативная область человеческого тела – это лицо, но его совокупность характеристик недостаточно часто повторяется для формирования шаблона распознавания по примеру государственного регистрационного знака. Соответственно, необходим индивидуальный подход к процессу идентификации, что значительно усложняет программный код.

Современные программно-аппаратные комплексы позволяют определить лицо человека в кадре – с наиболее подходящего ракурса делается снимок из видеопотока для дальнейшего анализа (рис. 1). С помощью заданных признаков, описывающих тело человека, происходит программный захват лица для сокращения количества анализируемых объектов на фотографии.

Рис. 1. Распознавание лиц по кадру

Внутри выделенной области срабатывает алгоритм поиска опорных точек, с помощью которых выделяются контуры овала лица, глаз, ушей, рта, носа, бровей и т. д. (рис. 2). В некоторых случаях определяется цвет глаз, волос, бровей, кожи и т. д.

Опорных точек может быть свыше 400, и чем их больше, тем точнее программа опишет лицо [1]. Замеряются расстояния между опорными точками и полученные значения анализируются на предмет их повторения в базе данных. При наличии совпадений программа выдает результат в виде выделения найденного объекта с обозначением процента совпадения опорных точек (рис. 2).

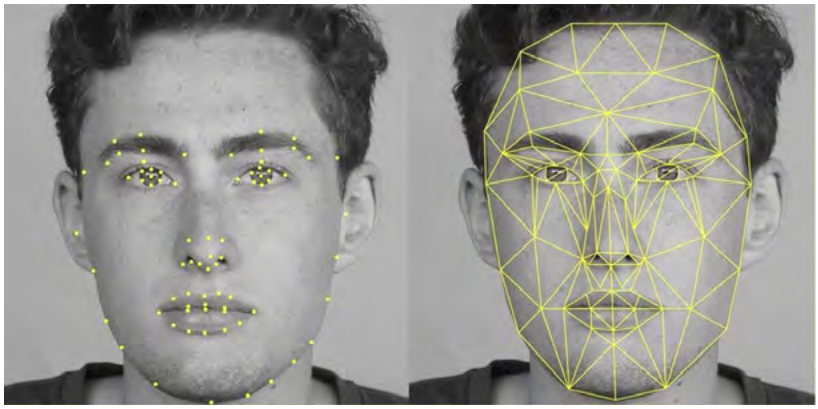

Рис. 2. Построение алгоритма программных опорных точек

Идентификация фотографии по опорным точкам помогает найти личность в любой информационной базе. На сегодняшний день в России уже существуют методы маскировки, блокирующие существующие способы получения изображения лица. Достаточно надеть глубокий капюшон или медицинскую маску, и будет скрыта значительная часть информативной области.

В решении этой проблемы дальше всех продвинулся Китай, где начали внедрять новую технологию биометрической идентификации, которая анализирует силуэт и манеру движений, что позволяет установить личность человека, даже если его лицо скрыто от камер или он повернут к ним спиной [3]. Система может распознать цель, если она находится не далее 50 метров [2].

Алгоритм основан на уникальном «рисунке» походки, включая ритм, скорость и другие черты передвижения. Программа анализирует все особенности тела, в результате чего ее трудно обмануть, если, например, человек наклонится, присядет, отвернется, начнет прихрамывать или изменит походку [4].

В систему идентификации данного способа вместе с почерком поведения входит и графический слепок лица. Программа в первую очередь распознает границы частей тела человека и по математической формуле строит вдоль них осевые линии (рис. 3). Объект анализируется в динамике, и изменение положений осевых линий относительно друг друга измеряется и фиксируется. Таким образом, снимается индивидуальный почерк поведения.

Рис. 3. Идентификация человека по почерку поведения

Каждое движение человека (взмахи рук при ходьбе, опора на ногу при остановке, длина шага, положение головы, направление взгляда, движение свободных пальцев рук, угол сгиба в локтевом суставе при движении и остановке, осанка и т. д.) в комплексе создают индивидуальные особенности, которые возникли в результате своеобразной среды воспитания, взросления индивида. Процесс физического и умственного развития человека уникальный и его повторить нельзя. Привычка совершать одни и те же движения при ходьбе, остановке, беге, поднятии и спуске по лестнице на протяжении всей жизни только закрепляется.

В Российской Федерации на сегодняшний день продолжают активно модернизировать способы биометрического анализа с помощью изображения, но практика показывает, что будущее этого направления ограничено или совсем отсутствует для правоохранительной деятельности. Внешность можно замаскировать, но индивидуальный почерк поведения человека изменить его собственнику не получится. Человек может вести себя неестественно, с неприсущими для него движениями, но рано или поздно он совершит серию привычных для него жестов и этого программе будет достаточно.

Идентификация людей в потоке – весьма сложная задача, тем более если они преследуют цель остаться незамеченными. Должностные лица совершают колоссальный труд по установлению местоположения лица, и актуальность оперативной информации важна для поиска.

Современные программно-аппаратные комплексы в значительной степени решают проблемы глобального мониторинга. Развитие этого направления имеет

большое значение для МВД России, в частности для увеличения возможностей распознавания при разных видах маскировки. Ключ к нужному алгоритму нашли в Китае. Данный опыт необходимо перенимать, в том числе для международного сотрудничества в области правоохранительной деятельности.

Список источников

1. Дьяченко А. В. Задача 3D распознавания лиц: современные методы решения // CORE: [сайт]. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/38386037.pdf (дата обращения: 22.05.2025).
2. Китайская система распознавания узнает человека по походке с 50 метров // Хайтек+: [сайт]. URL: https://hightech.plus/2018/11/08/kitaiskaya-sistema-raspoznavaniya-uznaet-cheloveka-po-pohodke-s-50-metrov (дата обращения: 22.05.2025).
3. Системы распознавания лиц. Facial recognition technology (FRT) // Tadviser / Государство. Бизнес. ИТ: [сайт]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php (дата обращения: 22.05.2025).
4. Технология распознавания лиц «А» до Я» // Интемс: [сайт]. URL: https://securityrussia.com/blog/face-recognition.html#32 (дата обращения: 22.05.2025).
5. Шешера Н. Г. Идентификация и распознавание в правоохранительной деятельности // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов: сб. тр. междунар. науч.-практ. конф. М., 2023. С. 279–283.
6. Шешера Н. Г. Перспективные подходы к формированию навыков работы с устройствами управления информационной и технической поддержки органов внутренних дел на базе высших учебных заведений МВД России // Опыт и традиции подготовки полицейских кадров: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 2023. С. 204–209.
7. Шешера Н. Г. Теоретические аспекты возможностей существующих программно-аппаратных комплексов по поддержке государственной инспекции безопасности дорожного движения в области идентификации // Охрана, безопасность, связь. 2023. № 8–3. С. 78–82.
8. Шешера Н. Г. Технологические и информационно-аналитические задачи государственной инспекции безопасности дорожного движения // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика: материалы междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2022. С. 570–574.

УДК 629.7

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ УПРАВЛЕНИЕМ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ХАБАРОВСКОМУ КРАЮ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

***Д. В. Чемарёв**, доцент кафедры информационного и технического обеспечения органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***В. Н. Легоцкий**, начальник кафедры физической подготовки Брянского филиала Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова*

В статье анализируется практика внедрения и эксплуатации беспилотных летательных аппаратов в оперативно-служебную деятельность полиции Хабаровского края, рассматривается технология как ключевой инструмент повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений в условиях сложной, в том числе труднодоступной, дальневосточной местности.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат, БПЛА, раскрытие преступлений, оперативно-разыскная деятельность, осмотр места происшествия, технико-криминалистическое средство, правовое регулирование.

EXPERIENCE OF USING UNMANNED AERIAL VEHICLES OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS FOR KHABAROVSK KRAI IN DETECTING AND INVESTIGATING CRIMES

***D. V. Chemarev**, associate professor of the Department of Information and Technical Support for Internal Affairs Bodies Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***V. N. Legotsky**, head of the Department of Physical Training of the Bryansk Branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov*

This article analyzes the implementation and operation of unmanned aerial vehicles in the operational and service activities of the Khabarovsk Krai police. It examines this technology as a key tool for improving the effectiveness of crime detection and investigation in the challenging, including hard-to-reach, terrain of the Far East.

Keywords: unmanned aerial vehicle, UAV, crime detection, operational and search activities, crime scene inspection, forensic tools, legal regulation.

В последние годы беспилотные летательные аппараты (БПЛА) активно внедряются в разные сферы. Их ключевая функция – визуальное наблюдение с помощью качественной фото- и видеоаппаратуры на разных высотах, что позволяет обследовать обширные и труднодоступные территории.

БПЛА эффективны на всех этапах оперативно-разыскной и поисковой деятельности. Их оперативное применение по горячим следам помогает выявить преступников или следы правонарушения через анализ видеотрансляции. Функциональная ценность БПЛА заключается в обследовании сложных участков, таких как болота или горно-лесистая местность, часто используемых для сокрытия преступлений.

Кроме того, БПЛА незаменимы для полной фиксации территорий, помещений и строений, особенно когда требуется качественная съемка с высоты, трудноосуществимая другими методами [2].

Правовой основой применения БПЛА полицией является ч. 3 ст. 11 Федерального закона № 3-ФЗ «О полиции», разрешающая их использование для документирования обстоятельств преступлений, правонарушений и происшествий, а также для фиксации действий сотрудников.

В системе МВД России эксплуатацией БПЛА занимаются подразделения эксплуатации робототехнических комплексов и беспилотных воздушных судов в составе региональных центров информационных технологий, связи и защиты информации. Обычно это малочисленные группы (около трех сотрудников), что ограничивает масштабы применения БПЛА.

Взаимодействие данных подразделений с оперативными регулируется приказом МВД России от 26 декабря 2024 г. № 955 «Об утверждении Инструкции по организации использования робототехнических комплексов и беспилотных воздушных судов в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации», утвердившим единую инструкцию. Ранее этот процесс определялся локальными актами через заявки на полеты и не был унифицирован [5]. Согласно данной инструкции, использование БПЛА в оперативно-разыскных мероприятиях допустимо с учетом их назначения, технических характеристик и требований безопасности.

Стандартно заявка подается за пять рабочих дней. В неотложных случаях решение принимает руководитель территориального органа МВД России, имеющего соответствующее подразделение, с последующим оформлением документов в течение 24 часов после полетов.

Территориальный орган МВД России, не имеющий такого подразделения, может запросить помощь ближайшего органа на региональном уровне, после чего оформляется заявка через электронный сервис документооборота МВД России или на бумажном носителе.

В Управлении МВД России по Хабаровскому краю используются беспилотные системы иностранного производства: мультикоптеры DJI Mavic 3T, DJI Matrice 30T, DJI Matrice 300; самолетного типа с вертикальным взлетом и посадкой Autel Dragonfish Lite [5].

Выбор типа аппарата зависит от задачи. БПЛА самолетного типа обладают большей дальностью и продолжительностью полета, что оптимально для мониторинга обширных зон. Квадрокоптеры более маневренны, способны зависать, что ценно в городской среде и для точных операций.

В 2024 г. работа строилась на основе разовых и длительных (до месяца) заявок на полеты. При содействии отделения эксплуатации робототехнических комплексов и беспилотных воздушных судов в 2024 г. было возбуждено 6 уголовных дел, за 4 месяца 2025 г. – 3. Все полеты проводились в рамках такого оперативно-разыскного мероприятия, как наблюдение. Около 92 % вылетов были связаны с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков. Основные задачи – наблюдение за местами произрастания растений, хранения наркотиков, фиксация обстановки и действий лиц, проверка информации о таких растениях в труднодоступных районах.

Подразделение также привлекалось к видеосъемке строевых мероприятий для создания отчетных, новостных и учебных материалов. Для поиска потерявшихся людей отделение не привлекалось.

Еще одно направление – борьба с браконьерством. БПЛА повышают эффективность обнаружения нарушителей и фиксации нарушений, способствуя сохранению рыбных ресурсов [1]. В период массового хода лососевых (август – октябрь) с их помощью ведут мониторинг рек и озер для обнаружения стоянок и точек обработки рыбы.

Несмотря на ограничения воздушного пространства, применение БПЛА, оснащенных камерами высокого разрешения и тепловизорами, значительно повышает эффективность контроля, позволяя обнаруживать нарушителей ночью и в условиях плохой видимости [3].

Для выявления незаконной рубки леса в крае применяются БПЛА самолетного типа. Их задачи – аэромониторинг лесных массивов, сканирование территории сенсорами для обнаружения мест рубок, фиксация времени и координат

нарушений, а также обнаружение дорог для вывоза леса [4]. За первый год такой работы было установлено более 50 нарушений и были задержаны виновники. Это доказало эффективность БПЛА как инструмента защиты окружающей среды и снижения ущерба лесному хозяйству.

Однако применение БПЛА для борьбы с браконьерством и незаконными рубками в Хабаровском крае носит единичный, несистемный характер, несмотря на техническую оснащенность.

Использование беспилотных летательных аппаратов обладает значительным потенциалом для повышения эффективности и безопасности деятельности полиции, тем не менее, требует тщательного правового регулирования и контроля для предотвращения злоупотребления. При грамотном подходе БПЛА могут стать важным инструментом противодействия преступности.

Список источников

1. Вафин Д. Х., Абсалямов А. Р. К вопросу перспектив развития и применения беспилотных авиационных систем с беспилотными летательными аппаратами // Инновационные научные исследования в современном мире. Уфа, 2024. С. 75–81.
2. Гаужаева В. А., Иноземцев С. В. Применение беспилотных летательных аппаратов при проведении первоначальных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий // Право и управление. 2023. № 2. С. 117–120.
3. Котельников А. Ю. Актуальные вопросы подготовки операторов беспилотных летательных аппаратов к управлению беспилотными летательными аппаратами // Роль и место робототехнических комплексов в силовых структурах Российской Федерации, пути их развития и проблемные вопросы. Пермь. 2021. С. 82–87.
4. Куян Д. Н., Курлаев Н. В. Беспилотные воздушные суда в составе беспилотной авиационной системы // Наука. Промышленность. Оборона: тр. XXIV всерос. науч.-техн. конф. Новосибирск. 2023. С. 169–172.
5. Чемарёв Д. В. Некоторые аспекты применения беспилотных летательных аппаратов в деятельности органов внутренних дел // Актуальные проблемы науки и практики. Хабаровск. 2023. С. 57–63.

Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки и практики. К 80-летию окончания Второй мировой войны (1939–1945 годы)» (3 сентября 2025 года)

УДК 947.085.33

УЧАСТИЕ 52-го САХАЛИНСКОГО МОРСКОГО ПОГРАНИЧНОГО ОТРЯДА НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОСВОБОЖДЕНИИ САХАЛИНА В АВГУСТЕ 1945 ГОДА

***А. Л. Анисимов**, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации*

В статье рассматривается участие 52-го Сахалинского морского пограничного отряда Народного комиссариата внутренних дел в освобождении Сахалина в период проведения Сахалинской наступательной операции, командование 2-го Дальневосточного фронта в августе 1945 г. Анализируются приоритетные задачи, поставленные командованием перед отрядом. Показаны исключительные образцы мужества, отваги, чекистской находчивости и решительности, проявленные бойцами и командирами 52-го Сахалинского пограничного отряда, в боях с японскими самураями пограничники Сахалинского морского отряда с честью и достоинством выполнили свой священный долг перед Родиной.

Ключевые слова: Народный комиссариат внутренних дел, Сахалин, Советско-японская война 1945 года, Сахалинская наступательная операция, морской пограничный отряд.

PARTICIPATION OF THE52ND SAKHALIN MARINE BORDER DETACHMENT OF THE NKVD IN THE LIBERATION OF SAKHALIN IN AUGUST 1945

***A. L. Anisimov**, professor of the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation*

The article examines the participation of the 52nd Sakhalin Naval Border Detachment of the People's Commissariat of Internal Affairs in the liberation of Sakhalin during the Sakhalin offensive operation of the 2nd Far Eastern Front command in August 1945. It analyzes the priority tasks set before the detachment by the command. It shows exceptional examples of courage, bravery, Chekist resourcefulness and determination demonstrated by the soldiers and commanders of the 52nd border detachment. In battles with Japanese samurai, the border guards of the Sakhalin Naval Detachment fulfilled their sacred duty to the Motherland with honor and dignity, showed examples of valor, courage, heroism, and selfless devotion to the Soviet people.

Keywords: People's Commissariat of Internal Affairs, Sakhalin, Soviet-Japanese War of 1945, Sakhalin offensive operation; naval border detachment.

На период проведения Сахалинской наступательной операции командование 2-го Дальневосточного фронта определило 52-му Сахалинскому морскому пограничному отряду несколько приоритетных задач. Чтобы обеспечить развертывание боевых действий частей Красной армии, пограничникам предстояло в установленное время первыми перейти государственную границу, уничтожить погранполицейские посты и управления, боем разведать укрепления противника, его силы и систему огня, ликвидировать мелкие группы противника на флангах наступающей советской группировки [6, с. 882].

10 августа 1945 г. войска 16-й армии генерал-лейтенанта А. У. Черемисова получили приказ командующего 2-м Дальневосточным фронтом о переходе в наступление силами 56-го стрелкового корпуса. Сахалинский пограничный отряд, находившийся в оперативном подчинении командарма, получил несколько скорректированную задачу – «продолжать охрану государственной границы на всем ее протяжении, в том числе по западному и восточному побережью Северного Сахалина и не допускать высадки десантов противника; на сухопутном участке протяженностью 131,5 км охранять границу, где не будут развертываться

боевые действия частей и соединений 56-го стрелкового корпуса, при переходе ими границы выделить стрелковым ротам проводников-пограничников, хорошо знающих местность и расположение огневых точек укрепленного района противника».

Жители поселка Пильво азиатской внешности, Житенев и мужчина по национальности якут, переодевшись, уходили на японскую сторону и приносили ценные сведения для пограничников [4].

11 августа 56-й стрелковый корпус генерал-майора А. А. Дьяконова перешел в наступление в направлении Котон, Китон, Ками-Сикука, Найро, стремясь прорвать оборону японцев в Котонском укрепленном районе и очистить от врага весь Южный Сахалин. Командование пограничного отряда для более оперативного руководства подчиненными подразделениями и организации взаимодействия с наступающими частями соединения создало оперативный штаб из офицерского состава управления отряда. Местом его дислокации стала пограничная застава «Хандаса» [3, с. 203–204].

В целом с 9 по 21 августа 1945 г. сахалинские пограничники провели 22 частные специальные пограничные операции. Целью семи из них была ликвидация японских погранполицейских гарнизонов, в ходе пятнадцати осуществлялась разведка маршрутов выдвижения вглубь Южного Сахалина и находящихся там неприятельских войск, их состава и боевых порядков [6, 882].

С началом боев частей 79-й горно-стрелковой дивизии за передовой опорный пункт «Хонда», имевший важное значение для дальнейшего продвижения соединения, пограничному отряду была поставлена задача 12 августа ликвидировать погранполицейский гарнизон «Амбецу», чтобы исключить возможность высадки японских войск с моря и проведения ими контратаки по правому флангу частей корпуса, наступавших на позиции укрепленного района.

В целях выполнения поставленной задачи начальник 52-го Сахалинского морского пограничного отряда полковник Н. Д. Лукашенков сформировал оперативную группу численностью 55 пограничников во главе с начальником 1-го отделения штаба части капитаном Г. С. Супруновым [3, с. 204], усилив ее двумя катерами типа «Малый охотник-4» ПК-61 и ПК-64 (под командованием капитан-лейтенанта Рожкова и старшего лейтенанта Саженова), командир дивизиона капитан-лейтенанта В. П. Зайченко поднял свой флаг на ПК-64 [1; 2, с. 157]. В самые опасные минуты он не покидал мостика, всегда был примером для подчиненных [5, с. 2]. Учитывая значение, масштаб и сложность предстоящих действий, группа получила дополнительное усиление – 150 военнослужащих из состава 56-го стрелкового корпуса [6, с. 882]. Основу вражеского гарнизона составлял личный состав погранполицейского управления и подчиненного ему поста.

В ночь на 12 августа усиленная оперативная группа пограничников сосредоточилась на исходном рубеже у линии государственной границы. На вооружении отряда капитана Супрунова имелось 6 станковых и 14 ручных пулеметов, один 82-мм и два 50-мм миномета, 85 автоматов и 80 винтовок. В 04:00 с командного пункта отряда поступил сигнал о переходе государственной границы и начале выполнения приказа.

Японцы занимали выгодную позицию. Их гарнизон располагался непосредственно в поселке Амбецу, построенном вблизи линии границы на склонах высоты. Восемь десятков японских солдат и офицеров были вооружены четырьмя тяжелыми и шестью легкими пулеметами, четырьмя гранатометами, винтовками и гранатами, располагали большим запасом боеприпасов. Гарнизон обеспечивался телефонной связью с полицейскими постами и соседними гарнизонами. Но главным препятствием считались хорошо оборудованные оборонительные сооружения в виде траншей и окопов с ходами сообщений и пулеметными ячейками. Среди японских пулеметчиков была даже девушка. Эти «кукушки» на юге Сахалина не были смертниками, прикованными к дереву, как на Харамитогах. Пулеметчики в Амбецу, как только видели вскинутые на них автоматы, камнем падали с дерева при помощи веревки и скрывались в чаще [4].

Гарнизон Амбецу ждал нападения советских войск. Весь его личный состав не первый день находился в полной боевой готовности, практически не покидая окопов, дотов и дзотов, других оборудованных огневых точек и оборонительных позиций. О факторе внезапности для обеих сторон не могло быть и речи.

У японцев была хорошо поставлена разведка. Например, когда в пограничном поселке Пильво, расположенном на берегу Татарского пролива у 50-й параллели, отделявшей северный Сахалин от южного, после освобождения Амбецу вели в комендатуру пленного японца, ему хотели завязать глаза, но он по-русски ответил: «Не надо мне завязывать глаза. Я хорошо знаю, где что у вас» [4].

Советская оперативная группа атаковала неприятеля в лоб, находясь у него как на ладони. Личному составу пограничных и стрелковых подразделений оставалось надеяться только на силу своего оружия, высокий боевой дух, слаженность действий и стремление уничтожить врага.

Противник подпустил бойцов оперативной группы на близкое расстояние и открыл по ним сильный ружейно-пулеметный огонь. Главную опасность для наступавших представляли японские пулеметы, располагавшиеся на крыше полицейского поста.

Установленным сигналом капитан Супрунов вызвал огонь артиллерии пограничных катеров по зданию поста. Умело используя данные корректировщиков огня Саенко и Еременко, за 10 минут артобстрела они подавили огневые средства неприятельского гарнизона.

Основное здание поста получило повреждения и загорелось. Японским полицейским пришлось выбегать из него, спасаясь от пожара и разрывов советских артиллерийских снарядов. Здесь в бой вступили пулеметчики и автоматчики оперативной группы. Противник нес потери, но продолжал держаться за свой рубеж, к тому же неприятельские доты не позволяли пограничникам ускорить падение вражеского гарнизона [6, с. 205–206].

В ходе операции многие бойцы и командиры показали исключительные образцы мужества, отваги, чекистской находчивости и решительности. Командир отделения ефрейтор Плотников и его подчиненный красноармеец Куприн, прикрывая друг друга огнем, подползли к одному из дотов, точно метнули в его амбразуру гранату и уничтожили пулеметный расчет. Пулемет они захватили в качестве трофея, а ящики с несколькими тысячами патронов к нему подорвали.

Четыре часа шел бой за населенный пункт. Неприятель вынужден был оставить его и переместиться на скаты высоты, где располагались заранее оборудованные оборонительные позиции. На новую цель Супрунов тоже вызвал артиллерийский огонь пограничных катеров. При атаке очередного рубежа отличился ефрейтор Черевенко, который обнаружил позицию замаскированного вражеского пулемета. Используя складки местности, он бесшумно подполз к огневой точке на близкое расстояние и практически в упор расстрелял пулеметный расчет, сохранив жизнь многим своим боевым товарищам. Также смело, грамотно и умело действовали в бою старшина Быков, сержанты Богданов и Шепляков, ефрейтор Комолов, рядовые Бабаханов и Бжафаров.

Перевес оказался на стороне советской сводной оперативной группы. Оставшиеся в живых защитники поста, бросив своих раненых и убитых, прекратили сопротивление и бежали в тайгу. Задача командования была выполнена. Личный состав, участвовавший в операции, вернулся в свои подразделения и приступил к выполнению прямых должностных обязанностей [6, с. 883; 3, с. 205–207].

По итогам того трудного боя капитан Супрунов доложил: «Вражеский гарнизон разгромлен. Сожжены здания погранполицейского управления и поста, 8 складов с боеприпасами, склад с продовольствием и обозно-вещевым имуществом. Захвачены трофеи – оружие, боеприпасы, различное военно-специальное имущество. Шесть полицейских взяты в плен» [6, с. 883]. Подобным образом складывались боевые пограничные операции и на других участках границы.

15 августа капитан Супрунов получил приказ возглавить новую оперативную группу с задачей – уничтожить японский погранполицейский пост «Кире», выставленный в 9 км южнее границы. Теперь начальник отряда и штаб сформировали оперативную группу в составе 92 пограничников и 36 военнослужащих Красной армии. В группу вошло и немало тех испытанных

бойцов и командиров, с кем Супрунов брал гарнизон «Амбецу». В их числе, например, были замполит комендатуры «Пильво» лейтенант Г. В. Сяузов, сержант Шепляков и многие другие.

Имея за плечами боевой опыт по ликвидации вражеских гарнизонов, штаб отряда и лично Супрунов постарались учесть недостатки «Амбецу». Тем более, что у новой цели имелись свои особенности. Разработанный ими план предусматривал частью сил оперативной группы наступать на вражеский объект с фронта, а двумя другими группами зайти противнику во фланг и тыл, отрезав ему все пути отхода. Конечная цель операции заключалась в том, чтобы полностью уничтожить или пленить личный состав вражеского подразделения, не позволить ни одному японскому солдату или офицеру уйти в тайгу, отступить от границы южнее.

В 16:00 ч 15 августа 1945 г. вся оперативная группа перешла государственную границу и начала выполнение боевой задачи. Взвод пограничников во главе с заместителем коменданта по политчасти лейтенантом Сяузовым, действуя на главном направлении, преодолев все трудности на пути, достиг расположения поста. К нему присоединилась вторая группа пограничников во главе с лейтенантом Мищенко [6, с. 884]. Они смогли приблизиться к объекту атаки на 20–30 м.

Выдвигаться к вражескому посту оперативной группе пришлось по горно-таежной местности, изрезанной глубокими оврагами и распадками. Скаты преодолеваемых советскими воинами многочисленных высот и отрогов оказались покрыты зарослями бамбука, камышом, густым лесом.

Сам объект предварительно разведан не был. На подходе к посту пограничники установили, что он обустроен в долине реки Пилевка, покрытой редкими лесом, кустарником, очень высокой травой и другой растительностью, образующей сплошные заросли, перемежающиеся с непролазными буреломами. Дороги и тропы к посту обнаружить практически не удалось. Грунт вокруг был болотистым и топким, подступы к цели прикрывала Пилевка.

Японский часовой, несший службу на вышке, заметил обе группы и поднял пост по тревоге. Советским воинам ничего не оставалось как атаковать неприятеля в лоб. Однако японцы к тому времени заняли окопы и открыли огонь. В эти первые минуты боя решающее значение имел вражеский пулемет, установленный на чердаке основного здания поста.

Офицеры приняли решение забросать противника гранатами, расстояние позволяло это сделать, расчет оказался правильным. Пограничники израсходовали практически весь запас гранат, но теперь сопротивление неприятеля значительно ослабло. К тому же сержант И. Я. Вороной со своим отделением уничтожил противника, засевшего в доте. Это было не последнее решительное действие младшего командира в той схватке. С риском для жизни

он ворвался в горящее здание поста, нашел офицерскую комнату и обнаружил в ней важные служебные документы. Осколки разорвавшейся гранаты срезали с ремня сержанта подсумок с боеприпасами, касательно поранили лицо. В довершении всего пожар отрезал Вороному выход из здания. Но он сумел выпрыгнуть через окно с оружием и вражескими документами в руках [3, с. 208; 6, с. 884].

Невероятную отвагу проявил сержант Лысенко, который в начале атаки штурмовых групп находился в составе группы блокирования. Под прикрытием автоматного огня своих товарищей сержант, невзирая на смертельную опасность, взобрался на телефонный столб и перерезал 17 пар телефонно-телеграфных проводов, уходивших с вражеского поста. С потерей связи противник лишился и всякой надежды на помощь.

Пулеметным и автоматным огнем подчиненные капитана Супрунова поставили победную точку в этом бою: 20 полицейских были ликвидированы. Ни один не смог уйти с поста. Воины в зеленых фуражках уничтожили имевшиеся на объекте радиостанции, 4 пулемета, взорвали склад с боеприпасами. Сгорели и все постройки объекта. В схватке с врагом в тот день также отличились сержанты Шепляков, Ардамаков, Львов и другие.

Подобные образцы мужества, отваги и героизма показывали пограничники 52-го пограничного отряда и при ликвидации японских погранполицейских постов «Вампаку», «Чисио», «Чирингай». «Эннай», полицейского управления «Ассасэ» [6, с. 209–210].

При ликвидации полицейского управления «Ассасэ» отличился минометчик старший сержант А. В. Иванов. В условиях большой опасности, не меняя огневой позиции, со своим расчетом он поражал огневые точки противника, за что в последующем был награжден медалью «За отвагу». Такой же награды удостоился ефрейтор М. С. Громов, который проявил свои лучшие боевые качества при ликвидации погранполицейских постов «Вампаку» и «Чисио». Под огнем противника отважный воин проделывал проходы в проволочных заграждениях и первым врывался на территорию вражеских объектов, разя противника из своего оружия. Он не раз участвовал в разведке маршрутов на занятой врагом территории, проявляя выносливость и бесстрашие при выполнении боевых задач [3, с. 210–211].

Разведка маршрутов вглубь Южного Сахалина и уничтожение мелких групп противника в тылу и на флангах действующих частей Красной армии в августе 1945 г. являлась важным элементом служебно-боевой деятельности воинов границы [6, с. 884]. Многие пограничники участвовали в боевых действиях Красной армии в качестве проводников и действовали отважно, смело и решительно, показывая пример бесстрашия, мужества и героизма, в первых рядах уходя навстречу смертельной опасности. В общей сложности 52-й

пограничный отряд выделил в передовые части стрелкового корпуса в качестве проводников 55 пограничников сержантского и рядового состава. Практически все армейские командиры отмечали их смелость, профессионализм и отвагу.

Один из командиров разведывательного подразделения Красной армии так сказал о проводниках-пограничниках Скрылеве и Нигматулине: «Это настоящие неутомимые и бесстрашные следопыты-разведчики». За умелые действия им была объявлена благодарность. Высокую оценку также получили пограничники Грядушкин, Киприк, Зюзин и многие другие.

За время боевых действий на острове Сахалин Ордена Ленина Сахалинским морским пограничным отрядом Народного комиссариата внутренних дел были ликвидированы 2 средних и 9 малых погранполицейских подразделений японцев, взято три крупных населенных пункта, в том числе Амбецу, Эннай и Асасэ. Отряд принимал участие в совместных операциях с частями Красной армии по взятию трех крупных населенных пунктов – Хандаса, Эрукунай и Кетой [6, с. 648].

В боях против японских империалистов пограничники отряда показали себя достойными сынами советского народа, верными патриотами своей Родины. Вот имена отдельных воспитанников отряда, показавших примеры высокой боевой выучки, чекистской находчивости, отважных действий.

Лейтенант Сяузов Георгий Васильевич – заместитель коменданта погранкомендатуры Пильво по политчасти. Сяузов заслужил любовь и уважение бойцов и офицеров отряда. 12 и 16 августа он командовал группой пограничников в 35–40 человек при ликвидации полицейского управления и постов в Амбецу и Кире. Возглавляемая им группа действовала на самых ответственных и решающих направлениях, смело выходя в тыл укрепленных пунктов врага. В бою всегда находился впереди и личным примером увлекал бойцов. Например, японцы, оборонявшие полицейский пост Кире, яростно сопротивлялись, ведя интенсивный огонь из винтовок и пулеметов из окон чердака. Сяузов приказал пулеметчикам сосредоточить огонь по вражеским пулеметам, а когда наступил решающий момент боя, с возгласом «Коммунисты, за мной, вперед!» первым бросился на штурм. В едином порыве, увлеченные личным примером офицера-коммуниста, бойцы отважно ринулись на врага. В короткой, но ожесточенной схватке враг был полностью уничтожен. Сяузов был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Среди многих смельчаков, проявивших мужество в боях с самураями, первым нужно назвать имя Ивана Яковлевича Вороного, скромного, простого русского человека, отважного и бесстрашного воина-чекиста. 16 августа 1945 г. в группе лейтенанта Сяузова сержант Вороной проявил мужество, отвагу и храбрость – качества, достойные воина Красной армии. Под сильным ружейно-пулеметным огнем Вороной первым ворвался в помещение полицейского поста,

в котором засела группа японских полицейских со станковыми пулеметами, зажег его, оказав этим большую помощь в быстрейшей ликвидации сопротивления самураев. В разгар боя, когда к группе Сяузова подходила поддержка, огневая точка врага открыла огонь, мешая продвижению наших бойцов. Вороной повел свое отделение, блокировал дзот и гранатами уничтожил пулемет и засевших в дзоте японцев. Этим он обеспечил быстрое продвижение наших штурмовых групп. Находясь в горящем здании полицейского поста, в котором все еще оборонялись японцы, Вороной, выполняя боевой приказ, с риском для жизни разыскал секретные документы, имевшие важное значение для командования. Осколками гранаты у него срезало подсумок, касательным осколком он был ранен в лицо, но ничто не могло остановить храбреца, верного присяге воина, только выполнив приказ Вороной выскочил через окно горящего здания.

Старший сержант Иванов А. В. 13 августа 1945 г. участвовал в боевой операции по разгрому и ликвидации полицейского управления в пос. Ассасэ. Во время этой операции показал себя смелым, мужественным и волевым младшим командиром, прекрасно владеющим своей техникой. Из своего миномета Иванов вел меткий уничтожающий огонь по опорным пунктам врага, подавляя огневые точки противника, чем обеспечил успешное продвижение вперед штурмовых групп пограничников. Когда группы приготовились к атаке и штурму опорного пункта врага, он присоединился к штурмующим и своими действиями воодушевлял бойцов на смелость и решительность. За мужество, проявленное в бою, Иванов награжден медалью «За отвагу».

Ефрейтор Громов Михаил Степанович с 17 по 21 августа 1945 г. принимал участие в боевых операциях по ликвидации полицейских японских постов Вампаку и Чисио, показал себя исключительно смелым, мужественным и решительным воином. Первым подполз к проволочным заграждениям, проделал проходы в них и ворвался в расположение опорного пункта противника, увлекая за собой остальных бойцов. Находясь в разведке, действовал умело и решительно, за что заслужил любовь и уважение своих бойцов и офицеров. В трудных условиях горно-лесистой местности, совершая переход через лес и заболоченную тундру, Громов зарекомендовал себя выносливым воином, для которого не страшны никакие преграды. Громов награжден медалью «За отвагу».

Серьезный экзамен выдержали пограничники-связисты нашего отряда. В сложной боевой обстановке они поддерживали непрерывную радио- и телефонную связь действующих на территории врага групп с командованием отряда, чем в значительной степени способствовали выполнению боевых задач по ликвидации пограничных полицейских постов. Старший сержант Алексеев Василий Иванович, сержант Лысенко Федор Макарович, младший сержант Фадеев Федор Иванович, старший сержант Малиновский Константин Михайлович,

красноармеец Ливада Иван Сергеевич, Никифоров Дмитрий Павлович участвовали в боевых операциях по ликвидации полицейского управления и поста в пос. Амбецу и полицейского поста Кире. Их самоотверженность, храбрость, преданность Родине, прекрасное знание своего дела стали примером для всех связистов 52-го пограничного отряда.

Старший сержант Малиновский участвовал в боевых операциях по ликвидации японского полицейского управления и постов Амбецу и Кире, обеспечил бесперебойной телефонной связью весь ход операции. Под сильным ружейно-пулеметным огнем противника с группой связистов проложил телефонно-полевой кабель. Неоднократно под огнем врага устранял повреждения на линии. Выполняя задание по проверке линии, присоединился к подразделению Красной армии и личным примером храбрости воодушевил бойцов на решительную атаку и штурм полицейского поста.

Сержант Лысенко обеспечил бесперебойной телефонной связью всех командиров действующих подразделений. В решительный момент боя по ликвидации полицейского поста Кире осколком мины был поврежден телефонный аппарат. Под градом пуль, под сильным минометным, пулеметным и ружейным огнем Лысенко на месте отремонтировал аппарат и восстановил телефонную связь. Выйдя с группой бойцов в тыл врага для уничтожения проволочной связи, Лысенко, невзирая на смертельную опасность, забрался на телефонный столб и, прикрываемый автоматчиками, перерезал 17 пар телефонно-телеграфных проводов. Выполнив задание, Лысенко возвратился к своим, чтобы через несколько минут снова идти на линию для обеспечения связи командования отряда с действующими группами.

При выполнении боевого приказа командования разведать дорогу, связывающую полицейские посты Хандаса, Иманаи, Кире, установить силы врага и дать точные данные пограничным группам для уничтожения противника отличились разведчики сержанты Андриененко и Грибов. Головной дозор разведгруппы, в которой находился Андриененко, был окружен японскими полицейскими. Андриененко умело организовал оборону и так распределил огневые средства, что японцы были лишены возможности близко подползти к группе. Когда японский полицейский пытался захватить труп убитого пограничника Булатова, Андриененко, вскинув автомат, метким выстрелом сразил его.

Нужно было прорваться из кольца окружения. Когда группа старшины Лавриненко стала прорывать кольцо вражеского окружения, вынося с собой тело убитого пограничника Булатова, Андриененко, заняв удобную для обстрела позицию, огнем своего автомата один прикрыл отходящую группу. Когда был дан приказ об отходе его группы, Андриененко, правильно сочетая огонь с движением,

без потерь вывел свою группу и вынес из тайги на нашу сторону раненого пограничника Рябошапку.

Также мужественно действовал, находясь в разведке, Грибов. 15–16 августа Грибову вместе с группой пограничников была поставлена боевая задача на разведку противника. Выполняя возложенную на него задачу, головной дозор, в составе которого действовал Грибов, в узком дефиле был окружен превосходящими в несколько раз группами японских полицейских. Под сильным огнем врага, выполняя обязанности связного головного дозора, Грибов неоднократно переносил донесения и приказы. Хорошо ориентируясь в незнакомой местности, искусно маскируясь, Грибов нащупал слабые места в кольце вражеского окружения и, когда был дан приказ на прорыв, первым бросился на врага, увлекая за собой остальных бойцов. Решительным броском вперед и огнем своего автомата сержант Грибов облегчил выход группы пограничников из окружения [6, с. 885–887].

Приказом И. В. Сталина от 24 августа 1945 г. 52-му Морскому пограничному отряду было присвоено почетное наименование «Сахалинский», а всему личному составу отряда объявлена благодарность.

За отличное выполнение боевых заданий командования в боях против японских захватчиков свыше 200 солдат, сержантов и офицеров отряда награждены боевыми орденами и медалями Союза Советских Социалистических Республик. Кроме того, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1945 г. весь личный состав отряда награжден медалью «За победу над Японией».

В боях с японскими самураями пограничники Сахалинского морского отряда с честью и достоинством выполнили свой священный долг перед Родиной, показали образцы доблести, мужества, героизма, беззаветной преданности советскому народу.

Ратные подвиги воинов-пограничников 52-го Сахалинского отряда Народного комиссариата внутренних дел золотой страницей вписаны в летопись истории пограничных войск.

Список источников

1. 52-й Сахалинский морской пограничный отряд // LIVEJOURNAL: [сайт]. URL: https://alt-variants.livejournal.com/3338.html (дата обращения: 23.06.2025).
2. Вишневский Н. В. Сахалин и Курильские острова в годы Второй мировой войны: краткий энциклопедический справочник. Изд. 3, доп. Южно-Сахалинск: Символ ДВ – Сахалин, 2016. 267 с.
3. В тени Великой Победы. Пограничные войска в Советско-японской войне 1945 года / К. Н. Маслов, Ю. Б. Семенов, А. А. Слободянюк. М.: Граница, 2022. 708 с.

4. Ефремова В. А. Война за Сахалин в моей памяти (воспоминания очевидца) // IV Рыжковские чтения: материалы науч.-практ. конф. / ГБУК СахОУНБ, отдел краеведения. Южно-Сахалинск, 2009. С. 36–41.
5. Кагальницкий В. Возвращенная земля // Советский Сахалин. 1986. 3 сентября. С. 2.
6. Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Сборник документов / Редколлегия: П. И. Зырянов (главный редактор), Л. С. Гапоненко, Г. И. Заболотный, Д. И. Куртов, А. М. Самсонов, Е. В. Цыбульский, Д. А. Чугаев (заместитель главного редактора), А. И. Чугунов; сост.: А. И. Чугунов (руководитель группы), Т. Ф. Каряева, Е. В. Сахварова, В. А. Червяков, А. Н. Шестопалова. М.: Наука, 1968. 708 с.

УДК 947.085.33

ПАТРИОТИЗМ МОНГОЛИИ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЗАИМОПОМОЩИ

***Батболд Галбадрах**, начальник кафедры социальной работы и психологии Института службы исполнения судебных решений Университета внутренних дел г. Улан-Батор, Монголия, кандидат юридических наук, доцент*

В статье рассматривается роль Монгольской Народной Республики (МНР) в оказании помощи Союзу Советских Социалистических Республик (СССР) в ходе Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Особое внимание уделено экономической, материальной и военной поддержке, а также духовно-политическому союзу двух стран. В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) Монголия, несмотря на свои ограниченные ресурсы, оказала значительную материальную, финансовую и моральную поддержку Советскому Союзу. Данная статья раскрывает масштабы этой помощи, ее формы, значение для фронта и последствия для дальнейших советско-монгольских отношений.

Ключевые слова: Монголия, Союз Советских Социалистических Республик, Великая Отечественная война, помощь, поставка скота, союзнические отношения, фронт.

MONGOLEAN PATRIOTISM DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: A HISTORICAL ASPECT OF COOPERATION

***Batbold Galbadrakh**, head of the Department of Social Work and Psychology at the Institute of Judicial Enforcement at the University of Internal Affairs in Ulaanbaatar, Mongolia, Lieutenant Colonel, Candidate of Law, Associate Professor*

The article examines the role of the Mongolian People's Republic (MPR) in providing assistance to the Union of Soviet Socialist Republics (USSR) during the Great Patriotic War (1941–1945). Special attention is given to the economic, material, and military support, as well as

the spiritual and political alliance between the two countries. During the Great Patriotic War (1941–1945), Mongolia, despite its limited resources, provided significant material, financial, and moral support to the Soviet Union. This article reveals the scale of this assistance, its forms, its significance for the front, and the consequences for further Soviet-Mongolian relations.

Keywords: Mongolia, Union of Soviet Socialist Republics, Great Patriotic War, assistance, livestock supply, allied relations, front.

Во время Великой Отечественной войны значительный патриотизм и поддержку проявила Монголия. С первых дней войны Монголия незамедлительно выразила поддержку Советскому Союзу в совместной борьбе против фашизма. Поддержка носила как политический, так и материальный характер, что имело огромное значение для советских войск, особенно в начальный период войны.

К примеру, были собраны и переданы десятки тысяч голов скота для снабжения фронта. Особое место занимала поставка лошадей. По оценкам историков, за годы войны Монголия передала Союзу Советских Социалистических Республик (далее – СССР) более 500 тысяч лошадей, которые использовались для транспортировки грузов, обеспечения снабжения в труднодоступных районах, тяги артиллерии, медицинской транспортировки раненых с поля боя и кавалерийских операций. Надежные монгольские лошади славились своей выносливостью и стали незаменимыми в условиях отсутствия автомобильной техники на ряде фронтов.

Помимо лошадей в СССР осуществлялась поставка крупного рогатого скота – для обеспечения продовольствием войск, овец – для производства шерсти и продовольствия, верблюдов – для перевозки грузов в пустынных и степных районах.

Кроме того, Монголия отправляла на фронт теплую одежду: ватные куртки, сапоги, одеяла, изготовленные из монгольской шерсти. Эти поставки играли особенно важную роль в суровые зимы войны, из Монголии поступило 237 вагонов с вещами и продовольствием: 1000 т мяса, 90 т масла, 80 т колбасы, 150 т кондитерских изделий, 30000 полушубков, 30000 пар валенок и 30000 меховых телогреек. Поставлялись шкуры, теплая одежда, шерстяные изделия. Тысячи тонн мяса и продуктов питания помогали обеспечивать питание солдат на передовой. В условиях дефицита ресурсов это было исключительно важно для поддержания боеспособности армии.

Летом 1941 г. был организован сбор средств на нужды фронта. Все слои населения Монголии участвовали в движении по оказанию помощи советскому

народу. Инициаторами сбора средств стали рабочие и служащие Улан-Баторского промкомбината и столичной теплоэлектростанции [11, с. 60]. Жители страны вносили в фонд помощи Красной армии деньги, золотые и серебряные украшения и другие ценности, теплую одежду, продукты питания. На местах были организованы бригады по заготовке пушнины и мяса. Женщины Монголии организовали работу сотен кружков, в которых изготовлялись теплые вещи для советских воинов. Многие стали донорами, добровольно сдавая кровь для раненых красноармейцев. Средства от субботников, организованных профсоюзами и молодежными организациями, вносились в фонд помощи Красной армии. Рабочие трудились сверхурочно, отказывались от выходных и отпусков, перевыполняли планы, а выпущенную продукцию и заработанные деньги передавали в фонд помощи. В каждой семье, во всех кочевьях собирали подарки фронтовикам. Послать подарок на фронт для советских воинов стало долгом для каждого труженика.

На собранные средства Монголии была построена танковая колонна «Революционная Монголия», были закуплены танки и самолеты, поступившие в состав Красной армии. 12 января 1943 г. 112-я Краснознаменная танковая бригада (впоследствии 44-я гвардейская) приняла колонну из 32 Т-34 и 21 Т-70. На башнях танков помимо названия колонны «Революционная Монголия» было указано, на чьи конкретно средства построена данная боевая машина.

Память об этих событиях сохраняется и в наши дни. В Монголии и России ежегодно проводятся мероприятия, посвященные сотрудничеству в годы Великой Отечественной войны.

Помощь Монголии СССР в годы Великой Отечественной войны стала одним из ярких примеров братства народов в борьбе против фашизма. Вопреки своим экономическим возможностям монгольский народ продемонстрировал величайшую солидарность, вклад которой остался в истории как свидетельство истинной дружбы двух народов.

Список источников

1. Архив Министерства иностранных дел Российской Федерации. Документы советско-монгольских отношений периода 1941–1945 гг.
2. Батболд Б. Монголия и Великая Отечественная война: новые исследования // Журнал «Монголоведение». № 2. 2020. С. 15–29.
3. История Монголии. Том III. Улан-Батор: Академия наук Монголии, 2003.
4. Кузнецов В. И. Монголия и Великая Отечественная война Советского Союза. М.: Наука, 1985.
5. Кучерена А. Г. Монголия в годы Второй мировой войны. М.: Восточная литература, 2000.
6. Письма и обращения монгольского народа к Советскому Союзу (1941–1945). М.: Издательство иностранных языков, 1946.

7. Соловьев А. И. Дружба, скрепленная кровью. М.: Мысль, 1976.
8. Степанов А. К. Вклад Монголии в Победу в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. № 6. 2010. С. 48–54.
9. Центральный государственный архив Монголии. Фонды, посвященные помощи СССР в годы Великой Отечественной войны.
10. Баабар Б. Монголия XX зууны манлайд. Улан-Батор: Nepko Publishing, 1996.
11. Лувсанбалдан Э. Дэлхийн II дайны үеийн Монгол Улс (Монголия во Второй мировой войне). Улаанбаатар, 2015. С. 60.

УДК 342.9

ПОМОЩЬ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК КИТАЮ В ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ ЯПОНСКИХ МИЛИТАРИСТОВ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И РЕАЛИЗАЦИЯ

***К. А. Власов**, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук*

В статье приводится анализ отдельных исторических фактов, нашедших свое закрепление в международных соглашениях между Союзом Советских Социалистических Республик и Китаем, имевших значительные последствия в борьбе с японским милитаризмом в годы Второй мировой войны, освобождением Дальнего Востока и укрепления дружеских отношений между союзными странами.

Ключевые слова: Союз Советских Социалистических Республик, Китайская Республика, Вторая мировая война, милитаризм, борьба с фашизмом, международный договор.

ASSISTANCE OF THE USSR TO CHINA IN THE LIBERATION FROM THE JAPANESE MILITARISTS DURING THE SECOND WORLD WAR: LEGAL BASIS AND IMPLEMENTATION

***K. A. Vlasov**, head of the Department of State and Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law*

The article provides an analysis of certain historical facts that were enshrined in international agreements between the USSR and China, which had significant consequences in the fight against Japanese militarism during World War II, the liberation of the Far East, and the strengthening of friendly relations between the allied countries.

Keywords: Union of Soviet Socialist Republics, Republic of China, World War II, militarism, and the fight against fascism, international agreement.

Летом 1937 г. на мосту Лугоуцяо вспыхнула перестрелка. Через несколько дней она уже стала войной между Китаем и Японией. Японцы шли вперед, падали один за другим крупные города. Маньчжурия у них была и раньше, а от их баз до советской границы – день пути.

Для Москвы это был прямой риск. Чем дольше Китай держит фронт, тем меньше шансов, что японцы двинутся на север. Но в открытую воевать тогда было опасно, на западе тоже сгущались тучи. Выход нашли в августе 1937-го: подписали договор о ненападении и начали тайно помогать оружием, техникой, специалистами.

Через Синьцзян шли эшелоны с вооружением. Вместе с грузами направлялись советские пилоты, механики, инженеры. На бумаге – добровольцы, на деле – военные профессионалы. В 1945 г. всё изменилось. Германия капитулировала, Союз Советских Социалистических Республик (далее – СССР) порвал пакт с Японией и за несколько недель разгромил Квантунскую армию. Северо-Восток Китая вернулся под контроль Пекина. История сотрудничества, начавшаяся в 1937 г., подошла к финалу.

1. Договор о ненападении 1937 года: старт международно-правовой конструкции.

В августе тридцать седьмого, уже на фоне боев под Пекином, в Нанкине встретились представители СССР и Китайской Республики. Подписали договор о ненападении, короткий текст, без лишних страниц, но с важными для обеих сторон условиями: не воевать друг с другом, споры решать переговорами и не связываться с союзами, направленными против партнера. Для Москвы договор был страховкой от неожиданного конфликта на два фронта. Для Китая – сигналом, что с севера помощи ждать можно. Этот документ сразу стал прикрытием для других шагов: кредитов, поставок оружия, отправки специалистов. После подписания дело пошло быстро, в Китае наладили прямые каналы для согласований, и уже через несколько месяцев по ним пошли эшелоны с техникой, бочки с горючим, ящики с авиационными деталями. Формально – выполнение межгосударственных обязательств, фактически – подготовка к долгой совместной борьбе с Японией.

2. Кредитно-финансовая и военно-техническая помощь 1938–1939 гг.: механизмы и эффекты.

К концу тридцатых помощь Китаю уперлась в вопрос денег и поставок. СССР дал льготный кредит и тут же связал его с контрактами на оружие и технику. Процент минимальный, расчет сырьем и товарами, нужными советской промышленности. В Китай пошли эшелоны с истребителями, артиллерией, машинами, боеприпасами, радиостанциями. Вместе с грузами прибывали советники, инженеры, пилоты-добровольцы. Они учили китайских летчиков, настраивали противовоздушную оборону (далее – ПВО), помогали

организовать оборону городов и коммуникаций. Эта схема работала не разово. Четкие сроки и условия в договорах позволяли продолжать поставки, даже когда мировая обстановка менялась. Результат – замедленное японское продвижение и выигранное для Китая время.

3. Пакт о нейтралитете СССР – Япония 1941 г. и его денонсация в 1945 г.: правовой контекст для китайского направления.

Весной 1941 г., за два месяца до нападения Германии, Москва и Токио подписали пакт о нейтралитете. Для Сталина это был способ снять угрозу войны на два фронта: на западе уже пахло большой бедой, а восточные границы требовали тишины. Китай понимал – это не отказ от помощи, но крупные советские силы и ресурсы теперь уходят на европейское направление.

К началу 1945 г. ситуация перевернулась. Германия катастрофически проигрывала, а союзники настаивали на совместных действиях против Японии. 5 апреля в Токио отправили официальное уведомление о расторжении пакта. Процедуру провели без нарушений: уложились в сроки, соблюли форму, сделали всё так, как было прописано в тексте договора. После этого ничто уже не мешало вступить в войну на Тихом океане. Для Китая это означало скорое участие СССР в освобождении его северо-восточных территорий от японской оккупации.

4. Договор о дружбе и союзе 14 августа 1945 г. и сопряженные соглашения: институционализация союзных отношений.

Август 1945-го. На Дальнем Востоке война еще не завершена, но японская армия уже отходит. В Москве собираются представители СССР и Китая. Цель понятна – закрепить то, что достигнуто оружием, и заранее выстроить порядок на послевоенное время. Итогом стал Договор о дружбе и союзе. Документ не был просто декларацией – он фиксировал взаимную поддержку, уважение границ и готовность совместно реагировать на любые попытки возрождения японской агрессии. К договору приложили несколько отдельных соглашений. Одно касалось Порт-Артура: база переходила в совместное пользование, но при сохранении китайской гражданской власти.

В Порт-Артуре военные функции взяли на себя советские части, это обеспечивало надежную защиту базы и всего побережья. Город Далянь открыли как свободный порт, куда могли заходить суда разных стран, что оживило торговлю и дало толчок восстановлению местной экономики. Китайско-Чанчуньскую железную дорогу стороны решили пока вести совместно, но с условием: по окончании оговоренного срока она полностью переходила Китаю без какой-либо компенсации.

Такие решения рассматривались не как постоянная схема, а как временный порядок, нужный для первых лет после войны. В этот период нужно было вывести японские войска, наладить транспорт, восстановить снабжение и работу ключевых

объектов. Когда эти задачи решались, управление возвращалось исключительно под контроль Пекина.

5. Маньчжурская стратегическая операция (август 1945 г.): право, политика и военная практика.

К середине 1945 г. японцы всё еще удерживали северо-восток Китая. 8 августа СССР объявил им войну. На следующий день началось наступление.

Части Красной армии шли через перевалы Большого Хингана, занимали узлы дорог, перерезали связи. Флот высаживал десанты в портах. Манёвренные группы выходили в тыл, быстро разрушая оборону. Квантунская армия была разбита всего за несколько дней.

Сразу после боёв началось разоружение, закрывались учреждения оккупационной власти, полномочия переходили к китайским структурам. Железные дороги, порты и склады брали под контроль, чтобы возобновить снабжение. Договорённости, оформленные в Москве, заранее определили режим для Порт-Артура, Даляня и Китайско-Чанчуньской железной дороги. Благодаря этому не возникало споров между союзниками. Для Китая операция означала возвращение территории и ключевых объектов. Для СССР – безопасность на дальневосточных рубежах и подтверждение прочности союзных обязательств. Описанные события действительно оказали серьезнейшее значение и на расстановку сил, и на результаты борьбы с фашизмом и милитаризмом. Проанализируем правовые результаты и их долгосрочное значение.

За восемь лет, с 1937 по 1945 г., Москва и Нанкин выстроили цепочку договоров и соглашений, каждое из которых имело собственную задачу и при этом дополняло другие. Договор о ненападении зафиксировал политическую стабильность. Финансовые и поставочные соглашения превратили ее в материальную помощь – оружие, топливо, боеприпасы, специалистов. Пакт о нейтралитете с Японией дал СССР время сосредоточиться на войне в Европе; его расторжение весной 1945 г., проведённое строго по правилам, открыло путь к совместным действиям против Токио. Союзный договор августа того же года и приложения к нему – по Порт-Артуру, Даляню и Китайско-Чанчуньской железной дороге – задали чёткий порядок переходного периода и не допустили управленческого вакуума.

Для Китая эта конструкция была не просто дипломатией: она обеспечила оружие и технику, закрепила присутствие советских специалистов на законных основаниях и гарантировала, что важнейшие объекты вернутся под его контроль. Для СССР это значило надёжную защиту Дальнего Востока и отсутствие угрозы возрождения японских плацдармов. Уже в начале 1950-х гг. все объекты были переданы Пекину, что подтвердило исходный замысел – совместное управление как способ мягкого перехода от войны к миру.

Помощь СССР Китаю в войну не была ни случайной, ни импровизированной. Всё складывалось постепенно: сначала подписали договор о ненападении, потом пошли кредиты, эшелоны с техникой и добровольцы-специалисты. В 1945-м курс изменили, но сделали это строго по закону. Финальной точкой стал союзный договор и сопутствующие соглашения, позволившие без срывов разоружить японцев и вернуть под контроль ключевые территории.

Маньчжурская операция стала военным итогом всей этой линии – быстрый разгром Квантунской армии закрепил то, что было согласовано дипломатами. Китай вернул Северо-Восток и смог сразу заняться восстановлением, СССР получил надёжно защищённый Дальний Восток и уверенность в союзнике. Опыт тех лет показал: если дипломатия и сила работают вместе, можно не просто победить, а удержать мир на своих условиях.

Список источников

1. Договор о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой от 21 августа 1937 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. М.: Народный комиссариат иностранных дел СССР, 1938. Вып. XI. С. 15–17.
2. Кредитное соглашение между СССР и Китайской Республикой от 21 августа 1937 г. // Документы внешней политики СССР. М.: Политиздат, 1972. Т. 20. С. 78–80.
3. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией от 13 апреля 1941 г. и Протокол о продлении пакта // Сборник договоров СССР с иностранными государствами. М.: Госполитиздат, 1955. С. 312–315.
4. Договор о дружбе и союзе между СССР и Китайской Республикой от 14 августа 1945 г. // Документы внешней политики СССР. М.: Политиздат, 1985. Т. 28. С. 150–154.
5. Советско-японская война 1945 г.: сборник документов и материалов. М.: Воениздат, 1985. 520 с.
6. История Второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. М.: Воениздат, 1973–1982. Т. 10: Разгром империалистической Японии. 560 с.
7. Мельтюхов М. И. Советско-японские войны: военно-политическое противостояние в 1917–1945 гг. М.: Вече, 2011. 448 с.
8. Левин М. И. Маньчжурская операция. М.: Наука, 1985. 240 с.
9. Галенович Ю. М. СССР и Китай: союзники и соперники. М.: Восточная литература РАН, 2007. 384 с.
10. Пикунов А. И. Правовые основы советско-китайского сотрудничества в годы Второй мировой войны // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2015. № 4. С. 93–101.

УДК 37

ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1939–1945 ГОДОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИСКУССТВА. СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

***М. А. Григорян**, учитель истории и обществознания МОБУ ООШ № 99 г. Сочи имени Героя России Д. Д. Тормахова, Почетный работник общего образования Российской Федерации*

Основная идея статьи – сохранение исторической памяти народа о войне. Дается анализ произведений литературы и искусства. Статья характеризует единую сюжетную линию – подвиг советского народа, его героизм. Акцентируется внимание на такие нравственные ценности, как народный патриотизм, гражданская ответственность, духовное единство, благодаря чему была одержана Великая Победа.

Ключевые слова: патриотизм, гражданская ответственность, историческая память народа, ценность мира, великий подвиг, национальное единство.

THE HISTORY OF THE SECOND WORLD WAR OF 1939–1945 IN THE WORKS OF ART. PRESERVATION OF THE PEOPLE'S HISTORICAL MEMORY

***M. A. Grigoryan**, teacher of history and social studies at Secondary School No. 99 named after Hero of Russia D. D. Tormakhov in Sochi, Honored Worker of General Education of the Russian Federation*

The main idea of the article is to preserve the people's historical memory of the war. The article provides an analysis of literary and artistic works. The article describes a single storyline – the feat of the Soviet people and their heroism. It focuses on such moral values as national patriotism, civic responsibility, and spiritual unity, which contributed to the Great Victory.

Keywords: patriotism, civic responsibility, historical memory of the people, value of peace, great feat, and national unity.

В нынешнем году отмечается 80 лет со дня окончания Второй мировой войны, самой кровопролитной, самой жестокой войны XX столетия, которая была не только масштабной по географии, но и по вовлеченности стран

и человеческих ресурсов. Вторая мировая война оставила неизгладимый след в истории нашей страны и всего мира. А 1939–1945 гг. вошли в мировую историю как период, который навсегда изменил судьбы миллионов людей, принес неслыханные страдания и испытания.

Сегодня, как никогда ранее, вопрос о сохранении памяти о Второй мировой войне является наиболее актуальным. Мы понимаем, что мир на столько хрупок, и только уроки этой масштабной войны позволяют нам понять, что разруха и смерть могут стать повторной реальностью, если ненависть народов друг к другу и жажда власти возьмут верх над разумом и человечностью. Наше будущее и будущее наших детей должно быть без насилия.

Подрастающее поколение – основной ресурс общества, в котором заложен потенциал больших перемен. Поэтому необходимо в его сознание внедрять самое святое, ценное, то, чем каждый из нас должен дорожить. Это патриотизм и гражданская ответственность, гордость за свою страну; память о подвиге наших прадедов, перед которыми мы в неоплатном долгу. Важно помнить, что сохранение исторической памяти о войне – это не просто дань уважения к прошлому, но и залог будущего, предостережение от повторения ошибок и воспитание в духе мира и согласия [1, с. 55].

Извлекая из прошлого уроки, мы помним, что все наши победы в истории основаны на глубоком народном патриотизме, гражданской ответственности и духовном единстве. Россия – могучая держава, страна великой многонациональной культуры, источник глобального согласия. Ее нерушимость и славу наши прадеды выстрадали в самой жестокой из всех войн, какие были во всей человеческой истории – во Второй мировой войне. Победа в войне была счастьем всех народов, населяющих нашу страну. Тернистый путь испытаний, через который они прошли, сплотил народы в единое целое. И никакая сила не вправе разрушить это «богатство». Очень важно осознавать свое духовное родство с теми, кто на протяжении веков рука об руку поднимался на борьбу за светлое будущее России.

«У нас не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма», подчеркнул Президент Российской Федерации В. В. Путин. Память о Победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. является краеугольным камнем нашего общественного сознания и объединяющим фактором для людей независимо от их национальной принадлежности или политический воззрений.

Важным инструментом сохранения исторической памяти народа являются произведения литературы, живописи, музыки, кино, монументального искусства, в которых широко отражена тема Второй мировой войны 1939–1945 гг. и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Они помогают осмыслить уроки войны, увековечить в памяти народной великий подвиг, понять ценность мира и быть бережным хранителем его большого наследия.

Вторая мировая война стала одной из центральных тем в литературе XX в. Величайшие примеры мужества и самоотверженности, сражения и героические подвиги, глубокие человеческие драмы оживают на страницах литературных произведений.

Первым крупным литературным произведением, посвященным Великой Отечественной войне, была повесть Бориса Горбатова «Непокорённые», опубликованная в 1943 г. Она описывала события на оккупированной территории Украины, показывая мужество и стойкость советских людей в борьбе с врагом. Повесть стала одним из первых произведений, которое смогло широко и масштабно отразить трагедию и героизм войны. Она была переведена на многие языки и получила широкое признание.

Одним из наиболее значимых произведений, посвящённых Великой Отечественной войне, стала поэма Александра Твардовского «Василий Тёркин». Она была написана в военные годы и повествовала о простом, глубоко человечном, поражающим душевной теплотой, солдате-герое Василии Тёркине. Образ Василия Тёркина символизирует мужество и стойкость советского народа, который храбро сражался и верил в победу.

Роман Константина Симонова «Живые и мёртвые» – еще одно произведение, ставшее настоящей хроникой войны. Константин Симонов был фронтовым корреспондентом и знал о том, что происходило на передовой. Роман рассказывает о судьбах солдат и офицеров Красной армии. В произведении ярко показаны боевые действия и переживания героев.

Гимном человеческой стойкости и верой в гуманизм являются: роман Александра Фадеева «Молодая гвардия», повести Константина Симонова «Жди меня» и «Дни и ночи», роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», рассказы Михаила Шолохова «Судьба человека» и «Они сражались за Родину» и многие другие. Эти произведения показывают, как война ломает и одновременно закаляет людей, испытывает их на прочность и выявляет истинные ценности. Каждый из этих писателей внёс уникальный вклад в литературную летопись войны. Литература о Великой Отечественной войне многогранна и разнообразна. Она включает в себя и поэзию Анны Ахматовой («Мужество», «Клятва», «Памяти друга»), Расула Гамзатова («Журавли», «Я не хочу войны», «Говорят, что посмертно»), Алексея Суркова («Утро победы», «Утро в окопе», «Человек склонился над водой») и другие произведения.

Все эти произведения внесли значительный вклад в формирование литературного образа Великой Отечественной войны и стали важной частью советской культуры. Они помогают нам не только помнить и уважать подвиг наших предков, но и осознавать ценность мира, гуманизма и национального единства. Авторы произведений едины идеей: они рассказывают о стойкости

и мужестве людей перед лицом смерти, о самоотверженном труде в тылу, о верности долгу и Родине.

За последние 80 лет в СССР и России снято более 600 фильмов о Великой Отечественной войне. Это объясняется потребностью коллективной народной памяти вновь и вновь возвращаться к самому значительному событию в истории нашей страны. Событие, которое затронуло каждую семью, оставило глубокий след и незаживающую рану на многие десятки лет. Это художественные фильмы и документальные ленты, созданные как во время войны, так и после нее.

Фильм «А зори здесь тихие» (1972 г., режиссер С. Ростоцкий) рассказывает о женском подвиге на войне – подвиге пяти девушек-зенитчиц во главе со старшиной Васьковым, сумевших уничтожить вражеский десант.

«Аты-баты, шли солдаты» (1976 г., режиссер Л. Быков). Фильм создан в память о рядовых Великой Отечественной войны, которые все разные, слабые и сильные, и каждый индивидуален, но, когда надо умереть, чтобы спасти раненых от прорвавших фронт немцев, ни секунды не думая идут на смерть. И здесь мы видим духовное единство бойцов.

«Баллада о солдате» (1959 г., режиссер Г. Чухрай) – фильм о русском солдате Алексее Скворцове – мудром, отзывчивом, остро реагирующим на чужую боль и несправедливость. Фильм повествует о нескольких днях из жизни Алексея. Молодой солдат совершает подвиг – подбивает два немецких танка и командование собирается представить его к ордену. Но Алеша просит дать ему отпуск, чтобы повидаться с мамой. Путь домой долог и непрост. Фильм собрал более 100 зарубежных призов, а сценарист В. Ежов и режиссер Г. Чухрай были удостоены Ленинской премии.

«Семнадцать мгновений весны» (1973 г., режиссер Т. Лиознова) – фильм, получивший широкую популярность, о мужестве, гордости, любви к Родине. Это военная драма о советском разведчике Максиме Исаеве, внедрённом в высшие эшелоны власти нацистской Германии. Разведчик выполняет задания советского командования накануне окончания Второй мировой войны. Название фильма режиссер объяснила так: «Я решила, что рассмотрю семнадцать дней на фоне происходящей весной сорок пятого борьбы, в рамках которых расскажу пусть о мгновеньях, пусть о часах, пусть о событиях в жизни Исаева» [2, с. 50].

«На всю оставшуюся жизнь» (1976 г., режиссер П. Фоменко) – фильм посвящен «братьям и сестрам милосердия» – медицинскому персоналу санитарного поезда. В фильме показаны будни врачей, медсестер и других членов команды поезда, их самоотверженная работа, а также личные истории и взаимоотношения. Фильм не акцентируется на боевых действиях, но показывает суровые реалии войны через страдания раненых и работу медицинского персонала.

Художественные фильмы о Второй мировой войне различных жанров, от драм и мелодрам до исторических эпопей, получили большое признание в нашей стране и за рубежом.

Память о Второй мировой войне, героях, павших на полях боев, призваны увековечить архитектурные сооружения и скульптурные композиции. Они являются символами героизма, мужества и самопожертвования. Расположены в разных городах России и за ее пределами.

Победа в самой кровопролитной битве XX в. досталась советскому народу слишком дорогой ценой – полтора миллиона погибших защитников Сталинграда, полностью разрушенный город и тысячи хуторов и сел на территории, где проходила Сталинградская битва. В память о тех, кто отстоял волжские рубежи, 15 октября 1967 г. на Мамаевом кургане был открыт памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы», ныне причисленный к лучшим произведениям мирового искусства, посвященным событиям Второй мировой войны [3, с. 28].

В 2007 г. был объявлен конкурс под названием «Семь чудес России». Цель конкурса – развитие чувств патриотизма и любви к Отечеству, а также привлечение внимания к сохранению и восстановлению уникальных исторических, культурных и природных объектов на территории нашей Родины. 12 июня 2008 г., в День России, на Красной площади были объявлены победители конкурса. Мамаев курган и величественный монумент-статуя «Родина-мать зовет!» вошли в число «Семи чудес России» [4, с. 80].

Главный монумент ансамбля «Родина-мать зовет!» – обобщенный образ Родины. Фигура Родины-матери господствует не только над Мамаевым курганом и городом, она видна на десятки километров. В стремительном порыве, с мечом в руке, Родина-мать призывает своих сыновей к дальнейшему наступлению и окончательному разгрому врага.

В 2020 г. был открыт новый мемориал, посвященный советским воинам, погибшим в битве за Ржев.

В каждом уголке нашей необъятной Родины стоят памятники, монументы, обелиски, которые никогда не дадут нам забыть о тех тяжелых страницах нашей истории, которые оставили глубокий след в памяти народа.

В Краснодарском крае есть много объектов, увековечивающих память о Великой Отечественной войне. Это памятник Покрышкину в Краснодаре, памятник морякам Азовской военной флотилии в Приморско-Ахтарске, мемориалы в Новороссийске, Анапе и Новокубанском районе.

В 1995 г. в городе Сочи был открыт памятник «Подвиг во имя жизни», ставший символом благодарности и уважения к медицинским работникам. Под величественной белоснежной аркой расположена трогательная мраморная композиция: медсестра, с глубоким сочувствием склонившаяся над тяжело раненым солдатом, и хирург, сосредоточенный и готовый к неотложной операции.

Эта скульптурная группа не просто произведение искусства, а монументальное свидетельство героического прошлого города, который в годы войны был военным госпиталем [5, с. 115].

Эти и многие другие памятники являются свидетельством мужества, героизма и самопожертвования советского народа в годы Великой Отечественной войны. Они напоминают нам о цене победы, противодействуют попыткам ее искажения и призывают к сохранению мира.

Память о Великой Отечественной войне должна быть живой и постоянной.

Список источников

1. Об утверждении стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Машкова А. Режиссер своей судьбы. Воспоминания. М., 2024.
3. Приказчикова Т. А., Глухенькая Л. Ф., Романова Т. В. Мамаев курган – главная высота России. Волгоград: Министерство культуры РФ, ФГБУК «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва», 2016. 28 с.; 80 с.
4. Усачев И. Т. Сочи: страницы прошлого и настоящего. Сочи: Деловой Сочи, 2007. 115 с.

УДК 94(47) 351+354

ОРГАНИЗАЦИЯ ОПЕРАТИВНО-ЧЕКИСТСКОЙ РАБОТЫ УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ / УПРАВЛЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ХАБАРОВСКОМУ КРАЮ С ЯПОНСКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ И ИНТЕРНИРОВАННЫМИ В 1945–1950 ГОДАХ

***В. Ж. Дорохов**, начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, доктор исторических наук, доцент, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации*

В статье рассматривается история создания и деятельности спецобъекта № 45 Управления Министерства внутренних дел по Хабаровскому краю, раскрываются нюансы организации оперативно-чекистской, оперативно-агентурной работы с военнопленными и интернированными по окончании советско-японской войны 1945 г. Описывается процесс выявления военных преступников среди военнопленных из числа высшего офицерского состава Квантунской армии.

Ключевые слова: Союз Советских Социалистических Республик, Китайская Народная Республика, Япония, Народный комиссариат внутренних дел / Министерство внутренних дел Союза Советских Социалистических Республик, Управление Народного комиссариата внутренних дел по Хабаровскому краю, Пу И, военнопленные генералы, агентура, допросы, Токийский процесс, Хабаровский процесс.

ORGANIZATION OF OPERATIONAL AND CHEKIST WORK OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT OF INTERNAL AFFAIRS / THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE KHABAROVSK TERRITORY WITH JAPANESE PRISONERS OF WAR AND INTERNEES IN 1945–1950

***V. G. Dorokhov**, head of the department of social, humanitarian and economic disciplines at the I. F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of internal affairs of Russia, doctor of historical sciences, associate professor, Honored employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation.*

The article examines the history of the creation and operation of special facility No. 45 of the Ministry of Internal Affairs of the Khabarovsk Territory, reveals the nuances of the organization of operational-chekist, operational-agent work with prisoners of war and internees after the end of the Soviet-Japanese war in 1945. The process of identifying war criminals among prisoners of war from among the senior officers of the Kwantung Army is described.

Keywords: Union of Soviet Socialist Republics, People's Republic of China, Japan, People's Commissariat of Internal Affairs / Ministry of Internal Affairs of the Union of Soviet Socialist Republics, People's Commissariat of Internal Affairs in the Khabarovsk territory, Pu I, prisoners of war generals, agents, interrogations, Tokyo trial, Khabarovsk trial.

В 2025 г. Россия отмечает 80-летие победы в Великой Отечественной и Второй мировой войне 1939–1945 гг. За прошедшие годы многое уже изучено, но еще о многом предстоит узнать. К одной их таких тем относится история организации оперативно-чекистской работы на спецобъекте № 45 Управления Народного комиссариата внутренних дел (далее – УНКВД) по Хабаровскому краю.

В 1945 г. на Дальнем Востоке разместили 237 тыс. из 463,7 тыс. перемещенных в СССР военнопленных Квантунской армии. 167,8 тыс. из них оказалось в Хабаровском крае [2. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 143. Л. 190–191]. Для военнопленных организовали 14 лагерей и один спецобъект № 45 УНКВД по Хабаровскому краю, размещенный в центре г. Хабаровска и предназначавшийся для высшего армейского командования Квантунской армии и членов правительства Маньчжоу Го. На 18 декабря 1945 г. здесь было расквартировано 215 военнопленных и интернированных. Среди них 24 члена правительства Маньчжоу Го во главе с императором Пу И, 135 японских генералов и адмиралов,

20 китайских и 4 монгольских генерала армии Маньчжоу Го [1. Оп. 1. Д. 175. Л. 37]. В этот контингент входили все три генерал-полковника, имевшиеся в Квантунской армии: Ямада Отозо, главнокомандующий Квантунской армией, Усироку Дзюн, командующий 3-м фронтом и Кита Сэйичи, командующий 1-м фронтом.

Штат спецобъекта был минимален: начальник, заместитель по оперативной работе, заместитель по хозчасти, начальник финансового отдела, бухгалтеры, кладовщик, врач и охрана из 16 чел.

С января 1946 г. на спецобъекте развернула работу специальная следственная группа УНКВД по Хабаровскому краю с целью сбора материалов к международному военному трибуналу в Токио, данных в отношении бывших сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов Японии, сведений о разработке и применении бактериологического оружия [1. Оп. 1. Д. 175. Л. 84].

В ходе реализации намеченного хабаровские следователи столкнулись с нежеланием японских генералов давать прямые ответы. Некоторые чтобы избежать допросов кончали жизнь самоубийством. Так, 23 и 29 марта 1946 г. повесился командующий 4-й Квантунской армией и старший военный советник правительства Маньчжоу Го, 27 мая скоропостижно умер бывший начальник вооружения 1-й армии.

Беспокоясь за результаты оперативной работы Министерство внутренних дел (далее – МВД) Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) направило на помощь хабаровской группе своих представителей. Благодаря интенсификации оперативной работы к концу 1946 г. удалось завербовать 15 военнопленных, в том числе 6 генералов [1. Оп. 1. Д. 175. Л. 38]. Созданная агентура помогла выявить 18 человек, ранее занимавшихся разведывательной деятельностью против СССР.

На всех военнопленных генералов и интернированных завели дела-формуляры, где накапливалась вся информация о них, в том числе и материалы оперативно-чекистской работы. Так, в дело генерал-майора Аримура Цунэмити, командующего округом Кайсю (района Ханжоу), включили информацию о том, что он, будучи начальником лагерей на Малайском полуострове, жестко обращался с военнопленными американцами, англичанами и индонезийцами, вследствие чего многие из них погибли. В дело генерал-майора маньчжурской армии, командира 3-й пехотной бригады китайца Лю Бина, внесена информация о том, что он высказывал «террористические взгляды по отношению к руководству китайской компартии… Мао Цзе-Дун большой преступник, если бы он не вмешивался, так внутренние беспорядки Китая давно бы урегулировались. Хорошо было бы покончить с ним». В деле Айсиньгёро Пу Цзе, 38-летнего младшего брата императора Пу И, указано,

что он высказывал недовольство советской страной «СССР – это хаос, нет ни порядка, ни морали, в конце концов такое государство погибнет» [1. Оп. 1. Д. 175. Л. 40–41].

Параллельно со сбором агентурной информации следователи спецобъекта № 45 подготовили несколько ключевых свидетелей обвинения со стороны СССР, направленных в августе–сентябре 1946 г. в Токио: Пу И, император Маньчжоу-Го; Кусаба Тацуми, генерал-лейтенант, начальник железнодорожного сообщения Маньчжоу-Го; Мацумура Томокацу, генерал-майор, второй заместитель начальника штаба Квантунской армии; Такебэ Рокузоо, начальник департамента общих дел правительства Маньчжоу-Го; Мураками Кэйсаку, генерал-лейтенант, командующий 3-й армией 1 фронта Квантунской армии.

С 1947 г. следователи сосредоточили внимание на разработке темы бактериологического оружия, подвергнув новым допросам всех относящихся к этому делу генералов и, в первую очередь, генерал-майора медицинской службы Кавасима Киоси и генерал-полковника Ямада Отодзо.

В рамках подготовки доказательной базы на Токийский процесс в начале 1948 г. Главное управление по военнопленным и интернированным МВД СССР направило на места два документа: шифротелеграмму от 8 января № 17901 с требованием о проведении допросов военнопленных генералов [1. Оп. 2. Д. 8. Л. 53], и указание от 16 февраля № 52/1239 «Об организации допросов и документации преступной деятельности, выявленных среди военнопленных, бывших работников японских разведывательных, контрразведывательных и карательных органов, занимавшихся активной деятельностью против СССР», с целью подготовки и рассмотрения их дел в закрытых судебных заседаниях военного трибунала [1. Оп. 2. Д. 10. Л. 52]. После чего на спецобъекте развернулись многодневные допросы и очные ставки, которые шли весь 1948 г., и существенно дополнили материалы, собранные в 1946–1947 гг., что позволило перейти к основательной проработке темы создания биологического оружия, деятельности «противоэпидемического отряда 731», «отряда 100», подразделений «Эй» и «Нами» Квантунской армии.

По мере завершения Токийского процесса стало ясным, что советские инициативы о судебном преследовании ряда высших лиц армии и правительства Японии не найдут отклика у американской оккупационной администрации и судей трибунала. В связи с чем 19 июля 1948 г. министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов предложил руководству СССР организовать свой трибунал над японскими военными преступниками [2. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 204. Л. 173–179]. Серьезным препятствием в работе стали международные обязательства, взятые СССР на себя в части проведения репатриации японских военнопленных. Избегая негативной реакции международного сообщества, приходилось отпускать на свободу не только рядовых военнопленных, но и генералов, что расходилось

с оперативными задачами. Поэтому МВД СССР с одной стороны готовило списки к репатриации генералов, с другой – старалось не выпустить тех из них, кто мог дать важные показания. Так, из 66 генералов, запланированных к депортации, в 1948 г. на родину вернулось только 13. Двоих арестовали и судили за шпионаж, 7 не дожили до репатриации, скончавшись от болезней, еще на 7 японских генералов представили компрометирующие материалы, подтверждавшие их преступления против Народно-освободительной армии Китая. В отношении военнопленных китайских генералов войск Маньчжоу Го хабаровское руководство запросило санкцию Москвы о возможности привлечения их к уголовной ответственности «за аналогичные преступления против китайского народа и 8-й Народно-освободительной армии» [1. Оп. 2. Д. 10. Л. 108].

После вынесения 12 ноября 1948 г. приговора Токийского трибунала, ранее высказанная идея министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова о проведении независимого судебного процесса в СССР, наконец, была одобрена 8 октября 1949 г. на заседании Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии большевиков. После чего от Москвы до Хабаровска развернулась активная подготовка судебного процесса над руководящими работниками японского «Противоэпидемического отряда № 731» [3]. Ключевым звеном в этой работе стал спецобъект № 45, с октября 1949 г. реорганизованный в лагерь военнопленных № 50, где начался новый виток интенсивной следственной и оперативно-чекистской работы.

В конце декабря 1949 г. на Хабаровском процессе было осуждено 12 японских военнопленных, в их числе 5 генералов: генерал полковник Ямада Отодзо, генерал-майоры медицинской службы Кавасима Киоси и Сато Сюндзи, генерал-лейтенант медицинской службы Кадзицука Рюдзи и генерал-лейтенант ветеринарной службы Такахаси Такаацу.

Еще трех генералов осудили за шпионаж летом 1949 г. [2. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 205. Т. 1. Ч. 2. Л. 91–91об.].

К 7 января 1950 г. из 167 генералов японской армии, взятых в плен в 1945 г., 10 было осуждено, 22 – умерло, 15 – репатриировано. Из 121 оставшихся 80 планировалось освободить и репатриировать, 24 – осудить и 17 – передать властям Китайской Народной Республики (далее – КНР) [2.Ф. 9401. Оп. 2. Д. 269. Л. 8–9], что и было выполнено. С мая по июнь 1950 г. 16 японских генералов, находившихся в лагере № 50, были осуждены военными трибуналами на сроки от 15 до 25 лет лагерей, а генерал-лейтенанта Минэки Тоичиро Постановлением президиума Верховного Суда СССР от 27 сентября 1950 г. приговорили к расстрелу, замененному 20 годами лагерей. В июле–августе 1950 г. 18 японских генералов, всех китайских и монгольских генералов, свиту императора и самого Пу И, ранее содержавшихся в Хабаровске, передали властям КНР, которые их разместили в тюрьме

г. Фушунь. Следом в Китай передали и ранее осужденного генерал-полковника Ямадо Отодзо. Остальные генералы были репатриированы в Японию. К сентябрю 1950 г. в связи с исчерпанием высокопоставленного контингента лагерь № 50, он же спецобъект № 45, был расформирован.

Следует отметить, что за 5 лет существования спецобъекта № 45 сотрудникам НКВД / МВД СССР удалось не только собрать значительный объем агентурно-оперативной информации на военных преступников, но и подготовить ряд важных свидетелей к Токийскому трибуналу, получить доказательства шпионской деятельности ряда лиц, работавших в разведывательных подразделениях Квантунской армии и войск Маньчжоу Го, связанной с подготовкой нападения на СССР, выявить ряд ключевых фигур, ответственных за бесчеловечные опыты на людях в ходе разработки бактериологического оружия, и обеспечить доказательной базой Хабаровский процесс 1949 г.

Список источников

1. Архив Управления МВД России по Хабаровскому краю. Ф. 35.
2. Государственный архив Российской Федерации.
3. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1065. Л. 22, 23–30.

УДК 378.16

ПРОБЛЕМА ОТБОРА ЗАДАНИЙ ДЛЯ КУРСАНТОВ В УСЛОВИЯХ СВОБОДНОГО ДОСТУПА К ПРОГРАММАМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

***Е. Е. Дмитриева**, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Рязанского филиала Московского ордена Почета университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат педагогических наук*

Использование обучающимися программ искусственного интеллекта ставит педагога перед необходимостью менять подход к отбору заданий, предполагающих самостоятельную работу. Автор показывает, что увеличение количества репродуктивных заданий и персонализированный подход в заданиях творческого характера – способы снизить количество письменных работ по психологии, выполненных программами искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, практикум по психологии, персонализация, репродуктивные задания.

THE PROBLEM OF TASKS SELECTION FOR CADETS IN CONDITIONS OF FREE ACCESS TO ARTIFICIAL INTELLIGENCE PROGRAMS

***E. E Dmitrieva**, senior lecturer of the Social-Humanity Department of Ryazan branch of the Kikot Moscow the Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Pedagogy.*

The use of artificial intelligence programs by students forces the teacher to change the approach to selecting tasks for individual work. The author shows that increasing the number of reproductive tasks and a personalized approach to creative tasks are ways to reduce the amount of written psychology papers completed by artificial intelligence programs.

Keywords: artificial intelligence, practical work in psychology, personalization, reproductive tasks.

Изучение курсантами учебной дисциплины «Психология» предполагает не только конспектирование лекций и работу на семинарах и практических

занятиях, но также и самостоятельную работу, часть часов из которой отведено на подготовку практикума. Предполагается, что, выполняя задания практикума, курсант вспомнит материалы лекций, попытается применить теоретические психологические знания для решения задач, осмыслит причинно-следственные связи психологических явлений, осознает важность психологической подготовки сотрудника полиции для выполнения профессиональной деятельности.

В процессе разработки практикума по психологии преподаватель подбирал задания продуктивного типа, способствующие развитию творческого мышления. Практикум по учебной дисциплине «Психология» мог содержать такие виды заданий: определить психологическое явление, распределить психологические явления по группам, подобрать пример, иллюстрирующий психологическое явление, объяснить с точки зрения психологии смысл пословицы (фразы), предложить психологические методы воздействия на личность в зависимости от ситуации и типа личности и т. п. Большая часть заданий предполагает развернутый ответ, эссе, на поставленный вопрос. Так как общепризнано, что на его (эссе) основании можно оценить личность автора, его мировоззрение, интеллектуальный потенциал, оригинальность мыслей и чувств [2, с. 12]. Количество заданий репродуктивного типа: распределение по группам, заполнение пропусков, краткий и единственно верный ответ на вопрос ответа не превышало 20 % от общего количества заданий практикума.

Проверяя практикум, преподаватель оценивал не только правильность ответов, но и умение курсанта аргументировать свое решение, оформлять на письме свою мысль, глубоко анализировать поставленную перед ним проблему. Тем самым подготовка практикума по психологии подготавливала обучающегося к профессиональной деятельности. Сотрудник полиции (следователь) должен уметь грамотно и четко выстраивать свою речь, аргументировано отстаивать свою позицию, всесторонне рассматривать проблему.

Однако развитие искусственного интеллекта (далее – ИИ), свободный доступ к программам генерации текста заставляют педагога пересмотреть стратегию отбора заданий для практикума. Опыт проверки практикумов по психологии показал, что, начиная с 2023 г., творческие задания, предполагающие развернутый ответ на вопрос, курсанты выполняют при помощи ИИ. Рассуждения о мерах воздействия на личность, подбор примеров для аргументации своей точки зрения, объяснения ситуаций и реакций человека с точки зрения психологии – задания, выполнение которых обучающиеся делегируют ИИ. И если раньше преподаватель по ответам на задания творческого характера понимал, насколько хорошо курсант усвоил тему, то сегодня оценить знания по подобным заданиям не получается. Бывает, что обучающийся даже не читает те ответы, которые ему предоставляет ИИ, не соотносит с информацией, обсуждаемой на занятиях.

В этой связи перед преподавателем встает вопрос о смене стратегии отбора заданий для практикума по психологии. Проведенное в Рязанском филиале Московского ордена Почета университета МВД России имени В. Я. Кикотя в 2025 г. исследование мотивов использования курсантами инструментов ИИ при подготовке письменных работ показало, что отсутствие интереса к предмету является ведущими мотивом использования ИИ. А ведущим мотивом не использования инструментов ИИ при подготовке письменных работ является стремление к саморазвитию [1]. Таким образом, перед преподавателем встает непростая задача: отобрать задания, выполнение которых, с одной стороны, невозможно полностью передать ИИ, а, с другой, вызывает у курсанта живой интерес.

Трехлетний анализ подготовленных курсантами практикумов показал, что наибольшее количество ошибок и разнообразия в ответах, а, следовательно, заданий, где ИИ «плохо» справился, где обучающемуся пришлось самому отвечать, обнаружено в заданиях: распределите психические явления по группам; определите, в каком примере совершается сознаваемое действие, а в каком неосознаваемое; определите, в каких примерах представлена побудительная функция воли, а в каких тормозная; определите тип эмоциональных явлений; выберите характеристики, относящиеся к темпераменту, к характеру, к способностям; распределите особенности, характеризующие различные типы темперамента. Это именно те задания, которые считаются дополнительными, неинформативными для оценки уровня знаний курсанта. Репродуктивные задания: сделай по образцу, найди соответствие, заполни пропуски – те типы заданий, которые вынужден использовать сегодня педагог, чтобы минимизировать эффект от использования обучающимися ИИ.

Для педагога высшей школы такой подход на упрощение и «уплощение» заданий не вызывает оптимизма. Стремление усложнять задания, развивать личность обучающегося, формировать профессионала – задачи, которые невозможно решить, используя продуктивные задания. Но в то же время продолжать использовать задания творческого характера, которые выполняет ИИ, педагог не может.

И в этом случае необходимо учитывать выявленный основной мотив использования ИИ: отсутствие интереса. Современному курсанту неинтересно размышлять на абстрактные, оторванные от реальности темы, ему, с его клиповым мышлением, трудно долго сосредоточиться на какой-то идее. Но в то же время современные молодые люди с удовольствием слушают блогеров, говорящих об успехе в построении личных отношений, работе с возражениями, правилах ответа на агрессивные фразы. Им интересна «бытовая» психология. Они понимают ее практическую значимость. Следовательно, необходимо попытаться заинтересовать обучающихся.

В психологии общения давно установлено, что человек больше всего любит говорить о себе, своих проблемах, неудачах, успехах и достижениях. Все, о чем говорит человек, что он делает, носит его уникальный признак. Взрослого человека невозможно заставить перенять чужой опыт, принять чужую мысль, если он не заинтересован сам в этом. Поэтому стоит говорить о персонализации как о ключевом методе обучения [3]. Реализовать на практике данный метод возможно, если задание будет направлено на установление нового факта о самом обучающемся. Следовательно, выполняя задания, обучающийся должен узнавать что-то новое о себе самом: своем темпераменте и характере, своих стратегиях выхода из конфликтных ситуаций и т. п.

Список источников

1. Дмитриева Е. Е. Мотивы использования курсантами искусственного интеллекта при подготовке курсовых работ // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2(80). С. 141–147.
2. Кудрицкая О. Ю. Опыт использования эссе в качестве задания для самостоятельной работы студентов // Прикладные информационные аспекты медицины. 2015. Т. 18. № 1. С. 12–16.
3. Озарнов Р. В. Индивидуализация и персонализация обучения в высшей школе в современных условиях // Международный научный журнал. 2022. № 3(84). С. 110–117.

УДК 1 (13)

ИСТОРИЯ КАК ОСОБАЯ ФОРМА МЫШЛЕНИЯ В ПОНИМАНИИ РУССКИХ ФИЛОСОФОВ

***М. Н. Зинятова**, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат философских наук, доцент*

В статье рассматриваются философско-исторические проблемы, поднимаемые русской религиозной философией: проблемы смысла истории, судьбы России, специфики исторического мышления, содержащего метафизическую направленность.

Ключевые слова: история, мышление, историософия, человек, духоцентризм, историцизм.

HISTORY AS A SPECIAL FORM OF THINKING IN THE UNDERSTANDING OF RUSSIAN PHILOSOPHERS

***M. N. Zinyatova**, professor of the Department of Social Sciences, Humanities, and Economics of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Philosophy, Associate Professor*

The article discusses the philosophical and historical problems raised by Russian religious philosophy: the problems of the meaning of history, the fate of Russia, and the specifics of historical thinking that contains a metaphysical focus.

Keywords: history, thinking, historiosophy, man, spiritualism, historicism.

Понимание основных тенденций и перспектив развития социума в XXI столетии, отличающимся, как показывает современная история, кризисным и, порой, катастрофичным характером оказывается частью круга проблем, занимавших отечественных философов ещё в начале прошлого, XX в. Большую помощь в осмыслении современной истории может оказать русская философия, называемая русским религиозно-философским ренессансом.

Сохраняя христианское понимание истории, отечественная философия переместила историософские проблемы из теологической в антропологическую и социальные области.

В философско-исторических системах Н. Бердяева, П. Флоренского, С. Франка, И. Ильина приоритет в формировании исторического мышления всё более переходит к человеку, стремящемуся к осмысленному существованию не только в природно-космическом универсуме, но и в истории. Поэтому история в этом случае рассматривается как сфера самореализации человека. Русские философы объясняли, что человеку и, в целом, человечеству можно понять себя и собственные возможности только соизмеряя с альтернативами, которые открываются в пространстве истории.

Для русской историософии характерна метафизическая ориентированность. Поэтому история воспринимается не просто компендиумом сведений, а особой формой мышления.

Подобный подход позволил отечественным мыслителям преодолеть ограниченность просветительского мышления, обращающегося к истории, как правило, в будущностном модуле, где настоящее не вырастает из прошлого органически, позволяет преодолеть историцизм Дж. Вико, последующие рационалистические установки, утверждающие самодостаточность человеческого разума.

Финал XX столетия наглядно показал, как глобалистские схемы понимания исторического процесса оказались поверженными, что европейский историцизм как метод исследования оказался непродуктивным.

С позиции христианских мыслителей, философия истории, которая предполагает рациональный уровень постижения всегда ограничена сферой имманентного. Гносеологический базис метафизического мышления гораздо шире рационального поскольку признается как чувственное, так и рациональное познание.

Метафизическая ориентированность русской историософии позволяет видеть человека свободным в духовном плане. Его судьба не может быть детерминирована априори. Это основной тезис отечественной философии истории.

Согласно философско-историческим идеям Ф. Достоевского и Н. Бердяева свобода предопределяет человека не только к добру, но и злу. Если в христианской патристике Августина Блаженного вопрос о смысле истории объясняется теологически, как вопрос о зле и страдании, как вопрос о том, как терпит это зло Бог? То русская философия перемещает центр смысла из теологии в антропологию и вопрошает в этой плоскости: как творит и терпит зло в истории человек? Подобная тональность мышления диссонирует с ура-оптимистичным вопрошанием революционной материалистической философии истории. Идеи отечественной религиозной философии «пропитаны» тревогой за судьбу человека в этом трагическом мире, тревогой за его будущее.

Рассмотрение проблемы смысла истории как судьбы человека и всего человечества, к глубокому сожалению, исчезло из российского умонастроения в 1922 г., вслед за профессорской высылкой на так называемом «философском пароходе».

В советский период в философских исследованиях это проблема разрабатывалась мало, так как долгое время считалась центром внимания теологической философии истории. Специалисты занимались ей, как принято было говорить, в свободное от работы время. Официально подобное толкование истории и само метафизическое мышление считались псевдопроблемой, не представляющей научной ценности.

Сегодня совершенно ясно, что подобные оценки являются примером анахронизма, навязанного долгим идеологическим господством в науке.

В последние годы интерес к отечественной историософии обострился в связи с тем, что само её существование понимается невозможным вне контекста российского исторического сознания. Именно высокое историческое сознание русских мыслителей двигало их протестными выступлениями против копирования чужой исторической судьбы, выбираемой для России.

Современная историческая практика доказывает справедливость и прозорливость подобных воззрений. Российское общество вновь пытается идти своим самобытным путём, преодолевая зависимость от внешних авторитетов, от процессов навязывания стереотипов экономической и духовной жизни Европы.

Сегодня особенно актуально звучат предостережения русских мыслителей об опасности «европейничанья», под которым понимается бездумное заимствование и пересадка на российскую почву всего чуждого русскому народу. Отечественные мыслители выступали против иссушения «самобытного родника народного духа», которое лишает его смыслового содержания и «препятствует осуществлению великих судеб русского народа» [2. с. 87].

Невозможно отказать русским философам в исторической проницательности. Самостоятельность современной России в решении судьбоносных вопросов с опорой на собственный суверенитет – это проекция того оптимистичного мироощущения в отношении будущего России, о котором русская идеалистическая философия истории писала ещё в начале XX в. Во всех философско-исторических сочинениях звучала надежда на реализацию Россией своей исторической судьбы. Более того, говорилось о мессианской роли России в истории человечества. Как видим, это время наступило. Россия одна из немногих встала на защиту традиционных ценностей. Так было и 80 лет назад, когда русский солдат остановил расползание по миру «коричневой чумы», заплатив за это миллионами жизней соотечественников. Идейная борьба продолжается и на полях специальной военной операции, потому, что центром этой борьбы являются сердца людей.

Чтобы разобраться в понимании сущности «исторического» сегодня необходимо вернуться к отечественному философско-историческому наследию, к главному принципу, проповедуемому русскими мыслителями – принципу духоцентризма. Именно благодаря способности «духа», как утверждали отечественные философы, человек получает возможность подлинного видения смысла истории, что формирует способность к историческому мышлению.

Не материальные ценности, а именно человеческий дух, в контексте религиозного миросозерцания, возвышает мир до уровня смысла, просветляет, что делает человека человеком.

Список источников

1. Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993. 383 с.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. 299 с.
3. Достоевский Ф. М. Дневник писателя: избранные страницы. М., 1989. 555 с.
4. Зеньковский В. В. История русской философии. М., 1991. В 2 т. Т. 2, ч. 2, 258 с.

УДК 37

ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА СТРАНИЦАХ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ

***М. Н. Зинятова**, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат философских наук, доцент;*

***А. К. Стогний**, учитель истории и обществознания высшей квалификации, МОБУ ООШ № 99 г. Сочи имени Героя России Д. Д. Тормахова*

В статье рассматриваются проблемы освещения вопросов Второй мировой войны в рамках Концепции преподавания учебного курса «История России» в школе. Проведен анализ содержания учебников истории России. Акцент сделан на структуре, текстовом материале, использовании дидактических единиц при изучении темы Второй мировой войны в едином учебнике В. Р. Мединского, А. В. Торкунова «История России. 1914–1945 годы. 10 класс».

Ключевые слова: урок, педагогика, история, учебник, патриотизм, дидактика, подвиг, информационная война.

COVERING THE ISSUES OF THE SECOND WORLD WAR IN MODERN SCHOOL HISTORY TEXTBOOKS

***M. N. Zinyatova**, professor of the Department of Social Sciences, Humanities, and Economics of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Philosophy, Associate Professor;*

***A. K. Stogniy**, teacher of history and social studies of the highest qualification at Secondary School No. 99 named after Hero of Russia D. D. Tormakhov in Sochi*

The article discusses the problems of covering the issues of the Second World War within the framework of the Concept of teaching the History of Russia course at school. The analysis of the contents of textbooks on the history of Russia is carried out. The emphasis is placed on the structure,

textual material, and the use of didactic units in the study of the topic of the Second World War in the unified textbook by V. R. Medinsky and A. V. Torkunov «History of Russia. The years 1914–1945. 10th grade».

Keywords: lesson, pedagogy, history, textbook, patriotism, didactics, feat, information war.

XX век ушел с исторической арены, оставив трагический след в судьбах большей части населения мировых стран, повлияв на ход мирового исторического процесса. Этим трагическим следом стало одно из самых масштабных событий ушедшего столетия – Вторая мировая война 1939–1945 гг. На протяжении 80 лет изучение хода, смысла, причин, последствий этого события не потеряло своей актуальности в исторической науке. Современные исследователи ищут новые подходы в понимании произошедшего, открывают новые факты, стремятся к более объективному анализу столь трагического периода в истории человечества.

Вместе с тем мы сегодня становимся свидетелями активной фазы информационной войны за удобную некоторым интерпретацию истории, выливающуюся вопреки исторической правде, здравому смыслу, самой логике истории в фальсификацию исторических событий в угоду политической конъюнктуре.

Попытка переписать историю столь значимого события в истории человечества, каким является Вторая мировая война, не что иное, как стремление предать забвению великий подвиг советского народа, подвиг народа-освободителя.

Не менее важной функцией, на наш взгляд, фальсификации истории выступает иморализм, как прививка бездуховности и псевдопатриотизма в сознание подрастающего поколения, что позволяет легко закладывать ложные истины.

В свете вышеизложенного процесс реформирования системы образования в области истории как учебного предмета, рассмотрение вопроса о разработке и введении в образовательный процесс «единого учебника истории» представлены в исследованиях отечественных специалистов: В. Б. Жиромской, В. Ю. Ваганова, Е. Е. Вяземского, А. В. Лукутина и других.

Новый школьный учебник истории, как и все другие, не может быть идеальным, но авторы, бесспорно, стремились к созданию образцового школьного учебника в соответствии с теоретическими принципами, изложенными еще в педагогической парадигме Я. А. Коменского.

На страницах российских учебников истории освещение Второй мировой войны всегда занимало одно из центральных мест, о чем свидетельствует отведенное количество страниц на данную тему по сравнению с общим объемом учебника. Например, в учебнике Д. Д. Данилова на тему Второй мировой войны отведено 14,5 % общего объема, в учебнике Н. В. Загладина отводится 12,2 %

от общего объема содержания учебника. В едином учебнике В. Р. Мединского, А. В. Торкунова «История России. 1914–1945 годы. 10 класс» отводится уже 16,5 % общего объема содержания учебного материала. В едином учебнике, как видим, процесс изучения темы предполагает увеличение дидактических единиц – структурных единиц учебной программы, вокруг которых строится процесс обучения.

Значение школьного учебника истории трудно переоценить, поскольку это не просто учебная книга, но и важнейшее средство организации деятельности обучающихся, инструмент организации образовательно-воспитательного процесса.

В едином учебнике «История России. 1914–1945 годы. 10 класс», авторами которого выступают В. Р. Мединский, А. В. Торкунов, тема Второй мировой войны представлена объемно, содержит дидактически и методически обработанный и систематизированный материал. Структура параграфа по исследуемой теме включает в себя четкий аппарат ориентировки для обучающихся: основные даты и события Второй мировой войны, причины и итоги по изучаемой теме, что позволяет облегчить восприятие исторической информации и направлять поисковую деятельность учеников.

Одним из ведущих принципов школьной дидактики является принцип наглядности, который, на наш взгляд, в полной мере реализован в едином учебнике «История России. 1914–1945 годы». Изучение темы Второй мировой войны сопровождается богатым иллюстративным материалом: фотодокументами, яркими и красочными картами сражений. Выбор контрастных цветов, предложенных авторами учебника, усиливает познавательное, идейное, эстетическое и эмоциональное воздействие на обучающегося при ознакомлении с материалом.

Одним из важнейших элементов единого учебника В. Р. Мединского, А. В. Торкунова «История России. 1914–1945 годы. 10 класс» является основной текст, который служит главным источником учебной информации по теме «Вторая мировая война». Он представляет собой хорошо структурированный материал, способствующий формированию у учащегося патриотического мировоззрения, активной гражданской позиции.

Методический аппарат единого учебника по истории России содержит ряд проблемных вопросов, основные даты и события Второй мировой войны. В конце параграфа, посвященного исследуемой теме, посредством сравнительного анализа предлагаются вопросы для сопоставления исторических событий с современностью. Предлагается сформулировать собственную точку зрения, что мотивирует учащихся на самостоятельный научный поиск, погружает более глубоко в исторический материал изучаемой темы.

Например, в параграфе 39–40 «Окончание Второй мировой войны» вопрос «Почему СССР вступил в войну против Японии?» дополняется заданием: «Привести не менее трех объяснений». Пункт параграфа «Итоги по теме» позволяет формировать концептуальное мышление десятиклассников, учит самостоятельно формулировать аргументированные выводы и обобщения, включая главный итог темы.

Попытки фальсификации истории, подкрепленные интернет-пропагандой, направлены на неокрепшее сознание подрастающего поколения. Старший школьный возраст – благоприятная среда для манипуляций ученическим мышлением. Чтобы не допустить разрушения основ гражданской идентичности в умах старшеклассников, необходимо не просто историческое просвещение, а глубокая учебно-воспитательная работа по систематизации исторических знаний на каждом уроке. В этом сложном, важном задании большая роль отводится учителю – его педагогическому мастерству, глубоким теоретическим и методическим знаниям и умениям, особенно при изучении таких главных тем для каждого гражданина России, как Великая Отечественная Война, Вторая мировая война.

Список источников

1. Алексашкина Л. Н. Школьные учебники истории в период общественной трансформации: исторический и дидактический аспекты // Преподавание истории в школе. 2014. № 1. С. 10–13.
2. Данилов Д. Д., Кузнецов А. В., Кузнецова С. С., Рогожкин В. А., Павлова Н. С. Всеобщая история. Новейшее время. XX – начало XXI века: учеб. для 9-го класса основной школы. Изд. 2-е, испр. М., 2011. 304 с.
3. Загладин Н. В. Всеобщая история. Новейшая история. XX век: учеб. для 9 класса общеобразовательных учреждений. 8-е изд. М., 2007. 336 с.
4. Мединский В. Р., Торкунов А. В. История России. 1914–1945 годы. 10 класс: базовый уровень. М., 2025. 486 с.
5. Проект концепции УМК по Всеобщей истории // Ассоциация учителей истории и обществознания: [сайт]. URL: http://school.historians.ru/?p=2513 (дата обращения: 17.04.2017).
6. Учебные планы 2004–2015 // URL: http://www.bildungsplaene-bw.de/, Lde/LS/BP2004–2015 (дата обращения: 22.11.2016).
7. Федеральные государственные образовательные стандарты общего образования // Минобрнауки России: [сайт]. URL: http://минобрнауки.рф/документы/543 (дата обращения: 11.04.2017).

УДК 343.54

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

***О. Р. Зорина**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена виктимологической характеристике несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступлений. Автором приведены противоправные деяния, вовлечение в которые происходит в настоящее время наиболее часто. На примерах судебной практики по применению статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации рассматриваются причины виктимности несовершеннолетних.

Ключевые слова: виктимология, несовершеннолетний, вовлечение, преступление, финансовая и материальная заинтересованность.

INVOLVEMENT OF A MINOR IN THE COMMISSION OF A CRIME: VICTIMOLOGICAL CHARACTERISTICS

***O. R. Zorina**, postgraduate student of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilov*

The article is devoted to the victimological characteristics of minors involved in the commission of crimes. The author gives illegal acts, the involvement in which currently occurs most often. On the examples of judicial practice on the application of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation, the reasons for the victimization of minors are considered.

Keywords: victimology, minor, involvement, crime, financial and material interests.

Неотъемлемым элементом криминологического анализа каждого преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ), является не только изучение личности преступника, его преступного поведения, но и последствий уголовно-наказуемого деяния. «Социальными последствиями преступности прежде всего являются потерпевшие…» [1, с. 157]. Изучение поведения жертвы преступления имеет важное значение в рамках профилактики совершения преступлений.

Потерпевший от преступления в большей степени представляет собой уголовно-процессуальную категорию. В рамках же изучения человека, как элемента механизма преступного поведения, его роли в формировании и предупреждении противоправного деяния, его индивидуальных характерологических, социальных и криминогенных особенностей следует иметь ввиду жертву преступления. Виктимология это в определенной мере «автономное» криминологическое направление [3, с. 231–232], означающее в буквальном смысле «учение о жертве» (от лат. viktima – жертва и греч. logos – учение) [2, с. 5].

Среди имеющихся составов преступления в УК РФ наибольший интерес с виктимологической точки зрения представляет преступление, связанное с вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ. Обостренное внимание к жертве данного состава преступления обусловлено его особой категорией – несовершеннолетнее лицо. А также тем обстоятельством, что при успешном, с точки зрения субъекта преступления, вовлечении несовершеннолетнего лица в совершение преступления, последний также выполняет роль правонарушителя, что при различных обстоятельствах может способствовать дальнейшему совершению преступлений им же, но уже по собственной инициативе. Несмотря на отсутствие в виктимологии единой классификации жертв преступлений, работы многих ученых посвящены изучению несовершеннолетних лиц, как отдельной категории жертвы преступления.

Наиболее активно выраженными психофизиологическими особенностями возраста несовершеннолетнего является излишняя доверчивость, желание острых ощущений, мечтательность, неумение в силу своего небольшого жизненного опыта правильно оценить сложившуюся ситуацию, а в некоторых случаях физическая неспособность противостоять взрослым [7, с. 62]. Несомненно, каждая из характеристик свойственна несовершеннолетнему лицу и имеет прямую зависимость с возможным вовлечением несовершеннолетнего лица в совершение преступления, однако важно учитывать в совершение каких противоправных деяний вовлекаются несовершеннолетние в настоящее время в большинстве случаев.

На сегодняшний день самыми распространёнными преступлениями в совершение которых вовлекаются несовершеннолетние лица являются:

– преступления против собственности (кражи, грабежи, разбои, мошенничество и т. д.);

– преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ;

– преступления террористической и экстремистской направленности.

Объединяющим элементом каждой группы таких преступлений с виктимологической точки зрения является способ вовлечения

несовершеннолетнего в совершение преступления – обещание денежного вознаграждения или иная материальная заинтересованность. Об этом свидетельствуют не только работы ученых в области данного вопроса, но и мнения практических сотрудников, приговоры судов по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ.

Согласно материалам, одного из приговоров по обвинению в вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления установлено, что совершеннолетний обвиняемый, управляя автомобилем Toyota Prius, совершал поездку со своим несовершеннолетним знакомым, о возрасте которого обвиняемому достоверно было известно, в силу их длительного знакомства. В определенный период времени обвиняемый заметил у дороги голосующего ранее незнакомого ему потерпевшего, в связи с чем остановил управляемый им автомобиль рядом с потерпевшим и достиг договоренности о совместной поездке до места проживания потерпевшего. После, поездка продолжилась, в момент дальнейшего движения у обвиняемого возник преступный умысел, направленный на открытое хищение имущества, принадлежащего потерпевшему, группой лиц по предварительному сговору, с применением насилия не опасного для жизни и здоровья. С целью реализации своего преступного умысла, обвиняемый вовлек своего несовершеннолетнего знакомого, находящегося в автомобиле, путем обещаний о материальном обогащении и обмана о том, что несовершеннолетнее лицо не привлекается к уголовной ответственности [6].

Примером денежной заинтересованности со стороны несовершеннолетнего лица, побудивший его на соучастие в совершении преступления, может служить следующий пример. Совершеннолетний обвиняемый, осознавая, что своими действиями вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления, действуя с прямым умыслом, используя сложившиеся между ними доверительные отношения, предложил несовершеннолетнему участвовать в совместном совершении с ним преступления, а именно хищении мороженого из холодильной лари, чтобы похищенное имущество продать, а вырученные денежные средства обещал поделить между ними в равных долях [5].

Несовершеннолетние лица в силу малого жизненного опыта, легкой внушаемости и отсутствии критического мышления, а также материальной зависимости от старших, являются доступной жертвой для вовлечения в совершение преступления. Данный факт дополнительно подтверждается данными, полученными от сотрудников подразделения по делам несовершеннолетних, которые отмечают, что главной причиной совершения несовершеннолетними преступлений (в случае предварительного вовлечения) является финансовая заинтересованность.

Еще одним из самых распространенных ответов несовершеннолетних о причинах совершения ими преступления, путем вовлечения является

уверенность в безнаказанности своих действий, либо в неосознанности их преступной составляющей. Причинами такого поведения со стороны несовершеннолетних являются уже ранее названные внушаемость, отсутствие жизненного опыта, малый объем знаний.

Совокупность финансовой заинтересованности и внушенное чувство безнаказанности приводит к увеличению совершения несовершеннолетними таких общественно-опасных деяний как преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, и преступления террористической и экстремистской направленности.

Данные преступления имеют в большей степени латентный характер и являются сложно выявляемыми для сотрудников правоохранительных органов, в силу технических особенностей (в большинстве случаев кураторство осуществляется через социальные сети, мессенджеры и сеть Интернет) и регулярной работой правонарушителей по сокрытию своей преступной деятельности. За счет большой доли информации, которую несовершеннолетние получают через информационно-телекоммуникационные сети (в том числе сеть Интернет) и большой доли времяпрепровождения в них, вероятность стать жертвой преступления регулярно повышается.

Несмотря на высокий уровень латентности таких преступлений, при изучении имеющихся приговоров, первопричиной совершения несовершеннолетними таких преступлений остается финансовое вознаграждение.

Так, неустановленное лицо под ником-неймом «…» через сеть «Интернет» в социальной сети и программу мгновенного обмена сообщениями подыскало и вовлекло ранее ему незнакомую несовершеннолетнюю девушку в преступную деятельность организованной группы в качестве рядовых участников – «закладчиков». Несовершеннолетняя девушка приняла предложение лица под ник-неймом «…», признала его руководящую роль в организованной группе, несовершеннолетняя девушка добровольно, из корыстных побуждений, согласилась осуществлять незаконную деятельность по незаконному обороту наркотических средств в составе организованной группы под руководством неустановленного лица под ник-неймом «…» [4].

Предрасположенность несовершеннолетних к виктимному поведению относительно любого преступления является сложным и многоаспектным вопросом, в свою очередь виктимологическая характеристика несовершеннолетних, подвергнутых вовлечению в совершение преступления, является интересной областью для изучения. Связано это с неопределённым положением несовершеннолетнего в рамках совершения преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, с виктимологической составляющей и набором внутренних и внешних факторов.

Проведенное исследование позволило определить, что к внутренним факторам относятся: малый жизненный опыт; отсутствие необходимых знаний в силу возраста; внушаемость; доверчивость; невозможность мыслить критически; нарушенные нравственные ценности; самоуверенность и другое.

К внешним факторам относятся: материальная и финансовая зависимость; подчиненное положение от старших; доступность большого количества информации и возможности её передачи; психотравмирующие ситуации; воздействие неблагоприятного семейного и дружеского климата и другое.

На наш взгляд, в большинстве преступлений одним из ведущих факторов виктимности несовершеннолетних, подвергнутых вовлечению в совершение преступления, наряду с отмеченными, является отсутствие правильно сформированных нравственных и моральных начал у ребенка. Именно они способны противостоять воздействию внешних и внутренних факторов в момент того самого вовлечения в совершение преступления.

Таким образом, виктимологическая характеристика вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления многогранная тема для исследования, начиная от вопроса положения несовершеннолетнего, вовлеченного в совершение противоправного деяния, заканчивая рассмотрением конкретных составов преступления. В настоящее время чаще всего несовершеннолетние вовлекаются в такие преступления как: преступления против собственности; преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ; преступления террористической и экстремистской направленной. Учитывая это и факторы виктимности несовершеннолетних в рамках данной группы преступлений, необходимо разрабатывать и проводить профилактику с целью снижения числа несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступлений.

Список источников

1. Антонян Ю. М. Криминология: учеб. для бакалавра. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2014. 523 с.
2. Будякова Т. П. Основы криминальной виктимологии: учеб. пособие. Елец, 2019. 86 с.
3. Криминология: учеб. для бакалавров. М.: Изд-во Юрайт, 2014. 686 с.
4. Приговор Калининского районного суда г. Челябинск от 16.08.2017 по делу № 1–423/2017 // Юрист онлайн: [сайт]. URL: https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-150-uk-rf-vovlechenie-nesovershennoletnego-v-sovershenie-prestuplenija/prigovor-suda-po-ch.-4-st.-150-uk-rf-1–4232017—vovlechenie-nesovershennoletnego-v-sovershenie-prestuplenija.html (дата обращения: 26.08.2025).

5. Приговор Коминтерновского районного суда г. Воронежа от 04.10.2017 по уголовному делу № 1–610–17 // Юрист онлайн: [сайт]. URL: https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-150-uk-rf-vovlechenie-nesovershennoletnego-v-sovershenie-prestuplenija/prigovor-suda-po-ch.-1-st.-150-uk-rf-1–6102017—vovlechenie-nesovershennoletnego-v-sovershenie-prestuplenija.html (дата обращения: 26.08.2025).
6. Приговор Октябрьского районного суда г. Красноярск от 26.02.2025 по уголовному делу № 1–648/2024 // Судебные и нормативные акты: [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/clydmHYmlfVw/ (дата обращения: 26.08.2025).
7. Савельев А. И. Несовершеннолетние жертвы преступлений как объект виктимологического исследования // Психология и педагогика в правоохранительных органах. 2012. № 1(48). С. 61–65.

УДК 343.7

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ОЦЕНКИ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***Ю. Н. Кофтина**, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России;*

***М. О. Голубцов**, заместитель начальника отдела экономической безопасности и противодействия коррупции ОМВД России «Шатурский»*

В статье анализируются проблемы некомплекта кадрового состава следственных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации, их компетенции и система оценки служебной деятельности. С учетом проведенного теоретико-прикладного анализа и имеющейся практики взаимодействия оперативных и следственных органов предложены пути решения указанных проблем.

Ключевые слова: кадровое обеспечение, следственные органы, расследование экономических и коррупционных уголовных дел, профессиональная подготовка кадров, органы внутренних дел.

PROBLEMATIC ISSUES OF STAFFING INVESTIGATIVE AGENCIES AND THE EFFECTIVENESS OF EVALUATING THEIR ACTIVITIES

***Yu. N. Koftina**, associate professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;*

***M. O. Golubtsov**, Deputy Head of the Department of Economic Security and Anti-Corruption OMVD of Russia «Shatursky»*

The article analyzes the problems of the shortage of personnel of the investigative bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, their competencies and the system for evaluating the activities of units. Taking into account the theoretical and applied analysis carried out and the existing practice of interaction between operational and investigative bodies, ways to solve these problems are proposed.

Keywords: human resources, investigative agencies, investigation of economic and corruption criminal cases, professional training of personnel, law enforcement agencies.

Развитие любой страны зависит от экономического благополучия, социального обеспечения, нравственного воспитания граждан. Эти три ключевые ветви исходят из одного направления, такого как государственная политика. Государственную политику Российской Федерации необходимо определять как систему действий, регулятивных мер, законов, и финансовых приоритетов. Выполнение задач и функций государства осуществляется с помощью бюджетных денежных средств. Профессиональное расходование и сохранение бюджета является приоритетной деятельностью каждого государственного органа. Хищение бюджетного финансирования приводит к нарушению запланированных процессов страны и негативному отношению граждан к государственной власти.

Отметим, что расследование и раскрытие преступлений является одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ). В этой связи важное значение в реализации ими уголовно-процессуальной политики страны придается кадровому обеспечению расследования преступлений, совершенствованию организационно-структурного построения следственных органов, формирования в их составе высокопрофессионального, оптимально сбалансированного кадрового аппарата, представители которого по своим личностным, физическим, профессиональным характеристикам наиболее полно соответствуют современным условиям их функционирования, способны добросовестно, эффективно и на высоком профессиональном уровне решать задачи, поставленные перед ними обществом и государством по борьбе с преступностью.

Кадровое обеспечение следственных органов – это не только поиск, отбор, оценка, расстановка и перемещение кадров. Кадровое обеспечение деятельности следственных подразделений более широкое понятие и включает в себя прежде всего обеспечение их руководителями соблюдения законности и служебной дисциплины, норм профессиональной этики, обеспечение социальной и правовой защиты следователей, профессиональное обучение, подготовку высококвалифицированных специалистов, соответствующих квалификационным требованиям, установленных для сотрудников следственных органов.

Важно сказать, что своевременно выявить, пресечь и раскрыть преступления, связанные с хищением бюджета входят в компетенцию Министерства внутренних дел РФ (далее – МВД России). Данный вид преступлений носит тяжкий или особо тяжкий характер и степень общественной опасности деяния. Зачастую

преступления указанной категории совершаются организованными группами, преступными сообществами (преступными организациями), вызывающие большой общественный резонанс.

В системе МВД России главную роль в борьбе с хищением бюджетных денежных средств занимает самостоятельное структурное подразделение экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК). Положением ЭБиПК определен ряд задач, одной из которых является организация предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений экономической и коррупционной направленности, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

Подчеркнем, что качественное расследование уголовных дел экономической и коррупционной направленности, где предметом преступного посягательства является бюджет, несомненно, важнейшая составляющая возврата и дальнейшего сохранения денежных средств, похищенных у государства. Преобладающее большинство уголовных дел данной категории находится в производстве следственных подразделений МВД России и Следственного комитета Российской Федерации.

Согласно представленным МВД России сведениям о состоянии преступности в РФ за январь–декабрь 2024 г., по сравнению с январем–декабрем 2023 г. на 0,2 % возросло число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Всего выявлено 105,4 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 5,5 %. Материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 295,7 млрд руб. Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 64,3 %. Подразделениями ОВД выявлено 83,8 тыс. преступлений экономической направленности, их удельный вес в общем массиве преступлений экономической направленности составил 79,5 %.

Сведения о преступлениях (уголовные дела), предварительно расследованных сотрудниками ОВД составили: экономической направленности – 37014 (– 3,3 % 2023 г.) и коррупционной направленности – 6028 (– 24,3 % 2023 г.) [2].

Анализ статистических сведений говорит о системно-структурном и комплексном подходе подразделений ЭБиПК в выявлении и раскрытии преступлений рассматриваемой категории, что нельзя сказать о расследовании уголовных дел со стороны следственных органов МВД России.

По нашему мнению, отрицательная динамика направления уголовных дел в суд ОВД произошла по нескольким причинам.

Первую важную причину обозначил на заседании Совета Федерации 14 мая 2024 г. Министр внутренних дел РФ генерал полиции РФ Владимир Александрович Колокольцев. Со слов главы ведомства, некомплект личного состава в ОВД достигает высокой отметки. Некомплект следователей в следственных органах ведомства составлял – 21 % [3]. По данным Главного управления по работе с личным составом МВД России за 2024 г. отмечается некомплект аттестованного состава в Следственном департаменте МВД России – 15,4 %, а также в целом в органах предварительного следствия – 22,7 % [4].

Считаем необходимым дополнить, что некомплект следователей, компетентных расследовать уголовные дела особой важности и сложности, связанные с хищением бюджетных денежных средств, мы полагаем, в разы выше.

Вторая, не менее важная причина, невысокого уровня направления «экономических» уголовных дел связана с отсутствием повышенного коэффициента в оценке деятельности следственных органов при направлении их в суд. Расследование уголовных дел экономической и коррупционной направленности отнимает у следователей значительно больше времени на сбор необходимой доказательной базы, чем по делам общеуголовной направленности. Данное временное затруднение связано с процедурой проведения бухгалтерских, строительных, компьютерных экспертиз; использованием преступниками информационных технологий при совершении деяний. Следственному органу, имеющему некомплект личного состава, с постоянным потоком выявления преступлений различной категории, затруднительно, а часто невозможно уделить необходимое внимание делам рассматриваемой категории. Из-за большого объема уголовных дел в производстве и невозможности в кратчайшие сроки направить «экономические» дела в суд, следователями могут приниматься решения о возвращении материалов проверок для проведения дополнительных оперативно-разыскных мероприятий в орган дознания. Отрицательная практика возвращения следователями материалов проверок в подразделения ЭБиПК для сбора сведений, кардинальным образом не влияющих в дальнейшем на принятие решение о возбуждении уголовного дела, дает время преступному сообществу на сокрытие следов их преступной деятельности и в значительной степени затрудняет выявление лиц, причастных к совершению преступлений.

Профессиональная подготовка сотрудников следственных органов, на наш взгляд, играет определяющую роль в развитии вышеуказанных качеств и в формирования компетентных следователей. Под профессиональной подготовкой можно понимать целенаправленный и организованный процесс овладения и дальнейшего совершенствования профессиональных навыков и знаний, которые необходимы для выполнения задач, возложенных на следственные органы МВД России.

Профессиональное становление молодого специалиста носит комплексный характер, и его успешность зависит не только от качества знаний и навыков, которые он получает во время обучения, но и от тех условий, в которых следователи начинают свою деятельность и здесь большую роль играет процесс адаптации молодого сотрудника в новом коллективе. Если данный процесс протекает успешно, то следственное подразделение в кратчайшие сроки может получить квалифицированных специалистов, мотивированных работников, ориентированных в работе не на достижение личных целей, а в первую очередь на задачи, которые возложены на ОВД.

Необходимо отметить, что и достойное денежное довольствие следователей является стимулом в сложной, нередко связанной с риском для жизни и здоровья служебной деятельности, поскольку, как справедливо отметил исследователь Ю. П. Боруленков, данная профессия становится образом жизни и относится к максимально напряженным видам деятельности [1, с. 35].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что крайне важно обратить особое внимание на отбор кандидатов на должности следователей, занимающихся расследованием уголовных дел экономической и коррупционной направленности, в том числе связанных с хищением бюджетных денежных средств. Считаем необходимым разработать дополнительную программу повышения квалификации и дополнительного обучения следователей, позволяющую за короткий срок сформировать базовые знания и навыки расследования данных уголовных дел, реализацию которой возможно предусмотреть на высших академических курсах Академии управления МВД России.

В связи с чем ключевым элементом в процессе расследования следственным органом «экономических» уголовных дел станет повышение коэффициента в системе оценки деятельности подразделения. В случае существенного увеличения коэффициента, затраченное время следователя будет в равной (большей) степени оценено как значимый для всего следствия показатель эффективной работы. В оценочной деятельности следует рассмотреть указанный выше показатель эффективности как обязательный и приоритетный, что позволит скорректировать внимание руководителей следственных органов на чрезвычайно важный «денежный актив» государства.

Возмещение имущественного вреда причиненного государству, несомненно, повлияет на дальнейшее укрепление основных отраслей экономики и сохранит широкие возможности для успешной деятельности РФ на международной арене.

Список источников

1. Боруленков Ю. П. Профессия «следователь». Ст. 2. Компетентность: продолжение темы // Уголовное судопроизводство. 2017. № 1. С. 32–36.

2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [официальный сайт]. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/?ysclid=mcngchvh3e323414101 (дата обращения: 01.06.2025).
3. Один работает за четверых». Глава МВД РФ Колокольцев заявил о глобальной нехватке кадров в полиции // MSK1.RU: Москва онлайн: [сайт]. URL: https://msk1.ru/text/politics/2024/05/14/73575869 (дата обращения: 01.06.2025).
4. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2024 год // Сборник аналитических и информационных материалов. М.: ГУРЛС МВД России, 2025. 73 с.

УДК 351.74

ПРОБЛЕМА КАДРОВОГО ФОРМИРОВАНИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1949 ГОДЫ)

***Е. В. Красилова**, следователь Следственного управления УМВД России по г. Барнаулу*

После образования в 1944 г. самостоятельного управления Народного комиссариата внутренних дел Союза Советских Социалистических Республик по Томской области в связи с созданием нового субъекта Российской Советской Федеративной Социалистической Республики встал вопрос кадрового обеспечения этих подразделений. Пополнение новыми кадрами, процесс подготовки и переподготовки сотрудников милиции было усугублено их острой нехваткой, вызванной большими людскими потерями за годы Великой Отечественной войны. Вследствие чего в органы внутренних дел попадало множество случайных людей негодных к службе, которые нарушали служебную дисциплину, совершали различные правонарушения. Укрепление дисциплины среди томских милиционеров осуществлялось руководителями разного уровня, прокурорскими работниками, представителями местных Советов.

Ключевые слова: милиция, Томская область, кадры, служебная дисциплина.

THE PROBLEM OF PERSONNEL FORMATION OF DIVISIONS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE TOMSK REGION IN THE POST-WAR PERIOD (1945–1949)

***E. V. Krasilov**, investigator of the Investigation Department of the Russian Ministry of Internal Affairs for the city of Barnaul*

After the formation of the independent People's Commissariat of Internal Affairs of the Union of Soviet Socialist Republics Directorate for Tomsk Oblast in 1944 in connection with the creation of a new subject of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, the issue of staffing these units arose. The replenishment of new personnel, the process

of training and retraining of police officers was aggravated by their acute shortage caused by the great human losses during the years of the Great Patriotic War. As a result, many random people unfit for service, who violated service discipline and committed various offenses, ended up in the internal affairs agencies. Strengthening discipline among Tomsk police officers was carried out by leaders of various levels, prosecutors, and representatives of local Soviets.

Keywords: police, Tomsk region, personnel, service discipline.

Проблема кадрового обеспечения в органах внутренних дел (далее – ОВД) Томской области в послевоенный период была связана с нехваткой квалифицированных кадров, вызванная разрушительными последствиями Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Такое положение объясняется тем, что за годы войны множество сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) были призваны в действующую армию, замена их не всегда была соответствующей. В конце 40-х гг. прошлого столетия в регионе все еще ощущался кадровый голод.

Нахождение на службе случайных людей, психически неустойчивых, склонных к наживе и необоснованной агрессии, приводило к возникновению чрезвычайных ситуаций, нарушений социалистической законности. К примеру, товарищ Свиридов состоял в должности участкового уполномоченного 1-го отделения милиции города Томска. В 1946 г. «за леность и безразличие к работе» его перевели в 1-й ведомственный взвод помощником командира взвода, в мае 1947 г. он становится участковым уполномоченным во 2-м городском отделении милиции. В мае 1949 г., вместо того, чтобы дежурить на оперативном пункте, он «пьянствовал», находясь в гостях у бывшего работника милиции Перфильева, за что и получил выговор на партсобрании. Свиридов 27 и 29 декабря 1946 г. совершил прогулы, не выйдя на службу. В январе 1949 г. в одной из квартир, где он распивал спиртные напитки с неизвестными гражданами, у него похитили табельное оружие [5, с. 2].

Халатное исполнение служебных обязанностей сотрудниками правоохранительных органов чаще всего пресекалось непосредственным руководством путем ежедневного контроля. Например, участковый уполномоченный 1-го отделения милиции города Томска Кравченко рапортом начальнику отделения доложил, что им проверено 13 марта 1945 г. 18 домовладений, в том числе общежитие завода № 838 на ул. Кирова 10, в результате чего нарушений паспортного режима им не было обнаружено. Однако проведенной контрольной проверкой в этом здании были выявлены лица, проживающие без паспорта в течение 1–2 месяцев – 11 человек, с просроченными паспортами – 4 человека, не прописанные – 3 человека [1, л. 57].

Дискредитировало ОВД и нарушение ношения формы одежды отдельными милиционерами, их «неопрятный и расхлябанный вид». На основании приказа начальника Управления Народного комиссариата внутренних дел (далее – УНКВД) по Томской области «О запрещении посещения рядовым и офицерским составом НКВД вне службы базаров и рынков в форменной одежде» от 29 марта 1945 г. № 177 было запрещено всему личному составу НКВД появляться на рынках, базарах, ресторанах в форменной одежде вне служебных обязанностей. Комендантский патруль следил за соблюдением этого распоряжения [2, л. 74].

Серьезные проблемы в комплектовании милицейских подразделений Томской области были связаны не только с сотрудниками, но и с вольнонаемными работниками, где уровень дисциплины был достаточно низкий. Иногда встречались случаи употребления спиртных напитков в рабочее время. В частности, шофер АТО ХОЗО УНКВД по Томской области Елена Тыдыкова неоднократно была замечена в нетрезвом состоянии, часто нарушая правила дорожного движения, совершая аварии [2, л. 4].

Специфика совершенных преступлений милиционерами заключалась в обладании ими властных полномочий, доступе к разнообразной информации, в том числе и секретного характера от агентурного аппарата, временном смягчении карательной политики государства и отмены смертной казни в Советском Союзе в 1947 г., деформации правосознания у ряда милиционеров после тесного контактирования с представителями преступного мира [6, с. 34]. Коррупционные проявления ряда сотрудников НКВД СССР попадали под действие уголовного законодательства. Так, паспортист 3-го отделения милиции города Томска Т. П. Гиро 21 марта 1945 г. незаконно выдала паспорт гражданке немецкой национальности за взятку в виде шали [1, л. 90].

Необоснованно жесткие меры, равнодушие в отношении заключенных, приводило к трагическим случаям. Командир конвойного взвода опердивизиона ОУМ УНКВД младший лейтенант милиции А. П. Ткаченко 29 января 1945 г. распорядился «этапировать» 26 несовершеннолетних заключенных от станции Томск-2 в Томскую трудовую колонию № 3 при температуре – 45 градусов мороза по Цельсию. В результате обморожения 1–2 степени получили 5 заключенных несовершеннолетних девочек [1, л. 90].

Встречались и теневые экономические процессы в томской милиции, которые, в частности, выражались в аккумулировании неучтенных финансовых средств, так, например «черных кассах». Так, в сентябре 1945 г. начальником РО Парабельского районного отделения милиции старшим лейтенантом милиции В. П. Ливиковым была создана «черная касса» в сумме 6630 руб. 97 коп., которая пополнялась за счет сумм, полученных от использования арестованных

на различных работах и эксплуатации казенного конского состава. Поступление денежных средств документально не оформлялось [3, л. 119].

Для улучшения качественного состава ОВД проводилось профессиональное обучение, где также наблюдались недочеты в организации учебного процесса, подборе преподавательского состава, посещаемости занятий и мотивированности обучающихся.

Согласно директивному указанию Главного управления милиции НКВД СССР, приказом начальника УНКВД № 535 от 1 октября 1945 г. была организована общеобразовательная школа офицерского и оперативно-начальствующего состава милиции. Однако в ходе ее реализации возникла проблема к обеспечению наполняемости школы. После чего был установлен жесткий контроль за посещаемостью и успеваемостью в школе. Офицеры, не приходившие на занятия, строго наказывались [4, л. 204].

Воспитательный процесс среди личного состава также имел свои недочеты. Милиционеры-комсомольцы обучались в группах по изучению «Краткого курса истории ВКП (б)», где в целом среди них наблюдалась слабая успеваемость, большинство получали «только одни тройки» [5]. Вся культурно-массовая работа среди комсомольцев нередко сводилась только к походам в кино и театр. Вместе с тем лекции и беседы на «злободневные», «молодежные» темы отсутствовали.

Контроль за укреплением дисциплины в ОВД осуществлялся вышестоящим руководством, прокурорскими работниками, а также представителями местных советов. Все вопросы, связанные с этой проблемой, должны были рассматриваться на сессиях советов, на заседаниях исполнительных комитетов, в постоянных комиссиях по социалистической законности, в административных комиссиях, комиссиях по делам несовершеннолетних [7, с. 215].

Таким образом, недостатки в кадровом подборе выражались в слабой исполнительской дисциплине, непрофессионализме, незаинтересованности в своей служебной деятельности, формальном подходе к воспитательной работе, финансовых нарушениях, слабой мотивацией в процессе обучения, злоупотреблениями спиртными напитками. Особенно тревожная ситуация возникла среди вольнонаемного состава, где дисциплина была на достаточно низком уровне. Несмотря на это, руководством и сотрудниками советских правоохранительных органов осуществлялись действия, направленные на укрепление кадрового потенциала милиции Томской области.

Список источников

1. Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 1. д. 37.
2. Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 1. д. 35.
3. Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 1. д. 38.
4. Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 1. д. 36.

5. Газета «На боевом посту». Орган политчасти Управления милиции УМГБ по Томской области. 31 января 1950 г. № 1 (132).
6. Суверов Е. В., Москвитин Ю. Н. Преступления корыстной направленности, совершаемые милиционерами в 1945–1953 годах (на примере Западной Сибири) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87). С. 33–38.
7. Суверов Е. В. Правонарушения, совершенные милиционерами в Алтайском крае в 50-е годы XX века // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 4. С. 215–218.

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСТАВЩИКОВ ПЛАТЕЖНЫХ УСЛУГ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫМ ПЛАТЕЖНЫМ ОПЕРАЦИЯМ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

***Н. Н. Ковалёв**, старший преподаватель кафедры информационного права факультета криминальной милиции Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь*

Статья посвящена анализу нормативных правовых актов, регулирующих деятельность поставщиков платежных услуг по реагированию на инциденты, связанные с несанкционированными платежными операциями. Автор приходит к выводу о том, что базовые признаки для систем фрод-мониторинга финансовых организаций, утвержденные постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 15 декабря 2023 г. № 453 «О несанкционированных переводах денежных средств (электронных денег)», не в полной мере соответствуют складывающейся обстановке и требуют детальной проработки.

Ключевые слова: Национальный банк Республики Беларусь, киберпреступность, поставщики платежных услуг, система дистанционного банковского обслуживания, антифрод-система, несанкционированные платежные операции.

PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION OF PAYMENT SERVICE PROVIDERS' ACTIVITIES IN COUNTERING UNAUTHORIZED PAYMENT OPERATIONS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

***N. N. Kovalev**, senior lecturer of the Department of Information Law of Faculty of Criminal Police of Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus*

The article is devoted to the analysis of normative legal acts regulating the activities of payment service providers in responding to incidents related to unauthorized payment operations. The author concludes that the basic criteria for fraud monitoring systems of financial organizations, approved by the Resolution of the Board of the National Bank of the Republic of

Belarus dated December 15, 2023, No. 453 «On Unauthorized Transfers of Funds (Electronic Money)» do not fully correspond to the current situation and require detailed elaboration.

Keywords: National Bank of the Republic of Belarus, cybercrime, payment service providers, remote banking system, anti-fraud system, unauthorized payment operations.

Процесс глобализации, развития информационного общества, цифровизации различных сфер общественных отношений позволили устранить ряд проблем, ранее не имевших решения. В настоящее время практически у каждого есть возможность дистанционно получать образование, общаться, совершать покупки, не обременяя себя необходимостью куда-то ехать или стоять в очереди. Под влиянием указанных обстоятельств произошла трансформация преступности – перманентного элемента общества на всех этапах его развития.

Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, за последние пять лет количество зарегистрированных преступлений, связанных с мошенническими действиями, возросло в 3 раза (с 4290 в 2020 г. до 12774 в 2024 г.) [5].

На сегодняшний день наиболее распространенным способом совершения мошенничества является общение жертвы и преступника в мессенджере, в ходе которого последний убеждает жертву под благовидным предлогом перевести денежные средства со своего банковского счета на подконтрольный мошенникам счет.

Выявление и раскрытие подобного рода преступлений входит в компетенцию Главного управления по противодействию киберпреступности криминальной милиции Министерства внутренних дел Республики Беларусь («Управление К») и подчиненных ему территориальных подразделений органов внутренних дел.

Логично предположить, что главная роль в борьбе с интернет-мошенничествами принадлежит «Управлению К». Несомненно, Министерство внутренних дел вносит значительный вклад в борьбу с киберпреступностью, однако следует учитывать труд иных ведомств: Следственного комитета, Комитета государственной безопасности, Генеральной прокуратуры, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь. И все же особую роль в борьбе с интернет-мошенничествами в настоящее время играет банковская система, во главе которой находится Национальный банк Республики Беларусь.

В связи с тем, что мошенники стремятся побудить жертву совершить денежный перевод с использованием платежных систем, максимальными полномочиями по пресечению подобных транзакций обладает Национальный банк.

Рассматривая правовой статус и полномочия Национального банка, обратимся к Банковскому кодексу Республики Беларусь, где в ст. 25 закреплены основные цели деятельности Национального банка, в числе которых указано обеспечение эффективного, надежного и безопасного функционирования платежной системы. Согласно ст. 26 Банковского кодекса, Национальный банк устанавливает правила и порядок осуществления банковских операций, организует работу по повышению финансовой грамотности населения [1].

Таким образом, обеспечение безопасности онлайн-платежей и денежных переводов является непосредственной задачей Национального банка.

В рамках темы исследования рассмотрим отчет Национального банка о результатах деятельности за 2024 г., утвержденный Указом Президента Республики Беларусь от 23 апреля 2025 г. № 164 «Об утверждении отчета Национального банка за 2024 год» [2].

Из содержания отчета следует, что в целях противодействия несанкционированным переводам денежных средств (далее – инциденты), руководство Национального банка выступило с законодательной инициативой, результатом которой явилось принятие Указа Президента Республики Беларусь от 29 августа 2023 г. № 269 «О мерах по противодействию несанкционированным платежным операциям» [2, с. 26].

Указ № 269 определяет порядок взаимодействия Национального банка с правоохранительными органами и поставщиками платежных услуг по обмену информацией об инцидентах, что призвано оперативно и действенно реагировать на совершаемые преступления и возникающие киберугрозы в финансовой сфере. Получение, хранение, использование, передача и иная обработка информации об инцидентах осуществляется посредством автоматизированной системы обработки инцидентов Национального банка (далее – АСОИ).

В отчете сообщается, что в целях реализации Указа № 269, с 1 марта 2024 г. вступили в силу разработанные Национальным банком нормативные правовые акты, устанавливающие:

– признаки совершения перевода денежных средств (электронных денег) без согласия пользователя платежной услуги, базовые признаки для систем фрод-мониторинга финансовых организаций, а также порядок приостановления финансовой организацией перевода по платежу пользователя платежной услуги (постановление Правления Национального банка от 15 декабря 2023 г. № 453 «О несанкционированных переводах денежных средств (электронных денег)»;

– порядок предоставления поставщиками платежных услуг информации об инцидентах и нарушениях безопасности в сфере защиты информации в АСОИ (постановление Правления Национального банка от 15 декабря 2023 г. № 454 «О предоставлении информации об инцидентах и нарушениях безопасности в сфере защиты информации» [2, с. 27].

Постановлением № 453 установлены следующие базовые признаки для систем фрод-мониторинга финансовых организаций:

– несоответствие параметров инициируемого платежа параметрам переводов по платежам, обычно инициируемым данным пользователем платежной услуги;

– совпадение информации, содержащейся в платежной инструкции (платежном указании), о получателе денежных средств (электронных денег) с информацией из АСОИ;

– совпадение информации о технических параметрах устройств с информацией из АСОИ.

Можно ли считать, что вышеперечисленные признаки для систем фрод-мониторинга финансовых организаций позволяют в достаточной мере обеспечить защищенность переводов денежных средств от манипуляций со стороны киберпреступников?

Так же заставляет задуматься о доработанности Постановления № 453 формулировка пятого абзаца подпункта 1.1.: «На основе анализа характера, и (или) параметров, и (или) объемов переводов по платежам, обычно инициируемым пользователем платежной услуги, а также информации о технических параметрах устройств, с помощью которых осуществляются эти платежи, финансовая организация в локальных правовых актах определяет процедуры выявления признаков несанкционированного перевода» [3, с. 1].

Для ответа на поставленный вопрос обратимся к находящемуся в ведении Национального банка направлению деятельности по выявлению подозрительных финансовых операций, связанных с получением и (или) легализацией доходов, полученных преступным путем, финансированием террористической деятельности и финансированием распространения оружия массового поражения при осуществлении банковских операций, урегулированному постановлением Правления Национального банка от 29 марта 2023 г. № 113 «Об утверждении Рекомендаций по критериям выявления и признакам подозрительных финансовых операций, связанных с получением и (или) легализацией доходов, полученных преступным путем, финансированием террористической деятельности и финансированием распространения оружия массового поражения при осуществлении банковских операций» [4].

Постановлением № 113 установлены 48 критериев выявления и признаков подозрительных финансовых операций, которые определены с учетом особенностей деятельности банков при осуществлении ими банковских операций. Документ состоит из трех глав, регламентирующих условия и порядок его применения, а также приложения с описанием каждого из 48 критериев, которым присвоены индивидуальные коды. Кроме того, Постановлением № 113 определены

способы конкретизации и дополнения указанных критериев и признаков, а также методические рекомендации по их применению.

Таким образом, вопрос обеспечения безопасности денежных средств граждан, подвергающихся постоянной атаке со стороны киберпреступников, несомненно является острым. Возможные пути решения указанного вопроса находятся в плоскости совершенствования нормативных правовых актов, регулирующих деятельность поставщиков платежных услуг по реагированию на инциденты, связанные с несанкционированными платежными операциями.

Список источников

1. Банковский кодекс Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 25.10.2000 № 441-З: ред. от 17.02.2025. Доступ из нац. прав. интернет-портала Респ. Беларусь «Pravo.by».
2. Об утверждении отчета Национального банка за 2024 год: Указ Президента Респ. Беларусь от 23.04.2025 № 164. Доступ из нац. прав. интернет-портала Респ. Беларусь «Pravo.by».
3. О несанкционированных переводах денежных средств (электронных денег): постановление Правления Нац. банка Респ. Беларусь от 15.12.2023 № 454. Доступ из нац. прав. интернет-портала Респ. Беларусь «Pravo.by».
4. Об утверждении Рекомендаций по критериям выявления и признакам подозрительных финансовых операций, связанных с получением и (или) легализацией доходов, полученных преступным путем, финансированием террористической деятельности и финансированием распространения оружия массового поражения при осуществлении банковских операций: постановление Правления Нац. банка Респ. Беларусь от 29.03.2023 № 113: ред. от 16.04.2025. Доступ из нац. прав. интернет-портала Респ. Беларусь «Pravo.by».
5. Число зарегистрированных преступлений: интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации // belstat.gov.by: [сайт Нац. стат. комитета Респ. Беларусь]. URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10108000001 (дата обращения: 30.07.2025).

УДК 94(47) «1943/1945»

РОЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОСТАВА ЮХТИНСКОЙ ТРУДОВОЙ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ХАБАРОВСКОМУ КРАЮ В ПЕРЕВОСПИТАНИИ КОЛОНИСТОВ (1943–1945 ГОДЫ)

***Н. В. Ляскина**, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат исторических наук*

В статье, основанной на уникальных архивных материалах, раскрывается воспитательная деятельность педагогического состава по перевоспитанию несовершеннолетних правонарушителей Юхтинской трудовой воспитательной колонии Управления Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД) по Хабаровскому краю с момента организации колонии до окончания Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.). Отмечается, что реализуя задачи по перевоспитанию несовершеннолетних воспитанников, педагогический состав колонии столкнулся с рядом проблем, решение которых виделось в комплексном сочетании педагогического воздействия с трудовым воспитанием, привлечении правоохранительных и судебных органов, комсомольского движения. Архивные документы свидетельствуют, что проводимая работа не носила репрессивного характера, а была направлена на социальную адаптацию подростков, формирование законопослушного поведения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Народный комиссариат внутренних дел, Дальний Восток, Хабаровский край, Юхтинская трудовая воспитательная колония, преступность несовершеннолетних, перевоспитание правонарушителей.

THE ROLE OF THE TEACHING STAFF OF THE YUKHTIN LABOR EDUCATIONAL COLONY OF THE DEPARTMENT OF THE PEOPLE'S COMMISSARIA OF INTERNAL AFFAIRS IN KHABAROVSK TERRITORY IN THE RE-EDUCATION OF COLONISTS (1943–1945)

***N. V. Lyaskina**, associate professor of the Department of Social and Humanitarian and Economic Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in History*

The article, based on unique archival materials, reveals the educational activities of the pedagogical staff in the re-education of juvenile offenders at the Yukhtinsky Labor Educational Colony of the Directorate of the People's Commissariat of Internal Affairs (NKVD) in the Khabarovsk Territory from the moment of the colony's establishment until the end of the Great Patriotic War (1943–1945). It is noted that while implementing the tasks of re-education of juvenile inmates, the pedagogical staff of the colony faced a number of challenges, which were addressed through a comprehensive combination of pedagogical influence with labor education, involving law enforcement and judicial agencies, and the Komsomol movement. Archival documents show that the work carried out was not repressive, but aimed at social adaptation of teenagers and the formation of law-abiding behavior.

Keywords: The Great Patriotic War, the People's Commissariat of Internal Affairs, the Far East, Khabarovsk Krai, Yukhtinskaya Labor and Educational Colony, juvenile delinquency, re-education of offenders.

В годы Великой Отечественной войны наряду с функционирующими трудовыми колониями для несовершеннолетних правонарушителей в 1943 г. возникла необходимость открытия нового типа детских закрытых учреждений – трудовых воспитательных колоний (далее – ТВК).

Решение было принято в связи с высоким уровнем преступности несовершеннолетних, детерминированной ростом детской беспризорностью и безнадзорностью, достигшей своего апогея в 1942 г. [1, с. 35].

Возникшая криминогенная обстановка в среде несовершеннолетних заострила внимание советского руководства. Результатом государственного реагирования стало издание Постановления Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик (далее – СНК СССР) от 15 июня 1943 г.

№ 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством», разрешившего Народному комиссариату внутренних дел (далее – НКВД) СССР организовывать трудовые воспитательные колонии для беспризорных и безнадзорных детей в возрасте от 11 до 16 лет, неоднократно совершивших незначительные правонарушения либо когда привлечение к уголовной ответственности признавалось нецелесообразным. Руководство этими колониями возлагалось на одновременно создаваемые региональные отделы НКВД по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (ОБДББ УНКВД).

На Дальнем Востоке в Амурской области в п. Юхта с осени 1943 г. стала функционировать трудовая воспитательная колония по Хабаровскому краю для несовершеннолетних правонарушителей мужского пола (далее – ЮТВК), ставшая единственной колонией такого типа, действующей в военные годы (не считая Бираканскую ТВК, просуществовавшую около года).

Учебно-воспитательный процесс и трудовое воспитание колонистов являлся важной и неотъемленной деятельностью колонии, подтверждающий предназначение ТВК. Воспитательная работа в колонии являлась частью образовательного и производственного обучения несовершеннолетних. Воспитательный процесс в колонии осуществлялся воспитателями, закрепленными за каждым отрядом колонистов под руководством начальника учебно-воспитательной части старшего лейтенанта госбезопасности П. Д. Лоншакова (являющегося одновременно заместителем начальника ЮТВК).

Воспитатели направлялись отделом кадров УНКВД по Хабаровскому краю, Всесоюзной коммунистической партией (большевиков) (далее – ВКП (б). Среди них были не только мужчины, но и женщины. Воспитательная работа должна была осуществляться по заранее подготовленному плану. В их обязанности входило осуществление контроля за воспитанниками в школе, в производственных цехах колонии, помощь учителям и инструкторам по трудовому обучению в поддержании дисциплины с целью достижения 100 % посещаемости и успеваемости. Организация быта (посещение бани, соблюдение чистоты и порядка в спальнях), питания, занятости колонистов, включение их в общественную и трудовую жизнь, индивидуальное изучение каждого подростка, всё это ложилось на плечи воспитательного состава колонии.

Исследуя архивные документы Государственного архива Амурской области, текущего архива Государственного казенного общеобразовательного учреждения Амурской области «Специальное учебно-воспитательное учреждение п. Юхта» (ГКОУ АО «СУВУ Юхтинская спецшкола») целесообразно выделить основные организационные проблемы колонии, оказавшие влияние на воспитательный процесс несовершеннолетних.

Несмотря на предписанные требования Постановления № 659, разработанной на ее основе Инструкции НКВД, Народного комиссариата

юстиции (НКЮ) и Прокурора СССР № 326/52/45 от 21 июня 1943 г. о категориях подростков, подлежащих помещению в ТВК, все же имелись единичные случаи, когда в ТВК попадали правонарушители, скрывшие от правоохранительных органов имеющуюся судимость, персональные сведения о себе [2]. В ТВК они занимали «высшее» положение среди воспитанников, пропагандируя зэковкие ценности.

Проводимая воспитательная работа по перевоспитанию колонистов «тормозилась» не только из-за стойкой криминальной направленности подростков, сколько из-за отсутствия опыта работы со спецконтингентом, некомплекта воспитателей, морального несоответствия их облику воспитателя (проявления недисциплинированности, беспечности и пр.). В результате чего, особенно в первый год открытия колонии, совершались побеги, правонарушения в колонии, так и за её пределами (хулиганские действия, повреждение имущества, мелкие кражи, дебош, проявление неуважения к сотрудникам колонии).

Очередная проверка прокуратуры Амурской области в феврале 1944 г. выявила существенные недостатки в комплектовании воспитателей и педагогов школы, отмечая их непрофессионализм, отсутствие педагогического образования и опыта работы с трудновоспитуемыми подростками, причем из 10 воспитателей (всего 14 должностей предусмотрено штатным расписанием) половина «не соответствует своему назначению» [3].

Кадровая политика по назначению «воспитателей», не соответствующих по своим профессиональным качествам, продолжилась в связи с острым дефицитом педагогических кадров в школах Народного комиссариата просвещения Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – Наркомпрос РСФСР). В 1944 г. в результате некомплекта педагогического состава имелись случаи назначения воспитателями надзирателей, инспектора кадров, проводника розыскной собаки [4]; закрепления за одним воспитателем двух отрядов колонистов [5], что, безусловно, отражалось на проводимой ими воспитательной работе. Так, например, проводник розыскной собаки, назначенный воспитателем, применил физическую силу в отношении воспитанника, нарушившего дисциплину [6].

Вместе с этим учебно-воспитательная работа с воспитанниками проводилась и педагогическим составом средней неполной («семилетней») школы Наркомпроса, функционировавшей в детской колонии.

Особенность педагогического состава школы состояла в том, что учителями начальной школы в основном были учителя мужского пола, что позволяло «по-отцовски держать» дисциплину среди мальчишек-подростков. В большей части учителя направлялись городскими/районными отделами народного образования, комитетом комсомола, но были и единичные случаи назначения на должность по личному заявлению.

Прокуратура Амурской области в 1944 г. отмечала большой некомплект педагогов-предметников, причем требовала немедленно заменить 4–5 учителей, не соответствующих должности учителя «по своим знаниям и моральным качествам» [3]. В 1944 г. учителей набирали преимущественно мужского пола.

Начальник школы Х. Е. Тишковец с момента открытия ТВК эффективно организовала работу в школе, была замечена руководством УНКВД Хабаровского края. В октябре 1944 г. была назначена заместителем начальника колонии по учебно-воспитательной части, сменив на этом посту П. Д. Лоншакова. Неоднократно награждалась правами начальника Управления НКВД Хабаровского края комиссара госбезопасности И. И. Долгих за добросовестное отношение к труду, за достигнутые успехи в деле обучения и воспитания несовершеннолетних колонистов, за добросовестное выполнение государственных учебных и производственных программ [7].

В деле по перевоспитанию малолетних колонистов и приобщению их к трудовой жизни, получению специальности и производственной квалификации участвовали инструкторы производственно-технической части (по деревообработке, столярному и слесарному, сапожному делу, металлообработке); мастера (по токарному ремеслу, бондарному производству), столяра, закройщики пошивочной мастерской; инструктор военно-физической подготовки колонии. В большей части эти сотрудники откомандировывались в производственные цеха отделом кадров Свободненского городского отдела НКВД и Управления НКВД по Хабаровскому краю.

Источниковая база публикации на основе документов архивов (ГААО, ГКОУ АО «СУВУ Юхтинская спецшкола», ООИСФ Информационного центра УМВД России по Хабаровскому краю) свидетельствует о единичных случаях совершения побега воспитанников во время трудового и производственного обучения. Эта положительная тенденция говорит о мотивации и заинтересованности большинства воспитанников в получении специальности (и в квалификации).

Несмотря на имеющиеся недостатки в воспитательной работе ЮТВК НКВД, выявленные в 1944 г., организация воспитательной деятельности к 1945 г. сформировалась и имела следующие приоритетные направления развития воспитания колонистов.

1. Распределение времени и внутренний распорядок деятельности воспитанников. Строгое распределение времени в течение суток осуществлялось по распорядку дня.

2. Формирование отрядов из воспитанников по 25–30 человек, в котором дисциплина выстраивалась по строевому армейскому уставу. За каждым отрядом закреплялся воспитатель и командир отряда из числа воспитанников; на каждые

10 колонистов выбирался командир отделения. Воспитанники должны были беспрекословно подчиняться своим младшим командирам и «действовать строго» в соответствии со строевым уставом Красной армии.

3. Повседневная занятость и организация досуга колонистов: занятия в школе; работа и учеба в производственных цехах; участие в художественной самодеятельности клуба и в спортивных мероприятиях (игры, спортивные состязания), в общественных формированиях. При школе была организована кружковая работа. Драматический, хоровой и физкультурный проводились под руководством учителей и воспитателей. Развивалась военно-физическая подготовка.

4. Проведение индивидуальных, коллективных бесед, собраний в отрядах.

5. Внедрение комсомольской и пионерской работы в отрядах. Большинство прибывающих в колонию воспитанников относились отрицательно к комсомолу. Длительная и настойчивая работа комсомольской организации совместно с воспитателями и педагогами к 1945 г. позволила увеличить количество комсомольцев в рядах воспитанников и добиться их авторитета над авторитетом «хулиганствующих» колонистов. Комсомольцы помогали пионерской организации; шефствовали над пионерами, требующими контроля за поведением, учебой и работой.

6. В системе воспитательной работы широко использовалась поощрительная практика (денежное – за выполнение и перевыполнение производственного плана, моральное (объявление благодарности, предоставление выходных для посещения родных, премирования костюмами, книгами и пр.). На 1 января 1946 г. в колонии содержалось 576 воспитанников, из которых было сформировано 15 отрядов. За 1945 г. объявлено 173 благодарности и премирован 101 человек, что составило из общего количества воспитанников 47,6 % поощренных за образцовую дисциплину, хорошую учебу в школе и на производстве. В то время, как привлечено к мерам наказания –16, 5 % колонистов (лишение прогулок – 15 чел., помещение в штрафную комнату – 9 чел., объявлен выговор – 58 чел., назначен наряд вне очереди – 13 чел.).

7. Пресечение противоправного поведения колонистов. Немедленное реагирование руководства, педагогического состава, работников колонии на деструктивное поведение, приводящее к совершению правонарушений, распорядка дня с применением мер дисциплинарного и воспитательного воздействия.

8. Привлечение работников и сотрудников суда и прокуратуры для проведения показательных судебных разбирательств над несовершеннолетними колонистами с устойчивой криминальной направленностью, совершающими в детской колонии правонарушения. Изъятие их из среды воспитанников и помещение в трудовые колонии НКВД.

Подчеркивая значимость педагогического состава ЮТВК УНКВД по Хабаровскому краю, состоящего из воспитателей, учителей, инструкторов, мастеров (производственного обучения, военно-физической подготовки) отмечаем трудности объективного и субъективного характера в воспитательной работе. Вместе с тем в колонии имелось и много положительных направлений, благодаря которым воспитанники получали «крепкую политическую и моральную закалку», «прочно вставали на путь честного труда и любви к учебе» [8].

Список источников

1. Лукашев А. Н. Деятельность милиции Хабаровского края по обеспечению общественного порядка в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Хабаровск: Хабаровская высшая школа МВД России, 1984. 64 с.
2. Организационно-правовые аспекты повышения эффективности воспитательной работы среди несовершеннолетних правонарушителей, содержащихся в трудовых колониях НКВД СССР в 1940–1950 гг. // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 35–39.
3. ГААО. Ф. 759. Оп. 1. Д. 26. Л. 10–11.
4. ГКОУ АО «СУВУ Юхтинская спецшкола». Книга приказов от 02.01.1945 по 24.12.1945. Л. 47, 110.
5. ГААО. Ф.П-1944. Оп. 1. Д. 4. Л. 3об.
6. ГКОУ АО «СУВУ Юхтинская спецшкола». Книга приказов от 02.01.1945 по 24.12.1945. Л. 307.
7. ГКОУ АО «СУВУ Юхтинская спецшкола». Книга приказов от 02.01.1945 по 24.12.1945. Л. 68а.
8. ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 29. Л. Л. 164, 166–167.

УДК 94(47).084.8

СОТРУДНИЧЕСТВО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД В СФЕРЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ

***Р. Р. Мазитов**, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматриваются формы и содержание сотрудничества правоохранительных органов Советского Союза и Китайской Народной Республики в послевоенный период. Особое внимание уделено процессам формирования китайской системы безопасности при поддержке Союза Советских Социалистических Республик, включая подготовку кадров в советских вузах и создание на территории Китайской Народной Республики собственных специализированных учебных заведений.

Ключевые слова: Союз Советских Социалистических Республик, Китайская Народная Республика, правоохранительные органы, Министерство внутренних дел, Министерство общественной безопасности, сотрудничество, обучение кадров, нормативные акты, советские советники.

COOPERATION BETWEEN THE LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF THE UNION OF SOVIET SOCIALIST REPUBLICS AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN THE POST-WAR PERIOD IN THE FIELD OF PERSONNEL TRAINING

***R. R. Mazitov**, senior lecturer at the Department of State and Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article examines the forms and content of cooperation between the law enforcement agencies of the Soviet Union and the People's Republic of China in the post-war period. Special attention is paid to the processes

of forming the Chinese security system with the support of the Union of Soviet Socialist Republics, including the training of personnel in Soviet universities and the establishment of specialized educational institutions in China.

Keywords: Union of Soviet Socialist Republics, China, law enforcement agencies, Ministry of Internal Affairs, Ministry of Public Security, cooperation, training, regulations, Soviet advisers.

Подготовка высококвалифицированных кадров для правоохранительных органов, способных эффективно решать сложные задачи на национальном и международном уровнях, является одной из важнейших государственных функций практически всех стран, в том числе Российской Федерации (далее – РФ) и Китайской Народной Республики (далее – КНР). Это связано со стремительным развитием и обновлением преступлений как внутреннего, так и международного характера, терроризма, киберпреступности и других форм организованной преступности. В этих не простых условиях особую актуальность приобретает международное сотрудничество в области подготовки полицейских кадров, особенно между странами, имеющими общий стратегический интерес в поддержании региональной безопасности, такими как Россия и Китай.

Взаимодействие между правоохранительными органами России и Китая берёт своё начало ещё с советского периода, времени окончания Второй мировой войны и образования КНР, получившее совершенно новый импульс после подписания в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР [1]. В рамках которого стороны взяли на себя обязательство активно сотрудничать в борьбе с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, организованной преступностью, наркобизнесом и нелегальной миграцией, в условиях вызовов XXI в.

Установление дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик (далее – СССР) и КНР в 1949 г. привело к развитию сотрудничества в различных сферах государственного строительства КНР, в том числе и правоохранительной деятельности. Именно в этот период совместной истории двух приграничных государств начинается строительство органов власти и управления молодого китайского государства.

Так формирование правоохранительных органов осуществлялось достаточно трудно – «согласно ленинской теории (и практике) старому правоохранительному аппарату довериться было нельзя, он подлежал ликвидации и замене на коммунистические кадры. В данном вопросе Мао Цзэдун был солидарен с вождем большевиков, но преданных, квалифицированных кадров в его распоряжении было явно недостаточно. Поэтому пришли к компромиссу: прежним сотрудникам, главным образом сельским полицейским в небольших чинах, на первых порах

было позволено продолжить службу. Но в полицейские органы набирались неофиты из бойцов партизанской армии, крестьянского и рабочего актива, которые должны были в дальнейшем полностью сменить старый личный состав» [3, с. 41]. И поэтому важную роль играла совместная деятельность органов правопорядка двух стран по обмену опытом в борьбе с преступностью, взаимной помощи в обеспечении общественного порядка, а также координация действий в рамках социалистического лагеря. Подписание в феврале 1950 г. Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР [2] стало основой для углубления взаимодействия не только в сфере политики, экономики, военного дела, а также сотрудничестве в сфере обеспечения безопасности и борьбы с внутренней оппозицией и поэтому особое значение имело взаимодействие правоохранительных органов – Министерства внутренних дел (далее – МВД), Комитета государственной безопасности (далее – КГБ) и их китайских аналогов.

В первые годы существования КНР китайские власти столкнулись с необходимостью создания эффективного механизма управления, включая милицию, спецслужбы и судебную систему. Определенную роль в «профессиональной подготовке» китайской коммунистической полиции сыграли и органы ОГПУ-НКВД СССР. [4; С. 38–42.].

Советский Союз предоставил значительную помощь в этом процессе: проводилось обучение кадров путём направления китайских специалистов в советские вузы, в том числе специализированные учебные заведения, такие как Высшая школа МВД СССР и академия КГБ.

В ноябре 1949 г. при непосредственном участии советской стороны создаётся Министерство общественной безопасности (далее – МОБ) КНР, которое стало аналогом советского МВД, советские специалисты приняли участие в разработке его структуры, функций и полномочий.

Одновременно велось обучение кадров для новых учебных заведений по подготовке сотрудников системы правоохранительных органов, создаваемых непосредственно на территории КНР. В послевоенный период были организованы и действуют в настоящее время развитая система образовательных организаций, готовящих кадры для полицейских подразделений. В эту систему входят два университета, непосредственно подчиненных центральному аппарату министерства: Китайский народный университет общественной безопасности в г. Пекине и Китайский университет уголовной полиции в г. Шэньяне, который ведет свою историю с мая 1948 г., когда в г. Харбине были открыты Северо-Восточные курсы подготовки кадров общественной безопасности; военный университет, готовящий кадры для воинских формирований МОБ, а также институты, подчиненные управлениям общественной безопасности провинций (их всего 31 – по числу единиц административно-территориального деления Китая (23 провинции, 5 автономных районов и 4 города центрального подчинения) [3].

В этот же период было создано одно из важнейших учебных заведений, готовивших кадры для системы внутренней безопасности и охраны общественного порядка в Китае – Хэйлунцзянский институт народной милиции. Расположенный в провинции Хэйлунцзян, на границе с Советским Союзом, он играл особую роль в обеспечении безопасности на приграничных территориях и стал одной из площадок для реализации советско-китайского военно-образовательного сотрудничества в послевоенные годы.

Проведенные совместные мероприятия позволили подготовить квалифицированные кадры для правоохранительных органов КНР и создали основу для формирования централизованной системы внутренних дел Китая.

Сотрудничество правоохранительных органов СССР и КНР в послевоенные годы сыграло решающую роль в формировании китайской системы безопасности. Однако это сотрудничество было временным и зависело от общего уровня советско-китайских отношений. После начала идеологического разрыва в начале 1960-х гг. двусторонние связи в этой сфере усложнились, однако полностью прекращены не были. Правоохранительные органы продолжали поддерживать ограниченный контакт.

1970-е и последующие годы характеризуются нормализацией взаимоотношений между ССС и КНР в связи с изменением международной обстановки, что привело к возобновлению в различных сферах сотрудничества, в том числе и правоохранительной.

Сотрудничество правоохранительных органов СССР и КНР в период с 1945 по 1991 г. прошло несколько этапов: от тесного партнерства в послевоенные годы до временного разрыва в 1960-х и возобновления диалога в 1980-х. Это сотрудничество было важной частью советско-китайских отношений и отражало как общие интересы, так и различия в подходах к обеспечению безопасности.

Современный этап развития правоохранительной системы требует глубокой модернизации, в том числе в области подготовки кадров. Россия и Китай, обладая богатым опытом в этой сфере, имеют все предпосылки для углубления сотрудничества. Совместная подготовка кадров позволяет не только обмениваться передовыми практиками, но и формировать единое пространство безопасности в Евразии.

Развитие образовательного сотрудничества между КНР и РФ в сфере подготовки полицейских кадров – это важное условие укрепления региональной безопасности, борьбы с терроризмом, экстремизмом и организованной преступностью. На основе уже достигнутых результатов возможно дальнейшее углубление взаимодействия, что будет способствовать устойчивому развитию двух стран и всего евразийского пространства.

Список источников

1. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 27 мая 2002 г. № 21, ст. 1922.
2. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР от 14 февраля 1950 г. М.: Издательство Министерства иностранных дел СССР, 1950.
3. Калугин А. Г. Организация подготовки полицейских кадров в Китае // Вестник Сибирского юридического института МВД России.
4. Лу-Джи. Китайская революция. Л., 1956.
5. Решетников И. В. Становление и развитие полиции Китая // Юристъ-Правоведъ. № 2. 2011.

УДК 101.1

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ РАЗРЕЗЕ

***А. К. Наурзбаева**, старший преподаватель-методист учебно-методического центра Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева, магистр истории*

В статье предлагается социально-философский анализ некоторых общечеловеческих ценностей личности военнослужащего. В изучении общечеловеческих ценностей военнослужащего основное внимание уделено аксиологическому подходу, поскольку смысл жизни, честь, достоинство, свобода личности военнослужащего являются фундаментальными ценностями человека. Автор акцентирует внимание на концепциях философов И. Канта, К. Маркса, А. Камю, Н. Бердяева, которые в своих теориях рассматривают феномен общечеловеческих ценностей.

Ключевые слова: личность, военнослужащий, ценность, аксиологический подход, смысл жизни, честь, достоинство, свобода личности.

HUMAN VALUES OF A MILITARY PERSON IN A SOCIO-PHILOSOPHICAL CONTEXT

***A. K. Naurzbayeva**, senior lecturer-methodologist of the Educational and Methodological Center of the Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Shrakbek Kabylbayev, Master of History*

The article offers a socio-philosophical analysis of some human values of a military person. In the study of universal values of a serviceman, the main focus is on the axiological approach, as the meaning of life, honor, dignity, and freedom of a serviceman's personality are fundamental human values. The author emphasizes the concepts of philosophers such as Immanuel Kant, Karl Marx, Albert Camus, and Nikolai Berdyaev, who explore the phenomenon of universal values in their theories.

Keywords: personality, serviceman, value, axiological approach, meaning of life, honor, dignity, and freedom of personality.

Общеизвестно, что исторический процесс сопровождается различными вооруженными противостояниями. Внутриформационные столкновения способствуют защите государственных интересов путем формирования специализированного войска.

В обозначенном аспекте ключевую роль выполняет воинская деятельность, которая представляется в качестве отдельной социальной активности. Такая служба связывается с обеспечением безопасности социума и усматривается в эффективном развитии личности, в развитии её ценностно-мотивационного компонента. Справедливо заметим, что показатели воинской деятельности сегодня напрямую зависят от профессиональной подготовленности личности военнослужащего.

В социальной философии личность изучается в многообразных аспектах, поскольку последняя предстает как сложное и многогранное явление, как динамично развивающийся общественный феномен. Интересным видится позиция исследователя В. Абушенко, который отображает социальную природу личности, как субъекта социокультурной жизни, определяя его как носителя индивидуального начала, самораскрывающегося в контексте социальных отношений, общения и предметной деятельности [1].

Так, военнослужащие выступают в качестве социально-профессионального сообщества, которое во главу угла ставит постоянно действующие мотиваторы повседневной жизни – ценности. Следует отметить, что усвоение ценностей происходит посредством жизненных ситуаций, где военнослужащие являются обычными гражданами, для которых жизнь человека, здоровье, честь и достоинство, свобода становятся наивысшими человеческими ценностями.

Социально-философский анализ общечеловеческих ценностей военнослужащего позволяет выделить обусловленность использования аксиологического подхода. Так, исследователь Г. Выжлецов выделяет, что обозначенный подход позволяет рассмотреть эволюцию ценностей, оказывающих существенное воздействие на возможность развития и совершенствования личности, удовлетворение социальных, нравственных, духовных и материальных потребностей [3]. Примечательно, что центром аксиологической методологии выступает феномен «ценность», который выступает специфически социальным определением объектов окружающего мира, выявляющее их положительное или отрицательное значение для человека и общества [8].

Фундаментальными общечеловеческими ценностями военнослужащего социальная философия усматривает смысл жизни, здоровье, честь, достоинство, свобода личности, которые являются своеобразной цементирующей основой духовного мира военнослужащего, его мировоззрения и средством активизации профессиональной деятельности. Социально-философский анализ обозначенных

ценностей в контексте военной службы подчеркивает их необходимость для морального и профессионального развития, а также для укрепления социальной гармонии и устойчивости социума.

Повествуя об общечеловеческих ценностях военнослужащего, необходимо обозначить позицию философа С. Франка, который значение термина «смысл» сводит к понятию разумности, которое целенаправленно ведет человека к определенной цели. «Разумно то поведение, которое согласовано с поставленной целью и ведет к ее осуществлению, разумно или осмысленно пользование средством, которое помогает нам достигнуть цели», – пишет мыслитель [9]. Иными словами, достигаемая цель человека по своей природе разумна и осмыслена.

В подобной трактовке смысл жизни для военнослужащего осознается как цель в этом мире и связывается со служением обществу, защитой ближних, с получением образования, воспитания и личным саморазвитием. Со смыслом жизни тесно взаимосвязана ценность здоровья военнослужащего. Так, исследования Н. Якушина показывают, что в ходе реализации задач по охране и защите государства у военнослужащего развивается базовая ценность здоровья [10].

В процессе профессиональной деятельности военнослужащего кульминационной детерминантой смысла жизни выступает призвание военнослужащего, которое выражается в свободе человека. При этом военное призвание выступает свободно избираемым выбором военного человека.

Для полной свободы в своем призвании человек избирает его соответственно своим природным задаткам и особенностям, устанавливая единство внутреннего и внешнего. Поскольку армия в критических ситуациях является единственной силой, которая способна восстановить максимально возможную степень свободы и справедливости на определенных этапах исторического развития. В связи с этим заслуживает внимания позиция экзистенциалиста А. Камю, который обращается к феномену свободы и видит смысл свободы в осознанном выборе. Абсолютную свободу философ видит в насмешке над справедливостью. Абсолютная справедливость выступает отрицанием свободы. «Животворность обоих понятий зависит от их взаимного самоограничения… Умирать имеет смысл только за свободу, ибо лишь тогда человек уверен, что он умирает не целиком» [5], – повествует мыслитель.

Для раскрытия человеческой духовной активности сегодня развиваются такие ценности, как честь и достоинство военнослужащего. Уместным является упоминание Н. Бердяевым, что русский человек и весь русский народ должны сознать божественность человеческой чести и честности [2]. Идеи классика русской философской мысли усматриваются как путь совершенствования общества и человека в отдельности. Ведь честь современного военнослужащего

представляет собой чувство собственного достоинства, уважение к себе и окружающим. Для военнослужащего честь означает соблюдение правил и выполнение своего долга даже в сложных жизненных ситуациях. Достоинство военнослужащего как общечеловеческая ценность выступает базой соблюдения принципов морали и этики, нравственных ценностей, основанных на единых духовных принципах.

Вышеобозначенные ценности военнослужащих порождают моральную целостность, где военнослужащий должен быть верным хранителем военной морали. К принципам морали современного военнослужащего относят дисциплинированность, скромность, нетерпимость к высокомерию, вежливость, тактичность, сдержанность. Феномен морали изучается в философско-этическом учении И. Канта, где обозначенное явление представляет собой способ регуляции человеческой деятельности. Согласно концепции философа, обязательно должны быть определенные нравственные мотивы, которыми человек руководствуется в процессе жизнедеятельности. Определяющее влияние на поступки человека оказывает представление о долге, априорно присущее сознанию индивида. Безусловное долженствование, считал И. Кант, «чистое представление о долге и вообще нравственном законе, без всякой чуждой примеси … имеет на человеческое сердце гораздо более сильное влияние, чем все другие мотивы» [6]. Под мотивом согласно концепции крупного советского философа М. Кагана подразумевается структурный элемент, который является связующим во внутренней структуре деятельности [4]. Мотивом военнослужащего выступает потребность, которая удовлетворяется в ходе и с помощью конкретной деятельности. Вместе с тем воинская деятельность требует контроля над потребностями и подчинена их ценностной мотивации. В частности, практическая деятельность военнослужащего характеризуется мотивами, которые позволяют проявлять активность по отношению к объекту, вступать в отношения с другими субъектами деятельности по поводу производства такого продукта, как «защита». Здесь уместно выделить выражение немецкого классика К. Маркса, который видит в деятельности солдат производство защиты, но не хлеба [7].

Таким образом, в основании деятельности военнослужащего лежит особый мотив, связанный с сохранением собственной жизни и других общечеловеческих ценностей. Для военнослужащего мотивация деятельности не может лежать в плоскости материальных ценностей. Поскольку сфера его деятельности лежит в области духовных ценностей, таких как жизнь, здоровье, свобода, честь и достоинство.

На основе вышеизложенного можно утверждать о том, что у каждого военнослужащего в ходе практической деятельности формируются общечеловеческие ценности. Как правило, общечеловеческие ценности

военнослужащих развиваются на основе фундаментальных, базовых ценностей простого человека и способствуют формированию профессиональной личности, которая готова к выполнению общественного долга и соблюдению дисциплины.

В перспективе, к обозначенной проблеме необходимо систематическое внимание государства и научного философского сообщества, поскольку развитие ценностных ориентиров отдельного военнослужащего будет способствовать высокой боевой готовности армии любого государства.

Список источников

1. Абушенко В. Л. Личность // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск: Изд. В. М. Скакун, 1998. 896 с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Хронос, 1990. 432 с.
3. Выжлецов Г. П. Аксиология: становление и основные этапы развития // Социально-политический журнал. 1996. Т. 1. С. 86–99.
4. Каган М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). М., 1974. 328 с.
5. Камю А. Бунтующий человек // Философия. Политика. Искусство: сб. произведений /сост. А. М. Руткевич. М.: Политиздат, 1990. С. 345.
6. Кант И. Сочинения. М., 1965. Т. 4. 544 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 26. Ч. 1. 407 с.
8. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1987. 590 с.
9. Франк С. Л. Смысл жизни // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 83.
10. Якушина Н. В. Ценности и ценностные ориентации военнослужащих российской армии // Сер. 12. 2008. Вып. 3 Вестник Санкт-Петербургского университета. С. 331.

УДК 343.2

ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

***А. В. Николаев**, магистрант Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматриваются правовые основы и порядок применения конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Анализируются виды имущества, подлежащего конфискации, особенности конфискации имущества, смешанного с законно приобретенным, и преобразованных преступных доходов. Особое внимание уделяется отличию конфискации как меры уголовно-правового характера от конфискации вещественных доказательств.

Ключевые слова: конфискация имущества, обвинительный приговор, преступный доход, ущерб от преступления.

PROCEDURE FOR APPLYING PROPERTY CONFISCATION IN CRIMINAL LAW

***A. V. Nikolaev**, master's student of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article examines the legal basis and procedure for applying property confiscation as another criminal measure in accordance with the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. It analyzes the types of property subject to confiscation, the specifics of confiscation of property mixed with legally acquired property, and converted criminal proceeds. Particular attention is given to the distinction between confiscation as a criminal measure and the confiscation of material evidence.

Keywords: confiscation of property, conviction, proceeds of crime, damage from crime.

Правовые основы конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера содержатся в ст. 104.1–104.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а также в соответствующих

положениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), регулирующих порядок наложения ареста на имущество и его изъятия. Согласно ст. 104.1 УК РФ, конфискации подлежит имущество, указанное в данной статье, на основании обвинительного приговора суда. К такому имуществу относятся:

1) деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступлений, перечисленных в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, или являющиеся доходами от этого имущества;

2) деньги, ценности и иное имущество, полученное в результате совершения преступлений, перечисленных в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, и доходы от этого имущества были частично или полностью преобразованы или конвертированы;

3) деньги, ценности и иное имущество, используемые или предназначенные для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованных групп, незаконных вооруженных формирований, преступных сообществ или преступных организаций;

4) орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому.

Деньги и иные ценности, полученные в результате преступления, согласно ст. 230 УПК РФ подлежат возвращению законному владельцу или обращаются в доход государства в случае отсутствия такового. Отличие этой уголовно-процессуальной меры от конфискации как иной меры уголовно-правового характера заключается в том, что предметы уголовно-процессуальной конфискации имеют особое процессуальное значение: они являются вещественными доказательствами [3, с. 15]. Поэтому в приговоре суд распоряжается этим имуществом как вещественными доказательствами. Деньги, ценности, иное имущество или доходы, полученные в результате преступления, не всегда являются вещественными доказательствами. Кроме того, они ограничены по кругу преступлений, предусмотренных ст. 104.1 УК РФ.

В случаях, когда деньги, ценности, иное имущество или доходы фактически не могут быть изъяты (использованы, реализованы, внедрены в производство и т. п.), производится денежная оценка имущества или доходов, подлежащих конфискации. Сумма, соответствующая этой оценке, взыскивается с виновного в качестве иной меры уголовно-правового характера (ст. 104.2 УК РФ).

Особую сложность на практике представляет вопрос о конфискации имущества, которое смешано с имуществом, полученным законным путем. В таких случаях суд должен установить, какая часть имущества подлежит конфискации, исходя из пропорционального соотношения имущества, полученного преступным путем, и имущества, приобретенного законным путем. При этом доказывание преступного происхождения имущества лежит на стороне обвинения.

Важным аспектом является также то, что конфискации подлежат не только непосредственно полученные преступным путем деньги и ценности, но и преобразованные в иное имущество доходы. Это позволяет предотвратить уклонение от конфискации посредством сокрытия преступных доходов в различных активах. Однако данное положение создает определенные трудности в доказывании связи между преступным доходом и имуществом, в которое он был преобразован [4, с. 620].

Правоприменительная практика показывает, что нередко возникают сложности в установлении факта принадлежности имущества, подлежащего конфискации, обвиняемому. Часто преступники используют подставных лиц для сокрытия своих активов, что затрудняет их изъятие.

Следует отметить, что конфискация как иная мера уголовно-правового характера отличается от конфискации как вещественного доказательства в уголовном процессе. В последнем случае речь идет о деньгах и ценностях, полученных в результате преступления, имеющих значение для расследования, и судьба которых решается в порядке, предусмотренном ст. 81 УПК РФ.

Несмотря на широкие возможности, предоставляемые институтом конфискации имущества, существуют определенные ограничения, препятствующие его применению в ряде случаев.

Во-первых, конфискация невозможна без вынесения обвинительного приговора. Освобождение лица от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, применение принудительных мер медицинского характера или смерть обвиняемого исключают возможность применения конфискации.

Во-вторых, конфискация возможна только в отношении имущества, приобретенного в результате совершения преступлений, прямо указанных в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Это означает, что если преступление, в результате которого было получено имущество, не входит в указанный перечень, конфискация не применяется.

В-третьих, конфискация не применяется в отношении имущества, принадлежащего третьим лицам, даже если оно использовалось для совершения преступления. Это положение направлено на защиту прав собственности добросовестных приобретателей.

В-четвертых, существуют проблемы, связанные с доказыванием связи между преступным доходом и имуществом, приобретенным на эти средства. Если сторона обвинения не может доказать, что имущество было приобретено за счет доходов, полученных преступным путем, оно не подлежит конфискации. Это особенно актуально в случаях, когда имущество приобреталось через длительный период времени после совершения преступления.

На практике возникают также вопросы, связанные с конфискацией имущества, расположенного за пределами территории РФ. В таких случаях необходимо применять положения международного права и заключать соглашения о взаимной правовой помощи.

Одной из важнейших целей конфискации имущества является возмещение ущерба, причиненного преступлением. В соответствии со ст. 104.3 УК РФ, в первую очередь за счет конфискуемого имущества должно быть обеспечено возмещение ущерба, причиненного потерпевшим от преступления.

При этом возмещается только имущественный вред, прямо связанный с утратой или повреждением имущества потерпевшего. Иные виды вреда, такие как моральный вред или упущенная выгода, подлежат возмещению в гражданско-правовом порядке [1, с. 74].

В описательно-мотивировочной части обвинительного приговора суд должен обосновать решение о конфискации имущества, указав, что данное имущество было приобретено в результате преступной деятельности или использовалось для финансирования преступной деятельности. Кроме того, необходимо указать конкретный размер ущерба, причиненного преступлением, и обосновать возможность его возмещения за счет конфискуемого имущества.

На практике возникают сложности в определении размера ущерба, причиненного преступлением, особенно в случаях, когда преступление носит сложный характер и причиняет ущерб множеству потерпевших. В таких случаях необходимо проводить тщательное расследование и привлекать экспертов для определения размера ущерба.

Следует отметить, что вред, причиненный преступлением, должен быть возмещен законному владельцу имущества, даже из средств, вырученных от продажи орудий, оборудования и средств совершения преступления (если они не подлежали уничтожению). Это положение подчеркивает приоритет интересов потерпевших перед интересами государства в отношении конфискуемого имущества.

Несмотря на наличие законодательной базы, регулирующей конфискацию имущества, на практике возникает ряд проблемных аспектов, требующих решения.

Сложность доказывания связи между преступным доходом и имуществом. Для решения этой проблемы необходимо совершенствовать методы расследования финансовых преступлений, разрабатывать новые инструменты анализа финансовых потоков и привлекать экспертов в области экономики и финансов.

Проблемы, связанные с установлением принадлежности имущества обвиняемому. Необходимо расширять возможности правоохранительных органов по выявлению подставных лиц и офшорных компаний, используемых для сокрытия активов.

Отсутствие единой базы данных конфискованного имущества. Создание такой базы данных позволит повысить эффективность управления конфискованным имуществом и обеспечить прозрачность его использования [5, с. 380].

Проблемы, связанные с конфискацией имущества, расположенного за пределами РФ. Необходимо активизировать международное сотрудничество в области борьбы с преступностью и заключать соглашения о взаимной правовой помощи по вопросам конфискации имущества.

Недостаточная подготовка специалистов, занимающихся расследованием дел о конфискации имущества. Необходимо проводить регулярное повышение квалификации следователей, прокуроров и судей по вопросам применения института конфискации имущества.

Конфискация имущества является эффективным инструментом борьбы с преступностью, позволяющим лишить преступников материальной выгоды и возместить ущерб, причиненный преступлениями. Однако для повышения эффективности применения данного института необходимо решать существующие проблемные аспекты правоприменения. Совершенствование законодательства, усиление межведомственного взаимодействия, активизация международного сотрудничества и повышение квалификации специалистов позволят более эффективно применять институт конфискации имущества и обеспечить неотвратимость наказания за преступления.

Список источников

1. Алексеева Т. П. Актуальные вопросы теории, связанные с регламентацией понятия «конфискация имущества» в отечественном праве // Вестник магистратуры. 2019. № 8–2 (95). С. 73–75.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. М.: Проспект, 2021. 816 с.
3. Корнеев С. А. Уголовная ответственность и иные меры уголовно-правового характера в структуре уголовно-правового воздействия: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2021. 23 с.
4. Савин А. А. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера // Синергия наук. 2021. № 36. С. 618–624.
5. Щербакова А. А. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера // Молодой ученый. 2021. № 50 (392). С. 379–383.

УДК 340.01

НЕЗАКОННОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ БИБЛИИ ПОД ВИДОМ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В АНГЛИЮ В 1526–1534 ГОДАХ

***В. С. Петухов**, магистрант Богословского факультета Российского православного университета святого Иоанна Богослова*

В статье осуществлена попытка проследить социальные события и общественные взаимоотношения различных слоев населения Англии в начале XVI в. и их роль в появлении в стране Библии, переведенной на английский язык в 1526 г. По материалам научных статей и монографий применены общенаучные методы описания исторических событий, их осмысление и интерпретации, а также использован идеографический метод. На основании проведенного с использованием различного научного инструментария исследования представлен обзор теолого-юридической ситуации, сложившейся в Англии в начале XVI в. Автор приходит к выводу о значительном влиянии континентальной реформации на развитие и распространение идей протестантской теологии в английском обществе.

Ключевые слова: Англия, реформация, барристер, купцы-авантюристы, печатный станок, английские эмигранты, незаконное перемещение.

ILLEGAL TRANSFER OF THE BIBLE UNDER THE GUISE OF LEGAL LITERATURE TO ENGLAND IN 1526–1534

***V. S. Petukhov**, master's student at the Faculty of Theology of the St. John the Theologian's Russian Orthodox University*

The article attempts to trace the social events and social relationships of various segments of the population of England in the 16th century AD and their role in the appearance of the Bible in the country, translated into English in 1526. Based on the materials of scientific articles and monographs, general scientific methods of describing historical events, their understanding and interpretation, as well as the ideographic method were used. Based on the research conducted using various scientific

instruments, an overview of the theological and legal situation in England at the beginning of the 16th century AD is presented. The author comes to the conclusion about the significant influence of the Continental Reformation on the development and dissemination of the ideas of Protestant theology in English society.

Keywords: England, reformation, barrister, merchant adventurers, printing press, English emigrants, illegal movement.

Становление Англии как политической нации происходит на фоне религиозного предреформационного настроения общества по отношению к католической церкви Англии в 1520–1534 гг. До проведения Генрихом VIII Тюдором «королевской» Реформации в 1534 г., после которой произошел разрыв с Римско-католической церковью, «на территории Англии и Уэльса насчитывалось примерно 9,5 тыс. приходских церквей и 840 монастырей, при этом количество духовных лиц (белое духовенство и монашество) составляло примерно 60 тыс. человек, а священников-мужчин, служивших в приходах и часовнях, составляло примерно 50 тыс. человек» [12, P. 3–6]. Католическая церковь Англии до Реформации, помимо религиозного учреждения, являло собой влиятельный и могущественный институт в политическом и экономическом аспектах. Английские епископы были в основном юристами по образованию и занимали место среди знати, оставаясь крупными землевладельцами и имея право взымать десятину, выделяясь в Европе своей материальной состоятельностью.

Однако влияние ухудшающихся экономических факторов на положение духовных лиц стали заметными начиная «с 1495 г. по 1520 г.: рост цен примерно на 50 %, увеличение королевского налогообложения духовенства» [4, с. 30]. С 1490 г. возрастает количество имущественных исков на притязания церковных земель и их перераспределение, в связи с чем наряду с другими экономическими и социальными потрясениями в стране обществу требовалось большее число представителей юридической профессии, что способствовало появлению барристеров (англ. Barristers), значительно расширивших адвокатское сообщество с момента появления первых юридических школ в Англии в XIII в., и которые агрессивно распространяли свою практику. Растущее количество судебных подворий, готовивших студентов в практикующих юристов и адвокатов, нуждались в учебных пособиях юридической направленности.

Возросший запрос на юридическую литературу был удовлетворен событием, впоследствии оказавшим влияние на распространение реформаторских идей, а именно создание Иоганном Гутенбергом (Johannes Gutenberg) в 1450 г. первого печатного станка, что позволило удешевить и ускорить изготовление книг. Последующее развитие издательского дела с организацией во многих городах

европейского континента типографий к концу XV в. увеличило доступность книг для широкой массы читателей, вызывая спрос на новые книги и знания. С начала XVI в. в Англии повышается интерес к духовной литературе у разных слоев населения и к 1518 г., когда была перемещена книга континентального реформатора Мартина Лютера, в стране уже существовала незаконная книжная торговля, не контролируемая католической церковью и представляющая угрозу ее господству.

Внешняя торговая деятельность, осуществляемая английскими купцами между Англией и странами европейского континента, способствовала перемещению и распространению религиозной литературы, запрещенной католической церковью Англии. Монополия на торговлю на побережье Северного моря была юридически оформлена в 1505 г. королевской грамотой Генрихом VII и принадлежала «Компании купцов-авантюристов (The Company of Merchant Adventurers)». В названии Компании обозначено слово «авантюрист (adventurers)», семантика которого различается в русской и английской традициях. В отличие от русского понимания термина в негативном окрасе, в английской культуре производное от существительного «adventure (риск, опасность, особенно в путешествии, исследовании)» – «adventurers (авантюрист)» воспринималось по отношению к купцам как «лицо, которое ищет, исследует, изучает, стремится к успеху, идет для этого на риск, используя всякие методы, может быть не всегда достойные» [12, P. 14]. Обладая смелостью следовать как по известным, так и неизученным морским путям, английские купцы понимали риск потери – жизни собственной, капитала или товара, и все же в случае успеха торговой операции они становились самыми богатыми людьми в своем городе, в зависимости от образования получали должности в городском патрициате и способствовали успешному развитию экономики Англии. Лондонское отделение «Компании купцов-авантюристов» разительно отличалось от других внешнеторговых представительств по всей стране, имея весьма расширенные привилегии экономического, юридического и административного характера. Подобное положение купцов с их трудно контролируемыми доходами от импорта католическая церковь Англии стремилась обложить десятиной.

Знакомые с континентальными протестантскими движениями, при этом активно перемещая в Англию протестантскую литература, среди английских торговых компаний преобладали мятежные настроения по отношению к католической церкви Англии. Лондонский купец Хамфри Монмут (Humphrey Monmouth) в 1524 г. содействовал в перевозке молодого полиглота богослова Уильяма Тиндейла (William Tyndale) на континент, который в духе, свойственном протестантам, возгорелся идеей перевести Библию с латыни, греческого и древнееврейского языков на английский язык, чтобы она стала

понятна простому народу, а не только католическому духовенству, трактующая Священное Писание по своему усмотрению. Стремление У. Тиндейла перевести Библию на родной язык не поддержал епископ Лондонский Катберт Тунсталл (Cuthbert Tunstall), к тому же за подобное в Англии в XVI в. полагалась смертная казнь.

Эмигрировав на европейский континент и поселившись в Германии, в 1525 г. У. Тиндейл приступил к переводу текстов Нового Завета. Перевод на английский язык выполнялся с учетом контекста и экзегетических особенностей оригинала, «а не просто калькируя тексты», и все же «определяющую роль для выбора языковых средств» устанавливала «авторская трактовка» [1, с. 183]. Опасения католического духовенства Англии выражалось в том, что вольный перевод Библии, задуманный Тиндейлом, на национальный язык с комментариями автора мог повлечь за собой ереси в сознании прихожан.

Помощником Тиндейла был Уильям Рое (William Roye), также эмигрант из Англии, когда к 1526 г. был завершен перевод Нового Завета в городе Вормс (Worms), Германия. Экземпляры переведенной Библии в количестве 6000 штук отпечатали в типографии Петера Шеффера Младшего (Peter Schöffer the Younger) стандартным форматом для размера книг – октаво (octavo). И если ранее рукописную религиозную литературу, запрещенную католической церковью, было затруднительно доставлять в Англию, то отпечатанный в типографии первый перевод Библии на английском языке сделанный У. Тиндейлов, имел схожие размеры страниц и шрифт с большинством книг юридической направленности, печатающихся на континенте. Визуальное отличие печатных страниц правовых книг и Библии было незначительным. Отдельные листы из Нового Завета вкладывали в книги по юриспруденции, что способствовало незаконному перемещению Библии в Англию под видом юридической литературы.

Купцы-авантюристы, сочувствующие европейским реформаторам, при этом заинтересованные в секуляризации монашеских и церковных земель католического духовенства в Англии и поддерживающие возгорающиеся реформаторские настроения в своей стране, приняли на себя риск в незаконном перемещении Библии.

Переведенные У. Тиндейлом на английский язык тексты Священного Писания и незаконно перемещенные в Англию, были дополнены переводом Майлзом Ковердейлом (Myles Coverdale) недостающими частями из Ветхого Завета в 1535 г. Полная печатная Библия на английском языке в последствии имела свои непреложные сотериологические потенциалы, как среди римо-католического духовенства, так и простых горожан, являя Англии и Реформации мучеников, обратившихся в «истинную веру» и принявших реформистские убеждения.

Список источников

1. Дреева Д. М., Отрошенко А. И. Видовременные формы английского глагола в контексте перевода (на примере первой главы Евангелия от Луки Библий Уиклифа и Тиндейла) // Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова. 2017. Том 23. № 3. С. 180–184.
2. Ерохин В. Н. Начальный этап идейного формирования пуританизма в ходе Реформации в Англии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 52–59.
3. Ерохин В. Н. Становление англиканской церкви в XVI – первые десятилетия XVII в. в освещении современной британской историографии. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2009. С. 326
4. Ерохин В. Н. Экономическое положение епископата в церкви Англии в XVI – начале XVII века в освещении современной британской историографии // Нижневартовский государственный гуманитарный университет. 2008. Том 8. № 5. С. 91–99.
5. Ингрид Кестнер. Иоганн Гутенберг. Львов: Изд-во при Львовском государственном университете и издательского объединения «Вища школа». 1987.
6. Кондратьев С. В. Барристеры XVI – начала XVII в.: между степенью и профессией // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 158–164.
7. Кондратьев С. В. Сержанты и подмастерья права в предреволюционной Англии // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 80–86
8. Маркова С. П. Английские купцы-авантюристы. Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. С. 191
9. Маркова С. П. К истории английской торговой компании Merchant Adventurers // Адыгейский государственный университет. 2011. № 3. С. 79–90.
10. Чернова Л. Н. Горожане и церковь в Англии в эпоху Реформации (на материале Лондона XVI в.) // Сборник трудов конференции. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. 2021. С. 25–33.
11. Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. Oxford, 1993.
12. Hornby A. S. Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English. 2 Vols. Moscow-Oxford, 1982.

УДК 343.2

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ПО УНИЧТОЖЕНИЮ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЮ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА

***Е. А. Протодьяконова**, магистрант Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

***Т. В. Якушева**, доцент кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук*

Статья посвящена анализу системных проблем в правоприменительной практике по делам об умышленном уничтожении или повреждении чужого имущества (ст. 167 УК РФ). Несмотря на кажущуюся простоту законодательной конструкции, квалификация данного деяния сопряжена с существенными трудностями, ведущими к нарушению принципов законности и единообразия судебной практики. В работе последовательно исследуются ключевые проблемные узлы: оценочный характер признака «значительный ущерб» и коллизия объективного и субъективного подходов к его установлению; сложности разграничения форм вины (умысел и неосторожность). На основе проведенного анализа формулируются выводы о необходимости законодательной и судебной детализации оценочных признаков состава для обеспечения правовой определенности и соблюдения принципа субъективного вменения.

Ключевые слова: уголовное право, уничтожение имущества, повреждение имущества, значительный ущерб, субъективное вменение, квалификация преступлений, умысел, неосторожность, вандализм, правоприменительные проблемы.

ON THE ISSUES OF QUALIFYING ACTS INVOLVING THE DESTRUCTION OR DAMAGE OF ANOTHER'S PROPERTY

***E. A. Protodiakonova**, master's student of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

***T. V. Yakusheva**, associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law*

The article is devoted to the analysis of systemic problems in the law enforcement practice regarding cases of intentional destruction or damage of another's property (Article 167 of the Criminal Code of the Russian Federation). Despite the apparent simplicity of the legislative framework, the qualification of this act is associated with significant difficulties, leading to violations of the principles of legality and uniformity of judicial practice. The paper consistently examines key problematic areas: the evaluative nature of the criterion of «significant damage» and the conflict between objective and subjective approaches to its establishment; the difficulties in distinguishing between forms of guilt (intent and negligence). Based on the conducted analysis, conclusions are formulated about the necessity for legislative and judicial clarification of the evaluative elements of the crime to ensure legal certainty and adherence to the principle of subjective imputation.

Keywords: criminal law, destruction of property, damage to property, significant damage, subjective imputation, qualification of crimes, intent, negligence, vandalism, law enforcement problems.

Состав преступления, предусмотренный статьей 167 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), будучи распространенным в судебно-следственной практике, отнюдь не является простым в применении. Его кажущаяся законодательная простота скрывает за собой комплекс устойчивых и системных проблем квалификации. Эти проблемы детерминированы оценочным характером ключевых признаков состава, необходимостью точного установления субъективной стороны деяния и последовательного отграничения от смежных преступлений. Неоднозначное разрешение этих вопросов на практике создает риски нарушения фундаментальных принципов уголовного права – законности, справедливости и виновной ответственности (ст. 5, 6 УК РФ). Целью настоящего исследования является систематизация и углубленный анализ указанных проблемных аспектов с предложением путей их возможного решения.

Наиболее острой и фундаментальной проблемой правоприменения ст. 167 УК РФ является отсутствие законодательно закрепленного критерия для признака «значительный ущерб». В отличие от «крупного» и «особо крупного» размера ущерба, в преступлениях против собственности, параметры которых четко определены в примечаниях к ст. 158 УК РФ, критерий «значительность» остается во многом на усмотрение правоприменителя.

Сложившаяся на практике неформальная ориентация на сумму в 5000 рублей носит произвольный характер и не обеспечивает единообразия правоприменения. В результате идентичный по стоимости ущерб в разных субъектах Российской Федерации или даже в рамках одного судебного района может оцениваться диаметрально противоположно.

В доктрине и практике сформировалось два основных подхода к оценке значительности ущерба, вступающих в системное противоречие.

Объективный (формальный) подход фокусируется исключительно на стоимостной оценке утраченного или поврежденного имущества, а также стоимости его восстановления. Данный подход игнорирует прямое указание закона на необходимость учета имущественного положения потерпевшего (ч. 2 ст. 167 УК РФ), но при этом обеспечивает формальную определенность.

Субъективный (индивидуализированный) подход требует от суда исследования материального положения конкретного потерпевшего и значимости утраты именно для него. Уничтожение единственного мобильного телефона, являющегося для потерпевшего средством связи и инструментом заработка, по данному подходу может быть признано причинившим значительный ущерб даже при его невысокой рыночной стоимости. Однако этот подход создает непреодолимую правовую неопределенность для обвиняемого, который в момент совершения деяния не мог и не должен был предвидеть индивидуальные финансовые обстоятельства потерпевшего, что входит в прямое противоречие с принципом субъективного вменения (ст. 5 УК РФ).

Из этой проблемы вытекает другой важный вопрос: должен ли виновный осознавать значительность причиняемого ущерба? Господствующая в теории уголовного права позиция требует устанавливать осознание виновным общественной опасности своих действий в полном объеме, включая оценочный признак значительности ущерба [1, с. 45]. На практике же зачастую органы предварительного расследования и суды часто ограничиваются констатацией умысла виновного лица на сам факт повреждения чужого имущества, а оценку материального ущерба как «значительного» производят в отрыве от анализа содержания субъективной стороны. Это приводит к объективному вменению, когда лицо привлекается к уголовной ответственности по признаку, который оно не осознавало и не могло осознавать.

Также существует проблемы установления формы вины и разграничения со ст. 168 УК РФ «Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности». Разграничение умышленного уничтожения чужого имущества (ст. 167 УК РФ) и неосторожного (ст. 168 УК РФ) представляет значительную сложность. Типичной является ситуация, когда лицо, желая причинить материальный вред, бросает камень в чужой автомобиль, не предвидя того обстоятельства, что последствия от его действий приобретут характер значительного ущерба (например, треснет не стекло, а кузовной элемент).

Квалификация в данном случае зависит от содержания интеллектуального и волевого моментов вины как обязательного признака субъективной стороны.

В случае, если лицо предвидело возможность наступления значительного ущерба и сознательно его допускало, либо относилось к этому безразлично, его действия надлежит квалифицировать по ст. 167 УК РФ как совершенные с косвенным умыслом.

Если же лицо без достаточных к тому оснований рассчитывало на незначительность последствий своего деяния (самонадеянно полагая, что в приведенном выше примере камень лишь поцарапает краску на автомобиле), причинило значительный ущерб, в его действиях усматривается неосторожность в форме легкомыслия, что требует квалификационной оценки уже по ст. 168 УК РФ.

Следует отметить, что с процессуальной точки зрения доказывание конкретного содержания внутренних психических процессов виновного в подобных ситуациях является одной из самых сложных задач для органов предварительного расследования и суда.

Имеющаяся теоретическая неопределенность в толковании отдельных признаков ст. 167 УК РФ порождает серьезные правоприменительные проблемы и при разграничении указанного состава со смежными, в частности, со ст. 214 УК РФ «Вандализм».

Ключевой вопрос заключается в правильной оценке характера действий и места их совершения. Нанесение граффити на забор частного домовладения, выходящий на улицу, может быть расценено и как повреждение имущества (если причинен значительный ущерб), и как вандализм (если суд признает это место общественным). Отсутствие в законе четких критериев «общественного места» применительно к ст. 214 УК РФ ведет зачастую к произвольной и непредсказуемой квалификации.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что проблемные аспекты правоприменения ст. 167 УК РФ являются системными и коренятся в оценочном характере ключевых признаков состава преступления. Наиболее трудно и неоднозначно решаемыми проблемами с точки зрения правильности квалификационной оценки сегодня являются следующие.

Во-первых, отсутствие четких и единообразных, максимально формализованных критериев для установления значительности ущерба от уничтожения или повреждения чужого имущества, порождающее правовую неопределенность.

Во-вторых, коллизия между требованием закона об индивидуализированной оценке ущерба и фундаментальным принципом субъективного вменения.

С процессуальной стороны – трудности в установлении и доказывании формы вины, что приводит к ошибкам в разграничении ст. 167 и ст. 168 УК РФ.

Для преодоления выявленных проблем необходима дальнейшая детализация законодательства и формирование более четких, обязательных для правоприменителя разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. В частности, целесообразно закрепить в законе минимальный порог «значительного ущерба» с возможностью его превышения с учетом индивидуальных обстоятельств дела, а также прямо указать на обязательность установления осознания виновным значительности причиняемого ущерба для квалификации по ст. 167 УК РФ. Эти меры будут способствовать неуклонному соблюдению принципа вины, обеспечению единообразия судебной практики и укреплению законности.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по делам о преступлениях против собственности (утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 25.11.2020) // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2021. № 1.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2023. 1150 с.
4. Уголовное право России. Особенная часть: учеб. / под ред. А. И. Рарога. М.: Проспект, 2023. 680 с.

УДК 93/94

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИАМУРСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1914–1917 ГОДЫ)

***И. С. Рожин**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Российская полиция на территории Приамурского генерал-губернаторства принимала все меры по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в годы Первой мировой войны. Ее опыт борьбы ярко демонстрирует как глобальный конфликт способен дестабилизировать даже самый удаленный тыл, и какую тяжелую ношу вынуждены нести правоохранительные структуры в условиях военного времени.

Ключевые слова: полиция, преступность, борьба, правонарушение, мера пресечения.

THE ACTIVITIES OF THE RUSSIAN POLICE ON THE AMUR GOVENERATE-GENERAL IN CRIME-REPRESSION DURING WARTIME (1914–1917).

***I S. Rozhin**, postgraduate course student of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation after named I. F. Shilov*

During the First World War, the Russian police in the Amur Governorate-General took all necessary measures to maintain public order and combat crime. This experience highlights the potential for global conflicts to destabilize even the most remote areas and the challenges faced by law enforcement agencies during wartime.

Keywords: police, crime, fight, offense, preventive measure.

Период Первой мировой войны стал временем суровых испытаний для всей государственной машины Российской империи, вынужденной работать в беспрецедентном режиме военного времени. Если главным фронтом противостояния был Западный, то тыловые регионы страны превратились

во «второй фронт», где решались задачи обеспечения внутренней стабильности, экономической безопасности и правопорядка. Особое место в этой системе занимали отдаленные, но стратегически важные территории, к которым, без сомнения, относилось и Приамурское генерал-губернаторство.

Приамурское генерал-губернаторство, включавшее в себя Амурскую, Приморскую, Камчатскую области и северную часть острова Сахалин, представляло собой уникальный административный организм. Его особенностями были огромная территория, малонаселенность, пограничное положение с Китаем, Кореей и Японией, наличие стратегических объектов Китайско-Восточной железной дороги (далее – КВЖД) и крупнейшего порта России на Тихом океане – Владивосток. Регион характеризовался пестрым этническим и социальным составом населения, включавшим переселенцев, казачество, иностранных подданных (китайцев, корейцев, японцев) и значительную колонию немецких и австрийских граждан.

На начальном этапе Первой мировой войны на плечи полиции Приамурского генерал-губернаторства легла двойная нагрузка. С одной стороны, ей предстояло бороться с традиционными формами уголовной преступности, которые в военные годы резко обострились на фоне экономических трудностей и социальной напряженности. С другой – в ее обязанности вошел целый комплекс новых задач, порожденных исключительными обстоятельствами: борьба со шпионажем и диверсиями, контроль над «враждебными иностранными подданными», пресечение спекуляции и панических настроений, обеспечение соблюдения режима военного положения [3, с. 38–44].

На начальном этапе войны на территории Дальнего Востока наблюдался резкий темп роста преступности, который сопровождался увеличением количества таких преступлений, как кражи, грабежи, убийства [7, с. 109]. Данная обстановка связана, в первую очередь, с тем, что активно происходило переселение беженцев из западных регионов России, охваченных войной, и соседних стран, таких как Китая, Кореи и Японии, на российский Дальний Восток, среди которых было очень много представителей криминального мира, а также с этапированием в Приамурское генерал-губернаторство вражеских военнопленных, нахождение которых усложнило криминогенную обстановку в регионе [2, с. 94].

Важно отметить, что несовершенство правовых мер борьбы с преступностью, принятие антиалкогольного законодательства и других запретительных документов, слабая паспортная система, нехватка полицейских чиновников в подразделениях и их перегруженность посторонними обязанностями, не связанными с правоохранительной деятельностью, оказали значительное влияние на ухудшение криминогенной обстановки на территории Приамурского генерал-губернаторства. Но несмотря на перечисленные

выше негативные факторы, сотрудники полиции в этот тяжелый военный период продолжали осуществлять свои прямые обязанности по борьбе с правонарушениями и охране общественного порядка на Дальнем Востоке.

В связи с военной обстановкой в Российской империи на территории Приамурского генерал-губернаторства произошло увеличение темпа роста такого вида преступлений, как убийство, поэтому сотрудникам полиции пришлось приложить максимальные усилия на раскрытие преступлений такого характера. Так, полицейские чиновники Никольск-Уссурийского уезда в конце декабре 1914 г. успешно провели дознание по делу об убийстве крестьянина Мищенко в деревни Сухомлиновка (в настоящее время не существует), в ходе которого было установлено, что 25 декабря 1914 г. потерпевший Мищенко приобрел запрещенный спирт и пригласил местного сельского старосту Козлова к себе домой, где они совместно распивали указанный выше алкоголь, после чего они, захватив с собой спирт, отправились на квартиру к Козлову, где продолжили употребление. Полицейскими в ходе проведения допроса свидетелей и очевидцев удалось выяснить, что в квартире Козлова слышалась ругань и звуки ударов, после чего Мищенко был обнаружен мертвым за чертой деревни с колотой раной груди. Сотрудникам полиции сразу стало ясно, что Козлов имеет прямое отношение к убийству Мищенко, поэтому в кратчайшие сроки он был задержан и доставлен в отдел полиции, где в ходе допроса тот дал признательные показания, согласно которым Козлов, находясь в своей квартире совместно с Мищенко в состоянии алкогольного опьянения, стал в грубой форме требовать от последнего взноса недоимок, в результате чего между ними завязалась драка, в которой Козлов, схватив штык от винтовки, нанес колотую рану в полость груди потерпевшему, от которой тот скончался [л. 212]. По окончании допроса подозреваемого последний был конвоирован полицейскими в судебное учреждение для вынесения обвинительного приговора Козлову [1, л. 212].

Многие тяжкие преступления совершались не только гражданами Российской империи на территории Дальнего Востока, но и иностранными подданными, поэтому приамурским полицейским приходилось вести противодействие преступности среди данной категории граждан. Так, в Амурской области в районе Зейского Горно-полицейского округа в золотодобывающем прииске «Неудачный» с целью завладения чужим имуществом был убит его владелец И. К. Лапшаков и помощник А. Фалалеев. В ходе проведения дознания и оперативно-разыскных мероприятий Зейской горной полиции под руководством Горного Исправника удалось установить, что убийцами были 8 китайцев-рабочих, которые 14 октября 1916 г. утром совершили убийство А. Фалалеева, а тело выбросили в выкопанную на прииске яму, после чего они пришли к И. К. Лапшакову в контору под видом получения выписки продуктов. Он пошел с китайцами в амбар для выдачи продуктов, где они напали

на И. К. Лапшакова и зверски убили, проломив топором голову и выстрелив в грудь из ружья, после чего китайцы похитили имущество в амбаре и скрылись в неизвестном направлении. Вскоре преступники были задержаны, благодаря скоординированной работе горно-полицейской стражи, а похищенные вещи были изъяты у преступников на месте [6, л. 8–8 об.].

Период Первой мировой войны носил затяжной характер, из-за чего все государственные ресурсы России были направлены на военные нужды, вследствие чего начался рост цен на товары первой необходимости и возникновение дефицита на них. Такая обстановка в империи повлияла на рост таких видов преступлений имущественного характера, как кражи, грабежи, разбойные нападения, которые не обошли стороной и Приамурское генерал-губернаторство. Дальневосточные полицейские достойно приняли данный вызов и направили свои малочисленные силы на борьбу с преступлениями данного вида.

Так, согласно донесению пристава Раздольнинского Стана Никольск-Уссурийского уезда военному губернатору Приморской области от 7 января 1915 г. № 226, 5 января 1915 г. бывший лесник крестьянин А. И. Алексеев в составе группы лиц по предварительному сговору, в которую входили крестьяне С. В. Черненко, З. А Качура и П. И. Мажаев, совершил вооруженное разбойное нападение на корейский поселок возле реки Эльдуга и похитил денежные средства и имущество на общую сумму 50 рублей. В ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий полицейские чиновники успешно задержали преступников и доставили в ближайшую полицейскую часть, откуда потом они были отконвоированы в Мировой суд 4 участка г. Владивостока [5, л. 42].

Важно отметить, что дальневосточные полицейские чиновники ответственно подходили к исполнению своих должностных обязанностей, благодаря чему удавалось задержать опасных преступников и раскрыть ряд преступлений. Например, 25 декабря 1916 г. постовой городовой 4-й полицейской части Тимошенко в ходе патрулирования вверенной ему территории по Николаевскому проспекту г. Владивостока, проявив бдительность, задержал и доставил в 3-ю полицейскую часть опасного преступника П. С. Сивкова, который возглавлял преступную группу и совершал в ее составе ряд преступлений против жизни и имущественного характера. В ходе допроса П. С. Сивков сознался в ряде совершенных им грабежей и убийств, таких как грабеж китайской лавки по Комаровской улице (ныне улица Прапорщика Комарова) 26 октября 1916 г., убийстве сторожа Скидельского возле станции Океанской в октябре 1916 г. и других правонарушениях, после чего он был конвоирован в судебное учреждение для вынесения обвинительного приговора [6, л. 47–48].

Также полиция успешно вела дознание по делам, в которых потерпевшей стороной выступала коммерческая организация. Так, согласно докладу пристава 4-й части Владивостокской городской полиции от 7 января 1917 г.,

в полицейскую часть поступило заявление от Общества Потребителей Почтово-телеграфного ведомства по факту кражи, согласно которому в ночь с 3 на 4 января 1917 г. у данной организации неизвестные путем взлома замка входной двери проникли в лавку по адресу: г. Владивосток, ул. Китайская 15 (ныне Океанский проспект), и совершили хищение товаров на сумму 120 рублей. В ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий полицейским удалось установить, что краденый товар находился в квартире крестьянки У. Г. Гулевич по адресу: г. Владивосток, ул. Китайская 4 (ныне Океанский проспект), после чего у нее в квартире был произведен обыск, в результате которого похищенный товар был обнаружен и изъят, а У. Г. Гулевич вместе с ее сыном И. Гулевич и квартирантом Н. Борсук были задержаны и доставлены в полицейскую часть. В ходе допроса задержанных было установлено, что кражу товара совершил крестьянин Иманского уезда Приморской области С. Р. Иванютин, который сдал похищенное имущество на хранение за условную плату У. Г. Гулевич. Последний в скором времени был задержан, а имущество было возвращено потерпевшей стороне [4, л. 3–3 об.].

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что деятельность полиции Приамурского генерал-губернаторства в период Первой мировой войны представляла собой непрерывную борьбу с нарастающим валом преступности в условиях системного кризиса. Несмотря на исключительную нагрузку, связанную с выполнением новых обязанностей военного времени, полицейские управления Приамурского генерал-губернаторства продолжали нести свою основную службу по охране правопорядка и раскрытию уголовных преступлений.

Как демонстрируют примеры из архивных материалов, дальневосточная полиция проявляла оперативную эффективность и профессиональные качества при расследовании даже самых тяжких преступлений, таких как убийства, кражи, разбойные нападения и т. д., независимо от национальной принадлежности преступников. Успешное раскрытие дел свидетельствует о высоком уровне работы сыскных отделов и самоотверженности рядовых полицейских чиновников. Однако их героические усилия в конечном итоге были подорваны факторами, находящимися вне их контроля: катастрофической нехваткой кадров из-за призыва на фронт, экономической дестабилизацией, порождавшей новую волну преступности, и общей дезорганизацией государственного аппарата. Полиция, будучи краеугольным камнем имперской власти на местах, первой ощутила на себе последствия его постепенного коллапса и стремительного падения в 1917 г.

Список источников

1. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 55, ч. 10.

2. Иконникова Т. Я. Военнопленные Первой мировой на российском Дальнем Востоке (1914–1918 гг.) // Россия и АТР. Владивосток, 1999. № 1.
3. Иконникова Т. Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны: моногр. Хабаровск: РИО ХГПУ, 1999. 366 с.
4. РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 135.
5. РГИА ДВ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 179.
6. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп.4. Д. 872.
7. Шелудько В. О. Организационно-правовые основы деятельности общей полиции Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.): дис. … канд. юрид. наук. М., 2004.

УДК 14

РАЗВИТИЕ «РУССКОЙ ИДЕИ» В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

***А. П. Рябцун**, преподаватель кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена исследованию актуализации ключевых положений «русской идеи» Ф. М. Достоевского. Анализируются концепты соборности, жертвенного служения, «всемирной отзывчивости» и мессианской роли России, художественно воплощенные в романах «Идиот» и «Братья Карамазовы». На материале творчества Достоевского прослеживается его философия, с ее центральным конфликтом веры и разума, нравственным максимализмом, идеей «почвенничества» и всечеловеческого примирения.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, русская идея, соборность, почвенничество, философская антропология.

DEVELOPMENT OF THE "RUSSIAN IDEA" IN THE PHILOSOPHICAL CONCEPT OF F. M. DOSTOYEVSKY

***A. P. Ryabtsun**, lecturer of the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article is devoted to the study of the actualization of the key provisions of Fyodor Dostoevsky's "Russian idea." It analyzes the concepts of conciliarity, sacrificial service, "universal responsiveness," and Russia's messianic role, which are artistically embodied in the novels "The Idiot" and "The Brothers Karamazov." Based on Dostoevsky's works, the article explores how his philosophy, with its central conflict between faith and reason, moral maximalism, the idea of "soilism," and universal reconciliation, manifests itself.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Russian idea, conciliarity, soilism, philosophical anthropology.

В истории каждой нации есть события, которые становятся не просто вехами на временной шкале, но и духовными испытаниями, проверкой на прочность ее национального самосознания. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. для России стала именно таким экзистенциальным рубежом, моментом предельной истины, когда перед лицом тотального уничтожения со всей остротой встали вопросы: «Кто мы?», «Во имя чего мы сражаемся и страдаем?», «Что защищаем, кроме родной земли?». Ответы на эти вопросы часто искали не только в сиюминутной политической конъюнктуре, но и в глубинах национальной философской традиции.

Одной из ключевых концепций, предлагавших осмысление особого пути и предназначения России, является «русская идея», мощно и художественно воплощённая в творчестве Фёдора Михайловича Достоевского. Его философия, с её центральными темами соборности, жертвенного служения, «всечеловечности» и мессианской роли России, основанной на духовной силе, казалось бы, принадлежит исключительно области умозрительных размышлений XIX в. Однако в горниле Великой Отечественной войны эти идеи неожиданно обрели страшную и буквальную актуальность.

Проблема генезиса и развития «русской идеи» в творчестве Ф. М. Достоевского остается центральной для отечественного литературоведения и философии. Однако современная наука, опираясь на постсекулярный подход, все чаще рассматривает ее не как законченную доктрину, а как динамический, внутренне противоречивый и развивающийся концепт, находящий свое выражение прежде всего в художественной антропологии писателя, в «споре голосов» его романов [8, с. 45].

Роман «Идиот» (1868) представляет собой одну из первых и наиболее трагических попыток художественного воплощения «русской идеи» в образе «положительно прекрасного человека». Князь Мышкин, воплощающий христианские идеалы кротости, сострадания и всепрощения, оказывается чужд и непонятен не только светскому обществу, но и самой России, которую он представляет за границей. Его «русскость» носит почти юродивый характер. Как отмечает А. А. Гачева, «Мышкин – носитель утопии «русского Христа», но сама эта утопия ставится под сомнение невозможностью ее реализации в условиях кризиса современного мира» [3, с. 112].

Синтез и наиболее глубокое воплощение «русская идея» получает в итоговом романе Достоевского – «Братья Карамазовы» (1879–1880). Здесь она перестает быть достоянием одного героя и раскрывается через полифонию голосов и судеб. Если Иван Карамазов предлагает западнический, рационалистический проект переустройства мира «без Бога», приводящий к «бунту», то его антипод Алеша и старец Зосима воплощают соборное, православное начало. Однако, в отличие от Мышкина, Алеша – не чуждый миру праведник, а активный

участник его драмы, «послушник в миру». Так И. С. Андрианова указывает, что «в образе Алеши Достоевский приходит к модели «тихой святости», которая не противопоставлена обществу, а способна к диалогу и преобразующему воздействию на него через практику любви и милосердия» [1, с. 134].

Кульминацией развития темы становится речь старца Зосимы о всеобщей ответственности («все за всех виноваты»). Эта речь, наряду с притчей о «луковке», представляет собой не просто богословский трактат, а практическую программу «русской идеи», основанной на экзистенциальном опыте со-страдания и сострадования. Как заключает П. Е. Бухаркин, «в «Братьях Карамазовых" "русская идея" окончательно оформляется не как политический или националистический проект, а как антропологический и метафизический, обращенный ко всему человечеству, но укорененный в православной аскетике и этике соборности» [2, с. 56].

Центральным конфликтом, питавшим творчество Достоевского, стал разлад между верой и разумом, между Христом и «правдой мира сего». Писатель остро чувствовал соблазны атеистического, рационалистического мировоззрения, рожденного европейским Просвещением. Как отмечает современный исследователь А. М. Дорофеев (2021), «Достоевский видел в рационализме не просто ошибку, но экзистенциальную угрозу человеческой природе, ведущую к антропологическому распаду» [4, с. 43].

Из этого конфликта проистекает ключевая для «русской идеи» тема нравственного максимализма и страдания как пути к истине. Спасение, по Достоевскому, невозможно найти на пути комфорта и благополучия. Его герои – грешники, мятежники, «униженные и оскорбленные» – именно через падение, страдание и покаяние приходят к прозрению. Страдание – это не самоцель, а плата за обретение подлинности, та цена, которую сознание заплатить за переход от рассудочной, «книжной» истины к истине выстраданной.

Важнейшим открытием этих исканий стала концепция «почвы» (почвенничества). Разочаровавшись и в западническом утопизме, и в абстрактном славянофильском идеализме, Достоевский пришел к выводу, что нравственная и духовная опора России – в самом народе. Как отмечает С. В. Шараков, «почвенничество Достоевского представляло собой синтез, преодолевающий крайности «западнического» активизма и «славянофильского» традиционализма через обращение к онтологическим основаниям народной жизни» [7, с. 112]. Простой русский мужик, сохранивший в неприкосновенности «живую душу» и исконную, неидеологизированную веру во Христа, становится для писателя главным носителем той самой «русской идеи». Народ – это не масса, а мистическая соборная личность, «богоносец», в котором интуитивно, бессознательно хранится истина о Боге и добре. Интеллигенция же, оторвавшаяся от этой почвы, обречена на метания и бесовщину. Согласно К. А. Махиной,

«в романе «Бесы» Достоевский демонстрирует катастрофические последствия разрыва между образованным классом и народной «почвой», что приводит к духовному опустошению и социальной дезориентации» [6, с. 54].

Наконец, кульминацией религиозно-нравственных исканий Достоевского становится идея всечеловечности (всемирной отзывчивости). В своей знаменитой Речи о Пушкине (1880) он видит высшее предназначение русского народа не в национальной исключительности, а в способности к пониманию, приятию и творческому синтезу всех культур мира. Эта способность проистекает из христианского идеала жертвенной любви и соборности. Русский человек, по Достоевскому, «всему сочувствует» и готов «стать братом всем людям». Мессианская роль России видится ему не в политическом или военном доминировании, а в духовном служении – принести миру «новое слово» примирения и братства, разрешив общечеловеческие противоречия силой евангельской любви.

Таким образом, религиозно-нравственные искания Достоевского, пройдя через муки сомнения, привели его к созданию целостной системы, где вера, народность и нравственность неразделимы. «Русская идея» предстает у него не как программа политических действий, а как призыв к внутреннему, духовному преображению личности и нации, которое лишь затем может стать основой для выполнения России ее высшего предназначения в мире.

Список источников

1. Андрианова И. С. Рецепция антропологии Достоевского в современном постсекулярном дискурсе // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 130–140.
2. Бухаркин П. Е. «Русская идея» как проблема диалога: Достоевский и современность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17. Вып. 1. С. 52–67.
3. Гачева А. А. «Русский Христос» Ф. М. Достоевского: утопия и антиутопия // Достоевский и мировая культура. 2020. № 1(9). С. 108–125.
4. Дорофеев А. М. Разум и вера в художественном мире Ф. М. Достоевского: экзистенциальный аспект // Философские науки. 2021. № 8. С. 40–54.
5. Кротов К. В. Концепт «народа-богоносца» в романе «Бесы»: между верой и идеологией // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 75–85.
6. Махина К. А. Концепт «бесовства» в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»: интеллигенция и народ // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2022. № 3. С. 50–58.
7. Шараков С. В. Идейные искания Ф. М. Достоевского 1860-х гг.: от западничества к почвенничеству // Литературоведческий журнал. 2020. № 49. С. 110–125.
8. Щербакова А. М. Полифония как метод художественной антропологии Ф. М. Достоевского. М.: Изд-во РГГУ, 2021. 210 с.

УДК 343.985.32

ПОНЯТИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ: ЗАДАЧИ, ЦЕЛИ, ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

***А. Ю. Самойлов**, доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент*

Статья посвящена всестороннему рассмотрению понятия, форм, целей, задач и принципов взаимодействия следователей с органами дознания в уголовном судопроизводстве. Рассматривается сущность взаимодействия как согласованной деятельности, направленной на достижение общих целей уголовного судопроизводства. Подчеркивается важность автономности и подчиненности структур, а также различия в нормативно-правовой базе, регулирующей деятельность различных подразделений. Приводятся определения взаимодействия, предложенные различными авторами, акцентируя внимание на значимости нормативных оснований и тактических аспектов. Обсуждаются особенности тактики взаимодействия следователей с органами дознания, включая влияние криминалистических особенностей и следственной ситуации. Статья подчеркивает необходимость комплексного подхода к организации и осуществлению взаимодействия следователей с органами дознания, что способствует повышению эффективности уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: взаимодействие, следователь, орган дознания, уголовное судопроизводство, криминалистические особенности.

THE CONCEPT OF THE INVESTIGATOR'S INTERACTION WITH THE BODIES OF INQUIRY, TASKS, GOALS, PRINCIPLES OF INTERACTION

***Y. Samoilov**, associate professor of the Department of Criminology at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

The article is devoted to a comprehensive review of the concept, forms, goals, objectives and principles of interaction of investigators with the bodies of inquiry in criminal proceedings. The article considers

the essence of interaction as a coordinated activity aimed at achieving common goals of criminal proceedings. The importance of the autonomy and subordination of structures is emphasized, as well as differences in the regulatory framework governing the activities of various departments. The definitions of interaction proposed by various authors are given, focusing on the importance of regulatory bases and tactical aspects. The specifics of the tactics of interaction between investigators and the investigating authorities are discussed, including the influence of forensic features and the investigative situation. The article emphasizes the need for an integrated approach to the organization and implementation of the interaction of investigators with the bodies of inquiry, which contributes to improving the effectiveness of criminal proceedings.

Keywords: interaction, investigator, body of inquiry, criminal proceedings, criminalistic features.

Для полного и развернутого анализа понятия и форм взаимодействия органов предварительного расследования с органами дознания необходимо начать с рассмотрения понятия «взаимодействие». Словарь раскрывает его понятие как «взаимная связь предметов, явлений и их обусловленность друг другом, согласованность действий» [4, с. 27]. Это отлично описывает сущность взаимодействия в общем, и в частности, для органов внутренних дел (далее – ОВД). Именно согласованность действий приносит наибольшую эффективность и успех для реализации целей уголовного судопроизводства.

Взаимодействие служб и подразделений в ОВД обусловлено несколькими факторами, которые необходимо учитывать при организации взаимодействия.

1. Автономность и подчинение служб и подразделений. Подразделение, с которым необходимо наладить взаимодействие, может быть как самостоятельным, так и подчиненным руководству территориального органа. Если рассматривать органы дознания и следствия, можно прийти к выводу о том, что данные структуры самостоятельны и не подчиняются друг другу, что требует дополнительного организационно-правового урегулирования.

2. Наличие у каждого подразделения своей нормативно-правовой базы, регламентирующей их деятельность. При реализации взаимодействия на практике в процессуальных документах необходимо ссылаться на определенные нормативные, (в том числе и локальные, ведомственные) акты, которые содержат положения о возможности (порядке, формах) взаимодействия подразделений.

Исходя из данных факторов, А. И. Бастрыкин дал определение взаимодействию при расследовании преступлений: «согласованная деятельность субъектов при расследовании преступлений, осуществляющая свои функции, согласно своим полномочиям, прибегая к использованию специальных знаний

и средств для решения конкретных задач при расследовании преступлений» [2, с. 32]. Отметим, что в данном определении неполно раскрывается нормативно-правовая регламентация процесса взаимодействия.

М. Ю. Бекетов же, в свою очередь указал, что «взаимодействие – это основанная на законах и нормативно-правовых актах, согласованная по целям, задачам, месту и времени совместная деятельность, осуществляемая для решения задач, при расследовании уголовных дел» [1, с. 13]. Здесь отчетливо раскрывается значение нормативной обоснованности применения взаимодействия. При этом автор уделяет особое внимание обстоятельствам: месту и времени, которые также способствуют согласованной работе подразделений при взаимодействии.

Другие авторы определяют взаимодействие органов следствия с органом дознания как «правильное сочетание и эффективное использование методов работы, присущего каждому из них направленное на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений» [3, с. 27]. Здесь авторы отмечают особенностью взаимодействия – выделение наиболее эффективных методов работы каждого подразделения и сочетания их между собой для решения частных и общих задач.

Поводом взаимодействия, его возникновения, изменения и прекращения являются исходные данные, поступающие в территориальный орган внутренних дел сообщения о преступлениях. Дальнейший анализ наличия признаков преступления в сообщении, оценка существующих данных и прогноз будущих доказательств являются базой для постановки задач, которые могут быть решены с помощью взаимодействия следователя и органа дознания. При этом, если сформированные задачи являются комплексными, то есть требуют специальных знаний, методов, средств и способов, которые присущи конкретному подразделению органа дознания, то возникают основания для взаимодействия. Напротив, если задачи частные, то предмет взаимодействия отсутствует. Так, большинство преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, требуют комплексного подхода и взаимодействия, оперативного содействия, разыскных мероприятий. Поэтому в данном случае взаимодействие будет наиболее уместным.

Определив для исследования понятие «взаимодействие», нужно раскрыть содержание тактики его осуществления. Тактика в криминалистике – система научных положений и разрабатываемых на их основе методических разработок по проведению отдельных следственных и иных процессуальных действий. Соответственно и взаимодействие между органами необходимо проводить грамотно и поэтапно, с точки зрения тактики проведения. Тактика взаимодействия следователя с органами дознания при расследовании отдельных видов преступлений зависит от многих криминалистических особенностей: следственной ситуации, криминалистических версий, методики расследования отдельных видов преступлений.

Взаимодействие – длительный процесс. Он может продолжаться на протяжении всего расследования по уголовному делу, не ограничиваясь одним процессуальным действием. Здесь важен не просто совместный выезд в рамках следственно-оперативной группы, а полная поддержка различных подразделений друг другом для достижения целей уголовного судопроизводства на всех этапах предварительного расследования.

Взаимодействие подразделений, в первую очередь, носит административно-организационный характер. Залогом успешного проведения любого взаимодействия является слаженная организованная работа, выраженная в наличии системы, состоящей из руководства, контролирующего процесс взаимодействия, непосредственно исполнителей поручений, и наличие дисциплинарной ответственности за неисполнение. Административный характер их взаимодействия выражен в системе распоряжения и соподчинения.

Понятие «взаимодействие» можно раскрыть не только с криминалистической и организационной-правовой стороны, но и с уголовно-процессуальной. Процессуальный кодекс регламентирует порядок и формы взаимодействия, его содержание, характер возникающих между субъектами уголовно-процессуальных отношений. Так, поручения следователя органу дознания о выполнении отдельных действий и оперативно-разыскных мероприятий носят властный характер, так как обязательны для исполнения.

Рассмотрев различные аспекты понятийного аппарата взаимодействия с органом дознания, необходимо выделить основную цель и частные задачи его реализации. Так, основной целью взаимодействия многими учеными является максимальная консолидация сил и средств правоохранительных органов по борьбе с преступностью, за счет тактически грамотного разделения и использования сил и средств, административных, уголовно-процессуальных, оперативно-разыскных функций подразделений органа дознания. Частные задачи, тем временем, являются задачами и следствия и органов дознания, исходят из назначения уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Бекетов М. Ю. Взаимодействие следователя органов внутренних дел с милицией при производстве предварительного следствия: дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 13.
2. Криминалистика: учеб. / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М., 2014. Т. II. С. 32.
3. Плеханов А. В. Вопросы понятий взаимодействия в органах внутренних дел // CYBERLENINKA: научная электронная библиотека. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-ponyatiya-vzaimodeystviya-organov-sledstviya-i-doznaniya/viewer (дата обращения: 15.07.2025).
4. Словарь русского языка в 4-х томах: описание ЭНИ // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). М., 2005.

УДК 342.9

ПРЕЮДИЦИЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОНЯТИЙ

***И. Н. Серебренников**, адъюнкт 3 факультета (подготовки научных и научно-педагогических кадров) Академии управления МВД России*

В статье анализируются два самостоятельных понятия: «преюдиция» и «административная ответственность», выясняется их правовой смысл. Также автором рассматривается взаимосвязь данных понятий и определяется их роль в законодательстве Российской Федерации.

Ключевые слова: административное право, производство по делам об административных правонарушениях, доказательство, доказывание, преюдиция, административная ответственность.

PRECLUSION AND ADMINISTRATIVE LIABILITY: INTERRELATION OF CONCEPTS

***I. N. Serebrennikov**, postgraduate student of the 3rd Faculty (training of scientific and scientific-pedagogical personnel) of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

This article analyzes two independent concepts of "preclusion" and "administrative liability" and clarifies their legal meaning. The author also examines the relationship between these concepts and highlights their role in the domestic legislation of the Russian Federation.

Keywords: administrative law, proceedings on administrative offenses, evidence, proving, preclusion, administrative liability.

Как известно, в Российской Федерации существует определенная система привлечения к юридической ответственности за совершение правонарушений. Однако в настоящее время в процессе правоприменительной деятельности остаются нерешенными многочисленные вопросы. В связи с этим рассмотрим процесс производства по делам об административных правонарушениях и две его составные части – «преюдиция» и «административная ответственность», поскольку в рамках одной статьи не представляется возможным обозначить весь спектр проблем.

Процесс производства по делам об административных правонарушениях сам по себе является достаточно сложным и многогранным, имеет свои

особенности. В связи с этим необходимо лицам, органам, судам необходимо внимательно проводить производство, не упуская особенности каждой из стадий производства.

Представляется невозможным рассматривать «абстрактное» производство по делам об административных правонарушениях без рассмотрения конкретных случаев. В связи с этим рассмотрим процесс производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения (глава 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [2]. Таким образом, мы считаем необходимым рассмотреть вопросы по привлечению субъектов права к административной ответственности со стороны суда и сотрудников подразделений Госавтоинспекции. Обозначим, что в указанной сфере к административной ответственности по определенным составам административных правонарушений могут привлекать как суд, так и сами сотрудники дорожно-патрульной службы (далее – ДПС) Госавтоинспекции.

Само по себе понятие «административная ответственность» является также достаточно многогранным, поскольку включает в себя множество различных составных частей. Отдельным блоком необходимо упомянуть разделение административной ответственности по субъектам административных правонарушений (например, административная ответственность несовершеннолетних, военнослужащих и так далее) [8, с. 393–394]. Видные ученые в области административного права не раз исследовали тему административной ответственности.

Напомним, что под административной ответственностью понимается форма реагирования компетентных государственных органов на административное правонарушение, которое проявляется в применении юрисдикционными органами к правонарушителю предусмотренных законом административных санкций [9, с. 27].

Таким образом, административная ответственность – это (в общем смысле) результат производства по делам об административных правонарушениях. Несомненно, отдельно необходимо отметить, что результатом производства по делам об административных правонарушениях может стать и отсутствие административной ответственности ввиду различных оснований. Отметим, что это важный момент, который позволит нам проследить связь с понятием «преюдиция».

Отметим, что в КоАП РФ не закрепляется понятие «преюдиция» [2]. К понятию «преюдиция» существует множество различных определений, однако остановимся на более общем понятии. Преюдиция – это вступивший в законную силу судебный приговор или решение, либо административный акт, изданный компетентным органом в установленном законом порядке, о наличии или отсутствии юридического факта или правоотношения

[5, с. 35–36]. Иными словами, преюдицию можно отождествлять с освобождением от доказывания. Отметим, что схожая конструкция содержится в ст. 64 Кодекса административного судопроизводства РФ [1].

Ученые выделяют различные виды преюдиций. Одним из видов выступает административная преюдиция, к которому также не существует универсального определения [7, с. 59]. Обобщая мнение, отметим, что административная преюдиция – это процесс, при котором результаты деятельности уполномоченных органов в процессе производства по делам об административных правонарушениях становятся доказательствами по уголовному делу (ст. 90 Уголовно- процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) [3]. Например, ст. 264.1 Уголовного кодекса РФ [4]. Сотрудники ДПС Госавтоинспекции в соответствии с законодательством проходят все стадии производства (в рамках ст. 12.8 или 12.26 КоАП РФ) [6, с. 57–58], однако результаты их деятельности именно в процессе производства по делам об административных правонарушениях становятся доказательствами и используются в уголовном процессе. Соответственно, результаты рассматриваются не в рамках КоАП РФ, а в рамках УПК РФ.

Таким образом, ставятся вопросы о том, существует ли преюдиция в административном праве РФ? Есть ли обратный порядок, когда результаты деятельности уполномоченных органов в уголовном процессе становятся доказательствами по делу об административном правонарушении? В рамках данной статьи автором не будут звучать ответы конкретно на эти вопросы, поскольку в данном случае мы прослеживаем взаимосвязь данных понятий.

Отметим, что мы можем проследить взаимосвязь данных понятий, поскольку преюдиция, как уже было обозначено выше, позволяет подтвердить или опровергнуть тот или иной факт (то есть, освободить от доказывания) в том случае, если проводить определенные действия (однако обязательность данных действия также не становится предметом данной статьи).

Таким образом, отметим, что «преюдиция» и «административная ответственность» – это неразрывные понятия. Как преюдиция влияет на административную ответственность, так и административная ответственность влияет на преюдицию (создавая, тем самым ее) в рамках производства по делам об административных правонарушениях.

Список источников

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федер. закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ: ред. от 07.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 23.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Уголовно-процессуальный Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 23.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 23.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Бабаев В. К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. 124 с.
6. Калюжный Ю. Н. Повторность как квалифицирующий признак административных деликтов в области дорожного движения // Полицейская и следственная деятельность. 2019. № 2. С. 55–62.
7. Репьев А. Г. Административная преюдиция: теория, практика, техника // Алтайский юридический вестник. 2019. № 3 (27). С. 58–62.
8. Солдатов А. П. Еще раз о возрасте наступления административной ответственности несовершеннолетних // Актуальные вопросы совершенствования деятельности подразделений и служб органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: сборник научных статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, посвященной вопросам правового и организационного обеспечения деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел; Москва, 28 марта 2025 г. М.: Академия управления МВД России, 2025. С. 392–399.
9. Студеникина М. С. Соотношение административного права и административной ответственности // Советское государство и право. 1968. № 10. С. 20–27.

УДК 340.15:331.108(571.1)

ПЕРЕСТРОЙКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИЛИЦИИ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1945 ГОДЫ)

***Е. В. Суверов**, начальник кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России, доктор исторических наук, профессор*

Период Второй мировой войны (1939–1945 гг.) стал серьезным испытанием для функционирования всей советской государственной машины, в том числе и правоохранительных органов. Отток квалифицированных кадров, удаленность от исторического центра страны, близость враждебных иностранных государств, все это осложняло сложившуюся ситуацию. Предпринимались экстренные меры по перестройке органов милиции в Хабаровском крае на военный лад, происходила милитаризация профессионального обучения, усиливалась политико-воспитательная работа среди личного состава.

Ключевые слова: милиция, Хабаровский край, Вторая мировая война (1939–1945 гг.), кадры, перестройка, преступность.

THE RESTRUCTURING OF POLICE ACTIVITY IN THE KHABAROVSK TERRITORY DURING THE SECOND WORLD WAR (1939–1945)

***E. V. Suverov**, head of the Department of Theory and History of Law and State Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Barnaul, Doctor of Historical Sciences, Professor*

The period of Second World War (1939–1945) became a serious test for the functioning of the entire Soviet state machine, including law enforcement agencies. The outflow of qualified personnel, the remoteness from the historical center of the country, and the proximity of hostile foreign states all complicated the current situation. Emergency measures were taken to restructure the police in the Khabarovsk Territory in a military manner, the militarization of vocational training took place, and political and educational work among the personnel was intensified.

Keywords: Militia, Khabarovsk Territory, Second World War (1939–1945), personnel, perestroika, crime.

Начало Второй мировой войны в 1939 г., а особенно полномасштабных боевых действий в июне 1941 г. на территории Советского Союза, привело к осложнению внутренней обстановке. У руководства страны пришло понимание о необходимости экстренного перевода всего государственного аппарата на военные рельсы, в том числе и сотрудников рабоче-крестьянской милиции.

Массовая мобилизация в Красную армию представителей Народного комиссариата внутренних дел Союза Советских Социалистических Республик (далее – НКВД СССР) ослабила правоохранительную систему, что способствовало росту преступности в регионе. Так, в 1942 г. в Нижне-Амурском и Камчатском Управлении милиции Хабаровского края было зарегистрировано увеличение преступных посягательств на 17 % [1, л. 165].

Опасная криминогенная обстановка в Хабаровском крае сложилась в период с 1941 по 1943 г., когда рост преступности, в том числе бандитизма, сопровождался одновременным снижением показателей предупреждения и раскрываемости преступлений. Насыщенность региона пенитенциарными учреждениями приводила к «засоренности» социальной среды отбывшими наказание уголовниками. К 1944 г. в структуре дальневосточной преступности преобладали посягательства на собственность [2, с. 558].

С началом войны постепенно сокращался объем централизованных поставок продовольствия и товаров широкого потребления на Дальний Восток из центральных регионов страны. Одновременно уменьшалось местное производство такого рода продукции. В этих условиях наблюдался рост хищений и прежде всего продуктов питания, в том числе и несовершеннолетними лицами. Работниками НКВД отмечалось, что преступления чаще всего совершались детьми, которые нигде не учились, а также подростками, работающими на производстве. Рост преступности осуществлялся и за счет беспризорных и безнадзорных детей [3, с. 131, 132].

Следует подчеркнуть и низкий уровень жизни дальневосточных милиционеров в период Великой Отечественной войны. Например, 4 января 1943 г. в 2 часа ночи была осуществлена проверка 3-го городского отделения милиции в Хабаровске. Дежурный по отделению участковый уполномоченный Песцов спал в общежитии, которое никем не охранялось. Там находились 5 милиционеров, которые в шубах, валенках и с оружием вповалку лежали на грязном полу. Кипяченая вода в отделении отсутствовала [4, л. 18].

Перестройка работы рабоче-крестьянской милиции в Хабаровском крае выражалась в усилении борьбы с преступным подпольем, ликвидации бандитизма, задержанием дезертиров, как военнослужащих, так и покинувших

предприятия оборонного комплекса, усилением мер по охране общественного порядка, приведение в соответствие с требованиями противовоздушной обороны, подготовка истребительных батальонов, борьба с беспризорностью и безнадзорностью, повышением требований к сохранности секретной документации и т. д.

В военный период сотрудники рабоче-крестьянской милиции Хабаровского края осуществляли мероприятия, направленные на нейтрализацию и при необходимости ликвидацию преступного элемента, проявляя при этом личную храбрость, решимость и умелое применение огнестрельного оружия.

Стабильно росла раскрываемость преступлений. Так, по Хабаровскому краю этот показатель составлял в 1 квартале 1944 г. – 75,7 %, во 2 квартале – 83,2 %, в 3 квартале – 86,6 %, в 4 квартале – 88,3 % [5, с. 319–320].

За проявленную инициативу и умелое задержание 18 мая 1942 г. в поезде № 98 дезертира Красной армии Кривошей, вооруженного боевым револьвером с патронами, помощнику оперативного уполномоченного линейного отделения милиции станции Хабаровск-1 И. Н. Агафонову была объявлена благодарность, и он был награжден денежной премией в размере 200 рублей [6, л. 17].

Сотрудниками НКВД пресекались хищения с помощью водного транспорта. На катере преступники подплывали к баржам, находившимся в Хабаровском порту и похищали различные грузы. Так, 27 июля 1943 г. в отдел Водной милиции Амурского бассейна поступили сведения, что ночью неизвестный катер без сигналов подошел к стоящей на пристани Покровка в Хабаровске барже «Сан-Франциско» с импортными грузами и похитил там большое количество грузов, после чего скрылся в неизвестном направлении. Благодаря умелым оперативным мероприятиям к вечеру этого дня была раскрыта организованная преступная группа работников Хабаровского порта и баржи «Сан-Франциско» из 7 человек, которые совершили хищение сала на сумму в 110 тыс. рублей. Похищенные продукты питания были обнаружены закопанные в земле на берегу Амура, где проживали преступники [7, л. 129].

Милиционер охраны порядка Водной милиции Амурского бассейна товарищ Паринов за 4 квартал 1942 г. задержал 14 правонарушителей. За полтора месяца 1943 г. товарищ Паринов задержал 16 преступников и нарушителей, из них: дезертиров производства – 3 человека, хулигана– 3, воров – 7.

Задерживались преступники, подделывающие государственные документы, продуктовые карточки. Качество изготовления, так например хлебных карточек, была низкой, что провоцировало некоторых советских граждан их подделывать, в частности с помощью химического карандаша [4, л. 94, 112].

В годы войны задача поддержания спокойствия в общественных местах и на объектах транспорта приобрела особую актуальность, обусловленную необходимостью обеспечить стабильное функционирование тыловой

инфраструктуры. От способности правоохранительных органов обеспечить правопорядок на улицах городов, вокзалах и в пассажирских поездах зависел авторитет партийно-политического руководства страны в глазах широких слоев населения [8, с. 101–116].

Усиливались меры по отработке навыков противовоздушной обороны сотрудниками НКВД СССР, так 28 июля 1941 г. оперуполномоченный 3-го отдела младший лейтенант госбезопасности Люшневский не затемнил свой служебный кабинет, чем демаскировал здание УНКВД по Хабаровскому краю. После служебной проверки товарищу Люшневскому был объявлен выговор [9, л. 20].

Ожидаемое нападение Японии на Советский Союз в 1941–1942 г. на дальневосточные регионы способствовало созданию истребительных батальонов, костяк которого составляли сотрудники НКВД, которые предполагались направлять на задержание и ликвидацию вражеских диверсантов, шпионов, дезертиров, паникеров и стать при случае ядром партизанских отрядов, действующих на вражеской территории. Однако в процессе комплектования истребительных батальонов, предусмотренных «Инструкцией истребительным батальонам по охране и обороне тыла», нарушался заявленный принцип, спецпроверка лиц, зачисленных в истребительные батальоны, проводилась недостаточно. Очистка батальонов от явно-враждебных и других нежелательных элементов проходила медленно [10, л. 197].

В военное время увеличивается количество беспризорных и безнадзорных детей, часть из которых вставала на преступный путь. Сотрудники НКВД СССР задерживали несовершеннолетних для выяснения их личности, родственников причастных к совершенным ими преступлениями. Так, 30 июля 1943 г. в 19.00. часов милиционер 1-го отделения милиции Ромичев, находясь на посту по ул. К. Маркса и угла Дзержинской в городе Хабаровске, заметил в хлебном магазине группу беспризорных и безнадзорных детей [7, л. 172].

Предпринимались меры по усилению сохранности документации, имевшей гриф секретности в подразделениях НКВД, недопустимости их попадания во вражеские руки. Недостатки, выявленные во время проверок, анализировались, виновные наказывались.

В июле 1942 г. произведенной проверкой порядка хранения служебных и секретных документов работниками НКВД СССР по Хабаровскому краю установлены грубейшие нарушения элементарных правил хранения секретных и служебных документов. Например, в кабинете заместителя начальника отдела товарища Андреева в открытых ящиках стола находились различные документы «совершенно секретного» и «секретного» характера, переписка с крайкомом ВКП(б), НКВД СССР, УНКВД по Хабаровскому краю [1, л. 188].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны происходила перестройка работы рабоче-крестьянской милиции, ужесточались требования к ее сотрудникам с целью повышения эффективности в борьбе с преступностью, охраной общественной безопасности, отражения возможной агрессии со стороны японских милитаристов.

Список источников

1. Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 77.
2. Жадан А. В. Деятельность органов НКВД Дальнего Востока по борьбе с преступностью во второй половине 1945 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 4. С. 555–567.
3. Жадан А. В. Деятельность органов НКВД Дальнего Востока по борьбе с преступностью несовершеннолетних (1941–1945 годы) // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2 (30). С. 130–142.
4. Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 99.
5. Шабельникова Н. А., Бакшутов С. Н. Деятельность милиции Приморья в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная и Вторая мировая войны: дальневосточное измерение: материалы Междунар. форума. Владивосток, 2015. С. 319–320.
6. Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 76.
7. Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 100.
8. Жадан А. В. Деятельность органов НКВД Дальнего Востока по охране общественного порядка (1941–1945 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 4 (48). С. 101–116.
9. Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 74.
   Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 75.

УДК 343.13

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНОМ ДОЗНАНИЯ: ПРАВОВОЙ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

***Р. В. Тарасенко**, преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В условиях роста преступности, появления новых форм и видов преступлений, а также обострения оперативной обстановки и устойчивого снижения уровня раскрываемости и качества расследования уголовных дел особую актуальность приобретает проблема эффективной организации взаимодействия следственных и оперативных подразделений полиции. Несовершенство этого механизма, проявляющееся в разобщенности действий, формализме поручений, отсутствии единой стратегии и деформации мотивации персонала, напрямую тормозит раскрытие преступлений, приводит к утрате доказательств и снижает правовую защищенность потерпевших. В этих условиях восстановление системного, целенаправленного и контролируемого взаимодействия между следствием и дознанием становится не просто необходимым условием повышения эффективности предварительного расследования, но и ключевым фактором обеспечения законности, общественной безопасности и доверия граждан к правоохранительной системе.

Ключевые слова: дознаватель, взаимодействие, следователь, уголовное дело, предварительное расследование

THE PROBLEMS OF THE INVESTIGATOR'S INTERACTION WITH THE BODY OF INQUIRY: THE LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECT OF

***R. V. Tarasenko**, lecturer at the Department of Criminal Procedure of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

In the context of an increase in crime, the emergence of new forms and types of crimes, as well as an aggravation of the operational situation and a steady decrease in the detection rate and quality of criminal

investigation, the problem of effective organization of interaction between investigative and operational police units is becoming particularly relevant. The imperfection of this mechanism, manifested in the disunity of actions, the formalism of instructions, the lack of a unified strategy and the deformation of staff motivation, directly slows down the detection of crimes, leads to the loss of evidence and reduces the legal protection of victims. Under these conditions, the restoration of systematic, targeted and controlled interaction between the investigation and the inquiry becomes not only a necessary condition for improving the effectiveness of the preliminary investigation, but also a key factor in ensuring legality, public safety and citizens' trust in the law enforcement system.

Keywords: investigator, interaction, investigator, criminal case, preliminary investigation

Взаимодействие следственных подразделений с органами дознания остается одним из ключевых проблемных направлений в системе предварительного расследования. Недостаточная координация, неумение или сознательное игнорирование необходимости установления эффективного контакта между сотрудниками, занимающимися дознанием и следствием, приводят к серьезным последствиям: оперативно-разыскные мероприятия проводятся с опозданием или не в полном объеме, следственные действия откладываются или не согласовываются, ценные доказательства утрачиваются, а перспективные уголовные дела приостанавливаются либо по заявлению потерпевшего выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Совместная деятельность следователя и органа дознания на стадии возбуждения уголовного дела является ключевым этапом организации предварительного расследования. Их согласованное взаимодействие обеспечивает более полное, оперативное и качественное выявление обстоятельств преступления, способствуя его быстрому раскрытию и последующему расследованию.

Однако в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации отсутствует четкое правовое регулирование такого взаимодействия: законодатель не определил ни содержание понятия «взаимодействие следователя с органом дознания», ни порядок его осуществления, ни механизмы координации действий на данном этапе [1]. В результате сложилась практика, при которой подразделения зачастую ориентируются на достижение собственных показателей эффективности, что порождает конкуренцию, а не сотрудничество. Между тем в условиях, когда сроки расследования напрямую влияют на раскрываемость преступлений, приоритетом должно стать не соперничество, а целенаправленная согласованность действий, направленная на повышение качества расследования и снижение уровня преступности.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что только при условии эффективной, организованной и системной координации между следователем и органом дознания возможен своевременный, полный и законный сбор доказательств, что, в свою очередь, позволяет существенно сократить сроки производства по уголовному делу и повысить его результативность.

При этом регулирование вопросов взаимодействия – это не первостепенная задача законодателя, а прежде всего обязанность самих правоохранительных структур. Эффективное решение проблемы возможно только при условии целенаправленной, повседневной работы на местах – в первую очередь на уровне территориальных отделов. Именно они, исходя из специфики своей деятельности, уровня квалификации персонала, характера и частоты совершаемых преступлений, должны разрабатывать и внедрять собственные механизмы взаимодействия: от единых процедур передачи материалов до совместных планов действий и регулярных оперативных совещаний. Без такой системной работы на низовом уровне любые нормативные акты останутся формальностью.

Цели взаимодействия следователя и органа дознания на различных этапах предварительного расследования могут быть самыми разнообразными: успешное проведение конкретного следственного действия, установление личности лица, совершившего преступление или скрывшегося с места происшествия, обнаружение и закрепление вещественных доказательств, выявление соучастников, восстановление хронологии событий и т. д. Характер и интенсивность такого взаимодействия зависят от сложности и тяжести совершенного преступления, количества эпизодов, масштаба следственной ситуации, что зачастую обусловливает необходимость постоянной координации действий на протяжении всего периода расследования уголовного дела.

Однако на практике взаимодействие между следователем и дознавателем нередко носит стихийный, реактивный характер. Как отмечает А. В. Игнатов, оно чаще реализуется не как заранее спланированный процесс, а как внезапная реакция на возникшие изменения в ходе расследования или дознания. Такой подход лишает взаимодействие системности, предсказуемости и эффективности [3, с. 41–43].

Кроме того, в процессе совместной работы сотрудники органов предварительного расследования сталкиваются с серьезными препятствиями межличностного и организационного характера. Отсутствие должного взаимопонимания в вопросах задач, функций и методов работы порождает напряженность и конфликты. О. П. Бердникова отмечает, что на этапе предварительного расследования нередко возникают острые противоречия между следователем и дознавателем, при которых каждый из участников стремится переложить ответственность за неудачи расследования на другого. Такая позиция подрывает доверие, препятствует конструктивному диалогу

и приводит к фрагментации усилий: действия одного подразделения не учитывают интересы и возможности другого, а процессуальные действия выполняются без согласования, что снижает их юридическую и фактическую ценность [2;, с. 50–52].

Еще одним важным фактором, ограничивающим эффективность взаимодействия, является раздельное подчинение сотрудников органов следствия и дознания разным руководителям. Это создает бюрократические барьеры, затрудняет единое оперативное управление, делает невозможным формирование единой стратегии расследования и способствует «внутренней конкуренции» за результаты вместо совместной работы для достижения общей цели – раскрытия и расследования преступления.

Полагаем, что одной из наиболее острых проблем современного предварительного расследования является институт поручений следователя органу дознания. С одной стороны, следователи нередко направляют поручения, лишенные конкретики: в них нет четкого перечня целевых мероприятий, не указаны сроки исполнения, цели и правовые основания поручения. В результате такие документы носят формальный характер, а ответы органов дознания зачастую сводятся к шаблонным фразам вроде «не представилось возможным» – без анализа причин, без предложений по альтернативным действиям и без реального результата.

С другой стороны, сотрудники оперативных подразделений также допускают нарушения: они не всегда обеспечивают своевременное и содержательное выполнение поручений, ограничиваясь поверхностными, недостоверными или заведомо неполными ответами, часто срывая установленные сроки. Такая двусторонняя формализация взаимодействия – как со стороны следователей, так и со стороны дознавателей – превращает поручения из инструмента координации в символическое действие, не влияющее на эффективность расследования.

Как показывает практика, следователи часто составляют поручения органу дознания формально и не регулярно. Это свидетельствует о системном снижении качества поручной работы и ее превращении в бюрократическую процедуру, не связанную с реальной следственной необходимостью.

С другой стороны, сотрудники оперативных подразделений также допускают нарушения: они не всегда обеспечивают своевременное и содержательное выполнение поручений, ограничиваясь поверхностными, недостоверными или заведомо неполными ответами, часто срывая установленные сроки. Такая двусторонняя формализация взаимодействия – как со стороны следователей, так и со стороны дознавателей – превращает поручения из инструмента координации в символическое действие, не влияющее на эффективность расследования.

Таким образом, институт поручений, задуманный как механизм оперативного взаимодействия, сегодня функционирует как формальная

«бумажная» процедура, не способствующая ни раскрытию преступлений, ни повышению качества доказательной базы. Его реформирование требует не только уточнения правовых норм, но и изменения корпоративной культуры в сторону ответственности, прозрачности и ориентации на результат.

Анализ взаимодействия следователей и органов дознания свидетельствует о системном кризисе в организации предварительного расследования. Проблемы носят не индивидуальный, а структурно-организационный характер: они обусловлены сочетанием нормативной неопределенности, бюрократической формализации, деформацией мотивации персонала, отсутствием единых процедур координации и разобщенностью ведомственных интересов. Взаимодействие, задуманное как синергетический механизм повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений, сегодня функционирует как параллельная, а зачастую и конкурирующая система, где каждый участник ориентирован на минимизацию рисков для себя, а не на достижение общего результата.

Ключевым следствием этого является разрушение процессуальной целостности: поручения становятся фикцией, действия – стихийными, ответственность – рассредоточенной, а результат – формальным. При этом потерпевшие остаются без защиты, доказательства теряются, а перспективные дела приостанавливаются или закрываются по формальным основаниям. Нарушение принципов законности, своевременности и качества расследования подрывает доверие общества к правоохранительной системе в целом.

Таким образом, проблема взаимодействия между следователем и органом дознания – это не вопрос «неуважения» или «плохой работы отдельных сотрудников», а системный сбой в механизме управления предварительным расследованием, требующий коренной перестройки не только нормативной базы, но и организационной культуры, системы мотивации и контроля.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон [принят Гос. Думой 22.11.2001] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001 № 52, ст. 23.
2. Бердникова О. П. Взаимодействие следователя и органа дознания по делам, приостановленным за неустановлением виновных лиц // Рос. юрид. журнал. 2012. № 6. С. 154–158.
3. Игнатов А. В., Казаков Е. Н. Типовые ситуации взаимодействия оперативного сотрудника и следователя на этапе реализации оперативной информации // Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности: материалы межвуз. науч.-практ. семинара. Тюмень, 2010. С. 41–43.

УДК 340.15:331.108 (571.1)

БОРЬБА СОТРУДНИКОВ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЗБАССА (1941 – 1945 ГОДЫ)

***М. А. Трухин**, директор Алтайского института экономики Санкт-Петербургского университета технологий Управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент*

Преступления экономической направленности в тыловых областях Советского Союза подрывали обороноспособность страны, дискредитировали действующую государственную власть и заявленные принципы социальной справедливости, неотвратимость наказания за нарушение социалистического законодательства. Осложнялась ситуация с противостоянием преступного элемента тем, что Кузбасс являлся местом заключения лиц, совершивших правонарушения, а также сосланных по различным причинам и соответственно не питавших большого уважения к советским законам. В исправительно-трудовых учреждениях присутствовали неформальные экономические отношения, в ходе которых незаконно обогащалась часть администрации, надзирательского состава и конвойной службы, а также осужденных. В годы войны ситуация со снабжением в исправительно-трудовые учреждения значительно ухудшилась, обострилась нехватка продуктов питания и вещей (аналогичная ситуация наблюдалась и в гражданском секторе).

Ключевые слова: исправительно-трудовые учреждения, экономические преступления, производство, заключенные, Кузбасс, нелегальные.

THE STRUGGLE OF NKVD OFFICERS AGAINST ECONOMIC CRIMES IN CORRECTIONAL LABOR INSTITUTIONS OF KUZBASS (1941 – 1945)

***M. A. Trukhin**, director of the Altai Institute of Economics at the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

Economic crimes in the rear areas of the Soviet Union undermined the country's defense capability, discredited the current government

and the declared principles of social justice, and the inevitability of punishment for violations of socialist legislation. The situation with the opposition of the criminal element was complicated by the fact that Kuzbass was a place of detention for people who had committed offenses, as well as those who were exiled for various reasons and, accordingly, did not have much respect for Soviet laws. Informal economic relations were present in correctional labor institutions, during which part of the administration, the supervisory staff and the escort service, as well as convicts, were illegally enriched. During the war, the supply situation in correctional labor institutions deteriorated significantly, and shortages of food and clothing worsened (a similar situation was observed in the civilian sector).

Keywords: correctional labor institutions, economic crimes, production, prisoners, Kuzbass, illegal.

Структура исправительно-трудовых учреждений (далее – ИТУ) системы Народного комиссариата внутренних дел Союза Советских Социалистических Республик (далее – НКВД СССР) постоянно менялась в связи с внутриполитической обстановкой и целесообразностью их экономического использования. Режим содержания в местах лишения свободы был ужесточен с началом крупномасштабных военных действий, но ближе к окончанию Великой Отечественной войны стал смягчаться. В это время увеличилась продолжительность рабочего дня, невыполнение плана при этом грозило строгим наказанием. В целом санитарно-бытовые условия и медицинское обслуживание спецконтингента в годы Великой Отечественной войны значительно ухудшились, что было связано с тяжелым экономическим положением внутри страны [1, с. 210].

Преступления экономической направленности в местах лишения свободы, в военные годы, были вызваны ухудшением содержания спецконтингента: тяжелыми бытовыми условиями, нехваткой питания и предметов первой необходимости.

Документальные ревизии в ИТУ вскрывали ряд грубых нарушений финансово-хозяйственной дисциплины. Недостача материальных ценностей возникала в результате совершенных «промотов» (потерей или продажей заключенными казенного имущества гражданскому персоналу или местным жителям).

Руководители ряда ИТУ расходовали подотчетные суммы на личные нужды. В ряде исправительно-трудовых лагерей (далее – ИТЛ) и исправительно-трудовых колоний (далее – ИТК) были вскрыты факты обвешивания и недодачи хлеба заключенным: это делалось при помощи подпиленных гирь, масса которых была меньше положенного.

Незаконное использование труда заключенных приняло значительные объемы. Надзирательский состав предлагал (а во многих случаях и принуждал) заключенным становиться их домашней прислугой, работать на объектах личного строительства, ремонтировать личные помещения, участвовать в сельскохозяйственных работах и т. д., аргументируя при этом более легкими условиями труда, увеличением пайка и возможным покровительством со стороны администрации.

При составлении отчетов о производственной деятельности ИТУ использовали разнообразные приписки («туфту»), как со стороны заключенных, так и администрации учреждений. Формы завышения данных производства были самые разнообразные: это подделки подписи учетчика в табели, искусственное увеличение массы сданной продукции (с помощью камней, снега и т. д.), закрытие нарядов по завышенным расценкам (за материальное вознаграждение мастера) и др. В производственных цехах, организовывалось незаконное производство товаров народного потребления заключенными. Дефицитные вещи затем реализовывались как в неволе, так и среди гражданского населения, испытывавшего острую нужду в бытовых вопросах [2, с. 59–69].

Коррупционные проявления в советской пенитенциарной системе проявлялись в получении взяток, оказании различных услуг (в том числе и сексуального характера), врачебные комиссии незаконно признавали нетрудоспособными инвалидами заключенных после получения «подарков».

Образовывались преступные связи между сотрудниками НКВД и заключенными. Например, инспектор культурно-воспитательной части Баимского отдельного лагерного пункта Сибирского исправительно-трудового лагеря НКВД Е. А. Лазарева во время своей работы вступила во взаимоотношения с заключенным Бессараб, осужденным на 7 лет. Лазарева передавала посылки Бессарабу, а он в свою очередь передавал ей туфли, сделанные в лагере. Постепенно они стали сожителями, что подтверждал текст ее личных писем [3, л. 168].

Множество хищений продуктов питания совершали бригадиры, кладовщики, повара, что уменьшало и так небольшой казенный паек для заключенных. Так, в Сусловском отделении Сибирского ИТЛ вместо индивидуальной раздачи пищи, продукты питания на всю бригаду получали сначала бригадиры, а затем по своему усмотрению раздавали осужденным. Из-за этого происходила недодача положенной продуктовой нормы заключенным. Больные заключенные также часто не получали положенные продукты питания [4, л. 127].

Для борьбы с незаконными связями надзирательского состава со спецконтингентом, хищениями государственного имущества, широко применялся агентурный аппарат, показания которого становились основой для проведения

оперативных мероприятий, направленных против экономической преступности в местах лишения свободы на территории Кузбасса.

Итак, в годы Великой Отечественной войны в ИТУ НКВД проводились мероприятия, направленные против проявлений преступлений экономической направленности, несмотря на серьезный кадровый некомплект и тяжелейшее состояние в плане организации бытовых условий, как для осужденных, так и для их охранников.

Список источников

1. Суверов Е. В., Суверов С. Е. Исправительно-трудовые учреждения Сибири в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект): моногр. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2024. 220 с.
2. Трухин М. А. Противодействие теневым экономическим отношениям сотрудниками правоохранительных органов в местах лишения свободы: на примере Западной Сибири в 30–50-е гг. XX в.: моногр. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2024. 143 с.
3. Архив ИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 11. Оп. 1. Д. 5.
4. Архив ИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 11. Оп. 1. Д. 8.

УДК 140

СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЕГО СУДЬБУ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИОРИТЕТ

***А. Ю. Тумин**, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук*

Статья посвящена анализу феномена служения Отечеству в контексте его стратегической значимости для обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития российского общества. В работе исследуются историко-философские истоки данной концепции, ее роль в формировании национальной идентичности и гражданской ответственности.

Ключевые слова: государство, служение Отечеству, патриотизм, традиционные ценности.

SERVICE TO THE FATHERLAND AND RESPONSIBILITY FOR ITS FATE AS A STRATEGIC NATIONAL PRIORITY

***A. Y. Tumin**, deputy head of the Department of Philosophy, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, kandidat nauk, degree in Law*

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of service to the Fatherland in the context of its strategic importance for ensuring national security and sustainable development of Russian society. The work examines the historical and philosophical origins of this concept, its role in the formation of national identity and civic responsibility.

Keywords: state, service to the Fatherland, patriotism, traditional values.

2025 год в России является годом празднования 80-летнего юбилея Победы в Великой Отечественной войне [2] и в честь участников специальной военной операции, а также в память наших предков, сражавшихся за Родину в разные исторические периоды, объявлен Президентом Российской Федерации Годом защитника Отечества [3].

Решение В. В. Путина не случайно, оно подчеркивает преемственность исторической памяти и актуальность патриотических ценностей в современном мире.

В этих условиях служение Отечеству остается не только нравственным долгом, но и стратегическим императивом, объединяющим прошлое, настоящее и будущее России. Историк, профессор С. В. Перевезенцев, размышляя на тему базисных традиционных ценностей Русского мира в XXI в., отметил: «Любовь к своему Отечеству, служение Отечеству, благоденствие и свобода Отечества – непреходящие ценности, сформированные в сознании народов Русского мира многовековой совместной историей, неотъемлемые части общенационального сознания» [9].

В связи с этим важно переосмыслить, что значит «служить Родине» сегодня и как сочетать преемственность традиций с адаптацией к изменениям.

Концепция служения Отечеству как высшей формы гражданского и нравственного долга имеет глубокие корни в философской мысли, начиная с античности и получая новые интерпретации в трудах мыслителей разных эпох. Античные философы Платон и Аристотель подчеркивали важность служения обществу и государству как высшей формы реализации человеческого потенциала. Служение полису рассматривалось как проявление высшей добродетели (арете), где личное благо подчинено общему благу.

Западные философы, такие как И. Кант, рассматривали патриотизм через призму универсальной морали, утверждая, что служение государству должно согласовываться с идеей «вечного мира». В то же время Г. В. Ф. Гегель видел в государстве воплощение «нравственной идеи», где долг гражданина – участвовать в его защите как высшей форме свободы.

В русской философской традиции эта мысль получила развитие в трудах В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева и И. А. Ильина, которые рассматривали служение Отечеству как духовный и нравственный долг личности.

Служение Отечеству – это не просто исторически сложившаяся традиция, но и фундаментальная ценность, которая лежит в основе формирования национального самосознания и государственной идентичности. Эти идеи нашли отражение не только в философских трудах, но и в конкретных исторических событиях.

В данном контексте особый интерес приобретает историко-философская ретроспектива, а именно эпизод, предшествующий Полтавской битве (июнь 1709 г.), когда Петр I, вдохновляя войска на победу, произнес перед генералами, офицерами и солдатами впоследствии ставшую знаменитой речь: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь. А о Петре ведайте,

что ему жизнь его недорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе, для благосостояния вашего» [8, с. 98].

Речь Петра I перед Полтавской битвой – не просто риторический прием, а квинтэссенция философии служения, где личное подчинено общему, а жизнь правителя становится символом преданности государству.

Этот эпизод раскрывает глубинную связь между властью, народом и сакральным долгом, который в русской мысли часто осмысляется через категории соборности и державности. Слова Императора – «о Петре ведайте, что ему жизнь его недорога» – перекликаются с евангельской максимой: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Здесь имперская идея обретает религиозное измерение: царь не просто правитель, но христоподобный носитель жертвенной миссии. Концепция восходит к древнерусским представлениям о князе как защитнике «земли и веры», что позже развивали славянофилы, видевшие в царе «отца нации».

Петровская эпоха заложила парадигму, где государство – не механизм принуждения, но нравственный институт. Философ Иван Ильин позже назовет это «государством-слугой», чья власть легитимна лишь через служение высшим целям.

Аналогичную риторику использовал Михаил Кутузов в 1812 г., но с акцентом на коллективное спасение: «земля родная» и «вера», подчеркивая не только военный, но и духовный долг перед Отечеством.

Более 200 лет назад неподалеку от Москвы накануне Бородинского сражения полководец напутствовал воинов: «Вам придется защищать землю родную, послужить верой и правдой до последней капли крови… Каждый полк будет употреблен в дело. Вас будут сменять, как часовых, через каждые два часа. Надеюсь на вас! Бог нам помощник!» [5].

В настоящее время руководство государства уделяет большое внимание духовно-нравственным ценностям и патриотическому воспитанию граждан. В качестве примера можно привести слова Президента России, сказанные им в январе 2024 г. на церемонии вручения премии «Служение» в рамках Всероссийского муниципального форума «Малая родина – сила России». Владимир Путин заявил, что «благополучие родной страны, будущее детей являются смыслом служения Родине». «В этом и есть смысл служения Родине согражданами, когда наивысшей ценностью выступает общее благо, сопричастность к судьбе Отечества и готовность сплотиться в моменты исторических вызовов», – подчеркнул глава государства [4].

В контексте государственной политики Российской Федерации служение Отечеству концептуализируется как интегративный феномен, объединяющий военно-стратегическую, социально-гражданскую и нравственную формы ответственности, что находит нормативное закрепление в Указе Президента

Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ Президента РФ № 809). Данный дискурс акцентирует диалектику исторической преемственности поколений, а также религиозный аспект как фундаментальную детерминанту патриотического сознания.

В Указе Президента РФ № 809 концепт «традиционных ценностей» интерпретируется не как статичная нормативная система, но как динамичная мировоззренческая основа, формирующая ментальные и аксиологические структуры российского общества [1]. Представленные ценности, транслируемые в процессе межпоколенной преемственности, выполняют интегрирующую функцию, конституируя уникальную парадигму национальной идентичности. Они выступают в качестве фундамента единого культурного пространства, в рамках которого этнокультурное многообразие народов России, сохраняя свою специфику, образует органичное единство в рамках общей цивилизационной матрицы.

Укрепляя социальную солидарность, традиционные ценности репрезентируют исторически сложившуюся систему духовных, культурных и мировоззренческих координат, определяющих траекторию развития российского полиэтничного общества.

Указ Президента РФ № 809 эксплицирует систему базовых ценностей, составляющих аксиологический фундамент будущего России. В его основе лежат антропоцентрические принципы: неприкосновенность жизни, достоинство личности, гарантия прав и свобод, интегрированные в ценностный каркас патриотизма, гражданской ответственности и служения Отечеству. На этом основании выстраивается система нравственных идеалов, института семьи как социальной основы и трудовой этики как созидательного начала.

Подобная аксиологическая система предполагает ориентацию на духовное развитие, гуманистические идеалы, принципы социальной справедливости и милосердия. Ее имманентными характеристиками выступают коллективистская солидарность, взаимопомощь и диалог культур. При этом подчеркивается, что вся эта конструкция укоренена в историческом опыте, выполняя функцию сохранения коллективной памяти и обеспечения единства народов России в их цивилизационном многообразии.

В условиях демократического общества ответственность за судьбу страны предполагает активное участие граждан в политической жизни, а также готовность власти к диалогу и компромиссу [7, с. 10].

В наше время, когда стремление к индивидуализму и личным интересам часто затмевает коллективные ценности, важность ответственности за свою страну становится особенно заметной. Современные преграды требуют новых

подходов, чтобы вдохновить людей активно участвовать в жизни общества. Необходимы механизмы, которые мотивировали бы граждан на участие в общих делах на основе взаимной поддержки и уважения.

Служение своей стране может принимать множество форм, включая участие в социальных инициативах. Когда общество сталкивается с трудностями, будь то экономические проблемы или социальные кризисы, гражданская активность становится особенно важной. Присоединяясь к волонтерским проектам, участвуя в благотворительных акциях или социальных программах, люди вносят свой вклад в решение насущных вопросов и одновременно ощущают себя частью чего-то большего. Подобное участие не только помогает окружающим, но и укрепляет чувство общности и единства, что в свою очередь формирует крепкие связи между людьми.

Служение Отечеству играет ключевую роль в обеспечении национальной безопасности, которая включает в себя не только военную, но и экономическую, информационную и экологическую составляющие. В условиях глобальных угроз, таких как терроризм, служение Отечеству становится важным элементом стратегии устойчивого развития.

В сложившихся условиях служение Отечеству должно сочетать уважение к культурному наследию с открытостью к новым идеям и технологиям. Это требует создания гибкой системы ценностей, которая позволяет адаптироваться к изменяющимся условиям, сохраняя при этом свою уникальность и самобытность.

Служение Родине является одним из самых актуальных национальных приоритетов, который значительно влияет на развитие национальной идентичности, гражданского сознания и социально-экономическое развитие нации в целом. В условиях новых вызовов и глобальных преобразований служение стране принимает различные формы и требует не только изменения существующих практик, но и создания механизмов, которые будут активно мотивировать граждан участвовать в общественной жизни [6, с. 43].

Служение Отечеству остается важным аспектом нашей жизни и культуры, и его значение нельзя недооценивать. Укрепление традиционных ценностей и есть основа служения Отечеству. На личностном уровне патриотизм выступает как важнейшая, устойчивая характеристика человека, выражающаяся в его мировоззрении, нравственных идеалах, нормах поведения.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что феномен служения Отечеству в современном российском обществе претерпевает сложную трансформацию, сохраняя при этом свою онтологическую устойчивость как метафизическую основу цивилизационной идентичности. Историко-философская ретроспектива демонстрирует удивительную преемственность базовых парадигм – от античной арете через петровскую концепцию жертвенного служения

до современных государственно-правовых доктрин. В конечном итоге служение Отечеству предстает как динамический синтез вечного и современного, где традиционные ценности не противостоят инновациям, но получают в них новое воплощение.

Список источников

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Рос. Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Президент России: официальный сайт. URL: http: // www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 30.06.2025).
2. О подготовке и праздновании 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Указ Президента Рос. Федерации от 31 июля 2023 г. № 568 // Президент России: Президент России: официальный сайт. URL: http: // www.kremlin.ru/acts/bank/49637 (дата обращения: 30.06.2025).
3. О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества: Указ Президента Рос. Федерации от 16 января 2025 г. № 28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Путин заявил, что смысл служения Родине – в счастье и благополучии родной страны // ТАСС. 16 января 2025 года. URL: https: // tass.ru/obschestvo/19741785 (дата обращения: 30.06.2025).
5. Алдонин С. Не на тех напали: сегодня – День Бородина // Газета Культура. URL: https: // portal-kultura.ru/articles/data/344517-ne-na-tekh-napali-segodnya-den-borodina/ (дата обращения: 30.06.2025).
6. Жданов Ю. А. Чувство Родины // Общество и право. 2004. № 4(6). С. 42–51.
7. Иванова С. Ю. Патриотизм в системе социокультурных ценностей современной России. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. 299 с.
8. Малыгин А. С., Малыгин М. А. Ратная слава Отечества (1242–1945): учеб. пособие по патриотическому воспитанию молодежи. М.: Изд-во «Экзамен», 2006. 463 с.
9. Перевезенцев С. В. Ценностные основания Русского мира. Взгляд историка // Интернет-ресурс «Святые onlain». URL: https: // svyatye.online/articles/bolshoy-razgovor/tsennostnye-osnovaniya-russkogo-mira-sergey-perevezentsev/ (дата обращения: 30.06.2025).

УДК 347.464

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1939–1945 ГОДОВ НА РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА РЕНТЫ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

***В. Н. Шмаков**, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук, доцент*

В рамках статьи автор исследует особенности регулирования рентных отношений в период существования советского государства как отдельного исторического временного отрезка становления и развития российского гражданско-правового института ренты. Где исходит из того, что в условиях формального отрицания социалистической правовой системой существования в гражданском обороте рентных обязательств, именно социально-экономические последствия Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. послужили обоснованием необходимости формирования правовой концепции договора пожизненного содержания с иждивением. В итоге автор заключает, что законодательное признание договора купли-продажи жилого дома с условием пожизненного содержания продавца является отправной точкой формирования гражданско-правового института ренты в современной российской правовой системе.

Ключевые слова: гражданское законодательство, рента, гражданско-правовой институт ренты, договор пожизненной ренты, пожизненное содержание с иждивением.

ON THE IMPACT OF THE CONSEQUENCES OF THE SECOND WORLD WAR OF 1939–1945 ON THE DEVELOPMENT OF THE RENT INSTITUTION IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

***V. N. Shmakov**, professor of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

In this article, the author examines the specifics of the regulation of rental relations during the existence of the Soviet state as a separate historical

period of the formation and development of the Russian civil law institute of rent. Which proceeds from the fact that, in the context of the formal denial by the socialist legal system of the existence of rental obligations in civil circulation, it was the socio-economic consequences of the Great Patriotic War of 1941–1945 that served as the justification for the need to form a legal concept of a lifelong maintenance contract with a dependent. As a result, the author concludes that the legislative recognition of the contract of sale of an apartment building with the condition of lifelong maintenance of the seller is the starting point for the formation of the civil law institution of rent in the modern Russian legal system.

Keywords: civil legislation, rent, civil law institution of rent, contract of lifetime rent, lifetime maintenance.

Вторая мировая война 1939–1945 гг. и, в первую очередь, ее составляющая во временном отрезке 1941–1945 гг. Великая Отечественная Война (далее – ВОВ), ставшая для советского народа священной, и сегодня, по истечении восьмидесяти лет с момента их завершения, своими экономическими и социальными потрясениями, которые претерпели народы государств, непосредственно подвергнутых нападению со стороны фашисткой Германии и милитаристской Японии напоминают об этом не только им, но всему человечеству, предостерегая от возрождения фашизма и повторения войн.

Вопрос о влиянии социально-экономических факторов, сложившихся по итогам Второй мировой войны, на формирование гражданско-правового института ренты как элемента современной российской правовой системы затрагивает, с позиции историко-правовой ретроспективы его развития, лишь отдельный исторический отрезок времени в интервале функционирования правовой системы Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – РСФСР), как отдельного государственно-территориального образования в составе Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР), когда в цивилистической науке и практике отсутствовало «единодушие» в части признания на уровне действующего законодательства в гражданском обороте рентных обязательств в форме самостоятельного договора, при том что, в принципе, разночтений в части юридической сущности (правовой природы) соответствующих обязательств не было. Для целей разрешения обозначенного вопроса в рамках настоящей статьи целесообразно уяснить, как минимум в общих чертах, правовую природу ренты, как гражданско-правового института.

Рента имеет происхождение от глагола в латинском языке «reddo» – возвращаю», «уплачиваю», а в экономическом смысле означает «регулярно получаемый доход с капитала, имущества или земли, не требующий от своих получателей предпринимательской деятельности [9].

В правовом же смысле данная договорная конструкция относится к группе договоров опосредующих отношения по возмездному отчуждению имущества (вещи) в форме перехода субъективного права собственности на определенное имущество (вещь) от одного лица к другому, к которым, наряду с рентой, относятся и такие договоры как: купля-продажа, мена, дарение.

Современная российская цивилистическая наука и практика признает особую правовую природу договорных рентных правоотношений в сравнении с правоотношениями купли-продажи, отмечая наличие у рентного договора особых юридических свойств, имеющих конститутивный характер, и, как следствие, ставящих его отдельно от других договоров, обеспечивающих отчуждение имущества от одного лица к другому. Более того, договорный институт ренты в правовой форме, закрепленной в действующем Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2] в гл. 33, является новым для современного российского гражданского права в контексте становления и развития российской правовой системы, начиная с периода формирования гражданского законодательства Российской империи, включая период функционирования РСФСР в составе СССР, с позиции того, что в различные периоды российской правовой истории законодательные органы того времени, учитывая экономические и политические аспекты функционирования соответствующего государства, предпринимали лишь попытки законодательного признания соответствующего договора как самостоятельного института на уровне проектов законодательных актов, которым не было суждено вступить в силу, либо законодательно оформляли его, но как разновидность договора купли-продажи либо, наконец, исходили лишь из допустимости рентных обязательств при отсутствии в законодательстве договора ренты как такового.

В действующем ГК РФ договор ренты поименован как самостоятельный гражданско-правовой договор, а его дефиниция (ст. 583) закрепляет соответствующие принципиальные отграничения от иных договоров, опосредующих отчуждение имущества на условиях перехода субъективного права собственности. Согласно данной дефиниции гражданско-правовой договор ренты это относительное гражданское правоотношение в силу которого: одна сторона (получатель ренты) передает другой стороне (плательщику ренты) в собственность имущество, а плательщик ренты обязуется в обмен на полученное имущество периодически выплачивать получателю ренту в виде определенной денежной суммы либо предоставления средств на его содержание в иной форме.

ГК РФ предусматривает три правовые конструкции (вида) договора ренты: постоянная рента – устанавливает обязанность выплачивать ренту бессрочно; пожизненная рента – устанавливает обязанность выплачивать ренту в течение срока жизни получателя ренты; пожизненная рента на условиях пожизненного содержания гражданина с иждивением. Сторонами (контрагентами) договора

как гражданско-правового обязательства являются: получатель ренты, он же рентный кредитор (иначе рантье, от фр. rentier от rente – лица, живущие за счет ренты) и плательщик ренты, он же рентный должник.

Договор ренты и договор купли-продажи, на что мы уже обращали внимание, объединяет то, что они оба опосредуют отношения по переходу имущества (вещи) от одного лица к другому на условиях перехода права собственности, однако по своему содержанию, правовой цели и достигаемым правовым результатам они имеют принципиально различную гражданско-правовую природу.

Во-первых, договор ренты, в отличиие от купли-продажи, порождает у рентного должника длящиеся обязательства по уплате ренты в форме периодических рентных платежей либо в течении неопределенного срока (постоянная рента) либо в течении жизни рантье (пожизненная), но всегда получению ренты предшествует передача плательщику определенного имущества. Более того, на момент передачи имущества общая сумма рентных платежей, в силу их длящегося характера, не может быть определена в принципе. Что, в свою очередь, привносит в рентные обязательства свойство алеаторности, т. е. придает им рисковой характер.

Во-вторых, к принципиальным отличиям договоров купли-продажи и договора ренты цивилистическая наука относит правовое основание соответствующих обязательств (causa). Для договора купли-продажи таковым основанием является получение имущества в собственность, для ренты – материальная помощь стороне контрагента (рентному кредитору). «Именно по указанной причине можно обратить внимание на то, что договор купли-продажи завершается переходом права собственности, а договор пожизненного содержания этим только начинается» [6, с. 628.].

В-третьих, говоря о пожизненной ренте и о пожизненном содержании с иждивением, следует выделить особо значимый социальный аспект данных гражданско-правовых обязательств, в той части что, к данным правовым договорным конструкциям отчуждения имущества рантье обращается, когда нуждается в материальной помощи. Как подчеркивали, известные российские ученые-цивилисты (Брагинский М. И., Витрянский В. В.) «наибольшее значение имеет, несомненно, ее цель: предоставление в собственность имущества в обмен на периодически выплачиваемую денежную сумму, предназначенную для обеспечения содержания… Не случайно поэтому именно с социальной по ее значению ренты начинается история правового регулирования договора ренты» [6, с. 622.].

Наконец, и это, в-четвертых, рента не связана с предпринимательской деятельностью и соответственно она не представляет собой прибыли, тогда как договор купли-продажи может иметь, как предпринимательский характер, так и потребительский.

Обозначенные современной российской цивилистической наукой юридические свойства (особенности) рентного договора в итоге и составляют основу правового режима рентных обязательств. Однако, с позиции истории становления договорного института ренты, следует подчеркнуть, что в различные периоды существования российского гражданского законодательства соответствующие режимы имели различную правовую форму реализации.

Общепризнанно, что впервые российское гражданское законодательство как действительно самостоятельная часть российской системы права было сформировано в условиях масштабной систематизации законов Российской империи на уровне разработки «Свода законов Российской империи 1832 года» [8], который с 1 января 1835 г. был объявлен действующим источником права по манифесту от 31 января 1833 г. В издании 1832 г. было 15 томов, где в Томе X. «Свод законов гражданских и межевых свод» (далее – Свод законов гражданских) были систематизированы гражданские и межевые законы, действующие на этот момент в России. Анализ правовых норм (статей) Свода законов гражданских не обнаруживает правила, касающиеся ренты, при том что гражданский оборот того времени не исключал существование обязательств имеющих природу рентных. Как указывал известный русский цивилист К. П. Победоносцев «наше законодательство не имеет особого разряда для договора ренты и не упоминает о нем. Однако по общему правилу 1528 и 1530 ст. Зак. Гр. возможно и у нас заключение подобного договора, – впрочем, едва ли по отношению к недвижимому имению» [7, с. 322]. Данный вывод К. П. Победоносцева основан на том, что названные статьи содержат общие правила заключения договоров, по сути, имеющие природу принципа «свободы договора».

Попытка поименованного законодательного закрепления договора ренты в дореволюционном законодательстве имела место лишь в проекте Гражданского уложения Российской империи 1905 г., книге пятой («Обязательства») [5], где договору ренты была посвящена XXI глава «Пожизненный доход (рента) и пожизненное содержание», которая, соответственно, предусматривала два «отделения»: первое предусматривало правила касаемо договора «пожизненного дохода», содержание которого строилось «на идее меновой», второе закрепляло договор «пожизненного содержания», явно содержащий социальный характер, согласно которому рантье, в обмен на свое имущество обеспечивался контрагентом в продолжении всей своей жизни помещением для жилья, пропитанием, а в случае болезни – осуществлением попечения, лекарствами и иным содержанием, «соответствующего личным потребностям и общественному положению лица». В конечном итоге, проекту Гражданского уложения Российской империи не было суждено приобрести статут законодательного акта по известным причинам (Первая мировая война, Великая октябрьская социалистическая революция 1917 г.).

Далее наступает период формирования и функционирования, так называемой социалистической системы права, которая, по сути, отрицала все частное в праве и экономике. Что в принципе и объясняет отсутствие в гражданском законодательстве РСФСР на уровне Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. [3] договора ренты. Законодательные органы РСФСР не видели необходимости закрепления в законе договорных форм либо иных отдельных норм, позволяющих разрешать судам спорные ситуации в условиях договорных обязательств, так или иначе, имеющих природу рентных, как правило, по причинам идеологического характера: конституционный принцип – обязанность трудиться, исключал получение доходов вне какой-либо деятельности. В частности, Конституция РСФСР 1918 г. в ст. 18, исходила из того, что «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: «Не трудящийся, да не ест!» [1].

Между тем тяжелая экономическая ситуация, которая сложилась в стране в тот после революционный период времени порождала подобного рода гражданско-правовые обязательства. При этом, судебная практика по-разному оценивала правовую силу этих договоров, где чаще она шла по пути отказа в удовлетворении требований, основанных на таком договоре, суды ссылались на отсутствие в законодательстве подобных договоров. И лишь, как исключение из этой практики, поддержанное на уровне постановления Пленума Верховного Совета РСФСР от 14 сентября 1925 г., суды вынуждены были «исходя из бытовых экономических условий переживаемого периода, …в отдельных случаях признавать такие сделки, в частности, в деревне, действительными, поскольку их расторжение нанесло бы вред слабейшей стороне, являющейся продавцом» [6, с. 625].

Но уже в годы ВОВ и после ее окончания, в условиях наступления тяжелейших последствий социально-экономического характера, и, как следствие, значительного снижения уровня жизни большинства населения страны, когда увеличилось количество людей, получивших увечья различной степени тяжести, вследствие чего ими были утрачены трудовые функции, а также людей, потерявших родственников, то есть людей, которые могли бы ухаживать за инвалидами, по их возвращению в свои дома (квартиры), проблемы правового разрешения данных ситуаций обострилась с новой силой, как следствие, цивилистическая наука и практика, более категоричным образом, вернулась к вопросу о роли и значении рентных обязательств в сфере гражданско-правовых отношений, понятным образом воспринимая необходимость введения в оборот обязательств рентного характера.

Как отмечали известные ученые-цивилисты «Договоры, о которых идет речь, получили по понятным причинам особое распространение в период Великой

Отечественной войны и после ее завершения. В тех условиях предоставление содержания в виде ренты в самых различных формах могло стать дополнительным или даже основным источником существования, прежде всего, для инвалидов, пенсионеров, лиц, утративших кормильца, и др.» [6, с. 625].

Так или иначе, сложившаяся в СССР по итогам Второй мировой войны социально-экономическая ситуация побуждала цивилистическую науку и судебную практику найти теоретико-правовое либо правоприменительное обоснование для признания, если не самостоятельных договоров ренты, то как минимум допустить наличие в обороте обязательств, имеющих природу рентных, а договоры их опосредующие признавать действительными.

В итоге, многочисленные дискуссии советских ученых завершилось разработкой концепции договора купли-продажи жилого дома с условием пожизненного содержания продавца и, наконец то, законодательным закреплением его на уровне принятого ГК РСФСР 1964 г. [4], но в главе «Купля-продажа» (ст. 253–254). Из чего, следует, что гражданское законодательство РСФСР, по прежнему, не признавало договор ренты в качестве самостоятельного вида гражданско-правового договора, рассматривая его разновидность (подвид) договора купли продажи. Тогда как, что представляется достаточно интересным, в отличиие от РСФСР иные союзные республики пошли по пути законодательного придания данной договорной конструкции признака «поименованности».

Такое положение в отношении института рентных отношений в РСФСР просуществовало до распада СССР и создания обновленного российского государства в форме Российской Федерации (России), ставшей на рельсы рыночной экономики, основанной на праве частной собственности, что и предопределило появление в новейшем российском гражданском законодательстве, на уровне ГК РФ 1995 г. в его второй части, самостоятельного правового института ренты, допускающего и обеспечивающего использование рентных обязательств в гражданском обороте.

Подводя итог, следует признать, что социально-экономические итоги Второй Мировой Войны 1939–1945 гг. и, в первую очередь Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг., безусловно, повлияли на формирование правового института ренты в российской правовой системе с позиции ее функционирования на конкретном историческом отрезке времени, когда социалистическая правовая система, значительным образом базировавшаяся на идеологических догмах (постулатах) социалистического толка, исключала существование в гражданском обороте рентных обязательств, и лишь для привлечения дополнительных средств правового характера с целью устранения последствий ВОВ вынуждена была обратится к гражданско-правовой конструкции договора купли-продажи жилого дома с условием пожизненного содержания продавца, имеющего,

по сути, правовую природу ренты. Что, в свою очередь, и явилось отправной точкой – началом, в части генезиса ренты, самостоятельной «жизни» гражданско-правового института ренты в российской частной правовой системе.

Сегодня правовой институт ренты в отношении своей правовой природы и правовом механизме реализации рентных обязательств базируется на современных устоявшихся цивилистических позициях доктринального толка. Однако не следует забывать о том, что государство, используя публично-правовые инструменты регулирования частноправовых отношений, должно влиять на формирование стратегии развития рентных отношений в целях недопущения нарушения правового баланса участников договоров ренты их опосредующих.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ: ред. от 24.06.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
2. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918). Документ утратил силу. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г.: пост. ВЦИК от 11.11.1922: ред. от 01.02.1949 «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.»). Документ утратил силу. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Гражданский кодекс РСФСР: пост. Верхов. Совета РСФСР от 11.06.1964: ред. от 26.11.2001. Документ утратил силу. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Гражданское уложение. Книга пятая: Обязательства: Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Т. 5 с объяснениями. Санкт-Петербург: Тип. Правительствующего Сената, 1899.
6. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. Изд. 2-е, стереотипное. М.: «Статут», 2000. 800 с.
7. Победоносцев К. П. Курс гражданского права: в трех томах. Том 3 / под ред. В. А. Томсинова. М.: Издательство «Зерцало», 2003. 608 с.
8. Свод Законов Российской Империи: полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Законов Основных, и позднейшими узаконениями: в 5 книгах. Кн. 2. Т. VI / под ред. и с примеч. И. Д. Мордухай-Болтовского. Санкт-Петербург: Изд-во «Русское книжное товарищество "Деятель"», 1912 // URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/193/2.html (дата обращения: 04.08.2025).
9. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвист. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изхд., стер. М.: рус. Яз.; Полиграфресурсы; (электронная версия): Фундаментальная электронная библиотека.

УДК: 159.9

ПСИХОЛОГИЯ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

***З. В. Якимова**, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат психологических наук, доцент*

В статье представлен сравнительный анализ психологии терроризма и экстремизма; проводится обзор современных исследований, посвященных данной теме; рассматриваются ключевые характеристики экстремизма и терроризма; анализируются общие и специфические психологические факторы, лежащие в основе этих явлений.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, психология терроризма, психология экстремизма, идеология, потребность в идентичности.

PSYCHOLOGY OF EXTREMISM AND TERRORISM: A COMPARATIVE ANALYSIS

***Z. V. Yakimova**, associate Professor of the Department of Humanitarian Disciplines of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Psychological, Associate Professor*

The article presents a comparative analysis of the psychology of terrorism and extremism; provides an overview of current research on this topic; examines the key characteristics of extremism and terrorism; and analyzes the general and specific psychological factors underlying these phenomena.

Keywords: terrorism, extremism, psychology of terrorism, psychology of extremism, ideology, need for identity.

Психология терроризма и психология экстремизма – две взаимосвязанные, но в то же время разные области исследований в рамках социальной, политической, криминальной и юридической психологии.

Многие исследователи, например, Арчаков М. К. [1], Григорьева М. А., Секач М. Ф., Савицкий А. А. [2], Журавлев А. Л., Гаврина Е. Е., Савченко Т. Н. [4], Кумышева Р. М. [6] и др. анализируют те или иные аспекты психологии

экстремизма и терроризма. Горбунова Н. В., Свешникова Н. О. [3] особое внимание уделяют психологическим особенностям лиц, совершающих преступления экстремистской направленности. Соотношению понятий «экстремизм» и «терроризм» уделено внимание в работах Ильичева И. Е. [5].

Проведенный обзор литературы позволяет сделать вывод, что оба феномена связаны с насилием и угрозой насилия, но имеют разные масштабы и цели. Несмотря на то, что термины «терроризм» и «экстремизм» часто используются как синонимы, они не являются идентичными.

Экстремизм представляет собой приверженность крайним взглядам и мерам (обычно политическим, религиозным или идеологическим), радикально отрицающим существующие общественные нормы и устои, и стремящимся к их изменению, часто насильственным путем.

К ключевым характеристикам экстремизма следует отнести: радикальные взгляды (экстремисты придерживаются убеждений, которые находятся на крайних позициях спектра мнений и отрицают компромиссы); отрицание существующего порядка (экстремисты отвергают существующие политические, социальные, экономические или религиозные системы); стремление к изменениям (экстремисты стремятся к коренным и быстрым изменениям в обществе, часто через революцию, реформы или насильственные действия); не обязательно насильственный характер (экстремизм сам по себе не всегда связан с насилием: вполне можно придерживаться экстремистских взглядов, не прибегая к насильственным действиям, однако, экстремистская идеология чаще всего является основой для насилия).

Терроризм, в свою очередь, является одной из форм экстремизма, характеризующейся систематическим применением насилия или угрозы его применения с целью запугивания или принуждения правительства, населения или какой-либо социальной группы к совершению определенных действий.

К ключевым характеристикам терроризма следует отнести: насилие или угроза насилия с целью вызвать страх и панику путем совершения или угрозы совершения насильственных действий (использование взрывчатых веществ для нанесения ущерба и убийства людей; использование биологических агентов (бактерий, вирусов) для нанесения вреда здоровью и жизни людей (биологический терроризм); использование химических веществ, например, нервно-паралитического газа, для нанесения вреда (химический терроризм); захват заложников; убийства, в том числе политические; диверсии (поджоги, взрывы на железных дорогах, атаки на электростанции); бомбардировки; нападения, совершаемые террористами, которые жертвуют своей жизнью (терроризм-камикадзе) и т. д.); политическая, религиозная или идеологическая мотивация (террористические акты совершаются не ради личной выгоды, а ради достижения определенных политических, религиозных или идеологических

целей); преднамеренное создание страха и паники (террористы стремятся не только причинить физический вред, но и создать атмосферу страха и неуверенности в обществе); неизбирательность жертв (в большинстве случаев террористические акты направлены против гражданского населения, чтобы максимизировать воздействие на общество; хотя некоторые теракты могут быть направлены на конкретные цели (например, политических лидеров), часто страдают случайные люди); символический характер действий (место, время и способ совершения теракта часто выбираются с целью привлечь максимальное внимание к целям террористов и оказать психологическое воздействие на общество); организованный характер (терроризм обычно является результатом спланированной деятельности организованных групп или сетей; публичность (террористы стремятся к максимальной публичности своих действий, чтобы привлечь внимание к своим целям и запугать общество); нарушение закона (террористические акты являются грубым нарушением национального и международного права). В совокупности эти характеристики определяют терроризм как сложное и многогранное явление, представляющее серьезную угрозу для безопасности и стабильности общества.

Терроризм и экстремизм представляют собой серьезную угрозу для современного общества, оказывая разрушительное воздействие на политическую, экономическую и социальную сферы. Понимание психологических механизмов, лежащих в основе этих явлений, является ключевым для разработки эффективных стратегий профилактики и противодействия.

С психологической точки зрения, как терроризм, так и экстремизм имеют общие корни: потребность в идентичности, поиск смысла и цели, переживание несправедливости и обиды, влияние групповой динамики.

Потребность в идентичности – стремление к принадлежности к группе, разделяющей общие ценности и убеждения, является одним из ключевых мотивов для вовлечения в экстремистские и террористические организации: идентичность становится основой для формирования чувства «мы» и «они», что может привести к дегуманизации «чужих» и оправданию насилия по отношению к ним.

Поиск смысла и цели – экстремистские и террористические идеологии часто предлагают упрощенные и категоричные ответы на сложные вопросы, предоставляя индивидам чувство цели и значимости.

Переживание несправедливости и обиды – чувство личной или коллективной несправедливости, вызванное политическим, экономическим или социальным неравенством, может стать мощным стимулом для вовлечения как в экстремистскую, так и в террористическую деятельность.

Влияние групповой динамики – групповое давление, социальная изоляция и чувство солидарности с «товарищами по оружию» играют важную роль в поддержании экстремистских убеждений и оправдании насилия.

Однако между психологией терроризма и экстремизма существуют и определенные различия, касаемые идеологии, целей, мотивации, организации и уровней насилия.

Идеология является основой экстремистской деятельности, определяя цели, методы и оправдание насилия. Основные типы экстремистских идеологий: политический экстремизм (стремление к радикальным политическим изменениям, отрицание демократических ценностей, оправдание насилия как средства достижения политических целей (например, фашизм, коммунизм в его радикальных формах); националистический экстремизм (вера в превосходство определенной нации, ненависть к другим народам, стремление к национальной изоляции или доминированию (например, неонацизм, расизм); религиозный экстремизм (фатальное понимание религии, нетерпимость к представителям других конфессий, оправдание насилия во имя веры (например, исламский экстремизм, христианский экстремизм); экологический экстремизм (использование насилия или угроз насилия для защиты окружающей среды, часто направленные против компаний, загрязняющих природу); левый экстремизм (анархизм): критика капитализма, государства, иерархии, стремление к созданию без государственного общества на основе принципов самоуправления; правый экстремизм (неонацизм, расизм, ксенофобия): вера в превосходство одной расы или нации над другими, ненависть к иммигрантам и представителям других культур. Терроризм часто основывается на экстремистских идеологиях, которые оправдывают насилие и дискриминацию.

Цели экстремистской деятельности могут быть различными в зависимости от идеологии и конкретной группы:

– свержение существующего политического строя (насильственное изменение правительства и установление нового порядка);

– изменение социально-экономической системы (революция, национализация, перераспределение богатств);

– разжигание межнациональной или межрелигиозной розни (провокация конфликтов, дискриминация, насилие в отношении определенных этнических или религиозных групп);

– нарушение территориальной целостности государства (сепаратизм, аннексия, создание новых государственных образований);

– дестабилизация общественной ситуации (создание хаоса, страха и неуверенности в обществе);

– привлечение внимания к своим идеям через громкие и резонансные акции;

– запугивание противников, подавление оппозиции и инакомыслия.

Терроризм направлен на создание страха и хаоса в обществе, а также на оказание давления на правительства и международные организации.

Мотивация экстремистской деятельности может быть обусловлена целым рядом факторов: идеологическая убежденность (вера в превосходство определенной идеологии – религиозной, политической, национальной – и необходимость ее насильственного распространения; чувство несправедливости и обиды (восприятие существующего порядка как несправедливого и дискриминационного по отношению к определенной группе населения); экономическая депривация и социальная изоляция (бедность, безработица, отсутствие перспектив и социальной интеграции могут толкать людей к экстремистским взглядам); психологические (внутриличностные) факторы: личностные особенности, такие как склонность к агрессии, потребность в принадлежности к группе, поиск идентичности и смысла жизни; внешнее влияние (пропаганда экстремистских организаций, вербовка через интернет и другие каналы); историческая травма (пережитые исторические события, такие как: войны, геноцид, политические репрессии – могут сформировать чувство обиды и стремление к мести.

Терроризм обычно имеет политические или идеологические мотивы, направленные на достижение конкретных целей путем запугивания и насилия.

Экстремистская деятельность может осуществляться как отдельными лицами-одиночками, так и организованными группами. Организация экстремистских групп может быть различной и представлять собой: иерархические структуры (с четким распределением ролей и подчинением лидеру; сетевые структуры (децентрализованные группы, связанные между собой горизонтальными связями); виртуальные сообщества (экстремистские группы, существующие только в интернете); подпольные организации (действующие в условиях конспирации).

Терроризм обычно является хорошо организованной и спланированной деятельностью, осуществляемой небольшими, но преданными идее группами.

Экстремизм не всегда предполагает использование насилия, хотя и оправдывает его применение в определенных обстоятельствах. Терроризм, наоборот, предполагает систематическое применение насилия в отношении гражданских лиц с целью достижения политических или идеологических целей

Так как терроризм, по сути дела, является подвидом экстремизма, то следует отметить, что *организация экстремистской деятельности* в целом включает в себя: вербовку новых членов (через пропаганду, личные контакты, интернет); финансирование (за счет пожертвований, криминальной деятельности, спонсорства со стороны государств или организаций); обучение и подготовку (физическую, идеологическую, тактическую подготовку к насильственным акциям; при этом, террористы, как правило, проходят более глубокую радикализацию, характеризующуюся полной приверженностью экстремистской идеологии и готовностью пожертвовать своей жизнью ради ее достижения); планирование

и осуществление экстремистских акций (терактов, нападений, пропагандистских кампаний); информационную поддержку (распространение экстремистских идей, оправдание насилия, дезинформацию). Организация экстремисткой и террористической деятельности не может быть осуществлена без специальных знаний о функционировании человеческой психики и психологических манипулятивных техник.

Хотя не существует универсального психологического профиля террориста или экстремиста, исследования показывают, что террористы чаще страдают от психических расстройств, таких как нарциссизм и антисоциальное расстройство личности.

Важно отметить, что экстремизм и терроризм – это сложные и многогранные явления, которые требуют комплексного подхода для понимания, профилактики и противодействия.

Список источников

1. Арчаков М. К. Психологические проблемы экстремистской деятельности // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 52. С. 50–54.
2. Григорьева М. А. Психология экстремизма и терроризма // Человеческий капитал. 2017. № 2(98). С. 3–6.
3. Горбунова Н. В. Психологические особенности лиц, совершающих преступления экстремистской направленности // Научные исследования выпускников факультета психологии. СПбГУ. 2013. Т. 1. С. 67–75.
4. Журавлев А. Л. Психология экстремизма: проблемы и решения (по материалам Всероссийского научно-практического семинара) // Прикладная юридическая психология. 2024. № 1(66). С. 167–175.
5. Ильичев И. Е. Экстремизм и терроризм: соотношение понятий, истоки и современность // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2020. № 4. С. 4–12.
6. Кумышева Р. М. Психология экстремизма // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 4(23). С. 124–126.

УДК 94(47)

МЕСТО И РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ И ОБЩЕСТВ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МАНЬЧЖОУ-ДИ-ГО (1934–1945 ГОДЫ)

***С. Ю. Яхимович**, заместитель начальника кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат исторических наук, доцент*

В статье рассматривается место профессиональных союзов и обществ российской эмиграции в системе государственных и экономических отношений прояпонского государства Маньчжоу-Ди-Го в 1934–1945 гг. Показываются процессы трансформации положения профессиональных союзов и обществ вследствие изменения внешнеполитической ситуации в Дальневосточном регионе. Роль русских профсоюзов тогда всё больше сводилась не к защите прав трудящихся, а к обслуживанию военных нужд Японской империи. Происходило это через инкорпорацию русских профессиональных союзов и обществ в государственно-экономическую модель марионеточного государства, созданного японскими милитаристами на территории Маньчжурии.

Ключевые слова: Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии, профессиональный союз, общество, государственная модель.

THE PLACE AND ROLE OF TRADE UNIONS AND SOCIETIES OF RUSSIAN EMIGRATION IN THE STATE-ECONOMIC MODEL OF MANCHUKUO (1934–1945)

***S. Yu. Yakhimovich**, deputy head of the Department of Social Sciences, Humanities, and Economics of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk degree in History, Associate Professor*

The article examines the place of trade unions and societies of Russian emigration in the system of state and economic relations of the pro-Japanese state of Manchukuo in 1934–1945. The article shows the

processes of transformation of the position of trade unions and societies due to changes in the foreign policy situation in the Far Eastern region. The role of Russian trade unions at that time was increasingly limited not to protecting workers' rights, but to serving the military needs of the Japanese Empire. This happened through the incorporation of Russian trade unions and societies into the state-economic model of the puppet state created by Japanese militarists in Manchuria.

Keywords: Bureau for Russian Emigrants in Manchuria, trade union, society, the state model.

В результате провокации японских военных в сентябре 1931 г., известной как «Мукденский инцидент», армия Японской империи, дислоцированная на Ляодунском полуострове, за несколько месяцев осуществила давно спланированный захват Маньчжурии. Китай, разрываемый гражданской войной, не в состоянии был защитить свои северо-восточные провинции. Агрессивные планы Японии были замаскированы созданием 1 марта 1932 г. на оккупированной территории марионеточного государства, преобразованного ровно через два года в империю Маньчжоу-Ди-Го. Формально независимое государство контролировалось и управлялось военной верхушкой японской Квантунской армии, развернувшейся в многотысячную группировку по всем районам Маньчжурии. С этого момента в Дальневосточном регионе, как и в Европе, начал складываться эпицентр будущей Второй мировой войны [15, с. 179–208].

Ситуация в Северной части Маньчжурии осложнялась не только тем фактом, что японская армия вышла к сухопутным границам Советского Союза, но еще и тем, что по ее территории пролегала Китайско-Восточная железная дорога (далее – КВЖД), управлявшаяся с 1924 г. совместно СССР и Китаем. Здесь же проживала большая колония российских эмигрантов (около 60 тыс. чел. [9, л. 1, 6]), многие из которых были сторонниками потерпевшего поражение белого движения, и около 30 тыс. советских граждан [1, с. 104–111; 18, с. 166–168]. Обе колонии до образования Маньчжоу-Ди-Го имели возможность легально открывать профессиональные объединения для защиты своих трудовых прав. Особенно актуально это было для русских эмигрантов, так как они являлись апатридами, тогда как за советскими гражданами все-таки стояло их государство. Во избежание прямого конфликта СССР был вынужден продать свою долю КВЖД 23 марта 1935 г. Маньчжоу-Ди-Го, а практически – Японии [13, с. 204–213]. Большинство граждан СССР выехали на родину в первые месяцы после продажи дороги, остальные возвратились позже, хотя небольшая советская колония оставалась здесь вплоть до 1945 г., но советское профдвижение было свернуто [2, л. 103; 17, л. 1–2 об.]. Российская же эмиграция оставалась, ее

профессиональные союзы и общества продолжали существовать, но уже в условиях фактического японского господства.

С целью контроля над эмигрантской колонией Японская военная миссия инициировала создание 28 декабря 1934 г. Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (далее – БРЭМ или Бюро), которое официально входило в систему государственных учреждений Маньчжоу-Ди-Го [11, л. 45–46; 16, л. 200–201]. Среди прочего, Бюро обязано было организовывать и курировать все русские профессиональные объединения, при том, что существовать могли только те из них, что зарегистрировались в БРЭМ [3, л. 110]. Руководители Бюро и многие его чиновники являлись членами Российской фашистской партии. По этой причине эмигрантские профсоюзы были перестроены по фашистскому принципу трудовых корпораций, в которые объединялись рабочие и работодатели, а споры между ними решались с помощью государственного арбитража. На деле, профсоюзы теряли самостоятельность, а трудящиеся оставались беззащитны перед произволом своих хозяев, которые могли уволить даже за пререкания с ними [5, л. 214–215; 14, с. 200, 235–236].

Для более эффективного взаимодействия с профессиональными и другими общественными организациями в конце 1940 г. внутри БРЭМ была учреждена по сути дублирующая структур – Объединение российских эмигрантов в Маньчжурской империи (далее – ОРЭ), которое возглавлял сам начальник Бюро [6, л. 8, 10]. Такой маневр позволял аппарату руководителя БРЭМ общаться с профобъединениями напрямую и принимать решения без проволочек. В декабре 1935 г. на учете БРЭМ стояло 26 профессиональных союзов и обществ [4, л. 42–43]; к концу 1941 г. в списках ОРЭ только среди наиболее крупных организаций числились 21 профсоюз и ассоциация работодателей. В 1945 г. под эгидой Бюро действовало более 30 крупных профессиональных союзов и обществ. Наиболее многочисленными из них всё время существования БРЭМ оставались общество «Русский транспорт» (для работников сферы автомобильных и перевозок) и «Союз служащих торгово-промышленных предприятий» [11, л. 15–18]. Следует отметить, что каждая такая организация являлась профессионально-трудовой корпорацией, объединявшей в своих рядах более мелкие союзы и общества трудящихся [12, л. 1–4, 29–29 об.].

Через БРЭМ и профессиональные организации среди русской эмиграции велась усиленная пропаганда антикоммунистической и антисоветской идеологии в духе беспрекословной покорности не столько даже Маньчжурской империи, сколько Японской. Профессиональные объединения кооптировались в созданную японскими спецслужбами фашистскую и прояпонскую организацию «Кио-Ва-Кай» (Общество единения народов Маньчжурской империи), содействовавшую милитаристским планам Японии. Она объединяла (в том числе и через профсоюзы) всё многонациональное население Маньчжурии в одно идеологическое целое

для чего периодически проводились съезды организации с участием делегатов и от профессиональных объединений [10, л. 135; 16, л. 206–207].

С началом японо-китайской войны в 1937 г. и после полномасштабного вступления Японии во Вторую мировую войну в 1940 г. русские профсоюзы были еще теснее вплетены в государственно-экономическую модель Маньчжоу-Ди-Го. Обслуживая японские военные интересы, в стране был установлен строгий режим экономии продовольствия (вводились продуктовые карточки) и ресурсов двойного назначения. Русская молодежь подлежала трудовой мобилизации без согласия профессиональных обществ. Всё это негативно отразилось на материальном и правовом положении эмигрантов и еще сильнее ограничило возможности их профессиональных объединений. Сама Маньчжоу-Ди-Го в войне не участвовала, но являясь управляемым союзником Японии, она стала ее безраздельным сырьевым придатком. В сложившейся международно-политической обстановке защита экономических, а тем более правовых интересов членов профсоюзов приобрела формальный характер [7, л. 61; 8, л. 177–179].

Внешнеполитические изменения повлияли на введение в Маньчжурии в 1940 г. новой экономической системы, что существенно скорректировало статус и задачи профдвижения эмигрантов. Введенный жесткий режим экономии предполагал строгое распределение товаров первой необходимости между потребителями. Профессиональные союзы должны были помогать правительственным органам предоставлять необходимые данные для более эффективного распределение продуктов. В связи с этим большое внимание БРЭМ уделяло тем профессиональным организациям, в которых трудились представители сфер питания, фармакологии, торговли и т. п. Одной из важнейших функций профессиональных объединений теперь становилось их встраивание в государственную модель перераспределения припасов для населения. Всё больше они стали напоминали кооперативы, чем профессиональные организации [4, л. 17; 6, л. 5].

Возрастание уровня милитаризации Маньчжурии сказалось на социально-экономических отношениях, а политический режим в стране всё больше стал напоминать фашистское корпоративное государство, что неизбежно вело к мобилизации профсоюзов в систему обслуживания интересов Маньчжоу-Ди-Го в обстановке военного положения. Японская и маньчжоугоская армии нуждались в растущем кредитовании со стороны крупных банков, для чего были организованы государственные мероприятия по привлечению денег населения в эти банки. В частности, по указанию БРЭМ от 27 июля 1942 г. в профсоюзах были образованы общества народных сбережений, которые организовали добровольно-принудительный перевод денежных накоплений членов союзов на открытые для них личные счета в Промышленном кооперативном банке. Вместе с накоплениями туда же перечислялась часть зарплаты членов профсоюзов без их согласия [10, л. 148–154, 159].

Для осуществления подобной государственной политики нужны были безропотные профсоюзы и общества не способные на защитные акции. Властям в Маньчжурии легко удалось добиться этого методами полицейского управления, прикрываясь военным положением в стране. После освобождения Маньчжурии Красной Армией в августе 1945 г. БРЭМ было ликвидировано, а многие эмигрантские профсоюзы прекратили свое существование или приспосабливались к новым политическим и экономическим условиям.

Таким образом, профессиональные союзы российской эмиграции в Маньчжоу-Ди-Го были жестко централизованы и политизированы на антисоветской основе. Члены эмигрантских профессиональных союзов слабо защищались их руководящими органами, которые по-военному выполняли приказы японской военной администрации по мобилизационному использованию возможностей российской колонии в Маньчжурии для нужд империи, особенно в годы Второй мировой войны.

Список источников

1. Аблажей Н. Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2007. 300 с.
2. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 100 б. Оп. 2. П. 13. Д. 34.
3. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 2.
5. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 4.
6. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 59.
7. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 61.
8. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 117.
9. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 218.
10. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 320.
11. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 324.
12. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 2. Д. 66.
13. Документы внешней политики СССР. Т. 18 (1 января – 31 декабря 1935 г.). М.: Политиздат, 1973. 718 с.
14. Звезда и свастика: Большевизм и русский фашизм. М.: ТЕРРА, 1994. 320 с.
15. История войны на Тихом океане (в пяти томах). Том I. Агрессия в Маньчжурии / под общ. ред. Усами Сэйдзиро и др. М.: Издательство Иностранной литературы, 1957. 416 с.
16. Отдел оперативной информации и специальных фондов Информационного центра УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 35. Оп. 3. Д. 41. Т. 2.
17. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 57.
18. Яхимович С. Ю. Советские граждане в Северной Маньчжурии (1924–1935 гг.). Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2015. 254 с.

Материалы межведомственного круглого стола «Противодействие терроризму правоохранительными органами» (12 сентября 2025 года)

УДК 323.28

МЕХАНИЗМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. А. Жигульский, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова

В статье рассмотрены и проанализированы основные тенденции противодействия современному экстремизму и терроризму; представлены основные детерминанты участия молодых людей в запрещенной деятельности; выдвигаются предложения по повышению эффективности имеющихся методов в борьбе с экстремизмом и терроризмом; изучается вопрос о взаимодействии России с международными организациями и другими странами в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, безопасность, органы внутренних дел, профилактика.

MECHANISMS FOR THE PREVENTION AND PREVENTION OF TERRORISM AND EXTREMISM IN THE SYSTEM OF INTERNAL AFFAIRS BODIES OF MODERN RUSSIA

***A. Zhigulsky**, lecturer of the Department of Tactical and Special Training of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article examines and analyzes the main trends in countering modern extremism and terrorism; presents the main determinants of young people's participation in prohibited activities; makes proposals to improve the effectiveness of existing methods in combating extremism and terrorism; examines the issue of Russia's cooperation with international organizations and other countries in the field of combating terrorism and extremism.

Keywords: extremism, terrorism, security, law enforcement agency, prevention.

Сегодня терроризм и экстремизм становятся все более опасными и угрожают безопасности государства и его граждан, причиняя огромные потери в политическом, экономическом и моральном плане, вызывая психологическое давление на общество из-за большого числа жертв.

Сегодня мировое сообщество столкнулось с фактом интернационализации терроризма и экстремизма из-за расширения международных связей и взаимодействия. Террористические организации стали активными участниками мировой политики наравне с государствами и транснациональными корпорациями [1].

Международный терроризм угрожает не только жизням, но и мировой стабильности, вызывая напряженность и вооруженные конфликты. Борьба с ним – одна из глобальных проблем нашего времени.

Терроризм изменился со временем и стал не только орудием уничтожения, но и средством достижения целей, одна личность использует оружие для устрашения и вызывания паники у многих.

Экстремизм связан с идеями и верованиями, которые несут в себе аморальность и приводят к действиям, нарушающим права и интересы людей и общества [5].

Необходимо предотвращать экстремизм и терроризм на ранних стадиях, чтобы обезопасить общество от их влияния. Экстремизм и терроризм оказывают негативное воздействие на все сферы жизни, необходимо учитывать новые требования при борьбе с проблемами от экономики до политики.

Из-за увеличения активности экстремистских сообществ в разных странах, включая Россию, становится необходимым разработать стратегию борьбы с этой угрозой. Экстремизм тесно связан с экономическим, общественным, военным и другими аспектами, и его разнообразные методы могут серьезно нарушить общественный порядок. Полиция должна принимать комплексные меры для предотвращения и пресечения экстремистской деятельности в интересах защиты государства и общества [6].

Противодействие экстремизму и терроризму требует внедрения эффективных превентивных мер. Методы противодействия занимают второе место, необходимо уделить особое внимание основным векторам при разработке соответствующих стратегий:

– создание и внедрение профилактических мер против экстремизма и терроризма, включая выявление и устранение причин и условий их возникновения;

– поиск, предотвращение и пресечение экстремистских и террористических акций, совершаемых общественными организациями, религиозными группами, отдельными личностями в одиночку или в группе;

– проведение систематической работы по укреплению общепризнанных моральных ценностей в обществе;

– пересмотр нормативно-правового поля и изменение подхода к применению профилактических мер для правонарушителей;

– предоставление информации и научная поддержка для предотвращения преступной деятельности.

Для борьбы с экстремистской деятельностью важно просвещать население о культурном разнообразии, истории нетерпимости, причинах вреда экстремизма и преступности [4]. Особое внимание следует уделять молодежи, необходимо создавать и внедрять программы для них, чтобы предотвратить их вовлечение в деструктивные действия.

Для борьбы с терроризмом в России важно изучить, почему молодежь присоединяется к террористическим группировкам.

1. Молодежь активно ищет компанию и общение через интернет и социальные платформы.

2. Социальное неравенство и плохое образование могут привести к тому, что подростки будут присоединяться к террористическим группировкам из-за напряженности в обществе.

3. Сейчас молодежь активно занимается культурной и творческой деятельностью, но она остается в изоляции, что ведет к потере ценностей.

4. Молодые люди в возрасте от 16 до 20 лет стремятся доказать свою взрослость, что часто приводит к перепадам настроения и желанию быть узнаваемыми. Они активно защищают свои права и ценности, что может вызывать конфликты в семье и школе [2].

Необходимо бороться с радикальными группами, которые пропагандируют свою идеологию среди подростков, так как они наиболее уязвимы для влияния. При проведении профилактической работы необходимо устранять все факторы, которые могут привести к вовлечению молодежи в террористическую деятельность.

Современные экстремистские и террористические организации используют различные информационные средства для распространения своих идей и влияния на общество. Многие доверяют информации в интернете и в средствах массовой информации, не осознавая реальной ситуации.

Необходимо пересмотреть взгляды на проблему международного терроризма с использованием научных и практических методов для разработки обоснованных рекомендаций [3].

В программе должны быть описаны все функции государственных и общественных структур, ветвей власти, средств массовой информации, а также механизмы их взаимодействия в различных аспектах, включая политический, социальный, экономический, правовой, идеологический и специальные аспекты.

Необходимо создать систему борьбы России и других стран – участниц Содружества Независимых Государств с международным терроризмом на основе научных исследований и анализа концепций других государств.

Структура ОВД обладает необходимыми ресурсами и полномочиями для борьбы с террористической угрозой, их подразделения занимаются предотвращением и пресечением преступлений.

Взаимодействие с населением – главная задача ОВД России, это:

– патрульная постовая служба полиция;

– служба участковых уполномоченных;

– подразделения по делам несовершеннолетних.

Подразделения дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции играют важную роль в обеспечении общественной безопасности, патрулируя районы, останавливая и задерживая подозрительных граждан, которые могут быть связаны с преступной деятельностью, включая террористическую и экстремистскую.

Важным также является непосредственное взаимодействие данных подразделений с другими ведомствами и службами, так как на них возложен специфический круг обязанностей и функций. Рассмотрим некоторые из них.

1. Таможенные органы наделены полномомчиями на предупреждение перевозки через границу запрещенных к обороту товаров.

2. Федеральная служба безопасности осуществляет непосредственный контроль за лицами, у которых возможно имеются террористические связи, а также которые имеют цель шпионажа в Российской Федерации.

3. Министерство юстиции также играет ключевую роль, так как на него возложены основные функции: вносить в реестр учредителей, организаторов

и иных участников экстремистской и террористической деятельности, а также на основании решения суда, опубликовывать перечень запрещенных на территории России сообществ.

Тесный контакт сотрудников полиции с другими силовыми службами помогает оперативно предупреждать и пресекать возможные проявления актов насилия.

Также важным остается взаимодействие полиции между субъектами Российской Федерации, так как борьба с запрещенными сообществами это сложная задача, которая требует много усилий, орган, который помогает координировать взаимодействие субъектов – Федеральная антитеррористическая комиссия.

Для решения проблем преступлений террористической направленности, а также предупреждения совершения новых преступлений, необходим системный, комплексный подход, который направлен на привлечение не только материальных ресурсов, а также на помощь населения и работу с ним, что поможет добиться успеха [7].

Важно помнить, что в одиночку ни одна служба не добьется успеха в раскрытии и предупреждении совершаемых преступлений. Органы внутренних дел – это государственные органы, занимающиеся охраной законности, правопорядка, защитой прав и свобод человека, а также борьбой с преступностью.

Список источников

1. Аминов Д. И., Оганян Р. Э. Молодежный экстремизм / под научн. ред. Р. А. Адельханяна. М., 2005. 196 с.
2. Блинов Н. М., Ожегов Ю. П., Шерем Ф. Э. Политическая культура и молодежь. М.: Молодая гвардия, 1982. 210 с.
3. Вишняков Я. Д., Киселева С. П. Противодействие терроризму: учеб. для студентов высших учебных заведений обучающихся по направлению «Педагогическое образование». М.: Изд-во «Академия», 2012. 255 с.
4. Грачев А. С. Политический экстремизм. М.: Мысль, 1986. 272 с.
5. Исаев Б. А. Радикальные, экстремистские, террористические группировки в тройственном конфликте с обществом, государством и умеренными политическими силами // Конфликтология. 2016. № 3. С. 53–68.
6. Казанцев С. Я., Кофман Б. И., Кикоть В. Я., Миронов С. Н. Терроризм: борьба и проблемы противодействия: учеб. пособие для студентов юрид. вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 592 с.
7. Соснин В. А. Психолого-мировоззренческое противодействие терроризму в современном // Психологический журнал. 2016. № 2. С. 136–144.

УДК 355.551

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИЗМУ

***А. А. Жигульский**, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***В. П. Дашинимаева**, курсант Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье предлагается рассмотреть правовые основы правоохранительных органов по противодействию терроризму как глобальную проблему на уровне всех государств. Страны с каждым годом совершенствуют свою организацию по противодействию, чтобы более эффективно бороться с террористической деятельностью.

Ключевые слова: правоохранительный орган, терроризм, сотрудник органов внутренних дел, противодействие терроризму.

THE LEGAL BASIS OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES' ACTIVITIES IN COUNTERING TERRORISM

***A. A. Zhigulsky**, lecturer of the Tactical and Speciall Training Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***V. P. Dashinimayeva**, cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

Terrorism has been a global problem at the level of all states for quite a long time. Countries every year improve their organisation on counteraction in order to fight terrorist activities more effectively. The article proposes to consider the legal basis of law enforcement agencies to counter terrorism.

Keywords: law enforcement agency, terrorism, IAB officer, countering terrorism.

Терроризм является глобальной и всепоглощающей проблемой современности. Правительства всех стран ежегодно тратят огромные суммы на организацию противодействия терроризму, пытаясь его искоренить.

Терроризм представляет собой некую идеологию насилия, посредством которой удается влиять на решения государственных властей для достижения своих целей через дестабилизацию власти в государстве.

Правоохранительные органы постоянно совершенствуют меры по противодействию терроризму, которые обеспечиваются нормативно-организационной базой и материальным обеспечением.

Противодействие терроризму заключается в мерах правоохранительных органов, направленных:

1) на выявление причин и условий, способствовавших созданию и развитию террористических организаций;

2) борьбу с террористическими организациями;

3) устранение или минимизацию последствий, причиненных вследствие деятельности террористических организаций.

Высокая опасность терроризма проявляется в совершенствовании методов борьбы самих террористов. Террористические организации из года в год все более эффективно используют методы сокрытия своей деятельности и более радикально проявляют себя во время совершения преступлений. Террористы искусно используют приемы вербовки новых участников. Чаще всего террористы осуществляют поиск соучастников посредством использования сети Интернет. Для того, чтобы выявить преступные действия лиц в интернете прилагается немало усилий у правоохранительных органов, но большинство преступников, действующих через интернет поймать невозможно. Террористы, понимая это, все активнее ищут потенциальных участников через социальные сети и мессенджеры, стремясь увеличить свою преступную организацию.

Немаловажную роль в противодействии терроризму осуществляют органы внутренних дел. Органы внутренних дел, взаимодействуя с другими государственными органами, осуществляя непосредственно данную деятельность, прилагают все усилия по профилактике, борьбе с терроризмом, а также по минимизации последствий.

Эффективность противодействия терроризму у органов государственной власти обуславливается развитыми организационно-правовыми основами, которые способны направлять деятельность данных органов на более качественное выполнение всех мероприятий. Комплексная система противодействия органов внутренних дел, в первую очередь, направлена на обеспечение безопасности государства, общества и личности. Террористы, осуществляя свою деятельность, все чаще направляют свои силы на мирное население, тем самым пытаясь достичь

устрашения государственных органов. Поэтому деятельность сотрудников ОВД имеет в приоритете защиту населения от преступлений террористического характера.

Правовую основу осуществления противодействия терроризму органами внутренних дел можно разделить на два блока, которые подразделяются в соответствии с направленностью.

Первый блок составляют те нормативно-правовые акты, которые относятся ко всем государственным органам, осуществляющим противодействие терроризму. К ним следует отнести международные правовые акты и договоры, которые содержат в себе обязанности государства бороться с терроризмом во всех его проявлениях. В первую очередь, к данному блоку следует отнести Всеобщую декларацию прав человека [2], которая провозглашает, что никто не вправе ограничивать лицо в правах и свободах, прописанных в данной декларации (ст. 2), что невозможно достичь при осуществлении терроризма в стране, так как их деятельность осуществляется непосредственно с нарушением прав и интересов многих граждан. Также в нем резюмируется, что государство обязано обеспечить защиту прав и свобод каждому лицу на территории данного государства (ст. 3). Также следует отметить двусторонний договор России и стран НАТО в Основополагающем Акте о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора [3], в котором содержатся нормы, в соответствии с которыми страны призваны сохранять стабильность и безопасность политической обстановки, тем самым не допуская подрыва власти и деятельности государственных органов вследствие деятельности террористических организаций.

Особенность международной правовой основы заключается в том, что нормы носят исключительно императивный характер и призваны направлять государство в обязательном обеспечении безопасности государства, а также и политической обстановки, что обуславливается внешней безопасностью какой-либо страны. Обязательность и безусловность исполнения норм, предписанных данными актами, порождают стабильность государств. Мировое сообщество, стремясь искоренить терроризм, не только разрешает ограничивать права лиц, осуществляющих террористическую деятельность, но и прямо предписывает обязательность государственных органов осуществлять данные мероприятия по борьбе с терроризмом.

Также к первому блоку относят нормативно-правовые акты Российской Федерации, которые являются организационно-правовой базой для всех органов, осуществляющих деятельность по противодействию терроризму. К ним относят: Конституцию РФ [1], Федеральный закон «О противодействии терроризму» [7], который закрепляет правовую основу, принципы противодействия терроризму,

а также основные понятия и др. нормы, согласно которым осуществляется данная деятельность. Следующим актом, составляющим правовую основу, выступает Федеральный закон «О государственной охране» [4], который регламентирует обязанность органов государственной охраны осуществлять меры по борьбе с терроризмом (ст. 13). Также следует отметить Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», который прямо предусматривает обязанность органов пресекать любые действия преступников, посредством которых осуществляется финансирование терроризма. В данном блоке также Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [8], которая направлена на укрепление обороноспособности, внутреннего единства и политической стабильности, а также предусматривает в дальнейшем будущем Российской Федерации снижение уровня террористической активности (II, п. 13).

Второй блок, входящий в правовую основу деятельности органов внутренних дел по противодействию терроризму, составляют: Федеральный закон «О полиции» [5] и ведомственные приказы, которые непосредственно регламентируют деятельность органов внутренних дел.

Правовые основы призваны организовывать деятельность органов внутренних дел по эффективной борьбе с терроризмом. Так, противодействие терроризму осуществляется в политическом, социально-экономическом, правовом и информационно-техническом пространстве. Органы внутренних дел вместе с другими органами осуществляют мероприятия, направленные не только на борьбу с терроризмом при открытом осуществлении их деятельности, но и по своевременному выявлению и пресечению подобных действий.

Органы внутренних дел принимают участие в мероприятиях по защите мест массового пребывания людей, объектов инфраструктуры и иных объектов, которые могут быть подвергнуты террористической угрозе. В деятельности органов внутренних дел постоянно совершенствуется материально-техническое обеспечение, направленное на способность противодействия правоохранительным органам в борьбе с террористами, которые также совершенствуют свои методы осуществления деятельности.

Таким образом, в Российской Федерации существует комплексная система нормативно-правовых актов, которая составляет правовую основу противодействия терроризму органами государственной власти. Правовые основы позволяют организовать и разграничить полномочия системы органов в данной деятельности, тем самым совершенствуя систему мер борьбы с преступлениями террористической направленности.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенарод. голосованием 12.12.1993 с изм., одобрен. в ходе общерос. голосования 01.07.2020 // Российская газета. 2020. 4 июля.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. № 67. 1995.
3. Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора от 27 мая 1997 // Бюллетень международных договоров. Сборник № 11 от 01.11.1997. Ст. 35.
4. О государственной охране: федер. закон от 27.05.1996 № 57-ФЗ: ред. от 08.08.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: ред. от 28.12.2024: ред. от 01.03.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ: ред. от 07.04.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ: ред. от 28.02.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 05.07.2021. № 27 (часть II), ст. 5351.

УДК 355

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

***Г. Д. Коревин**, старший преподаватель кафедры профессиональной служебной подготовки Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***М. Д. Лобанов**, преподаватель кафедры профессиональной служебной подготовки Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья исследует стратегию и тактику действий сотрудников полиции в условиях военного положения с целью обеспечения общественной безопасности и поддержания порядка. Рассматриваются основные аспекты работы полиции в период военного положения, включая интенсификацию патрулирования и контроля, обеспечение безопасности стратегически значимых объектов и реагирование на чрезвычайные ситуации.

Ключевые слова: военное положение, сотрудники полиции, общественная безопасность, поддержание порядка, тактики, патрулирование, контроль, реагирование на чрезвычайные ситуации.

STRATEGIES AND TACTICS OF ACTIONS OF POLICE OFFICERS UNDER MARTIAL LAW

***G. D. Korevin**, senior lecturer of the Department of Professional Training of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***M. D. Lobanov**, lecturer of the Department of Professional Training of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This scientific article explores the strategies and tactics of actions of police officers under martial law in order to ensure public safety and maintain order. The article discusses the main aspects of police work during martial law, including the intensification of patrolling and control, ensuring the security of strategically important facilities and responding to emergencies.

Keywords: martial law, police officers, public safety, maintaining order, tactics, patrolling, control, emergency response.

При введении военного положения сотрудники полиции осуществляют ряд действий, направленных на поддержание общественного порядка и безопасности, в соответствии с требованиями военно-правового режима. Введение военного положения обусловлено возникновением угрозы национальной безопасности, включая вооруженные конфликты, восстания, террористические акты или природные катастрофы, которые могут серьезно нарушить стабильность общества.

В статье рассматриваются возможные стратегии и тактики, применяемые сотрудниками полиции при введении военного положения. Предлагается рассмотреть следующие аспекты [1].

Интенсификация патрулирования и контроля. Под влиянием военного положения полиция активизирует свою оперативную деятельность и усиливает меры контроля на улицах и общественных местах. В контексте этой ситуации сотрудники полиции проводят дополнительные проверки документов граждан, осуществляют остановки и обыски автотранспорта и личного состава, а также создают временные контрольные пункты.

Обеспечение безопасности стратегически значимых объектов. Одной из ключевых задач полиции в период военного положения является охрана и обеспечение безопасности объектов, имеющих стратегическое значение, включая правительственные здания, энергетические сооружения, транспортную инфраструктуру и другие стратегически важные объекты.

Реагирование на чрезвычайные ситуации. Сотрудники полиции активно участвуют в реагировании на возникающие чрезвычайные ситуации, связанные с военным положением. Это может включать оперативные мероприятия по обеспечению общественной безопасности, спасательные операции, оказание медицинской помощи пострадавшим и другие неотложные меры.

В целом эффективное функционирование полиции в период военного положения играет важную роль в поддержании порядка и безопасности в обществе. Понимание и применение стратегий, методов, описанных в данной статье, способствуют эффективному выполнению задач полиции в условиях военного положения.

Одним из ключевых аспектов успешной работы сотрудников полиции во время военного положения является сбалансированное сочетание превентивных и реактивных подходов. Превентивные меры направлены на предотвращение потенциальных нарушений общественного порядка и преступлений, в то время как реактивные меры позволяют быстро и эффективно реагировать на возникающие чрезвычайные ситуации.

Кроме того, важным аспектом является сотрудничество и координация действий полиции с другими военными и правоохранительными органами,

а также с гражданскими и военными властями. Это обеспечивает эффективное использование ресурсов, обмен информацией и координацию оперативных действий.

Важно отметить, что во время военного положения сотрудники полиции могут столкнуться с повышенным уровнем стресса, риска и сложностей. Поэтому обеспечение их подготовки, тренировок и психологической поддержки является неотъемлемой частью успешного выполнения задач в таких условиях.

Введение военного положения в современное время нередко представляет значительные опасности и сопровождается непредсказуемыми последствиями для сотрудников правоохранительных органов. Этот переход к режиму военного положения обычно сопряжен с ужесточением мер безопасности, предоставлением чрезвычайных полномочий и изменением правил и процедур, непосредственно влияющих на работу полицейских.

Одной из существующих опасностей является увеличение фактов насилия и криминальной активности. Военное положение обычно возникает в периоды политических или социальных потрясений, которые способны спровоцировать возмущения и акции протеста. Такие обстоятельства могут привести к эскалации конфликтов и актов насилия в обществе. Возможные формы насилия включают грабежи, ограбления, нападения на общественные места, а также террористические акты. Сотрудники полиции оказываются в первых рядах в борьбе с такой криминальной активностью и сталкиваются с повышенными угрозами для своей личной безопасности.

Кроме того, военное положение может сопровождаться нарушением прав граждан и вмешательством в личную жизнь. При введении чрезвычайных полномочий и ограничении гражданских свобод может возникнуть риск злоупотребления властью и нарушения прав человека. Сотрудники полиции могут оказаться в сложной ситуации, где требуется соблюдение баланса между обеспечением общественной безопасности и уважением прав граждан. Их задача заключается в том, чтобы эффективно выполнять свои обязанности, при этом соблюдая законность и защищая основные права и свободы [3].

Дополнительно введение военного положения может повлечь за собой угрозы для физического и психологического здоровья сотрудников полиции. Стремительное усиление кризисных ситуаций, повышенная напряженность и угроз продолжающейся опасности могут негативно сказаться на психологическом состоянии полицейских. Длительное нахождение в стрессовых условиях и постоянная готовность к реагированию на потенциально опасные ситуации могут привести к развитию посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), тревожных расстройств и других психических проблем. Более того, недостаток сна, неопределенность и повышенная нагрузка на работе могут привести к физическому истощению и повышенному риску заболеваний [2].

Еще одной потенциальной опасностью является угроза терроризма. Военное положение часто вызывается террористическими угрозами или актами насилия. Сотрудники полиции как первые респонденты в случае таких ситуаций сталкиваются с риском быть подвергнутыми нападениям и атакам со стороны террористов. Террористические группировки могут использовать хаос и нестабильность, связанные с военным положением, для проведения своих деструктивных действий, включая нападения на правоохранительные органы.

Кроме того, введение военного положения может сопровождаться нарушениями правопорядка и возможным установлением авторитарного режима. Это может привести к коррупции, злоупотреблениям властью и нарушению прав граждан. Сотрудники полиции могут оказаться в сложном положении, где требуется балансировка между поддержанием общественной безопасности и соблюдением гражданских свобод и прав. Их задачей является эффективное исполнение своих обязанностей, при этом уважая законность и защищая основные принципы правосудия.

Понимание действий сотрудников полиции при введении военного положения играет важную роль в обеспечении общественной безопасности и поддержании порядка в периоды кризиса. Это требует глубокого анализа, разработки стратегий и тактик, а также эффективного управления ресурсами и координации действий между различными структурами с целью достижения наилучших результатов при обеспечении безопасности и стабильности в условиях военного положения.

Список источников

1. Бойцов А. В. Организационно-правовые основы деятельности полиции в условиях введения военного положения // Юрист. 2015. С. 71–75.
2. Караваев В. В. Военное положение и его влияние на обеспечение правопорядка // Право и политика. 2016. С. 30–34.
3. Чернявская И. В. Задачи и функции полиции в условиях военного положения // Вестник Московского университета МВД России. 2020. С. 99–103.

УДК 351.74

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ

***Д. А. Носов**, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматриваются актуальные вопросы противодействия терроризму правоохранительными органами Российской Федерации. Особое внимание уделено трансформации террористической угрозы в организованную и транснациональную форму. Анализируется роль правоохранительных структур в выявлении и пресечении террористической деятельности, подчеркивается важность соблюдения правовых принципов, недопущения политизации и милитаризации полицейской деятельности, а также необходимость соблюдения баланса между обеспечением безопасности и соблюдением прав человека. Освещаются проблемы и перспективы межведомственного и международного сотрудничества, правового регулирования обмена информацией, гармонизации национального законодательства и реализации положений международных конвенций.

Ключевые слова: терроризм, противодействие терроризму, правоохранительные органы, международное сотрудничество, разведывательная деятельность, следственная деятельность

COUNTER-TERRORISM BY LAW ENFORCEMENT AGENCIES

***D. A. Nosov**, lecturer of the Department of Tactical and Special Training of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article examines current issues of counteraction to terrorism by law enforcement agencies of the Russian Federation. Particular attention is paid to the transformation of the terrorist threat into an organized and transnational form. The role of law enforcement agencies in identifying and suppressing terrorist activity is analyzed, the importance of observing legal principles, preventing the politicization and militarization of police activity, as well as the need to maintain a balance between ensuring security and respecting human rights is emphasized. The problems

and prospects of interdepartmental and international cooperation, legal regulation of information exchange, harmonization of national legislation and implementation of the provisions of international conventions are highlighted.

Keywords: terrorism, counter-terrorism, law enforcement agencies, international cooperation, intelligence activities, investigative activities

Терроризм продолжает оставаться одной из наиболее острых и многогранных угроз национальной и международной безопасности. Его трансформация в организованную, нередко трансграничную деятельность требует от государств разработки комплексных мер противодействия. В этом контексте особая роль отводится правоохранительным органам Российской Федерации, на которых лежит задача не только пресечения террористических актов, но и предупреждения их на самых ранних стадиях подготовки.

Эффективное противодействие терроризму предполагает неукоснительное соблюдение принципов правового государства, включая верховенство закона и защиту прав человека. Это обостряет требования к профессионализму и ответственности сотрудников полиции и других подразделений, задействованных в антитеррористической деятельности. Современные вызовы, такие как глобальный характер террористических сетей, широкое применение информационных технологий и использование сложных схем конспирации, требуют от правоохранительных органов постоянного совершенствования оперативных и аналитических механизмов, технического оснащения и кадровой подготовки.

Особенно актуальной становится задача укрепления межведомственного и международного взаимодействия, без которого невозможно обеспечить комплексный подход к выявлению, пресечению и расследованию террористических угроз. Наряду с этим важнейшим условием повышения эффективности противодействия терроризму является создание в структурах правоохранительной системы четко выстроенных механизмов координации, внутреннего контроля и подотчетности, исключающих злоупотребление полномочиями при выполнении столь деликатных и опасных задач.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О противодействии терроризму», «терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [1].

Правоохранительные органы как сложная иерархическая система играют ключевую роль в выявлении, предупреждении и пресечении террористической деятельности [2]. Однако успешная реализация этих функций невозможна без четкой регламентации полномочий, координации с другими структурами – в первую очередь с военными и разведывательными службами – и обеспечения прозрачности их действий. Избыточная милитаризация полиции, размывание границ между функциями силовых структур и ослабление гражданского контроля могут привести к утрате общественного доверия, что в условиях борьбы с терроризмом недопустимо.

По мнению Н. К. Кустовой, одна из актуальных проблем – необходимость соблюдения принципа деполитизации деятельности правоохранительных органов [3]. В условиях угрозы терроризма возрастает риск давления со стороны политических структур, стремящихся использовать антикризисные меры в собственных интересах. Поэтому полиция должна обладать достаточной степенью оперативной самостоятельности, но в рамках, установленных законом. Подобное равновесие возможно лишь при функционировании надежной системы подотчетности и независимого контроля.

Особое внимание в борьбе с терроризмом уделяется разведывательной и следственной деятельности. Скрытый характер террористических сговоров, использование сложных конспиративных схем и вовлечение транснациональных сетей требуют от полиции применения специальных методов сбора и анализа информации. Сбор информации, необходимой для предупреждения и расследования террористических преступлений, осуществляется с использованием различных источников, включая как открытые каналы, так и данные, полученные в рамках оперативно-розыскной деятельности, в том числе от зарубежных партнёрских структур. Однако любые действия, связанные с обработкой сведений, затрагивающих частную жизнь граждан, должны быть строго регламентированы законом. Их применение возможно лишь при соблюдении принципов правовой необходимости, пропорциональности и недопущения дискриминации, что особенно важно в условиях растущей чувствительности общества к вопросам прав человека.

Важной составляющей профилактической работы правоохранительных органов становится взаимодействие с локальными сообществами. При этом особую актуальность приобретает вопрос применения методов так называемого «профилирования» – анализа поведенческих и демографических характеристик для выявления потенциальных угроз. Хотя подобный подход может обладать определённым операционным потенциалом, его использование должно быть строго ограничено рамками обоснованности и не опираться на обобщённые или стереотипные представления. Направленность правоохранительных

мероприятий исключительно на отдельные группы населения чревата ростом социальной напряжённости и ослаблением доверия к государственным институтам.

Однако реализация этих задач сталкивается с рядом правовых и организационных барьеров. Несмотря на достигнутые успехи в установлении каналов информационного обмена между ведомствами, практика показывает, что действующие внутренние и международные правовые механизмы не всегда соответствуют требованиям времени. Необходима гармонизация правовых основ, регулирующих доступ и передачу данных, с учетом стандартов по защите прав личности и конфиденциальности информации.

Особую актуальность приобретает укрепление международного сотрудничества между различными органами и структурами, поскольку эффективность борьбы с терроризмом напрямую зависит от согласованности действий правоохранительных органов разных стран. Международное взаимодействие требует от национальных систем не только принятия новых нормативно-правовых актов, но и внедрения процедурных реформ, направленных на сближение подходов к расследованию, уголовному преследованию и правовой квалификации террористических преступлений. Важным шагом в этом направлении является реализация положений глобальных и региональных конвенций, включая Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности и Конвенцию против коррупции.

Для правоохранительных органов России задача выстраивания эффективных каналов обмена оперативной информацией дополняется необходимостью совершенствования национального законодательства и процедур, способных обеспечить доверие международных партнеров. Только при наличии четких гарантий правовой защищенности и транспарентности можно рассчитывать на результативное и устойчивое международное сотрудничество.

Таким образом, эффективность противодействия терроризму со стороны правоохранительных органов Российской Федерации напрямую зависит от способности государства обеспечить баланс между безопасностью и свободой, усилением оперативных возможностей и соблюдением демократических принципов. Только при условии правовой определенности, организационной скоординированности и открытости действия правоохранительной системы могут стать надежным барьером на пути террористических угроз. В современных условиях успех в борьбе с терроризмом определяется не только силой национальных структур, но и способностью государства быть надежным и компетентным участником глобальной системы коллективной безопасности.

Список источников

1. О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ: ред. от 28.02.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Богославцева Л. В., Затуливетров К. Е., Шуткина М. С. Система правоохранительных органов Российской Федерации: понятие, структура, задачи и функции // Актуальные проблемы деятельности правоохранительных органов Российской Федерации. Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2025. С. 78–81.
3. Кустова Н. К. К вопросу о противодействии терроризму // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Иркутск: Вост.-Сибир. ин-т МВД России, 2023. С. 55–58.

УДК 351.74

НЕОБХОДИМОСТЬ СОЗДАНИЯ СИЛОВОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

***А. С. Пашин**, преподаватель кафедры профессиональной служебной подготовки Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматривается вопрос реформирования силового подразделения в системе органов внутренних дел для проведения операций по нейтрализации преступников, освобождению заложников и др.

Ключевые слова: специальная операция, Министерство внутренних дел, силовое подразделение, ОМОН, СОБР, Росгвардия.

THE NEED TO CREATE A FORCE UNIT IN THE SYSTEM OF INTERNAL AFFAIRS

***A. S. Pashin**, lecturer of the Department of Professional Service Training of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article examines the issue of reforming the power unit in the system of internal affairs bodies to conduct operations to neutralize criminals, free hostages, etc.

Keywords: special operation, Ministry of Internal Affairs, power unit, OMON, SOBR, Rosgvardia.

История силовых подразделений в системе внутренней безопасности государства уходит в древние времена. В Римском государстве существовала преторианская гвардия, которая занималась наведением порядка в Риме, а также осуществляла охрану представителей власти. А на Руси для организации общественного порядка князья использовали дружину. В 70-е гг. 20 столетия в СССР возникла острая необходимость создания специального подразделения при Комитете государственной безопасности для организации специальных операций по выполнению особо важных задач, по причине того, что преступность начала приобретать профессиональный уровень, с чем сотрудникам милиции СССР стало сложно бороться.

Необходимо отметить, что в 1980 г. страна готовилась к XXII Олимпиаде в Москве, что также стало одной из причин. 9 ноября 1978 г. был образован Отряд милиции специального назначения – ОМСН Главного управления внутренних дел (ГУВД) по городу Москве. После проведённой Олимпиады руководство государства пришло к мнению, что данное подразделение будет хорошим силовым дополнением для сотрудников органов внутренних дел, в 80-е гг. 20 столетия отряд получил название ОМОН – отряд милиции особого назначения – и был передан в подчинение уголовному розыску ГУВД по г. Москве. В результате реформ происходило расширение численного состава отряда и в 1992 г. ОМОН стал выполнять задачи по охране общественного порядка, а при Главном управлении по организованной преступности был создал специальный отряд быстрого реагирования.

С 1994 г. бойцы специальных подразделений приняли участие в первой чеченской кампании на Северном Кавказе, после окончания контртеррористической кампании в 2002 г. Отряд был переименован в ОМСН, а также 3 отряда получили собственные названия, такие как «Рысь» в г. Москве, «Булат» в Московской области, а также «Ахмат» в Чеченской Республике. В связи с реформированием органов милиции в полицию, ОМСН были переименованы в СОБР, а ОМОН получил новую расшифровку – отряд мобильный особого назначения и выполнял привычную для него задачу по охране общественного порядка. Так в 2016 г. 5 апреля указом Президента № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» была образована Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, а силовые подразделения ОМОН и СОБР включены в состав данной службы. В феврале 2022 г. после начала Специальной военной операции сотрудники Росгвардии были направлены в регионы, вошедшие в состав Российской Федерации, для оказания помощи в организации охраны данных регионов. Поскольку многие сотрудники были направлены в вышеуказанные места службы, в регионах России осталось небольшое количество сотрудников специальных подразделений, по этой причине организация сотрудничества МВД и Войск национальной гвардии (ВНГ) затруднилась. Сотрудники Войск национальной гвардии не успевают оказывать помощь полиции из-за нехватки кадров. Отряд «Гром», вошедший в состав Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2016 г., является малочисленным, в силу того, что до перехода из одной службы в другую, его основной задачей являлось оказание силовой поддержки оперативным сотрудникам Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков. После внесенных изменений Указом Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции»,

задачи «Гром» не изменились. Анализируя сложившуюся ситуацию, можно сказать, что проведение СВО показало необходимость создания собственного силового подразделения МВД для оказания помощи сотрудникам уголовного розыска по задержанию особо опасных преступников.

Исходя из изложенного, в целях совершенствования деятельности органов внутренних дел, необходимо внести в законодательство Российской Федерации изменения по регулированию основных задач Министерства внутренних дел и Федеральной службы войск национальной гвардии, а также проработать законодательные акты, определяющие основные задачи, порядок подчиненности специального подразделения «Гром», а также порядок проведения операций, относящихся к юрисдикции ОВД Российской Федерации. В связи с переходом ОМОН и СОБР в Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации оказание силовой поддержки сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации затруднилось. Исходя из изложенного, считаем, что необходимо разработать приказ в системе МВД России, в котором определить место сотрудников ОСН «Гром». Также следует обратить внимание на материальное обеспечение сотрудников «Гром», а именно определить перечень специальных средств и средств индивидуальной зашиты, средств передвижения, которое также должно соответствовать поставленным задачам. Стоит отметить, что для оказания помощи сотрудниками ОСН «Гром» необходимо увеличить численности личного состава за счет расширения учебных баз в ведомственных институтах Министерства внутренних дел Российской Федерации, а также создание факультетов подготовки инструкторского состава на базах институтов Министерства внутренних дел Российской Федерации, которые не подразумевают обучение сотрудников специальных подразделений.

На основании изложенного, можно отметить, что необходимость создания собственного силового подразделения в органах внутренних дел является острой проблемой. Альтернативой создания такого подразделения может послужить выведение отряда специального назначения «Гром» из подчиненности УНК МВД России в подчиненность УМВД России для организации силовой поддержки всех оперативных подразделений территориальных органов МВД России при условии поддержания всех вышеупомянутых аспектов.

Список источников

1. Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 05.04.2016 № 157: ред. от 17.06.2019. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
2. О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции: Указ Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 156: ред. от 15.05.2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 351.75

ОПТИМИЗАЦИЯ ТАКТИКИ И МЕТОДОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОРЯДКА В МЕСТАХ ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ: АНАЛИЗ, РЕКОМЕНДАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

***Ю. С. Поздняков**, старший преподаватель кафедры огневой подготовки Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье автор рассматривает вопрос оптимизации тактики и методов обеспечения охраны общественного порядка в местах проведения публичных мероприятий. Рост числа публичных мероприятий и потенциальных угроз определяет актуальность данной темы. Автор подчеркивает важность обучения и подготовки сотрудников полиции, использования современных технических средств, беспилотных летательных аппаратов, что позволит значительно повысить эффективность обеспечения общественного порядка при проведении публичных мероприятий.

Ключевые слова: публичные мероприятия, органы внутренних дел, обеспечение охраны общественного порядка.

OPTIMIZATION OF TACTICS AND METHODS OF ENSURING ORDER IN PLACES OF PUBLIC EVENTS: ANALYSIS, RECOMMENDATIONS AND PROSPECTS

***Yu. S. Pozdnyakov**, senior lecturer at the Fire Training Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The author examines the optimization of tactics and methods for maintaining public order at public events. The growing number of public events and potential threats makes this topic relevant.
The author emphasizes the importance of training and preparing police officers, the use of modern technical means, and unmanned aerial vehicles, which will significantly improve the effectiveness of maintaining public order during public events.

Keywords: public events, law enforcement agencies, ensuring the protection of public order.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» под публичными мероприятиями понимается «открытая, мирная, доступная каждому, проводимая в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм акция, осуществляемая по инициативе граждан Российской Федерации, политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений, в том числе с использованием транспортных средств».

Публичные мероприятия могут проводиться в форме собраний, митингов, демонстраций, шествий, пикетирования. А также различаться по целям: политическим, экономическими, социальным, культурным [1].

Организация охраны на публичных мероприятиях основана на нескольких принципах: проактивного планирования, системы контроля и мониторинга, взаимодействия с общественностью.

Организация и осуществление охраны общественного порядка в ходе проведения публичных мероприятий требуют системного подхода и четкой координации. Поэтому подготовка к осуществлению охраны общественного порядка начинается задолго до самого мероприятия.

Этап подготовки к осуществлению охраны общественного порядка в ходе публичного мероприятия характеризуется разработкой детального плана охраны. Планирование также включает оценку необходимых ресурсов, расчет сил и средств [3].

Во время проведения публичного мероприятия органы внутренних дел непосредственно обеспечивают безопасность и охрану общественного порядка. Сотрудники полиции патрулируют территорию, проверяют посетителей в месте проведения публичного мероприятия на наличие запрещенных предметов.

После окончания публичного мероприятия подводятся итоги по охране публичного мероприятия. Проводится оценка эффективности принятых мер, учитываются недостатки, предлагаются рекомендации по их устранению.

В ходе проведения публичного мероприятия могут быть совершены различные правонарушения. Массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ) являются одним из частых видов правонарушений, встречающихся в ходе проведения публичных мероприятий.

При возникновении массовых беспорядков в ходе проведения публичных мероприятий сотрудники полиции должны соблюдать порядок действий:

1. Оценить окружающую обстановку и сложившуюся ситуацию.
2. Обеспечить личную безопасность и безопасность граждан.

3. Разделить толпу на малочисленные группы.
4. Контролировать движения данных групп.
5. Призвать к соблюдению законодательства РФ.
6. Если иными способами невозможно справиться с массовыми беспорядками, применить физическую силу, специальные средства, огнестрельное оружие согласно ст. 19, 20, 21, 22, 23, 24 Федерального закона от 07.02.2011 № 3 «О полиции».
7. Проведение задержания правонарушителей.
8. После ликвидации очагов массовых беспорядков продолжать обеспечивать охрану общественного порядка при проведении публичного мероприятия.

Стоит отметить, что в каждом отдельном случае действия сотрудников полиции могут различаться в зависимости от обстоятельств. Важным аспектом в обеспечении общественного порядка при проведении публичного мероприятия является взаимодействие органов внутренних дел с частными охранными организациями.

Консультации и планирование играют ключевую роль в данном виде взаимодействия. Органы внутренних дел определяют требования безопасности, оценивают риски, разрабатывают мероприятия по обеспечению общественного порядка на территории. Другим важным аспектом данного взаимодействия является обмен информации.

Организации предоставляют органам внутренних дел информацию о планируемых публичных мероприятиях, ориентировочном числе участников и другую информацию, необходимую для подготовки к обеспечению охраны общественного порядка.

Другим аспектом взаимодействия являются совместные операции и координация действий сотрудников ОВД и частных охранных организаций. Частные охранные организации могут принимать активное участие в обеспечении безопасности: осуществлять патрулирование, наблюдение, контроль доступа на территорию проводимого публичного мероприятия.

Стоит отметить, что для оптимизации тактики и методов обеспечения общественного порядка в местах проведения публичных мероприятий необходимо в деятельность органов внутренних дел внедрить следующие подходы.

1. Предварительный анализ и оценка потенциальных рисков.
2. Использование командной работы и ее координация.
3. Использование проактивных мер безопасности.
4. Специальное обучение и подготовка.
5. Внедрение анализа результатов и обратной связи.

Кроме того, стоит обратить внимание, что на современном этапе развития правоохранительными органами все чаще стали использоваться беспилотные летательные аппараты.

Использование беспилотных летательных аппаратов оптимизирует работу органов внутренних дел по обеспечению общественного порядка. В ходе осуществления охраны общественного порядка при проведении публичных мероприятий беспилотные летательные аппараты могут быть использованы для:

– наблюдения за оперативной обстановкой на территории проведения публичного мероприятия;

– патрулирования;

– создания системы предупреждения и коммуникации;

– управления толпой.

Однако необходимо учитывать ограничения и правовые аспекты использования беспилотных летательных аппаратов в ходе проведения публичных мероприятий.

Использование беспилотных летательных аппаратов станет основным способом обеспечения охраны общественного порядка при проведении публичных мероприятий.

В заключение можно отметить, что тактика и методы обеспечения общественного порядка с применением беспилотных летательных аппаратов выйдет на новый уровень в обеспечении контроля над территорией проведения массового скопления людей.

Эффективное планирование, координация и сотрудничество между правоохранительными органами, организаторами проводимых мероприятий и частными охранными организациями является необходимым.

Анализ использования современных технологий и систем наблюдения позволяют правоохранительным органам быстро реагировать и предотвращать потенциальные угрозы и инциденты. Кроме того, психологические аспекты и взаимодействие с гражданами играют важную роль в создании безопасной и удовлетворительной атмосферы при проведении массовых мероприятий.

Список источников

1. Дягилев А. Обеспечение общественного порядка на массовых мероприятиях: правовые и тактические аспекты. М.: Юристъ, 2018.
2. Варламов А. Безопасность на массовых мероприятиях: тактика и методика. М.: Форум, 2015.
3. Волков А. Г. Организация и проведение массовых мероприятий. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.
4. Иванов Д. Ю. Тактика и методы обеспечения порядка на массовых мероприятиях. М.: Гардарики, 2014.

УДК 355/359–5/-9

БЕСПИЛОТНЫЕ ЛЕТАТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

***Б. А. Светличный**, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье исследуется проблема использования беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в качестве средства совершения преступлений, в особенности террористической направленности. Анализируется современное состояние нормативно-правового регулирования оборота и применения БПЛА в Российской Федерации и за рубежом. Выявляются пробелы и коллизии в уголовном законодательстве, затрудняющие квалификацию преступных деяний, совершаемых с применением дронов. Рассматриваются технические характеристики БПЛА, повышающие их привлекательность для преступников. На основе анализа правоприменительной практики и научных разработок формулируются предложения по совершенствованию уголовного закона (в части введения квалифицирующих признаков в ст. 205, 222.1, 223.1 УК РФ), развитию системы оперативно-розыскных и профилактических мер, а также технических средств противодействия. Особое внимание уделяется необходимости комплексного межведомственного и международного подхода к нейтрализации данной угрозы.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты (БПЛА), террористический акт, средство совершения преступления, квалификация преступлений, уголовная ответственность, правовое регулирование, противодействие терроризму, технические средства подавления.

UNMANNED AERIAL VEHICLES AS A MEANS OF COMMITTING A CRIME

***B. A. Svetlichny**, lecturer of the Department of Tactical and Special Training of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article examines the problem of the use of unmanned aerial vehicles (UAVs) as a means of committing crimes, especially those of a terrorist

nature. The current state of regulatory and legal regulation of the circulation and use of UAVs in the Russian Federation and abroad is analyzed. Gaps and conflicts in criminal legislation that complicate the qualification of criminal acts committed with the use of drones are identified. The technical characteristics of UAVs that increase their attractiveness to criminals are considered. Based on the analysis of law enforcement practice and scientific developments, proposals are formulated for improving the criminal law (in terms of introducing qualifying features into Articles 205, 222.1, 223.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), developing a system of operational investigative and preventive measures, and technical countermeasures. Special attention is paid to the need for a comprehensive interdepartmental and international approach to neutralizing this threat.

Keywords: unmanned aerial vehicles (UAVs), terrorist act, means of committing a crime, qualification of crimes, criminal liability, legal regulation, counterterrorism, technical suppression means.

Трансформация террористической деятельности в XXI в. характеризуется ее технологизацией и адаптацией преступными сообществами новейших достижений научно-технического прогресса. Одним из наиболее значимых вызовов современной эпохи стало использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в противоправных, в том числе террористических, целях. Сочетание доступности, мобильности, функциональности и относительной анонимности делает дроны высоко привлекательным инструментом для преступников.

Проблематика противодействия преступному использованию БПЛА находится на стыке юриспруденции, криминологии и технических наук. Теоретической основой исследования послужили труды отечественных ученых: Е. Г. Александровой, В. И. Горелова, Д. А. Кравцова, М. Е. Кравченко, П. Недашковской, М. В. Рудика, С. А. Торопова, В. Г. Шумихина и других, которые внесли существенный вклад в изучение отдельных аспектов данной проблемы.

Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся в сфере противодействия преступлениям, совершаемым с использованием беспилотных летательных аппаратов.

Предмет исследования – нормы уголовного, административного и международного права, регулирующие ответственность за использование БПЛА в преступных целях, а также практика их применения и научные разработки в данной области.

Цель исследования – комплексный анализ БПЛА, как средства совершения преступления террористической направленности и разработка на этой основе предложений по совершенствованию законодательства и механизмов противодействия.

Задачи исследования.

1. Анализ эволюции использования БПЛА в криминальных и террористических целях.

2. Исследование действующего нормативно-правового регулирования оборота и применения БПЛА в Российской Федерации.

3. Выявление криминологических особенностей и специфики использования дронов для совершения террористических актов.

4. Определение пробелов и сложностей в квалификации соответствующих деяний по нормам Уголовного кодекса РФ.

5. Разработка комплекса рекомендаций по совершенствованию правовых, технических и организационных мер противодействия.

Методология исследования основана на общенаучных (анализ, синтез, системно-структурный подход) и частно-научных (формально-логический, сравнительно-правовой, статистический) методах познания.

Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к рассмотрению БПЛА не только как орудия или предмета преступления, но и как ключевого элемента новой криминальной технологии, требующего адекватного правового и оперативного реагирования. Вносятся конкретные предложения по дополнению Уголовного кодекса РФ.

Техногенные угрозы современности: БПЛА в структуре криминальных и террористических рисков.

Глобализация и цифровизация общества, наряду с несомненной выгодой, породили новые, латентные формы угроз национальной и международной безопасности. Терроризм, по праву именуемый «чумой XXI века», эволюционирует, интегрируя в свою деятельность высокие технологии. Научно-технический прогресс, призванный служить во благо человечества, становится катализатором повышения деструктивного потенциала преступных групп.

Беспилотные летательные аппараты, изначально создававшиеся для военных, научных и хозяйственных задач, благодаря демократизации стоимости и упрощению управления, массово вошли в гражданский сектор. Сегодня дроны применяются в аэрофотосъемке, мониторинге объектов, доставке грузов, сельском хозяйстве и развлечениях. Однако их конструктивные особенности – дистанционное управление, автономность, способность нести полезную нагрузку, малые геометрические и радиолокационные характеристики – предопределили интерес к ним со стороны преступного мира.

По данным правоохранительных органов и открытых источников, БПЛА используются для:

– доставки взрывных устройств: точечные атаки на военные объекты, инфраструктуру и массовые скопления людей (опыт конфликтов в Сирии, Ираке, Украине);

– ведения разведки и наблюдения: сбор информации о режимных объектах, передвижениях правоохранительных органов, планирование преступлений;

– контрабанды и доставки запрещенных предметов: переброска наркотиков, оружия, мобильных телефонов на территории исправительных учреждений;

– дестабилизации работы критической инфраструктуры: создание помех работе аэропортов (например, инциденты в аэропорте «Внуково», «Шереметьево», закрытие на долгий срок аэропорта «Пашковский» в г. Краснодаре), атаки на энергетические объекты.

Важно понимать, что угроза носит не потенциальный, а уже актуальный характер. Инциденты с применением дронов фиксируются по всему миру, включая Россию. Адаптивность террористических организаций позволяет им быстро осваивать гражданские технологии и проводить их примитивную, но эффективную модернизацию для преступных целей, что опережает текущие возможности систем противодействия.

Правовой статус и классификация БПЛА в российском законодательстве.

Правовое поле, регулирующее оборот БПЛА в России, находится в стадии формирования и характеризуется определенной фрагментарностью. Базовым актом является Воздушный кодекс РФ (ВЗК РФ), который в ст. 32 закрепляет следующие легальные дефиниции.

1. Беспилотное воздушное судно (БВС) – воздушное судно, управляемое пилотом, находящимся вне его борта (внешний пилот).

2. Беспилотная авиационная система (БАС) – комплекс взаимосвязанных элементов, включающий БВС, средства управления и контроля за полетом.

3. Линия управления БАС – канал связи между станцией внешнего пилота и БВС.

Классификация БПЛА по взлетной массе, установленная ст. 33 ВЗК РФ и детализированная Постановлением Правительства РФ № 658 от 25.05.2019, является ключевой для определения правового режима:

– до 0,15 кг – не подлежат государственному учету;

– от 0,15 кг до 30 кг – подлежат учету в Росавиации;

– свыше 30 кг – подлежат регистрации в Государственном реестре гражданских воздушных судов.

Данный нормативный акт также ввел обязательную регистрацию для БПЛА массой от 250 граммов и установил операционные ограничения (например, запрет полетов выше 150 м без разрешения).

В уголовном праве БПЛА признается воздушным судном и, следовательно, может выступать предметом преступления по ст. 211 УК РФ (угон) или объектом посягательства по ст. 351 УК РФ (нарушение правил полетов). Однако прямое указание на использование БПЛА как орудия совершения преступления,

особенно террористического акта, в диспозициях соответствующих статей УК РФ отсутствует, что создает правовой пробел и сложности в квалификации.

Криминологическая характеристика использования БПЛА в террористических целях.

Криминальная привлекательность БПЛА для террористов обусловлена рядом тактико-технических преимуществ.

1. Высокая мобильность и маневренность: способность оперативно достигать цели, в том числе в труднодоступной местности и урбанизированной застройке.

2. Дистанционное управление и анонимность: минимизация риска для исполнителя, возможность управления с большого расстояния.

3. Доступность и низкая стоимость: широкая продажа гражданских моделей, относительно невысокая цена по сравнению с потенциальным ущербом.

4. Сложность обнаружения и нейтрализации: малые размеры, низкий уровень шума, применение материалов, слабо отражающих радиоволны, делают их малозаметными для традиционных систем ПВО.

5. Универсальность полезной нагрузки: возможность оснащения видеокамерами, устройствами радиоэлектронного подавления, взрывными устройствами, химическими реагентами.

Наиболее опасными представляются не крупные военные дроны, а малогабаритные гражданские модели (массой 3–20 кг), способные нести нагрузку в несколько килограммов. Именно они, в силу своей распространенности и незаметности, представляют наибольшую угрозу для массовых мероприятий и объектов критической инфраструктуры. Существующая судебная практика (например, уголовное дело в Московском городском суде о подготовке теракта с использованием квадрокоптера) подтверждает реальность этой угрозы для России.

Проблемы квалификации преступлений, совершаемых с использованием БПЛА, и пути совершенствования уголовного законодательства.

Проведенный анализ позволяет выявить системную проблему: действующий Уголовный кодекс РФ не в полной мере отражает повышенную общественную опасность и технологическую специфику преступлений, совершаемых с применением БПЛА.

Основные проблемы квалификации:

– отсутствие в ст. 205 УК РФ прямого указания на использование БПЛА или иных автоматизированных средств доставки в качестве квалифицирующего признака террористического акта;

– отсутствие дифференциации ответственности в зависимости от способа доставки взрывного устройства в ст. 222.1 и 223.1 УК РФ;

– сложность доказывания умысла и цели терроризирования населения при дистанционном использовании дрона.

Предлагаемые пути совершенствования уголовного законодательства.

1. Дополнить ч. 2 ст. 205 УК РФ новыми квалифицирующими признаками: «г) с использованием взрывного устройства или взрывчатого вещества промышленного производства либо самодельного устройства повышенной мощности;> д) с использованием беспилотного летательного аппарата или иного автоматизированного средства доставки».

2. Ввести аналогичный квалифицирующий признак в ч. 3 ст. 222.1 УК РФ («Незаконный оборот взрывчатых веществ») и ст. 223.1 УК РФ («Незаконное изготовление взрывчатых веществ»), изложив его в следующей редакции:

«…совершенные организованной группой либо с применением беспилотных летательных аппаратов или иных беспилотных средств доставки».

Внесение этих изменений позволит не только более точно отражать объективную сторону состава преступления и повысить степень уголовной ответственности виновных, но и будет способствовать единообразию судебной практики. Это послужит важным стимулом для правоохранительных органов при расследовании дел данной категории и будет соответствовать общемировой практике.

Комплексный подход к противодействию: технические, организационные и правовые меры.

Совершенствование уголовного закона является необходимым, но недостаточным условием эффективного противодействия. Требуется комплексный, междисциплинарный подход.

1. Технические меры.

Развитие систем обнаружения и нейтрализации: внедрение радиолокационных, акустических, радиочастотных и оптико-электронных комплексов (таких как «ШТОРА-2», «Шиповник-АЭРО») для защиты критически важных объектов.

Внедрение «геофенсинга»: обязательное для производителей программное ограничение полетов вблизи аэропортов, режимных объектов и мест массового пребывания людей.

Обязательная маркировка и удаленная идентификация: оснащение БПЛА модулями ADS-B или иными системами передачи данных для идентификации в воздушном пространстве.

2. Организационно-правовые меры.

Принятие специализированного федерального закона о правовом режиме использования БПЛА, четко регулирующего вопросы оборота, регистрации, полетов и ответственности.

Закрепление в Федеральном законе № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» четких полномочий правоохранительных органов на применение средств радиоэлектронного подавления и физического перехвата БПЛА при возникновении угрозы.

Создание специализированных подразделений в структуре Росгвардии, МВД и ФСБ, оснащенных необходимыми техническими средствами и подготовленными кадрами.

Развитие межведомственного взаимодействия и проведение регулярных учений.

3. Профилактические и международные меры:

Повышение осведомленности населения через информационные кампании о правилах использования дронов и алгоритме действий при обнаружении подозрительных БПЛА.

Усиление контроля за оборотом БПЛА с высокой грузоподъемностью, введение системы обязательного лицензирования для операторов.

Активное международное сотрудничество в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), ОДКБ, Интерпола по выработке единых стандартов и обмена опытом в борьбе с трансграничными угрозами, связанными с БПЛА.

Только синтез жесткого законодательного регулирования, передовых технологий противодействия, эффективной работы спецслужб и информированного общества может создать надежный барьер на пути использования достижений технологического прогресса в преступных целях. Необходимо действовать на опережение, прогнозируя новые векторы развития угроз.

Действующее законодательство Российской Федерации, несмотря на предпринимаемые шаги по регулированию оборота БПЛА, отстает от динамично развивающихся криминальных технологий. Наиболее существенным пробелом является отсутствие в Уголовном кодексе РФ прямых указаний на использование БПЛА в качестве квалифицирующего признака составов преступлений, связанных с терроризмом и незаконным оборотом оружия и взрывчатых веществ.

В этой связи необходима скорейшая реализация следующего комплекса мер.

1. Уголовно-правовых: внесение соответствующих дополнений в ст. 205, 222.1, 223.1 УК РФ.

2. Законодательных: принятие профильного федерального закона, регулирующего все аспекты оборота и использования БПЛА.

3. Организационно-технических: оснащение правоохранительных органов современными средствами обнаружения и нейтрализации, создание специализированных подразделений.

4. Международных: углубление сотрудничества для выработки единых подходов к противодействию транснациональным угрозам.

Борьба с преступным использованием БПЛА должна носить упреждающий, системный и межведомственный характер, сочетая возможности государства с осознанностью гражданского общества. Только такой подход может обеспечить адекватный ответ на одну из самых актуальных угроз современности.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ: ред. от 21.04.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 21.04.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ: ред. от 28.02.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ: ред. от 28.12.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Об утверждении Правил государственного учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,15 килограмма до 30 килограммов … : Постановление Правительства Рос. Федерации от 25.05.2019 № 658: ред. от 16.08.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Александрова Е. Г. Предупреждение преступлений, совершаемых с использованием беспилотных летательных аппаратов // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2021. № 1. С. 165–170.
8. Горелов В. И., Ковылов О. В. Актуальные вопросы противодействия применению беспилотных воздушных судов в противоправных целях // Инженерный вестник. 2016. № 8. С. 1008–1013.
9. Кравченко М. Е. Беспилотный летательный аппарат как средство совершения преступления // Вопросы российской юстиции. 2019. № 4. С. 335–339.
10. Кравцов Д. А., Иванов А. Л. Беспилотные летательные аппараты как орудие преступления // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 4(42). С. 59–64.
11. Петров К. А. Правовые и криминалистические аспекты противодействия кибертерроризму с использованием БПЛА // Закон и право. 2024. № 3. С. 45–49.
12. Рудик М. В., Торопов С. А. Беспилотные средства доставки взрывчатых веществ как орудие преступления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 175–180.
13. Шумихин В. Г. Беспилотные летательные аппараты как предмет преступления // Ex Jure. 2025. № 2. С. 149–157.

УДК 343.34

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ НЕГАТИВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СВЯЗАННЫЕ С ДЕМОНСТРАТИВНЫМ ПРОТИВОПРАВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

***В. В. Свиридов**, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова.*

В статье рассматриваются актуальные вопросы профилактики экстремизма и терроризма среди подростков, особенности и причины данной деятельности, а также профилактической работы с подростками для предотвращения роста экстремизма. Проанализированы основные факторы, которые влияют на формирование экстремистских убеждений у подростков, а также методы, которые могут трансформировать их смысловые установки.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, радикальная группировка, челлендж, буллинг, диверсия, мониторинг.

CURRENT NEGATIVE SOCIAL PROBLEMS INVOLVING MINORS RELATED TO DEMONSTRATIVE UNLAWFUL BEHAVIOR

***V. V. Sviridov**, associate professor of the Department of Crime Detection Activities of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article discusses current issues of preventing extremism and terrorism among adolescents, the features and causes of this activity, as well as preventive work with adolescents to prevent the growth of extremism. The main factors that influence the formation of extremist beliefs in adolescents, as well as methods that can transform their semantic attitudes, are analyzed.

Keywords: extremism, terrorism, radical group, challenge, bullying, sabotage, media monitoring.

В настоящее время в мире насчитывается около 500 экстремистских и террористических организаций, и их количество продолжает расти. К тому же все чаще наблюдаются процессы глобализации экстремизма, выражающиеся в появлении и распространении транснациональных объединений. Существование современного экстремизма неразрывно связано с разного рода фондами, благотворительными организациями, представителями государственных структур, политических партий, финансового капитала и бизнеса.

В России действует более 150 радикальных группировок, и каждый год возникают все новые экстремистские группы. Неуклонно растет число преступлений экстремистской направленности, совершенных на почве национальной, расовой или религиозной ненависти или вражды.

Молодежь, в том числе несовершеннолетние, составляют костяк экстремистских группировок – от 80 до 90 %. Именно руками молодежи совершаются наиболее опасные насильственные преступления, в том числе убийства на почве ксенофобии.

Методами, которые могут воздействовать и трансформировать смысловые установки подростков, зачастую бывают:

Челленджи. Подростки в силу несформировавшейся психики легко становятся подражателями негативных проявлений и инструментом для раскачивания общественно политической обстановки через склонение к совершению антиобщественных поступков и преступлений.

Так, с июля 2025 г. в социальных сетях фиксируются публикации видео с так называемым «вознесением», когда молодые люди взбираются на дорожные знаки, светофоры, заборы, рекламные щиты и прочие объекты, где имитируют позу распятия Иисуса Христа. История данного челленджа началась с подражания фанатами афроамериканского репера Канье Уэста, который на одном из концертных выступлений завис на тросах в воздухе под яркими софитами, раскинув руки в позе распятия. С 2022 года Уэст находится в центре скандалов из-за поддержки нацизма, в 2025 г. выпустил трек, в итоге ряд компаний заблокировало его музыкальные каналы.

По условиям челленджа необходимо опубликовать видеозапись человека, висящего в распятой позе (как правило, зацепившись локтями, на доступных объектах возвышения со звуковым сопровождением трека Канье Уэста).

По результатам мониторинга СМИ видеоролики с новым трендом выявлены в республиках Бурятия, Крым, Удмуртия, Пермском, Приморском, Краснодарском, Красноярском и Ставропольском краях, Волгоградской, Иркутской, Кировской, Московской, Новосибирской, Омской, Псковской, Свердловской, Томской, Челябинской областях, Ханты-Мансийском автономном округе.

В зависимости от обстоятельств действия лиц, совершающих подобные деяния, могут быть расценены как мелкое хулиганство (статья Кодекса

Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), а при повреждении элементов дорожной инфраструктуры или создании угрозы безопасности дорожного движения административная ответственность предусмотрена статьей «Повреждение дорог или других дорожных сооружений» КоАП РФ.

В случае выбора для съемок в качестве «реквизита» памятников и мемориалов указанные поступки образуют состав преступлений, предусмотренных статьями «Вандализм» и «Уничтожение либо повреждение воинских захоронений» Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), а с учетом нацистской позиции кумира подростков Канье Уэста – статьи «Реабилитация нацизма» УК РФ.

Помимо этого продолжается волна хайпа на видеороликах с избиениями сверстников на фоне их травли (буллинга). Подростками используются самые незначительные поводы для разжигания межличностного конфликта, основной целью которого выступает создание провокационного контента для накрутки лайков в своих аккаунтах социальных сетей.

За каждым таким видео следует волна подражаний. В этой связи меры реагирования требуется принимать в том числе к лицам, осуществляющим видеозапись указанных противоправных действий, а также размещающим их в информационно телекоммуникационном пространстве и одобрительно комментирующим обозначенные инфоповоды с одновременным направлением соответствующей информации в Роскомнадзор для блокировки подобного контента.

Искажение восприятия реальности. Наряду с этим, фиксируется ряд разрушительных мировоззрений, последовательно навязываемых несовершеннолетним злоумышленниками при личном общении в мессенджерах и социальных сетях. Для склонения к преступлениям в ход идут методы социальной инженерии шантажа запугивания и обещания материальной выгоды.

Одним из опасных проявлений в текущем году стало распространение среди замкнутых подростков мужского пола идеологий мизогинизма (женоненавистничество) и инцелов – лиц, не способных выстраивать взаимоотношения с противоположным полом, продвигаемых некоторыми известными блогерами и способствовавших совершению особо тяжких преступлений.

Так, в июле этого года в Московской области обработанный таким способом 16-летний внешне скромный подросток, вооружившись молотком, напал на двух ранее ему незнакомых девушек 13 и 16 лет, причинив им открытые черепно-мозговые травмы. В результате одна несовершеннолетняя скончалась, а вторая долгое время находилась в тяжелом состоянии. Из пояснений виновного, жертвы выбраны случайно, мотив – истребление женского пола. По данному факту возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 105 – «Убийство» УК РФ, подозреваемый арестован.

Легкий заработок. Значительная часть противоправных деяний совершается социально активными подростками под предлогом незаконного заработка и ложных обещаний безнаказанности. Наряду с вовлечением в работу закладчиками наркотиков и дроперами по доставке похищенных денежных средств в ходе мошеннических схем, нарастают предложения об исполнении заданий, связанных с диверсионными, экстремистскими и террористическими действиями.

Например, в июне 2025 г. два подростка 16-ти лет из Забайкальского края, завербованные куратором в Telegram, соблазнившись материальной выгодой, подожгли лесной массив, что привело к масштабной природной катастрофе. Ущерб оценивается в сотни миллионов рублей. Оба задержаны по статье «Террористический акт» УК РФ. Среди причин совершения указанного преступления – длительный период безнадзорности одного из фигурантов – воспитанника детского дома, состоящего на профилактическом учете в полиции. Подросток в мае 2025 г. самовольно покинул данное учреждение, однако надлежащих мер к его розыску и жизнеустройству при наличии информации о его местонахождении не предпринималось.

Для вовлечения в совершение резонансных деяний подростков злоумышленники используют их чувство гражданственности, часто представляясь сотрудниками правоохранительных органов, склоняя к оказанию содействия государственным структурам в борьбе с мнимыми преступниками.

Такое воздействие в марте 2025 г. на 14-летнего жителя г. Санкт-Петербурга привело к поджогу здания многофункционального центра «Мои документы». Событию предшествовала отправка им в переписке в социальной сети точки геолокации с предложением свидания с новой знакомой. Последовавшие вслед за этим звонки от «лжеправоохранителей» с обвинениями в содействии Украине при наведении дронов на критически важные объекты в итоге свелись к выполнению указанного выше «секретного» задания.

В настоящее время также наблюдается новый вид незаконного заработка несовершеннолетних – сдача аккаунтов в мессенджерах и социальных сетях в аренду злоумышленникам для использования в криминальных схемах при обзвоне граждан кол-центрами, а также для распространения заведомо ложных резонансных новостей. Инфраструктура по такой скупке учетных записей развернута в мессенджере Telegram, где для этих целей создаются тематические каналы и группы. Основная категория – учащиеся образовательных организаций, которые предоставляют доступ к своим аккаунтам за 500–1000 рублей на несколько часов в день в период нахождения на занятиях в учебном учреждении. Это позволяет преступникам благополучно скрываться от правосудия за спинами детей.

Возбуждение ненависти и вражды. Еще одной формой подрыва общественного спокойствия продолжает оставаться раскачивание миграционной темы

и формирование у подрастающего поколения националистических взглядов, в том числе посредством акцентирования внимания населения на бездействии сотрудников полиции в отношении иностранных правонарушителей. Ряд псевдопатриотических каналов систематически публикуют искаженную информацию о происшествиях такого характера, призывая граждан на самостоятельную борьбу с мигрантами.

Так, в телеграмм-канале «Многонационал» размещена несоответствующая действительности публикация о непривлечении к ответственности подростков мигрантов, избивших в Московской области летнего сверстника. Аналогичные новостные посты спровоцировали у группы подростков из Владимирской области идеи расправы с мигрантами. В результате чего, в течение нескольких месяцев (с мая по июль 2024 г.) указанные подростки на улицах беспричинно избивали ранее незнакомых граждан, свои действия снимали на мобильные телефоны и размещали видеоролики на администрируемых ими интернет сообществах с одновременной демонстрацией экстремистской символики (нацистская свастика). По обозначенным фактам возбуждено 6 уголовных дел по ч. 2 ст. 213 «Хулиганство» УК РФ, а также по ч. 1 ст. 282 «Организация экстремистского сообщества» УК РФ.

С 1 сентября 2025 г. в силу вступили нормы УК РФ (статьи «Незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции», «Организация деятельности по передаче абонентских номеров», «Организация деятельности по передаче информации, необходимой для регистрации и (или) авторизации пользователя сети Интернет для получения доступа к функциональным возможностям информационного ресурса»), предусматривающие ответственность за указанную деятельность. В этой связи в ходе проведения разъяснительной работы в подростковых и родительских аудиториях актуальны вопросы обозначения положений и санкций названных законодательных изменений.

С учетом постоянно генерируемых злоумышленниками преступных схем по втягиванию несовершеннолетних в различные виды криминальных деяний приоритетного внимания органов внутренних дел и заинтересованных ведомств требует своевременное выявление и пресечение деятельности лиц, вовлекающих подростков в совершение преступлений, в первую очередь оперативным путем. Одновременно необходимо корректировать профилактическую составляющую в ученических и родительских аудиториях в сторону максимально доступного разъяснения новых тенденций и угроз.

Для решения указанных проблемных вопросов также целесообразно обеспечить взаимодействие с администрациями и педагогами образовательных организаций, в начале учебного года принять меры по обеспечению максимальной занятости несовершеннолетних во внеурочное время и в социально ориентированных проектах общественных объединений.

Список источников

1. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 11.08.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ: ред. от 28.12.2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 19.02.2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: указ Президента Рос. Федерации от 29.05.2020 № 344. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Акимова Г. В. К вопросу о современных тенденциях молодежного экстремизма в России // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 23–29.
6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – август 2025 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://мвд.рф/reports/item/70644759/ (дата обращения: 12.07.2025).

УДК 355

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ, ВОЗДУШНОМ И РЕЧНОМ ВИДАХ ТРАНСПОРТА

Е. А. Федоричев, *доцент кафедры профессиональной служебной подготовки Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

В. Ю. Диянич, *преподаватель цикла боевой и физической подготовки Главного управления МВД России по Запорожской области г. Мелитополя*

Статья посвящена изучению обеспечения общественного порядка на объектах железнодорожного, воздушного и водного транспорта сотрудниками органов внутренних дел. Авторы приводят мнение ученых относительно определения общественного порядка с разных точек зрения. Рассмотрены некоторые из особенностей несения службы на данных видах транспорта и даны рекомендации, направленные на повышение качества выполнения служебно-боевых задач сотрудниками полиции.

Ключевые слова: обеспечение общественного порядка, железнодорожный транспорт, воздушный транспорт, водный транспорт, речной транспорт, особенности несения службы.

PROVISION OF PUBLIC ORDER BY INTERNAL AFFAIRS BODIES IN RAILWAY, AIR AND RIVER MODES OF TRANSPORT

E. A. Fedorichev, *associate professor of the Department of Professional Service Training of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

V. Y. Diyanich, *lecturer of the Combat and Physical Training Cycle of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Zaporozhye region Melitopol*

The article is devoted to the study of ensuring public order at railway, air and water transport facilities by employees of the internal affairs bodies. In the work, the author cites the opinion of scientists regarding the definition

of public order from various points of view. Authors considered some of the features of serving in the types of transport under consideration, and recommendations aimed at improving the quality of service and combat missions by police officers.

Keywords: provision of public order, railway transport, air transport, water transport, river transport, peculiarities of service.

В настоящее время доктринальная литература богата работами на тему многопрофильности и всесторонности деятельности сотрудников полиции, это обусловлено наличием у них большого количества задач, подлежащих выполнению. Вся система органов внутренних дел представляет собой единый и слаженный механизм, который функционирует круглосуточно, и днем и ночью. Поэтому от качества работы одного направления деятельности будут зависеть и другие. В данной работе нами будет рассмотрено одно из важнейших и сложнейших направлений деятельности сотрудников полиции – обеспечение общественного порядка.

Категория «общественный порядок» рассматривается учеными с различных точек зрения. Например, А. П. Кузнецов в своих исследованиях видит «общественный порядок» как социально-правовую категорию и понимает под ним регламентированный в государстве социально-правовыми нормами порядок, обеспечивающий защиту личности, общества и государства от противоправных посягательств [4, с. 11].

Если рассматривать общественный порядок с точки зрения уголовно-правовой и административно-правовой регламентации, то наиболее полное определение, по нашему мнению, представлено В. Г. Кокоревым, который под рассматриваемым определением понимает соблюдение лицами норм законов, морали и нравственности в общественных местах, обеспечение общественного спокойствия, неприкосновенность личности и нормальное функционирование органов государственной власти и местного самоуправления, деятельности общественных организаций и юридических лиц [3, с. 129].

Обеспечение общественного порядка должно происходить во всех местах, где данный порядок может быть нарушен. Конечно, наиболее распространенным местом по обеспечению правопорядка сотрудниками полиции являются улицы, парки, скверы и другие места. Но не стоит забывать, что не менее важными объектами по поддержание и восстановлению общественного порядка являются также различные виды транспорта и связанная с ними инфраструктура. Речь идет о таких видах транспорта, как железнодорожный, воздушный и речной.

С точки зрения правового регулирования Федеральный закон «О полиции» предоставляет сотрудникам полиции на транспорте достаточно большой перечень полномочий для «обеспечения транспортной безопасности» [7, с. 25].

Например, в п. 16 ч. 1 ст. 13 указано, что сотрудник полиции вправе принимать участие в досмотре пассажиров, их ручной клади и багажа на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, метрополитене и других видах внеуличного транспорта [5].

Общая для каждого вида транспорта и обязательные к установлению при обеспечении общественного порядка являются следующие сведения:

– место и время отправления;

– вид и тип транспортного средства;

– график и маршрут следования;

– объекты, на которых уже произошло нарушение общественного порядка, их функциональное назначение;

– установление количество правонарушителей, их степень вооруженности, степень профессиональной подготовки, наличие заложников;

– определение имеющихся сил и средств, а также возможности дополнительного подкрепления при необходимости;

– установления возможных сил и средств от персонала, обслуживающих функционирования транспорта и т. д.

Наиболее популярным и доступным для граждан видом транспорта из рассматриваемого перечня является железнодорожный, это могут быть как поезда дальнего и ближнего следования, электрички, грузовые поезда и т. д.

Каждый из пассажиров в рамках следования может часто встретить сотрудников полиции, которые несут службу как наряд сопровождения. Данный вид наряда обеспечивает правопорядок на всем пути следования транспорта, его роль заключается в предупреждении, предотвращении, пресечении правонарушений и преступлений. Сотрудники полиции на транспорте в отличие от сотрудников, несущих службу территориальных органах, должны подвергаться дополнительной профессиональной подготовки, которая позволит выполнять служебные задачи с учетом специфики складывающейся обстановки.

Особенности тактики обеспечения общественного порядка при несении службы на железнодорожном транспорте заключается, во-первых, в специфике устройства транспортного средства, в связи с этим сотрудники полиции должны предварительно ознакомиться с план-схемой железнодорожного состава, во-вторых, сотрудники органов внутренних дел при несении службы должны знать специфику тактики применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в ограниченных условиях, учитывая то, что в помещении могут находиться посторонние граждане.

При обеспечении общественного порядка на железнодорожном транспорте также может использоваться заслон, наряд, перекрывающий одно или несколько направлений в целях недопущения проникновения в железнодорожный состав правонарушителей.

Для оперативного и правильного выполнения всех действий со стороны сотрудника полиции при возникновении нарушения общественного порядка сотрудникам рекомендуется предварительно выполнять действия по восстановлению правопорядка на специально созданных полигонах, воссоздающих окружающую обстановку.

Следующим рассматриваемым видом транспорта является воздушный. Нарушения общественного порядка при авиаперевозках, также как и в железнодорожном транспорте, характеризуются наличием особенностей: повышенное количество окружающих людей, ограниченное пространство, большое количество материальных ценностей. Дополнительно необходимо отметить, что если в рамках железнодорожной перевозки сотрудники полиции могут доставить правонарушителя в ближайший территориальный орган полиции, тем самым прекратить подвергать опасности других пассажиров, то при авиаперевозках осуществить данные действия намного сложнее.

Наиболее распространенным видом правонарушителей на воздушном транспорте являются, так называемые «авиадебоширы» [2, с. 56].

При подготовке несения службы на объектах воздушного транспорта сотрудникам полиции также рекомендуется проходить предварительную профессиональную подготовку на имитированных полигонах для качественного применения тактики восстановления общественного порядка.

Каждый из сотрудников, готовящийся к несению службы на воздушном транспорте, обязан знать порядок действий при захвате воздушного судна или захвате заложников на нем. Данные случаи являются нередкими, поэтому этот вопрос является достаточно актуальным. Чтобы не допустить таких лиц на борт самолета, сотрудникам терминалов обслуживания пассажиров важно внимательно относиться к своей работе. Это и есть слаженная работа всех звеньев деятельности сотрудников органов внутренних дел, о которой мы говорили ранее.

Еще одним видом транспорта для рассмотрения в данной работе является водный транспорт, а именно речной. Данный вид перевозок является менее популярным среди граждан, чем ранее рассмотренные. Это может быть обусловлено отсутствием необходимости его использования гражданами, наличием другого более доступного вида транспорта, а также в принципе отсутствием данного вида транспорта в отдельных городах и населенных пунктах.

Поэтому и уровень подготовки личного состава и уровень материально-технического обеспечения органов внутренних дел по восстановлению общественного порядка на объектах речного транспорта во многом будет зависеть от специфики региона.

Но несмотря на то, что это менее используемый вид транспорта, в некоторых регионах нашей страны данный способ передвижения является

жизнеобеспечивающим. А. Н. Александров, Р. М. Степкин отмечают, что такими регионами выступают районы Крайнего Севера, Сибирь и Дальний Восток [1, с. 135].

Особенностью несения службы по обеспечению общественного порядка на водном транспорте является протяженность территории, подлежащая обязательному контролю со стороны сотрудников полиции. Еще одна особенность, которую необходимо иметь в виду сотрудникам органов внутренних дел, это время совершения преступлений и правонарушений, как правило, это ночное время суток.

А. Н. Александров и Р. М. Степкин также отмечают, что специфической особенностью осуществления охраны общественного порядка и общественной безопасности является наличие у сотрудников полиции на транспорте навыков по управлению служебными плавсредствами, т. е. наличие удостоверения судоводителя на право управления маломерным судном (мотолодка, катер, гидроцикл) [1, с. 137].

В связи с этим важно, чтобы сотрудники полиции не только умели управлять водным транспортным средством, но также осваивали технику специального управления водным транспортом для оперативного и успешного предотвращения нарушения общественного порядка. К сожалению, в настоящее время это является актуальной проблемой данного направления деятельности.

В научной литературе нами было обнаружено интересное предложение, выдвинутое А. М. Скрынником, о создании специализированной кафедры «морского, внутренневодного права и катерной служебной деятельности» [6].

В рамках обеспечения общественного порядка на объектах речного транспорта сотрудниками полиции должны использоваться различные средства индивидуальной защиты, так как нередко на сотрудников полиции может происходить нападение при помощи огнестрельного оружия. Также сотрудник полиции должен знать тактику личной безопасности в специфичных условиях несении службы, например, катер, лодка и другие водные транспортные средства, используемые органами внутренних дел.

Перечисленные особенности несения службы по обеспечению общественного порядка на различных видах транспорта не являются исчерпывающими. Нами перечислены только основные положения и рекомендации, направленные на повышение качества и эффективности восстановления общественного порядка на железнодорожном, воздушном и речном видах транспорта.

На основе изложенного следует, что обеспечение общественного порядка на различных видах транспорта характеризуется наличием многих особенностей. Перед выполнением служебно-боевых задач по обеспечению правопорядка каждым из сотрудников должны быть обозначены особенности несения службы, установление обязательной информации, а также повторены правовые основы

своей деятельности. При этом рекомендуется каждому сотруднику полиции проходить предварительную подготовку для отработки тактики несения службы по обеспечению общественного порядка и тактики личной безопасности сотрудника полиции на объектах железнодорожного, воздушного и водного транспорта. Акцентируя внимание на особенностях выполнения служебной деятельности и пройдя предварительную специальную подготовку, сотрудник полиции значительно повысит качество выполнения своих профессиональных задач.

Список источников

1. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: ред. от 21.12.2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Александров А. Н, Степкин Р. М. Особенности деятельности территориальных органов МВД России на транспорте по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на объектах водного транспорта // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. С. 134–144.
3. Багуцкий Н. В., Воронкова Д. В. Особенности взаимодействия органов внутренних дел с другими с другими службами и общественными формированиями на объектах воздушного транспорта // Развитие территорий. № 3 (21). 2020. С. 56–61.
4. Кокорев В. Г. К вопросу о понятии общественного порядка в контексте уголовно-правовой квалификации разграничения преступлений от административных правонарушений // Актуальные проблемы государства и права. Т. 4. № 3. 2020. С. 122–130.
5. Кузнецов А. П. Общественный порядок как социально-правовая категория: теоретическое исследование // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 4–11.
6. Скрынник А. М. Проблемы и пути их решения в сфере подготовки (переподготовки) кадров для морской (речной) составляющей органов правопорядка // Вестник Краснодарского университета МВД России. № 1 (27). 2015. С. 95–97.
7. Целих А. Л., Махина С. Н. Вопросы компетенции в деятельности полиции по обеспечению транспортной безопасности // Проблемы правоохранительной деятельности. № 1. 2019. С. 23–27.

УДК 35

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ПУТЬ ПОВЫШЕНИЯ ИХ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН

***А. Н. Фролов**, старший преподаватель кафедры профессиональной служебной подготовки Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье автором изложены проблемы боевой подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: трагические последствия для сотрудников, личный состав, слабо подготовленный в боевом отношении сотрудник, стрельба, конфликтная ситуация.

IMPROVING THE COMBAT TRAINING OF POLICE OFFICERS AS A WAY TO INCREASE THEIR PERSONAL SAFETY AND THE SAFETY OF CITIZENS

***A. N. Frolov**, senior lecturer at the Department of Professional Service Training of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The author describes the problems of combat training of law enforcement officers in the article.

Keywords: tragic consequences for employees, personnel, poorly trained in combat, shooting, conflict situation.

К числу основных причин трагических последствий для сотрудников при попытке задержания преступников относятся: несвоевременное приведение оружия в боевое положение, неправильное применение угрозы оружием при личном обыске, стремление схватить преступника в одиночку, не соблюдая безопасной дистанции между собой и правонарушителем [1–4].

Количество пострадавших сотрудников показывает, что из общего числа, 34 % пострадало из-за своих нерешительных действий, медлительности; 40 % – из-за ослабления бдительности, внезапности нападения; 12 % из-за отсутствия оружия; 13 % – из-за неумелого пресечения правонарушений.

Наиболее подвержен риску насилия личный состав служб, постоянно контактирующих с населением. Лица рядового и младшего начсостава составляют 49 % потерпевших от сопротивления, из них 68,1 % – сотрудники патрульно-постовой службы полиции. Наличие среди пострадавших сотрудников невооруженных, несмотря на их малый процент, подтолкнуло ознакомиться с проблемой вооружения сотрудников. Видно, что только единицы сотрудников, обязанных нести службу с оружием (участковые, оперуполномоченные уголовного розыска), имеют его на постоянном ношении. Большинство сотрудников не получают оружие даже для выполнения своих служебных обязанностей. Имеются городские районные органы, где ни один сотрудник не имеет оружия на постоянном ношении. Такая ситуация объясняется следующими причинами: незнание сотрудниками приказов и инструкций о порядке получения оружия и боеприпасов; слабая боевая подготовка в подразделениях, в результате чего сотрудники не могут выполнить упражнения курса стрельб, без чего получение оружия невозможно, нежелание отдельных руководителей брать на себя ответственность, связанную с выдачей оружия личному составу.

С другой стороны, факт постоянного ношения оружия влечет серьезные психологические нагрузки на сотрудника, требует от него повышенного внимания. Возрастает вероятность конфронтации сотрудника и преступника. Более того, при определенных обстоятельствах оружие может быть использовано против его владельца не только преступником, но и любым посторонним человеком, который посчитает действия сотрудника несправедливыми, незаконными.

Еще одна проблема постоянного ношения оружия лицами, несущими службу в штатском – вероятность перестрелки между сотрудниками ОВД. Не имея точных данных о количестве сотрудников, пострадавших в таких ситуациях, можно обратиться к американским источникам, которые указывают, что достаточно большой процент погибших полицейских составляют именно полицейские, убитые по ошибке своими коллегами. Таким образом, для тех сотрудников, которые не носят форменную одежду, безопасность становится вопросом первостепенной важности. Вопрос личной безопасности сотрудника, которая во многом напрямую связана с его боеготовностью, пересекается с вопросом обеспечения безопасности граждан.

Слабо подготовленный в боевом отношении сотрудник представляет для общества скорее угрозу, чем надежную защиту. Если даже в США и других странах частота, с которой в результате перестрелок гибнут ни в чем неповинные люди, указывает на низкий уровень огневой подготовки полицейских. И это при том, что обеспечение полиции этих стран вряд ли можно сравнить с материальным обеспечением наших ОВД, и регулярность их стрельб не зависит от отсутствия боеприпасов, тиров и бензина для выезда на полигон. Те сотрудники, которые на «отлично» выполняют контрольные упражнения, не всегда так же

на «отлично» способны выполнить скоростную стрельбу. А им необходимо помнить, что потенциально меткий, но сделанный слишком поздно выстрел не влияет на исход огневого боя и бесполезен для защиты как самого полицейского, так и населения. Стрельбы с личным составом в подразделениях ОВД проводятся в основном в дневное время. Стрельбы в условиях недостаточной освещенности являются большой редкостью. Это при том, что временное распределение изученных фактов неповиновений или сопротивлений сотрудникам полиции выглядит следующим образом: большая часть фактов (68,8 %) имели место в период с 18 до 24 часов, наименьшее (5,4 %) с 6 до 12 часов.

В МВД России за последние годы проводилась работа по анализу случаев нападения на сотрудников. Выяснилось, что у большинства подвергнувшихся нападению отсутствуют необходимые навыки разрешения конфликтных ситуаций. Умение правильно вести себя в конфликтных ситуациях является той базой, на которой должна выстраиваться безопасность сотрудника и населения.

Следует помнить, что личная безопасность сотрудника и граждан обеспечивается добросовестным отношением к своим обязанностям не только рядовых работников, но и их непосредственных начальников, которые лично отвечают за боеготовность личного состава. От организации занятий в подразделении зависит решение таких задач, как подготовка сотрудников к действиям в ситуациях, которые могут закончиться применением оружия; умелое обращение с личным оружием и снаряжением; обучение приемам и способам самообороны, правильное общение с правонарушителями и т. д.

Таким образом, повысить уровень боевой подготовки сотрудников возможно только комплексным подходом на уровне от рядового до начальника. Подчиненные должны осознать необходимость обеспечения своей личной безопасности через хорошую физическую форму и эмоциональное состояние, а руководитель обязан создать условия для постоянного повышения профессионального уровня личного состава.

Список источников

1. Мороз В. В., Андреев Е. Э. Основы психологической подготовки сотрудников оперативных подразделений органов наркоконтроля для действий в различных ситуациях силового единоборства с правонарушителями: методические рекомендации. Хабаровск: Изд-во ДВИПК ФСКН России, 2013. – 52 с.
2. Слышалов И. В., Андреев Е. Э. Правовые позиции международных органов по вопросам применения силы в ходе проведения специальных полицейских операций и их влияние на национальное законодательство // Научный рецензируемый журнал «Научный вестник». Омск: ОМА МВД России, 2024. С. 49–54.
3. Состояние преступности в России // Прокуратура Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://genproc.gov.ru/ (дата обращения: 25.09.2025).
4. Судебная практика URL: http://www.sud-praktika.ru/ (дата обращения: 25.09.2025).

Материалы внутриведомственного круглого стола «Актуальные проблемы применения мер принуждения в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» (24 октября 2025 года)

УДК 341.652

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕХАНИЗМОВ ПРИНУЖДЕНИЯ В БОРЬБЕ С НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИЕЙ

***Н. А. Бувака**, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье анализируются современные вызовы в сфере нелегальной миграции и комплекс мер, направленных на ее предотвращение и регулирование. Особое внимание уделяется новым инструментам миграционного контроля, внедряемым в Российской Федерации в 2025 г., среди которых масштабное использование биометрических технологий (включая распознавание лиц и отпечатков пальцев) в рамках Единой биометрической системы, усиление административных и уголовно-правовых санкций, создание специализированной Миграционной службы МВД России, а также введение реестра контролируемых лиц и цифрового профиля иностранного гражданина. Рассматриваются также изменения в законодательстве, касающиеся сокращения сроков безвизового пребывания, расширения полномочий должностных лиц по выдворению нарушителей и ужесточения ответственности за организацию нелегальной миграции. Автор подчеркивает, что эффективное управление миграцией требует

сбалансированного подхода, сочетающего правовые, технологические, социальные и международные меры с учетом гуманитарных обязательств и глобальных вызовов.

Ключевые слова: нелегальная миграция, пограничный контроль, биометрический контроль, реестр контролируемых лиц, цифровой профиль иностранного гражданина, цифровая трансформация миграционной системы.

APPLICATION OF MODERN ENFORCEMENT MECHANISMS IN COMBATING ILLEGAL MIGRATION

***N. A. Buvaka**, associate professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article examines contemporary challenges in the sphere of illegal migration and analyzes the comprehensive set of measures aimed at its prevention and regulation. Particular attention is devoted to new instruments of migration control introduced in the Russian Federation in 2025. These include the large-scale deployment of biometric technologies (including facial recognition and fingerprint identification) within the Unified Biometric System, strengthened administrative and criminal sanctions, the establishment of a specialized Migration Service within the Ministry of Internal Affairs of Russia, and the introduction of a «Registry of Controlled Individuals» alongside the digital profile of foreign nationals. The article also discusses legislative amendments concerning the reduction of visa-free stay periods, expansion of officials' powers to expel violators, and stricter penalties for organizing illegal migration. The author emphasizes that effective migration management requires a balanced approach that integrates legal, technological, social, and international measures while taking into account humanitarian obligations and global challenges.

Keywords: illegal migration, border control, biometric control, registry of controlled individuals, digital profile of foreign nationals, digital transformation of the migration system.

Незаконная (нелегальная, нерегулируемая) миграция – это перемещение людей через международные границы с нарушением иммиграционного законодательства страны назначения. Как верно отмечает А. И. Голубев, нелегальная миграция представляет собой сложный социальный феномен, обусловленный

совокупностью экономических, политических и экологических факторов [9]. Она отражает глубокие социально-экономические, политические и культурные процессы в современном мире и является следствием неравномерного распределения ресурсов, прав, возможностей и безопасности между странами.

Нелегальная миграция редко является спонтанным явлением. Ее корни лежат в совокупности структурных и ситуативных факторов [10]. Релевантными факторами могут быть экономическое неравенство (население социально неблагополучных регионов стремится повысить уровень жизни, трудоустроиться и обеспечить материальную стабильность для своей семьи); политическая нестабильность и конфликты (военные столкновения, политические репрессии и преследования заставляют людей искать убежище за пределами своей страны); экологические катастрофы и изменение климата (засухи, наводнения и процессы опустынивания делают многие регионы непригодными для проживания); семейная миграция (стремление к воссоединению с родственниками, проживающими за рубежом); ограниченные легальные пути миграции (жесткие визовые ограничения, многоуровневая бюрократия и лимиты на въезд подталкивают людей к поиску альтернативных решений).

Борьба с незаконной миграцией – сложная и многогранная задача, требующая комплексного подхода, сочетающего правовые, административные, экономические, социальные и международные меры.

Основные методы борьбы с нелегальной миграцией нам давно известны. Это пограничный контроль, миграционный учет и регистрация, контроль за трудовой деятельностью, штрафы и санкции (неразрешение въезда, нежелательность пребывания) за нарушение миграционного законодательства, применение институтов принудительного возвращения в страну происхождения (административное выдворение, депортация, реадмиссия), а также международное сотрудничество.

Вместе с тем в Российской Федерации в последнее время внедряются новые механизмы принуждения, нацеленные на противодействие нелегальной миграции.

В 2025 г. использование биометрических технологий, особенно распознавания лиц, становится ключевым инструментом для пограничного контроля. В первую очередь это введение систем биометрического контроля на российской границе. Реализация систем биометрического контроля – это часть стратегии цифровой трансформации и укрепления национальной безопасности, реализуемой государством с конца 2010-х гг. Единая биометрическая система (ЕБС) разработана и эксплуатируется Ростелекомом совместно с Минцифры и МВД России. Она хранит голосовые и фотографические биометрические данные граждан Российской Федерации, а также иностранных граждан, въезжающих в Россию. Система использует сканеры отпечатков пальцев (стандарт ICAO), камеры 3D-распознавания лиц, системы распознавания радужной оболочки

глаза (в пилотных зонах), мобильные комплексы для выездного контроля, что позволяет сокращать время прохождения пограничного контроля до 30–60 секунд, выявлять лиц, находящихся в розыске, контролировать миграционные потоки в режиме реального времени.

ЕБС интегрирована в подразделениях Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан при МВД России, ФСБ России, пограничной службы ФСБ России. С помощью данной системы Россия участвует в обмене биометрическими данными с рядом стран (в рамках двусторонних соглашений), а с 2023 г. идет пилотный обмен с Китаем и странами ЕАЭС (в ограниченном режиме).

С 1 января 2025 г. вступают в силу положения Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ, сокращающие максимальный срок пребывания на территории России иностранных граждан, прибывающих в безвизовом порядке [1]. Этот срок будет составлять не более 90 дней в календарном году (ранее безвизовые иностранные граждане могли пребывать в Российской Федерации 90 дней в течение периода в 180 суток). Календарным годом считается год, начинающийся 1 января и заканчивающийся 31 декабря [5, п. 5 ст. 2].

Пребывание иностранных граждан свыше 90 суток может быть продлено при наличии следующих оснований: получен патент на осуществление трудовой деятельности; подано заявление о выдаче разрешения на временное проживание (РВП) или вида на жительство (ВНЖ) в Российской Федерации; иностранный гражданин зачислен в образовательную или научную организации для получения образования по очной или очно-заочной форме обучения; у иностранного гражданина есть статус участника Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, или статус члена семьи участника данной программы.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 2 апреля 2025 г. № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции» в России создана Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан Министерства внутренних дел Российской Федерации (Миграционная служба МВД России) [7]. Данный шаг призван упростить миграционные процедуры, сократить сроки рассмотрения ходатайств о предоставлении гражданства и усилить борьбу с нелегальной миграцией. Примечательно, что новое ведомство возглавляет первый заместитель министра внутренних дел, что подчеркивает стратегическую важность этого направления. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 205 в стране внедрена система межведомственного взаимодействия, направленная на повышение эффективности миграционного контроля. Она обеспечивает тесную координацию между такими структурами, как ФСБ России, Министерство труда и социальной

защиты и другими профильными органами. Подобная модель интеграции ресурсов и обмена данными может послужить образцом для укрепления международного сотрудничества в сфере противодействия нелегальной миграции – в частности, в рамках таких организаций, как Интерпол или Европейский союз.

С 5 февраля 2025 года согласно Федеральному закону от 8 августа 2024 г. № 248-ФЗ расширен список должностных лиц, имеющих право выдворять иностранцев из России [4]. В том числе полиция получила право самостоятельно принимать решения об административном выдворении. Ранее решение о высылке мог принять только суд или пограничные органы. Новая норма направлена на ускорение процесса депортации и выдворения иностранных граждан, которые нарушили законы России.

Решения органов внутренних дел о принудительном выдворении за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства исполняют должностные лица ФССП России [8].

Кроме того, за оказание незаконных услуг мигрантам, включенным в реестр контролируемых лиц, введены штрафы: для граждан – до 5 тыс. рублей; для должностных лиц – до 50 тыс. рублей; для юридических лиц – до 500 тыс. рублей.

Также с 5 февраля 2025 г. в соответствии с федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ в России введен новый миграционный режим, касающийся высылки иностранцев, которые находятся в стране без законных оснований. Граждане других государств, пребывающие на территории России без соответствующих документов, будут внесены в реестр контролируемых лиц до момента их депортации или добровольного выезда. При внесении в реестр иностранцы столкнутся с рядом ограничений, включая запрет:

– на изменение места жительства без разрешения органов внутренних дел;

– переезд в другой регион без уведомления;

– покупку недвижимости и транспортных средств;

– заключение брака;

– создание юридических лиц и регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя;

– вождение транспортного средства;

– открытие банковских счетов и проведение некоторых финансовых операций.

В случае неоднократного неисполнения ограничений и запретов в отношении мигранта примут решение о депортации и о помещении в спецучреждение территориального органа МВД России. Кроме того, если несовершеннолетний признан нежелательным мигрантом, этот статус автоматически распространится и на его родителей.

Также с 5 февраля 2025 г. граждане и юридические лица (в том числе работодатели) могут проверить наличие сведений об иностранном гражданине

в реестре. Сделать это можно в формате «запрос – ответ» через интерактивную форму на официальном сайте МВД России и на Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций).

Частью комплексных изменений в миграционном законодательстве стали Федеральный закон от 23 мая 2025 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан» [2] и Указ Президента Российской Федерации от 9 июля 2025 г. № 467 «О государственном информационном ресурсе "Цифровой профиль иностранного гражданина"» [6], которые призваны обеспечить внедрение новых подходов к учету иностранных граждан на территории России.

С 1 сентября 2025 г. по 1 сентября 2029 г. в Москве и Московской области будет реализовываться пилотный проект, в рамках которого иностранные граждане (за исключением граждан Республики Беларусь) обязаны будут использовать специальное мобильное приложение для регистрации и своевременного уведомления о фактическом местонахождении, а также об изменении адреса пребывания. Основная цель эксперимента – протестировать новые подходы к учету иностранных граждан с последующей разработкой предложений по совершенствованию законодательства. Внедрение таких мер направлено на упорядочение миграционных потоков, борьбу с нелегальной трудовой миграцией и создание благоприятных условий для интеграции иностранцев, находящихся в стране на законных основаниях. Особое значение для России имеет формирование эффективных механизмов легализации иностранной рабочей силы: это не только сократит экономические потери, связанные с теневым трудоустройством, но и повысит устойчивость отечественного рынка труда.

Кроме того, заслуживают внимания и предлагаемые изменения в уголовное законодательство, направленные на ужесточение ответственности за организацию нелегальной миграции. Федеральный закон от 9 ноября 2024 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» устанавливает следующие наказания:

1) за организацию незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ): без отягчающих обстоятельств помимо лишения свободы сроком до 5 лет добавляются штрафы до 500 тысяч рублей; при совершении этого преступления группой лиц по предварительному сговору или в целях совершения или сокрытия преступлений максимальный срок лишения свободы увеличивается с 7 до 10 лет, а штрафы увеличиваются с 500 тыс. до 1 млн рублей; при совершения организованной группой или в целях совершения тяжких или особо тяжких преступлений в России устанавливается наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет со штрафом в размере от 3до 5 млн рублей;

2) за фиктивную постановку иностранного гражданина на учет по месту пребывания (ст. 322.3 УК РФ) и фиктивную регистрацию по месту жительства (ст. 322.2 УК РФ): максимальный срок лишения свободы до 5 лет;

3) за подделку, изготовление или оборот поддельных документов (ст. 327 УК РФ), если они совершены с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение: лишение свободы на срок от 2 до 6 лет со штрафом в размере до 500 тыс. рублей или в размере заработной платы за период до 3 лет и с ограничением свободы на срок до 1 года или без таковых [3].

Принятые меры направлены не только на борьбу с нелегальной миграцией, но и на упорядочение легальных миграционных потоков, что важно для стабильности рынка труда и национальной безопасности. Россия следует международному тренду на цифровизацию и ужесточение миграционного контроля, сочетая технологические, правовые и административные инструменты. В современном мире нелегальная миграция – это сложное социально-политическое явление, которое невозможно рассматривать только через призму нарушения закона. Оно тесно связано с глобальными вызовами: неравенством, безопасностью, правами человека и устойчивым развитием. Эффективное управление миграцией требует баланса между соблюдением законности, гуманитарными обязательствами и долгосрочными стратегиями международного сотрудничества.

Список источников

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации: федер. закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан: федер. закон от 23.05.2025 № 121-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2025 № 270-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 08.08.2024 № 248-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина»: указ Президента Рос. Федерации от 09.07.2025 № 467. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О совершенствовании государственного управления в сфере миграции: указ Президента Рос. Федерации от 02.04.2025 № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об исчислении времени: федер. закон от 03.06.2011 № 107-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Об установлении Порядка взаимодействия должностных лиц Федеральной службы судебных приставов с Министерством внутренних дел Российской Федерации при исполнении содержащегося в исполнительном документе требования о принудительном выдворении за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства: приказ ФССП России и МВД России от 23.12.2024 № 823/906. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Голубев А. И. Нелегальная миграция: причины, последствия, меры противодействия // Вестн. Моск. ун-та. Серия 12: Социологические науки. 2023. № 4. С. 88–104.
10. Научно-аналитический доклад «Нелегальная миграция в РФ: масштабы, тенденции, риски» / под ред. В. В. Лунеева. М.: ИСПИ РАН, 2024. 148 с.

УДК 343.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

***И. А. Ганиева**, старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России*

Статья посвящена исследованию актуальных вопросов применения мер процессуального принуждения в рамках уголовно-процессуального законодательства. Высокий уровень преступности требует частого использования мер уголовно-процессуального принуждения, что делает совершенствование правовой базы в этой области весьма актуальным.

Ключевые слова: уголовный процесс, мера пресечения, досудебная стадия, преступность, подозреваемый, обвиняемый, залог, домашний арест.

CURRENT ISSUES OF APPLYING PREVENTIVE MEASURES IN CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION

***I. A. Ganieva**, senior lecturer of the Department of Professional Training of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article examines current issues related to the application of procedural coercion measures within criminal procedure legislation. High crime rates require the frequent use of criminal procedural coercion measures, making improvements to the legal framework in this area highly relevant.

Keywords: criminal process, preventive measure, pre-trial stage, crime, suspect, accused, bail, house arrest.

Вопросы обеспечения прав личности в условиях осуществления правосудия являются важнейшими аспектами современного государства. Применение мер пресечения оказывает значительное влияние на судьбу обвиняемого лица, затрагивая фундаментальные права человека, гарантированные Конституцией Российской Федерации и международными нормами права. Правильное применение указанных мер имеет важное значение как для эффективности расследования преступлений, так и для защиты законных интересов участников процесса.

Избрание меры пресечения означает принятие дознавателем, следователем, а также судом решения о мере пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого. Применение мер пресечения – процессуальные действия, осуществляемые с момента принятия решения об избрании меры пресечения до ее отмены или изменения [3, с. 358].

Согласно законодательству Российской Федерации, мера пресечения представляет собой временное ограничение свободы подозреваемого или обвиняемого в целях предотвращения совершения новых правонарушений, сокрытия от следствия либо суда, оказания давления на свидетелей и потерпевших, уничтожения доказательств преступления и прочих действий, препятствующих установлению истины по делу.

Согласно ст. 98 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусмотрены 8 видов мер пресечения [1].

1. Подписка о невыезде и надлежащем поведении. Заключается в том, что подозреваемый или обвиняемый обязуется не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения следователя или суда, а также являться по их вызовам.

2. Личное поручительство. Состоит в письменном обязательстве заслуживающего доверия лица о том, что оно ручается за выполнение подозреваемым или обвиняемым обязательств.

3. Наблюдение командования воинской части. Включает:

– принятие мер, предусмотренных уставами Вооруженных Сил Российской Федерации, к подозреваемым или обвиняемым, являющимися гражданами, пребывающими в добровольческом формировании;

– принятие мер, установленных Порядком поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них, по соблюдению требований, предъявляемых к гражданам Российской Федерации [2], поступающих в добровольческие формирования и пребывающих в них, определяемым Министерством обороны Российской Федерации (Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации), в целях обеспечения выполнения этими подозреваемым или обвиняемым обязательств.

4. Присмотр за несовершеннолетним обвиняемым. Состоит в обеспечении его надлежащего поведения родителями, опекунами, попечителями или другими заслуживающими доверия лицами, а также должностными лицами специализированного детского учреждения, в котором он находится, о чем эти лица дают письменное обязательство.

5. Запрет определенных действий. В качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается

в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколько запретов, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных на него запретов. Запрет определенных действий может быть избран в любой момент производства по уголовному делу.

6. Залог. Представляет собой денежную сумму или иные ценности, передаваемые подозреваемым или обвиняемым либо другими лицами в качестве гарантии явки на следственные действия и судебное разбирательство.

7. Домашний арест. Подозреваемому или обвиняемому запрещается покидать свое жилище, общаться с определенными лицами, пользоваться средствами связи и Интернетом.

8. Заключение под стражу. Наиболее строгая мера, заключающаяся в помещении подозреваемого или обвиняемого в следственный изолятор до окончания следствия или вынесения приговора судом.

Одной из ключевых проблем, возникающих в процессе применения мер пресечения, является выбор наиболее адекватной конкретной ситуации меры. Применение на практике показывает, что органы предварительного расследования часто прибегают к заключению под стражу даже тогда, когда обстоятельства дела позволяют применить менее суровую меру, не связанную с ограничением свободы. Подобная практика ведет к перегрузке следственных изоляторов, ухудшению условий содержания подозреваемых и обвиняемых лиц, нарушению принципа законности и справедливости. Важно отметить необходимость четкого законодательного закрепления критериев оценки достаточности оснований для избрания той или иной меры, включая степень тяжести совершенного деяния, наличие угрозы повторному преступлению или побегу, характеристики личности обвиняемого и другие факторы.

Другим важным вопросом является реализация установленных законом процедур применения мер пресечения. Так, процедура санкционирования ареста судьей должна соответствовать принципам состязательности сторон и публичности судебного разбирательства. Однако судебная практика демонстрирует случаи нарушения данного правила: судебные решения нередко выносятся без учета мнения защитника и проведения полноценного слушания дела. Подобные нарушения существенно ограничивают право обвиняемого на защиту, ведут к произвольному применению санкций и способствуют формированию недоверия населения к судебной власти.

Оценка вероятности продолжения преступной деятельности требует комплексного анализа личности обвиняемого, его социальных связей и взаимодействия с криминальными структурами. Защитник должен активно использовать все доступные средства для сбора информации: запросы, справки, характеристики [4, с. 58].

Отдельного внимания заслуживает вопрос эффективности отдельных видов мер пресечения. Например, использование залога как альтернативы заключению под стражу часто оказывается неэффективным вследствие отсутствия необходимых механизмов контроля за поведением освобожденного под залог лица. Домашний арест также требует доработки механизма исполнения: существующая система электронных браслетов недостаточно надежна и позволяет нарушителям избежать ответственности за несоблюдение режима домашнего ареста.

Анализ международного опыта показывает разнообразие подходов к решению рассматриваемой проблемы. Во многих странах Европы применяются гибкие механизмы назначения мер наказания и превентивных ограничений. В частности, широко используется такая форма, как контролируемое освобождение до суда (предусматривающее мониторинг местонахождения и поведения подсудимого). Данная практика могла бы найти отражение и в российском законодательстве после тщательного изучения всех возможных последствий ее внедрения.

Таким образом, современное состояние российского уголовно-процессуального законодательства характеризуется рядом недостатков, затрудняющих эффективное функционирование института мер пресечения. Для устранения пробелов необходимо усовершенствовать механизм принятия решений о применении конкретных мер, повысить прозрачность процедуры судебного рассмотрения ходатайств органов следствия, обеспечить соблюдение баланса между интересами следователя и правами обвиняемого. Совершенствование правовой базы должно основываться на результатах научного анализа существующих практик и заимствования позитивного зарубежного опыта.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174ФЗ: ред. от 31.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об определении Порядка поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них, требований, предъявляемых к гражданам Российской Федерации, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них, а также порядка заключения контракта гражданами Российской Федерации о пребывании в добровольческом формировании и типовой формы контракта: приказ министра обороны Рос. Федерации от 15.02.2023 № 67: ред. от 06.03.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Великий Д. П. Уголовно-процессуальное право. М.: ИНФРА-М, 2024. 2016 г.
4. Заморева, И. С. Заключение под стражу: проблемы и перспективы / И. С. Заморева // Научные высказывания. 2023. № 13(37). С. 57–59.

УДК 343.1

ПРИВОД СВИДЕТЕЛЯ И ПОТЕРПЕВШЕГО: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ К ЛИЦАМ, НЕ ОБВИНЯЕМЫМ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

С. А. Дряглина*, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматриваются проблемы применения привода как меры процессуального принуждения к свидетелям и потерпевшим в уголовном процессе. Анализируются недостатки нормативной регламентации и правоприменительной практики, приводящие к нарушению прав и законных интересов лиц, не являющихся обвиняемыми.

Ключевые слова: привод, свидетель, потерпевший, судебное заседание, обязательство о явке, уголовное судопроизводство.

BRINGING A WITNESS AND A VICTIM: PROBLEMS OF APPLYING PROCEDURAL COERCION MEASURES TO PERSONS NOT ACCUSED OF COMMITTING A CRIME

S. A. Dryaglina*, senior lecturer of the Department of General Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article discusses the problems of using a drive as a measure of state coercion against witnesses and victims in criminal proceedings. The author analyzes the shortcomings of regulatory regulation and law enforcement practice, leading to violations of the rights and legitimate interests of persons who are not accused.

Keywords: drive, witness, victim, court hearing, obligation to appear, criminal proceeding.

В современном уголовном процессе важная роль отводится свидетельским показаниям и показаниям потерпевших. Участие свидетеля и потерпевших

в уголовном судопроизводстве является важным условием установления истины по делу. Однако применение меры процессуального принуждения в отношении этих лиц вызывает ряд юридических вопросов.

Актуальность темы обусловлена необходимостью баланса между интересами правосудия и правами личности. В современном уголовном процессе, где акцент делается на гуманизацию процедур, привод часто критикуется за потенциальное нарушение принципа добровольности участия. Однако без него невозможно эффективное функционирование системы, особенно в случаях уклонения от явки.

Привод – это мера процессуального принуждения, которая выражается в принудительном доставлении в орган дознания, к следователю, прокурору или в суд лиц, уклоняющихся от явки по вызову. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством подозреваемый, обвиняемый, свидетель, гражданский истец, гражданский ответчик, эксперт, специалист, переводчик понятой и потерпевший могут быть подвергнуты принудительному приводу в случае систематической неявки по повестке.

Для свидетеля и потерпевшего привод возможен только в случаях, когда они были надлежащим образом извещены о вызове и не явились без уважительных причин.

Порядок привода регламентирован ст. 113 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Перед осуществлением привода лицо должно быть вызвано повесткой, которая вручается под расписку или направляется по почте. Если повестка не вручена, привод недопустим, поскольку это нарушит принцип законности. Но в случае систематической неявки без уважительных причин выносится постановление о приводе, которое должно содержать основания привода, дату, время и место вызова на допрос. При исполнении привода сотрудники полиции обязаны предъявить постановление о приводе и служебное удостоверение сотрудника полиции, а также разъяснить права лицу, в отношении которого осуществляется данная мера уголовно-процессуального принуждения [1, ч. 4 ст. 113].

Анализ судебной практики и опрос следователей СУ УМВД России по г. Хабаровску показывает, что привод применяется чаще преимущественно к свидетелям (около 70 %) по делам о тяжких преступлениях – где их показания имеют ключевое значение, реже – к потерпевшим (около 20 %).

Статья 113 УПК РФ, регламентирующая привод, содержит неоднозначные формулировки, создающие возможности, по нашему мнению, для произвольного толкования. В частности, нечетко определены критерии «уважительные причины», что позволяет применять привод даже в тех случаях, когда лицо объективно не могло явиться в силу различных обстоятельств. Таким образом, создается широкое поле для субъективного толкования правоприменителем.

Как отмечает А. С. Дежнев, «уважительные причины» необходимо разделять на два вида. К первому относят физическую невозможность исполнить указанную обязанность (в результате катастроф, действия стихии и др.), ко второму – социально-этические соображения (смерть близкого родственника, невозможность оставления несовершеннолетних детей без присмотра и др.) [3]. Исчерпывающий перечень уважительных причин неявки по вызову установить сложно – в каждом случае необходим оценочный подход.

Так, Ставропольским краевым судом была рассмотрена жалоба свидетеля на незаконные действия должностных лиц в связи с тем, что он был ненадлежащим образом уведомлен о необходимости явиться в суд в качестве свидетеля, а также находился в служебной командировке. В ходе судебного разбирательства было установлено, что подтверждающие документы о получении повестки в деле отсутствуют, кроме того, был нарушен срок уведомления, в связи с эти суд вынес решение об удовлетворении жалобы и отмене постановления о принудительном приводе свидетеля [2]. Поэтому часто решения о приводе принимаются без должного учета всех обстоятельств уголовного дела, в том числе наличия уважительных причин неявки лица. Проиллюстрировав на примере ситуацию, в которой сотрудники полиции не учитывают всех обстоятельств уголовного дела и выносят постановления о приводе, мы наглядно видим, как суд отменяет незаконные постановления о приводе, таким образом восстанавливая нарушенные права граждан.

По нашему мнению, к уважительным причинам стоит относить: болезнь вызываемого лица или его несовершеннолетних детей, смерть близких родственников, стихийное бедствие, неполучение повестки о вызове.

Привод свидетеля и потерпевшего является важным инструментом в уголовном процессе, однако его применение должно быть обоснованным и законным. Необходима дальнейшая работа по совершенствованию законодательства и практики, чтобы обеспечить защиту прав граждан и эффективность правосудия.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. 31.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Апелляционное постановление № 22К-6022/2020 от 25.11.2020 по делу № 1–739/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/d1I5D3ZzpMVx/ (дата обращения: 11.11.2025).
3. Дежнев А. С. Охрана интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2013. 263 с.

УДК 343.3

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С ФИКТИВНОЙ РЕГИСТРАЦИЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***С. А. Дубовик**, преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена проблемам выявления, расследования и пресечения преступлений, связанных с фиктивным регистрационным учетом граждан Российской Федерации и фиктивной постановкой на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства. Проведен анализ проблемных вопросов, указаны недостатки и предложены пути решения.

Ключевые слова: иностранный гражданин, миграция, преступление, незаконная миграция, уголовная ответственность, миграционная политика.

PROBLEM ISSUES IN COUNTERING CRIMES RELATED TO FICTITIOUS REGISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

***S. A. Dubovik**, lecturer of the Department of General Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article is devoted to the problems of identification, investigation and suppression of crimes related to fictitious registration of citizens of the Russian Federation and fictitious registration of foreign citizens and stateless persons on migration registration. The article analyzes the problematic issues, identifies shortcomings and suggests solutions.

Keywords: foreign citizen, migration, crime, illegal migration, criminal liability, migration policy.

Регистрационный и миграционный учеты являются важными аспектами деятельности любого государства, обеспечивая осведомленность государственных органов о местах проживания и пребывания граждан, что, в свою очередь, позволяет регулировать процессы получения ими государственных

и муниципальных услуг, обеспечивает граждан медицинской помощью, позволяет реализовать воинские и налоговые обязательства. На основании анализа статистических сведений о перемещении населения государство рассчитывает нормативные показатели потребности населения во всех сферах жизни как на уровне населенного пункта, так и на уровне субъектов Российской Федерации.

Однако, помимо организационно-управленческих и информационных функций, данный вид учета граждан реализует правоохранительную функцию, которая дает возможность установления местонахождения гражданина при необходимости. От скорости реакции правоохранительных органов на преступление, правонарушение или происшествие напрямую зависит минимизация их последствий, восстановление утраченных или нарушенных прав, восстановление социальной справедливости.

Для граждан России, проживающих на Дальнем Востоке, государством установлен ряд преференциальных мер поддержки, к которым можно отнести например, компенсацию 25 % стоимости автомобиля отечественного производства, приобретаемого в кредит [5], получение социальных выплат в увеличенном объеме при регистрации в районах, приравненных к территориям Крайнего Севера [6].

Кроме того, только наличие регистрации на территории Дальневосточного федерального округа позволяет приобрести в личное пользование автомобиль из Японии [7], что пользуется популярностью у населения Российской Федерации. Так, только за 4 месяца 2025 г. в Россию из Японии были ввезены 54,5 тыс. легковых автомобилей [12].

Помимо вышеуказанных региональных преференций, действует и ряд возможностей, связанных с регистрацией в определенном районе населенного пункта и муниципальном образовании. Например, выбор места регистрации определяет прикрепление к школе или детскому саду, предпочтительному для родителей или законных представителей несовершеннолетнего.

Стоит заметить, что заинтересованность в регистрации в определенном субъекте, муниципальном образовании, населенном пункте есть не только у граждан Российской Федерации, но и прибывающих в нашу страну иностранных граждан.

Регистрация иностранных граждан и лиц без гражданства осуществляется в порядке миграционного учета, выделенного в самостоятельное направление деятельности подразделений по вопросам миграции системы МВД России.

Термины «фиктивная регистрация» и «фиктивная постановка на учет по месту пребывания» появились в российском законодательстве 21 декабря 2013 г., когда были внесены соответствующие изменения в Закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242–1 «О праве граждан Российской Федера-

ции на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [3] и Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [2].

В соответствии с положениями приведенных нормативных правовых актов «фиктивными» являются регистрационные действия, совершенные на основании заведомо недостоверных сведений или документов, отсутствия у гражданина намерения проживать в жилом помещении, а также отсутствия у собственника жилого помещения намерения предоставить его для проживания гражданину. За определенные действия, относящиеся к фиктивной регистрации, в Российской Федерации установлена уголовная ответственность. Так, статья 322.2 УК РФ относит к уголовно-наказуемым деяниям: фиктивную регистрацию гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении; фиктивную регистрацию по месту жительства иностранного гражданина или лица без гражданства в жилом помещении. Статьей 322.3 УК РФ криминализирована фиктивная постановка на миграционный учет по месту пребывания иностранного гражданина [1].

По сведениям МВД России, в 2024 г. правоохранительными органами было выявлено более 27 тыс. фактов фиктивной регистрации, что более чем в 2 раза превышает аналогичный показатель предыдущего года [9]. Несмотря на значительный рост числа выявленных фактов фиктивной регистрации и активное привлечение лиц к уголовной ответственности, предложение «сделать прописку» для получения материальной выгоды остается актуальным и востребованным. Так, при заказе автомобиля из Японии услуга по временной прописке в г. Владивостоке открыто включается в перечень услуг и активно обсуждается пользователями в тематических каналах в мессенджерах [10; 11].

В связи с отсутствием у подразделений по вопросам миграции функций дознания основная нагрузка по расследованию преступлений рассматриваемой категории приходится на дознавателей и участковых уполномоченных полиции, что создает процессуальные препятствия и барьеры для правоохранительной реакции.

Интересным является то, что тактика выявления фактов фиктивной регистрации за все время существования данного термина не претерпела значительных изменений. Первичным звеном выявления фактов фиктивной регистрации выступают подразделения по вопросам миграции, информационные ресурсы которых позволяют устанавливать соответствующие адреса и осуществлять их проверку совместно с участковыми уполномоченными полиции. После выявления факта нарушения осуществляется опрос граждан, проживающих в жилом помещении, соседей и при возможности непосредственно зарегистрированных лиц.

Неизменность процесса влечет, в свою очередь, противодействие со стороны лиц, подозреваемых в совершении преступления. С целью избежать ответственности совершаются действия, указывающие на мнимое проживание зарегистрированного гражданина в жилом помещении (от подготовки граждан к опросу сотрудниками полиции до вручения дубликатов ключей и проведения фотосессий, подтверждающих «проживание»). При опросе подозреваемых ими часто выбираются доводы, указывающие на отсутствие корыстной заинтересованности. Некомплект личного состава в подразделениях дознания и участковых уполномоченных полиции, их загруженность общеуголовными преступлениями, ограниченные сроки проведения проверки значительно влияют на качество и полноту подготовки материалов. Все эти обстоятельства позволяют злоумышленникам длительное время реализовывать свой преступный замысел.

Затрудняет противодействие фиктивной регистрации и гуманизация уголовного законодательства и правоприменительной практики. Так, примечаниями к ст. 322.2 и 322.3 УК РФ установлена возможность освобождения лица от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию преступления. Кроме того, практика рассмотрения уголовных дел имеет тенденцию к прекращению производства по уголовным делам в связи с малозначительностью. Так, деяния по фиктивной регистрации могут быть признаны малозначительными при наличии родственных, дружественных отношений, а также при отсутствии у обвиняемого корыстной или иной личной заинтересованности. Приведенные правовые компромиссы, с одной стороны, позволяют следовать цели исправления задержанного или осужденного лица, его ресоциализации, интеграции в правовое поле, защите его интересов, однако, с другой стороны, нивелируют принцип неотвратимости наказания.

Негативное влияние оказывает отсутствие в административных регламентах МВД России оснований для отказа в совершении регистрационных действий в связи с большим количеством проживающих лиц, в связи с чем возникают «резиновые» жилые помещения с сотнями зарегистрированных.

С целью решения выявленных проблем на законодательном уровне на сегодняшний день принят комплекс мер. Так, Президентом Российской Федерации создана Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан, имеющая в своем составе департамент дознания и миграционной безопасности, включенная в структуру МВД России, что может свидетельствовать о появлении органов дознания в подразделениях по вопросам миграции территориальных органов МВД России [4].

Кроме того, в настоящее время группой депутатов Государственной думы Российской Федерации разработан проект федерального закона, направленный на усиление контроля за количеством проживающих в жилых домах [8].

Планируется внесение поправок в Жилищный кодекс Российской Федерации, устанавливающий норму жилой площади на одного человека – не более 6 квадратных метров.

В свете грядущих реформ на профессорско-преподавательский состав Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова возлагается задача по поддержанию высокого уровня подготовки квалифицированных кадров полиции, что обеспечивается, в том числе, проведением открытых занятий с участием сотрудников правоохранительных органов, постоянным повышением качества методических материалов.

Таким образом, с учетом грядущих изменений организационно-штатной структуры подразделений по вопросам миграции требуется обеспечить создание актуальной программы подготовки и пересмотреть подход к обучению сотрудников подразделений по вопросам миграции в связи с наделением их новыми полномочиями.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.2006 № 63-ФЗ: ред. от 13.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: федер. закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ: ред. от 31.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: закон Рос. Федерации от 25.06.1993 № 5242–1: ред. от 13.12.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении перечня должностей высшего начальствующего состава в органах внутренних дел Российской Федерации, в бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территориях государств – участников содружества независимых государств и соответствующих этим должностям специальных званий: указ Президента Рос. Федерации от 01.03.2011 № 253. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О предоставлении из федерального бюджета субсидий российским кредитным организациям на возмещение части затрат по кредитам, выданным в 2018–2026 годах физическим лицам на приобретение автомобилей: постановление Правительства Рос. Федерации от 16.04.2015 № 364: ред. от 01.01.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Об утверждении Правил предоставления и выплаты повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии лицам, проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях: постановление Правительства Рос. Федерации от 18.03.2015 № 249: ред. от 11.09.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О компетенции таможенных органов по совершению таможенных операций в отношении транспортных средств для личного пользования и товаров для личного пользования: приказ Минфина России от 27.11.2024 № 178н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Бадич Е. В Госдуму внесли законопроект о борьбе с «резиновыми квартирами» // Парламентская газета: [сайт]. URL: https://www.pnp.ru/social/v-gosdumu-vnesli-zakonoproekt-o-borbe-s-rezinovymi-kvartirami.html/ (дата обращения: 30.09.2025).
9. В России в 2024 г. зафиксировано в два раза больше фактов фиктивной регистрации // Интерфакс: [сайт]. URL: https://www.interfax.ru/russia/997507/ (дата обращения: 30.09.2025).
10. Как привезти авто из Японии без посредников // DRIVE2.RU: [сайт]. URL: https://www.drive2.ru/b/676044346138561984/ (дата обращения: 30.09.2025).
11. Калькулятор пошлины на авто из Японии // Batareyka25.ru: [сайт]. URL: https://batareyka25.ru/calculator-poshlina/ (дата обращения: 30.09.2025).
12. Костин Е. Названы самые ввозимые в Россию автомобили с пробегом из Японии // RG.RU: [сайт]. URL: https://rg.ru/2025/06/02/nazvanye-samye-vvozimye-v-rossiiu-avtomobili-s-probegom-iz-iaponii/ (дата обращения: 30.09.2025).

УДК 343.241.2

МЕРЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ПОИСК ЛУЧШИХ ПРАКТИК

***Н. В. Жданская**, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

На основе сравнительного анализа англо-саксонской и романо-германской правовых моделей и разработки рекомендаций по совершенствованию российского законодательства и правоприменения в работе рассматриваются такие аспекты, как презумпция залога, система оценки рисков, электронный мониторинг, функциональное разделение судебных полномочий и принцип субсидиарности. Предлагаются конкретные меры по институциональному реформированию, которые позволят повысить гуманность, справедливость и эффективность уголовного судопроизводства в России.

Ключевые слова: мера процессуального принуждения, заключение под стражу, залог, судебный контроль, принцип субсидиарности, оценка рисков, следственный судья, международный стандарт.

PROCEDURAL COERCIVE MEASURES IN RUSSIA AND ABROAD: A COMPARATIVE ANALYSIS AND SEARCH FOR BEST PRACTICES

***N. V. Zhdanskaya**, senior lecturer of the Department of Special Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

Based on a comparative analysis of the Anglo-Saxon and Romano-Germanic legal models, this article develops recommendations for improving Russian legislation and law enforcement practices. It examines such aspects as the presumption of bail, risk assessment systems, electronic monitoring, functional separation of judicial powers, and the principle of subsidiarity. Specific institutional reforms are proposed, the implementation of which would enhance the humanity, fairness, and efficiency of criminal proceedings in Russia.

Keywords: procedural coercive measure, pre-trial detention, bail, judicial oversight, principle of subsidiarity, risk assessment, investigative judge, international standard.

Меры процессуального принуждения (далее – МПП) выступают важным инструментом судопроизводства, обеспечивающим его нормальный ход и исполнение судебных решений. Однако их применение неизбежно связано с ограничением конституционных прав и свобод личности, что требует установления баланса между публичными интересами эффективного правосудия и частными интересами защиты личности от необоснованного государственного вмешательства.

Актуальность темы обусловлена системными проблемами, характерными для российской правовой системы. Несмотря на законодательное расширение перечня альтернативных мер, правоприменительная практика демонстрирует устойчивый крен в сторону избрания наиболее строгой из МПП – заключения под стражу. Такой подход не только перегружает пенитенциарную систему, но и регулярно становится предметом критики со стороны Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) из-за нарушения ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [2]. И, несмотря на то, что с 16 сентября 2022 г. Российская Федерация перестала быть Высокой договаривающейся стороной Конвенции [3], базовые принципы ЕСПЧ, заложенные в ней (в том числе и право на свободу и личную неприкосновенность, а также право на справедливое судебное разбирательство), хоть их соблюдение на территории России теперь и не обеспечивается механизмом Совета Европы, все же остаются важными. В международном же масштабе МПП подвергаются критике за неравенство: в развивающихся странах – за произвол, в развитых – за социальное неравенство (например, залог в США).

Исходя из изложенного цель настоящей статьи – на основе сравнительного анализа определить лучшие зарубежные практики применения мер процессуального принуждения и разработать рекомендации, применимые для совершенствования российской правовой системы.

В России МПП регулируются уголовно-процессуальным, административным, гражданским (и арбитражным) законодательством. Будучи средствами воздействия, применяемыми для обеспечения надлежащего поведения участников процесса и хода судопроизводства, они выполняют обеспечительную, превентивную, санкционную и организационную функции.

В отечественном уголовном процессе институт МПП является одним из наиболее чувствительных, поскольку затрагивает фундаментальные права личности. Основное регулирование – в гл. 12 и 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), а также в связанных нормах Уголовного кодекса Российской Федерации и законодательства об исполнительном производстве.

Наиболее значимые меры, ограничивающие свободу личности:

– заключение под стражу – самая жесткая мера, применяется при риске уклонения, воспрепятствования следствию, опасения совершения новых преступлений и др.;

– домашний арест – удержание лица в определенном месте проживания с ограничением свободы передвижения;

– подписка о невыезде / запрещение определенных действий – менее строгие меры, позволяющие сохранить относительную свободу;

– залог – внесение денежной суммы как обязательства не уклоняться;

– поручительство / поручительство о явке – когда третье лицо гарантирует поведение обвиняемого [1].

Порядок избрания меры пресечения строго регулируется: прокуратура или следователь подают ходатайство, суд оценивает обстоятельства и основания, дает мотивированное решение. Применение мер пресечения контролируется через апелляцию, пересмотр и срок их действия ограничен.

Также существуют иные меры уголовно-процессуального принуждения (не связанные со свободой личности), например: обязательство явки, привод, арест имущества, конфискация и др.

Надо отметить, что, несмотря на наличие процессуальных гарантий в российском законодательстве (право на обжалование избранной меры пресечения, возможность ее смягчения или замены, ограниченный срок действия, письменная мотивировка решения и обеспечение прав защитника участвовать в процессе, знакомиться с материалами и ходатайствовать) [1] российская практика критикуется за тенденцию избыточного применения заключения под стражу, недостаточную обоснованность решений и относительно редкое использование альтернативных мер особенно при малозначительных делах.

К числу ключевых проблем российской практики можно отнести следующие:

1) доминирование заключения под стражу. Статистика и научные исследования свидетельствуют о том, что заключение под стражу остается основной мерой пресечения, тогда как альтернативы, такие как залог или домашний арест, применяются крайне редко (менее 10 % случаев). Часто суды удовлетворяют ходатайства следствия об аресте почти автоматически, а решения носят шаблонный характер;

2) конфликт функций судебного контроля. Одной из фундаментальных проблем является тот факт, что судья, санкционирующий заключение под стражу на досудебной стадии, часто впоследствии рассматривает то же дело по существу. Изучив материалы для избрания меры пресечения и признав подозрение обоснованным, судья формирует определенное предубеждение, что ставит под угрозу его беспристрастность при вынесении итогового решения;

3) формализм при продлении сроков содержания под стражей. Сроки содержания под стражей регулярно продлеваются без глубокого анализа сохранения оснований для применения этой меры, что критикуется ЕСПЧ как нарушение права на своевременный и эффективный судебный контроль.

В отличие от российской, зарубежные правовые системы демонстрируют более гибкий и сбалансированный подход, в основе которого лежат принципы пропорциональности и субсидиарности (применение более строгой меры только при невозможности достичь цели менее строгой).

Так, ключевой особенностью Англо-саксонской модели (США, Великобритания) является фокус на индивидуальной оценке рисков (Risk Assessment) [9] и широком применении института освобождения под залог (Bail) [5]. В США и Великобритании освобождение под залог является стандартной процедурой, а не исключением. Суд оценивает не столько тяжесть преступления, сколько конкретные риски: скроется ли обвиняемый, будет ли препятствовать правосудию или представлять угрозу для общества.

Освобождение может сопровождаться рядом точечных условий (Bail conditions), таких как:

– запрет покидать определенную территорию;

– запрет покидать жилище в определенное время (комендантский час);

– запрет приближаться к потерпевшим или свидетелям на установленное расстояние (запретительный приказ, Restraining Order).

Важен строгий судебный контроль: арест в США требует наличия «вероятной причины» (probable cause) [7], а задержанный должен быть представлен суду в течение 48 часов. В Великобритании сроки задержания без предъявления обвинения строго лимитированы (обычно 24–96 часов).

Романо-германская модель (Германия, Франция, Нидерланды) характеризуется ключевой ролью судебной власти на досудебной стадии и строгой регламентацией оснований для лишения свободы.

В Германии принудительные меры (Zwangsmaßnahmen) строго регламентированы StP [4]. Заключение под стражу (Untersuchungshaft) применяется как крайняя мера, только если цели не могут быть достигнуты менее ограничительными способами. Максимальный срок содержания под стражей без особых оснований – 6 месяцев. Акцент на пропорциональности, предпочтение – менее репрессивным альтернативам (контроль, залог, запрет на контакты).

Судебный контроль (Contrôle judiciaire) во Франции является основной альтернативой аресту и позволяет суду наложить на обвиняемого ряд обязательств и запретов: не покидать определенную местность, не контактировать с конкретными лицами, регулярно являться в полицию и т. д. [6].

В таких странах, как Франция и Германия, решение о применении наиболее строгих мер принуждения принимает независимый следственный

судья, который не участвует в дальнейшем рассмотрении дела, что решает проблему конфликта функций.

Отличительной особенностью Нидерландов являются частые пересмотры меры пресечения, а также короткие сроки содержания под стражей (общее время – не более 110 дней) [3].

Таким образом, среди лучших зарубежных практик применения МПП можно назвать: 1) презумпцию залога (США/Великобритания); 2) частые пересмотры (Нидерланды: 30 дней); 3) электронный мониторинг (Германия/Франция); 4) риск-оценку (США); 5) функциональное разделение судей (Швейцария/Франция).

На основе анализа рассмотренных зарубежных практик можно сформулировать следующие предложения по реформированию российского законодательства и правоприменения:

1) институциональное разделение судебных функций. Для устранения риска предвзятости необходимо законодательно закрепить принцип, согласно которому судья, избравший меру пресечения в виде заключения под стражу, не вправе рассматривать данное уголовное дело по существу. Эту функцию можно возложить на специализированных «следственных судей»;

2) внедрение обязательной системы оценки рисков (Risk Assessment). Выбор меры пресечения должен основываться не на субъективном усмотрении следователя и тяжести деяния, а на объективных, формализованных критериях (наличие прочных социальных связей, риск уклонения, угроза для потерпевших и т. д.);

3) расширение и детализация альтернативных мер. Следует активно развивать меру в виде запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ) [1], заимствуя лучшие зарубежные практики:

– ввести «запрет приближения» (проксимити-ордер) с указанием конкретного расстояния, на которое запрещено приближаться к определенным лицам, с использованием средств электронного мониторинга;

– активнее применять гибкие территориальные ограничения (например, комендантский час) вместо полного домашнего ареста;

4) установление реального приоритета неизоляционных мер. Необходимо законодательно закрепить принцип субсидиарности: суд должен быть обязан в первую очередь рассмотреть возможность применения альтернативных мер и детально мотивировать, почему ни одна из них не является достаточной в данном конкретном случае.

Реализация предложенных мер, включая введение института следственного судьи, системы оценки рисков и детализацию неизоляционных запретов, позволит не только привести российскую практику в соответствие с международными стандартами, но и сделать отечественное правосудие более справедливым, эффективным и гуманным.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 24.04.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в Риме 04.11.1950: с изм. и доп. от 01.06.2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Информация для российских граждан // Документы посольства России в Нидерландах: [сайт]. URL: https://netherlands.mid.ru/ru/consular-services/consulate-ru/inf_rosgrazhdan/ (дата обращения: 20.10.2025).
4. Плошкина Я. М., Кириллова Н. П. Прекращение уголовного преследования с возложением на обвиняемого обязанностей, предписаний как альтернативный способ разрешения уголовно-правового конфликта в германском уголовном процессе // Сравнительно-правовые исследования = Comparative Studies. 2022. № 6 (187). С. 109–122.
5. Bail in the United States // WikipediA: [сайт]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Bail_in_the_United_States (дата обращения: 20.10.2025).
6. Comment se déroule une procédure de contrôle judiciaire? // Justifit: [сайт]. URL: https://www.justifit.fr/b/guides/droit-penal/procedure-controle (дата обращения: 20.10.2025).
7. Probable cause // WikipediA: [сайт]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Probable_ (дата обращения: 20.10.2025).
8. Russia ceases to be a party to the European Convention on Human Rights on 16 September 2022 // Совет Европы: [офиц. сайт]. URL: https://www.coe.int/ ...-16-september-2022 (дата обращения: 20.10.2025).
9. What is Risk Assessment? // [сайт]. URL: https://bja.ojp.gov/program/psrac/basics/what-is-risk-assessment (дата обращения: 20.10.2025).

УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

***У. А. Картавенко**, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматриваются проблемы регламентации такой меры пресечения, как домашний арест, также проблемы технического характера, связанные с контролем за соблюдением домашнего ареста, установленного судом запрета на использование средств связи и Интернета. Автором проводится анализ применения данной меры пресечения, в частности актуальности, анализируются методы контроля и выявления нарушения установленного судом запрета, также предлагаются возможные методы контроля.

Ключевые слова: домашний арест, мера пресечения, предварительное следствие, суд, избрание меры пресечения.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF HOUSE ARREST

***U. A. Kartavenko**, senior lecturer of the Department of General Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article examines the regulatory aspects of house arrest, as well as technical issues related to monitoring compliance with house arrest and the court-imposed ban on the use of communications devices and the internet. The author analyzes the application of this measure of restraint, its relevance, and methods for monitoring and identifying violations of the court-imposed ban, as well as suggests possible methods for monitoring.

Keywords: house arrest, preventive measure, preliminary investigation, court, selection of preventive measure.

Основным постулатом Конституции Российской Федерации, принятой в 1993 г., является приоритет человека, его неотъемлемых прав и свобод. Статья 2 данного документа возлагает на государство обязанность признавать, соблюдать и обеспечивать защиту этих прав и свобод. Однако в ходе уголовного судопроизводства, при расследовании преступлений, допускается ограничение

этих прав в исключительных случаях, когда это необходимо для защиты конституционного строя, обороны страны, государственной безопасности, а также прав и законных интересов других лиц [1].

По сравнению с другими мерами пресечения, предусмотренными ст. 100 УПК РФ, домашний арест применяется достаточно часто, уступая лишь заключению под стражу. Анализ судебной статистики за прошедший год показывает, что суды удовлетворили 7378 ходатайств о назначении домашнего ареста, в то время как заключение под стражу было избрано в 82480 случаях, залог – в 66, а запрет определенных действий – в 4005 [3]. Эти данные подчеркивают относительно широкое применение домашнего ареста в правоприменительной практике и свидетельствуют о тенденции гуманизации мер пресечения.

Ключевое отличие домашнего ареста от заключения под стражу заключается в месте изоляции: в первом случае подозреваемый или обвиняемый находится в жилом помещении, где он зарегистрирован или имеет право проживать, во втором – в специализированном учреждении.

Как правило, вместе с домашним арестом суд устанавливает ряд ограничений, предусмотренных ст. 150.1 УПК РФ [2]. Контроль за соблюдением этих ограничений возложен на Федеральную службу исполнения наказаний России (далее – ФСИН России). Особого внимания требует контроль за соблюдением запрета на использование средств связи и сети Интернет, поскольку его несоблюдение может свести на нет эффективность данной меры пресечения и воспрепятствовать ходу расследования.

Например, лицо, находящееся под домашним арестом с таким запретом при отсутствии надлежащего контроля может связаться со свидетелями или потерпевшими и оказать на них давление. В таком случае это может повлиять на объективность расследования.

Даже при изъятии телефона подозреваемый (обвиняемый) может воспользоваться телефоном родственников либо приобрести новое средство связи и продолжать свою противозаконную деятельность с чужого устройства и с чужой сим-картой.

Как в таком случае ФСИН России или следственные органы могут получить информацию о нарушениях? Необходимо закрепить право на использование средств аудио- и видеоконтроля в квартире лица, находящегося под домашним арестом.

А можно и вовсе не запрещать использование Интернета, а ввести цензуру переписки и прослушивание устройств. Подозреваемый, на котором надет электронный браслет для его дистанционной идентификации и отслеживания его местонахождения, может проживать в собственной квартире – браслет зафиксирует нарушение местоположения, но не зафиксируют нарушение использования средств связи. Полномочиями получения информации о соединениях абонентов обладает только следователь, а не ФСИН России. Полный запрет менее эффективен, чем контролируемый доступ в Интернет.

Данные изменения будут эффективны и гуманны и помогут достичь целей и принципов уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 01.09.2025 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Судебная статистика РФ // Агентство правовой информации: [сайт]. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/15/s/13?ysclid=lguudwnkcw66029650 (дата обращения: 14.10.2025).

УДК 343.13

ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

***А. К. Клименко**, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***М. С. Молчанова**, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***И. С. Бахталова**, дознаватель отдела дознания линейного отдела МВД России по станции Уссурийск*

На основе анализа российского уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики выявляется существенная проблема регламентации такой меры процессуального принуждения, как задержание. Авторы отмечают потребность определения момента доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в протоколе задержания с указанием сведений о дате и времени доставления, что позволит исключить фальсификацию времени задержания лица, непрофессионализм представителей правоохранительных органов, способствует обеспечению публичных интересов и защите фундаментальных прав и свобод человека.

Ключевые слова: принцип неприкосновенности личности, момент фактического задержания лица, момент доставления, момент процессуального задержания подозреваемого, протокол задержания.

PROBLEMS OF REGULATION OF CRIMINAL PROCEDURE DETENTION OF A SUSPECT

***A. K. Klimenko**, senior lecturer of the Department of General Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***M. S. Molchanova**, senior lecturer of the Department of General Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

I. S. Bakhtalova, investigator of the investigation department of the Linear Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Ussuriysk station

Based on the analysis of Russian criminal procedure legislation and law enforcement practice, a significant problem is identified regarding the regulation of detention as a measure of procedural coercion. The authors highlight the need to record the exact moment a suspect is brought before an investigating authority or an investigator in the detention report, specifying the date and time of arrival. This would prevent the falsification of detention records and address professional misconduct by law enforcement officials, thereby serving public interests and ensuring the protection of fundamental human rights and freedoms.

Keywords: principle of personal inviolability, the moment of the actual detention of the person, the moment of delivery, the moment of the procedural detention of the suspect, the protocol of detention.

Недопустимость ограничения прав человека, принадлежащих ему от рождения, провозглашена Конституцией Российской Федерации и гарантирована государством и органами государственной власти. Вместе тем ограничение конституционных прав граждан, сопряженное с вторжением в сферу личной жизни, предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством и допустимо в сфере уголовно-процессуальных отношений. Правоприменитель наделен потенциальной возможностью ограничения конституционных прав и свобод человека в исключительных случаях для обеспечения защиты основ конституционного строя, обороны и безопасности государства, прав и законных интересов личности [1]. Однако Конституция России не содержит исчерпывающего перечня оснований, а равно условий и порядка задержания, лишь уполномочивая законодателя на их установление в законе.

Так, согласно ст. 10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее – УПК РФ) допустимо ограничение свободы лица на определенный срок (не более 48 часов), по истечении которого ограничение признается неправомерным. Продление срока возможно лишь на основании решения суда. В этом случае закон последователен в обеспечении прав человека на свободу и личную неприкосновенность посредством конкретизации оснований ограничения свободы лица в уголовном судопроизводстве: задержание, лишение свободы, помещение в медицинский или психиатрический стационар, заключение под стражу.

Задержание, являясь надежным инструментом органов предварительного расследования, позволяет пресекать преступную деятельность, предотвращать попытки воспрепятствования расследованию, а также минимизирует

возможность скрыться от дознания, предварительного следствия, тем самым обеспечить явку лица для производства следственных действий. Столь незаменимый процессуальный институт, непосредственно ограничивающий конституционные права человека, требует принципиальности правоприменителя, лишая его возможности неоднозначно или противоречиво толковать закон. Однако анализ правоприменительной практики позволил выявить существенные проблемы регламентации меры процессуального принуждения – задержания, что обусловило целесообразность научного осмысления вопроса и последующего законодательного разрешения.

Согласно п. 11 ст. 5 УПК РФ задержание представляет собой краткосрочную меру процессуального принуждения (на срок не более 48 часов, а в условиях военного положения – на срок не более 30 суток), которую вправе применить орган дознания, дознаватель, следователь в отношении лица, подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Законодателем указан момент начала отсчета указанного сорока – момент фактического задержания лица (обозначим его как первый момент). Во избежание неоднозначного толкования указанное положение предусмотрительно продублировано в ч. 3 ст. 128 УПК РФ. В дальнейшем, в п. 15 ст. 5 УПК РФ, дано разъяснение, что под фактическим задержанием понимается момент фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

В то же время составление протокола задержания лица связано с моментом доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю (обозначим его как второй момент), и срок составления протокола не должен превышать 3 часов в соответствии с ч. 1 ст. 92 УПК РФ. Кроме того, в законе перечислены сведения, отражение которых в процессуальном документе обязательно, однако среди них отсутствует дата и время второго момента – момента доставления подозреваемого лица, с которого должен исчисляться трехчасовой срок задержания. Указанное является правовым пробелом, не только порождающим неопределенность момента исчисления трехчасового срока, но и приводящим к нарушению принципа уголовного судопроизводства – неприкосновенности личности. Исходя из этого достаточно спорной является позиция о том, что не следует учитывать время, затраченное на доставление подозреваемого лица, и срок задержания подозреваемого (48 часов) следует исчислять с момента процессуального оформления решения о задержании, а не с момента фактического задержания лица [4, с. 24].

Что касается срока уведомления прокурора о задержании, законодатель связывает его с моментом процессуального оформления задержания подозреваемого (обозначим его как третий момент), которому должно быть сообщено о задержании в течение 12 часов, что определено в ч. 3 ст. 92 УПК РФ. Очевидно,

моментом начала отчета процессуального задержания является именно момент составления протокола задержания лица, сведения о котором, согласно ч. 2 ст. 92 УПК РФ, должны быть указаны в протоколе задержания.

Таким образом, процессуальный порядок задержания лица, регламентированный уголовно-процессуальным законом, является неоспоримой причиной вариативного толкования правоприменителем категории исчисления срока задержания. Само по себе разнообразие в толковании моментов исчисления срока задержания спровоцировало появление на практике учета момента доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю, целесообразного, однако фактически не предусмотренного в УПК РФ для отражения в протоколе задержания.

В качестве объективного подтверждения установленного нами несоответствия исчисления срока задержания, связанного с моментом доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю, обратимся к судебной практике Верховного суда Республики Дагестан, отменившего постановление Советского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого Б. [3]. Верховный суд Республики Дагестан частично удовлетворил апелляционную жалобу адвоката в связи с тем, что согласно сведениям, указанным в протоколе задержания подозреваемого, протокол был составлен в 12 часов 10 минут, подозреваемый значился задержанным с 11 часов 45 минут, однако в протоколе имелось замечание задержанного о том, что он фактически был задержан с 7 часов. Следовательно, 48-часовой срок задержания фактически истекал в 7 часов утра. Несмотря на это, ходатайство в суд об избрании меры пресечения было заявлено следователем только после 9 часов и до 13 часов уже было рассмотрено. Таким образом, Советский районный суд г. Махачкалы Республики Дагестан нарушил установленный законом порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, а следовательно, нарушил право на свободу и личную неприкосновенность, предусмотренное ст. 22 Конституции Российской Федерации.

Таким образом, несоответствие уголовно-процессуального законодательства и практики его применения при задержании подозреваемого породили правовые сложности, связанные с установлением существенных различий в моменте исчисления срока задержания. В частности, это касается момента доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю, что, в свою очередь, допускает затягивание процесса оформления протокола задержания при фактически незаконном удержании, когда нарушено процессуальное оформление, что является неоспоримым фактом нарушения конституционных прав на свободу и неприкосновенность личности. Указанные обстоятельства влекут

за собой нарушение целого спектра иных прав человека и гражданина (право на защиту и приглашение защитника, право на уведомление близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании, в том числе путем совершения одного телефонного разговора). Кроме того, правоприменитель допускает неправомерную вариативность толкования момента доставления подозреваемого и его фактического задержания: или момент физического ограничения свободы, или момент доставления в орган дознания (к следователю).

Устранение выявленной проблемы и приведение соответствующих норм права в согласование с конституционными принципами и международными стандартами прав человека представляется следующим.

Во-первых, необходимо законодательно предусмотреть категорию «доставление подозреваемого в орган дознания или к следователю», в п. 15.1 ст. 5 УПК РФ указав, что под моментом доставления подозреваемого понимается принудительное сопровождение физического лица, подозреваемого в совершении преступления, с момента его фактического лишения свободы, передвижения до момента встречи со следователем (органом дознания) в целях рассмотрения вопроса о его задержании в порядке, предусмотренном ст. 91–92 УПК РФ, и составления протокола задержания.

Во-вторых, следует дополнить протокол сведениями о дате и времени доставления подозреваемого, изложив ч. 2 ст. 92 УПК РФ в следующей редакции: «В протоколе указываются дата и время составления протокола, дата и время доставления подозреваемого, дата, время, место, основания и мотивы задержания подозреваемого, результаты его личного обыска и другие обстоятельства его задержания. Протокол задержания подписывается лицом, его составившим, и подозреваемым».

Заявленные изменения уголовно-процессуального закона позволят однозначно разрешить спорный момент доставления подозреваемого в орган дознания (к следователю), который, в свою очередь, является началом исчисления 3-часового срока составления протокола задержания. Предложенное также позволит исключить фальсификацию времени, непрофессионализм представителей правоохранительных органов и в целом будет способствовать обеспечению публичных интересов и защите фундаментальных прав и свобод человека.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 01.09.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 02.07.2018 по уголовному делу № 22к-1098/2018 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: https://vs-dag.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=16302128&case_uid=160cad31–75f6–436a-84ced6f909d4de14&result=1&delo_ id=4&new=4 (дата обращения: 23.10.2025).
4. Арестова Е. Н., Шарапова Е. В., Борбат А. В. Проблемы регламентации задержания подозреваемого // Рос. следователь. 2023. № 6. С. 24.

ДК 342.9

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ЛИЦАМИ, УПРАВЛЯЮЩИМИ СРЕДСТВАМИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ

***К. А. Кузнецова**, доцент кафедры административного права и административно-служебной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук;*

***А. Д. Баирова**, специалист отделения кадров отдела по работе с личным составом УМВД России по г. Хабаровску*

В статье рассматривается роль патрульно-постовой службы полиции при пресечении правонарушений, совершаемых лицами, управляющими средствами индивидуальной мобильности, а также в обеспечении общественного порядка. Автором выделены актуальные вопросы в сфере использования средств индивидуальной мобильности, требующие урегулирования и последующего законодательного закрепления.

Ключевые слова: средство индивидуальной мобильности, патрульно-постовая служба полиции, общественное место, пресечение, административное правонарушение.

TOPICAL ISSUES OF SUPPRESSION BY POLICE PATROL AND CHECKPOINT SERVICE UNITS OF OFFENSES COMMITTED BY PERSONS DRIVING PERSONAL MOBILITY AIDS IN PUBLIC PLACES

***K. A. Kuznetsova**, associate professor of the Department of Administrative Law and Administrative and Service Activities of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law;*

A. D. Bairova, specialist of the personnel department of the Personnel Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Khabarovsk

The article examines the role of the patrol and post police service in preventing offenses committed by persons driving personal mobility vehicles, as well as in maintaining public order. The author highlights current issues that require regulation in the area of using personal mobility devices and subsequent legislative consolidation.

Keywords: means of individual mobility mean, police patrol service, public place, suppression, administrative offense.

В последние годы в Российской Федерации наблюдается стремительный рост популярности среди граждан использования различных средств индивидуальной мобильности (далее – СИМ): электросамокатов, гироскутеров, моноколес и др. Растущая популярность использования СИМ обусловлена следующими причинами: данные устройства позволяют быстро и без особых усилий передвигаться по местности, а также преодолевать заторы, которые образуются на дорогах; для их использования не требуется право на управление. Следует отметить, что данные факторы влияют на распространение этих устройств среди несовершеннолетних [4].

Однако широкое распространение СИМ породило и целый ряд новых правовых и организационных проблем, требующих оперативного решения. Ключевой из них является обеспечение безопасности использования СИМ в общественных местах, где есть пешеходы, а также организационно-правовое регулирование привлечения к административной ответственности в случае нарушения их использования. Количество дорожно-транспортных происшествий ежегодно растет, о чем свидетельствуют аналитические обзоры дорожно-транспортной аварийности в Российской Федерации [3], следовательно, возрастают травматизм и смертность людей.

Открытие кикшеринговых компаний в крупных городах вызвало рост применения электрических средств передвижения, пользователи которых регулярно нарушают Правила дорожного движения [1], следовательно, увеличивается риск попадания в дорожно-транспортное происшествие.

Патрульно-постовая служба полиции играет ключевую роль в обеспечении безопасности на улицах и в общественных местах, что делает актуальным изучение методов и подходов к пресечению правонарушений, связанных с использованием СИМ [2].

Патрульно-постовая служба полиции должна активно участвовать в профилактике правонарушений, связанных с использованием средств индивидуальной мобильности. Основные направления работы патрульно-постовой службы полиции включают:

1) патрулирование – регулярный обход общественных мест с высокой концентрацией пользователей СИМ;

2) профилактические мероприятия – проведение разъяснительных бесед с пользователями СИМ, в том числе с несовершеннолетними, о правилах дорожного движения и безопасности;

3) контроль и надзор за соблюдением административного законодательства – применение мер административного принуждения к нарушителям законодательства.

Одним из важнейших направлений деятельности патрульно-постовой службы полиции в исследуемой сфере является пресечение правонарушений, связанных с использованием СИМ. С позиции административного права пресечение – одна из ключевых мер административного принуждения, направленная на принудительное прекращение противоправных действий, предотвращение их вредных последствий и обеспечение условий для последующего привлечения виновных к ответственности. Реализация властных полномочий по пресечению нарушений, связанных с использованием средств индивидуальной мобильности, касается случаев, когда сотрудник патрульно-постовой службы полиции останавливает движущегося в зоне пешеходного перехода нарушителя на электросамокате или требует спешиться в людном месте.

Принимая во внимание то, что ограничение конституционных прав граждан в момент применения меры пресечения – это всегда зона потенциального конфликта, существует прямая необходимость в совершенствовании организационно-правовых основ в данной сфере правоотношений.

По нашему мнению, будет целесообразным законодательное закрепление требований к СИМ по установлению индивидуальных номерных знаков, как это было сделано в Москве, для идентификации лиц, которые нарушают правила дорожного движения. Для реализации данного предложения требуется установить государственный стандарт на такой знак, «обучить» камеры его распознавать и использовать средства автоматической фотофиксации.

Также, на наш взгляд, назрела необходимость по созданию единого государственного реестра СИМ, куда вносились бы данные о модели СИМ, его индивидуальном номерном знаке и владельце; если СИМ арендован – сведения о каршеринговых организациях. Все это позволило бы оперативно выявлять нарушителей правил дорожного движения, общественного порядка и общественной безопасности не только на улицах, но и на дорогах, в местах массового скопления людей.

Предлагаемое введение индивидуальных номерных знаков и создание реестра СИМ – это, на наш взгляд, не просто техническое новшество, а важнейшее условие реализации принципа неотвратимости наказания. Без идентификации субъекта дорожного движения меры административного принуждения, такие как составление протокола и вынесение постановления о штрафе, становятся либо невозможными, либо крайне затруднительными. Следовательно,

предложения по маркировке СИМ и интеграции камер с функцией распознавания – это прямой путь к усилению принудительного потенциала полиции, позволяющий фиксировать правонарушение дистанционно. Подобные меры позволят реагировать на нарушения дорожного движения с использованием СИМ не только при непосредственном задержании (по горячим следам), но и после оценки видеофиксации нарушения специальными техническими устройствами.

Проблема совершения правонарушений в сфере использования СИМ остается актуальной. Необходимы системные меры, направленные на улучшение работы патрульно-постовой службы полиции и повышение правосознания граждан, что в конечном итоге позволит снизить количество дорожно-транспортных происшествий и повысить безопасность на дорогах.

Рациональные расстановка, использование сил и средств по охране и обеспечению общественного порядка, возможное увеличение числа патрулей на наиболее аварийных участках дорог, в общественных местах, в местах скопления лиц, управляющих СИМ, местах, предназначенных для аренды СИМ, будут направлены на профилактику и предупреждение совершения таких правонарушений.

Внедрение современных технологий – использование «дронов» для мониторинга дорожной ситуации, а также камер фото- и видеофиксации с искусственным интеллектом, совершенствование взаимодействия с другими правоохранительными органами для более комплексного подхода к проблеме помогут усилить контроль полиции над сложившейся ситуацией.

Список источников

1. О Правилах дорожного движения: постановление Правительства Рос. Федерации от 23.10.1993 № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России: приказ МВД России от 28.06.2021 № 495. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Аналитические обзоры состояния безопасности дорожного движения // Научный центр безопасности дорожного движения МВД России: [офиц. сайт]. URL: https://нцбдд.мвд.рф/ресурсы/аналитические-обзоры-состояния-безопасно (дата обращения: 03.08.2025).
4. Баирова А. Д. Использование новых видов транспорта на электрической тяге: проблемы административно-правового регулирования и зарубежный опыт // Проблемы совершенствования российского законодательства: сб. материалов всерос. (с междунар. участием) науч. конф. курсантов, слушателей и студентов (Барнаул, 13 и 15 апреля 2022 г.) Барнаул: БЮИ МВД России. 2022. С. 320–322.

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

***Е. Н. Лихолет**, профессор кафедры административного права и административно-служебной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук, доцент;*

***Е. Э. Лазурина**, курсант Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье обосновывается необходимость формирования комплексной нормативной правовой базы для внедрения передовых информационных технологий, таких как искусственный интеллект и беспилотные авиационные системы, в деятельность органов внутренних дел. Анализируется правовая основа, в частности ст. 11 Федерального закона «О полиции», обязывающая использовать современные технологии.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, цифровой след, информационная технология, цифровая технология, орган внутренних дел.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN INTERNAL AFFAIRS

***E. N. Likholet**, professor, Department of Administrative Law and Administrative-Service Activities of the Internal Affairs Directorate, I. F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor;*

***E. E. Lazurina**, cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article substantiates the need to create a comprehensive legal framework for the introduction of advanced information technologies, such as artificial intelligence and unmanned aerial systems, into the activities of internal affairs bodies. It analyzes the existing legal framework, particularly Article 11 of the Federal Law "On the Police," which requires the use of modern technologies.

Keywords: administrative and legal regulation, digital footprint, information technology, digital technology, internal affairs agency.

Внедрение информационных технологий представляет собой одно из ключевых направлений развития современного общества, оказывающее существенное воздействие на все области общественной жизни, включая сферу государственного управления. На первый план выходят правоохранительные органы, на которых законодательством возложена обязанность по обеспечению правопорядка и безопасности государства.

Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», выступающий основой правового регулирования деятельности органов внутренних дел, устанавливает обязанность по использованию достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем [1, ст. 11]. В развитие данной нормы в служебной деятельности применяется комплекс научно-технических средств, к которым, в частности, относятся: искусственный интеллект, специализированное программное обеспечение, рабочие станции для трехмерного моделирования, а также беспилотные летательные аппараты малогабаритного типа.

Технологии искусственного интеллекта характеризуются созданием высокотехнологичного метода обработки информационных данных, обладают развитой прогностической функцией и обеспечивают повышение эффективности управленческих решений. Указанные технологии создают возможность перевода в цифровую форму значительных массивов оперативной информации, ранее не поддававшихся соответствующей обработке.

С позиции административного права, использование новых технологий (беспилотных авиационных систем (дронов) и искусственного интеллекта) – это качественно новый этап в применении мер принуждения. Так, дроны, оснащенные камерами, позволяют осуществлять дистанционный административный надзор за дорожным движением и общественным порядком, фиксируя нарушения, которые ранее оставались вне поля зрения патруля. Алгоритмы искусственного интеллекта, обрабатывая данные с камер, способны в автоматическом режиме устанавливать составы правонарушений (например, проезд на запрещающий сигнал светофора), что делает принуждение более всеобъемлющим и менее зависимым от человеческого фактора. Это прямая реализация требования ст. 11 ФЗ «О полиции» об использовании научно-технических средств для выполнения обязанностей, возложенных на полицию.

Помимо этого, применение технологий искусственного интеллекта направлено на формирование комплекса алгоритмических решений, предназначенных для использования в целях раскрытия и расследования преступлений разной категории сложности.

Вместе с тем успешное внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность органов внутренних дел требует формирования нормативной правовой базы [4, с. 25].

В целях правового регулирования указанной сферы представляется необходимым принятие следующих актов:

– федерального закона либо иного нормативного правового акта, который определял бы порядок и случаи использования технологий использования искусственного интеллекта по отдельным направлениям деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органов;

– административных регламентов, которые решали бы задачи по организации применения технологий искусственного интеллекта, в том числе регламентировали порядок обучения сотрудников работе с технологиями искусственного интеллекта и процедуру использования технологий искусственного интеллекта для подготовки и принятия процессуальных и управленческих решений;

– ведомственных стандартов, в рамках которых должны быть установлены требования по обеспечению конфиденциальности, безопасности и защиты данных при их применении.

В Послании Президента Российской Федерации от 15 января 2020 г. развитие технологий искусственного интеллекта и регулирование больших данных обозначены как ключевые направления государственной политики в условиях глобального технологического развития [2].

Вместе с принятием нормативных правовых актов важным условием для цифровизации в органах внутренних дел будет подготовка квалифицированных кадров. Сотрудники, работающие в этой среде, должны понимать, как действуют информационные системы и обрабатываются данные. В связи с этим необходимо включить в систему обучения соответствующие программы для подготовки специалистов в этой области.

В 2012 г. на основании приказов МВД России № 205 и № 169 была разработана Концепция единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (ИСОД) [3, с. 76].

Основными положениями Концепции являются:

– формирование ИСОД на базе Единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел;

– реализация комплекса мероприятий для достижения целей Концепции;

– обеспечение проведения государственной политики в области информатизации.

В связи с вышеизложенным предлагаем рассмотреть возможность формирования правового института «Цифровой след».

Цифровой след – это совокупность структурированных машиночитаемых данных о действии (бездействии) субъекта правоотношений, генерируемая в процессе использования цифровых технологий и имеющая юридическое значение для установления юридических фактов и принятия решений.

Действия, порождающие цифровой след, должны быть прямо указаны в законе или подзаконном акте: запрос данных в информационном центре, проведение проверки по базам, внесение изменения в электронное дело.

Цифровой след признается источником доказательств только после его надлежащего процессуального закрепления.

Субъект, в отношении которого формируется след, имеет право на доступ к его непроцессуальной части в целях контроля за законностью действий должностных лиц.

Примером реализации в деятельности органов внутренних дел может быть анализ цифровых следов, который поможет выявить нарушение служебной дисциплины, например несанкционированный доступ к информации или согласованные противоправные действия группы сотрудников.

Формирование правового института цифрового следа – это не технологическая, а в первую очередь управленческая и правовая реформа, которая позволит повысить прозрачность деятельности органов внутренних дел; создать надежный механизм контроля и самоконтроля; сформировать новую цифровую культуру законности внутри ведомства.

На уровне подзаконных актов предлагается разработать и утвердить Положение о порядке формирования, хранения и использования цифрового следа и системе МВД России, разработать типовой административный регламент, описывающий виды служебных действий, для которых цифровой след является обязательным, его структуру и формат.

Разработка и внедрение концепции цифрового следа, на наш взгляд, совершенствует процессуальную основу принуждения и станет одной из гарантий законности при применении мер к нарушителям сотрудниками полиции.

В контексте мер принуждения внедрение института цифрового следа имеет колоссальное значение.

Во-первых, цифровой след может стать доказательственной базой, легитимирующей применение принуждения. Если действие сотрудника полиции (например, требование остановиться или проведение досмотра) зафиксировано в цифровой системе с соответствующими метками, это служит гарантией законности его действий.

Во-вторых, гражданин, в отношении которого применены меры принуждения (например, задержание), получает право ссылаться на «цифровой след» для обжалования действий полиции.

Таким образом, цифровизация – двусторонний механизм: она усиливает власть, делая ее более технологичной, и одновременно создает прозрачный механизм контроля за административно-юрисдикционной деятельностью правоохранительных органов, что является важнейшим условием соблюдения режима законности в сфере административного принуждения.

В заключение следует подчеркнуть, что грамотное внедрение информационных технологий, в частности института цифрового следа, в деятельность правоохранительных органов не только повысит эффективность их работы, но и укрепит доверие граждан к системе МВД России.

Это станет возможным благодаря обеспечению прозрачности процессов, усилению внутреннего контроля и созданию новой культуры законности, основанной на цифровых доказательствах и ответственности за каждое действие.

Список источников

1. О полиции: федер. закон от 07.03.2011 № 3-ФЗ: ред. от 01.09.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 15.01.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Веремеенко Я. С. Современное состояние и перспективы развития ИСОД МВД России // Академ. мысль. 2021. № 3 (16). С. 75–78.
4. Козырев А. А., Яковлев А. С. Искусственный интеллект в деятельности правоохранительных органов: правовые и этические аспекты // Вопросы правоприменения. 2023. № 3. С. 24–26.

УДК 343.1

ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: НОВЫЕ РИСКИ И ПРАВОВЫЕ БАРЬЕРЫ ДЛЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

***М. Д. Лобанов**, преподаватель кафедры профессиональной служебной подготовки Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена анализу трансформации института мер государственного принуждения в контексте активной цифровизации деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Исследуются новые вызовы и риски, порождаемые использованием цифровых технологий, такие как применение алгоритмов искусственного интеллекта для прогнозирования правонарушений, осуществление принудительных действий в виртуальном пространстве («цифровое задержание», блокировка ресурсов) и автоматизированное принятие решений.

Ключевые слова: мера принуждения, орган внутренних дел, цифровизация, полиция, искусственный интеллект, правовой риск, киберпространство, административная деятельность, персональные данные, прогнозная аналитика.

THE USE OF ENFORCEMENT MEASURES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: NEW RISKS AND LEGAL BARRIERS FOR INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

***M. D. Lobanov**, lecturer of the Department of Professional Service Training of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article is devoted to the analysis of the transformation of the institution of state coercive measures in the context of the active digitalization of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation. New challenges and risks generated by the use of digital technologies are examined, such as the use of artificial intelligence algorithms for predicting offenses, the implementation of coercive actions in the virtual space (digital detention, blocking of resources), and automated decision-making

Keywords: coercive measure, internal affairs body, digitalization, police, artificial intelligence), legal risk, cyberspace, administrative activities, personal data, predictive analytics.

Активная цифровая трансформация государственного управления, включая деятельность органов внутренних дел, является объективной реальностью современной России. Внедрение Big Data, систем видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, прогнозной аналитики и иных технологий искусственного интеллекта (ИИ) кардинально меняет традиционные подходы к обеспечению правопорядка. Однако наряду с новыми возможностями повышения эффективности, цифровизация порождает принципиально новые риски и правовые барьеры в сфере применения мер государственного принуждения. Классические правовые институты, сформированные в «аналоговую» эпоху, часто не успевают адаптироваться к вызовам цифровой среды, что создает правовые лакуны и представляет угрозу нарушения прав граждан.

Традиционно меры принуждения, применяемые полицией (задержание, доставление, применение физической силы и спецсредств) [1], носят осязаемый, физический характер и направлены на конкретное лицо в реальном времени и пространстве. Цифровизация добавляет к этому арсеналу новый «виртуальный» компонент [2]. К «цифровым» мерам принуждения или мерам принуждения, опосредованным цифровой средой, можно отнести:

– принуждение на основе данных (data-driven coercion): принятие решений о применении традиционных мер (например, о задержании для проверки) на основании выводов алгоритмов прогнозной аналитики, анализирующих большие данные о поведении граждан;

– киберпринуждение (cyber-coercion): непосредственные действия в цифровой среде, такие как принудительная блокировка интернет-ресурсов, учетных записей в социальных сетях, ограничение доступа к информационным системам;

– автоматизированное принуждение: применение санкций в автоматическом режиме, например, штрафов, выписываемых системами фото- и видеофиксации нарушений Правил дорожного движения.

Подобный сдвиг порождает первый системный риск – размывание понятия «непосредственного осуществления» принуждения и усложнение установления причинно-следственной связи между действиями (бездействием) сотрудника и наступившими последствиями. Законодательство детально регламентирует процедуры применения физической силы или задержания, однако порядок применения мер принуждения, основанных на данных ИИ, практически не урегулирован. Возникают ключевые вопросы.

1. Каков правовой статус прогноза, сгенерированного алгоритмом? Можно ли его считать достаточным основанием для ограничения прав гражданина (например, для проведения личного досмотра)?

Каковы процедуры оспаривания таких решений? Как гражданин может защититься от «обвинения со стороны алгоритма»?

Отсутствие четких процедурных норм создает риск произвольного и дискриминационного применения мер принуждения.

Алгоритмы искусственного интеллекта обучаются на исторических данных, которые могут содержать скрытые предубеждения. Если в прошлом полиция чаще останавливала для проверки лиц определенной этнической принадлежности или из определенных районов, алгоритм может воспроизводить и усиливать эту практику, маркируя таких граждан как «потенциально опасных». Это создает правовой барьер в виде нарушения принципа равенства всех перед законом, закрепленного в Конституции Российской Федерации.

Наряду с этим возникает и проблема персональной ответственности. Кто несет ответственность за ошибку, приведшую к незаконному применению принуждения: разработчик алгоритма, оператор, который доверился системе, или руководитель органа, внедривший эту технологию? Классический принцип персональной ответственности сотрудника полиции размывается, что является серьезным правовым барьером для защиты прав пострадавших.

Преступники также активно используют цифровые технологии (шифрование, анонимные сети, применение криптовалюты), создавая «цифровые барьеры» для органов внутренних дел. Это требует разработки новых мер принудительного характера для преодоления такого противодействия (например, меры по криптографическому взлому) [5]. Правовое регулирование таких мер находится на первичном этапе проработки, что создает риск как бездействия правоохранителей, так и их выхода за правовые рамки в условиях правовой неопределенности.

В заключение хотелось бы сказать, что, цифровизация деятельности органов внутренних дел – необратимый процесс, имеющий значительный потенциал, однако без адекватного и опережающего развития правовой базы она порождает серьезные системные риски. Анализ показал, что применение мер принуждения в новых условиях сталкивается с рядом правовых барьеров: отсутствием процедурных гарантий для «цифрового» принуждения, риском алгоритмической дискриминации, размыванием персональной ответственности и возникновением цифровой асимметрии в противодействии преступности [3].

В качестве направлений совершенствования правового регулирования можно предложить:

1) разработку и закрепление в федеральном законодательстве понятийного аппарата, связанного с применением ИИ и Big Data в правоохранительной деятельности;

2) установление четких правовых оснований и процедур для применения мер принуждения на основе данных, полученных с использованием алгоритмов, включая обязанность документирования и разъяснения гражданину причин такого решения;

3) внедрение обязательного аудита алгоритмов на предмет отсутствия дискриминационных смещений и соблюдения требований к защите персональных данных;

4) четкое законодательное распределение ответственности за вред, причиненный в результате ошибок автоматизированных систем.

Только комплексный подход, сочетающий технологическое развитие с укреплением правовых гарантий, позволит обеспечить эффективное применение мер принуждения в цифровую эпоху при безусловном соблюдении прав и свобод человека и гражданина.

Список источников

1. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: ред. от 31.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента Рос. Федерации от 09.05.2017 № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Агапов А. Б. Административное принуждение в цифровую эпоху: новые вызовы // Журн. рос. права. 2021. № 5. С. 45–58.
4. Воронцов А. В., Симонов А. Н. Искусственный интеллект в правоохранительной деятельности: правовые и этические проблемы // Государство и право. 2022. № 3. С. 112–125.
5. Цифровая трансформация правоохранительной деятельности: моногр. / под ред. И. А. Андреева. М.: Проспект, 2023256 с.

УДК 343.13

ПРОБЛЕМА НЕСОРАЗМЕРНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ: КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ И ПУТИ МИНИМИЗАЦИИ РИСКОВ

***А. Б. Морозов**, преподаватель кафедры профессиональной служебной подготовки Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***У. И. Кормина**, студент заочного отделения педагогического института Тихоокеанского государственного университета*

Статья посвящена исследованию одной из наиболее актуальных проблем в деятельности полиции – несоразмерности применения мер государственного принуждения. Автор анализирует правовую природу и содержание принципа соразмерности, выявляет системные причины его нарушения на практике. В результате исследования определены ключевые критерии оценки соразмерности: адекватность, необходимость и сбалансированность (пропорциональность в узком смысле). Сделан вывод о том, что эффективное обеспечение принципа соразмерности требует не только правового закрепления, но и формирования соответствующей профессиональной культуры.

Ключевые слова: мера принуждения, полиция, принцип соразмерности, несоразмерность, законность, право гражданина, оценка рисков, административная деятельность, правоприменение.

THE PROBLEM OF DISPROPORTIONATE USE OF COERCIVE MEASURES IN POLICE ACTIVITIES: ASSESSMENT CRITERIA AND WAYS TO MINIMIZE RISKS

***A. B. Morozov**, a lecturer of the Department of Professional and Service Training of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilov;*

***U. I. Kormina**, student of the Correspondence Department of the Pedagogical Institute of the Pacific State University in Khabarovsk*

The article is devoted to the study of one of the most pressing issues in police activities – the disproportionality in the application of state coercive measures. The author analyzes the legal nature and content of the principle

of proportionality, identifies systemic reasons for its violation in practice. As a result of the study, key criteria for assessing proportionality have been determined: adequacy, necessity, and balance (proportionality in the narrow sense). It is concluded that effective implementation of the principle of proportionality requires not only legal codification but also the development of an appropriate professional culture.

Keywords: coercive measure, police, principle of proportionality, disproportionality, legality, citizens' right, risk assessment, administrative activities, law enforcement.

Применение мер государственного принуждения является неотъемлемым элементом деятельности полиции, обеспечивающим выполнение ее обязанностей по защите прав и свобод граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка. Однако сама природа принуждения, связанная с ограничением прав личности, таит в себе высокие риски их нарушения. Одной из наиболее сложных и социально значимых проблем в этой сфере является проблема несоразмерности [5].

Принцип соразмерности, хотя и не всегда прямо закрепленный в отраслевом законодательстве, является фундаментальным конституционным началом, вытекающим из ст. 55 Конституции Российской Федерации, и общепризнанным стандартом правоприменения [4]. Его нарушение не только подрывает авторитет органов внутренних дел, но и ведет к тяжким последствиям, включая причинение вреда жизни, здоровью и имуществу граждан, а также к дискредитации государства в целом.

Целью настоящего исследования является анализ юридического содержания принципа соразмерности применительно к деятельности полиции, выработка системы критериев для его операционализации и оценки, а также формирование комплекса мер по минимизации рисков его нарушения.

1. Юридическое содержание принципа соразмерности и критерии его оценки.

В теории права и правоприменительной практике, в том числе практике Европейского суда по правам человека и Конституционного суда Российской Федерации, сложилось устоявшееся понимание принципа соразмерности как трехуровневого теста [2]. Это позволяет выделить следующие взаимосвязанные критерии оценки правомерности и обоснованности применения мер принуждения:

– критерий адекватности (пригодности). Избранная мера принуждения должна быть способна достичь законной цели, ради которой она применяется. Например, использование огнестрельного оружия для задержания лица, совершившего мелкое хищение в магазине, неадекватно, так как явно не соответствует тяжести правонарушения и поставленной цели;

– критерий необходимости (наименьшего ограничительного воздействия). Из всех возможных мер, способных достичь поставленной цели, должна быть избрана та, которая в наименьшей степени ограничивает права и свободы гражданина [4]. Если для пресечения неповиновения законному распоряжению сотрудника полиции достаточно физического воздействия, применение специальных средств (наручники, резиновая палка) будет несоразмерным;

– критерий сбалансированности (пропорциональности в узком смысле). Ожидаемый положительный эффект от применения меры принуждения должен превосходить тот вред, который она может причинить ограничив права и законные интересы. Данный критерий требует соблюдения баланса интересов в каждой конкретной ситуации. Применение силового приема, сопряженного с высокой вероятностью причинения тяжкого вреда здоровью, для задержания гражданина, не представляющего серьезной опасности для окружающих, является несбалансированным.

2. Причины несоразмерности применения мер принуждения на практике.

Анализ практики и научной литературы позволяет выделить системные причины, приводящие к нарушению принципа соразмерности:

– оценочный характер правовых норм. Формулировки законов, такие как «в случае, если ненасильственные способы неэффективны» [1, ст. 19] или «с учетом складывающейся обстановки», предоставляют сотруднику широкий простор для усмотрения, что при недостаточной квалификации ведет к произвольным решениям [1];

– дефицит практических навыков и стрессоустойчивости. В условиях быстро меняющейся, напряженной обстановки сотрудник, не обладающий отработанными до автоматизма навыками и неспособный адекватно оценить уровень угрозы, склонен к применению избыточной силы;

– психологические факторы и стереотипы. Склонность к чрезмерному применению силы может быть обусловлена личностными особенностями, синдромом профессионального выгорания, а также воздействием негативных стереотипов в отношении определенных социальных групп;

– недостаточность и формализм ведомственного контроля. Действующие процедуры служебных проверок часто носят формальный характер и не всегда позволяют адекватно оценить соответствие действий сотрудника критериям соразмерности в конкретной ситуации.

3. Пути минимизации рисков несоразмерного применения мер принуждения.

Для минимизации рисков нарушения принципа соразмерности необходим комплексный подход, направленный на все элементы системы: от нормативного регулирования до профессиональной подготовки и контроля.

Целесообразно дополнить ведомственные нормативные акты (в первую очередь приказ МВД России № 960 [3]) более детальными и конкретными

рекомендациями по оценке обстановки и выбору мер принуждения. Позитивным шагом является разработка и внедрение в практику алгоритмических карт-памяток, наглядно демонстрирующих последовательность и условия применения разных мер воздействия в зависимости от уровня противодействия [8].

Кроме того, необходимы:

– модернизация системы профессиональной подготовки. Ключевая роль в предотвращении несоразмерности отводится непрерывной практической подготовке. Необходимо широкое внедрение ситуационных тренажеров (симуляторов), позволяющих моделировать сложные, нестандартные ситуации и отрабатывать навыки адекватного и сбалансированного реагирования в условиях, максимально приближенных к реальным;

– развитие системы контроля и ответственности.

Внутренний контроль: повышение качества служебных проверок, в том числе за счет привлечения специалистов-психологов и экспертов по тактико-специальной подготовке для реконструкции и оценки событий.

Внешний контроль: активное развитие институтов общественного контроля, таких как общественные наблюдательные комиссии и советы, а также поощрение использования сотрудниками полиции средств аудио-, видеофиксации, которые являются объективным доказательством при оценке соразмерности действий;

– формирование корпоративной культуры, основанной на безусловном уважении прав человека, профессиональной этике и принципе «мирное разрешение конфликта в приоритете».

Проблема несоразмерности применения мер принуждения является многогранной и не имеет простого решения. Ее решение требует системных усилий, направленных не только на формальное закрепление принципа соразмерности в законодательстве, но и на его глубокое интегрирование в практическую деятельность и профессиональное сознание сотрудников полиции.

Предложенная в исследовании система критериев (адекватность, необходимость, сбалансированность) позволяет формализовать оценку действий сотрудника и сделать ее более объективной. Комплекс мер по минимизации рисков, включающий нормативную конкретизацию, практико-ориентированную подготовку, развитие систем контроля и формирование новой профессиональной культуры, создает основу для повышения уровня законности и правопорядка, укрепления доверия граждан к полиции как институту, действующему в интересах общества.

Список источников

1. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: ред. от 31.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в Риме 04.11.1950 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

3. Об утверждении Порядка организации подготовки личного состава органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 23.08.2017 № 960. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 19 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобой гражданина К. Р. Иванова: постановление Конституц. суда Рос. Федерации от 16.06.2022 № 25-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Агапов А. Б. Административное принуждение и административная ответственность: учеб. М.: Юрайт, 2022. 456 с.
6. Кикоть В. Я., Бочаров С. Н. Принцип соразмерности в административной деятельности полиции: теоретические и прикладные аспекты // Административ. право и процесс. 2021. № 5. С. 89–95.
7. Россинский Б. В. Актуальные проблемы применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Государство и право. 2020. № 8. С. 32–41.
8. Соловей Ю. П., Черников В. В. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный). 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. 568 с.

УДК 342.9

ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ К ПАССАЖИРАМ: ПОИСК БАЛАНСА МЕЖДУ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ БЕЗОПАСНОСТИ И СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ГРАЖДАН

***М А. Мусинова**, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***М. Э. Завьялов**, полицейский 1 отделения 2 взвода отдельной роты патрульно-постовой службы полиции Комсомольского линейного отдела МВД России на транспорте*

В статье исследуется комплексная проблема поиска баланса между эффективным обеспечением безопасности на пассажирском транспорте и объектах транспортной инфраструктуры и неукоснительным соблюдением прав граждан при применении мер административного принуждения. На основе анализа законодательной базы и типичных ситуаций служебной практики (задержание, досмотр, работа с несовершеннолетними, «буйными» пассажирами) выявляются системные проблемы правоприменения. Авторы доказывают, что ключевым условием достижения искомого баланса является реализация в деятельности сотрудников транспортной полиции принципов законности, соразмерности и минимальной достаточности. В заключении статьи предлагаются конкретные меры по оптимизации административно-юрисдикционной деятельности на транспорте.

Ключевые слова: транспортная полиция, мера принуждения, административное право, законность, соразмерность, минимальная достаточность, пассажир, право гражданина, транспортная безопасность.

USE OF ENFORCEMENT MEASURES AGAINST PASSENGERS: SEARCH FOR A BALANCE BETWEEN SAFETY AND CITIZENS' RIGHTS

***M. A. Musinova**, senior lecturer of the Department of General Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***M. E. Zavyalov**, police officer of the 1st section of the 2nd platoon of the Separate Patrol Police Company of the Komsomolsk Line Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Transport*

The article explores the complex problem of finding a balance between effective security measures in passenger transport and transport infrastructure facilities and strict adherence to the rights of citizens when applying administrative coercion. Based on an analysis of the legal framework and typical situations in operational practice (detention, inspection, and dealing with minors and «aggressive» passengers), the article identifies systemic issues in law enforcement. The authors argue that the key to achieving the desired balance is to implement the principles of legality, proportionality, and minimum necessity in the activities of transport police officers. In conclusion, specific measures are proposed to optimize administrative and legal activities in the transport sector.

Keywords: transport police, coercive measure, administrative law, legality, proportionality, minimum sufficiency, passenger, citizens' right, transport security.

Динамично развивающаяся транспортная система Российской Федерации, характеризующаяся масштабными пассажиропотоками, протяженностью маршрутов, разнообразием пассажирского транспорта, сложной многоуровневой логистикой, объективно обусловливает необходимость наделения органов внутренних дел широким спектром властных полномочий по выявлению, пресечению и профилактике совершения на транспорте административных правонарушений и преступлений. В этом контексте применение мер административного принуждения на транспорте представляет собой классическую антиномию: с одной стороны – императивная потребность в безусловном обеспечении безопасности, с другой – не менее императивный запрет на произвольное ограничение прав и свобод граждан сотрудниками полиции.

Актуальность темы исследования обусловлена постоянным поиском оптимального баланса между эффективностью и законностью. Несмотря на детальную законодательную регламентацию (Кодекс Российской Федерации

об административных правонарушениях, Федеральный закон «О полиции», Федеральный закон «О транспортной безопасности» и иные законодательные и подзаконные нормативные правовые акты), правоприменительная практика демонстрирует наличие проблем реализации полномочий сотрудниками полиции при применении мер административного принуждения к пассажирам общественного транспорта. Эмпирическим свидетельством тому служит значительное количество обжалованных постановлений по делам об административных правонарушениях и дисциплинарных производств в отношении сотрудников, что указывает на системный, а не на ситуативный характер проблем.

Стоит отметить то, что, на наш взгляд, дисбаланс в применении мер принуждения порождается не пробелами в правовом регулировании, а комплексом латентных дисфункций в административной деятельности: низким уровнем тактического мышления, процессуальным нигилизмом, недостаточной коммуникативной компетентностью личного состава и дефицитом соответствующих организационно-технических условий.

Выявленные проблемы определили цель нашего исследования – диагностику ключевых дестабилизирующих факторов и разработку на этой основе алгоритмов оптимизации тактико-методического и организационно-правового инструментария транспортной полиции при применении мер административного принуждения к пассажирам.

Ввиду ограничений в объеме публикации более подробно сосредоточимся на рассмотрении вопроса применения мер принуждения к пассажирам железнодорожного транспорта, так как использование именно данного вида транспорта связано с систематическими административными правонарушениями и преступлениями против общественного порядка и общественной безопасности, частыми провокациями и конфликтами между пассажирами, высокой латентностью правонарушений.

Законодательство Российской Федерации формирует достаточную правовую основу для применения мер принуждения к пассажирам железнодорожного транспорта в случае нарушения ими административно-правовых и уголовно-правовых норм. Так, к основным нормативным правовым актам, регламентирующим указанное направление правоохранительной деятельности, стоит отнести:

– Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [1] (далее – КоАП РФ), который регламентирует порядок и сроки доставления в органы внутренних дел (ст. 27.2), закрепляет понятие административного задержания (ст. 27.3), определяет правила осуществления личного досмотра, досмотра вещей и транспортных средств (ст. 27.7);

– Федеральный закон «О полиции» [2], формализующий через положения статей главы IV (ст. 18–23) общие основания и порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия;

– Федеральный закон «О транспортной безопасности» [3], устанавливающий особый режим и правила поведения на объектах транспортной инфраструктуры;

– Постановление Правительства Российской Федерации от 27 мая 2021 г. № 810 [4], в п. 33 которого раскрывается возможность удаления сотрудниками органов внутренних дел пассажира, который при посадке в поезд или в пути следования нарушает правила проезда, общественный порядок и мешает спокойствию других пассажиров.

Однако стоит отметить, что сам по себе факт подробного описания полномочий сотрудников полиции, а также правил их реализации, не гарантирует эффективность и законность действий сотрудников полиции.

Именно поэтому законодатель, формулируя правоустанавливающие нормы, закладывает в них обычно основные руководящие начала (нормы-принципы), через призму которых данные полномочия и реализуются. Не исключением является и институт административного принуждения, который подчиняется действию трех наиболее значимых принципов – *законности, соразмерности и минимальной достаточности.* По замыслу законодателя они являются ориентиром действий сотрудников полиции в нетипичных конфликтных ситуациях взаимодействия с пассажирами на железнодорожном транспорте, в сложных условиях замкнутого пространства и ограниченных тактических и процессуальных возможностей, и призваны служить системообразующим каркасом для любой принудительной меры. Однако на практике происходит их глубинная декомпозиция, вызванная такими причинами, как:

1) редукция законности к формализму: законность часто сводится к последующему формальному составлению протокола, а не к изначальной обоснованности вмешательства. Процессуальное действие воспринимается как самоцель, а не как средство установления истины и защиты прав;

2) субъективизация соразмерности: соразмерность оценивается сотрудником не через призму гипотетического стандарта «разумного сотрудника», а исходя из личного опыта, эмоционального состояния и ситуативного стресса, что ведет к произвольному расширению или сужению границ допустимого принуждения;

3) инверсия минимальной достаточности: принцип минимальной достаточности заключается в корреляции интенсивности принуждения, уровня противодействия и характера правонарушения. На практике это предполагает использование градуальной шкалы применения мер: устное требование, мягкое физическое воздействие (взятие за руку, блокировка движения), применяемое при пассивном сопротивлении; активное применение физической силы (болевые примы борьбы) и специальных средств (при активном сопротивлении, неповиновении законным требованиям сотрудника органа внутренних дел);

применение огнестрельного оружия (только в случаях прямой угрозы жизни, когда деяние попадает под признаки преступления). Влиять на следование данному принципу может окружающая обстановка (наличие других пассажиров, их скопление в определенном месте, ограниченность пространства и т. д.). Проблема реализации принципа минимальной достаточной при применении мер принуждения на транспорте заключается в том, что вместо движения по градуальной шкале от мягких мер к жестким возникает инверсия, когда стандартной реакцией на сопротивление становится силовое воздействие, а вербальные методы используются по остаточному принципу.

Анализ правоприменительной практики, судебных решений и практический опыт одного из авторов позволяет классифицировать ошибки сотрудников полиции на транспорте по четырем взаимосвязанным уровням:

1) *тактический уровень* – предполагает ошибки в непосредственных действиях и решениях сотрудника в ситуациях выявления и пресечения правонарушения. К одной из основных ошибок данного уровня относится несоблюдение градуальной шкалы при выборе меры принуждения.

Пример ошибки: применение физической силы (болевого приема) за отказ предъявить билет без признаков агрессии. Важно отметить, что ситуация, когда пассажир отказывается предъявить билет или документы, не является основанием для немедленного применения физической силы. Закон требует сначала исчерпать меры психологического воздействия и четкого устного требования прекратить неправомерные действия. Если пассажир, находясь в состоянии алкогольного опьянения, отказался предъявить билет уполномоченному лицу и начал нецензурно выражаться, а затем активно сопротивляться при попытке его доставления для составления протокола, применение физической силы в целях задержания и доставления лица является правомерным, так как действия пассажира не только подпадают под состав административного правонарушения против общественного порядка (ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство»), но могут быть квалифицированы как неповиновение законному требованию сотрудника полиции (ст. 19.3 КоАП РФ).

Если сотрудник полиции, выявив совершение административного правонарушения пассажиром, не руководствовался градуальной шкалой мер принуждения, то вероятными правовыми последствиями могут стать: жалоба, дисциплинарное взыскание, признание доказательств административного правонарушения недопустимыми. Также тактические ошибки при разрешении конфликтной ситуации могут привести к эскалации конфликта и вовлечению в него посторонних пассажиров.

Не менее серьезная проблема связана с тактикой применения мер принуждения к «буйным» пассажирам в замкнутом пространстве (вагон поезда, салон самолета), что требует особых навыков, так как любое применение силы

создает риск для окружающих. Например, в купе поезда пассажир кричит и оскорбляет других пассажиров, угрожает им предметами, используемыми в качестве оружия. Сотрудники полиции, оценив обстановку, могут сразу не применять силовое воздействие и специальные средства внутри вагона, чтобы не допустить травматизацию пассажира, эскалацию конфликта и угрозу безопасности другим пассажирам. Тактически верным будет изолировать пассажира в купе, продолжая вести с ним переговоры до устранения присутствия посторонних лиц в вагоне, а затем, соблюдая требования глав IV и V Федерального закона «О полиции» [2], задержать лицо, применив к нему физическую силу и специальные средства. Применение огнестрельного оружия в вагоне поезда также должно быть обоснованным и соответствовать запретам и ограничениям, установленным законом, даже при провокациях пассажиров;

2) *методический уровень* – связан с ошибками в соблюдении установленных процедур, алгоритмов и порядка проведения конкретного процессуального действия. К типичным ошибкам данного уровня следует, на наш взгляд, отнести нарушение процедуры досмотра (ст. 27.7 КоАП РФ). Так, сотрудники полиции, следуя личным интересам для упрощения процессуальных действий, допускают осуществление досмотра без понятых (с понятыми иного пола) и без оформления протокола (оформляется позднее). Несоблюдение предусмотренных ст. 27.7 КоАП РФ требований является не тактической импровизацией, а грубой методической ошибкой, которая может повлечь такие правовые последствия, как отмена постановления по делу об административном правонарушении, признание протокола недействительным, ущерб репутации подразделения органов внутренних дел.

Анализируя практику применения мер административного принуждения к пассажирам на железнодорожном транспорте, мы определили, что наиболее частым правонарушением является распитие алкоголя на железнодорожном транспорте, особенно пассажирами поездов дальнего следования, предполагающее административную ответственность по ст. 20.20 КоАП РФ.

Важное значение для доказывания факта распития алкогольной продукции имеет исследование изъятой при лице тары с жидкостью. Именно поэтому еще одним принудительным действием является изъятие вещей и предметов у правонарушителя. О том, что в таре может содержаться алкогольная продукция, может свидетельствовать как наклеенная заводская этикетка и ощущаемый спиртовой запах, так и показания свидетелей. С целью изъятия тары сотрудники транспортной полиции могут применить меру обеспечения производства в виде изъятия вещей и документов.

Изъятие осуществляется с учетом требований КоАП РФ, к которым относятся: обязательное присутствие 2 понятых либо применение средств видеосъемки; составление соответствующего протокола (либо фиксация

данного действия в протоколах доставления, осмотра места совершения административного правонарушения или в протоколе административного задержания); обязательное указание в протоколе: параметров изъятой тары (форма, цвет, размеры, цвет находящейся в ней жидкости и т. д.), факта использования средств видео- или фотосъемки, подписей всех участников изъятия; особый порядок упаковки изъятой тары [1].

Важно отметить, что неприменение или неправильное применение указанной меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях может привести к отмене постановлений по указанным делам и дальнейшему прекращению таких дел [5, с. 152.]. Подтверждением допущения таких методических ошибок являются материалы дела № 12–98/2020 от 10 июля 2020 г., которое рассматривалось в суде района имени Лазо Хабаровского края по факту жалобы на постановление по делу об административном правонарушении, совершенном Р. В ходе рассмотрения дела было установлено, что вынесенным ранее постановлением по делу об административном правонарушении Р. был привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ, что посчитал неправомерным и потребовал отмены указанного решения в суде. В ходе анализа доказательств, представленных сотрудниками полиции, было установлено, что Р. был застигнут в поезде в состоянии опьянения, что было определено по внешним признакам: от него исходил запах алкоголя, рядом стояла бутылка из-под неалкогольного напитка «Милкис», в которой находилась прозрачная жидкость, имеющая спиртовой запах. Данная жидкость в бутылке была проверена LQ-тестом, который показал наличие огнеопасной жидкости, что стало основанием полагать, что в указанной емкости содержится алкогольная продукция, которую Р. распивал вне вагона-ресторана. Однако судом не было установлено наличие иных доказательств, подтверждающих факт присутствия в бутылке именно алкогольной продукции. Сама бутылка не была изъята, экспертиза проведена не была, на записях камер «ДОЗОР» процедура с проверкой LQ-тестом зафиксирована не была, в связи с чем суд принял решение об отмене в отношении Р. вынесенного постановления об административном правонарушении и прекратил дальнейшее административное производство [6]. Рассмотренное дело является хрестоматийным примером «каскадной ошибки», когда неверное действие на одном этапе повлекло недействительность всего производства;

3) *организационный уровень* – предполагает ошибки и недостатки, лежащие в сфере управления, ресурсообеспечения и организации службы, ответственность за которые несут не только рядовые сотрудники полиции, но и руководящий состав.

К типичным ошибкам данного уровня относятся действия сотрудника полиции при пресечении административного правонарушения или преступления на транспорте с применением мер административного принуждения

без сопровождения данных действий видеорегистрацией. Такая практика порождает ситуации, когда причина конфликта и момент его пресечения не зафиксированы, а законность действий сотрудников полиции при применении физической силы и специальных средств в отношении пассажира подтвердить невозможно. Ввиду отсутствия видеорегистраии правовыми последствиями могут стать: невозможность объективно установить обстоятельства дела, пересмотр дела в суде, переквалификация административного правонарушения, привлечение сотрудника полиции к дисциплинарной или уголовной ответственности;

4) *правовой уровень* – предполагает ошибки сотрудников полиции в правовой квалификации деяний, толковании норм сотрудником полиции, в процессуальном оформлении применения меры административного принуждения.

Так, негативная практика, подтверждающая правовые ошибки, связана с необоснованным доставлением (ст. 27.2 КоАП РФ), доставлением для составления протокола с применением физической силы, когда имелась возможность составить протокол на месте административного правонарушения.

Правовые последствия: Обжалование, признание действий незаконными.

Проведенное нами исследование подтвердило выдвинутую гипотезу: проблема носит не нормативный, а имплементационный характер. Восстановление нарушенного правового баланса невозможно путем внесения точечных изменений в КоАП РФ. Необходим комплексный организационно-тактический и методический пересмотр подходов к подготовке и деятельности сотрудников транспортной полиции.

В качестве системных мер предлагается:

1) разработка и внедрение прецедентных тактических алгоритмов (ПТА). Сотрудники полиции должны руководствоваться не абстрактными памятками, а детальными, основанными на лучших практиках и разборе типичных ошибок, инструкциями для каждой типовой ситуации (конфликт в вагоне, досмотр, задержание несовершеннолетнего «зацепера»), утвержденными на ведомственном уровне;

2) обеспечение «тотальной видеорегистрации», которая предполагает, что ношение и обязательное использование портативных видеорегистраторов должно стать безусловным стандартом работы;

3) интеграция при профессиональной подготовке сотрудников полиции в темы соответствующих дисциплин блоков «Правовая тактика применения мер принуждения» и «Коммуникативная деэскалация конфликтов и провокаций»;

4) правовая «прозрачность» для пассажиров. Размещение в зонах повышенного контроля инфографики о правах и обязанностях граждан, порядке обжалования действий сотрудников – это действенный инструмент профилактики конфликтов и укрепления правовой культуры;

5) обеспечение следования сотрудниками полиции при применении мер принуждения трем основополагающим принципам: законности, соразмерности и минимальной достаточности.

Таким образом, достижение баланса между безопасностью и правами – это не статичное состояние, а динамический процесс, обеспечиваемый профессиональной, технически оснащенной и этически зрелой деятельностью сотрудника, для которого закон является не ограничителем, а главным инструментом и ориентиром.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 07.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: ред. от 31.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О транспортной безопасности: федер. закон от 09.02.2007 3 16-ФЗ: ред. от 21.04.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Правил оказания услуг по перевозкам на железнодорожном транспорте пассажиров, а также грузов, багажа и грузобагажа для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Рос. Федерации от 27.05.2021 № 810. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Михайленко О. В. К вопросу доказывания вины по делам об административных правонарушениях, предусматривающих ответственность за нарушение антиалкогольного законодательства (ст. 20.20 КоАП РФ), совершенных на объектах железнодорожного транспорта // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 151–154.
6. Решение суда района имени Лазо Хабаровского края от 10.07.2020 по делу № 12–98/2020 в отношении Романенко А. В. // Кликер: [сайт]. URL: https://clck.ru/34iCkt (дата обращения: 18.09.2025).

УДК 342.9

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: БАЛАНС ЭФФЕКТИВНОСТИ И ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ

***А. А. Набока**, доцент кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина*

В статье рассматриваются актуальные проблемы применения мер административного принуждения сотрудниками органов внутренних дел. Анализируются правовые основания и ограничения использования принудительных мер, а также предлагаются пути совершенствования административной практики с учетом соблюдения прав граждан. Особое внимание уделено вопросам эффективности и законности применения специальных средств, административного задержания и доставления. На основе анализа современной правоприменительной практики и научных исследований предложены рекомендации по оптимизации административного принуждения в деятельности органов внутренних дел.

Ключевые слова: административное принуждение, орган внутренних дел, полиция, правовая гарантия, эффективность, административное задержание, специальное средство, законность.

IMPROVING COERCIVE MEASURES IN THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES: A BALANCE OF EFFICIENCY AND LEGAL GUARANTEES

***A. A. Naboka**, associate professor of the Department of Management and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin*

This article examines current issues related to the use of administrative coercive measures by law enforcement officers. It analyzes the legal basis and limitations for the use of coercive measures and suggests ways to improve administrative practice while respecting citizens' rights. Particular attention is paid to the effectiveness and legality of the use of special means, administrative detention, and transfer. Based on an analysis

of current law enforcement practices and scientific research, recommendations are proposed for optimizing administrative enforcement in the work of internal affairs agencies.

Keywords: administrative coercion, internal affairs body, police, legal guarantee, efficiency, administrative detention, special mean, legality.

Современная деятельность органов внутренних дел (далее – ОВД) требует постоянного поиска баланса между эффективным применением мер административного принуждения и обеспечением правовых гарантий для граждан. В условиях роста общественных вызовов и изменений в законодательстве особую актуальность приобретают вопросы правомерности и обоснованности использования принудительных мер [3, с. 45].

Целью настоящей статьи является анализ действующей системы мер административного принуждения, выявление проблемных аспектов их применения и разработка предложений по совершенствованию административной практики ОВД.

Правовой основой административного принуждения в деятельности органов внутренних дел являются меры административного принуждения, применяемые полицией, регламентируемые Федеральным законом «О полиции» [2] и Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [1] (далее – КоАП РФ). К ним относятся административное задержание (ст. 27.3 КоАП РФ), доставление (ст. 27.2 КоАП РФ), личный досмотр и досмотр вещей (ст. 27.7 КоАП РФ), применение специальных средств (ст. 21 Федерального закона «О полиции»).

Как отмечает А. В. Марченко, «применение мер административного принуждения должно основываться на принципах законности, соразмерности и минимально необходимой достаточности» [7, с. 112].

Анализ правоприменительной практики позволяет выявить ряд системных проблем:

– злоупотребление полномочиями при административном задержании;

– недостаточная регламентация применения специальных средств;

– отсутствие единых стандартов фиксации применения принуждения;

– проблемы доказывания правомерности действий сотрудников.

По данным исследований И. С. Петрова, «около 30 % жалоб на действия полиции связаны с неправомерным применением мер административного принуждения» [8, с. 78].

Совершенствование системы административного принуждения требует комплексного подхода, направленного на повышение эффективности правоохранительной деятельности при одновременном укреплении правовых гарантий для граждан.

Для оптимизации применения мер принуждения предлагается:

1) внедрение обязательной видеофиксации всех случаев применения принуждения.

Стоит отметить, что отсутствие объективной фиксации процесса применения принуждения приводит к трудностям в доказывании правомерности действий сотрудников, росту числа жалоб на превышение полномочий, что влечет снижение доверия населения к полиции. В связи с этим необходимы оснащение всех нарядов ДПС и ППС нагрудными видеорегистраторами, которые обязательно будет включать при контакте с гражданами. В том числе требуется разработка единых правил видеозаписи, таких как запрет на отключение камер во время применения спецсредств, фиксация времени и места инцидента, хранение материалов не менее 30 суток и использование мобильных комплексов видеофиксации в местах массового скопления людей. Эти меры направлены на повышение дисциплины среди сотрудников ОВД и снижение числа спорных ситуаций за счет объективных доказательств.

Эффективность применения подобных мер подтверждают данные МВД России, в соответствии с которыми после введения нагрудных видеорегистраторов в 2022 г. количество жалоб на действия полиции снизилось на 27 %;

2) разработка ведомственных стандартов использования специальных средств.

Еще одной серьезной проблемой является отсутствие четких критериев применения специальных средств, что в правоприменительной практике приводит к субъективной оценке степени угрозы и рискам причинения избыточного вреда здоровью. В связи с этим предлагается создание пошаговых инструкций для разных ситуаций, направленных на уменьшение числа случаев необоснованного применения физической силы и специальных средств.

Анализ опыта зарубежных стран подтверждает эффективность данных методов. Например, в Германии аналогичные стандарты сократили случаи превышения полномочий на 40 % [11, с. 89];

3) совершенствование профессиональной подготовки сотрудников.

В условиях современных социально-политических реалий необходимо повышать уровень подготовки в области правовых оснований применения принуждения, деэскалации конфликтов и оказания первой помощи после применения спецсредств. В этих целях предлагается введение ежегодных тренингов по таким темам, как психология толпы, альтернативные методы разрешения конфликтов, юридические последствия превышения полномочий, а также учений с видеозаписью и разбором ошибок. Целесообразным видится и систематическое проведение тестирования на знание КоАП РФ и Федерального закона «О полиции» при аттестации, так как эти меры направлены на снижение числа неправомерных решений в стрессовых ситуациях;

4) усиление ведомственного контроля за применением принудительных мер.

Слабая система контроля приводит к отсутствию оперативного реагирования на нарушения и «корпоративной солидарности» при разбирательствах. Именно поэтому, на наш взгляд, публикация ежегодной статистики по применению принуждения повысит прозрачность деятельности ОВД.

Одним из ведущих векторов совершенствования мер административного принуждения является юридико-техническая регламентация их в законодательстве сообразно современным общественным и государственным запросам. Как верно отмечает Е. К. Смирнова, «совершенствование мер административного принуждения должно идти параллельно с усилением гарантий защиты прав граждан» [10, с. 56].

В заключение отметим, что совершенствование мер административного принуждения в деятельности ОВД требует комплексного подхода, сочетающего повышение эффективности правоохранительной деятельности с укреплением правовых гарантий для граждан [9]. Предложенные меры позволят достичь оптимального баланса между этими важнейшими составляющими правоохранительной деятельности.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 31.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: ред. от 31.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Административное право России: учеб. / под ред. П. И. Кононова. М.: Норма, 2021. 480 с.
4. Бахрах Д. Н. Административное право России. М.: Эксмо, 2022. 608 с.
5. Головко В. В. Административная деятельность полиции. М.: Юрайт, 2021. 354 с.
6. Коренев А. П. Административное право России. М.: Норма, 2020. 480 с.
7. Марченко А. В. Административное принуждение: теория и практика. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2022. 216 с.
8. Петров И. С. Правовое регулирование деятельности полиции. М.: Проспект, 2020. 184 с.
9. Россинский Б. В. Административное принуждение. М.: Норма, 2023. 192 с.
10. Смирнова Е. К. Современные проблемы административного процесса. М.: Статут, 2023. 160 с.
11. Müller H. Polizeireform in Europa. Berlin, 2022.

УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

***Е. В. Наумов**, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***Е. Ш. Абитова**, преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена комплексному анализу специальных административно-процессуальных норм, регламентирующих применение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних. Обосновывается необходимость закрепления в законе императивного требования о незамедлительном уведомлении законного представителя о факте доставления или задержания несовершеннолетнего, расширения перечня случаев обязательного участия педагога или психолога, а также разработки ведомственных инструкций, детализирующих процедуру применения мер обеспечения с учетом возраста правонарушителя.

Ключевые слова: мера обеспечения производства, административное правонарушение, несовершеннолетний, доставление, административное задержание, законный представитель, защита прав, процессуальная гарантия.

FEATURES OF THE APPLICATION OF SECURITY MEASURES IN RELATION TO JUVENILE OFFENDERS

***E. V. Naumov**, senior lecturer of the Department of General Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***E. Sh. Abitova**, senior lecturer of the Department of Special Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article provides a comprehensive analysis of special administrative procedural rules governing the application of measures to ensure

the conduct of administrative offenses against minors. The article substantiates the need to establish in law a mandatory requirement for immediate notification of a legal representative of the delivery or detention of a minor, expand the list of cases requiring the mandatory participation of a teacher or psychologist, and develop departmental instructions detailing the procedure for applying security measures, taking into account the age of the offender.

Keywords: measure to ensure production, administrative offense, minor, delivery, administrative detention, legal representative, protection of rights, procedural guarantee.

Институт мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях занимает ключевое место в механизме административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел. Эти меры, обладая ярко выраженным принудительным характером, направлены на пресечение противоправного поведения, установление личности нарушителя, составление протокола и обеспечение своевременного и правильного рассмотрения дела. Однако, когда субъектом правонарушения выступает несовершеннолетний, применение таких мер приобретает особую социальную и правовую значимость.

Согласно статистике МВД России, ежегодно несовершеннолетние составляют значительную часть привлекаемых к административной ответственности, в первую очередь за правонарушения, предусмотренные гл. 20 КоАП РФ «Административные правонарушения против порядка управления», а также правонарушения в сфере общественного порядка и дорожного движения. Первый контакт подростка с правоохранительной системой, который чаще всего и происходит в рамках применения мер обеспечения, является мощным психотравмирующим фактором. Непроцессуальное поведение сотрудника полиции, игнорирование возрастных особенностей могут привести к негативным социальным последствиям, включая формирование у несовершеннолетнего установки на противоправное поведение.

Целью исследования является анализ особенностей применения мер обеспечения производства в отношении несовершеннолетних, выявление пробелов и коллизий в правовом регулировании и формирование на этой основе предложений по оптимизации административно-процессуальной деятельности.

Для достижения поставленной цели рассмотрим наиболее важные аспекты применения отдельных мер принуждения.

1. Специальный правовой статус несовершеннолетнего в административном процессе.

Правовой режим применения мер обеспечения в отношении несовершеннолетних определяется общими принципами административного права,

а также специальными нормами, закрепляющими дополнительные гарантии защиты их прав. Ключевым принципом является приоритет воспитательного воздействия и социально-правовой реабилитации над карательными мерами (ст. 2.1, 4.2, 4.6 КоАП РФ).

Специфика статуса несовершеннолетнего в административном процессе обусловлена его психофизическими особенностями: недостаточным уровнем психического развития, социальной незрелостью, повышенной внушаемостью, эмоциональной лабильностью. Эти факторы обусловливают необходимость установления в законе дополнительных процессуальных гарантий, призванных компенсировать возрастную недееспособность и обеспечить реализацию права на защиту.

К числу таких специальных гарантий, непосредственно влияющих на стадию применения мер обеспечения, относятся:

1) обязательное участие законного представителя (родитель, усыновитель, опекун) несовершеннолетнего (ч. 4 ст. 25.3 КоАП РФ);

2) право на бесплатную юридическую помощь защитника (ч. 5 ст. 25.1, ч. 3 ст. 25.3 КоАП РФ);

3) возможность привлечения педагога или психолога при проведении процессуальных действий (ч. 3 ст. 25.1 КоАП РФ);

4) рассмотрение дел в отношении несовершеннолетних специально уполномоченными органами – комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав [1], что косвенно влияет и на действия по обеспечению будущего производства.

Однако, как показывает анализ законодательства, регламентация применения именно мер обеспечения (гл. 27 КоАП РФ) практически не содержит прямых отсылок к особенностям работы с несовершеннолетними, что создает правовой вакуум и порождает проблемы на практике.

2. Анализ отдельных мер обеспечения и проблем их применения в отношении несовершеннолетних.

Доставление и административное задержание – наиболее строгие меры обеспечения, связанные с кратковременным ограничением свободы передвижения. В соответствии с ч. 2 ст. 27.2 и ч. 4 ст. 27.3 КоАП РФ о каждом случае доставления или задержания несовершеннолетнего его родители или иные законные представители должны быть уведомлены «в возможно короткий срок».

Законодательная формулировка «в возможно короткий срок» является оценочной и порождает основную проблему – произвольное толкование ее сотрудниками полиции. На практике уведомление может быть отложено на несколько часов под предлогом «оперативной необходимости» или «выяснения обстоятельств», в то время как подросток находится в состоянии стресса, изоляции от привычной среды. Это прямо нарушает его право на психологическую поддержку и правовую помощь.

Представляется необходимым закрепить в КоАП РФ императивное правило о незамедлительном (в течение одного часа с момента доставления) уведомлении законного представителя, за исключением случаев, когда это противоречит интересам ребенка (например, при жестоком обращении с ним со стороны родителей). Такой подход соответствует позиции Конституционного суда Российской Федерации, неоднократно указывавшего на приоритет прав и интересов несовершеннолетнего.

Особого внимания заслуживает место задержания. Несовершеннолетние должны содержаться отдельно от взрослых правонарушителей (ч. 5 ст. 27.6 КоАП РФ). Однако в условиях дефицита специальных помещений в территориальных органах внутренних дел данное требование часто нарушается, что может привести к психологическому давлению и криминальной индукции со стороны взрослых.

Не менее важной мерой принуждения, при применении которой возможны тактические и процессуальные ошибки, является личный досмотр.

Личный досмотр, проводимый в соответствии со ст. 27.7 КоАП РФ, является крайне деликатной мерой, особенно в отношении подростка, переживающего период формирования личности и повышенного внимания к своей телесности. Закон обязывает проводить личный досмотр лицом одного пола с досматриваемым в присутствии двух понятых того же пола.

Однако закон не предусматривает обязательного присутствия при личном досмотре несовершеннолетнего педагога, психолога или его законного представителя. Учитывая высокую вероятность психологической травмы, представляется обоснованным внести изменение в КоАП РФ, установив, что личный досмотр несовершеннолетнего в возрасте до 16 лет проводится только в присутствии законного представителя или педагога (психолога). Это не только минимизирует риски причинения морального вреда, но и послужит дополнительной гарантией законности действий должностного лица.

Особое внимание стоит уделить осуществлению привода (ст. 27.15 КоАП РФ), который как мера принудительного препровождения лица применяется и к несовершеннолетним, уклоняющимся от явки по вызову. Проблема заключается в том, что уведомление о явке часто направляется самому несовершеннолетнему, который в силу возраста может проигнорировать его или не придать должного значения. Целесообразно устанавливать в законе, что вызов на рассмотрение дела в отношении лица, не достигшего 16 лет, должен в обязательном порядке направляться его законному представителю, а привод может быть применен лишь в случае их совместной неявки без уважительных причин.

3. Психолого-педагогический аспект и предложения по совершенствованию практики.

Правовое регулирование должно быть дополнено организационно-управленческими мерами. Недостаточно просто указать в законе участие педагога или психолога – необходимо создать механизм их оперативного привлечения с интеграцией в систему всех нормативных правовых актов [2]. Для этого требуется:

1) заключение межведомственных соглашений между органами внутренних дел и органами управления образованием, учреждениями социального обслуживания о порядке срочного вызова специалистов;

2) разработка и внедрение в деятельность полиции специальных памяток (инструкций) по общению с несовершеннолетними на разных стадиях производства, включая применение мер обеспечения. Эти инструкции должны содержать базовые принципы детской психологии, правила формулировки вопросов, методы снижения тревожности;

3) введение в штаты подразделений по делам несовершеннолетних или дежурных частей должности штатного детского психолога, особенно в крупных городах.

Важнейшим направлением является повышение квалификации сотрудников патрульно-постовой службы, участковых уполномоченных полиции и инспекторов по делам несовершеннолетних. Спецкурсы должны быть ориентированы не только на знание норм закона, но и на формирование навыков деэскалации конфликтов с участием подростков, распознавания признаков психических расстройств и аффективных состояний.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что существующее административно-процессуальное законодательство, регламентирующее применение мер обеспечения в отношении несовершеннолетних, носит рамочный характер и нуждается в детализации.

Специальные гарантии, закрепленные в КоАП РФ, на стадии обеспечения производства часто носят декларативный характер из-за отсутствия четких процедурных механизмов их реализации. Наиболее острыми проблемами являются произвольные сроки уведомления законных представителей, отсутствие обязательного участия педагога или психолога при проведении личного досмотра и иных травмирующих процедур, а также недостаточная психолого-педагогическая подготовка сотрудников полиции [3].

В целях формирования ювенально ориентированной модели административной юрисдикции предлагается:

1) установить в КоАП РФ конкретный срок уведомления законного представителя о доставлении или задержании несовершеннолетнего (в течение одного часа);

2) закрепить обязательность присутствия законного представителя или педагога (психолога) при проведении личного досмотра в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет;

3) разработать и принять ведомственную инструкцию МВД России, детально регламентирующую порядок применения всех мер обеспечения в отношении несовершеннолетних, с учетом их возрастных и психологических особенностей.

В заключение отметим, что реализация этих мер позволит не только обеспечить неотвратимость ответственности, но и выполнить воспитательную и превентивную функцию, минимизировав негативные последствия столкновения несовершеннолетнего с системой правоприменения.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 03.04.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ: ред. от 24.04.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Агапов А. Б. Административная ответственность: учеб. М.: Юрайт, 2022. 480 с.

УДК 342.95

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

***А. И. Протасова**, преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Нижегородской академии МВД России*

Статья посвящена проблемам применения административного принуждения в кризисных ситуациях, таких как стихийные бедствия или эпидемии. Автор отмечает, что в подобных условиях люди особенно остро реагируют на любые ограничения и санкции. Для эффективного применения административного принуждения в условиях чрезвычайных ситуаций необходимо учитывать не только юридические аспекты, но и психологическое восприятие этих мер населением. Недооценка психологического фактора может привести к последствиям и дестабилизации общественной обстановки. Государственным органам необходимо пересмотреть свои подходы и методы взаимодействия с гражданами, чтобы снизить риск возникновения конфликтов и недоразумений, а также обеспечить эффективное и легитимное применение административного принуждения.

Ключевые слова: чрезвычайное положение, кризис, административное принуждение, орган власти, психологический аспект.

ADMINISTRATIVE COERCION: PSYCHOLOGICAL BARRIERS AND WAYS TO OVERCOME THEM

***A. I. Protasova**, lecturer of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article is devoted to the problems of applying administrative coercion in crisis situations, such as natural disasters or epidemics. The author notes that in such conditions, people are particularly sensitive to any restrictions and sanctions. For the effective application of administrative coercion in emergency situations, it is necessary to take into account not only the legal aspects, but also the psychological perception of these

measures by the population. Underestimating the psychological factor can lead to negative consequences and destabilization of the social situation. Government agencies need to review their approaches and methods of interacting with citizens in order to reduce the risk of conflicts and misunderstandings, as well as ensure the effective and legitimate use of administrative coercion.

Keywords: state of emergency, crisis, administrative coercion, authority, psychological aspect.

В наше время, когда чрезвычайные ситуации становятся все более распространенными и разноплановыми, вопрос о применении административного принуждения приобретает особую остроту. В ответ на кризисы, будь то природные катаклизмы, эпидемии или социальные потрясения, государственные органы вынуждены действовать оперативно и результативно, что часто требует использования мер административного принуждения.

Эти меры могут включать в себя ограничения на передвижение, обязательную изоляцию и другие формы воздействия на граждан, направленные на обеспечение общественной безопасности и стабильности. Однако, несмотря на их необходимость, нельзя игнорировать психологические последствия таких действий для населения.

Административное принуждение является важным рычагом в руках государства для поддержания правопорядка. Оно осуществляется компетентными органами в соответствии с законодательством и предполагает применение специфических мер для решения социальных и правовых задач. Формы такого воздействия разнообразны и могут варьироваться от принудительного выполнения предписаний и наложения штрафов до, в исключительных случаях, ограничения свободы, когда это продиктовано необходимостью защиты общества и его членов [12].

Мы уже отмечали, что «неправильное применение мер принуждения может вызывать недовольство и даже сопротивление со стороны граждан и, как следствие, дестабилизацию общественного порядка» [13, с. 4].

Разнообразие административного принуждения проявляется в его формах и целях. Оно охватывает как меры профилактического характера, призванные не допустить нарушений, так и меры ответственности, применяемые к лицам, совершившим административные проступки. Важно отметить, что все эти методы опираются на определенные юридические и социальные рамки, которые подтверждают их законность и правомерность [10].

Влияние психологического фактора на эффективность административных мер является ключевым. Важно учитывать, как граждане воспринимают эти меры и какие эмоции они вызывают. Люди могут видеть в административных

мерах либо защиту своих интересов, либо проявление давления со стороны власти. В условиях кризисных ситуаций, таких как чрезвычайное положение, негативное восприятие может обостряться, что усложняет взаимодействие между властью и населением. Некорректное применение административных мер может привести к недовольству и даже протестам со стороны граждан [4].

Исследования показывают, что важно создавать доверительные отношения между государственными органами и обществом, чтобы повысить восприятие легитимности принудительных мер [1].

Эффективность административного принуждения напрямую связана с осведомленностью граждан о его обосновании и задачах. Для смягчения возможного негативного отклика со стороны населения государство может применять проактивные стратегии, такие как разъяснение своей политики и вовлечение граждан в процесс принятия решений. Понимание нужд и ожиданий общества является ключом к разработке более действенных управленческих подходов, способствующих гармоничному сосуществованию и сотрудничеству. Психологические факторы, влияющие на восприятие принудительных мер, формируют общественное отношение к действиям власти и определяют реакцию граждан в экстренных обстоятельствах [11]. Восприятие наказания и принуждения – это многогранный процесс, где действуют как объективные факторы, так и индивидуальные психологические особенности.

Согласно исследованиям, наказание может проявляться в виде неприятных санкций или отъема чего-то ценного, например в форме ограничения прав граждан. Это, в свою очередь, способно спровоцировать отрицательные эмоциональные отклики и даже агрессивное поведение. Важно отметить, что подобные меры не гарантируют достижения желаемого эффекта и могут усугубить существующее социальное напряжение и конфликтность [5].

Необходимо различать дисциплину, ориентированную на обучение, и наказание, которое может быть унизительным и служить лишь для принуждения, не неся образовательной ценности [9].

Работа с рецидивистами представляет собой более сложную задачу, поскольку их отношение к принуждению формируется под влиянием предыдущего опыта взаимодействия с властями. Ключевым фактором является понимание того, как индивидуальная история, социальное окружение и психологические характеристики влияют на их реакцию на административные меры. Искаженное восприятие наказания может стать существенным барьером для эффективной реабилитации [7].

Чрезвычайные ситуации, сопровождающиеся сильным социальным давлением, могут стать катализатором агрессивного поведения и сопротивления населения. Это особенно остро проявляется, когда граждане воспринимают действия властей как чрезмерные или несправедливые. Такой сценарий запускает

порочный круг: административное принуждение, вместо решения проблемы, лишь усиливает общественное напряжение и подпитывает протестные настроения [15]. Для успешного применения мер административного принуждения в условиях чрезвычайного положения критически важно учитывать не только задачи, но и психологическое восприятие этих мер населением. В условиях стресса и неопределенности, порожденных жесткими ограничениями, у людей могут развиваться негативные эмоциональные состояния, такие как вина, беспокойство и страх. Эти эмоции поддерживают высокий уровень тревожности и дезориентации, что значительно осложняет конструктивное взаимодействие с государственными структурами. Вместо объективного осмысления ситуации граждане могут столкнуться с искажением реальности, что создает предпосылки для эффекта газлайтинга. Под влиянием такого состояния люди начинают сомневаться в своей способности правильно оценивать ситуацию, что неизбежно сказывается на их реакциях и дальнейших действиях [15].

В условиях постоянно меняющегося мира люди сталкиваются с необходимостью выбирать между созидательным и разрушительным подходом к происходящему. Чтобы противостоять манипуляциям и сохранять душевное равновесие в стрессовых обстоятельствах необходимо развивать самосознание и способность правильно понимать действия властей [14].

В кризисных ситуациях открытое и своевременное информирование граждан властями о принимаемых мерах жизненно необходимо. Это помогает людям чувствовать себя в безопасности, уменьшает стресс и делает их более восприимчивыми к необходимым ограничениям [6].

Участие граждан в принятии решений создает благоприятный психологический климат. Когда власть прислушивается к народу, люди чувствуют себя более значимыми и уверенными в том, что их интересы учитываются. Игнорирование гражданского мнения, особенно в сложные времена, может привести к недоверию и враждебности по отношению к властям, что чревато конфликтами [7].

Разнообразие коммуникационных инструментов и регулярные встречи создают прочную основу для прямого диалога между гражданами и государственными органами. Современные интерактивные платформы, такие как горячие линии и виртуальные приемные, не только информируют население, но и предоставляют возможность активно участвовать в обсуждении, задавая интересующие вопросы. В периоды неопределенности такой подход помогает избежать недоразумений и способствует открытому обсуждению насущных проблем, укрепляя доверие. Наряду с проверенными временем методами новые формы коммуникации, например через социальные сети, позволяют власти быть ближе к людям и лучше понимать потребности. В условиях чрезвычайных ситуаций, когда психологическое состояние общества и его восприятие играют ключевую роль, все доступные каналы связи должны быть максимально

прозрачными и нацеленными на получение обратной связи. Нельзя забывать и о значении личного присутствия представителей власти в жизни сообщества, поскольку это напрямую влияет на то, как воспринимаются действия и решения.

Вовлеченность представителей власти в диалог с обществом и готовность учитывать мнения граждан – это важнейшие условия для формирования доверия и снижения уровня враждебности. Такой процесс способствует выработке взаимоприемлемых решений, которые отвечают запросам людей и обеспечивают их безопасность [5].

Подводя итог, можно сказать, что успешность административного принуждения в глазах населения напрямую связана с уровнем доверия и открытости, демонстрируемой государственными органами. Для улучшения связей между властью и гражданами в условиях чрезвычайных ситуаций ключевыми задачами становятся обеспечение прозрачности информации, создание платформ для участия граждан и развитие диалога. На практике исполнительные структуры нередко склоняются к применению строгих мер принуждения, упуская из виду более гибкие методы, такие как разъяснительная работа. Это может вызывать последствия и дестабилизировать общественную обстановку.

Принуждение, будучи неотъемлемой частью правовой системы, должно осуществляться с полным уважением к правам человека. Однако, как свидетельствуют данные [11], воплощение этих принципов на практике часто страдает от недостатков в правовом регулировании. Граждане могут воспринимать такие действия как угрозу своей личной безопасности и свободе, что порождает негативные эмоциональные реакции. Ухудшение отношений между населением и властью является закономерным следствием восприятия мер принуждения как чрезмерных или несправедливых [3]. Это диктует необходимость для государственных органов пересмотреть свои подходы и методы взаимодействия с гражданами, чтобы снизить риск возникновения конфликтов и недоразумений.

Чтобы правовые нормы, касающиеся административного принуждения, были эффективными, необходимо тщательно прорабатывать их психологические аспекты. В этой сфере, особенно в чрезвычайных ситуациях, ключевым является уважение к правам человека и поиск компромиссных решений, опирающийся на все доступные ресурсы.

Список источников

1. Административное принуждение: тенденции, проблемы, решения // Юридический институт ТГУ: [сайт]. URL: https://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2021/07/мухин-артем-олегович.pdf (дата обращения: 24.09.2025).
2. Елюбаев М. С. Зависимость степени воздействия наказания от восприятия личности // Законность и правопорядок в современном обществе. 2010. № 2–2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zavisimost-stepeni-vozdeystviya-nakazaniya-ot-vospriyatiya-lichnosti (дата обращения: 21.05.2025).

3. Меры административного принуждения: понятие, виды // Молодой ученый: [сайт]. URL: https://moluch.ru/archive/515/113189/ (дата обращения: 13.09.2025).
4. Методы обеспечения законности в государственном управлении // Mitup AI: [сайт]. URL: https://ai.mitup.ru/journal/kursovye/administrativnoe-prinuzhdenie/ (дата обращения: 17.10.2025).
5. Наказание в психологии: определение, примеры, эффекты // Yandex.ru: [сайт]. URL: https://tr-page.yandex.ru/translate?lang=en-ru&amp (дата обращения: 12.08.2025).
6. О психологической неэффективности наказания как воспитательного средства // b17.ru: [сайт]. URL: https://www.b17.ru/article/16403/ (дата обращения: 12.08.2025).
7. Организация взаимодействия органов государственной власти с населением // Справочник от автор 24: [сайт]. URL: https://spravochnick.ru/gosudarstvennoe_i_municipalnoe_upravlenie/organizaciya_vzaimodeystviya_organov_gosudarstvennoy_vlasti_s_naseleniem/ (дата обращения: 24.09.2025).
8. Очень злюсь, когда мной командуют // b17.ru: [сайт]. URL: https://www.b17.ru/forum/topic.php?id=57446 (дата обращения: 24.09.2025).
9. Понятие инновации и основные ее характеристики // MOODLE – виртуальная среда обучения КНИТУ (КХТИ): [сайт]. URL: https://moodle.kstu.ru/mod/book/tool/print/index.php?id=31631 (дата обращения: 21.05.2025).
10. Принуждение в административном праве // Электронная библиотека УрГПУ: [сайт]. URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/25573/1/rsvpu_2018_600.pdf (дата обращения: 21.05.2025).
11. Проблемы применения административного принуждения // Вестн. Дагестан. гос. ун-та. 2019. URL: https://vestnik.dgu.ru/stat/v2019-obsh-2–12.pdf (дата обращения 21.05.2025).
12. Прокурор разъясняет // Прокуратура Кемеровской области: [сайт]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_42/activity/legal-education/explain?item (дата обращения: 22.09.2025).
13. Протасова А. И., Князева К. Д. Особенности применения мер административного принуждения в условиях чрезвычайного положения // Административная деятельность органов внутренних дел в современных условиях: сб. науч. статей по итогам междунар. научн-практ. конф., Н. Новгород, 24 апреля 2025 г. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2025. С. 234–239.
14. Способы защиты от манипуляции в условиях толпы // Проза.ру: [сайт]. URL: https://proza.ru/2025/05/21/1512 (дата обращения: 22.09.2025).
15. Что такое наказание и почему люди наказывают друг друга // Дзен: [сайт]. URL: https://dzen.ru/a/zprc2o3cdxosdwr8 (дата обращения: 22.09.2025).

УДК. 342.9

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ЗАДЕРЖАНИЕ КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

***А. Г. Рубцов**, преподаватель кафедры административного права и административно-служебной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***Е. В. Фиалковская**, учитель физической культуры Крестовоздвиженской средней общеобразовательной школы Амурской области, кандидат педагогических наук*

В статье проводится сравнительный анализ института административного задержания в законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь с акцентом на различиях в сроках его применения, основаниях и порядке исчисления. Рассматриваются правовые последствия разного подхода к определению начального момента задержания. Подчеркивается, что белорусская модель в большей степени соответствует конституционным гарантиям права на свободу и личную неприкосновенность, поскольку объективно учитывает все время, в течение которого лицо находится под контролем уполномоченных органов, тем самым предотвращает возможность формального обхода установленных временных рамок.

Ключевые слова: административное задержание, срок, кодекс, административный процесс, административное правонарушение.

ADMINISTRATIVE DETENTION AS A MEASURE TO SECURITY PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES: A COMPARATIVE ANALYSIS OF LEGAL REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

***A. G. Rubtsov**, lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative and Service Activities of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

E. V. Fialkovskaia, teacher of physical education of the Krestovozdvizhenskaya Secondary School of the Amur Region, kandidat nauk, degree in Pedagogy

This article provides a comparative analysis of the institution of administrative detention in the legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus, focusing on differences in the timeframes for its application, grounds, and the calculation procedure. The legal implications of the different approaches to determining the initial moment of detention are examined. It is emphasized that the Belarusian model is more consistent with constitutional guarantees of the right to liberty and security of person, as it objectively takes into account the entire period during which a person is under the control of authorized bodies, thereby preventing the possibility of formally circumventing the established timeframes.

Keywords: administrative detention, term, code, administrative process, administrative offense.

Административное задержание как мера обеспечения производится по делам об административных правонарушениях представляет собой временное ограничение свободы лица, установление всех обстоятельств правонарушения и привлечение виновного к административной ответственности. В условиях усиления правового регулирования административно-процессуальных отношений особую актуальность приобретает сравнительный анализ института административного задержания в правовых системах определенных государств, в частности Российской Федерации (далее – РФ) и Республики Беларусь (далее – РБ), объединенных историческими, правовыми и интеграционными связями. Несмотря на общие принципы организации административной юстиции, национальное законодательство обеих стран демонстрирует существенные различия в правовом статусе задерживаемого, сроках и основаниях задержания, а также в механизмах судебного и прокурорского контроля.

Так, в РФ административное задержание регулируется ст. 27.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и определяется как кратковременное ограничение свободы физического лица, применяемое лишь в исключительных случаях [1]. Согласно указанной норме, задержание допускается исключительно тогда, когда это необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении либо для исполнения постановления по такому делу. Такой подход подчеркивает исключительный характер меры, ее вспомогательную роль в административном процессе и тесную привязку к конкретным процессуальным целям.

Более того, отечественное законодательство устанавливает строгие временные рамки задержания – как правило, не более 3 часов, а в отдельных случаях – до 48 часов, что дополнительно ограничивает злоупотребление со стороны уполномоченных органов и соответствует требованиям международных стандартов в области прав человека.

Административно-правовое принуждение в РБ является средством регулирования преимущественно административно- деликтных отношений [3, с. 143]. В РБ институт административного задержания закреплен в ст. 8.2 Процессуально-исполнительного кодекса об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП). Согласно данной статье административное задержание представляет собой фактическое кратковременное ограничение свободы физического лица, в отношении которого ведется административный процесс за совершение административного правонарушения, с последующим доставлением его в место, определенное органом, ведущим административный процесс, и содержанием в этом месте [2].

Общий предельный срок административного задержания РБ формально сопоставим с аналогичным в РФ, однако законодательство РБ устанавливает максимальную продолжительность задержания в размере 72 часов, в то время как российское законодательство ограничивает данный срок 48 часами, что отражает различия в подходах к балансу между обеспечением публичных интересов и защитой конституционных прав.

Из приведенных выше дефиниций особый научный и практический интерес также представляет сравнительный анализ порядка исчисления сроков административного задержания. Данный аспект продолжает оставаться предметом дискуссий как в доктринальной сфере, так и в практике правоприменения. Прежде всего это обусловлено необходимостью обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина, в частности права на свободу и личную неприкосновенность, при реализации административно-процессуальных процедур. На первый взгляд, порядок исчисления сроков административного задержания представляется понятным и юридически обоснованным [4, с. 85]. Корректное исчисление срока задержания имеет принципиальное значение для соблюдения законности, предотвращения произвольного ограничения свободы и обеспечения эффективного правового контроля за действиями уполномоченных органов.

В РФ срок административного задержания исчисляется с момента доставления лица, тогда как в РБ – с момента фактического ограничения его свободы передвижения, включая период следования в дежурную часть территориального органа. Такой подход представляется более соответствующим конституционным гарантиям, поскольку с момента фактического принуждения гражданин уже лишен возможности свободно распоряжаться своим передвижением, а, следовательно, любое время, в течение которого он находится под контролем уполномоченных

должностных лиц, должно учитываться при исчислении срока задержания. Это обеспечивает более высокий уровень правовой защиты личности и предотвращает формальное обходное маневрирование сроками, что может привести к их необоснованному удлинению.

Проведенный сравнительный анализ института административного задержания в законодательстве рассматриваемых стран свидетельствует о существенных различиях в правовом регулировании данной меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, касающихся не только предельных сроков, но и, что принципиально важно, момента начала их исчисления – с момента доставления в РФ и с момента фактического ограничения свободы в РБ. Подход, закрепленный в белорусском законодательстве, представляется более соответствующим конституционным и международно-правовым стандартам защиты права на свободу и личную неприкосновенность, поскольку объективно учитывается все время, в течение которого лицо находится под контролем государственных органов и лишено возможности свободно передвигаться. В совокупности данные различия отражают баланс между публично-правовыми интересами и гарантиями прав личности, что требует дальнейшего совершенствования российского административно-процессуального законодательства в направлении усиления процессуальных гарантий и унификации подходов к исчислению срока ограничения свободы.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 28.02.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: федер. закон от 06.01.2021 № 92-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=HK2100092 (дата обращения: 16.10.2025).
3. Ковалева О. Н. О некоторых аспектах реализации отдельных мер административного принуждения в Республике Беларусь // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2012. № 2. С. 142–145.
4. Поликарпов Д. И., Шубакин А. А. К вопросу об исчислении сроков административного задержания // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2020. № 3 (49). С. 84–88.

УДК 342.9

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

***Е. В. Теплова**, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье проанализировано применение административного наказания в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Определены проблемы применения отдельных видов наказания и их неэффективность. Предложены меры по совершенствованию системы административных наказаний.

Ключевые слова: система административных наказаний, несовершеннолетний, проблема применения, административное правонарушение, наказание.

THE PROBLEM OF APPLYING ADMINISTRATIVE PUNISHMENT TO MINOR

***E. V. Teplova**, senior lecturer of the Department of Special Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article analyzes the application of administrative punishment against juvenile offenders. It identifies challenges in the application of specific punishments and highlights their inefficiency. Furthermore, the author proposes measures to improve the system of administrative punishments.

Keywords: administrative penalty system, juvenile, application issue, administrative offense, penalty.

Главная особенность применения административного наказания в отношении несовершеннолетних в том, что его основной целью является перевоспитание. Считается, что в отличие от взрослого, психика которого сформировалась, подросток обладает гибким сознанием, у него еще можно достаточно легко взрастить уважение к закону, сформировать соответствующий уровень правовой культуры.

Несовершеннолетний является особым субъектом. Не все наказания, закрепленные в ст. 3.2 КоАП РФ [1], к нему применимы в силу возраста и повышенной защиты данной категории граждан. Специальные виды административных наказаний, применяемые исключительно в отношении подростков, отсутствуют.

Основные проблемы, связанные с применением разных видов административных наказаний в отношении несовершеннолетних на территории Российской Федерации обусловлены тем, что для данной категории предусмотрен специальный перечень наказаний, но некоторые из них, такие как арест, не применяются. Сложности возникают в применении мер наказания, соответствующих возрасту, вместе с тем существует риск чрезмерного или, наоборот, недостаточного воздействия.

Законодательство предусматривает для несовершеннолетних следующие виды ответственности: гражданско-правовую, материальную (в сфере работы), налоговую, административную и уголовную. Однако обычно дети до 14 лет не привлекаются ни к одному из этих видов ответственности (согласно Гражданскому, Трудовому, Налоговому, Уголовному кодексам Российской Федерации, КоАП РФ). В зависимости от того, что совершил несовершеннолетний, он может нести один вид ответственности или сразу несколько [3].

За действия несовершеннолетних, повлекшие гражданско-правовую ответственность, в первую очередь отвечают их законные представители. Родители, усыновители или опекуны несут имущественную ответственность за сделки, совершенные детьми до 14 лет, а также за причиненный ими вред, если не докажут, что это произошло не по их вине. Если ребенок остался без попечения родителей и находится под надзором специализированной организации (например, детский дом), то ответственность за его действия возлагается на эту организацию, если она не докажет отсутствие своей вины. Аналогично образовательные, медицинские и другие организации, обязанные осуществлять надзор, несут ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними под их присмотром, если не докажут, что это произошло не по их вине [4].

Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, как правило, сами отвечают за свои сделки и причиненный ими вред. Однако, если у них нет достаточных средств для возмещения ущерба, эту обязанность перекладывают на родителей (усыновителей) или попечителей, если те не смогут доказать, что вред возник не по их вине [5].

В ситуации, когда несовершеннолетний гражданин, достигший 14 лет, но не достигший 18 лет и лишенный родительского попечения, находится под надзором в специализированной организации (для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей), данная организация обязана компенсировать причиненный ему вред в полном объеме или в части, которая не была возмещена иным образом. Указанная обязанность снимается с организации лишь при условии доказательства отсутствия ее вины в возникновении вреда.

Когда речь идет о привлечении несовершеннолетних к административной ответственности, важно учитывать их возраст. Так, если подросток совершил административное правонарушение, достигнув 16 лет, он сам несет за это ответственность. Если же правонарушение совершено лицом в возрасте от 14 до 16 лет, то ответственность ложится на его родителей или законных представителей, таких как опекуны или попечители [1].

Административное наказание, будь то для самого подростка или для его родителей, должно быть назначено в течение 2 месяцев с момента совершения правонарушения. Если правонарушение является длящимся, то этот 2-месячный срок отсчитывается со дня его обнаружения.

В отношении несовершеннолетних могут применяться такие меры, как предупреждение, административный штраф или конфискация орудия или предмета, с помощью которого было совершено правонарушение. Однако закон предусматривает гибкость: если подросток в возрасте от 16 до 18 лет совершил правонарушение, суд может учесть все обстоятельства дела и освободить его от административной ответственности, применив вместо этого меры воздействия, предусмотренные законодательством о защите прав детей. Важно помнить, что административный арест к лицам моложе 18 лет не применяется.

Согласно ст. 87 Уголовного кодекса Российской Федерации несовершеннолетними в контексте уголовно-правового регулирования признаются лица, достигшие 14 лет, но не достигшие 18 лет на момент совершения преступного деяния. Возраст уголовной ответственности считается наступившим с момента истечения дня рождения, то есть с полуночи следующего дня. При определении возраста несовершеннолетнего, если он исчисляется днями, днем рождения считается последний день периода, установленного экспертами. Если возраст определяется в годах, суд должен ориентироваться на минимальный возраст, предложенный экспертами [2].

С учетом проведенного анализа для решения обозначенной проблемы предлагается внести поправки в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. В частности, необходимо расширить полномочия комиссий по делам несовершеннолетних, предоставив им право назначать обязательные работы, либо ввести новый вид административного наказания, специально разработанный для несовершеннолетних. В качестве примера предлагается рассмотреть возможность введения обязательных общественно полезных работ, осуществляемых под контролем педагога-воспитателя, а не судебного пристава. Выполнение таких работ в период каникул позволит избежать негативного влияния на учебный процесс.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 31.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 15.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
3. Канунникова, Н. Г. Административная ответственность несовершеннолетних в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2019. № 4. С. 48–50.
4. Ответственность несовершеннолетних. Доступ к электронному ресурсу: https://www.citymurmansk.ru/prokuratura_razy/?newsid.
5. Хромова Н. М. Правовой статус несовершеннолетних: частный и публичный аспекты. Российская юстиция. 2024. № 8. С. 23–34.

УДК 342.95

ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ПРЕСЕЧЕНИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА

***Е. Р. Турская**, начальник кафедры административного права и административно-служебной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат педагогических наук, доцент;*

***Д. М. Бондаренко**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматривается параллельный импорт как экономико-правовое явление, часть экономической системы, а также деятельность некоторых подразделений правоохранительных органов, непосредственно связанная с параллельным импортом и обеспечением безопасности граждан.

Ключевые слова: параллельный импорт, контрафакт, «серый рынок», таможенный орган, оперативное подразделение.

ISSUES OF EFFECTIVENESS OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN SUPPRESSING ILLEGAL ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF PARALLEL IMPORTS

***E. R. Turskaya**, head of the Department of Administrative Law and Administrative and Service Activities of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Pedagogy, Associate Professor;*

***D. M. Bondarenko**, adjunct of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article analyzes parallel imports as an economic and legal phenomenon, part of the economic system, as well as the activities of certain entities directly related to imports and ensuring the safety of citizens.

Keywords: parallel import, counterfeit, “gray market”, customs authority, operational unit.

На современном этапе существования общества успешное развитие социально-экономических процессов зависит от строго упорядоченного правового регулирования в области обеспечения экономической и правовой безопасности государства. Параллельный импорт является распространенным в наше время политико-экономическим явлением международного масштаба, представляющим собой сочетание интересов многочисленных субъектов – участников, заинтересованных в данном виде правоотношений. В ряде случаев его связывают с контрабандой, нелегальным перемещением товаров, нарушением интеллектуальных прав собственников. Основной причиной его существования является возможность получения прибыли в обход законодательных рамок. Рассматриваемое явление обладает рядом собственных критериев, необходимых для четкого разграничения с операциями, легальными с точки зрения международного и национального права. К таким можно отнести:

1) поставляется оригинальная продукция, без признаков контрафакта;

2) ввозимая продукция имеет признаки интеллектуальной собственности в виде наличия зарегистрированных товарных знаков, патентов и других элементов, характеризующих товары с точки зрения уникальности;

3) продукция поставляется без согласия и, возможно, без ведома правообладателя.

Параллельный импорт неоднократно подвергался рассмотрению со стороны научного сообщества. Востребованность в изучении «серого рынка» обусловлена зависимым положением России от импортной продукции.

М. С. Нургалеев при рассуждении на данную тему приводит в качестве примера ситуацию ввоза на территорию России зарубежных лекарственных средств. Он отмечает, что большая часть имеющихся лекарственных препаратов завезена из других стран, а основными поставщиками выступают Германия и Франция. Исходя из имеющихся данных, наибольший объем лекарственных товаров приходит из стран Евросоюза [4, с. 225].

Разумеется, введение санкционного режима стран Запада в отношении России оставило неизгладимый след на положении параллельного импорта в имеющихся условиях. Важно отметить, что, несмотря на положительные аспекты данного явления, в настоящее время наблюдается тенденция роста правонарушений, связанных с производством и торговлей именно контрафактной продукцией.

Таким образом, под воздействием вышеуказанного фактора отношение к параллельному импорту стало достаточно критическим, что повлекло за собой повышение уровня контроля со стороны соответствующих государственных структур. Мы предлагаем рассмотреть деятельность таможенных органов, а также

Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) в целях определения эффективности борьбы с распространением контрафактных товаров в современных реалиях.

Важно отметить, что параллельный импорт как явление не представляет собой негативного экономического феномена, однако он открывает широкие возможности для злоумышленников по поставке поддельной продукции, нанося тем самым существенный вред репутации и прибыли правообладателя оригинального товара.

Особую роль в данном вопросе играют таможенные региональные управления и посты. Если первые занимаются преимущественно организацией работы самих постов, в том числе внедрением новых методов контроля за ввозимым товаром, то вторые уже принимают непосредственное участие в проверке и досмотре «серой продукции». В данном случае основная задача таможенных органов заключается в защите интеллектуальной собственности правообладателя. Представители таможни в целях выявления контрафакта используют следующие способы:

– визуальный осмотр на местах ввоза товара, а именно проверка наличия или отсутствия маркировок, товарного знака, орфографических ошибок, состояния упаковки и т. д.;

– контроль за соответствием сопроводительной документации установленным требованиям;

– проверка по таможенному реестру объектов интеллектуальной собственности (далее – ТРОИС ФТС РОССИИ) для защиты правообладателей оригинальной продукции;

– анализ цен на ввозимую продукцию;

– эффективное взаимодействие с органами системы МВД России.

Мы отметили ряд функций, присущих органам таможенной службы, имеющих важное значение при борьбе с распространением контрафакта, так как сотрудники таможни способны оказать прямое пресекательное воздействие на первоначальном этапе появления поддельной продукции на территории Российской Федерации. Однако без содействия специализированных подразделений органов внутренних дел эффективная реализация противодействия ввозу контрафактных товаров была бы затруднительна.

Хотелось бы начать с отдела организации применения административного законодательства (далее – ООПАЗ), сотрудники которого в соответствии с п. 16 прил. 2 к приказу МВД России от 29 декабря 2012 г. № 1156 имеют полномочия на проведение различных мероприятий, связанных с исполнением административного законодательства [1]. Относительно нашего вопроса это реализуется благодаря возможному сотрудничеству с таможенными органами, что способствует дальнейшему выявлению лиц, подлежащих административной

ответственности за незаконный оборот контрафакта. Однако в большей степени задачи по борьбе с распространением контрафактной продукции возложены на подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ОЭБиПК), так как их служебные обязанности напрямую связаны с выявлением, пресечением, а также раскрытием противоправной деятельности в рассматриваемой сфере.

Например, по данным средств массовой информации МВД России, сотрудники ГУЭБиПК произвели ликвидацию цеха по изготовлению контрафактных газированных напитков, чье производство было обнаружено в Чернском районе Тульской области в результате обыска [3]. В ходе дальнейшей работы оперуполномоченные ГУЭБиПК и УЭБиПК УМВД России по Тульской области также обнаружили и предупредили нелегальное производство табачной продукции.

Важно отметить, что часто оперуполномоченные ОЭБиПК путем проведения оперативно-разыскных мероприятий обнаруживают разного рода преступную деятельность, связанную с «серым импортом» на потребительском рынке. Так, в 2025 г. оперативные сотрудники пресекли внедрение продажи более 255 кг контрафактной кондитерской продукции при помощи проверочной закупки, задержав лицо, подозреваемое в незаконном производстве и сбыте поддельных конфет. В настоящее врем, оперуполномоченными проводятся оперативно-разыскные мероприятия, направленные на поиск соучастников задержанного, а также в его отношении было возбуждено уголовное дело [2].

Из вышесказанного мы видим, что усилия органов внутренних дел по контролю за параллельным импортом в современных условиях имеет немаловажное значение и наглядную эффективность. На наш взгляд, необходимо отграничивать продукцию оригинальную, всемирно признаваемую от продукции фальсифицированной, в том числе изготовленной с нарушением технологии производства и опасной для здоровья, что влечет также наступление финансовых затруднений для производителя и экономических проблем в целом. Сегодня консолидация деятельности правоохранительных органов существенно влияет на искоренение контрафактной продукции, исходя из чего считаем логичным сделать следующие выводы:

1) следует стремиться к повышению доступности внесения как можно большего количества товарных знаков в ТРОИС ФТС России для дополнительной защиты интеллектуальной собственности, а также внедрению последних достижений информационно-телекоммуникационных технологий в процесс идентификации товарных знаков сотрудниками таможни;

2) нужно проводить рейды сотрудникам МВД России совместно с другими ведомствами для выявления контрафактной и фальсифицированной продукции в розничной торговле, что может положительно отразиться на результатах оперативно-разыскной деятельности и деятельности полиции в целом;

3) имеет смысл со стороны правоохранителей в СМИ проводить профилактическую работу с населением в целях повышения правовой культуры граждан и разъяснения негативных аспектов контрафактной торговли.

Список источников

1. Об утверждении Типовых положений о подразделениях организации применения административного законодательства и подразделениях по исполнению административного законодательства: приказ МВД России от 29.12.2012 № 1156. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. В Москве пресечено производство более 255 кг контрафактных конфет: задержан организатор криминальной схемы // РСН – Information: [сайт]. URL: https://www.rsnmo.ru/index.php?id=93520 (дата обращения: 06.10.2025).
3. Ирина Волк: Сотрудниками МВД России пресечено производство контрафактных газированных напитков и табачной продукции // МВД Медиа: [сайт]. URL: https://mvdmedia.ru/news/ofitsialnyy-predstavitel/irina-volk-sotrudnikami-mvd-rossii-presecheno-proizvodstvo-kontrafaktnykh-gazirovannykh-napitkov-i-t/ (дата обращения: 06.10.2025).
4. Нургалеев М. С. Параллельный импорт в России. Перспективы развития // Гуманитар., социал.-экономич. и обществен. науки. 2017. № 11.

УДК 351.741

ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА КАК УСЛОВИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ СОТРУДНИКА ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ К ПРИМЕНЕНИЮ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

***П. А. Харитонов**, старший преподаватель кафедры профессиональной служебной подготовки Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Исследуется взаимосвязь между уровнем физической подготовленности и психологической готовности сотрудников органов внутренних дел к применению мер принуждения в экстремальных условиях. Анализируются компоненты психологической готовности: когнитивный, эмоционально-волевой и операциональный – и доказывается их прямая зависимость от физических кондиций сотрудника. Рассматривается феномен физической уверенности как ключевого фактора, снижающего уровень стресса и позволяющего принимать взвешенные правовые решения в условиях силового конфликта. На основе анализа и данных исследований делается вывод о том, что систематическая физическая подготовка является не только средством развития физических качеств, но и базовым психолого-педагогическим инструментом формирования профессионально важных психологических характеристик.

Ключевые слова: психологическая готовность, физическая подготовленность, экстремальные условия, мера принуждения, сотрудник органа внутренних дел, профессиональная надежность, стресс, физическая уверенность, эмоциональная устойчивость.

PHYSICAL TRAINING AS A CONDITION FOR THE PSYCHOLOGICAL READINESS OF A LAW ENFORCEMENT OFFICER TO USE COERCIVE MEASURES IN EXTREME CONDITIONS

***P. A. Kharitonov**, senior lecturer of the Department of Professional Service Training of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article examines the relationship between the level of physical fitness and the psychological readiness of police officers to use coercive measures in extreme conditions. The components of psychological readiness (cognitive, emotional-volitional and operational) are analyzed, and their direct dependence on the physical condition of the officer is proved. The phenomenon of «physical confidence» is considered as a key factor that reduces stress levels and allows making balanced legal decisions in a conflict situation. Based on theoretical analysis and empirical research data, it is concluded that systematic physical training is not only a means of developing physical qualities, but also a basic psychological and pedagogical tool for the formation of professionally important psychological characteristics.

Keywords: psychological readiness, physical fitness, extreme conditions, coercive measure, police officer, professional reliability, stress, physical confidence, emotional stability.

Деятельность сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) нередко протекает в условиях, характеризующихся высокой степенью неопределенности, риска и непосредственной физической угрозы. В таких ситуациях от сотрудника требуется не только безупречное знание закона, но и высокая психологическая готовность к правомерному и эффективному применению мер принуждения. Традиционно проблема подготовки рассматривается в двух плоскостях: физической и психологической. Однако современные исследования свидетельствуют о глубокой интеграции этих аспектов, где физическая подготовленность выступает фундаментальной основой для формирования устойчивой психологической готовности [2].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения профессиональной надежности личного состава ОВД и снижения числа случаев неправомерного применения силы, коренящихся не в злом умысле, а в психологической неготовности, усугубленной физической неуверенностью.

Цель исследования – проанализировать механизмы влияния физической подготовленности на структурные компоненты психологической готовности сотрудника ОВД к применению мер принуждения в экстремальных условиях.

Задачи исследования:

– раскрыть структуру психологической готовности к применению мер принуждения;

– выявить и охарактеризовать психофизиологические механизмы влияния физической подготовленности на состояние сотрудника в стрессе;

– обосновать феномен физической уверенности как системообразующего фактора психологической готовности;

– предложить рекомендации практического характера по интеграции физической и психологической подготовки.

Психологическая готовность к применению мер принуждения представляет собой сложный, динамичный психофизиологический комплекс, включающий три основных компонента:

– когнитивный – предполагает оценку обстановки, прогнозирование развития событий, знание правовых рамок и перечня доступных мер, а также быстрый выбор оптимальной модели поведения;

– эмоционально-волевой: предполагает устойчивость к стрессу, контроль над страхом и гневом, способность к волевому усилию и подавлению панических реакций;

– операциональный (действенный) – отвечает за реализацию выбранной модели поведения на уровне моторных навыков, координации, точности и быстроты действий.

Физическая подготовленность оказывает непосредственное влияние на все три компонента через общефизиологический механизм. Высокий уровень физического развития коррелирует с более эффективной работой сердечно-сосудистой и дыхательной систем, что обеспечивает лучшее снабжение мозга кислородом в условиях стресса. Это напрямую поддерживает когнитивный компонент, препятствуя сужению сознания и позволяя сохранять ясность мысли.

Ключевым психологическим продуктом высокой физической подготовленности является физическая уверенность. Это глубокое подсознательное ощущение собственной способности контролировать ситуацию и свое тело в условиях физического противостояния.

Сотрудник с низкой физической подготовленностью, сталкиваясь с агрессивно настроенным правонарушителем, испытывает двойной стресс от самой угрозы и от осознания собственной неспособности ей противостоять. Это запускает каскад стрессовых реакций: выброс кортизола, учащение сердцебиения, туннельное зрение, ухудшение тонкой моторики. В таком состоянии эмоционально-волевой компонент разрушается, страх парализует волю, а оценка угрозы становится гиперболизированной. Это может привести к одной из двух деструктивных моделей поведения [1]:

1) пассивно-оборонительной (демпссия): уклонению от вмешательства, бездействию;

2) агрессивно-панической (эскалация): применению чрезмерной силы в результате восприятия ситуации как смертельно опасной.

Сотрудник с высокой физической подготовленностью, обладая физической уверенностью, воспринимает ту же ситуацию как управляемую. Уровень стресса хотя и повышен, не является запредельным. Это позволяет ему сохранять контроль над эмоциями, адекватно оценивать риски (когнитивный компонент) и выбирать соразмерную меру принуждения, точно ее реализуя (операциональный компонент) [3].

Регулярные занятия физической подготовкой, особенно в условиях моделирующих реальные столкновения (спарринги, тактические силовые задержания), являются по сути формой стресс-прививки.

Формирование моторных автоматизмов – отработанных до автоматизма приемов задержания и самообороны – позволяет действовать эффективно даже в условиях дефицита времени и когнитивных ресурсов.

Повышается толерантность к психофизиологическому стрессу. Организм привыкает функционировать в состоянии высокого эмоционального и физического напряжения, что повышает порог стрессоустойчивости.

Развиваются волевые качества. Преодоление усталости и боли в ходе тренировок напрямую формирует волевой компонент готовности.

Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что физическая подготовленность является не просто сопутствующим, а системообразующим фактором психологической готовности сотрудника ОВД к применению мер принуждения в экстремальных условиях. Физическая уверенность, порождаемая высоким уровнем физической подготовленности, выступает ключевым буфером против деструктивного влияния стресса, обеспечивая адекватность правоприменительных решений.

На основе сделанных выводов предлагаются следующие рекомендации:

– интеграция программ подготовки: разработка и внедрение комплексных программ, в которых физические и психологические тренинги проводятся в единстве (например, отработка тактики задержания сразу после психологического упражнения на стрессоустойчивость);

– введение стресс-тестирования: регулярная сдача нормативов по физической подготовке в условиях, максимально приближенных к экстремальным (неожиданность, шум, ограничение времени, работа на фоне утомления);

– мотивация через осознание: объяснение сотрудникам не только прикладного, но и психологического значения физической подготовки, формирование понимания ее роли в профессиональном выживании и минимизации правовых рисков.

Таким образом, инвестиции в физическую подготовку сотрудников ОВД являются одновременно и инвестициями в их психологическую устойчивость и правовую надежность.

Список источников

1. Дикая Л. А., Козлов А. С. Психология саморегуляции функционального состояния в экстремальных условиях деятельности // Психология состояний. М., 2018. С. 442–465.
2. Ильин Е. П. Психофизиология состояний человека. СПб.: Питер, 2019. 412 с.
3. Малкина-Пых И. Г. Психология поведения в экстремальных ситуациях: справочник практического психолога. М., 2017. 960 с.

УДК 351.74

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ПРАВОМЕРНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЗАДЕРЖАНИЯ И СОПРОВОЖДЕНИЯ

***П. А. Харитонов**, старший преподаватель кафедры профессиональной служебной подготовки Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***Р. С. Коленко**, преподаватель, кафедры физической подготовки Барнаульского юридического института МВД России*

В статье исследуется ключевая роль уровня физической подготовки сотрудников органов внутренних дел в контексте применения мер государственного принуждения. На примере таких процессуальных действий, как задержание и сопровождение, анализируется прямая связь между физической формой сотрудника, эффективностью выполнения оперативно-служебных задач и неукоснительным соблюдением законности. Недостаточная физическая подготовка создает системные риски причинения вреда здоровью участников конфликта и нарушения прав граждан, что в итоге подрывает авторитет правоохранительных органов. Обосновывается необходимость пересмотра подходов к физической подготовке личного состава с правовым и тактическим обучением.

Ключевые слова: физическая подготовка, орган внутренних дел, мера принуждения, задержание, сопровождение, правомерность, эффективность, безопасность, оперативно-служебная деятельность.

THE IMPACT OF THE PHYSICAL TRAINING LEVEL OF INTERNAL AFFAIRS OFFICERS ON THE EFFECTIVENESS AND LEGALITY OF THE USE OF FORCED MEASURES, AS EXAMPLIFIED BY DETENTION AND ACCOMPANIMENT

***P. A. Kharitonov**, senior lecturer of the Department of Professional Service Training of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***R. S. Kolenko**, lecturer of the Department of Physical Training of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article examines the key role of the physical fitness of law enforcement officers in the context of state coercion. Using procedural actions such as detention and escort as examples, it analyzes the direct relationship between an officer's physical fitness, the effectiveness of operational tasks, and strict adherence to the law. Insufficient physical fitness creates systemic risks, harming the health of conflict participants, and violating citizens' rights, ultimately undermining the authority of law enforcement agencies. This research article substantiates the need to revise approaches to the physical fitness of personnel, including legal and tactical training.

Keywords: physical training, internal affairs body, coercive measure, detention, escort, legality, efficiency, security, operational and service activities.

Деятельность сотрудников органов внутренних дел (ОВД) неразрывно связана с применением мер государственного принуждения, которые являются крайне важным, но и потенциально опасным инструментом. В рамках правового поля их применение должно быть не только законным, но и соразмерным, адекватным и минимально достаточным для достижения законной цели. Такие меры, как задержание и сопровождение, относятся к числу наиболее распространенных. Их успешное и безупречное с юридической точки зрения выполнение требует от сотрудника комплекса качеств: правовой грамотности, психологической устойчивости и, что немаловажно, высокого уровня физической подготовки и подготовленности.

Цель исследования – анализ влияния уровня физической подготовки сотрудников ОВД на эффективность и правомерность применения мер принуждения на примере задержания и сопровождения.

Для достижения цели видим необходимым решение следующих задач:

– выявить прямую связь между физической подготовленностью и успешностью выполнения задержания и сопровождения;

– проанализировать, как недостаточная физическая подготовка и подготовленность ведут к рискам нарушения правомерности применяемых мер;

– предложить направления совершенствования системы физической подготовки в ОВД.

Физическая подготовка в системе ОВД – это не просто спортивная дисциплина, а неотъемлемый элемент профессиональной компетенции, обеспечивающий готовность к силовому противодействию. Она формирует ряд ключевых для применения принуждения качеств:

– силовую выносливость, которая позволяет контролировать сопротивление в течение необходимого времени;

– ловкость и координацию – критически важны для применения болевых приемов, конвоирования и уклонения от атак;

– скоростные качества – необходимы для преследования и быстрой нейтрализации сопротивления.

Отсутствие этих качеств делает сотрудника уязвимым и вынуждает его либо избегать правомерного силового контакта, либо компенсировать физическую слабость нарушением процедуры, например преждевременным или избыточным применением специальных средств или огнестрельного оружия.

Эффективность задержания и сопровождения измеряется достижением цели с минимальными издержками. Физически слабый сотрудник не может гарантировать этот результат.

Неспособность быстро и технично выполнить болевой прием или надежно надеть наручники при задержании приводит к затягиванию конфликта, попытке бегства задерживаемого, нанесению травм обеим сторонам. Эффективное задержание должно быть быстрым и решительным, что невозможно без выработанных физических навыков.

Сопровождение подразумевает постоянный физический контроль. Сотрудник с низкой силовой выносливостью при сопровождении не может адекватно реагировать на попытки сопротивления или побега. Это создает постоянную угрозу безопасности как для самого сотрудника, так и для окружающих.

Таким образом, эффективность напрямую зависит от способности сотрудника доминировать в силовой ситуации, что является продуктом качественной физической подготовки [3].

Так, автор статьи «Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел: проблемы и решения» А. Н. Баранова в своей статье рассматривает современные подходы к физической подготовке полицейских, а также проблемы, с которыми они сталкиваются, и возможные решения для повышения физической готовности сотрудников, важность физической подготовки в рамках служебной подготовки и самостоятельных занятий [2].

Правомерность действий сотрудника ОВД регламентируется Федеральным законом «О полиции» [1] и иными нормативными актами, требующими соблюдения принципа соразмерности. Физическая слабость является одним из ключевых факторов, ведущих к его нарушению.

В частности, возникают страх и превентивная агрессия. Сотрудник, не уверенный в своих физических силах, может испытывать иррациональный страх перед задержанием физически крепкого гражданина. Этот страх провоцирует превентивную агрессию – применение силы или специальных средств на опережение, когда прямой угрозы еще нет, что является прямым нарушением закона.

Наблюдается также избыточное применение силы. В ходе борьбы физически неподготовленный сотрудник, попав в уязвимое положение, может действовать панически и применять неадекватно жесткие методы (например, наносить множественные удары после того, как сопротивление уже подавлено), чтобы компенсировать свои недостатки. Это приводит к причинению чрезмерного вреда здоровью задерживаемого.

Нарушение процедуры – неспособность физически контролировать ситуацию – может привести к отказу от выполнения положенных по инструкции болевых приемов и переходу к применению более опасных средств (огнестрельное оружие) либо, наоборот, к бездействию сотрудника из-за страха не справиться [2].

Следовательно, высокий уровень физической подготовленности в результате эффективной физической подготовки позволяет сотруднику действовать хладнокровно, выбирать адекватные методы воздействия и оставаться в рамках правового поля даже в условиях стресса и сопротивления.

Таким образом, уровень физической подготовки сотрудников ОВД оказывает детерминирующее влияние как на эффективность, так и на правомерность применения мер процессуального принуждения, таких как задержание и сопровождение.

Физически слабый сотрудник представляет собой источник не только оперативного риска, но и потенциальных правонарушений со стороны полиции. Его действия часто диктуются не тактической необходимостью и законом, а инстинктом самосохранения и неспособностью адекватно противостоять силовому воздействию [3].

В связи с этим для повышения уровня законности и эффективности деятельности ОВД необходимы:

– пересмотр программ физической подготовки в ведомственных образовательных организациях и на службе с акцентом на прикладные, силовые и тактические аспекты, максимально приближенные к реальным ситуациям;

– внедрение регулярного и объективного мониторинга физического состояния личного состава с серьезными последствиями для не сдавших нормативы;

– интеграция физической, тактической и правовой подготовки (обучение на основе сценариев), где сотрудники учатся применять физические навыки в смоделированных ситуациях с обязательным правовым анализом своих действий.

Только комплексный подход, при котором физическая подготовка рассматривается как фундаментальный элемент профессионализма и правовой культуры сотрудника, позволит обеспечить безопасность как их самих, так и граждан, чьи права и свободы они призваны защищать.

Список источников

1. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: ред. от 31.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Баранова А. Н. Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел: проблемы и решения // Науч. вестн. 2022.
3. Губанов Э. В. Влияние физической подготовки на эффективность действий сотрудников полиции в экстремальных ситуациях // Вестн. Орлов. юрид. ин-та МВД России им. В. В. Лукьянова. 2021. № 2 (47).

УДК 342.9

АЛГОРИТМИЗАЦИЯ ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ ПО ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

***Н. Н. Шевко**, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***И. Г. Бурдинский**, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье исследуются вопросы, затрагивающие действия сотрудников полиции патрульно-постовой службы по охране общественного порядка при несении службы. Сотрудник патрульно-постовой службы полиции должен обладать широкой компетенцией в самых разных вопросах, а также применять методы алгоритмизации действий в различных ситуациях.

Ключевые слова: патрульно-постовая служба полиции, сотрудник полиции, охрана общественного порядка, общественная безопасность, общественное мнение, алгоритм действий, человеческий фактор, юридическая защищенность, нестандартная ситуация, спокойствие граждан.

ALGORITHMIZATION OF OPERATIONAL AND SERVICE ACTIVITIES OF THE POLICE PATROL AND GUARD SERVICE IN PROTECTING PUBLIC ORDER AND ENSURING PUBLIC SAFETY

***N. N. Shevko**, senior lecturer of the Department of Special Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***I. G. Burdinsky**, senior lecturer of the Department of Special Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article explores issues related to the actions of police officers in the patrol and guard service in maintaining public order during their duties. Police officers in the patrol and guard service must have a broad range of knowledge and be able to apply algorithms to their actions in various situations.

Keywords: patrol and guard service of the police, police officer, public order protection, public safety, public opinion, algorithm of actions, human factor, legal protection, non-standard situation, citizens' peace of mind.

Значение деятельности патрульно-постовой службы полиции по охране общественного порядка (далее – ППСП) трудно переоценить. Сотрудники этой службы выступают в роли щита между законом и лицами, его нарушающими. Под непрерывным контролем данных подразделений находится личная безопасность граждан и общественный порядок на улицах. Однако, помимо охраны общественного порядка, от простого патрулирования спальных районов до защиты граждан в случае массовых беспорядков и участия в проведении контртеррористических операций, на сотрудников ППСП возложены и другие обязанности.

Приказом МВД России от 28 июня 2021 года № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России» определяются цели по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности как основные задачи ППСП [5]. В данном приказе четко изложены аспекты, регламентирующие деятельность сотрудников, и дан исчерпывающий список задач, обязательных к исполнению.

Также не стоит забывать, что деятельность ППСП регулируется Федеральным законом от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» и рядом других нормативных правовых актов [2–4; 6; 7]. Согласно их нормам сотрудник ППСП должен обладать широкой компетенцией в самых разных вопросах.

Не стоит забывать и о том, что в случае возникновения какой-либо чрезвычайной ситуации граждане будут в первую очередь ждать помощи от сотрудника полиции, а именно его своевременных, правильных и решительных действий, направленных на предотвращение серьезных последствий.

Подразделения ППСП являются наружными службами – в зависимости от их действий и поведения, будет складываться общее представление граждан о полиции в целом, равно как и их спокойствие. В случае вызова полиции часто первыми приезжают именно наряды ППСП и поэтому именно перед ними будет стоять задача урегулирования конфликта.

Когда ситуация находится в компетенции других подразделений полиции, оказание помощи осуществляется в соответствии с иными приказами МВД России, в том числе с пометкой «Для служебного пользования».

Наряды ППСП, особенно пешие, являются группой риска в ситуациях нападения преступников с целью завладения огнестрельным оружием. Специфика районов, где несут службу сотрудники ППСП, предполагает повышенную опасность, а это значит, что сотрудники должны постоянно наблюдать за обстановкой и знать необходимую информацию о маршруте патрулирования. Несмотря на все меры предосторожности, на сотрудников совершают нападения, они подвергаются разного рода провокациям и нападкам как со стороны граждан с низкой социальной ответственностью, так иногда и со стороны закона, когда, казалось бы, сотрудник все свои действия совершил в рамках правил и инструкций, но все же вынужден долго доказывать их правомерность, и, к сожалению, не всегда это получается.

Но, как бы ни было тяжело сотрудникам ППСП, общественный порядок сохраняется на должном для социального строя уровне, а сотрудники других подразделений могут выполнять функции в рамках своей компетенции. В случае же невыполнения сотрудниками ППСП возложенных на них обязанностей функционирование полиции не может быть ни только эффективным, но и в принципе возможным.

В целях успешного выполнения задач, возложенных на ППСП, сотрудники проходят обучение в рамках профессиональной подготовки кадров, регламентируемое приказом МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» [6]. При прохождении обучения сотрудник ППСП получает знания, связанные с работой не только его подразделения, но и других подразделений, а также из областей, с охраной общественной безопасности не связанных, но необходимых для реализации функций и обязанностей в рамках закона.

Изучая деятельность других подразделений, сотрудник может не только без особых проблем сменить подразделение для дальнейшего прохождения службы, но и лучше понять, что именно может заинтересовать сотрудников тех подразделений, с которыми нужно будет взаимодействовать. Также, повышая компетенцию в этих областях, он получает возможность эффективнее реагировать на смену обстановки при несении службы, расширяя возможность профессионально действовать в той или иной обстановке.

Однако, приходя в подразделение после обучения, сотрудник, не обладая необходимым опытом и навыками, может быть не готов к ситуациям, требующим быстрого принятия решений либо требующим особых познаний в какой-либо области, которых сотрудник не имеет. Несмотря на то, что сотрудник полиции

является подготовленным профессионалом, он остается обычным человеком, и вполне вероятно действие такого фактора, как человеческий. Так, оказавшись в неожиданной для себя ситуации, не зная, как поступить, сотрудник может растеряться, совершить ошибку или замешкаться, в результате чего могут наступить самые нежелательные последствия, которые могут стоить жизни гражданам, а то и самому сотруднику. Для снижения риска возникновения нежелательных последствий в обучении применяются методы алгоритмизации действий сотрудника полиции в различных ситуациях.

Со временем, приобретя достаточно опыта, сотрудник сможет легко ориентироваться в различных служебных ситуациях, повышая эффективность службы. Но до того времени сотрудник должен четко понимать, как поступать в той или иной ситуации. Осознание, что в критической ситуации он будет знать, как поступить, не позволит ему растеряться и сохранить уверенность в правильности своих действий. Это особенно важно при оказании первой помощи пострадавшим или при задержании преступников. В связи с тем, что обучение проходит в рамках закона, сотрудник будет осознавать свою защищенность с юридической стороны, что позволит ему не думать о том, как его действия будут трактовать юристы.

Помимо уверенности в своих силах и юридической защищенности алгоритмизация выполнения той или иной задачи помогает достичь слаженности действий всего наряда, так как каждый сотрудник осознает, какие действия будет предпринимать его коллега, что ведет к эффективности работы наряда.

Однако, несмотря на положительные стороны такой подготовки, она имеет и недостатки. Например, ситуация, требующая гибкости мышления, приводит к появлению ошибок. Зная алгоритм действий полицейского, преступники используют его недостатки в своих целях. Четкое следование алгоритму в некоторых случаях может привести к потере драгоценного времени и в результате к невыполнению задач.

Во избежание подобных ситуаций с полицейскими проводят занятия, на которых подробно разбирают нестандартные ситуации, при рассмотрении которых сотрудники учатся не только запоминать алгоритм действий, но и вникать в отдельные его модули, чтобы иметь возможность применять полученный опыт и в других нестандартных ситуациях. Также полицейские изучают нестандартные методы взаимодействия с гражданами, рассматривая случаи, когда обычные меры выявления нарушителей могут привести к росту напряженности и последствиям, тем самым усугубив и так непростую оперативную обстановку. Кроме этого, постоянно меняется и корректируется нормативная правовая база, регламентирующая деятельность, в связи с этим каждый сотрудник должен быть лично заинтересован в своем профессиональном развитии и осознавать персональную ответственность.

Таким образом, системный подход и прорабатывание действий позволяют снизить риск проявления недостаточной компетентности сотрудников в ситуациях, возникающих в служебной деятельности.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: ред. от 31.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ: ред. от 05.02.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 22.11.2012 № 1377: ред. от 22.12.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России: приказ МВД России от 28.06.2021 № 495.
6. Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 02.02.2024 № 44. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 01.02.2018 № 50: ред. от 27.05.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Материалы внутриведомственного круглого стола «Проблемы деятельности полиции в современных условиях (28 октября 2025 года)

УДК 004.9

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

***Е. Ш. Абитова**, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья направлена на изучение роли и значения информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, выявляет актуальные проблемы и предлагает возможные пути их решения. Анализируются ключевые направления использования информационных технологий, включая компьютерные системы, программное обеспечение, базы данных и средства коммуникации, применяемые в рамках выполнения служебных обязанностей сотрудниками органов внутренних дел. Особое внимание уделено вопросам правового регулирования и организационному аспекту внедрения инновационных технологий в практическую деятельность органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: информационные технологии, кибербезопасность, охрана общественного порядка, обеспечение

общественной безопасности, цифровизация, искусственный интеллект, информационные технологи в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

APPLICATION OF INFORMATION TECHNOLOGY IN THE ACTIVITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION POLICE IN THE PROTECTION OF PUBLIC ORDER AND PUBLIC SAFETY

***E. Sh. Abitova**, senior lecturer at the Department of Special Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This scientific article aims to study the role and significance of information technologies in the activities of the Russian Interior Ministry, identify current problems, and propose possible solutions. The article analyzes the key areas of use for information technologies, including computer systems, software, databases, and communication tools, which are employed by the Russian Interior Ministry's officers in their daily work. Special attention is given to the legal regulation and organizational aspects of implementing innovative technologies in the practical activities of the Russian Interior Ministry.

Keywords: information technologies, cybersecurity, public order protection, public safety, digitalization, artificial intelligence, information technologies in the activities of the Russian Interior Ministry.

Исторически сложилось так, что сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ) всегда использовали доступные им технические средства для повышения эффективности своей работы. Однако с началом массового распространения персональных компьютеров и интернет-технологий возникла возможность существенно расширить спектр доступных инструментов и методов работы. Появилась возможность создания централизованных баз данных, позволяющих хранить и обрабатывать огромные массивы информации, осуществлять поиск и сопоставлять данные в реальном времени. Это привело к тому, что информационные технологии начали играть всё более значительную роль в деятельности ОВД РФ.

К некоторым причинам применения информационных технологий на сегодняшний день можно отнести следующие.

1. Необходимость быстрого обмена данными. В условиях динамично развивающегося общества информация часто обновляется настолько быстро,

что традиционные способы ее фиксации и передачи оказываются неэффективными. Только благодаря современным средствам коммуникаций возможно быстрое распространение актуальной информации среди сотрудников ОВД.

Например, использование специализированных мобильных приложений и облачных сервисов позволяет мгновенно передавать сведения о происшествиях и оперативно получать инструкции от руководства.

2. Хранение и эффективное использование ориентирующей и доказательственной информации. Необходимо достоверно и быстро исследовать и применять доказательства.

3. Существенная экономия времени сотрудников ОВД [8, с. 191].

Что касается ключевых направлений использования информационных технологий в деятельности ОВД РФ, то к ним можно отнести следующие.

1. Автоматизированные информационные системы. Одним из важнейших элементов инфраструктуры информационных технологий в ОВД РФ являются автоматизированные информационные системы (АИС). Они представляют собой совокупность аппаратных и программных средств, обеспечивающих сбор, накопление, обработку и предоставление необходимой информации сотрудникам ОВД [6].

Некоторые примеры автоматизированных информационных систем, используемых в ОВД:

– «ГРОВД». Система создана для информационного обеспечения оперативно-розыскной и управленческой деятельности городских и районных ОВД. Включает учет лиц, преступлений, похищенных вещей, административную картотеку, учет оружия, нераскрытые преступления, учет заявлений и сообщений;

– «Опознание». Обеспечивает централизованный сбор информации о лицах, пропавших без вести, неопознанных трупах, неизвестных больных и детях;

– «Автопоиск». Содержит информацию обо всех угнанных, задержанных, похищенных и бесхозных автотранспортных средствах;

– «Вещь». Информирует пользователя о похищенных и изъятых номерных вещах, а также документах, ценных бумагах общего государственного обращения в связи с совершенными преступлениями и т. д. [7, с. 60].

2. Программное обеспечение и специализированное оборудование. Для успешного выполнения своих функций сотрудники ОВД используют широкий спектр программного обеспечения и оборудования. Сюда входят специальные приложения для смартфонов и планшетов, позволяющие вести учет правонарушений, составлять протоколы и отправлять запросы в центральные базы данных прямо с места происшествия. Также применяются комплексы видеоаналитики,

способные автоматически идентифицировать лица и транспортные средства, отслеживать подозрительную активность и сообщать о нарушениях в режиме реального времени.

3. Базы данных и хранилища информации. Создание крупных централизованных баз данных позволяет накапливать и систематизировать огромный объем информации, касающейся различных аспектов деятельности ОВД. Наиболее важными являются базы данных, содержащие информацию о зарегистрированных преступлениях, правонарушителях, украденном имуществе и автомобилях, а также сведения о владельцах оружия и специальных средствах. Особое место занимают международные базы данных Интерпола, которые дают возможность оперативно взаимодействовать с зарубежными коллегами и проводить совместные мероприятия по задержанию преступников и возвращению имущества.

4. Телекоммуникационные системы и каналы связи. Телекоммуникационные системы обеспечивают связь между подразделениями ОВД, передачу голосовых и текстовых сообщений, а также передачу изображений и видеозаписей. Широко используется спутниковая связь, радиосвязь и мобильная телефония. Особенно важное значение имеют защищенные каналы связи, гарантирующие сохранность передаваемой информации и невозможность несанкционированного доступа третьих лиц.

5. Биометрия и идентификация личности. Биометрические технологии позволяют точно устанавливать личность человека, путем сравнения отпечатков пальцев, радужной оболочки глаза, голоса и других уникальных характеристик. Подобные системы широко применяются в аэропортах, вокзалах и пунктах пограничного контроля, а также при проверке документов у водителей и пешеходов.

6. Искусственный интеллект и аналитика данных. Современные системы искусственного интеллекта (ИИ) способны анализировать большие объемы данных, выявлять закономерности и делать прогнозы относительно возможного совершения преступлений. На основании полученных выводов принимаются меры по усилению профилактических мероприятий и проведению дополнительных проверок.

Несмотря на очевидные преимущества, широкое внедрение информационных технологий сталкивается со следующим рядом трудностей и ограничений.

1. Недостаточная подготовка персонала: многие сотрудники ОВД не обладают необходимыми навыками работы с современными техническими устройствами и программным обеспечением. Требуется регулярное обучение и переподготовка кадров.

2. Проблемы с интеграцией систем: часто возникают сложности с объединением разнородных информационных систем, разработанных разными производителями и работающих на различных платформах.

3. Высокая стоимость технического оснащения: постоянное обновление парка техники и программного обеспечения требует значительных финансовых вложений, что создает определенную нагрузку на бюджет.

4. Угрозы кибербезопасности: в настоящее время наблюдается возрастание рисков несанкционированного доступа к информационным системам и утечки конфиденциальных данных.

5. Юридические препятствия: некоторые организационные процедуры, связанные с необходимостью личного присутствия сотрудника или предъявления физических документов, создают сложности для реализации дистанционной работы и ограничивают возможности использования электронного документооборота.

Для повышения эффективности использования информационных технологий в ОВД РФ необходимо реализовать комплекс следующих мер.

1. Реализация программы непрерывного профессионального развития: проведение семинаров, тренингов и курсов повышения квалификации позволит сотрудникам овладеть необходимыми навыками работы с современными информационными технологиями.

2. Введение стандартов для информационных систем: унификация требований к техническим характеристикам и интерфейсу программных продуктов упростит интеграцию различных систем, снизит затраты на сопровождение и техническую поддержку.

3. Модернизация материально-технической базы: регулярное обновление оборудования и программного обеспечения обеспечит соответствие современным требованиям и повысит производительность труда сотрудников.

4. Усовершенствование системы кибербезопасности: совершенствование механизмов защиты информации, введение строгого режима доступа к данным и регулярный мониторинг состояния информационной безопасности помогут предотвратить утечку конфиденциальных сведений.

5. Адаптация правового регулирования: внесение изменений в законодательство, регулирующее порядок использования информационных технологий в деятельности ОВД РФ, позволит устранить юридические барьеры и повысить эффективность работы сотрудников.

Несмотря на наличие некоторых препятствий и ограничений, дальнейшее развитие данного направления представляется необходимым условием успешной работы сотрудников полиции в современных условиях.

Необходимо продолжать развивать инфраструктуру информационных технологий, улучшать подготовку кадров и укреплять механизмы защиты информации. Только таким образом можно добиться устойчивого прогресса в обеспечении безопасности граждан и поддержания правопорядка.

Список источников

1. О безопасности: федер. закон Рос. Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 7 декабря 2010 г.; одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 15 декабря 2010 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ; принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 8 июля 2006 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 14 июля 2006 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об электронной подписи: федер. закон Рос. Федерации от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ; принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 25 марта 2011 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 30 марта 2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Рос. Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
5. Об утверждении Наставления по организации информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 20 декабря 2016 г. № 860. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Автоматизированные информационные системы Министерства внутренних дел России // Автоматизированные системы специального назначения: системы фотовидеофиксации административных правонарушений: учеб. пособие. Воронеж: Воронеж. ин-т МВД России, 2015. С. 6–55.
7. Масалева М. В. Информационные системы правового обеспечения поддержки управления безопасностью: учеб. пособие. Тюмень: Гос. аграр. ун-т Северного Зауралья, 2023. 190 с.
8. Куриленко Ю. А. Компьютерные технологии как средство повышения эффективности организации правоохранительной деятельности: применительно к деятельности ОВД по расследованию преступлений: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 208 с.

УДК 623.44

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ АК-47 КАК СРЕДСТВА ВООРУЖЕНИЯ ДЛЯ БОРЬБЫ В СОВРЕМЕННЫХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

***А. П. Агаркова**, курсант факультета подготовки сотрудников для следственных подразделений Санкт-Петербургского университета МВД России;*

***А. А. Попов**, начальник кафедры огневой подготовки Санкт-Петербургского университета МВД России*

В статье анализируется развитие автомата Калашникова. Автор обращает внимание на развитие автомата Калашникова как средства вооружения для борьбы в современных военных конфликтах. В том числе затрагивается вопрос результатов модернизации и необходимости повторной разработки новой версии автомата Калашникова в сравнении с АК-12.

Ключевые слова: вооружение, техническая оснащенность, модернизация, автомат.

ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF THE AK-47 AS A MEANS OF WEAPONS FOR FIGHTING IN MODERN MILITARY CONFLICTS

***P. Agarkova**, cadet of the Faculty of Training for Investigative Units of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;*

***A. Popov**, head of the Fire Training Department at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

The article analyzes the development of the Kalashnikov assault rifle. The author draws attention to the development of the Kalashnikov assault rifle as a means of armament for fighting in modern military conflicts. In particular, the article discusses the results of modernization and the need to re-develop a new version of the Kalashnikov assault rifle in comparison with the AK-12.

Keywords: armament, technical equipment, modernization, assault rifle.

Целью данного исследования является анализ развития оружия – автомата Калашникова (далее – АК) и его технической оснащенности и уровень эффективности использования в современных военных конфликтах. Исходя из этого следует, что актуальность данной темы связана с обстановкой на международной арене, а также регулярным развитием технологий в различных сферах, в том числе в сфере вооружения.

Развитие новых технологий, таких как искусственный интеллект и роботизированные системы, открывает перспективы для создания инновационных видов вооружений, способных автономно выполнять сложные задачи в условиях современного боя. Это требует от военно-технической сферы постоянного совершенствования и адаптации к меняющимся угрозам.

Укрепление военно-технического потенциала и поддержание высокого боевого духа армии – это взаимосвязанные и необходимые условия для обеспечения национальной безопасности и сдерживания потенциальных агрессоров. Только комплексный подход, сочетающий передовые технологии и сильный человеческий фактор, позволит гарантировать мир и стабильность в современном мире.

При изучении векторов эволюции вооружения и оснащения Российской армии, а также вопросов применения и степени результативности в текущих вооруженных столкновениях, мы сочли важным уделить особое внимание истории автомата Калашникова и его последней модификации – АК-12.

Для более подробного изучения вопроса мы обратились к истории создания данного оружия. Автомат Калашникова, широко известный как АК, является одним из самых узнаваемых и широко используемых автоматов в мире. Автомат был сконструирован Михаилом Калашниковым и поступил на вооружение в 1949 г. [2]. Стремление разработчиков найти баланс между простотой и эффективным ведением боя оказали значительное влияние на инженерное и военное дело XX в. АК заслужил свою популярность благодаря прочной конструкции и способностью работы в самых неблагоприятных условиях.

Однако, учитывая развитие технологий и необходимость развития вооружения в Вооруженных силах Российской Федерации, АК решили модернизировать.

Так, в 1974 г. на смену предшественнику пришел АК-74, ознаменовавший новый этап развития. Главным нововведением этого автомата стало применение патрона 5,45х39 мм. Использование пули меньшего калибра позволило снизить отдачу, а также повысить настильность траектории и увеличить дальность эффективного огня. Это положительно сказалось на точности, особенно при ведении огня очередями. АК-74 был оборудован двухкамерным дульным устройством, сочетающим в себе функции тормоза, компенсатора и пламегасителя. Данное устройство дополнительно минимизирует отдачу и способствует повышению кучности и точности стрельбы.

Несмотря на свою безотказность в работе, кучность и невысокую стоимость АК-74 имеет ряд недостатков:

– дальность эффективного огня – работа на больших дистанциях может вызвать трудности;

– масса и размеры – снижают уровень мобильности.

Однако наличие существенных недостатков не мешает использовать АК-74 на вооружении. Но все же в связи с развитием технологий и закономерным развитием вооружения, возникла необходимость разработки АК-12.

В 2011 г. стартовала масштабная работа по созданию АК-12. Ключевой задачей стало увеличение точности стрельбы за счет внедрения диоптрического прицела, а также обеспечения совместимости с широким кругом оптических и электронно-оптических устройств, что существенно расширяло функционал стрелка.

Кроме того, при проектировании АК-12 особое внимание уделили улучшению эргономики. Это было достигнуто благодаря регулируемому прикладу, эргономичной рукоятке управления огнем, переработанному предохранителю-переводчику, а также новому универсальному ремню для транспортировки оружия [3]. Представленное оружие разработано для нейтрализации пехоты и легкобронированных целей врага. Ключевое отличие от автомата Калашникова образца 1974 г. заключается в наличии опции установки 40-мм гранатомета под стволом, например, модели ГП-34. Это превращает его в универсальный стрелково-гранатометный комплекс, существенно увеличивая его огневую мощь [1]. Материал, из которого изготовлен АК-12, – ударопрочная пластмасса имеет существенное преимущество в виде снижения общей массы данного оружия. Кроме того, модернизированный предохранитель позволяет защитить ствольную коробку от грязи, так как когда переводчик огня включен, то он блокирует затворную раму и спусковой крючок. Помимо этого, если предохранитель включен, то получить повреждение при ударе затылком приклада об твердую поверхность невозможно, так как перемещение затворной рамы назад ограничено [4]. Несмотря на свою модернизацию, АК-12 позволяет использование как нового магазина с прозрачными вставками для контроля патронов, так и магазинов от АК-74.

Однако, как и любая техника, АК-12 имеет и ряд отрицательных характеристик. В своем анализе мы опирались на мнение практиков. Таким образом было отмечено, что модернизированная версия АК-74 не терпит долгого использования и требует тщательного ухода после использования 3–4 магазинов. Помимо этого, реализация нового решения с целиком и мушкой не нашла своего отклика.

И даже такое существенное преимущество в виде возможности использования большого спектра оптических приспособлений было оспорено мнением специалистов. Ведь, при использовании АК-74 существует такая возможность, которая реализуется по средствам замены крышки ствольной коробки или же установки бокового кронштейна (рис. 1) с планками Вивера (рис. 2).

Рис. 1. Планка Вивера

Рис. 2. Кронштейн с планкой Вивера

Однако, несмотря на это, в версии АК-12 планки Вивера сделали встроенными в корпус (рис. 3), что по сути своей облегчило дело стрелка, ведь теперь не нужно тратить время на установку кронштейна. Однако в случае отсутствия необходимости использования оптических приспособлений возможность снятия данных планок исключена, что негативно сказывается на уровне загрязнения АК-12. Так как планки Вивера имеют ступенчатое строение, это доставляет трудности при чистке оружия.

Рис. 3. Планки Вивера на АК-12

Подводя итог рассматриваемой нами темы, хотелось бы сказать о том, что АК-12 имеет как ряд существенных достоинств, так и недостатков, что требует последующей модернизации. Кроме того, считаем необходимым рассмотреть вопрос о поставке данного оружия в образовательные организации МВД России для работы с ним в рамках учебной дисциплины «Огневая подготовка».

Список источников

1. Автомат Калашникова АК-12 // Группа компаний «Калашников». URL: https://kalashnikovgroup.ru/catalog/boevoe-strelkovoe-oruzhie/avtomaty/avtomat-kalashnikova-ak-12 (дата обращения: 02.11.2024).
2. Матвиенко И. В., Калинина Е. Н., Иванова Д. Д. Мифы об автомате Калашникова // StudNet. 2021. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mify-ob-avtomate-kalashnikova (дата обращения: 13.04.2025).
3. Селиванов В. В., Ильин Ю. Д. Тенденции развития средств вооруженной борьбы в современных военных конфликтах, их влияние на развитие и смену поколений вооружения, военной и специальной техники // Военная мысль. 2022. № 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-sredstv-vooruzhennoy-borby-v-sovremennyh-voennyh-konfliktah-ih-vliyanie-na-razvitie-i-smenu-pokoleniy (дата обращения: 02.12.2024).
4. 5,45-мм автомат Калашникова АК-12 // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/5–45-mm-avtomat-kalashnikova-ak-12-f23f59 (дата обращения: 02.11.2024).

УДК 623.44

ПРОБЛЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОГРАНИЧЕНИЯ НА МОДИФИКАЦИЮ ТАБЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

***Е. В. Богданов**, курсант факультета подготовки сотрудников для оперативных подразделений Санкт-Петербургского университета МВД России;*

***А. И. Чиновников**, старший преподаватель кафедры огневой подготовки Санкт-Петербургского университета МВД России*

В статье анализируется правовой статус модификации табельного служебного оружия сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, включая сотрудников полиции на новых территориях (ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области). Рассматривается действующее законодательство – в частности, Федеральный закон «Об оружии», Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и приказ МВД России № 403 от 2022 г., – и из чего следует, что прямо запрещено, а что не урегулировано нормативно. Упоминается, что любые изменения комплектации табельного оружия требуют согласования с руководством и не могут осуществляться сотрудником самостоятельно. В условиях пробела в праве предлагается разработать ведомственную инструкцию, четко определяющую допустимые виды модификаций.

Ключевые слова: табельное оружие, модификация оружия, служебное оружие, законодательство об оружии, правовой пробел.

THE PROBLEM OF LEGISLATIVE RESTRICTIONS ON THE MODIFICATION OF SERVICE WEAPONS

***E. V. Bogdanov**, a cadet at the Faculty of Staff Training for Operational Units of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;*

***A. I. Chinovnikov**, senior lecturer, Department of Firearms Training, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

The article analyzes the legal status of modification of service weapons by employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation, including police officers in the new territories (DPR, LPR, Kherson

and Zaporizhia regions). The current legislation is being considered – in particular, the Federal Law «On Weapons», the Administrative Code of the Russian Federation and the Order of the Ministry of Internal Affairs No. 403 of 2022 – and from what follows, what is explicitly prohibited and what is not regulated by law. It is mentioned that any changes to the equipment of service weapons require coordination with the management and cannot be carried out by the employee independently. Given the legal gap, it is proposed to develop departmental instructions that clearly define the permissible types of modifications.

Keywords: service weapons, modification of weapons, service weapons, legislation on weapons, legal gap.

С самого начала специальной военной операции (далее – СВО) ходят слухи о применении сотрудниками на новых территориях модификаций к своему табельному оружию. Правда ли сотрудники полиции в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях Российской Федерации модифицируют свое табельное оружие? А существует ли законная возможность в России «улучшить» свое табельное оружие различными «обвесами»? И если такие модификации существуют, насколько они законны?

Исследуя этот вопрос, коснемся нормативных актов конкретно полиции (МВД России), не касаясь практики модификаций табельного оружия у Росгвардии, СК или военных. Рассмотрено это явление будет во временных рамках с начала СВО для того, чтобы объективно видеть ситуацию, и по наши дни, вплоть до 2025 г. Это важно, чтобы знать, законно ли это явление, а если законно на новых территориях, применимо ли по всей России. Предметом интереса будут вообще все виды модификации оружия: прицелы, удлиненные магазины, тактические рукоятки, глушители и т. п. Для ответа на вопрос будут поставлены следующие задачи: изучить, насколько распространена такая практика, законна ли, или же может поддерживаться лишь местным командованием.

Согласно российскому законодательству, служебное оружие нельзя произвольно «дорабатывать» или оснащать определенными внештатными приспособлениями. Есть четкий запрет: глушители и прицелы ночного видения – под запретом. Федеральный закон «Об оружии» прямо говорит: «запрещается установка на любое оружие (в том числе и служебное) устройств для бесшумной стрельбы и ночных прицелов» [2]. То же самое повторяет статья 20.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ): «установка на гражданском или служебном оружии приспособлений для бесшумной стрельбы и прицелов ночного видения» запрещена. Единственное исключение – «специальные охотничьи прицелы» [1]. Еще один документ – приказ МВД России от 7 июня 2022 г. № 403 – добавляет: оружие не должно «иметь в своей

конструкции приспособлений для бесшумной стрельбы, наличие магазинов (барабанов), позволяющих без необратимых изменений увеличить их вместимость более 10 патронов, иметь в конструкции совокупности механизмов и деталей, обеспечивающих ведение огня очередями» [3]. Эти нормы действуют на всей территории Российской Федерации, включая вновь присоединенные территории.

Что касается других изменений, п. 15 ст. 6 ФЗ «Об оружии» запрещает любую переделку оружия. А что это значит – разъясняет закон от 28 июня 2021 г. № 231-ФЗ: «Переделка оружия – замена или изменение формы и (или) размеров основных частей огнестрельного оружия либо деталей ударного и спускового механизмов оружия, замена или изменение частей списанного оружия, пневматического оружия, сигнального оружия, газового оружия или метательного стрелкового оружия, которые повлекли изменение технических характеристик оружия, учитываемых при сертификации оружия (обязательном подтверждении соответствия), уничтожение или изменение маркировочных обозначений, номера и (или) клейма оружия». А к основным частям по ст. 1 того же закона относятся: «ствол, затвор, барабан, рамка, ствольная коробка» [2]. Это всё означает, что в России запрещены модификации, которые приводят к изменению основных технических характеристик, учитываемых при сертификации. В связи с этим для улучшения эргономики и иных эксплуатационных свойств оружия производят замену приклада, цевья, рукоятки и установку навесного оборудования (фонаря, дульного тормоза-компенсатора и т. д.). Такие детали не входят в список основных, не влияют на сертификацию и формально не считаются «переделкой». На рынке представлен широкий выбор сертифицированных моделей, которые свободно продаются в том числе в российских онлайн-магазинах. Эти детали не относятся к основным частям оружия (ствол, затвор, рамка), и, как правило, не влияют на его сертификационные характеристики, не затрагиваются понятием «переделка» и не нарушают требований приказа МВД России № 403, поэтому они «условно разрешены» законодательством РФ, пока не нарушают закон, ведь что не запрещено – то разрешено. В законе их установка прямо не урегулирована, но поскольку служебное оружие является табельным имуществом, любая его комплектация требует согласования с руководством. Например, замена штатной рукоятки пистолета Макарова на эргономическую модель, которая, к тому же, приводит к нештатной работе магазина (например, его самопроизвольному сбросу), формально не является «переделкой». А вот удлинение ствола, переделка магазина и т. д. уже нарушают закон, ведь изменения касаются основных частей оружия.

Любые изменения в конструкции (например, сверление ствола, замена приклада) считаются модификацией оружия. Официального разрешения нормативными актами на ношение модификаций нет. По реальной практике обращения с табельным оружием, такие модификации санкционируются вышестоящим руководством. Так и делают на новых территориях России. Позже все «обвесы» снимаются, оружию возвращается первоначальный вид.

Такая практика упрощена на территориях, непосредственно близких к СВО, но в остальной части России, как правило, встречается лишь в спецподразделениях. Любые изменения в конструкции или комплектации служебного оружия могут рассматриваться как его модификация. Без разрешения такие изменения могут быть расценены руководством как нарушение. Даже если установка указанных аксессуаров не изменяет основные характеристики оружия, она может быть воспринята как отклонение от стандартной комплектации. Иными словами, закон не даёт четкого ответа на вопрос: может ли сотрудник самостоятельно установить, скажем, фонарь на табельный пистолет. Но на новых территориях или в спецподразделениях такая практика иногда применяется – при условии одобрения командира.

Подведем итог. Установка глушителей и прицелов ночного видения на служебное оружие прямо запрещена федеральным законом. Установка внешнего оборудования (фонарей, тактических рукояток и т. п.) не квалифицируется как «переделка», но и не предусмотрена законом как свободно допустимая. Такие действия возможны только при согласовании с руководством. На новых территориях под контролем РФ действуют те же правила, но официальных исключений или особых норм не введено.

Следовательно, хотя отдельные случаи неофициальной «доводки» оружия в зоне СВО действительно имеют место, они не урегулированы действующими нормами. Сотрудники МВД России – включая полицейских в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях – не получали конкретных разрешений на установку сменных прицелов или иных «обвесов» на табельное оружие.

Сложившаяся правовая неопределенность требует устранения. Наиболее разумным шагом было бы принятие ведомственной инструкции, которая четко определяла бы допустимые виды модификаций. Пока же действующее законодательство не дает однозначного ответа на этот вопрос.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 23.07.2025. Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об оружии: федер. закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ: ред. от 31.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об утверждении Криминалистических требований к техническим характеристикам гражданского и служебного оружия, а также патронов к нему: приказ МВД России от 07.06.2022 № 403: ред. от 21.01.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Тюнинг оружия в зоне СВО: как и зачем бойцы его совершенствуют // Lenta.ru: [сайт]. Раздел «Наука и техника: Оружие». URL: https://lenta.ru/articles/2023/11/17/ak_tuning (дата обращения: 05.09.2025).

УДК 341.45

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В БОРЬБЕ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

***Н. А. Бувака**, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена анализу международного взаимодействия в борьбе с транснациональной преступностью и его особой значимости для Российской Федерации в контексте стратегической, правовой, экономической и социальной безопасности. В работе детально рассматриваются основные формы международного взаимодействия. Особое внимание уделено выявлению ключевых барьеров, препятствующих эффективному сотрудничеству. Предлагаются стратегические направления повышения эффективности международного взаимодействия. Автор делает вывод, что только комплексный, многоуровневый и доверительный подход, основанный на солидарности и уважении суверенитета, способен обеспечить устойчивое противодействие транснациональной преступности в условиях современных глобальных вызовов.

Ключевые слова: транснациональная преступность, международное взаимодействие, глобальная безопасность, гибридные преступные схемы, глобализация преступного бизнеса, стратегическая безопасность

PROBLEMS OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIGHT AGAINST TRANSNATIONAL CRIME

***N. A. Buvaka**, associate professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article is devoted to an analysis of international cooperation in combating transnational crime and its particular significance for the Russian Federation in the context of strategic, legal, economic, and social security. The study provides a detailed examination of the main forms of international cooperation. Special attention is given to identifying key barriers that hinder effective collaboration. In conclusion, the author proposes strategic directions for enhancing the effectiveness of international cooperation. The author concludes that only a comprehensive,

multi-level, and trust-based approach grounded in solidarity and respect for sovereignty can ensure sustainable resistance to transnational crime amid contemporary global challenges.

Keywords: transnational crime, international cooperation, global security, hybrid criminal schemes, globalization of criminal enterprises, strategic security

Международное взаимодействие в борьбе с транснациональной преступностью имеет особое значение для России по ряду стратегических, правовых, экономических и социальных причин. Это не просто инструмент правопорядка, а ключевой элемент обеспечения безопасности, устойчивого развития и международной интеграции. В условиях развития гибридных преступных схем и глобализации преступного бизнеса такое сотрудничество становится всё более необходимым и актуальным.

Транснациональная преступность – одна из самых серьезных угроз глобальной безопасности в XXI в. Она охватывает такие сферы, как незаконный оборот наркотиков, торговля людьми, контрабанда оружия, киберпреступность, отмывание денег, коррупция, террористическое финансирование и организованная преступность. Как подчеркивает В. А. Волков, транснациональная преступность представляет собой не только юридическую, но и глубоко социальную проблему, связанную с насилием, дестабилизацией обществ и подрывом основ безопасности [7].

Современное состояние международного взаимодействия в борьбе с этими угрозами характеризуется многоуровневым подходом, включающим глобальные, региональные и двусторонние механизмы сотрудничества. Международное взаимодействие в борьбе с транснациональной преступностью представляет собой комплекс мер, направленных на координацию усилий государств, международных организаций и правоохранительных органов для предотвращения, расследования и пресечения преступлений, имеющих трансграничный характер [6]. Оно происходит в следующих основных формах.

1. Международно-правовая база. Ключевым документом является Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (Нью-Йорк, 2000) [2] и связанные с ней протоколы: протокол, касающийся незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху [3]; протокол, касающийся предупреждения и пресечения торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и защиты жертв такой торговли [4]; протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему [5]. Также важны Конвенция ООН против коррупции (2003) [1], международные договоры о борьбе с терроризмом и другие двусторонние и многосторонние соглашения о взаимной правовой помощи, экстрадиции и передаче осужденных.

2. Сотрудничество правоохранительных органов. Интерпол (Международная организация уголовной полиции) не имеет полномочий арестовывать или проводить расследования на территории других стран. Он обеспечивает обмен информацией, координацию операций, выдачу «цветных уведомлений» (например, красное уведомление – запрос о розыске и возможном аресте лица с целью экстрадиции; синее уведомление – сбор информации о местонахождении лица; зеленое уведомление – предупреждение об опасных преступниках и т. д.) и техническую поддержку. С 2022 г. Россия ограничена в участии в некоторых инициативах Интерпола из-за политического давления: например, не может выдвигать кандидатов в руководящие органы, а ее запросы Red Notice проверяются с повышенной строгостью. Однако оперативно-розыскное сотрудничество по таким темам, как терроризм и наркотрафик, продолжается, поскольку эти преступления считаются «аполитичными» даже в условиях санкций [11]. Европол (Европейское агентство по правопорядку), созданное для усиления сотрудничества между правоохранительными органами стран Европейского союза в борьбе с транснациональной преступностью и терроризмом – аналогичная структура в рамках Европейского союза.

3. Финансовое сотрудничество и борьба с отмыванием денег. Финансовая группа по борьбе с отмыванием денег (FATF – Financial Action Task Force) – разрабатывает и продвигает международные стандарты по борьбе с отмыванием денег (AML – Anti-Money Laundering), финансированием терроризма (CFT – Countering the Financing of Terrorism) и финансированием распространения оружия массового уничтожения. Немаловажно сотрудничество между финансовыми разведками (например, через Эгмонтскую группу – международное объединение национальных подразделений финансовой разведки, созданное для борьбы с отмыванием денег, финансированием терроризма и другими финансовыми преступлениями).

4. Информационный обмен и технологии. Современные угрозы, особенно киберпреступность, требуют обмена данными в реальном времени, использования общих баз данных, стандартизации цифровых доказательств и совместных киберучений [9].

5. Роль международных организаций. ООН – через Управление по наркотикам и преступности (UNODC) координирует глобальные усилия. ЕС, ОБСЕ, АСЕАН, Африканский союз и др. – реализуют региональные инициативы и программы по укреплению потенциала. Всемирный банк и региональные банки развития – поддерживают институциональные реформы и борьбу с коррупцией.

6. Совместные операции и миссии. Например, в результате операции «ТрансЕвразия» в 2024 г. с участием России, стран Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан), Интерпола, Европола (косвенно) по пресечению поставок героина и синтетических наркотиков (включая метамфетамины и фентанилы) из Афганистана через страны Центральной Азии в Россию и Европу

арестовано более 120 подозреваемых; конфисковано свыше 12 тонн наркотиков; задействованы механизмы Интерпола для обмена данными в реальном времени и координации задержаний.

Анализируя современные проблемы международного взаимодействия в борьбе с транснациональной преступностью, можно выделить наиболее существенные.

Основой являются различия в национальных законодательствах (например, разное определение преступлений, отсутствие экстрадиции, отсутствие универсального определения транснациональной преступности). Страны имеют разные правовые традиции (романо-германская, англосаксонская, мусульманская и др.), что затрудняет унификацию подходов к квалификации преступлений, сбору доказательств и выдаче подозреваемых. Кроме того, некоторые действия могут быть преступными в одной стране, но не наказуемыми в другой (например, легализация определенных видов деятельности, связанных с наркотиками, азартными играми и т. п.).

Немаловажным препятствием выступают политические и дипломатические барьеры. Выдача (экстрадиция) преступников часто блокируется политическими соображениями, особенно если преступление имеет политический подтекст или если между странами напряженные отношения. Некоторые же государства используют преступников как инструмент давления на другие страны или предоставляют им убежище по геополитическим причинам. Как отмечает О. Н. Шевелев, международное сотрудничество в борьбе с организованной преступностью всё чаще подвергается влиянию геополитической конъюнктуры, что трансформирует правоохранительное взаимодействие в инструмент сдерживания или давления [12].

Затруднением представляется недостаток ресурсов у развивающихся стран. Многие страны с низким и средним уровнем дохода не обладают достаточными ресурсами для борьбы с транснациональной преступностью на равных с более развитыми государствами. Это создает «слабые звенья» в глобальной системе безопасности.

Нельзя не отметить сложности в сборе и обмене доказательствами –правила допустимости доказательств, защиты данных и прав подозреваемых различаются между юрисдикциями, а международные запросы на правовую помощь часто обрабатываются медленно, бюрократически и не всегда успешно.

Критическое значение приобрело использование современных технологий преступниками. Транснациональные преступные группировки активно используют цифровые технологии (криптовалюты, даркнет, шифрование) для сокрытия своей деятельности [9]. Правоохранительные органы многих стран не успевают адаптироваться к этим вызовам из-за нехватки технических ресурсов и квалифицированного персонала.

Определенным препятствием становится отсутствие единых стандартов финансового контроля. Различия в системах противодействия отмыванию денег (AML) и финансированию терроризма (CFT) позволяют преступникам перемещать капиталы через юрисдикции с более слабыми правилами. Налоговые гавани и офшорные зоны создают дополнительные барьеры для отслеживания незаконных финансовых потоков.

Можно также отметить еще ряд довольно значимых проблем:

– проблемы с защитой прав человека при международном сотрудничестве (например, риск возвращения лиц в государства, где существует угроза применения пыток);

– коррупция и соучастие государственных структур. В ряде стран коррумпированные чиновники и правоохранители могут быть вовлечены в преступные схемы или сознательно препятствовать международному сотрудничеству. Это особенно характерно для стран с низким уровнем верховенства закона и слабыми институтами;

– языковые и культурные различия. Недопонимание, ошибки в переводе и различия в профессиональной этике могут мешать оперативному взаимодействию между правоохранительными органами разных стран.

Эффективными направлениями устранения обозначенных проблем представляются:

– укрепление правовой базы международного сотрудничества, а именно ратификация и имплементация международных конвенций. Важнейшим инструментом является Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности и протоколы к ней. Как подчеркивает А. Г. Звягинцев, эффективность международного сотрудничества в борьбе с преступностью напрямую зависит от степени имплементации международно-правовых норм в национальное законодательство [8];

– гармонизация национальных законодательств. Различия в правовых системах (уголовное право, процедуры экстрадиции, определение преступлений) затрудняют сотрудничество, поэтому необходима согласованная работа по унификации понятий и процедур. Как отмечает А. Я. Сухарев, процесс гармонизации национального законодательства с международными стандартами остается ключевым условием эффективного противодействия транснациональной преступности [10];

– развитие механизмов взаимной правовой помощи, например упрощение процедур экстрадиции и выдачи преступников. Долгие бюрократические процессы, отказы по политическим мотивам или отсутствию двойной квалификации преступления мешают эффективной борьбе, в связи с чем необходимы двусторонние и многосторонние соглашения, сокращающие сроки и устраняющие препятствия;

– создание и развитие национальных центральных органов по правовой помощи и экстрадиции, соответствующих стандартам ООН и Интерпола;

– усиление роли международных организаций (Интерпол, Европол, УНП ООН, FATF и др.). Эти организации играют ключевую роль в координации, обмене информацией и оперативном реагировании. Важно наращивать их ресурсы и полномочия, особенно в сфере киберпреступности и финансового мониторинга;

– создание специализированных международных групп по расследованию (Joint Investigation Teams, JITs), объединяющих следователей и прокуроров разных стран;

– развитие систем обмена информацией и разведывательных данных, создание защищенных международных баз данных для отслеживания перемещений преступников, финансовых потоков, транспорта и товаров.

– стандартизация форматов обмена данными через обеспечение совместимости национальных информационных систем;

– борьба с коррупцией и укрепление институтов правопорядка. Коррупция – главный союзник транснациональной преступности. Международное сотрудничество невозможно без доверия к правоохранительным и судебным органам других стран. В этой связи необходима поддержка антикоррупционных инициатив, включая Конвенцию ООН против коррупции (2003) [1], и создание независимых антикоррупционных органов;

– развитие международного сотрудничества в сфере кибербезопасности путем создания глобальных и региональных центров реагирования на киберугрозы и принятия универсальной конвенции по киберпреступности [9];

– финансовый мониторинг и борьба с отмыванием денег через усиление роли FATF и внедрение ее рекомендаций на национальном уровне, а также международное сотрудничество между финансовыми разведками (FIU) через систему Egmont Group;

– образование, подготовка кадров и наращивание потенциала посредством обучения правоохранителей международному сотрудничеству, включая знание иностранных языков, правовых процедур и методов расследования;

– усиление доверия между государствами. Без взаимного доверия и политической готовности к сотрудничеству даже самые совершенные механизмы окажутся неэффективными. Необходимо преодолевать геополитические разногласия, которые часто блокируют правовое взаимодействие (например, санкции, отсутствие дипломатических отношений).

Таким образом, эффективная борьба с транснациональной преступностью требует не только правовых, но и политических, технологических и ресурсных усилий на глобальном уровне, основанных на принципах солидарности, взаимного доверия и уважения суверенитета. Международное взаимодействие –

не просто желательный, а необходимый элемент в борьбе с транснациональной преступностью. Только через скоординированные усилия, доверие и правовую основу можно эффективно противодействовать организованным преступным группам, которые действуют без учета границ. Эффективная борьба с транснациональной преступностью невозможна без устойчивого, доверительного и правового международного сотрудничества. В условиях глобализации преступные сети становятся всё более сложными и мобильными, что требует адаптации международных механизмов, усиления координации и внедрения инновационных подходов, включая использование больших данных, искусственного интеллекта и международных платформ для реального времени обмена информацией. Современное международное взаимодействие в борьбе с транснациональной преступностью демонстрирует высокий уровень институционализации и правовой урегулированности, но сталкивается с серьезными вызовами, связанными с технологическим прогрессом, геополитикой и ограниченностью ресурсов. Эффективность дальнейшего сотрудничества будет зависеть от готовности государств к компромиссам, модернизации правовых систем и укреплению доверия на международном уровне.

Список источников

1. Конвенция ООН против коррупции: принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН от 31 октября 2003 г. Нью-Йорк: ООН, 2003. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности: принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 ноября 2000 г. Нью-Йорк: ООН, 2000. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Протокол к Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, касающийся незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху: принят 15 ноября 2000 г. Нью-Йорк: ООН, 2000. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Протокол к Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, касающийся предупреждения и пресечения торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и защиты жертв такой торговли: принят 15 ноября 2000 г. Нью-Йорк: ООН, 2000. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: принят 31 мая 2001 г. Нью-Йорк: ООН, 2001. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Богуш Г. И. Международное уголовное право: учеб. М.: Проспект, 2023. 448 с.
7. Волков В. А. Насилие и транснациональная преступность: социология и безопасность. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2021. 280 с.

8. Звягинцев А. Г. Правовые основы международного сотрудничества в борьбе с преступностью // Государство и право. 2023. № 7. С. 45–56.
9. Мельников А. В. Киберпреступность как вызов международной безопасности // Международное право. 2024. № 2. С. 33–44.
10. Сухарев А. Я. Проблемы гармонизации законодательства в сфере борьбы с транснациональной преступностью // Журнал российского права. 2023. № 9. С. 78–89.
11. Ткаченко Ю. А. Роль Интерпола в современной системе международного правосудия // Актуальные проблемы международного права. 2024. № 1. С. 55–67.
12. Шевелёв О. Н. Геополитические аспекты международного сотрудничества в борьбе с организованной преступностью // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. № 3. С. 412–425.

УДК 343.9

ПОВЕДЕНИЕ ПОТЕРЕПЕВШЕГО КАК ФАКТОР СОВЕРШЕНИЯ ПРОТИВОПРАВНОГО ДЕЯНИЯ

***И. Г. Бурдинский**, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***Н. Н. Шевко**, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье авторами рассмотрены некоторые причины виктимного поведения потерпевшего, которые могут спровоцировать правонарушителя к совершению в отношении него противоправных действий, а также проанализированы и предложены некоторые действия со стороны органов государственной власти, которые теоретически, могут поспособствовать к снижению уровня провокации и злоупотребления правом со стороны потерпевшей стороны.

Ключевые слова: преступление, потерпевший, виктимное поведение, провокация, виктимология, противоправное деяние, противоправное поведение.

THE BEHAVIOR OF A PERSON WHO HAS LOST HIS SLEEP AS A FACTOR IN COMMITTING AN ILLEGAL ACT

***I. G. Burdinsky**, senior lecturer of the Department of Special Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***N. N. Shevko**, senior lecturer of the Department of Special Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

In the article, the authors consider some of the causes of victimized behavior of the victim, which can provoke the offender to commit illegal acts against him, and also analyze and propose some actions on the part of public authorities, which, theoretically, can contribute to reducing the level of provocation and abuse of law on the part of the injured party.

Keywords: crime, victim, victim behavior, provocation, victimology, unlawful act, unlawful behavior.

Нередко потерпевшие своими действиями провоцируют злоумышленников на совершение в отношении себя противоправных действий. К самым распространенным из них можно отнести оставление без присмотра или забывание в общественных местах личных вещей, провоцирование других лиц на конфликты и т. п. Поэтому каждая ситуация требует своего всестороннего рассмотрения и объективной оценки поведения потерпевшего.

В каждом конкретном случае совершенного противоправного деяния, будь то преступление или административное правонарушение, в обязательном порядке должностному лицу, проводящему расследование, следует устанавливать роль потерпевшего в данном событии, которое может быть учтено при вынесении решения о назначении вида и размера наказания. В частности, ст. 61 ч. 1 пунктом «з» Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность предусмотрено «противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для совершения преступления». В административном же законодательстве данное обстоятельство прямо не предусмотрено, но оно может вытекать из содержания ст. 4.2 ч. 2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), а именно судья, должностное лицо или орган, которые рассматривают дело об административном правонарушении, могут признать в качестве смягчающего обстоятельства то обстоятельство, которое не содержится в КоАП РФ или в законах субъектов России об административных правонарушениях.

Действия преступника достаточно часто зависят не только от его личных характеристик, включая ряд личных особенностей, наклонностей, предпочтений, стремлений, но и от действий самого потерпевшего, который своим поведением, поступками и высказываниями (аморальными, неосторожными, противоправными и даже провоцирующими), может «зародить» идею совершения преступления для окружающих, создать вокруг себя неблагоприятную обстановку противоправного характера и тем самым облегчить наступление преступного результата в отношении себя самого [5].

Со стороны потенциального потерпевшего провокации довольно часто встречаются, когда они сопряжены с угрозами, насилием и сопутствующими оскорблениями в отношении «будущего» правонарушителя, в том числе в ситуациях, когда «будущие» преступник и потерпевший в предшествии всего происходящего ранее совместно распивали алкогольную продукцию или употребляли сильнодействующие и запрещенные вещества.

При этом следует отметить, что провокация бывает в двух формах: активная и пассивная.

Активная форма провокации, как правило, сводится к тому, что потерпевший, чаще, даже сам того не осознавая, своими же действиями создает опасность

для своего здоровья и жизни, которые он намерен ликвидировать за счет того, что провоцируемое им лицо может ему проигрывать в физической развитости и подготовке, интеллектуальном и умственном развитии, социальном статусе и общественном положении и других характеристиках, и за счет этого не посмеет дать себе возможность ответить на эти действия насилием. Очень часто такие ситуации складываются в группах людей, которые оказываются в равных условиях (еще чаще изолированно от основного общества), но тем не менее разобщенных между собой из-за разной культуры, вероисповедания, национальности, социального статуса и другого. Как пример, можно привести службу в армии или отбывание наказания в местах лишения свободы. Если рассматривать подобные обстоятельства просто в быту, то потерпевшие изначально слишком уверены в отношении оппонентов, в роли которых выступают близкие, родственники или даже члены семьи, что их суждения о традиционных семейных ценностях, традициях, доверии друг к другу, а также страх потерять все это в один момент, смогут удержать провоцируемого им человека от совершения насилия в его сторону.

В качестве активных провокаторов не стоит рассматривать только физических лиц. Юридические лица тоже могут выступать в таком статусе. В качестве примера можно привести торговую деятельность различных небольших магазинов, которые входят в большие торговые сети по продаже алкогольных напитков. Активные действия заключаются в том, что данные организации пренебрегают системами охраны и довольствуются только системой видеонаблюдения, малым количеством сотрудников, и при всем при этом товар находится в легкой доступности для посетителей.

Пассивная форма провокации встречается гораздо реже. Она напрямую связана с невыполнением потерпевшим некого ряда обязательств, возникающих между провокатором и провоцируемым. Примерами пассивной формы провокации могут выступать неуплата долга, измена и другое.

Провокации и в той и в иной форме чаще всего имеют длительный характер и происходят в рамках конфликтных ситуаций. Долговременное неприятное воздействие на психику человека аккумулирует в нем ненависть и может привести к тому, что какой-нибудь мелкий инцидент породит «бурную реакцию».

Возможны случаи и неосознанной провокации, когда «будущий» потерпевший не отдает себе отчета в том, что его неосторожный поступок может вызвать такую реакцию, которая приведет к опасным последствиям. Например, справедливые замечания граждан к хулиганам и дебоширам в общественных местах (парках, во дворах, в общественном транспорте) и т. п. [6].

Также стоит отметить, что жертвы преступлений, не понимая конечных последствий своего поведения в складывающейся вокруг них обстановке,

как правило, не принимают должных мер предосторожности, а напротив всем этим создают благоприятную среду для совершения в отношении них преступлений. Многие жертвы не предвидели, что случайные знакомства в ресторанах, распитие алкоголя со случайными, нередко враждебно относящимися к ним лицами, поддержание связей с опасной средой, откровенность о наличии у них значительных денежных сумм, оставление без присмотра и охраны квартир, гаражей и т. д. могут привести к тяжелым для них, иногда даже трагическим, последствиям. Как пример можно привести случай, который произошел в г. Белореченске по ул. Ленина 15 декабря 2024 г., где случайный знакомый, в ходе совместного распития спиртных напитков, которое продолжилось в квартире потерпевших, убил молодого человека, который является сотрудником полиции, после изнасиловал и убил супругу полицейского, а после, с целью сокрытия следов преступления, поджег квартиру [7].

Также в качестве случаев, когда потерпевший, пренебрегая мерами предосторожности, становился жертвой преступления, можно привести действия серийного убийцы А. Пичушкина, более известного как «Битцевский маньяк». Согласно открытым источникам, последний, в основном, выбирал в качестве жертв людей, ведущих маргинальный образ жизни, злоупотребляющих спиртными напитками [8].

Подводя итог, рассмотрению виктимологической характеристики потерпевших, следует учитывать, что многих жертв удалось бы избежать, если бы они осознано не допускали случайных знакомств с первыми встречными, не распивали бы спиртные напитки со случайными знакомыми, не заводили бы связей с представителями преступной среды, меньше распространяли бы личной конфиденциальной информации в кругу мало известных людей о своем достатке, наличии денежных сумм при себе, ценностей, внимательней относились бы к своему имуществу и личным вещам. Пренебрежение данными факторами можно объяснить сохранением социально полезного поведения.

Какие действия нам, как представителям органов государственной власти, можно предпринять для «воспитания» потерпевших, дабы в отношении них не было совершено противоправных действий:

– постоянная пропаганда социально полезного поведения, предупреждение об угрозах. Данное воздействие на население можно осуществлять через социальную рекламу по телевидение, рекламные щиты и экраны, реклама в кинотеатрах перед началом сеанса;

– также предлагается активная работа системы профилактики в школьных и дошкольных учреждениях, постоянное проведение бесед с воспитанниками детских садов, школьниками и их родителями;

– в вопросе работы с юридическими лицами в сфере торговли, которые пренебрегают защитой реализуемой продукции, предлагается активизировать

деятельность участковых уполномоченных полиции по вынесению соответствующих предписаний по устранению выявленных нарушений в ходе рассмотрения дел об административных правонарушениях по ст. 7.27 КоАП РФ, ст. 158 и 158.1 УК РФ и, в случае не устранения выявленных нарушений, последующее рассмотрение вопроса в рамках ст. 19.6 КоАП РФ «Непринятие мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения». Так, в частности, в ходе изучения судебной практики мировых судов г. Хабаровска за 2024 и 2025 гг., путем поиска решений судов на официальных сайтах соответствующих мировых судей судебных участков, было обнаружено, что сотрудниками полиции протоколы по ст. 19.6 КоАП РФ не составляются. В действительности практика деятельности сотрудников полиции, связанная с охраной общественного порядка и обеспечением общественной безопасности, как в территориальных органах полиции, так и в зоне ответственности транспортных подразделений по тем же направлениям, основывается, в большинстве случаев, на вынесении соответствующего представления в рамках рассмотрения материала КУСП, то есть зарегистрированного в книге учета сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и происшествиях, которая ведется на основании приказа МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях», или в ходе осуществления производства по делу об административном правонарушении, с последующим получением ответа на вынесенное представление от субъекта, в чей адрес было направлено соответствующее представление, в котором содержатся размытые формулировки о принятии информации к сведению и отсутствии фактических действий по устранению ранее выявленных фактов, способствующих совершению противоправных действий.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 25.03.2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 21.04.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 07.04.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Безукладова Л. В. Виктимное поведение личности в социокультурных процессах техногенной цивилизации. Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. 2011. Т. 24. № 2 (63). С. 181–188 // URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=45783419 (дата обращения: 02.05.2025).
6. Дерюга А. Н. Концептуально-прикладные основы развития административной деликтологии: дис. … д-ра юрид. наук. М.: Всерос. науч.-исследоват. ин-т МВД России, 2012 // URL: https://elibrary.ru/item.asp? id=45783419 (дата обращения: 05.05.2025).
7. Кондратьев А. Веселье после караоке: три тела и сгоревшая квартира. Портал: ГАЗЕТА.RU // URL: https://www.gazeta.ru/social/2024/12/26/20306534.shtml (дата обращения: 03.05.2025).
8. Пичушкин А. Ю. Статьи из Свободной энциклопедии «Википедия» // URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=45783419 (дата обращения: 03.05.2025).

УДК 351.74

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ, РИСКИ И ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ

***Н. В. Жданская**, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматривается роль искусственного интеллекта (далее – ИИ) в системе правоохранительной деятельности, его преимущества, ограничения и потенциальные риски. Проанализированы современные технологии, уже внедренные в практику (распознавание лиц, система ShotSpotter, идентификация по походке и др.), а также обсуждаются фундаментальные ограничения ИИ – отсутствие сознания, эмпатии, этического суждения и способности к ответственности. Особое внимание уделено правовым и этическим аспектам использования ИИ, рискам предвзятости, «эффекту черного ящика» и зависимости от качества данных. Делается вывод о необходимости симбиоза между ИИ и человеком: ИИ – как инструмент аналитической и рутинной поддержки, а человек – как основной субъект принятия решений.

Ключевые слова: анализ данных, автоматизация, безопасность, искусственный интеллект, идентификация, правоохранительная деятельность, предвзятость, прогнозирование.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN LAW ENFORCEMENT: CAPABILITIES, RISKS, AND LIMITATIONS

***N. V. Zhdanskaya**, senior lecturer of the Department of Special Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article examines the role of artificial intelligence (AI) in law enforcement, highlighting its advantages, limitations, and potential risks. It analyzes modern technologies already integrated into practice – such as facial recognition, the ShotSpotter system, and gait identification – and discusses the fundamental limitations of AI, including its lack of consciousness, empathy, ethical judgment, and responsibility. Special

attention is given to the legal and ethical implications of AI use, risks of bias, the «black box» effect, and dependence on data quality. The article concludes that a symbiosis between AI and humans is necessary: AI should serve as a tool for analytical and routine support, while the human officer remains the primary decision-maker.

Keywords: data analysis, automation, security, artificial intelligence, identification, law enforcement, bias, forecasting.

Развитие цифровых технологий и масштабная цифровизация общества закономерно приводят к увеличению роли искусственного интеллекта (далее – ИИ) в различных сферах, в том числе и правоохранительной деятельности. Согласно данным, приведенным Я. А. Климовой, более 83 % сотрудников правоохранительных органов положительно оценивают перспективы внедрения ИИ в свою деятельность [3]. При этом акцент делается на таких функциях, как автоматизация анализа доказательств, распознавание лиц, прогнозирование преступности и др. Наряду с этим, международные и отечественные исследования подчеркивают важность этической и правовой оценки влияния ИИ на следственные процессы.

Современные системы ИИ успешно интегрированы в видеонаблюдение и идентификацию. Примером служит технология распознавания лиц в московском метрополитене («Сфера»), позволяющая идентифицировать личности в потоке пассажиров. С момента ее запуска с начала сентября 2020 г. на всех станциях мосметро задержано более 1500 человек [5]. ShotSpotter – акустическая система определения выстрелов – использует ИИ для мгновенного реагирования полиции в США [6]. И то, что ранее было только частью сюжета голливудского блокбастера, теперь становится реальностью. Так, в одной из сцен шпионского боевика «Миссия невыполнима: Племя изгоев» демонстрируется технология распознавания по походке: чтобы проникнуть на объект, агенту предстоит пройти систему безопасности, идентифицирующую человека по его уникальной манере движения. В настоящее время в поднебесной система Watrix анализирует походку, что особенно полезно в условиях, когда лицо закрыто или некачественно записано [2].

Внедрение искусственного интеллекта в деятельность правоохранительных органов, таких как МВД, открывает значительные перспективы: повышение эффективности оперативно-розыскной деятельности за счет анализа больших массивов данных (выявление связей между преступными элементами, паттернов преступности), прогнозная аналитика для упреждающего распределения ресурсов патрулирования, автоматизация рутинных задач (распознавание лиц и объектов на видеозаписях, первичный анализ заявлений и обращений), ускорение расследований (сопоставление улик, поиск по базам данных) и повышение объективности на этапе сбора информации.

Внедрение ИИ в работу МВД Росси несет значительные преимущества, но его фундаментальные ограничения делают полную замену сотрудников невозможной и создают специфические риски. В обществе, научных кругах, на уровне государственной власти всерьез обсуждаются вопросы безопасности и необходимости использования ИИ в той или иной сфере. Рассмотрим следующие ключевые недостатки ИИ через призму правоохранительной практики.

1. Отсутствие подлинного понимания и сознания. Современный ИИ, даже самый продвинутый, оперирует статистическими закономерностями и паттернами в данных. Он не обладает сознанием, субъективным опытом или пониманием мира в человеческом смысле. Он не осознает значения обрабатываемой информации, не имеет собственных целей (кроме заданных алгоритмом) и не способен к рефлексии. Это делает его беспомощным в ситуациях, требующих глубокого осмысления контекста, абстрактных концепций или смыслов, выходящих за рамки тренировочных данных. Например, алгоритм может принять мирную ссору в семье (видимую на камере подъезда) за угрозу общественной безопасности, вызвав необоснованный выезд наряда, или не распознать сарказм (угрозу) в перехваченном сообщении. Вместе с тем, беспристрастность и отсутствие эмоций и чувств в случае применения ShotSpotter несомненно является сильной стороной ИИ, поскольку в случае с человеком звонок в полицию из-за страха или по иным причинам может не поступить, в то время как ИИ такой сигнал направит в любом случае.

2. Неспособность к истинному творчеству и инновациям. может генерировать новые комбинации на основе существующих шаблонов (тексты, изображения, музыку), но он не способен к подлинному творчеству – созданию принципиально новых идей, концепций или произведений искусства, движимому внутренним вдохновением, любопытством или желанием выразить уникальное видение. Его «креативность» ограничена рамками обученных данных и алгоритмов. Вместе с тем его скорость и вариабельность при составлении фотороботов по сравнению с человеком не оставляет сомнений.

3. Отсутствие эмпатии, эмоционального и социального интеллекта. ИИ не испытывает и не понимает человеческих эмоций. Он может анализировать текстовые или визуальные маркеры эмоций и даже имитировать эмпатичные ответы, но ему недоступно подлинное сопереживание, построение глубоких доверительных отношений или тонкая навигация в сложных социальных динамиках. Это критично для профессий, основанных на человеческом взаимодействии (педагогика, медицина, психология, социальная работа, правоохранительная деятельность, менеджмент). Данное обстоятельство является как сильной, так и слабой стороной ИИ. Его сложнее обмануть, разжалобить, но установить психологический контакт с напуганным свидетелем, распознать ложь по невербальным признакам или проявить тактичность при общении с жертвой насилия он не способен. Это требует человеческой эмпатии.

4. Неспособность к этическому и моральному суждению. ИИ не обладает внутренним моральным компасом или способностью к сложным этическим рассуждениям. Он может следовать заложенным правилам, но не способен самостоятельно взвешивать моральные дилеммы, учитывать уникальные обстоятельства ситуации, чувствовать ответственность или действовать исходя из понятий добра, справедливости или чести. Вместе с тем, благодаря этому ИИ способен выявить связи между разрозненными эпизодами (по способу совершения, объекту) быстрее человека, помогая следователям.

5. Зависимость от данных и предвзятость (Bias – скрытые предубеждения). Качество и объективность работы ИИ полностью зависят от качества, объема и репрезентативности данных, на которых он обучен. Если данные неполны, исторически предвзяты или содержат скрытые стереотипы, ИИ будет воспроизводить и даже усиливать эти предубеждения, приводя к дискриминационным или несправедливым решениям. Человек способен распознавать и корректировать такие системные ошибки, ИИ же действует в рамках заложенных в него паттернов [1].

6. Сложность работы с неопределенностью, новизной и нестандартными ситуациями. ИИ превосходен в задачах с четкими правилами и большими объемами структурированных данных. Однако он испытывает огромные трудности при столкновении с принципиально новыми, непредвиденными ситуациями (edge cases), для которых нет прецедентов в обучающих данных, или с высокой степенью неопределенности. Человеческая интуиция, адаптивность и способность действовать «по обстоятельствам» здесь незаменимы.

7. Проблема «Черного ящика» и отсутствие истинной объяснимости. Многие сложные модели ИИ (особенно глубокое обучение) работают как «черные ящики». Даже их создателям бывает сложно понять, почему алгоритм принял то или иное конкретное решение на основе входных данных. Это создает проблемы с доверием, прозрачностью, контролем и, особенно, с юридической ответственностью. Человек же (в идеале) способен объяснить логику своих действий, даже порой не понятных самому себе – интуицией [4].

8. Отсутствие ответственности и легитимности. ИИ не может нести персональную ответственность за свои решения или действия. Он не является субъектом права. В конечном счете, ответственность всегда лежит на людях: разработчиках, операторах, организациях, использующих ИИ. Общественное доверие к институтам часто основано на подотчетности конкретных людей, чего ИИ обеспечить не может.

Описанные недостатки не являются просто «детскими болезнями» развивающейся технологии. Фундаментальные ограничения ИИ – отсутствие подлинного понимания контекста, эмпатии, этического суждения, креативности, ответственности и подверженность предвзятости («bias») –

отражают качественное различие между алгоритмической обработкой данных и человеческим разумом. Это делает ИИ непригодным для замены сотрудника в ключевых аспектах правоохранительной деятельности, таких как принятие решений в нестандартных ситуациях, оценка угроз, проведение допросов, построение доверия с населением и несение персональной ответственности. Однако ИИ незаменим как мощный инструмент-ассистент для обработки данных (анализ видео, распознавание лиц), автоматизации рутины (отчетность, первичный прием заявлений) и аналитической поддержки (прогнозирование преступности, выявление связей). Поэтому будущее – в симбиозе: ИИ выступает «цифровым помощником» (ИИ-агентом), обрабатывающим информацию и предлагающим решения, а сотрудник МВД, опираясь на закон, опыт, этику и человеческое понимание, принимает окончательные решения. ИИ служит силой-мультипликатором человеческих возможностей, усиливая эффективность полиции, но не заменяя человеческий фактор, остающийся основой легитимности и доверия к системе.

Список источников

1. Атабеков А. Р. Анализ рисков возникновения предубежденности искусственного интеллекта в имплементации публичных правоотношений: опыт зарубежных стран и перспективы административного права России // Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № 5. – С. 155–162.
2. Иванов И. Видеокамеры научили распознавать людей по походке // Российская газета. – 2018. – 8 ноября. – URL: https://rg.ru/2018/11/08/videokamery-nauchili-raspoznavat-liudej-po-pohodke.html (дата обращения: 29.06.2025).
3. Климова Я. А. Искусственный интеллект в раскрытии и расследовании преступлений. – Волгоградская академия МВД России, 2023. С. 81–84.
4. Медведев А. И. Правовые аспекты искусственного интеллекта и смежных технологий // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Декабрь 2022. Вып. 4 (38). С. 48–63.
5. Сфера – IT-решение для логистики // Rucom. – 2024. – URL: https://rucom.agency/project/sfera (дата обращения: 29.06.2025).
6. ShotSpotter // Википедия, Свободная энциклопедия. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/ShotSpotter (дата обращения: 29.06.2025).

УДК 349.6

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

***У. С. Кодырко**, курсант Санкт-Петербургского университета МВД России;*

***А. И. Чиновников**, старший преподаватель кафедры огневой подготовки Санкт-Петербургского университета МВД России*

В статье акцентируется внимание на проблемах применения огнестрельного оружия при проведении следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий сотрудниками органов внутренних в обстановке, осложняющейся факторами риска, непредвиденностью, требующей эффективность действий при проведении следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. В частности, рассматриваются сложности проведения отдельных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий при возникновении чрезвычайной ситуации, включающей в себя труднодоступность к месту проведения следственного действия или оперативно-разыскного мероприятия. Также в рамках данной статьи отражается фактор профессиональной подготовки должностного лица, выполняющего следственные действия или оперативно-разыскные мероприятия.

Ключевые слова: особые условия, профессиональная подготовка, расследование преступлений, превентивность, обстановка, следственное действие, оперативно-разыскное мероприятие.

ACTUAL ISSUES OF INVESTIGATIVE AND OPERATIONAL ACTIVITIES BY INTERNAL AFFAIRS OFFICERS IN SPECIAL CONDITIONS

***U. S. Kodyrko**, student of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

***A. I. Chinovnikov**, senior lecturer of the Department of Firearms Training of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

The article focuses on the challenges of conducting investigative actions and operational search activities by internal affairs officers in a situation that is complicated by risk factors, unpredictability, and the need for effective actions during investigative actions and operational search activities. In particular, it examines the difficulties of conducting certain investigative actions and operational search activities in the event of an emergency situation that involves limited access to the location of the investigative action or operational search activity. This article also reflects the factor of professional training of an official who performs investigative actions or operational search activities.

Keywords: special conditions, professional training, crime investigation, prevention, environment, investigative action, operational search activity.

Деятельность сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) представляет собой напряженный процесс по предупреждению, пресечению как правонарушений, так и преступлений. Несмотря на рост превентивных мер в рамках организации борьбы с преступностью, в повседневной деятельности граждан остается девиантное поведение, нарушающее не только общественный покой, но и основные постулаты – общественный порядок и безопасность.

Деятельность сотрудников ОВД, направленная на проведение следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ), представляет собой сложный и многозадачный процесс, требующий не только оперативного реагирования, но и профессионализма в применении специальных средств и огнестрельного оружия. Особенно это актуально при прогнозировании или возможном моделировании проведения следственных действий и ОРМ в особых условиях. Данный процесс представляет собой не только вышеотмеченное, но и является сложной и наиболее важной задачей ОВД.

Необходимо отметить, что проведение следственных действий и ОРМ представляет собой этапы деятельности следователя по расследованию преступлений, следовательно, расследование преступлений не представляется возможным без проведения следственных действий и ОРМ. Таким образом, можно сделать вывод, что складывающаяся вокруг должностного лица обстановка, как правило, требует от него не только наличие фундаментальных знаний закона, а также практических навыков, направленных на принятие мер по обеспечению личной безопасности, но и осуществление целого комплекса мер по снижению негативных последствий совершения преступления или иного деликта [1, с. 22].

Если мы рассматриваем особо опасные условия, то рассмотрение негативных факторов, создающих опасные условия становится закономерным. Негативные факторы, создающие собой экстремальные условия, а также особые, это: плохие погодные условия (проливной дождь, осложняющий видимость при стрельбе; сильный ветер, влияющий на траекторию полета пули), опасность для жизни и здоровья сотрудников ОВД (возможность нарушения боя служебного оружия), наличие вооруженных преступников или террористических групп (что создает необходимость в отражении нападения не только путем собственного укрытия, но и встречной атаки), сложность доступа к месту происшествия (место происшествия находится на линии огня и(или) место происшествия находится в закрытом пространстве, при этом представляет собой опасный участок местности, что при чрезвычайной ситуации может повлечь применение огнестрельного оружия, которое будет осложнено сложившейся обстановкой, создавая угрозу личной безопасности сотрудника ОВД) и иные факторы риска [2, с. 281].

В особенности данное условие актуально при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. В данном случае сотруднику ОВД при проведении следственных действий и ОРМ необходимо учесть следующие аспекты.

1. Первоначально, планируя проведение следственных действий в условиях чрезвычайной ситуации, либо иных особых условиях, требуется проработать план действий по недопущению массовых беспорядков, не только нарушающих правопорядок и безопасность общества, но и влекущих за собой негативные последствия в виде уничтожения вещественных доказательств.

2. При обнаружении особо опасной ситуации при проведении следственных действий и ОРМ, несмотря на значимость и важность вещественных доказательств, основу внимания необходимо уделить выявлению пострадавших и оказанию им первой помощи. Сотрудники ОВД должны максимально минимизировать риски и ущербы, что требует от них налаженной коммуникации не только с составом следственно-оперативной группы (далее – СОГ), но и с иными

силовыми структурами. В особых условиях важно иметь эффективную систему связи и координации. Это позволяет быстро и эффективно принимать решения, а также оперативно реагировать на изменяющиеся условия [3, с. 67].

При проведении следственных действий и ОРМ сотрудниками ОВД в особых условиях большее внимание необходимо уделить проведению ОРМ. Именно указанный комплекс действий позволяет выявить и задержать граждан, угрожающих безопасности граждан, в том числе их здоровью и жизни. Также в особо опасных условиях необходимо уделять внимание сбору значимой информации о сложившейся обстановке, что позволит оперативно принимать решения, а также собирать необходимые для расследования и раскрытия преступлений доказательства [5, с. 320].

Обобщая всё вышесказанное, отметим, что действия сотрудников ОВД по расследованию преступлений в особых условиях, требует от сотрудника полиции не только профессиональной компетенции по планированию и прогнозированию следственных ситуаций и возможных факторов риска, но и отточенных практических навыков применения огнестрельного оружия, в том числе законных оснований его применения.

Исходя из вышесказанного, становится очевидным, что применение огнестрельного оружия требует как практических навыков, так и умение оценивать ситуацию, так как действия сотрудников ОВД, направленные на защиту общества не должны ставить под угрозу его безопасность. Следовательно, важно вырабатывать умение принятия в стрессовой ситуации решения о применение огнестрельного оружия при проведении следственных действий и ОРМ на основе правовых оснований, не создающих угрозу жизни и здоровью гражданского населения, не всегда осведомленного об особых условиях проведения следственных действий или ОРМ.

Также необходимо отметить, что для приобретения и развития у сотрудников ОВД специальных навыков и умений, требуется проведение специальных занятий, направленных на укрепление теоретических и практических знаний по огневой, физической, а также тактико-специальной подготовке. Сотрудники ОВД должны быть готовы к максимально эффективному использованию уже приобретенных навыков и умений для достижения поставленных целей, а также минимизации негативных последствий [4, с. 68].

Таким образом, для того, чтобы не допустить неисправимых ошибок при проведении следственных действий или ОРМ, а также гибели людей или иной масштабной угрозы безопасности обществу при применении огнестрельного оружия, необходимо постоянно совершенствовать свои практические навыки в рамках огневой, физической, а также тактико-специальной подготовки, подкрепляя их теоретической составляющей.

Следователи и иные сотрудники ОВД должны быть готовы не только к возможным угрозам и сложностям, которые могут возникнуть в особых ситуациях, но и заранее прогнозировать подобные ситуации и моделировать этапы действий в подобных условиях, что станет следствием не только предупреждения преступлений, но и повысит эффективность деятельности подразделений.

Список источников

1. Гаужаева В. А., Сафронов Д. М. Уголовно-процессуальные меры обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в стандартных и особых условиях // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 4. С. 19–24.
2. Гаужаева В. А., Шамаев А. М. Особенности фиксации и упаковки объектов, обнаруженных на месте взрыва // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 280–282.
3. Машекуашева М. Х., Геляхова Л. А. Акмеологические факторы профессионального становления личности сотрудника органов внутренних дел // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2021. № 9. С. 66–69.
4. Сафронов Д. М., Шамаев А. М. Особенности правового регулирования в стандартных и особых условиях при осуществлении оперативно-служебных задач силами МВД России и Войсками национальной гвардии России // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8(159). С. 386–387.
5. Тарчоков Б. А., Токбаев А. А. Тактические основы обеспечения личной профессиональной безопасности сотрудников органов внутренних дел // В сборнике: Актуальные вопросы обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел. 2021. С. 319–324.

УДК 351.74:656.13

РАСШИРЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ТРАНСПОРТНОЙ ПОЛИЦИИ: НЕОБХОДИМОСТЬ ВКЛЮЧЕНИЯ АВТОВОКЗАЛОВ И МЕЖДУГОРОДНИХ АВТОБУСОВ В ЗОНУ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

***О. В. Михайленко**, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье анализируется актуальная проблема обеспечения правопорядка и транспортной безопасности на объектах автомобильного транспорта общего пользования – автовокзалах и в междугородних автобусах. Автор констатирует наличие существенного правового пробела в российском законодательстве, который заключается в том, что данные объекты не отнесены федеральным законом «О транспортной безопасности» к объектам транспортной инфраструктуры, подлежащим обязательной защите. Это приводит к ведомственной разобщенности, отсутствию единого центра ответственности и создает «серую зону» с повышенными криминогенными рисками. В работе доказывается объективная необходимость расширения полномочий транспортной полиции, обладающей уникальной специализацией и опытом работы на транспорте, путем включения в ее зону ответственности автовокзалов и междугородних автобусов. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: транспортная полиция, транспортная безопасность, автовокзалы, междугородние автобусы, правовое регулирование, полномочия, ведомственная разобщенность, охрана правопорядка на транспорте.

EXPANDING THE AUTHORITY OF THE TRANSPORT POLICE: THE NECESSITY OF INCLUDING BUS TERMINALS AND INTERCITY BUSES IN THEIR AREA OF RESPONSIBILITY

***O. V. Mikhailenko**, senior lecturer at the Department of Special Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article analyzes the current problem of ensuring public order and transport security at public road transport facilities – bus stations and intercity buses. The author identifies a significant legal gap in Russian legislation, which consists in the fact that these facilities are not classified by the Federal Law «On Transport Security» as transport infrastructure objects subject to mandatory protection. This leads to departmental disunity, the absence of a single center of responsibility, and creates a «gray area» with increased criminal risks. The paper substantiates the objective necessity of expanding the powers of the Transport Police, which possesses unique expertise and experience in the transport sector, by including bus stations and intercity buses within its jurisdiction. Specific measures for improving legislation are proposed.

Keywords: Transport Police, transport security, bus stations, intercity buses, legal regulation, powers, departmental disunity, law enforcement on transport.

Современное состояние транспортного комплекса Российской Федерации характеризуется устойчивой тенденцией к росту пассажиропотока, интенсивности перевозок и расширению маршрутной сети. В этой связи особую роль играет транспортная полиция – специализированный орган, осуществляющий охрану правопорядка на объектах железнодорожного, воздушного и водного транспорта [3]. Однако, несмотря на значительные усилия по обеспечению безопасности на данных видах транспорта, остается нерешенной проблема правового и организационного регулирования безопасности на автомобильном транспорте общего пользования, в частности – на автовокзалах и в междугородних автобусах.

Согласно федеральному закону «О транспортной безопасности», объекты транспортной инфраструктуры подлежат обязательному категорированию. Однако автовокзалы и междугородние автобусы, в отличии от железнодорожных станций, аэропортов, морских и речных портов, а также метрополитенов, формально не отнесены к таким объектам, что исключает применение к ним установленных законом требований [2].

Это создает следующие последствия:

– отсутствие обязательных требований по обеспечению транспортной безопасности для автовокзалов;

– невозможность применения специальных мер (досмотр, ограничение доступа, видеонаблюдение и др.) без дополнительного правового обоснования;

– снижение эффективности профилактики и расследования преступлений из-за размывания ответственности между различными подразделениями полиции.

Кроме того, в случае чрезвычайных ситуаций (теракт, массовое нарушение порядка) отсутствует единый оперативный центр координации действий, что замедляет реагирование и увеличивает риски для жизни и здоровья граждан.

Эти объекты, являясь неотъемлемой частью транспортной инфраструктуры страны, фактически остаются «серой зоной» с точки зрения юрисдикции правоохранительных органов, что создает условия для роста преступности, административных правонарушений и угроз транспортной безопасности.

Действующее законодательство Российской Федерации в сфере обеспечения транспортной безопасности содержит существенные пробелы в части регулирования охраны правопорядка на объектах автомобильного транспорта. Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» устанавливает общие требования к обеспечению безопасности на объектах транспортной инфраструктуры [2], но не конкретизирует порядок охраны общественного порядка на автовокзалах и в междугородних автобусах. В результате, формально контроль за правопорядком на автовокзалах и в автобусах осуществляется территориальными подразделениями полиции по месту нахождения объекта. Фактически же прямого их участия в охране общественного порядка на территории автовокзалах и в междугородних автобусах в пути следования, а также досмотровых мероприятий в системном порядке не наблюдается. В настоящее время оперативно-розыскные мероприятия в рамках специальных операций на автовокзалах и досмотровые мероприятия сотрудниками Госавтоинспекции на «трассе» – ключевой инструмент противодействия преступности в данной сфере.

В отличие от железнодорожного, воздушного и водного транспорта, где функции охраны правопорядка четко закреплены за транспортной полицией [5], на автомобильном транспорте наблюдается ведомственная разобщенность и неопределенность в распределении зон ответственности.

Согласно ст. 12 федерального закона № 3-ФЗ, полиция обязана обеспечивать безопасность в общественных местах, включая транспортные узлы, но для транспортной полиции это конкретизировано как досмотр пассажиров, багажа, оперативно-розыскные меры и противодействие терроризму. Структура включает линейные управления по федеральным округам с экстерриториальным принципом работы – контроль не ограничен административными границами регионов.

Госавтоинспекция в свою очередь является Главным управлением по обеспечению безопасности дорожного движения МВД России с подчиненными подразделениями в регионах. Ее деятельность регулируется не только федеральным законом № 3-ФЗ, но и федеральным законом от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», а также приказом МВД России от 23 августа 2017 г. № 664 «Об утверждении Административного регламента».

Дорожно-патрульная служба (далее – ДПС) – ключевое подразделение Госавтоинспекции, отвечающее за патрулирование дорог, контроль соблюдения правил дорожного движения и расследование дорожно-транспортных происшествий. Полномочия Госавтоинспекции (ст. 13 федерального закона № 3-ФЗ) включают остановку транспортных средств, проверку документов, наложение штрафов и эвакуацию с фокусом на дорожную инфраструктуру.

Территориальные органы полиции, в чью территориальную ответственность входят автовокзалы, не имеют прямого отношения к досмотру пассажиров и багажа как к обязательным мероприятиям, в отличие от транспортной полиции, специфика которой – в расширенных мерах по транспортной безопасности: кинологический контроль, видеонаблюдение и оперативные рейды на объектах [5]. Это позволяет эффективно бороться с наркотрафиком и терроризмом.

Полномочия транспортной полиции в настоящее время ограничены объектами железнодорожного, воздушного и водного транспорта, в то время как автовокзалы и междугородние автобусы остаются вне их прямой ответственности. Это создает правовой вакуум, когда ни транспортная полиция, ни территориальные органы МВД России не несут полноценной ответственности за обеспечение правопорядка на этих объектах.

Таким образом, возникает объективная необходимость пересмотра границ компетенции транспортной полиции.

Следует отметить, что в законодательстве имеются предпосылки для расширения полномочий транспортной полиции. Так, ч. 2.2 и 2.3 ст. 12 федерального закона «О транспортной безопасности» обязывают субъекты транспортной инфраструктуры предусматривать служебные и подсобные помещения на объектах транспортной инфраструктуры, предназначенные для предоставления на безвозмездной основе территориальным органам и подразделениям полиции. Однако эта норма носит декларативный характер без конкретного механизма реализации применительно к автовокзалам.

Расширение полномочий транспортной полиции в отношении автовокзалов и междугородних автобусов является логическим продолжением современной тенденции к специализации правоохранительной деятельности в сфере транспорта. Транспортная полиция обладает уникальным опытом и компетенциями в обеспечении правопорядка на объектах транспортной инфраструктуры, что отличает ее от территориальных органов МВД России. Специфика транспортной среды требует специальных знаний, навыков и подходов к организации охраны правопорядка, которые имеются именно у транспортной полиции.

Теоретической основой предлагаемой концепции является принцип централизации функций охраны правопорядка на транспорте в рамках единого ведомства. В настоящее время на автовокзалах и в междугородних автобусах существует ведомственная разобщенность: формально ответственность за обеспечение

правопорядка несут территориальные органы МВД, но фактически они не имеют необходимой специализации и ресурсов для эффективного выполнения этих функций. Это приводит к тому, что автовокзалы и междугородние автобусы становятся зонами повышенной криминальной уязвимости. В частности, на автовокзалах отсутствует обязательный предрейсовый досмотр пассажиров, на входе и выходе из автовокзалов отсутствуют досмотровые рамки и иные специальные устройства досмотра.

Это создает возможность для преступников использовать «слепые зоны» в правовом регулировании. Включение автовокзалов и междугородних автобусов в зону ответственности транспортной полиции позволит обеспечить сквозной контроль безопасности на всем маршруте следования пассажиров.

Реализация концепции расширения полномочий транспортной полиции требует внесения изменений в ряд федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов. Основными направлениями законодательной работы в этой сфере являются следующие.

1. Внесение изменений в федеральный закон «О транспортной безопасности» в части отнесения автовокзалов и междугородних автобусов к объектам транспортной инфраструктуры, на которых осуществляется охрана правопорядка транспортной полицией. В настоящее время в законе содержится общее понятие объектов транспортной инфраструктуры, но не конкретизируется порядок охраны правопорядка на них.

2. Разработка и принятие подзаконных нормативных правовых актов, регламентирующих порядок взаимодействия транспортной полиции с субъектами транспортной инфраструктуры и перевозчиками. Эти акты должны установить конкретные механизмы сотрудничества, обмена информацией, совместного планирования мероприятий по обеспечению безопасности.

3. Разработать подзаконные акты (приказы МВД) для взаимодействия с Госавтоинспекции и Ространснадзором.

В нашем понимании зоны ответственности должны рассматриваться для Госавтоинспекции – контроль на трассах, транспортная полиция – на станциях (автовокзалах).

Особое значение имеет закрепление обязанности субъектов транспортной инфраструктуры обеспечивать транспортную полицию необходимыми служебными помещениями на автовокзалах, как это предусмотрено ч. 2.2 и 2.3 ст. 12 федерального закона № 16-ФЗ.

Включение автовокзалов и междугородних автобусов в зону ответственности транспортной полиции является объективной необходимостью, вытекающей из современных тенденций развития транспортной системы и факторов криминогенной среды. Реализация предложенной концепции позволит усилить профилактическую функцию полиции, обеспечить единые стандарты безопасности на транспорте и повысить уровень общественной безопасности.

Список источников

1. О безопасности дорожного движения: федер. закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О транспортной безопасности: федер. закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: ред. от 29.12.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Положения о Главном управлении по обеспечению безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 21.12.2016 № 699. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении Положения о транспортной полиции Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 23.08.2016 № 495. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Об утверждении Порядка ведения реестра объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств: приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 15.09.2020 № 377 (зарег. в Минюсте России 09.11.2020 № 60800) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202011090051 (дата обращения: 25.10.2025).

УДК 342.9

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ СЕПАРАТИСТСКИМ, ЭКСТРЕМИСТСКИМ, АНАРХИСТСКИМ НАСТРОЕНИЯМ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ НА АДМИНИСТРАТИВНОМ УЧАСТКЕ

***М. А. Мусинова**, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена актуальной проблеме противодействия со стороны участкового уполномоченного полиции распространению антиконституционных и асоциальных настроений среди населения на административном участке. Автор анализирует основные факторы, способствующие радикализации граждан, и формы проявления деструктивных идей. Особое внимание уделяется комплексному подходу в профилактической деятельности участкового уполномоченного полиции при установлении контактов с населением административного участка, взаимодействии с институтами гражданского общества. Предлагаются наиболее эффективные правовые и организационные формы и методы противодействия экстремистским и сепаратистским настроениям на административном участке.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, сепаратизм, экстремизм, радикализм, профилактическая работа, профилактические мероприятия

COUNTERACTION OF SEPARATIST, EXTREMIST, AND ANARCHIST TENDENCIES AMONG THE POPULATION IN THE ADMINISTRATIVE AREA

***M. A. Musinova**, senior lecturer of the Department of General Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article addresses the pressing issue of how district police officers combat the spread of anti-constitutional and antisocial sentiments among the population in their administrative districts. The author analyzes

the main factors contributing to the radicalization of citizens and the forms in which destructive ideas manifest. Particular attention is paid to a comprehensive approach to the district police officer's preventive activities, including establishing contacts with the population of the administrative district and interacting with civil society institutions. The most effective legal and organizational forms and methods for countering extremist and separatist sentiments in the administrative district are proposed.

Keywords: district police officer, separatism, extremism, radicalism, preventive work, preventive measures

Современная действительность в своей политической непредсказуемости, экономической и социальной нестабильности, прогрессивной компьютеризации и глобализации ставит перед государством сложные управленческие задачи, одной из которых является противодействие экстремизму, терроризму и антигосударственным настроениям. Важным фактором, влияющим на многоаспектность проблемы противодействия экстремизму, является его масштабирование через социальные сети, интернет-платформы, каналы и сайты. Антигосударственные и антисоциальные идеи мимикрируют под продукты искусства (проза, кинематограф, живопись, акции), коммуникацию (форумы, чаты), легальную оппозицию (новости, каналы, обсуждения), что создает благоприятную почву для расширения аудитории, захвата внимания и резонирования в обществе. Результатом эскалации экстремистских и антигосударственных настроений являются реальные и потенциальные угрозы безопасности государства и общества.

Так, за 2024 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 3714 преступлений террористического характера (+ 55,9 % по сравнению с аналогичным периодом) и 1719 преступлений экстремистской направленности (+ 28,3 %) РПП [12].

Высокими являются и показатели административных правонарушений экстремистского характера в 2024 г. По данным судебной статистики и административной практики можно наблюдать следующие показатели: 6812 деяний, запрещенных ст. 20.3, 20.3.1 КоАП РФ; 2221 деяние, запрещенное ст. 20.3.3 КоАП; 51 деяние, ответственность за которые предусмотрена ст. 20.3.2, 20.3.4; 357 административных правонарушений, запрещенных положениями ст. 20.29 КоАП РФ [11].

В отличие от обезличенной статистики, участковый уполномоченный полиции сталкивается с проявлениями экстремизма напрямую на своем административном участке, что требует от него знания понятийно-категориального аппарата, применяемого в деятельности по противодействию экстремизму, а также постоянного совершенствования методов работы с информацией и выстраивания коммуникации с населением.

Так, при выявлении радикальных настроений, участковый уполномоченный полиции должен уметь отграничивать от общего понятия «экстремизм» такие «частные» понятия как «сепаратизм» и «анархизм», которые как явления социальной действительности, могут детерминировать нарушения общественного порядка и общественной безопасности на обслуживаемом административном участке.

В общем доктринальном понимании экстремизм – это приверженность отдельных лиц или социальных групп к крайним (радикальным) взглядам и действиям, связанным с общественной и политической жизнью [8, с. 165]. Законодатель вложил в понятие экстремизма конкретные его формы и проявления, относительно которых сегодня и складывается юридическая практика.

При выявлении на административном участке сепаратистских настроений среди населения, участковый уполномоченный полиции должен установить лиц, популяризирующих и пропагандирующих идеологию отделения части территории от Российской Федерации и ликвидацию ее суверенитета над данной территорией; определить формы и методы политической активности по распространению подобных настроений; своевременно документировать все выявленные факты проявления сепаратизма; реагировать на сообщения граждан о деятельности физических и юридических лиц по эскалации идеи отделения территории от России; принимать необходимое процессуальное участие в административном производстве по ст. 20.3.2, 20.3.4 КоАП РФ и взаимодействовать с уполномоченными субъектами, ведущими уголовный процесс по ст. 280.2, 280.3 УК РФ.

Схожим образом должна складываться деятельность участкового уполномоченного полиции по профилактике и противодействию анархизму на административном участке. Сотрудник полиции, столкнувшийся с отрицанием любой внешней власти над коллективом и индивидом, идеями радикального освобождения от власти государства, должен понимать степень опасности распространения подобных настроений среди населения, особенно несовершеннолетних лиц и молодежи. В силу совей антигосударственной «привлекательности» анархизм присущ криминальному сообществу, политическим нигилистам, представителям отдельных неформальных субкультур и активно популяризируется акторами политической агрессии через фильмы, музыку и литературу, акционное искусство, вандализм и различный контент в интренет-пространстве.

Самым радикальным проявлением экстремизма (или его частных форм – сепаратизма и анархизма) является терроризм, противодействие которому потребовало создания законодателем отдельного федерального закона [4].

Экстремистские, сепаратистские и анархистские взгляды всегда порождают посягательства на общественный порядок и безопасность, служат фоном для совершения преступлений против конституционного строя, государственной власти и интересов государственной и муниципальной службы, влекут последствия в отношении жизни, здоровья и имущества граждан [9, с. 162].

Несмотря на разнообразие форм экстремизма, законодателем внимательно изучается и «палитра» его видов. Определенность в наиболее опасных видах экстремизма закрепляется в положениях Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, которая к серьезнейшим угрозам экстремистского характера относит распространение идей неонацизма, усиление радикальных националистических вооруженных формирований, диверсионно-террористические акты в отношении людей и гражданских объектов, с вовлечением в эти преступные действия российских граждан. [6]

Именно поэтому эффективными способами противодействия экстремистским, сепаратистским, анархистским настроениям среди населения административного участка в деятельности участкового уполномоченного полиции являются: организация работы с обращениями граждан и другими информационными материалами в целях противодействия экстремизму; проведение профилактической работы с лицами, подверженными влиянию экстремистской идеологии; выявление организаций и физических лиц, причастных к экстремистской деятельности или терроризму, ведение перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведение этих сведений до правоохранительных органов и органов публичной власти; взаимодействие участкового уполномоченного полиции с представителями органов публичной власти и институтов гражданского общества по выявлению и пресечению экстремистских проявлений.

Одним из основных нормативно-правовых актов, которым руководствуются участковые при выполнении служебных задач, является Инструкция, утвержденная приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 [7].

Вновь прибывшие на службу участковые уполномоченные полиции при приеме административного участка знакомятся с этническими, культурными и социально-политическими особенностями населения закрепленной территории, обращая особое внимание на наличие экстремистских правонарушений и преступлений, распространенность антигосударственных протестных настроений, частоту несанкционированных публичных мероприятий, политическую активность молодежи, наличие на территории офисов и штаб-квартир политических и религиозных организаций. Подобный анализ административного участка позволяет эффективно реагировать на изменения политического контекста, выявлять нарушителей общественного порядка, оказывать содействие следственно-оперативной группе.

Однако собрать и проанализировать информацию подобного характера недостаточно, ее постоянно нужно актуализировать, так как политические события в мире отражаются на населении города, района, поселка, вызывая эмоциональное реагирование людей, побуждая их к активности (законной и незаконной). В связи с этим, во время проведения профилактического обхода

административного участка ежедневно участковые уполномоченные полиции должны устанавливать и поддерживать коммуникацию с населением, вести разъяснительную и просветительскую работу по предупреждению антигосударственных и антисоциальных настроений, предлагать помощь со стороны правоохранительных органов, формируя у людей, проживающих на обслуживаемой территории, доверие к полиции и стойкое неприятие экстремизма как способа достижения политических и религиозных интересов.

Помимо этого, во время профилактического обхода административного участка осуществляются мероприятия, направленные обнаружение закладок взрывчатых веществ и взрывных устройств на различных участках местности и объектах: зданиях, строениях, сооружениях, в том числе в местах значительного пребывания людей. При необходимости проверяются подъезды, чердаки, подвалы, заброшенные строения и другие потенциально опасные объекты.

При осуществлении профилактического обхода административного участка участковый может применять и другие формы несения службы, а именно проведение индивидуальных профилактических бесед с гражданами и прием заявлений, сообщений граждан. В этой связи, хотелось бы подчеркнуть, что должностному лицу требуется при исследовании объектов жилого фонда на подведомственной территории проводить активную разъяснительную работу, которая была бы направлена на разъяснение четкой последовательности действий со стороны граждан при обнаружении или выявлении любой подозрительной активности, связанной с проявлениями экстремизма. Во время профилактического обхода участковый уполномоченный полиции должен вручать гражданам, проживающим на территории административного участка, свои визитные карточки, а также памятки с «горячими телефонами» различных спасательных служб, памятки, описывающие последовательность действий гражданина при обнаружении сомнительных предметов или выявлении подозрительных действий других лиц.

Кроме того, следует отметить, что участковому уполномоченному необходимо с особой тщательностью исследовать сведения о лицах, имеющих склонность к распространению экстремистских материалов, выявлять и пресекать противоправные деяния. Если в результате обхода участковым получены сведения о лицах, причастных к совершению противозаконных действий, в том числе экстремистского или террористического характера, то он в обязательном порядке составляет соответствующий рапорт на имя начальника территориального органа МВД России для принятия соответствующих мер реагирования.

На территории административного участка могут находится образовательные организации, которые занимаются обучением студентов и школьников. В настоящее время эти категории учащихся все чаще становится объектом воздействия со стороны преступных организаций и лиц экстремисткой

направленности. Поэтому участковому лично, а в некоторых случаях совместно с представителями государственных органов, общественных объединений, общественных организаций и др., необходимо проводить профилактическую работу и участвовать в просветительских мероприятиях с обучающимися с целью минимизировать совершение преступлений в целом или сократить ущерб от их совершения.

Помимо вышеописанных мер профилактики экстремизма можно выделить активное участие участковых уполномоченных полиции в мероприятиях по противодействию экстремизму вблизи плотного скопления людей для того, чтобы существенно снизить возможный ущерб, который ожидается от незаконных действий преступников (при проведении различных публичных мероприятий) [9], участковых уполномоченных полиции привлекают к охране общественного порядка в целях выявления лиц, нарушающих правила проведения публичных мероприятий, документирования объективной стороны административного правонарушения (составление протокола об административном правонарушении, предусмотренным ст. 20.2 КоАП РФ [1]) либо преступления (путем составления рапорта об обнаружении признаков преступления [4], предусмотренного соответствующей статьей УК РФ), сообщение о выявленном административном правонарушении или преступлении в дежурную часть территориального органа внутренних дел, доставления нарушителей территориальный орган внутренних дел.

Немаловажным профилактическим мероприятием, направленным на борьбу с распространением экстремистских настроений среди населения будет индивидуальная профилактическая работа с лицами, совершившими административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность при проведении публичных или официальных спортивных мероприятий, которая предусмотрена как обязательная для участковых уполномоченных полиции в приказе МВД России от 29 марта 2019 г. № 205.

Данная индивидуальная профилактическая работа состоит в том, что в срок, в течение которого в соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ лицо считается подвергнутым административному наказанию, но не реже одного раза в квартал, участковый уполномоченный полиции посещает лиц, совершивших административное правонарушение, по месту их жительства или пребывания с целью наблюдения за поведением нарушителя, выявлением в его действиях еще большей радикализации, разъяснением неотвратимого наступления административной или уголовной ответственности за совершение дальнейших правонарушений.

Аналогичные профилактические мероприятия участковый уполномоченный полиции обязан проводить в отношении лиц, подвергнутых

административному надзору за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, предусмотренного п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 4 ст. 150 (в случае совершения преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы), ст. 205–205.5, 206, 208, 210.1, 211, 220, 221, 277–279, 282–282.3, 295, 317, 357, 360 и 361 УК РФ [2].

Еще одной профилактической мерой, направленной на недопущение распространения экстремистских взглядов и установок, является объявление официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения. Данная мера должна быть обоснована наличием задокументированного фактического события, связанного с указанными действиями, подкрепляться объяснениями очевидцев, записями специальных технических устройств (камер видеонаблюдения, видеофиксации с портативной камеры «Дозор»).

Эффективность профилактических мероприятий зависит от дисциплинированности и компетентности участкового уполномоченного полиции при ведении модуля «Участковый» Сервиса охраны общественного порядка (СООП) [7], в котором (во вкладе «Профессиональный интерес») участковый уполномоченный полиции указывает всех лиц, в отношении которых установлен административный надзор; освобожденных из мест лишения свободы и имеющих непогашенную или неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления; преступления при рецидиве преступлений; лиц, совершивших административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, при проведении общественно-политических или спортивно-массовых мероприятий.

К вышесказанному стоит добавить, что участковому уполномоченному полиции требуется тщательно знакомиться с поступающей информацией, касающейся лиц, склонных к распространению материала экстремистской направленности, которые, несомненно, подпадают в перечень таких запрещенных материалов в целом. Особое внимание к тому же уделяется лицам, старающимся изготовить и распространить материал террористической направленности с целью их последующего распространения в социум.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 31.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 15.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 31.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ: ред. от 28.02.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 № 144-ФЗ: ред. от 23.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 28.12.2024 № 1124. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29.03.2019 № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Большой юридический словарь / под ред. проф. А. Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 165.
9. Карапетян А. А., Суслонов П. Е. К вопросу о специфике молодежного экстремизма // Человек. Религия. Право. Религиозный экстремизм: истоки, сущность и проблемы противодействия: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России. 2011. С. 162–166.
10. Показатели по отдельным административным правонарушениям // URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/1 (дата обращения: 18.09.2025).
11. Состояние преступности в России за январь – ноябрь 2024 г.: аналитический отчет ГИАЦ МВД Российской Федерации // URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/?ysclid=mgfxl44zmn914632916 (дата обращения: 02.10.2025).

УДК 342.9

К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

***И. А. Симакина**, начальник кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук, доцент*

Статья посвящена рассмотрению особенностей применения статей 264, 264.1, 264.2 и 264.3 УК РФ. При этом основное внимание уделено вопросам целесообразности введения уголовной ответственности при совершении деяния, предусмотренного частью первой статьи 264.3 УК РФ и применения иных мер уголовно-правового характера при совершении указанного преступления.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, ответственность, лишение права управления транспортным средством, состав преступления.

ON THE QUESTION OF APPLICATION OF LIABILITY FOR VIOLATIONS OF TRAFFIC RULES

***I. A. Simakina**, head of the Department of Special Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

This article examines the specifics of applying Articles 264, 264.1, 264.2, and 264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. The focus is on the advisability of introducing criminal liability for the commission of the act provided for in Part One of Article 264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation and the application of other criminal law measures for the commission of this crime.

Keywords: road safety, liability, deprivation of the right to drive a vehicle, elements of a crime.

Безопасность дорожного движения, сокращение количества дорожно-транспортных нарушений и достижение минимального травматизма и смертности на дорогах не просто является одной из задач любого государства, но и обычно достигается с помощью целого комплекса мероприятий. Законодательство нашей

страны в последние пять лет идет по пути ужесточения ответственности за нарушение Правил дорожного движения (далее – ПДД). Так, в 2021 и 2022 гг. были внесены существенные изменения в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) в части привлечения к ответственности лиц, управляющих механическими транспортными средствами и нарушившими ПДД, путем принятия Федерального закона от 1 июля 2021 г. № 258-ФЗ «О внесении изменения в статью 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [3] и Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [4]. Теперь, по прошествии определенного времени и изучив статистику привлечения к ответственности лиц, совершивших преступления по ст. 264.1, 264.2 и 264.3 УК РФ, можно говорить об эффективности внесенных изменений.

По данным статистики [5] за 2021 г., в период действия предыдущих редакций ст. 264 и 264.1 УК РФ и отсутствия ст. 264.2 и 264.3 этого же закона рассмотрено 77845 уголовных дел по преступлениям, объединенным в категорию «Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст. 263–271.1 УК РФ)». В 2024 г. по этой же категории дел рассмотрено 60 608 уголовных дел. На наш взгляд, образуется некоторый парадокс – количество статей увеличено, возникает возможность привлечения к ответственности по дополнительным составам, однако количество рассмотренных дел снижается.

Безусловно, можно говорить, что в противовес административной ответственности, санкции которой не столь весомы для большинства граждан, возможность привлечения к уголовной ответственности вызывает большую вероятность предупреждения совершения уголовно-наказуемых деяний, что и влечет снижение числа дел. Однако мы полагаем, что это лишь один из факторов такого снижения. Во многом влияние оказывает и то, что возможность выявления этой группы преступлений зависит не от технических средств, на которые в последние годы возлагают все большие надежды по выявлению и профилактике нарушения ПДД, а от непосредственного выявления признаков преступления уполномоченными лицами.

Кроме того, хочется отметить, что в целом введение в действие именно ст. 264.3 УК РФ достаточно спорно, поскольку если сравнивать степень общественной опасности данного преступления и ее же для преступлений, предусмотренных ст. 264, 264.1 и 264.2 УК РФ, на наш взгляд, она существенно ниже, так как по своему содержанию состав указанной нормы является формальным и не сопровождается вредными последствиями. Поэтому, разделяя точку зрения, высказываемую в литературе, можно отметить, что можно было бы ограничиться изменениями в КоАП РФ и предусмотреть максимальный размер административного штрафа сопоставимый со штрафными санкциями статьи УК РФ.

Так же вызывает ряд вопросов и введение ранее уже упомянутым Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ пункта «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. На наш взгляд, конфискация транспортного средства, принадлежащего обвиняемому, и использованного им при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1, 264.2, безусловно, оправдана, поскольку данные составы теоретически могли бы привести к тяжким последствиям, не будь они выявлены и пресечены вовремя, то как мы уже сказали выше – состав ч. 1 ст. 264 УК РФ является в чистом виде формальным, а осуществленное ранее лишение права управления транспортным средством, не влечет за собой потерю навыков езды, то есть не обладает достаточной степенью общественной опасности, на наш взгляд, для применения конфискации автомобиля.

Кроме того, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 (ред. от 12 декабря 2023 г.) «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» «для целей главы 15.1 Уголовного кодекса Российской Федерации принадлежащим обвиняемому следует считать имущество, находящееся в его собственности, а также в общей собственности обвиняемого и других лиц, в том числе в совместной собственности супругов». Исходя из этого положения, конфискация транспортного средства, находящегося в совместной собственности супругов, только один из которых совершает преступление по ч. 1 ст. 264.3 УК РФ, существенно нарушает права второго супруга, ничего не нарушившего, но понесшего материальный ущерб в виде половины стоимости автомобиля.

В качестве заключения хотелось бы отметить, что введение в действие ст. 264.1 и 264.2, а также ч. 2 ст. 264.3 УК РФ целесообразно и оправдано, поскольку возможность привлечения к уголовной ответственности существенно влияет на желание водителей, лишенных права управления транспортным средством, продолжать нарушать ПДД и управлять автомобилем или иным механическим транспортным средством. Это должно способствовать уменьшению случаем нетрезвого вождения, значительного нарушения скоростного режима. Однако уравнивание по степени общественной опасности деяний таких водителей и лица, совершившего преступление, предусмотренного ч. 1 ст. 264.3 УК РФ, полагаем не совсем целесообразным, по крайней мере, в части применения такой иной меры уголовно-правового характера, как конфискация транспортного средства.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 04.11.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 15.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О внесении изменения в статью 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 01.07.2021 № 258-ФЗ: ред. 01.07.2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 14.07.2022 № 258-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам. Доступ к электронному ресурсу: URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/k3-svod_vse_sudy-2024.xls (дата обращения: 15.11.2025).

УДК 36.653

К ВОПРОСУ ДЕФИЦИТА ДОВЕРИЯ НАСЕЛЕНИЯ К ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ ОРГАНАМ

***Е. В. Теплова**, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье автором рассмотрен дефицит доверия населения к правоохранительным органам в России как многофакторная проблема, связанная с недостаточным уровнем профессионализма, коррупцией, злоупотреблением властью, слабой эффективностью в борьбе с преступностью и отсутствием обратной связи с гражданами. Определены причины, которые оказывают существенное влияние на снижение доверия населения к органам внутренних дел, а также предложены меры для повышения уровня доверия населения к правоохранительным органам.

Ключевые слова: эффективность, правоохранительные органы, полиция, доверие, взаимодействие, общественное мнение.

ON THE ISSUE OF LACK OF POPULATION TRUST IN LAW ENFORCEMENT AGENCIES.

***E. V. Teplova**, senior lecturer at the Department of Special Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

In this article, the author examines the public's lack of trust in law enforcement agencies in Russia as a multifactorial problem associated with insufficient professionalism, corruption, abuse of power, weak effectiveness in combating crime, and a lack of citizen feedback. The factors that significantly contribute to the decline in public trust in law enforcement agencies are identified. Measures to increase public trust in law enforcement agencies are also proposed.

Keywords: effectiveness, law enforcement, police, trust, interaction, public opinion.

Доверие к полиции играет ключевую роль в снижении преступности и насилия. Граждане, которые верят в эффективность правоохранительных органов, более склонны сообщать о преступлениях и предоставлять ценную информацию, способствующую задержанию правонарушителей.

Результаты исследования ФПКУ «ВНИИ МВД России», проведенных в 2017–2021 гг., показали, что рост уровня защищенности личности от преступных посягательств сопровождается ростом уровня доверия к полиции со стороны населения в вопросах защиты личных и имущественных интересов [1]. Высокий уровень доверия к полиции, в свою очередь, способствует соблюдению законов гражданами и их готовности к сотрудничеству с правоохранительными органами. Учитывая значимость доверия к правоохранительным органам для политического и социально-экономического развития страны, изучение факторов, влияющих на это доверие, стало важной областью академических исследований.

По результатам опроса «ВЦИОМ–Спутник», проведенного 2 ноября 2024 г., 62 % россиян в той или иной степени доверяют сотрудникам полиции своего региона, из них с полной уверенностью – 20 %. Наиболее доверяющей социальной группой остается молодежь в возрасте от 18 до 23 лет, отмечается в результатах опроса [3].

Важно понимать, что низкий уровень доверия граждан может стать спусковым крючком для серьезных негативных трансформаций. В этом контексте стоит отметить, что реформа МВД России в 2010 г. была вызвана именно тем, что на тот момент менее половины граждан доверяли милиции. Именно поэтому, даже спустя 15 лет после начала реформ, проблема доверия к полиции остается крайне актуальной и нуждается в глубоком и всестороннем анализе.

Некоторые причины, которые могут оказать существенное влияние на снижение доверия населения к ОВД.

1. Негативное освещение деятельности полиции в средствах массовой информации (далее – СМИ). СМИ часто фокусируются на негативных аспектах деятельности полиции, освещая скандалы и случаи нарушения закона с участием сотрудников. Такая практика приводит к тому, что у общественности формируется недоверие к правоохранительным органам в целом.

2. Негативные стереотипы восприятия сотрудников ОВД. На данную причину формирования негативного мнения о сотрудниках полиции часто влияют: должностные злоупотребления, низкий уровень профессионализма, некорректная форма взаимодействия с населением, коррупционная активность.

3. Проблемы взаимодействия сотрудников ОВД с гражданами. Некорректное поведение сотрудников, такое как грубость, невнимание или предвзятость по отношению к заявителям и потерпевшим, подрывает доверие общества [4].

4. Недостаточное внимание к положительным изменениям и достижениям правоохранительной системы в общественной информационной среде.

Для повышения уровня доверия населения к ОВД необходимо:

1) налаживание диалога с общественностью. Эффективное функционирование органов внутренних дел требует систематического анализа общественного мнения, отслеживания его эволюции и оперативного выявления негативных тенденций. Важнейшим элементом является налаживание диалога с общественностью посредством проведения опросов и исследований, что позволит собрать ценную обратную связь и учесть предложения граждан. Это, в свою очередь, будет способствовать созданию более прозрачных и доступных механизмов взаимодействия между МВД и населением. Необходимо также реализовывать программы, направленные на укрепление доверия к правоохранительным органам, включая обучение сотрудников навыкам эффективной коммуникации и конструктивного разрешения конфликтных ситуаций. Регулярная отчетность о деятельности, открытые обсуждения и информирование общественности о предпринятых мерах позволят укрепить взаимопонимание и партнерские отношения;

2) формирование позитивного имиджа сотрудников в СМИ, демонстрирование населению повседневных результатов функционирования правоохранительной системы [2];

3) установление постоянного контакта с населением, выход за рамки реагирования на происшествия, правонарушения, преступления;

4) позиционировать сотрудников ОВД как тех, кто защищает и помогает, и лишь в крайних исключительных случаях обоснованно наказывают;

4) оперативно реагировать на информационные провокации и атаки, которые осуществляются с целью подорвать доверие к ОВД.

Таким образом, уровень доверия населения к общественным институтам является краеугольным камнем социальной стабильности. Полиция, будучи одним из ключевых социальных институтов, не может обеспечить свою результативность в условиях отсутствия доверия со стороны граждан. Любые инициативы по модернизации государственных структур, реализуемые в атмосфере недоверия, неизбежно потерпят неудачу.

Для формирования благоприятного общественного мнения относительно деятельности полиции и определения направлений его развития, необходимо проводить регулярный мониторинг текущего уровня доверия граждан и изучать детерминанты доверия в контексте современного российского общества. Анализ трех групп факторов – индивидуальных характеристик граждан, атрибутов исследуемого института и качества функционирования государственных институтов – выявил доминирующую роль второй и третьей групп. Опыт межличностного взаимодействия граждан с представителями правоохранительных органов, формирующий общее представление о профессиональной компетентности сотрудников и качестве осуществляемой ими работы.

Список источников

1. Зуева О. В., Демидов Н. Н. Доверие граждан к полиции в современной Рос сии: актуальное состояние и анализ факторов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. С. 144–150.
2. Меры по повышению доверия со стороны общества к деятельности правоохранительных структур. Доступ к электронному ресурсу. URL: https://bureau.kz/publall/sobstvennaya_informaciya/mery_po_povysheniyu_doveriya_so_storony_obshestva_k_deyatelnosti_pravookhranitelnykh_struktur (дата обращения: 23.09.2025).
3. Опросы общественного мнения. Доступ к электронному ресурсу. URL: https://tass.ru/obschestvo/22337399 (дата обращения: 23.09.2025).
4. Тищенко А. В. Проблема доверия населения работникам полиции: значение, факторы, перспективы // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. С. 167–173.

УДК 36.653

РОСТ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ КАК СЕРЬЕЗНЫЙ ВЫЗОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

***Е. В. Теплова**, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***Е. В. Смельцова**, преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена рассмотрению киберпреступности, как новой угрозы современного мира. Цель анализа заключается в изучении авторами актуального состояния киберпреступной деятельности, в частности ее стремительного роста. В рамках проведенного анализа определены основные проблемы противодействия киберпреступности, приоритетные задачи, а также предложены эффективные меры борьбы с киберпреступностью.

Ключевые слова: киберпреступность, противодействие, кибербезопасность, цифровые технологии, киберугроза.

THE RISE OF CYBERCRIME POSES A SERIOUS CHALLENGE TO LAW ENFORCEMENT

***E. V. Teplova**, senior lecturer at the Department of Special Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***E. V. Smeltsova**, lecturer at the Department of Special Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilov*

This article examines cybercrime as a new threat to the modern world. The authors explore the current state of cybercriminal activity, particularly its rapid growth. The analysis identifies key challenges in countering cybercrime, identifies priority tasks, and proposes effective measures to combat it.

Keywords: cybercrime, counteraction, cybersecurity, digital technologies, cyber threat.

За последние годы произошёл стремительный рост киберпреступности, которая является, пожалуй, одной из наиболее острых проблем для правоохранителей. Каждое третье преступление теперь связано с цифровыми технологиями. Наибольшую долю среди киберпреступлений занимают кражи и мошенничество через интернет, которые составляют 70 % всех случаев. Второе место по распространенности занимают преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков через интернет, – около 12 % от общего числа.

Необходимость усиления кибербезопасности и разработки новых методов защиты становится приоритетом в борьбе с этими угрозами, так как киберпреступления не ограничиваются кражей личных данных или денег. Они включают масштабные экономические преступления, угрозы информационной безопасности, манипуляции общественным мнением и даже террористические акты, подготовленные с помощью цифровых технологий [3].

Киберугрозы выходят далеко за рамки кражи личной информации или финансовых средств. Они включают в себя экономические преступления, угрозы информационной безопасности, попытки манипулирования общественным сознанием и даже террористические акты, планируемые с использованием цифровых технологий.

В связи с этим, усиление кибербезопасности и разработка новых, более эффективных методов защиты становятся первостепенной задачей для обеспечения безопасности граждан и государства.

Одной из наиболее острых проблем в противодействии киберпреступности остается низкий уровень раскрываемости, который в 2023 г. составил лишь 5,6 %. Этот показатель наглядно демонстрирует сложность и многогранность расследований в данной области. Ключевыми факторами, способствующими этому, являются следующие.

1. Технологическая изощренность. Преступники активно применяют передовые методы для сокрытия следов, используя анонимность в интернете и зашифрованные коммуникации, что затрудняет их обнаружение и привлечение к ответственности.

2. Географическая неопределенность. Киберпреступления часто носят трансграничный характер, что требует сложного международного взаимодействия для преследования виновных, особенно когда они действуют из юрисдикций с неэффективными правовыми системами [2].

Для преодоления этих вызовов правоохранительным органам необходимо инвестировать в разработку новых технологий и методов борьбы, а также укреплять международные партнерства. Только скоординированные действия позволят повысить эффективность раскрытия киберпреступлений.

По мимо этого, существенным фактором, усугубляющим проблему киберпреступности, является активность иностранных спецслужб и криминальных

формирований, базирующихся в государствах, проявляющих недружественную политику. Данные субъекты зачастую инициируют сложные мошеннические схемы, включая применение кол-центров для осуществления хищений денежных средств у граждан Российской Федерации.

Для эффективной борьбы с киберпреступностью крайне важно повышать осведомленность людей о рисках, подстерегающих их в интернете. Несмотря на развивающиеся технологии кибербезопасности, значительная часть населения остается уязвимой, не осознавая всех опасностей онлайн-деятельности и не обладая знаниями для защиты своих личных данных. Эта информационная лакуна становится питательной средой для злоумышленников, которые пользуются неопытностью и доверчивостью граждан.

Приоритетной задачей является формирование у каждого человека культуры цифровой безопасности. Необходимо, чтобы граждане понимали, какие действия могут привести к компрометации их персональных данных, как отличать поддельные сайты и мошеннические уловки, а также какие меры предосторожности следует применять для защиты своих учетных записей и финансовых средств.

Важным компонентом стратегии по борьбе с киберпреступностью должны стать масштабные информационные кампании, нацеленные на повышение уровня цифровой грамотности. Эти кампании могут включать распространение социальной рекламы, организацию обучающих семинаров и тренингов, а также привлечение известных личностей из мира культуры, науки и СМИ для эффективной трансляции ключевых принципов киберзащиты широкой аудитории.

Киберпреступность представляет собой угрозу, затрагивающую интересы каждого гражданина. Эффективность государственных мер по обеспечению безопасности напрямую зависит от уровня осведомленности и бдительности населения. Обеспечение безопасности в цифровой среде – это коллективная задача, требующая совместных усилий. Только при условии проявления осторожности, внимательности и готовности к адаптации к новым угрозам возможно создание безопасной цифровой среды для всех [1].

Киберпреступления – это не только проблема правоохранительных органов, но и каждого гражданина. Как бы эффективны ни были государственные меры защиты, ключевую роль в обеспечении безопасности играет осведомленность и внимательность самих граждан. Безопасность в цифровом пространстве – это общая задача. И если мы будем внимательны, осторожны и готовы адаптироваться к новым угрозам, то сможем создать более безопасную среду для всех.

Список источников

1. Авакьян М. В. Методические рекомендации по профилактике распространения идеологии терроризма и экстремизма: учеб. электрон. изд. Калининград: Изд-во БФУ имени И. Канта, 2023.

2. Герасимов А. А., Герасимова Т. С. Правовые аспекты ответственности за вовлечение несовершеннолетних в террористическую деятельность в России. Ceteris Paribus, 2024.
3. Киберугрозы: личная и национальная безопасность в эпоху цифровых технологий. Доступ к электронному ресурсу: URL: https://www.pnp.ru/social/kiberugrozy-lichnaya-i-nacionalnaya-bezopasnost-v-epokhu-cifrovykh-tekhnologiy.html. (дата обращения: 20.10.2025).

УДК 343.9.01

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ

***Н. Н. Шевко**, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***И. Г. Бурдинский**, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассмотрены некоторые характеристики убийства и особенности его расследования, включая действия следственно-оперативной группы на месте происшествия, а также особенности работы следственно-оперативных групп, связанных с обнаружением, фиксацией, изъятием и дальнейшим исследованием следов, относящихся к событию преступления.

Ключевые слова: преступление, потерпевший, убийство, следственно-оперативная группа, сокрытие, убийство по найму, бытовое убийство.

SOME FEATURES OF HOMICIDE INVESTIGATION

***N. N. Shevko**, senior lecturer of the Department of Special Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***I. G. Burdinsky**, senior lecturer of the Department of Special Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

In this article, the authors examine some of the characteristics of murder and the specifics of its investigation, including the actions of the investigative team at the scene, as well as the specifics of the work of investigative teams related to the detection, fixation, removal, and further examination of traces related to the crime.

Keywords: crime, victim, murder, investigative team, concealment, murder for hire, domestic murder.

Согласно статистике, каждое второе убийство происходит на бытовой почве, каждое четвертое убийство совершается в сфере семейных отношений. Также статистические показатели однозначно указывают на огромное количество

убийств, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, произошедших во время праздничных мероприятий, сопровождающихся употреблением алкогольных напитков, и в ходе выяснения отношений в пьяных разборках. Нередки случаи, когда подобные деяния совершаются членами семьи и близкими родственниками. Как правило, к подобным последствиям приводит удар оказавшимся в руках по стечению обстоятельств предметом хозяйственно-бытового назначения, будь то нож, топор, молоток или иной предмет из окружающей обстановки. Кроме этого, тот же результат наблюдается в обстоятельствах, когда жертву душат, попавшим под руку проводом, шнуром, веревкой или шарфом, сопровождая все это хаотичными ударами рук и ног. Лишь незначительная часть убийств совершается с применением холодного и огнестрельного оружия.

Нельзя забывать и о так называемых заказных убийствах, которые на фоне других характеризуются тщательной продуманностью и соответствующей подготовкой. При этом в подобных преступлениях преследуется реализация замысла определенного круга лиц, участвующего в совершении этого деяния. Это могут быть заказчики, организаторы, осведомители, посредники, непосредственные исполнители и так далее. Очень часто эти преступления отличаются своей дерзостью, так как совершаются с использованием огнестрельного оружия и взрывных устройств, а также специального оборудования и дополнительных комплектов одежды. Кроме того, они совершаются таким образом, чтобы значительно затруднить возможность обнаружения на месте происшествия следов преступления, а лица, их совершившие, могут прибегнуть к устранению и уничтожению случайно оказавшихся рядом с жертвой в момент совершения преступления свидетелей, будь то семья, родные, близкие, телохранители или просто прохожие. В дальнейшем при изучении обстановки места происшествия на месте можно обнаружить не только труп жертвы, но и тела случайных свидетелей и очевидцев.

Несмотря на это, встречаются ситуации, когда место обнаружения трупа и место преступления не совпадают. Подобным обстоятельствам может предшествовать расчленение или уничтожение тела на месте или его перевозка в другое место для этих же целей, или же ситуации, когда промежуточным этапом к уничтожению тела может послужить его сокрытие в укромном тайном месте до наступление удобного момента, для реализации замысла по уничтожению тела или его останков.

Умышленные убийства в наибольшем количестве совершаются лицами, возраст которых составляет 30–50 лет, чаще имеющими среднее образование, дееспособными, но не имеющими никакого определенного рода занятий [5, с. 394]. При этом такие лица ранее уже привлекались к уголовной ответственности. Кроме указанной возрастной категории, умышленное убийство может быть совершено группой лиц, состоящей из подростков в возрасте 16–17 лет.

Заказные же убийства реализуются с привлечением к его исполнению лиц, имеющих преступный опыт, определенные навыки и прошедших специальную подготовку. Также для реализации подобных целей нередко привлекаются лица из ближнего зарубежья, поскольку по исполнению такого замысла им легче скрыться от преследования, просто покинув страну. Не последняя роль при заказных убийствах отводится посредникам, их деятельность заключается в поиске непосредственного исполнителя. Также они выступают связующим звеном между организатором и исполнителем и нередко сами принимают активное участие в подготовке к совершению преступления и сокрытии его следов. Чаще эти лица находятся в ближнем окружении организатора преступления, являясь членами организованной преступной группы, или непосредственными подчиненными по службе.

Способы совершения убийств весьма разнообразны. Лишение жизни человека может быть осуществлено с использованием холодного и огнестрельного оружия, взрывных устройств, ядовитых веществ, с применением подручных средств, совершая утопление и удушение и так далее.

Показательно, что в ходе совершения заказных убийств очень часто применяются способы, препятствующие обнаружению на месте происшествия следов убийства и следов преступника. При этом преступник старается уничтожить следы своей деятельности, прибегая к уничтожению трупа, предпринимает попытки обезобразить или расчленить тело, для того чтобы осуществить его вынос по частям и быть при этом менее заметным, или же перемещая тело с одного места в другое для его сокрытия, а также для затруднения идентификации или отождествления трупа. Уничтожает оружие и другие предметы, используемые для убийства, уничтожает как свои вещи и обмундирование, так и вещи, одежду и обувь потерпевшего. Также применяются химические вещества для избавления от следов крови. Предпринимаются попытки выставить убийство за самоубийство или несчастный случай либо же и вовсе прибегают к поджогу, уничтожая тем самым все имеющиеся следы.

Наиболее типичными следами преступления, которые чаще других встречаются на месте убийства, являются: труп, оружие и предметы, используемые в его качестве, стреляные гильзы, следы крови, следы продуктов выстрела, следы обуви, следы перчаток, следы рук и так далее.

Потерпевшими чаще становятся лица, которые распивают алкоголь со случайными знакомыми, оказывающиеся в центре конфликта при ссоре или драке. Встречаются ситуации, когда жертвой убийства становятся люди, имеющие связь с преступным миром, а также лица, обладающие большими материальными ценностями.

Разбирая каждое преступление, связанное с убийством, главным образом необходимо выяснить сведения о потерпевшем и его поведении для построения версий о том, кто совершил убийство.

На первоначальном этапе расследования необходимо осуществить собирание достаточно полных данных о главных элементах криминалистической характеристики убийств, что в дальнейшем даст возможность представить наиболее типичную и вероятную версию о способе совершения убийства, что в конечном итоге позволит установить взаимосвязь между жертвой и преступником [4].

При расследовании преступлений против личности в целях установления конкретных обстоятельств по делу, а также для собирания дополнительных доказательств, руководитель расследования в рамках взаимодействия с другими подразделениями для раскрытия и расследования преступления имеет право направить ориентировки на разыскиваемое лицо, или оповестить всех задействованных в розыске лиц о деталях расследуемого преступления, при этом предоставив в их распоряжение фотографии, и заранее изготовленные субъективные портреты и фотороботы для дальнейшего опознания. Также руководитель следственно-оперативной группы безотлагательно может направить всем задействованным в расследовании лицам ставшие ему известными новые сведения об обстоятельствах дела, полученные по результатам производства криминалистических экспертиз. Передаются фотоснимки и их копии с осмотра места происшествия, фотоснимки орудий преступления, фотоснимки следов обуви, фотоснимки следов протекторов шин автомобилей и другие.

Также руководитель следственно-оперативной группы может давать поручения сотрудникам полиции о проверки медицинских частей и учреждений здравоохранения, с целью установления обращений в их адрес за оказанием медицинской помощи по поводу получения травм, которые могли быть получены этими лицами в результате оказания сопротивления со стороны потерпевших и их жертв. Кроме этого даются поручения о проверке по оперативно-розыскным и иным учетам в отношении разыскиваемых лиц по признакам внешности, особым и броским приметам и другим признакам, для дальнейшей идентификации личности преступника, поручения по производству оперативно-розыскных мероприятий по обнаружению и изъятию орудий преступления и других вещественных доказательств, выявлению очевидцев и свидетелей происшествия, а также обеспечение их явки к следователю для дачи показаний по делу, и поручения о задержании и доставлении к следователю самого подозреваемого.

Убийство по праву считается наиболее дерзким по отношению к личности, поскольку человека, погибшего в результате действий преступника, больше не будет в живых. На данном фоне обрываются связи, выстроенные с данным человеком на протяжении многих лет. В связи с этим общество должно максимально стремиться не только к минимизации данного рода противоправного поведения, но и, по возможности, его искоренения, что может быть достигнуто путем комплексного подхода к решению проблемы убийства, включающего меры профилактики, правоохранительные мероприятия, касающиеся тактики

и методики расследования подобных преступлений, цель. Их раскрытия и дальнейшего предупреждения и социальную поддержку населения, к которой также можно отнести развитие системы психологической помощи и проведение профилактик алкоголизма и наркомании.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 25.03.2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верхов. суда Рос. Федерации от 27.01.1999 № 1: ред. от 03.03.2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Ахтаев И. Ш. Классификация следов убийств // Совершенствование методологии познания в целях развития науки: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (3 ноября 2019 г., г. Саратов). Уфа, 2019. С. 169–173.
5. Криминалистика: учеб.-метод. пособие / авт.-сост.: П. П. Мураев, П. П. Фантров, В. И. Внуков [и др.]; Волгогр. гос. ун-т. Волгоград, 2021. 590 с.
6. Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений: учеб. для вузов / отв. ред. Л. Я. Драпкин. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2025. 391 с. // Образовательная платформа «Юрайт». URL: https://urait.ru/bcode/561729 (дата обращения: 27.08.2025).

Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Традиции и инновации в современной науке и образовании: теория и практика» (30 октября 2025 года)

УДК 378.1

ВОЗМОЖНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИММЕРСИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

***В. Л. Акапьев**, доцент кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности ОВД Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина,*

***С. Е. Савотченко**, профессор кафедры высшей математики и физики, Российского государственного геологоразведочного университета имени Серго Орджоникидзе*

Статья посвящена анализу возможности использования технологий иммерсивного обучения при подготовке сотрудников правоохранительных органов в образовательных организациях системы МВД России. Выделены когнитивные преимущества использования иммерсивного обучения. Рассмотрена модель образовательной организации, называемая «иммерсивный университет/институт/академия».

Ключевые слова: педагогические технологии, образовательные технологии. иммерсивные технологии, технологии виртуальной реальности

POSSIBILITIES OF IMPLEMENTING IMMERSIVE LEARNING TECHNOLOGIES IN TRAINING LAW ENFORCEMENT STAFF

***V. L. Akapyev**, associate professor of the Department of Information and Computer Technologies in the Activities of the Internal Affairs Bodies of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. D. Putilin,*

***S. E. Savotchenko**, professor of the Department of Higher Mathematics and Physics of the Russian State Geological Prospecting University named after Sergo Ordzhonikidze*

This article analyzes the potential use of immersive learning technologies in law enforcement training at educational institutions within the Russian Ministry of Internal Affairs. The cognitive benefits of immersive learning are highlighted. An educational institution model known as an "immersive university/institute/academy" is considered.

Keywords: pedagogical technologies, educational technologies, immersive technologies, virtual reality technologies

Современное общество вкладывает значительную часть своих ресурсов в профессиональное образование, особенно в подготовку высококвалифицированных кадров для правоохранительных органов. Несмотря на то, что эти инвестиции, как правило, не приносят экономической отдачи в течение периода обучения в образовательной организации, в обществе существует консенсус относительно важности образования для обеспечения будущей экономической производительности, социальной стабильности и безопасности. То, как любое общество организует свою систему высшего образования, особенно, подготовку кадров для правоохранительных органов, отражает его текущие социальные приоритеты и перспективы будущей идентичности.

Во многом устойчивое развитие высокотехнологического современного общества определяется более высоким уровнем конвергенции между цифровой реальностью и реальным миром, что значительно облегчает встраивание киберпространства в реальный мир. Новые информационные и коммуникационные технологии существенно изменили способы функционирования людей, общества, экономики и организаций, включая образовательные организации высшего образования. Такая тенденция не обошла и образовательные организации системы МВД России [1]. «Электронный» университет/институт/академия уже не является чем-то новым в образовательной практике, однако он требует создания новых инструментов для привлечения студентов к эффективному овладению компетенциями, востребованными обществом и рынком труда [2].

Одними из перспективных инструментов обучения в настоящее время выступают иммерсивные технологии, которые предполагают использование особых методов иммерсивного обучения.

Иммерсивным обучением называют метод, предполагающий использование искусственной или специально смоделированной среды для полного погружения в образовательный процесс, например, с помощью технологий виртуальной и дополненной реальности. Такая стратегия позволяет лучше усваивать новую информацию благодаря тому, что устраняет отвлекающие факторы, делает обучение не таким скучным и монотонным, а уроки – вовлекающими и занимательными. Поэтому познавательный процесс проходит более продуктивно, но при этом легко и непринужденно для обучающихся.

Уже сегодня можно с уверенностью констатировать, что иммерсивное обучение играет важную роль в современной педагогике, предлагая, в том числе, ряд когнитивных преимуществ:

– повышенная когнитивная гибкость и дивергентное мышление, обучающиеся (курсанты и слушатели) становятся более творческими мыслителями, способными предложить ряд обоснованных решений проблемы;

– повышенный контроль внимания и исполнительский контроль. Это означает, что обучающиеся лучше сосредотачиваются на задачах и выполняют их, слушают и общаются. У них лучше развита память, они лучше реагируют на ситуации и принимают разумные решения, а также более уверены в своих решениях;

– мотивация обучающихся повышается с применением интерактивных методов обучения, интерактивных подходов и «антистандартизации» вовлечения студентов в сложную среду.

Многомерное погружение и возможность совместного создания образовательных сценариев позволяют обучающимся участвовать в повышении качества образовательных программ высшего и дополнительного профессионального образования. Правильный подбор инструментов погружения позволит преподавателям реализовать любой учебный курс с использованием интерактивных методов обучения.

Следует отметить, что иммерсивное обучение не ограничивается мирами виртуальной, дополненной и смешанной реальности. Любое активное или интерактивное действие с участием обучающихся – это «погружение» в мир по сценарию, заданному или созданному в процессе обучения. Этот сценарий может быть реализован в сконструированном мире как в электронном виде, так и на месте. Руководствуясь определением «иммерсивная учебная среда – это учебные ситуации, которые создаются с использованием различных методов и программных средств… » [3], необходима реализация подхода, который объе-

диняет методы, сценарии и программные средства в один комплекс, называемый «иммерсивный университет/институт/академия». Особенностью предлагаемой модели является возможность тестировать инструменты иммерсивного обучения на основе отзывов пользователей (как преподавателей, так и курсантов, и слушателей) и изучения их поведения. Таким образом, создается полный цикл для каждого компонента иммерсивного обучения «разработка–пробный доступ–тестирование–улучшение–внедрение».

Иммерсивная модель образовательной организации предполагает, что обучающиеся должны иметь возможность полностью погрузиться в свою учебную область, что позволит им извлечь максимальную пользу из своих способностей и умений [3]. Также важно их участие в занятиях и взаимодействие с другими обучающимися и преподавателями.

Дискуссии, обмен мнениями и сотрудничество способствуют обмену идеями и углублению знаний. Таким образом, иммерсивная модель университета позволяет обучающимся получить теоретические знания и практические навыки, необходимые для их будущей карьеры. Однако для того, чтобы эта университетская концепция была практичной, профессорско-преподавательский состав и обучающиеся образовательных организаций системы МВД России должны обладать цифровыми знаниями на соответствующем уровне.

Иммерсивное образование – это инновационный подход к преподаванию и обучению, который использует иммерсивные технологии для создания увлекательного и интерактивного образовательного процесса. Следует отметить, что максимальная эффективность «погружения» может быть достигнута путем сочетания различных инструментов в разные периоды.

Несмотря на растущую популярность этих технологий в образовании, их внедрение в системе образовательных организаций МВД России происходит относительно медленно. Что остается неясным, так это то, как профессорско-преподавательский состав, сотрудники учебного отдела, подразделений технических средств обучения, курсанты и слушатели, особенно на уровне программ дополнительного профессионального образования (повышения квалификации), могут быть устойчиво ознакомлены с этой технологией, обеспечивая равные возможности для всех заинтересованных сторон.

Последующие исследования по интеграции таких технологий в образовательные организации МВД России могут помочь выявить эффективные подходы к внедрению технологий погружения в различные области, оценить их непреходящее влияние на образовательные достижения и преодоление препятствий, связанных с дороговизной, простотой использования и умственное перенапряжение.

Список источников

1. Акапьев, В. Л. Организационно-правовые проблемы организации электронного обучения в процессе формировании профессиональных компетентностей / В. Л. Акапьев, С. Е. Савотченко // Право и образование. – 2024. – № 5. – С. 4–14.
2. Дзюбан, В. В. Проблема внедрения цифровых технологий в систему образования в XX–XXI в. // Электронный научный журнал «Архонт». – 2021. –№ 6 (27). – С. 34–38.
3. Artyukhov, A. Immersive University Model: A Tool to Increase Higher Education Competitiveness / A. Artyukhov, I. Volk, O. Dluhopolskyi, E. Mieszajkina, A. Myśliwiecka // Sustainability. – 2023. – V. 15(10). – P. 7771. https://doi.org/10.3390/su15107771

УДК 343.01

ЦЕЛИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ И ПРАВОВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

***В. В. Антонченко**, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Дальневосточной пожарно-спасательной академии филиала Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России*

Статья посвящена проблеме восстановления социальной справедливости как цели уголовного наказания и правовосстановительного потенциала уголовного закона. Автор приходит к выводу, что в фокусе норм уголовного закона должна находиться защита прав потерпевшего и восстановление вреда, причиненного ему преступлением, а правовосстановительная цель уголовного права должна получить приоритет перед его карательной функцией.

Ключевые слова: преступление, наказание, уголовное право, цели наказания, кара, заглаживание вреда.

THE PURPOSES OF CRIMINAL PUNISHMENT AND THE RESTORATIVE FUNCTION OF CRIMINAL LAW

***V. V. Antonchenko**, associate professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines at the Far Eastern Fire and Rescue Academy a Branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia*

The article is devoted to the problem of restoring social justice as a goal of criminal punishment and the law-restoring potential of the criminal law. The author concludes that the norms of criminal law should focus on protecting the rights of the victim and restoring the harm caused to him by the crime, and the rightful purpose of criminal law should take precedence over its punitive function.

Keywords: crime, punishment, criminal law, purposes of punishment, punishment, reparation for harm.

В соответствии со ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2], наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения

совершения новых преступлений. Заглаживание (возмещение) вреда, причиненного потерпевшему преступлением, уголовный закон не относит к целям наказания, однако применяет термины «заглаживание» и «возмещение» вреда (ст. 61, 74–76, 79, 80 и др. УК РФ), вводя соответствующие институты в практику правоохранительной деятельности и научный оборот.

Центральной идеей уголовного наказания является возложение на лицо, виновное в совершении преступления, обязанности претерпевать неблагоприятные последствия самого широкого спектра: от негативных эмоций и чувств (стыд), помещения в положение, вызывающее презрение (позор), до материальных утрат, причинения физической боли и даже смерти. Отрицательные эмоции, всегда возникающие при столкновении людей с преступлением (гнев, печаль, злость, страх и др.), требуют своего удовлетворения, и потерпевшие в большинстве случаев настаивают на применении наказания, и тем более сурового, чем тяжелее последствия причиненного деяния. Эмоции встраиваются в культурные практики, благодаря продуктам культуры формируется общий эмоциональный язык, общий опыт эмоциональных переживаний, который гораздо шире и разнообразнее индивидуального опыта человека [12, с. 11–17]. В случае причинения тяжких преступлений против личности сурового наказания (кары, возмездия и т. п.) для преступника требуют, как правило, и посторонние лица. Влияние человеческих эмоций на сферу наказаний говорит о том, что основной смысл кары (возмездия, воздаяния и т. д.) – это месть за совершенное деяние, а основная цель – это отмщение (маскируемое, например, под термином «восстановление социальной справедливости» (ст. 43 УК РФ). Общество, государство и публичная власть не могут мстить – следование данной аксиоме права и порождает указанное выше разнообразие формулировок (а также научных работ, доказывающих, что «восстановление социальной справедливости» не имеет отношения к отмщению), наделяющих феномен наказания возвышенными мотивами и человеколюбивыми целями [9, с. 38–42]. Стремление покарать преступника является социально-психологическим феноменом, основанным на вере в то, что мир устроен справедливо и люди получают то, что заслуживают в соответствии со своими личными качествами и поступками: хорошие люди награждаются, а плохие – наказываются. М. Дж. Лернер, изучавший данный феномен, говорит о нем как о когнитивном искажении [18].

Психология наказания так или иначе преследует цель мести преступнику. Эта цель реально существует в индивидуальном и в общественном правосознании («возмездие», «воздаяние»), а также в законодательстве, скрываясь за термином «восстановление социальной справедливости». Ничем иным не объяснить, например, существование смертной казни в некоторых странах и условия содержания в местах лишения свободы, далекие от задач исправления,

перевоспитания и т. п. Данная цель наказания, как уже было указано, понятна с точки зрения психологии, но, будучи иррациональной, не может лежать в основе правоохранительной работы.

Термины «заглаживание» и «возмещение» вреда соотносятся как общее и частное, поскольку возмещение вреда (ущерба) является лишь одним из возможных действий по его заглаживанию [10, с. 39]. Возместить вред в полном объеме далеко не всегда представляется возможным (например, в случае причинения вреда жизни и здоровью), тогда как загладить его своими действиями (путем выплат, принесения извинений, денежной компенсацией лечения и т. п.) возможность у преступника, как правило, имеется [16, с. 52–63], Заглаживание вреда, в том числе и частичное возмещение ущерба, влечет за собой позитивные для преступника уголовно-правовые последствия, в частности, оно может быть учтено судом в качестве обстоятельства, смягчающего наказание [7].

Согласно правовой позиции Конституционного суда РФ, выраженной в ряде его решений, обязанность государства обеспечивать права потерпевших от преступлений не предполагает наделение их правом определять необходимость осуществления публичного уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности и наказания, – такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений принадлежит только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов [4, 5, 6].

В 2019 г. Конституционный суд РФ в своем определении отказал в принятии жалобы на невозможность оспаривания действий (бездействий) органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, если тот не возмещает причиненный вред, указав, в частности, что решение вопросов, связанных с возмещением потерпевшему вреда, причиненного преступлением, в процедурах, предусмотренных УПК РФ, предполагает как заявление гражданского иска в уголовном деле, влекущее признание потерпевшего гражданским истцом, а причинителя вреда – гражданским ответчиком (ч. 3 и 4 ст. 42, 44 и 54 УПК РФ), так и доказывание должностным лицом, ведущим производство по делу, характера и размера вреда, причиненного преступлением (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Также суд указал, что вид и мера ответственности лица, совершившего правонарушение, должны определяться исходя из публично-правовых интересов, а не частных интересов потерпевшего. Суд указал, что для принудительного исполнения судебных актов в части возмещения ущерба от преступления должен использоваться механизм закона об исполнительном производстве, предоставление потерпевшему права ставить перед судом требования, входящие в публичную функцию государства по осуществлению уголовного преследования, – недопустимо [3].

Таким образом, суд подтвердил позицию законодателя, состоящую в том, что заглаживание вреда и возмещение ущерба потерпевшему не входит в число функций уголовного права и не является целью наказания. Этот подход оставляет потерпевшего на периферии действия закона и лишает его возможности отстаивать свои права по возмещению вреда уголовно-правовыми средствами. Сегодня ни один из существующих видов уголовных наказаний и иных мер уголовно – правового характера не защищает интересы потерпевшего. Если, по мнению многих ученых, наказания не достигают даже провозглашенных в законе целей [11, с. 11–12; 13, с. 565; 17, p. 3], то на возмещение вреда, причиненного, преступлением, они и вовсе не направлены.

Выгодоприобретателем от всех способов материального воздействия на преступника (штраф, любые виды работ, лишение свободы, конфискация имущества и т. д.) является не потерпевшая сторона, а государство, не претерпевающее в большинстве случаев от совершения преступления вреда. Так, например, совершение дорожно-транспортного происшествия с причинением тяжкого вреда здоровью или смертельным исходом (ст. 264 УК РФ) наказывается принудительными работами, лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишением свободы на разные, в зависимости от последствий деяния, сроки. Ни одно из этих наказаний ни в какой степени не возмещает и не может возместить нарушенного блага*. Штраф, обращаемый в пользу потерпевшего (и не влияющий на право подачи и рассмотрения гражданского иска в уголовном деле), мог бы решить вопрос компенсации вреда. Лишение права управления транспортным средством (в том числе и пожизненное), конфискация транспортных средств, принадлежащих причинителю вреда (с обращением дохода от них также в пользу потерпевшего), могли бы выполнить и правовосстановительную и превентивную функцию.

В законодательстве отсутствует указание на то, что заглаживание вреда (возмещение ущерба) должно производиться в полном объеме; неполное возмещение вреда не является препятствием ни для назначения наказания условно (ст. 73 УК РФ), ни для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ). Преломляя в своем сознании указанный подход, суды назначают, как правило, незначительные компенсации потерпевшим и в рамках гражданских исков в уголовном деле. Но и это возмещение, в силу непринципиального отношения к нему закона, потерпевший во множестве случаев не получает. Не обременяет оно и преступника, поскольку его исполнение в полном объеме не является, как было указано, обязательным при рассмотрении, например, ходатайства об условно-досрочном освобождении.

* Философский вопрос о принципиальной невозможности какой-либо компенсации вреда жизни и здоровью автором в данной статье не рассматривается. Вместе с тем государство в лице судебных органов обязано оценивать этот вред и принимать решение о его возмещении (прим. авт.).

Эволюция права, связанная с эволюцией собственности, морали и взглядов на индивида как свободного и юридически равного другим, поставила человека и его права в центр социального развития и общественно – политической системы. Представляется, что конституционное установление, о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2 Конституции России) [1], непосредственным образом относится и к уголовно – правовой сфере. Однако, правовосстановление в области действия норм уголовного права, к сожалению, является лишь дополнительной (часто, необязательной) мерой. Сегодня существует настойчивая необходимость пересмотра фундаментальных основ отношения публичной власти к возможностям наказания, которое должно взять на себя функцию восстановления нарушенных преступлением прав, ценностей и благ.

Существуют чудовищные преступления, совершенные людьми в отношении других людей, и хорошо понятны чувства потерпевших от них. Жажда отмщения, свойственная человеку, сталкивающемуся с преступлением и ищущему справедливость, понятна. Однако государство и право не могут руководствоваться эмоциями, мотивированными стремлением увидеть страдания преступника. Эмоциональная сфера – плохой помощник в регуляции общественных отношений. Важную роль в этом процессе играют интеллект и осознание человеком собственных ценностей и идеалов [8]. Разумный наказывает не потому, что был совершен проступок, а для того, чтобы он не совершался впредь [15, с. 191].

Как показывает практика, карательный подход к наказанию не достигает и цели предупреждения совершения новых преступлений: наказание как акт государственного принуждения, состоящий в причинении индивиду неблагоприятных последствий и ограничений, неизбежно порождает внутреннее психическое сопротивление (контрсуггестию), не исправляющее, а, напротив, озлобляющее и провоцирующее его на конфликты, опровержение норм поведения и ценностей. Несмотря на широкий спектр предусмотренных законом наказаний и обширную правоприменительную практику в этой сфере, наблюдения свидетельствуют о росте числа рецидивных преступлений и особо тяжких преступлений против личности [14]. Профилактическая (превентивная) функция наказания не может опираться на иллюзии о его исправительном воздействии; она должна быть основана на рациональной изоляции индивидов, признанных, в силу совершенного ими деяния, опасными для общества.

Представляется что традиционный карательный, а не правовосстановительный характер уголовного права и всей уголовно-правовой сферы утратил свою актуальность и давно не соответствует состоянию права, современное положение которого значительно отличается от того, которое существовало

в сословных государствах прошлых веков. В соответствии со статьей 52 Конституции России, права потерпевших от преступлений охраняются законом, а государство обеспечивает потерпевшим компенсацию причиненного ущерба. Актуальной проблемой юридической науки и законодательства в современных условиях является возложение на отрасль уголовного права механизма реализации данной конституционной нормы.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенарод. голосованием 12.12.1993 с изм. от 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 24.06.2025 // Собр. законодательства Рос. Федерации от 17 июня 1996 г. № 25, ст. 2954.
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шушлебина И. С. …: определение Конституц. суда Рос. Федерации от 06.06.2019 № 1510-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
4. По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Пост. Государственной Думы от 26 мая 2000 г. …: Постановление Конституц. суда Рос. Федерации от 24.04.2003 № 7-П. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
5. По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой ст. 20, части шестой ст. 144, п. 3 части первой ст. 145, части третьей ст. 318, частей первой и второй ст. 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации…: Постановление Конституц. суда Рос. Федерации от 27.06.2005 № 7-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. По делу о проверке конституционности частей первой и второй ст. 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации…: Постановление Конституц. суда Рос. Федерации от 17.10.2011 № 22-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О применении судами законодательства …: Постановление Пленума Верхов. суда Рос. Федерации от 27.06.2013 № 19: ред. от 29.11.2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Адлер, А. Практика и теория индивидуальной психологии / А. Адлер; пер. с нем. А. Боковиков. – 2 изд. – М.: Питер, 2003. – 248 с.
9. Антонченко, В. В. Сущность уголовного наказания: месть или правовосстановление? / В. В. Антонченков // Российский судья. – 2025. – № 5. – С. 38–42.
10. Бриллиантов, А. В. Освобождение от уголовной ответственности: с учетом обобщения судебной практики: науч.-практ. пособие / А. В. Бриллиантов. – М.: Проспект, 2010.
11. Гилинский, Я. И. Криминология и девиантология постмодерна / Я. И. Гилинский. – СПб.: Алетея, 2024. – 242 с.
12. Горбунова, М. Ю. Эмоции общества в контексте социально-экономических трансформаций / М. Ю. Горбунова // Социум и власть. – 2012. – № 4 (36). – С. 11–17.

13. Жалинский, А. Э. Уголовное наказание в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. / А. Э. Жалинский. – М.: Проспект, 2009. – С. 565.
14. Жарких, Е. А. Институт рецидива преступлений: генезис понятия и трансформация системно-структурного и функционально-ролевого содержания: дис … канд. юрид. наук / Е. А. Жарких. – Краснодар, 2019. – 189 с.
15. Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 3 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – 654 с.
16. Сабитов Р. А., Сабитова Е. Ю. Уголовно-правовое значение заглаживания вреда, причиненного преступлением / Р. А. Сабитов, Е. Ю. Сабитова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 5. – № 2. – С. 52–63.
17. Jescheck H. H. Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil. 4 Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 1988. – 931p.
18. Lerner Melvin J. The Belief in a Just World A Fundamental Delusion (Perspectives in Social Psychology). 1980. – 209 p.

УДК 343.98

ПРИМЕНЕНИЕ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В ХОДЕ ОСМОТРА МЕСТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

***А. В. Баженов**, преподаватель кафедры криминалистики и специальной техники Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена возможностям и перспективам применения беспилотных летательных аппаратов в ходе осмотра места дорожно-транспортного происшествия, использованию программного обеспечения, преимуществам и недостаткам применения данных аппаратов в качестве вспомогательных технических средств обнаружения следов и их фиксации.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, беспилотные летательные аппараты, осмотр места происшествия, обнаружение, фиксация.

THE USE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES DURING THE INSPECTION OF THE SITE OF A TRAFFIC ACCIDENT

***A. V. Bazhenov**, lecturer of the Department of Criminalistics and Special Techniques of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article is devoted to the possibilities and prospects of using unmanned aerial vehicles during the inspection of the scene of a traffic accident, the use of software, the advantages and disadvantages of using these devices as auxiliary technical means of detecting traces and fixing them.

Keywords: traffic accident, unmanned aerial vehicles, inspection of the accident site, detection, fixation.

Дорожно-транспортные происшествия (далее – ДТП) представляют собой серьезную угрозу для общества, безопасности на дорогах и являются одной из основных причин смертности и травматизма во всем мире, несмотря на то, что данная категория преступлений относится к неосторожным. Полное, своевременное и эффективное расследование таких преступлений требует не только глубоких знаний в области права, но и высокого профессионализма

в работе с доказательствами, в том числе при осмотре места происшествия, так как эти преступления имеют свои особенности криминалистической тактики и методики расследования.

Осмотр места ДТП – это первоначальный и ключевой этап расследования, который позволяет собрать необходимую и наиболее ценную информацию о произошедшем событии, выявить следы, а также определить основные направления дальнейшего расследования. От его качественного проведения зависит успех дальнейшего расследования, поскольку именно на этом этапе формируется доказательственная база, которая будет использоваться в суде.

Актуальность темы тактики осмотра места ДТП обусловлена необходимостью повышения эффективности расследования таких преступлений, снижения уровня аварийности и обеспечения безопасности на дорогах. В условиях постоянного роста количества автомобилей и интенсивности дорожного движения вопросы совершенствования тактики осмотра приобретают особую значимость. На расширенном заседании коллегии МВД России 5 марта 2025 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин [8] поставил задачу к 2030 г. снизить смертность в ДТП в полтора раза.

Статистические данные о количестве совершенных дорожно-транспортных происшествий за 2019–2025 гг. [5]

Год	Всего совершено дорожно-транспортных происшествий	Погибли	Ранено
2019	164358	16981	210877
2020	145073	16152	183040
2021	133331	14874	167856
2022	126705	14172	159635
2023	132466	14504	166500
2024	132037	14403	164754
3 кв. 2025	82422	8688	102701

Представленные выше статистические данные за последние пять лет о количестве совершенных ДТП наглядно демонстрируют, что органами государственной власти ведется эффективная борьба по профилактике и предотвращению совершения ДТП, однако смертность остается высокой и погибают в них не только взрослые, но и дети. Так, в 2024 г. было совершено 4163 ДТП с участием неустановленных транспортных средств, в которых 106 человек погибло и 4241 получили ранения.

В результате быстротечного и с участием большого количества автомобилей, в том числе крупногабаритных грузовых автомобилей нередко происходит значительный разлет осколков, запчастей автомобилей, пострадавших лиц и иных

следовых частей, образовавшихся после столкновения. В ходе производства осмотра места происшествия первоначально необходимо установить границы такого осмотра. Применение беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) в качестве технического средства при осмотре позволит:

– произвести съемку (фото- и видеофиксацию) места происшествия большой территории;

– зафиксировать расположение транспортных средств и следов торможения;

– осмотреть труднодоступные места, в том числе в условиях темного времени суток;

– составить схему ДТП с учетом фотоснимков сверху;

– установить координаты места осмотра;

– объединить сотни фотографий в 3D-модель за несколько кликов, измерить расстояния, площадь поверхности и объемы объектов (например, с помощью программного обеспечения Pix4DMapper [4], фотограмметрия и обработка данных в Agisoft Metashape эффективно применяется в трасологической экспертизе ДТП. Метод позволяет точно восстанавливать схемы происшествий и анализировать их обстоятельства [3]).

Вместе с тем на расширение информационных возможностей при использовании БПЛА в ходе осмотра места происшествия указывают: профессор Н. Г. Шурухнов [9, с. 109], А. А. Пудовкин, Д. В. Теткин, Д. В. Бондарев [6, с. 108], В. Ю. Заикин, Д. Н. Лозовский, Н. Н. Лозовская [2, с. 102–104]. Преимущества применения БПЛА в таких труднодоступных местах как многоуровневые развязки кольцевой автодороги, в трудных погодных условиях осветили в своей публикации Е. С. Дубовик, А. Ю. Соколова [1, с. 75].

Одновременно в Алтайском крае в 2022 г. создано специально подразделение полиции по применению и эксплуатации беспилотных воздушных судов, которые участвуют в оперативно-розыскных мероприятиях, рейдах, охране общественного порядка, расследовании преступлений и поиске без вести пропавших граждан [7]. Отметим, что ДТП совершаются и в зимний период времени, когда на автодороге образовывается наледь из-за чего происходит занос автомобиля и совершаются столкновения со встречными или попутными транспортными средствами. При осмотре места происшествия с использование аэрофотосъемки и обработке полученных данных, можно построить цифровую модель местности, которая поможет выявить островки наледи, возвышающиеся над поверхностью дорожного полотна, и занимает такой способ определения наледи намного меньше времени чем осмотр традиционным способом.

Однако при всех указанных преимуществах существует и ряд недостатков:

– высокая стоимость БПЛА с высоким качеством установленной фото-, видеокамеры, программного обеспечения и иного дополнительного оборудования к нему, а также его обслуживания;

– необходимость проведения специальной подготовки сотрудников по работе с БПЛА;

– трудности применения БПЛА в неблагоприятных погодных условиях.

Таким образом использование БПЛА в ходе осмотра места ДТП является перспективным направлением, открывает новые возможности и может являться эффективным дополнением к существующим методикам фиксации криминалистического осмотра места происшествия.

Список источников

1. Дубовик, Е. С., Соколова, А. Ю. Возможности использования беспилотных летательных аппаратов при проведении осмотра места происшествия по делам о ДТП / Е. С. Дубовик, А. Ю. Соколова // Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. № 4. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 74–76.
2. Заикин, В. Ю., Лозовский, Д. Н., Лозовская, Н. Н. Возможности использования беспилотных летательных аппаратов в деятельности ГИБДД / В. Ю. Заикин, Д. Н. Лозовский, Н. Н. Лозовская // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 4. – С. 102–104.
3. Лазерное сканирование – фотограмметрия: что лучше выбрать // Geoscan. – URL: https://www.geoscan.ru/ru/blog/lazernoe-skanirovanie-fotogrammetriya-chto-luchshe-vybrat (дата обращения: 26.09.2025).
4. Обследование и фиксация деталей на месте ДТП // Дистрибуция и интеграция беспилотных решений. – URL: https://skymec.ru/services/transport/obsledovanie-i-fiksatsiya-detaley-na-meste-dtp/ (дата обращения: 26.09.2025).
5. Показатели состояния безопасности дорожного движения за 2019–3 кварта 2025 гг. // Госавтоинспекция. – URL: http://stat.gibdd.ru/ (дата обращения: 26.09.2025).
6. Пудовкин, А. А., Теткин, Д. В., Бондарев, Д. В. Особенности проведения осмотра места происшествия, местности в труднодоступных местах и при дорожно-транспортном происшествии с помощью применения беспилотных летательных аппаратов / А. А. Пудовкин, Д. В. Теткин, Д. В. Бондарев // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2022. – Вып. 3. – С. 104–111.
7. Работа на земле и в небе // МВД Медиа. – URL: https://mvdmedia.ru/publications/shield-and-sword/aktualno/rabota-na-zemle-i-v-nebe/ (дата обращения: 29.09.2025).
8. Расширенное заседание коллегии МВД России // Президент России. – URL: kremlin.ru/events/president/news/76408 (дата обращения: 26.09.2025).
9. Шурухнов, Н. Г. Беспилотные летательные аппараты – дополнительные средства повышения качества и безопасности производства осмотра места происшествия / Н. Г. Шурухнов // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2024. – № 4. – С. 105–112.

УДК 355.233.231.1

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО- ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ВЕДОМСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

***В. Г. Балковая**, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Дальневосточного юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент*

В статье обосновывается необходимость проведения систематической работы по государственно-патриотическому воспитанию в ведомственных высших учебных заведениях. Автор доказывает, что это направление воспитательной работы имеет особое значение в условиях кризиса национальной идентичности у части современной молодежи.

Ключевые слова: государственно-патриотическое воспитание, государственно-патриотическое воспитание молодежи, патриотическое воспитание, патриотизм.

PROBLEMS OF STATE AND PATRIOTIC EDUCATION IN DEPARTMENT UNIVERSITIES

***V. G. Balkovaya**, head of the Department of Theory and History of State and Law of the Far Eastern Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor*

The article substantiates the need for systematic work on state-patriotic education in departmental higher education institutions. The author demonstrates that this area of educational work is particularly important given the national identity crisis experienced by some modern youth.

Keywords: state-patriotic education, state-patriotic education of youth, patriotic education, patriotism.

Особой актуальностью в современной высшей школе обладают проблемы воспитания, так как состояние взглядов и поведенческих установок молодежи в значительной степени предопределяет историческую судьбу государства и общества [10, с. 116].

Особенной важностью в этой связи обладает состояние духовной культуры и патриотического сознания студентов, обучающихся в ведомственных юридических вузах, потому что в ближайшее время именно они будут выступать от имени государства, воплощая в себе его властный ресурс.

Цель статьи – определить причины снижения уровня патриотизма у современной молодежи, выявить, в связи с этим, основные проблемы в организации работы по государственно-патриотическому воспитанию и предложить пути их решения.

Можно констатировать, что у современного молодого поколения изменилось отношение к традиционным российским духовно-нравственным ценностям, идеалам, у значительного числа лиц, обучающихся в вузах, прослеживается деградация патриотического сознания, не сформированы интерес к истории своей страны и чувство ответственности за ее судьбу [9, с. 239].

Снижение уровня патриотизма у современной молодежи в значительной степени обусловлено разрушением системы общественно-политического воспитания, существовавшей в советском государстве, для которой были характерны системность, последовательность, согласованность воспитательного воздействия. Отсутствие идейного единства общества несет в себе определенную угрозу для перспектив развития современной России, так как у значительной части молодых людей прослеживаются симптомы кризиса национальной самоидентификации, при котором они не чувствуют в себе ответственность за свою Родину, не ощущают своего единства с ее исторической судьбой [7, с. 110].

Такая ситуация недопустима в отношении лиц, обучающихся ведомственных вузах за счет средств государственного бюджета, профессиональная подготовка которых предполагает в дальнейшем поступление на государственную службу. Вследствие этого необходима систематическая работа по государственно-патриотическому воспитанию этой категории молодых людей.

В качестве важнейшей причины снижения уровня патриотического сознания молодежи можно назвать планомерное внедрение ценностей общества потребления. В сфере образования это выразилось в том, что обучение стало трактоваться как услуга, объем и качество которой определялся заказчиком, а с образовательных организаций была снята задача формирования личности обучающегося. Отделение обучения от воспитания имело следствием разрыв преемственности поколений, переоценку систему традиционных национальных ценностей, обострение социальных противоречий. В итоге это привело к потере нравственных ориентиров и общему снижению морального сознания у молодежи.

Часть молодых людей утратила чувство Родины, перестала ощущать себя частью своей страны, у них не сформировано чувство ответственности за ее историческую судьбу.

Вследствие этого, задачи, стоящие сегодня перед ведомственными юридическими вузами, не сводятся только к образовательной деятельности,

совершенствованию форм и методов преподавания правовых дисциплин, но также включают в себя задачу формирования личности обучающихся [4, с. 10]. Это должно воспрепятствовать развитию деструктивных форм правового поведения и корректировке уже имеющихся деформаций правосознания.

При формировании личности лица, обучающегося в ведомственном вузе, необходимо сосредоточить свое внимание на задаче формирования юриста-гражданина своего государства и патриота своей страны, способного работать на ее благо, видящего цель своей жизни в служении закону [6, с. 145]. Эту задачу невозможно решить без систематической работы по государственно-патриотическому воспитанию.

Патриотизм, таким образом, выступает как единство духовности, гражданственности и социальной активности личности, осознающей единство своей судьбы с судьбой своей страны, испытывающей уважение к предкам и ответственность перед потомками [2, с. 119].

В практической реализации государственно-патриотического воспитания в современных вузах можно выделить ряд специфических проблем, осложняющих процесс воспитательной работы. К ним, в частности, можно отнести педагогическую запущенность значительной части молодых людей, низкий уровень их духовных потребностей; инфантилизм, который выражается в неспособности и нежелании взять на себя ответственность за свою жизнь, жизнь своей семьи и жизнь своей страны, что в значительной степени связано с затянувшимися сроками социализации [4, с. 7–9].

Другими проблемами являются потребительство, отсутствие преемственности воспитательного воздействия при переходе в образовательные организации следующего уровня, не сформированность базовых личностных установок и отсутствие четкой жизненной позиции. Это делает молодых людей восприимчивыми к враждебным информационным вбросам, нередко формирует у них интерес к деструктивным формам правового поведения.

Отделение воспитания от образования привело к тому, что на выходе из вуза мы можем получить высококвалифицированного юриста, не чувствующего ответственности за свою страну и ее правопорядок, способного использовать свои профессиональные знания для обхода закона. Стоит ли говорить, насколько опасен молодой специалист, имеющий такие жизненные установки, при поступлении на государственную службу, что наделяет его властными полномочиями и предоставляет право выступать от имени государства.

Вследствие этого, задача по государственно-патриотическому воспитанию является важнейшим направлением работы современного ведомственного вуза. Она призвана скорректировать имеющиеся личностные деформации и сформировать грамотного правоприменителя, осознающего свою ответственность перед обществом и государством.

Важную роль в этом могут сыграть дисциплины исторического блока – история России, история государства и права России, основы российской государственности. Их содержательная часть позволяет задуматься о многих проблемах исторического пути России, уникальности ее цивилизации, вкладе конкретных личностей в ее историю. Таким образом, можно утверждать, что государственно-патриотическое воспитание возможно осуществлять не только в ходе специальных плановых мероприятий, но и в процессе образовательной деятельности.

В процессе планирования мероприятий государственно-патриотической направленности важно совершенствовать формы и методы воспитательной работы с учетом реалий современности [5, с. 116]. В частности, молодежь в условиях цифровизации лучше воспринимает красочные мероприятия, имеющие современное техническое сопровождение.

Среди таких форм можно порекомендовать организацию силами обучающихся систематического политического информирования путем подготовки видеопрезентаций, посвященных датам важнейших исторических событий, государственным праздникам, юбилеям исторических деятелей. В результате, как авторы презентаций, так и зрители получают информацию о значимых политических и исторических датах в жизни российского государства, а также узнают новые факты о них.

Другой формой может стать периодическое проведение конкурсов видеопрезентаций на актуальные государственно-патриотические темы.

Такие формы, с одной стороны, позволяют обучающимся найти для себя новые формы творческого самовыражения с использования современных цифровых технологий, а с другой – предоставляют им возможности проведения самостоятельной поисковой работы в пределах поставленной проблемы.

В качестве других форм можно отметить участие в красочных ритуалах государственно-патриотической направленности (совместное прослушивание гимна, вынос знамени, возложение цветов, участие в параде) [3, с. 135]. Подобные мероприятия помогают ощутить свое единство, почувствовать свою сопричастность российской истории [8, с. 138].

В заключение важно подчеркнуть, что успех воспитания обусловлен многим факторами, в частности, системностью, согласованностью и плановостью воспитательного воздействия, учетом исходного уровня воспитанности аудитории в избранной сфере, умелым сочетанием воспитательных форм и воздействий.

Все эти моменты справедливы и для организации государственно-патриотического воспитания, направленного на формирование грамотного юриста – патриота своей страны и гражданина своего государства [1, с. 151].

В современном мире, в условиях внешних и внутренних угроз, патриотическое воспитание приобретает особое значение как важное условие национальной

безопасности страны. Патриотическая идея как базовая в системе традиционных духовных ценностей, способна обеспечить консолидацию общества, помочь преодолеть в нем симптомы кризиса национальной идентичности.

Список источников

1. Гуров, М. П. Роль государственного патриотического воспитания в системе формирования профессиональных качеств сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации / М. П. Гуров, О. В. Фролова // Современный ученый. – 2021. – № 6. – С. 149–153.
2. Дробот, М. В. Патриотическое воспитание как цементирующая основа Российской государственности / М. В. Дробот // Патриотическое воспитание в современных социокультурных условиях: проблемы, реалии, традиции, инновации, перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Орел, 18–19 ноября 2020 г. – Орел: Орлов. гос. ин-т культуры, 2021. – С. 117–121.
3. Зотеева, Т. С. Государственный гимн как жанр политического дискурса / Т. С. Зотеева // Политическая лингвистика. – 2013. – № 1 (43). – С. 133–143.
4. Калинич, В. С. Патриотическое воспитание как элемент социализации современной молодежи / В. С. Калинич // Социология. – 2022. – № 5. – С. 5–13.
5. Мищенко, И. Н. Гражданско-патриотическое воспитание как системообразующий элемент воспитательной работы в вузе / И. Н. Мищенко, Н. П. Котляр // Инновации в образовании. – 2024. – № 1. – С. 111–122.
6. Прокурова, Н. С. Роль патриотического воспитания в формировании личности / Н. С. Прокурова, С. В. Прокурова // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 92–3. – С. 43–46.
7. Сироткин, Д. А. Трансформация патриотического воспитания в России / Д. А. Сироткин // Современное педагогическое образование. – 2023. – № 11. – С. 108–114.
8. Уткин, В. Е. Военно-патриотическое воспитание: компетентностный подход / В. Е. Уткин // Высшее образование в России. – 2010. – № 10. – С. 137–141.
9. Федосеева, И. А. Новые контуры государственно-патриотического воспитания молодежи / И. А. Федосеева, Р. А. Николаев // Педагогический журнал. – 2023. – Т. 13, № 1–1. – С. 231–237.
10. Ходякова, Н. В. Патриотизм как традиционная российская духовно-нравственная ценность и его воспитание / Н. В. Ходякова // Академическая мысль. – 2023. – № 1(22). – С. 116–120.

УДК 378

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОРАЗВИТИЯ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РОЛЬ ПЕДАГОГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

***В. М. Берёза**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматривается проблема личностно-профессионального саморазвития курсантов образовательных организаций системы МВД России. Анализируются педагогические условия, способствующие актуализации процесса саморазвития, и определяется специфическая роль педагога в организации данного процесса.

Ключевые слова: личностно-профессиональное саморазвитие, компетенция саморазвития, курсанты, педагогическая роль, педагогические условия.

ACTUALIZING PERSONAL AND PROFESSIONAL SELF-DEVELOPMENT OF CADETS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS: THE ROLE OF THE EDUCATOR IN THE EDUCATIONAL PROCESS

***V. M. Bereza**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article addresses the issue of personal and professional self-development among cadets in educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs system. It analyzes pedagogical conditions that facilitate the actualization of the self-development process and defines the specific role of the educator in organizing this process.

Keywords: personal and professional self-development, cadets, pedagogical role, pedagogical conditions.

Педагогический процесс в образовательных организациях системы МВД России имеет двойственный характер, сочетающий задачи профессиональной подготовки и личностного становления. В этом контексте роль педагога приобретает особое значение, поскольку именно он становится ключевой фигурой в организации и сопровождении процесса саморазвития курсантов.

Роль педагога заключается в создании условий, в которых курсант может самостоятельно осмысливать свой опыт, формулировать проблемы, находить решения и корректировать свою деятельность. Это требует от педагога не только глубоких предметных знаний, но и развитых педагогических способностей, таких как эмпатия, коммуникативные навыки, организаторские способности и, что наиболее важно, способность к собственной рефлексии. Преподаватель становится рефлексирующим педагогом, способным анализировать свои достижения и промахи для более эффективной организации учебного процесса. Он должен переходить от трансляции информации к исследовательскому подходу, используя проблемные ситуации и активные методы обучения для стимуляции познавательной активности курсантов [1]. Такой педагогический подход требует от преподавателя систематического повышения квалификации и постоянного совершенствования своего педагогического мастерства, поскольку он сам является одним из ключевых субъектов развивающей образовательной среды.

Педагог создает развивающую среду, которая характеризуется следующими элементами:

1) психологической безопасностью, позволяющей курсантам проявлять инициативу и творчество;

2) рефлексивной направленностью, стимулирующей анализ собственных действий и принятых решений;

3) проблемностью, побуждающей к поиску нестандартных решений в профессиональных ситуациях;

4) диалогичностью, обеспечивающей обмен опытом и мнениями между курсантами и педагогом [2, с. 14–17]. Для того, чтобы развивающая среда могла способствовать саморазвитию курсантов, необходимо также обеспечить и рефлексию.

Рефлексия как педагогическое условие, рассматривается как необходимый, приоритетный и системообразующий фактор для актуализации личностно-профессионального саморазвития курсантов в образовательных организациях МВД России. В широком смысле рефлексия представляется как размышление, обдумывание чего бы то ни было, а в узком – как размышления и обдумывания, направленного на самого себя [3].

Данные условия могут обеспечиваться за счет таких технологий как кейс-метод и проблемные ситуации.

Кейс-метод определяется как педагогическая технология активного, проблемно-ситуационного анализа, основанная на работе с реальными или вымышленными профессиональными ситуациями [4]. Его ключевая особенность заключается в том, что кейс содержит центральную проблему, решение которой не является однозначным, что стимулирует критическое мышление, самостоятельность и коммуникацию курсантов. Применение кейс-метода позволяет связывать теорию с практикой, развивать умение анализировать, аргументировать и принимать стратегические решения в условиях, приближенных к реальной служебной деятельности.

Проблемные ситуации являются еще одним инструментом, с помощью которого происходит активное осмысление и преобразование своего опыта курсантом. Проблемное обучение, основанное на преднамеренной постановке перед курсантами учебно-познавательных проблем, является одним из ключевых методов, запускающих весь процесс саморазвития [5].

Уточним, что личностно-профессиональное саморазвитие курсанта – это не результат прямого педагогического воздействия, а результат его активного взаимодействия с целостной образовательной средой. В данном процессе, рефлексия выступает как системообразующий фактор, обеспечивающий оптимальное взаимодействие образовательного и профессионального аспектов. Поэтому необходимо целенаправленное проектирование рефлексивной среды. Рефлексия должна стать неотъемлемой частью каждого занятия, в ходе которых он должен осознавать важность и практическую значимость полученных знаний, умений и навыков.

Список источников

1. Аниканов, М. В. Технология реализации рефлексивного обучения курсантов военных вузов внутренних войск МВД России / М. В. Аниканов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – С. 140–144. – № 1.
2. Слесаренко, Н. В. Активизация личностного саморазвития курсанта в образовательном процессе военного института: автореф. дис. … канд. пед. наук / Н. В. Слесаренко. – Благовещенск, 2004. – 235 с.
3. Карпов, А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности: сб. науч. тр. / А. В. Карпов. – М.: Институт психологии РАН, 2004. URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/67567586/93250935/&art=67567586&user=814663665&uilang=ru&catalit2&track_reading&fb3_master=#back_812_219 (дата обращения: 30.10.2025).
4. Осинцева, Л. М., Кузнецова, Л. В. Модель формирования универсальных компетенций сотрудников полиции посредством кейс-метода обучения в образовательных организациях МВД России / Л. М. Осинцева, Л. В. Кузнецова // Полицейская деятельность. – 2021. – № 6. – URL: https:/www.cyberleninka.ru/article/n/model-formirovaniya-universalnyh-kompetentsiy-sotrudnikov-politsii-posredstvom-keys-metoda-obucheniya-v-obrazovatelnyh (дата обращения: 16.11.2025)
5. Алегушина, Е. А., Быстрова, Н. В., Лапшова, А. В. Технология проблемного обучения при формировании компетенций студентов / Е. А. Алегушина, Н. В. Быстрова, А. В. Лапшова // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 63–2. – URL: https://www.cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-problemnogo-obucheniya-pri-formirovanii-kompetentsiy-studentov (дата обращения: 16.11.2025).

УДК 342.95

ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ)

***Д. М. Бондаренко**, адъюнкт Дальневосточного юридического института ВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена рассмотрению такого современного феномена, как параллельный импорт через призму административной ответственности. В силу изменения политико-правовых отношений государства с другими странами, совершение действий, входящих в состав ст. 14.10 КоАП РФ, находятся на особом контроле. Это обусловлено тем, что в рамках распространения перевоза товаров через границу без уведомления об этом продавца оригинальной продукции, служит инструментом для развития противоправной деятельности, затрагивающей использование средств индивидуализации собственников, что существенным образом нарушает их права и законные интересы.

Ключевые слова: параллельный импорт, административная ответственность, правонарушение, средства индивидуализации, товарный знак.

ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR THE ILLEGAL USE OF MEANS OF INDIVIDUALIZATION OF GOODS (WORKS, SERVICES)

***D. M. Bondarenko**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article examines the modern phenomenon of parallel importation through the prism of administrative liability. Due to changes in the political and legal relations of the state with other countries, actions covered by Article 14.10 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation are currently under special scrutiny. This is due to the fact that, as the transportation of goods across borders without notifying the seller of the original product has become widespread, it serves

as a tool for the development of illegal activities involving the use of owners' means of individualization, which significantly violates their rights and legitimate interests.

Keywords: parallel importation, administrative liability, offense, means of individualization, trademark.

Успешное функционирование политико-экономических механизмов зависит от строго упорядоченного правового регулирования многих аспектов жизнедеятельности, в частности, обеспечения защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности. Несмотря на строгий контроль со стороны гражданского законодательства, вопрос об административной ответственности за подобный вид правонарушения остается менее освященным. Мы предлагаем разобраться конкретно в положениях административной юрисдикции в области параллельного импорта. В отечественном законодательстве понятие «параллельный импорт» не закреплено, однако, мы видим, что оно исходит из факта исчерпания прав на объекты интеллектуальной собственности. Главной чертой параллельного импорта является ввоз в какую-либо страну товаров без согласия правообладателя, то есть параллельно официальному импорту. На наш взгляд, параллельный импорт не является однозначно негативным явлением, так как важное значение имеет подлинность и качество ввозимой продукции.

Главным нормативно-правовым актом, устанавливающим перечень административных правонарушений и санкций за их совершение, является Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ) [1]. Статья 14.10 КоАП РФ содержит состав административного правонарушения, указывающий на недопустимость незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг). Контролирующим и ответственным органом, уполномоченным возбуждать дело об административном правонарушении по указанному административно-правовому деликту, в соответствии с п. 12 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ, выступают должностные лица таможенных органов, уполномоченных составлять протоколы в случае совершения административного правонарушения по ст. 14.10 КоАП РФ.

Наиболее часто заявления подаются лицами и организациями, чей товарный знак был неправомерно использован третьими лицами. На наш взгляд, в случае возникновения разбирательства по данному факту, таможенным органам следует обратить внимание на некоторые обстоятельства с учетом позиций, закрепленных в Гражданском кодексе Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (далее – ГК РФ) [2]. К ним можно отнести следующие:

1) рассматривая положения ст. 1481 и ст. 1484 ГК РФ, обратить внимание, что право на товарный знак распространяется только на продукцию

определенного типа, с занесением в Государственный реестр товарных знаков. Это значит, что допускается защита лишь тех знаков, которые были использованы в похожем виде в отношении однородных разновидностей всего многообразия ассортимента товаров;

2) сходство оригинального товарного знака с незаконно использованным настолько очевидно для окружающих, что найти различия проблематично;

3) отсутствие у организаций (к примеру, хозяйственных субъектов) законных оснований на эксплуатацию товарного знака, которые могут быть получены лично от правообладателя в случае, допустим, заключения лицензионного договора.

Е. Г. Иванова отмечает, что указанная статья имеет широкий диапазон воздействия, так как практически любое нелегальное использование товарного знака может содержать признаки такого состава [4, 112]. Мы полагаем, что учет представленных положений будет способствовать объективному и точному разрешению вопроса о квалификации содеянного, поможет избежать возможных ошибок.

Интересны позиции потребителей и правообладателей в отношении проблемы незаконного использования средств индивидуализации.

С. Н. Панов выделяет следующие две категории покупателей, как правило, не пересекающихся.

1. Лица, приобретающие по большей части продукцию «люкс» сегмента, для которых важна подлинность и качество товара.

2. Лица, покупающие необходимый ассортимент по низким ценам, не обращая внимания на наличие или отсутствие товарного знака какого-либо производителя [6, 19].

З. В. Котельникова высказывает по этому поводу следующее: «неуместно говорить в данном случае о наличии обмана в действиях продавца, так как граждане, заинтересованные в цене товара, вполне могут предпочесть фальшивый бренд, зато по приемлемой для них цене» [5, 44].

Н. А. Пермякова в своем исследовании утверждает, что пострадавшими от незаконного использования товарного знака являются в основном представители организаций, выпускающих товар по средним ценам. Фальшивые товары в таком случае имеют чуть меньшую стоимость, зато значительно уступают качеству оригинальной продукции, из-за чего подделки быстро теряют полезные свойства и могут даже вызвать, например, аллергические реакции [7, 21].

Первыми, кто встречается с перемещаемыми через границу поддельными партиями товара, являются таможенные органы. Они руководствуются нормами Таможенного кодекса ЕАЭС и КоАП РФ (ст. 14.10 и 7.12).

На примере правоприменительной практики, целесообразно рассмотреть решение Арбитражного суда Приморского края от 6 июля 2022 г., в котором прослеживается соответствующая деятельность таможенных органов. Уссурийская

таможня обратилась с исковым заявлением о привлечении ООО «Инстайл» к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.10 КоАП РФ. ООО «Инстайл» предоставило к таможенному декларированию товар, имеющий признаки контрафактности, содержащий незаконное изображение, сходное с товарным знаком, права на использование которого принадлежат компании Zapf Creation AG. По запросу Уссурийской таможни выяснилось, что компания Zapf Creation AG не давала согласия на использование своего товарного знака и не предоставляла права на ввоз продукции на территорию Российской Федерации. Сотрудниками таможни в отношении ответчика был составлен протокол об административном правонарушении. Арбитражный суд Приморского края, руководствуясь статьями гражданского и административного законодательства РФ, вынес решение о наложении на ответчика административного штрафа в размере 25000 рублей [8].

Ю. В. Богданов и О. В. Сорокина предлагают для борьбы с этим опасным явлением следующие меры:

– совершенствование взаимодействия таможенных органов и правообладателей;

– дальнейшее совершенствование нормативной базы в сфере охраны авторских прав;

– использование новых видов технических средств контроля и передачи информации;

– повышение правовой культуры граждан;

– усовершенствование порядка проведения декларирования и товароведческих экспертиз [3, 42–48].

Существуют различные способы усиления борьбы с контрафактной продукцией применяемых как в международной, так и в отечественной практике. Это и более широкое применение ст. 14.10 путем проведения совместных рейдов сотрудников МВД и таможенных органов. Возможно введение новых форм правовых актов, обязательных для соблюдения при таможенном декларировании товаров. Важным фактором также является совершенствование процесса идентификации контрафактной продукции.

В заключение следует отметить, что правовые механизмы защиты исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности в России и странах Таможенного союза созданы и нуждаются в дальнейшем совершенствовании, исходя из национальных интересов стран-участниц.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 27.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ: ред. от 31.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Богданов, Ю. В., Сорокина, О. В. Таможенные аспекты борьбы с контрафактными товарами / Ю. В. Богданов, О. В. Сорокина // Вестник экспертного совета. – 2020. – № 2–3 (21–22). – С. 42–48.
4. Иванова, Е. Г. Административная ответственность за незаконное использование товарных знаков, за недобросовестную конкуренцию и нарушения законодательства о рекламе / Е. Г. Иванова // Имущественные отношения в РФ. – 2011. – № 10 (121). – С. 112.
5. Котельникова, З. В. Товар с чужим лицом, или почему правообладатели торговых марок попустительствуют контрафакту / З. В. Котельникова // Экономическая социология. – 2008. – № 4. – С. 44.
6. Панов, С. Л. Виктимологические аспекты оборота контрафактной и фальсифицированной продукции / С. Л. Панов // Современное право. – 2007. – № 12. – С. 19.
7. Пермякова, Н. А. Совершенствование законодательства об административной ответственности за незаконное использование товарных знаков и практики его применения / Н. А. Пермякова // Вестник Омской юридической академии. – № 2 (19). – 2012. – С. 21.
8. Решение Арбитражного суда Приморского края № А51–8679/2022 от 06.07.2022 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/oSBi2csZk2gV/ (дата обращения: 14.10.2025).

УДК 37.032

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ БУДУЩЕГО СОТРУДНИКА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Е. С. Бульбенко**, старший преподаватель кафедры иностранных языков Волгоградской академии МВД России, кандидат филологических наук*

Предметом рассмотрения статьи является профессиональная коммуникативная деятельность будущего сотрудника Министерства внутренних дел Российской Федерации. В статье говорится о важности развития коммуникативных навыков как основы формирования личности будущего специалиста на примере профессиональной деятельности в полиции. Акцентируется внимание на эмоциональной коммуникативной деятельности полицейского. Обосновывается необходимость подготовки будущих полицейских к профессиональной коммуникативной деятельности.

Ключевые слова: формирование личности, профессиональная деятельность, коммуникация, коммуникативные навыки.

PROFESSIONAL COMMUNICATIVE ACTIVITY AS A BASIS FOR THE FORMATION OF THE PERSONALITY OF THE FUTURE POLICE OFFICER OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

***E. S. Bulbenko**, senior lecturer at the department of foreign languages of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Philology*

The subject of this work is the professional communication activities of the future police officer of the Ministry of the Interior of Russia. In the article the author dwells upon the importance of developing communicative skills as a basis for forming the personality of the future specialist on the example of professional activity in the sphere of police.

The emotional communicative activity of a police officer is emphasized. The necessity to train future police officers to use professional communication activities is justified.

Keywords: personal development; professional activities; communication; communication skills.

Сегодня деятельность педагогов, осуществляемая в сфере образования, прежде всего, направлена на объединение таких процессов, как учебный, научный и воспитательный. Для того, чтобы оптимизировать профессиональную подготовку будущих сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) педагогические работники и методисты постоянно совершенствуют и разрабатывают новые виды и формы организации учебно-воспитательной деятельности в высшей школе [4, с. 145–146].

Следует отметить, что в процессе обучения будущего специалиста в вузах как языковых, так и неязыковых, необходимым условием является тот фактор, что надлежит обратить особое внимание на современные запросы, мотивы, интересы, потребности, а также собственное отношение студентов, курсантов, слушателей к своей будущей профессии.

Учеными выявлено, что одними из важнейших аспектов проявления индивидуальности будущего специалиста являются: 1) *интеллектуальный* (выражать гражданскую зрелость; четко придерживаться своих убеждений на основе знаний, а также полученного практического и теоретического опыта и пр.); 2) *социальный* (применять правила межличностной эмоциональной коммуникации; приводить и отстаивать свою точку зрения, аргументируя и пр.); 3) *эмоциональный* (анализировать эмоциональное состояние коммуникативного партнера и давать оценку своему эмоциональному коммуникативному поведению; быть способным к самоанализу, самоконтролю, рефлексии и пр.).

В данной работе речь идет о профессиональной коммуникативной деятельности (далее – ПКД) будущего полицейского. И, прежде всего, считаем необходимым выяснить, что значит понятие «профессиональная деятельность».

Так, Т. Л. Маркова рассматривает понятие «профессиональная деятельность» как существенную составляющую профессиональной культуры, при этом за основу профессиональной деятельности берется непосредственно профессия (специальность) [3, с. 4]. Профессиональная деятельность характеризуется социальной значимостью; такая деятельность требует не только специализированных знаний, но и личностных профессионально-обусловленных качеств [2, с. 5].

Итак, профессиональная деятельность – это деятельность, которая непосредственно связана со специальностью, т. е. профессией; деятельность, требующая определенных навыков, умений и специальных знаний в конкретной области;

деятельность, в которой важным компонентом являются личностные качества человека, имеющего отношение к данной профессии.

Очевидно, что любая трудовая сфера характеризуется своими профессиональными особенностями, и профессиональная деятельность полицейского не является исключением.

Во-первых, профессиональный сектор сотрудников полиции устойчиво вовлечен в конкретную социально-экономическую среду, которая существует в определенной стране или республике и напрямую зависит от результативности выполнения определенных видов работы в конкретном профессиональном пространстве, в частности, в сфере полицейской деятельности.

Во-вторых, профессиональная деятельность сотрудников МВД РФ характеризуется многозадачностью и многоаспектностью и непосредственно связана с большей частью направлений жизнедеятельности, как отдельного человека, так и общества. Именно на профессиональный сектор полицейских в значительной степени ориентировано государство [5, с. 102].

Общеизвестно, что основные особенности профессиональной деятельности сотрудников полиции связаны с подчинением законодательству РФ, а также умением решать коммуникативные профессиональные задачи, несмотря на различного рода риски, которые могут возникнуть в любой коммуникативной эмоциональной ситуации (далее – КЭС).

Кроме того, в процессе осуществления своей трудовой деятельности, полицейские должны демонстрировать сформированность требуемых психологических качеств (к примеру, обладать соответствующей психологической устойчивостью в связи с высоким уровнем экстремальности в различных КЭС). Помимо этого, полицейские должны уметь организовывать взаимодействие с общественностью, то есть проявлять готовность к физическому взаимодействию с людьми, которые нарушают правовые нормы, общественный порядок и пр.

Так как профессиональная область сотрудников МВД представляет собой пример профессии, которая относится к такому типу профессий, как *человек-человек*, считаем, что одними из важнейших навыков, которыми должен обладать сотрудник полиции – это коммуникативные навыки, заключающиеся в умении понятно (зачастую быстро) изъясняться, правильно формулировать просьбы, вопросы, требования и др. Поэтому считаем, что один из главных аспектов трудовой сферы полицейского – коммуникативная деятельность.

ПКД сотрудника полиции предполагает использование определенных коммуникативных навыков, например, проявлять способность применять высокий уровень интеллектуальной активности в различных КЭС, уметь взаимодействовать в конкретных профессиональных ситуациях, быть способным творчески достигать поставленных нестандартных коммуникативных целей, задач и пр.

Таким образом, говоря о ПКД будущего специалиста сферы полиции нельзя не учитывать коммуникативную компетентность, которая считается одной из главных компетенций на сегодняшний день. Наряду с такими компетентностями, как профессиональная, поликультурная, иноязычная и др., коммуникативная компетентность представляет собой один из основных элементов профессиональной деятельности сотрудников полиции [1, с. 40].

Коммуникативная компетентность является комплексом определенных умений и навыков, а также необходимых качеств личности, которые будут способствовать необходимому процессу коммуникации в КЭС в рамках полицейской трудовой сферы [1, с. 41].

Поэтому сегодня, учитывая важность коммуникативной компетенции будущих полицейских, в сфере работы педагогов и методистов с будущими сотрудниками МВД России считается необходимым формирование коммуникативных навыков в КЭС.

Отметим, что при работе с обучающимися следует учитывать такой важнейший принцип, как принцип коммуникативности (т. е. индивидуальность отношений коммуникантов; мотивированность; целенаправленность; контактность; ситуативность; информативность и пр.) – один из главных принципов обучения: обучение проходит в максимально естественных КЭС [7, с. 165–166].

Итак, современные глобальные изменения, которые сейчас можно наблюдать практически во всех профессиональных сферах нашей жизни подняли одну из главных проблем – формирование личности будущего специалиста в рамках профессиональной коммуникативной деятельности.

Одной из важнейших сфер трудовой ниши является специализированная среда деятельности сотрудников полиции. Такая деятельность требует от специалистов не только выполнение работы в условиях значительного напряжения, но и добросовестного отношения к своей специальности. Также ПКД в сфере полиции – определенные умения и знания, большая ответственность за профессионализм в рамках строжайшего соблюдения норм закона.

Безусловно, важнейшей стороной профессиональной занятости полиции является регулярное взаимодействие с общественностью, что требует качественной подготовки будущих полицейских в процессе овладения коммуникативными навыками, входящими в основной перечень необходимых профессиональных качеств сотрудников полиции.

Именно коммуникативные навыки, презентуемые в процессе организации социального взаимодействия полицейских с различными слоями населения в определенных КЭС будут являться одними из явных показателей сформированности личности полицейского.

Список источников

1. Бульбенко, Е. С. Коммуникативная компетентность как основа профессионального становления будущих специалистов правоохранительных органов // Опыт и традиции подготовки полицейских кадров: сб. науч. тр. / Е. С. Бульбенко; редкол.: П. М. Кошманов (председатель), Н. Д. Захаров (зам. председателя), О. М. Немеш (отв. секретарь) [и др.]. – Вып. 7. – Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2024. – С. 39–45.
2. Луговской, В. А., Кох, М. Н. Психология профессиональной деятельности: учеб.-метод. пособие / В. А. Луговской, М. Н. Кох. – Краснодар: КубГАУ, 2015. – 101 с.
3. Маркова, Т. Л. Феномен «профессиональная деятельность» концептуальный анализ / Т. Л. Маркова // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2016. № 3. – URL: https://sfk-mn.ru/PDF/04SFK316.pdf (дата обращения: 09.11.2025).
4. Новакова, К. А. Формирование личности сотрудника органов внутренних дел в вузовский период: проблемы, поиски, решения / К. А. Новакова // Опыт и традиции подготовки полицейских кадров: сб. науч. тр. / редкол.: П. М. Кошманов (председатель), Н. Д. Захаров (зам. председателя), О. М. Немеш (отв. секретарь) [и др.]. – Вып. 7. – Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2024. – С. 145–150.
5. Саукова-Сальникова, Е. К. Систематизация особенностей профессиональной деятельности сотрудников ОВД / Е. К. Саукова-Сальникова // Психология и педагогика служебной деятельности. – № 4. – 2022. – С. 101–103. – URL: file:///D:/загрузки/sistematizatsiya-osobennostey-professionalnoy deyatelnosti-sotrudnikov-ovd.pdf (дата обращения: 20.08.2025).
6. Фатыхова, Р. М. Формирование личности будущего специалиста в контексте инновационного образовательного процесса / Р. М. Фатыхова // URL: https://www.elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/5206/1/ural_edu_2012_2_24.pdf (дата обращения: 18.08.2025).
7. Щукин, А. Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика: учеб. пособие для преподавателя и студентов / А. Н. Щукин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Филоматис, 2006. – 480 с.

УДК 343.238.2

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

***О. В. Бурдина**, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье анализируется история развития и современное состояние института административной преюдиции в уголовном праве. Отмечается, что административная преюдиция, это не новый институт уголовного права и, несмотря на дискуссионность вопроса о необходимости данного юридического образования, административная преюдиция получила даже более широкое распространение в действующем уголовном законодательстве, чем в советском уголовном праве позднего периода.

Ключевые слова: уголовная ответственность, административная преюдиция, уголовное право, состав преступления, административная ответственность, история развития.

ADMINISTRATIVE PRECAUTION IN CRIMINAL LAW: GENESIS AND CURRENT STATE

***O. V. Burdina**, senior lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article analyzes the history of the development and current status of the institution of administrative prejudice in criminal law. It notes that administrative prejudice is not a new institution in criminal law, and despite the controversial nature of the need for this legal concept, it has become even more widespread in current criminal legislation than in later Soviet criminal law.

Keywords: criminal liability, administrative prejudice, criminal law, elements of a crime, administrative liability, history of development.

Современное уголовное законодательство, реализуя принципы справедливости и гуманизма, активно использует различные подходы дифференциации ответственности и индивидуализации наказания. Одним из таких инструментов, вызывающих немало дискуссий и споров, является административная преюдиция.

Административную преюдицию принято считать сравнительно новым институтом в российском уголовном праве, и это естественно, что его применение породило широкую дискуссию в юридическом сообществе. Актуальность такой дискуссии в первую очередь связана с необходимостью оценки эффективности административной преюдиции как инструмента решению охранительных и предупредительных задач, стоящих перед кодифицированным уголовным законодательством.

Проблема административной преюдиции в уголовном праве также является этической и философской, поскольку неизбежно затрагивает конституционные принципы, такие как равенство всех перед законом, принцип запрета двойного (повторного) осуждения за одно и то же преступление (non bis in idem). Наиболее дискуссионным остается вопрос о соответствии административной преюдиции принципу запрета повторного наказаний за одно деяние, поскольку привлечение к уголовной ответственности за повторное совершение деяния, которое уже послужило основанием для административного порицание, может рассматриваться как двойное наказание за одно и то же деяние.

Однако, действительно ли административная преюдиция является новеллой Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] или наличие длительной истории существования и развития такого института нивелирует вопросы о неэтичности такой формы превращения административной ответственности в уголовную.

Обладая несомненной карательной сущностью административное и уголовное право, как проводники воли законодателя, на протяжении истории развития российской государственности одними из первых претерпевали значительные изменения, отражая трансформации социально-экономического и политического строя, а также эволюцию правовой мысли.

Впервые понятие «преюдиция» можно встретить в Римском праве в тесной взаимосвязи с понятием «прецедент». Судебный прецедент представляет собой решение суда, которое может служить образцом, ориентиром по будущим решениям в аналогичных ситуациях, а преюдиция – это обязанность судов принимать как доказанные факты, ранее установленные вступившим в законную силу судебным решением.

Так, преюдиция прослеживалась в принципе *res judicata* (по лат. – разрешенное дело), означающий, что однажды рассмотренное и решенное дело не может быть возобновлено между теми же сторонами по тому же предмету спора, таким образом, стороны при разрешении дела могли ссылаться на ранее принятое решение[4].

Следующим значительным этапом развития исследуемого института в общей мировой системе права можно датировать XVI–XIX вв. В данном периоде особенно выделяется юридические доктрины в рамках английского права, а именно принцип *stare decisis* [7], что означало стоять на решенном – суды должны следовать прецедентам. Таким образом, первоначально преюдиция не имела четко выраженной уголовно и административно-правовой сути, а зародилась в недрах общего права.

В отечественном законодательстве первые упоминания о правовом явлении, обладающем признаками преюдиции относятся к XVIII–XIX вв. В этот период происходит формирование системы государственного управления, развитие полицейских институтов и кодификация законодательства. Элементы, предвосхищающие данного правового механизма, проявлялись в установлении повышенной ответственности за повторные нарушения в сфере торговли, благочиния и общественного порядка. Примером могут служить указы, регулирующие деятельность цехов и гильдий, где за неоднократные нарушения правил торговли предусматривались более строгие санкции, вплоть до исключения из цеха и конфискации имущества.

Однако, по мнению О. С. Одоева, ужесточение наказания в зависимости от количества совершенных тождественных преступлений содержалось в более ранних законодательных актах, например, в Двинской уставной грамоте 1397 г. [6, с. 807].

Развитие административной преюдиции в дореволюционном праве выражается в том, что принимались законы, направленные на борьбу с различными правонарушениями и на повышение ответственности за них, в том числе и через механизмы исследуемой правовой категории. То есть, административная преюдиция стала одним из инструментов для более эффективной борьбы с нарушениями в условиях роста промышленности и городов. Примером такого законодательства может служить Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями от 1864 г. [8].

В дореволюционном российском праве становление рассматриваемого понятия сопровождалось рядом проблем. К ним в большей степени относились недостаточная четкость критериев определения повторности правонарушения и отсутствие единообразной практики применения соответствующих норм. Поэтому, особенно в древнейших памятниках права не всегда ясно, идет ли речь об ужесточении ответственности за неоднократное совершение преступлений или усиление ответственности за повторность совершения проступков.

После Октябрьской революции 1917 г. произошел коренной перелом в развитии российского права. Советское государство, отрицая буржуазное право, приступило к созданию нового социалистического правопорядка, основанного на принципах классовой борьбы и диктатуры пролетариата.

Так, многие ученые высказывают точку зрения, что моментом рождения, возникновения преюдициальных предписаний является введение ст. 79 в УК РСФСР 1922 г. [9, с. 71], регламентирующей уголовную ответственность за повторную неуплату налогов. Лицо, в первый раз не уплатившее налоги, подвергалось административному взысканию, а за повторный неплатеж подлежало уже уголовной ответственности [3]. Кроме того, Декретом ВЦИК и СНК от 15 декабря 1924 г. об изменении ст. 139-а УК РСФСР «Об акцизных нарушениях» повторные изготовление, продажа, скупка и хранение с целью сбыта, а равно пользование продуктами и изделиями, обложенными акцизным сбором карается уже не административным взысканием, а уголовным штрафом и принудительными работами или лишением свободы на срок до одного года с конфискацией предметов, продуктов и орудий производства [4, с. 846].

Начиная с 30-х гг. прошлого столетия, институт административной преюдиции получает свое дальнейшее развитие. Расширяется перечень первоначально административно наказуемых деяний, за повторное совершение которых предусматривается уголовная ответственность. В качестве примеров можно привести борьбу со спекуляцией и нарушением правил торговли.

В уголовном кодексе РСФСР 1960 г. институт преюдиции в уголовном праве был закреплен в широком ряде статей. Например, статья 96 «Мелкое хищение государственного или общественного имущества» предусматривала уголовную ответственность за хищение, совершенное лицом, ранее подвергнутым наказанию за такое же деяние.

На момент прекращения своего действия последний уголовный кодекс советского государства содержал 24 состава преступлений с административной преюдицией, что свидетельствует о широком применении данного института как способа регулирования общественных отношений.

На момент принятия УК РФ 1996 г. можно констатировать отказ законодателя от применения норм об уголовной ответственности с обязательной предпосылкой в виде административного правонарушения.

Фактической датой возращения уголовного законодательства к политике использования административной преюдиции в уголовном праве можно считать изменения, внесенные в ст. 178 УК РФ «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции» Федеральный законом от 29 июля 2009 г. № 216-ФЗ [2], в соответствии с которыми неоднократными злоупотреблениями доминирующим положением признавалось продолжение заниматься аналогичной деятельностью после привлечения к административной ответственности по ст. 14.31, 14.31.1, 14.31.2, 14.32, 14.33 КоАП РФ.

Следующим шагом законодателя по возвращению административной преюдиции в современное уголовное законодательство следует считать введение нормы ст. 151.1 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность

за неоднократную розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, т. е. в течение 180 дней после привлечения к административной ответственности за аналогичные деяния.

В настоящее время в УК РФ функционирует уже 33 состава преступлений с административной преюдицией в сфере общественных отношений, охраняющих личность (ст. 116.1, 151.1 УК РФ), экономику (ст. 158.1, 171.4, 171.5, ч. 1 ст. 191, ч. 1 ст. 193, ст. 201.2, 201.3 УК РФ), общественную безопасность и общественный порядок (ст. 212.1, 215.3, 215.4, 217.3, 230.3, 264.1, 264.2, 264.3, ч. 1 ст. 274.2, ч. 2 ст. 274.2 УК РФ), государственную власть (ст. 280.1, 280,3, п. «а» ч. 1 ст. 282, ст. 282.4, ч. 1 ст. 284.1, ч. 1 ст. 284.2, ч. 1 ст. 285.5, ст. 285.6, ч. 2 ст. 314.1, ч. 1 ст. 315, ст. 321.1, ч. 1, ч. 2 ст. 330.1, ч. 1 ст. 330.3 УК РФ).

В целом, анализируемый механизм в уголовном праве России представляет собой сложный и динамично развивающийся институт, который требует постоянного внимания со стороны законодателей, ученых и практиков. Сохранение или отмена данного института, а также его изменение должны основываться на тщательном анализе практики применения, с учетом конституционных принципов и гарантий прав граждан.

Исторический анализ показывает, что институт административной преюдиции в уголовном праве России прошел сложный и противоречивый путь развития. От отдельных элементов в дореволюционном законодательстве до широкого применения в советский период и последующего пересмотра в постсоветское время. Рассматриваемое явление отражало изменения социально-политических и идеологических установок, а также эволюцию правовой мысли.

В настоящее время, в условиях демократизации и гуманизации уголовного законодательства, исследуемый правовой институт требует дальнейшего осмысления и совершенствования. Необходимо определить четкие критерии для отбора составов преступлений, требующих сохранения административной преюдиции, а также обеспечить соблюдение прав и свобод граждан при ее применении. Исторический опыт показывает, что только при условии соблюдения принципов законности, справедливости и соразмерности, анализируемый механизм может быть эффективным инструментом борьбы с преступностью и обеспечения правопорядка.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 15.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 29.07.2009 № 216-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 31, ст. 3922.
3. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960: ред. от 30.07.1996. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ утратил силу.

4. Алексеева Т. М. Свойства Res judicata в контексте решений Европейского суда по правам человека: соотношение и пределы действия // Юридический вестник самарского университета. 2021. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/ (дата обращения: 12.09.2025).
5. Антонов В. И., Антонов Е. В. Административная преюдиция в российском уголовном законодательстве: история и современность // Вестник удмуртского университета. 2020. Т. 30, вып. 6. С. 844–856.
6. Одоев О. С. К истории вопроса о конструировании составов преступлений с использованием административной преюдиции // Право и политика. 2016. № 6 (198). С. 806–807.
7. Росенко М. И., Скребец Е. В. О нормативности актов судебной власти в англосаксонской системе права и становлении прецедентного права в современной национальной системе // Lex Russica. 2025. № 1 (218). URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 12.01.2025).
8. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. 20 ноября 1864 г. Доп. изд.: 1) кассационными решениями; 2) всеми позднейшими узаконениями; 3) ссылками на поясняющие и дополняющие ст. Свода законов. М.: Типография Т. Рис., 1868. 64 с.
9. Ямашева Е. В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. 2009. № 10 (154). С. 69–79.

УДК 34.08

НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ УССУРИЙСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ВЛАДИВОСТОКСКОГО ФИЛИАЛА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ И. Ф. ШИЛОВА

***В. Е. Васильев**, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук, доцент*

Статья посвящена истории создания структурного подразделения Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова – Уссурийского факультета.

Ключевые слова: Уссурийский факультет, Владивостокский филиал, комплектование, курсант, учебный корпус.

SOME PAGES FROM THE HISTORY OF THE USSURI BRANCH FACULTY OF THE VLADIVOSTOK CAMPUS OF THE I.F. SHILOV FAR EASTERN LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

***V. E. Vasiliev**, associate professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

The article is devoted to the history of the establishment of a structural subdivision of the Vladivostok Campus of the I. F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia – the Ussuri Branch Faculty.

Keywords: Ussuri Faculty, Vladivostok campus, recruitment, cadet, academic building.

Уссурийский факультет Владивостокского филиала Юридического института МВД России (г. Москва) был создан в 1995 г. в целях быстрого решения проблемы комплектования органов внутренних дел Дальневосточного региона сотрудниками со средним юридическим образованием.

В те годы таких специалистов готовил ДВЮИ МВД РФ, но их критически не хватало и комплектующим подразделениям территориальных органов приходилось оформлять на службу специалистов с юридическим образованием, что называется, «с улицы».

Руководство УВД Приморского края в тесном взаимодействии с администрациями края и города Уссурийска вопрос решили радикально. В распоряжение УВД Приморского края был передан практически пустующий городок, построенный по типовому проекту среднего профессионального учебного заведения (СПТУ). К слову сказать, к этому времени в данном городке уже расположили Учебный центр УВД Приморского края, переместив его с ул. Магнитогорской г. Владивостока. В общежитии проживали, в том числе штатные сотрудники УВД г. Уссурийска, второй учебный корпус (мастерские) находился в заброшенном состоянии и был основательно разграблен местным населением.

Основную работу по созданию факультета взял на себя заместитель начальника УВД Приморского края по кадрам полковник милиции Яшин Валерий Иванович. Как бывший партийный работник он быстро согласовал необходимые вопросы со структурами руководства Приморского края и главой администрации г. Уссурийска Ведерниковым Владимиром Павловичем – замечательным руководителем, впоследствии вице-губернатором Приморского края.

На должность начальника факультета был назначен начальник УВД г. Уссурийска полковник милиции Товкун Иван Николаевич, имеющий значительный опыт в решении хозяйственных вопросов. Заместителями к нему прибыли: полковник Васильев Виктор Евгеньевич (из внутренних войск МВД РФ), подполковники милиции Мирошников Геннадий Владимирович, Коваленко Алексей Данилович, Щуковский Анатолий Алексеевич, до этого служившие в подразделениях ППС, ЭКО и кадровых органах ОВД. Большую роль в комплектовании факультета местными кадрами сыграло назначение в отделение кадров подполковника милиции Дегтярёвой Любови Емельяновны. На должности профессорско-преподавательского состава ею были привлечены преподаватели местного пединститута кандидаты наук Петров Игорь Борисович (будущий начальник этого учебного заведения) и Куцая Марина Анатольевна (будущий заместитель). Обоим приказом МВД РФ были присвоены первичные специальные звания – капитан милиции. Активную помощь Дегтярёвой Л. Е. в быстром комплектовании профессорско-преподавательского состава факультета оказали работники отдела кадров Наталья Березюк, Людмила Орлова, Елена Ескина, Владимир Гирийчук и его супруга Татьяна.

Учебный отдел возглавила Любовь Фролова, прибывшая из милицейского учебного заведения одной из бывших союзных республик СССР и направленная руководством Юридического института МВД РФ в Уссурийский факультет для организации учебного процесса.

Начальниками кафедр стали Геннадий Василенко, Виктор Васильев (затем Сергей Лепетань), Галина Качкина, Игорь Петров, Ольга Насирова.

Для обучения набрали первый курс в количестве 240 курсантов. Начальником курса был назначен прибывший из Вооружённых Сил РФ Сергей Наумкин. Офицерами курса были Владимир Снежицкий (позже Сергей Казанцев), Александр Голубев, Владимир Стельмах. Старшиной курса был назначен Нуру Нуриев. В отсутствие старшины его обязанности исполнял курсант Олег Сорока, ранее окончивший Уссурийское суворовское училище и имевший звание старшины милиции. В 2024 г. Олег Сорока погиб при выполнении воинского долга на СВО.

Позже на второй курс прибыли Сергей Лаптев, Виктор Галич, Юрий Старовойтов, Сергей Литвиненко, Артур Юзенков.

Вступительные экзамены первого курса проходили во Владивостоке на базе филиала. Присягу курсанты принимали на Центральной площади г. Уссурийска с прохождением торжественным маршем под звуки военного оркестра Уссурийского гарнизона.

С набором курсантов закипела работа по восстановлению из руин второго учебного корпуса, по побелке и покраске помещений пятиэтажного общежития, из которого постепенно выселили сотрудников местного ОВД.

Начальники кафедр не только приводили в порядок помещения кафедр, но и в авральном порядке готовили учебно-методические комплексы по изучаемым дисциплинам. Автору пришлось не раз обращаться в Уссурийское высшее военное автомобильное командное училище, где преподаватели обеспечили его всем необходимым методическим материалом и учебными пособиями для преподавания дисциплины «Военная топография», изучаемую с курсантами факультета.

Большая помощь факультету была оказана администрацией города и лично главой Ведерниковым Владимиром Павловичем.

Большой безвозмездный вклад в ремонт и оснащение помещений внесли начальники ИТК-41, ЛИУ-23, танкоремонтного (Шевченко) и станкостроительного заводов (Коршунов), командиры воинских частей Уссурийского гарнизона, командир бригады ВДВ (п. Барановское) передал здание склада под разборку на кирпичи. Этот материал был использован для ремонта учебного корпуса (мастерских) и строительство здания КПП.

Начальник факультета большую долю своего служебного времени уделял ремонту котельной в целях ее подготовки к зимней эксплуатации, подбору работников котельной.

Так пролетели первые два года обучения курсантов, пришло время государственных экзаменов и выпуска.

Торжественное построение факультета проходило на Центральной площади города.

На трибуне присутствовал начальник УВД Приморского края генерал-майор милиции Васильев Александр Владимирович, начальник Владивостокского филиала Юридического института МВД РФ полковник милиции Лагута Валерий Григорьевич, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического института МВД РФ профессор Коршунов Николай Михайлович, глава города, представители администрации края, командование 5 Общевойсковой армии, командиры частей и соединений Уссурийского гарнизона и командование УВВАКУ.

После церемонии вручения дипломов об окончании учебного заведения выпускники и курсанты факультета прошли по площади торжественным маршем (рис.).

Рис. Первый выпуск курсантов Уссурийского факультета Владивостокского филиала Юридического института МВД РФ

Генерал-майор милиции Васильев Александр Владимирович поздравил молодых лейтенантов милиции и пожелал им успехов в службе и личного счастья.

Так начиналась история Уссурийского факультета Владивостокского филиала, которому в этом году исполнилось 30 лет.

УДК 343

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

***Т. А. Васильева**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматриваются актуальные проблемы формирования и реализации уголовной политики в современной России. Автор анализирует состояние преступности в стране на основе данных Уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Особое внимание уделяется вопросам «гуманизации» уголовной политики государства в условиях современных вызовов. Предлагаются возможные векторы корректировки уголовной политики, направленные на повышение ее эффективности, адекватности современным вызовам.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовное судопроизводство, либерализация, гуманизация, уголовное право, борьба с преступностью, пенитенциарная система, судебная реформа.

PROBLEMS OF CRIMINAL POLICY IN RUSSIA

***T. A. Vasilyeva**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article discusses the current issues of the formation and implementation of criminal policy in modern Russia. The author analyzes the state of crime in the country based on data from the Criminal Executive System of the Russian Federation. Special attention is paid to the issues of "humanization" of the state's criminal policy in the context of modern challenges. Possible vectors of criminal policy adjustment aimed at increasing its effectiveness and adequacy to modern challenges are proposed.

Keywords: criminal policy, criminal proceedings, liberalization, humanization, criminal law, fight against crime, penitentiary system, judicial reform.

В работе правоохранительных органов по борьбе с преступностью употребляются такие термины, как «борьба с терроризмом», «борьба с организованной преступностью», «противодействие коррупции», «наркоконтроль» и др. По мнению российских ученых, термин «борьба с терроризмом» означает не что иное, как активная, стратегически выверенная, деятельность органов госбезопасности, полиции, Росгвардии, территориальных органов ФСИН России, осуществляемая в тесном взаимодействии с местными органами власти в целях

выявления лиц с преступными намерениями и применения к ним мер в соответствии с законом [14, с. 132–134]. Государственная политика в данном вопросе трактуется как «уголовная», осуществляемая в основе своей на положениях уголовного закона.

В переводе с греческого языка «политика» означает государственная деятельность от «полис» – город, государство.

С. И. Ожегов раскрывает слово «политика» как деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность общественных классов, партий и других классовых организаций, общественных группировок, определяемую их интересами и целями [12].

Как уже отмечалось, работа по борьбе с преступностью, во всех ее проявлениях, проводится государством в комплексе. Составными ее частями являются работа государственных правоохранительных органов различных министерств и федеральных служб, проводимая в тесном взаимодействии.

При этом уголовная политика – это одно из стратегических направлений социальной политики. Это политика самого государства, проводимая в целях профилактики преступности и борьбы с ней.

Либерализация уголовного и уголовно-процессуального законодательства без учета наличия различных категорий нарушителей закона недостаточно научно обоснована. Она не отвечает сложившейся криминогенной ситуации в стране [8].

В настоящее время мир стремительно меняется. Институты российского государства должны постоянно отслеживать тенденции и направленность преступных посягательств и совершенствовать правовые нормы. Яркий пример этого – рост преступности в среде мигрантов. Новым явлением также стала преступность подростков и пенсионеров, связанная с вовлечением их, путем обмана и запугивания, в противоправные действия.

По мнению ведущих специалистов в данной области, число зарегистрированных преступлений по стране составляло более 3 млн в год, что не соответствует реальному положению дел [11].

По данным пенитенциарной системы России, на начало 2023 г. существует следующая статистика: в местах лишения свободы для взрослых, количество лиц, отбывающих наказание за убийство, по сравнению с 2004 г., увеличилось к началу 2011 г. и составило более 146 тыс. чел., к началу 2020 г. снизилось до 85 тыс. чел., но уже через год вновь возросло до 95 тыс. чел.

Число осужденных этой категории за преступления, связанные с наркотиками, увеличилось с 43 тыс. чел. в 2004 г. до 138 тыс. чел. в 2017 г. В последние годы численность осужденных несколько снизилась, но в общей численности спецконтингента учреждений для взрослых продолжает расти, увеличившись с 7,1 % в 2004 г. до 30 % в 2022 г.

В колониях устойчиво растет количество осужденных за преступления сексуального характера, так в 2000-е годы она чуть превышала 3 %, к 2023 г. повысилась до 7,2 %. Растет количество осужденных женщин [10].

На фоне усиления организованной преступности, масштабной террористической деятельности на территории страны актуальным становится вопрос: должна ли быть уголовная политика государства в таких условиях либеральной? Этот вопрос уже поднимался в специальной литературе [5, с. 259].

Многие ведущие ученые в области уголовного права считают, что «уголовная политика не может и не должна быть либеральной во время разгула преступности» [5, с. 265].

Толковый словарь Ожегова определяет само слово «либерализм» как «излишнюю терпимость, снисходительность, вредное попустительство» [13].

А. И. Алексеев в своих работах указывает, что: «В базовой сфере жизни – экономике – воинствующие либералы привели нас к августу 1998 года. Это был венец их политики, основанной на пустопорожней болтовне, нежизненных схемах и нереалистических проектах. Надо крепко озаботиться тем, чтобы российское государство не настиг еще один дефолт – в сфере борьбы с преступностью» [5, с. 265].

Начиная с 1990-х гг., на фоне ничем не обоснованной «либерализации» и «гуманизации» уголовного законодательства произошел огромный всплеск, его масштабы поражают [14, с. 133]. Попытки борьбы с преступностью правоохранительных органов либералами были наречены «вульгарной идеей», несопоставимой с либеральными ценностями [8].

Российские горе-реформаторы, приверженцы либеральной идеологии, продвигали и продвигают идеологию индивидуализма, которая ставит приоритет отдельной личности впереди по отношению к коллективу и государству, что является ложным посылом [15].

Права и свободы человека и гражданина, несомненно, являются высшей ценностью, тем не менее нельзя отрицать обязанности гражданина, который должен нести ответственность за попрание законных интересов как граждан, так и в целом государства.

Статьи Всеобщей декларации прав человека трактуют, что «осуществляя свои права и свободы каждый человек должен признавать и уважать права и свободы других граждан, соблюдать требования морали, общественного порядка и общего благосостояния» [1; 14, с. 133].

Рассматривая Концепцию судебной реформы России [10], можно уяснить, что конечной целью деятельности уголовной юстиции является защита общества от преступлений путем реализации уголовного закона. Кроме того, и защита прав и законных интересов граждан – защита прав потерпевших, обвиняемых, а также гражданских истцов и гражданских ответчиков [5].

Очевидно, что главная цель уголовного процесса – установление истины по делу, а также принятие на этой основе справедливого решения. Основная задача состоит в полном и точном соответствии действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах рассматриваемого уголовного дела, а также о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц. Она осуществляется лишь соразмерными средствами. Они не должны ущемлять права личности [14, с. 134].

Согласно ч. 1 ст. 6 УПК РФ [2] назначение уголовного судопроизводства – это защита прав и законных интересов потерпевших. Главное назначение – защита прав, свобод и законных интересов обвиняемых [3].

В период разработки УПК РФ на ученых повлияла, вероятнее всего, англо-американская доктрина уголовного судопроизводства. В ней вопрос о возможности установления истины в ходе производства не просматривается. Сторонники этой доктрины считают, что установить можно только юридическую истину, основой которой является «определение победителя в судебном споре», что отнюдь не является постижением объективной реальности [11]. Очевидно, что целью американского юриста является выигрыш борьбы, а не установление истины в процессе судебного разбирательства.

Такого подхода нет и никогда не было в российском судопроизводстве.

В дореволюционной России Устав уголовного судопроизводства [16] предписывал председательствующему при разбирательстве уголовного дела судье, чтобы он таким порядком направлял ход дела, «который способствует раскрытию истины».

В ст. 89 и 243 УПК РСФСР 1960 г. [4] содержался термин «установление истины».

В настоящее время возрождена отвергнутая в прошлом концепция трактовки вины как «царицы доказательств» [6]. Обвиняемый вынужден признавать свою вину во избежание более тяжелых последствий.

Следовательно, предупреждение преступлений не является задачей уголовного судопроизводства. В настоящее время правом, а не обязанностью органов юстиции и суда сформулировано принятие мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений. В настоящее время впали в лету демократические институты, как участие в судопроизводстве народных заседателей (представителей народа), наблюдательных комиссий, общественных защитников, товарищеских судов, общественных обвинителей, общественного поручительства, а также представителей трудовых коллективов [14, с. 134].

Список источников

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 27.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О Концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление Верхов. Суда РСФСР от 24.10.1991 № 1801–1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: от 27.10.1960: ред.от 29.12.2001 (утратил силу на основании Федерального закона от 18.12.2001 № 177-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Алексеев А. И. Должна ли уголовная политика быть либеральной? // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 1. 270 с.
6. Волженин Б. В. Уголовная политика: проблемы криминализации и декриминализации деяний // Государство и право. 2019. № 3. 222 с.
7. Зажицкий В. И. О направлениях совершенствования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Государство и право. 2004. № 4. 115 с.
8. Концепция уголовного законодательства Российской Федерации // Государство и право.1992. № 8. 125 с.
9. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. 154 с.
10. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации. URL: https://www.fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistik/aKratkaya%20har-ka%20UIS/ (дата обращения: 28.10.2025).
11. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций в 3-х т. М.: Волтерс Клувер, 2021. 210 с.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984. 797 с.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1997. 939 с.
14. Побегайло Э. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 3. 170 с.
15. Права человека: учеб. для вузов / под ред. Е. А. Лукашевой. М., 1999. 573 с.
16. Судебные уставы 20 ноября 1864 года. Ч. 2. Устав уголовного судопроизводства // Официальный сайт Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина. URL: https://www. prlib.ru/item/372593 (дата обращения: 28.10.2025).
17. Яни П. С. Проблемы селективности в применении уголовного закона // Законность. 2021. № 7. С. 15–22.

УДК 340.11

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ БАЗИС ДЛЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

***О. В. Гарина**, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова*

В статье обосновывается положение о том, что при подготовке квалифицированных сотрудников, обеспечивающих законность и правопорядок, необходимо уделять особое внимание базовым правовым ценностям. Данную функцию образовательные учреждения осуществляют путем преподавания такой учебной дисциплины, как «Теория государства и права». Она имеет важное значение, поскольку содержит в себе инструментарий, способствующий качественному усвоению правовых ценностей. Базовые знания в области права необходимы каждому обучающемуся, чья будущая профессиональная деятельность будет неразрывно связана с правом и законом.

Ключевые слова: теория государства и права, сотрудник органов внутренних дел, обучающийся, учебная дисциплина.

THEORY OF STATE AND LAW: METHODOLOGICAL BASIS FOR LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

***O. V. Garina**, senior lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov*

The article justifies the provision that in the training of qualified law and order officers, special attention should be paid to basic legal values. Educational institutions carry out this function by teaching such academic discipline as "Theory of State and Law." It is important because it contains tools that contribute to the qualitative assimilation of legal values. Basic knowledge in the field of law is necessary for every student whose future professional activity will be inextricably linked with law and law.

Keywords: theory of state and law; employee of internal affairs bodies; student; academic discipline.

Теория государства и права (далее – ТГП) является фундаментом, основой, базой для других государственно-правовых и историко-правовых наук и дисциплин.

ТГП выступает как наука и учебная дисциплина. Наука содержит научные концепции и исследования. Такие составляющие ТГП позволяют установить закономерности генезиса государства и права, сформулировать понятия и категории, используемые в отраслевых науках. Для формирования таких данных необходимо учитывать факты государственно-правового развития стран в их ретроспективе. ТГП представляет собой науку, положения которой выведены на основе обобщения исторического опыта развития государства и права в разных странах и в различные хронологические периоды, и позволяют понять происходящие в настоящее время события, спрогнозировать будущие государственно-правовые явления.

ТГП как учебная дисциплина содержит малую толику того, что составляет науку. Даже несмотря на это, ее значение в подготовке специалистов в области права и государства велико. Именно в рамках изучения ТГП у обучающихся формируются базовые знания, умения и навыки, которые необходимы не только при освоении последующих дисциплин, но и в будущей профессиональной деятельности. Таким образом, ТГП относится к числу основополагающих учебных дисциплин [6, с. 8], что обусловлено ее ролью в формировании грамотного правового мышления и основ для изучения отраслевых дисциплин (уголовное право, административное право, гражданское право, конституционное право).

По мнению Е. А. Макаренко и А. С. Мищенко целью деятельности образовательных организаций является привитие понимания теоретико-правовой основы правоохранительной деятельности. Именно ее достижение обучающимися способствует развитию правовой культуры и уважительному отношению к праву как к величайшей социальной ценности [3, с. 424].

ТГП является юридической наукой и учебной дисциплиной. Исследование государственно-правовых явлений позволяет установить их особенности, отличительные признаки и в целом дать характеристику. С учетом, того что государство и право анализируются не в статичном состоянии, а с учетом исторической обстановки их появления, функционирования и развития, это позволяет сформулировать определенные прогнозы и выявить тенденции. В рамках учебной дисциплины обучающимся предлагаются конкретные формулировки понятий, терминов и дефиниций. Параллельное изучение ТГП и историко-правовых дисциплин позволяет совместить в сознании обучающегося терминологический

аппарат и генезис государственно-правовых явлений в разных государствах для последующего определения тенденций их развития. Вместе с тем ТГП закладывает у обучающихся основы, необходимые при изучении отраслевых наук. Например, состав правонарушения. В рамках ТГП он характеризуется с учетом положений как уголовного, так и административного права. Преподаватель указывает на особенности определения видов объекта в уголовном и административном праве, раскрывает все элементы юридической конструкции и на практических занятиях или в часы самоподготовки обучающиеся характеризуют состав правонарушения или преступления по конкретной фабуле или статье Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях или Уголовного Кодекса Российской Федерации. Впоследствии эти знания, умения и навыки будут актуальны при изучении отраслевых дисциплин. Также обучающиеся изучают основные положения юридической техники, что необходимо при последующей профессиональной деятельности.

В процессе изучения ТГП у обучающегося формируется навык использования терминологического аппарата, что является необходимым при его последующем обучении и в будущей профессиональной деятельности. Толкование законов, а также создание юридических текстов необходимы для процесса правореализации, в том числе правоприменения [2, с. 64]. Юридические термины и понятия являются важной частью в профессиональном общении сотрудников. Сотрудник правоохранительных органов, независимо от занимаемой должности и особенностей его профессиональной деятельности, должен понимать смысловое значение таких дефиниций, как норма права, государство и его структура, правоспособность и правоотношения и другие [1, с. 219]. Это позволяет правильно толковать нормы права и квалифицировать деяния, обогащает профессиональную речь сотрудника, положительно отражаясь на его компетентности. Сотрудник полиции, который грамотно использует юридическую терминологию, пользуется уважением и доверием со стороны граждан. Это имеет особое значение, в связи с тем, что сотрудники органов внутренних дел в процессе своей работы напрямую контактируют с гражданами, например работа с их обращениями. Одним из важных элементов профессионального правосознания является знание терминологии. Задача правоприменителя заключается в таком конструировании формы правоприменительного акта, которая бы обеспечивала его эффективную (в плане предельной ясности и беспрепятственной исполнимости) реализацию [7, с. 122].

Сотрудники, обеспечивающие законность и правопорядок, представляют собой одну из профессиональных групп, для осуществления деятельности которой необходим высокий уровень правовой культуры. Это является одним из важных факторов успешного решения задач, возложенных на них законом.

Знание правовой основы деятельности способствует минимизации нарушений, допускаемых сотрудниками при осуществлении должностных полномочий, и повышению авторитета и доверия к ним со стороны населения.

В рамках учебной дисциплины у обучающегося формируются знания о форме государств, их признаках и т. д. ТГП предназначена для воспитания у граждан чувства уважения к правовым явлениям и процессам общественной жизни [4, с. 81]. Данная дисциплина тесно взаимосвязана с другими гуманитарными науками, что существенно обогащает ее содержание и позволяет расширять кругозор и развивать интеллектуальные способности будущих сотрудников правоохранительных органов, прививать им основу правовой и общечеловеческой культуры одновременно. Высокий уровень правосознания особенно важен для тех, кто связывает свою профессиональную деятельность непосредственно с правом и законом. Между элементами правосознания и фактическим поведением всегда имеется момент, в который происходит взаимодействие [5, с. 12]. Поскольку в процессе изучения ТГП формируется профессиональное правосознание и расширяется юридический кругозор, она позволяет понимать и оценивать происходящие в обществе социально-политические процессы, давать правильную оценку сложным государственно-правовым явлениям.

Сотрудники, обеспечивающие законность и правопорядок, в первую очередь, являются защитниками прав и свобод граждан. В процессе своей служебной деятельности они должны понимать и иметь четкое представление о том, защита каких прав граждан входят в их компетенцию, каковы основания ограничения прав. Наряду с этим, должен четко понимать какими способами и средствами он пользуется при осуществлении своей служебной деятельности и что будет, если он не будет выполнять свои служебные обязанности.

ТГП является одной из важнейших дисциплин при подготовке высококвалифицированных сотрудников правоохранительных органов, в том числе по направлению обеспечения законности и правопорядка, поскольку она:

1) формирует базовые знания в области государства и права, понятийный аппарат и расширяет кругозор;

2) способствует развитию культурных и правовых ценностей, повышению профессионального правосознанию и компетентности сотрудников органов внутренних дел;

3) помогает определить место сотрудников правоохранительных органов в государственном механизме, а также роль в реализации функций государства;

4) определяет направления деятельности сотрудников в целях обеспечения законности и правопорядка;

5) разграничивает возможности и пределы использования права и других элементов механизма правового регулирования при обеспечении законности и правопорядка.

Таким образом, ТГП является фундаментальной наукой, которая синтезирует положения теории, истории и практики. Это обосновывает необходимость изучения ее положений в рамках учебной дисциплины на первом курсе для формирования определенной базы знаний и последующего ее расширения в процессе обучения.

Список источников

1. Горбуль Ю. А. Значение дисциплины «Теория государства и права» в формировании профессиональной языковой культуры будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы XXI Всерос. науч.-практ. конф., Новокузнецк, 20–21 октября 2021 г. Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. С. 219–221.
2. Грибанов Д. В. Юридическое мышление и юридический язык: вопросы взаимодействия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 20, № 4. С. 63–68.
3. Закон и общество: история, проблемы, перспективы: материалы XXIII Межвуз. науч.-практ. конф. студ., магистрантов и аспирантов. Ч. 1 / Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2019. 393 с.
4. Кольсариева Н. Ш., Хамдамов Б. Б. Функции теории государства и права // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2020. № . 9. С. 78–81.
5. Профессиональное правосознание и мышление юриста / В. С. Плетников, Е. А. Белканов, О. В. Пересадина [и др.]. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2021. 186 с.
6. Теория государства и права: учеб. пособие / А. С. Шабуров, Ж. С. Жайкбаев. Курган: Курганский государственный университет, 2019. 382 с.
7. Фетюков Ф. В. Логико-языковые требования к изложению судебных актов // Российский юридический журнал. 2014. № 4(97). С. 121–126.

УДК 159.99

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ И ПРАКТИКИ

***Е. В. Гнездилова**, доцент кафедры иностранных языков Барнаульского юридического института МВД России*

Обеспечение эффективного выполнения служебных обязанностей сотрудников органов внутренних дел предполагает высокую психологическую подготовку и знание ее ключевых аспектов и практик. Деятельность полицейских всегда сопряжена с высоким риском для жизни, постоянным стрессом и умением принимать быстрые и правильные решения в этих нестандартных условиях. В статье приводятся основные аспекты и практики психологической подготовки, ее цели и способы.

Ключевые слова: психологическая подготовка, сотрудник органов внутренних дел, психологическая устойчивость, коммуникативные навыки, эмоциональный интеллект.

PSYCHOLOGICAL TRAINING OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS: KEY ASPECTS AND PRACTICES

***E. V. Gnezdilova**, associate professor of the Department of Foreign Languages of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

Ensuring the effective performance of official duties of an employee of the internal affairs bodies requires high psychological training and knowledge of its key aspects and practices. The activities of police officers are always associated with a high risk to life, constant stress and the ability to make quick and correct decisions in these non-standard conditions. The article presents the main aspects and practices of psychological training, its goals and methods.

Keywords: psychological training, employee of the internal affairs bodies, psychological stability, communication skills, emotional intelligence.

В условиях роста преступности в сфере общественной жизни, обусловленной разными социально-экономическими, культурными, правовыми, политическими факторами, а также быстрым развитием киберпреступности, разработке эффективных стратегий и практик психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) важно уделять особое внимание. Психологическая подготовка направлена прежде всего на совершенствование профессиональных навыков, высокой степени психологической устойчивости полицейских, на развитие их эмоционального интеллекта и коммуникативных навыков.

Рассмотрим понятие психологической подготовки сотрудников ОВД и ее ключевые аспекты. Под психологической подготовкой сотрудников ОВД мы понимаем компонент общей морально-психологической подготовки, имеющий целью развитие знаний и навыков, необходимых для эффективного выполнения служебных задач в стрессовых ситуациях. Вопрос психологической подготовки не теряет своей актуальности в связи с постоянно растущими требованиями к выполнению служебных обязанностей, необходимостью обеспечения общественной безопасности и поддержания психического здоровья полицейских. Ряд современных авторов посвящают этой теме свои исследования. Так, Билык В. И. и Митракова Е. Н. рассматривают особенности психологической готовности сотрудников в экстремальных ситуациях, а именно в условиях психологических нагрузок [1]. Используя нейролингвистическое оборудование, они доказывают эффективность техник борьбы с тревогой, «установления собственных слабых и сильных сторон, позволяющих качественно себя подготовить к несению службы в экстремальных условиях или же побороть неблагоприятные чувства и ощущения в процессе осуществления служебных обязанностей» [1, с. 23]. Чуносов М. А. изучает компоненты профессиональной готовности полицейских в экстремальных ситуациях и выделяет мотивационные, операционные и психоэмоциональные составляющие, обеспечивающие наиболее эффективную работу сотрудников ОВД [2]. Рыбин Д. Н., Хромов В. А., Тюкин В. Г. исследуют процесс готовности сотрудника полиции к пресечению противоправных действий посредством использования методов психологической саморегуляции [3]. В их работах обосновывается «использование в рамках обучения метода профессионального педагогического моделирования типовых ситуаций оперативно-служебной деятельности для формирования готовности сотрудника полиции к пресечению противоправных действий» [3, с. 145].

Таким образом, современные исследования доказывают, что проблема психологической подготовки сотрудников является актуальной задачей российской правовой системы. Это значит, что условия службы полицейских требуют постоянного улучшения методов и практик психологической подготовки, что в итоге приводит к совершенствованию всей профессиональной деятельности.

К основным аспектам психологической подготовки сотрудников ОВД мы относим следующие.

1. Психологическая устойчивость. Она помогает полицейским эффективно бороться со стрессом и эмоциональными перегрузками. В условиях формирования психологической устойчивости применяются методы, способствующие повышению уверенности в себе и развитию умений преодолевать профессиональные трудности. Такие методики включают в себя тренинги по развитию стрессоустойчивости, релаксации и медитации (медитация, тренинг осознанности, «Стрессоустойчивость в службе», программа «Предотвращение выгорания», «Психологическая подготовка: экстренные ситуации» и т. д.).

2. Эмоциональный интеллект. Данный аспект предполагает способность сотрудника разбираться в своих эмоциях и эмоциях других людей. Это умение позволяет принимать ему более взвешенные решения. Для развития эмоционального интеллекта существуют различные программы и тренинги по развитию активного слушания (эхо, уточнение, перефразирование, резюмирование, отражение чувств), сопереживанию и управлению эмоциями в стрессовых ситуациях (техника «Якорение», техника мышечной разрядки, техника выявления барьеров и т. д.).

3. Коммуникативные навыки. Это – важный аспект эффективной деятельности полицейских в коллективе и с гражданами. Коммуникативные навыки развиваются с помощью разнообразных ролевых игр, симуляций, через практики ведения переговоров и разрешения конфликтов.

4. Умение приспосабливаться к условиям службы. Хорошая адаптация сотрудника предполагает гибкость, быструю реакцию на непредвиденные ситуации, успешное управление эмоциями и взаимодействие с гражданами. Эти качества развиваются через использование методов на гибкость мышления и на развитие адаптационных качеств (техники анализа аргументов, оценка источников информации, идентификация предвзятостей, медитация, тренинг осознанности и т. д.).

Обратимся к рассмотрению ключевых практик психологической подготовки.

1. Семинары и тренинги. Они организуются и проводятся квалифицированными психологами и являются эффективными в процессе всей деятельности сотрудников полиции. Охват тем, по которым они проводятся, широк и разнообразен, основной упор, однако, делается на умение сотрудников управлять стрессом, разрешать конфликты и на развитие лидерских качеств.

2. Практики симуляций и ролевых игр. Эти практики помогают полицейским в реальном времени отработать необходимые навыки, не подвергая себя опасности, т. е. создается симулятивная безопасная среда, позволяющая не только применить полученные знания, но и увидеть результаты обучения.

3. Индивидуальное консультирование. Оно преследует несколько основных целей, которые помогают сотрудникам в росте их профессионального и личностного развития. К основным из них относятся: поддержка эмоционального и психологического состояния, развитие профессиональных навыков и компетенций через разработку индивидуальных стратегий, разрешение конфликтов, профилактика выгорания через применение стратегий и практик, улучшающих баланс между профессиональной и личной жизнью, обеспечение соблюдения этических норм, поддержка и карьерной рост.

4. Групповая работа. Такой вид работы в процессе предоставления психологической помощи способствует укреплению связей между сотрудниками ОВД и повышению морального духа в коллективе. Работа в группах поддержки и публичное обсуждение проблем помогает полицейским решать возникающие трудности без ущерба для их психического состояния.

Таким образом, психологическая подготовка сотрудников органов внутренних дел является значимым средством профессиональной подготовки. Такие аспекты, как психологическая устойчивость, эмоциональный интеллект, коммуникативные навыки, умение приспосабливаться к условиям службы играют важную роль в эффективном выполнении служебных обязанностей. Использование психологами разнообразных практик – ролевых игр, тренингов, симуляций, индивидуального консультирования и групповой работы оказывает существенную помощь в подготовке квалифицированного и психологически устойчивого кадрового состава Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Список источников

1. Билык В. И., Митракова Е. Н. Психологическая подготовка сотрудников органов внутренних дел к действиям в экстремальных условиях: проблемы и способы решения // Психология и педагогика служебной деятельности. № . 3. 2023. С. 23–29.
2. Чуносов М. А. Компоненты профессиональной готовности сотрудников органов внутренних дел к выполнению служебных задач в экстремальных ситуациях // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки, 2021. № 3–1. С. 285–290.
3. Рыбин Д. Н., Хромов В. А., Тюкин В. Г. Формирование готовности сотрудника полиции к пресечению противоправных действий посредством использования методов психологической саморегуляции // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 1. С. 145–151.

УДК 796.88

ГИРЕВОЙ СПОРТ – ОСНОВА ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

Д. В. Горынин, *преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

…На Руси во все времена уважали и почитали людей, обладающих умом, выносливостью и огромной физической силой, способных встать на защиту своей семьи, своего народа и своей земли. Из древних легенд всплывают сказания о том, что богатырей на древней Руси выбирали по умению «перекреститься» двухпудовой гирей. А первые упоминания о гире как о спортивном инвентаре относятся к Древней Греции и датируются более чем двумя тысячами лет назад.

Ключевые слова: особые условия, сотрудник МВД России, гиревой спорт, профессиональная деятельность, развитие профессиональных качеств, физическая подготовка, выносливость, мотив, навыки.

KETTLEBELL LIFTING AS THE FOUNDATION OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS' TRAINING IN SPECIAL CONDITIONS

D. V. Gorynin, *lecturer of the Department of Special Tactical, Fire and Physical Training of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

…Throughout history, in ancient Rus', people who possessed intelligence, endurance, and immense physical strength – those capable of defending their family, people, and land – were always respected and revered. Ancient legends recount that богатыри (epic heroes) in ancient Rus' were chosen based on their ability to "make the sign of the cross" with a two-pood kettlebell. The first mentions of the kettlebell as a sports implement date back more than two thousand years, to ancient Greece…

Keywords: special conditions, Ministryof Internal Affairs employee, kettlebell sport, professional activity, development of professional qualities, physical training, endurance, motivation, skills.

Работа сотрудников полиции в особых условиях – это период чрезвычайных обстоятельств который, связан с введением военного или иного чрезвычайного положения, проведением различного рода контртеррористических операций, возникновением стихийных бедствий, техногенных катастроф, введением венного положения и т. д. Все вышеперечисленное, как правило, возникает неожиданно и вносит серьезную корректировку в жизнедеятельность сотрудника полиции, так ему приходится непосредственно участвовать в ликвидации последствий вышеизложенных событий. И чаще всего это связано: с изменением графика работы, увеличением количества рабочего времени, на сотрудника возлагаются дополнительные обязанности, его могут командировать в другую местность. Все это связано с увеличением психологической и физической нагрузки. Сотрудник полностью выходит из зоны «комфорта» и подвержен стрессовому состоянию. Для смягчения и выхода из данного состояния, сотруднику необходимо систематически поддерживать себя в «активной форме». Одним из способов эмоциональной и психической разгрузки являются систематические занятия спортом. То есть существует прямая необходимость тренировать свое тело, давать ему определенные физические нагрузки, что приводит к восстановлению нервной системы, общего морального состояния и тонуса.

Занятия с гирями в ходе несения службы в особых условиях помимо всего у сотрудников МВД способствуют формированию и развитию высоких морально-волевых качеств. Укрепляется здоровье всего организма как единого целого. Общая работоспособность кратно увеличивается, возрастает продуктивный уровень результатов работы. Обеспечивается поддержание и поэтапное совершенствование физических качеств.

Системные занятия с гирями, их разновидность и простота в исполнении совершенствуют профессиональную деятельность, повышают ее эффективность.

Гиревой спорт – это прежде всего простейший вид тренировок, который не требует огромного пространства для проведения занятий, специализированного оборудованного зала, мягкого коврового покрытия, дополнительного оборудования и специализированного инвентаря. Нет необходимости в наличии тренера. Что касается инвентаря, то тут достаточно двух гирь весом 16 кг каждая либо 24 кг. Выполнение специальных (базовых) упражнений не представляет никакой сложности или особого физического напряжения. Основные упражнения при выполнении тренировок с гирями являются «толчковые» и «рывковые» движения, чаще всего это монотонные однообразные и многократные повторения. Выполняются без определенного времени и с расчетом на внутреннее самочувствие. Выполняются упражнения синхронно, как одной, так и двумя руками. Кроме этого, в современном гиревом спорте имеется богатый «арсенал» всевозможных упражнений практически на все мышцы. Упражнения и их всевозможные вариации могут выполнятся стоя, сидя на корточках, в приседе, сидя

на полу, вставая с пола, лежа, в наклонах. Разновидность видов выполнения включает в себя: жим, тягу, вращение, наклоны, скручивание, «вырывание». В процессе различного вида тренировок происходит частая смена направления движений, с этим связано постоянное изменение прикладываемых усилий, что производит более качественное развитие мышц, сухожилий и всего опорно-двигательного аппарата (скелета). «Жонглирование» гирями представляет отдельный, особый вид тренировки, что-то вроде минимальной нагрузки и в тоже время разминка высокого уровня, жонглирование можно выполнять после трудного рабочего дня, что позволяет снять накопившуюся усталость. Особенность при занятиях гирями заключается в том, что занятия не требуют отдельных оборудованных помещений, ими можно заниматься по месту дислокации, в полевых условиях, в любых помещениях и просто на улице. Уникальной особенностью можно назвать и то, что гири всегда можно взять с собой в долгих поездках(командировках), они компактны и не занимают много места. В ходе активных и системных (а также без какой-либо системы) у занимающихся формируются такие психологические качества, как уверенность, выносливость, смелость, инициативность, самоконтроль, коммуникабельность. Недооцененным моментом является то, что с гирями можно проводить тренировки непосредственно в процессе службы (в свободное время, в коротких перерывах в течение рабочего дня) в кабинетах с ограниченным пространством.

Медицинский аспект занятий гиревым спортом:

– укрепление сердечно-сосудистой системы;

– нормализация кровеносного давление вскоре после тренировки;

– рост и укрепление сухожилий костного скелета. А как известно основная сила кроется именно в них;

– смешанная техника выполнения упражнений способствует развитию взрывных и скоростных качеств, четкой координации при выполнении всех движений;

– именно упражнения с гирями развивают и сохраняют в целостности подвижность суставов (при условии правильной техники выполнения упражнений).

Упражнения с гирями придают «взрывную» силу, что в свою очередь помогает при решении бытовых проблем при несении службы в особых условиях. Например, при переносе различного рода тяжелых предметов организм быстрее восстанавливается и адаптируется к нагрузкам. Без навыков обращения с тяжестями, данный вид деятельности становятся непосильной нагрузкой во время выполнения повседневной работы.

Основными мотивами для тренировок гирями при выполнении служебных обязанностей сотрудниками МВД в особых условиях являются:

– стремление быть всегда и везде в отличной физической форме;

– реальная возможность развить огромную физическую силу и выносливость;

– понимание, что тренировки укрепляют здоровье и продлевают жизнь и замедляют процессы старения в организме;

– регулярные тренировки способствуют формированию красивой рельефной фигуры;

– повседневный тонус и уверенность в себе;

– простой и эффективный способ снять напряжение и расслабиться, снизить внутреннюю агрессивность.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что физическая подготовка в целом является организованным процессом формирования физических качеств, двигательных навыков и умений, а также воспитанием, психологической и моральной готовности к осуществлению профессиональной деятельности.

Учитывая высокий уровень эмоциональной и нервно-психологической напряженности, сопровождающей деятельность сотрудника МВД, при выполнении оперативно служебных задач в особых условиях, связанными с нахождением в стрессовых ситуациях, возможным применением физической силы и специальных средств, повышенными физическими и психологическими нагрузками. Применение упражнений с гирями, наряду с традиционными физическими упражнениями, повысят эффективность всестороннего развития важных физических качеств. Таким образом, гиревой спорт как средство физической подготовки максимально обеспечивает выработку навыков, необходимых для обеспечения решения оперативно-служебных задач профессиональной деятельности сотрудников МВД в особых условиях.

Данный вид спорта также считаем наименее травмоопасным, и тут можно сказать:

– если Вы можете поднять, гирю – то вы уже не надорветесь, … либо вы просто ее не поднимите.

Список источников

1. Синянский В. А. Профессиональная подготовка курсантов образовательных организаций МВД России на основе ситуационного моделирования: дис. … канд. пед. наук. М., 2021.
2. Шилакин В. Б. Методика тактикотехнической подготовки сотрудников полиции в процессе профессионально-прикладного физического воспитания: дис. … канд. пед. наук. М., 2019.

3. Губжоков А. Х. Мотивация слушателей образовательных организаций МВД России к занятию спортом, как основной критерий повышения профессиональных качеств / А. Х. Губжоков // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 3. С. 82–85.
4. Малетин С. В. Основные направления подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России к будущей профессиональной деятельности / С. В. Малетин, А. С. Гричанов, В. М. Зуев // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 5 (66). С. 145–147.
5. Тезиков Д. А. Физическая подготовка и спорт в профессиональной подготовке сотрудников МВД России // Достижения вузовской науки 2018: сб. В 3 ч. 2018. С. 112–115.

УДК 37

ПОГРУЖЕНИЕ В АУТЕНТИЧНУЮ ЯЗЫКОВУЮ СРЕДУ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

***А. Ю. Денисова**, преподаватель кафедры иностранных языков Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат педагогических наук*

В статье исследуется потенциал интеграции технологий виртуальной реальности (ВР) в процесс обучения иностранным языкам как одно из самых перспективных и технологически продвинутых направлений в современной методике преподавания иностранных языков. Рассматриваются современные тенденции в использовании ВР для создания иммерсивной языковой среды, представлены конкретные сценарии и практические примеры использования ВР в образовательном процессе.

Ключевые слова: виртуальная реальность, обучение иностранным языкам, сенсорное погружение, цифровые образовательные технологии, аутентичная языковая среда.

IMMERSE YOURSELF IN AN AUTHENTIC LANGUAGE ENVIRONMENT THROUGH THE USE OF VIRTUAL REALITY IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

***A. Y. Denisova**, lecturer of the Foreign Languages of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Kikot, kandidat nauk, degree in Pedagogy*

The article explores the potential of integrating virtual reality (VR) technologies into the process of teaching foreign languages as one of the most promising and technologically advanced areas in modern foreign language teaching methods. Modern trends in the use of VR to create an immersive language environment are considered, specific scenarios and practical examples of the use of VR in the educational process are presented.

Keywords: virtual reality, foreign language teaching, sensory immersion, digital educational technologies, authentic language environment.

Использование технологий виртуальной реальности (далее – ВР) открывает революционные возможности для создания иммерсивной языковой среды, которая ранее была недостижима в традиционном обучении. Этот подход трансформирует процесс изучения иностранного языка из академического упражнения в жизненный опыт. Виртуальная реальность имитирует реальные жизненные ситуации, позволяя обучающимся практиковать языковые навыки в контексте. Виртуальные стимуляторы могут создавать повседневные ситуации или диалоги с использованием культурных контекстов. Помимо этого, интерактивный характер ВР способствует активному участию обучающихся, делая их активными субъектами обучения.

Как отмечает Т. В. Козлитина, «еще одной отличительной чертой виртуальной реальности является ее способность адаптироваться под индивидуальный стиль обучения каждого ученика, позволяя ему изучать язык в соответствии со своим темпом» [1]. Согласимся и с мнением А. А. Атабековой, что «персонализованность обучения посредством VR-технологий, которые способны адаптироваться под индивидуальные потребности учащихся, таким образом обеспечивают анализ его прогресса и обратную связь с ним путем анализа ошибок и рекомендаций по их преодолению. Данные технологии также обеспечивают возможность настраивать уровень сложности и тематику занятий в зависимости от уровня знаний и интересов учащихся» [2]. Кроме того, по мнению Д. Ю. Омаровой, «в отличие от краткосрочных языковых поездок за границу, ВР может быть использована регулярно и без временных ограничений. Это позволяет студентам практиковать язык в любое время и в любом месте, что особенно полезно для тех, у кого нет возможности путешествовать», что представляет особую актуальность при обучении иностранным языкам курсантов ведомственного вуза.

Говоря о ВР или виртуальном погружении в контексте обучения языкам, многие ошибочно полагают, что речь идет исключительно о просмотре и/или использовании видео на языке. Но в данном исследовании подчеркнем, что это, прежде всего, полное сенсорное погружение в смоделированное окружение, где обучающийся становится активным участником событий и использует язык для решения практических задач, как в реальной жизни. Таким образом, соглашаясь с мнениями коллег, выделим, на наш взгляд, ключевые преимущества и образовательный потенциал виртуального погружения (табл.).

Таблица

Ключевые преимущества и образовательный потенциал виртуального погружения

Преимущество	Образовательный потенциал
Эффект присутствия (Presence)	Снимается психологический барьер. Студент общается не «с учебником», а с виртуальным персонажем в кафе, на улице, в магазине. Исчезает страх допущения ошибки
Контекстуальное обучение (Contextual Learning)	Язык усваивается не как набор правил, а как инструмент для достижения цели в конкретной ситуации (заказать еду, купить билет, спросить дорогу)
Эмоциональная вовлеченность (Emotional Engagement)	Эмоции, пережитые в ВР, значительно усиливают запоминание. Столкновение с проблемой и ее решение создают прочные нейронные связи
Практика без последствий (Safe Failure Environment)	Можно совершать ошибки (не так спросил, не понял ответ) без реальных социальных последствий. Это поощряет эксперименты с языком
Интеграция всех видов речевой деятельности	Студент одновременно слушает речь носителей, говорит сам, читает вывески и меню, а иногда и пишет заметки

В данной статье представим некоторые практические примеры для обучающихся.

1. Сценарий: Arrival at the International Airport.

Цель: отработка лексики и фраз, необходимых в аэропорту.

Опыт в ВР: обучающийся «оказывается» в виртуальном аэропорту Хитроу или Дж. Кеннеди. Ему нужно:

– найти нужный терминал (чтение вывесок);

– пройти регистрацию и сдать багаж (диалог с агентом);

– пройти паспортный контроль (ответы на вопросы офицера);

– сориентироваться в зоне вылета.

Языковые задачи: вопросы Where is … ?, I'd like to check in … , Here's my passport, пассивный залог (Your flight has been delayed).

2. Сценарий: Public Order Situation in a Foreign City.

Цель: развить навыки профессиональной коммуникации на иностранном языке.

Опыт в ВР: обучающийся в форме патрульного офицера в виртуальном Лондоне. Ему нужно:

– ответить на вопрос потерявшегося туриста (дать указания);

– успокоить конфликтующих людей (использовать императивы и вежливые формы);

– сообщить о происшествии по рации (четко и кратко описать ситуацию).

Языковые задачи: специальная лексика (suspect, incident, assistance), повелительное наклонение (Stop, please!, Calm down), модальные глаголы (You must show me your ID).

3. Сценарий: The Virtual Job Interview.

Цель: подготовка к профессиональному общению.

Опыт в ВР: обучающийся проходит собеседование на виртуальную должность (например, стажера в международной компании). Аватары-работодатели задают стандартные и неожиданные вопросы.

Языковые задачи: самопрезентация, ответы на вопросы о карьерных целях, стрессоустойчивость в языковой среде.

Анализируя технический аспект реализации данного проекта по принципу от простого к сложному, выделим следующее.

1. ВР-гарнитуры (Oculus Quest 2/3, HTC Vive, Pico), которые обеспечивают полное погружение и требуют специализированных обучающих приложений. Примеры приложений: Immersive VR Education, Mondly VR (у них есть готовые сценарии для практики языков).

2. 360-видео (самый доступный вариант), поскольку можно создавать собственные сценарии на камеру 360° или использовать готовые ролики с YouTube. Просмотр возможен в простых виртуальных очках для смартфона.

Пример: записать видео «Экскурсия по университету» с комментариями на языке. Обучающийся, надевая очки, оказывается внутри этого пространства.

3. Платформы социальной ВР (AltspaceVR, VRChat), которые позволяют взаимодействовать с реальными людьми со всего мира в виртуальных пространствах. Это максимальная аутентичность, но требует хорошего уровня языка и контроля со стороны преподавателя. Отметим при этом, что преподаватель не устраняется, просто его роль несколько трансформируется. Мы видим его не только сценаристом и режиссером, поскольку он разрабатывает или выбирает образовательные сценарии с учетом индивидуальных целей обучающихся и уровня владения языком, или аналитиком, который вмешивается точечно для коррекции ошибок и фиксирует типичные трудности для последующего анализа, организующим после занятия рефлексию с разбором ошибок и закреплением пройденного материала, фиксирующего время реакции в диалогах, процент успешных коммуникативных задач, частотность использования лексики, а также выявляющего успешные стратегии коммуникации, определяющего зоны роста, ставящего цели для следующей сессии, что еще раз доказывает, что «образовательный процесс и его содержание полностью лежит на «креативных плечах» педагогов» [4]. Но самое главное, что преподаватель предстает в качестве архитектора образовательного маршрута, фасилитатора, о чем, как мы знаем, в рамках такого феномена как гуманистическая психология заявил К. Роджерс, то есть такого преподавателя, «которого больше всего интересуют потребности

и запросы учащихся, который перед занятием думает не о том, как освоить все дидактические единицы, а как создать настолько благоприятную атмосферу, чтобы учащиеся захотели знать, удовлетворили свои интеллектуальные, социокультурные запросы» [5], а также раскрыли в себе творческую личность, соответствующую новой образовательной парадигме и развили свою самостоятельность. На наш взгляд, преимуществами данного подхода для обучающихся являются персонализированная траектория обучения, мгновенная обратная связь, безопасная среда для экспериментов, высокая мотивация за счет игровых элементов, а для преподавателя – творческий подход к разработке материалов, глубокая аналитика прогресса обучающихся, освобождение от рутинных задач, а также саморазвитие (профессиональное развитие в EdTech). Такой подход трансформирует образовательный процесс, делая его более индивидуальным, практико-ориентированным и эмоционально вовлекающим, что значительно повышает эффективность изучения иностранного языка.

Список источников

1. Козлитина Т. В. Использование виртуальной реальности в обучении иностранным языкам // URL: https://na-journal.ru/11–2023-pedagogika/6941-ispolzovanie-virtualnoi-realnosti-v-obuchenii-inostrannym-yazykam?ysclid=mhkv0r0o6u393886299 (дата обращения: 13.11.2025).
2. Атабекова А. А. Виртуальная реальность в изучении языков: глубокое погружение в культурное многообразие и особенности разных профессий // URL: https://snob.ru/profile/414702/blog/3094775/ (дата обращения: 13.11.2025).
3. Омарова Д. Ю. Применение технологий виртуальной реальности (VR) на уроках иностранного языка: перспективы и вызовы // Публикации педагогов. Обобщение опыта работы. 2024. URL: https://проф-обр.рф/blog/2024–11–12–2138?ysclid=mhxdmcj1gz38558305#comments (дата обращения: 13.11.2025).
4. Лукинский И. С. Креативность и ее роль в современном образовательном процессе: комбинаторное мышление и пределы систем искусственного интеллекта / И. С. Лукинский, И. А. Горшенева, М. И. Лукинская // Психология и педагогика служебной деятельности. 2025. № 1. С. 127–131.
5. Татаренкова И. А., Кибец В. Н. Преподаватель как фасилитатор инновационного образовательного процесса в вузе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=18086 (дата обращения: 13.11.2025).

УДК 355

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К ФИЗИЧЕСКОЙ И ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

***В. Ю. Диянич**, преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

***Р. В. Романов**, начальник кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат педагогических наук*

В статье рассматриваются современные подходы к физической и огневой подготовке сотрудников ОВД к действиям в особых условиях. Анализируется необходимость модернизации традиционных методов обучения в связи с новыми вызовами: террористическими угрозами, деятельностью диверсионных групп, усложнением оперативной обстановки. Особое внимание уделяется внедрению инновационных методик, включающих функциональный тренинг, прикладные виды подготовки: тактическая акробатика, рукопашный бой, современные тренажерные устройства. Подчеркивается важность интеграции физической, огневой и психологической подготовки через моделирование реальных условий оперативной деятельности, стресс-тренинги, отработку «интуитивной стрельбы».

Ключевые слова: тактика, подготовка, инновационные методы.

A MODERN APPROACH TO PHYSICAL AND FIRE TRAINING OF POLICE OFFICERS FOR SOLVING TASKS IN SPECIAL CONDITIONS

***V. Yu. Diyanich**, lecturer of the Department of Special Tactical, Fire and Physical Training of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***R. V. Romanov**, head of the Department of Special Tactical, Fire and Physical Training of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Pedagogy*

The article discusses modern approaches to the physical and fire training of police officers to act in special conditions. The article analyzes the need to modernize traditional teaching methods in connection with new challenges: terrorist threats, the activities of subversive groups, and the increasing complexity of the operational situation. Special attention is paid to the introduction of innovative techniques, including functional training, applied types of training: tactical acrobatics, hand-to-hand combat, modern training devices. The importance of integrating physical, fire, and psychological training through modeling real-world operational conditions, stress training, and practicing "intuitive shooting" is emphasized.

Keywords: tactics, training, innovative methods.

В современных условиях профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) сопряжена с постоянно возрастающими рисками и угрозами, требующими особого уровня подготовки. Изменение характера преступности, усложнение оперативной обстановки в условиях специальных операций, а также появление новых видов угроз: террористические акты, деятельность диверсионно-разведывательных групп, обусловливают необходимость пересмотра традиционных подходов к физической и огневой подготовке личного состава [1].

Особые условия службы, под которыми понимаются обстоятельства, связанные с повышенной опасностью, экстремальными ситуациями и необходимостью применения специальных средств и методов, ставят перед системой профессиональной подготовки принципиально новые задачи, требующие современных решений.

Актуальность совершенствования системы подготовки сотрудников ОВД подтверждается статистическими данными, свидетельствующими о росте числа случаев, когда недостаточная физическая и огневая подготовка становилась причиной неэффективных действий в критических ситуациях.

При этом одним из важных вопросов является тактика применения специальных приемов и методов сотрудниками полиции при выполнении возложенных на них обязанностей и средств воздействия на правонарушителей с целью декриминализации общества [1].

Анализ оперативно-служебной деятельности показывает, что около 40 % неудачных операций связаны с недостаточной готовностью личного состава к действиям в условиях реальной опасности. При этом традиционные программы подготовки часто оказываются неспособными сформировать необходимые компетенции, так как не учитывают психофизиологические особенности работы в состоянии стресса, не используют современные методики подготовки и не обеспечивают должного уровня интеграции физической и огневой подготовки.

Огневая подготовка в современных условиях также требует переосмысления традиционных подходов. Стандартные стрельбы на стрельбище не формируют навыков, необходимых для реального огневого контакта, необходимо включать в систему подготовки стрельбы в движении, в условиях ограниченной видимости, при физическом истощении, с необходимостью постоянного изменения позиции.

Современные исследования показывают, что в 70 % реальных перестрелок сотрудники сталкиваются с ситуациями, совершенно не готовые к ним. Это обуславливает необходимость внедрения инновационных методов подготовки, включая VR-тренажеры, тактические стрелковые комплексы и системы биометрического контроля.

Инновационные методики подготовки, по нашему мнению, должны включать три основных направления.

Первое – это функциональный тренинг с использованием кроссфит-программ, сочетающих силовые и кардионагрузки, интервальных тренировок высокой интенсивности, работы с нестабильными платформами и специальными упражнениями в тактическом снаряжении.

Второе направление – это прикладные виды подготовки, такие как тактическая акробатика с элементами преодоления препятствий и безопасных падений, рукопашный бой в стесненных условиях, тренировки вестибулярного аппарата и упражнения на стабилизацию при ношении снаряжения.

Третье важное направление – это использование специализированных тренажеров, включая полосы препятствий с тактическими элементами, имиторы экстремальных условий: завалы, разрушенные здания, VR-тренажеры для ситуационной подготовки и биомеханические системы контроля движений.

Особенностью современного подхода является глубокая интеграция физической подготовки с другими компонентами профессионального обучения. Это проявляется в проведении комплексных тренировок, сочетающих огневую подготовку с тактико-специальной и психологической подготовкой [2].

Особое внимание, по нашему мнению, должно уделяться моделированию реальных условий оперативной деятельности: действиям в состоянии усталости, работе в условиях ограниченной видимости, совмещению физических нагрузок с когнитивными задачами и отработке группового взаимодействия в стрессовых ситуациях, это позволяет приблизить содержание курса огневой подготовки к практической деятельности.

Психологическая составляющая подготовки должна включать методы повышения стрессоустойчивости, техники контроля эмоций при физических нагрузках, формирование оперативной памяти движений и развитие волевых качеств.

Одним из способов заменяющим физические упражнения в боевой обстановке, является самовнушение. Правильно выбранная и примененная форма

самовнушения, является наилучшим способом, позволяющим достичь поставленной цели. Она является самым эффективным способом оказания влияния на самого себя [3].

Современная система оценки эффективности физической подготовки не должна ограничиваться простым выполнением нормативов. Она должна включать комплексные испытания, симуляционные тесты в условиях, приближенных к реальным, биометрический контроль показателей и анализ эффективности действий в моделируемых ситуациях.

Современная огневая подготовка сотрудников органов внутренних дел в настоящее время не должна состоять только из обучения стрельбы по мишеням, это должна быть сложная система формирования профессиональных навыков для действий в реальных оперативных ситуациях.

Особое внимание должно уделяться подготовке к работе в условиях городской среды, где приходится действовать среди гражданского населения, в ограниченном пространстве, при постоянном дефиците времени на принятие решений.

Основной акцент в обучении необходимо сместить на развитие практических навыков, необходимых для реальных ситуаций. Современные методики, программы должны включать отработку стрельбы на сверхкоротких дистанциях 3–5 метров, мгновенное распознавание угрозы, ведение огня из нестандартных положений.

Особое значение должно придаваться, так называемой «интуитивной стрельбе», когда сотрудник ОВД способен точно поражать цель без традиционного прицеливания, что критически важно в скоротечных огневых контактах.

Техническое оснащение учебного процесса необходимо совершенствовать и в сочетании с обычными тирами использовать интерактивные лазерные комплексы, позволяющие моделировать сотни различных сценариев, от задержания вооруженного преступника до действий при массовых беспорядках. Виртуальные тренажеры с эффектом полного погружения помогают отрабатывать навыки в условиях, максимально приближенных к реальным. При этом все действия обучаемого фиксируются специальными системами, которые анализируют точность стрельбы, скорость реакции, правильность принятия решений.

Важным компонентом подготовки должны быть стресс-тренинги, на которых сотрудники ОВД учатся сохранять хладнокровие и эффективно действовать в условиях сильного психологического давления. Для этого необходимо использовать специальные методики, включающие стрельбу после интенсивной физической нагрузки, когда пульс достигает 140–160 ударов в минуту, работу в условиях ограниченной видимости или при сильном шумовом воздействии.

Также, необходимо уделять особое внимание правовому аспекту применения огнестрельного оружия. Современные программы подготовки должны

включать не только отработку технических навыков, но и обучение мгновенной оценке ситуации с точки зрения законности применения оружия. Для этого используются интерактивные сценарии, где нужно быстро принимать решения о правомерности открытия огня.

Перспективы развития огневой и физической подготовки сотрудников ОВД в особых условиях связаны с углубленной индивидуализацией тренировочных программ, широким внедрением цифровых технологий контроля, разработкой новых методик стресс-адаптации и созданием современных тренировочных комплексов. Такой комплексный подход обеспечивает необходимый уровень готовности личного состава ОВД к выполнению задач в условиях современной оперативно-служебной деятельности, где физические качества и навыки владения огнестрельным оружием являются фундаментом профессионального мастерства.

Список источников

1. Актуальные вопросы совершенствования служебно-боевой подготовки сотрудников в органах внутренних дел: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Волгодонск, 27 сентября 2019 г. / отв. ред.: В. П. Полунин, Д. А. Ананкин. Волгодонск: Ростов. юрид. ин-т МВД России, 2019. 118 с.
2. Васюк Д. В. Методика физической подготовки сотрудников ОВД к действиям в особых условиях / Д. В. Васюк, С. В. Кузуб, А. И. Ткаченко // Современное состояние и тенденции развития физической культуры и спорта: сб. науч. ст. по итогам междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 22 ноября 2024 г. Белгород: Белгор. гос. национальный исследоват. ун-т, 2024. С. 335–338.
3. Науменко С. В. Методика развития скоростных качеств у сотрудников полиции для действий во внештатных ситуациях оперативно-служебной деятельности / С. В. Науменко, М. Л. Куликов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4(92). С. 215–221.

УДК 343.13

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ИЗБРАНИЯ ИНОЙ МЕРЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ВИДЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ОПЕРАЦИЙ С ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ, ВНЕСЕННЫМИ В КАЧЕСТВЕ АВАНСА ЗА УСЛУГИ СВЯЗИ

***Д. А. Добрынин**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена вопросам, связанным с применением ст. 115.2 УПК РФ, являющейся новеллой в уголовно-процессуальном законодательстве. Отсутствие наработанной правоприменительной практики вызывает большое количество вопросов и споров, создает относительно правовую неопределенность. В статье автор рассматривает отдельные аспекты, сопряженные с целесообразностью введения новой меры процессуального принуждения в эпоху совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, исследует современные тенденции развития уголовно-процессуального законодательства в области противодействия указанным преступлениям.

Ключевые слова: мера процессуального принуждения, преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, приостановление операций, операция, оператор, денежные средства, электронные денежные средства.

ON THE QUESTION OF CRIMINAL PROCEDURAL ASPECTS OF SELECTION OF ANOTHER MEASURE OF PROCEDURAL COERCION IN THE FORM OF SUSPENSION OF OPERATIONS WITH MONEY, MONEY CONTRIBUTED AS AN ADVANCE PAYMENT FOR COMMUNICATION SERVICES

***D. A. Dobrynin**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article examines issues related to the application of Article 115.2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, a new provision in criminal procedural law. The lack of established law enforcement practice raises numerous questions and disputes, creating relative legal uncertainty. In this article, the author examines specific aspects related to the advisability of introducing a new measure of procedural coercion in the era of crimes committed using information and telecommunications technologies and explores current trends in the development of criminal procedural legislation to combat these crimes.

Keywords: procedural coercion; crimes committed using information and telecommunications technologies; suspension of transactions; operation; operator; funds; electronic funds.

В июле 2025 г. федеральным законом № 278 [2] в действие была введена ст. 115.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской федерации (далее – УПК РФ) [1], предусматривающая возможность приостановления операций с денежными и электронными денежными средствами, а также денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи.

Новая уголовно-процессуальная норма существенно расширила инструментарий правоприменителя и предоставила ему весьма серьезное императивное право.

Спецификой рассматриваемой меры процессуального принуждения стало и то, что в ней отсутствует процедура получения судебного разрешения на ее избрание. Думается, что такой подход обусловлен экономией временных затрат. Связано это с тем, что уголовные деяния, для которых характерно применение данной процессуальной меры, требуют незамедлительного и оперативного расследования в целях ликвидации сокрытия следов преступления.

Задаваясь вопросом о целесообразности такого решительного шага законодателем, ограничивающего права человека и гражданина на банковскую тайну и иные права и законные интересы, минуя судебное санкционирование, нельзя однозначно судить о радикальном характере такой меры. Тем не менее, изучив официальную статистику, предоставленную МВД России, можно отследить, что за 2020 г. количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации составило 510,4 тыс.[6], а в 2024–765,4 тыс. [7], таким образом количество преступлений выросло на 39,97 %.

Рассматривая данную ситуацию через призму экономической составляющей, можем привести в пример заявления Центрального Банка РФ, согласно которым в 2024 г. злоумышленниками со счетов российских граждан похищено около 27,5 млрд рублей, что на 74,4 % выше показателя 2023 г. [8].

Исходя из приведенных статистических данных, можно предположить, что динамика роста преступности без вмешательства органов государственной власти будет лишь прогрессировать и причинять все большие неудобства гражданам РФ. Это, в свою очередь, отразится и на экономической составляющей государства в целом, а потому, возвращаясь к вопросу о целесообразности, должны заверить, что такие изменения в уголовно-процессуальном законодательстве – весьма необходимая на сегодняшний день мера, направленная на борьбу с преступлениями, совершенными посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий.

Так, согласно ст. 115.2 УПК РФ при наличии оснований полагать, что банковские счета, электронные денежные средства, денежные средства, внесенные в качестве аванса за услуги связи, использовались при совершении преступления путем проведения различных финансовых операций следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора имеют право на вынесение постановления о приостановлении операций, указанных в норме закона на срок не более 10 суток, которое направляется операторам радиотелефонной связи, денежных средств или же электронных денежных средств.

Также законодатель предусмотрел возможность направления соответствующего постановления как традиционным способом, так и посредством использования систем электронного документооборота в форме электронного документа, которое должно быть подписано лицом, осуществляющим предварительное расследование по уголовному делу, усиленной подписью с соблюдением мер безопасности и конфиденциальности.

Вместе с тем установлены новые процессуальные сроки, согласно которым вышеуказанные операторы обязаны в течение 24 ч с момента поступления постановления уведомить следователя или дознавателя о его исполнении и одновременно предоставить им сведения о банковском счете, о денежных средствах или об электронных денежных средствах, расходные операции по которым приостановлены.

Исследуемой мере процессуального принуждения предшествовал схожий по своей сущности механизм ограничений. В частности, его реализация органами предварительного расследования осуществлялась не напрямую, а при взаимодействии с Федеральной службой по финансовому мониторингу, более известной как Росфинмониторинг, однако, учитывая количество сотрудников данной службы, численность центрального аппарата которой согласно Указу Президента РФ от 23 августа 2022 г. № 569 [3] составляла лишь 511 единиц (в том числе и по состоянию на сегодняшний день) и, сравнивая это количество с числом преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной технологий, высокая нагрузка на ведомство весьма сильно влияла на время исполнения запросов, что во многом отражалось на эффективности деятельности и самих органов предварительного расследования.

Несомненно, Росфинмониторинг не являлся единственным средством временного приостановления операций с финансами. Органы предварительного расследования имели возможность в порядке ст. 115 УПК РФ наложить арест на имущество, получив судебное разрешение на применение такой меры процессуального принуждения. Для этого в постановлении о возбуждении перед судом ходатайства необходимо было ссылаться на конкретные и фактические обстоятельства, большая часть из которых становилась известна правоприменителю путем получения информации от кредитных организаций и операторов связи, ответы от которых занимали достаточно длительное время.

Так или иначе, у органов предварительного следствия и дознания отсутствовала возможность в оперативном принятии мер, направленных на успешное противодействие преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Наряду с приведенными аргументами, позицию о больших временных затратах подкрепляет и пояснительная записка к проекту Федерального закона № 908825–8 [5], которая сетует на то, что при анализе исполнения запросов органов предварительного, направленных в кредитные организации и операторам связи, установлено, что средний срок предоставления ответов составляет более одного месяца и одной из проблем расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий продолжает оставаться длительный процесс получения информации от операторов по переводу денежных средств, операторов по переводу электронных денежных средств и операторов связи.

Таким образом, предоставление органам предварительного расследования более широких полномочий было лишь вопросом времени, предопределенным еще в конце 2024 г. с утверждением Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий [4]. Например, ст. 115.2 УПК РФ находит свое отражение в функциях вышеуказанной концепции, одной из которых является реализация механизма оперативного приостановления операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, авансовыми платежами за услуги связи, использовавшимися в преступной деятельности.

Новая мера процессуального принуждения – результат реализации государственных мер, направленных на борьбу с актуальными в настоящее время преступлениями, и является лишь первым шагом в уголовно-процессуальном законодательстве на пути к большим изменениям.

Несмотря на приведенные выводы, нерешенным остается все еще большое количество вопросов. Так, одним из ключевых для дальнейшего исследования темы является установленный законодателем 24-часовой срок указанным выше

операторам на уведомление следователя или дознавателя о исполнении постановления о приостановлении финансовых операций и предоставления им сведений о банковском счете, о денежных средствах или об электронных денежных средствах. Думается, что в условиях ежедневного совершения большого массива преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий организациям будет достаточно сложно уложиться в такие узкие временные рамки.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 27.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2025 № 278-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 13.06.2012 № 808 «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу» и в Положение, утвержденное этим Указом: Указ Президента Рос. Федерации от 23.08.2022 № 569. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 30.12.2024 № 4154-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект федер. закона № 908825–8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports/item/22678184/ (дата обращения: 28.10.2025).
7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 28.10.2025).
8. Чернышова Е. ЦБ зафиксировал рекордную сумму хищений у банковских клиентов в 2024 г. // Rbc.ru: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/finances/18/02/2025/67b489749a794780d1527516 (дата обращения: 28.10.2025).

УДК 94(47) 351/354

1917 ГОД. ПЯТЬ МИНИСТРОВ, ДВА НАРКОМА. ОТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ К НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

***В. Ж. Дорохов**, начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, доктор исторических наук, доцент, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации*

История деятельности и реформирования МВД Российской империи, России, Народного комиссариата внутренних дел Советской России в условиях событий февраля–октября 1917 г. оказалась тесно связана с историей становления новой советской власти на местах. Оба процесса протекали с чрезвычайными сложностями в связи со спонтанно возникшим гражданским сопротивлением, которое большевики назвали саботажем. Уговоры, дозированное насилие и эвакуация советского правительства в Москву позволили к весне 1918 г. успешно решить обе задачи.

Ключевые слова: Советская Россия, Совет народных комиссаров, Министерство внутренних дел, военно-революционный комитет, Народный комиссариат внутренних дел, нарком А. И. Рыков, нарком Г. И. Петровский, саботаж.

1917. FIVE MINISTERS, TWO PEOPLE'S COMMISSARS. FROM THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN EMPIRE TO THE PEOPLE'S COMMISSARIAT OF INTERNAL AFFAIRS OF SOVIET RUSSIA

***V. Zh. Dorokhov**, head of the Department of Social and Humanitarian and Economic Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, Doctor of historical sciences, Associate Professor, Honored employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation*

The history of the activity and reform of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, Russia, and the People's Commissariat of Internal

Affairs of Soviet Russia in the context of the events of February-October 1917 turned out to be closely linked to the history of the formation of the new Soviet government in the field. Both processes were extremely difficult due to the spontaneous civil resistance that the Bolsheviks called sabotage. Persuasion, metered violence, and the evacuation of the Soviet government to Moscow made it possible to successfully solve both tasks by the spring of 1918.

Keywords: Soviet Russia, the Council of People's Commissars, the Ministry of Internal Affairs, The Military Revolutionary Committee, the People's Commissariat of Internal Affairs, People's Commissar A. I. Rykov, People's Commissar G. I. Petrovsky, sabotage.

Органы внутренних дел являются одним из ключевых звеньев государственного механизма. В России Министерство внутренних дел (далее – МВД) было образовано в 1802 г. За время существования МВД не раз претерпевало мелкие и крупные реорганизации и преобразования. Кардинальные перемены в ведомстве произошли в ходе февральской, а затем и октябрьской революций 1917 г.

Историография данного вопроса с одной стороны весьма обширна, а с другой явно недостаточна. Основное внимание исследователей обращалось не на нюансы формирования задач, штатов и структуры ведомства, а на процесс его образования. Наиболее полно история первых дней формирования Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД) оказалась отражена в работе, выполненной Объединенной редакцией МВД России под общей редакцией министра внутренних дел Р. Г. Нургалиева, подготовленная к 200-летнему юбилею министерства [4]. При этом во всех публикациях исследователи обходили стороной весьма интересный вопрос преемственности-трансформации буржуазного министерства в советский наркомат.

Исследование поднятой проблемы следует начать с событий февраля 1917 г., когда система государственного управления подверглась серьезным изменениям. Последний министр внутренних дел Российской империи А. Д. Протопопов, не видя для себя перспектив, сдался в руки Государственной думы 28 февраля. Первый председатель сформированного Временного правительства князь Г. Е. Львов, за неимением желающих вынуждено принял на себя и обязанности министра внутренних дел. За краткое время существования новой власти с февраля по октябрь, сменилось три состава правительства и 4 министра внутренних дел.

После захвата власти, партия большевиков в ночь с 26 на 27 октября приступила к созданию своего правительства в институте благородных девиц [6, с. 201]. В ходе «мозгового штурма» родилось название нового правительства – Совет народных комиссаров (далее – СНК). Как заметил В. И. Ленин, – «это превосходно: ужасно пахнет революцией!» [8, с. 331].

В ходе формирования состава правительства первоначально пост наркома внутренних дел В. И. Ленин предложил занять Л. Д. Троцкому, однако дабы избежать «национальный момент: …еврейство» [8, с. 334], пост наркома достался русскому по крови крестьянскому сыну Алексею Ивановичу Рыкову.

Большевики сформировали исключительно однопартийное правительство, что вскоре привело к политическому кризису и негативно сказалось на формировании аппарат НКВД.

Переговоры с различными социалистическими партиями и профсоюзами привели к временному параличу государственного управления.

Одновременно на местах развернулось пассивное сопротивление государственных служащих. 29 октября представители Викжеля выступили против большевиков, подняв во Всероссийском исполнительном комитете (далее – ВЦИК) съезда Советов вопрос о создании однородного социалистического правительства, и разослали телеграмму с призывом не подчиняться СНК. Такую же мысль выразил и Комитет Союза союзов служащих государственных учреждений Петрограда.

В этих обстоятельствах создать действующий аппарат управления НКВД оказалось невозможно. Единственное, что смог сделать А. И. Рыков – подписать 28 октября Постановление «О рабочей милиции» [7, ст. 15] и 30 октября – Постановление «О передаче жилищ в ведение городов» [7, ст. 1 3, 14].

4 ноября на заседании ВЦИК меньшевики объявили о выходе из переговоров до тех пор, пока не прекратятся аресты и репрессии со стороны большевиков в отношении оппозиционных газет. Их поддержали 6 из 11 народных комиссаров Совнаркома, призвавших к созданию коалиционного социалистического правительства [2, с. 17]. Усиливая давление наркомы Рыков, Ногин, Милютин, Теодорович покинули свои посты в СНК. Одновременно меньшевики, правые эсеры и другие развернули агитацию за саботаж. Чиновники всех министерств сплотились и выступили единым фронтом против большевиков.

Таким образом, для нарождавшегося НКВД дни с октября по ноябрь оказались безвозвратно потеряны. Работу по формированию аппарата управления кадрового состава, обновлению нормативной документации никто не осуществлял и заданий не получал, а с уходом Рыкова комиссариат как таковой фактически прекратил свое существование.

Вновь вернуться к вопросу о формировании аппарата НКВД удалось только 15 ноября, когда СНК направил в наркомат несколько членов Петроградского военно-революционного комитета (далее – ВРК), сформировавших первый состав коллегии наркомата. 16 ноября был найден новый кандидат на пост наркома внутренних дел – Григорий Иванович Петровский. Но декрет о его назначении был подписан только 30 ноября 1917 г., о чем председатель ВРК и член коллегии НКВД Ф. Э. Дзержинский сделал официальное объявление

служащим МВД – «старая власть в Министерстве внутренних дел свергнута, и заведывание административно-хозяйственной и финансовой частью находится в руках народного комиссара Григория Ивановича Петровского и его Совета, распоряжениям которых все служащие, безусловно, обязаны подчиняться» [1. Л. 79].

Накануне ВРК провел аресты группы чиновников: 14 ноября Министерства государственного призрения, 23 ноября – Государственного банка, 26 ноября – объявил всех госслужащих, саботирующих работу, врагами народа, запланировав их аресты [9, с. 132–133].

Петровский налаживать работу своего ведомства стал непосредственно в помещениях МВД на набережной реки Фонтанки, в доме № 57. По прибытии сюда Петровский застал двух товарищей бывшего министра внутренних дел А. Ю. Никитина, которые категорически отказались сотрудничать. В итоге, как вспоминал сам Петровский, «с нами остались мелкие служащие: охрана, вахтеры, курьеры, швейцары» [5, с. 352].

Нарком Петровский при поддержке Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (далее – ВЧК) весь декабрь под конвоем привозил в НКВД чиновников ведомства, параллельно создавая свой управленческий аппарат. 22 декабря ВЧК арестовало руководителей «Союза союзов», инициировавшего саботаж.

В конечном итоге к концу декабря удалось сформировать более или менее действенный штат центрального аппарата наркомата. Следом за этим выстраивалась и структура НКВД. 10 декабря на заседании коллегии НКВД, как вспоминал Петровский, «мы уже приступили к организации отделов и подотделов наркомата. Это было коллективное государственное творчество» [5, с. 352].

К 30 декабря в НКВД было сформировано управление, канцелярия, бюро и 12 отделов [4, с. 94]. При этом, несмотря на все желание большевиков отказаться от буржуазного госаппарата [3, с. 35], при сравнении структуры НКВД и имперского и республиканского МВД, очевидна ее прямая преемственность.

Главным новшеством можно считать лишь смену наименования, понижение статуса ряда подразделений и сокращение функционала ведомства внутренних дел, произведенное уже в 1918 г., когда едва ли не единственной задачей НКВД стала работа по формированию новой советской власти в центре и на местах. Так, уже 27 декабря 1917 г. нарком Петровский направил на места воззвание с призывом местным советам брать власть в свои руки, не забыв указав на ведущую роль НКВД в вопросе организации власти – «Народному комиссариату по внутренним делам надлежит объединять деятельность всех органов управления на местах, каковыми теперь являются Советы» [5, с. 100–103].

Как видно из вышеизложенного, 1917 г. оказался для ведомства внутренних дел очень сложным годом. За это время сменилось 7 руководителей, отвечавших за работу МВД/НКВД в трех типах государственного устройства: Российской империи, Демократической России, Советской России.

Больше всего изменений в аппарате МВД произошло в короткий отрезок времени с октября по декабрь 1917 г., когда работа ведомства практически полностью остановилась и шла лишь по инерции. Профессиональное кадровое ядро министерства отказалось работать на большевиков, в связи с чем, на их место приходилось принимать малокомпетентных людей, что существенно ухудшило качество работы нарождавшегося НКВД.

Список источников

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. ВРК. Д. 22.
2. Бюллетень Центрального комитета РСДРП, «Пролетарская революция». № 1.
3. 3. Ленин В. И. Государство и революция. Глава III государство и революция. Опыт парижской коммуны 1871 года. Анализ Маркса. М.: Госполитиздат, 1953.
4. Министерство внутренних дел 1902–2002. Исторический очерк / под. общ. ред. Р. Г. Нургалиева. М., 2004.
5. Петровский Г. И. Избранные произведения / редкол.: В. И. Куликов, И. Ф. Курас, С. Ф. Лукин и др. М.: Политиздат, 1987.
6. Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988. С. 201.
7. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1917. № 1.
8. Троцкий Л. Моя жизнь М., 2006.
9. Феликс Эдмундович Дзержинский: биография / редкол. А. С. Велидов [и др.]. М.: Политиздат, 1977.

УДК 159.99

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Д. Г. Дробязко, *адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена вопросу профессионального выгорания у сотрудников органов внутренних дел в служебной деятельности. Рассматривая вышеупомянутый вопрос, следует указывать на факторы, которые влияют на данный феномен в психологии личности сотрудника органов внутренних дел. В статье также представлено исследование, посвященное профессиональному выгоранию сотрудников мужского и женского пола. Исследование профессионального выгорания предполагает изучение эмоционального истощения, деперсонализации и редукции личных достижений. Кроме того, в статье предложены стратегии для преодоления негативных последствий профессионального выгорания у сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция личных достижений, сотрудники органов внутренних дел.

FEATURES OF PROFESSIONAL BURNOUT OF POLICE OFFICERS

D. G. Drobyazko, *postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article is devoted to the issue of professional burnout among employees of internal affairs bodies in their official activities. When considering the above-mentioned issue, it is necessary to point out the factors that influence this phenomenon in the psychology of the personality of an employee of internal affairs bodies. The article also presents a study on the professional burnout of male and female employees. The study of professional burnout involves the examination of emotional exhaustion, depersonalization, and reduction of personal achievements. Additionally, the article suggests strategies for overcoming the negative consequences of professional burnout among employees of internal affairs bodies.

Keywords: professional burnout, emotional exhaustion, depersonalization, reduction of personal achievements, police officers.

Эмоциональное здоровье является критически важным аспектом эффективной деятельности сотрудника правоохранительных органов. Это понятие охватывает не только внутреннюю гармонию, но и согласованность между личностными убеждениями и внешним поведением. В подобном состоянии сотрудник органов внутренних дел (далее – ОВД) более склонен проявлять стремление к развитию, быть коммуникабельным и рациональным в принятии решений. Психологическая стабильность обеспечивает защиту от негативного воздействия стрессовых ситуаций, дает возможность сохранять самообладание и контролировать свои поступки, а также адекватно реагировать на возникающие сложности [1, с. 35].

Правоохранительные структуры играют ключевую роль в функционировании общества, обеспечивая правопорядок и безопасность граждан. Одним из приоритетных направлений их деятельности является работа с населением, требующая высокого уровня психологической компетентности, эффективного общения и конструктивного межличностного взаимодействия. Основным компонентом успешной деятельности сотрудников ОВД являются развитые коммуникативные навыки, включающие в себя умение устанавливать контакт, оценивать собеседника, преодолевать коммуникативные барьеры, активно слушать, грамотно вести диалог и внимательно наблюдать. Реализация всех этих аспектов требует значительных усилий для поддержания устойчивого психологического состояния [2, с. 306]. Специфика работы в ОВД сопряжена с высоким уровнем стресса, эмоциональной нагрузкой и необходимостью постоянного взаимодействия с негативными аспектами общественной жизни. Перечисленные детерминанты имеют свои отличия по степени воздействия и особенностям их преодоления в зависимости от гендерной идентичности сотрудника ОВД.

Психологическое выгорание сотрудников ОВД представляет собой комплексное состояние, характеризующееся физическим, эмоциональным и умственным истощением, которое развивается в результате продолжительного воздействия стрессовых факторов, связанных с профессиональной деятельностью.

Профессиональное выгорание у сотрудников ОВД характеризуется рядом специфических признаков.

1. Физиологические: ухудшение физического самочувствия, проявляющееся в бледности кожных покровов, появлении темных кругов под глазами, нарушениях сна (бессонница), колебаниях массы тела, общей утомляемости и повышенной чувствительности к внешним воздействиям.

2. Психологические: повышенная раздражительность, ощущение собственной невостребованности, возникновение необъяснимого чувства обиды, разочарования в профессиональной деятельности [3, с. 208].

Осознание феномена профессионального выгорания сотрудника ОВД включает в себя анализ таких аспектов, как эмоциональное выгорание, деперсонализация и редукция личных достижений.

1. «Эмоциональное выгорание» – процесс исчерпания эмоциональных и физических ресурсов сотрудника, равнодушие по отношению к окружающим.

2. «Деперсонализация» (личностное отдаление) – специфическая форма социальной дезадаптации сотрудника. Личностное отдаление проявляется в уменьшении количества контактов с окружающими, повышении раздражительности и нетерпимости в общении, снижение уровня эмпатии.

3. «Редукция личных достижений» (профессиональная мотивация) – снижение компетентности в служебной деятельности, недовольство собой, негативное самовосприятие в профессиональной сфере. Снижение профессиональной и личной самооценки, появление чувства собственной несостоятельности, безразличия к работе. Снижение уровня рабочей мотивации и энтузиазма по отношению к работе альтруистического содержания [4, с. 20].

С целью более детальной иллюстрации и конкретизации представленных ранее утверждений было осуществлено психологическое исследование, с применением методики «Диагностика профессионального выгорания», разработанной психологами К. Маслач и С. Джексон. Данный инструментарий предназначен для оценки уровня «выгорания» у специалистов, чья деятельность связана с непосредственным взаимодействием с людьми. В исследовании приняли участие сотрудники правоохранительных органов, а именно 60 респондентов женского и мужского пола (30 женщин и 30 мужчин).

При анализе результатов данного тестирования, первостепенное значение имеет оценка степени профессионального выгорания, классифицируемая по следующим уровням: отсутствие, крайне низкий, низкий, средний, высокий и крайне высокий. На основе полученных данных, отсутствие профессионального выгорания наблюдается у 30 % мужчин, в то время как среди женщин этот показатель составляет лишь 6 %. Уровень низкого профессионального выгорания зафиксирован у 23 % женщин, что несколько превышает аналогичный показатель у мужчин. Средняя степень профессионального выгорания доминирует у женщин, составляя 43 %. В то же время, крайне высокий уровень выгорания чаще встречается у мужчин (27 %). Таким образом, можно заключить, что для женщин наиболее характерна средняя степень профессионального выгорания, в то время как для мужчин превалирует полное отсутствие признаков выгорания *(см. рис. 1)*.

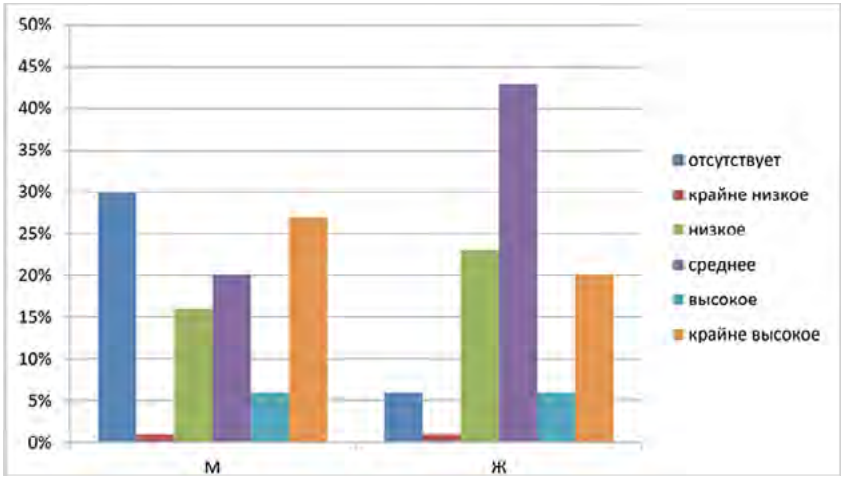

Рис. 1. Показатели профессионального выгорания у сотрудников мужского и женского пола

При дальнейшем анализе результатов тестирования применялись три ключевых критерия для всесторонней оценки профессионального выгорания. К ним относятся эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция личных достижений. Анализ графического представления данных по компонентам профессионального выгорания позволяет констатировать, что среди сотрудников мужского пола в органах внутренних дел наблюдается более выраженное эмоциональное истощение (около 33 %) по сравнению с сотрудницами (28 %). Показатель деперсонализации также несколько выше у мужчин (около 20 %) по сравнению с женщинами (17 %). Однако наиболее значительная разница наблюдается в компоненте редукции личных достижений, где у женщин этот показатель составляет 54 %, в то время как у мужчин – 47 %. На основании проведенного анализа представляется возможным заключить, что женщины проявляют повышенную чувствительность к характеру выполняемой работы. В то же время, мужчины демонстрируют большую эмоциональную зависимость, обусловленную особенностями их жизнедеятельности. Эти факторы оказывают влияние на их трудовую деятельность и межличностные отношения в коллективе. *(см. рис. 2).*

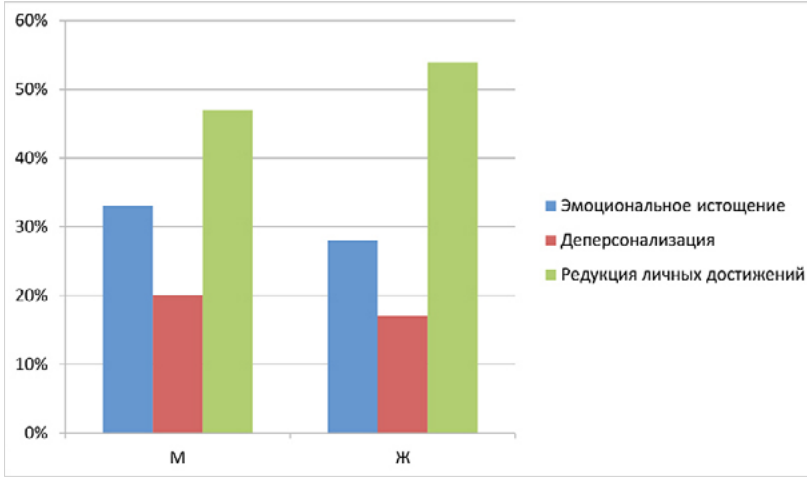

Рис. 2. Элементы профессионального выгорания

Таким образом, настоящее исследование, осуществленное с целью анализа психоэмоционального состояния сотрудников ОВД мужского и женского пола, позволяет заключить, что сотрудники мужского пола демонстрируют меньшую предрасположенность к развитию профессионального выгорания. Данная тенденция объясняется, вероятно, более высокой устойчивостью к стрессовым факторам, обусловленной физиологическими и психологическими особенностями, присущими мужчинам. Результаты исследования указывают на статистические различия в уровне эмоционального истощения и деперсонализации между сотрудниками мужского и женского пола.

Актуальная проблема, обозначенная в данном исследовании, предполагает поиск разнообразных подходов к ее разрешению. Для достижения этой цели необходимо реализовывать комплекс мер, включающие психологическую поддержку, воспитательные мероприятия, а также организационно-управленческую работу. В частности, целесообразное проведение специализированных вебинаров, мониторинг эмоционального состояния сотрудников органов внутренних дел и другое.

Проведенные психологические исследования демонстрируют особенности профессионального выгорания у сотрудников ОВД с различной гендерной принадлежностью, обусловленные влиянием группы факторов и позволяют выстроить на их основе действенный комплекс профилактических и корректирующих методик, направленных на устранение и (или) предупреждение возникновения данного феномена.

Список источников

1. Орел В. Е. Исследование феномена психического выгорания в отечественной и зарубежной психологии // Проблемы общей и организационной психологии. Ярославль, 2001. 35 с.
2. Психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел в экстремальных условиях: метод. пособие / М. И. Марьин, В. Н. Смирнов [и др.]. М., 2001. 306 с.
3. Украинский С. В. К вопросу о профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел // Вестник Краснодарского края МВД России. 2016. № 2 (32). 208 с.
4. Благонадежина Л. В. Эмоции и чувства / под ред. А. А. Смирнова, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна. М., 1971. 20 с.

УДК 340

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ

***Л. В. Дудченко**, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат юридических наук*

Проблема правового нигилизма продолжает является актуальной в среде сотрудников правоохранительных органов, поскольку их деятельность непосредственно связана с применением закона и формированием правосознания граждан. В этом контексте проявления правового нигилизма у сотрудников Госавтоинспекции, как наиболее публичной службы, оказывают деструктивное влияние на авторитет государственной власти и общую правовую культуру в сфере дорожного движения. В связи с этим в исследовании автором определены ключевые формы проявления правового нигилизма среди сотрудников Госавтоинспекции, к которым относятся: избирательное применение административного законодательства, несоблюдение процессуальных норм при оформлении правонарушений, злоупотребление должностными полномочиями, а также оправдание противоправных действий «целесообразностью». Установлено, что причинами данного явления выступают как системные факторы (противоречия в законодательстве, специфика службы, коррупционные риски), так и личностные (низкий уровень правовой культуры, профессиональная деформация).

Ключевые слова: правовой нигилизм, правосознание, правовая культура, сотрудник правоохранительных органов, Госавтоинспекция, причины.

FEATURES OF THE MANIFESTATION OF LEGAL NIHILISM IN THE OFFICIAL ACTIVITIES OF TRAFFIC POLICE OFFICERS

***L. V. Dudchenko**, senior lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov, kandidat nauk, degree in Law*

The problem of legal nihilism continues to be relevant among law enforcement officers, since their activities are directly related to the application of the law and the formation of the legal consciousness of citizens. In this

context, the manifestations of legal nihilism among the employees of the State Traffic Inspectorate, as the most public service, have a destructive effect on the authority of state power and the general legal culture in the field of road traffic. In this regard, in the study, the author identified key forms of manifestation of legal nihilism among the employees of the State traffic inspectorate, which include: selective application of administrative legislation, non-compliance with procedural norms in the registration of offenses, abuse of office, as well as justification of unlawful actions by "expediency". It has been established that the causes of this phenomenon are both systemic factors (contradictions in legislation, specifics of the service, corruption risks) and personal (low level of legal culture, professional deformation).

Keywords: legal nihilism, legal consciousness, legal culture, law enforcement officer, traffic police, reasons.

Правовой нигилизм как устойчивое отрицание ценности закона и его роли в регулировании общественных отношений, остается одной из наиболее острых проблем современного правового пространства. Его влияние пронизывает все уровни социальной жизни – от повседневного поведения граждан до деятельности государственных институтов. Возникая на стыке исторических, культурных и социально-экономических факторов, это явление не только подрывает авторитет права, но и создает почву для системных нарушений, дестабилизирующих общественный порядок. В условиях динамичных социальных преобразований и цифровизации общественных процессов проблема правового нигилизма приобретает новые грани. Рост числа нормативных актов, противоречия в их толковании, а также усиление публичности действий государственных структур – всё это обнажает уязвимости правовой и государственной систем. Игнорирование закона или его избирательное применение становится не просто личной позицией индивида, но угрозой для всей конструкции правового государства. Особенно критично это проявляется в сферах, где от решений должностных лиц зависят жизнь, свобода и права граждан.

Исследование форм проявлений правового нигилизма и методов их преодоления необходимо для формирования стратегий, направленных на укрепление доверия к правовым институтам. Без этого невозможно обеспечить ни эффективную защиту прав граждан, ни устойчивое развитие общества. Акцент на специфике проявления нигилизма в подразделениях Госавтоинспекции, например, позволяет выявить системные пробелы в подготовке кадров, механизмах контроля и этических стандартах службы. Устранение этих недостатков – ключевой шаг к восстановлению баланса между властью и обществом, где закон выступает не инструментом принуждения, а основой взаимного уважения и порядка.

Проблема безопасности дорожного движения в России остается серьезной об этом свидетельствуют статистические данные, при этом несмотря в целом на положительную динамику общего количества дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), зафиксированных за 6 месяцев 2025 г. в сравнении с АППГ – 2024 г. фиксируется существенный рост числа погибших в 32 регионах страны [4, с. 4]. Несмотря на постоянный контроль со стороны руководства страны, а также стабильное финансирование в целях внедрения современных автоматических комплексов фиксации нарушений правил дорожного движения, отслеживания дорожной ситуации, проведения мероприятий пропагандисткой направленности не может гарантировать снижения до минимума нарушений правил дорожного движения всеми участниками дорожного движения, а кроме того невозможно исключить из непосредственного контроля за дорожной ситуацией и выявления правонарушений сотрудников подразделений Госавтоинспекции России как ключевого звена в реализации государственной политики в области безопасности дорожного движения.

Согласно российским законам, основная задача федеральных властей в этой сфере – защита жизни, здоровья и имущества граждан, а также соблюдение их прав и интересов [1; 2]. Кроме того, государство обязано минимизировать количество ДТП и снижать тяжесть их последствий. Эти положения – не просто формальные требования. Они задают четкие ориентиры для работы чиновников и законодателей, определяя, куда должны направляться их усилия в первую очередь [3, с. 76].

В связи с тем, что на сотрудников Госавтоинспекции возлагаются задачи, непосредственно связанные с применением закона в части касающейся «надзора, за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения», формирования правосознания граждан в данной области, а так же нетерпимого отношения к нарушениям требований закона, то ключевыми критериями качественного выполнения возложенных задач должны быть профессионализм и результативность.

Правовой нигилизм среди сотрудников Госавтоинспеции проявляется в системном пренебрежении нормами, которые они обязаны защищать. Это выражается в злоупотреблении служебными полномочиями: коррупционные схемы, такие как незаконное освобождение от ответственности за взятку или искусственное создание нарушений для вымогательства денег, прямо противоречат принципам законности. Подобные действия подпадают под нормы Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) о превышении должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) и получении взятки (ст. 290 УК РФ), но нередко остаются безнаказанными из-за слабого внутреннего контроля.

Избирательность в применении права – еще одна характерная черта. Сотрудники могут игнорировать нарушения, совершенные лицами с влиятельными

связями, либо, напротив, фабриковать обвинения против тех, кто не способен противостоять произволу. Это нарушает конституционный принцип равенства всех перед законом (ст. 19 Конституции РФ) и формирует у граждан представление о безнаказанности «избранных».

Формальный подход к исполнению обязанностей также свидетельствует о нигилистическом отношении. Составление протоколов без учета реальных обстоятельств, отказ рассматривать доказательства невиновности превращают правоприменение в механическую процедуру. Такие действия искажают суть закона, который призван обеспечивать справедливость, а не служить инструментом для выполнения планов по «раскрываемости».

Особую опасность представляет превышение полномочий: незаконные задержания, досмотры без оснований или применение физической силы вопреки закону «О полиции». Эти действия нарушают права граждан на неприкосновенность личности (ст. 22 Конституции РФ) и собственности, подрывая доверие к правоохранительной системе в целом.

Корни проблемы кроются в низкой правовой культуре, когда сотрудники воспринимают закон не как руководство к действию, а как формальность. Сложившаяся система ведомственной отчетности, ориентированная на количественные показатели, в сочетании с недостаточной развитостью институтов общественного контроля создает предпосылки для деформации служебного поведения. В итоге правовой нигилизм сотрудников Госавтоинспекции становится катализатором аналогичного отношения граждан: видя произвол, люди перестают уважать закон, что ведет к росту социальной напряженности и криминализации общества.

Решение обозначенных проблем видится в реализации комплексного подхода, сочетающего совершенствование контрольно-надзорной деятельности и системы оценки эффективности с целенаправленным формированием правосознания сотрудников, основанного на внутреннем принятии служения закону в качестве ключевой профессиональной ценности.

Правовой нигилизм в деятельности сотрудников Госавтоинспекции может проявляться в игнорировании процессуальных гарантий. Например, составление административных протоколов без разъяснения гражданам их прав, включая право на защиту, обжалование или привлечение адвоката (ст. 25.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Такие нарушения не только ущемляют права участников процесса, но и делают саму процедуру привлечения к ответственности фиктивной, лишая ее законной силы.

Еще одна форма – манипуляции с доказательствами. Сюда относятся подделка подписей в документах, внесение в протоколы заведомо ложных сведений или «потеря» видеозаписей с регистраторов, оправдывающих водителя. Подобные действия подпадают под ст. 292 УК РФ (служебный подлог) и искажают принцип объективности доказывания, закрепленный в ст. 26.2 КоАП РФ.

На формирование профессионального сознания сотрудников значительное влияние оказывают такие факторы, как высокая служебная нагрузка, несоответствие уровня оплаты труда степени ответственности, а также ориентация управленческих механизмов на выполнение количественных показателей. Данные условия способствуют росту профессиональной деформации, которая может выражаться в трансформации правосознания: закон начинает восприниматься как формальный барьер, что создает почву для оправдания отступлений от процедур в угоду оперативной целесообразности.

Профессия сотрудника полиции, и в том числе сотрудника подразделения Госавтоинспекции, должна являться не просто способом заработка, а должна быть способом реализовать себя, сотрудники должны осознавать, что их профессиональная деятельность является способом служить правовым и гуманистическим ценностям. Профессиональная деятельность и ценностные ориентации сотрудников находятся в отношениях взаимного влияния: сложившаяся система ценностей определяет правоприменительную практику, которая, в свою очередь, постоянно корректирует и трансформирует личностные установки сотрудника. [6, с. 86].

Проведенный анализ позволяет выявить ключевые закономерности, связывающие проявления правового нигилизма среди сотрудников полиции с их системой ценностей.

Во-первых, профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел формирует особую психологическую структуру, в которой доминируют такие ценности, как нормативность, субординация, закрытость и строгое следование установленным правилам. Эти приоритеты обусловлены самой природой работы в правоохранительных органах, где четкое соблюдение регламентов является основой эффективной службы.

Во-вторых, наблюдается обратная зависимость между стремлением к личным достижениям и склонностью к противоправному поведению. Если сотрудник ориентирован на профессиональный рост и решение значимых задач, у него меньше мотивов нарушать закон, поскольку противоправные действия противоречат самой логике достижения успеха.

В-третьих, творческий подход, стремление к преобразованию окружающей действительности и приоритет личных убеждений над общепринятыми нормами могут способствовать развитию правового нигилизма. Дело в том, что работа в органах внутренних дел строго регламентирована законами, инструкциями и приказами. Любое отклонение от этих норм, даже продиктованное благими намерениями, может привести к нарушениям. Кроме того, в системе МВД России крайне важна субординация, и несоблюдение приказов расценивается как проявление правового нигилизма [5, с. 1362].

Наконец, активная социальная вовлеченность также может косвенно влиять на рост нигилистических настроений. Несмотря на взаимодействие с обществом, работа полиции связана с определенной закрытостью, ограниченным кругом общения и необходимостью соблюдения конфиденциальности. Чрезмерная ориентация на расширение социальных контактов, особенно с криминальной средой, может подталкивать сотрудников к пренебрежению правовыми нормами.

Таким образом, ценности, которые формируются у сотрудников полиции в процессе профессиональной деятельности, могут как снижать, так и провоцировать проявления правового нигилизма в зависимости от их содержания и направленности.

Преодоление правового нигилизма требует следующих системных изменений.

1. Повышение социального статуса и материального обеспечения. Пересмотр системы оплаты труда и социальных гарантий с целью сделать службу в Госавтоинспекции не только престижной, но и экономически привлекательной для высококвалифицированных и добросовестных кадров.

2. Внедрение прозрачных карьерных траекторий. Создание четкой системы профессионального роста и материального стимулирования, напрямую связанной не с «палочной системой», а с реальными профессиональными достижениями, инициативностью в правоприменении и высокой правовой культурой.

3. Оптимизация системы оценки эффективности. Переход от количественных показателей (количество оформленных протоколов, выявленных нарушений) к комплексной оценке, включающей качество правоприменения, правовую грамотность, отсутствие обоснованных жалоб от граждан и уровень общественного доверия.

4. Гуманизация служебной нагрузки, то есть сокращение объема административной и бюрократической работы, что в свою очередь минимизирует хронический стресс и «выгорание».

5. Формирование среды нетерпимости к нарушениям и открытости к диалогу. Система анонимного анкетирования позволит выявлять скрытые проблемы во внутренней среде, а публичный анализ случаев нарушений на совещаниях – формировать нетерпимое отношение к ним.

Таким образом, преодоление правового нигилизма в рядах Госавтоинспекции требует комплексного подхода, сочетающего совершенствование управленческих механизмов, целенаправленное формирование правосознания, усиление прозрачности деятельности и адекватное материальное стимулирование. Только синхронная работа по всем этим направлениям позволит трансформировать право из формального инструмента в подлинную внутреннюю ценность сотрудника, а также укрепить принцип верховенства закона.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенарод. голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 04.10.2022 № 8-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595/&ysclid=mdnm07km6y504100444.
2. О безопасности дорожного движения: федер. закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ: ред. от 07.07.2025 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 50, ст. 4873.
3. Володин О. Н. Проявления нигилизма в процессе регулирования и реализации государственной политики в сфере безопасности дорожного движения // Общество, экономика, управление. 2023. № 3. С. 75–79.
4. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 6 месяцев 2025 года. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025, 37 с.
5. Егорова Н. Н. Особенности проявления правового нигилизма у сотрудников органов внутренних дел в зависимости от ценностных ориентаций // Экономика и социум. 2018. № 11 (54). С. 1359–1364.
6. Силантьева С. О. Профессиональное правосознание сотрудников подразделений ГИБДД // Ученые записки университета Лесгафта. 2010. № 8 (66). С. 83–87.

УДК 623.551

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ

***В. А. Екимов**, доцент кафедры огневой подготовки Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье изложены основные проблемы организации занятий по огневой подготовке и способы их модернизации.

Ключевые слова: обучение, курсанты, методика, эффективность.

ORGANIZATION OF CLASSES AND USE OF MODERN TECHNOLOGIES IN FIRE TRAINING CLASSES

***V. A. Ekimov**, associate professor of the Department of Fire Training at the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article outlines the main problems of organizing fire training classes and ways to modernize them.

Keywords: training, cadets, methodology, efficiency.

Статья посвящена изучению организации проведения занятий по огневой подготовке и использованию современных технологий на занятиях по огневой подготовке.

Рассматривая данный вопрос, автор приходит к выводу, что исследование данного спектра является актуальным, поскольку при изучении методики проведения занятий по огневой подготовке возможно внедрение новых технологий с целью расширения навыков курсантов и слушателей высших учебных заведений системы МВД России.

Огневая подготовка очень важна в деятельности будущих сотрудников органов внутренних дел, поскольку они обязаны обеспечивать общественную безопасность граждан и не исключены случаи применения сотрудником огнестрельного оружия в экстренных ситуациях в соответствии со ст. 23 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [1].

В образовательных организациях высшего образования системы МВД России преподаватели стараются придерживаться консервативных методов обучения курсантов и слушателей по огневой подготовке. Такими классическими методами обучения являются: стрельба с пистолета Макарова и автомата АКС74У,

выполнение нормативов по сборке магазина, сборке и разборке пистолета Макарова и автомата АКС74У и иных команд. Но стоит не забывать, что преподаватель является важным звеном в развитии навыков обучающихся по стрельбе, и он должен также развивать новые методы обучения для расширения их кругозора в указанном виде деятельности.

В данном случае курсанты и слушатели развиваются только в одном направлении и в случае попадания в непредвиденные ситуации могут быть не готовыми к этим обстоятельствам и допустить грубые ошибки при применении огнестрельного оружия. Так как будущим сотрудникам органов внутренних дел необходима уверенность при применении огнестрельного оружия, нужна новая методика обучения курсантов и слушателей в образовательных организациях МВД России [2].

В данном случае стоит рассмотреть мнение Р. Ф. Байкина, который утверждает, что необходимо внедрить метод круговой тренировки, которая позволит курсантам и слушателям адаптироваться к новым условиям, связанными с нагрузками на организм.

Он считает, что, включая в занятия новые упражнения и прорабатывая их поочередно и на повторение, это позволит выработать ориентирование обучающихся к новым действиям в правильной последовательности, что позволит проработать «психологические барьеры» по нахождению в стрессовой ситуации и придаст уверенности стреляющим, поскольку они будут понимать план своих действий и улучшать реакцию. Также по мнению Р. Ф. Байкина необходимо периодически чередовать действия в круговой программе с целью повышения ориентированности курсантов и слушателей образовательный организаций системы МВД России [3].

С этим нельзя согласиться, так как в стрессовой ситуации человек начинает теряться и допускать ошибки или может впасть в состояние «ступора», что ухудшает работоспособность сотрудника.

Также стоит рассмотреть мнение Ю. В. Корсакова, который предлагает внедрение новых технологий в образовательную деятельность по огневой подготовке. Он отмечает важность интерпретации выхода из привычной среды работы с огнестрельным оружием, что позволит улучшить адаптацию курсантов и слушателей в новой среде. В данном случае может помочь компьютерная графика с изображением, например, улицы города с гражданами, и применением специального лазерного пистолета, чтобы была возможность взаимодействия с компьютерным изображением [4].

Автор полностью поддерживает позицию Ю. В. Корсакова по той причине, что курсантам и слушателям будет интереснее проходить данное упражнение в «игровой форме».

Но также автор считает необходимым внедрить технологии в полное погружение в компьютерную реальность, чтобы курсанты и слушатели могли воспринимать представленные случаи как реальность и при возникновении в их профессиональной деятельности подобных непредвиденных ситуаций смогли бы вовремя предпринять меры и не испугаться трудностей.

Для этого можно предложить внедрить симуляцию в виде виртуальных очков с джойстиком в виде пистолета Макарова на основе программного обеспечения в системе учебной программы МВД России, которые позволят видеть вокруг себя определенную обстановку. Курсанты и слушатели могли бы выполнять определенные упражнения в предложенной программе, так они видели бы цель поражения и отрабатывали свои навыки в прицеливании в определенный участок тела, который укажет ему преподаватель кафедры по огневой подготовке.

В данном случае у курсантов и слушателей значительно повысится интерес к обучению, поскольку они полностью будут погружены в виртуальную реальность и смогут обучаться приспосабливаться к заданной обстановке, которая будет отображена в виртуальных очках.

Таким образом, в заключение хочется сказать, что внедрение новых методик проведения учебных практических занятий по огневой подготовке, а также новых технологий необходимо, поскольку это послужит хорошему опыту для курсантов и слушателей, обучающихся в образовательных организациях МВД России, и проявлению большего интереса к предложенной дисциплине с их стороны.

Список источников

1. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: ред. от 08.08.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об утверждении Наставления по организации деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел: приказ МВД России от 27.11.2023 № 908. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Байкин Р. Ф. Интегрирование элементов метода круговой тренировки в методику проведения практических занятий по огневой подготовке / Р. Ф. Байкин // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 3. С. 97–101.
4. Корсаков Ю. В. Роль специальных упражнений при проведении учебных занятий по стрельбе / Ю. В. Корсаков // Мир науки. М., 2020. Т. 6. № 5. С. 152–155.

УДК 378

О ДИСКУРСАХ ПО ВОПРОСАМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ В РОССИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ

***О. А. Емельянова**, старший преподаватель кафедры иностранных языков Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя*

Статья посвящена анализу дискурсов о высшем образовании для сотрудников полиции в России и ряде европейских стран на основе некоторых исследований, опубликованных в последнее время. Были обозначены различные подходы: ведомственная модель с практическим уклоном в России и тенденция к интеграции в общее академическое пространство в Европе. Анализируются ключевые причины академизации, такие как повышение доверия по отношению к сотрудникам полиции и необходимость борьбы с новыми видами преступности. Был обозначен разрыв между практической деятельностью полиции и академической средой, ведущей к оттоку высокообразованных кадров. В заключение подчеркивается, что успех зависит от сбалансированного сочетания теории и практики при активном взаимодействии образовательных и полицейских структур.

Ключевые слова: высшее образование, подготовка полицейских кадров, академическая среда, повышение доверия к сотрудникам полиции, динамично меняющаяся преступность.

ON THE DISCOURSES CONCERNING HIGHER EDUCATION FOR POLICE OFFICERS IN RUSSIA AND SOME COUNTRIES

***O. A. Yemelyanova**, senior lecturer, Foreign Languages Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot*

The article analyzes the discourses on higher education for police officers in Russia and a number of European countries, based on several studies published recently. Different approaches are identified: a departmental model with a practical focus in Russia and a trend towards integration into the general academic space in Europe. The key reasons for academization are analyzed, such as enhancing trust in police officers and the need to combat new types of crime. The gap between practical police work and

the academic environment, leading to the outflow of highly educated personnel, is highlighted. In conclusion, it is emphasized that success depends on a balanced combination of theory and practice through active interaction between educational and police structures.

Keywords: higher education, police training, academic environment, enhancing trust in police officers, dynamically changing crime.

Эволюция роли полиции в обществе напрямую связана с трансформацией систем ее профессиональной подготовки. В последние десятилетия в России и странах Европы активно дискутируются вопросы о необходимости, содержании и форматах высшего образования для сотрудников полиции. Однако сами эти дискурсы формируются в различных историко-культурных, правовых и институциональных контекстах, что предопределяет их принципиальные различия.

Дискурс высшего образования для полицейских в России сосредоточен на создании ведомственных вузов (академий, университетов, институтов) для подготовки кадров в рамках системы МВД России, с акцентом на соблюдение законодательства и служебную подготовку. В европейских странах нет единого подхода, но часто наблюдается интеграция полицейского образования в общую систему высшего образования, с возможностью получения различных уровней образования и специализаций, что способствует развитию профессиональных компетенций сотрудников. В данной статье представлен анализ некоторых работ, опубликованных за последние несколько лет, и обозначены некоторые проблемы, которые выделялись авторами в результате своих исследований.

Исследователи из шведского университета Линнея отмечают общемировую тенденцию к академизации полицейского образования, при этом посвятили статью изучению процессов увольнения полицейских с докторской степенью, с особым акцентом на организационные возможности и препятствия во взаимоотношениях между высшим образованием и полицейской организацией как предпрофессионального образования. Эти взаимоотношения описываются как сложная комбинация, связанная с «мышлением двух миров» [1]. По словам автором, исследование выявило процесс увольнения, вызванный неспособностью полицейской организации управлять академической компетенцией и интегрировать ее внутри организации. В то же время выпускники обнаружили альтернативный рынок труда за пределами полицейской профессии, часто в самом полицейском образовании, что способствовало их профессиональному развитию. Вынужденный характер ухода с должности, учитывая желание выпускников сохранить свою востребованность в полицейской организации, затянул процесс, который был для них эмоционально болезненным [1]. Было отмечено, что полицейская организация характеризуется как прагматичная и событийно-ориентированная,

с сильной профессиональной культурой и негативным отношением к высшему образованию. Академическая же среда, напротив, характеризуется как медлительная, теоретическая и работающая над долгосрочными целями [1].

Базовое полицейское образование в Швеции в настоящее время длится два с половиной года, включая шесть месяцев практического обучения. Это контрактное обучение, которое проводится в учебных заведениях, но финансируется и регулируется Полицейским управлением. Благодаря инициативам академической системы были созданы образовательные пути бакалавриата и магистратуры по полицейской деятельности. Однако в Швеции до сих пор нет докторской программы по полицейской деятельности. Поэтому полицейские, желающие получить докторское образование, должны обратиться к другой академической специальности.

Авторы отмечают, что два правительственных расследования пришли к выводу, что шведская полицейская подготовка должна стать академической программой. В последнее время это стремление было отодвинуто на второй план решениями правительства. Традиционно слабая связь между профессией полицейского и академической системой является важной причиной того, что первая стала признаваться предпрофессией [1].

Однако, в отличие от большинства других предпрофессий, профессия полицейского тесно связана с государством всеобщего благосостояния. У полицейского нет другого работодателя, кроме государства, если он или она хочет заниматься полицейской профессией. В этом отношении полицейская профессия считается в значительной степени зависимой от организации. Это означает, что формальная академизация практически невозможна без сотрудничества с государством, воплощенного в данном случае Шведским полицейским управлением, даже если недавние исследования показывают, что академические инициативы фактически исходят из академической системы. Это также означает, что уход из профессии, вероятно, станет уходом из организации.

Можно выделить три основные причины академизации полицейской подготовки. Во-первых, предполагалось, что высшее образование улучшает поведение полиции по отношению к общественности и снижает жестокость и коррупцию полиции. Во-вторых, считается, что быстрое развитие общества привело к изменению в сторону более сложной преступности, требующей специальных знаний полиции. Третья причина больше связана с меняющимися ожиданиями государства в отношении профессионализации в учреждениях государственного сектора, которую следует получать через высшее образование. Эти три причины можно обобщить следующим образом: легитимность и профессиональный статус являются двумя основными аргументами в пользу перехода от профессиональной подготовки полиции к академической.

Однако высказывались опасения, что высокий уровень образования среди сотрудников полиции может увеличить текучесть кадров, а не повысить уровень знаний в организации. Предполагается, что высшее образование повышает ожидания людей в отношении изменений в карьере и в то же время обеспечивает большую мобильность на рынке труда. При этом полицейские, имеющие научную степень, чаще покидают полицейские организации. Вероятно, это связано с тем, что последипломное обучение длится дольше и дает иную квалификацию, чем бакалавриат. Лица с практическим опытом работы в полиции и университетским образованием описываются как «практики-полицейские-исследователи». Он подчеркивает преимущества их предшествующих знаний как инсайдеров и их доступа к практической работе, но также обращает внимание на потенциальную предвзятость в полицейской практике, то есть на возможность того, что предшествующие знания могут препятствовать объективному и критическому анализу. Такие сотрудники описываются как обладающие способностью не только укреплять научные знания в области полицейской деятельности, но и выступать в качестве посредников, управляя двумя мирами – полицейским и академическим. Однако это рассуждение предполагает, что люди продолжают работать в обоих мирах, что предполагает наличие организационных структур, позволяющих полицейским с докторскими степенями оставаться в полицейской организации.

В своей работе «Высшее полицейское образование в Европе: обзор последних событий» авторы представили результаты крупного опроса систем высшего полицейского образования в Европе на период 2013–2014 гг. Авторы подчеркивают значительное повышение уровня образования сотрудников полиции, особенно на средних и высших должностях. Также рассмотрена структура программ – большинство из них трехлетние бакалаврские курсы с учетом баллов ECTS, причем обучение в основном проходит очно. По итогам исследования отмечается, что несмотря на определенное гармоническое развитие, обмен студентами и признание дипломов между странами всё еще ограничены. Отмечается, что реформы по повышению образовательных стандартов являются результатом политики европейской интеграции, но национальные особенности сохраняются. Авторы предлагают дальнейшие исследования, направленные на воздействие этих реформ на эффективность и профессионализм полиции, а также их влияние на международное сотрудничество в сфере правоохранительной подготовки [2].

Авторы отмечают, что «профессионализация полиции через высшее образование служит не только повышению компетентности, но и нацелена на укрепление общественного доверия к полиции» [2]. Помимо описания структуры и стандартов образования, авторы акцентируют внимание на вызовах, связанных с быстрыми изменениями в требованиях к полицейской профессии, что требует гибкости образовательных программ.

Отмечается, что учебные заведения полицейского образования в Европе переходят к более академической ориентации, включая подготовку в университетские программы для повышения теоретических знаний и критического мышления будущих офицеров [2]. При этом авторы замечают недостаток практической подготовки, «остается задачей найти баланс между передачей практических навыков и развитием аналитических способностей, которые важны для эффективной современной полиции».

В обзоре по политике высшего полицейского образования авторы выделяют, что реформы в Норвегии, Финляндии и Германии сопровождаются активными дебатами, затрагивающими не только образовательную, но и политическую и социальную сферы. Введение обязательного высшего образования встречало сопротивление со стороны некоторых групп, особенно на местах, где традиционно преобладала практическая подготовка. Анализ показывает, что политика реформ уходит корнями в стремление к повышению профессионализма и прозрачности, а также в реакции на современные вызовы, такие как киберпреступность и межкультурное взаимодействие. Авторы подчеркивают значимость баланса между теорией и практикой, без которого высокий уровень образования может не привести к улучшению полицейской деятельности. Особое внимание уделяется роли университетов как независимых центров, которые обеспечивают научную основу и критический взгляд на полицейскую работу [3].

В конце 2024 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил результаты мониторингового опроса о восприятии полиции в российском обществе. Отмечается значительный рост доверия к полиции, связанный с повышением профессионализма и внедрением новых образовательных стандартов. Престиж профессии оценивается положительно, что говорит о плодах реформ и успешной интеграции теоретических и практических аспектов подготовки. ВЦИОМ фиксирует позитивную динамику в отношении к полиции среди молодежи и различных социальных групп, что свидетельствует о прогрессе в имиджевом аспекте профессии. Так, наиболее доверяющей социальной группой остается молодежь 18–23 лет, или поколение зумеров (73 % vs. 58–65 % в других поколениях) [4].

В работе авторы из Волгоградской академии МВД России отмечают, что «в настоящее время в системе органов внутренних дел Российской Федерации имеется большое количество проблем и противоречий, связанных с реформированием системы Министерства внутренних дел, осуществленной в 2011 г. Несмотря на прошедшее десятилетие, остаются острыми вопросы кадровой обеспеченности полиции, а также уровень и качество профессиональной подготовки и морально-нравственных ориентиров сотрудников [5]. В результате исследовательской работы был сформирован бланк для проведения опроса сотрудников, вновь поступивших на службу после получения диплома о высшем

образовании в вузах системы МВД. На основании результатов опроса выделены основные проблемы кадровой политики Министерства внутренних дел и представлены возможные способы их разрешения. Авторы особо выделяют роль образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации как базового инструмента для подготовки профессиональных кадров среднего и высшего начальствующего состава.

Так, больше половины респондентов (67 %) считают, что обучение в высшем учебном заведении системы МВД России предоставляет комплекс навыков и знаний, необходимых для исполнения служебных обязанностей в полиции. 51 % опрошенных указывают на то, что большинство учебного материала, предоставляемого в вузах, не относящихся к системе МВД России, имеет общетеоретический характер и не включает в себя изучение необходимых для службы нормативно и нормативно-правовых актов, регламентирующих осуществление служебной деятельности в МВД России [5, с. 270].

Также 56 % устраивает действующая система морально-профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел. Было также отмечено, что 64 % опрошенных на настоящий момент имеет низкий уровень доверия граждан к сотрудникам полиции [5, с. 271].

В заключение отметим, что дискурсы по вопросам высшего образования для сотрудников полиции в России и Европе развиваются в контексте сложных историко-культурных и институциональных особенностей. Академизация полицейской подготовки обусловлена тремя основными причинами: повышением профессионального статуса полиции, необходимостью адаптации к новым видам преступности и государственными требованиями к профессионализации. Однако остро ощущается разрыв между практической полицейской культурой и академическим миром, что проявляется в трудностях удержания сотрудников с высоким уровнем образования в полицейских структурах.

В целом, реформы в обеих системах направлены на повышение квалификации, профессионализма и доверия общества, при этом важен сбалансированный подход между теоретическими знаниями и практическими навыками. Успех этих изменений требует активного взаимодействия между образовательными институтами и полицейскими организациями как в России, так и в Европе.

Список источников

1. ВЦИОМ Профессия: полицейский. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-policeiskii-1 (дата обращения: 01.10.2025)
2. Носатый Р. И., Васильченко Е. И., Гончаров В. А., Долженко И. В. Образовательные учреждения МВД России как основа формирования профессиональной полиции // Ученые записки университета Лесгафта. 2021. № 12 (202). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnye-uchrezhdeniya-mvd-rossii-kak-osnova-formirovaniya-professionalnoy-politsii (дата обращения: 04.10.2025).

3. Jonsson J., Persson P. Managing Two Worlds. Role-Exit Processes among Swedish Police Officers with PhDs / J. Jonsson, P. Persson. Police Studies. 2023. Vol. 35, No. 4. P. 567–583
4. Konze A., Nogala D. Higher Police Education in Europe: Surveying Recent Developments / A. Konze, D. Nogala // European Journal of Police Studies. 2018. URL: https://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/105288 (дата обращения: 04.10.2025).
5. Terpstra J., Schaap D. The Politics of Higher Police Education: An International Comparative Perspective // Policing: A Journal of Policy and Practice, Volume 15, Issue 4, December 2021, Pages 2407–2418. URL: https://academic.oup.com/policing/article/15/4/2407/6352555?login=false (дата обращения: 01.10.2025).

УДК 378.147:796.814

О НОВОМ КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПОДХОДЕ К ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ, ЗАНИМАЮЩИХ ДОЛЖНОСТИ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА

***Д. А. Ермоленко**, преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В публикации предлагается авторская позиция по вопросу оптимальной организации физической подготовки сотрудников полиции, занимающих должности профессорско-преподавательского состава, целях, принципах, формах и методах данной деятельности.

Ключевые слова: сотрудники полиции, физическая подготовка, здоровьесбережение, профессорско-преподавательский состав.

ABOUT A NEW CONCEPTUAL APPROACH TO PHYSICAL TRAINING OF POLICE OFFICERS WHO ARE PROFESSORS AND TEACHERS

***D. A. Ermolenko**, lecturer of the Department of Special Tactical, Fire and Physical Training of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The publication offers the author's position on the optimal organization of physical training of police officers holding positions of teaching staff, goals, principles, forms and methods of this activity.

Keywords: police officers, physical training, health care, teaching staff.

Развитие двигательных навыков и поддержание физической активности являются важными факторами сохранения здоровья и обеспечения профессиональной пригодности сотрудников полиции. При этом специфика профессиональной деятельности педагогических работников, имеющих специальные звания, в значительной мере отличается от тех задач, которые возложены на службы и подразделения, осуществляющие противодействие преступности

и охрану общественного порядка. Также следует учитывать, что большая часть педагогов находится в возрастной категории старше 40 лет, что накладывает существенные ограничения на возможные физические нагрузки. Изложенное позволяет сформулировать гипотезу исследования, основанную на том, что применение к педагогическим работникам ведомственных учебных организаций системы МВД России требований физической подготовленности, аналогичных требованиям, предъявляемым к сотрудникам территориальных органов внутренних дел, является нецелесообразным, что актуализирует необходимость научно-теоретического осмысления новой концепции физической подготовки данной категории сотрудников полиции.

Вопросы физической подготовки полицейских неоднократно становились предметом педагогических исследований, однако подавляющее большинство из них было посвящено сотрудникам территориальных органов внутренних дел [1; 2; 5] или учащимся ведомственных вузов [4]. В работах Р. С. Каленика физическая культура полицейских-педагогов рассматривалась с валеологических позиций [3]. Таким образом, заявленная тематика исследования обладает существенным элементом научной новизны.

В настоящее время к педагогическому составу органов внутренних дел предъявляются требования базовой физической подготовки, которые хотя и являются наиболее облегченным вариантом таковой, тем не менее, предполагают освоение боевых приемов борьбы. Необходимость и эффективность усвоения последних сотрудниками, в чьи должностные обязанности не входит силовое задержание правонарушителей и, как правило, не задействуемых в охране правопорядка является сомнительной.

С учетом комплекса выполняемых служебных задач, физическая подготовка преподавательского состава должна быть, прежде всего, ориентирована на укрепление физического здоровья и преодоление психоэмоциональных нагрузок, то есть в целом на поддержание работоспособности. Общеизвестно, что состояние здоровья человека в значительной мере определяется образом его жизни, в частности такими аспектами, как двигательная активность, закаливание организма, правильное питание, исключение вредных привычек, навыками психической саморегуляции, правильным сочетанием труда и отдыха.

Полагаем, что концепция физической подготовки педагогических работников системы МВД должна носить личностно ориентированный характер, учитывающий индивидуальные половозрастные особенности и состояние здоровья тренируемых, а также способствовать формированию у них устойчивой системы ценностей здорового образа жизни. В качестве основной цели физической подготовки преподавателей предлагается рассматривать поддержание и улучшение физиологического потенциала организма.

Исходя из поставленной цели, можно сформулировать ряд основополагающих принципов данной деятельности:

– соответствие физической нагрузки возрасту занимающегося и индивидуальным особенностям его здоровья (необходимо учитывать имеющиеся заболевания, ранее полученные травмы);

– приоритет физических нагрузок, имеющих поддерживающе-восстановительный и оздоровительно-развивающий характер, исключение (ограничение) травмоопасных упражнений, в частности приемов задержания;

– широкое применение в тренировочном процессе упражнений циклического характера (бег, плавание, езда на велосипеде, ходьба, гребля, лыжный спорт), в том числе посредством использования соответствующих спортивных тренажеров. Доказано, что такого рода упражнения способствуют нормализации холестеринового обмена, улучшению деятельности центральной нервной, дыхательной, сердечно-сосудистой систем, нейтрализации психологического стресса.

Свои особенности с учетом изложенных позиций должны иметь также формы и методы физической подготовки профессорско-преподавательского состава, которые могут быть сгруппированы следующим образом:

1) занятия в системе служебной подготовки, которые представляют собой групповую форму тренировок под руководством, как правило, преподавателя профильной кафедры вуза. Такие занятия должны сочетать консультативную работу организатора занятия и групповую физическую активность: общую разминку, разминку в парах, игровые виды спорта и т. п.);

2) самостоятельная подготовка сотрудника, осуществляемая как индивидуально, так и на базе сторонних спортивных организаций. Исходя из индивидуальных предпочтений, а также рекомендаций медицинских работников педагог может посещать дополнительные тренировки в свободное от работы время (кабинеты лечебной физкультуры, фитнесс залы и др.);

3) участие в спортивных мероприятиях, организуемых по месту службы, жительства или в посещаемых спортивных секциях. Данный вид физической активности должен строго учитывать состояние здоровья тренирующегося, исключать возможный травматизм. Важным эффектом участия в спортивных соревнованиях является их положительное влияние на мотивацию и эмоциональное состояние личности.

Итак, в рамках данной публикации представлена авторская позиция по вопросу оптимальной организации физической подготовки сотрудников полиции, занимающих должности профессорско-преподавательского состава, целях, принципах, формах и методах данной деятельности. Безусловно, поднятая проблема требует детального обсуждения научным сообществом. В том числе, предлагаемая концепция требует своего юридического и методологического оформления.

Список источников

1. Ашихин А. В. Физическая подготовка сотрудников полиции: ключевые особенности, задачи и соотношение с оперативно-служебной деятельностью // Автономия личности. 2024. № 3 (33). С. 19–23.
2. Завгородний А. Г. О важности силовых упражнений в физической подготовке сотрудников органов внутренних дел // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2024. № 2 (47). С. 93–95.
3. Каленик Р. С. Формирование условий здоровьесбережения педагогических работников образовательных учреждений системы МВД России // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 60–63.
4. Компаниец Ю. А., Бахаровская Т. В., Фирфилова А. А. Использование инноваций в организации специальной физической подготовки будущих сотрудников правоохранительных органов // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 85–2. С. 190–192.
5. Сабирова И. А., Битюцких И. В., Коваленко И. Н. Оптимизация профессиональной физической подготовки сотрудников силовых ведомств // Культура физическая и здоровье. 2025. № 1 (93). С. 171–174.

УДК 342

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПРИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

***Р. Е. Жихорева**, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности полиции Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;*

***М. В. Нацибулина**, слушатель Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

Статья посвящена особенностям организации работы сотрудников органов внутренних дел в чрезвычайных ситуациях в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Трагические последствия, причиненные автотранспортным средством при неправомерном его использовании, включают не только материальный ущерб, но и вред здоровью граждан, а порой и смертельный исход аварий. А при наличии чрезвычайных ситуаций, профессиональная деятельность сотрудников полиции в разы усложняется, что отражает актуальность темы настоящей статьи.

Ключевые слова: дорожно-транспортные происшествия, организация деятельности полиции, чрезвычайные ситуации.

ORGANIZING THE WORK OF POLICE OFFICERS DURING ROAD ACCIDENTS IN EMERGENCY SITUATIONS

***R. E. Zhikhoreva**, senior lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Police at the Moscow Regional Branch of the V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, kandidat nauk, degree in Law;*

***M. V. Natsibulina**, student at the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot*

This scientific article focuses on the specific features of the organization of work by employees of internal affairs bodies in emergency situations in the field of road traffic safety. The tragic consequences caused by vehicles

when they are used illegally include not only material damage, but also harm to the health of citizens, and sometimes even fatal accidents. In the presence of emergency situations, the professional activities of police officers become much more complicated, which highlights the relevance of the topic of this article.

Keywords: traffic accidents, police organization, and emergency situations.

Безопасность дорожного движения как базовая необходимость обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, осуществляет функцию упорядочения движение транспортных средств по дорогам, тем самым обеспечивая стойкое состояние защищенности для всех участников дорожного движения. Организации работы сотрудников полиции при дорожно-транспортных происшествиях (далее – ДТП) в чрезвычайных ситуациях (далее – ЧС), содержит в себе стадии осуществления должностными лицами органов Госавтоинспекции своей профессиональной деятельности по соблюдению гражданами правил дорожного движения. Осуществляя процесс поддержания состояния защищенности объектов транспортной инфраструктуры России от противоправных действий, состояние защищенности транспорта определяет целую группу задач, разделяющиеся своими направлениями [5, с. 35]. Согласно п. 4 ст. 1 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» [2], одной из важнейших социально-демографических задач нашего государства является обеспечение безопасности дорожного движения. Стоит отметить, что проблема дорожно-транспортного травматизма затрагивает демографические, социальные и экономические подсистемы нашего государства. Демографическая сторона данной ситуации выступает с большой смертностью граждан в результате ДТП. По данным Госавтоинспекции за 2024 г. произошло более 116 тыс. ДТП, в которых больший процент погибших в результате ДТП составляют мужчины в трудоспособном возрасте [6]. Данный фактор соприкасается и с общественной потребностью в комфортном перемещении граждан на улицах, в состоянии защищенности участков дорог, связанных с коммуникацией больших потоков граждан, что образует социальную и экономическую проблему в целом.

Основными задачами при организации работы сотрудников полиции при ДТП в ЧС, а также соблюдения транспортной безопасности являются правовое регулирование в области обеспечения транспортной безопасности в нормативном аспекте, разработка и обеспечение требований по обеспечению транспортной безопасности единицами транспортного права, а также информационное, материально-техническое и научное обеспечение подразделений, осуществляющих эту деятельность. Деятельность подразделений Госавтоинспекции МВД России при ЧС, как исполнение сотрудниками дорожно-патрульной службы своей

основной государственной функции в сфере безопасности дорожного движения, предполагает выполнение таких административных процедур как проверка документов граждан, выезд на место ДТП, применение мер административного воздействия. Например, распространенная административная процедура, как остановка транспортного средства, предполагает собой торможение автомобиля по требованию сотрудника ДПС, основанная на предписаниях в административном регламенте. Такими предписаниями может быть факт выявления административного правонарушения сотрудниками в действиях граждан, наличие четких оснований, что автотранспортное средство находится в розыске или используется в противоправных целях и т. п. В отношении проверки документов, можно отметить следующее, а именно:

1) проверка должна быть обоснованной;

2) основанием может служить установление личности гражданина;

3) к проверяемым документам относится паспорт, водительское удостоверение, полис ОСАГО, а также прочие документы, посредством которых провозятся грузы.

Процесс организации работы сотрудников полиции при ДТП в ЧС включает в себя комплекс мер, направленных на профилактику ДТП, путем предотвращения аварий, с целью уменьшения тяжести их последствий. Правовое регулирование вопросов дорожного движения в России осуществляется посредством регламентации нормативного закрепления нормативной базы, например, закрепления и соблюдения норм федеральных законов РФ, а также установлению алгоритма действий сотрудника полиции в особых ситуациях [4]. Исходя из нормативно-правовой базы обеспечения транспортной безопасности, составляется план требований, позволяющих поддерживать процесс обеспечения транспортной безопасности во всех транспортных сегментах Российской Федерации [3]. Требования касаются работы транспортной системы, а также компетенции сотрудников, осуществляющих свою профессиональную деятельность в этой области.

Организация деятельности сотрудников органов внутренних дел при ДТП в ЧС включает в себя процесс выявления факта самого правонарушения, применения мер по обеспечению производства по делу об административном правонарушении, а также сбор и фиксация значимых доказательств, их оформление.

Таким образом, обеспечение общественного порядка и общественной безопасности, в том числе и процесс организации работы сотрудников полиции при ДТП в ЧС, как основная функция практической деятельности подразделений Госавтоинспекции МВД России, является приоритетными направлениями их деятельности. Сотрудники, выполняя свое практическое предназначение, подчиняются основным принципам своей деятельности. Для планомерного развития и безопасного существования российского общества и государства обеспечение общественной безопасности и общественного порядка имеет

первостепенное значение. Безусловное соблюдение действующего законодательства во всех сферах жизнедеятельности общества и государства основано на особой организации и функционировании правоохранительной системы и ее субъектов в целом. Обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан является базовым направлением деятельности системы органов внутренних дел, в том числе и при возникновении чрезвычайных ситуаций.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 18.09.2025).
2. О транспортной безопасности: федер. закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ // Российская газета. 14 февраля 2007 г. № 4294.
3. Об утверждении Комплексной программы обеспечения безопасности населения на транспорте: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 30.07.2010 № 1285-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 32, ст. 4359.
4. Об утверждении перечня потенциальных угроз совершения актов незаконного вмешательства в деятельность объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств: приказ Минтранса России № 52, ФСБ России № 112, МВД России № 134 от 05.03.2010 // Российская газета. 14 апреля 2010 г. № 5157.
5. Сидоров Э. Т., Жихорева Р. Е., Королева Е. Г., Новгородов Д. А. Международное сотрудничество в сфере безопасности дорожного движения в схемах и определениях: учеб. нагляд. пособие. М.: МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя, 2021. 91 с.
6. Главная статистика ДТП по месяцам за 2024 год // URL: https://rusdtp.ru/statdtp/ (дата обращения: 24.10.2025).

УДК 342

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КИБЕРПОЛИЦИИ В СИСТЕМЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Р. Е. Жихорева**, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности полиции Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук;*

***Р. А. Шерпаков**, слушатель Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя*

Борьба с противоправными деяниями в сфере информационных технологий в настоящее время является одним из самых важных направлений в деятельности правоохранительных органов в целом. Данная категория преступлений и правонарушений характеризуются высоким уровнем латентности, а сложность раскрытия и расследования таких деяний вынуждает правоохранительные органы не только непрерывно совершенствовать уже имеющиеся способы и методы борьбы, но и создавать новые формы противодействия деяниям, совершенным с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий. Именно истории создания и развитию специфической службы в системе МВД России и посвящена данная научная статья.

Ключевые слова: МВД России, киберпреступность, информационные технологии, интернет, информационная безопасность.

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF CYBERPOLICE IN THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS SYSTEM

***R. E. Zhikhoreva**, senior lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Police at the Moscow Regional Branch of the V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law;*

***R. A. Sherpakov**, student at the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot*

Combating illegal acts in the field of information technology is currently one of the most important areas of activity for law enforcement agencies

in general. This category of crimes and offenses is characterized by a high level of latency, and the complexity of detecting and investigating such acts forces law enforcement agencies not only to continuously improve existing methods and approaches to combating them, but also to create new forms of counteraction to acts committed with the illegal use of information and communication technologies. This scientific article focuses on the history of the creation and development of a specific service within the Russian Ministry of Internal Affairs.

Keywords: Russian Ministry of Internal Affairs, cybercrime, information technology, Internet, information security.

На современном этапе развития не только российского, но и мирового сообщества, информационные технологии занимают одно из первых мест в жизнедеятельности людей. Учебный процесс, работа, коммуникации и многие другие процессы осуществляются с помощью информационных технологий, а также с использованием информационно-коммуникационной сети «Интернет». Информационные технологии позволили ускорить и упростить удовлетворение основных потребностей как общества, так и государства.

Но такое стремительное развитие информационных технологий и Интернета стали причиной появления новых видов общественно опасных деяний – преступлений и правонарушений с применением информационно-коммуникационных технологий. Данные преступления обладают большой латентностью, малой долей раскрываемости, и при всем этом с помощью информационных технологий похищаются денежных средства, осуществляется незаконный оборот наркотических веществ в таком объеме, который несравним с преступлениями, совершенными иными способами.

На сегодняшний момент борьбу с такого рода посягательствами в системе МВД России осуществляет Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий.

Рассмотрим и проанализируем становление и основные этапы развития службы борьбы с киберпреступностью в России.

Предпосылкой к созданию новой службы стало первое совершенное в России киберпреступления. Его виновником стал Мурат Уртембаев, простой программист, студент МГУ. По целевому распределению он попал на завод АВТОВАЗа. Мурат работал в управлении автоматической системой для подачи механических узлов на конвейер. Программист, если считал нужным, вносил изменения в программное обеспечение, но не оставлял никаких данных или отметок о внесенных изменениях. Уртембаев М. создал патч к основной программе – электронному счетчику, который отмерял временные циклы подачи деталей на линию конвейера. Патч Мурата сбивал ритм счетчика. Даже малейший сбой

в автоматической системе подачи деталей и узлов сбил бы весь процесс создания автомобилей. 24 ноября 1982 г. программист внес очередные изменения. Система подачи деталей исправно подавала детали на конвейер, но не в то время и не те детали. Производство было приостановлено на 3 дня до выяснения причины сбоя в системе, что привело к большим убыткам производства [6, с. 69].

Все вышеперечисленное предопределило потребность в создании новых способов и методов предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений в сфере информационных технологий. Именно тогда в 1986 г. была создана служба в системе МВД СССР для обеспечения радиоэлектронной безопасности органов внутренних дел, борьбы с непреднамеренными радиопомехами, выявления и обезвреживания специальных технических устройств, предназначенных для негласного получения информации, пресечения попыток проникновения в компьютерные сети. В задачи этой службы входили в частности: борьба с непреднамеренными радиопомехами; выявление и обезвреживание специальных технических устройств, предназначенных для негласного получения информации; пресечение попыток проникновения в компьютерные сети и другие противоправные действия [5, с. 97].

В процессе повсеместного распространения компьютеров и других технологий как среди организаций и предприятий, так и среди обычных граждан, преступления участились и несли больше вреда.

Следующий этап характеризовался не созданием нового аппарата в системе правоохранительных органов, а научными исследованиями и массовым обучением сотрудников государственных органов методам борьбы с киберпреступлениями. В 1992 г. создается постоянно действующий межведомственный семинар «Криминалистика и компьютерная преступность». Его организовали и возглавили Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Экспертно-криминалистический центр МВД России. На заседании семинара в марте 1993 г. попытались дать первое отечественное определение понятия «компьютерное преступление». Согласно которому, компьютерное преступление – это предусмотренные уголовным законом общественно опасные действия, в которых машинная информация является либо средством, либо объектом преступного посягательства [4, с. 63].

Семинар достиг множества положительных результатов:

– был подготовлен ряд практических рекомендаций по предварительному расследованию преступлений, совершаемых с использованием средств вычислительной техники;

– предложена концепция идентификации автора компьютерной программы. В качестве общего идентификационного признака использовали степень обладания у составителя программы профессионального навыка, а в качестве

частных признаков – используемые в авторoведческой экспертизе синтаксические, лексические особенности письменной речи, а также топографические признаки;

– подчёркнута важность установления этапов обработки бухгалтерских данных с помощью электронно-вычислительных машин, на которых в информацию вносились те или иные изменения. Рекомендовано уделять пристальное внимание признакам интеллектуального подлога в первичных и сводных бухгалтерских документах, составленных на компьютере.

Следующим этапом развития службы борьбы с киберпреступностью стало создание Управления по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий (УБПСВТ) в 1998 г. На данном этапе развития служба представляла собой более сложную и развлетвленную по направлениям деятельности систему. В структуре УБПСВТ были выделены следующие подразделения:

– отдел по борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (включал в себя взломы компьютерных систем, кражи денег через интернет и паролей доступа, распространение вредоносных программ и компьютерных вирусов);

– отдел по борьбе с преступлениями в сфере телекоммуникаци;

– отдел по борьбе с незаконным оборотом радиоэлектронных и специальных технических средств.

В 2002 г. Управление по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий было упразднено, а его штаты, структура и материально-техническое обеспечение были переданы Главному управлению специальных технических мероприятий МВД России [7].

Управление «К» (официальное название – Бюро специальных технических мероприятий Министерства внутренних дел Российской Федерации) – подразделение МВД России, занимающееся борьбой с преступлениями в сфере информационных технологий.

Управление «К» обладало более обширной компетенцией в сфере борьбы с преступностью. В первую очередь, главной целью деятельности Управления «К» являлись анализ прошлого положительного опыта и внедрение новых методов и способов предупреждения, пресечения и раскрытия киберпреступлений.

Последняя стадия развития службы борьбы с киберпреступлениями – создание в 2022 г. Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (УБК МВД России).

Среди основных задач данного структурного подразделения можно выделить такие как:

– предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений и иных правонарушений в сфере IT-технологий, а также координация этой деятельности в системе МВД России;

– анализ данных, содержащихся в информационно-телекоммуникационных сетях, в целях своевременного выявления запрещенного контента и противодействия преступности;

– организация взаимодействия подразделений органов внутренних дел России с другими государственными органами власти, учреждениями финансово-кредитной системы, а также иными участниками информационного обмена, включая агрегаторы больших данных.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенарод. голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 18.09.2025).
2. О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ // Российская газета. 4 апреля 2025 г. № 9614.
3. Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 30 декабря 2024 г. № 4154-р // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: http://government.ru/docs/53922/ (дата обращения: 15.10.2025).
4. Карция А. А., Макаренко Г. И. Правовые аспекты современной кибербезопасности и противодействия киберпреступности // Вопросы кибербезопасности. 2023. № 1 (53). С. 58–71.
5. Основы кибербезопасности: учеб. / А. О. Авсеньтев, С. А. Винокуров, М. М. Жуков (и др.). М.: ГУРЛС МВД России, 2024. 408 с.
6. Солоненко К. М. Киберпреступность в Российской Федерации: современные тенденции развития и противодействие им // Сфера права. 2022. № 4. С. 67–75.
7. В МВД создали защиту кибернетического пространства // Российская газета. 16 октября 2009 г. № 5021.

УДК 343.13; 378.1; 378.6

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПЕРЕМЕН ТРЕБУЮТ НАШИ СЕРДЦА

***Н. Н. Загвоздкин**, доцент кафедры правовых дисциплин Владивостокского филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент*

Статья посвящена необходимости незамедлительного преодоления системных недостатков, связанных с функционированием ведомственных вузов, готовящих специалистов для органов внутренних дел. Автор считает таковыми обозначившиеся в настоящее время проблемы реформирования полиции в целом, недостаточное ресурсное обеспечение, искусственное снижение конкурса абитуриентов и конкурентных основ обучения, либеральное отношение к неуспевающим курсантам, неоправданное отвлечение обучающихся от учебного процесса и другие, а также предлагает меры, направленные на повышение эффективности подготовки кадров с высшим специализированным полицейским образованием.

Ключевые слова: абитуриент, ведомственные вузы, высшее образование, казарменное положение, курсант, образовательные организации, органы внутренних дел, полиция, преподаватель, профессиональная подготовка, следователь, условия проживания, учебный процесс.

EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA: OUR HEARTS DEMAND CHANGES

***N. N. Zagzdkin**, associate professor of the Department of Legal Disciplines of the Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

The article is devoted to the need to immediately overcome the systemic shortcomings associated with the functioning of domestic universities that train specialists for internal affairs bodies. The author considers as such the problems of police reform in general that have emerged at the

present time, insufficient resources, artificial reduction of the competition of applicants and competitive foundations of education, liberal attitude towards underachieving cadets, unjustified distraction of students from the educational process, and also suggests measures aimed at improving the effectiveness of training personnel with higher specialized police education.

Keywords: applicant, departmental universities, higher education, barracks, cadet, educational organizations, internal affairs bodies, police, teacher, professional training, investigator, living conditions, educational process.

Автор статьи в течение 26 лет (1996–2022 гг.) преподавал «Уголовный процесс» и иные профильные учебные дисциплины во Владивостокском филиале Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, начав заниматься педагогической деятельностью после 10 лет службы в следственных и иных подразделениях органов внутренних дел (далее – ОВД) и уйдя на пенсию с должности начальника кафедры уголовного процесса.

Полагаю, что личный жизненный, профессиональный следственный и педагогический опыт преподавания (в том числе в гражданских и иных ведомственных вузах) дает мне право на оценку ситуации, сложившейся в настоящее время в образовательных организациях, а точнее в вузах системы МВД России.

Следует оговориться, что в ОВД – в советский и современный периоды – сформировалась достаточно продуманная концепция профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров. В многочисленных университетах, академиях, институтах и их филиалах высшее полицейское образование строится на принципах специализации и профилизации, максимального приближения к потребностям работодателя и реалиям службы в следственных, оперативно-разыскных, экспертно-криминалистических и иных подразделениях, привлечения лучших кадров в руководство и командный состав, в профессорско-преподавательский корпус, в обеспечивающие структуры.

Нельзя не отметить выдающийся педагогический (учебный, учебно-методический, организационно-методический, воспитательный и др.), а также научный опыт, реальные достижения и потенциал тех, кто занимался занимается обучением и воспитанием будущих полицейских (милицейских) интеллектуалов [11].

Изучение базовых и специализированных учебных дисциплин, насыщенный учебно-воспитательный процесс, прохождение практики и стажировки с реальным исполнением части обязанностей следователя или оперуполномоченного дают на выходе выпускника с высокой степенью готовности к службе, выгодно отличающегося от выпускника гражданского вуза, которому требуются адаптация и первоначальная (сейчас именуется профессиональной) подготовка.

Сформулированная в названии статьи тема со словами знаменитой песни Виктора Цоя «Перемен, мы ждем перемен!» – незабвенного кумира моего и последующих поколений – является продолжением прежних публикаций о недостатках в профессиональной подготовке специалистов с высшим юридическим образованием для правоохранительных органов в целом и для ОВД в частности [3–9].

Попытаюсь изложить свое – возможно субъективное – мнение по пунктам, не претендуя на исчерпывающее изложение многих аспектов реформирования вузов системы МВД России.

1. Коренные изменения к лучшему в ведомственном образовании невозможны без незамедлительного преодоления многочисленных системных проблем, обозначившихся в ОВД и в полиции (ранее – милиции) достаточно давно (массовый уход личного состава как следствие хронического дефицита ресурсного обеспечения ОВД, непривлекательных условий службы, низкого уровня денежного довольствия и пенсий, нерешенных социальных проблем с обеспечением жильем, медицинским обслуживанием и т. д.), признанных на самых высоких уровнях законодательной и исполнительной власти Российской Федерации [10]. Образовательные организации, в том числе вузы – часть системы и структуры ОВД, это сообщающиеся сосуды, поэтому перемены к лучшему должны охватывать все ведомство в целом – по вертикали и по горизонтали.

2. Уровень неблагополучия, коррупции и должностных злоупотреблений в среде руководства, профессорско-преподавательского и иного состава вузов можно проиллюстрировать на примере уголовного дела организованной преступной группы из 15 сотрудников Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, которые осуждены к длительным срокам лишения свободы за организацию системы получения взяток от слушателей на общую сумму 5,8 млн руб. Взяточниками оказались, в частности, начальники факультета и ведущих кафедр – уголовного права, уголовного процесса, оперативно-разыскной деятельности [1].

3. Отдельного обсуждения заслуживает хронический дефицит ресурсного обеспечения учебного процесса. Так, например, во Владивостокском филиале ДВЮИ МВД России имени И. Ф. Шилова с момента первого набора курсантов очной формы обучения в 1993 г. и до сих пор нет крытого спортивного комплекса и надлежащим образом оборудованного, современного тира, которыми по праву гордятся многие головные вузы.

Само здание не отвечает предъявляемым требованиям и потребностям образовательной организации, так как по первоначальным замыслам предназначалось под общежитие курсантов, так и не созданной средней специальной школы советской милиции.

Сложившаяся порочная практика выделять для нужд ОВД (включая образовательные организации) здания и сооружения по остаточному принципу («Дай им Боже, что нам негоже») представляется, мягко говоря, недальновидной.

В этом смысле «судьба» филиалов в отличие от головных вузов – в части их финансирования – бывает незавидной, так как также осуществляется по остаточному принципу. Надо ли говорить, что подобное отношение к нуждам филиалов необходимо срочно менять, так как условия обучения и проживания должны быть максимально привлекательными и комфортными для абитуриентов, мечтающих служить в системе уголовной юстиции.

4. Следует отказаться от искусственного – два кандидата на место – ограничения конкурса при поступлении. Таких ограничений нет в гражданских и военных вузах, что формирует престиж образовательной организации, создает здоровую конкуренцию между абитуриентами и возможность отбора действительно лучших представителей молодежи.

5. Представляется чрезмерной степень «милитаризации» обучения, при которой обучающиеся подвергаются коллективным наказаниям, постоянно поднимаются по тревоге, заняты строевой подготовкой и передвигаются в строю, тренируются в системе гражданской обороны, носят противогазы и так далее. Зачастую они заняты этим больше, чем курсанты военных и иных ведомственных вузов. В социальных сетях жалуются, что в день бывает до 15 построений. Повсеместным является потребительское отношение к курсантам как к бесплатной и бесправной рабочей силе. Следует иметь в виду, что две главные категории обучающихся – оперуполномоченные и следователи – не предназначены для строевых командных должностей и обычно находятся на службе в гражданской одежде.

6. Убежден, что нахождение курсантов на казарменном положении может быть оправданно только на младших (первом, втором) курсах. При этом, повторюсь, бытовые условия проживания и возможности подготовки к предстоящим занятиям должны быть максимально комфортными, а возможности участия в разнообразной студенческой жизни (научное творчество, спорт, волонтерское движение и др.), межвузовского и межрегионального общения – максимально доступными.

7. Самоподготовка как коллективная форма самостоятельной работы курсантов военизированных вузов, неизвестная студентам, в условиях развития информационных технологий, во многом изжила себя (за исключением дисциплин, предполагающих допуск к секретной информации). Подготовка к занятиям настоятельно требует уединения.

8. Отдельного обсуждения заслуживает застарелая и болезненная тема постоянного отсутствия части курсантов на занятиях ввиду привлечения к несению службы в нарядах по охране и обслуживанию здания и прилегающей

территории, к участию в разного рода мероприятиях, сопровождающих учебный процесс. Пропущенное занятие по той или иной действительно важной теме многочисленных профильных дисциплин зачастую невозможно компенсировать отработкой, консультацией и иными формами замещения. Для минимизации обозначенной проблемы надо раньше начинать занятия, лучше планировать распорядок дня во второй его половине, использовать аутсорсинг и так далее. По моему мнению, такие пропуски наносят существенный вред формированию профессиональных компетенций.

9. Заслуживает всяческого порицания «исторически сложившаяся» практика либерального отношения к неуспевающим. Общеизвестно, что курсанта проще отчислить за дисциплинарный проступок, чем за хроническую текущую неуспеваемость, несданные зачеты и экзамены [2, с. 252]. Живут и побеждают негласные установки не ставить двойки на итоговой государственной аттестации, хотя прямо предусмотрена отсроченная на год возможность пересдачи неудовлетворительной оценки.

10. Транслируемый руководством вузов негласный лозунг о том, что необучаемых курсантов нет, а есть неквалифицированные преподаватели [2, с. 252–253], мягко говоря, игнорирует необходимость стойкой позитивной мотивации у обучающихся, противоречит педагогическим теориям и реалиям, не говоря уже о нуждах и требованиях работодателя. Такой курсант занимает чужое место, на него бесполезно расходуются бюджетные средства. Профессия полицейского – это призвание, она предназначена для избранных, предъявляет к кандидату повышенные требования в части психического и физического здоровья, стрессоустойчивости, моральных и деловых качеств, неактуальные для гражданского юриста. Отсутствие желания учиться должно быть нормальным основанием отчисления из полицейского вуза.

11. Только неуемные и плохо осведомленные оптимисты утверждают, что курсанты и слушатели не пользуются шпаргалками, микронаушниками, услугами искусственного интеллекта, не тратят деньги на «заказные» контрольные, курсовые работы и дипломы. Борьба с этими явлениями должна быть последовательной и беспощадной, так как обучающиеся нарушают требования Присяги (быть честным и добросовестным) и иные этические нормы поведения будущего сотрудника правоохранительных органов [3, с. 40–41].

12. Убежден, что для повышения качества ведомственного образования на период преддипломной практики на выпускном курсе слушатель должен назначаться на должность исполняющего обязанности следователя (оперативного и участкового уполномоченного и т. д.), а не выступать в качестве технического помощника. В таких условиях – расследования реальных уголовных дел под контролем наставника и куратора от выпускающей кафедры – гарантированно формируются необходимые профессиональные компетенции следователя.

Уверен, что возвращение к такой, ранее апробированной схеме стажировки выпускника, не потребует значительных изменений в нормативной базе и бюджетных расходов [4, с. 104–105].

13. В организации заочной формы обучения, повышения квалификации и переподготовки нельзя не отметить основанный на пресловутой бюджетной экономии приоритет дистанционных образовательных технологий (в которых, безусловно, есть свои плюсы), дефицит нормального, предполагающего обратную связь и взаимное обогащение, общения преподавателя и слушателя в учебном процессе. Нельзя не учитывать, что существенная часть профессионально значимой информации (с грифами секретности, с ограничительными пометками «Для служебного пользования») не может размещаться в СДОТ.

14. Следует внимательно изучать и учитывать зарубежный опыт полицейского образования, так как несмотря на политические, экономические, исторические, национальные и иные особенности, в деятельности полиции разных стран есть очень много общего. Привлекают внимание такие аспекты карьерной траектории наших зарубежных коллег, как тщательный отбор кандидатов на конкурентной основе, неограниченные возможности отсева непригодных, интенсивный процесс обучения на основе новейших педагогических методик и информационных технологий, полное погружение в профессию, ресурсная обеспеченность, категорический запрет на отвлечение от занятий, связь с практикой [5, с. 136–137].

15. Здравый смысл, отечественный и зарубежный опыт подсказывают, что на качестве полицейского образования экономить нельзя. В образовательной организации системы МВД России на первом месте должен быть курсант, на втором преподаватель, все остальные должны заниматься не менее важной функцией – обеспечением учебного процесса.

Список источников

1. В Ставрополе 15 членов преступной группы осудили за взятки // URL: https://ria.ru/20250421/stavropol-2012513937.html.
2. Гоннов Р. В., Рясов А. В., Гоцкая Н. Р. Проблемы формирования преподавательского состава ведомственных учебных заведений МВД России // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 4. С. 250–253.
3. Загвоздкин Н. Н. О некоторых «детских болезнях» курсантов образовательных учреждений МВД России и методике их «лечения» // Педагогические приемы формирования нравственно-духовных ориентиров будущих сотрудников полиции в рамках образовательной деятельности вузов МВД России: сб. тезисов докладов и выступлений профессорско-преподавательского состава на учеб.-метод. сборе 30–31 октября 2012 г.; Дальневост. юрид. ин-т МВД России. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2013. С. 38–41.

4. Загвоздкин Н. Н. Об организации стажировки (преддипломной практики) слушателей следственной специализации вузов системы МВД России // Закон и право. 2015. № 1. С. 102–105.
5. Загвоздкин Н. Н. Полицейское образование в ФРГ и РФ: краткое сравнение // Актуальные проблемы науки и практики: сб. науч. тр. / Дальневост. юрид. ин-т МВД России. Электрон. науч. изд. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. Вып. 2. С. 132–137.
6. Загвоздкин Н. Н. Роль ресурсного обеспечения досудебного производства в реализации уголовно-процессуальной политики // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 1 (23). С. 78–84.
7. Загвоздкин Н. Н. Профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации следователей: советские и современные российские подходы // Актуальные проблемы науки и практики: сб. науч. тр. по итогам науч.-представит. мероприятий / Дальневост. юрид. ин-т МВД России. Электрон. науч. изд. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. Вып. 6. 2020. С. 587–594.
8. Овчинников Ю. Г., Загвоздкин Н. Н. Проблемы кадрового обеспечения следственного аппарата органов внутренних дел Российской Федерации // Рос. юстиция. 2020. № 7. С. 39–41.
9. Загвоздкин Н. Н. Профессиональная подготовка следователя: поиск оптимальной модели // Гуманитарные чтения. Вып. 3: материалы всерос. науч.-практ. конф. / редкол. Н. А. Шабельникова, М. А. Тулиглович. Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. Текст электронный. С. 174–178.
10. Загвоздкин Н. Н. Современная преступность и правоохранительная деятельность в Российской Федерации: отложенные проблемы // Сборник материалов XII Междунар. науч.-практ. конф. Рос. гос. ун-та правосудия имени В. М. Лебедева «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона», 20 ноября 2024. М.: Изд. РГУП им. Лебедева, 2025. С. 129–133.
11. Червова А. А., Гонтарь В. Н., Еробкин Р. П. Современное состояние проблемы обучения курсантов в вузах МВД России // Школа будущего. 2016. № 3. С. 165–173.

УДК 343.13

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ ХИЩЕНИЙ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ, ВЫДЕЛЕННЫХ НА РЕАЛИЗАЦИЮ МАТЕРИНСКОГО (СЕМЕЙНОГО) КАПИТАЛА (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРИМОРСКОМУ КРАЮ)

***Е. В. Землякова**, преподаватель кафедры оперативно-разыскной и административной деятельности Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена вопросам, связанным с таким негативным явлением, как хищение бюджетных средств при реализации национальных проектов, которое подрывает стабильность экономической системы, наносит значительный ущерб государству и финансовому рынку. Автором приведены виды преступлений, совершаемых в данной сфере, детализация применения навыков оперативно-розыскной деятельности, для документирования преступлений, совершаемых в бюджетной сфере.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, нацпроекты, преступление, выявление, бюджетные средства, бюджет, уголовная ответственность, экономическая безопасность.

ORGANIZING THE IDENTIFICATION AND DISCLOSURE OF THEFT OF BUDGETARY FUNDS ALLOCATED FOR THE SALE OF MATERNITY (FAMILY) CAPITAL (BASED ON THE EXAMPLE OF MATERIALS OF THE UEB AND PC OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA IN PRIMORSKY KRAI)

***E. V. Zemlyakova**, lecturer of the Department of Crime Detection and Administrative Activities of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article is devoted to issues related to such a negative phenomenon as the theft of budget funds during the implementation of national projects, which undermines the stability of the economic system and causes significant damage to the state and the financial market. The author presents the types of crimes committed in this area, detailing the application of operational investigative skills to document crimes committed in the budgetary sector.

Keywords: operational investigative activities, national projects, crime, detection, budget funds, budget, criminal liability, economic security.

В соответствии со сложившейся криминальной обстановкой органы внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ) осуществляют борьбу с преступлениями, совершаемыми при реализации нацпроектов.

В соответствии со сведениями ФКУ «ГИАЦ МВД России», за отчетный период 2023 г. сотрудниками экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК) было выявлено более 49 тыс. преступлений экономической направленности, в том числе в бюджетной сфере – 5663, ущерб составлен более 85 млн руб.**

При этом серьёзные трудности выявления хищений и их раскрытия вызывает постоянное совершенствование и рост высокоинтеллектуальной составляющей способов совершения и сокрытия следов таких преступлений***. Соответственно, особое значение приобретает правовое регулирование общественных отношений, возникающих при осуществлении оперативно-розыскной деятельности

** Сведения из ФКУ «ГИАЦ МВД России»;

*** Мангасаров Р. А., Павличенко Н. В. Противодействие хищениям бюджетных средств, выделенных на реализацию государственных программ и национальных проектов: моногр. М.: Академия управления МВД России, 2024. С. 14.

органов внутренних дел Российской Федерации по борьбе с преступлениями, совершаемыми при реализации нацпроектов. Немаловажным следует учитывать, что преступления, совершаемые в данной сфере, как правило, чаще всего относятся к организованному характеру, являются высоко латентными, а также планируются и подготавливаются тщательно и немало времени.

Выявление и закрепление замаскированных схем завладения преступным путем бюджетных средств на этапах до следственной проверки, предварительного расследования и судебного разбирательства практически невозможно либо проблематично. В этой связи целесообразно осуществлять фиксацию и сбор доказательств преступной деятельности оперативным путем****.

Наиболее распространенные преступления, совершаемые при реализации нацпроекта «Демография»:

– при погашении ипотечных жилищных кредитов, а также при реализации материнского (семейного) капитала (ст. 159.2 УК РФ)*****;

– использование должностным лицом своих полномочий для получения имущественной выгоды (ст. 285, 286, 290, 291 УК РФ);

– присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ);

– незаконная передача лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, либо, получение данным лицом денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконное оказание последнему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав за совершение действий (бездействий) в интересах дающего или иных лиц (ст. 204 УК РФ).

Рассмотрим отдельно преступления, связанные с хищением материнского (семейного) капитала, на примере материалов правоприменительной практики сотрудников УЭБиПК УМВД России по Приморскому краю.

Так, на территории Приморского края реализуется 13 национальных проектов, в рамках которых утверждено 45 государственных программ, на реализацию которых в 2024 г. выделено 23272 648,90 тыс. руб. (федеральный бюджет – 9506 215,68 тыс. руб., бюджет Приморского края – 10708 536,67 тыс. руб., внебюджетные источники Приморского края – 3029 558,00 тыс. руб.)******.

Согласно статистической отчетности подразделениями ЭБиПК УМВД России по Приморскому краю выявлено 406 преступлений экономической направленности, предварительное следствие по которым обязательно. Раскрыто

**** Землякова Е. В. Актуальные проблемы науки и практики: сб. науч. тр. по итогам науч.-представит. мероприятий. Хабаровск, 2024. С. 23–27.

***** Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. М.: Изд-во АСТ, 2024. 448 с.

****** Сведения о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации. Владивосток, 2025.

338 преступлений, из которых 275 направлено в суд. 226 лиц привлечено к уголовной ответственности.

За отчетный период 2024 г. выявлено 62 преступления в бюджетной сфере, из которых: 16 (АППГ – 21) преступлений имеют кодировку «Национальные проекты», 11 совершены при реализации Национального проекта «Демография», 1 – «Жилье и городская среда», 4 – «безопасные и качественные автомобильные дороги», 24 – (АППГ – 3) преступления, совершаемые в рамках государственного оборонного заказа. Размер возмещенного ущерба по выявленным и оконченным уголовным делам, возбужденным по материалам сотрудников ЭБиПК, в сфере хищения бюджетных денежных средств, выделенных в рамках реализации национальных проектов, составил 3,1 млн руб., при установленном – 6,3 млн руб. Обеспечено возмещение причиненного ущерба 50 %.

В разрезе выявленных преступлений хотелось бы отметить, что сотрудниками УМВД России по Приморскому краю в период с 2020 г. по настоящее время проводится системная работа и реализуется алгоритм проверочных мероприятий по выявлению фактов хищения денежных средств материнского (семейного) капитала с использованием кредитных потребительских кооперативов и фиктивных сделок по улучшению жилищных условий семей, имеющих детей в рамках федерального проекта «Финансовая поддержка семей при рождении детей». Всего же за этот период выявлено 88 преступлений (национальные проекты), из них 25 уголовных дел уже направлены в суд с утвержденными обвинительными заключениями (из них 7 – в отношении организованной группы лиц по 23 эпизодам преступной деятельности).

Силами территориальных органов МВД России на районном уровне, подчиненных УМВД России по Приморскому краю, организованы проверочные мероприятия в отношении получателей субсидий в виде грантов в рамках реализации государственных программ, национальных проектов, на территории Приморского края.

Так, рассмотрим один из примеров по материалам судебной практики Приморского края:

ФИО1, действуя умышленно, из корыстных побуждений, руководствуясь единым преступным умыслом, направленным на хищение бюджетных средств путем обмана, то есть осознавая общественную опасность своих действий, предвидя возможность и неизбежность наступления общественно опасных последствий и желая наступления данных последствий, получив государственный сертификат на материнский (семейный) капитал[*******], выданный на основании решения государственного учреждения – Управления пенсионного фонда Российской Федерации о выдаче государственного сертификата на материнский

******* Приговор Красноармейского районного суда Приморского края от 19 января 2023 г. по делу № 1–86/2023 // URL: https: //sudact.ru.

(семейный) капитал в связи с рождением ребенка, на общую сумму 375745 руб. 00 коп. и достоверно зная о том, что согласно Федеральному закону от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», средства материнского (семейного) капитала могут быть направлены исключительно на улучшение жилищных условий, получение образования ребенка (детьми), формирование накопительной пенсии для женщин, приобретение товаров и услуг, предназначенных для социальной адаптации и интеграции в обществе детей инвалидов; Федеральному закону от 28 апреля 2009 г. № 72 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях повышения уровня материального обеспечения отдельных категорий граждан; Постановлению Правительства Российской Федерации от 12 декабря 2007 г. № 862 «О правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий», лица имеющие сертификат на материнский капитал, вправе подать в территориальные органы государственных учреждений Управления пенсионного фонда Российской Федерации заявление о распоряжении средствами материнского (семейного) капитала в полном объёме в соответствии с законом на улучшение жилищных условий, а иное расходование незаконно, из корыстных побуждений, зная о том, что в соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 10 Федерального Закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ денежные средства материнского (семейного) капитала направляются для целевого использования, одним из направлений которого является улучшение жилищных условий, решила распорядиться средствами материнского (семейного) капитала в нарушение действующего законодательства Российской Федерации и незаконно обналичить средства материнского (семейного) капитала, а полученные деньги потратить на личные нужды, не связанные с целями, предусмотренными законом.

Продолжая реализовывать свой преступный умысел, направленный на хищение денежных средств из бюджета Российской Федерации путем обмана, ФИО1 решила приискать дом и лицо, которое согласиться заключить мнимую сделку на отчуждение принадлежащего ему объекта недвижимости с целью незаконного обналичивания средств материнского (семейного) капитала. В один из дней Свидетель № 3, которая будучи не осведомленная об истинных намерениях ФИО1 согласилась заключить с последней вышеуказанную сделку, направленную на отчуждение принадлежащего ей жилого дома, не намереваясь её исполнить. Затем, ФИО1 с целью хищения денежных средств в крупном размере, обратилась в Государственное учреждение – Пенсионного фонда Российской Федерации с заявлением о распоряжении средствами имеющегося у нее материнского (семейного) капитала в размере 375745 руб. 00 коп., через многофункциональный центр «Мои документы» (далее – МФЦ) по средствам

электронной подачи документов, предоставив необходимые документы. ФИО1 в приложении к заявлению о распоряжении средствами материнского (семейного) капитала указала о необходимости перечисления средств материнского (семейного) капитала в размере 375745 руб. 00 коп. по имеющемуся у неё государственному сертификату на материнский (семейный) капитал на расчетный счет Свидетель № 3. ДД.ММ.ГГГГ Государственным учреждением – Пенсионного фонда Российской Федерации, сотрудники которого были введены в заблуждение представленными ФИО1 вышеуказанными документами, содержащими недостоверные сведения о распоряжении ФИО1 средствами материнского (семейного) капитала на цели, связанные с улучшением её жилищных условий, приняло решение об удовлетворении заявления ФИО1 о распоряжении средствами материнского (семейного) капитала, в связи с чем, ДД.ММ.ГГГГ Государственным учреждением – Пенсионного фонда Российской Федерации на основании платежного поручения, перечислило с Управления Федерального казначейства на расчетный счет Свидетель № 3, денежные средства в сумме 375745 руб. 00 коп. После чего ФИО1 продиктовала ФИО номер банковской карты ПАО «Сбербанк» открытый на ее имя Свидетелю № 3.

Похищенными денежными средствами ФИО1, последняя распорядилась по своему усмотрению. Тем самым причинила Российской Федерации, в лице Государственного учреждения – Пенсионного фонда Российской Федерации ущерб, на сумму 375745 руб., что является крупным размером.

Приведенный анализ правоприменительной и судебной практики Приморского края позволяет обозначить первоначальные действия сотрудников ЭБиПК по сбору информации для выявления преступлений в рамках реализации средств материнского (семейного) капитала:

получение информации о лицах, которые имеют право на использование средств материнского (семейного) капитала. Данную информацию можно получить от лиц, оказывающих содействие ОВД, или, путем направления соответствующих запросов в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации (по субъекту);

выезд и осмотр земельных участков на предмет наличия построенных объектов, пригодных для жилья или строящихся объектов, ведения строительных работ, наличие коммуникаций для осуществления строительства;

после того, как круг лиц, представляющих оперативный интерес по реализации средств материнского (семейного) капитала установлен, необходимо получить копии дел о вышеуказанных лицах, путем направления запроса в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации. В данных делах указаны сведения об обстоятельствах приобретения недвижимости;

провести опрос соседей, с целью визуального установления факта пригодности или непригодности дома, установления наличия или отсутствия строи-

тельных работ на объекте недвижимости. Также опросить «продавца» сделки, с целью установления реальной суммы при осуществлении купли-продажи недвижимости;

провести опрос лица, подавшего заявление о распоряжении средствами (частью средств) материнского (семейного) капитала, на предмет установления реальной возможности и желания для проживания и строительства на объекте недвижимости.

Одновременно с указанными мероприятиями чаще всего сотрудники ЭБиПК проводят дополнительные оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление преступных связей фигурантов, а полученные результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела********.

Список источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ.Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: федер. закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. М.: Изд-во АСТ, 2024. 448 с.
4. Приговор Красноармейского районного суда Приморского края от 19 января 2023 г. по делу № 1–86/2023 // URL: https: //sudact.ru. (дата обращения: 29.06.2025).
5. Сведения ФКУ «ГИАЦ МВД России».
6. Мангасаров Р. А., Павличенко Н. В. Противодействие хищениям бюджетных средств, выделенных на реализацию государственных программ и национальных проектов: моногр. М.: Академия управления МВД России, 2023. С. 4.
7. Землякова Е. В. Актуальные проблемы науки и практики: сб. науч. тр. по итогам науч.-представит. мероприятий. Хабаровск, 2024. С. 23–27;
8. Сведения о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации. Владивосток, 2025.

******** Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 378.1

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАНИИ

***А. Ф. Калимуллина**, преподаватель кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России*

В статье рассматривается актуальность внедрения искусственного интеллекта в образовательный процесс, что подтверждается ростом числа вузов, применяющих ИИ-инструменты, а также созданием единых госстандартов. Дается характеристика преобладающим в сфере образования ИИ-технологиям, приводятся примеры таких нейронных моделей. Подчеркивается необходимость соблюдения определенных принципов при работе с ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, образование, нейросети, автоматизация

THE PECULIARITIES OF USING AI IN EDUCATION

***A. F. Kalimullina**, lecturer of the Department of foreign and Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article describes the relevance of introduction of AI in education. It is proven by increase in number of high establishments which use AI-technologies and by creation of single governmental standards. Types of neural networks are described, and their examples are provided. The necessity of observing the principles while working with AI are emphasized.

Keywords: artificial intelligence, education, neural networks, automation

В последние годы наблюдается стремительный скачок в развитии инструментов искусственного интеллекта (далее – ИИ). На момент утверждения Президентом Российской Федерации «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года» [1] отсутствовали единые стандарты применения ИИ, однако сегодня разработаны различные ГОСТы, содержащие основные правила и рекомендации по работе с ИИ. Например, некоторые касаются технологий в сфере образования: ГОСТ Р 59895–2021 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Общие положения и терминология»; ГОСТ Р 71657–2024 «Технологии искусственного интеллекта в образовании.

Функциональная подсистема создания научных публикаций»; ГОСТ Р 70948–2023 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема формирования контингента абитуриентов по программам бакалавриата и специалитета».

Внедрению ИИ в образовательный процесс уделяется большое внимание. Так, в 2023 г. 10 % российских вузов уже применяли ИИ, а по данным Российского союза ректоров «в будущем перспективы для использования ИИ-инструментов видит каждая вторая организация» [2].

Образовательные организации используют различные ИИ-инструменты. К самым распространенным относятся ансамбли алгоритмов, предобученные нейросети и нейросети в сфере теневого глубокого обучения (shadow deep learning) [3]:

Группа алгоритмов	Краткое описание	Задачи	Примеры
1. Ансамблевые модели	Комбинирование нескольких алгоритмов для получения более эффективного результата	Персонализация обучения; оценивание знаний обучающихся; административные процессы	Объединение методов KNN, Random Forest и XGBoost для предсказаний изменений активности обучающихся в условиях дистанта
2. Предобученные модели	Глубокие нейронные сети, предварительно обученные на огромном массиве данных для выполнения конкретной задачи; быстрая адаптация под новые задачи	Автоматический подбор литературы; генерация текстов и подсказок; анализ письменных ответов (смысловая, стилистическая проверка)	GPT, BERT (RoBERTa)
3. Теневое глубокое обучение	Предобученные модели, которых дообучают на более узком наборе данных для решения конкретной задачи (механизм дистилляции)	Проверка курсов; генерация заданий; анализ качества учебных материалов	GPT-4o mini

Группа алгоритмов. Краткое описание. Задачи. Примеры.

1. Ансамблевые модели. Комбинирование нескольких алгоритмов для получения более эффективного результата. Персонализация обучения; оценивание знаний обучающихся; административные процессы. Объединение методов KNN, Random Forest и XGBoost для предсказаний изменений активности обучающихся в условиях дистанта.

2. Предобученные модели. Глубокие нейронные сети, предварительно обученные на огромном массиве данных для выполнения конкретной задачи;

быстрая адаптация под новые задачи. Автоматический подбор литературы; генерация текстов и подсказок; анализ письменных ответов (смысловая, стилистическая проверка). GPT, BERT (RoBERTa).

3. Теневое глубокое обучение. Предобученные модели, которых дообучают на более узком наборе данных для решения конкретной задачи (механизм дистилляции). Проверка курсов; генерация заданий; анализ качества учебных материалов. GPT-4o mini

Тем не менее, несмотря на удобство и многофункциональность ИИ-инструментов, при работе с ними важно акцентировать внимание на следующих аспектах.

1. Этичность и прозрачность.

Необходимо соблюдать этические правила при использовании ИИ, а также уметь верно формулировать запросы и критически оценивать ответы системы.

2. Контроль качества.

Алгоритмы часто галлюцинируют (то есть выдают ошибочные результаты), в связи с чем сохраняется потребность в перепроверке и редактуре полученных ответов.

3. Обеспечение безопасности данных.

Внедрение надежных систем защиты данных, а также ответственное отношение пользователей ИИ-инструментов позволят минимизировать риск утечки данных.

В заключение стоит отметить, что сегодня ИИ помогает всем участникам образовательного процесса автоматизировать выполнение рутинных задач, а в перспективе он даст возможность расширить пространство для обучения и преподавания.

Список источников

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения: 05.10.2025).
2. Российский союз ректоров: 10 % российских вузов используют искусственный интеллект // URL: https://rsr-online.ru/news/2025/2/14/10-rossijskih-vuzov-ispolzuyut-iskusstvennyj-intellekt/ (дата обращения: 05.10.2025).
3. Искусственный интеллект в образовании: инструменты, вызовы и перспективы для студентов и преподавателей // URL: https://education.yandex.ru/knowledge/iskusstvennii-intellekt-v-obrazovanii-instrumenti-vizovi-i-perspektivi-dlia-studentov-i-prepodavatelei (дата обращения: 05.10.2025).

УДК 343.1

ОТ РОЗЫСКА К СЛЕДСТВИЮ: РОЛЬ «МАЙОРСКИХ КАНЦЕЛЯРИЙ» В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

***О. М. Климова**, начальник кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат философских наук;*

***М. В. Давыдовская**, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, кандидат юридических наук*

В статье проводится комплексный анализ исторической эволюции института предварительного следствия в России с начала XVIII в. по настоящее время. Автор прослеживает основные этапы данного процесса: от создания вневедомственных «майорских» следственных канцелярий при Петре I, через судебную реформу 1864 г., закрепившую принцип независимости следствия в рамках судебной власти, до советского периода огосударствления и современного этапа, ознаменованного созданием Следственного комитета РФ. Особое внимание уделяется трансформации концептуальных подходов к месту следственного аппарата в системе государственной власти, анализируется борьба двух парадигм: административно-полицейской и судебно-независимой. На основе анализа трудов ведущих отечественных историков права и процессуалистов доказывается цикличность в развитии института, выражающаяся в попеременном движении к независимости и последующем возврате к подконтрольности исполнительной власти. Делается вывод о том, что современная модель Следственного комитета, формально являясь частью исполнительной власти, пытается аккумулировать позитивный исторический опыт, сочетая черты как петровских, так и судебных следственных органов.

Ключевые слова: институт следствия, Россия, судебная реформа, Петр I, Александр II, следственные приставы, Уложение о наказаниях, Судебные уставы 1864 года, судебный следователь, независимость следствия.

FROM SEARCH TO INVESTIGATION: THE ROLE OF THE MAJOR'S OFFICES "IN THE PRE-TRIAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN EMPIRE"

***O. M. Klimova**, head of the Department of State and Legal and Civil and Law Disciplines of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Philosophy;*

***M. V. Davydovskaya**, senior researcher at the Scientific Research Center Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law*

This article conducts a comprehensive analysis of the historical evolution of the institution of preliminary investigation in Russia from the early 18th century to the present day. The author traces the main stages of this process: from the establishment of extradepartmental "major's" investigative chancelleries under Peter I, through the judicial reform of 1864, which enshrined the principle of investigative independence within the judicial power, to the Soviet period of state control and the modern era marked by the creation of the Investigative Committee of Russia. Special attention is given to the transformation of conceptual approaches to the place of the investigative apparatus within the system of state power, and the struggle between two paradigms: administrative-police and judicial-independence. Based on the analysis of works by leading Russian legal historians and proceduralists, the cyclic nature of the development of the institution is demonstrated, expressed in alternating movements towards independence and subsequent return to subordination to the executive branch. It is concluded that the modern model of the Investigative Committee, formally part of the executive branch, attempts to accumulate positive historical experience, combining traits of both Petrine and judicial investigative bodies.

Keywords: investigative institution, Russia, judicial reform, Peter I, Alexander II, investigative officers, Code of Punishments, Judicial Statutes of 1864, judicial investigator, independence of investigation.

История института предварительного следствия в России представляет собой сложный и противоречивый процесс, характеризующийся постоянным поиском оптимальной организационно-правовой модели, которая бы обеспечивала эффективность, объективность и беспристрастность досудебного производства. Анализ этого пути показывает, что его развитие носит нелинейный, а скорее циклический характер, где система периодически совершает скачки к более независимой модели следствия, только чтобы со временем возвращаться к более управляемой, но потенциально менее объективной административно-полицейской структуре. Этот процесс является отражением общих тенденций эволюции российской государственности и правовой системы, а также ответом на системные кризисы, возникающие в рамках доминирующей парадигмы. Ключевым двигателем этих изменений выступает фундаментальный парадигмальный конфликт между двумя основными моделями организации досудебного расследования: вневедомственной (экстрасекторальной) и административной (ведомственной). Вневедомственная модель предполагает организационную независимость следственного органа от исполнительной власти, часто подчиняя его судебной или надзирательной верховной власти, с целью достижения максимальной беспристрастности. Административная модель, напротив, интегрирует следственные функции в структуру исполнительных органов, таких как полиция или министерства внутренних дел, что может приводить к конфликту интересов и ограничивать объективность расследования. Именно этот конфликт, а не простое эволюционное развитие, является главным фактором, определяющим траекторию реформ. Периоды кардинальных преобразований, направленных на создание независимого следствия, всегда являлись реакцией на острые системные кризисы, вызванные масштабной коррупцией и злоупотреблениями в административно-полицейской модели.

Центральным событием, заложившим основу для будущих реформ, стало создание в России в конце XVII в. специализированного органа следствия – «майорских» следственных канцелярий. Этот шаг стал ответом на глубинный системный кризис государственного управления, который вскрыл старая приказная система, оказавшаяся неспособной противостоять масштабной коррупции и злоупотреблениям чиновничества

Российская империя, стремясь к созданию жестко централизованного государства, столкнулась с необходимостью радикальных преобразований, инициированных Петром I. Одним из таких преобразований стало создание органов, способных бороться с наиболее опасными преступлениями, посягающими на интересы государства, и коррупцией среди высших должностных лиц. На этом фоне уникальным для своего времени стали «майорские» следственные канцелярии, учрежденные указом от 9 декабря 1717 г. Их отличительной чертой была прямая подчиненность императору, что выводило их из-под контроля других высших органов власти, включая Сенат

Это было не просто техническое нововведение, а стратегический ход, направленный на создание инструмента верховной власти, неподконтрольного административному аппарату. Как справедливо отмечают исследователи, при Петре I впервые была сформирована концепция вневедомственного предварительного следствия, которое рассматривалось как правоохранительный орган, специализирующийся исключительно на расследовании особо опасных государственных преступлений и наделенный широкими процессуальными полномочиями.

Уникальность петровской модели заключалась не только в ее организационной независимости, но и в ее административно-военной природе. Хотя эти органы были независимы от административных коллегий, они не были частью судебной системы в современном понимании. Первые следователи, так называемые «следователи-майоры», были офицерами, преимущественно из числа низкоквалифицированной военной элиты, например, из Семеновского полка

Исследования историка права Дмитрия Олеговича Серова, основанного на архивных материалах, показывают, что большинство из них не имели формального юридического образования и происходили из среды служилых людей. Это свидетельствует о том, что петровская модель была скорее адаптирована к задачам централизованного государственного управления, чем к задачам состязательного уголовного судопроизводства. Следствие здесь было инструментом силового принуждения, действующим в интересах государя-владетеля. Тем не менее, сам факт создания специализированного, независимого органа для расследования особо важных дел стал беспрецедентным прецедентом и заложил идеологическую основу для будущих реформ. Успешный опыт деятельности этих канцелярий, которые смогли расследовать и привлечь к ответственности высших чиновников, включая родственников императора, продемонстрировал эффективность такого подхода.

Профессиональный состав следователей, несмотря на их военное происхождение, демонстрировал определенную осмысленность. Были созданы нормативные акты, регламентирующие их деятельность, такие как «Наказ от 9 декабря 1717 г.», который служил основой для работы «майорских» канцелярий

Эти органы осуществляли предварительное следствие в двухэтапной форме, что было передовым для того времени. Однако после смерти Петра I в 1725 г., когда наследники не разделяли его взглядов на абсолютную власть и централизацию, эти уникальные следственные органы были упразднены. Их деятельность прекратилась, и все расследования вновь были переданы полицейским чиновникам. Таким образом, первый эксперимент по созданию вневедомственного следствия оказался недолговечным. Тем не менее, он оставил значительное наследие. Историк Д. О. Серов видит в «майорских» канцеляриях прямую преемственность с современным Следственным комитетом РФ, считая,

что идея создания вневедомственного следственного аппарата, хотя и не была реализована полностью, требует реализации в будущем. Этот петровский опыт, даже будучи временным, продемонстрировал, что для борьбы с коррупцией и обеспечения объективности необходимо создавать специализированные, независимые структуры, что стало закономерным запросом на протяжении всей последующей истории российского следствия[1].

Политический контекст XIX в. также внес свой вклад в замедление реформ. Между 1808 и 1864 гг. Россия переживала период борьбы между либеральными, европейскими идеями, выражавшимися в планах М. М. Сперанского, и реакционным укреплением бюрократического централизма при Николае I.

Планы Сперанского по созданию представительных учреждений и разделению властей были заблокированы консервативным блоком при дворе, что привело к отказу от дальнейших конституционных реформ и усилению авторитарного контроля над всем государственным аппаратом. Этот политический климат делал невозможным проведение кардинальных реформ, направленных на отделение следствия от исполнительной власти, до тех пор, пока не возник новый, еще более острый системный кризис, связанный с поражением в Крымской войне и необходимостью проведения «Великих реформ».

Таким образом, XIX в. стал эпохой «проб и ошибок», где каждый шаг в сторону независимости следствия порождал новый уровень зависимости, что в конечном итоге сделало реформу 1864 г. неизбежным ответом на накопленные противоречия.

Судебная реформа Александра II, проведенная в 1864 г., стала поворотным моментом в истории российского права, произведя коренную ломку прежней парадигмы и установив принципиально новую модель организации досудебного расследования.

Если ранее речь шла об улучшении работы следствия в рамках полицейского ведомства, то теперь его философской основой стала либеральная идея, согласно которой следственная власть является неотъемлемой частью судебной власти. Этот подход был направлен на разрешение того самого фундаментального конфликта интересов, который не был преодолен ни в реформе 1808 г., ни в течение всего предыдущего периода. Реформа была не просто следующим шагом, а целостной системной трансформацией, которая изменила всю структуру и дух российского уголовного судопроизводства, внедрив западноевропейские модели, прежде всего французскую. Ее апогеем стало принятие четырех ключевых уставов: «Об установлении судебных учреждений», «Об уложениях гражданских судопроизводства», «Об уложениях уголовных судопроизводства» и «О наказаниях, назначаемых мировыми судьями».

Центральным элементом реформы стало отделение следственной части от полиции. Первым практическим воплощением этой новой концепции стал

Указ от 8 июня 1860 г. «Об отделении следственной части от полиции», который можно рассматривать как прямую антитезу модели 1808 г. Этот акт юридически и организационно разорвал связь между тем, кто расследует преступление, и тем, кто его обнаруживает и предварительно проверяет. Были учреждены 993 должности судебных следователей, которые получили четкое определение своей процедуры. Судебный следователь становился членом окружного суда, что подчеркивало его принадлежность к судебному ведомству и его независимость от местной администрации и полиции. Его назначение осуществлялось императором по представлению министра юстиции, что делало его несменяемым и обеспечивало его независимость от политического давления. Это был самый успешный и долговечный опыт реализации вневедомственной, судебно-процессуальной модели в российской истории.

Ключевой процессуальной гарантией, обеспечивавшей объективность следствия, стала статья 265 Устава уголовного судопроизводства, которая обязывала следователя «принять все меры, необходимые для достижения истины, и изыскивать как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие». Профессор И. В. Гессен правильно характеризовал эту норму, говоря, что «следователь по Уставу – это не обвинитель и не защитник, а беспристрастный исследователь истины, судья на досудебных стадиях процесса» [2]. Эта формула стала символом нового подхода, где следствие рассматривалось не как акт силового воздействия, а как процесс поиска объективной истины под контролем независимого судьи. Реформа также внедрила фундаментальные принципы состязательности, публичности и равенства сторон, которые сделали российскую юстицию одной из лучших среди цивилизованных наций на тот момент. Впервые в России появились профессиональные юристы, работающие в качестве следователей, что повысило качество расследований. Также была создана первая в России формальная ассоциация адвокатов – Корпорация присяжных поверенных, которая обеспечивала защитникам доступ к делу и предоставляла бесплатную юридическую помощь малоимущим.

Несмотря на теоретические достижения, реформа 1864 г. столкнулась с рядом практических ограничений. Со временем, особенно после начала контрреформ, независимость судей и следователей постоянно подвергалась давлению со стороны власти [3]. Правительство вводило ограничения на судебную власть, позволяя министрам требовать объяснений от судей и давать им обязательные указания. Кроме того, практика «телефонного права», когда судьи получали прямые указания от высоких чиновников, стала распространенным явлением, особенно в политически чувствительных делах. Несмотря на эти проблемы, сама структура реформы 1864 г. оставалась нетронутой вплоть до 1917 г. и послужила мощным источником вдохновения для реформаторов периода перестройки, которые активно обращались к ее принципам при разработке новых законов.

Таким образом, судебная реформа 1864 г. не только решила насущные проблемы административно-полицейской модели следствия, но и заложила прочный правовой фундамент для развития правовой культуры и защиты прав граждан в России.

Советский период ознаменовался радикальным разрывом с дореволюционной правовой традицией и возвратом к административно-полицейской модели следствия, но уже с новым идеологическим содержанием, приспособленным для нужд тоталитарного государства. После Октябрьской революции 1917 г. началась немедленная ликвидация всей имперской правовой системы, включая судебные органы, прокуратуру и следственный аппарат.

Декрет о суде № 1 от 1917 г. упразднил институт судебных следователей, созданных реформой 1864 г. Предварительное следствие было передано в ведение следственных комиссий при местных советах, которые затем, в 1922 г., были реорганизованы и помещены в полную зависимость от органов прокуратуры и милиции. Этот шаг означал полный возврат к административно-полицейской модели, где следственная функция интегрировалась в структуру исполнительной власти. При этом прокуратура, которая после 1864 г. потеряла свои широкие надзорные полномочия, была восстановлена в 1922 г. с расширенными функциями, став ключевым инструментом партийного руководства и надзора за всей системой государственной деятельности.

Эволюция советского уголовного процесса, как показывает анализ историка права А. В. Смирнова, представляла собой движение от относительно цивилизованной модели к инквизиционной системе, адаптированной для массовых репрессий. Этот процесс можно условно разделить на несколько этапов. Первая стадия, «Гаввафа» (1922–1924 гг.), характеризовалась принятием Уголовно-процессуального кодекса 1922 г., который ввел модель, смешивающую французскую идею следователя-судьи с германскими судебными стадиями [4]. В этой модели следователь считался носителем судебной функции и даже назначался и контролировался судом, а прокурор мог давать ему лишь рекомендации, которые следователь мог обжаловать в суде. Однако уже с 1923 г. началась фактическая ликвидация независимого следствия. Прокурору были предоставлены все более широкие полномочия, включая право передачи дел между следователями и рассмотрение жалоб на их действия. Ключевым шагом в подчинении следствия прокуратуре стало постановление ВЦИК и СНК от 1928–1929 гг., которым следственный аппарат был окончательно передан прокуратуре. Следователь превратился из «маленького судьи» в «маленького прокурора» – органа обвинения, действующего под прямым надзором прокурора. Это привело к резкому падению качества расследований: к концу 1920-х гг. около 40 % уголовных дел прекращались судами после прохождения через следователей и прокуроров, что свидетельствует о систематической выработке обвинительных заключений.

Советская модель уголовного процесса, основанная на доминировании прокурора и следователя, была унаследована современной Россией. Многие нормы Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г., который был принят в советский период, сохранили элементы этой административно-полицейской системы, хотя и декларировали некоторые права обвиняемого, такие как презумпция невиновности и право на защиту.

Однако многие из этих норм носили декларативный характер и не имели эффективных санкций за их нарушение. Например, суд мог допрашивать свидетелей вне заседания и затем ограничиваться оглашением протоколов, что противоречило принципу непосредственности исследования доказательств. Эта система, где предварительное расследование свелось к прокурорско-полицейскому дознанию без судебного участия, а суды были подконтрольны власти, была исторически закономерным воспроизведением «имперских» процессуальных форм, унаследованных от Римской империи через Византию. Переход России к западной либеральной цивилизации потребовал бы отказа от этих архаичных моделей и построения подлинно состязательного, публичного и справедливого процесса, соответствующего стандартам гражданского общества. Таким образом, советский период не просто воспроизвел старую административную модель, а адаптировал ее под нужды тоталитарного государства, превратив прокуратуру в главный механизм политических репрессий, что оказало долгосрочное влияние на российскую правовую культуру, сохранив в ней черты инквизиционной процедуры.

На протяжении многих лет следственные органы работали внутри прокуратуры, что порождало многочисленные проблемы, связанные с конфликтом интересов, политическим давлением и коррупцией. Глубокий системный кризис, обострившийся в начале XXI в., привел к необходимости проведения радикальных преобразований. Кульминацией этих преобразований стало создание в 2011 г. Следственного комитета Российской Федерации (СК РФ) в качестве самостоятельного федерального государственного органа. Это событие стало ответом на накопленные противоречия, связанные с неэффективностью и политизированностью следствия, а также попыткой найти выход из бесконечного цикла колебаний между вневедомственной и административной моделями.

Создание СК РФ, согласно Федеральному закону от 28 декабря 2010 г., было направлено на повышение эффективности и объективности предварительного расследования, а также на четкое разделение функций между следствием и прокуратурой. Институт был создан путем выделения из состава Объединенного следственного комитета при Прокуратуре РФ (ОКК) органов, ведших расследование особо важных дел, и передачи их под прямое подчинение Президенту Российской Федерации. Формально это решение должно было повысить независимость следствия от прокурорского надзора, который в советское время был

основным инструментом политического давления. Сегодня СК РФ является главным федеральным органом, осуществляющим предварительное расследование в отношении особо важных дел, включая преступления, связанные с коррупцией, терроризмом, убийствами журналистов и политиков, а также преступления, совершенные должностными лицами. Он обладает широкими полномочиями, включая право инициировать уголовные дела, проводить следственные действия, задерживать и арестовывать лиц, подозреваемых в совершении преступлений, и направлять материалы в суд для вынесения обвинительного приговора.

В результате проведенного историко-правового анализа ключевых этапов становления и развития института предварительного следствия в России становится очевидным, что его история представляет собой нелинейный и противоречивый процесс, движимый циклическими колебаниями между двумя фундаментально различными парадигмами организации досудебного расследования. Петровский эксперимент с «майорскими» канцеляриями (1717–1725) стал первым прецедентом создания независимого следственного органа, подчиненного напрямую императору. Эта модель, хотя и была недолговечной, заложила идеологическую основу для будущих реформ, продемонстрировав эффективность специализированного и вневедомственного подхода.

Список источников

1. Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. М.: Зерцало–М, 2009. 456 с.
2. Гессен И. В. Судебная реформа. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1905. 298 с.
3. Кутина Н. А. От полиции к юстиции: институт судебных следователей в правовой системе Российской империи (по Судебной реформе 1864 г.) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 76–85.
4. Смирнов А. В. Реформа следственного аппарата в России: исторические параллели и современность // Российский следователь. 2017. № 5. С. 31–35.

УДК 796.06

ИЗУЧЕНИЕ ОДНОЙ ИЗ БАЗОВЫХ ТЕМ БОЕВОГО РАЗДЕЛА С КУРСАНТАМИ МЕТОДОМ РАСЧЛЕНЕННОГО УПРАЖНЕНИЯ

***Р. В. Клочков**, преподаватель кафедры физической подготовки Барнаульского юридического института МВД России*

В статье автор анализирует наиболее часто применяемые в служебной практике сотрудниками полиции приемы боевого раздела и акцентирует их изучение на основе метода расчлененного упражнения, выявляя его плюсы и минусы. Делая анализ через освоение курсантами темы «Болевые приемы» приходит к выводу о необходимости его применения, так как формируется устойчивый навык выполнения приема.

Ключевые слова: болевой прием, сотрудник полиции, алгоритм выполнения, физическая подготовка сотрудников полиции

EXAMINATION OF ONE OF THE BASIC TOPICS OF THE COMBAT SECTION WITH CADETS BY THE METHOD OF DISCRETE EXERCISE

***R. V. Klochkov**, lecturer at the Department of Physical Training of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

In the article, the author analyzes the combat techniques used by police officers in their daily practice and emphasizes their study based on the method of dismembered exercises, highlighting its advantages and disadvantages. Through the analysis of the "Painful Techniques" topic, the author concludes that it is necessary to use this method, as it helps to develop a stable skill for performing the technique.

Keywords: painful technique, police officer, execution algorithm, physical training of police officers

Служба в полиции требует от сотрудника разностороннего развития. Физическая подготовленность, рассматриваемая как развитие физических качеств, так и умение применить боевые приемы борьбы в целях самообороны, либо подавления агрессии правонарушителя – одно из предъявляемых требований

к сотруднику. Физическую подготовку сотрудников полиции, курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России регламентирует приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации». Приказ, что касается боевых приемов, очень разносторонен. Опираясь на закон «О полиции», в нем заложены варианты пресечения правонарушений посредством убеждения, приемами борьбы, использованием ударной техники, действиями с применением спецсредств и огнестрельного оружия. Сотрудник должен уметь при проявлении агрессии правонарушителем применить как защитные действия, так и подавить ее, придерживаясь принципов минимизации как физического, так и материального ущерба правонарушителю. Исходя из закона «О полиции», который регламентирует право и порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, их применение должно основываться на правомерности в данной ситуации применяемого приема. Рассматривая боевые приемы борьбы и использование специальных средств и огнестрельного оружия как средства пресечения правонарушения, алгоритм в данной ситуации заканчивается применением болевого приема, загиба руки за спину, взятия под контроль правонарушителя и его сопровождением.

Загибы рук за спину в рабочей программе относятся к теме «Болевые приемы». Это первая изучаемая тема в разделе боевых приемов борьбы. С одной стороны, по опросам курсантов, она является одной из легко усваиваемых тем, и, с другой стороны, самой часто применяемой на практике. В таких случаях доскональное изучение болевых приемов приобретает огромную актуальность, и методы преподавания играют важную роль в освоении у обучающихся.

Любой болевой прием представляет цепочку взаимосвязанных между собой действий, таких как захваты, расслабляющие удары, выведение из равновесия, скручивания и т. п. Каждое из действий логически обоснованно и опирается на законы биомеханики и физиологии. Выстраивается четкий алгоритм выполнения болевого приема, где конечным результатом является подчинение правонарушителя через физическую боль. Ошибки на определенных этапах выполнения приема снижает воздействие болевого эффекта, вплоть до нулевого конечного результата.

Исходя из наработанного опыта, лучшее усвоение темы «Болевые приемы» у курсантов наблюдается при использовании метода расчлененного упражнения. Каждый прием разбивается на фазы, голосом проговариваются все действия одной из фаз с присвоением ей нумерации. После каждой фазы осуществляется визуальный контроль с пояснениями и устранением ошибок на данном этапе, если они имеются. По мере освоения действий каждой фазы приема преподаватель

использует только нумерацию фазы «например: делай раз, делай два и т. д.», и только после переходят к целостному выполнению всего болевого приема.

Минусы использования этого метода на занятиях в более долгом изучении материала и, возможно, отведенного времени не хватит на изучение и понадобятся дополнительные консультационные занятия. Рассмотрение на занятиях при выполнении болевых приемов часто допускаемых ошибок и объяснение их последствий снижением болевых воздействий и недостижением эффекта от приема, стимулирует занимающихся к осознанному и более качественному выполнению болевых приемов. И при таком изучении даже у слабокоординированных курсантов нарабатывается четкий алгоритм выполнения болевого приема с достижением подконтрольного болевого эффекта. Использование метода расчлененного упражнения при изучении болевых приемов обеспечивает большую вариативность понимания требований к выполнению у обучающихся и с минимизацией ошибок.

Болевые приемы являются базовой темой боевых приемов борьбы у сотрудников полиции. Они могут применяться как самостоятельный прием, так и в комплексе с ударными и борцовскими техниками. Хорошие знания анатомии и отточенные навыки выполнения болевых приемов часто дают преимущество над превосходящим в размерах и весе правонарушителем. Исходя из юридического аспекта применения физической силы сотрудником полиции по пресечению правонарушения, болевые приемы являются самыми предпочтительными. Умелое выполнение болевого приема заставляет злоумышленника прекратить агрессию, полностью контролировать и выполнять законные требования сотрудника полиции, и в то же время не причинять особого вреда здоровью.

Список источников

1. Кузнецов, С. В. Организация физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: моногр. / С. В. Кузнецов. – Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2020.
2. Кузнецов, С. В. Теоретические и методические основы организации физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: учеб. / С. В. Кузнецов. – М.: ДГСК МВД России, 2016.
3. Организационно-методические основы борьбы самбо в образовательных организациях МВД России: учеб. пособие / В. Г. Тюкин, С. В. Малетин, Д. А. Книс. – Барнаул, 2023.
4. Организация и методика проведения итоговых занятий по физической подготовке сотрудников органов внутренних дел: метод. рекомендации / А. А. Митин, И. В. Осипов, Е. Ю. Домрачёва [и др.]. – М., 2023.
5. Педагогические условия формирования готовности участковых уполномоченных полиции к пресечению противоправных действий: метод. рекомендации / С. В. Мананников, В. Г. Тюкин, С. В. Малетин [и др.]. – Барнаул, 2023.

6. Подготовка боксеров в образовательных организациях МВД России: учеб. пособие / С. В. Малетин, В. Г. Тюкин, В. В. Желонкин, А. С. Гричанов. – Барнаул, 2023.
7. Пресечение противоправных действий с применением физической силы и специальных средств в типовых ситуациях служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел: метод. рекомендации / Ю. П. Балакин, В. В. Желонкин, А. Г. Завгородний [и др.]. – Барнаул, 2021.
8. Психолого-педагогические условия формирования готовности участковых уполномоченных полиции к пресечению противоправных действий: метод. рекомендации / С. В. Мананников, В. Г. Тюкин, С. В. Малетин [и др.]. – Барнаул, 2021.

УДК 342.9

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ПРИ ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

***Е. Г. Королева**, заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности полиции Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат филологических наук, доцент;*

***Артюшкина Д. А.**, слушатель Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя*

Обеспечение законности при применении мер административного принуждения является одной из самых важных проблем, поскольку в ходе применения мер принуждения осуществляется ограничение прав граждан. Административное принуждение применяется только при наличии соответствующих оснований, что отчасти является гарантией соблюдения требований законности при применении соответствующего принуждения. В связи с этим мы рассмотрим федеральный закон «О полиции» как один из основополагающих нормативных правовых актов, регламентирующий меры административного принуждения, применяемый в деятельности сотрудников полиции.

Ключевые слова: полиция, административное принуждение, законность, меры административного принуждения, сотрудник полиции, принуждение.

ENSURING THE LEGALITY OF POLICE OFFICERS' USE OF ADMINISTRATIVE COERCION MEASURES TO MAINTAIN PUBLIC ORDER

***E. G. Koroleva**, deputy head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Police of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikotya, kandidat nauk, degree in Philology, Associate Professor;*

***D. A. Artyushkina**, student of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikotya*

Ensuring the legality of administrative coercion is one of the most important issues, as the use of coercive measures restricts the rights of citizens. Administrative coercion is only applied when there are appropriate grounds, which serves as a partial guarantee of compliance with the requirements of legality in the use of coercive measures. In this regard, we will examine the Federal Law "On the Police" as one of the fundamental legal acts regulating administrative coercion measures used by police officers.

Keywords: police, administrative coercion, legality, measures of administrative coercion, police officer, coercion.

Одной из ключевых функций полиции в демократическом государстве является охрана общественного порядка, включающая предупреждение, пресечение и расследование правонарушений, а также обеспечение безопасности граждан. В ходе выполнения задач сотрудники полиции наделяются правом применять меры административного принуждения. Однако данная полномочная деятельность сопряжена с высоким риском нарушения прав и свобод личности, что делает вопрос обеспечения законности особенно актуальным.

Административное принуждение выступает как отраслевая форма государственного принуждения и представляет собой метод управления, заключающийся в применении уполномоченными субъектами мер, предусмотренных нормами административного и административно-процессуального права. Цель таких мер – обеспечить исполнение юридических обязанностей в случае совершения противоправных действий или при угрозе личной и общественной безопасности [1].

Среди всех государственных органов именно полиция обладает наиболее широкими полномочиями в применении административного принуждения, которое наряду с убеждением является ключевым методом государственного управления.

В научной литературе подчеркивается, что меры административно-правового принуждения направлены на формирование определенного поведения участников административно-правовых отношений, необходимого для выполнения управленческих задач [2].

Однако подобный подход не учитывает всей сложности правоотношений: на практике меры административного пресечения могут затрагивать не только административные, но и уголовно-правовые отношения, например при задержании подозреваемого в совершении преступления. Более подробно вопрос

о видах общественных отношений, в рамках которых реализуются меры административного принуждения, будет рассмотрен далее в ходе анализа понятия «административное принуждение, применяемое органами внутренних дел».

Сущностной характеристикой административного принуждения выступает принудительное воздействие на субъекта вопреки его воли. В современном понимании такие меры – это предусмотренные законом способы воздействия, реализуемые должностными лицами в строго определенных случаях и порядке как реакция на административное правонарушение, преступление или иные угрозы правопорядку.

К числу распространенных мер относятся следующие:

1. Доставление, которое подразумевает под собой «принудительное препровождение физического лица в служебное помещение органа внутренних дел (полиции) или в помещение органа местного самоуправления сельского поселения» (п. 1 ч. 1 ст. 27.2 КоАП РФ)[3].

2. Административное задержание «есть кратковременное ограничение свободы физического лица» (ч. 1 ст. 27.3 КоАП РФ) путем его содержания «в специально отведенных для этого помещениях органов, указанных в ст. 27.3 КоАП РФ» (ч. 1 ст. 27.6 КоАП РФ) [4].

3. Предупреждение, которое выражается «в официальном порицании физического или юридического лица» (ч. 1 ст. 3.4 КоАП РФ) [5].

4. Административный штраф – «денежное взыскание», которое «выражается в рублях» (ч. 1 ст. 3.5 КоАП РФ) [6].

5. Административный арест, подразумевающий «содержание нарушителя в условиях изоляции от общества» на срок до пятнадцати суток, а за отдельные административные правонарушения – на срок до тридцати суток (ст. 3.9 КоАП РФ)[7].

Кроме того, сотрудники полиции вправе применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие в случаях и порядке, установленных федеральным законом «О полиции» [8].

Важно также различать понятия «применение» и «порядок применения» в отношение мер принуждения. Первое означает сам факт реализации принудительного способа, а второе процедуру его осуществления.

Термин «применение» многократно используется в Федеральном законе «О полиции» как обобщающее понятие для описания действий по реализации мер государственного принуждения. Так, часть 5 статьи 6 устанавливает, что применение таких мер допустимо исключительно в случаях, предусмотренных федеральным законом. В п. 8 ч. 1 ст. 13 закреплено право полиции на применение мер обеспечения при производстве по делам об административных правонарушениях, а статья 18 – на использование физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия [9].

Несмотря на широкое распространение термина, его универсальный характер не позволяет отразить специфику реализации различных видов принудительного воздействия. Как отмечает О. О. Лебедева, законодатель, используя единое слово «применение», не выделяет особенности применения, например, физической силы или огнестрельного оружия, которые требуют разных подходов в плане правового контроля и обоснования.

В зависимости от характера самого принудительного воздействия меры административного принуждения могут быть процедурными и процессуальными. Процедурный порядок применяется, когда мера представляет собой немедленное правоохранительное действие, направленное на прекращение противоправного поведения или устранение реальной угрозы (например, задержание, доставление). В этом случае сначала осуществляется действие, затем фиксируется факт его проведения. К таким мерам относятся меры пресечения, процессуального обеспечения и некоторые форм у предупреждения. Процессуальный порядок используется, если мера выражается в правоограничениях, лишениях или дополнительных обременениях, установленных в санкциях нормы (например, административный штраф, административный арест). Его обязательными этапами являются возбуждение дела, рассмотрение, вынесение мотивированного решения и его исполнение.

Следовательно, применение меры административного принуждения – это реализация закрепленного в правовой норме способы принудительного воздействия в рамках либо процедурного, либо процессуального порядка. Мера считается примененной, если совершены действия, предусмотренные диспозицией, или лицо фактически столкнулось с ограничениями, предусмотренными санкцией.

Говоря о законности применения полицией мер административного принуждения, необходимо учитывать её многогранное значение в теории права. А. Ф. Ефремов, «законность – это сложное и многоплановое явление, которое трактуется в разных аспектах: как конституционный принцип, как политический режим или как метод управления государственными делами» [10]. Среди исследователей существуют разногласия относительно статуса законности – некоторые рассматривают её как общеправовой принцип, другие – как отраслевой. Однако мы придерживаемся позиции, согласно которой законность является фундаментальной категорией всей правовой системы, но особенно значимой в деятельности государственных органов, включая правоохранительные структуры.

Что касается действия принципа законности при применении мер административного принуждения, то ученые-административисты выделяют следующие его аспекты.

В. Г. Розенфельд и Ю. Н. Старилов законность применения мер административного принуждения понимают в качестве правового института комплексного смысла, объединяющего правовые материальные и процессуальные нормы многих отраслей права [11].

С точки зрения И. И. Пустовойта, суть принципа законности при применении административного принуждения состоит в том, что оно должно реализовываться в строгом соответствии с законом. Это касается всех этапов: от правовых оснований для ограничения свобод до точного соблюдения установленного порядка [12].

Детализированная система критериев способствует пониманию многообразия форм реализации принципа законности в сфере административного принуждения. В рамках этой системы центральным критерием, определяющим правомерность применения меры, выступает ее содержание.

Соблюдение пределов юрисдикции является неотъемлемым элементом правомерности применения мер административного принуждения, что подтверждается исследованиями Ю. В. Мишина [13]. Наличие у должностного лица полномочий на применение конкретной меры представляет собой обязательное требование законности, без которого любое действие считается незаконным.

Законность применения мер административного принуждения следует определять как правомерность реализации установленного законом способа принудительного воздействия, отражающего суть конкретной меры. Этот подход учитывается как формальные, так и содержательные аспекты применения мер.

Федеральный закон «О полиции» конкретизирует принцип законности в деятельности правоохранительных органов. Согласно ч. 1 ст. 6 полиция обязана действовать строго в рамках законодательства, а часть 5 той же статьи устанавливает, что применение мер государственного принуждения допускается исключительно в случаях, прямо предусмотренных федеральным законом [14].

Согласно позиции Р. С. Мельник, суть законности при применении мер административного предупреждения и пресечения заключается в следующем: данные меры должны иметь конституционные и законодательные основания; применяться строго в соответствии с нормами права; реализовываться специально уполномоченными субъектами исполнительной власти или, в установленных случаях, гражданами; а также быть целесообразными в каждой конкретной ситуации [15].

Таким образом, под законностью применения полицией мер административного принуждения предлагаем понимать соответствие фактических действий уполномоченных сотрудников полиции нормам административного и административно-процессуального права, устанавливающим основания, цели, порядок и условия реализации способа принудительного воздействия, который характеризует содержание конкретной меры принуждения, а также соблюдение сроков применения и требований к документированию.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенарод. голосованием 12.12.1993 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ. М.: Эксмо, 2024. 445 с.
4. Розенфельд В. Г. Административное принуждение. Административная ответственность. Административно-юрисдикционный процесс: учеб. пособие / Б. Г. Розенфельд Ю. Н. Старилов. Воронеж, 1993. С. 123.
5. Ефремов А. Ф. Принципы и требования законности. Самара, 1999. С. 17.
6. Каплунов А. И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): дис. … д-ра юрид. наук. М.: Московский университет МВД России, 2005. 498 с.
7. Крылова Е. А. Применение сотрудниками полиции мер административно-правового принуждения к несовершеннолетним лицам и их законным представителям: моногр. М., 2012. С. 4.
8. Пустовойт И. И. Правовые вопросы реализации принципа обеспечения законности при применении мер административного принуждения // Общество: политика, экономика, право. 2013. № 4. С. 129.
9. Мишина Ю. В. К вопросу об обеспечении законности при применении мер административного принуждения сотрудниками Госавтоинспекции // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения (состояние, проблемы, пути совершенствования). Орел, 2017. С. 253.
10. Каплунов А. И., Лебедева О. О. Производство по применению отдельных принудительных мер административного предупреждения как структурный элемент административного процесса // Административное право и процесс. 2017. № 3. С. 72.
11. Мамедов А. Х. О понятии законности применения полицией мер административного принуждения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 4. С. 19.

УДК: 342.951

ВЛИЯНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДИАСПОР

***Е. Г. Королева**, заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности полиции Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат филологических наук, доцент;*

***Я. Е. Селифонтов**, слушатель Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя*

Миграционная политика государства является одним из приоритетнейших направлений деятельности Российской Федерации (далее – РФ). Президентом РФ В. В. Путиным неоднократно подчеркивалась значимость грамотной и взвешенной миграционной политики государства, ее важность в экономическом и социальном развитии России. Поэтому органами государственной власти различного уровня поощряются все виды легальной миграции. Миграционная политика государства влияет, в частности, на формирование национальных диаспор. Национальными диаспорами называют часть народа, проживающего за территорией страны своего этнического происхождения и имеющего свои социальные институты в целях поддержания своей общности. Национальными диаспорами называют ту часть общности, проживающую за пределами своей Родины и создающей свои социальные институты в целях поддержания своих культурных традиций и общности. Тесное взаимодействие органов государственной власти и диаспор приводило и приводит к положительным результатам: в первую очередь, это профилактика и предупреждение преступлений и правонарушений иностранными гражданами. Но наряду с этим в настоящее сложнейшее время для РФ, в период проведения специальной военной операции, национальные диаспоры приносят пользу не только правоохранительным органам, но и бойцам, стойко охраняющим Россию. В работе исследуются правовое положение национальных диаспор, их роль в развитии российского государства, примеры положительного взаимодействия с правоохранительными органами и вооруженными силами РФ, а также предложены рекомендации по улучшению правового положения данной ячейки общества и меры, направленные на укрепление взаимоотношений с органами государственной власти.

Ключевые слова: миграционная политика, легальная миграция, национальные диаспоры.

THE IMPACT OF A SPECIAL MILITARY OPERATION ON THE WORK OF NATIONAL DIASPORAS

***E. G. Koroleva**, deputy head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Police of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikotya, kandidat nauk, degree in Philology, Associate Professor;*

***Ya. E. Selifontov**, student of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikotya*

The state's migration policy is one of the top priorities for the Russian Federation. President Vladimir Putin has repeatedly emphasized the importance of a well-thought-out and balanced migration policy for the country's economic and social development. Therefore, all types of legal migration are encouraged by government agencies at various levels. The state's migration policy has a significant impact on the formation of national diasporas. National diasporas

Keywords: migration policy, legal migration, national diasporas.

Право иностранных граждан на создание национальных диаспор в РФ нормативно закреплено в статье 21 основ законодательства РФ о культуре, утвержденные Верховным судом РФ 9 октября 1992 г. № 3612–1 [1], которая гласит: «Российская Федерация гарантирует право всем этническим общностям, компактно проживающим вне своих национально-государственных образований или не имеющим своей государственности, на культурно-национальную автономию».

Организационные формы диаспор представлены в виде общественных организаций и национально-культурных автономий. Эти два вида обязательно регистрируются в соответствии с федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ [2] или от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ [3]. После регистрации в качестве юридического лица и занесения в соответствующий реестр, диаспоры приобретают правовые полномочия, круг которых определен законодательством РФ.

В феврале 2022 г. заместитель председателя Совета безопасности России Дмитрий Медведев заявил, что численность крупных диаспор в стране колеблется от 1 до 5 млн человек.

На данный момент самыми многочисленными национальными диаспорами на территории РФ являются следующие.

Армянская. По разным оценкам, в России проживает от 1,7 до 2,5 млн армян. Большинство из них живут на юге страны: в Краснодарском и Ставропольском краях, а также в Ростовской области.

Белорусская. Белорусская община в России насчитывает чуть более полумиллиона человек.

В настоящее время, в РФ проводится активная политика, направленная на пресечение незаконного нахождения иностранных граждан в РФ. Об этом ясно дают понять статистические данные МВД России. За январь – октябрь 2024 г. проведено 247,5 тыс. (+ 3,3 %) мероприятий, направленных на выявление фактов нарушения миграционного законодательства РФ. По итогам 9 месяцев 2024 г. принято 149,2 тыс. решений об удалении иностранных граждан с территории РФ (об административном выдворении, депортации и реадмиссии), что на 47,3 % больше, чем за аналогичный период 2023 г. [4].

Статистика говорит о том, что миграционная обстановка нуждается в сторонней помощи правоохранительным органам. Эта помощь может проявиться в лице национальных диаспор. Примером активного сотрудничества сотрудников органов внутренних дел и диаспор выступает взаимодействие сотрудников УМВД по ЮЗАО и представителей диаспор г. Москвы и Московской области.

В УИиОС ГУ МВД России по г. Москве 13 февраля 2024 г. состоялся круглый стол на тему «Организация взаимодействия по недопущению совершения межнациональных и межрелигиозных конфликтов, а также вовлечения в противоправную деятельность несовершеннолетних лиц, связанную с дестабилизацией общественного порядка и общественной безопасности» [6].

Представители национальных диаспор рассказали о своей работе, направленной на профилактику межнациональных конфликтов, недопущение перерастания бытовых конфликтов в межэтнические и межрелигиозные столкновения, выявление лиц, склонных к совершению противоправных акций в среде мигрантов, прибывающих на территорию РФ.

Представители общественных советов в ходе дискуссии призвали собравшихся анализировать причины по каждому случаю нарушения общественного порядка с участием мигрантов, с целью дальнейшего предотвращения аналогичных противоправных действий.

Таким образом, взаимодействие органов внутренних дел и национальных диаспор играет весьма серьезную роль в профилактике правонарушений иностранными гражданами, принадлежащими к диаспорам. Несмотря на высокое количество правонарушений, работа по профилактике нарушений действующего законодательства иностранцами ведется активно по всей территории РФ.

Помимо взаимодействия с правоохранительными органами, национальные объединения и диаспоры активно помогают министерству обороны и, в частности, бойцам, находящимся в зоне проведения специальной военной операции (далее – СВО). Примером положительного взаимодействия является организация работы Духовного собрания мусульман России (далее – ДСМР). С момента начала специальной военной операции ДСМР организовало системную работу в данном направлении. Была высказана консолидированная позиция руководства ДСМР и его региональных представительств поддержки СВО по демилитаризации и денацификации Украины.

19 февраля 2022 г. февраля по инициативе руководства ДСМР и муфтия Волгоградской области, а так же имамов Ростовской области в онлайн режиме состоялось заседание Президиума Духовного собрания мусульман России по вопросу оказания помощи вынужденным переселенцам из Донецкой и Луганской народных республик (далее – ДУМ ЛНР, ДНР) прибывающих на территорию Ростовской области, а так же территорию других регионов России. На заседании было принято решение организовать сбор пожертвований для нужд вынужденных переселенцев с Донбасса, прибывающих в Ростовскую область или другие регионы [5].

С самого начала СВО ДСМР во всех регионах – представительствах ДСМР организовало сбор благотворительной помощи для вынужденных переселенцев с Донбасса а также для мобилизованных и членов их семей. На системной основе проводятся различного рода мероприятия с целью оказать духовную и материальную поддержку для мобилизованных и членов их семей.

В рамках рабочей поездки в ЛНР 2 сентября 2023 г. Глава ДСМР встретился на военном полигоне с российскими военнослужащими. Во встрече приняли также участие также муфтий ДУМ ЛНР Мухаммад Исмаил Гамбаров, муфтий Московской области Дауд хазрат Мухутдинов, муфтий Волгоградской области Бата Кифах Моххамад, представитель РПЦ отец Владимир. Также прошла встреча с главой ЛНР Леонидом Ивановичем Пасечником, Председателем Правительства ЛНР Сергеем Ивановичем Козловым и другими руководителями органов власти региона.

Огромное значение в деятельности ДСМР отдается и моральной поддержке защитников – большинство муфтиев и имамов всегда лично принимают участие в доставке груза до конечного пункта назначения. При этом в обязательном порядке на месте проводятся встречи с военнослужащими и духовные беседы на различные темы, а также общие молитвы (совершено более 400 выездов). В мечетях ЛНР ежедневно совершаются совместные молитвы с участниками СВО.

На постоянной основе для духовной и материальной поддержки бойцов муфтии и имамы ДСМР посещают лечебные учреждения, где военнослужа-

щие проходят курс лечения и реабилитации после ранений. Только в военный центральный госпиталь им. А. А. Вишневского – его пяти филиалов в гг. Москва, Красногорск, Одинцово, Химки, Сергиев Посад – совместно с руководством лечебного учреждения было организовано более 100 посещений священнослужителей.

Работа Духовного собрания мусульман России по оказанию благотворительной и гуманитарной помощи военнослужащим в зоне СВО и членам их семей не заканчивается, а только набирает обороты. Впереди – большой объем предстоящей и социальной работы с бойцами, возвращающихся с военных действий домой, их социальной и духовной реабилитации.

Анализируя деятельность ДСМР в период проведения специальной военной операции, стоит отметить их значительный вклад в гуманитарную поддержку для бойцов, находящихся на передовой и отстаивающих честь России. Их пример – яркая демонстрация гражданской позиции для всех национальных объединения на территории РФ.

Таким образом, национальными диаспорами называют часть народа, проживающего за территорией страны своего этнического происхождения и имеющего свои социальные институты в целях поддержания своей общности.

Организационные формы диаспор представлены в виде общественных организаций и национально-культурных автономий.

В период проведения специальной военной операции работа национальных диаспор стоит рассмотреть в двух аспектах: положительного взаимодействия с правоохранительными органами и вооруженными силами РФ.

В настоящее время в РФ проводится активная политика, направленная на пресечение незаконного нахождения иностранных граждан в РФ. Статистические данные ясно дают понять, что в связи со сложившейся миграционной обстановкой, в целях профилактики правонарушений иностранными гражданами и необходимо более тесное взаимодействие ОВД и диаспор.

Взаимодействие органов внутренних дел и национальных диаспор играет весьма серьезную роль в профилактике правонарушений иностранными гражданами, принадлежащими к диаспорам.

Помимо взаимодействия с правоохранительными органами, национальные объединения и диаспоры активно помогают Министерству обороны и, в частности, бойцам, находящимся в зоне проведения специальной военной операции. Примером положительного взаимодействия является организация работы ДСМР.

Анализируя деятельность ДСМР в период проведения специальной военной операции, стоит отметить их значительный вклад в гуманитарную поддержку для бойцов, находящихся на передовой и отстаивающих честь России. Их пример – яркая демонстрация гражданской позиции для всех национальных объединения на территории РФ.

Анализируя цели взаимодействия органов государственной власти и диаспор, стоит выделить следующие рекомендации для повышения эффективности совместной работы.

1. Проведение правоохранительными органами встреч с представителями национальных диаспор в большем масштабе, поскольку доведение актуальных изменений миграционного законодательства, профилактика преступлений и правонарушений поможет предотвратить возможные нарушения законодательства РФ.

2. Оказания консультационной помощи правоохранительным органам с о стороны национальных диаспор при проведении мероприятий, направленных на предупреждение, пресечение и раскрытие правонарушений иностранными гражданами на территории РФ.

3. Всевозможные поощрения работы национальных диаспор, направленной на материальную и духовную поддержку участников специальной военной операции, их родственников и семей.

Список источников

1. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Закон от 9 октября 1992 г. № 3612-I. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об общественных объединениях: федер. закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (дата обращения: 30.10.2025).
3. О национально-культурной автономии: федер. закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10722/ (дата обращения: 30.10.2025).
4. Миграционная ситуация // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya (дата обращения 30.10.2025)
5. Организация работы мусульманских организаций ДСМР в период проведения специальной военной операции. Материалы не опубликованы.
6. Председатель Общественного совета при УВД по ЮЗАО принял участие в круглом столе, посвященном профилактике противодействия межнациональным конфликт // Газета «Рамблер». URL: https://news.rambler.ru/politics/52263314/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (по состоянию на 30.10.2025).
7. Бедрик А. В., Стукалова Д. Н., Терещенко А. А. Социально-правовой статус диаспоры в современном российском обществе: региональный ракурс // Гуманитарий Юга России. 2016. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-pravovoy-status-diaspory-vsovre mennom-rossiyskom-obschestve-regionalnyy-rakurs (дата обращения: 30.10.2025).

УДК 159.925.2

ФИЗИОГНОМИКА В КОНТЕКСТЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ

***Э. В. Королёва**, доцент кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В условиях современного общества, характеризующегося значительным ростом преступной активности, обусловленной разнообразными социально-политическими факторами, приобретает особую важность, глубокое понимание личности правонарушителя. Анализ явных и скрытых мотивов, а также способность прогнозировать поведение преступника, являются ключевыми компетенция, необходимыми для эффективной работы правоохранительных органов и повышение уровня общественной безопасности.

Ключевые слова: физиогномика, лицо, поведение человека, юридическая психология, физиогномический анализ

PHYSIOGNOMICS IN THE CONTEXT OF LAW ENFORCEMENT: HISTORICAL EXPERIENCE AND CURRENT DISCUSSIONS

***E. V. Koroleva**, associate professor of the Department of State and Legal and Civil and Law Disciplines of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

In today's society, characterized by a significant increase in criminal activity due to various socio-political factors, a deep understanding of the offender's personality becomes particularly important. Analyzing the explicit and implicit motives, as well as predicting the criminal's behavior, is a crucial skill for effective law enforcement and enhancing public safety.

Keywords: physiognomy, face, human behavior, legal psychology, physiognomic analysis

В современном научном дискурсе значительное внимание исследователей в области юриспруденции сосредоточено на юридической психологии, которая изучает психофизиологические и поведенческие характеристики субъектов правовых отношений. Особую актуальность приобретает исследование по физиогномике, как специфической методики психологического анализа, направленной на идентификацию типологических особенностей личности на основании характеристик черт лица. Данный подход позволяет выявить когнитивно-эмоциональные паттерны, включая сильные и слабые стороны мышления, что имеет значимый потенциал для применения в правоприменительной практике и психолого-правовой экспертизе.

Физиогномика представляет собой методологический подход, основанный на систематическом наблюдении и анализе морфологических особенностей лица с целью выявления индивидуально-типических и психологических характеристик личности. Данный подход основывается на детальном наблюдении и объективной оценке формы, пропорций и структурных особенностей лица, что позволяет специалистам совершенствовать процессы идентификации личностных признаков. Физиогномика также является частью невербального общения.

Физиогномический анализ способствует более глубокой интерпретации психологических и поведенческих аспектов личности на основании объективного изучения ее внешних визуальных индикаторов.

Информация, получаемая посредством физиогномического анализа, может использоваться в различных социальных и профессиональных контекстах для оптимизации взаимодействия между ними.

Научное применение физиогномики способствует повышению эффективности деятельности специальных служб, таких как правоохранительные органы и службы безопасности. Анализ лицевых признаков позволяет дополнить традиционные методы идентификации и прогнозирования поведения, что способствует улучшению раскрываемости преступлений и реализации превентивных мер на ранних стадиях возможных противоправных действий.

Сотрудники правоохранительных органов, обладающие специализированными знаниями в области физиогномики, с большей вероятностью, способны осуществить идентификацию индивидов с предполагаемой криминогенной предрасположенностью.

По мнению Горшкова М. М., при наличии знаний физиогномика может стать хорошим помощником для следователя. «Внимательно наблюдая за лицом, дающим показания, следователь может понять его эмоциональное состояние, черты характера и вероятные мотивы поведения» [1, с. 100].

Как известно, лицо человека представляет собой один из наиболее визуально воспринимаемых компонентов, формирующих внешний облик человека.

На биологическом уровне у человека сформировалась врожденная способность обнаруживать и распознавать лица, что обусловлено особенностями функционирования зрительного и когнитивного аппарата.

Эффективность борьбы с преступностью значительно повышается за счет использования информации о внешних характеристиках и индивидуальных особенностях правонарушителей.

Исследователи Жижелева М. Р. и Сиворонова М. С. отмечают, что за годы существования и развития физиогномики (с классической научной эпохи и по настоящее время) выделены признаки, характеризующие человека преступного. Такими признаками являются:

– квадратная форма лица (лидерские качества, черствость, сдержанность);

– рот небольшого размера (неуверенность, слабохарактерность);

– пухлая верхняя губа (строгость, лидерские качества);

– глубоко посаженные глаза (общая закономерность для преступников);

– скошенный лоб (грубость, черствость);

– высокий лоб (властность) – выпяченная нижняя губа (корыстный, злопамятный)» [2, с. 256].

Как отмечает исследователь Паршукова Л. П., «в расследовании преступлений используются различные отображения признаков внешности человека. Выделяются объективные и субъективные отображения. К объективным относятся фотоснимки, киноленты, видеозаписи, рентгеновские снимки, костные останки (преимущественно череп), посмертные маски и слепки. Субъективные – образуются на основе мысленных образов в сознании людей. Это описание примет человека («словесный портрет»), субъективные портреты, пластические и графические реконструкции лица по черепу» [3].

По мнению авторов Веренчикова И. Р. и Середа А. Е., исторические этапы появления и становления распознания лиц в расследовании преступлений включают:

1) период идентификации «свой-чужой»;

2) физиогномику и математизацию признаков лица. Этап физиогномики ознаменовался предложением математизировать характеристики лица, открыв путь для дальнейших исследований в рамках прикладных наук. Впоследствии распознание личности по лицевым характеристикам будет иметь немаловажную роль в криминалистической идентификации. Криминалистическая идентификация возможна потому, что каждый человек обладает ему одному присущей индивидуальной совокупностью признаков внешности, не повторяемой у других – в том числе совокупностью внешних признаков лица человека [4, с. 708];

3) бертильонаж (метод антропометрии);

4) словесный портрет;

5) графический портрет (фоторобот);

6) компьютерные системы идентификации личности по оцифрованным лицевым характеристикам;

7) компьютерные системы автоматической идентификации личности и распознания эмоций по лицевым характеристикам на базе алгоритмов, ИИ, нейронных сетей и 3D-фиксации информации. [4, с. 714].

По мнению Шепецкой Л. В., «снизить количество преступлений и преступников возможно, если заняться этим вопросом сейчас. Начать изучение физиогномики как можно подробней, добавить данную науку как предмет для изучения в вузы, из которых в дальнейшем выходят военнослужащие, работники МВД, ФСБ, таможенных служб. И естественно совместить эту необходимую науку с различного рода цифровой и компьютерной техникой. Только в совокупности хорошо обученных людей, умеющих работать с техникой, усовершенствованными устройствами и программами, а также с познаниями физиогномики, этот сложный алгоритм против преступности будет работать на благо людям» [5, с. 175].

Вопрос о критериях, позволяющих установить потенциальную опасность поведения отдельного индивида для социума всегда был актуальным. Особое значение в этом контексте приобретает анализ индивидуальных характеристик, позволяющих прогнозировать риски отклоняющегося или уголовно наказуемого поведения. Наряду с этим в деятельности правоохранительных структур сохраняет свою значимость использование и антропометрических методов оценки, которые направлены на выявление физических признаков, потенциально коррелирующих с возможной склонностью к противоправным действиям. Такой комплексный подход способствует совершенствованию системы профилактики и предупреждения преступности, а также позволяет формировать более обоснованные механизмы индивидуализации мер воздействия.

Анализ физических и морфологических признаков преступника может дополнить традиционные методы криминологической идентификации и помочь в прогнозировании поведения, что способствует более точному раскрытию преступлений и реализации превентивных мер. Исторически такие подходы основывались на исследовании связи между особенностями внешности и психологическими или поведенческими предрасположенностями, что позволяло выявлять потенциально опасных лиц и снижать риск совершения противоправных действий на ранних этапах. Интеграция данных о внешнем облике преступника в систему борьбы с преступностью выступает важным инструментом повышения безопасности и эффективности правоохранительной деятельности.

Таким образом, физиогномика становится важным инструментом не только для повышения уровня безопасности, но и для более глубокого понимания психофизиологических аспектов личности в социальной среде.

В то же время, как отмечает Юдина А. О., «психодиагностика по внешнему облику имеет определенные преимущества, но также сталкивается с серьезными

проблемами и ограничениями. Современные методики предоставляют новые возможности для анализа, однако проблемы субъективности и предвзятости остаются. Для того чтобы минимизировать риски ошибок и предвзятости, важно использовать этот метод в сочетании с другими диагностическими подходами, учитывать культурные и ситуационные контексты, а также строго следовать этическим нормам. Это позволит повысить точность и надежность диагностики и избежать негативных последствий, связанных с неправильным использованием методов оценки личности по внешнему облику» [6, с. 127].

На основании вышеизложенного материала можно сделать следующий вывод. Конечно, невозможно идентифицировать преступника исключительно на основании физиогномических признаков. Для повышения достоверности индивидуального анализа необходимо интегрировать дополнительные поведенческие показатели, такие как жестикуляция, мимика, а также социокультурные факторы. Комплексный учет этих параметров способствует более объективной оценке и минимизации вероятности ошибочных интерпретаций при исследовании различных специфичных особенностей индивида.

Список источников

1. Горшков М. М. Использование физиогномики и кинесики при допросе в конфликтной ситуации // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности: материалы междунар. науч.-практ. конф.; пред. редкол. М. М. Горшков. Омск, 2022. С. 97–101.
2. Жижелева М. Р., Сиворонова М. С. Особенности физиогномики лиц, совершивших преступления против личности // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепция и технологии решения (Васильевские чтения – 2024): материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2024. С. 255–258.
3. Паршукова Л. П. Физиогномика: учеб. пособие // ВикиЧтение: [сайт]. URL: https://psy.wikireading.ru/hsKjBW2OQD (дата обращения: 23.09.2025).
4. Веренчиков И. Р., Середа А. Е. Исторический аспект распознавания лиц в контексте криминалистики // Право в современном белорусском обществе: сб. Минск, 2023. С. 705–716.
5. Шепецкая Л. В. Современное состояние физиогномики // Молодежь и актуальные проблемы современной науки: материалы Рос. науч.-практ. конф. / гл. ред. О. Б. Бигдай. М., 2018. С. 173–175.
6. Юдина А. О. Психодиагностика личности по внешнему облику: методология и проблемы // История и методология современной практической психологии: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию выхода книги Б. В. Зейгарник «Введение в патопсихологию». М., 2025. С. 119–128.

УДК 342.5

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭТАП И СОВРЕМЕННОСТЬ

***А. В. Кортиков**, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Сибирского юридического института МВД России*

В статье рассматриваются особенности подготовки кадров для органов внутренних дел на различных исторических этапах становления России.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел, органы внутренних дел, милиция, полиция, кадры, отбор, образование.

TRAINING OF STAFF FOR THE INTERNAL AFFAIRS BODIES: HISTORICAL STAGE AND MODERNITY

***A. V. Kortikov**, senior lecturer at the Department of Tactical and Special Training at the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

This article examines the specifics of training personnel for internal affairs agencies at various historical stages of the development of Russia.

Keywords: Ministry of Internal Affairs, internal affairs agencies, militia, police, personnel, selection, education.

Эффективную деятельность государственного аппарата невозможно обеспечить без наличия организационно-правовых условий прохождения службы, в том числе и в органах внутренних дел (далее – ОВД).

ОВД осуществляет ключевую роль в системе охраны правопорядка. Выполнение правоохранительной функции в современном государстве является обязательным элементом, обеспечивающим решения перечня соответствующих задач по защите прав и свобод. В связи с этим в отношении сотрудников ОВД выдвигаются серьезные и особые требования. Это, в свою очередь, предопределяет реализацию специфического подхода в рамках кадровой работы.

Осуществляя исследование особенностей подготовки кадров для ОВД, прежде всего, необходимо обратиться к особенностям его становления. Иными словами – рассмотреть исторические этапы его возникновения и развития. Важно оговориться, что при анализе каждого из таких этапов необходимо принимать во внимание отличие их социальной культуры, исторического контекста, национальных и региональных черт.

Условно можно выделить следующих три этапа.

1. Дореволюционный – до 1917 г.
2. Советский – 1917–1991 гг.
3. Современный – с 1991 г. по настоящее время.

Дореволюционный этап. В древней Руси обязанности по охране и защите общественного порядка возлагались на помещиков, вотчинников, их слуг, наместников и др. Однако среди первых полицейских органов можно выделить княжеские дружины.

Но одними из первых полицейских органов на Руси считались княжеские дружины, которые существовали в период с IX по XIII в. Они представляли собой основу власти князя, реализуя полицейские и военные функции. Кроме того, они могли выступать в качестве советников и судей [5, с. 196].

Подготовка княжеских дружин включала в себя как физический, так и обрядовый элемент, выражающийся в посвящении. Посвящение включало в себя: 1) освящение меча; 2) клятву верности своему сеньору; 3) посвящение в гриди, когда дружинник надевал на себя меч с перевязью и получал соответствующее место в дружинной иерархии [5, с. 197].

Отбор в княжескую дружину носил неформальный характер и, как правило, основывался на личных качествах будущего воина. В княжескую дружину попадали через младшую дружину, демонстрируя храбрость в битвах.

Критериями отбора являлись: военные навыки, подвиги и заслуги, преданность князю.

Таким образом, подготовка и отбор в княжескую дружину хоть и обладала определенной системой, но носила скорее неформальный характер, что было обусловлено неразвитостью или отсутствием правовых основ как таковых.

Системные же формирования ОВД впервые возникают в 30-х гг. XVI в. в процессе создания губных изб. Появление таких органов представляло собой необходимость, поскольку волостители и наместники в связи с их временным пребыванием не могли оказывать эффективное сопротивление возрастающему уровню преступности. В связи с этим местное дворянство обращалось к царю с просьбой передать им полномочия для реализации полицейских функций. Именно в этот период можно говорить о появлении самостоятельных территориальных органов, которые занимались обеспечением общественного порядка [6, с. 17].

При этом губные избы не имели какой-либо системы, направленной на подготовку кадров, т. к. чиновники, которые работали там, проходили службу в контексте общей бюрократической системы. В целом отбор осуществлялся на основе следующих критериев: знании законов, лояльности и грамотности.

Пожалуй, ключевым событием дореволюционного периода было создание Министерства внутренних дел (далее – МВД) в 1802 г. Учреждение МВД было

инициировано Манифестом «Об учреждении министерств» 8 сентября 1802 г., которое подписал Александр I. Целью создания МВД стало формирование отраслевых управленческих органов вместо коллегий. Задачами МВД того времени стало: обеспечение безопасности внутри государства, управление полицией, поддержание правопорядка [6, с. 17].

Отбор и подготовка кадров в МВД XIX в. осуществлялись на основе сословного принципа, образования, опыта службы. Преимуществом пользовались выходцы из купеческих и дворянских сословий. Для определенных должностей необходимо было соответствующее образование. В частности, к таковым относились руководящие должности.

Преимущество отдавалось выходцам из дворянских и купеческих сословий, а также лицам с определенным уровнем образования.

На первых порах служба в МВД проходила, как правило, на уровне обучения на местах. Необходимо отметить, что какие-либо стандарты подготовки отсутствовали, в связи с чем молодые сотрудники получали практические навыки и знания от более опытных работников [2, с. 173].

Первые специализированные школы начинают появляться в 1903 г. Такие школы были направлены на подготовку сотрудников уголовного сыска. Требования к кандидатам были следующие: возраст – 25–40 лет, преимущественно оставные нижние чины, крепкое телосложение, представительный внешний вид.

Таким образом, система отбора и подготовки кадров в ОВД на дореволюционном этапе представляла собой скорее зачаточный вид, поскольку лишь в начале XX столетия начало происходить зарождение ее системы. Для того, чтобы власти пришли к ее становлению, понадобилось более 6 столетий.

После революции 1917 г. новой власти необходима была высокоэффективная система подготовки кадров, в том числе и в ОВД. Ключевой целью в данный период стало создание лояльного аппарата, который бы смог обеспечить защиту и охрану новой власти. В связи с этим 28 октября 1917 г. был принят декрет Совета народных комиссаров (далее – СНК) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – РСФСР) «О рабочей милиции». Основной акцент делался на формировании ОВД из представителей рабочего класса, не имеющих, как правило, соответствующего образования, однако являющихся сторонниками революционных взглядов. Подготовка заключалась в краткосрочных курсах, в рамках которых милиционеры получали базовые знания о законодательстве молодого государства [3, с. 150].

Следующее десятилетие ознаменовалось процессом централизации и повышением уровня профессионализма сотрудников ОВД. Была сформирована разветвленная сеть учебных заведений, куда входили школы милиции и юридические институты. Нормативно-правовым обеспечением стало Постановление Центрального исполнительного комитета (далее – ЦИК) и СНК Союза

Советских Социалистических Республик (далее – СССР) от 25 июня 1931 г. «О реорганизации органов милиции». Ключевым элементом обучения стала идеологическая подоплека.

В послевоенное время и до самого конца СССР осуществлялось расширение сети учебных заведений, создание новых кафедр и факультетов. Впервые появляются программы, целью которых стало повышение квалификации сотрудников. В 1971 г. издается приказ МВД СССР № 0150 «Об утверждении Положения о порядке отбора, приема и направления на учебу в учебные заведения МВД СССР», согласно которому также впервые были определены критерии отбора кандидатов для обучения в учебных заведениях [3, с. 150].

В целом советский период характеризуется формированием конкретных критериев отбора в ОВД, которые стали основанием для дальнейшего развития всей системы после распада Союза.

В современной России, начиная с 1991 г., возникла потребность в расширении штатов ОВД, что предполагало формирование нового подхода к отбору, с учетом исторического опыта. В результате в 1996 г. началась практика набора курсантов и слушателей в учебные учреждения, в условиях которой после 2 лет обучения выпускники переводились на заочную форму обучения и последующие 3 года доучивались до высшего образования. После окончания таких учреждений они поступали на службу с первым офицерским званием. Параллельно предпринимались попытки создания курсов с ускоренным выпуском, срок обучения на которых составлял 1 год.

Переломным моментом в развитии системы подготовки кадров для ОВД на современном этапе стало принятие Закона РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026–1 «О милиции», на замену которому в дальнейшем будет принят Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ [1]. Подготовке кадрам в законе о милиции была отведена ст. 21, согласно которой для принятия на службу в милицию лицо должно пройти специальное обучение в образовательных учреждениях (высших и средне-специальных).

На сегодняшний день подготовка кадров для ОВД регламентирована федеральным законом «О службе в органах внутренних дел» (далее – Федеральный закон № 342-ФЗ). В соответствии с приказом МВД России № 275 регламентирован порядок организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел РФ.

Цель подготовки кадров в ОВД – обеспечение высокого качества кадрового состава для защиты прав граждан и противодействия преступности.

Задачи: систематическое обучение, создание условий для профессионального и должностного роста сотрудников, развитие ключевых физических качеств, воспитание психоэмоциональной устойчивости [4, с. 176].

Система подготовки кадров в ОВД включает несколько основных направлений.

1. Образовательная подготовка.

2. Профессиональная служебная подготовка. Комплекс мероприятий, направленных на освоение профессиональных знаний и навыков, а также на поддержание высокого уровня готовности к выполнению служебных задач.

3. Физическая подготовка. Специализированные занятия, направленные на развитие физических качеств, силы, выносливости, а также на освоение навыков самозащиты и применения силы.

4. Аттестация сотрудников. Процедура оценки результатов служебной деятельности сотрудников, позволяющая принимать решения о дальнейшем карьерном росте и развитии.

5. Создание кадрового резерва.

Подводя итог, необходимо отметить, что проведение исторического анализа становления и развития системы профессиональной подготовки сотрудников ОВД вызвана тем, что и сегодня существует проблема качественной подготовки высококвалифицированных специалистов. Каждый из проанализированных этапов имел свои характерные особенности, которые принимались во внимание в процессе дальнейшего развития этой системы.

Список источников

1. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Борисов А. В. Роль полиции в становлении Российской империи // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 173–178.
3. Мулукаев Р. С. Советская милиция и исправительно-трудовые учреждения. М.,1965. 250 с.
4. Ордоков М. Х. Пути совершенствования процесса повышения квалификации сотрудников полиции в образовательных организациях МВД России // Журнал прикладных исследований. 2023. № 11. С. 176–178.
5. Самойлюк Р. Н. Историко-педагогический анализ становления и развития системы профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 4. С. 195–196.
6. Соборнов П. Е. Российская дореволюционная полиция в трудах советских историков права // Научный портал МВД России. 2023. № 3 (63). С. 7–14.

УДК 343.8

ПРОФИЛАКТИКА РЕЦИДИВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ (ОПЫТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ)

***Е. О Коршикова**, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации*

В статье анализируется законодательство Соединенных Штатов Америки, направленное на предупреждение совершения преступлений сексуальной направленности в отношении несовершеннолетних. Рассматривается вопрос о целесообразности имплементации в российское законодательство мер профилактики рецидивов таких преступлений.

Ключевые слова: преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних; регистрация лиц, совершивших преступления на сексуальной почве, и уведомление общественности; химическая кастрация; уголовные законы Соединенных Штатов Америки.

APPLICATION OF SECURITY MEASURES TO INDIVIDUALS SUFFERING FROM SEXUAL PREFERENCE DISORDER (PEDOPHILIA): A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS (EXPERIENCE OF THE USA)

***E. O. Korshikova**, senior lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of the Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*

The article analyzes the legislation of the USA aimed at preventing the commission of sexual crimes against minors. The issue of the expediency of implementing measures to prevent the recurrence of such crimes in Russian legislation is being considered.

Keywords: crimes against the sexual integrity of minors; registration of persons who have committed sexually motivated crimes and notification to the public; chemical castration; criminal laws of the USA.

Проблема профилактики преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности в отношении несовершеннолетних, учитывая высокую степень их общественной опасности, остро стоит во всем мире. Не являются исключением и Соединенные Штаты Америки (далее – США).

Как известно, США не имеют единого уголовного законодательства: оно состоит из федерального законодательства, законодательства 50 штатов, округа Колумбия, территорий, не входящих в состав штатов.

Первая попытка контролировать поведение преступников, совершивших преступления сексуальной направленности, в США была предпринята в 1930-х гг., когда несколько штатов отреагировали на громкие преступления сексуального характера, особенно в отношении детей, принятием законов о сексуальных психопатах. Эти законы предусматривали госпитализацию лиц, совершивших преступления данного вида, в государственные психиатрические больницы на неопределённый срок, если им был поставлен диагноз «сексуальные психопаты», чаще всего определяемые как лица с непреодолимыми сексуальными импульсами [11, с. 84].

В настоящее время помимо принудительной госпитализации в отношении преступников в США активно применяются их обязательная регистрация и уведомление общественности о них, а также химическая кастрация.

Первым штатом, принявшим закон о регистрации лиц, совершивших преступления на сексуальной почве, стала Калифорния. Этот закон, принятый в 1947 г., предусмотрел пожизненную регистрацию лиц, совершивших преступления сексуального характера и представлявших серьезную общественную опасность [16, с. 96].

Одним из наиболее значимых законов США федерального уровня, направленных на предупреждение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, является Закон Адама Уолша о защите и безопасности детей 2006 г. [10], принятый в целях упорядочения существующей процедуры отслеживания лиц, совершивших преступления на сексуальной почве, и информирования общественности о таких лицах. Законом предусмотрена классификация таких лиц на три категории, требование об их регистрации не только по месту жительства, но и по месту работы или учебы, и подтверждение ими своего места пребывания с определенной периодичностью в зависимости от категории преступника, а также ответственность за уклонение от этой обязанности [3, с. 100–102].

Как указано в преамбуле к разделу Закона Адама Уолша о регистрации лиц, совершивших преступления на сексуальной почве, и уведомлении общественности, 27 июля 1981 г. в Голливуде, штат Флорида, в торговом центре был похищен 6-летний Адам Уолш. Две недели спустя некоторые останки Адама были обнаружены в канале более чем в 100 милях от его дома. Родители после убийства сына посвятили себя защите детей от нападений и убийств. Конгресс

и американский народ воздают должное Джону и Рив Уолшам за их преданность делу благополучия и безопасности американских детей.

В отличие от законов о регистрации, которые требуют от преступников, совершивших преступления сексуального характера, предоставлять личную информацию правоохранительным органам, законы об уведомлении разрешают или требуют, чтобы эта информация была распространена среди общественности в целях предоставления гражданам возможности принятия активных мер к защите от преступных посягательств со стороны таких лиц. Первый на уровне штатов закон об уведомлении принят штатом Вашингтон в 1990 г. и предусмотрел регистрацию адресов лиц, совершивших преступления на сексуальной почве, в местной полиции и уведомление об этом жителей, когда в их районе появился преступник [17, с. 129].

В 1990-х гг. законы о регистрации стали восприниматься как недостаточные для защиты членов общества. Связано это с историями двух девочек, ставших жертвами насильственных преступлений против половой неприкосновенности, получившими широкий общественный резонанс. В 1993 г. средства массовой информации (далее – СМИ) широко распространили историю Полли Клаас, 12-летней девочки, похищенной из своей спальни в Калифорнии, подвергнутой сексуальному насилию и впоследствии убитой. Всего год спустя СМИ сообщили, что 7-летняя Меган Канка пропала из своего дома в Нью-Джерси. Позже она была найдена подвернутой сексуальному насилию и убитой. И Полли Клаас, и Меган Канка были убиты ранее судимыми зарегистрированными преступниками, совершившими преступления сексуального характера, которые были освобождены из тюрьмы. Через три месяца после убийства Меган Канка законодательное собрание штата Нью-Джерси приняло закон Меган, который предусмотрел создание системы оповещения населения о появлении осужденного преступника в том или ином районе [18].

Примечательно, что наименования уголовных и уголовно-процессуальных законов США содержат упоминание имен жертв преступлений. «Образы жертв подаются как персонализированные, персонифицированные примеры, оправдывающие введение новых, более жестких мер контроля. Посредством этого государство утверждает, что жертвой мог бы быть каждый из нас» [8, с. 131].

В настоящее время процедуры регистрации и оповещения общественности о преступниках, совершивших преступления против половой неприкосновенности, применяются во всех штатах США. Такие меры пользуются широкой поддержкой со стороны американской общественности и сотрудников правоохранительных органов, однако их эффективность и целесообразность в зарубежной науке получают неоднозначную оценку.

Так, согласно исследованию, проведенному в Университете Слоан-Холл (штат Мичиган), динамика насильственных преступлений сексуального

характера, совершенных в период с 1960 гг. по 2008 г., показала значительное снижение числа таких преступлений после принятия законов о регистрации и уведомлении в 17 штатах, а в 32 штатах существенных изменений не произошло [17, с. 128].

Авторы более поздних исследований, опираясь на результаты интервьюирования сотрудников правоохранительных органов, представителей общественности, лиц, оказывающих официальную социальную поддержку зарегистрированным преступникам, самих осужденных, а также на данные предыдущих исследований, пришли к выводу о неэффективности регистрации и уведомления, поскольку такие меры не способны предотвратить совершение преступления лицом, которое его задумало, а напротив, повышают риск рецидивной преступности, не давая лицу возможности в полной мере социализироваться, вводят в заблуждение общественность относительно истинного положения вещей, поскольку реестры преступников, совершивших преступления сексуального характера, содержат неполные и недостоверные сведения [14].

Другой мерой профилактики рецидивов преступлений против половой неприкосновенности, является химическая кастрация, которая применяется в ряде штатов США, например, Джорджия, Айова, Луизиана, Монтана, Орегон, Техас. В некоторых из них помимо химической кастрации применяется хирургическая кастрация на добровольной основе (Калифорния, Флорида, Айова) [3, с. 153–155].

Первый закон о химической кастрации был принят в 1996 г. в штате Калифорния [3, с. 148]. Закон предусматривает добровольное прохождение курса лечения медроксипрогестерона ацетатом или его химическим эквивалентом после условно-досрочного освобождения при совершении преступления, жертва которого не достигла 13 лет, и принудительное прохождение такого лечения в случае совершения повторного преступления в отношении таких потерпевших [12].

В штате Луизиана в 2024 г. принят закон, согласно которому осужденный за преступление данного вида против несовершеннолетних, которому судом назначена принудительная кастрация, может выбрать между химической и хирургической кастрацией. Первый прецедент хирургической кастрации уже опубликован в СМИ. 54-летний мужчина, осужденный за изнасилование несовершеннолетней, забеременевшей в результате совершения преступления, к 50 годам лишения свободы с применением кастрации, сделал выбор в пользу хирургической кастрации [6].

Самой древней формой кастрации является физическая, или физическое удаление яичек; она хорошо известна на протяжении многих веков. Желаемый эффект кастрации заключается в снижении выработки тестостерона, основного компонента, стимулирующего половое влечение, что теоретически снижает потребность в сексуальной активности. Исторически физическая кастрация применялась по целому ряду причин: для безопасного обслуживания гарема, в евгенических целях, в качестве наказания. О первом применении кастрации

в психиатрических целях, а именно для лечения слабоумного от гиперсексуальности, сообщил Форелл в швейцарской психиатрической больнице. Сегодня современная медицина применяет эту процедуру почти исключительно для лечения запущенных случаев рака предстательной железы, поскольку было доказано, что удаление яичек замедляет процесс заболевания [13, с. 2–3].

На наш взгляд, применение хирургической кастрации является абсолютно неприемлемым, поскольку представляет собой по сути телесное наказание, вызывает необратимые процессы в организме человека, препятствует социальной реабилитации и адаптации осужденного после отбытия наказания. Более того, хирургическая кастрация не исключает возможности совершения лицом новых преступлений сексуальной направленности на почве озлобленности в результате жестокого обращения с ним, то есть не только не способствует профилактике совершения повторных преступлений против половой неприкосновенности, а напротив, может спровоцировать рецидив.

В отличие от хирургической, химическая кастрация применяется во многих штатах США и в других странах. Вопросы эффективности ее применения, этические стороны такой меры широко обсуждаются во всем мире. В литературе высказываются многочисленные аргументы за и против применения химической кастрации. Приведем некоторые из них.

Аргументы за:

1) эффективность этой процедуры: по различным данным, уровень рецидивизма при применении данного лечения колеблется от 1 до 10 % [7, с. 365];

2) химическая кастрация из всех предложенных мер в отношении лиц, совершивших сексуальное насилие над детьми, является самой гуманной, поскольку не влечет за собой необратимых последствий, в отличие от хирургических методов. И если же через определенное время будет установлена судебная ошибка при вынесении приговора, то она дает возможность исправить ситуацию, так как после прекращения инъекций функции человеческого организма восстанавливаются [2, с. 61].

Аргументы против:

1) эректильная функция педофила подавляется лишь на время приема медикаментов, но по окончании курса восстанавливается полностью;

2) медики утверждают, что химическая кастрация оказывает тяжкие последствия на здоровье человека – при отсутствии тестостерона происходит сгущение крови. Таким образом, развивается гиперкаугуляция, появляется риск инфаркта, инсульта, а также размягчаются костные ткани [5, с. 134]. Это нарушает принцип гуманизма. Основная цель принудительных мер медицинского характера состоит в излечении лиц или улучшении их психического состояния. Такие меры не могут носить карательный характер, а ухудшение состояния здоровья есть не что иное, как кара [4, с. 61].

В нашей стране единственным расстройством сексуальной сферы, в связи с которым предусмотрено применение принудительных мер медицинского характера, является педофилия (п. «д» ч. 1 ст. 97 Уголовного кодекса РФ) [1]. Химическая кастрация, как и другие методы лечения от педофилии, в действующем законодательстве не упоминается. Согласно результатам проведенного нами интервьюирования психиатров и сексологов, в России применяется когнитивно-поведенческая терапия, которая может быть достаточно эффективна. Для воздействия на характер лечения могут применяться антидепрессанты, а применение антиандрогенов может быть оправдано в особо тяжелых случаях (например, совершение серийных преступлений лицами, страдающими сексуальным садизмом) и только по решению врачебной комиссии, поскольку в инструкциях к ним парафилии среди показаний к применению отсутствуют.

Подводя итоги, отметим, что имплементация норм американского законодательства о регистрации преступников, совершивших преступления против половой неприкосновенности, и уведомлении о них общественности в российское законодательство не является целесообразным, учитывая, что многолетний опыт США по применению таких мер к однозначно положительным результатам не привел. Кроме того, даже теоретически такие меры не способны в принципе оказать влияние на целый пласт преступлений указанного вида в отношении несовершеннолетних. Во-первых, огромное число таких преступлений совершается лицами, известными потерпевшим, в том числе родственниками. Во-вторых, не следует забывать о высокой степени латентности таких преступлений. И в-третьих, такие меры не способны защитить детей от сексуальных посягательств, совершаемых дистанционно, с применением информационно-телекоммуникационных технологий, что в настоящее время далеко не редкость.

Гораздо целесообразнее, на наш взгляд, обратить внимание на необходимость повышения качества диагностирования расстройств сексуального предпочтения и их лечения, повышения уровня информированности потенциальных преступников (лиц, страдающих педофилией, но воздерживающихся до поры до времени от совершения преступлений) о возможности прохождения ими конфиденциального и бесплатного лечения.

Кроме того, представляется важным обратить внимание на уровень информированности населения о характере и способах совершения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних с помощью сети Интернет (в том числе посредством социальных сетей) в целях обеспечения возможности участия родителей и педагогов в профилактике виктимного поведения детей в сети Интернет. Вместе с тем эти вопросы требуют проведения отдельного исследования, в том числе с привлечением и с учетом мнения психиатров и сексологов, а также детских психологов.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 17.11.2025 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.
2. Абишева А. К. Теоретические и практические аспекты применения химической кастрации к лицам, совершившим преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних в Республике Казахстан // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2021. № 1. С. 59–63.
3. Авдалян А. Я. Предупреждение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: уголовно-правовой и криминологический аспекты (компаративистское исследование): дис. … канд. юрид. наук. Елец, 2015. 211 с.
4. Антонова Е. Ю. Педофилия как основание применения химической кастрации: аргументы pro et contra // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 2(35). С. 54–63.
5. Мингес И. А. Химическая кастрация педофилов: за и против // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 133–135.
6. Мужчину приговорили к принудительной кастрации за изнасилование 14-летней девочки // Газета.Ru. URL: https://www.gazeta.ru /social/news/2024/04/26/22880401.shtml.
7. Смирнов А. М. Половая преступность несовершеннолетних: моногр. М., 2015. 416 с.
8. Сморгунова А. Л. Трансформация уголовной политики в США и Великобритании (конец XX–XXI вв.) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 56. С. 127–136.
9. Adam Walsh Child Protection and Safety Act of 2006. URL: https://tribalstate.nmcourts.gov/wp-ontent/uploads/sites/56/2023/11/Adam-Walsh-Act-of-2006-SORNA-provisions.pdf.
10. Bray T. M., Sample L. L. Are sex offenders different? An examination of rearrest patterns // Criminal Justice Policy Review. № 17. P. 83–102.
11. California Penal Code. URL: https://law.justia.com/codes/ califor-nia/ code-pen.
12. Cole C. M., Meyer W. J. Physical and Chemical Castration of Sex Offenders: A Review // Journal of Offender Rehabilitation. 1997. № 25 (34). P. 1–18.
13. Connor D. P. Impressions of ineffectiveness: exploring support partners' attitudes toward sex offender registration and notification // Psychology, Crime & Law Volume. 2020. № 26. Is. 2. P. 128–147.
14. Connor D. P., Mustaine E. E., Payne B. K., Tewksbury R. Criminal Justice Officials' Views of Sex Offenders, Sex Offender Registration, Community Notification, and Residency estrictions // Justice System Journal. 2015. Vol. 36 (1). P. 63–85.
15. Freeman-Longo R. E. Feel good legislation: Prevention or calamity // Child Abuse & Neglect. 1996. № 20. P. 95–101.
16. Maurelli K., Ronan G. A time-series analysis of the effectiveness of sex offender notification laws in the USA // The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology. 2013. Vol. 24. № 1. P. 128–143.
17. Sample L. L. Are Sex Offenders Different? An Examination of Rearrest Patterns Criminal Justice // Policy Review. 2006. Vol. 17. № 1. P. 83–102.

УДК 351.741

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ПОДГОТОВКУ КАДРОВ ДЛЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, НА ПРИМЕРЕ СТАТЬИ 81 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 29 ДЕКАБРЯ 2012 ГОДА № 273-ФЗ «ОБ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

***Т. Е. Кукина**, заведующая кабинетом кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент*

Статья посвящена исследованию норм правового регулирования образовательного процесса подготовки специалистов органов безопасности на примере сравнительного анализа норм двух актов образовательного права. В статье также приводится краткий экскурс в историю ведомственного нормотворчества кадровой службы Министерства внутренних дел.

Ключевые слова: подготовка кадров, нормативный акт, образовательная организация, образовательные программы.

THE HISTORICAL EXPERIENCE OF LEGISLATIVE RULEMAKING REGULATING THE TRAINING OF PERSONNEL FOR LAW ENFORCEMENT AGENCIES, USING THE EXAMPLE OF ARTICLE81 OF THE FEDERAL LAW "ON EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION" DATED DECEMBER29, 2012 NO. 273-FZ

***T. E. Kukina**, head of the Office of the Department of Civil Law Disciplines Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

The article is devoted to the study of the norms of legal regulation of the educational process of training security personnel on the example of a comparative analysis of the norms of two acts of educational law. The article also provides a brief overview of the history of departmental rulemaking of the personnel service of the Ministry of Internal Affairs.

Keywords: personnel training, regulatory act, educational organization, educational programs.

Важным этапом стало принятие ведомственного нормативного акта от 11 марта 1935 г. № 55597 «О перестройке кадровой и оперативной работы» [3, с. 28]. Довоенный период отличался закрытым характером правовых актов и ограниченным кругом лиц, имеющих к ним доступ. В дальнейшем частичная открытость нормативных документов, касающихся формирования кадрового потенциала органов безопасности, активное издание учебной литературы для ведомственных учебных заведений, введение новых дисциплин и формирование штата профессиональных преподавателей способствовали позитивным изменениям в системе подготовки специалистов для национальной безопасности [2, с. 264].

Закон Российской Федерации «Об образовании» от 10 июля 1992 г. № 3266–1, несмотря на отсутствие прямых норм, регулирующих образовательную деятельность в органах безопасности, сохранил особенности внутриведомственной подготовки специалистов. Лишь некоторые его статьи (12, 16, 33.1, 35) косвенно касались этой специфической области.

Современное законодательство и специфика подготовки сотрудников органов безопасности. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон) более четко структурировал нормативный материал, выделив норму, посвященную образовательной деятельности по подготовке сотрудников органов безопасности. Статья 81 Закона устанавливает ряд ключевых особенностей образовательного процесса в организациях, занимающихся подготовкой сотрудников службы безопасности. К ним относятся следующие признаки.

Особый состав образовательных организаций. Эти организации реализуют основные и дополнительные профессиональные образовательные программы, а также программы базовой переподготовки. Они входят в систему таких ведомств, как Генеральная прокуратура Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации, Служба внешней разведки Российской Федерации, федеральный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности, федеральный орган, уполномоченный решать задачи в области гражданской обороны, федеральное правительство, отвечающее за материально-техническое обеспечение и финансирование деятельности высших органов государственной власти Российской Федерации, а также федеральные органы исполнительной власти.

Основные направления деятельности:

– оборона: формирование и реализация государственной политики, а также разработка нормативных актов в сфере обороны;

– внутренние дела: реализация государственной политики и нормативное регулирование в области внутренних дел;

– правосудие и безопасность: контроль за исполнением уголовных наказаний, содержанием подозреваемых и обвиняемых под стражей, их защитой и конвоированием, надзор за поведением условно осужденных, выполнение правоохранительных функций;

– государственная охрана: разработка политики, нормативное регулирование, контроль и надзор в сфере государственной охраны;

– национальная гвардия и оборот оружия: реализация политики и правовое регулирование деятельности войск Национальной гвардии, оборота оружия и частной охранной деятельности;

– мобилизация: разработка и реализация государственной политики и правового регулирования в области мобилизации.

2. Требования к образовательным программам.

Квалификационные требования устанавливаются государственными органами для профессиональных образовательных программ, реализуемых в интересах обороны, безопасности и правопорядка. Эти требования базируются на законодательстве и включают подготовку выпускников к военной службе и профессиональному воспитанию.

Нормативное регулирование: организация образовательной деятельности по программам среднего общего образования, специалитета и магистратуры, направленным на оборону, безопасность и правопорядок, регламентируется соответствующими компетентными органами. Примером является приказ МВД России «Об утверждении порядка организации и проведения мероприятий по образовательным программам, обеспечивающим законность и правопорядок в образовательных организациях МВД России».

3. Использование примерных программ.

Примерные программы профессиональной подготовки и дополнительного профессионального образования в области обороны, безопасности и правопорядка разрабатываются и утверждаются федеральными органами государственной власти, в чьих интересах осуществляется подготовка.

4. Обучение с использованием государственной тайны.

Профессиональные образовательные программы и профессиональное обучение, включающие предоставление сведений, составляющих государственную тайну, или использование секретного оружия, военной и специальной техники, допускаются при соблюдении установленных условий.

5. Управление образовательными организациями федерального подчинения.

Деятельность федеральных образовательных организаций регулируется законами Российской Федерации, общевоинскими уставами Вооруженных сил РФ, а также нормативными актами того федерального органа, в чьем ведении находится данное учреждение.

6. Категории обучающихся в специализированных образовательных организациях. В государственных учреждениях, подконтрольных федеральным органам государственной безопасности, к обучающимся относятся: адъюнкты, аспиранты, стажеры, студенты-слушатели – это категории лиц, проходящих обучение. Слушатели: к ним относятся должностные лица среднего, старшего и начальствующего состава, обучающиеся в федеральных государственных образовательных организациях, подведомственных федеральным органам исполнительной власти. Приравненные к слушателям: по решению федерального государственного органа, к слушателям могут быть отнесены лица без офицерских званий, а также рядовой и младший начальствующий состав. Курсанты: эту категорию могут составлять служащие из числа рядового и младшего начальствующего состава.

7. Полномочия федеральных органов государственной безопасности в сфере образования. Федеральные органы государственной безопасности наделены следующими полномочиями:

– прием в образовательные организации: они устанавливают правила и условия приема в федеральные образовательные организации, а также определяют перечень дополнительных вступительных испытаний в соответствии с законодательством РФ;

– исключение организаций из системы: определяют порядок вывода одной федеральной государственной организации, осуществляющей образовательную деятельность и находящейся в их ведении, из общего перечня таких организаций;

– информационная открытость: регламентируют, какая информация о деятельности федеральных государственных образовательных организаций, находящихся в их ведении, должна быть доступна в открытых сетях, и как эта информация должна размещаться;

– специфика образовательной деятельности: устанавливают особенности организации и проведения обучения по программам среднего профессионального образования, специалитета, магистратуры, дополнительным и базовым программам. Также определяют специфику научной (исследовательской) работы, направленной на обеспечение обороны, безопасности государства и правопорядка, и деятельность соответствующих государственных образовательных организаций;

– развитие образовательных учреждений: определяют порядок разработки программ развития федеральных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования.

Современное правовое регулирование подготовки персонала в органах безопасности. На текущем этапе процесс обучения персонала в органах безопасности характеризуется интеграцией правовых норм в систему образовательного права. Отмечается наличие специфических «бланкетных» правовых норм (норм, отсылающих к другим актам) и структурирование законодательства по предметным и предметно-ориентированным признакам.

Список источников

1. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ: ред. от 1 сентября 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Биленко С. В. Советская милиция в защите социалистического Отечества (1941–1945): дис … д-ра юрид. наук. М.: Моск. гос. ун-т, 1983. 234 с.
3. Волков В. С. Проблемы комплектования органов милиции Пермской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1(12). С. 263–266.
4. Ковганов С. Я. Формирование системы подготовки кадров в процессе реформирования отечественных органов безопасности в 30-х гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 27–30.

УДК 347.62

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА БРАКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕГИСТРАЦИЯ, ВЕНЧАНИЕ, ФАКТИЧЕСКИЕ БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

***Л. И. Кулицкая**, доцент кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Предметом исследования является институт брака, раскрывается три основных концепции института брака: договорная теория брака, теория брака как таинства (религиозно нравственный подход) и теория брака как института особого рода. Автор приходит к выводу о том, что брак необходимо рассматривать как институт особого рода, который содержит и элементы договорного соглашения, и элементы государственного принуждения, и элементы религиозно-нравственных христианских ценностей.

Ключевые слова: брак, регистрация, венчание, фактические брачные отношения.

THE LEGAL NATURE OF THE INSTITUTION OF MARRIAGE IN THE RUSSIAN FEDERATION: REGISTRATION, WEDDING, ACTUAL MARITAL RELATIONS

***L. I. Kulitskaya**, associate professor of the Department of the Department of State and Legal and Civil and Law Disciplines of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The subject of the research is the institution of marriage, three main concepts of the institution of marriage are revealed: the contractual theory of marriage, the theory of marriage as a sacrament (a religious and moral approach) and the theory of marriage as an institution of a special kind. The author comes to the conclusion that marriage should be considered as a special kind of institution that contains elements of a contractual agreement, elements of state coercion, and elements of religious and moral Christian values.

Keywords: marriage, registration, wedding, actual marital relations.

Брак как социально правовой институт представляет собой один из фундаментальных элементов организации общества. Понятие «брак» можно рассматривать с юридической, социологической и философской точки зрения. Если говорить о юридической точке зрения, то правовая природа брака по сей день остаётся предметом научных дискуссий, поскольку брак сочетает в себе как частноправовые, так и публично-правовые элементы, а различные теоретические подходы ученых относительно правовой природы брака до сих пор привлекают внимание специалистов.

В российском законодательстве легальное определение брака отсутствует. Тем не менее, положения Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [2] позволяют определить брак как добровольный равноправный союз мужчины и женщины, имеющий целью создание семьи и заключённый в установленном законом порядке в органах записи актов гражданского состояния, и исходя из этого, выделить ключевые признаки брака, такие как: добровольность, основа брачного союза (ст. 12 СК РФ), равноправие супругов, как базовый принцип семейных отношений (ст. 31 СК РФ), союз мужчины и женщины, поскольку однополые браки в РФ официально не разрешены (ст. 1 СК РФ). Цель брака – создание семьи, что отличает его от иных форм совместного проживания, в том числе сожительства и государственная регистрация брака, как юридический факт, порождающий права и обязанности лиц, его заключивших (ст. 10 СК РФ).

В юридической науке сложились три основных концепции правовой природы брака: договорная теория брака, теория брака как таинства (религиозно-нравственный подход) и теория брака как института особого рода (комплексный подход).

Договорная теория брака (либеральный подход) подразумевает, что брак рассматривается как добровольное соглашение (контракт) между равноправными субъектами. Согласно договорной теории, брак представляет собой нечто похожее на гражданско-правовой договор, поскольку при его заключении присутствует свобода договора, а брак, заключенный под принуждением, является недействительным. Одной из сторонниц договорной природы брака, является М. В. Антокольская. Она высказывает мнение о том, что «соглашение о заключении брака по своей правовой природе не отличается от гражданского договора в той части, в какой оно регулируется правом и порождает правые последствия» [4, с. 135]. Наличие принципов свободы договора (свободы вступления в брак и свободы его расторжения), свободы заключения брачного договора (ст. 40–44 СК РФ) и диспозитивности в регулировании имущественных отношений, добровольности, позволяет говорить о частноправовой природе брака. В то же время нельзя игнорировать тот факт, что добровольное заключение брака в обязательном порядке подлежит регистрации в органах записи актов гражданского состояния [4, с. 135], что в свою очередь, указывает

на публично-правовой характер данного правоотношения. Таким образом, учитывая интересы государства и общества, правовое регулирование института брака является комплексным, так как содержит сочетание частноправовых и публично-правовых интересов, что ставит под сомнение договорную теорию брака, как добровольного соглашения между равноправными субъектами.

Теория брака как таинства (религиозно нравственный подход) была выработана под воздействием христианских догм. В основу этой теории кладутся духовные ценности христианской семьи, делается акцент на морально-этическую составляющую. Зарождение этой теории связано с тем, что семейные правоотношения имеют дуалистическую природу: с одной стороны, они регулируются государством посредством наличия норм семейного права, а с другой стороны, они настолько личные и закрытые, что государство не может вторгаться в сферу душевных переживаний и интимных отношений супругов, и положенные в основу семьи духовные ценности как нельзя лучше оказывают влияние на данную сферу семейной жизни. Религиозный брак у христиан предполагает венчание в церкви и влияет на общественное восприятие, однако он имеет значение только при наличии государственной регистрации (п. 2 ст. 1 СК РФ). Само по себе венчание в церкви не является юридическим фактом, влекущим возникновение, изменение или прекращение брачных (семейных) правоотношений, но порождает фактические отношения, которые приводят к возникновению общей собственности, иногда к имущественным спорам, к правам и обязанностям по поводу воспитания и содержания детей и другим правовым последствиям.

Религиозный брак – это союз, заключённый по канонам определённой религии, без регистрации в органах ЗАГСа. «Брак в христианстве – в православии – это таинство, соединяющее мужа и жену по образу таинственного союза Иисуса Христа с Церковью для полного неделимого общения жизни и низводящее на них дары Божией благодати, в католицизме брачный союз, являющийся таинством, посредством которого мужчина и женщина устанавливают между собой общность всей жизни, по самой природе своей направленный ко благу супругов и к порождению и воспитанию потомства. Брак признаётся таинством и в древних восточных церквях. В протестантизме имеет место церковное благословение брака, совершаемое как обряд «бракосочетания», однако такое благословение самими протестантами таинством не признаётся [6].

Итак, церковный брак может повлечь фактическое сожительство, которое не создаёт никаких юридических последствий для сожителей, кроме гражданско-правовых, а именно имущественных, то есть церковный брак без его регистрации в органах ЗАГСа приравнивается к понятию «гражданский брак». Термин «гражданский брак» неоднозначно толкуется правоприменителями. М. З. Абесалашвили утверждает, что «в юридической научной среде некорректно признается тождество понятий «сожительство» и «гражданский

брак», а именно в текстах понятие «гражданский брак» трактуется в контексте фактических брачных отношений. И далее, ученый считает, что это в корне сомнительно, так как данные понятия различны в правовом поле: первое означает зарегистрированный брак, а второе – сожительство [3, с. 103]. Не вдаваясь в длительную дискуссию относительно тождества указанных понятий, отметим, что гражданский брак, это все-таки брак, не зарегистрированный в органах ЗАГСа, брак, предполагающий сожительство, и в некоторых случаях влекущий возникновение гражданских правоотношений и, как следствие, имущественных споров. Гражданский брак можно по правовой природе сравнить с браком «гостевым», когда мужчина и женщина фактически имеют личные отношения, но живут без регистрации и в разных квартирах.

Теория брака, как института особого рода предполагает комплексный подход к его пониманию.

Впервые о таком понимании брака написал И. А. Загоровский. Брак «в происхождении своем заключает элементы договорного соглашения, но в содержании своем и в прекращении далек от природы договора, как содержание брака, так и его расторжение не зависят от произвола супругов. Поэтому брачный институт следует причислить не к области договорного права, а к разряду институтов особого рода (sui generis)» [5, с. 108]. Как отмечалось выше, брак, как самостоятельный институт имеет комплексный характер, сочетающий в себе элементы частноправового и публично-правового регулирования, если говорить о браке, как о договоре, то действие договора прекращается, как правило, его исполнением либо другими, предусмотренными законом основаниями. Брак – это пожизненный союз мужчины и женщины, и при заключении брака стороны предполагают прожить вместе всю жизнь. Кроме того, государственная регистрация брака порождает целый комплекс правоотношений: личные неимущественные (выбор фамилии, место жительства, воспитание детей); имущественные (законный и договорной режимы собственности); алиментные обязательства (ст. 89–92 СК РФ); наследственные права (супруг – наследник первой очереди по закону). Следовательно, брак необходимо рассматривать как институт особого рода, который содержит и элементы договорного соглашения, и элементы государственного принуждения, и элементы религиозно-нравственных христианских ценностей.

В заключение необходимо отметить, что правовая природа брака носит комплексный характер и включает в себя частноправовые начала (свобода договора, автономия воли), публично-правовые элементы (государственный контроль, защита общественных интересов) и социально-нравственные аспекты (духовное, нравственное укрепление семьи как института).

Список источников

1. Об актах гражданского состояния: федер. закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ: ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ: ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Абесалашвили М. З., Тутарищева С. М. Проблемы правового толкования понятий «гражданский брак» и «фактические брачные отношения» // Теория и практика общественного развития. 2018. № 7 (125). С. 101–105.
4. Антокольская М. В. Семейное право: учеб. М.: Юристъ, 2002. 336 с.
5. Загоровский А. И. Курс семейного права. М.: Зерцало, 2003. 464 с.
6. Википедия: свободная энциклопедия // URL: //ru.wikipedia.org/wiki/.

УДК 347

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

***Л. И. Кулицкая**, доцент кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***Т. Н. Галан**, старший помощник прокурора Первомайского района г. Владивостока*

В статье проведен краткий обзор правоприменительной практики по гражданским делам в сфере коррупционной направленности. Установлено, что значительное количество коррупционных дел связано с осуществлением закупок для государственных и муниципальных нужд, а также при приобретении чиновниками имущества на неподтвержденные доходы.

Ключевые слова: коррупция, закупки товаров для государственных и муниципальных нужд.

ACTUAL PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN CORRUPTION-RELATED CIVIL CASES IN THE ECONOMIC SPHERE

***L. I. Kulitskaya**, associate professor of the Department of the Department of State and Legal and Civil and Law Disciplines of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***T. N. Galan**, senior assistant Prosecutor of Pervomaisky district of Vladivostok*

The article provides a brief overview of law enforcement practice in civil cases in the field of corruption. It has been established that a significant number of corruption cases are related to procurement for state and municipal needs, as well as the acquisition of property by officials with unconfirmed income.

Keywords: corruption, procurement of goods for state and municipal needs.

Говоря о правоприменительной судебной практике по гражданским делам в области антикоррупционной направленности в сфере экономики, следует отметить, что данный аспект раскрывается в настоящее время в наличии в законодательных актах норм права, позволяющих чиновникам различных уровней при осуществлении своих полномочий применять дискреционные полномочия. Прежде всего, коррупционная составляющая имеет место при осуществлении закупок для государственных и муниципальных нужд, а также при приобретении чиновниками имущества на неподтвержденные доходы.

Принятый в июле 2009 г. в России Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [3], поставил своей целью не допустить возможности коррумпированным должностным лицам «проталкивать» реализацию проектов, основанных на возможности использования неточностей, содержащихся в правовых актах. Указанный закон коррупционными факторами называет положения нормативных правовых актов либо их проектов, которые устанавливают для правоприменителей необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции [3].

В последние годы был принят ряд нормативно-правовых актов, направленных на формирование полноценного антикоррупционного законодательства, к которым можно отнести Национальный план противодействия коррупции (утв. Президентом Российской Федерации (далее – РФ) 31 июля 2008 г.), Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [7], Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы (утв. Указом Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478) [10], действует «Памятка для предпринимателей о противодействии коррупции» (утв. Генпрокуратурой России) [9]. Особую значимость имеют гражданские дела, направленные на устранение коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок, а именно в области прозрачности закупок, коррупции в сфере размещения заказов и другие, которые возникают при реализации положений Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ [5]. В этой связи показательно гражданское дело по кассационной жалобе Окружной администрации г. Якутска на решение Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) от 30 ноября 2023 г., постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 27 апреля 2024 г. и постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16 июля 2024 г. по тому же делу.

Фабула гражданского дела представляет собой спор, возникший между Окружной администрацией г. Якутска и Управлением Федеральной антимонопольной службы по Республике Саха (Якутия) о признании недействительным решения антимонопольного органа.

Как было установлено в процессе рассмотрения дела, в марте 2023 г. администрация г. Якутска разместила извещение о проведении открытого конкурса в электронной форме о капитальном ремонте улицы Ольховая. При этом были установлены дополнительные требования к участникам закупки о наличии у них опыта выполнения работ и опыта исполнения договора (в соответствии с п. 17 раздела III приложения к постановлению Правительства РФ от 29 декабря 2021 г. № 2571 «О требованиях к участникам закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации»). Заявка ООО ДРСУ «Сэттэ», поданная на участие в конкурсе, была отклонена, поскольку конкурсная комиссия уполномоченного органа администрации посчитала, что предоставленный обществом в подтверждение наличия у него опыта выполнения работ по капитальному ремонту договор субподряда не может быть признан соответствующим дополнительным требованиям. ООО ДРСУ «Сэттэ», не согласившись с решением комиссии, подало жалобу в антимонопольный орган на действия администрации по отклонению его заявки, однако решением антимонопольного органа действия администрации были признаны обоснованными.

Предыдущие судебные инстанции, рассматривая дело, указали, что опыт работы участника открытого аукциона в качестве генерального подрядчика не является обязательным условием для участия в закупке и отсутствие такого опыта не может служить основанием для отклонения поданной заявки, поскольку действующее законодательство о контрактной системе в сфере закупок не предусматривает необходимости предоставления документов, подтверждающих в каком качестве участник аукциона являлся их исполнителем, в качестве генподрядчика или субподрядчика.

Судебная коллегия Верховного суда РФ в своем определении от 20 февраля 2025 г. № 302-ЭС24–20018, рассматривая данное дело указала, что положения Закона о контрактной системе, устанавливающие запрет на ограничение числа участников закупочных процедур (доступа к участию в этих процедурах) не носят безусловного характера, и что к дополнительным требованиям, подтверждающих соответствие участников закупки таким требованиям, установленным постановлением Правительства РФ № 2571, относится опыт участника закупки. Лицо, выполнявшее в качестве субподрядчика строительно-монтажные работы на объекте капитального строительства, не может являться лицом, имеющим

опыт строительства (реконструкции) объекта капитального строительства в совокупном объеме возникающих обязательств. Поэтому требование Окружной администрации г. Якутска было удовлетворено [8].

Следует отметить, что право заказчика устанавливать для подрядчиков требования о наличии опыта должны применяться на практике не для ограничения количества участников закупки, а в совокупности с другими показателями. Заказчик вправе самостоятельно устанавливать критерии оценки заявок, не допуская при этом коррупционной составляющей. Установление широких пределов усмотрения, которые влекут возможность необоснованного применения исключений из общих правил, создает условия для проявления коррупции. В изложенном примере очевидно, что закон содержит положения, которые дают свободу усмотрения участникам закупки и могут трактоваться по-разному.

Таким образом, ст. 8.2 Федерального закона «О противодействии коррупции» [7], рассматриваемая в контексте особых правовых мер, направленных на эффективное противодействие коррупции, отвечают предназначению правового регулирования в указанной сфере.

Вторая группа дел, рассматриваемых судами в сфере коррупционной направленности, относится к возможности принудительного изъятия судом имущества у собственника, если оно было приобретено на неподтвержденные доходы. Однако необходимо отметить, что в некоторых случаях имеют место целенаправленные действия по подрыву авторитета и доверия государственных служащих и сотрудников правоохранительных органов, которые могут квалифицироваться как «дискредитация» [2, с. 8] и наличие неподтвержденных доходов при проверке не подтверждается. Указанная мера гражданско-правовой ответственности по принудительному изъятию имущества у собственника предусмотрена ст. 235 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), а также ст. 169 ГК РФ, которая устанавливает возможность взыскания в доход РФ всего полученного по сделке сторонами, если она была заключена с целью, противной основам правопорядка или нравственности. При этом срок давности для поиска коррупционного имущества законом не установлен, на зато закон определяет виды имущества, относительно которого прокурор вправе обратиться в суд с иском об обращении его в доход РФ [6]. Согласно правовой позиции Конституционного суда РФ [4], собственник имущества вправе предоставлять в суде любые доказательства, подтверждающие законность происхождения средств, на которые было приобретено условно коррупционное имущество, а возможность его изъятия у собственника по решению суда в доход РФ полностью соответствует положениям действующего законодательства, а именно пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ и ч. 2 ст. 17 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам».

В заключение следует отметить, что количество гражданских дел, рассматриваемых судами и связанных с коррупционной направленностью, с каждым годом только увеличивается, чему свидетельствуют, к примеру, кадровые перестановки в Верховном суде РФ [1].

Список источников

1. Краснов готовит крупные кадровые перестановки в Верховном суде: выбраны кандидаты на ключевые посты // URL: https://dzen.ru/a/aTwUkwaXeCZ77t_j.
2. Кулицкая Л. И. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел: учеб.-метод. пособие. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. 72 с.
3. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федер. закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ // Российская газета. 2009. 22 июля.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Родионовой Елизаветы Сергеевны на нарушение ее конституционных прав подпунктом 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и частью 2 статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 31.10.2023 № 2998-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: федер. закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Российская газета. 2008. 30 дек.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.02.2025 № 302-ЭС24–20018 по делу № А58–6594/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Памятка для предпринимателей о противодействии коррупции (утв. Генпрокуратурой России.) Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте https://epp.genproc.gov.ru по состоянию на 27.09.2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 гг. (с изм. на 26 июня 2023 г.): утв. Указом Президента Рос. Федерации от 16.08.2021 № 478. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

УДК 159.99

ОБУЧЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ И РАБОТЕ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

***А. Г. Литвиненко**, начальник кафедры огневой подготовки Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена процессу обучения огневой подготовке, целью которой является развитие двигательного навыка, способствующего выполнению точного выстрела из ручного стрелкового оружия в различных условиях. Также приводится пример применения технических средств обучения для достижения поставленных в обучении целей: разнообразие процесса обучения и улучшение его качества.

Ключевые слова: ограниченная видимость, процесс обучения, ночные стрельбы, стрессоустойчивость.

TRAINING POLICE OFFICERS IN FIREWORK TRAINING FOR WORKING IN SPECIAL CONDITIONS

***A. G. Litvinenko**, head of the Department of Fire Training of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article is devoted to the process of teaching firearms training, the purpose of which is to develop motor skills that help ensure accurate shooting from hand-held firearms in various conditions. An example of the use of technical teaching aids to achieve the stated learning goals is also provided. Diversification of the learning process and improvement of learning quality are also provided.

Keywords: limited visibility, learning process, night shooting, stress resistance.

Сотрудники органов внутренних дел (далее – ОВД) в современной реальности часто сталкиваются с ситуациями и задачами, которые еще 10–15 лет назад казались невозможными. Работа в особых условиях, связанная с ограниченной видимостью, городской застройкой, сельской местностью, ограничением пространства, на современном этапе обучения требует особого подхода. Это не только научит метко поражать цели и быстро производить выстрел, а это целый комплексный процесс, включающий обучение быстрому ориен-

тированию, оценке обстановки и принятию решений в ситуациях, связанных с риском для жизни, не впадая в панику.

Для достижения поставленных целей в процессе обучения применяются современные методы и технические средства, способствующие развитию, закреплению и совершенствованию навыков, необходимых сотруднику для успешного выполнения задач, связанных с работой в особых условиях. Современные методы и технические средства делают процесс обучения более разнообразным и интересным для восприятия.

В этой статье отражается мнение, которое не претендует на абсолютную истину, а является лишь попыткой обратить внимание на особенности процесса обучения сотрудников ОВД с использованием методов и средств, повышающих качество обучения.

Цель обучения – развитие у сотрудников компетенций, обеспечивающих быстрое приведение оружия в боевое состояние и точное поражение целей в различных условиях:

– поражать цели при ограниченной видимости, в городских условиях;

– не впадать в панику и правильно реагировать на ситуации, связанные с риском для жизни;

– быстро принимать самостоятельные решения и работать в команде;

– использовать ручное стрелковое оружие и тактические приемы в различных ситуациях;

– развивать не только физические навыки, но и стрессоустойчивость к внешним раздражителям.

В процессе обучения используют:

– стрельбу в городских условиях;

– ночные стрельбы и стрельбу при плохой видимости;

– стрельбу в закрытых помещениях, лифты, коридоры;

– тактические маневры с применением контратаки.

Такой подход позволяет выявлять и учитывать ошибки в процессе обучения и способствует его качественному совершенствованию.

Также применяются технические средства, позволяющие моделировать городскую или лесную обстановку, не покидая полигона или тира. К ним относятся современные тренажеры и симуляторы, например, VR-устройства, которые позволяют моделировать разные сценарии событий.

Пневматические системы и лазерные комплексы позволяют производить выстрел в мишень и фиксировать попадание, что дает возможность последующего анализа выполненных действий.

Системы с препятствиями используют для моделирования городских условий – узкие коридоры, двери, комнаты и другие сложные ландшафты.

При грамотном использовании технических средств процесс тренировки реакции и точности, а также разнообразие обучения повышают его эффективность.

Важным аспектом является стрессоустойчивость к внешним негативным воздействиям и экстремальным ситуациям, вызывающим стресс и способствующим нарушению психического и физического состояния. В рамках обучения создаются сценарии с использованием шума, света и звука, что позволяет тренировать стрессоустойчивость.

Процесс обучения тесно связан с постоянным поиском и внедрением новых методов и средств. Появляются новые идеи для повышения эффективности и реалистичности тренировки. В результате у сотрудников формируется уверенность и приобретается практический опыт. Для этого создаются условия, максимально приближенные к реальным: стрелковые полигоны, тиры и тренировочные комплексы подготавливаются под реальные сценарии – городские условия, деревенская местность, внутридомовые пространства, участки с ограниченной видимостью и перемещением.

В таких условиях используют мишени, дым, светозвуковые эффекты для моделирования ситуации.

После каждого занятия проводится разбор ошибок, анализ действий сотрудника при выполнении задач, связанных с применением оружия, что необходимо для повышения эффективности обучения.

Контроль качества обучения осуществляется не только наблюдением, но и с помощью специальных систем оценки, фиксирующих параметры реакции, точность стрельбы, способность сохранять спокойствие в стрессовой ситуации.

Обучение должно быть разнообразным: меняются сценарии, внедряются новые технические средства – VR-шлемы, программы, современные технологии, подкрепленные научными исследованиями.

Обучение в условиях высокой психоэмоциональной нагрузки – это не только стрельба, а комплексный процесс, включающий использование новых технологий, создание реалистичной обстановки и развитие психологической устойчивости. Всё это способствует повышению профессионального уровня сотрудников и их подготовки к выполнению задач в особых условиях.

Список источников

1. Куликова Т. И. Психология стресса // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 7. С. 154.
2. Таран А. Н., Бойков А. А. Психофизиологические особенности огневой подготовки курсантов в учебных заведениях МВД России // Общество и право. 2014. № 1. С. 63.
3. Потапов А. А. Тактическая стрельба. 2-е изд., испр. и доп. М.: «Издательство ФАИР», 2019. С. 251.

4. Ворожцов А. М., Игумнов А. В., Шайхутдинов А. Р. Развитие навыка в правильном прицеливании // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2021. – С. 76.
5. Васильев М. А. Педагогическое сопровождение курсантов образовательных организаций МВД России в процессе обучения огневой подготовке // Полицейская деятельность. – 2019. – № 2. – С. 105.
6. Куров А. И. Влияние страха на результаты выполнения боевых приемов борьбы сотрудниками органов внутренних дел // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. – 2015. – № 4. – С. 48.
7. Рабазанов С. И., Лопатин Е. А. Особенности обучения дисциплине «Огневая подготовка» лиц, впервые принимаемых на службу в МВД России // Человеческий капитал. – 2017. – № 5. – С. 95.

УДК 93

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ПОДГОТОВКЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

***М. Д. Лим**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена роли органов Народного комиссариата внутренних дел в мобилизационной подготовке Хабаровского края, проводимой в тяжелый период нашего страны – в годы Великой Отечественной войны. Исследованием охвачены некоторые аспекты деятельности подразделений Управления Народного комиссариата внутренних дел по Хабаровскому краю по реализации оборонно-мобилизационного потенциала края для нужд Красной армии, а также в целях обеспечения государственной безопасности и охраны общественного порядка.

Ключевые слова: подразделения Управления Народного комиссариата внутренних дел по Хабаровскому краю, Красная армия, мобилизационная подготовка, Хабаровский край, Союз Советских Социалистических Республик, Великая Отечественная война.

THE PARTICIPATION OF THE NKVD IN THE MOBILIZATION PREPARATION OF THE KHABAROVSK KRAI DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

***M. D. Lim**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article focuses on the role of the People's Commissariat of Internal Affairs in the mobilization preparation of the Khabarovsk Krai of the Union of Soviet Socialist Republics during the difficult period of our country, the Great Patriotic War. The study covers some aspects of the activities of the People's Commissariat of Internal Affairs units in the Khabarovsk Territory in the implementation of the region's defense and mobilization potential for the needs of the Red Army, as well as for ensuring state security and maintaining public order.

Keywords: People's Commissariat of Internal Affairs units in the Khabarovsk Territory, Red Army, mobilization training, Khabarovsk Territory, Union of Soviet Socialist Republics, the Great Patriotic War.

Нападение немецко-фашистских войск на Советский Союз 22 июня 1941 г. явилось тяжелым бременем для всего советского народа. С первых дней тяжелой и кровопролитной войны все субъекты и народы Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) встали на защиту Родины, обеспечивали Красную армию и фронт необходимым снабжением, принимали активное участие в эвакуации военно-промышленного комплекса и населения. Не остался в стороне Хабаровский край, несмотря на то, что он представлял собой глубокий тыл нашей страны.

Хабаровской земле, равно как и всему Дальнему Востоку, придавалось особое значение в части обеспечения государственной безопасности, в особенности после протекавших еще в 1930-х гг. событий на советско-маньчжурской (монголо-маньчжурской) границе. 13 апреля 1941 г. между правительствами Советского Союза и милитаристской Японией был заключен пакт о нейтралитете сроком на пять лет, что, однако, не сняло опасность японской агрессии на советском Дальнем Востоке. Начавшаяся война с нацистской Германией возложила на Хабаровский край дополнительную роль в тыловом обеспечении армии и военно-промышленного комплекса.

Летом и осенью 1941 г. Верховным Главнокомандующим И. В. Сталиным был отдан приказ о переброске 200 тыс. военнослужащих с Дальнего Востока на европейский фронт [2, с. 76–80]. Это породило проблему комплектования частей и соединений, состоявших из новобранцев, командным составом, в связи с чем командующий Дальневосточного фронта И. Р. Апанасенко по согласованию с И. В. Сталиным направил опытных офицеров в лагеря Колымы и Дальнего Востока для отбора и призыва в действующую армию командиров и комиссаров, подвергшихся репрессиям в период 1937–1938 гг. [1, с. 147].

Указанное выше положение вынудило органы Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД) Хабаровского края принять активное участие в мобилизационной подготовке края для нужд фронта. Это выразилось в отправке квалифицированных офицеров и сотрудников на фронт, а также в организации подготовки новых кадров.

Так, в исследовании Б. Б. Кондратенко отмечается, что после отправки сотрудников пограничных войск Управления НКВД по Хабаровскому краю (далее – УНКВД по Хабаровскому краю) на фронты Великой Отечественной войны личный состав сократился на 4084 человека, среди которых начальники пограничных застав и комендатур, сержантский и старшинский состав, кинологи, наблюдатели, связисты, дознаватели [3, с. 118].

В октябре 1941 г. в составе УНКВД по Хабаровскому краю были образованы четыре отдела, на которые возлагались руководство истребительными батальонами, партизанскими отрядами и диверсионными группами. Целью указанной меры признавались борьба с диверсантами, дезертирами, осуществление охраны оборонных предприятий, проверка паспортного режима и т. п. Для реализации возложенных на них функций была предусмотрена подготовка по основной 110-часовой программе Всеобуча и дополнительной 45-часовой программе [4, с. 20–21].

При этом особое значение в подготовке кадрового состава в органы внутренних дел и государственной безопасности занимает Хабаровская межкраевая школа НКВД. Приказом НКВД СССР от 4 марта 1942 г. № 00429 «Об увеличении численности переменного состава оперативно-чекистских школ НКВД СССР» было выдвинуто указание об увеличении общей численности состава слушателей оперативно-чекистских школ с 2000 до 3600 человек в целях удовлетворения потребности в оперативно-чекистских кадрах НКВД СССР, в числе приведенной цифры Хабаровской межкраевой школе было предписано увеличить слушательский состав с 200 до 250 человек [1, с. 148].

Подразделения НКВД и Народного комиссариата государственной безопасности (далее – НКГБ) комплектовались из призывников и бойцов-красноармейцев для возможного участия в подпольной деятельности. Кроме того, по инициативе руководства УНКГБ Хабаровского края в окрестностях г. Хабаровска была развернута школа по подготовке специалистов в области разведывательной и контрразведывательной работы, из которых в дальнейшем были сформированы 173 партизанских отряда [1, с. 148], а часть подготовленных кадров была отправлена на европейские фронты.

Как известно, Великая Отечественная война пробудила народный патриотизм в защите Отечества, который коснулся практически всех поколений. Говоря о последних, начиная с 1943 г., были организованы учебные пункты подготовки женщин в возрасте от 18 до 25 лет для дальнейшего комплектования воинских частей и соединений Красной армии, а также для подразделений НКВД и НКГБ.

На протяжении всей войны в исправительно-трудовых лагерях (далее – ИТЛ) НКВД Хабаровского края действовали усиленная охрана и особый режим содержания заключенных в силу увеличения числа случаев грубого нарушения режима заключения, совершения преступлений, антисоветской агитации и т. п. На момент октября 1941 г. ситуация в некоторых дальневосточных лагерях оставалась плачевной. Так, Свободненский исправительно-трудовой лагерь в лице его руководства и подчиненного личного состава допустил грубые нарушения приказа НКВД СССР от 22.06.1941 № 221 «Об усилении режима в исправительно-трудовых учреждениях в условиях начавшейся войны», а также последующих

распоряжений НКВД СССР, которые были выражены в следующих фактах: не была обеспечена изоляция осужденных; служебные помещения управления лагеря, клуб и баня, обслуживавшие вольнонаемный состав лагеря и членов их семей, были расположены на территории Свободненского отдельного лагерного пункта и не были изолированы от бараков осужденных, что создавало возможность широкого общения осужденных с вольнонаемным составом и посторонними лицами, не имевшими отношения к лагерю [7, с. 24–25].

Критическая ситуация в уголовно-исполнительной системе Хабаровского края прослеживалась не только в кругах осужденных (совершавших побеги и преступления, дискредитировавших советскую власть и т. д.), но и личного состава вооруженной охраны (ВОХР), конвойной и оперативной служб, заключавшейся в мобилизации многих кадров призывного возраста в ряды Красной армии и отправке их в европейскую часть СССР, а также в слабой политико-воспитательной работе действовавших сотрудников.

Несмотря на негативные проявления работы системы ИТЛ НКВД Хабаровского края, в период Великой Отечественной войны предпринимались меры по укреплению морально-психологической, политической и служебной дисциплины личного состава исправительно-трудовых колоний, организовывались дополнительные мероприятия по выявлению и ликвидации антисоветских настроений среди заключенных, а также сооружались объекты оборонного значения на Дальнем Востоке (железные дороги, аэродромы и т. п.).

Не стоит забывать, что в введении НКВД СССР находилась разведывательная и контрразведывательная деятельность. Хабаровские связисты работали с разведчиками, выполнявшими задачи по сбору важной информации за границей. Известный советский двойной агент и резидент нелегальной разведывательной сети в Японии Рихард Зорге через Хабаровский радиотранслятор докладывал в Москву о дискуссионных разговорах японского Генерального штаба и возможных планах военных действий японской армии на случай войны с СССР [1, с. 149].

Усилиями секретно-политического отдела УНКВД по Хабаровскому краю была осуществлена цензура статей и публикаций периодической печати о состоянии и статистических данных мобилизации в подразделения НКВД –НКГБ и воинские части Красной армии. В силу особенностей военного положения вся документация, содержавшая сведения о планах по выпуску оборонной продукции, количестве грузоперевозок и характере грузов, оставалась засекреченной.

На основании Постановления Совета народных комиссаров (далее – СНК) СССР от 02.07.1941 № 1812 «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне» [6] подразделениями местной противовоздушной обороны УНКВД по Хабаровскому краю среди мирного населения были организованы необходимые мероприятия по его подготовке в условиях действия вражеской авиации. Помимо этого, все объекты местной

противовоздушной обороны края были переведены в состояние боевой готовности, что подразумевало соблюдение светомаскировки, строительство бомбоубежищ и укрепленных сооружений. 8 октября 1941 г. в целях поддержания готовности населения, партийных и исполнительных органов к боевым действиям были проведены учения [5].

Таким образом, можно заключить, что с началом Великой Отечественной войны Хабаровский край стал стратегически важным субъектом СССР в укреплении и наращивании оборонно-мобилизационного потенциала как в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, так и прикрытия Дальнего Востока от сохранявшей (несмотря на заключенный пакт о нейтралитете) японской угрозы. Впоследствии по мере приближения Великой Отечественной войны к победоносному завершению органы УНКВД по Хабаровскому краю накопили внушительный опыт организации своей деятельности по различным направлениям в предстоящей кампании Дальневосточного фронта в противостоянии с Квантунской группировкой милитаристской Японии.

Список источников

1. Грачев А. В. Подготовка кадров для подразделений НКВД, НКГБ и Красной армии на территории Хабаровского края в годы Великой Отечественной войны // Власть. 2011. № 1. С. 146–149.
2. Докучаев А. И., Яхнин Ю. Л. Верность поколений. Хабаровск, 1985. 272 с.
3. Кондратенко Б. Б. Кадровый потенциал пограничных войск НКВД СССР на Дальнем Востоке (1939–1945 гг.) // Россия и АТР. 2019. № 4 (106). С. 109–123.
4. Крюков И. В. Подготовка боевых резервов на Дальнем Востоке СССР в период Великой Отечественной и на завершающем этапе Второй Мировой войны (июнь 1941 – сентябрь 1945 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2013. 26 с.
5. О проведении учений по МПВО в городе Хабаровске и о режиме времени работ в коммунальных, зрелищных предприятиях и столовых во время «угрожаемого положения» // Тихоокеанская газета. 9 октября 1941 г. № 240 (4915).
6. О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне: Постановление СНК СССР от 02.07.1941 № 1812 // Собр. Постановлений СССР. 1941. № 16, ст. 314.
7. Худяков П. П., Швец А. В. Исправительно-трудовые учреждения Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): моногр. Хабаровск, 2009. 128 с.

УДК 37.036.5

ОСОБЕННОСТИ СРЕДЫ ИННОВАЦИОННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

***Д. В. Литвин**, заместитель начальника кафедры организации огневой и физической подготовки Академии управления МВД России, кандидат педагогических наук, доцент*

В статье рассматривается среда как фактор инновационной деятельности в сфере организации специальной подготовки сотрудников органов внутренних дел. Среда выступает семантически структурированным окружением субъекта организации, которое поощряет формирование и способствует реализации личностных функций, ведущих к образованию личностного опыта, преломленного в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: среда инноваций, специальная подготовка, сотрудник органов внутренних дел, профессионально-педагогическая деятельность.

FEATURES OF THE ENVIRONMENT OF INNOVATIVE PROFESSIONAL-PEDAGOGICAL ACTIVITIES IN SPECIAL TRAINING OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

***D. V. Litvin**, deputy head of the Department of Organization of Fire and Physical Training of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Pedagogy, Associate Professor*

The article examines the environment as a factor of innovative activity in the sphere of organizing special training of employees of internal affairs bodies. The environment acts as a semantically structured environment of the subject of the organization, which encourages the formation and facilitates the implementation of personal functions leading to the formation of personal experience refracted in professional activity.

Keywords: innovation environment, special training, employee of internal affairs bodies, professional and pedagogical activity.

Динамично развивающиеся конкретно-исторические условия на современном этапе развития Российской Федерации дают возможность осмыслить требования к содержанию и качеству специальной профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел, связанной с готовностью к действиям по возможному применению физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, а также объективно оценить их. Так, расширение спектра задач, выполняемых сотрудниками в связи с проведением специальной военной операции, потребовало реализации усиленной и углубленной подготовки, включающей решение в процессе занятий тактических и технико-тактических задач с различными видами огнестрельного оружия, ручных осколочных гранат и специальных средств. Необходимость совершенствования готовности сотрудников к несению службы в особых условиях фактически выступает катализатором к созданию новых методик и профессионально-педагогических технологий в специальной профессиональной подготовке.

Появляются новые формы применения полицейской силы, включающие в том числе применение новых видов огнестрельного оружия и специальных средств для борьбы с беспилотными воздушными и иными (подводными, надводными) судами и аппаратами. Пресечение функционирования таких аппаратов в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан требует соответствующего опыта применения эффективных огневых средств поражения, внесения коррективов в виды подготовок, перечень которых на современном этапе стремительно дополняется новым содержанием на основе анализа опыта специальной военной операции. Комплексный характер специальной подготовки сотрудников органов внутренних дел определяет необходимость способностей умелого обращения с огнестрельным оружием в процессе оказания первой помощи при ранениях, поражениях и травмах, в том числе с использованием индивидуальных и групповых средств медицинской защиты, а также подручных средств. Указанная особенность применения мер непосредственного принуждения раскрывается в таких свойствах ожидаемого результата готовности сотрудника, как его целостность, рассматриваемая в отличие от традиционной междисциплинарности, как качественная интеграция предметных областей и сфер знаний, дающая возможность сотруднику эффективно действовать в реальных условиях практики применения силы и оружия.

Возникает противоречивая ситуация между необходимостью инновационной деятельности в сфере организации специальной подготовки сотрудников и императивным характером такой подготовки. Категоричность такого утверждения можно оспорить. Исследование факторов, влияющих на эффективность

огневой и физической подготовки сотрудников, показывает, что действующий порядок организации подготовки кадров допускает возможность инновационной деятельности. Так, в соответствии с приказом МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации», «отрабатывается тактика действий в смоделированных типовых ситуациях» нарядами патрульно-постовой службы полиции, дорожно-патрульной службы, подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых, подразделений участковых уполномоченных полиции и иными категориями, для которых такие занятия обретают острую актуальность; осуществляются «выездные практические занятия (полевые выходы) с сотрудниками на полигонах и стрельбищах по отработке навыков выполнения оперативно-служебных задач в особых условиях», культивируются иные формы и виды занятий. В рамках физической подготовки – это раздел тактики применения боевых приемов борьбы с комплексными заданиями, моделирующими ситуации оперативно-служебной деятельности. В рамках огневой подготовки – это совершенствование практических навыков сотрудников, допускающее выполнение упражнений стрельб любого уровня огневой подготовки, комбинирование упражнений стрельб (гранатометания), в том числе из нескольких видов оружия, использование кобур различного вида и снаряжения и т. д. Иными словами, инновационная профессионально-педагогическая деятельность в специальной подготовке сотрудников органов внутренних дел не только возможна, но и остро востребована. Именно острая востребованность определяет тот широкий перечень форм и видов подготовок, а также их разнообразное содержание, который обязателен в настоящее время к освоению сотрудником органов внутренних дел.

Результаты нашего исследования показывают, что императив в регуляции специальной подготовки сотрудников органов внутренних дел корреспондирует, прежде всего, не с действием ведомственных нормативных правовых актов, а с наличием внутренних установок, доминирующих в профессиональной подготовке. Ассоциативный ряд, соответствующий внутренним установкам, можно составить с помощью слов, отражающих явления приверженности традициям, опасение инициативности, избегание ответственности и других. Исключительно формализованная деятельность руководителя учебной группы, инструктора, преподавателя, специалиста сложна в части строгого следования регламентам и нормам. Именно такое «безошибочное» воспроизведение традиционного подхода, например, в огневой или физической подготовке выглядит в глазах субъекта организации наиболее верной и единственной стратегией подготовки. Однако «безошибочность» такого варианта мотивируется исключительно ожидаемой высокой вероятностью безопасного исхода занятий, а также обеспечением удовлетворительного (традиционного) уровня профессиональной готовности.

Наши исследования показали, что такая безопасность является мнимой даже в части ее обеспечения на классических занятиях по огневой подготовке. Это объясняется тем, что ни один регламент не может учесть все возможные варианты развития ситуации при обращении обучающегося с оружием. Следование формуляру без понимания сущности процесса обучения, формирования техники меткого выстрела, психофизиологических факторов, способствующих и препятствующих ее освоению, не обеспечивает высокой степени вероятности в отношении эффективности и безопасности занятия. Руководитель стрельб в этом смысле работает как профайлер, а не как лицо, подающее команды и следящее за их исполнением. Предотвращение потенциально опасных действий, а не устранение их последствий должно выступать принципом профессиональной деятельности руководителя стрельбы.

Основную идеи данной статьи можно выразить следующим образом: среда профессионально-педагогической деятельности в специальной подготовке сотрудников органов внутренних дел востребует большей частью устойчивые алгоритмы (действий, поведения, обучения, общения, процесса подготовки). Вместе с тем в условиях динамично изменяющихся требований к уровню и содержанию готовности сотрудников таких алгоритмов в готовом виде просто не может быть. Новые угрозы безопасности жизни и здоровью граждан и самих сотрудников требуют эффективной инновационной деятельности по созданию и реализации соответствующих профессионально-педагогических технологий. Полагаем, что процесс создания актуальных методик зависим от генерации благоприятной среды.

Под средой инновационной деятельности можно понимать такое семантически структурированное окружение человека, которое поощряет формирование и способствует реализации личностных функций – способности к рефлексии, ценностно-смысловому самоопределению и семантическому творчеству, к проявлению субъектной позиции и другим (В. В. Сериков [2, с. 131]). В такой среде личность и ее окружение не противопоставляются, а взаимно-обусловлено и закономерно изменяются в своих свойствах и качествах. Этот феномен отражает раскрытие профессиональной сущности инструктора в процессе индивидуальной истории своего становления как профессионала и личности одновременно. Среда выступает фундаментом, онтологической основой становления личности, а, следовательно, основой самой возможности самоизменения и развития человека как личности. Вместе с тем закономерно, что именно субъект обладает возможностью, потенцией к развитию, среда же как неотъемлемый компонент личностно-средовой целостности в самом широком смысле представляет этой возможности субъекта реализоваться или не реализоваться.

Проведенное эмпирическое исследование служебной среды на предмет ее способности поощрять у сотрудников органов внутренних дел инновационную

деятельность показывает, что указанные качества среды не вошли в ряд значимых для респондентов факторов. Деятельность, в том числе творческая, реализуется на основе цели, в которой представлена широкая, порой противоречивая палитра мотивов и смыслов человека. При этом, как отмечает Н. В. Гришина, в отличие от мотивов и потребностей, цель деятельности всегда «связана с ситуациями жизнедеятельности, в рамках которых человек ставит перед собой конкретные задачи или отдаленные цели» [1, с. 313]. Иными словами, если сотрудники сферы профессиональной подготовки не отмечают высокую значимость творчества и инновационной деятельности в своей среде, то это не означает, что у них нет такой потребности. Скорее всего, целесообразность такой деятельности ставится под сомнение сотрудниками в силу личностных возможностей и средовых ограничений. Демонстрируемая респондентами личностная позиция основывается на актуальных средовых условиях и характеризуют «человека-в-ситуации» (Н. В. Гришина), а именно – человека в ситуации адаптации и доминирования среды.

Таким образом, особенностью среды инновационной профессионально-педагогической деятельности в специальной подготовке сотрудников органов внутренних дел выступает наличие такого семантически структурированного окружения сотрудника, которое поощряет формирование и способствует реализации личностных функций (В. В. Сериков), ведущих к образованию личностного опыта, преломленного в профессиональной деятельности.

Список источников

1. Гришина Н. В. Целевая регуляция поведения человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. Вып. 3. С. 310–323.
2. Сериков В. В. Развитие личности в образовательном процессе. М.: Логос, 2012. 447 с.

УДК 351.74

АНАЛИЗ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

***М. Д. Лобанов**, преподаватель кафедры профессиональной служебной подготовки Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена комплексному анализу актуальных проблем деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в условиях, отличных от обычных. Исследуются правовые, организационные и тактические аспекты функционирования полиции в режимах чрезвычайного положения, контртеррористической операции, при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также в условиях вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: органы внутренних дел, особые условия, чрезвычайное положение, контртеррористическая операция, чрезвычайная ситуация, правовое регулирование, межведомственное взаимодействие, силы постоянной готовности.

ANALYSIS OF CURRENT PROBLEMS IN THE ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION UNDER SPECIAL CONDITIONS

***M. D. Lobanov**, lecturer of the Department of Professional Service Training of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article is devoted to a comprehensive analysis of the current issues in the activities of the internal affairs bodies (IAB) of the Russian Federation under conditions different from normal. It examines the legal, organizational, and tactical aspects of police operations in states of emergency, counter-terrorism operations, during the elimination of the consequences of natural and man-made disasters, as well as in armed conflict situations.

Keywords: internal affairs bodies, special conditions, state of emergency, counter-terrorism operation, emergency situation, legal regulation, interagency cooperation, rapid response forces.

Современная оперативная обстановка в мире и стране характеризуется наличием множества вызовов и угроз, возникновение которых влечет за собой необходимость функционирования государственных органов, в том числе органов внутренних дел (далее – ОВД), в особых условиях. Под особыми условиями в контексте настоящего исследования понимаются установленные законодательством правовые режимы (чрезвычайное положение, контртеррористическая операция, военное положение), а также обстоятельства, вызванные крупномасштабными чрезвычайными ситуациями (далее – ЧС) природного и техногенного характера, массовыми беспорядками, вооруженными конфликтами, которые требуют от личного состава ОВД реализации специальных задач, выходящих за рамки повседневной служебной деятельности [2].

Деятельность ОВД в таких обстоятельствах сопряжена с повышенной опасностью, необходимостью принятия решений в условиях дефицита времени и информации, а также со значительным расширением объема предоставленных полномочий, что порождает ряд актуальных проблем теоретического и практического характера. Их своевременное разрешение является залогом эффективного выполнения ОВД своих обязанностей по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан, обеспечению общественной безопасности и правопорядка в кризисных ситуациях.

Целью настоящего исследования является анализ и систематизация наиболее значимых проблем деятельности ОВД в особых условиях и разработка на этой основе научно обоснованных предложений по совершенствованию их правового и организационного обеспечения.

1. *Правовые проблемы деятельности ОВД в особых условиях.*

Ключевой проблемой является наличие правовых коллизий и пробелов в регулировании полномочий ОВД. Несмотря на существование базовых федеральных конституционных законов «О чрезвычайном положении» и «О военном положении», а также федерального закона «О противодействии терроризму», на практике возникает множество вопросов [1, с. 34; 3, с. 78].

1. Проблема разграничения полномочий. В условиях чрезвычайной ситуации или при проведении контртеррористической операции (далее – КТО) на ограниченной территории действуют силы и средства МВД России, Росгвардии, ФСБ России, МЧС России. Четкое разграничение их компетенции, особенно в части применения мер принуждения, задержания и проведения оперативно-розыскных мероприятий, часто отсутствует, что ведет к дублированию функций или, наоборот, к бездействию [6, с. 91].

2. Неопределенность правового статуса личного состава. Порядок привлечения сотрудников полиции к выполнению задач за пределами своей территориальной зоны ответственности, вопросы социальных гарантий, выплат и компенсаций, а также ответственности за действия, совершенные в боевой обстановке, регламентированы недостаточно полно.

3. Коллизия расширенных полномочий и прав человека. Применение таких мер, как проверка документов, досмотр, комендантский час, временное ограничение передвижения, требует тонкого баланса между требованиями безопасности и соблюдением конституционных прав граждан. Отсутствие детальных процедурных норм создает риск произвола и нарушений.

2. *Организационно-тактические проблемы.*

Организация управления и применения сил ОВД в особых условиях сталкивается с рядом серьезных вызовов.

1. Проблема межведомственного взаимодействия.

Отсутствие единой, отработанной на практике системы управления объединенными группировками сил (МВД России, Росгвардия, МЧС России, ФСБ России) приводит к сбоям в координации, несогласованности действий и снижению общей эффективности [7, с. 112]. Требуется создание унифицированных систем связи и обмена информацией.

2. Дефицит мобильности и ресурсов. Формирование и переброска мобильных группировок сил ОВД в район особых условий часто затруднены из-за недостатка специального транспорта, подвижных пунктов управления, полевых условий для размещения и жизнеобеспечения личного состава.

3. Недостаточная подготовленность к специфическим задачам. Повседневная подготовка сотрудников полиции не всегда в полной мере учитывает специфику действий в условиях КТО, ликвидации последствий масштабных ЧС или работы с большим количеством беженцев. Требуется специализированная тактическая, инженерная и психологическая подготовка.

3. *Проблемы материально-технического и психологического обеспечения.*

1. Оснащенность специальными средствами.

Деятельность в особых условиях требует наличия у личного состава средств бронезащиты нового поколения, приборов ночного видения, беспилотных летательных аппаратов, средств связи, устойчивых к помехам. На сегодняшний день оснащенность подразделений ОВД такими образцами техники носит неравномерный характер.

2. Психологическая устойчивость личного состава. Работа в условиях постоянной опасности, морально-психологических перегрузок, вид разрушений и страданий населения приводит к профессиональному выгоранию, развитию посттравматических стрессовых расстройств (ПТСР) [8, с. 125].

Существующая система психологического сопровождения зачастую не обладает необходимым ресурсом для работы в полевых условиях с большими контингентами сотрудников.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что деятельность ОВД в особых условиях является комплексной, многоплановой задачей, эффективность решения которой зависит от слаженности правового, организационного и ресурсного обеспечения. Выявленные актуальные проблемы носят системный характер и требуют комплексного подхода к их разрешению.

В качестве основных путей совершенствования деятельности ОВД в особых условиях можно предложить следующее.

1. Устранение правовых пробелов: разработка и принятие единого федерального закона (или комплексной концепции), детально регламентирующего порядок совместных действий сил и средств различных ведомств в особых условиях, включая вопросы управления, подчиненности, применения мер принуждения и ответственности.

2. Совершенствование системы управления: создание на постоянной основе межведомственных оперативных штабов на региональном и федеральном уровнях, проводящих плановые командно-штабные учения с привлечением всех силовых структур.

3. Создание мобильных группировок: формирование в структуре МВД России и Росгвардии мобильных соединений и частей постоянной готовности, укомплектованных по штатам военного времени, полностью оснащенных необходимой техникой, вооружением и средствами связи, проходящих регулярную специальную подготовку.

4. Развитие системы подготовки: внедрение в программы профессионального обучения и служебной подготовки специальных курсов и тренингов, ориентированных на действия в условиях ЧС, КТО и вооруженных конфликтов, с широким использованием тренажеров и ситуационных учений.

5. Усиление психологического и материального обеспечения: развертывание мобильных групп психологической помощи, создание системы ротации личного состава, участвующего в длительных операциях, а также обеспечение гарантированного материального и медицинского обеспечения сотрудников и их семей.

Реализация указанных мер позволит повысить готовность ОВД к эффективным действиям в любых особых условиях, что является неотъемлемой составляющей национальной безопасности Российской Федерации.

Список источников

1. О военном положении: федер. конституц. закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 5, ст. 375.

2. О чрезвычайном положении: федер. конституц. закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 23, ст. 2277.
3. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900.
4. О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 11, ст. 1146.
5. Об утверждении Порядка организации подготовки личного состава органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 23.08.2017 № 960 // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://www.mvd.ru (дата обращения: 25.10.2023).
6. Бровко Н. В., Горшенков А. Г. Организация управления силами и средствами ОВД в условиях чрезвычайных ситуаций // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 88–94.
7. Кикоть В. Я. Актуальные проблемы оперативно-служебной деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации в особых условиях // Право и безопасность. 2021. № 3 (78). С. 110–118.
8. Соловьев А. А. Психологическое обеспечение деятельности сотрудников правоохранительных органов в экстремальных условиях: моногр. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 287 с.

УДК 340.1

ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Ю. И. Лукьянова**, преподаватель кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассмотрены основные проблемы существования правового государства в современной России. Также автором кратко рассмотрена история становления правового государства, понятие правового государства, к которому пришли ученые. Автор выделил три основных признака правового государства и на основе данных признаков, аргументировал почему принципы правового государства в России соблюдаются не в полном объеме.

Ключевые слова: правовое государство, Российская Федерация, право, принцип разделения властей, гарантия прав и свобод, верховенство права, правовая культура, правосознание.

PROBLEMS OF BUILDING A STATE BASED ON THE RULE OF LAW IN THE RUSSIAN FEDERATION

***Yu. I. Lukyanova**, lecturer of the Department of State and Legal and Civil and Law Disciplines of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article examines the main problems of the existence of a rule-of-law state in modern Russia. The author also briefly examines the history of the formation of the rule of law, the concept of the rule of law, which scientists have come to. The author identified three main features of the rule of law and, based on these features, argued why the principles of the rule of law in Russia are not fully respected.

Keywords: rule of law, Russian Federation, law, principle of separation of powers, guarantee of rights and freedoms, rule of law, legal culture, legal consciousness

Исследуя тему развитости правового государства в России прежде всего стоит задаться несколькими ключевыми вопросами: когда зародился термин «правовое государство», к какому общему мнению пришли ученые, при установлении понятия правового государства, каковы основные черты и суть правового государства?

Так, отвечая на первый вопрос, необходимо отметить, что «родиной» данного понятия является Германия. Впервые оно появилось в 1798 г. в работах немецкого юриста Иоганна Вильгельма Плацидуса [с. 14, 3]. Именно Плацидус И. В. считается «прародителем» понятия «правовое государство», однако широкое распространение оно получило лишь после окончания Второй мировой войны.

Прежде чем мы ответим на второй вопрос, необходимо отметить, что определение понятия правового государства является достаточно спорным вопросом, и на этот счет существует множество различных научных мнений. Однако мы ставим цель привести ряд мнений известных ученых, провести сравнение и связать полученную информацию воедино.

Так, Галиева Г. А и Сакаева В. Ф. считают, что «правовое государство – это определенный политико-правовой режим функционирования государственной власти, где создаются все условия для всестороннего и гармоничного развития личности, для развития общества в целом» [с. 100, 7].

В то же время, с точки зрения Хропанюка В. Н., правовое государство – «такая форма организации и деятельности государственной власти, которая строится на взаимоотношениях с индивидами и их различными объединениями на основе нормы права» [с. 123, 2].

По мнению Малько А. В., правовое государство – такой тип государства, власть которого основана на праве, им ограничивается и через него реализуется. Однако стоит упомянуть, что Малько А. В. в идее правового государства выделяет два ключевых элемента:

1) свобода человека, наиболее полное обеспечение его прав;

2) ограничение правом государственной власти [с. 96, 4].

На этом мнения ученых не заканчиваются. Так, Морозова Л. А., Перевалов В. Д., Кожевников С. Н., Венгеров А. Б. определяют понятие правовое государство немного по-разному, однако существуют схожие черты, составляющие понятие «правовое государство».

Основываясь на вышеизложенных идеях, мы считаем необходимым самим сформулировать понятие правового государства. Обобщая сказанное, правовое государство – формально закрепленная форма устройства государства, при которой взаимоотношения между индивидуумами, а также между индивидуумами и государством строятся на структурированных нормах права, что способствует формированию правосознательной и законопослушной личности, а также развитию правокультурного общества, построенного на верховенстве праве.

Ответ на третий вопрос, будет близко сопряжен с ответом на второй вопрос, так как в нем мы выделили определения правового государства, что способствует выделению общих черт, присущих каждому правовому государству.

Основываясь на вышеизложенных понятиях, мы считаем, что любому правовому государству присуще следующий ряд признаков:

1) верховенство права;

2) правом власти государства (например, реализация принципа разделения властей);

3) взаимная ответственность государства и личности.

Таким образом, мы раскрыли краткую историю становления правового государства, сравнили понятия правового государства, выделяемые различными учеными, а также установили три основных признака правового государства, однако возникает вопрос: существует ли правовое государство в Российской Федерации?

Высший закон Российской Федерации (далее – РФ), закрепляет, что Россия есть правовое государство [ст. 1,1]. Но необходимо сказать, что в самой Конституции отсутствует понятие, а также формально закрепленные факты, подтверждающие данное положение. Стоит вспомнить «Сталинскую» Конституцию 1936 г. или же «самую демократичную Конституцию», в которой провозглашалось множество прав и свобод, однако определял ли данный факт государство демократическим? Сославшись на мнение ученых Гатауллина А. Г. и Зайнутдинова Д. Р. [с. 152, 8], мы приходим к выводу, что государство не являлось демократическим, так как права и свободы, гарантируемые гражданам Конституцией, лишь провозглашались, но никак не реализовывались.

Поэтому важно определить, почему в современной России отсутствует реализация правового государства, что может способствовать корректировке курса развития Российской Федерации на правовое государство.

Определив три основных признака правового государства, мы можем прийти к выводу о том, что в РФ каждый из этих признаков не выполняется в полном объеме в соответствие с законом. Мы постараемся это аргументировать.

Как уже отмечалось выше, составляющим элементом правового государства является ограничение правом власти государства, и мы приведем в пример такой принцип, как разделения властей. Однако в РФ наблюдается тенденция доминирования исполнительной власти посредством расширения влияния Президента РФ. Данное положение подтверждается поправками в Конституцию РФ, а именно изменениями в п. «б» ст. 83, где Президенту РФ дали право утверждать структуру органов исполнительной власти, а также право определять деятельностью каких органов исполнительной власти он может руководить самостоятельно. Также существует множеством работ ученых о наличии в России четвертой ветви власти – президентской [с. 113, 6]. Это является

проблемой, так как основоположники идеи разделения властей – Ш. Монтескье и Д. Локк – определяли данный принцип как гарантию соблюдения прав и свобод человека и гражданина, посредством обеспечения баланса между ветвями власти (законодательной, исполнительной и судебной), а также защиту граждан от государственного произвола.

Но что будет, если одна из властей начнет доминировать? Это приведет только к негативным последствиям, так как нами уже было выше отмечено: реализация принципа разделения властей – гарантия прав и свобод человека.

Другим упомянутым нами признаком правового государства является наличие верховенства закона. Под верховенством закона обычно понимается главенство закона в системе нормативно-правовых актов. Однако реализация данного принципа в РФ затрудняется ввиду того, что внутри государства наблюдается недостаточно эффективное взаимодействие положений российского законодательства и международно-правовых актов.

Стоит добавить, что вопрос соотношения международных норм с устоявшимися нормами Российского государства достаточно давно поднимается в научной литературе.

Представляется необходимым отметить мнение научного исследователя в данной области права Антонова М. В., который считает, что существуют определенные конфликты между международными нормами, регламентирующими права и свободы человека, и понятием суверенитета [с. 74, 9]. Антонов М. В. считает, что для становления государства правовым, необходимо соблюдать определенный баланс между перечисленными выше аспектами.

Таким образом, ввиду наличия конфликта между национальными и международными нормами, нарушается принцип верховенства закона. Для аргументации этого тезиса мы приведем пример: поправка в ст. 79 Конституции РФ, которая гласит: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации». По мнению экспертов и ученых, данная поправка направлена главным образом на решение проблем, касающихся исполнения решений и постановлений Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Это значит, что Конституционный суд РФ может вынести решение, согласно которому постановление ЕСПЧ не может быть исполнено.

Другим немаловажным аспектом, нарушающим один из признаков правового государства – взаимную ответственность между государством и личностью, является наличие в РФ коррупции.

Так, по мнению Ждановой М. К., в РФ продолжает сохраняться проблема коррупции, которая оказывает непосредственное влияние на процессы развития

правового государства. Данная проблема оказывает деструктивное воздействие на деятельность органов государственной власти, приводит к нарушениям в области обеспечения прав и свобод граждан [с. 69, 5].

Взаимная ответственность невозможна, ввиду распространенности коррумпированных отношений в сфере государственного управления. Государственные органы ввиду коррупции осуществляют свою деятельность не в пользу государства, а в личных целях, преследуя финансовую или иную выгоду. Мы считаем, что эта проблема действительно существует, что подтверждается статистическими данными [10]. Основываясь на статистике, мы пришли к выводу, что в РФ высокий уровень коррупции. Именно проблема коррупции является наиболее острой, множество государственных сил используется для подавления коррупции. Мы считаем, что только радикальными способами коррупция может быть побеждена.

Подводя итоги, стоит сказать, что мы кратко исследовали историю становления правового государства, выявили свое личное мнение о понятии правового государства, основываясь на мнении различных ученых.

Посредством всего вышеперечисленного мы определили основные три признака правового государства. На основе данных признаков нами были определенны основные проблемы в Российском государстве, мешающие развиваться и функционировать РФ как правовое государство в полном объеме.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 с изм., одобрен. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Антонов М. В. Об определении понятия «правовое государство» / М. В. Антонов // URL: https://lawjournal.hse.ru/data/2013/02/23/1306561695/3–2010–13.pdf (дата обращения: 24.09.2025).
3. Галиева Г. А, Сакаева В. Ф. Правовое государство: сущность, принципы и особенности формирования // Экономика и социум. 2014. № 3(12). С. 96–105;
4. Гатауллин А. Г., Зайнутдинов Д. Р. Конституция СССР 1936 года: модель «Репрессивного конституционализма» // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 2 (36). С. 150–157.
5. Жданова М. К. Проблемы развития правового государства в современной России // Международный научный журнал «Вестник науки». 2022. № 4 Т. 4. С. 67–71.
6. Кареев Н. И. Происхождение современного народно-правового государства. Исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX века. М., 1908. С. 625;
7. Радченко В. И., Угланова О. А. Администрация Президента Российской Федерации: рабочий аппарат или четвертая ветвь власти // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6. С. 111–118.

8. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // URL: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_2022_godovaya/F1-svod_vse_sudy-2022.xls (дата обращения: 24.09.2025).
9. Теория государства и права: учеб. / под ред. А. В. Малько. М.: Кнорус, 2011. С. 458.
10. Хропанюк В. Н. Теория государства и права: учеб. М.: Омега – Л., 2011. С. 323.

УДК 351.74

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ОСНОВАМ РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***В. Е. Луценко**, профессор кафедры специальных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат философских наук*

Статья посвящена особенностям обучения основам русского жестового языка сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Рассматриваются правовые и организационные основы обучения. Формулируется актуальность и рекомендации к преподаванию языка жестов для сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: русский жестовый язык, дактильная речь, обучение сотрудников, профессиональное обучение, эффективное обучение, коммуникативные навыки.

FEATURES OF TEACHING THE BASICS OF RUSSIAN SIGN LANGUAGE TO EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

***V. E. Lutsenko**, professor of the Department of Special Disciplines of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Philosophy*

The article is devoted to the peculiarities of teaching the basics of Russian sign language to employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The legal and organizational bases of training are considered. The relevance and recommendations for teaching sign language for law enforcement officers are formulated.

Keywords: Russian sign language, dactylic speech, employee training, professional training, effective training, communication skills.

Для обеспечения наилучшей интеграции граждан с нарушением слуха, а также равноправного доступа к объектам и услугам важнейших сфер деятельности, создаются условия, способствующие их активному участию в жизни общества. Это подчеркивает необходимость, чтобы люди, особенно работающие в общественных профессиях, владели навыками русского жестового языка, также это касается сотрудников правоохранительных органов.

Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) уделяет внимание этой проблеме и стремится улучшить коммуникацию и интеграцию людей с ограниченными возможностями слуха с правоохранительными органами. Для этого разработана нормативная база по обучению сотрудников знанию русского жестового языка: приказ МВД России от 12 мая 2015 г. № 544 «Об утверждении порядка определения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует владения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации навыками русского жестового языка», определяет должности, для которых знание жестового языка является обязательным; приказ МВД России и Минобрнауки России от 15 июня 2015 г. № 681/587 «Об объеме владения навыками русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, замещающими отдельные должности в органах внутренних дел Российской Федерации», устанавливает объем необходимых знаний жестового языка для сотрудников, занимающих определенные должности.

Также знание основ жестового языка стало обязательным для некоторых должностей в органах внутренних дел (далее – ОВД). Согласно ч. 3.1 ст. 12 Федерального закона № 342-ФЗ от 30 ноября 2011 г. «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», сотрудники, занимающие отдельные должности, обязаны знать жестовый язык.

В образовательных организациях системы МВД России обучение сотрудников основам русского жестового языка ведется уже несколько лет. Начиная с 2015 г. полицейские осваивают основную программу профессионального обучения «Повышение квалификации сотрудников подразделений дежурных частей, участковых уполномоченных полиции, патрульно-постовой службы, по обеспечению безопасности дорожного движения, уголовного розыска, по вопросам миграции по теме: Обучение навыкам русского жестового языка». Программа рассчитана на 72 часа.

С 2019 г. отделом организации профессионального обучения и дополнительного образования Управления организации подготовки кадров ДГСК МВД России разработаны примерные основные программы профессионального обучения по должности служащего «Полицейский», и дисциплина «Основы

русского жестового языка» включена во все направления профессиональной подготовки. Дисциплина составляет 28 часов.

Лишь к 2020 г. эта дисциплина появилась в образовательных программах высшего образования – программах бакалавриата и специалитета. «Основы русского жестового языка» стали частью дисциплины «Основы профессиональной деятельности», сохранив объем 28 часов [5].

Внедрение данной дисциплины в учебный процесс потребовало от учебных заведений подготовки преподавателей и соответствующей методической базы.

Современные условия работы требуют от преподавателей пересмотра привычных форм работы с учащимися. Знаний учебной дисциплины уже недостаточно: умелое применение современных обучающих средств, таких как мультимедийные презентации, онлайн-курсы и интерактивные учебники, демонстрирует компетентность преподавателя, а их отсутствие указывает на необходимость пересмотра профессиональных навыков.

При подготовке учебных материалов для обучения сотрудников полиции основам русского жестового языка необходимо учитывать как традиционный очный, так и дистанционный формат обучения.

Для эффективного обучения основам русского жестового языка используются различные методы, среди которых:

– создание мультимедийных презентаций;

– применение телекоммуникационных платформ таких как СДОТ (Система дистанционного образования и тестирования), ИСОД (Единая система информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России);

– разработка комплекса упражнений для использования на указанных платформах;

– создание и размещение электронных дидактических материалов по дисциплине [1].

Кроме того, процесс преподавания русского жестового языка усложняется рядом факторов. Один из них: отсутствие письменной формы языка. Это вызывает трудности с фиксацией жестов в конспектах для последующего повторения, что затрачивает значительное количество времени. Также отсутствие унифицированного варианта языка и академического словаря русского жестового языка приводит к тому, что в видеословарях могут демонстрировать разные варианты одного и того же жеста. Для решения этих проблем все выученные жесты повторяются на каждом занятии с самого начала, а видеословарь записывается как раздаточный материал с наглядной демонстрацией изучаемых жестов для самостоятельного повторения.

При проведении занятий по программе повышения квалификации часто возникают ситуации, когда в одной группе оказываются участники с различным уровнем знаний: одни – молодые специалисты, недавно завершившие курс

профессионального обучения и им уже знакомы основы дактильной и жестовой речи, другие – сотрудники без каких-либо знаний в этой сфере. Это ставит перед преподавателем сложную задачу – поддерживать интерес у уже опытных слушателей и в то же время доступно объяснить материал новичкам [2].

Методически эта проблема решается так: более подготовленным слушателям предоставляется возможность быть в роли «наставников». Они демонстрируют дактильную азбуку и определенные жесты, освоенные ими во время изучения основной программы профессионального основного обучения. Также наиболее подготовленные выступают в роли старших в микрогруппах: осуществляют контроль выполнения заданий менее опытными слушателями, что создает эффект индивидуального подхода к каждому участнику.

Особенность обучения русскому жестовому языку и успешное усвоение материала состоит в многократном повторении как дактильной азбуки, так и жестов. Особенно актуальна эта проблема в рамках программы повышения квалификации, где в течение десяти дней проводится интенсивное изучение жестового языка, из-за чего может снизиться познавательная активность учащихся. Чтобы сохранить их интерес и избежать однообразия в занятиях, необходимо использовать разнообразные методические приемы. Значительное внимание уделяется активному взаимодействию всех участников учебного процесса (интерактивный подход).

Так, когда один из слушателей переводит текст, остальные в это время должны делать последовательный перевод, показывая, что они умеют выделять и распознавать изученные жесты в потоке речи и адекватно переводить текстовую информацию. Недопустимо, чтобы «один или двое работали, а остальные просто наблюдали за ними» [5].

В качестве самостоятельной работы для улучшения навыков дактильной речи слушателям предлагается подготовить на дактиле любимые цитаты, высказывания, отрывки из стихотворений, песен и так далее. При таком подходе проявляется больший интерес к дактильному воспроизведению и чтению, чем при работе с обычными текстами.

Также для разнообразия обучения и активизации слушателей эффективно использовать игровые элементы, такие как дактилирование пословиц на скорость, отгадка загадок и ответы на них дактилем, командные игры – назвать как можно больше жестов на одну букву дактильного алфавита. Эти методы активизируют мыслительную деятельность, способствуют развитию памяти и мышления слушателей [2].

А также используются такие приемы:

– моделирование ситуаций, в которых сотрудники полиции взаимодействуют с людьми с нарушениями слуха на жестовом языке, что способствует практическому применению жестов;

– показ видео, снятого самими обучающимися, с дальнейшим обсуждением на занятиях;

– демонстрация жестовых песен или поэтических произведений в жестовом исполнении, которые соответствуют изучаемой тематике. Это помогает не только сменить вид деятельности, снизить напряжение, повысить мотивацию, но и закрепить жесты. Таким образом, слушатели могут увидеть особенности использования жестов в различных ситуациях, освоить новые жесты, расширить свой словарный запас.

Важным для преподавания данной дисциплины является наличие достаточных дидактических материалов. На сегодняшний день преподавателями вузов МВД России по дисциплине «Основы русского жестового языка» подготовлено уже ряд базовых учебных пособий. Данные источники удовлетворяют требованиям к такого рода обучающим материалам: включают в себя разнообразные иллюстрации, множество упражнений и тестов, также учитывают возможность активного использования данных учебников студентами заочной формы обучения, для самостоятельного изучения материала по месту проживания. Также для улучшения образовательного процесса по дисциплине «Основы русского жестового языка», особенно для учащихся дистанционного обучения, нами был разработан электронный практикум «Основы дактилологии и русского жестового языка» [3].

Изучение русского жестового языка на основе нашего преподавательского опыта дало возможность определить проблемы, установить основные принципы и разработать методы, которые делают учебный процесс более продуктивным. Занятия по основам русского жестового языка приносят пользу и способствуют инклюзии. Наши слушатели и курсанты были приятно удивлены, узнав о многочисленных преимуществах освоения русского жестового языка:

Знание жестового языка позволяет общаться с глухими и слабослышащими людьми, помогая им в повседневных делах.

Это не только новый способ общения, но и уникальная культура.

Изучение жестового языка развивает зрительную память, концентрацию, координацию движений и способности к невербальной коммуникации. Знание русского жестового языка обогащает обычные коммуникативные навыки, способствуя развитию эмпатии, а также умению слушать, понимать и поддерживать людей. Освоение русского жестового языка улучшает доступ глухих и слабослышащих к информации [4].

Жестовый язык не только полезен, но и невероятно занимателен! Открыв для себя новый способ самовыражения, вы научитесь передавать эмоции и мысли без слов, удивляя и вдохновляя окружающих.

Список источников

1. Гнездилова Е. В. Особенности обучения навыкам русского жестового языка сотрудников полиции / Е. В. Гнездилова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 4(94). – С. 161–167.
2. Зраева И. М. Опыт преподавания русского жестового языка в Брянском филиале Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России: проблемы и пути преодоления / И. М. Зраева // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2023. – № 2(100). – С. 165–173.
3. Липина Е. А. Из опыта преподавания русского жестового языка сотрудникам полиции в системе дополнительного профессионального образования / Е. А. Липина // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2018. – № 1(72). – С. 79–85.
4. Липина Е. А. Практические аспекты обучения русскому жестовому языку сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации / Е. А. Липина // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2017. – № 1(8). – С. 175–182.
5. Рунаев Р. Ю. Использование мультимедийных технологий в преподавании дисциплины «Основы русского жестового языка» / Р. Ю. Рунаев, А. В. Войтов // Современное образование: традиции и инновации: материалы Третьей междунар. науч.-метод. конф.; Волгоград, 21 апреля 2023 г. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2023. – С. 135–139.

УДК 340, 7.067, 174

ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ СЛЕДОВАТЕЛЯ ЧЕРЕЗ ОБРАЗ, СОЗДАННЫЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

***А. В. Миронова**, начальник кафедры уголовного процесса Московского областного филиала Московского ордена Почета университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;*

***Ю. С. Мандрыка**, доцент кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук*

В статье анализируются приемы, с помощью которых в кинематографе раскрываются личностные и профессиональные качества следователя. Формулируются выводы о необходимости их критического осмысления, с учетом допустимости в произведениях искусства художественного вымысла, гротеска для повышения зрительского интереса, о возможностях кинематографа повышения интереса к профессии следователя.

Ключевые слова: следователь, образ, кинематограф, профессия.

STUDYING THE PERSONAL AND PROFESSIONAL QUALITIES OF AN INVESTIGATOR THROUGH THE IMAGE CREATED IN DOMESTIC CINEMA

***A. V. Mironova**, head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow Regional Branch named after V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor;*

***Yu. S. Mandryka**, associate professor of the Department of Criminal Procedure at the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Pedagogy*

The article analyzes the techniques used in cinema to reveal the personal and professional qualities of an investigator. The article formulates conclusions about the need for critical reflection, taking into account the permissibility of artistic fiction and grotesque in works of art to increase viewer interest, and about the potential of cinema to increase interest in the profession of an investigator.

Keywords: investigator, image, cinema, profession.

Вопрос выбора профессии обычно возникает еще в детстве, когда ребенок, подражая взрослым, в игре изображает врача, летчика, учителя, военнослужащего, полицейского. Первоначального решения этот вопрос требует по окончании школы, при выборе организации для получения высшего образования. При отсутствии собственного опыта молодой человек ориентируется на информацию, получаемую из разных источников о представителях наиболее привлекательных для него профессий. Одним из таких источников является самый массовый вид отечественного искусства – кинематограф, в котором с середины 50-х гг. XX в. большую популярность завоевал детективный жанр, обязательным героем которого является сыщик, следователь.

Со дня образования следственных подразделений органов внутренних дел, кинорежиссеры и сценаристы неоднократно создавали в кино образ следователя. И чем интереснее характер героя и увлекательнее сюжет, тем выше был интерес к этой профессии.

Проведенный авторами статьи опрос среди представителей разных возрастных категорий, показал, что около 24 % респондентов получили информацию о профессии следователя из произведений искусства. В более чем 90 % случаев – это происходило при просмотре кинофильмов. Из числа действующих и вышедших на пенсию следователей, 43 % опрошенных указали, что сделали выбор профессии под влиянием просмотра кинокартин о расследованиях. Многие из них признались, что в кино следственная работа совсем не такая как в жизни.

Каким же предстает на киноэкране следователь и насколько этот образ соответствует личностным и профессиональным качествам, предъявляемым к сотрудникам, выполняющим его полномочия в реальной служебной деятельности?

Предварительному следствию органов внутренних дел уже более 60 лет, за этот период кинозрителю были представлены яркие герои-следователи. Среди них, внимательный и обстоятельный Максим Подберезовиков из кинофильма «Берегись автомобиля», справедливый и беспристрастный Павел Павлович Знаменский из телесериала «Следствие ведут ЗнаТоКи», принципиальный Иван Запарин из фильма «Адвокат», умный, но склонный к злоупотреблениям властью Сергей Глухарев из телесериала «Глухарь», целеустремленный и правдолюбивый Олег Хлебников из сериала «Зверобой», неравнодушный и ответственный Денис Жданов из веб-сериала «Цифровой код» [1] и другие.

В кинофильмах, снятых в течение нескольких десятилетий, герой, воплотивший в своем образе черты следователя органов внутренних дел, выглядел по-разному. В нем отражается каждый исторический этап с определенным мировоззрением, условиями жизни, этическими установками, уровнем развития техники.

В советский период через кинематограф происходило воспитательное воздействие на общество в целях формирования у граждан таких качеств, как дисциплинированность, трудолюбие, самостоятельность, коллективизм, ответственное отношение к любому делу. Образ следователя Знаменского был близок к идеалу того, каким должен быть сотрудник органов внутренних дел и просто человек. Знаменитый «Пал Палыч» и его коллеги действуют строго в рамках закона, их внешний вид безукоризнен, стиль общения с даже рецидивистом, отъявленным мошенником или бандитом, подчеркнуто вежливый. Сотрудники правоохранительных органов в фильмах 70–80-х гг. демонстрируют в ходе расследования высокий уровень познаний и эрудиции.

Вместе с тем сценаристы и режиссеры довольно часто наделяют персонажей преувеличенно положительными или отрицательными качествами [2, с. 98]. В советском кино в положительных качествах демонстрировалась модель поведения, которой должен придерживаться представитель закона и в жизни. Художественные образы вызывали чувство доверия, уважение к профессии, стремление стать такими же специалистами и людьми. По фильмам вполне можно было обучать отношению к служебным обязанностям и поведению. За создание «совершенных» работников милиции в последующем стали критиковать советскую художественную литературу и кинематографию.

От жесткой цензуры, не допускавшей в массовое искусство даже намека на то, что у представителей власти могут быть человеческие слабости или пороки, в период перестройки, наступившей в конце 80-х начале 90-х гг. XX в., в нашей стране перешли к провозглашению свободы слова. Лавина критики обрушилась на государственные институты, в том числе и на органы внутренних дел [3, с. 83].

От подчеркнуто идеальных следователей кинематографисты, угождая политической моде, а иногда и заказчиками фильмов, среди которых были и представители криминального сообщества, перешли к созданию образов олицетворявших собой, как нам представляется, все то, с чем хотелось бороться. В телефильме «Адвокат» показан следователь Авдеев, который мечтая лишь о спокойной жизни на пенсии и отсутствии проблем на службе, при поддержке оперуполномоченного уголовного розыска и одного из руководителей, готов не обращать внимания на противоречивые факты и доказательства, даже если из-за этого будет осужден невиновный. В противоположность Авдееву следователь Иван Запарин стремится к честному исполнению служебного долга, но сталкивается с противодействием расследованию его сослуживцев, равнодушных к человеческим судьбам, преследующих лишь свои частные интересы. Результатом ответственного отношения к обязанностям следователя Запарина становится его отстранение от уголовного дела, перевод на нижестоящую должность в другую службу.

Известным является киноприем, когда в одних сценах (фильмах) показана работа «доброго» и «злого» следователя, демонстрирующая зрителю

внутренний конфликт, в котором герой разбирается в собственном отношении к проблемам беззакония и безнаказанности, и внешний конфликт, проявляющийся в борьбе с теми, кто эти проблемы создает. В образе следователя Сергея Глухарева авторы также делают акцент на сочетании положительных и отрицательных качеств, таких как прямолинейность и корыстолюбие, пренебрежение к нормам профессиональной этики и преданность в дружбе. Он может быть смелым, бесшабашным, решительным, но, вместе с тем не выдерживает напряжения и рутины повседневной работы, скрываясь от реальности, употребляя запрещенные вещества.

Авторский акцент на негативных качествах персонажей способствует возникновению у зрителей чувства отрицания подобных поступков лиц, в чьи обязанности входит охрана и защита прав пострадавших от преступлений, и подвергаемых уголовному преследованию от незаконного и необоснованного обвинения. Вместе с тем воспринимаются неоднозначно некоторые эпизоды, например, такие, как допрос несовершеннолетнего в четвертой серии «За что?» фильма «Глухарь. Продолжение». Посмотрев видеозапись, снятую самими подростками во время жестокого избиения мужчины без определенного места жительства, которого они облили бензином и подожгли, Глухарев желает узнать у участника этого события, для чего он и его сообщник это сделали. Выяснение мотива и цели преступления является обязательным в процессе расследования. Но, применяемые методы допроса несовершеннолетнего в отсутствии законного представителя и защитника, когда следователь с силой хватает его за одежду, прижимает к стене, демонстрирует своё физическое преимущество, недопустимы. Безусловно, кинофильм не является учебным пособием для изучения порядка следственного действия. Любой фильм можно воспринимать исключительно как определенную историю, повествующую о событии или личности. Он должен быть интересен зрителю. В нем допустим художественный вымысел, элементы мистики и фантастики. Вместе с тем фильм может повлиять на взгляды и убеждения или просто заставить задуматься над чем-то важным.

В вышеприведенном примере в поведении следователя ощущается внутренняя борьба чувств справедливости и мести, вызванная жестокостью и цинизмом подростков из благополучных семей. У любого зрителя подобное поведение подростков вызовет гнев и желание увидеть виновного наказанным. В фильме же при всей противоречивости личных черт, которыми авторы наделили персонажа, он не хочет преступать черту, уподобившись тем, кого в данный момент осуждает и не может понять. В отличие от другого следователя из фильма «Зверобой», в котором Олег Хлебников сознательно совершает самосуд. В ходе предварительного следствия он установил причастность известного человека к серии сексуальных преступных посягательств против несовершеннолетних, и застрелил его при задержании, считая, что иначе педофил избежит ответственности благодаря

своим связям. Несмотря на то, что во избежание ненужной огласки истории о преступных наклонностях медийной личности, Хлебникова в наказание лишь «выслали» из столичного города в провинцию, в течение всего фильма он несет психологический «груз» содеянного. Прежняя налаженная жизнь потеряна, но остались неизменными убеждения о необходимости защиты пострадавших от преступлений любой ценой.

Завершая небольшое исследование, отметим, что в фильмах последних лет в образах следователей показаны разные характеры и уровень профессионализма. Но основной вектор указывает на то, что следователь всегда должен стоять на страже интересов общества, государства, хотя это предназначение показано в кинематографе через призму условий жизни, общественного мнения, государственной политики в определенный период.

О деятельности следственных органов у людей часто складывается противоположное мнение, что вполне понятно и обусловлено присутствием внешних и внутренних конфликтов. К примеру, следователь в ходе расследования должен защитить права сторон участников уголовного судопроизводства с противоположными интересами (защиты и обвинения). Борьба с негативными последствиями преступлений происходит не только во внешних отношениях, но и внутри системы органов предварительного расследования. Сотрудники ежедневно сталкиваются с тяжкими последствиями деяний, цинизмом и агрессией, изломанными судьбами людей, разбираясь при этом со своими чувствами к преступлению и преступнику.

Считаем, что как чрезмерная идеализация профессии, так и преувеличение негативных черт в равной степени отрицательно влияют на отношение людей к сотрудникам следственных органов. Учитывая важность работы следователя для обеспечения правопорядка и защиты интересов государства, общества и личности, в кинематографе следует создавать образы следователей, через которые можно познакомиться с профессией, не создавая к ней негативного отношения. Произведения, в которых автор создает следователя-антигероя, негативно сказываются на доверии общества к работе следователя, и к правоохранительным органам в целом.

Список источников

Произведения кинематографа

1. Адвокат, «Ленфильм», Творческое объединение «Петрополь», 1990 год, режиссёр И. Хамраев, сценарист И. Агеев.
2. Берегись автомобиля, Мосфильм, 1966 год, режиссер Э. Рязанов.
3. Глухарь. Продолжение. Телекомпания «DIXI Медиа», 2009 год, режиссер Ю. Попович, сценарист И. Куликов.

4. Следствие ведут ЗнаТоКи, Главная редакция литературно-драматических программ ЦТ (1971–1989), режиссеры В. Бровкин, Ю. Кротенко, В. Турбин, Г. Павлов, В. Давидчук, В. Хотиненко, В. Сорокин.
5. Цифровой код, студия «Институт развития интернета» (ИРИ), 2023 год 1–4 серия, режиссёр: Александр Люман-Мосийченко, сценаристы О. Хазов, Н. Тумова.

Научные статьи

6. Кочкин А. А. Не могу молчать: некоторые особенности репрезентации образа сотрудника органов внутренних дел в современном отечественном кинематографе // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 1. С. 95–99.
7. Любивая Г. А. Образ защитника правопорядка в постсоветской культуре (на материалах кинематографа) // Философия права. 2015. № 3 (70). С. 83–86.

УДК 342.9

ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ УСТАВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК НОРМАТИВНЫЙ КОДЕКС СЛУЖЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

***Е. С. Молоков**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматривается Дисциплинарный устав органов внутренних дел Российской Федерации как ключевой нормативный акт, регулирующий служебную дисциплину в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации. Подчеркивается его роль не только как инструмента правового регулирования, но и как кодекса профессионального поведения, сочетающего правовые, организационные и этические аспекты деятельности сотрудников полиции.

Ключевые слова: дисциплинарный устав, органы внутренних дел, служебная дисциплина, проступок, дисциплинарное взыскание, приказ руководителя, меры поощрения.

THE DISCIPLINARY CHARTER OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES AS A NORMATIVE CODE OF OFFICIAL DISCIPLINE

***E. S. Molokov**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article considers the Disciplinary Statute of the internal Affairs bodies of the Russian Federation as a key normative act regulating official discipline in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Its role is emphasized not only as an instrument of legal regulation, but also as a code of professional conduct that combines the legal, organizational and ethical aspects of the activities of police officers.

Keywords: disciplinary regulations, internal affairs bodies, official discipline, misconduct, disciplinary action, executive order, incentive measures.

Как справедливо отметил министр внутренних дел В. А. Колокольцев, одной из важнейших задач является улучшение дисциплины и повышение законности

личного состава [4]. Это обусловлено тем, что высокий уровень дисциплины и правовой культуры сотрудников напрямую влияет на эффективность правоохранительной деятельности и имидж сотрудников в глазах граждан.

В каждой силовой структуре имеется свой дисциплинарный устав. Одна из самых многочисленных силовых структур в России – органы внутренних дел (далее – ОВД). Особенность этой многочисленной структуры заключается в том, что сотрудники ОВД, в отличие от своих коллег с других силовых структур, по долгу службы в своей повседневной деятельности теснейшим образом взаимодействуют с обществом по разным вопросам с жителями страны (раскрытие преступлений, охрана общественного порядка, работа с трудными подростками и т. д.).

Дисциплинарные уставы в системе ОВД прошли длительный историко-правовой путь эволюции начиная с первых нормативных актов советской милиции, они неоднократно пересматривались, адаптировались к меняющимся социально-политическим условиям и совершенствовались в соответствии с требованиями времени [3, с. 224]. На сегодняшний день действующим нормативным основанием дисциплинарных правоотношений в ОВД выступает Дисциплинарный устав, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 14.10.2012 № 1377. Данный акт закрепляет единые для системы МВД России правила, обязательные требования и стандарты служебного поведения сотрудников, а также определяет порядок реализации дисциплинарной ответственности за их нарушение [2].

Данный акт представляет собой завершенный этап кодификации дисциплинарных норм в системе ОВД, объединяя в себе как традиционные принципы служебной субординации, унаследованные от предшествующих, так и современных подходов к обеспечению правовой ответственности, профессиональной этики и баланса интересов личности сотрудника и государства. В отличие от ранних редакций дисциплинарных уставов, носивших преимущественно репрессивный характер, действующий устав ориентирован на формирование у личного состав сознательной дисциплины, основанной на уважении закона, внутренней ответственности и служебной чести.

Устав в отличие от общих положений Трудового кодекса Российской Федерации или Федерального закона от 30.11.2011 № 342 «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] детализирует механизмы поддержания служебной дисциплины, устанавливая не только запреты и обязанности, но и воспитательно-профилактическую функцию дисциплинарной политики.

Устав охватывает широкий спектр дисциплинарных правоотношений и включает в себя восемь глав, последовательно регулирующих следующее.

1. Общие положения – определяют правовой статус Устава, обязанности и ключевые понятия.

2. Обязанности сотрудника – акцент на субъективной ответственности, уважении субординации, соблюдении этических норм и конфиденциальности.

3. Обязанности руководителя – подчеркивает не только право, но и персональную ответственности начальника за состояние дисциплины в подчиненном подразделении.

4. Исполнение приказов – устанавливает баланс между безусловным подчинением и ограничением на исполнение заведомо незаконных распоряжений, что соответствует конституционному принципу «верховенство закона».

5. Меры поощрения – формирует стимулирующую функцию дисциплины, включая как моральные (благодарность, грамота), так и карьерные (досрочное присвоение звания) форма признания.

6. Дисциплинарные взыскания – детализируют не только санкции (от замечания до увольнения), но и процедурные гарантии (требование письменного объяснения, запрет на не предусмотренные Уставом взыскания, индивидуализация ответственности).

7. Учет поощрений и взысканий – обеспечивает преемственность оценки служебного поведения в рамках кадровой политики.

8. Порядок обжалования – гарантирует сотруднику право на защиту, что соответствует принципам справедливого административного разбирательства.

Важно отметить, что Устав не ограничивается регуляцией «вертикальных» отношений «начальник – подчиненный». Он вводит элементы горизонтальной ответственности: статья 6 обязывает старших по подчиненности требовать от младших соблюдения дисциплины, что способствует формированию коллективной культуры ответственности.

Таким образом, Дисциплинарный устав ОВД выступает не просто формальным сборником правил, а нормативным кодексом служебной дисциплины, интегрирующим правовые, организационные и этические аспекты профессионального поведения сотрудника полиции. Его положения направлены на обеспечение внутреннего порядка, выработки профессиональной ответственности и следованию служебного долга. Так же положения, закрепленные в Уставе, по нашему мнению, обеспечивают баланс прав между сотрудником и руководителем, способствуют реализации взаимной ответственности в рамках служебных правоотношений.

Список источников

1. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ: ред. от 28.12.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Козлов С. С., Молоков Е. С. Эволюция дисциплинарного устава: от советской милиции до современной полиции, и его роль в регулировании служебной деятельности // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 9(237). – С. 224–227.
4. Правила жизни Владимира Колокольцева // Право.ру: [сайт]. URL: https://pravo.ru/story/view/120822/ (дата обращения: 10.11.2025).

УДК 159.9

КОММУНИКАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

***А. А. Морозова**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена определению значимости коммуникативных компетенций в профессиональной подготовке сотрудников полиции. В работе рассматриваются основные понятия: «компетенция», «компетентность» и «коммуникативные компетенции». Важность этих компетенций для правоохранительной деятельности доказывается с двух сторон. С одной стороны, она подтверждается реальными задачами полицейских, а с другой – закреплена в требованиях федеральных государственных образовательных стандартов.

Ключевые слова: компетентность, компетенция коммуникация, коммуникативные компетенции, профессиональная компетентность, сотрудник полиции.

THE COMMUNICATIVE COMPONENT OF AN INTERNAL AFFAIRS OFFICER'S PROFESSIONAL COMPETENCE

***A. A. Morozova**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article is devoted to determining the significance of communicative competencies in the professional training of police officers. The paper examines the main concepts: "competence," "competency," and "communicative competencies." The importance of these competencies for law enforcement is proven from two perspectives. On the one hand, it is supported by the real tasks of police officers, and on the other hand, it is enshrined in the requirements of federal state educational standards.

Keywords: competence, communication competence, communicative competencies, professional competence, police officer.

Коммуникативная составляющая является неотъемлемым и критически важным элементом профессиональной деятельности полицейского. Специфика службы предполагает постоянное взаимодействие с крайне разнородным контингентом,

дифференцированным по социальным, демографическим и мировоззренческим признакам. При этом коммуникация изначально протекает в условиях потенциального или актуального конфликта, поскольку инициируется, как правило, в связи с негативными или кризисными событиями. Уже на начальной стадии взаимодействия сотрудник сталкивается с коммуникативными барьерами, порождаемыми сопротивлением граждан самому факту вмешательства в их личностное пространство. Важно подчеркнуть, что природа этих барьеров не сводится лишь к процессуальному статусу участника (будь то подозреваемый, потерпевший или свидетель) – правомерное противодействие общению может быть обусловлено чисто психологическими и коммуникативными факторами. С этой точки зрения эффективность служебной деятельности детерминирована качеством коммуникации, что актуализирует задачу целенаправленного формирования специальной коммуникативной компетенции у сотрудников органов внутренних дел.

Компетентность представляет собой интегративное качество личности, детерминирующее ее подготовленность к успешному решению задач в конкретной профессиональной сфере. Это качество операционализируется через систему компетенций – конкретизированных требований, фиксирующих способность индивида к выполнению специализированных действий, составляющих основу профессии. Например, в контексте юридической деятельности такой компетенцией является «владение правовым инструментарием», что подразумевает навыки оперирования терминологией, интерпретации нормативных предписаний и критического анализа предшествующей профессиональной практики. Таким образом, компетенция раскрывается как способность к осуществлению ключевых операций (таких как анализ, толкование, применение), конституирующих профессиональное поведение юриста.

Коммуникативная компетентность – это совокупность качеств, которые делают общение человека успешным и продуктивным. Она складывается из нескольких взаимосвязанных аспектов. Во-первых, это владение теоретическими основами и правилами общения. Во-вторых, это реалистичное восприятие себя в процессе коммуникации. В-третьих, это практические умения: эффективно представлять себя, налаживать контакт с собеседником, устранять возникающие недопонимания, а также анализировать итоги общения и гибко менять свою тактику, учитывая предыдущий опыт.

В научной литературе коммуникативная компетентность сотрудников полиции рассматривается в качестве одного из ключевых факторов формирования доверия граждан к полиции [4, с. 32–35; 8, с. 186–188], эффективности руководства и организации взаимодействия в служебном коллективе [5, с. 76–80], реализации возможностей межведомственного взаимодействия [9, с. 56–60], а также успешности профессиональной деятельности и достижения профессионально–значимых целей [7, с. 259–260; 6, с. 104–106].

Исследования и практика показывают, что умение эффективно общаться является ключевым для профессиональной деятельности полицейского. Чтобы понять, насколько развитие этого навыка закреплено официально в системе обучения, необходимо обратиться к законодательным документам. Анализ Федеральных государственных образовательных стандартов (далее – ФГОС), которые регулируют подготовку будущих сотрудников в вузах МВД России, подтверждает: в них прямо указано на необходимость формирования у курсантов коммуникативных компетенций.

Во ФГОС по направлениям подготовки сотрудников полиции предусматривается, что обучающийся, освоивший образовательную программу, должен быть способен: «правильно строить отношения с коллегами, с различными категориями граждан, в том числе с представителями различных национальностей и конфессий» [1], «устанавливать психологический контакт с окружающими .., осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах … » [2], «применять современные коммуникативные технологии, … для академического и профессионального взаимодействия» [3]. Изложенные тезисы позволяют констатировать, что компетентный сотрудник полиции должен обладать развитыми коммуникативными навыками, обеспечивающими эффективное взаимодействие с широким кругом субъектов как в рамках профессиональной деятельности, так и в непрофессиональной среде.

Таким образом, умение выстраивать профессиональный диалог лежит в основе компетентности полицейского. Этот вывод не только логически вытекает из содержания правоохранительной практики, но и законодательно зафиксирован в нормативах, регулирующих подготовку кадров. Коммуникация в работе полиции – особая сфера, требующая целенаправленного и специализированного обучения. Следовательно, уровень развития этих навыков можно считать прямым индикатором профессиональной эффективности сотрудника.

Список источников

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 40.02.02 Правоохранительная деятельность: приказ Министерства образования и науки Рос. Федерации от 12 мая 2014 г. № 509: ред. от 3 июля 2024 г. Доступ из справ. – правовой системы «ГАРАНТ».
2. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.02 Обеспечение законности и правопорядка: приказ Министерства науки и высшего образования Рос. Федерации от 27 июля 2021 г. № 677: ред. от 27 февраля 2023 г. Доступ из справ. – правовой системы «ГАРАНТ».

3. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности: приказ Министерства науки и высшего образования Рос. Федерации от 31 августа 2020 г. № 1138: ред. от 27 февраля 2023 г. Доступ из справ. – правовой системы «ГАРАНТ».
4. Бойченко В. В. О роли этического аспекта культуры речи в профессиональной деятельности сотрудников полиции // Опыт и традиции подготовки полицейских кадров: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., 2022.
5. Земзерева В. И. Коммуникативная компетенция сотрудника полиции как одно из слагаемых культуры устной и письменной речи // Язык. Культура. Общество: материалы заоч. межвуз. науч.-практ. конф., 2021.
6. Зиганшин М. М. Жаргон и культура речи в деятельности сотрудников органов внутренних дел // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 1(4).
7. Пашенцева К. Д., Ануфриева Д. А. Коммуникативная компетентность сотрудников полиции как фактор их успешности в профессиональной деятельности // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 4.
8. Соловейчик М. В. Культура речи сотрудника полиции как способ формирования доверия граждан к органам внутренних дел МВД России на современном этапе // Язык. Культура. Общество: материалы заоч. межвуз. науч.-практ. конф., 2021.
9. Шуленкова М. А. Совершенствование культуры речи сотрудника полиции в условиях образовательной организации системы МВД России // Вестник НЦБЖД. 2019. № 4 (42).

УДК 343.133.3

ПОРЯДОК ИЗБРАНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ФЕВРАЛЕ 2025 ГОДА

***Ю. Г. Овчинников**, начальник кафедры уголовного процесса Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук, доцент*

Предметом исследования является изменения, внесенные в уголовно-процессуальный закон (Федеральный закон от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ) в части избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Дается сравнение принятых новел, раскрываются проблемы новых общих условий, а также трансформированных исключительных обстоятельств. Обосновывается идея введения в научный оборот словосочетания «общие исключительные обстоятельства». Применяя аналогию в уголовном процессе, автор приходит к выводу использовать ряд действующих подзаконных нормативных актов при регулировании уголовно-процессуальных отношений, предусмотренных ч. 21 ст. 108 УПК РФ.

Ключевые слова: гуманизация мер пресечения, общие условия, исключительные случаи, избрание мер пресечения, заключение под стражу, применение насилия, общие исключительные обстоятельства, подозреваемый и обвиняемый, тяжелое заболевание.

THE PROCEDURE FOR CHOOSING DETENTION IN LIGHT OF THE CHANGES IN FEBRUARY 2025

***Y. G. Ovchinnikov**, head of the Department of Criminal Procedure of the Vladivostok Branch of the I. F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor;*

The article discusses the latest amendments made to the Criminal Procedure Law (Federal Law № 13-FZ of February 28, 2025) regarding the choice of a preventive measure in the form of detention. A comparative analysis of the adopted innovations is carried out, attention is focused

on new general conditions, as well as transformed exceptional circumstances. It is proposed to introduce the phrase "general exceptional circumstances" into scientific usage. Applying an analogy in the criminal process, the proposal is justified to use a number of existing subordinate regulations in regulating criminal procedural relations provided for in Part 21 of Article 108 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: humanization of preventive measures, general conditions, exceptional cases, choice of preventive measures, detention, use of violence, general exceptional circumstances, suspect and accused, serious illness.

28 февраля 2025 г. по инициативе Верховного суда Российской Федерации и Правительства Российской Федерации (далее – РФ) после нескольких лет обсуждений [4, 8], в целях гуманизации практики применения самой суровой меры пресечения в виде заключения под стражу, законодателем были внесены радикальные изменения в ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), касающиеся условий ее избрания [1]. Именно существенное ограничение неприкосновенности личности, дает основание данной мере принуждения находиться в постоянном дискуссионном поле видных политических деятелей государства и ученых, занимающихся проблемами уголовного судопроизводства.

До февральских новел одним из условий избрания заключения под стражу являлось преступление, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок *свыше* трех лет, то есть данные преступления относятся к категории средней тяжести, поскольку к небольшой тяжести относятся преступления, за которые максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы (ч. 1 ст. 108 УПК РФ, ч. 2, 3 ст. 15 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ).

В настоящее время законодатель в качестве *общего условия* сконцентрировал одновременное соблюдение двух компонентов: (1) средняя тяжесть (умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает 5-ти лет лишения свободы и неосторожные деяния … – не превышает 10-ти лет лишения свободы) и (2) применение насилия (либо с угрозой его применения). Таким образом, *насилие (как физическое, так и психическое), есть новый, обязательный элемент* при избрании рассматриваемой меры пресечения.

По остальным категориям преступлений (тяжким и особо тяжким) заключение под стражу может быть избрано, независимо от применения насилия (его угрозы) при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения (ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

Безусловно, как и в старой редакции закона, имеются исключительные случаи. Новая редакция также не обошла их, предусмотрев шесть исключений.

Первое исключение (исключение по «общим исключительным обстоятельствам» без насилия). Преступление остается средней тяжести, но *насилие не учитывается*. Данная ситуация возникает, если имеется наличие одного из следующих обстоятельств: (а) подозреваемый или обвиняемый (далее – обвиняемый) не имеет места жительства или места пребывания на территории РФ; (б) его личность не установлена; (в) им нарушена ранее избранная мера пресечения; (г) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда (п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ). Данные обстоятельства предлагаю именовать *«общие исключительные обстоятельства»*, поскольку они неоднократно употребляются в тексте законодательной конструкции анализируемой нормы.

Второе исключение (исключение за преступления небольшой тяжести). Преступление может быть небольшой тяжести (то есть до 3 лет лишения свободы) при наличии одного из обстоятельств: обвиняемый нарушил ранее избранную меру пресечения или он скрылся от органов предварительного расследования или от суда (п. 2 ч. 1 ст. 108 УПК РФ). Данные случаи предусмотрены в «общих исключительных обстоятельствах» в пп. «в» и «г». Если следовать логике законодателя, то по новым правилам, в отличие от прежних, *запрещено избирать заключение под стражу за преступления небольшой тяжести, если обвиняемый не имеет места жительства (места пребывания) на территории РФ или его личность не установлена.*

Третье исключение (исключение за «экономические преступления»), которое также претерпело ряд изменений (ч. 3^1 ст. 108 УПК РФ).

Перечень норм (было и осталось *девять статей* УК РФ), применимый к индивидуальным предпринимателям в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности, либо членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией или в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности (далее – предприниматели) был гуманизирован, путем исключения первых частей, относящихся к преступлениям небольшой тяжести (за исключением ст. 201 УК РФ). *Следовательно, за такие составы в отношении предпринимателей запрещено избирать заключение под стражу.*

Остальные преступления, связанные с экономической деятельностью, избираемые только при наличии одного из «общих исключительных обстоятельств» (кроме неустановления личности), были *сокращены с 42 до 32 составов (24 %).* При этом значительная часть первых частей, относящиеся к преступлениям небольшой тяжести, также были исключены (кроме девяти составов: ч. 5–7 ст. 159, ст. 172–172^3, 185^3, 190, 196, 197 УК РФ).

Четвертое исключение (исключение по отсутствию насилия). Статья 108 УПК РФ дополнилась новой ч. 1^2, в которой перечислены *36 составов преступлений,* в объективной стороне которых *отсутствует признак насилие.*

Из них 28 составов преимущественно первой или второй частями, относятся к категории *средней тяжести* (все преступления предусматривают максимальное наказание в виде лишения свободы сроком до 4 или 5 лет, за исключением ч. 3 ст. 217[1] УК РФ, которое предусматривает 7 лет лишения свободы, но оно с неосторожной формой вины).

Остальные 8 составов преимущественно первой части, относятся к категории *небольшой тяжести* (все преступления предусматривают максимальное наказание в виде лишения свободы сроком до 2 или 3 лет). Они могут быть применены в исключительных случаях при наличии одного их «общих исключительных обстоятельств».

Пятое исключение (исключение по причине наличия социального статуса). Действующая редакция уголовно-процессуального законодательства, значительно расширила *социальный статус граждан*, к которым заключение под стражу на общих основаниях может быть применено только за совершение *тяжких или особо тяжких преступлений*. Ранее ч. 2 ст. 108 УПК РФ акцентировала внимание только на несовершеннолетних [13].

В современных реалиях к таким относятся: (1) несовершеннолетний, (2) беременная женщина, (3) женщина, имеющая малолетнего ребенка, (4) мужчина, являющийся единственным родителем малолетнего ребенка, (5) усыновитель или опекун малолетнего ребенка, (6) единственный родитель, усыновитель, опекун или попечитель ребенка-инвалида.

Однако в отношении данных граждан также предусмотрены исключительные случаи, когда заключение под стражу избирается за преступления средней или даже небольшой тяжести. Так, в уголовном деле должны быть материалы, подтверждающие *совокупность следующих данных*:

– *во-первых*, наличие одного из «общих исключительных обстоятельств»;

– *во-вторых,* а) преступления средней тяжести с применением насилия (либо с угрозой его применения); б) преступления небольшой (8 составов) и средней (28 составов) тяжести, без применения насилия, которые предусмотрены законом в ч. 1[2] ст. 108 УПК РФ.

Шестое исключение (исключение по причине наличия тяжелого заболевания). Изменения и дополнения в ст. 108 УПК РФ акцентировали внимание на моменте, когда законодатель установил *полный запрет* на избрание рассматриваемой меры пресечения, независимо от категории преступлений, личности обвиняемого и применения насилия. В дополненной ч. 2[1] ст. 108 УПК РФ, таким условием является наличие у обвиняемого *тяжелого заболевания*, включенного в перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей, утвержденный Правительством РФ, подтвержденное медицинскими документами.

Достаточно схожая норма имеется в ч. 1[1] ст. 110 УПК РФ, которая появилась в декабре 2010 г. [1]. Она регламентирует порядок изменения заключения

под стражу на основании тяжелого заболевания, перечень которых утверждается Правительством РФ, препятствующего содержанию обвиняемого под стражей и удостоверенного медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования. Вскоре высший орган исполнительной власти утвердил в своем решении перечень необходимых документов: правила медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений; перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений; форму медицинского заключения [3]. Представляется *уместным использовать приведенные подзаконные нормативные акты, при регулировании уголовно-процессуальных отношений, предусмотренных ч. 21 ст. 108 УПК РФ.*

Целесообразно напомнить, что в сентябре 2010 г. глава российского государства внес в Государственную Думу РФ пакет законопроектов, направленных на обеспечение конституционного права подозреваемых и обвиняемых на охрану жизни и здоровья [14]. Поводом для таких действий послужила смерть тяжелобольной 52-летней гражданки В. В. Трифоновой, обвинявшейся в мошенничестве, которая в апреле того же года скончалась в больнице следственного изолятора г. Москвы «Матросская тишина». Несмотря на неоднократные ходатайства защиты изменить обвиняемой заключение под стражу на более мягкую меру пресечения, судья их не удовлетворял. Смерть Трифоновой вызвала широкий общественный резонанс. Правозащитники, законодатели, представители исполнительной власти подняли на новый уровень проблему больных, содержащихся под стражей [6, 7, 11, 12].

В 2008 г. в следственных изоляторах России умерло от заболеваний 276 человек, содержавшихся под стражей, в 2009 г. – 233. Причиной смерти в большинстве случаев стала тяжелая, нередко трудноизлечимая болезнь или патология (запущенные случаи туберкулеза, ВИЧ-инфекции на терминальной стадии заболевания, онкопатология) [14]. Как полагали эксперты, именно тюрьма сделала болезни арестантов смертельными. К таким обвиняемым, считают они, недопустимо применять меру пресечения в виде заключения под стражу [10].

По данным бывшего начальника Управления организации деятельности тюрем и следственных изоляторов Федеральной службы исполнения наказаний РФ В. В. Цатурова, в мае 2010 г. общая численность тяжелых больных в следственных изоляторах России составляла около 130 тыс. человек [9].

Уполномоченный по правам человека в РФ Т. Н. Москалькова в докладе за 2024 г. отмечала, что «суровая мера пресечения нередко избирается в отношении одиноких женщин, имеющих на иждивении малолетних детей, инвалидов, тяжелобольных и лиц, преклонного возраста» [4, с. 279–280, 287]. Поэтому изменения, внесенные в уголовно-процессуальный закон в части избрания

меры пресечения в виде заключения под стражу, безусловно, должны повлиять на качественное снижение количества случаев избрания рассматриваемой меры процессуального принуждения.

Список источников

1. О внесении изменений в статью 110 УПК РФ и статью 24 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»: федер. закон от 29.12.2010 № 434-ФЗ // Рос. газета. 2010. 31 дек.
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 28.02.2025 № 13-ФЗ // Рос. газета. 2025. 5 марта.
3. Правила медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений: постановление Правительства Рос. Федерации «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» от 14.01.2011 № 3: ред. от 04.09.2012 // Рос. газета. 2011. 21 янв.
4. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 гг. С. 279–280, 287 // URL: https://cdnstatic.rg.ru/ uploads/attachments/2025/02/25/ doklad_2024_09a.pdf. (дата обращения: 15.08.2025).
5. Замахина Т. Госдума одобрила ограничения на аресты за преступления средней тяжести // Рос. газета. 2023. 24 окт.
6. Козлова Н. Ответственны за смерть // Рос. газета. 2010. 5 мая.
7. Корня А. Не выжила по халатности // Ведомости. 2010. 5 мая.
8. Куликов В. Арест обвиняемого в ненасильственном преступлении будет возможен только в исключительных случаях // Рос. газета. 2025. 12 февр.
9. Куликов В. Больных – на волю // Рос. газета. 2010. 26 мая.
10. Куликов В. Диагноз – неволя // Рос. газета. 2010. 19 окт.
11. Куликов В. Тюремный покой // Рос. газета. 2010. 17 мая.
12. Мухаметжанов Р. Смерть в «Тишине» // Время новостей. 2010. 5 мая.
13. Следует учитывать позицию Верховного Суда Российской Федерации. С учетом ч. 6 ст. 88 УК РФ не может быть избрана мера заключение под стражу в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, за совершение преступления средней тяжести впервые: Постановление Пленума Верхов. суда Рос. Федерации от 19.12.2013 № 41: ред. от 11.06.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Шкель Т. Тюрьма – не место для больных // Рос. газета. 2010. 14 сент.

УДК 378

ОБУЧЕНИЕ АУДИРОВАНИЮ КАК СРЕДСТВО ИНТЕГРАТИВНОГО ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Е. В. Пестова**, доцент кафедры иностранных языков Барнаульского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук*

Статья посвящена проблеме обучения аудированию в неязыковом вузе и методике формирования аудитивных навыков обучающихся. Автор приводит основные этапы работы с аудиофрагментом, анализирует их содержание, цель и методическую обоснованность в зависимости от поставленных задач, а также от уровня владения иностранным языком обучающихся. Тип аудирования рассматривается автором как учебное или коммуникативное в зависимости от того, является данный вид речевой деятельности целью или средством обучения. Кроме этого, в статье указывается необходимость соблюдения этапов при подготовке и проведении прослушивания иноязычного текста. Автор указывает на то, что отбор (составление) текста должен проводиться с учетом уровня владения иностранным языком обучающихся, а сам текст иметь аутентичный или адаптированный характер. Особое внимание в статье уделено формированию определенных навыков слушания (слуховой памяти, антиципации, догадки, осмысления, узнавание и т. д.) средствами аудирования. Автор приходит к выводу о том, что аудитивные навыки являются основой формирования и развития других видов речевой деятельности (говорения, письма), а также служат эффективным средством развития subskills.

Ключевые слова: аудирование, аудитивные навыки, речевая деятельность, активизация, аудитивная компетенция, технология аудирования.

TEACHING LISTENING AS A MEANS OF INTEGRATIVE FORMATION OF FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES AT HIGHER SCHOOLS OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

***E. V. Pestova**, associate professor of the Department of Foreign Languages of the Barnaul Law Institute Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Pedagogy*

The article is devoted to the problem of teaching listening in a non-linguistic university and the methodology of developing students' listening skills. The author presents the main stages of working with an audio fragment, analyzes their content, purpose, and methodological validity, depending on the objectives and the level of foreign language proficiency of the students. The author considers the type of listening as either educational or communicative, depending on whether it is a goal or a means of learning. Additionally, the article emphasizes the importance of following the stages in preparing and conducting a listening session in a foreign language. The author points out that the selection (composition) of the text should be based on the students' level of foreign language proficiency, and the text itself should be authentic or adapted. The article focuses on developing specific listening skills (auditory memory, anticipation, guesswork, comprehension, recognition, etc.) through the use of listening exercises.

Keywords: listening; listening skills, speech activity, activation, listening competence, listening technology.

Обучение аудированию является актуальной темой, так как речевое общение на иностранном языке основывается на формировании этого навыка. Понимание иноязычной речи на слух составляет основу общения, с чего начинается овладение коммуникацией.

Преподаватель на занятии опирается на основные психологические процессы обучающегося: память, воображение, восприятие и мышление. Развитие этих процессов способствует формированию и всестороннему развитию личности, а также формирует аудитивные навыки владения иностранным языком.

Формирование навыка слушать, понимать и отвечать имеет многоуровневый характер. Методика обучения аудированию также основывается на определенных этапах, которые учитывают степень обученности и обучаемости студента.

Различают три основных этапа формирования иноязычной аудитивной компетенции: подготовительный, основной и аналитический, которые подкрепляются комплексом упражнений для успешного осуществления межкультурной коммуникации [3, с. 34].

На начальном этапе преподаватель обращает внимание на сложности, препятствующие восприятию аутентичных текстов на слух, а также продумываются задания, снимающие эти трудности. Методисты рекомендуют разрабатывать упражнения, развивающие способность предсказывать содержание сообщения. Также рекомендуется использовать экстралингвистические знания, выделять ключевые слова и фразы [2, с. 73]. На наш взгляд, этот этап способствует активизации активного/пассивного запаса слов обучающегося, настраивает его на восприятие речи на определенную тему, но не всегда является эффективным или оправдывающий ожидания преподавателя. Иногда на своих занятиях наблюдаем такое явление, что прогнозы обучающихся не всегда совпадают с содержанием сообщения в силу отсутствия идей, опыта в этой сфере жизни или простой ограниченности словарного запаса. Кроме этого, в живом разговоре аудио сообщения могут обсуждаться несколько тем говорящими, а обучающиеся не всегда могут предвосхитить развитие ситуации. Они должны быть готовы к прослушиванию массы избыточной информации, которая обычно затрудняет восприятие текста и ослабляет внимание [1, с. 35]. Поэтому подготовительный этап с целью прогнозирования услышанного не всегда удачен и методически обоснован. Что касается изучения незнакомой лексики, которая будет представлена для аудирования и её первоначальная отработка в словосочетаниях или фразах, то это видится нами как обязательный элемент подготовительного этапа.

Основной этап представляет собой само аудирование и одновременное выполнение упражнений, которые проверяют понимание прослушиваемого текста.

Если цель данного этапа занятия – только развитие умений аудирования, то есть аудирование выступает здесь как цель обучения, то текст прослушивается обучающимися только один раз, без снятых трудностей и сразу после прослушивания текста проводится контроль его понимания. Если преподаватель планирует развивать и аудитивные навыки, и навыки говорения на основе прослушанного текста, то аудирование будет выступать как средство формирования других микро навыков. В этом случае преподаватель предлагает прослушать аудио отрывок несколько раз, ставя разные задачи и установки перед его прослушиванием обучающимися [4, с. 12].

Заключительный этап аудирования называется послетекстовый этап, где преподаватель осуществляет контроль понимания прослушанного текста. Послетекстовые упражнения могут содержать различные по цели и наполнению упражнения. Кроме этого, они могут носить либо полностью самостоятельный характер, либо выполняться под полным или частичным контролем

преподавателя. На продвинутых этапах обучения рекомендуется включать персонализированные упражнения, или с последующим выходом на выполнение заданий, формирующих письменные навыки обучающихся по теме [2, с. 216].

Обобщая информацию, необходимо выделить основные действия преподавателя при обучении аудированию как одному из видов речевой деятельности.

– определить, чем является обучение аудированию в каждом конкретном случае: целью обучения или средством обучения другому виду речевой деятельности, то есть коммуникативное или учебное аудирование;

– проводить отбор (составлять, адаптировать) текст для аудирования с учетом уровня владения иностранным языком обучающихся. Текст может состоять из нескольких предложений или абзацев, аутентичного или адаптированного характера и предназначаться для формирования определенных навыков слушания (слуховой памяти, антиципации, догадки, осмысления, узнавание и т. д.);

– анализировать трудности речевого, лингвистического или фонетического характера;

– определять способы озвучивания текста (преподаватель, оригинальная запись или нейросеть);

– методически обосновывать использование опор для снятия трудностей, количества прослушиваний и установки что нужно услышать на предтекстовом этапе;

– отбирать оптимальные способы контроля понимания текста, используя речевые или неречевые виды упражнений.

Таким образом, современное иноязычное образование должно включать интегративное обучение всем видам речевой деятельности, уделяя особое внимание формированию и развитию аудитивных навыков. Формирование различных профессионально ориентированных компетенций и знаний, способов деятельности, приемов мышления происходит одновременно с развитием целостной личности обучающегося, способной к саморазвитию и самосовершенствованию, а значит построению новой образовательной парадигмы «я – самость», которая является ключевой в условиях современного иноязычного образования.

Список источников

1. Андреева Н. В. Аудирование в условиях языковой среды (уровень B1-B2): отбор материала // Русский язык за рубежом: междунар. аспирантский вестник. 2017. № 4. С. 35–38.
2. Вайсбурд М. Л., Колесникова Е. А. Обучение аудированию // Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / под ред. А. А. Миролюбова. Обнинск: Титул, 2012. 464 с.
3. Гаврилова А. В. Обучение аудированию иноязычной речи в условиях неязыкового вуза: на материале английского языка: дис. … канд. пед. наук: СПб., 2006. 182 с.
4. Колкер Я. М., Устинова Е. С. Обучение восприятию на слух английской речи: практикум. М.: Издат. центр «Академия», 2002. 336 с.

УДК 372.881.1

ОБУЧЕНИЕ ИЗУЧАЮЩЕМУ ЧТЕНИЮ НА ЗАНЯТИЯХ ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

***Н. Н. Поддубная**, доцент кафедры иностранных языков Барнаульского юридического института МВД России, кандидат филологических наук*

Статья посвящена вопросам обучения изучающему чтению как виду речевой деятельности на занятиях по немецкому языку. Представлена система упражнений при работе с профессионально ориентированными текстами на иностранном языке. Упражнения направлены на снятие языковых и смысловых трудностей, развитие умения прогнозирования, контроль понимания прочитанного.

Ключевые слова: виды речевой деятельности, изучающее чтение, текст, смысловое и вербальное прогнозирование.

TRAINING OF READING FOR DETAIL IN GERMAN CLASSES AT A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

***N. N. Poddubnaya**, associate professor of Department of foreign languages of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Philology*

The article is devoted to training of reading for detail as a type of speech activity in German classes. The author provides examples of exercises for professionally oriented texts in foreign language. The exercises are aimed at removing language and semantic difficulties, developing the ability to predict, and controlling the understanding of what has been read.

Keywords: types of speech activity, reading for detail, text, semantic and verbal prediction.

В рамках компетентностного подхода основной целью обучения иностранному языку является формирование коммуникативной компетенции, то есть овладение всеми видами речевой деятельности с целью применения сформированных умений и навыков в профессиональных ситуациях общения. В процессе преподавания иностранного языка обучение отдельным видам речевой деятельности происходит в тесной взаимосвязи, поскольку в реальном общении все виды речевой деятельности взаимообусловлены.

Однако каждый вид речевой деятельности обладает рядом особенностей, которые необходимо учитывать при обучении иностранному языку. Рассмотрим чтение как отдельный вид речевой деятельности. Чтение – это рецептивный вид речевой деятельности, направленный на извлечение информации из текста. При чтении у обучающихся есть возможность управлять самим процессом: при необходимости они могут повторно обратиться к тесту, пропустить фрагмент или замедлить темп чтения.

В зависимости от степени понимания текста выделяют ознакомительное, просмотровое (поисковое) и изучающее чтение. При чтении профессионально ориентированных текстов особое внимание следует уделять изучающему чтению.

Для изучающего чтения характерно точное и полное понимание информации, содержащейся в тексте на иностранном языке. Обучающиеся должны осмыслить, запомнить информацию, а в последующем воспроизвести ее. Тексты, подобранные для этого вида чтения, должны иметь познавательную ценность в содержательном и языковом отношении для данного этапа обучения [1, с. 16].

Следует отметить, что чтение профессионально ориентированных текстов способствует повышению мотивации обучающихся, развитию коммуникативной компетенции, однако работа с текстами подобного рода может осложняться наличием профессионализмов, обилием терминологии, информационной перегруженностью. В связи с этим важно тщательно отбирать тексты, а также адаптировать их с учетом уровня владения языком обучающихся. Работа с профессионально ориентированным текстом включает три этапа: предтекстовый, текстовый или притекстовый и послетекстовый.

Рассмотрим этапы работы с профессионально ориентированным текстом и примеры заданий, характерные для каждого этапа, на примере текста Was sind Drogen? Данный текст применяется для изучающего чтения при обучении курсантов 2 курса в образовательных организациях МВД России при изучении темы «Борьба с терроризмом и наркоманией».

1. Предтекстовый этап.

Поскольку при изучающем чтении основное внимание обучающихся должно быть сосредоточено на информации, содержащейся в тексте, а не на языковом материале, перед прочтением текста необходимо устранить возможные языковые и смысловые трудности. На снятие трудностей направлены предтекстовые задания. В данном случае важна работа с лексическим материалом, идиоматическими выражениями, синтаксическими конструкциями, характерными для структуры профессионально ориентированного текста. Снятию языковых трудностей способствует ознакомление обучающихся со списком важных в изучаемом контексте новых лексических единиц, так называемым словником.

В предтекстовых заданиях должны учитываться возможные лингвострановедческие, лексико-грамматические, лингвостилистические и структурно-смысловые трудности профессионально ориентированного текста.

Важным компонентом процесса чтения является механизм вероятностного прогнозирования. Процесс прогнозирования осуществляется взаимосвязано на языковом и смысловом уровнях.

Смысловое прогнозирование заключается в предугадывании содержания текста и предположении развития событий на основе заголовка, иллюстрации или первого предложения. Смысловое прогнозирование определяется знанием контекста, поэтому перед предъявлением иноязычного текста обучающихся необходимо ознакомить с его проблематикой [3, с. 147].

Вербальное прогнозирование представляет собой умение предвосхищать появление языковых элементов в определенном языковом окружении. Механизм прогнозирования проявляется на всех языковых уровнях.

Прогнозирование на предтекстовом этапе ориентировано на выявление и активизацию личного опыта, фоновых знаний обучающихся. Как утверждает М. И. Ляпидовская, «предтекстовые задания должны в первую очередь активизировать уже имеющиеся у студентов знания, необходимые для первичного чтения и восприятия текста» [4, с. 309].

Таким образом, на предтекстовом этапе проходит процесс подготовки сознания обучающихся к восприятию информации, что побуждает их вспоминать, догадываться, предполагать. Следовательно, основная цель предтекстового этапа заключается в снятии языковых и смысловых трудностей, а также в развитии умения прогнозирования.

Приведем примеры заданий, которые могут быть предложены обучающимся на предтекстовом этапе при обучении изучающему чтению на практических занятиях по немецкому языку.

Übung 1. Lesen Sie die Überschrift des Textes und vermuten Sie, worum es sich im Text handelt.

Übung 2. Betrachten Sie die Illustrationen und vermuten Sie, wovon die Rede im Text ist.

Übung 3. Bevor Sie den Text lessen, sagen Sie: Was verstehen Sie unter dem Begriff "Drogen"?

Übung 4. Welche Gedankenverbindungen haben Sie mit der Überschrift des Textes?

Übung 5. Machen Sie den Assoziogramm mit dem Wort "Drogen".

2. Текстовый этап.

На данном этапе происходит непосредственное восприятие текста обучающимися, осмысление прочитанного содержания. К методам работы с текстом можно отнести метод помет, с помощью которого читающий осмысливает

воспринимаемую информацию, помечая ранее известную и новую информацию, метод «двойного дневника», в который выписываются факты из текста и их личностная интерпретация (интересно / неинтересно, согласен / не согласен) [2, с. 43].

Целью данного этапа является понимание обучающимися текста на содержательном уровне.

На текстовом этапе могут быть предложены следующие задания.

Übung 6. Lesen Sie den Text zum ersten Mal und prüfen Sie, ob Ihre Vermutungen richtig sind.

Übung 7. Lesen Sie den Text zum zweiten Mal und teilen Sie den Text dem Inhalt nach.

Übung 8. Bestimmen Sie die Stichwörter in jedem Absatz.

Übung 9. Welche Gedankenverbindungen haben Sie mit der Überschrift des Textes?

3. Послетекстовый этап.

После прочтения текста обучающиеся анализируют полученную информацию. На данном этапе осуществляется контроль понимания прочитанного. Цель данного этапа заключается в достижении понимания текста на уровне смысла. Послетекстовые задания направлены на проверку глубины и точности понимания прочитанного.

Übung 10. Finden Sie im Text deutsche Äqivalente.

Übung 11. Ergänzen Sie die passenden Wörter.

Übung 12. Setzen Sie die Sätze in die richtige Reihenfolge.

Übung 13. Was passt zusammen? Bilden Sie die Sätze, gebrauchen Sie dabei folgende Wörter und Wortverbindungen.

Übung 14. Korrigieren Sie die Sätze

Übung 15. Falsch oder richtig? Geben Sie eine richtige Antwort, wenn die Behauptung falsch ist.

Übung 16. Beantworten Sie die Fragen zum Text.

Таким образом, изучающее чтение подразумевает полное и точное понимание обучающимися содержащейся в тексте информации и ее анализ. Это вдумчивое чтение, целью которого является критическое осмысление информации. Кроме того, к задачам изучающего чтения можно отнести формирование у обучающихся умений смыслового и вербального прогнозирования, а также развитие способности преодолевать затруднения при чтении текста на иностранном языке.

Список источников

1. Андреева, Л. С. Изучающее чтение профессионально ориентированных текстов при обучении русскому языку как иностранному студентов юридических специальностей / Л. С. Андреева // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития: сб. материалов конф. г. Минск, 22 ноября 2019 г. – Минск: Белорусский государственный университет, 2019. – С. 15–20.
2. Завьялова, М. С. Поэтапная работа с научно-профессиональным текстом в процессе изучения дисциплины «Иностранный язык в профессиональной деятельности» / М. С. Завьялова // Наука и образование в XXI веке: современные векторы развития и перспективы: сб. материалов конф., г. Саратов, 20 января 2022 г. – Саратов: ООО «Центр социальных агроинноваций СГАУ», 2022. – С. 40–44.
3. Крупнова, Н. А. Обучение иноязычному чтению и аудированию на основе механизма вероятностного прогнозирования / Н. А. Крупнова, Д. Л. Морозов // Приволжский научный вестник. – 2016. – № 2(54). – С. 145–149.
4. Ляпидовская М. Е. Чтение в практике обучения русскому языку как иностранному / М. Е. Ляпидовская // Филология и культура. – 2014. – № 4 (38). – С. 308–3*11*.

УДК 623.5

МЕТОДИКА УПРАВЛЕНИЯ СТРЕССОВЫМИ СОСТОЯНИЯМИ ПЕРЕД ВЫСТРЕЛОМ ИЗ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

***Ю. С. Поздняков**, старший преподаватель кафедры огневой подготовки Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматриваются психолого-педагогические аспекты подготовки сотрудников органов внутренних дел к действиям с огнестрельным оружием в условиях психоэмоционального напряжения. Отмечается, что огневая подготовка требует не только отработки технических навыков, но и формирования стрессоустойчивости, необходимой для принятия быстрых и точных решений в потенциально опасной обстановке. Подчеркивается, что эмоциональные реакции курсантов, слушателей, проявляющиеся в виде тревоги, страха, неуверенности и дезорганизации поведения, особенно ярко выражены на этапе практических стрельб. Предлагается системный подход, включающий раннюю диагностику тревожных состояний, индивидуализацию педагогического воздействия, применение элементов психотренинга и поэтапное формирование психологической готовности к выполнению задач в условиях риска. Особое внимание уделяется визуальным и поведенческим индикаторам эмоционального напряжения, а также внутреннему диалогу обучающихся как источнику стрессогенных установок.

Ключевые слова: огневая подготовка, стрессовое состояние, тревожность, психологическая устойчивость, огневая подготовка, огнестрельное оружие

METHODS FOR MANAGING STRESS CONDITIONS BEFORE FIRING A FIREARM

***Yu. S. Pozdnyakov**, senior lecturer of the Department of Fire Training of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article discusses the psychological and pedagogical aspects of training law enforcement officers to use firearms under conditions of psychoemotional stress. It is noted that fire training requires not only

the development of technical skills, but also the formation of stable stress resistance, which is necessary for making quick and accurate decisions in potentially dangerous situations. It is emphasized that the emotional reactions of cadets and students, such as anxiety, fear, uncertainty, and disorganized behavior, are particularly pronounced during practical shooting exercises. The article proposes a systematic approach that includes early diagnosis of anxiety states, individualization of pedagogical influence, the use of elements of psychotraining, and the gradual formation of psychological readiness for performing tasks under conditions of risk. Special attention is paid to visual and behavioral indicators of emotional tension, as well as to the internal dialogue of students.

Keywords: fire training, stress, anxiety, psychological stability, fire training, firearms.

Огневая подготовка занимает особое место в системе профессионально-служебной и физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. В отличие от других дисциплин, она связана с повышенным риском и требует от обучающихся не только точного технического исполнения, но и высокой степени психологической устойчивости. Использование огнестрельного оружия предполагает мгновенное принятие решений в условиях повышенного стресса, эмоционального напряжения и зачастую в условиях угрозы жизни. Это определяет специфику восприятия огневой подготовки курсантами и сотрудниками, а также предъявляет особые требования к организации учебного процесса.

Фактор постоянной потенциальной опасности, связанный с обращением с оружием, делает необходимым не только формирование практических умений и навыков, но и системную работу по развитию психологической готовности обучающихся. Игнорирование эмоционального состояния сотрудника перед выстрелом может привести к грубым ошибкам, нарушению техники безопасности, неадекватному применению оружия либо к полному отказу от действий в критической ситуации.

В связи с этим становится актуальной задача интеграции в курс огневой подготовки методик, направленных на формирование стрессоустойчивости и развитие навыков саморегуляции. Преподаватель должен не просто обучать технике стрельбы, но и обеспечивать включение элементов психологической подготовки, начиная с теоретического освоения основ огневого боя, продолжая тренировками с оружием без боеприпасов (вхолостую), и заканчивая непосредственным выполнением стрельб на полигоне.

Как показывают результаты практического анализа, условия, создаваемые в процессе обучения слушателей огневой подготовке, в методическом

отношении являются максимально благоприятными для формирования необходимых технических навыков владения огнестрельным оружием. Программы учебных стрельб, работа с тренажерами и отработка алгоритмов действий направлены на то, чтобы обеспечить обучающемуся возможность освоить безопасное и уверенное обращение с оружием, выработать точность, координацию и устойчивость в выполнении нормативов. Однако на практике устойчивость этих навыков оказывается под угрозой в условиях психологического стресса, возникающего в процессе обучения или в оперативно-служебной деятельности.

М. А. Васильев отмечает, что типичным примером может служить ситуация, когда преподаватель внезапно меняет цель учебного упражнения – например, объявляет выполнение стрельб в зачетной форме. Анализ поведения обучающихся в такой ситуации демонстрирует выраженную реакцию тревоги и дезорганизации: учащаются случаи промахов, нарушений техники безопасности, а в отдельных случаях фиксируются проявления ступора, озноба, дрожи, эмоциональной отстраненности или неконтролируемого страха [1].

Г. В. Петров и В. В. Козлова указывают, что в то же время, если рассматривать переход от учебной к оперативной деятельности, стрессовая нагрузка возрастает многократно. В этих условиях к эмоциональной нестабильности добавляется фактор реальной угрозы со стороны вооруженного правонарушителя [5]. Промедление, вызванное внутренней дезорганизацией, может стоить сотруднику жизни или привести к неправомерному применению оружия. Это еще раз подчеркивает необходимость целенаправленного формирования стрессоустойчивости как важнейшего компонента профессиональной подготовки.

Важно отметить, что стресс в процессе огневой подготовки – это не только реакция на реальную опасность, но и результат когнитивной деятельности: воображаемых представлений, ассоциативных воспоминаний или сценариев развития событий, формируемых в голове обучающегося.

В этой связи одной из ключевых задач преподавателя огневой подготовки становится ранняя диагностика психологических затруднений обучающихся. На практике целесообразно уже на первоначальном этапе подготовки составлять психологический портрет обучающегося, фиксируя уровень тревожности, мотивацию, склонность к импульсивным или замкнутым реакциям. Такая работа способствует более эффективному управлению учебной группой и формированию групповой сплоченности, где взаимная поддержка становится дополнительным ресурсом стабилизации эмоционального фона.

Следовательно, в структуре методики управления стрессовыми состояниями в огневой подготовке важнейшими элементами являются:

– учет эмоциональной специфики познавательных процессов при обучении стрельбе;

– ранняя диагностика индивидуальной стрессоустойчивости;

– включение элементов психотренинга, визуализации и моделирования ситуаций;

– работа над осознанием профессиональной значимости предмета и формированием устойчивой мотивации.

Как отмечают А. О. Левина и А. А. Лавров, стрессовые состояния могут проявляться на всех этапах подготовки: от первых занятий до итоговых зачетов. Важно понимать, что тревожность, страх и неуверенность формируются не столько на основе реальных угроз, сколько в результате внутреннего диалога обучающегося, основанного на личных установках, воображаемых сценариях развития событий и дефиците информации. Наблюдения показали, что наибольшая интенсивность эмоциональных переживаний фиксируется в моменты неопределенности, резкой смены условий, предъявления нового формата задания [4].

Таким образом, подготовленность сотрудников органов внутренних дел в области огневой подготовки представляет собой не только совокупность технических умений, но и отражает уровень их психологической готовности к выполнению служебных обязанностей в условиях стресса и опасности. Именно поэтому методика управления стрессовыми состояниями перед выстрелом из огнестрельного оружия должна рассматриваться как неотъемлемый компонент профессионального становления сотрудника правоохранительных органов, и быть встроена в каждый этап учебного курса – от начального знакомства с оружием до итоговой аттестации.

Список источников

1. Васильев М. А. Методика преодоления стрессовых состояний при обучении огневой подготовке // Современное образование. 2021. № 2. С. 25–35.
2. Левина А. О., Лавров А. А. Стресс как естественная реакция при стрельбе // Актуальные вопросы огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2024. С. 272–274.
3. Петров Г. В., Козлова В. В. Стрессовое воздействие на курсанта при стрельбе и способы избавления от этого воздействия // Совершенствование огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2024. С. 190–194.

УДК 343.98

КОМПЕТЕНТНОСТЬ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА КАК УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ОБЪЕКТИВНОСТИ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***П. С. Порываева**, старший преподаватель кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России*

В статье рассматривается взаимосвязь принципа объективности судебно-экспертной деятельности и компетентности судебного эксперта. Анализируется нормативно-правовая база, регламентирующая квалификационные требования к экспертам, выявлены недостатки существующей системы оценки компетентности. Рассматривается критериальная база оценки компетентности судебного эксперта, включающая профессиональную пригодность, деловую репутацию и личностные качества эксперта.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, компетентность эксперта, принцип объективности, квалификационные требования, оценка компетентности.

COMPETENCE OF A FORENSIC EXPERT AS A CONDITION FOR THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF OBJECTIVENESS OF FORENSIC ACTIVITIES

***P S. Poryvaeva**, senior lecturer of the Department of Forensic Technology of the Educational and Scientific Complex of Forensic Science Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

This article examines the relationship between the principle of objectivity in forensic science and the competence of forensic experts. It analyzes the legal framework governing expert qualifications and identifies the shortcomings of the current competence assessment system. It also examines the criteria for assessing forensic expert competence, including professional suitability, professional reputation, and personal qualities.

Keywords: forensic activity, expert competence, principle of objectivity, qualification requirements, competence assessment.

Современное развитие судебно-экспертной деятельности (далее – СЭД) характеризуется повышением требований к качеству и достоверности экспертных заключений. В этих условиях принцип объективности, закрепленный в законодательстве, становится центральным элементом обеспечения доказательственной ценности экспертизы. Однако, как отмечают исследователи, реализация данного принципа невозможна без соответствующего уровня профессиональной компетентности судебного эксперта [4].

В научной литературе подчеркивается многогранный характер компетентности судебного эксперта, в частности, по мнению Россинской Е. Р., компетентность является интегративным качеством, включающим не только специальные знания, но знания методологических основ деятельности, нормативную и процессуальную грамотность, а также наличие этических ориентиров [7].

Важное значение имеет разграничение понятий «компетенция» и «компетентность». Если компетенция представляет собой нормативно закрепленный набор требований, то компетентность, в свою очередь, отражает реальную способность эксперта эффективно применять свои знания на практике. Как справедливо отмечал Белкин Р. С., компетентность характеризует степень владения знаниями и наличие способностей, позволяющих давать обоснованные суждения и эффективно действовать в определенной предметной области [2].

Анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих СЭД, в частности отраслевое процессуальное законодательство и Федеральный Закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» позволяет заключить, что в процессуальных кодексах нет четких требований к компетентности судебных экспертов, говорится о том, что эксперт должен обладать специальными знаниями. Статья 13 федерального закона № 73 определяет квалификационные требования к экспертам «Должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях может занимать гражданин Российской Федерации, имеющий высшее образование и получивший дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующего уполномоченного федерального государственного органа. Должность эксперта в экспертных подразделениях федерального органа исполнительной власти в области внутренних дел может также занимать гражданин Российской Федерации, имеющий среднее профессиональное образование в области судебной экспертизы. Определение уровня квалификации экспертов и аттестация их на право самостоятельного производства судебной экспертизы осуществляются экспертно-квалификационными комиссиями в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующего уполномоченного федерального государственного органа. Уровень квалификации экспертов подлежит пересмотру указанными комиссиями каждые пять лет» [1].

Таким образом, можем заключить, что оценка уровня компетентности судебного эксперта носит формализованный характер, поскольку не учитываются личностные качества экспертов и профессиональные стандарты деятельности.

При этом негосударственные эксперты не оцениваются даже по формализованным квалификационным требованиям. Для них предусмотрена возможность добровольной сертификации при Минюсте России [6], что по нашему мнению, негативно отражается на количестве некомпетентных негосударственных экспертов в судебно-экспертных учреждениях, и реализации принципа объективности СЭД в целом.

Рассматривая вопрос совершенствования системы оценки компетентности судебного эксперта, абсолютно очевидна необходимость в расширении критериев оценки, например, помимо формализованных критериев гражданства, образования и др. Необходимо оценивать психологические аспекты личности экспертов, объединяющие психологические знания, психологическое мышление и систему практических умений и навыков межличностного взаимодействия, а также взаимодействие судебного эксперта с иными участниками юрисдикционной деятельности [5].

Интересным видится комплексный подход к оценке компетентности судебного эксперта Григорьева И. А., который, разрабатывая критерии достоверности экспертных заключений, выделяет критерии для оценки компетентности эксперта, в содержание которой включает следующие составляющие [3]:

– профессиональная пригодность эксперта, то есть соответствие нормативным и процессуальным требованиям;

– уверенность в честности и авторитете эксперта;

– безупречность деловой репутации эксперта, учитывающей, в том числе данные о результатах и достижениях в конкретной экспертной профессии, научный рейтинг (при наличии ученой степени, ученого звания, научных трудов), отсутствие оспоренных заключений;

– личностная пригодность эксперта с учетом состояния здоровья или иного психосоматического состояния (например, отсутствие алкогольного или наркотического опьянения в момент производства экспертизы).

Подводя итоги вышесказанному, можно заключить, что реализация принципа объективности СЭД напрямую зависит от уровня профессиональной компетентности эксперта, которая представляет интегративное качество, включающее не только специальные знания, но и методологическую, процессуальную и этическую основу. Существующая на сегодняшний день система оценки компетентности судебных экспертов характеризуется формализованным подходом, основанным преимущественно на проверке формальных критериев, что не позволяет в полной мере оценить реальную способность эксперта к осуществлению профессиональной деятельности. Особую проблему представляет отсутствие

единых требований к оценке компетентности негосударственных экспертов, что создает условия для появления недостаточно квалифицированных специалистов и негативно влияет на реализацию принципа объективности СЭД. Предлагаемая Григорьевым И. А. система критериев оценки компетентности может служить основой для разработки унифицированных стандартов оценки компетентности.

Список источников

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (последняя редакция) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 14.11.2025).
2. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. С. 260.
3. Григорьев И. А. Достоверность как правовой принцип судебно-экспертной деятельности: дис. … канд. юрид. наук / Григорьев И. А. М., 2020. С. 135–136.
4. Дьяконова О. Г. Нормативное регулирование и реализация принципа объективности в судебно-экспертной деятельности // Судебная экспертиза. 2025. № 3 (83). С. 27–36.
5. Дьяконова О. Г. Формирование психологической компетентности в процессе подготовки судебного эксперта // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 68–74 // URL: https://doi.org/10.24412/2414–3995–2023–1–68–74.
6. Замараева Н. А., Сальников В. П. Проблемы проведения экспертизы в негосударственной экспертной организации // Юридическая техника. 2022. № . 16. С. 427–431.
7. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология): учеб. / под ред. Е. Р. Россинской. М., 2016. С. 131.

УДК 343.98

АНАЛИЗ ПРАКТИЧЕСКОГО ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С УБИЙСТВОМ

***Е. В. Прокофьева**, доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат физико-математических наук, доцент;*

***Р. А. Мерзликин**, доцент кафедры огневой подготовки Краснодарского университета МВД России*

Преступления, связанные с нарушением прав на жизнь и здоровье человека, занимают особое место в уголовном праве Российской Федерации, в этой связи статья посвящена особенностям работы специалиста, в том числе и при осмотре места происшествия, связанного с убийством. В работе проанализирован практический опыт использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с убийством.

Ключевые слова: раскрытие и расследование преступлений, преступление против жизни и здоровья человека, специальные знания, осмотр места происшествия.

ANALYSIS OF PRACTICAL EXPERIENCE IN USING SPECIAL KNOWLEDGE IN DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO MURDER

***E. V. Prokofieva**, associate professor of the Department of Document Research Educational and Scientific Complex of Forensic Science of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree of Physico-mathematical Sciences, Associate Professor;*

***R. A. Merzlikin**, associate professor of the Department of Fire Training of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

Crimes involving violations of the rights to life and health occupy a special place in Russian criminal law. Therefore, this article examines the specifics of a specialist's work, including during a crime scene inspection involving a homicide. The paper analyzes practical experience in using specialized knowledge in solving and investigating homicide crimes.

Keywords: crime detection and investigation, crimes against life and health, specialized knowledge, crime scene inspection.

Привлечение специалиста к процессуальным действиям обусловлено, в первую очередь, его личностными и профессиональными качествами [3]. Перечень видов использования специальных знаний, применяемый в практической деятельности, гораздо шире процессуальной и не процессуальной форм, что создает впечатление постоянного роста способов доказывания при непосредственном привлечении специалистов к расследованию. Однако следует принимать во внимание, что при кажущейся многоаспектности сфер, пределов и форм применения специальных знаний, все они корреспондируются с конкретными решаемыми с их помощью задачами [4].

Основной целью применения специальных знаний в расследования расследовании убийств является построение доказательственной базы по уголовному делу [5], достижение чего обеспечивается за счет решения ряда частных задач, к которым относятся:

– содействие в обнаружении, фиксации и изъятии следов, вещественных и иных доказательств;

– использование технических средств в процессе выявления и раскрытия преступлений (без привязки к конкретным процессуальным действиям);

– проведение исследования следов, вещественных и иных доказательств;

– консультирование по вопросам, возникающим в связи с назначением судебных экспертиз [3, 2].

С целью определения роли специалиста в обеспечении раскрытия и расследования преступлений, связанных с убийством, была разработана [1] «Анкета по изучению мнения экспертов, экспертно-криминалистических подразделений и экспертно-криминалистических отделов по субъектам Российской Федерации, в целях выявления особенностей использования специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с убийством».

Было проведено анкетирование 105 сотрудников экспертно-криминалистических подразделений и экспертно-криминалистических отделов – представителей различных регионов Российской Федерации, таких как Кабардино-Балкарская Республика, Республика Марий Эл, Краснодарский, Ставропольский, Хабаровский края, Астраханская, Брянская, Волгоградская, Калининградская, Кемеровская, Кировская, Липецкая, Мурманская, Нижегородская, Пензенская,

Саратовская, Ульяновская области. Респонденты также указали города Барнаул, Брянск, Иркутск, Нальчик, Ростов-на-Дону, Тольятти, Самару.

Анкета состояла из общей и основной части, включающих сведения об образовании, стаже работы в ОВД и занимаемой должности, а также основной перечень вопросов, определяющих личное участие и вклад специалистов в раскрытие и расследование преступлений, связанных с убийством.

Среди сотрудников высшее юридическое образование имеют 46,15 % респондентов; высшее техническое – 21,15 %; имеют 2 образования – высшее техническое и высшее юридическое 9,62 %; иное образование, в том числе высшее экономическое и среднее профессиональное – 21,15 %; среднее профессиональное – 1,92 %.

Стаж работы по специальности у респондентов составил: до 1 года имеют 3,88 % экспертов; от 1 года до 3 лет – 4,77 %; от 3 до 5 лет – 5,77 %; от 5 до 10 лет – 14,35 %; от 10 до 15 лет – 40,46 %; от 15 до 20 лет – 25,15 %; свыше 20 лет – 5,62 %.

Занимают должность руководителя экспертного подразделения (отдела) 11,54 %; заместителя руководителя экспертного подразделения (отдела) – 3,85 %; старшего эксперта – 39,42 %; эксперта – 45,19 %. Стаж в занимаемой должности до 1 года имеют 4,88 % респондентов; от 1 года до 3 лет – 16,27 %; от 3 до 5 лет – 10,50 %; от 5 до 10 лет – 20,27 %; от 10 до 15 лет – 36,54 %; от 15 до 20 лет – 7,77 %; свыше 20 лет – 3,77 %.

Согласно данным опроса и анализа полученных данных, можно сделать вывод о том, что типичный (средний) респондент имеет высшее юридическое образование (46,15 %), стаж работы от 10 до 15 лет (40,46 %), занимает должность эксперта (45,19 %) и работает в должности от 10 до 15 лет (36,54 %).

В результате обработки анкетных данных основной части были получены следующие результаты, характеризующие отдельные аспекты осмотра места происшествия (далее – ОМП) по делам об убийствах.

По вопросу 1 (частота участия специалистов в ОМП).

Большинство опрошенных специалистов (69 %) привлекаются к осмотру мест происшествий по делам об убийствах от 2 до 4 раз в месяц. Значительно реже участие требуется 1–2 раза (18 %), 4–6 раз (7 %) и более шести раз (6 %) в месяц.

По вопросу 2 (распространенные способы совершения убийств).

Анализ выявил наиболее типичные способы совершения преступлений. На первом месте находятся убийства с применением холодного оружия (ножа) – 51 % случаев. Далее следует использование тупых твердых предметов (22 %) и огнестрельного оружия (15 %). Наименее распространенными способами является повешение и удушение (8 %) и отравление (4 %).

По вопросу 3 (технико-криминалистическое оснащение ОМП).

Было установлено, что к наиболее часто используемому (более чем в 50 % случаев) базовому криминалистическому оборудованию относятся

криминалистическая линейка, криминалистическая лупа и фотоаппарат. В то же время такие специализированные средства, как экспресс-средства для обнаружения следов крови (например, «Гемофан», «Гемоцвет-1» и др.), а также пинцеты и осветительные приборы применяются реже (менее чем в 50 % случаев).

По вопросу 4 (наиболее часто изымаемые следы и вещественные доказательства).

Респонденты указали, что в ходе ОМП наиболее часто изымаются следы папиллярных узоров (62 %), биологические следы (18 %) и предполагаемые орудия совершения преступления (10 %). Реже всего на местах происшествий обнаруживаются следы подошвенной части обуви (7 %) и следы орудий взлома (3 %).

По вопросу 5 (виды назначаемых судебных экспертиз).

Респонденты заключили, что в рамках раскрытия и расследования преступлений, связанных с убийством, ими выдавались заключения по следующим видам экспертиз: судебно-трассологическая экспертиза (97 %); судебно-дактилоскопическая экспертиза (93 %); судебная экспертиза холодного и метательного оружия (83 %); судебно-баллистическая экспертиза (81 %); судебно-почерковедческая экспертиза (57 %). При этом ни один эксперт не дал заключение, которое было бы признано недопустимым доказательством.

По вопросу 6 (локализация совершения преступления).

Обработка результатов анкетирования позволила установить следующее распределение частоты встречаемости: большинство преступлений рассматриваемой категории, по мнению респондентов, совершается в жилых помещениях (квартирах) – 64 %, значительно реже на открытой территории (улица – 16 %, парковые зоны – 11 %) и в гаражах (9 %).

Анализ процессуальной деятельности специалистов по вопросу 7 показал, что их участие наиболее востребовано при производстве следующих действий: осмотр места происшествия (55,8 %), осмотр предметов и документов (30,2 %) и изъятие образцов для сравнительного исследования (14 %).

Важным аспектом раскрытия и расследования любого преступления, в том числе и связанного с убийством, является эффективное организационное взаимодействие, необходимое для более полного, всестороннего и тщательного осмысления рассматриваемого дела. Респондентами в рамках ответа на 8 вопрос выделены две наиболее продуктивные формы взаимодействия со следователем и оперативными сотрудниками: работа в составе следственно-оперативной группы (78,8 %) и совместное планирование, включающее выработку общей стратегии и тактики расследования, а также координацию конкретных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий (21,1 %).

Все респонденты проведенного исследования (100 %) отметили, что их экспертное заключение на переквалификацию совершенного деяния не повлияло.

Проведенное исследование, организованное среди сотрудников экспертно-криминалистических подразделений разных российских регионов с целью оценки участия специалиста в обеспечении раскрытия и расследования преступлений, связанных с убийством, позволяет сделать вывод о значимости роли специалиста в обеспечении хода следствия и работы по направлению оперативно-розыскных мероприятий по преступлениям данной категории, устанавливая объективную и всестороннюю картину использования специальных знаний.

Список источников

1. Агаркова, Т. К. Использование специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с убийством / Т. К. Агаркова, Р. А. Мерзликин, Е. В. Прокофьева, Н. В. Ханина // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 11 (198). – С. 400–402.
2. Мерзликин, Р. А. Изучение особенностей использования специальных знаний в обеспечении расследования преступлений, предусмотренных ст. 222–2261 УК РФ / Р. А. Мерзликин, Е. В. Прокофьева // Новеллы права, экономики и управления 2019: в 2 т.: сб. науч. тр. по материалам V междунар. науч.-практ. конф. (г. Гатчина, 22 ноября 2019 г.). – Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2020. – Т. 1. – С. 181–185.
3. Моисеева, Т. Ф. Проблемы процессуальной регламентации использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве / Т. Ф. Моисеева // Актуальные проблемы применения норм уголовно-процессуального права при расследовании преступлений: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 26 октября 2012 г.). – М.: Изд-во ООО «Ваш полиграфический партнер», 2012. – 284 с.
4. Телегина, Т. Д. Роль специалиста в расследовании преступлений / Т. Д. Телегина // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. материалов науч.-практ. конф. с междунар. участием (14–15 февраля 2008 г.). В 2-х ч. – Красноярск: Изд-во СибЮИ МВД России, 2008. – Ч. 2. – С. 333–336.
5. 5. Уголовный процесс: учеб. для бакалавриата юридических вузов / О. И. Андреева [и др.]; под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко и А. Г. Тузова. – Ростов н/Д: Феникс, 2015. – 75 с.

УДК 159.944.2

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ КУРСАНТОВ ЗА СЧЕТ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЙ ПО ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

***М. Е. Пушкарев**, старший преподаватель кафедры огневой подготовки Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье автор представляет результаты комплексных исследований, посвященных развитию психологической устойчивости. Актуальность темы обусловлена необходимостью подготовки высококвалифицированных специалистов, способных эффективно действовать в стрессовых ситуациях, характерных для современной военной службы. Основная цель исследования заключалась в определении развития психологической устойчивости у курсантов через систему практических тренировок по огневой подготовке, максимально приближенных к реальным условиям ведения боя.

Ключевые слова: психологическая устойчивость, устойчивость в сложных условиях, тренировки, занятия по огневой подготовке

DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGICAL RESILIENCE OF CADETS THROUGH FIRE TRAINING IN SPECIAL CONDITIONS

***M. E. Pushkarev**, senior lecturer of the Department of Fire Training of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

In this article, the author presents the results of comprehensive research on the development of psychological resilience. The relevance of this topic is due to the need to train highly qualified specialists who can effectively handle the stressful situations that are typical of modern military service. The main goal of the research was to determine the development of psychological resilience in cadets through a system of practical fire training exercises that are as close as possible to real combat conditions.

Keywords: psychological stability, stability in difficult conditions, training, and fire training sessions.

Говоря о психологической устойчивости курсантов во время огневой подготовки, необходимо понимать, что это явление не возникает внезапно в момент стрельбы. Психологическая готовность к экстремальным условиям – результат длительного процесса подготовки и воспитания, который начинается задолго до первого выстрела. Эта подготовка включает в себя формирование не только профессиональных навыков обращения с оружием, но и развитие личностных качеств, необходимых для сохранения хладнокровия, концентрации и способности эффективно действовать под давлением. Начало этого пути лежит в общей системе военной воспитательной работы, которая охватывает все аспекты жизни курсанта: от ежедневного распорядка дня и строевых занятий до изучения военно-исторических преданий и участия в спортивных мероприятиях. Здесь формируется чувство долга, дисциплинированности, ответственности перед товарищами и Отечеством. Курсант постепенно привыкает к ограничениям, подчинению правилам, умению действовать слаженно в коллективе – всем тем качествам, которые впоследствии помогут ему справиться со стрессом на поле боя. Особое внимание уделяется развитию морально-волевых качеств. Курсантов учат преодолению трудностей, самоконтролю, решительности и мужеству. Это достигается через различные методики: решение ситуационных задач, имитация боевых условий, требующих быстрого принятия решений и действий в условиях неопределенности. Например, могут быть проведены тренировки по ориентированию на местности в сложных климатических условиях, где курсанту необходимо не только найти дорогу, но и сохранить спокойствие, несмотря на усталость и дискомфорт, также занятия по огневой подготовке можно реализовывать с помощью современных технологий, например, таких как стрелковые тренажеры СКАТТ [3]. Такие тренажеры помогут создать виртуальные условия для выполнения нормативов и различные обстановки для укрепления стрессовой устойчивости. Как эффективное средство повышения общего уровня подготовленности курсантов может служить сокращение временного интервала между обнаружением цели и ее точным поражением, применение таких методов способствует развитию психологической стойкости для успешной стрельбы в особых условиях. Особый интерес заслуживает техника стрельбы с добавлением звуковых эффектов, например, имитация звука сирены воздушной тревоги, выстрелы со стороны противника и другие факторы, характерные для экстремальной обстановки. Именно такая среда будет максимально приближена к реальному бою, что позволит курсантам научиться сохранять хладнокровие и сосредоточенность под воздействием стресса.

Важно, чтобы эти упражнения были постепенными, начиная с относительно простых заданий и переходя к более сложным. Во время непосредственной огневой подготовки психологическая устойчивость укрепляется за счет систематического оттачивания навыков обращения с оружием. Начинают

с безопасного обучения принципам стрельбы, изучения устройства оружия, затем переходят к практическим занятиям на учебных полигонах. Постепенное усложнение задач позволяет курсантам привыкнуть к шуму выстрелов, запаху пороха, ощущению отдачи – всем тем факторам, которые могут вызвать стресс у неподготовленного человека. При этом важно обеспечить постоянный контроль со стороны руководителя стрельб, как за техникой выполнения упражнений, так и за психоэмоциональным состоянием курсантов. Признаки тревоги или паники должны быть вовремя замечены и скорректированы индивидуальной работой с конкретным человеком. Ключевую роль играет создание атмосферы доверия и поддержки внутри подразделения. Курсанты должны чувствовать себя частью единой команды, где каждый готов прийти на помощь товарищу. Регулярные обсуждения возникающих трудностей, обмен опытом, совместное решение проблем способствуют формированию психологической совместимости и повышению общей устойчивости группы в сложных ситуациях. Подчеркивается, что психологическая устойчивость – это не только личное качество, но и результат эффективной командной работы.

В рамках данной статьи было проведено тестирование среди обучающихся на младших курсах. Тестирование проходило в удобном и доступном онлайн-формате, что позволило максимально привлечь внимание целевой аудитории и избежать логистических сложностей. Общее количество участников тестирования составило 110 человек – это охватывает значительную часть обучающихся различных факультетов. Целью данного мероприятия являлось не только выявление текущего уровня психологической устойчивости у курсантов, но и определение областей, требующих дополнительной проработки и углубленного изучения в ходе дальнейшего обучения. Тест содержал ряд вопросов, направленных на оценку различных аспектов психологического состояния и стратегий поведения в стрессовых ситуациях. Например, один из ключевых вопросов звучал так: «Что вы делаете для поддержания своей психологической устойчивости?». Ответы на этот вопрос позволяли оценить осознанность курсантами собственных механизмов саморегуляции и наличие сформированных практик поддержания эмоционального состояния. Другой важный вопрос был сформулирован следующим образом: «Как вы справляетесь с давлением во время выполнения сложных задач?». Здесь оценивалась способность курсантов сохранять продуктивность и концентрацию под воздействием повышенной нагрузки и ответственности, а также их умение находить эффективные решения в условиях ограниченного времени и ресурсов. Третий вопрос, посвященный контролю эмоций («Как вы контролируете свои эмоции в стрессовых ситуациях?»), позволял определить уровень владения техниками управления гневом и другими негативными эмоциями, что является критически важным навыком для военнослужащих. Были затронуты также вопросы адаптации к изменениям,

работы в команде, преодоления неудач и т. д. Стоит отметить, что курсанты 2-го курса, благодаря накопленному опыту прохождения предыдущего обучения и участия в различных учебных мероприятиях, демонстрируют более высокую степень адаптации к занятиям по огневой подготовке в специальных условиях, моделирующих реальные боевые ситуации. Они лучше понимают важность психологической подготовки и активно применяют полученные знания на практике. Однако следует подчеркнуть, что и первокурсники проявляют значительную мотивацию к достижению результатов и стремятся освоить необходимые навыки саморегуляции и психологической устойчивости, несмотря на то, что им еще предстоит пройти через более интенсивную программу обучения и адаптации к специфике военной службы.

Таким образом психологическая подготовка – это сложный и многогранный процесс, направленный на формирование у обучающегося субъекта не только определенных знаний и умений, но и на целенаправленное совершенствование его личностных свойств и психологических качеств. Эти качества являются критически важными для успешного выполнения поставленных задач, обеспечивая устойчивость и эффективность действий независимо от внешних обстоятельств и сложности условий, в которых оказывается сотрудник. Психологическая подготовка выходит за рамки простого обучения теоретическим концепциям; она предполагает активное воздействие на личность обучающегося, развитие его способности к саморегуляции, адаптации к изменяющимся условиям, эффективному взаимодействию с другими людьми и принятию обоснованных решений в условиях неопределенности и стресса. Её целью является создание надежной психологической базы, позволяющей сотруднику сохранять высокую работоспособность и профессиональную компетентность даже в самых сложных и экстремальных ситуациях.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что комплексное применение разработанных методик, подкрепленное внедрением современных образовательных технологий, открывает значительные возможности для развития ключевых психологических характеристик курсантов. Можно не только значительно повысить морально-психологическую устойчивость к воздействию стрессовых факторов, но и сформировать способность к эффективному мышлению даже в самых экстремальных условиях. Практические занятия и специализированные упражнения направлены на ускорение реакции и минимизацию проявления растерянности в критических, чрезвычайных ситуациях – навыков, жизненно необходимых для успешного выполнения служебных задач. Совершенствование учебного процесса позволит подготовить более компетентных и психологически зрелых специалистов к дальнейшей службе, что окажет позитивное влияние на эффективность работы всей системы правоохранительных органов, обеспечивая повышение качества оперативной деятельности и снижение рисков

возникновения ошибок, связанных с психоэмоциональным перенапряжением. Разумно предусмотреть внедрение интерактивных симуляторов и тренажеров, позволяющих максимально реалистично воспроизвести условия реальных боестолкновений, что позволит курсантам приобрести необходимый опыт и отработать навыки принятия решений в стрессовых ситуациях. Дальнейшее развитие этого направления представляется крайне перспективным для повышения уровня подготовки сотрудников правоохранительных органов.

Список источников

1. Абазов И. С. Некоторые психологические особенности огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 4. – С. 372–374.
2. Баранов, В. Е. Формирование психологической готовности сотрудников органов внутренних дел к применению физической силы и огнестрельного оружия в экстремальных условиях / В. Е. Баранов // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2017. – № 1(32). – С. 47–49.
3. Литвиненко, А. Г. Технология использования современных тренажеров беспулевой стрельбы на занятиях по огневой подготовке / А. Г. Литвиненко, Е. В. Логвинов // Проблемы профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов: материалы Всерос. круглого стола. – Орел, 2018. – С. 165–169.

УДК 343.226

КРАЙНЯЯ НЕОБХОДИМОСТЬ: УСЛОВИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ, СООТНОШЕНИЕ ПРИЧИНЕННОГО И ПРЕДОТВРАЩЕННОГО ВРЕДА

***Д. Г. Пушкарева**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Законодательное установление условий и пределов правомерности деяния, касающегося обстоятельства крайней необходимости, имеет особое значение в деятельности правоприменительных органов государственной власти. Автор статьи концентрирует внимание на конкретных условиях правомерности крайней необходимости. В статье среди условий правомерности крайней необходимости отдельное внимание уделяется рассмотрению условий отсутствия превышения пределов крайней необходимости.

Ключевые слова: крайняя необходимость, пределы крайней необходимости, причинённый вред, предотвращённый вред.

EXTREME NECESSITY: CONDITIONS OF LEGALITY, RATIO OF CAUSED AND PREVENTED HARM

***D. G. Pushkareva**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

Legislating the conditions and limits of legality for acts related to extreme necessity is of particular importance to law enforcement agencies. The author of this article focuses on the specific conditions of legality for extreme necessity. Among the conditions for the legality of extreme necessity, the article devotes special attention to the condition of not exceeding the limits of extreme necessity.

Keywords: extreme necessity, limits of extreme necessity, harm caused, harm prevented

В самом общем смысле крайняя необходимость представляет собой обстоятельство, которое исключает преступность деяния субъекта правовой деятельности. Проблеме изучения данного вопроса, а также социально-правовым

аспектам ее применения посвящено достаточно большое количество работ. Можно назвать ряд диссертационных исследований и монографий, в которых крайняя необходимость выступает предметом изучения. Среди работ последних лет можно выделить работы В. А. Блинникова [2], А. П. Дмитриенко [3], А. М. Станкевич [6], Г. Ф. Хаметдиновой [9] и др.

Такие исследователи, как С. А. Домахин [4], Н. В. Лысак [5] определяют условия правомерности причинения вреда в состоянии крайней необходимости. Отечественный исследователь Х. А. Эркенов обращает внимание на условия правомерности деяний в состоянии крайней необходимости через призму конкретных признаков [10]. Вопросам причиненного вреда правовым субъектом в условиях крайней необходимости посвящено исследование В. И. Ткаченко [8].

Проблема изучения крайней необходимости, а также деяний уголовно-правового характера, которые совершены в обстоятельствах крайней необходимости, получила значительный резонанс в уголовно-правовой литературе. Рядом авторов, к которым относятся такие, как, например, А. Л. Абрамов [1] и А. А. Тер-Акопов [7], данное обстоятельство определяется в терминах, носящих общественно полезный смысл. Данный смысл предписывается благодаря наличию возможности устранения вреда правовым субъектом, который имеет большее значение, чем им причиненный. При этом речь может идти о вынужденных объективных условиях причинения вреда.

Анализ нормативно-правовых документов показывает, что обстоятельство крайней необходимости закреплено в ст. 39 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а также фигурирует в ряде других нормативно-правовых документов.

Если говорить о первом документе, то он носит первостепенный характер. В нем определено, что причинение вреда лицом интересам общества и государства при крайней необходимости, уточнено, что оно не носит характера преступления, если не были превышены пределы крайней необходимости или не было иных возможностей.

Применительно к изучаемой проблеме следует отметить, что существует опасность причинения вреда правовым субъектом другим лицам, а также обществу или государству в состоянии крайней необходимости. Превышением пределов крайней необходимости считается причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась. Такое превышение влечёт за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда.

Действия, совершённые в состоянии крайней необходимости, преследуют социально полезные цели. Они лишены общественной опасности, что определяет их правомерный характер.

Существует также понятие неудавшейся крайней необходимости. Это обстоятельство, при котором действия, которые предпринимаются субъектом с целью предотвращения вреда, не имеют должного результата. В этих условиях вред для правового субъекта (лица), который рассчитывал этот вред предотвратить, не наступает.

В законе определены категории граждан, чьи действия профессионального и служебного характера в сфере защиты интересов личности и общества от опасности причинения вреда являются обязанностью юридического характера. К таким категориям относятся, например, врачи, пожарные, спасатели.

В качестве необходимого условия применения крайней необходимости выступает опасность, которая признается как реальная, а не мнимая (предполагается в будущем), существующая в настоящий момент.

В крайней необходимости существуют условия, при которых отсутствует вина лица, совершающего противоправные деяния. К ним относятся следующие условия.

1. Угроза реального характера законным интересам гражданина. Угроза считается реальной, если она существует в действительности, а не только в воображении. Вероятная или возможная угроза не создаёт ситуацию, когда требуются экстренные меры. Если угроза миновала или ещё не проявилась, то состояние крайней необходимости также отсутствует, поскольку ущерб уже нанесён, а если возникнет такая ситуация в будущем, можно найти другие способы её предупреждения.

2. Условие, оправдывающее причинение ущерба в состоянии крайней необходимости, заключается в том, что устранить угрозу иначе, как нанеся ущерб защищаемым интересам, невозможно.

3. Условие, которое связано с законностью нанесения ущерба в состоянии крайней необходимости. Оно определяет, что причинённый вред не должен быть больше предотвращённого вреда. Согласно Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Следовательно, ради спасения жизни и здоровья человека можно пожертвовать имуществом и другими охраняемыми интересами. Если ущерб нанесён в ходе защиты человека от противоправных действий, это необходимо признать правомерным, так как вред меньше, чем предотвращённый. Даже при таких обстоятельствах важно учитывать все детали ситуации, чтобы оценить причинённый и предотвращённый ущерб. Например, важно учитывать, что находилось под угрозой нарушения, насколько могли быть нарушены права и интересы правового субъекта.

Отсутствие возможности устранить угрозу без причинения вреда является одним из важных условий правомерности действий в состоянии крайней необходимости. Однако требование закона о невозможности предотвратить опасность иными средствами не следует понимать в том смысле, что средства

защиты, использованные в данном случае, были единственно возможными. Для состояния крайней необходимости важно то, что грозящая опасность не может быть предотвращена иначе, как причинением вреда правоохраняемым интересам правового субъекта.

Согласно ст. 39 УК РФ, не является преступлением причинение вреда в состоянии крайней необходимости:

– если, во-первых, опасность угрожает личности и правам человека или других лиц, а также охраняемым законом интересам общества или государства;

– во-вторых, опасность не могла быть устранена иными средствами, или не было допущено превышения пределов крайней необходимости.

Также УК РФ предусмотрено регулирование существования опасности, непосредственно грозящей защищаемым уголовным законом интересам личности при превышении пределов необходимой обороны, под которой понимается совершение умышленных действий, которые явно не соответствуют характеру и степени общественной опасности посягательства. При этом, когда говорят в праве о крайней необходимости, то имеется ввиду ситуация, когда правовой субъект в процессе защиты своих личных интересов вынужденно наносит ущерб окружающим. Что касается использования термина «необходимая оборона», то он указывает на конкретное условие: если жизни обороняющегося или, например, случайного прохожего, угрожает опасность, то любые действия для защиты себя или другого человека от угрозы не считаются преступлением.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам.

1. Одним из важных условий правомерности действий в ситуации крайней необходимости является отсутствие превышения пределов крайней необходимости. Однако законом определены и другие условия, к которым относятся отсутствие возможности устранить угрозу без причинения вреда, совершение деяния в определенный временной промежуток, наличие особой обстановки, а также существование опасности, непосредственно грозящей защищаемым уголовным законом интересам.

2. В ситуации, когда необходимо сделать выбор между двумя нежелательными последствиями, причинённый вред должен быть меньше вреда предотвращённого. Это основополагающий принцип, известный как доктрина «меньшего зла». Она была сформулирована древнегреческим философом Аристотелем в его этической работе «Никомахова этика». Данный историко-философский принцип широко распространен в современной правовой деятельности, наряду с такими принципами, как добросовестность, разумность, а также справедливость.

Использование концепции связано с ранжированием потенциального ущерба обществу и/или его отдельным представителям. Критерии такого ранжирования могут быть внешними (например, число жертв и/или степень наносимого вреда) или внутренними, то есть учитывающими мотивы

и преднамеренность тех или иных действий. При оценке ущерба учитывается не только его размер (например, стоимость повреждённого имущества), но и характер. Обычно имущественный ущерб считается менее значимым, чем вред, нанесённый здоровью человека. Нанесение равного или большего вреда, чем тот, который удалось предотвратить, неприемлемо.

Список источников

1. Абрамов, А. Л. О пределах правомерности крайней необходимости в деятельности медицинских работников // Общество и право. – 2015. – № 3. – С. 81–83.
2. Блинников, В. А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния в уголовном праве. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 212 с.
3. Дмитриенко, А. П. Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Дмитренко Андрей Петрович [Место защиты: Моск. ун-т МВД России]. – М., 2011. – 50 с.
4. Домахин, С. А. Крайняя необходимость по советскому уголовному праву / С. А. Домахин. – М.: Госюриздат, 1955. – 79 с.
5. Лысак, Н. В. Крайняя необходимость // Следователь. – 1998. – № 6. – С. 25–26.
6. Станкевич, А. М. Пределы правомерности крайней необходимости: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Станкевич Александра Михайловна; [Место защиты: Моск. ун-т МВД России]. – М., 2011. – 25 с.
7. Тер-Акопов, А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве / А. А. Тер-Акопов. – М.: Юркнига: Адвокат. фирма <Юстина>, 2003. – 478 с.
8. Ткаченко, В. И. Ответственность за превышение пределов необходимой обороны и причинение преступнику вреда при его задержании в теории и судебной практике / В. И. Ткаченко. – М.: [б. и.], 1973. – 44 с.
9. Хаметдинова, Г. Ф. Уголовно-правовая характеристика крайней необходимости: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Тюмень, 2007. – 19 с.
10. Эркенов, Х. А. Проблема ответственности при крайней необходимости // Отечественная юриспруденция. – 2017. – № 5. – С. 97–100.

УДК 93/94

ОСВЕЩЕНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПОЛИЦИИ В ГОРОДЕ НИКОЛЬСК-УССУРИЙСКОМ НА СТРАНИЦАХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПЕЧАТИ (1914 ГОД)

***И. С. Рожин**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Работа полиции Приамурского генерал-губернаторства по охране общественного порядка накануне Первой мировой войны активно освещалась дальневосточной прессой, при этом, как правило, в позитивном ключе. Критика ее деятельности была полностью исключена. Заметки и статьи в газетах в отношении полиции носили информационный характер.

Ключевые слова: полиция, периодическая печать, дальневосточная пресса, преступление, Никольск-Уссурийский.

POLICE LAW ENFORCEMENT IN NIKOLSK-USSURIYSKY ON THE PAGES OF THE FAR EAST PRESS (1914)

***I. S. Rozhin**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The work of the police of the Amur Governorate-General in maintaining public order on the eve of the First World War was actively covered by the Far Eastern press, usually in a positive light. Criticism of their activities was completely excluded. Notes and articles in newspapers about the police were of an informational nature.

Keywords: police, periodicals, Far Eastern press, crime, Nikolsk-Ussuriysky.

Деятельность полиции России по охране общественного порядка и безопасности носит публичный характер. В рамках современного российского законодательства полиция активно взаимодействует с населением в деле защиты прав и свобод граждан, борясь с преступностью и восстанавливая нарушенную справедливость. При этом огромную роль в формировании имиджа полицейских играют средства массовой информации (далее – СМИ), которые публикуют как положительные, так и отрицательные результаты правоохранительной работы полиции, что может как улучшить отношение населения к правоохранительным органам, так и ухудшить.

Накануне Первой мировой войны на территории Приамурского генерал-губернаторства провинциальная печать вела активную работу по информированию население по тем или иным событиям в стране и регионе. Только в Приморской области издавались 12 газет, одна из которых выпускалась в г. Никольск-Уссурийском (г. Уссурийск), однако в 1914 г. в городе выпускались 2 газеты [2, с. 6].

В условиях военной угрозы дальневосточная пресса существенно сократила количество статей и публикаций о деятельности городской полиции. Сведения о борьбе полиции с преступностью, публиковавшиеся в газетах, носили сугубо описательный характер, подтверждая эффективность полицейской работы. Во многом это связано с тем, что Россия находилась в предвоенном состоянии, и негативные публикации могли подорвать авторитет Министерства внутренних дел в глазах общественности, повлиять на уровень поддержки населения действиям властей. Особое внимание стоит уделить тому, что в условиях военной угрозы в Российской империи активно действовала военная и гражданская цензура, не допускавшая к печати сведения, порочащие существовавший государственный строй, запрещавшая открытое обсуждение сложных проблем общественно-политической жизни в стране [1, с. 88]. Очевидно в связи с этим СМИ в г. Никольск-Уссурийском кратко и без подробностей освещали вопросы криминала, описывая нейтрально либо показательно положительно работу местной полиции в газетных разделах «Дневник происшествий». Так, в газете «Уссурийский голос» от 8 марта 1914 г. публиковалась новость о том, что «местный житель Петр Бернацкий присвоил и продал оставленные ему на хранение от Гавруповой разные домашние вещи стоимостью в 75 рублей» [3, с. 3].

Стоит отметить, что результаты деятельности полиции по противодействию административным правонарушениям, совершаемым представителями различных сословий, также описывались в материалах периодической печати г. Никольск-Уссурийского. Так, в газете «Уссурийский Голос» от 8 марта 1914 г. в разделе «Дневник происшествий» отмечалось, что полицейские «привлекли к ответственности казака, уроженца поселка Алексее-Никольского, Антона Полуэктова за буйство, произведенное в городском корпусе на Сенной площади (ныне Центральная площадь)» [3, с. 3]. Также в этой же газете от 9 марта 1914 г. указывались случаи появления в общественных местах в пьяном виде. Так, городовыми г. Никольск-Уссурийского 9 марта 1914 г. был задержан «за езду в пьяном виде и с незажженными фонарями легковой извозчик № 30 Ющенко», который был доставлен в полицейский участок и привлечен к административной ответственности [4, с. 3].

Активно в периодической печати публиковались положительные результаты работы полиции в сфере борьбы с незаконным оборотом оружия на территории Российской империи. Так, в газете «Уссурийский Голос» была опубликована новость, согласно которой 9 марта 1914 г. полицейские в ходе патрулирования

подведомственной им территории по адресу: г. Никольск-Уссурийский, ул. Княжеская (г. Уссурийск, ул. Некрасова), задержали С. Долидзе, у которого в ходе личного обыска при себе был обнаружен револьвер системы Смита-Вессона. Разрешение на право ношения данного оружия С. Долидзе не имел, поэтому револьвер у него был изъят, а сам правонарушитель был доставлен в полицейскую часть [4, с. 3].

В материалах дальневосточной прессы отмечались результаты борьбы правоохранительных органов с распространением поддельных денежных купюр на территории г. Никольск-Уссурийского. Например, в периодической печати «Уссурийский Голос» опубликована новость, согласно которой полицейскими в ходе патрулирования города был «задержан при попытке разменять на базаре фальшивую трехрублевку китайский подданный Ян-Ю-Шин». В результате фальшивые денежные купюры были изъяты у правонарушителя, а сам виновник доставлен в полицейский участок [4, с. 3].

Стоит отметить что в г. Никольск-Уссурийском помимо печатного издания «Уссурийский Голос» существовала газета «Уссурийский Край», которая, в отличие от первой, более подробно описывала криминогенную обстановку в городе и его районах. Так, в разделе «Хроника» газеты «Уссурийский Край» от 25 апреля 1914 г. поднималась проблема организованной преступности среди малолетних лиц. Было отмечено, что деяния подростковых шаек начали переходить «от мелкого хулиганства до настоящих преступлений», поэтому необходимо принять меры по борьбе с данным явлением [5, с. 3]. В качестве примера была опубликована новость, согласно которой подростки в составе группы лиц с использованием самодельного оружия совершили вооруженное нападение «на учеников местной прогимназии Шипачева и Белова, в результате которого первый был ранен в щеку и потерял несколько зубов» [5, с. 3].

Важно отметить, что накануне Первой мировой войны на территории России активно проходила мобилизация призывников для отправки их для несения срочной службы, однако находились и те лица, которые стремились уклониться от воинского призыва, поэтому полиции приходилось осуществлять помощь армии по розыску и доставлению уклонистов на призывные пункты. Этот пример правоохранительной деятельности полиции г. Никольск-Уссурийского был хорошо описан в газете «Уссурийский Край» в разделе «Хроника», согласно которой в сапожной мастерской Ивашкевича по адресу: г. Никольск-Уссурийский, ул. Николаевская, 42 (г. Уссурийск, ул. Краснознаменная, 42), в ходе плановой проверки документов у работников данной мастерской полицейскими был задержан стрелок 35 Сибирского стрелкового полка Г. Черкизов, который покинул воинскую часть во время следования на фронт и скрывался от закона по поддельному паспорту на имя Безпалова. В результате правонарушитель задержан и доставлен в полицейскую часть [5, с. 3].

Таким образом, анализ материалов провинциальной печати Приамурского генерал-губернаторства накануне Первой мировой войны позволяет сделать вывод о существенном влиянии информационной политики на освещение деятельности полиции. В условиях военной угрозы и цензуры дальневосточные газеты, такие как «Уссурийский голос» и «Уссурийский Край», формировали строго контролируемый образ правоохранительных органов. Публикации носили преимущественно описательный и демонстративно-положительный характер, акцентируя внимание на эффективности полиции в борьбе с уголовной и административной преступностью, незаконным оборотом оружия и фальшивомонетничеством. Криминальная хроника подавалась нейтрально, констатируя факты задержаний, что создавало картину исправной работы властей. Более сложные социальные проблемы, такие как организованная подростковая преступность, хоть и поднимались, но их освещение было ограниченным. Такой подход был обусловлен необходимостью поддержания авторитета государственной власти и Министерства внутренних дел в предвоенный период.

Список источников

1. Агапов, В. Л. Дальневосточная пресса и Первая мировая война: дис. … д-ра ист. наук / В. Л. Агапов. – Владивосток, 2021.
2. Агапов, В. Л. Первая мировая война и печать. Ч. 2: Дальневосточная пресса 1914–1916 гг. о причинах, характере и целях войны // Известия Восточного института 2019/2 (42).
3. Дневник происшествий // Уссурийский Голос (Никольск-Уссурийский). 1914. 8 марта.
4. Дневник происшествий // Уссурийский Голос (Никольск-Уссурийский). 1914. 9 марта.
5. Хроника // Уссурийский Край (Никольск-Уссурийский). 1914. 25 апреля.

УДК 343.7

О ПРЕДМЕТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 173.3 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***А. Н. Романков**, доцент кафедры публичного и уголовного права Сургутского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент;*

***Н. А. Попов**, доцент кафедры публичного и уголовного права Сургутского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент*

Авторами анализируется предмет преступления, предусмотренного относительно новой для действующего Уголовного кодекса Российской Федерации нормой, ст. 173.3. С учетом положений налогового законодательства и практики налоговых проверок вносятся предложения по корректировке нормы.

Ключевые слова: предмет преступления, заведомо подложные счета-фактуры и (или) налоговые декларации (расчеты), «бумажный НДС», преступления в сфере экономической деятельности.

THE SUBJECT OF THE KRIME PROVIDED FOR IN ARTIC1LE173.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

***A. N. Romankov**, associate professor of the Department of Public and Criminal Law at Surgut State University, kandidat nauk, degree in Law;*

***N. A. Popov**, associate professor of the Department of Public and Criminal Law, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

The authors analyze the subject matter of the crime under article 173.3 of the Russian Criminal Code. Taking into account the provisions of the tax legislation and the practice of the tax audits, proposals are being made to the adjust this article.

Keywords: violations of the taxes rules, subject of the crime, organization of the criminal sale of the documents, knowingly false invoices, tax returns (calculations), "paper VAT", crimes in the sphere of the economic activity.

Федеральным законом от 23 ноября 2024 г. № 406-ФЗ [1] Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) дополнен новой нормой, предусматривающей ответственность за «организацию деятельности по представлению в налоговые органы Российской Федерации и (или) сбыту заведомо подложных счетов-фактур и (или) налоговых деклараций (расчетов) от имени юридических лиц, образованных через подставных лиц, либо с использованием персональных данных, полученных незаконным путем, если эти деяния сопряжены с извлечением дохода в крупном размере» (ст. 173.3). Ее появлению предшествовало обсуждение двух законопроектов [2, 3], призванных решить проблему так называемого «бумажного» налога на добавленную стоимость (далее – НДС), суть которой отчетливо и убедительно была отражена в пояснительной записке к проекту закона: «Схема преступной деятельности заключается в том, что злоумышленниками приобретаются уставные документы организаций, зарегистрированных на подставных лиц, от имени которых осуществляется изготовление подложных счетов-фактур и налоговых деклараций, подтверждающих налоговые вычеты недобросовестных налогоплательщиков. Счета-фактуры и налоговые декларации сбываются заказчику либо по его поручению предоставляются в налоговые органы. За указанные действия организаторы противоправной деятельности получают незаконное вознаграждение в виде 2–3 % от суммы фиктивно подтвержденных налоговых вычетов. По данным Федеральной налоговой службы в 2021 году таким образом были оформлены незаконные налоговые вычеты на сумму порядка 1 трлн рублей» [2], а более подробно раскрыта в научных публикациях [12, с. 45–47; 13, с. 46–64].

Несмотря на продолжительную (более двух лет) дискуссию по законопроектам, итоговая редакция ст. 173.3 УК РФ выглядит не вполне удачной.

Предметом преступления являются заведомо подложные счета-фактуры и (или) налоговые декларации (расчеты) от имени юридических лиц. Определение счета-фактуры содержится в ст. 169 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), налоговым декларациям и расчетам посвящены общие нормы ст. 80 НК РФ и специальные положения части второй НК РФ.

Как уже отмечалось, норма призвана решить проблему «бумажного НДС». Однако в силу прямого указания абзаца второго п. 1 ст. 172 НК РФ для получения вычетов сумм НДС недостаточно представить только счета-фактуры и налоговые декларации (расчеты), нужны первичные учетные документы, не поименованные в ст. 173.3 УК РФ.

Более того, при выявлении признаков фиктивного документооборота налоговые органы нередко отказывают налогоплательщику не только в вычетах НДС, но и в признании расходов на приобретение товаров (работ, услуг), уменьшающих налоговую базу по налогу на прибыль организаций [6, п. 3, 5]. О подделке первичных учетных документов при функционировании площадок по продаже

«бумажного НДС» упоминал В. В. Лошкарев [12, с. 45]. Закон содержит общие требования, касающиеся документального подтверждения таких расходов (абзац четвертый п. 1 ст. 252 НК РФ). По мнению Минфина России «расходы организации могут быть учтены при расчете налоговой базы по налогу на прибыль в случае оформления любыми документами, подтверждающими совершение факта хозяйственной жизни и соответствующими требованиям действующего законодательства, при условии обоснованности таких расходов» [9].

Возможны ситуации, когда налогоплательщик не применяет вычет НДС, но неправомерно уменьшает расходы по налогу на прибыль организаций либо расходы при упрощенной системе налогообложения (далее – УСН), которые в силу п. 2 ст. 346.16 НК РФ должны соответствовать общим требованиям, установленным в п. 1 ст. 252 НК РФ, включая документальное подтверждение.

На наш взгляд, общественная опасность описанных в ст. 173.3 УК РФ действий в отношении счетов-фактур и (или) налоговых деклараций (расчетов) сопоставима с аналогичными действиями в отношении подложных первичных учетных документов, необходимых как для получения вычета НДС, так и для уменьшения налоговой базы по налогу на прибыль организаций и УСН.

Кроме того, вместо счета-фактуры и первичного документа можно оформить универсальный передаточный документ (далее – УПД). УПД в зависимости от статуса заменяет одновременно счет-фактуру и первичный учетный документ или заменяет только первичный документ, дает право на вычет по НДС и подтверждает обоснованность расходов при расчете налога на прибыль организаций [10, 11]. Более того, с 1 января 2026 г. УПД полностью заменит форматы документа о передаче товаров при торговых операциях в электронной форме и документа о передаче результатов работ (услуг) в электронной форме [5]. Несмотря на широкое распространение УПД на практике, он по неизвестным нам причинам не попал в сферу действия ст. 173.3 УК РФ.

Для получения незаконных вычетов по НДС используются подложные документы не только от юридических лиц, но и от индивидуальных предпринимателей. Однако в ст. 173.3 УК РФ речь идет о таких документах только от имени юридических лиц. Заметим, что предусмотренное рассматриваемой нормой условие об образовании юридических лиц через подставных лиц вполне применимо к регистрации индивидуальных предпринимателей, при этом в ст. 173.1 УК РФ предусмотрена одинаковая ответственность за незаконное образование (создание, регистрацию) как юридических лиц, так и индивидуальных предпринимателей.

Можно предположить, что в настоящее время при отсутствии прямого указания в законе квалификация предусмотренных рассматриваемой нормой действий с не поименованными в ней документами должна осуществляться по общей норме (ст. 327 УК РФ). Однако поскольку такие документы

не относятся к числу официальных (ч. 1 ст. 327 УК РФ), привлечение виновных к ответственности возможно только по ч. 5 ст. 327 УК РФ – за использование любых подложных документов, действия по сбыту ч. 5 ст. 327 УК РФ не охватывает. Указанные сложности с квалификацией по ст. 327 УК РФ действий организаторов продаж поддельных счетов-фактур до появления ст. 173.3 УК РФ отмечались А. С. Рубцовой [14, с. 41].

Кроме того, представляется, что применение ст. 327 УК РФ ведет к искусственному разделению субъектов, совершивших преступные посягательства (лиц, организовавших представление подложных счетов-фактур и налоговых деклараций (расчетов), и лиц, организовавших предоставление подложных транспортных накладных, товарно-транспортных накладных, УПД и т. д.), и объектов преступлений. Заметим, что отдельные авторы относят специальную по отношению к ст. 327 УК РФ норму об ответственности за незаконный оборот поддельных акцизных и специальных марок, средств идентификации или знаков соответствия (ст. 327.1 УК РФ) к преступлениям, посягающим на финансовые отношения по формированию бюджетных доходов [15, с. 231]. Рассуждая аналогичным образом, рассматриваемое преступление следует относить к двухобъектным: нарушается порядок управления (в сфере деятельности налоговых органов), однако в первую очередь – экономическая деятельность. Причем экономическая деятельность в равной степени страдает как при совершении описанных в ст. 173.3 УК РФ действий в отношении счетов-фактур и налоговых деклараций (расчетов), так и при аналогичных действиях с УПД, первичными учетными документами, и независимо от того, исходят ли документы от юридических лиц или индивидуальных предпринимателей.

Полагаем, что вышеизложенное свидетельствует о пробеле в законодательстве. Предлагаем расширить предмет преступления, предусмотренный ст. 173.3 УК РФ, к примеру, следующим образом (дополнения выделены курсивом): «заведомо подложных счетов-фактур и (или) *универсальных передаточных документов, первичных учетных документов,* налоговых деклараций (расчетов), от имени юридических лиц *или индивидуальных предпринимателей*, образованных *(зарегистрированных)* через подставных лиц, либо с использованием персональных данных, полученных незаконным путем».

Дополнительно обратим внимание, что в последнее время вести речь о «бумажном НДС» становится не совсем корректно из-за уменьшения удельного веса счетов-фактур и иных документов в машинописной форме и перехода все большего количества хозяйствующих субъектов на счета-фактуры и иные первичные учетные документы в электронной форме (по товарам, подлежащим прослеживаемости, биржевым товарам). Декларацию по НДС сдают в электронном виде, на бумаге ее разрешено сдавать только налоговым агентам-неплательщикам НДС (ст. 174 НК РФ). Передача иных деклараций и расчетов

субъектами крупного бизнеса также осуществляется только в электронной форме по телекоммуникационным каналам связи. Полагаем, что действие ст. 173.3 УК РФ распространяется как на бумажные, так и на электронные документы. Насколько успешными в противодействии криминальному электронному документообороту окажутся формулировки ст. 173.3 УК РФ, в настоящее время говорить сложно. Однако необходимость вышеупомянутых корректировок, расширяющих предмет рассматриваемой нормы, назрела уже сегодня.

Список источников

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 28.1 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 23.11.2024 № 406-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект Федер. закона № 263208–8: ред., внесенная в Гос. Думу Федер. Собр. Рос. Федерации, текст по состоянию на 21.12.2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект Федер. закона № 89802–8: ред., внесенная в Гос. Думу Федер. Собр. Рос. Федерации, текст по состоянию на 18.03.2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект Федер. закона № 263208–8: ред., внесенная в Гос. Думу Федер. Собр. Рос. Федерации, текст по состоянию на 21.12.2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О признании утратившими силу приказов ФНС России от 30.11.2015 № ММВ-7–10/551@ «Об утверждении формата представления документа о передаче товаров при торговых операциях в электронной форме» и от 30.11.2015 № ММВ-7–10/552@ «Об утверждении формата представления документа о передаче результатов работ (документа об оказании услуг) в электронной форме»: приказ ФНС России от 20.01.2025 № ЕД-7–26/28@. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Обзор практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с оценкой обоснованности налоговой выгоды (утв. Президиумом Верхов. Суда Рос. Федерации 13.12.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Информация ФНС России «Бизнесу рекомендуется заранее начать переход на применение универсального передаточного документа». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О направлении обзора судебной практики по вопросам установления действительных налоговых обязательств налогоплательщика по итогам налоговой проверки: письмо ФНС России от 10.10.2022 № БВ-4–7/13450@. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об условиях учета расходов в целях налога на прибыль: письмо Минфина России от 19.01.2024 № 03–03–06/1/3797. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Письмо ФНС России от 05.06.2017 № ЕД-4–15/10623. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Письмо ФНС России от 21.10.2013 № ММВ-20–3/96@. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Лошкарев В. В. От незаконного обналичивания к «бумажному НДС» // Законность. 2021. № 1. С. 45–47.
13. Попова О. С., Ряховский Д. И. Налоговое преступление: правонарушение или злоупотребление? // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 7. С. 46–64.
14. Рубцова А. С. Неочевидные уголовно-правовые риски при уклонении от уплаты налогов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 7. С. 35–43.
15. Уголовно-правовая охрана финансово-бюджетной сферы: науч.-практ. пособие / В. Ю. Артемов, Н. А. Голованова, Е. В. Горенская [и др.]; отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2021. 284 с.

УДК 336.225.6

МЕХАНИЗМ ВОЗДЕЙСТВИЯ КЛЮЧЕВОЙ СТАВКИ НА НАЛОГОВЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

***Д. А. Рыжков**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена анализу сложившейся практики применения налогового законодательства через призму влияния на налоговые правоотношения такого инструмента денежно кредитной политики, как ключевая ставка. Проведен анализ научных работ ученых-правоведов и экономистов, в частности, в целях уяснения экономической терминологии, использования эмпирических знаний и результатов проводимых учеными-экономистами расчетов. Автор приходит к выводу об обособленном, но комплексном влиянии изменения ключевой ставки на налоговые правоотношения.

Ключевые слова: налоговые правоотношения, ключевая ставка, инфляция, реформа налогового права

THE MECHANISM OF THE KEY RATE'S IMPACT ON TAX RELATIONS

***D. A. Ryzhkov**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article is devoted to the analysis of the current practice of applying tax legislation through the prism of the impact on tax relations of such a monetary policy instrument as the key rate. The analysis of the scientific works of legal scholars and economists is carried out, in particular, in order to clarify economic terminology, use empirical knowledge and the results of calculations carried out by economic scientists. The author comes to the conclusion about the isolated but complex impact of the change in the key rate on tax relations.

Keywords: tax relations, key rate, inflation

Ключевая ставка, являясь основным и во многом главенствующим инструментом денежно-кредитной политики, проводимой Центральным банком России, все чаще оказывает на повседневную жизнь граждан и деятельность юридических лиц, занятых предпринимательской деятельностью особое влияние. Состояние

стабильности финансового рынка и защищенности прав потребителей финансовых услуг и инвесторов пролегают в перспективе систематического развития финансовой системы и стимулирования экономики через изменение основных процентных показателей ключевой и учетной ставки.

Такое влияние оказывается не только непосредственно на экономические отношения, но и опосредованно на правовые, в которых затрагиваются различные аспекты правового регулирования отношений, складывающихся между гражданами и государством, в том числе в лице его органов в силу изменения количественного выражения объекта правоотношений.

При этом, не лишним будет упомянуть, что эти отношения отличаются особым уровнем пластичности в силу постоянных изменений показателей ключевой ставки, которые происходят на каждом из плановых заседаний, проводимых восемь раз в год, советом директоров Центрального Банка Российской Федерации, на результат которого сами участники правоотношений прямо не могут каким-либо образом повлиять, в силу чего эти отношения с достаточной долей уверенности можно назвать опосредованными.

Одной из групп правоотношений, на которую оказывается это особое влияние, можно считать налоговые правоотношения, которые складываются в процессе установления, введения и взимания налогов, сборов, страховых взносов в Российской Федерации.

Прежде чем конкретизировать на конкретных примерах, в чем заключается механизм воздействия изменения показателей ключевой ставки на налоговые правоотношения, изначальной целью стоит определить, что из себя представляет ключевая ставка.

Законодательного определения понятия «ключевая ставка» не представлено в нормативно-правовом комплексе законодательных актов. На равне с ним используется термин «процентные ставки по операциям Банка России», который представлен в перечне основных инструментов и методов денежно-кредитной политики Банка России в ст. 35 федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации» [2], однако также не раскрывается.

Определенное понимание того, что из себя представляет термин «ключевая ставка» присутствует на официальном сайте Центрального банка России в разделе «Денежно-кредитная политика», в котором заключается, что «ключевая ставка – это процент, под который центральный банк выдает кредиты коммерческим банкам и принимает от них на депозиты. Изменение ключевой ставки влияет на спрос через ставки в экономике и в конечном итоге – на инфляцию» [5].

Введение ключевой ставки Банка России было проведено в рамках перехода к режиму таргетирования инфляции, как одна из мер по совершенствованию системы инструментов денежно-кредитной политики 13 сентября 2013 г.,

о чем сказано в информационном сообщении «О системе процентных инструментов денежно-кредитной политики Банка России» пресс-релиза Банка России от указанной даты [8].

Говоря о ранее упомянутом отождествлении терминов «ключевая ставка» и «процентная ставка», стоит отметить мнение экономистов М. А. Горелышевой и И. Г. Нуретдиновой о том, что «в российской практике процентная ставка, учетная ставка и ставка рефинансирования отождествлялись и до 2016 года означали процентную ставку, по которой ЦБ РФ предоставляет кредиты коммерческим банкам. С 1 января 2016 года эти понятия утратили силу в большинстве актов Правительства РФ, кроме Федерального закона «О центральном банке". Их заменила ключевая ставка, которая раньше имела значение "ставка, по которой коммерческие банки берут займы у ЦБ на недельный срок"» [4].

Из представленного комплекса определений закономерным следует вывод о том, что главная цель изменения показателей ключевой ставки заключается в контролировании темпов инфляции и удержании ее в границах 4 %. Из чего следует вопрос о том, насколько эффективен данный инструмент денежно кредитной политики.

В проведенном исследовании Н. В. Иволгиной описывается ряд процессов таргетирования инфляции посредством ключевой ставки и делаются определенные выводы об успешности использования такого инструмента. Так, «В 2022 г. произошел резкий всплеск инфляции из-за введения санкций… Центральный банк РФ поднимает ключевую ставку до 20 % годовых в феврале, что позволило стабилизировать финансовые рынки и ограничить инфляционное давление… В 2023 г. повышение ключевой ставки осуществлялось в несколько этапов с 7,5 % до 16 % годовых, это способствовало снижению избыточного спроса, но сделало кредиты еще более дорогими… В 2024 г. влияние санкций и геополитической нестабильности продолжало оказывать влияние на рост цен и инфляционные ожидания. Банк России повысил ключевую ставку до 21 % годовых. … Однако инфляция не снизилась до прогнозируемого уровня 4 % годовых» [6].

Выводы Н. С. Козырь и Н. С. Толстова о влиянии ключевой ставки на показатели экономической стабильности также заслуживают внимания в части того, что «повышение ключевой ставки поспособствовало увеличению величины депозитов в коммерческих банках, что несколько сгладило проблему ликвидности денежно-кредитного сектора и оказало необходимое воздействие на инфляцию. Безусловно, это улучшило общую экономическую ситуацию в РФ» [7].

Таким образом можно сделать промежуточный вывод о том, что ключевая ставка оказывает необходимый для Центрального Банка Российской Федерации эффект, решение об изменении которой продиктовано анализом существующей на момент изменения экономической ситуации и прогнозированием дальнейших изменений.

Экономическая наука уже давно сформировала свое видение о зависимости уровня налогового бремени от инфляции, который отражается в эффекте Оливера-Танзи, описанный в словарях, как «ситуация, когда инфляция обесценивает поступления от налогообложения. Высокие темпы роста общего уровня цен отрицательным образом воздействуют и на фискальную систему» [3, с. 334].

Ценность данного эффекта проявляется в понимании поведения микроэкономических изменений между гражданами или организациями из-за влияния на них последствий изменения макроэкономических процессов таких, как инфляция.

Механизм воздействия при сдерживании инфляционных темпов через снижение ключевой ставки происходит абстрактно по схеме: рост ставки – снижение кредитной активности – сдерживание совокупного спроса – замедление инфляции.

Однако при этом повышение ставки также влияет на увеличение стоимости, например, заемного капитала для бизнеса и населения, что влияет на их платежеспособность и, как следствие, на исполнение налоговых обязательств.

Прямым эффектом от изменения ключевой ставки на налоговые правоотношения можно назвать изменение налоговой базы.

При инфляции формальная прибыль (доход) может расти даже при неизменной реальной экономической активности. Такая прибыль ведёт к искажению налоговой отчетности и, как следствие, неопределенность в определении количественных показателей при характеристике объекта налогообложения и определении его налоговой базы. Так объектом налогообложения, скажем, налога на прибыль организаций признается прибыль, т. е. полученные доходы, уменьшенные на величину произведенных расходов [1].

Косвенным эффектом, например, на ликвидность налогоплательщиков, является следующая ситуация – при росте ставки возрастает финансовая нагрузка по кредитам, снижается инвестиционная активность – сокращаются налоговые поступления от налога на прибыль и налоги на доходы физических лиц.

Также, например, может складываться ситуация, при которой в периоды высокой ставки налогоплательщики умышленно задерживаются с уплатой в расчете на снижение ставки или инфляционное обесценивание.

Анализ механизма воздействия ключевой ставки Банка России позволяет сделать обоснованный вывод: изменение ключевой ставки, направленное на удержание инфляции вблизи целевого уровня 4 %, оказывает не только макроэкономическое, а некоторым образом запускает цепочку изменений, которые так или иначе влияют на налоговые правоотношения и фискальную политику в целом.

Ключевая ставка, несмотря на отсутствие прямого закрепления в нормативных актах налогового или иного законодательства, функционирует как фактический регулятор фискальной политики, воздействуя на нее опосредованно.

Изменения ключевой ставки влияют на отношения, связанные с определением предмета налогового правоотношения (объект налогообложения и его стоимостное выражение); субъективные права и обязанности сторон (добросовестность налогоплательщика, возможность исполнения налоговой обязанности, отсрочка); критерии правомерности поведения (вина, уважительные причины) и др.

Список источников

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ: ред. от 17.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): федер. закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Большой коммерческий словарь / под ред. Т. Ф. Рябовой. М.: Война и мир, 1996. С. 334.
4. Горелышева М. А., Нуретдинов И. Г. Ключевая ставка: понятие и роль в национальной экономике // Экономика и социум. 2017. № 3 (34). URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 11.11.2025).
5. Денежно-кредитная политика // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/dkp/ (дата обращения: 11.11.2025).
6. Иволгина Н. В. Ключевая ставка как основной инструмент таргетирования инфляции и обеспечения ценовой стабильности // Аудиторские ведомости. 2025. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 11.11.2025).
7. Козырь Н. С., Толстов Н. С. Влияние ключевой ставки на макроэкономическую стабильность РФ в период кризиса 2014 г // Финансы и кредит. 2016. № 1 (673). URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 11.11.2025).
8. О системе процентных инструментов денежно-кредитной политики Банка России // Официальный сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru (дата обращения: 11.11.2025).

УДК 37.022

ЦИФРОВАЯ НЕЙРОПЕДАГОГИКА В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

***И. А. Савичева**, доцент кафедры иностранных языков Волгоградской академии МВД России*

Статья посвящена аспектам трансформации современного образования в рамках концепции цифровой педагогики и особенностей современных обучающихся. В статье раскрываются количественные (расширение возраста обучающихся от нуля до бесконечности) и качественные (присущие поколению Z и разделяющие людей на «нормотипичных» и «нейроотличных») характеристики обучающихся, дается определение цифровой нейропедагогики и раскрывается сущность изменений педагогического процесса с учетом ее особенностей.

Ключевые слова: нейропедагогика, цифровая нейропедагогика, цифровые нейродидактические технологии, поколение Z, цифровые нейропаттерны, цифровая эмпатия

DIGITAL NEUROPEDAGOGY IN MODERN EDUCATION

***I. A. Savicheva**, associate professor of the Foreign Languages Department of Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*

The article deals with some aspects of changes in modern education due to the concept of digital neuropedagogy and peculiarities of modern learners. The paper views upon the quantity (shift in the age of the learners from "cradle to grave") and quality (generation Z characteristics and the appearance of "norm-typical" and "neuro-different" people) issues of learners, gives a definition of digital neuropedagogy and reveals the aspects of change in education trends taking into account the data given by digital neuropedagogy.

Keywords: neuropedagogy, digital neuropedagogy, digital neurodidactic technologies, generation Z, digital neuropatterns, digital empathy

Нейропедагогика как междисциплинарная область объединяет достижения нейронауки, психологии и педагогики, чтобы понять, как учится мозг. Зная, какие нейронные процессы лежат в основе обучения, мы можем создавать более эффективные и персонализированные образовательные стратегии.

Меняются и обучающиеся. Во-первых, исчезают возрастные ограничения обучающихся в рамках концепции «обучения на протяжении всей жизни» и появляются обучающиеся + 0, + 1, + 3 или + 30, + 50, + 70 и даже + 90 [2, с. 47; 3, с. 150]. Во-вторых, происходят изменения в мышлении и восприятии информации, характерные для поколения Z – поколения основного объема обучающихся в рамках формального образования: ощущение легкодоступности и перенасыщенность информацией, клиповое мышление, многозадачность, предпочтение визуально-аудиального контента и др. В-третьих, появляются понятия «нормотипичный» и «нейроотличный» обучающиеся, которые имеют небольшие отклонения или различия в восприятии и усвоении информации, например в случаях дислексии, дисграфии, синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) и т. д.

В современном мире, где технологии проникают во все сферы нашей жизни, образование не может оставаться в стороне. Цифровая трансформация образования – это глубокое переосмысление подходов к обучению, которое основано, в том числе и на принципах нейропедагогики. Возникает новое понятие «цифровая нейропедагогика», которая помогает понять, как непрерывный скоростной цифровой поток информации и подмена реальных видов взаимодействия на виртуальные (общение, покупки, оплата и др.) влияет на процессы обучения, мышления, восприятия, запоминания, социализации и т. д. В этом случае происходит адаптация к интенсивному потоку информации и быстрому переключению внимания, а также формирование новых нейропаттернов для ориентирования в цифровом пространстве (умение искать информацию, ориентироваться по хэштэгам и ключевым словам, клиповое и игровое восприятие информации) [2, с. 48].

Таким образом, цифровая нейропедагогика предлагает следующие изменения в образовательных подходах [2, с. 48–50].

1. Использование цифровых нейропаттернов для обучения, что будет способствовать формированию вариативности мышления, произвольности внимания и устойчивой памяти.

2. Применение цифровой дидактики, которая занимается созданием цифровых материалов или учебных материалов с учетом особенностей цифрового восприятия (визуализация и аудиализация контента, интерактивность и геймификация обучения, короткие структурированные блоки информации). Использование игровых элементов (геймификация), интерактивных симуляций и виртуальной реальности позволяет создать образовательную среду, которая активизирует различные области мозга, стимулируя любопытство и желание учиться. Особую роль здесь выполняют нейродидактические технологии, которые предлагают разрабатывать материал с учетом уровня умственного развития человека,

сформированности когнитивных функций личности – внимание, память и др. [1, с. 115]. Среди цифровых нейродидактических технологий называют технологии виртуального обучения и нативные технологии, иммерсивные технологии или технологии виртуальной и дополненной реальности, технологии искусственного интеллекта и интеллекта вещей, фреймовые технологии, интерактивные технологии (кейсы, проекты, геймификация обучения), технологии «перевернутого» обучения, технологии микрообучения и мобильного обучения [1, с. 115–116; 2, с. 49–50].

3. Формирование самостоятельности в обучении (внутренней мотивации, организованности, дисциплинированности, самоконтроля). Цифровое образование требует большей самостоятельности. Современное поколение обучающихся привыкло к получению «легких» знаний: достаточно лишь набрать запрос в поисковике. Однако данную информацию необходимо самостоятельно редактировать, проверять, работать с ней, применять.

Адаптивные образовательные платформы, например, могут отслеживать прогресс каждого учащегося и корректировать учебный план в режиме реального времени, обеспечивая оптимальную нагрузку и стимулируя интерес к обучению. Благодаря цифровым технологиям, каждый учащийся может двигаться по индивидуальной траектории, выбирая темп обучения, формат контента и способ проверки знаний, которые наиболее соответствуют его потребностям и способностям.

4. Формирование эмпатии и цифровой эмпатии, что является неотъемлемой частью социализации и формирования личности, но с трудом осуществимо в условиях цифровой среды [2, с. 50]. В этом случае эмпатия формируется посредством активного слушания и невербальных сигналов в виде смайлов, стикеров, специальной пунктуации и эмоциональных слов.

Таким образом, вовлечение, мотивация и индивидуализация становятся ключевыми элементами цифровой нейропедагогики. Однако важно помнить, что цифровая нейропедагогика – это не просто использование цифровых технологий и интерактивных досок на занятии, а наука, анализирующая и критически оценивающая эффективность используемых цифровых инструментов на занятии, с учетом возможных рисков, таких как зависимость от гаджетов, дефицит живого общения и проблемы с концентрацией внимания. Только разумное и сбалансированное использование технологий, в сочетании с опытом и мудростью педагогов, может привести к по-настоящему качественному и прогрессивному образованию.

Список источников

1. Галкина Е. Н., Перевозчикова Н. Г. Нейродидактические технологии как средство эффективности образовательного процесса // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 84–3. – С. 115–119. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neyrodidakticheskie-tehnologii-kak-sredstvo-effektivnosti-obrazovatelnogo-protsessa (дата обращения: 13.11.2025).
2. Ермолаева Ж. Е. Цифровая нейропедагогика – к постановке вопроса // Культура и безопасность. 2025. № 2. С. 47–55. DOI:10.25257/KB.2025.2.47–55.
3. Мальсагов А. А., Лезина В. В. Нейродидактика в России: развитие и перспективы // МНКО. 2021. № 4 (89). – С. 149–150. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neyrodidaktika-v-rossii-razvitie-i-perspektivy (дата обращения: 13.11.2025).

УДК 378.6

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВЕДОМСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***С. О. Севостьянова**, доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук*

В статье рассматриваются современные подходы к подготовке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Уделено внимание цифровой трансформации учебного процесса, включая киберграмотность, работу с большими данными и использование симуляционных технологий. Затрагиваются вопросы формирования служебной культуры, а также необходимость воспитания многопрофильного специалиста, отвечающего требованиям динамично меняющейся оперативной обстановки.

Ключевые слова: подготовка кадров, органы внутренних дел, ведомственное образование, цифровизация, служебная культура.

TRANSFORMATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN DEPARTMENTAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

***S. O. Sevostyanova**, associate professor of the Department of Document Research of the Educational and Scientific Complex of Forensic Science Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Law*

The article examines modern approaches to training employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Attention is paid to the digital transformation of the educational process, including cyber literacy, work with big data and the use of simulation technologies. The issues of forming a service culture are touched upon, as well as the need to educate a multidisciplinary specialist who meets the requirements of a dynamically changing operational environment.

Keywords: personnel training, internal affairs agencies, departmental education, digitalization, service culture.

Система Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) представляет собой сложный и многогранный организм, от эффективности работы которого напрямую зависят безопасность, правопорядок и качество жизни граждан. В условиях быстро меняющегося мира, цифровизации всех сфер общества и появления новых вызовов, ключевым элементом ее обеспечения становится качественная подготовка высококвалифицированных кадров [4, 5].

Современный сотрудник органов внутренних дел (далее – ОВД) уже не просто «служитель закона» в классическом понимании, а многопрофильный специалист, сочетающий в себе физическую выносливость, правовую грамотность, психологическую устойчивость и высокий уровень компетентности. Именно на формирование такого специалиста и нацелена система образования в ведомственных учебных заведениях.

Для качественной подготовки кадров нельзя обойтись без знания законодательства, норм права и основ криминалистики. Этот фундамент остается неизменным, но наполняется новым содержанием. В программы активно интегрируются изменения в законодательстве, разбор сложных уголовных дел и изучение международного опыта.

Также нельзя и забывать о практической деятельности, поскольку теория, не подкрепленная практикой, бесполезна. В образовательных организациях системы МВД России в настоящее время упор делается на максимальное погружение курсантов и слушателей в реальные условия их будущей профессии [6, 7]. Для этого используются:

– симуляционные технологии. Так, на базе Волгоградской академии МВД России разработан информационно-аналитический комплекс «Орион», очки для консультационной помощи при проведении осмотров мест происшествий «Беркут», оборудован современный лазерный стрелковый тир, оснащенный системой виртуальной реальности, где отрабатываются навыки применения оружия и тактики в смоделированных ситуациях, а также оборудована лаборатория для производства следственных действий с помощью VR-технологий;

– кейс-методы. На занятиях преподаватели разбирают реальные уголовные дела и административную практику под руководством опытных преподавателей, а также приглашенных в рамках взаимодействия действующих сотрудников оперативных, следственных и экспертных подразделений;

– стажировки. В ходе обучения для курсантов и слушателей предусмотрено прохождение производственной и преддипломной практики в территориальных органах, где будущие полицейские работают совместно действующими сотрудниками, перенимая их опыт и применяя полученные знания на практике.

Нельзя не отметить, что современный полицейский должен быть не только физически сильным и юридически подкованным, но и коммуникабельным, стрессоустойчивым, способным к эмпатии и разрешению конфликтов. В связи с этим в учебные планы включены дисциплины по психологии, конфликтологии, основам работы с различными социальными группами.

Одним из главных трендов стала активная цифровизация учебного процесса. Подготовка кадров для ОВД теперь немыслима:

– без киберграмотности и изучения основ кибербезопасности, поскольку борьба с киберпреступностью является одним из приоритетов МВД России, и сотрудники различных служб должны понимать основы противодействия мошенничеству в сети;

– работы с большими объемами данных и криминалистическими базами. Курсанты учатся работать с современными информационными системами, которые являются главным инструментом в раскрытии преступлений;

– использования дистанционных и мультимедийных технологий. Электронные библиотеки, онлайн-курсы, все это прочно вошло в образовательный процесс, сделав его более гибким и эффективным [8].

Важнейшая задача ведомственных вузов не только обучение, но и воспитание. Большое внимание уделяется формированию корпоративной культуры, основанной на принципах законности, уважения к правам человека и служения обществу. Воспитательная работа, изучение истории ОВД, встречи с ветеранами, – все это способствует формированию у будущих сотрудников чувства ответственности и профессиональной чести.

Таким образом, подготовка кадров для ОВД на современном этапе представляет собой динамичный и развивающийся процесс, успешно сочетающий в себе лучшие традиции фундаментального юридического и специального образования с самыми передовыми образовательными и технологическими практиками. Главной целью, безусловно, является подготовка высококлассного, всесторонне развитого специалиста, который не только способен эффективно противодействовать преступности в любых ее проявлениях, но и пользуется доверием и уважением общества, которому служит.

Список источников

1. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ: ред. от 31.07.2025 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 53 (ч. 1), ст. 7598.
2. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: ред. от 31.07.2025 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 7, ст. 900.

3. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ: ред. от 28.12.2024 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 49 (ч. 1), ст. 7020.
4. Вилкова А. В., Ковалев О. Г. Адаптация молодых специалистов к профессиональной деятельности в оперативной службе в исправительном учреждении // Вопросы педагогики. 2021. № 6–2. С. 49–52.
5. Карнаухов О. П. Актуальные вопросы совершенствования профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел в современных условиях // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2022. – № 2 (96). – С. 159–163.
6. Ковалев О. Г. Особенности организации практико-ориентированного обучения курсантов в процессе преподавания дисциплин специализации в ведомственной образовательной организации // VIII Пед. чтения, посвящ. памяти проф. С. И. Злобина: сб. материалов: в 2 т. / сост. А. И. Согрина. Пермь, 2022. С. 63–65.
7. Ковалев О. Г., Вилкова А. В. Современные организационные и психолого-педагогические проблемы подготовки сотрудников оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: реалии и перспективы развития: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Псков, 2021. С. 232–238.
8. Маздогова З. З. Направления цифровизации образовтельного процесса в образовательных учреждениях МВД России // З. З. Маздогова, Н. Н. Марьина // Журнал прикладных исследований. 2023. № 3. С. 166–170.

УДК 005.96

РАЗРАБОТКА И ВНЕДРЕНИЕ АНАЛОГОВ CRM-СИСТЕМ В КАДРОВЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ЦЕЛЬЮ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА КОМПЛЕКТОВАНИЯ

***Д. Б. Солнышкин**, преподаватель кафедры криминалистики и специальной техники Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматривается возможность разработки к внедрению CRM и HRM-систем в кадровые подразделения Министерства внутренних дел Российской Федерации для оптимизации процесса комплектования. Повышение эффективности комплектования подразделений за счет внедрения современных информационных технологий позволит сократить временные затраты на обработку данных, повысить точность и оперативность комплектования, улучшить качество предоставляемых кандидатам услуг, что в свою очередь создаст комфортные условия для взаимодействия и повысит привлекательность службы в Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: кадровые подразделения Министерства внутренних дел Российской Федерации, CRM-система, автоматизация кадровых процессов, цифровизация кадровой работы, оптимизация процесса комплектования, информационные технологии в государственном управлении, электронные кадровые системы, программное обеспечение для управления персоналом.

DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF CRM–LIKE SYSTEMS IN THE HR DEPARTMENTS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA FOR THE PURPOSE OF STAFFING PROCESS OPTIMIZATION

***D. B. Solnyshkin**, lecturer, of the Department of Criminalistics and Special Techniques of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article examines the possibility of developing and implementing CRM and HRM systems in the HR departments of the Ministry of

Internal Affairs of Russia to optimize the staffing process. Increasing the efficiency of staffing in the departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia through the introduction of modern information technologies will reduce the time required for data processing, improve the accuracy and timeliness of staffing, and enhance the quality of services provided to candidates. This, in turn, will create comfortable conditions for interaction and increase the attractiveness of service in the Ministry of Internal Affairs.

Keywords: HR departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia, CRM system, automation of HR processes, digitalization of HR management, staffing process optimization, information technologies in public administration, electronic HR systems, human resource management software.

CRM-системы (Customer Relationship Management) представляют собой программное обеспечение, предназначенное для управления взаимодействием с клиентами. Их основная цель заключается в улучшении качества обслуживания и повышении эффективности взаимодействия между организацией и ее клиентами. Появившись в 1980-х гг. как концепция управления отношениями с клиентами, CRM-системы претерпели значительные изменения, адаптируясь к современным требованиям и технологиям.

Использование CRM для поиска персонала или для рекрутинга это инструмент, который помогает кадровым работникам и HR-специалистам в управлении наймом, сокращает количество рутины, оптимизирует рабочие процессы и повышает их эффективность. Кроме того, система позволяет искать кандидатов, выстраивать и поддерживать с ними отношения, отслеживать статус трудоустройства и получать обратную связь – всё это делается быстрее и эффективнее благодаря автоматизации рутинных процессов. А с помощью встроенных инструментов аналитики система помогает выявить слабые места в HR-стратегии и выработать методы по ее улучшению.

В нынешних условиях современные цифровые технологии оказывают значительное влияние на все сферы деятельности человека. Их внедрение является основой для повышения эффективности работы любой организации. Подразделения по работе с личным составом Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) не являются исключением, вопрос комплектования в условиях постоянно растущего некомплекта стоит довольно остро, поэтому возникает необходимость внедрения инновационных подходов к управлению процессами комплектования. Одним из таких подходов является разработка и использование отечественного программного обеспечения аналогичных CRM и HRM систем, которые уже доказали свою эффективность

в коммерческой сфере. Применение подобных решений способствует автоматизации поиска кандидатов, налаживанию эффективного взаимодействия с гражданами, изъявившими желание служить в органах внутренних дел (далее – ОВД), а также делает систему управления более прозрачной. В то же время внедрение и настройка таких систем в условиях, характерных для МВД России, требуют детальной проработки и комплексного анализа.

Одной из базовых функций CRM-платформ является управление информацией: система аккумулирует значительный массив данных о претендентах и их резюме в единой базе. Это обеспечивает удобный доступ к кадровому резерву и позволяет рекрутеру учитывать тех кандидатов, которые на текущий момент не подошли по определённой вакансии, но могут оказаться востребованными для другой должности.

Не менее важной возможностью является автоматизация рутинных процессов: обработка заявлений, формирование отчетной документации и другие типовые операции выполняются системой автоматически. За счет этого сотрудники получают больше времени для решения аналитических и управленческих задач. Система хранит переписку и историю общения с кандидатами, автоматически отправляет приглашения, уведомления и письма, рассылает напоминания о предстоящих событиях, связанных с трудоустройством.

Удобное взаимодействие с соискателями в одной системе на протяжении процесса найма является одним из основных преимуществ использования CRM-систем. Ведь кадровому работнику (рекруту) не нужно следить за сообщениями в разных мессенджерах, благодаря системе ни одно сообщение не потеряется. Рекруту проще отправлять электронные письма с приглашениями на собеседования и информировать кандидатов о ходе процесса найма.

Важно отметить, что CRM возможно интегрировать со множество популярных решений: чат-ботами, Телеграмм, 1С, RuPost Desktop, календарем, сайтами по поиску персонала. Благодаря этому можно не создавать отдельную страницу с вакансиями на официальном сайте, а опубликовать их на порталах по трудоустройству. Интеграции собирают информацию в единой базе, и специалисты экономят время на поиске данных в разных источниках.

Текущие процессы комплектования в МВД России характеризуются значительной долей ручного труда, что приводит к увеличению временных затрат и вероятности ошибок, а в условиях имеющегося некомплекта личного состава еще и возрастающей нагрузкой на специалистов. Разработка и внедрение CRM-систем в кадровые подразделения МВД России могли бы способствовать снижению затрат и экономии ресурсов, эти системы автоматизируют множество процессов, что уменьшает потребность в ручной работе.

При разработке CRM-системы для кадровых подразделений МВД России необходимо учитывать ключевые критерии, которые определяют её эффективность и соответствие задачам службы. Важнейшими из них являются функциональные возможности системы, ее масштабируемость, простота интеграции с уже существующими ИТ-решениями применяемые в МВД России, а также уровень безопасности данных.

Начальным этапом внедрения CRM-системы выступает всесторонний анализ текущих кадровых процессов и определение основных потребностей. Он предполагает изучение применяемых способов работы, а также нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность Министерства в данной сфере. Необходимо провести детальный аудит существующих процедур и мероприятий, чтобы установить, какие возможности CRM окажутся наиболее востребованными в подразделениях, занимающихся личным составом.

На следующем шаге формируется команда специалистов, которая будет отвечать за практическую реализацию внедрения CRM-системы. В её состав целесообразно включать представителей разных подразделений ОВД, что позволит учесть специфику их деятельности. После завершения формирования рабочей группы и выбора подходящих инструментов требуется подготовить подробную программу внедрения CRM. В нее следует включить все стадии проекта – от испытаний и настройки системы до ее полноценного ввода в эксплуатацию.

Необходимо предусмотреть временные рамки разработки, бюджет и ресурсы для каждого этапа. Подобный опыт в МВД России имеется, при внедрении автоматизированной системы документооборота.

Следующее немаловажное обстоятельство, это учет требований безопасности и конфиденциальности данных и является неотъемлемой частью адаптации CRM-системы для ОВД. В условиях высокой вероятности попыток несанкционированного доступа необходимо предусмотреть многоуровневую защиту хранящихся и предаваемых данных. Это включает шифрование информации, использование безопасных протоколов передачи данных, строгую систему авторизации пользователей, хранение данные на только серверах, находящихся на территории России. Такие меры позволят устранить риски утечки конфиденциальной информации.

Анализ особенностей пользовательского опыта сотрудников ОВД является важным этапом при адаптации CRM-системы. Сотрудники работают в условиях высокой ответственности и строгих регламентов, что требует от них быстрой, а главное точной обработки информации. Это определяет необходимость создания интуитивно понятного и доступного интерфейса, способного минимизировать временные затраты на выполнение задач и предстоящее обучение.

Тестирование и корректировка интерфейса и функционала являются завершающими этапами адаптации CRM-системы. На этом этапе выявляются и устраняются возможные недостатки, что позволяет добиться высокой степени удовлетворенности тестирующих специалистов, работающих с системой. Что является решающим фактором перед полноценным запуском CRM-систем.

Необходимо и дальнейшее исследования в данной области, поскольку они позволяют выявить и адаптировать лучшие практики для специфических нужд Министерства, растущую значимость данных систем. Исследования должны быть сосредоточены на анализе имеющихся проблем комплектования, это позволит не только повысить эффективность работы кадровых подразделений, но и улучшить процесс комплектования.

Внедрение инновационных решений в МВД России должно основываться на современных, прогрессивных и эффективных технологиях. В последнее время внедрено значительное количество информационных систем, что свидетельствует о готовности ведомства к цифровизации.

«Факты, цитаты, статистические данные сверены, нормативная база актуальна. Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях. Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю».

Список источников

1. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50. Доступ из специализир. территориально распределен. автоматизир. системы «СТРАС ЮРИСТ».
3. Андреевский Е. В., Падерно П. И. Структура автоматизированной информационной системы поддержки профессионального отбора персонала для охраны ядерного объекта, ее место в структуре АСУП // Системы. Методы. Технологии. – 2016. – № 2 (30). – С. 109–113.
4. Артеменко Е. С. CRM-системы и их основные особенности // Шаг в науку. – 2020. – № 2. – С. 56–59.
5. Борисов-Потоцкий А. С., Мишутина Т. С., Ушаков А. Н. LOW-CODE технологии в работе МВД России: проблемы и перспективы внедрения современных информационных технологий в системе МВД России // Инновации и инвестиции. – 2022. – № 12. – С. 136–137.

6. Горбунова Е. А. Анализ данных о коммуникациях с клиентами и разработка проекта совершенствования CRM-системы банка: магист. дис. / Е. А. Горбунова; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт «Высшая школа экономики и менеджмента». – Екатеринбург, 2018. – 120 с.
7. Динамика взаимоотношений различных областей науки в современных условиях: сб. ст. Международ. науч.-практ. конф. / кол. авт. – Новосибирск: ОМЕГА САЙНС, 2018. – 162 с.
8. Заичко Н. Д. Внедрение CRM-системы на предприятии ООО Авторапорт в целях повышения эффективности бизнеса: магист. дис. / Н. Д. Заико; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт экономики и управления. – Екатеринбург, 2023. – 89 с.
9. Информационные технологии, энергетики и экономика (экономика и менеджмент, научные исследования в области физической культуры, спорта общественных наук и лингвистики): сб тр. XVI-ой Международ. науч. техн. конф. студентов и аспирантов. В 3 т. Т 3. – 2019. – 280 с.
10. Использование приложений и программирование учетно-аналитических решений в 1С: Предприятие: сб. науч. тр. науч.-практ. конф. «Использование приложений и программирование учетно-аналитических решений в 1С: Предприятие» (г. Ульяновск, 1 марта 2013 г.) / под ред. О. Б. Ларионовой. – Ульяновск: УлГТУ, 2013. – 47 с.
11. Косицына С. В. Применение цифровых технологий в управлении персоналом // Вестник Самарского муниципального института управления. – 2024. – № 2. – С. 62–63.
12. Кочнев А. А. Внедрение CRM-систем в бизнес: проблемы и перспективы // Экономика и управление: науч.-практ. журн. – 2023. – № 1 (169). – С. 76–77.
13. Кузьмина Э. В. Моделирование бизнес-процессов предприятия при внедрении CRM-систем // Сфера услуг: инновации и качество. 2017. № 28. URL: http://journal.kfrgteu.ru/files/2017/28/06.pdf (дата обращения: 20.04.2025).
14. Наука на современном этапе: вопросы, достижения, инновации: материалы II Международ. науч.-практ. конф. (24 февраля 2018 г. МК-7, Тюмень) / под ред. Д. А. Шелистова. – Тюмень: ИЦ «Quantum», 2018. – 189 с.
15. Николаенко Е. А. Комплектование как залог успешного функционирования органа внутренних дел // Бизнес в законе. – 2016. – № 4. – С. 225–226.
16. Патрикеева Я. В. Актуальность внедрения обучения CRM-системам как специализированной системы управления базой данных клиентов // Издат. дом «Среда». – URL: https://phsreda.com (дата обращения: 02.04.2025).
17. Право, экономика и управление: актуальные вопросы / Чувашский государственный институт культуры и искусств. – Чебоксары: Издат. дом «Среда», 2024. – 276 с.
18. Раживина И. В. Комплектование персонала подразделений органов внутренних дел как условие правоохранительных МВД России // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 7. – С. 118–119.

19. Свободный Ф. К. Профессиональный «Я-образ» сотрудника органов внутренних дел и оптимизация его формирования в высшем образовательном учреждении МВД России: автореф. дис. … канд. психол. наук. – М.: Академия управления МВД России, 2003. – 71 с.
20. Семёнов Р. С. Оптимизация межличностных отношений сотрудников групп специального назначения: автореф. дис. … канд. психол. наук. – М., 2011. – 187 с.
21. Теоретические и практические аспекты развития научной мысли в современном мире: сб. ст. Международ. науч.-практ. конф. / под ред. кол. авт. – Оренбург: ОМЕГА САЙНС, 2018. – 247 с.
22. Шелудько В. О. Проблемы подбора кадров в органы внутренних дел Российской Федерации // Электронный журнал E-Scio. 2022. – URL: https://e-scio.ru/?p=18258 (дата обращения: 02.04.2025).

УДК 343

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАЛОГАХ И СБОРАХ

***В.А. Спильная**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматривается уголовная ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах, актуальность ее существования в современном правовом поле, а также круг составов преступлений, подпадающих в категорию «налоговые». Кроме этого представлены статистические данные вышеуказанных категорий дел.

Ключевые слова: налоговые преступления, уголовная ответственность, законодательство о налогах и сборах, налоговое право, уголовное право.

CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION OF THE LEGISLATION ON TAXES AND FEES

***V.A. Spilnaya**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article examines criminal liability for violations of legislation on taxes and fees, the relevance of its existence in the modern legal field, as well as the range of crimes that fall into the “tax” category. In addition, statistical data on these categories of cases are presented.

Keywords: tax crimes, criminal liability, legislation on taxes and fees, tax law, criminal law.

Налоговая система современного государства представляет собой не просто инструмент фискальной политики, но и фундаментальный элемент социальной и экономической связи между гражданами, юридическими лицами и государством. Устойчивость бюджета, обеспечение социальных гарантий, финансирование инфраструктуры различных сфер: науки, образования и обороны – напрямую зависят от добросовестного исполнения налоговых обязанностей, установленных в обществе. В этой связи уклонение от уплаты налогов и сборов выходит за рамки административного проступка и приобретает характер общественно опасного посягательства против экономической безопасности государства.

Актуальность темы уголовной ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах обусловлена многими факторами. Налоговые поступления, формирующие бюджет государства, составляют достаточно весомую его часть, по официальным данным только в период с января по сентябрь 2025 г. – 33 триллиона рублей поступило в бюджет государства за счет налоговых отчислений, что составляет 76 % от общей поступившей денежной массы [6].

Согласно сводным статистическим данным о состоянии судимости в России в 2024 г. за преступления, предусмотренные ст. 198–199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), было осуждено 294 человека, из которых 80 условно осуждено к лишению свободы, 164 – в качестве основного наказания избран штраф. К лишению свободы от двух до трех лет включительно осуждено двое [5].

Стоит обратить внимание на то, что за 2024 г. 360 дел прекращено за судебным штрафом в соответствии со ст. 25.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2, ст. 25.1].

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что в большинстве случаев уголовные дела прекращаются за назначением судебного штрафа, а лишение свободы применяется в определенно малой степени. Данный факт может свидетельствовать о прежде всего компенсационной цели реализации уголовной ответственности в данной сфере.

Возникающие формы уклонения от уплаты налогов, требуют адаптации уголовно-правовых норм к новым реалиям цифровой экономики. Существование мер уголовно-правового характера выступает в некоторой степени средством сдерживания и восстановления налоговой справедливости.

При этом уголовная ответственность за преступления в данной сфере – это не просто существующий механизм наказания, а важнейший элемент формирования налоговой культуры, повышения уровня доверия к государству и обеспечения равенства налогоплательщиков. Отсутствие эффективного уголовно-правового реагирования может привести к умалению принципа справедливости в налогообложении, а также стимулировании к противоправному поведению со стороны налогоплательщиков.

Дискуссионным в научном обществе выступает вопрос, касающийся отнесения тех или иных составов преступления к числу «налоговых». Прежде всего, в их понимании в узком и широком значениях.

Существует точка зрения, согласно которой налоговое преступление – это совершенное в налоговой сфере противоправное деяние, преступный характер которого признан действующим уголовным законодательством территории, к юрисдикции которой оно отнесено [3, 83].

Кроме этого, есть мнение, согласно которому налоговое преступление – это предусмотренное уголовным законом умышленное общественно опасное деяние, посягающее на общественные отношения, которые возникают по поводу исчисления и уплаты налогов, сборов и страховых взносов в соответствующие бюджеты и государственные внебюджетные фонды [4, 145].

Таким образом, к числу налоговых преступлений относятся составы, предусмотренные ст. 198–199.4 УК РФ. На наш взгляд, считается правильным отнесение к числу налоговых преступлений помимо уклонения от уплаты налогов, неисполнения обязанностей налогового агента, а также сокрытия денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов, но и уклонение страхователя – физического лица или организации от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд, уклонение от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин, взимаемых с организации или физического лица [1, ст 194, 198–199.4].

В данном случае налоговые преступления рассматриваются в широком смысле, предполагая их группирование на основании посягательства на налоговое законодательство. Как следствие, происходит отождествление понятий «налоговые преступления» и «преступления за нарушение законодательства о налогах и сборах».

Существование данной категории преступлений обусловлено не только необходимостью защиты бюджетных доходов, но и реализацией конституционного принципа равенства всех перед законом и обязанностью каждого платить установленные налоги и сборы.

Потребность в их наличии в уголовно правовом поле определяется реализацией различных функций, в том числе карательной (наказание виновных), предупредительной (предотвращение новых преступлений), восстановительной (возмещение ущерба) и профилактической (предотвращение повторного совершения данных преступлений).

Кроме этого, криминализация налоговых деяний со стороны государства иллюстрирует важность существования налоговой системы, исполнения установленных обязанностей ее субъектами, а также регулирования мерами уголовно-правового характера в случае противоправного поведения.

Уголовная ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах – неотъемлемый элемент правового механизма, обеспечивающего функционирование современного социального государства. Она реализует фундаментальные принципы конституционного права: равенство, справедливость и законность.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 15.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 27.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
3. Бугаевская Н. О. Особенности налоговых преступлений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2009. № 3. С. 83.
4. Вальтер А. В. Налоговые преступления – характеристика и способы противодействия // Аграрное и земельное право. Право. 2019. С. 145.
5. Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946 (дата обращения: 05.09.2025).
6. Налоговые поступления в консолидированный бюджет РФ. Аналитический портал ФНС России // URL: https://analytic.nalog.gov.ru/ (дата обращения: 05.09.2025).

УДК 378

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ С УЧЕТОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ

***Е. В. Старова**, преподаватель кафедры иностранных языков Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя*

В статье рассматриваются современные подходы к обучению иностранному языку, направленные на развитие профессиональных компетенций обучающихся и повышение качества подготовки кадров.

Ключевые слова: инновационные подходы, профессиональные компетенции, обучение иностранному языку, технологии искусственного интеллекта.

INNOVATIVE APPROACHES TO TEACHING A FOREIGN LANGUAGE ACCOUNTING PROFESSIONAL SPECIFICS

***E. V. Starova**, lecturer at the Department of Foreign Languages of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot*

The article discusses modern approaches to teaching a foreign language aimed at developing students' professional competencies and improving the quality of staff training.

Keywords: innovative approaches, professional competencies, foreign language teaching, artificial intelligence technologies.

Обучение иностранному языку в условиях глобализации становится одной из ключевых задач высшего образования. Это связано с необходимостью подготовки высококвалифицированных специалистов, способных свободно общаться на иностранном языке, изучать, анализировать и использовать зарубежный опыт в своей профессиональной сфере. Современные технологии и методики позволяют значительно повысить эффективность учебного процесса, сделать его более интересным и мотивирующим для обучающихся. Но для успешной интеграции в любую мультикультурную среду в целом и в международное профессиональное сообщество в частности предъявляются высокие требования к уровню владения

иностранными языками. Знание иностранного языка открывает доступ к международным рынкам труда, способствует развитию межкультурной коммуникации и расширению возможностей карьерного роста.

Использование инновационных подходов позволяет повысить мотивацию обучающихся, развивать коммуникативные компетенции и формировать готовность применять полученные знания на практике. Инновационные методы преподавания иностранных языков в высшей школе должны применяться с учетом профессиональных потребностей, с использованием материалов зарубежных исследований и методических разработок. Однако нельзя отказываться и от традиционных методов обучения иностранным языкам. Основная нагрузка ложиться на профессиональный уровень преподавателя, который должен всесторонне владеть как традиционными методами и методиками проведения занятий, так и новыми. Нельзя оказываться от традиционных методов и подходов обучения, проверенных накопленным опытом, используя современные технологии, направленных на развитие профессиональных компетенций обучающихся и повышение качества подготовки кадров, что позволит удовлетворить реальные потребности специалистов в конкретных областях. Успешное овладение иностранным языком зависит не только от уровня грамматической подготовки, но и от способности интегрировать приобретенные знания в профессиональный контекст.

Профессионально ориентированный подход предполагает использование учебного материала непосредственно в рамках изучаемой специальности.

Одним из основополагающих аспектов профессионально ориентированного обучения является использование иноязычных материалов, таких как научные статьи, отчетная документация, презентации конференций и семинары. Использование аутентичных материалов дает возможность погрузиться в реальную среду профессионального общения и подготовиться к решению практических задач. Одним из наиболее часто встречающихся методов обучения в высшей школе стал «метод проектов».

Метод проектов получил широкое распространение благодаря своей эффективности в развитии критического мышления и творческих способностей обучающихся. Проектный подход предполагает выполнение заданий, направленных на решение конкретной проблемы или создание продукта, связанного с профессиональной деятельностью. Использование метода проектов стимулирует самостоятельную работу, развивает умение анализировать информацию и представлять ее публично. Этот подход особенно эффективен при изучении специализированных терминов и выражений, характерных для конкретной профессиональной области.

В последнее время широко используется контекстное обучение. Контекстное обучение подразумевает погружение обучающегося в ситуацию, близкую к реальности. Обучающиеся участвуют в ролевых играх, симуляциях

и дискуссиях, имитирующих реальные рабочие ситуации. Данный подход способствует формированию устойчивых навыков устного и письменного общения в профессиональном контексте. Примером контекстного обучения может служить моделирование переговоров с зарубежными партнерами, проведение виртуальных деловых встреч или участие в онлайн-конференциях. Эти мероприятия помогают преодолеть психологический барьер и развить уверенность в применении языка на практике.

Без использования онлайн-платформ и мобильных приложений уже нельзя и представить современный процесс обучения. Новые технологии предоставляют широкие возможности для интерактивного изучения иностранных языков. Онлайн-курсы, вебинары, чат-боты и специализированные мобильные приложения способствуют индивидуализации процесса обучения и обеспечивают доступ к учебному материалу в любое удобное для обучающихся время.

Исходя из анализа зарубежных практик, иностранные исследования подчеркивают важность интеграции личностно-значимых элементов в процесс обучения иностранным языкам. Среди наиболее эффективных методов выделяются:

1) Task-based learning (обучение на основе выполнения задач) основывается на выполнении серии взаимосвязанных заданий, нацеленных на развитие коммуникативных компетенций;

2) Content and Language Integrated Learning (CLIL) (Интеграция содержания предмета и языка) способствует лучшему усвоению как лингвистических, так и предметных знаний;

3) Flipped classroom (перевернутый класс) предусматривает предварительное изучение теоретического материала дома и активное обсуждение и практику в классе.

Иноязычное профессионально ориентированное общение обучающихся высшей школы нацелено на формирование заданного уровня иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции. В процессе обучения иностранному языку учитываются различные функции речи и способы ее применения. Наряду с инструментальной функцией (простая передача информации), регулятивной (регулирование деятельности), личностно – эмоциональной и художественной функцией, нельзя не учитывать эвристическую (выражение своего понимания), социальную (общение за пределами узкого круга общения), информационно-научную и аналитическую составляющие для успешного применения определенных методов, подходов и технологий при планировании занятия [1, с. 68].

Хотелось бы обратить особое внимание на бурно развивающееся направление – это использование новейших технологий, а именно огромный потенциал использования искусственного интеллекта (далее – ИИ). Еще до появления современных представлений о взаимосвязи между инструментами ИИ, такими как ChatGPT, было множество примеров использования ИИ в преподавании

иностранного языка и того, как успешные приложения, разработанные с использованием ИИ, используются в образовательном процессе. Инструментарий ИИ предоставляет невероятные потенциальные возможности, позволяя адаптировать методы обучения для изучающих иностранные языки. Тем не менее, необходимо признать и тот факт, что интеграция ИИ в процесс обучения требует мотивированного подхода и владения определенными навыками не только обучающихся, но и преподавателей и других сторон образовательного процесса.

Нельзя отрицать наличия рисков, вызовов и угроз для образовательной системы, которые необходимо изучать, анализировать и учитывать при использовании новейших технологий в процессе обучения. Однако отрицать интеграцию ИИ в образование не имеет смысла. Во всем мире образовательный процесс развивается параллельно развитию и внедрению инновационных технологий. Наиболее часто используемые инструменты ИИ для генерации языка, изучения языков, преподавания языков, обучения с помощью приложений и чат-боты распространены по всему миру. В настоящее время инструментарий ИИ используется для развития речевой коммуникации обучающихся по четырем основным видам деятельности: аудировании, чтении, говорении, письме. Несомненно, что и в обозримом будущем ИИ продолжит оказывать влияние на образовательную сферу деятельности человека.

Использование ИИ в обучении иностранному языку должно быть методически обосновано и обеспечено, как на уровне организации учебного процесса в образовательной программе в целом, так и на уровне его планирования отдельным преподавателем.

К недостаткам использования ИИ в образовательном процессе обучения можно отнести тот факт, что трудно гарантировать самостоятельность выполнения всех заданий отдельными обучающимися. Кроме того, использование одного какого-либо метода не является универсальным и эффективным. Только в сочетании с другими методами обучения иностранным языкам можно добиться желаемого результата.

Зарубежные исследователи подчеркивают необходимость формирования мотивации студентов путем включения эмоционально значимых компонентов в учебный процесс. Одним из примеров является организация мероприятий культурного обмена, где обучающиеся могут общаться с представителями других стран, обмениваться опытом и знакомиться с традициями и обычаями. С точки зрения межкультурной коммуникации, необходимо создать атмосферу живого и естественного общения, имитирующего реальные ситуации, активно используя ситуации общения профессиональной направленности. Это могут быть научные дискуссии на иностранном языке с привлечением иностранных специалистов, обобщение и обсуждение результатов теоретических и практических исследований зарубежных источников, чтение отдельных специальных

курсов на иностранных языках, участие обучающихся в международных конференциях и работа в качестве переводчиков, что приводит к прямым контактам с представителями других стран.

Анализируя современные тенденции в обучении иностранным языкам, можно сделать вывод о необходимости использования как традиционных форматов обучения, так и шире использовать инновационные подходы. Задача преподавателя состоит в создании условий, позволяющих обучающимся активно участвовать в образовательном процессе, развивать необходимые навыки и готовиться к успешной профессиональной деятельности в условиях международной конкуренции.

Список источников

1. Гузиекова С. М., Хачак С. К. Инновационные подходы в методике преподавания иностранных языков// Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Педагогика и психология. Майкоп, 2013. Вып. 2. С. 68–71.
2. Макарова И. С. Роль интерактивных технологий в процессе обучения иностранному языку // Профессиональное образование и рынок труда. 2023. № 1. С. 101–106.
3. Benson P., Vollmer H. J. (eds.). Autonomy in Foreign Language Teaching. London: Routledge, 2018.
4. Byram M. From Foreign Language Education to Education for Intercultural Citizenship. Clevedon: Multilingual Matters Ltd., 2008.

УДК 355.541.1

СТРЕЛЬБА В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОЙ ВИДИМОСТИ

***А. И. Тищенко**, преподаватель кафедры огневой подготовки Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Стрельба в условиях ограниченной видимости представляет собой особую категорию огневой подготовки, требующую сочетания психофизиологических, тактических и технических компонентов. Грамотное применение технических компонентов – современных средств наблюдения, прицеливания и отработанных тактических приемов может помочь компенсировать недостаток видимости и даже использовать его как элемент скрытности и внезапности. Ошибки, допущенные в такой обстановке, могут привести не только к снижению боевой эффективности, но и к трагическим последствиям, включая утрату инициативы.

Ключевые слова: ограниченная видимость, стрелок, цель, дальность.

SHOOTING UNDER CONDITIONS OF LIMITED VISIBILITY

***A. I. Tishchenko**, lecturer at the Department of Fire Training at the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Federation named after I. F. Shilov*

Shooting under conditions of limited visibility constitutes a specialized category of marksmanship training that requires an integration of psychophysiological, tactical, and technical components. Proper application of technical components – such as modern observation and aiming devices, along with well-practiced tactical techniques – can help compensate for reduced visibility and even leverage it as an element of concealment and surprise. Mistakes made in such conditions can lead not only to diminished combat effectiveness but also to tragic consequences, including loss of initiative.

Keywords: limited visibility, shooter, target, range.

Стрельба в условиях недостаточной освещённости – это одна из наиболее сложных и критически важных областей огневой подготовки, и для сотрудников правоохранительных органов, и для военнослужащих.

Ограниченная видимость – состояние внешней среды, при котором стрелок не может полностью воспринимать визуальную информацию о цели, местности, препятствиях и других тактически значимых объектах.

Она представляет собой одну из множеств проблем, поскольку напрямую влияет на эффективность применения оружия. В условиях ограниченной видимости увеличивается вероятность ошибок при прицеливании и [1].

Во время стрельбы в условиях ограниченной видимости снижается точность из-за невозможности четко различать мушку и целик, затрудняется ориентация на местности, повышается риск поражения своих, увеличивается время реакции, поскольку стрелку требуется больше концентрации на обнаружение и распознавание цели, а также психофизиологическое напряжение вызывается неопределенностью и страхом неожиданной встречи с противником.

В рамках огневой подготовки понятие «ограниченная видимость» охватывает как естественные, так и искусственные факторы, снижающие качество визуального восприятия. К естественным факторам относятся туман, дождь, снегопад, метель, сумерки, ночь, густой лес, овраги, городская застройка, создающие тени и зоны невидимости. К искусственным фактором относятся дымовые завесы, пыль от взрывов, ослепление от вспышек или фар, применение противником средств маскировки. Все перечисленные факторы могут действовать как по отдельности, так и в совокупности, усиливая негативное влияние на эффективность стрельбы [2].

Эффективность стрельбы варьируется в зависимости от типа условий ограниченной видимости. У каждого условия есть свои особенности. Ночью основная проблема – полное или частичное отсутствие естественного освещения, где стрельба возможна только с использованием приборов ночного видения или активного освещения, которые могут выдать позицию стрелка. При тумане или дыме снижается не только дальность видимости, но и чёткость очертаний объекта, затрудняющие прицеливание. Во время дождя возникают иные проблемы помимо снижения видимости, ухудшаются обстоятельства удержания оружия – скольжение, а также возможны отклонения траектории пули из-за аэродинамического сопротивления. Каждое условие требует индивидуального подхода в подготовке и применении оружия.

В огневой подготовке для устранения проблем, возникающих во время ведения огня, используется специализированное оборудование. Для наблюдения за целью применяются приборы ночного видения, тепловизионные прицелы, модернизированные прицельные приспособления. Для освещения и более точного наведения оружия применяются лазерные целеуказатели и подсветки, тактические фонари и ИК-осветители [3]. Важно, чтобы оборудование было надежно закреплено на оружии, не мешало его эксплуатации и было совместимо с другими тактическими системами.

Ночь, сумерки, закрытые помещения с плохим освещением – все это радикально меняет привычные сценарии ведения огня, требуя адаптации техник и использования специализированного оборудования. В отличие от стрельбы днём, когда цель, мушка и целик четко видны, в темноте они сливаются, делая традиционное прицеливание крайне затруднительным или вовсе невозможным. Именно поэтому понимание и овладение техниками стрельбы при слабом освещении является залогом эффективности и безопасности.

Подготовка стрелка к возможным появлениям проблем включает отработку навыков, связанных с ориентировкой в пространстве. Адаптация зрения происходит через обучение работе в условиях слабого освещения, включая методы сохранения ночного зрения – избежание яркого света, использование красного фильтра и другое. Стрельба по ориентирам одно из главных навыков стрелка. Проводятся тренировки в условиях полной темноты или дыма, используются звуковые сигналы, заранее намеченные ориентиры или точно отданные команды. Тактическое перемещение – это умение передвигаться без визуального контроля. Во время работы в паре или группе происходит координация действий с напарником и взаимного прикрытия [3].

Регулярные тренировки в условиях, имитирующих ограниченную видимость, позволяют закрепить навыки и снизить стресс в реальных условиях.

В условиях ограниченной видимости широко применяются специальные тактические приемы, направленные на повышение эффективности огня и минимизацию демаскирующих факторов. К ним относятся использование коротких очередей или одиночных выстрелов для снижения заметности – вспышек и звука выстрела, стрельба с заранее пристрелянных позиций по фиксированным секторам или дистанциям в случаях, когда визуальный контроль за целью невозможен, а также метод «огневого заграждения» – ведение огня по вероятным направлениям движения противника с целью его сдерживания. Для целеуказания и корректировки огня используют трассирующие патроны, а для маскировки и снижения громкости АТГ (автоматический тактический глушитель) Дополнительно используются светошумовые и дымовые средства для дезориентации противника и создания благоприятных условий для маневра. Фонарь, интегрированный в оружие (оружейный фонарь), позволяет одновременно удерживать оружие двумя руками и освещать цель. Важную роль играет четкое распределение зон ответственности: каждый стрелок контролирует свой сектор, что повышает общую боевую эффективность подразделения. Особое внимание при этом уделяется дисциплине огня – стрельба ведется только по подтвержденной цели, с неукоснительным соблюдением команд и тщательной координацией действий личного состава.

Стрельба в условиях ограниченной видимости остается одной из наиболее сложных задач в рамках огневой подготовки. Она требует не только технического

оснащения, но и высокого уровня тактической и психологической подготовки личного состава. Средства наблюдения и прицеливания значительно повышают эффективность стрельбы в таких условиях, однако их применение должно сопровождаться глубоким пониманием тактической обстановки и строгим соблюдением правил безопасности [4].

Дальнейшее совершенствование методик подготовки, внедрение мультиспектральных систем наблюдения – устройства, которые работают в различных спектральных диапазонах, включая видимый, инфракрасный и ультрафиолетовый свет и интеграция искусственного интеллекта в системы управления огнем – прицел с функцией автоматического обнаружения цели, работающий на базе машинного обучения. Всё это позволят значительно повысить боеспособность в условиях любой видимости. В то же время нельзя недооценивать роль фундаментальных навыков: ориентирования, слухового восприятия и тактического мышления, которые остаются основой эффективного применения оружия даже при отказе технических средств.

Список источников

1. Боевой устав Сухопутных войск. Ч. 3. Взвод, отделение, танк. М.: Воениздат, 2002. С. 3.
2. Дмитриева К. Д. Огневая подготовка сотрудников правоохранительных органов (уголовно-исполнительной системы): учеб. пособие. М., 2021. С. 55.
3. Клинкова Е. Н. Стрельба в условиях ограниченной видимости. Новокузнецк, 2022. С. 1.
4. Константинов Ю. Стрельба в сумерках: чтобы не было промахов // Российская охотничья газета. 2020. С. 1.
5. Сергеев В. А. Современные технологии, применяемые в огневой подготовке. М., 2013. С. 2.

УДК 613.2

ПРАВИЛЬНОЕ ПИТАНИЕ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ

***А. В. Томас**, преподаватель кафедры физической подготовки Барнаульского юридического института МВД России*

В статье автор указывает на необходимость соблюдения участковым уполномоченным полиции здорового образа жизни, акцентируя внимание на правильном питании, как важнейшем аспекте подержания работоспособности и профессиональной эффективности. Навыки соблюдения правильного питания сотрудниками правоохранительных органов можно считать профессионально важными качествами, формирующими ответственностью за свою жизнь и профессиональную пригодность.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, здоровое питание, правильный рацион

PROPER NUTRITION AS A KEY FACTOR IN A HEALTHY LIFESTYLE FOR A DISTRICT POLICE COMMISSIONER

***A. V. Thomas**, lecturer at the Department of Physical Training of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Federation*

In the article, the author points out the need for the district police commissioner to follow a healthy lifestyle, focusing on proper nutrition as the most important aspect of maintaining working capacity and professional effectiveness. The skills of proper nutrition by law enforcement officers can be considered professionally important qualities that form responsibility for their lives and professional fitness.

Keywords: district police commissioner, healthy eating, proper diet

В настоящее время к факторам здорового образа жизни относятся не только исключение из жизнедеятельности человека пагубных привычек, но и физическая активность, соблюдение режима отдыха и сна, а также правильного питания. На профессиональную категорию сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) особенности служебной деятельности, такие как: высокая интенсивность, неравномерное чередование периодов продолжительности

и частоты трудовой активности и отдыха; экстремальные условия; эмоциональное напряжение, необходимость использования физической силы и огнестрельного оружия, риск жизни, налагают необходимость заботы о функциональном состоянии организма [3].

Восполнение ресурсов организма, как правило, осуществляется за счет питания, которое должно быть качественным по ряду причин. Во-первых, правильный рацион питания оказывает значительное влияние на профилактику различных заболеваний. Во-вторых, здоровое питание помогает держать тело в тонусе, что крайне важно для участковых уполномоченных полиции.

Таким образом, актуальность рассмотрения внедрения правильного питаниях в режим жизнедеятельности участковых уполномоченных полиции обусловлена необходимостью формирования научных основ для разработки рекомендаций по здоровому питанию, способствующих улучшению общего состояния, поддержанию необходимого уровня профессиональной пригодности.

Правильное питание – это прежде всего некий сбалансированный режим, обеспечивающий организм человека всеми необходимыми питательными веществами в необходимых пропорциях для нормального функционирования организма [1].

Возвращаясь к вопросу о важности питания для участкового уполномоченного полиции, необходимо отметить, что баланс питания при высоких нагрузках должен содержать необходимые организму нормы белков, жиров и углеводов, способствующих быстрому восстановлению и адаптации к нагрузкам. Необходимо так же учитывать пол и возраст при расчете потребления килокалорий. При этом особое значение в правильном питании имеют грамотно подобранные продукты, соотношения белков, жиров и углеводов.

Так, на наш взгляд, рацион питания должен включать разнообразные продукты, обеспечивающие организм необходимыми веществами. В его состав входят мясо, рыба как морская, так и пресноводная, и морепродукты. Также важным компонентом являются яйца куриные, так как в них содержится большое количество белка.

В качестве источника углеводов рекомендуется употреблять хлеб, предпочтительно без дрожжей, а также крупы – гречневую, ячневую, пшенную, овсяную, пшеничную и др. Молочные и кисломолочные продукты, такие как молоко, ряженка, сыр, также являются важной частью питания.

Масла растительное, подсолнечное, оливковое и сливочное необходимы для полноценного обмена веществ. Овощи и фрукты являются отличным источником натуральных сахаров и антиоксидантов, а ягоды в свою очередь богаты витаминами и фитонутриентами. Орехи, например грецкий, фундук, арахис служат источником полезных жиров и белка. Сухофрукты курага, чернослив, финики, изюм насыщают организм витаминами и минералами. Для ускорения метаболизма необходимо также соблюдать и питьевой режим, употребляя воду в чистом виде.

Необходимо обратить внимание на исключение из рациона питания определенных продуктов, либо минимизировать их потребление. К таким продуктам относится, прежде всего, фастфуд, сладкие напитки, которые содержат много сахара, способствующие повышению массы тела. Необходимо ограничить потребление переработанного мяса, например колбас. Данные продукты часто содержат много соли, вредных жиров и консервантов. Сюда можно отнести и продукты, содержащие транс-жиры это, например кетчупы, майонезы, приправы и заправки, полуфабрикаты и готовые десерты. Исключение или ограничение в употреблении этих продуктов способствует улучшению общего состояния здоровья, укреплению иммунитета.

Исходя из всего вышеперечисленного, предлагаем выделить следующие полезные стороны здорового питания для участкового уполномоченного полиции.

1. Подержание тонуса тела – сбалансированный рацион обеспечивает организм необходимой энергией, поддерживает силу и способствует поддержанию общей выносливости.

2. Повышенная работоспособность – качественное питание напрямую влияет на когнитивные функции человека, а также дает силы организму.

3. Укрепление иммунитета – в неблагоприятных условиях, особенно в межсезонье, правильный рацион служит фундаментом для иммунной системы.

4. Психологическая устойчивость – сбалансированное питание помогает улучшить эмоциональный фон, снизить уровень стресса, а также улучшить настроение.

Таким образом, сбалансированный рацион питания обеспечивает подержание хорошего самочувствия, оптимальный уровень работоспособности, эмоционально положительное состояние и иммунитет в целом. В перспективе такое формирование культуры здорового питания в ОВД выступает важнейшим аспектом, направленным на сохранение кадрового потенциала и повышение качества выполнения служебных обязанностей.

Список источников

1. Абрамов, Я. А. Правильное питание и самостоятельные занятия спортом как способ поддержания хорошей физической формы сотрудников полиции / Я. А. Абрамов, В. А. Тихомиров // Совершенствование физической подготовки сотрудников правоохранительных органов: сб. ст. Всерос. круглого стола. Орел, 25 июня 2020 года / редкол.: С. Н. Баркалов [и др.]. – Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2020. – С. 8–10.
2. Чедов, К. В. Физическая культура. Здоровый образ жизни: учеб. пособие / К. В. Чедов, Г. А. Гавронина, Т. И. Чедова; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2020. – 128 с.
3. Юркин, Д. В. К вопросу об отношении сотрудников полиции к факторам здорового образа жизни / Д. В. Юркин // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2021. – № 2(41). – С. 249–251.

УДК 377.016.[159.9:351.74.08](470)

ОБУЧЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОСНОВАМ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ

***М. З. Файрушина**, преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России, кандидат политических наук*

Статья посвящена исследованию важности морально-психологической подготовки как основы формирования психологических качеств сотрудника органов внутренних дел при взаимодействии с гражданами, проанализированы методы формирования и развития морально-психологических качеств.

Ключевые слова: обучение, психология, морально-психологическая подготовка, учебно-воспитательный процесс.

TRAINING OF INTERNAL AFFAIRS STAFF IN THE BASICS OF MORAL AND PSYCHOLOGICAL PREPARATION

***M. Z. Fayrushina**, lecturer at the Department of Professional Training of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Political*

The article is devoted to the study of the importance of moral and psychological training as a foundation for developing the psychological qualities of law enforcement officers when interacting with citizens, and analyzes the methods for developing moral and psychological qualities.

Keywords: training, psychology, moral and psychological preparation, educational process.

Актуальность темы исследования заключается в том, что морально-психологическая подготовка и развитие нравственных качеств сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) является первоочередной задачей при взаимодействии с гражданами в ходе выполнения оперативно-служебных задач. Способность установить контакт, понимать психологическое состояние гражданина и оказать на него психологическое воздействие является ключевым фактором успешного решения задач правоохранительной деятельности.

Одним из основных средств формирования, поддержания и восстановления высокого морально-психологического состояния личного состава сотрудников ОВД является морально-психологическая подготовка (далее – МПП). Она является важнейшим элементом комплексной системы воспитания, обучения и подготовки сотрудников. При этом у личного состава развиваются необходимые морально-психологические и служебно-профессиональные качества, способность хладнокровно и ответственно действовать в любой экстремальной обстановке, в непредвиденных обстоятельствах, противостоять негативному информационно-психологическому воздействию [5].

МПП как процесс обучения и воспитания направлен на формирование и развитие морально-психологических качеств. Этот процесс включает в себя передачу знаний, формирование умений и навыков, развитие ценностных ориентаций и установок.

Основной подход к организации и проведению МПП личного состава выражается в построении ее как целостного учебно-воспитательного процесса с общими целями и задачами, в разработке единого комплекса всех ее взаимосвязанных системных элементов: программ, методик, форм обеспечения, способов контроля и оценки [2].

МПП ориентирована на формирование навыков поведения. При этом основное внимание акцентируется на нравственно-этическом аспекте.

МПП личного состава имеет следующие основные черты и особенности:

– четко определенные законодательные, нормативно-правовые, идейно-теоретические и методологические основы построения;

– целенаправленность, масштабность, комплексный подход к решаемым задачам;

– неразрывное единство процесса обучения и воспитания;

– хорошо организованный контроль над состоянием и уровнем морально-психологической подготовки.

МПП ориентирована на формировании навыков поведения [2]. При этом основное внимание акцентируется на нравственно-этическом аспекте.

МПП как основная составляющая часть системы морально-психологического обеспечения есть комплекс единовременно проводимых, взаимосвязанных на основе общих планов, мероприятий информационно-воспитательного, психологического, социально-правового, культурно-досугового, медицинского характера и мер по защите личного состава от негативного информационно-психологического влияния окружающей природной и антропогенной среды.

Социально-психологические и психолого-педагогические основы МПП тесно связаны и дополняют друг друга. Социально-психологические основы обеспечивают понимание влияния социальной среды на формирование

морально-психологических качеств сотрудников ОВД, а психолого-педагогические основы – разработку эффективных методов и методик подготовки, учитывающих индивидуальные особенности и профессиональные требования.

Рассмотрим более детально *социально-психологические основы МПП*.

Сотрудник ОВД должен обладать пространственным, образным мышлением, уметь находить выход из сложных и нестандартных ситуаций, что предполагает творческий подход к выполнению своих должностных обязанностей [4].

Сотрудник ОВД как активный субъект профессиональной деятельности должен обладать определенными потребностями, мотивами, ценностями и профессиональными установками.

Эти установки формируются под влиянием социальных норм, ценностей и ожиданий, а также личного опыта сотрудника.

Психолого-педагогические основы МПП сотрудников ОВД лежат в основе формирования профессионально важных качеств и способностей, необходимых для эффективной и этичной работы в правоохранительных органах.

Так, в соответствии с приказом МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» МПП осуществляется в целях формирования знаний, навыков и умений, обеспечивающих высокий уровень морально-психологической готовности сотрудников к осознанному выполнению оперативно-служебных задач и морально-психологической устойчивости в любых условиях оперативной, криминогенной и военной обстановки [1].

Методы МПП должны быть разнообразными и соответствовать целям и задачам подготовки, с использованием психолого-педагогических знаний и практического опыта. Эти методики должны быть научно обоснованными и апробированными на практике. Они должны включать в себя различные формы и методы обучения, а также средства контроля и оценки результатов подготовки.

Методы формирования морально-психологических качеств: убеждение, пример, поощрение, наказание, соревнование, самовоспитание.

Убеждение – метод формирования морально-психологических качеств, основанный на логическом и эмоциональном воздействии на сознание и чувства сотрудников. Убеждение осуществляется с помощью разъяснительной работы, бесед, лекций, диспутов и других форм воспитательного воздействия.

Пример – метод формирования морально-психологических качеств, основанный на подражании сотрудников положительному примеру руководителей, коллег и других авторитетных лиц. Пример может быть как личным (непосредственное наблюдение за поведением), так и опосредованным (рассказы о героических поступках, подвигах и т. д.).

Поощрение – метод формирования морально-психологических качеств, основанный на положительном подкреплении желаемого поведения сотрудников. Поощрение может быть материальным (премии, денежные вознаграждения) и нематериальным (похвала, благодарность, продвижение по службе).

Наказание – метод формирования морально-психологических качеств, основанный на отрицательном подкреплении нежелательного поведения сотрудников. Наказание может быть дисциплинарным (выговор, строгий выговор, понижение в должности) или материальным (лишение премии, увольнение).

Соревнование – метод формирования морально-психологических качеств, основанный на использовании естественного стремления сотрудников к соперничеству и достижению лучших результатов. Соревнование может быть индивидуальным или коллективным и проводиться как в служебной, так и внеслужебной деятельности.

Самовоспитание – метод формирования морально-психологических качеств, основанный на сознательных усилиях сотрудников по самосовершенствованию. Самовоспитание осуществляется с помощью самоанализа, самоконтроля, самооценки и других методов работы над собой.

2. Методы развития морально-психологических качеств: упражнения, тренинги, деловые игры, моделирование, психологическое консультирование.

Упражнения – метод развития морально-психологических качеств, основанный на многократном повторении определенных действий или поступков в специально созданных условиях. Упражнения могут быть как физическими (например, тренировки по рукопашному бою), так и психологическими (например, упражнения на развитие внимания, памяти, мышления).

Тренинги – метод развития морально-психологических качеств, основанный на активном участии сотрудников в специально организованных занятиях, направленных на формирование и совершенствование определенных навыков и умений. Тренинги могут быть как групповыми, так и индивидуальными и проводиться как в учебных заведениях, так и в служебных подразделениях.

Деловые игры – метод развития морально-психологических качеств, основанный на имитации реальных ситуаций служебной деятельности. Деловые игры позволяют сотрудникам приобрести опыт принятия решений, взаимодействия с коллегами и другими участниками служебных ситуаций.

Моделирование – метод развития морально-психологических качеств, основанный на создании искусственной модели реальной ситуации служебной деятельности. Моделирование позволяет сотрудникам отработать свои действия в различных ситуациях и приобрести необходимые навыки и умения.

Психологическое консультирование – метод развития морально-психологических качеств, основанный на индивидуальной работе психолога с сотрудником. Психологическое консультирование позволяет выявить и устранить психологические проблемы, которые могут препятствовать эффективному выполнению сотрудником своих служебных обязанностей.

Выбор конкретных методов МПП сотрудников ОВД зависит от поставленных целей, задач и индивидуальных особенностей сотрудников.

МПП сотрудников ОВД осуществляется в процессе обучения и воспитания в образовательных организациях МВД России, а также в ходе служебной деятельности [4].

Сотрудник ОВД как активный субъект профессиональной деятельности должен обладать рядом качеств и компетенций, которые способствуют эффективному выполнению служебных обязанностей.

К ним относятся:

– профессиональная мотивация, которая побуждает выполнять функциональные обязанности и проявляется в виде позитивного эмоционального отношения к профессиональной деятельности;

– профессиональная компетентность, то есть это уровень эффективности выполнения оперативно-служебной деятельности, основанный на владении соответствующими знаниями, умениями, навыками и способностями [4];

– коммуникативные качества, к которым относятся умение и способность работать с людьми, деликатность, выдержка, доброжелательность, вежливость, организаторские способности, умение разрешать конфликтные ситуации;

– адаптивность, то есть способность регулировать свое поведение, реально воспринимать действительность, оценивать свою роль в коллективе, ориентироваться на соблюдение общепринятых норм поведения.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что обучение морально-психологической подготовке является одним из важных компонентов в формировании психологической культуры сотрудника ОВД, его поведении, реакции и взаимодействия с гражданами, обеспечивает высокий уровень морально-психологической готовности сотрудников к осознанному выполнению оперативно-служебных задач и морально-психологической устойчивости в любых условиях оперативной, криминогенной и военной обстановки.

Список источников

1. Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2025).

2. Абилова Ф. А. Личностные детерминанты женщин-сотрудников в служебной // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. С. 12–15.
3. Железкин Н. В. Актуальные направления морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития: сб. конференции / Д. В. Дзьоник, В. П. Яремчук. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2024. С. 24–27.
4. Капустюк О. Ю., Нежкина Л. Ю. О некоторых аспектах профессиональной компетенции сотрудника ОВД // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2013. С. 5–7.
5. Сорокин В. И., Грищенко А. А. Морально-психологическая подготовка – основная функциональная часть системы морально-психологического обеспечения МЧС России // Стратегия гражданской защиты. № 1 (6). Т. 4. 2014. С. 465–486.

УДК 343.34

СТАТЬЯ 267[1] УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УГРОЗАМ НА ТРАНСПОРТЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

***О. Е. Федякова**, старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Дальневосточного юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации*

В статье проанализированы нормы статей 267[1] и 213 Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующие состав преступления, предусматривающие ответственность за хулиганские действия участников дорожно-транспортного движения, и некоторые связанные с этим институтом нормы уголовного законодательства о хулиганских действиях, совершаемых участниками дорожного движения. Обращается внимание на истоки введения данной нормы и проблемные вопросы регулирования и практики применения, а также предлагаются пути совершенствования борьбы с преступлениями, совершаемыми на дорогах.

Ключевые слова: безопасность движения, эксплуатация транспорта, опасное вождение, хулиганские побуждения, конкуренция норм, уголовная ответственность, протест.

ARTICLE 267[1] OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A NEW INSTRUMENT FOR COUNTERING THREATS IN TRANSPORT: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT AND WAYS TO SOLVE THEM

***O. E. Fedyakova**, senior lecturer of the Department of General Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*

The article analyzes the provisions of Articles 267[1] and 213 of the Criminal Code of the Russian Federation, which regulate the composition of a crime that provides for liability for hooligan actions by road users, and some related provisions of criminal legislation on hooligan actions committed by road users. The article focuses on the origins of this provision,

the problematic issues of regulation and practice, and suggests ways to improve the fight against crimes committed on roads.

Keywords: traffic safety, vehicle operation, dangerous driving, hooliganism, conflicting norms, criminal liability, protest.

На заседании межведомственной комиссии Совета Безопасности России, состоявшемся 11 сентября 2025 г. отмечена необходимость внесения ряда новаций в уголовное и административное законодательство, предусматривающих усиление ответственности за совершение отдельных видов правонарушений в сфере дорожного движения, создающих угрозу жизни и здоровью водителей и пешеходов [9].

Игнорирование Правил дорожного движения Российской Федерации (далее – ПДД РФ), демонстрация возможностей автомобиля и мнимого «превосходства» в уровне управления последним представляют серьезную опасность для окружающих.

В сети Интернет часто публикуются видеоролики, где обладатели дорогостоящих автомобилей демонстрируют рискованную езду, показывая пренебрежение к правилам и другим участникам движения, а также к административным взысканиям. Это может говорить о преднамеренном характере таких действий.

Термин «опасное вождение» при управлении транспортным средством введен Постановлением Правительства РФ № 477 от 30 мая 2016 г. «О внесении изменения в Правила дорожного движения Российской Федерации» [4].

Согласно поправкам, внесенным в п. 2.7 ПДД РФ, под опасным вождением понимается неоднократное совершение одного или нескольких следующих друг за другом действий, если эти действия повлекли создание водителем в процессе дорожного движения ситуации, при которой его движение и (или) движение иных участников дорожного движения в том же направлении и с той же скоростью создает угрозу гибели или ранения людей, повреждения транспортных средств, сооружений, грузов или причинения иного материального ущерба. Перечень таких действий в законе является исчерпывающим.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на законодательное закрепление понятия, административная ответственность за него на текущий момент не предусмотрена.

В рамках исследования проведен анализ динамики административных правонарушений, включая зафиксированные техническими средствами, работающими в автоматическом режиме, в области дорожного движения на территории РФ в период с 2019 по 2024 г. Эмпирической базой послужили данные из статистической отчетности Госавтоинспекции РФ по форме № 1-БДД, размещенные на сайте [10].

Общее количество нарушений ПДД, демонстрирует неуклонный рост на протяжении исследуемого периода. Если в 2019 г. зафиксировано 114388 213 нарушений, то по итогам 2024 г. этот показатель увеличился до 149386 016 или + 30,6 %.

Количество возбужденных дел об административных правонарушениях в целом коррелирует с динамикой общего количества нарушений. В 2019 г. возбуждено 142169 419 дел, а в 2024 г. – 149388 040 или + 5,1 %, что связано со значительной долей числа правонарушений, фиксируемых в автоматическом режиме.

Настораживают статистические показатели случаев лишения специального права управления транспортным средством.

Анализ показывает, что количество наказаний, связанных с лишением права управления транспортными средствами, демонстрирует обратную динамику. Если в 2019 г. вынесено 354576 таких постановлений, то в 2024 г. – 298631 или – 15,8 %.

Учитывая эти данные, вопросы обеспечения безопасности на дорогах должны оставаться в приоритетном направлении Правительства РФ.

Жизнь и здоровье граждан, являясь высшей конституционной ценностью, подлежат безусловной государственной охране, что составляет неотъемлемую обязанность государства, реализуемую посредством последовательной и неуклонной правовой политики, направленной на обеспечение их сохранности и защиты.

В связи с тем, что данная отрасль правоотношений не урегулирована, в Государственную Думу РФ 10 июня 2024 г. поступил законопроект № 644297–8 [7], направленный на установление административной ответственности за опасное вождение.

Данный законопроект 1 октября 2024 г. принят в первом чтении Государственной Думой РФ, однако по состоянию на текущую дату, законодательная норма, предусматривающая административную ответственность за совершение действий при управлении транспортным средством, подпадающее под категорию «опасное вождение», остается неутвержденной с 2016 г.

Приведенные обстоятельства свидетельствуют о необходимости принятия комплекса мер, направленных на серьезное ужесточение ответственности за подобного рода нарушения, в том числе и мер уголовно-правового характера.

Пренебрежительное отношение к ПДД, демонстративное игнорирование норм безопасности и систематическое нарушение ПДД могут свидетельствовать о хулиганских мотивах лица, совершающего такие деяния. В подобных случаях, когда действия водителя явно направлены на создание опасной ситуации на дороге, проявление неуважения к обществу и игнорирование прав других

участников дорожного движения, возможно применение ст. 267^1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [2].

Еще в 2017 г. законодательно рассмотрена и введена Федеральным законом от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» ст. 267^1 [8], предусматривающая ответственность за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, которые выражаются в совершении из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасности на транспорте.

В первую очередь, введение данной статьи стало отправной точкой, направленной на борьбу с актами незаконного вмешательства в работу транспортной инфраструктуры, и первым шагом в борьбе с новыми вызовами безопасности на транспорте и ужесточению ответственности за противоправные действия, дестабилизирующие функционирование транспортной системы. Несмотря на это, практика применения ст. 267^1 УК РФ выявила ряд сложностей и пробелов, требующих дальнейшего законодательного совершенствования и комплексного подхода к обеспечению безопасности дорожного движения.

Проведя ретроспективный анализ, установлено, что еще 1 июля 2011 г. встала острая необходимость внесения отдельной нормы, предусматривающей ответственность за хулиганские действия на транспорте. В целях повышения гарантий безопасности граждан внесен законопроект, в котором предлагалось дополнить УК РФ новой ст. 2131, установив уголовную ответственность за действия, совершаемые из хулиганских побуждений, угрожающих безопасности эксплуатации транспортных средств [8].

Однако в решении комиссии Государственной Думы Федерального Собрания РФ по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству от 7 октября 2010 г. указано о необходимости доработки проекта ст. 2131 УК РФ, поскольку в ней отсутствует указание на конкретные действия, составляющие объективную сторону состава данного преступления. Комитет посчитал, что в случае принятия законопроекта в представленной редакции может возникнуть конкуренция норм – проектной ст. 2131 УК РФ со ст. 213 УК РФ, а также со статьями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), касающимися действий, угрожающих безопасности движения на различных видах транспорта, таких как железнодорожный, воздушный и водный транспорт, включая метрополитен.

Данная норма не была введена в главу 24 «Преступления против общественной безопасности» в качестве ст. 2131 УК РФ, а введена в конечном варианте указанного законопроекта в главу 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» в виде ст. 267^1 УК РФ «Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств».

Хотелось бы отметить, что ст. 267[1] УК РФ в окончательной редакции не содержит частей, объективная сторона введенной статьи полностью идентична проектной ч. 1 ст. 2131 УК РФ.

Однако, на наш взгляд, только лишь включение статьи в главу преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта для устранения проблематики конкуренции ст. 213 или 267[1] УК РФ недостаточно, и фактически довольно «сырая» норма досталась правоприменителям.

Более того, статистические данные как основа для определения устойчивых тенденций демонстрируют неэффективное применение введенной новеллы уголовного закона в борьбе с острым социальным явлением – «хулиганством» в сфере безопасности и эксплуатации транспорта.

Несмотря на то, что судебная практика по ст. 267[1] УК РФ фактически отсутствует ввиду криминализации этого деяния в 2017 г., количество осужденных по данной статье в 2008 г. – 5 лиц; 2019 г. – 3; 2020 г. – 1; 2021 г. – 2; 2022 г. – 3; 2023 г. – 2; 2024 г. – 8 [14].

Анализ статистических данных выявляет два ключевых аспекта, ставящих под вопрос эффективность применения ст. 267[1] УК РФ. Во-первых, крайне ограниченное количество осужденных по данной статье не позволяет сделать вывод о ее широком использовании в правоприменительной практике. Во-вторых, непредсказуемый характер динамики количества осужденных, характеризующийся отсутствием четкой тенденции, может свидетельствовать о проблемах в единообразном понимании и применении данной нормы, что, в свою очередь, подрывает ее эффективность как инструмента уголовно-правового воздействия.

Ограниченная правоприменительная практика в данной сфере свидетельствует, прежде всего, о ее целевом введении в рамках уголовно-наказуемого деяния, которая направлена изначально на пресечение хулиганских действий, совершаемых на борту воздушного судна.

Объектом преступления выступают условия безопасности движения или эксплуатации транспортных средств [15, с. 187].

Согласно п. 11 ст. 1 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», транспортные средства – это устройства, предназначенные для перевозки физических лиц, грузов, багажа, ручной клади, личных вещей, животных или оборудования, установленных на указанных транспортных средствах устройств, в значениях, определенных транспортными кодексами и уставами [3]. Вид транспорта в законе не указан, однако, анализируя вышеуказанный федеральный закон, становится понятно, что он включает в себя: автомобильный транспорт; воздушные суда; суда, используемые в целях торгового мореплавания; суда, используемые на внутренних водных путях и железнодорожный подвижной состав; а также – транспортные средства городского наземного электрического транспорта.

Объективная сторона выражается в действиях, характеристика которых законодателем связывается лишь с двумя обстоятельствами: во-первых, они должны угрожать безопасной эксплуатации транспортных средств; во-вторых, совершаться из хулиганских побуждений.

Хотя объективная сторона преступления не требует, чтобы хулиганские действия совершались непосредственно на транспортном средстве, ключевым элементом состава преступления является создание угрозы безопасности его эксплуатации. В этой связи особое значение приобретает правильное понимание термина «эксплуатация». Если под «эксплуатацией» понимать широкий спектр действий, включающих как функционирование, так и движение транспортного средства, то под действие ст. 267[1] УК РФ подпадает широкий круг деяний. В противном случае, если ограничиваться узким толкованием термина, исключая движение, значительная часть общественно опасных хулиганских действий, совершаемых во время движения, будет выведена за пределы уголовной ответственности, предусмотренной данной статьей.

Исходя из законодательной цели ст. 267[1] УК РФ, можно сделать вывод, что понятие «эксплуатация транспортных средств» следует понимать расширительно, охватывая и безопасность их движения. Включение именно в гл. 27 УК РФ может служить дополнительным аргументом в пользу данной позиции. Однако во избежание проблем в правоприменении, представляется предпочтительным прямое законодательное указание на включение безопасности движения в понятие «эксплуатация транспортных средств».

По своей сущности ст. 267[1] УК РФ является специальной уголовно-правовой нормой относительно ст. 213 УК РФ, которая распространяется на все формы хулиганских действий, независимо от места совершения таких действий, в то же время она конкретизирует ответственность за хулиганские действия, совершаемые именно на объектах транспортной инфраструктуры и представляющие повышенную общественную опасность в силу потенциальной возможности причинения вреда большему количеству людей и нарушения нормального функционирования транспортной системы.

Таким образом, если хулиганские действия, подпадающие под признаки ст. 213 УК РФ, совершены на объектах, указанных в ст. 267[1] УК РФ, приоритет в применении отдается последней.

При этом правовая специфика соотношения рассматриваемых норм обусловлена их различной направленностью и степенью конкретизации уголовно-правового запрета.

Ключевое различие между данными составами преступлений заключается в различном объекте уголовно-правовой охраны. Статья 267[1] УК РФ ориентирована на обеспечение безопасности функционирования транспортных средств и объектов транспортной инфраструктуры, в то время как статья 213 УК РФ

призвана защищать общественный порядок и общественную нравственность в целом, включая случаи, когда нарушение общественного порядка осуществляется на транспорте.

Для более четкого разграничения данных составов необходимо учитывать не только формальную сторону деяния (место и способ совершения), но и субъективную направленность действий лица, совершающего преступление. Если действия, совершенные на транспорте, мотивированы стремлением нарушить общественный порядок и выражают явное неуважение к обществу, но при этом не создают реальной угрозы безопасности эксплуатации транспортных средств, то содеянное следует квалифицировать по ст. 213 УК РФ. Однако если действия, даже формально несмотря на внешне сходство с хулиганскими, направлены в первую очередь на создание помех в работе транспорта, повреждение транспортных средств или иные действия, создающие угрозу безопасности его эксплуатации, и имеют целью дестабилизацию транспортной системы, то применяется ст. 267^1 УК РФ.

Важно учитывать, что конкуренция данных норм возможна лишь в случаях совершения хулиганских действий, объективно создающих угрозу безопасности транспорта. В случаях, когда хулиганство на транспорте не связано с созданием такой угрозы, квалификация деяния по ст. 267^1 УК РФ исключается.

В случаях, когда действия подпадают под признаки обеих статей, необходимо учитывать приоритет объекта уголовно-правовой охраны и субъективную направленность действий виновного.

При этом некоторые ученые различают соотношение норм по предмету преступного посягательства. Так, указывается, что «любое грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, если оно совершено на транспорте общего пользования, всегда создает угрозу безопасной эксплуатации соответствующего транспортного средства. В связи с этим норма, закрепленная в п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, является специальной по отношению к норме, предусмотренной ст. 267^1 УК РФ, так как в ней речь идет о любом транспортном средстве, а не только о транспорте общего пользования. В силу ч. 3 ст. 17 УК РФ эта конкуренция должна разрешаться в пользу п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ [16, с. 94].

Представленная позиция о соотношении ст. 213 и 267^1 УК РФ является одной из точек зрения и может не всегда поддерживаться правоприменителями.

В каждом конкретном случае необходимо тщательно анализировать все обстоятельства дела, чтобы правильно квалифицировать действия виновного.

Изменение в правоприменительной практике и разграничение составов преступлений, предусмотренных ст. 213 и 267^1, в первую очередь связано с введением 26 ноября 2024 г. п. 1(2) в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам

о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», в котором достаточно подробно описаны виды транспорта, на котором могут быть совершены хулиганские действия [6].

Обращено внимание судов на то, что пунктом «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ предусмотрена ответственность за грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, которое совершается на транспорте общего пользования, в том числе на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, обеспечивающем перевозки пассажиров (например, в вагоне пассажирского поезда, в самолете, на теплоходе). Иным транспортом общего пользования, указанным в пункте «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, в частности, являются пассажирские автобусы (городские, пригородные, междугородные, маршрутные такси), троллейбусы, трамваи.

В новых разъяснениях дается определенный ориентир, что следует понимать под иным транспортом общего пользования. При этом согласно ст. 213 УК РФ перечень видов транспорта является открытым.

Также изменился подход к пониманию хулиганства: в соответствии с законом уголовно наказуемым хулиганством может быть признано только такое грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, которое совершено с применением насилия к гражданам или с угрозой его применения, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, либо на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования.

Таким образом, внесенные новеллы предопределили необходимость квалификации хулиганских действий на транспорте при отсутствии насилия или без применения оружия по ст. 267^1 УК РФ.

В судебной практике действия лиц по указанной статье квалифицируются в основном когда имеет место угроза безопасной эксплуатации автомобильного транспорта: например, когда умышленно совершаются из хулиганских побуждений многочисленные маневры, которые направлены на создание помех для движения другого транспортного средства (требование ст. 2.7. ПДД «Опасное вождение»).

Такими действиями суд посчитал «неоднократные действия в виде управляемого заноса» в совокупности с нарушениями требований как в целом ПДД, так и непосредственно ст. 2.7 ПДД в виде «опасного вождения» [11].

Из указанного примера ввиду нарушения требований ПДД возникает идеальная совокупность преступлений по ст. 264 УК РФ и 267^1 УК РФ.

В правоприменительной практике относительно автомобильного транспорта для квалификации действий по ст. 267^1 УК РФ необходимо наличие следующих условий: нарушение требований безопасности движения или эксплуатации

транспорта, в том числе нарушение ПДД (и непосредственно действия виновного должны подпадать под требования опасного вождения, предусмотренного ст. 2.7. ПДД); совершение действий, создающих реальную угрозу безопасности эксплуатации транспортных средств, и наличие хулиганских побуждений.

Несмотря на то, что российское право не является прецедентным, судебное решение, вынесенное 14 января 2025 г. мировым судьей судебного участка № 104 г. Каспийска по ст. 267^1 УК РФ [12], оказало фактическое влияние на дальнейшее применение этого состава, предопределив правоприменительную практику, в том числе на деяния, совершенные на личном автомобильном транспорте.

Таким образом, сложившаяся ситуация распространенности количества нарушений ПДД лицами из хулиганских побуждений и повлияла на криминализацию деяния, ответственность за которое предусмотрена ст. 267^1 УК РФ, и признание его общественно опасным.

Реализация принципа о недопустимости привлечения лица к двойной юридической ответственности нашла свое отражение в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, данных в п. 12.1 постановления от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [5]. При этом указывается о необходимости возвращения уголовного дела прокурору на основании ст. 237 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 264–264.3 УК РФ.

Указанная норма фактически не распространяется на статью 267^1 УК РФ, что создает определенную коллизию и требует необходимости внесения изменений в указанное постановление Пленума.

На практике применение уголовно-правовой нормы применяется судами по аналогии [12].

В приведенном примере при квалификации действий лица по ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ и по ст. 267^1 УК РФ учитываются одни и те же обстоятельства, составляющие объективную сторону составов правонарушения и преступления, что является взаимоисключающим по смыслу закона.

Данные обстоятельства предопределяют необходимость принесения протестов на решения о привлечении лица к административной ответственности для устранения препятствия привлечения к уголовной.

Данная ситуация наглядно демонстрирует, каким образом даже незначительные ошибки юридической техники могут существенно исказить намерение законодателя и привести к результатам, отличным от тех, которые предполагались при создании правовой нормы, что подчеркивает важность тщательной проработки законодательных актов.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 15.10.2025 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2012. № 30, ст. 4172; 2023. № 1, ст. 29; 2025. № 30, ст. 4367.
3. О транспортной безопасности: федер. закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ: ред. от 21.04.2025 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 7, ст. 837; № 33, ст. 4985.
4. О внесении изменения в правила дорожного движения Российской Федерации: Постановление Правительства Рос. Федерации от 30.05.2016 № 477. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: Постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 09.12.2008 № 25: ред. от 25.06.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: Постановление Пленума Верхов. суда Рос. Федерации от 15.11.2007 № 45: ред. 26.11.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части установления административной ответственности за опасное вождение): проект федер. закона № 644297–8 от 10.06.2024 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: //https://sozd.duma.gov.ru/bill/644297–8#bh_histras (дата обращения: 19.10.2025).
8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: проект федер. закона № 572517–5 от 01.07.2011 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/572517–5// (дата обращения: 19.10.2025).
9. МВК Совета Безопасности России по общественной безопасности одобрила проект Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации // Совет безопасности Российской Федерации: [сайт]. URL: http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3859/ (дата обращения: 12.10.2025).
10. Отчеты по форме № 1-БДД «Об административных правонарушениях в области дорожного движения и лицах, их совершивших // Официальный сайт ГИБДД МВД России. URL: http://stat.gibdd.ru/ (дата обращения: 20.10.2025).

11. Приговор Одинцовского городского суда Московской области от 22.07.2025 по делу № 1–592/2025 (УИД 50RS0031–01–2025–008730–66. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Решение Каспийского городского суда от 18 сентября 2024 г. по делу № 12–161/2024 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/NkkMJrAsZz6R/ (дата обращения: 20.10.2025).
13. Сообщество // Верховный Суд Республики Дагестан. URL: https://vk.com/publicvsrd?w=wall-218904563_530 (дата обращения: 20.10.2025).
14. Статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации за 2017–2024 гг., представленные в отчете по форме № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» // Судебный департамент при Верховном Суде Рос. Федерации. URL: http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 08.10.2025).
15. Чучаев А. И., Пожарский А. Ю. Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика: моногр. М.: Проспект, 2018. 253 с.
16. Харламов Д. Д. Дискуссионные вопросы квалификации хулиганства // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 6. С. 82–100.

УДК 342.33

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ГРАЖДАН

***А. Н. Шадрина**, старший преподаватель кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Работа анализирует исторические этапы формирования конституционных положений, начиная с советского периода и заканчивая современной Россией. Особое внимание уделяется анализу изменений в конституционном законодательстве, отражающих возрастающую роль экологической безопасности. Исследуются теоретические основы и практическое применение конституционных норм, закрепляющих ответственность граждан за сохранение природы, бережное отношение к природным ресурсам и участие в экологической деятельности. Рассматриваются взаимосвязи конституционных норм с другими отраслями права, в частности с природоохранным, земельным и административным. В работе критически оценивается эффективность существующих механизмов реализации экологических обязанностей граждан и предлагаются пути совершенствования конституционно-правового регулирования в данной сфере. Подчеркивается важность повышения экологической культуры и правовой грамотности граждан для успешного выполнения ими своих экологических обязанностей.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, конституционные нормы, обязанности граждан, конституционно-правовое регулирование, бережное отношение, природные ресурсы.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF ENVIRONMENTAL RESPONSIBILITIES OF CITIZENS

***A. N. Shadrina**, senior lecturer of the Department of State and Legal and Civil and Law Disciplines of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The work analyzes the historical stages of the formation of constitutional provisions, starting from the Soviet period and ending with modern Russia. Special attention is paid to the analysis of changes in constitutional legislation reflecting the increasing role of environmental safety. The article examines the theoretical foundations and practical application of constitutional norms that consolidate citizens' responsibility for nature conservation, respect for natural resources and participation in environmental activities. The interrelationships of constitutional norms with other branches of law, in particular with environmental, land and administrative law, are considered. The paper critically evaluates the effectiveness of existing mechanisms for implementing citizens' environmental responsibilities and suggests ways to improve constitutional and legal regulation in this area. The importance of increasing the ecological culture and legal literacy of citizens for the successful fulfillment of their environmental responsibilities is emphasized.

Keywords: environmental protection, constitutional norms, duties of citizens, constitutional and legal regulation, careful attitude, natural resources.

Конституционные обязанности гражданина Российской Федерации (далее – РФ) – это обязательные для всех, закрепленные в Конституции РФ правила поведения, требующие от каждого лица, проживающего на территории нашего государства, определенных видов и мер личного поведения каждого гражданина, за неисполнение которых предусмотрена юридическая ответственность [5, с. 45].

Исторический контекст становления экологических обязанностей граждан представляет собой сложный и многогранный процесс, отражающий эволюцию взглядов общества на взаимоотношения человека и природы, а также развитие правовых механизмов для защиты окружающей среды. Можно выделить несколько следующих ключевых этапов.

1. Доиндустриальный период (до XVIII в.):

– преобладание традиционных знаний и религиозных представлений: в этот период отношение к природе определялось, в основном, традиционными знаниями, религиозными представлениями и хозяйственной деятельностью.

Экологические обязанности, в современном понимании, отсутствовали. Однако существовали неписаные правила и обычаи, регулирующие использование природных ресурсов, которые, как правило, носили рациональный характер и были направлены на сохранение ресурсов для будущих поколений;

– экологические проблемы локального характера: влияние человека на природу было относительно небольшим и носило, в основном, локальный характер. Наиболее распространенными экологическими проблемами были истощение почв, вырубка лесов и загрязнение воды бытовыми отходами;

– отсутствие централизованного регулирования: государственное регулирование в сфере охраны природы практически отсутствует. Отношения между человеком и природой регулировались обычным правом и нормами морали.

2. Индустриальный период (XVIII – XX вв.):

– ускоренное развитие промышленности и рост городов: промышленная революция привела к резкому увеличению масштабов использования природных ресурсов, росту городов и загрязнению окружающей среды. Возникли серьезные экологические проблемы, такие как загрязнение воздуха промышленными выбросами, загрязнение воды отходами производства и уничтожение лесов;

– появление первых природоохранных организаций и законодательных актов: осознание негативных последствий промышленного развития привело к появлению первых природоохранных организаций и законодательных актов, направленных на защиту природы. Например, создание первых заповедников, ограничение охоты и вырубки лесов;

– преобладание ведомственного подхода к охране природы: охрана природы осуществлялась, в основном, отдельными ведомствами, каждое из которых отвечало за свой участок работы. Отсутствовала единая государственная политика в сфере охраны окружающей среды.

3. Советский период (1917–1991 гг.):

– приоритет экономического развития над экологическими соображениями: в советский период экономическому развитию отдавался приоритет над экологическими соображениями. Широко использовались природные ресурсы, строились крупные промышленные предприятия, что приводило к серьезному загрязнению окружающей среды;

– закрепление экологических прав и обязанностей в Конституции: в советских конституциях (например, в Конституции СССР 1977 г.) были закреплены экологические права граждан и их обязанности по охране природы. Однако эти положения носили декларативный характер и не имели эффективных механизмов реализации;

– централизованное государственное управление охраной природы: в советский период была создана централизованная система государственного

управления охраной природы. Были образованы природоохранные органы, разработаны природоохранные законы и нормативы;

– критика советской экологической политики: несмотря на наличие природоохранного законодательства и органов, советская экологическая политика подвергалась критике за недостаточную эффективность и отсутствие реальной ответственности за нарушение природоохранных норм [8, с. 13].

4. Современный период (с 1991 г.):

– признание экологической безопасности одним из приоритетов государственной политики: в современной России экологическая безопасность признана одним из приоритетов государственной политики;

– конституционное закрепление права на благоприятную окружающую среду и обязанности по ее охране: Конституция РФ (ст. 42) закрепляет право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Статья 58 Конституции РФ устанавливает обязанность каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам [1];

– развитие природоохранного законодательства: в современной России активно развивается природоохранное законодательство. Приняты новые законы и нормативные акты, направленные на защиту окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов;

– рост экологической активности гражданского общества: в современной России наблюдается рост экологической активности гражданского общества. Создаются экологические организации, проводятся экологические акции, граждане активно участвуют в решении экологических проблем;

– международное сотрудничество в сфере охраны окружающей среды: Россия активно участвует в международном сотрудничестве в сфере охраны окружающей среды, подписывает международные соглашения и конвенции.

Становление экологических обязанностей граждан – это длительный и сложный процесс, обусловленный развитием общества, изменением его взглядов на взаимоотношения человека и природы, а также осознанием необходимости защиты окружающей среды [3]. Этот процесс продолжается и в настоящее время, и его успех зависит от совместных усилий государства, гражданского общества и каждого отдельного человека.

Современное состояние конституционно-правового регулирования экологических обязанностей граждан в РФ, несомненно, характеризуется закреплением в Основном законе (1, ст. 42) права на благоприятную окружающую среду и корреспондирующей ему обязанности ее сохранять. Развитие данных конституционных положений, безусловно, осуществляется посредством федеральных законов (в частности, «Об охране окружающей среды», «Об отхо-

дах производства и потребления» и др.) и соответствующего регионального законодательства. Реализация вышеуказанных обязанностей, как представляется, обеспечивается через активное участие в экологических мероприятиях, неукоснительное соблюдение природоохранных требований, бережное отношение к природным ресурсам и, в случае необходимости, ответственность за допущенные нарушения.

Ответственность за экологические правонарушения, включая несоблюдение конституционной обязанности по охране природы, регулируется, в свою очередь, административным, уголовным и гражданским законодательством. Административные наказания (в виде штрафов), как правило, применяются за нарушение природоохранных норм, не представляющих серьезной общественной опасности. Уголовная ответственность (вплоть до лишения свободы), очевидно, наступает за совершение экологических преступлений, обладающих повышенной степенью общественной опасности. Гражданско-правовая ответственность, в свою очередь, предполагает возмещение вреда, фактически причиненного окружающей среде в результате противоправных действий. Эффективность реализации рассматриваемых конституционных положений, по всей видимости, напрямую зависит от уровня правовой грамотности граждан, результативной работы контрольно-надзорных органов и сложившейся судебной практики.

Перспективы конституционно-правового регулирования экологических обязанностей граждан в РФ, по всей видимости, связаны с усилением конкретизации соответствующих конституционных норм (5, ст. 37 Конституции РФ), совершенствованием системы экологического образования и активным развитием механизмов общественного контроля [9, с. 145]. Представляется целесообразным принятие федерального закона, детализирующего содержание экологических обязанностей граждан, что, очевидно, позволит повысить эффективность их реализации. Необходимо также дальнейшее ужесточение ответственности за экологические правонарушения и внедрение экономических стимулов, направленных на формирование экологически ответственного поведения. Цифровизация экологического контроля и активное международное сотрудничество, несомненно, представляются перспективными направлениями развития. Дальнейшее развитие конституционно-правового регулирования в рассматриваемой сфере, безусловно, способствует формированию экологически ответственного общества и повышению эффективности охраны окружающей среды.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, ред. от 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 21.09.2025).

2. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ: ред. от 04.08.2023 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2, ст. 133.
3. Боголюбов С. А. Экологическое право: учеб. для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 437 с.
4. Гриценко А. В. Транспарентность и открытость как принципы деятельности органов государственной власти // Административное право и процесс. 2018. № 5. С. 27–31.
5. Иванов В. П. Конституционно-правовое регулирование экологических обязанностей граждан в современной России // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2019. № 3. С. 45–52.
6. Иванов В. В. Проблемы реализации права граждан на информацию в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 2. С. 11–15.
7. Козлова Т. В. Развитие конституционно-правового регулирования охраны окружающей среды в зарубежных странах // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 34–41.
8. Петрова Е. А. Исторические аспекты развития экологического права в России // Экологическое право. 2018. № 4. С. 12–20.
9. Сидоров А. И. Экологические обязанности граждан: правовые основы и практика применения: учеб. пособие. М.: Юрайт, 2020. 280 с.

УДК 343

СЕТЬ ИНТЕРНЕТ КАК СРЕДСТВО ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

***А. А. Шевченко**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье затрагивается актуальная проблема вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность посредством сети Интернет в условиях глобальной цифровизации и анализируются современные способы онлайн-вербовки, а также выявляются ключевые уязвимые группы несовершеннолетних, подверженных деструктивному влиянию киберпреступников.

Ключевые слова: вербовка, вовлечение, мессенджер, несовершеннолетние, сеть Интернет, социальные сети.

THE INTERNET AS A MEANS OF INVOLVING MINORS IN THE COMMISSION OF CRIMES

***A. A. Shevchenko**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article examines the current problem of involving minors in criminal activities through the Internet in the context of global digitalization and analyzes modern methods of online recruitment, as well as identifies key vulnerable groups of minors exposed to the destructive influence of cybercriminals.

Keywords: recruitment, engagement, messenger, minors, Internet, social networks.

В современных условиях глобальной цифровизации сеть Интернет стала не только неотъемлемой частью жизни молодежи, но и новой средой формирования преступных проявлений. Все чаще сеть Интернет используется злоумышленниками для деструктивного воздействия на несовершеннолетних и их вовлечения в преступную деятельность.

Проблематика вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность с использованием сети Интернет привлекает пристальное внимание российских ученых-правоведов.

А. Ю. Головин, А. Р. Акиев и Е. В. Головина указывают на рост случаев дистанционного вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений посредством современных телекоммуникационных технологий, часто со стороны организованных преступных групп, действующих анонимно или из-за рубежа [1, с. 26].

С точки зрения криминологии специалисты анализируют факторы, повышающие уязвимость несовершеннолетних пользователей перед онлайн-вербовкой. Так, Д. Д. Медведева выделяет группы риска среди несовершеннолетних, наиболее склонных попасть под влияние киберпреступников: дети из неблагополучных асоциальных семей; подростки, находящиеся в сложной психотравмирующей ситуации; несовершеннолетние, склонные к депрессии или суицидальным мыслям; социально изолированные подростки; жертвы или свидетели насилия; подростки, имеющие криминальный опыт, а также несовершеннолетние, страдающие алкогольной или наркотической зависимостью [3, с. 71].

Таким образом, наличие определенных личностных и социальных факторов в сочетании с низким уровнем цифровой грамотности и несоблюдением основ кибербезопасности повышает виктимность подростков в сети Интернет.

Е. В. Кузнецова выделяет следующие угрозы сети Интернет, способствующие криминализации несовершеннолетних: распространение противоправного контента (пропаганда насилия, экстремизма, наркотиков, порнографии и т. п.), общение деструктивного характера (кибербуллинг, кибергруминг, секстинг, вовлечение в девиантные субкультуры), а также прямое вовлечение в противоправные действия [2, с. 83].

Под последним понимается, в частности, вовлечение несовершеннолетних в дропперство, в незаконный оборот наркотиков, а также в опасные асоциальные движения, например, руфинг (прогулки по крышам) или зацепинг (проезд снаружи транспорта).

При этом негативный эффект интернета усугубляется тем, что подростки проводят большое количество времени в онлайн-пространстве.

В связи с этим социальные сети стали одним из основных каналов вербовки несовершеннолетних. Злоумышленники целенаправленно ищут уязвимых подростков в сети Интернет по комментариям, постам, участию в тематических группах, и устанавливают с ними контакт, используя манипулятивные приемы, направленные на завоевание доверия.

Также нередки случаи, когда в социальных сетях подросткам предлагают «легкий заработок» – осуществление преступной деятельности под видом обычной подработки.

Мессенджеры, отличающиеся относительной анонимностью переписки, широко применяются злоумышленниками для непосредственной координации противоправных действий несовершеннолетних. После установления

первоначального контакта в социальной сети преступники переводят общение в чаты, где дают подросткам конкретные указания и задачи. Так, на территории Российской Федерации зафиксированы случаи, когда злоумышленники через мессенджер Discord вербовали российских подростков для подготовки вооруженных нападений на школы и другие объекты. Так, в 2024 г. Федеральная служба безопасности задержала 9 несовершеннолетних, общавшихся с украинскими кураторами в Discord и готовящихся к совершению вооруженных нападений, а также актов насилия в местах массового скопления людей [4].

Особого внимания заслуживает вербовка несовершеннолетних через онлайн-игры и игровые платформы. Подростки нередко воспринимают виртуальную игру как безопасную среду отдыха, однако преступные вербовщики проникают и туда. В игровых чатах злоумышленники могут выступать под видом опытных игроков-наставников либо новых друзей, завоевывая доверие подростка.

После установления дружеского контакта злоумышленники могут поручить несовершеннолетнему «секретную миссию». Например, сделать тайник с предметом, который оказывается свертком с наркотиками, либо сфотографировать охраняемый объект.

Учитывая специфические угрозы интернет-вербовки, представляется целесообразным рассмотреть комплекс мер профилактического характера, направленных на защиту несовершеннолетних в сети Интернет.

Профилактика и просвещение – важнейшее направление, которое предполагает активную вовлеченность семьи, школы и общества.

Среди социальных мер приоритетной является укрепление доверительных отношений «родитель-ребенок». Родителям рекомендуется интересоваться жизнью детей в сети Интернет, знать их круг общения и вовремя замечать настораживающие изменения в поведении. В семье следует открыто обсуждать вопросы онлайн-безопасности, объяснять подросткам возможные уловки злоумышленников. Полезно ограничивать чрезмерное времяпрепровождение детей в онлайн среде, особенно контролировать увлечение агрессивными играми и участие в деструктивных интернет-сообществах. Важно предоставлять подросткам альтернативы – насыщенный досуг, хобби, спортивные секции, живое общение, чтобы компенсировать привлекательность ухода из виртуальной реальности.

Школы и учреждения дополнительного образования должны играть активную роль в формировании у молодежи устойчивости к негативному онлайн-влиянию. Необходимо внедрять специальные образовательные программы: уроки медиаграмотности, курсы информационной безопасности и этики в сети Интернет.

Отдельное внимание уделяется техническим и информационным мерам защиты. Рекомендуется устанавливать на устройствах актуальные антивирусные программы, включать ограничения нежелательного контента, пользоваться функциями «родительского контроля» посредством специальных приложений.

Таким образом, сегодня практически любое средство онлайн-коммуникации может быть использовано злоумышленниками для вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений.

Вовлечение несовершеннолетних в преступления с использованием сети Интернет представляет собой сложную и многогранную проблему. Проведенный анализ показал, что данное негативное явление приобретает все более организованный и транснациональный характер, выступая частью механизмов киберпреступности.

Для эффективного противодействия вовлечению несовершеннолетних в преступную деятельность посредством сети Интернет требуется комплекс мер, направленный на формирование у подрастающего поколения устойчивого иммунитета к преступному влиянию.

Список источников

1. Головин А. Ю., Акиев А. Р., Головина Е. В. Дистанционное вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность как объект криминалистического исследования // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 2 (76). С. 24–30.
2. Кузнецова Е. В. Предупреждение делинквентного поведения несовершеннолетних, продуцируемого контентом сети Интернет: дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. 210 с.
3. Медведева Д. Д. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления или иную антиобщественную деятельность в сети Интернет: основные угрозы и группы риска // Вестник экономики, управления и права. 2025. Т. 18. № 1. С. 69–74.
4. Российских подростков задержали за подготовку нападений. ФСБ заявила, что их курировали украинцы в популярном приложении // Lenta.ru. Новости России и мира сегодня. URL: https://lenta.ru/news/2024/10/01/rossiyskih-podrostkov-zaderzhali-za-podgotovku-napadeniy-fsb-zayavila-chto-ih-kurirovali-ukraintsy-v-populyarnom-prilozhenii/?ysclid=mhvazz8cl8225072555 (дата обращения: 25.10.2025).

УДК 347.471

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: СУЩНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

***Е. В. Шелеметьева**, преподаватель кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена историко-правовому исследованию сущности гражданского общества. Автором изучены проблемные аспекты взаимосвязи гражданского общества и третьего сектора. Кроме того, осуществлена оценка влияния гражданского общества на политические процессы на конкретно-историческом примере. Рассмотрены древнегреческие и древнеримские концепции определения сущности гражданского общества. Акцентировано внимание на развитие гражданского общества в XVI–XVIII вв.

Ключевые слова: гражданское общество, третий сектор, право, государство, исторический анализ, теория государства и права.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF CIVIL SOCIETY: THE ESSENCE AND HISTORICAL ASPECT

***E. V. Shelemetyeva**, lecturer of the Department of State and Legal and Civil and Law Disciplines of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article is devoted to the historical and legal study of the essence of civil society. The author has studied problematic aspects of the relationship between civil society and the third sector. In addition, the impact of civil society on political processes was assessed using a specific historical example. The ancient Greek and Roman concepts of defining the essence of civil society are considered. Attention is focused on the development of civil society in the XVI–XVIII centuries.

Keywords: civil society, third sector, law, state, historical analysis, theory of state and law.

В наши дни гражданское общество вполне может быть одним из наиболее часто используемых терминов в дебатах по государственной политике и научных исследованиях. Любой дискурс о гражданском обществе позволяет нам объединить множество других дискуссий – например, о состоянии общества, государственной политике и реформах социального обеспечения с нормативной ориентацией. Понятие гражданского общества может помочь нам выйти за рамки узких специализированных вопросов в академических дебатах и связать эмпирические утверждения о том, где мы находимся, с более широкими вопросами демократии и благосостояния.

Однако ссылки на гражданское общество часто сопровождаются расплывчатыми или противоречивыми интерпретациями. Во многих странах акцент явно делается на освобождении общества от государственного гнета [11, с. 78]. Но в демократических государствах всеобщего благосостояния – а это наша область внимания в этой статье – ситуация менее ясна. Что может означать призыв к активизации и укреплению гражданского общества в этой области? Это главный вопрос данной статьи.

В дополнение к частым ссылкам на гражданское общество в глобальных дебатах о том, как уйти от авторитарных режимов и обеспечить будущее демократии [8, с. 102], гражданское общество также активизировало дискуссию о том, как вернуть граждан в институционализированную политику благосостояния, как путем усиления участия в принятии решений и превращение ответственности за благополучие и социальную сплоченность в нечто общее. Именно в этом свете в течение последнего десятилетия или около того в различных дискурсах и ключевых терминах упоминалось понятие гражданского общества – например, «третий путь» к лучшему обществу, «большое общество», государство, предоставляющее возможности, «активирующая» политика или «политика партнерства» между государственным, частным и третьим сектором [2, с. 151; 4, с. 212; 5, с. 78].

Если рассматривать более узкую область исследований, относящуюся к некоммерческому и добровольному сектору или – в аналитических терминах – третьему сектору: понятие «гражданское общество» часто использовалось и здесь в качестве основы для эмпирических исследований и нормативных актов. На заре исследований третьего сектора академические дебаты сводились к экономическим рассуждениям о неудачах государства и рынка в предоставлении товаров и услуг, а также о некоммерческих организациях, заполняющих пробелы, однако эта узкая направленность уже давно стала намного шире [9, с. 451].

Чтобы понять проблемы связи между гражданским обществом и третьим сектором, можно начать с наблюдения, касающегося изменений в политике. Упоминание гражданского общества повлияло на государственную политику и политические программы, особенно в отношении вопросов разделения труда

между обществом, его гражданами и государством. В Великобритании, например, попытка сбалансировать социальную ответственность между органами государственной власти и гражданами и найти «третий путь» между либерализмом и тем, что подвергалось нападкам как «государство-нянька», приобрело ключевую роль в центре политики. Говорят, что новая политика Консервативной партии, названная «большим обществом», в некотором роде является продолжением этого. В стране автора, Германии, вопросы гражданского общества никогда не приобретали такого значения. Однако после работы комитета экспертов десять лет назад, недавний программный документ правительства и первый отчет комиссии по гражданской активности показывают этап, на котором сейчас находится достиг. Название отчета комиссии – «За культуру совместной ответственности» – оно задает общий тон отчету, в котором основное внимание уделяется гражданской активности посредством волонтерства, работе фондов и организаций, предоставляющих услуги, а также потенциалу, который они могут иметь для повышение совместной ответственности людей. Считается, что гражданское общество в основном состоит из граждан и организаций третьего сектора, которые вносят больший вклад в социальные услуги и вопросы общественного благосостояния и, таким образом, в повышение уровня самоуправления и большее влияние на принятие общих решений [3, с. 54].

Однако существуют и другие концепции гражданского общества, которые ставят под сомнение идею тесной связи между гражданским обществом и третьим сектором. В этой статье стремимся сделать следующее: сначала обрисовать вышеупомянутый подход к дебатам о гражданском обществе, его плюсы и минусы и то, что он означает для государственной политики, в частности политики реформы социального обеспечения. Затем остановимся на двух разных понятиях гражданского общества, показав, что они могут открыть новые, более широкие перспективы для исследований, дебатов и политики со ссылкой на гражданское общество. Одна из других концепций гражданского общества, которую рассмотрим, фокусируется на роли общественного достояния как промежуточной сферы. Третий взгляд на гражданское общество, который рассмотрим, основан на анализе атрибутов «гражданский» и «гражданский», которые могут характеризовать общество в целом как «гражданское общество».

Исторически идея гражданского общества принимает две совершенно разные формы. Во-первых, гражданское общество – это «политическое сообщество» (societas ciélis или koinonia politike), охватывающее государство, недифференцированное от общества [10, с. 265]. Здесь гражданское общество соседствует с государством: это отношения власти, регулируемые законом и институтами с целью обеспечения социальной гармонии. Во-вторых, гражданское общество представляет собой саморегулирующийся, самоуправляющийся орган, находящийся вне государства и часто в оппозиции к нему, представленный

одновременно как связующее звено общественных объединений, призванных генерировать гражданственность, социальную сплоченность и нравственность, а также как место взаимных экономических отношений между государствами, физические лица, занимающиеся рыночной биржевой деятельностью.

В греческой и римской политической мысли понятие гражданского общества как политического сообщества не ограничивалось правовой категорией гражданства [6, с. 68]. Центральным элементом концепции политического сообщества Аристотеля (384–22 гг. до н. э.) было признание того, что люди живут в разных социальных сферах и их статус варьируется с точки зрения собственности, навыков и способностей. Искусство политики заключалось в использовании законов и институтов для организации деятельности в этих различных сферах с целью достижения гармоничной или «справедливой» социальной среды. Аристотель рассматривал гражданина как человека, который участвует в отправлении правосудия и занимает должность с этой целью. В этом смысле гражданство в афинском городе-государстве было не только юридической, но и моральной категорией. Домашнее хозяйство не было исключено из моральной схемы Аристотеля. Натуральное домашнее производство было «естественным», тогда как производство для коммерческого обмена и получения прибыли было «неестественным» и подрывало моральный порядок [1, с. 167]. Осуществление правосудия предполагало ограничение коммерческой деятельности. Для Цицерона (106–43 гг. до н. э.) и римских юристов гражданское общество (societas ciilis) было эквивалентом res publica (содружества), или «скопления людей в большом количестве, связанных соглашением относительно справедливости и партнерство ради общего блага». Цицерон рассматривал справедливость как коренящуюся в естественном «социальном духе» человека, который был сформирован разумом и побуждал людей отказываться от определенной степени личного интереса ради общего блага. Цицерон писал, когда Рим перестал быть гармоничным «содружеством», управляемым его гражданами и их хозяйствами, производящими натуральное хозяйство, а превратился в имперский город, в котором землевладельцы, финансисты и купцы тревожно сосуществовали с огромным и голодным населением крестьян и рабов. Цицерон рассматривал реализацию справедливости как «равномерное равновесие прав, обязанностей и функций» внутри государства.

В XVI и XVII вв., после периода гражданских войн на религиозной почве, идея христианской койнонии политика была заменена концепцией верховенства суверенитета светского правителя, который подчинил религиозные претензии и восстановил мир. Это был момент Гоббса, когда современное государство начало определять, ограничивать и обеспечивать соблюдение моральных альтернатив Божьему порядку (Maier, 1987). Конкуренция между европейскими монархиями, военные действия, гражданская война и крестьянские восстания –

все это способствовало централизации политической власти. К концу XVII в. это отразилось в институте суверенного монарха как места бюрократического управления и регулирования [7, с. 213]. Коммерческая экспансия в XVII и XVIII вв. означала, что экономическая деятельность стала основной целью государственного регулирования. Административное, регулятивное государство было представлено в дискурсах об экономическом управлении, сочетавших камерализм, меркантилизм, политическую арифметику и инвестиционизм. Таким образом, политическое или гражданское общество больше не было политически организованным сообществом, характеризующимся диффузией политической власти. Вместо этого политическое общество обратилось к сфере абсолютного суверенитета. Социальная гармония, которая оставалась легитимизирующей целью правления, была продуктом бюрократических правил, а не результатом взаимных обменов или договоренностей между правителем и различными слоями общества. Попытки формализовать суверенное государство также указывали на существование сферы вне политической сферы. Во второй половине XVIII в. возникла новая концепция гражданского общества как места саморегулирования, относящаяся к добровольным ассоциациям, освобожденным от корпоративного контроля церкви и городских институтов, и к сфере экономической деятельности. Эта концепция саморегулируемого, самоуправляющегося общества часто противоречила нормативной и политической сфере государства. Однако дихотомической концепции государства и гражданского общества предшествовало различие в теории естественного права между status cililis и status naturalis (Tribe, 1988). Последнее было сферой разногласий, которую английский философ Томас Гоббс (1588–1674) описал как bellum omnium contra omnes – бартерное общество, в котором люди заключали контракты друг с другом и против друг друга (Гоббс, 1949), и в котором его соотечественник Джон Локк (1632–1704) определил спорный процесс формирования частной собственности.

Список источников

1. Абакумов, С. А. Гражданское общество и власть: противники или партнеры? / С. А. Абакумов. – М.: Галерия, 2022. – 296 с.
2. Андрианов, Н. В. Гражданское общество как среда институционализации адвокатуры / Н. В. Андрианов. – М.: Либроком, 2022. – 304 с.
3. Богданова, О. В. Гражданский инженер Фортунат Гут / О. В. Богданова. – М.: Томск, ТПУ, 2022. – 120 с.
4. Гершунский, Б. С. Гражданское общество в России: проблемы становления и развития / Б. С. Гершунский. – М.: Педагогическое общество России, 2022. – 389 с.
5. Грин, Дэвид. Возвращение в гражданское общество. Социальное обеспечение без участия государства / Дэвид Грин. – М.: Новое изд-во, 2021. – 220 с.
6. Грудцына, Л. Ю. Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России / Л. Ю. Грудцына. – М.: Деловой двор, 2022. – 352 с.

7. Грудцына, Л. Ю. Государство и гражданское общество / Л. Ю. Грудцына. – М.: Юркомпани, 2022. – 464 с.
8. Лукашев, А. В. Анатомия демократии, или Черный PR как институт гражданского общества / А. В. Лукашев, А. В. Пониделко. – М.: Бизнес-пресса, 2022. – 272 с.
9. Лукин, В. Н. Гражданское общество в глобальном мире / В. Н. Лукин. – М.: Наука. Ленинградское отделение, 2021–648 с.
10. Мусин, В. А. Гражданский процесс / В. А. Мусин, Н. А. Чечина, Д. М. Чечота. – М.: Проспект, 2021. Изд. 2-е. – 472 с.
11. Равинский, Д. К. Библиотека и гражданское общество. Изучая зарубежный опыт / Д. К. Равинский. – М.: Российская национальная библиотека, 2022. – 168 с.

УДК 811.111

РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ГРАММАТИКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

***Е. С. Шилова**, доцент кафедры иностранных языков Ростовского юридического института МВД России, кандидат филологических наук*

В статье рассмотрены принципы применения лингвопрагматического принципа в процессе обучения грамматике английского языка, а также их роль в увеличении коммуникативной компетенции обучающихся в процессе учебной деятельности.

Ключевые слова: лингвопрагматический принцип, английский язык, принципы обучения, грамматика, коммуникативная компетенция.

IMPLEMENTATION OF THE LINGUISTIC AND PRAGMATIC PRINCIPLE IN THE PROCESS OF TEACHING GRAMMAR

***E. S. Shilova**, associate professor of the Department of Foreign Languages Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Philology*

The article discusses the principles of applying linguistic and pragmatic teaching of English grammar, as well as their role in increasing the communicative function of students in the learning process.

Keywords: linguistic and pragmatic principle, English, principles of learning, student, approach.

Прагматика – особый раздел языкознания, изучающий применение языка в определенных ситуативных аспектах, то есть, как человек понимает язык, контекст, достижение целей. Также она изучает отношения между языковыми знаками и словами, между говорящим и слушающим, и то, как их цели и намерения влияют на смысл словесных конструкций.

Лингвопрагматический принцип является современным лингводидактическим подходом в изучении английского языка, направленным на развитие коммуникативных способностей обучающихся. Он предполагает объединение нескольких языковых форм и способствует овладению грамматическими

структурами. Поэтому актуальность данного принципа в изучении грамматики является основополагающей и используется большим количеством образовательных программ.

А. Н. Щукин обозначал принципы обучения любого знания как «исходные понятия, которые в своей совокупности определяют требования к учебному процессу в целом и его составляющим (целям, задачам, методам, средствам и т. д.)» [2, с. 115]. То есть он определял базисные принципы и основания как общепринятую классификацию для любого обучения. Основываясь на его высказывании, можно выделить методологическую систему принципов любого обучения.

1. Лингвистические.
2. Дидактические.
3. Психологические и др.

Важно знать, что любая классификация принципов и подходов к обучению должна отражать первостепенные потребности общества в конкретный период развития. Под влиянием социума совершенствуются и принципы, развиваются базовые методики в обучении, которые допускают включение вновь появляющихся. Поэтому разделение принципов на «дидактические» и «методологические» является самым разумным, потому что они включены в лингвопрагматический подход.

Прагматика подразумевает сознательность, межкультурное взаимодействие, коммуникацию, учет родного языка, обучение в сотрудничестве. Данные принципы обеспечивают преемственность в развитии лингвистики как науки. Содержание прагматического метода ориентировано на целевое направление, формирование поликультурной личности.

В условиях изучения грамматики английского языка часто используется лингвопрагматический принцип, благодаря которому преподаватели применяют различные жизненные ситуации, примеры из личного опыта, новые технологии, что способствует эффективному изучению иностранного языка.

Ранее при обучении грамматическим правилам по традиции использовали формальный подход, который был сосредоточен на запоминании схем и структур. Однако подобные методы не отличаются эффективностью, так как не учитывают особенности коммуникативного взаимодействия. Для понимания и освоения правил английского языка наиболее актуальным остается принцип ситуативно-тематической значимости в профессиональной деятельности. В данном случае он предусматривает учет будущих интересов и специальности обучающегося на занятиях английского языка. Подход направлен на достижение определенных целей в общении, изучение языка в контексте ситуаций, где обучающиеся могут выражать свои мысли и чувства. Например, изучая времена английского языка, преподаватель может предложить объяснить использование различных форм глагола с помощью личного опыта, чтение текстов и выполнение заданий,

ориентированных на его будущую специальность. Это позволит обучающимся не только усвоить новые схемы и формулы, но и понять, как использовать данные правила в процессе передачи информации.

Кроме того, стоит отметить, что важным для изучаемого подхода остается вопрос культурных и социальных аспектов обучения. Собеседнику необходимо понимать, в каких случаях ему использовать тот или иной стиль общения. Именно лингвопрагматический принцип обучения наглядно показывает то, как применять формальный или неформальный стиль, различать взаимоотношения между людьми, моделировать ситуации. Модель в данном контексте мы рассматриваем в значении: образец поведения, пример речевого действия или определенной цели [3, с. 1191]. Для этого преподаватели могут создавать различные ролевые игры или диалоги, что поможет студентам правильно отличать грамматические формы синтаксиса в зависимости от контекста.

Ввиду развития современного общества роль технологий в лингвопрагматическом принципе увеличивается. Появляется множество образовательных платформ, онлайн-школ и приложений, в которых изучение английского языка становится проще. Использование мультимедийных средств (ярких дизайнов, интерактивных заданий, моделирования жизненных ситуаций) дает возможность студентам практиковать свои грамматические знания. Подобные приложения и интернет-сайты значительно повышают уровень мотивации и вовлеченности обучающихся в учебный процесс. Также использование электронных писем, проведение различных конференций и обсуждений позволяет обучающимся приобрести опыт в общении на иностранном языке. Такой способ общения преподавателя и студента сформирует навыки сотрудничества, самообразования и профессионального роста.

Вышеперечисленные методы дают основание полагать, что лингвопрагматический подход в условиях реального времени является наиболее эффективным среди остальных. В рамках прагматики они определяют следующее.

1. Содержание межкультурной компетенции в условиях освоения будущей специальности.

2. Отбор приемов и способов обучения в рамках лингвопрагматического моделирования ситуаций.

3. Ориентирование среди профильных дисциплин и курса английского языка и др.

Подводя итог, необходимо отметить, что раздел грамматики на протяжении многих лет являлся самым сложным в понимании обучающихся. В современных же условиях обучение иностранному языку с использованием лингвопрагматического принципа обеспечивает эффективное усвоение и адекватное употребление в речи грамматических правил английского языка. Кроме того, происходит увеличение числа замотивированных на учебный процесс студентов и развитие навыков в коммуникативной деятельности на межнациональном уровне.

Список источников

1. Дьякова, Н. В. Основы лингвопрагматики: учеб. пособие / Н. В. Дьякова. – СПб.: Питер, 2017. – 180 с.
2. Кузнецова, О. А. Инновационные методы обучения грамматике английского языка: лингвопрагматический аспект / О. А. Кузнецова // Научные записки. – 2020. – Т. 12. № 1. – С. 112–118.
3. Мотов, С. В. Коммуникативный аспект лингвокогнитивного подхода к иноязычному обучению / С. В. Мотов // Вестник Тамбовского университета. – 2023. – Т. 28. № 5. – С. 1179–1193.
4. Петрова, Л. И., Сидорова, М. В. Применение лингвопрагматических концепций в обучении иностранным языкам / Л. И. Петрова, М. В. Сидорова // Образование и общество. – 2021. – № 5. – С. 34–39.
5. Романова, А. В. Коммуникативная компетенция и ее значение в обучении грамматике английского языка / А. В. Романова // Зарубежная филология: проблемы и перспективы. – 2022. – Т. 8. № 4. – С. 92–98.

УДК 342.9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Л. Г. Шнейдер, *преподаватель кафедры физической подготовки Учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя*

Актуальность статьи обусловлена ростом преступного и антиобщественного поведения несовершеннолетних, что требует от общества не только традиционных форм и методов работы с подрастающим поколением, но и внедрения инновационных подходов, способных повлиять и эффективно противостоять этому явлению. В статье проводится анализ причин и условий совершения подростками преступлений, факторы, способствующие формированию девиантного поведения, а также способы их устранения или минимизации.

Ключевые слова: несовершеннолетние, подростковая преступность, субъекты профилактики, правонарушения, подразделения по делам несовершеннолетних, сотрудники, инспектор.

ACTUAL PROBLEMS OF JUVENILE AFFAIRS UNITS AT THE PRESENT STAGE AND WAYS TO SOLVE THEM

L. G. Schneider, *lecturer at the Department of Physical Training of the Educational and Scientific Complex for Specialized Training of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot*

The relevance of the article is due to the growth of criminal and antisocial behavior of minors, which requires society not only to use traditional forms and methods of working with the younger generation, but also to introduce innovative approaches that can influence and effectively counter this phenomenon. The article analyzes the causes and conditions of crimes committed by teenagers, factors contributing to the formation of deviant behavior, as well as ways to eliminate or minimize them.

Keywords: minors, juvenile delinquency, subjects of prevention, offenses, juvenile affairs units, employees, inspector.

В настоящее время одной из обсуждаемых тем в обществе является подростковая преступность. По статистическим данным МВД России в 2024 г. преступления совершили 21000 несовершеннолетних, это на 6 % ниже показателя 2023 г., но при общем снижении преступлений, совершенных несовершеннолетними, наблюдается рост тяжких преступлений, таких как террористическая деятельность, незаконный оборот наркотических средств. Также выросло число преступлений, совершенных несовершеннолетними в составе группы. Всё это требует от государства и общества разработки и принятия более эффективных мер по их устранению. Основная роль здесь отводится органам и субъектам системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Одним из которых являются органы внутренних дел (далее – ОВД) в лице подразделений по делам несовершеннолетних, которые обязаны не только своевременно реагировать на нарушение закона, но и активно участвовать в общей и индивидуальной профилактической работе, направленной на недопущение совершения правонарушений и преступлений детьми и подростками.

Подразделения по делам несовершеннолетних ОВД обладают определенными полномочиями, направленными на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних. Важной частью их работы является выявление и анализ причин и условий совершения преступлений и правонарушений детьми и подростками, что требует комплексного подхода и взаимодействия с другими правоохранительными органами и субъектами профилактики. Инспектор по делам несовершеннолетних часто выступает в роли связующего звена между государством и семьями, нуждающимися в помощи и поддержке.

Ключевым аспектом работы подразделений по делам несовершеннолетних является проведение индивидуальной профилактической работы и контроль за поведением несовершеннолетних, имеющих проблемы с законом или находящихся в группе риска. Инспектор по делам несовершеннолетних ведет учет преступлений, правонарушений и антиобщественных действий, совершенных подростками, что позволяет не анализировать, прогнозировать и планировать свою деятельность.

Важной функцией подразделений по делам несовершеннолетних является работа с неблагополучными семьями и семьями, в которых находятся несовершеннолетние правонарушители. Проведение индивидуальной профилактической работы помогают родителям справиться с возникшими трудностями и выработать подходы к улучшению семейного климата. Подобные меры считаются эффективными для предотвращения повторных правонарушений, совершаемых подростками.

Работа подразделений по делам несовершеннолетних должна ориентироваться на принципы справедливости, гуманизма, защиты, а не мер наказания. Основной акцент необходимо делать на поддержку семьи. Формирование

благоприятной социальной среды, где несовершеннолетние чувствуют себя защищенными и поддержанными, может оказать положительное влияние на их поведение и признание ответственности за свои поступки. Необходимо понимать, что нарушения закона со стороны несовершеннолетних могут быть предотвращены лишь путем взаимодействия всех заинтересованных в этом органов.

Таким образом, успех работы подразделений по делам несовершеннолетних зависит не только от законодательных и административных полномочий, но и от их способности интегрировать усилия всех заинтересованных сторон для создания безопасной и поддерживающей среды для подрастающего поколения. Важно не просто выявлять и наказывать правонарушителей, а осознанно работать над изменением социального поведения и последствий, вызывающих рискованные ситуации для детей и подростков.

Социально-психологические факторы играют важную роль в формировании преступного поведения несовершеннолетних, которые необходимо учитывать при анализе причин нарушений закона. Главным аспектом является влияние семьи, которая является первой и наиболее значимой социализирующей средой. Отношения внутри семьи, уровень контроля родителей, стиль воспитания и эмоции, которые ребенок испытывает в этом окружении, могут оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие. Например, авторитарный стиль воспитания может провоцировать бунт и желание к нарушению правил, в то время как слишком мягкий подход может привести к отсутствию ориентиров и границ, что также способствует девиантному поведению.

Кроме семейного окружения на подростка оказывают влияние сверстники и их социальный статус. Желание быть принятым в группе является важным двигателем поведения молодых людей. Проявление агрессии, употребление алкоголя, наркотических, психоактивных веществ и другие противоправные действия могут стать атрибутами «престижного» поведения в глазах сверстников. Подросток, стремясь выделиться или завоевать уважение, может совершить правонарушение, даже не осознавая последствий своих действий.

Кроме семьи и друзей, к числу важных факторов, влияющих на формирование личности подростка, следует отнести школы, где несовершеннолетние проводят большую часть своего времени. Образовательное учреждение становится ареной взаимодействия и конфликта, где могут возникать ситуации буллинга, наличия высокой конкуренции и давления со стороны одноклассников. Такие обстоятельства нередко провоцируют подростков на асоциальное поведение в ответ на негативный опыт взаимодействия с окружающими. Разные формы конфликтов в школе могут подталкивать к выходу за границы допустимого и стать катализатором для свершения более серьезных нарушений закона.

Материальные трудности также оказывают влияние на формирование личности. Проживание в неблагополучных районах, отсутствие финансовой стабильности в семье порождают чувство безысходности и отчаяния. Подобные обстоятельства могут вынуждать несовершеннолетних прибегать к преступным действиям как к средству решения этих проблем.

Отсутствие соответствующих моделей поведения также служат фоном для преступных проявлений. Не имея положительного опыта среди взрослых и ровесников, подросток оказывается в ситуации выбора, где преступление становится единственно доступным способом самоутверждения. Его психологические особенности, в виде повышенной эмоциональности и импульсивности, неустойчивость к стрессам усугубляют ситуацию.

В связи с развитием цифровых технологий игровая среда формирует у молодого поколения другие представления о реальном мире, оказывает влияние на поведение несовершеннолетних. Виртуальные платформы становятся местом распространения деструктивной информации, искажают реалии жизни, что ведет к созданию ошибочных норм и ценностей, которые противоположны морали и нормам закона. Это создает новые условия для работы с несовершеннолетними правонарушителями.

Таким образом, чтобы изучить социально-психологические причины незаконопослушного поведения несовершеннолетних, необходимо провести всесторонний анализ, активно внедрять эффективные программы социального обучения, развивать программы поддержки молодежи, а также заниматься повышением квалификации специалистов, работающих с несовершеннолетними.

В своей служебной деятельности инспектор по делам несовершеннолетних сталкивается с многими проблемами и трудностями, это взаимодействие с несовершеннолетними и их родителями (законными представителями), и другими институтами общества. Важной проблемой является недостаточная подготовка специалистов. Многие сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних не имеют необходимого образования или опыта работы в сфере детской психологии, что затрудняет их взаимодействие с несовершеннолетними. Это приводит к тому, что инспектор не всегда способен распознать поводы для вмешательства или оказать необходимую помощь.

Второй аспект – высокие служебные нагрузки, возложенные на сотрудника. Инспектор вынужден работать с большим количеством дел одновременно, что негативно влияет на качество выполнения его обязанностей. А ведь профилактика правонарушений требует индивидуального подхода и тщательного анализа каждой ситуации, однако при высокой загруженности инспектор не может уделить достаточное внимание каждому ребенку. Это приводит к тому, что проблемы остаются незамеченными, и ситуация с правонарушениями среди несовершеннолетних лишь усугубляется.

Третий аспект – недостаточное взаимодействие и координация работы разных служб, призванных заниматься вопросами профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Это может приводить к утрате важной информации что, в свою очередь, затрудняет проведение срочных необходимых мер.

Нельзя упускать из вида то, что работа с несовершеннолетними правонарушителями требует от сотрудника подразделения по делам несовершеннолетних большого эмоционального напряжения. Инспектор часто сталкивается с трудными жизненными ситуациями в семьях, в которых находятся дети, начиная от неблагополучия до психологических проблем. Со временем происходит так называемое профессиональное выгорание, если сотрудник не получает достаточной поддержки и ресурсов для работы со своим эмоциональным состоянием, что оказывает большое значение на качество выполнения служебных обязанностей. В добавок ко всему инспекторы по делам несовершеннолетних как представители правоохранительных органов часто оказываются объектом критики и негатива со стороны родителей (законных представителей) несовершеннолетних. Это добавляет им стресса и влияет на уровень профессиональной устойчивости. Служебная деятельность инспектора подразделений по делам несовершеннолетних требует от него не только знаний норм закона, но и психологической гибкости. Стандартные приемы невозможно применить к каждому случаю, так как несовершеннолетние, оказавшиеся в сложной ситуации, могут вести себя по-разному, как агрессивно, так и замкнуто. Если у инспектора не хватает навыков коммуникации, это может привести к отрицательному результату: вместо того, чтобы наладить контакт и помочь несовершеннолетнему, сотрудник лишь усугубит его психоэмоциональное состояние.

Проблемы, с которыми сталкиваются в своей служебной деятельности сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних, разнообразны и требуют обращения к различным аспектам работы. Необходимо проводить анализ, на основе которого разрабатывать практические рекомендации и внедрять инновационные подходы к работе с детьми. Повышение квалификации инспекторов и улучшение качества коммуникации играют важную роль в создании более благоприятной среды для профилактики правонарушений среди несовершеннолетних и помощи детям.

Таким образом, возникает необходимость комплексного подхода к решению проблем, с которыми сталкиваются подразделения по делам несовершеннолетних. Эффективная работа в этой области требует не только расширения полномочий инспектора, но и активного вовлечения общества в процесс профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Только совместными усилиями можно создать безопасную и поддерживающую среду для подростков, что в конечном итоге приведет к снижению уровня преступности среди несовершеннолетних и улучшению качества жизни в обществе в целом.

Список источников

1. Александрова Н. И. Социальная поддержка несовершеннолетних: проблемы и решения // Социальная работа и общество. – 2021. – № 2. – С. 77–85.
2. Васильев Ю. Л. Роль семьи в социальном поведении детей и подростков // Семья и право. – 2020. – № 3. – С. 18–28.
3. Иванова М. А. Психологические аспекты работы с несовершеннолетними правонарушителями // Социология и право. – 2021. – № 3. – С. 10–18.
4. Состояние преступности в Российской Федерации за 2024 год // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/ (дата обращения: 15.09.2025).
5. Федоров А. С. Влияние социокультурной среды на поведение несовершеннолетних // Психология и социология. – 2022. – № 2. – С. 57–64.

УДК 342.924

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ О НАЗНАЧЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ШТРАФА

***Е. В. Шушина**, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук*

Статья затрагивает проблему исполнения постановлений о назначении административного штрафа. Автором предложено распространить применение меры обеспечения производства по делу в виде ареста имущества, установленную ст. 27.20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, на иные составы либо продлить действие мер обеспечения, предусмотренных ст. 27.10 (изъятие вещей и документов), 27.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (арест товаров, транспортных средств и иных вещей) до момента исполнения постановления, а также возможность реализации орудия и предметов административного правонарушения.

Ключевые слова: производство по делам об административных правонарушениях, меры обеспечения производства по делу, исполнение постановления о привлечении к административной ответственности, арест, изъятие, административный штраф.

ON THE QUESTION OF WAYS TO ENSURE THE EXECUTION OF DECISIONS ON THE APPOINTMENT OF AN ADMINISTRATIVE FINE

***E. V. Shushina**, associate professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Law*

The article addresses the issue of execution of decisions on the imposition of an administrative fine. The author proposed to extend the application of the measure of securing the proceedings in the form of seizure of property, established by Article 27.20 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, to other types of offenses or extend the

validity of the security measures provided for in Article 27.10 (seizure of things and documents), 27.14 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (arrest of goods, vehicles and other things) until the execution of the order, as well as the possibility of selling the instrument and objects of the administrative offense.

Keywords: proceedings on administrative offences, measures to ensure proceedings on the case, execution of the decision on bringing to administrative responsibility, arrest, seizure, administrative fine.

Рассуждая о задачах производства по делам об административных правонарушениях, сформулированных в ст. 24.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) представляется, что самой приоритетной является задача исполнения постановления по делу об административном правонарушении, поскольку именно на стадии исполнения меры наказания доходят до правонарушителя, здесь восстанавливается справедливость, достигается баланс интересов общества и государства, реализуется принцип неотвратимости наказания, что в целом способствует стабильности в государстве и обществе.

Если проанализировать статистику взысканных административных штрафов, то их доля в лучшем случае составит 50 % от числа назначенных*. Низкая взыскиваемость административных штрафов остается актуальной проблемой для государства, что, в первую очередь, подрывает его авторитет, веру общества в справедливость, влечет безнаказанность нарушителей, не говоря уже о пополнении соответствующих бюджетов. Действительно, недостаточно возбудить дело, необходимо исполнить постановление о привлечении к административной ответственности. Перед законодателем поставлена непростая задача – повышение доли исполнения постановлений о привлечении к административной ответственности.

Можно отметить, как одну из самых эффективных, введенных в последнее время мер, – возможность уплаты административного штрафа в частичном

* См. например, доклад Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору с обзором практики осуществления видов государственного контроля (надзора) с указанием проблем их осуществления, наиболее часто встречающихся нарушений обязательных требований за 9 месяцев 2021 г. в сфере государственного земельного надзора. Взыскиваемость штрафов в этом ведомстве за отчетный период составила 48 % // Доступ из справ. –правовой системы «КонсультантПлюс». Судебный департамент при Верховном Суде РФ опубликовал статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 г. Так, в 2019 и 2020 гг. взысканы около 15 % от общего количества наложенных судами административных штрафов, в 2021 г. – чуть менее 18 %, в 2022 г. – 23,5 % судебных постановлений исполнены.

размере (ч. 1.3, 1.3–1–1.3–3 ст. 32.2 КоАП РФ). Своевременной уплате административного штрафа способствует и развитие современных информационных технологий, позволяющих оплатить штраф, не выходя из дома.

Вместе с тем вышеприведенная статистика является неутешительной и несмотря на все созданные «условия» для оплаты административного штрафа конечные цели административного производства достигаются в полном объеме не всегда.

Среди иных инструментов, направленных на обеспечение исполнения постановления по делу, можно выделить меры обеспечения производства по делу, установленные гл. 27 КоАП РФ, цели применения которых определены в ст. 27.1 КоАП РФ, среди которых и цель исполнения принятого по делу постановления.

В целом в науке к мерам, направленным на обеспечение исполнения постановления об административном наказании относят административное задержание; изъятие вещей и документов; задержание транспортного средства; арест товаров, транспортных средств и иных вещей; привод; арест имущества; залог за арестованное судно; помещение иностранных граждан, подлежащих административному выдворению в специальные учреждения [1, с. 29; 3, с. 36].

Предметом настоящего исследования является исполнение постановлений об уплате административного штрафа, соответственно, анализу будут подвергнуты меры обеспечения, которые, на наш взгляд, могут стимулировать исполнение именно таких постановлений.

Анализируя механизмы, имеющиеся в действующей редакции КоАП РФ, направленные на обеспечение исполнения постановления о назначении административного штрафа, следует отметить возможность применения мер обеспечения производства по делу, таких как изъятие вещей и документов и арест товаров, транспортных средств и иных вещей.

Данные обеспечительные инструменты направлены на ограничение имущественной сферы правонарушителя как одной из самых уязвимых для любого субъекта. В ходе производства по делу последний лишен возможности свободно осуществлять все правомочия собственника по владению, пользованию и распоряжению своим имуществом. Воздействие на финансовую сферу больше стимулирует лицо, привлекаемое к ответственности, к скорейшему окончанию административного производства для того, чтобы все наложенные на имущество ограничения были сняты.

Однако в соответствии с положениями ст. 29.10 КоАП РФ действие мер обеспечения прекращается в момент вступления в силу постановления по делу об административном правонарушении, в то время как сроки уплаты административного штрафа истекают гораздо позже. То есть, последняя стадия исполнения постановления этими мерами уже не обеспечивается.

В таких случаях обеспечительная функция изъятия и ареста, направленная на исполнение вынесенного постановления, уже не действует и правонарушителя фактически «ничего не сдерживает», поскольку его имущественное положение восстанавливается после вступления постановления в законную силу – арест и изъятие отменяются, вещи и предметы, к которым применялись ограничения при производстве по делу, возвращаются законным владельцам.

По сути, КоАП РФ среди всех мер обеспечения не содержит такой меры, которая способствовала бы исполнению принятого решения о наложении административного штрафа. Единственным исключением является арест имущества, налагаемый в порядке ст. 27.20 КоАП РФ в ходе производства по делам по ст. 15.27.3 и ст. 19.28 КоАП РФ. Особенностью данной меры обеспечения является ее действие до момента исполнения постановления по делу, а не до вступления его в законную силу. Кроме этого, арест можно наложить и на имущественные права – денежные средства, находящиеся во вкладах и на счетах в банках или иных кредитных организациях при отсутствии у хозяйствующего субъекта иного «физического» имущества. Предложенная законодателем по данной категории дел мера обеспечения производства по делу действительно стимулирует правонарушителя исполнить постановление, поскольку ограничивает имущественные правомочия последнего до момента уплаты административного штрафа.

Следует согласиться с Макарейко Н. В. и Мамай Е. А. о «неоправданном внесении в систему административно-процессуального обеспечения меры, которая направлена на обеспечение исполнения административного наказания, предусмотренного только одной статьей Особенной части КоАП РФ» [2, с. 20]. Если такая мера имеет эффективность, почему бы не распространить ее действие и на иные составы. Представляется даже более перспективным не арест имущества правонарушителя, а арест имущественных прав – находящихся во вкладах и счетах денежных средств в размере предполагаемой суммы административного штрафа по аналогии, имеющейся в арбитражном процессе (ст. 91 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ).

Конечно же, данные меры будут существенно ограничивать имущественные права лица, привлекаемого к административной ответственности до вступления в законную силу постановления по делу, в связи с чем их применение должно соотноситься с рисками неуплаты административного штрафа лицом и инициироваться органами административной юрисдикции выборочно и проводиться в судебном порядке. В первую очередь, такие меры возможно применять к злостным неплательщикам.

Также целесообразным представляется продление действия наложенных мер обеспечения производства в виде изъятия вещей (ст. 27.10 КоАП РФ) и ареста товаров и транспортных средств (ст. 27.14 КоАП РФ) по делу до момента

уплаты административного штрафа, а также возможности реализации предметов и орудия административного правонарушения (в случае, если таковые не ограничены или изъяты из оборота). Такие меры способствовали бы исполнению постановлений, например, по делам о нарушении таможенных правил, а также в области охраны окружающей среды, природопользования и обращения с животными либо по таким составам, санкция которых в качестве дополнительного или альтернативного наказания предусматривает конфискацию орудия совершения или предмета административного правонарушения.

Приведенные меры, на наш взгляд, стимулировали бы правонарушителей исполнить административное наказание добровольно, а также обеспечили бы принудительное его исполнение. Функции по реализации предметов и орудий правонарушений целесообразно передать органам принудительного исполнения с учетом имеющихся аналогичных полномочий по реализации конфискованного имущества. Дополнительно полагаем, что внесенные изменения могут выполнять и превентивную функцию и будут мотивировать лиц не нарушать закон.

Список источников

1. Кисин В. Р. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: юридическая природа и недостатки правового регулирования // Административное право и процесс. 2018. № 1. С. 29–33. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Макарейко Н. В., Мамай Е. А. Меры административно-процессуального обеспечения в системе административного принуждения // Административное право и процесс. 2024. № 5. С. 17–23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Трегубов И. С. О сущности системы мер административно-процессуального принуждения // Современное право. 2024. № 7. С. 33–40. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ

***И. В. Яцуценко**, преподаватель кафедры специальных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена рассмотрению элементов криминалистической характеристики преступлений против жизни и здоровья как основного условия для правильной квалификации произошедшего и в дальнейшем выдвижению версии и определение стратеги расследования уголовного дела.

Ключевые слова: криминалистика, расследование, преступления, насильственные преступления, преступления против жизни.

CRIMINALISTICS OF CRIMES AGAINST LIFE

***I. V. Yatsutsenko**, lecturer at the Department of Special Disciplines of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article is devoted to the consideration of the elements of the forensic characteristics of crimes against life and health, as the main condition for the correct classification of the incident and, subsequently, for the formulation of a theory and the determination of the strategy for investigating a criminal case.

Keywords: forensic science, investigation, crimes, violent crimes, crimes against life.

При обнаружении трупа с признаками криминальной смерти в обязательном порядке на место обнаружения трупа выезжают следователи Следственного комитета. Криминалисты, которые помогают следователю обнаружить, собрать и зафиксировать необходимые доказательства с места происшествия, а также специалист в области судебной медицины, которые помогают следователю описывать повреждения на теле потерпевшего, положение трупа, помимо вышеуказанных специалистов на усмотрение следователя могут выезжать и иные специалисты по необходимости.

Первое, что необходимо сделать на месте, конечно огородить место происшествия, описать положение трупа, затем одежду, необходимо зафиксировать все повреждения на трупе, при этом обязательно снять одежду с трупа. Нередко сразу после внешнего осмотра трупа становится ясно, что и где искать, на что следует обратить внимание при собирании вещественных доказательств.

Если труп находится в состоянии гнилостных изменений, получить отпечатки пальцев в этом случае достаточно проблематично поскольку на поверхности кожи происходят значительные изменения. В этом случае кисти трупа помещаются в специальный раствор, который придает прежний рисунок, и тогда отпечатки получатся. Помимо этого, проводятся смывы с кистей рук и обязательно срезаются ногтевые пластины, под которыми в случае сопротивления жертвы, остаются биологические следы предполагаемого преступника [4].

В связи с развитием криминалистики у криминалистов и следователей Следственного комитета появилось намного больше возможностей для раскрытия преступления чем было 20–30 лет назад.

Однако бывает, что, имея биологический материал преступника, все же не удается установить личность, чтобы избежать данных инцидентов, необходимо мотивировать граждан добровольно проходить дактилоскопию. Законопослушных граждан это может уберечь, например, в случае потери памяти или же для облегчения восстановления потерянных документов. На прохождение добровольной дактилоскопии могут быть также записаны дети с шести лет, с добровольного согласия законного представителя, в случае пропажи или похищения ребенка это значительно облегчит поиски. В дальнейшем прохождение дактилоскопии будет привычным или может стать обязательным, что значительно повысит раскрываемость преступлений [6].

Также развивается и сама преступность, с помощью съемки различного рода телесериалов зачастую раскрываются способы расследования преступлений, что осложняет задачу при расследовании преступлений в реальной жизни. С каждым годом несмотря на то, что криминалистические методики и криминалистическая техника стремительно развиваются, вышеуказанный аспект все больше мешает криминалистам и следователям раскрывать преступления, так как и сами преступники стали более тщательно готовиться к совершению противоправных деяний.

Совершение преступлений против жизни сопровождаются появлением различных следов, выявление, фиксация и изучение которых крайне важны для организации расследования. Расследование убийств, как правило, довольно затруднено, проблематично, так как преступники используют множество способов совершения, сокрытия и маскировки. Однако современные технологии не отстают и позволят восстановить картину преступления максимально подробно.

В криминалистической науке след выражается в следующих формах: материальный или интеллектуальный.

Материальный представляет собой не только материально фиксированное отражение в материальной среде совершения преступления. В подавляющем большинстве случаев доказательственная база состоит именно из таких следов.

Интеллектуальный (идеальный) след в настоящее время мало исследован в отечественной науке. Он представляет собой воссоздание события или его элементов в сознании человека, то есть мысленный образ воспринятого. Характер таких следов и их сохранность в памяти зависит от состояния органов чувств лица, воспринявшего информацию об этих следах, его сознания, уровень интеллекта и так далее.

Изучение следов на месте преступного деяния позволяет разрешить различные вопросы, имеющие значение для расследования преступления. Кроме того, огромную роль при изучении следов играют способы совершения и сокрытия преступных деяний.

Способы совершения преступления получают свое отражение, прежде всего, в обстановке совершения преступления, а также в механизме преступления.

Обстановка места происшествия может указать на материальные элементы, которые могли бы отразиться на орудии убийства как оставленном, так и отсутствующим на месте преступления, а также на виновном лице (например, следы крови на орудии убийства, на одежде виновного и т. д.).

В качестве примера материальных образований (следов) следует отметить следы пальцев рук или ног (обуви), которые не принадлежат ни виновному, ни потерпевшему.

А, значит, могут принадлежать свидетелям, а также иные следы – носители криминально значимой информации (микрообъекты, запах и тому подобное).

Можно выделить несколько типичных способов лишения жизни потерпевшего, с применением орудий и средств совершения преступления, которые оставляют специфические следы.

Воздействие колюще-режущими предметами:

1) с применением типичных орудий: ножа, топора;

2) с применением нетрадиционных орудий: ножницы, шампуры, металлические штыри и т. д.

Причинение смертельных повреждений без применения предметов как орудий, выражается в избиении руками, ногами, сбрасывание с высоты:

– воздействие тупыми твердыми предметами;

– механическое удушение;

– утопление;

– сожжение заживо и т. д.

Наличие у потерпевшего таких последствий, как потеря зрения, речи, слуха, любого органа или утрата органом его функций, прерывание беременности, психическое расстройство, заболевание наркоманией либо токсикоманией, обезображивание лица, значительная утрата общей и полная утрата профессиональной трудоспособности, приводит в дальнейшем при расследовании к проведению судебно-медицинским экспертом исследований повреждений потерпевшего.

Применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, считается еще одним способом совершения преступления против жизни.

Данные преступные деяния характеризуются появлением специфических материальных следов (наличие пуль, гильз, веревок, камней, арматуры), выявление и оценка которых помогает в розыске орудия преступления, установление его типа (холодное, огнестрельное, предметы бытового характера и т. д.), способствует выявлению направления и дальности поражения, а также обстоятельств использования орудия преступления.

Отличительная особенность преступлений с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, выражается в наличии материальных следов, как в окружающей обстановке, так и на потерпевшем. Так, к примеру, при использовании огнестрельного оружия на месте происшествия часто остаются гильзы. При проведении исследования стреляной гильзы эксперт-криминалист может определить наличие баллистической метки (это уникальная для каждой единицы оружия отметина, которая остается на гильзе). Такие отметины вносятся в специальный реестр и по обнаруженной стреляной гильзе можно идентифицировать оружие, из которого стреляли и, как следствие, определить его владельца.

Преступные посягательства, совершенные общеопасным способом (п. «е» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) – это преступления, которые заведомо для виновного представляют опасность не только для потерпевшего, но и для других лиц. Способами совершения такого преступления являются поджог, взрыв, выстрелы в местах скопления людей, отравление пищи или воды, которыми пользуются помимо потерпевшего и другие лица и т. д.

Следовая картина преступлений, совершенных общеопасным способом, включает в себя запаховые следы, несущие значительный объем криминалистической информации, необходимой для установления лиц, причастных к преступлению, способа, механизма, обстановки его совершения. В практике расследования преступлений по запаховым следам часто обнаруживаются и распознаются продукты таких процессов, как горение (на месте пожара, взрыва, стрельбы из огнестрельного оружия), гниения (на месте нахождения трупов), а также присутствующие (или присутствовавшие ранее) самые различные вещества: лекарственные, парфюмерные, лакокрасочные, горюче-смазочные, взрывчатые, ядовитые и многие другие.

Рассмотрение типичных способов совершения преступления, обстановки, следов, установление и учет криминалистических исследований способствуют формированию информационных блоков, составляющих криминалистическую характеристику, – основу методик не только расследования и раскрытия преступлений против жизни, но и их предупреждения.

В соответствии со ст. 179 Уголовно-процессуального кодекса РФ [2] (далее – УПК РФ) проводится освидетельствование с целью осмотра потерпевшего на наличие особых примет, следов преступления, телесных повреждений и так далее или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела. Правовым основанием производства освидетельствования является постановление следователя (ч. 2 ст. 179 УПК РФ).

По итогам проведения данного следственного действия в ходе расследования преступлений, предусмотренных ст. 115–117 УК РФ, может быть выявлено наличие и характер телесных повреждений, а также установлены места их расположения на теле у освидетельствуемого лица, например, раны, ссадины, царапины, кровоподтеки, отсутствие отдельных частей тела и т. д. По результатам освидетельствования лица следователь составляет протокол.

Своевременное проведение указанных следственных действий положительно сказывается на результатах расследования: следы не успевают утратить свою доказательственную силу, и есть большая вероятность изобличения виновного лица, совершившего преступление против здоровья.

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) выражается в психологическом насилии над жертвой.

Угроза по ст. 119 УК РФ [2] может выражаться в нескольких формах, которые могут подорвать психическое состояние человека:

– словесная форма. Чтобы квалифицировать данное преступное посягательство по ст. 119 УК РФ, выраженное в словесной форме, виновное лицо должно четко озвучить свои мотивы. Словесную угрозу можно передать по телефону либо путем демонстрации видеоролика. Также такую угрозу можно передать как лично потерпевшему, так и через третьих лиц;

– форма (или способ), подразумевающая демонстрацию какого-либо орудия. В качестве орудия может быть пистолет, нож, иной предмет, применение которого вызвало у потерпевшего опасение за свою жизнь и здоровье. Видя, как виновное лицо достает нож или пистолет, потерпевший начинает испытывать чувство страха и впоследствии соглашается на любые требования со стороны виновного.

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью должна быть реальной, иными словами, потерпевший должен в действительности опасаться ее осуществления, то есть иметь для этого все основания. Так, например, реализуя свой преступный умысел, гражданин М., осознавая характер и общественную опасность

совершаемых действий, предвидя наступление общественно опасных последствий и желая их наступления, действуя умышленно, с целью угрозы убийством, взял со стола в помещении летней кухни кухонный нож, приблизился к потерпевшей К. и, держа в руке нож, клинок которого был направлен на К., высказал в ее адрес угрозу убийством. Потерпевшая К. реально восприняла высказанную и продемонстрированную М. угрозу убийством. При указанных обстоятельствах у потерпевшей К. имелись все основания опасаться осуществления данной угрозы убийством.

Автор считает, что знание таких элементов криминалистической характеристики, как способы совершения и сокрытия, очень важно для раскрытия и расследования преступлений, поскольку позволяет более эффективно построить алгоритм производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в целях установления виновных лиц и привлечения их к ответственности.

Обобщая сказанное, можно отметить, что криминалистическая характеристика преступных деяний – это совокупность объективных признаков о преступлении, позволяющих следователю наиболее эффективно организовать раскрытие и расследование преступного события. В зависимости от характера преступлений против жизни и здоровья в процессе расследования формируются и проверяются следственные версии, определяется план расследования. При всём многообразии преступных посягательств на первоначальном этапе предварительного следствия основными задачами, нуждающимися в решении в первую очередь, являются понимание характера и сущности расследуемого случая, установление лиц, совершивших противоправное деяние, и принятие мер по изобличению виновных.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: ред. от 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: ред. от 30 апреля 2021 г.) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: ред. от 24 февраля 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О государственной экспертно-судебной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ: ред. от 24 апреля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О федеральной службе безопасности: федер. закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ: ред. от 9 ноября 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Брылев В. И. Мотивы и цели квалифицированных составов убийства / В. И. Брылев. – Тула: Экономические и юридические науки, 2016. – 48 с.
7. Васильева В. В. К вопросу о моменте определения начала жизни человека / В. В. Васильева. – М.: Юрист, 2018. – 32 с.

Материалы Всероссийского круглого стола «Актуальные проблемы психологии и педагогики в деятельности сотрудников органов внутренних дел» (20 ноября 2025 года)

УДК 378

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОДЕЙСТВИЕ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ САМОРАЗВИТИЮ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИСТЕМЫ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***В. М. Берёза**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье анализируются вопросы педагогического содействия преподавателя в процессе профессиональной подготовки курсантов образовательных организаций системы МВД России. Подчеркивается его важность для личностно-профессионального саморазвития обучающихся.

Ключевые слова: педагогическое условие, педагогическое содействие, курсант, личностно-профессиональное саморазвитие, компетенция саморазвития.

PEDAGOGICAL ASSISTANCE IN THE PERSONAL AND PROFESSIONAL SELF-DEVELOPMENT OF CADETS

***V. M. Bereza**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute at the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article analyzes the use of pedagogical support by instructors during the professional training of cadets at educational institutions within the Russian Ministry of Internal Affairs. Its importance for students' personal and professional development is emphasized.

Keywords: pedagogical condition, pedagogical support, cadet, personal and professional self-development, self-development competence.

Формирование у курсантов образовательных организаций системы МВД России универсальной компетенции саморазвития представляет собой важную педагогическую задачу. Данная компетенция выступает не как второстепенный элемент образовательной программы, а как центральная составляющая, обеспечивающая готовность молодого специалиста к непрерывному профессиональному росту, адаптации к меняющимся условиям службы и эффективному выполнению сложных оперативно-служебных задач.

Возникает насущная необходимость в переходе от классической модели образования к новой парадигме, где центральное место занимает развитие личностно-профессионального саморазвития курсанта как его собственной ответственности. Такая парадигма характеризуется несколькими ключевыми чертами.

Во-первых, это отказ от трансляционной модели знаний в пользу личностно ориентированного подхода, который направлен на раскрытие индивидуального потенциала каждого курсанта, а не на унификацию результатов.

Во-вторых, происходит смещение акцента с жестко регламентированной стратегии обучения на гибкую, которая позволяет адаптироваться к меняющимся условиям и потребностям личности.

В-третьих, ядром всей системы становится рефлексивное обучение, которое является системообразующим фактором, направленным на освоение курсантами технологий для самоанализа и самопознания [1].

Рефлексия рассматривается как необходимый личностный механизм для предотвращения профессиональной деформации, эмоционального выгорания и психологических перегрузок у курсантов. Она способствует осознанию общественной значимости и ценности профессии, а также помогает контролировать эмоциональное состояние в стрессовых ситуациях, понимать чувства и эмоции, а также анализировать свое поведение. Преподаватель в рамках этой

новой парадигмы перестает быть носителем знаний и становится наставником, тем, кто оказывает содействие в освоении курсантами компетенции саморазвития. В таком случае мы говорим не про «формирование» курсантов, а про «содействие освоению» курсантами необходимых знаний, навыков и умений.

Роль преподавателя заключается в создании условий, в которых курсант может самостоятельно осмысливать свой опыт, формулировать проблемы, находить решения и корректировать свою деятельность. Это требует от педагога не только глубоких предметных знаний, но и развитых педагогических способностей, таких как эмпатия, коммуникативные навыки, организаторские способности и, что наиболее важно, способность к собственной рефлексии. Преподаватель становится рефлексирующим педагогом, анализирующим свои достижения и «точки роста» для более эффективной организации учебного процесса [2].

Педагогическое содействие можно рассматривать как участие педагогов в организации учебной деятельности курсантов, стремление прийти на помощь при решении сложных задач, быть рядом, ненавязчиво помогая в достижении целей [3]. Такая форма оказания помощи представляет собой специально организованную деятельность педагога, направленную на создание условий для успешного развития и саморазвития личности обучающегося, которая обеспечивается за счет создания благоприятной образовательной среды; оказания помощи и поддержки по запросу курсанта; стимулирования самостоятельности и активности; организации взаимодействия с разными субъектами образовательного процесса [4].

Педагогическое содействие в образовательных организациях системы МВД России представляет собой комплексный процесс, направленный на создание условий для освоения курсантами компетенции саморазвития. Активное вовлечение экспертного сообщества и использование практико-ориентированных методов обучения способствует приобретению курсантами не только профессиональных, но и личностных качеств, необходимых для успешной служебной деятельности.

Педагогическое содействие может реализовываться за счет использования интерактивных и практико-ориентированных методов, одним из которых является привлечение к учебному процессу специалистов из разных областей (следователи, оперуполномоченные, эксперты, сотрудники прокуратуры и т. д.), чья деятельность непосредственно связана с применением изучаемых курсантами норм.

Интеграция в учебный процесс третьих лиц, обладающих практическим опытом, позволяет осуществить актуализацию знаний курсантов. Также сотрудники демонстрируют не только алгоритмы применения правовых норм, но и стратегии принятия решений в разных условиях, что способствует развитию критического и ситуативного мышления.

Данное педагогическое условие реализуется через такие формы, как лекции с практиками-сотрудниками; совместное проведение деловых и ролевых игр; экспертное сопровождение курсовых и дипломных работ; организация практических занятий и семинаров с разбором норм, применяемых в деятельности сотрудника.

Педагогическое содействие освоению личностно-профессионального саморазвития курсантов образовательных организаций системы МВД России требует реализации субъект-ориентированных, интерактивных подходов и может быть реализовано за счет привлечения специалистов территориальных подразделений. Такой подход может способствовать освоению курсантами компетенции саморазвития.

Список источников

1. Денисова А. Ю. Феномен рефлексии профессионального опыта курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации на этапах практик // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2024. № 3 (103). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-refleksii-professionalnogo-opyta-kursantov-obrazovatelnyh-organizatsiy-ministerstva-vnutrennih-del-rossiyskoy-federatsii-na (дата обращения: 11.11.2025).
2. Зуйкова А.А/, Осипова А. Н., Пухов А. С. Роль педагогических способностей в процессе обучения и воспитания курсантов образовательных организаций МВД России // Вестн. экономич. безопасности. 2023. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-pedagogicheskih-sposobnostey-v-protsesse-obucheniya-i-vospitaniya-kursantov-obrazovatelnyh-organizatsiy-mvd-rossii (дата обращения: 11.11.2025).
3. Шишкина В. Педагогическое содействие // Высшее образование в России. 2005. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskoe-sodeystvie (дата обращения: 10.11.2025).
4. Засмолина Н. П. Педагогическое содействие как вид социально-педагогической деятельности // КПЖ. 2022. № 4 (153). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskoe-sodeystvie-kak-vid-sotsialno-pedagogicheskoy-deyatelnosti (дата обращения: 10.11.2025).

УДК 15.09.01

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНЕННЫХ ПРИОРИТЕТОВ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

***Н. Ю. Галкина**, доцент кафедры общей, юридической и инженерной психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения, кандидат психологических наук, доцент*

В статье проанализированы психологические представления понятия «счастье». Представлены результаты исследования жизненных приоритетов студентов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности», позволившие составить картину значимых ценностей современной молодежи, а также определить пути достижения счастья и гармонии.

Ключевые слова: понятие «счастье», ключевой параметр счастья, основные характеристики счастливого человека, фактор счастья, направление самореализации.

RESEARCH ON THE LIFE PRIORITIES OF MODERN YOUTH

***N. Yu. Galkina**, associate professor of the Department of Psychology and Pedagogy at the Far Eastern State Transport University, kandidat nauk, degree in Psychology, Associate Professor*

The article analyzes the psychological concept of "happiness." The results of a study of the life priorities of students studying psychology of official activity are presented. The analysis of the results of the study allowed us to create a picture of the significant values of modern youth, as well as to determine the ways to achieve happiness and harmony.

Keywords: the concept of «happiness», key parameter of happiness, main characteristics of a happy person, factor of happiness, area of self-realization.

Одним из актуальных вопросов для современных молодых людей, в том числе студентов вузов, курсантов образовательных организаций системы МВД России, является финансовая независимость, так как именно она дает большие возможности для личностного саморазвития и самореализации, а также позволяет им быть счастливыми.

Понятие «счастье» в психологическом аспекте выступает одним из многогранных и сложных, включающих в себя ряд противоречий. Одним из противоречий является то, что человеческое счастье одновременно включает в себя и эмоциональные, и когнитивные компоненты. Так, переживание положительных эмоций дает человеку ощущение счастья в настоящем, а планирование достижения целей и/или удовлетворение актуальных потребностей связано с его будущим.

Противоречие содержится и в ключевых параметрах счастья, которыми являются:

1) баланс эмоций. Ежедневно человек может переживать целый спектр эмоций – положительных (радость), отрицательных (обида) или нейтральных (безразличие). Однако человек определяет, что он счастлив только по положительным эмоциям;

2) удовлетворенность собственной жизнью. Уровень удовлетворенности разными сферами жизни: например, профессиональной деятельностью, семейной жизнью, личными достижениями, наличием верных друзей и т. д. – может сделать человека по-настоящему счастливым [8].

Еще одним противоречием является то, что счастье – это субъективно-объективное понятие, так как оно во многом зависит от того, что конкретный человек в него включает.

Основными характеристиками счастливого человека можно считать следующие:

1) это гармоничная и целостная личность, которая испытывает состояние счастья, успеха, изобилия и внутренней полноты;

2) живет в гармонии с собой и внешним миром, ценит то, что имеет;

3) живет настоящим моментом, отпуская прошлое, радуется чужим успехам и не боится просить помощи;

4) сформированы положительные копинг-стратегии, позволяющие эффективно справляться с возникающими трудностями и проблемами;

5) человек способен сосредоточиваться на положительных аспектах в поисках конструктивных решений [4].

Можно выделить следующие основные факторы, которые могут сделать человека счастливым:

1) достижение целей – чем важнее и значимее цели, которые ставит человек, тем больше радости он испытывает, когда их достигает;

2) забота о себе – внутренняя гармония во многом связана с самоуважением и заботой о своем теле и здоровье;

3) эмпатия и альтруизм: человек часто испытывает чувство удовлетворения, когда помогает другим. Именно поэтому человеку нравится совершать хорошие, добрые поступки;

4) позитивное окружение: легче чувствовать себя счастливым, когда человек окружен жизнерадостными людьми и приятными событиями;

5) гибкий взгляд на вещи и события – позволяет ощутить полноту жизни и радоваться мелочам, даже когда обстоятельства далеки от идеальных [9].

Следовательно, рассматривая счастье как психологический феномен, можно утверждать, что его основными характеристиками выступают: удовлетворенность и осознанность человеком своей жизнедеятельности преобладание позитивного эмоционального состояния и положительного отношения к самому себе, окружающему миру и его целостное восприятие.

С целью исследования приоритетов современной молодежи было проведено анкетирование, предполагающее ответ на вопрос «Чем бы вы занимались в жизни, если бы обладали достаточным количеством денег и вам можно было бы никогда не работать?».

В исследовании приняли участие студенты 4 курса железнодорожного вуза, обучающиеся по специальности «Психология служебной деятельности». Общее количество респондентов – 10 человек (8 девушек и 2 юноши).

Анализ результатов позволил определить следующие направления самореализации студентов-психологов:

1) личностное развитие:
– хобби (50 % респондентов);
– развитие творческих способностей (30 %);
– изучение иностранных языков (20 %);
2) забота о себе и родных:
– забота о родителях (60 %);
– поддержка соответствующего возрасту уровня здоровья (40 %);
– занятия разными видами спорта (20 %);
3) социальная активность:
– благотворительность (70 %);
– участие в общественных проектах (40 %);
– волонтерство (30 %);
4) путешествия:
– изучение культур разных стран (80 %);
– желание пожить некоторое время в другой стране (30 %);
– путешествия по городам России и за рубежом (10 %);
5) творческая самореализация:
– создание собственного бизнеса (30 %);
– желание заниматься тем, что нравится (20 %);
– желание работать «для души» (10 %).

Следовательно, основными факторами, которые смогли бы сделать студентов счастливыми, являются забота о себе и близких людях, благотворительность и волонтерство, путешествия и самореализация.

С целью уточнения полученных данных была проведена индивидуальная беседа. Респондентам был задан вопрос о том, чем сейчас из перечисленного они занимаются и какую роль в их самореализации играет финансовая составляющая.

Большинство студентов (50 %) ответили, что занимаются хобби, но из-за недостаточного количества свободного времени по причине учебы и работы они могут позволить себе хобби лишь время от времени на каникулах или в выходные дни и то только после того, как выполнят все домашние и другие дела. А вот если бы они работали на себя или у них было бы большое количество денег, они могли бы заниматься не только тем, что нравится, но и постоянным саморазвитием, посещая курсы и мастер-классы по своему направлению.

Будущие психологи также отметили, что, не имея много денег, они тем не менее заботятся о родных и близких, но определенная сумма позволила бы помочь родителям «закрыть» кредитные обязательства, купить им квартиры или дома у моря, помочь открыть им собственный бизнес, путешествовать вместе.

Что касается собственного здоровья, то пока оно студентов устраивает, но придет время и нужны будут деньги для поддержания соответствующего возрасту уровня. Многие респонденты (40 %) занимаются спортом, полагая, что в будущем это поможет реже обращаться за квалифицированной медицинской помощью. Но из-за финансовой ограниченности эти студенты вынуждены ограничиться одним видом спорта минимум 2 раза в неделю, а хотели бы заниматься чаще.

30 % опрошенных отметили, что, не имея большого количества денег, они занимаются волонтерской деятельностью, помогая животным и в детских домах, и это приносит им удовольствие, но, если бы у них было больше денег, они бы помогали не только физически, но и финансово: строили бы приюты и детские дома, поддерживали бы научные открытия молодых ученых в области медицины.

Что касается путешествий, то 80 % студентов отметили, что путешествовали с родителями в детстве и сейчас путешествуют и самостоятельно, и с родными по России, но хотели бы путешествовать по странам Азии и Европы, и не просто путешествовать, а останавливаться в стране пожить, чтобы изучить культуру и традиции. При этом они могли бы работать дистанционно в любой стране и городе.

Что касается творческой самореализации, то все студенты отметили, что из-за отсутствия финансовой свободы они не могут сейчас позволить себе творческое развитие в виде открытия собственного бизнеса и тем более «работу ради удовольствия и для души» – это пока только мечты.

На вопрос, что студенты могут сделать уже сейчас, чтобы в будущем их мечты были реализованы, большинство (60 %) ответили, что планируют

не только получить высшее психологическое образование, но и пройти обучение на дополнительных курсах, что позволит в будущем быть конкурентоспособными и найти себе работу, которая будет приносить моральное и материальное удовлетворение. Некоторые (30 %) затруднились ответить на вопрос; 10 % респондентов (девушки) мечтают, что смогут «удачно выйти замуж. Муж будет работать и обеспечивать семью, а супруга будет заниматься тем, что ей нравится».

На вопрос, счастливы ли они сейчас, не имея большого количества денег, большинство (50 %) студентов ответили положительно; некоторые (30 %) ответили тоже положительно, но уверены, что финансовая свобода сделала бы их еще счастливее; 20 % респондентов затруднились ответить на этот вопрос, так как не уверены, что правильно осознают, что именно делает их счастливыми.

Исследование жизненных приоритетов современной молодежи на примере студентов-психологов показало, что многие из них думают и стремятся заботиться не только о себе, но и о родных, а также малознакомых людях, детях и животных, мечтают о путешествиях и саморазвитии.

Список источников

1. Галкина Н. Ю. Представление о собственном счастье студентов железнодорожного высшего учебного заведения // Живая психология. Ростов н/Д. 2025. Т. 12, № 4. С. 20–28.
2. Галкина Н. Ю. Психологические аспекты понятия «счастье» // Педагогика и психология в контексте социальных изменений: сб. ст. по итогам междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 30 мая 2025 г.). Стерлитамак: АМИ, 2025. С. 58–62.
3. Караванова О. В. Про теорию счастья // B17.ru: [сайт]. URL: https://www.b17.ru/article/499102/ (дата обращения: 15.05.2025).
4. Ляшенко С. Ю. Кто такой счастливый человек // B17.ru: [сайт]. URL: https://www.b17.ru/article/468297/ (дата обращения: 27.10.2025).
5. Никифорова А. Ю. Представления о счастье в психологической литературе // Молодой ученый. 2023. № 28 (475). С. 119–122. URL: https://moluch.ru/archive/475/104829/ (дата обращения: 15.05.2025).
6. Психология счастья: что делает нас счастливыми? // 4brain: онлайн-платформа по развитию soft skills № 1 в России: [сайт]. URL: https://4brain.ru/blog/psihologiya-schastya-chto-delaet-nas-schastlivymi/ (дата обращения: 15.05.2025).
7. Связь счастья с нравственными нормами-запретами и добродетелями // Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина: [сайт]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/100845/1/m_th_o.n.romanova-pogrebnyak_2021.pdf (дата обращения: 21.05.2025).
8. Сочивко Д. В., Чубич В. Э. Психодинамика удовлетворенности жизнью и переживания счастья // Приклад. юрид. психология. 2013. № 3. С. 59–68.
9. Счастье: психологический взгляд // Talentsy: онлайн-университет помогающих профессий: [сайт]. URL: https://talentsy.ru/blog/chto-takoe-schaste/ (дата обращения: 27.10.2025).

УДК 378.14

СУЩНОСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МАСТЕРСТВА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ. СЛАГАЕМЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МАСТЕРСТВА: ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ, ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА

***Д. Г. Дробязко**, преподаватель кафедры психологии и педагогики Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена педагогическому мастерству, которое формируется благодаря трем ключевым компонентам: профессионально-педагогическим знаниям, педагогическому опыту и личностным качествам. Особое внимание уделяется не изолированному описанию каждого элемента, а анализу их взаимосвязи и синергии в реальных условиях образовательного пространства.

Ключевые слова: педагогическое мастерство, профессионально-педагогические знания, педагогический опыт.

THE ESSENCE OF TEACHING EXCELLENCE. COMPONENTS OF TEACHING EXCELLENCE: PROFESSIONAL AND PEDAGOGICAL KNOWLEDGE, PEDAGOGICAL EXPERIENCE, PERSONAL QUALITIES

***D. G. Drobiazko**, lecturer of the Department of Psychology and Pedagogy of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article examines teaching excellence, which is formed by three key components: professional and pedagogical knowledge, teaching experience, and personal qualities. Particular attention is paid not to an isolated description of each element, but to an analysis of their interrelationships and synergies in the real-life context of the educational environment.

Keywords: teaching excellence, professional and pedagogical knowledge, teaching experience.

Педагогическое мастерство – это не просто набор техник или удачное применение методических приемов, а целостный динамичный профессиональный феномен, отражающий высшую ступень развития педагога как субъекта образовательной деятельности. Его сущность заключается в способности гармонично соединять глубинные профессионально-педагогические знания, богатый и осмысленный опыт, а также развитые личностные качества для достижения подлинных образовательных результатов. В отличие от узкопрактического понимания мастерства как «педагогической техники», современные ученые рассматривает его как интегративное качество, в котором когнитивное, деятельностное и личностное измерения неразрывно связаны и обогащают друг друга.

Исторически взгляды на педагогическое мастерство прошли путь от ремесленного подхода – когда акцент делался на соблюдении дидактических правил и норм – к пониманию педагога как творческой, нравственно-ответственной личности. Еще К. Д. Ушинский утверждал, что «педагогика – это искусство, а не ремесло», подчеркивая необходимость «душевной тонкости» наряду с профессиональной подготовкой [4, с. 416]. В советский период усилился акцент на системности, научной обоснованности и методической выверенности педагогического процесса, однако и тогда признавалась ключевая роль личности педагога. В современной науке педагогическое мастерство трактуется как многокомпонентная структура, включающая педагогическую технику, тактику, стратегию и стиль, но главное – как проявление целостного профессионального «Я» [2, с. 376].

Однако в педагогической практике до сих пор сохраняется тенденция к фрагментации мастерства: акцент делается либо на знаниях («отлично знает учебную дисциплину»), либо на стаже («много лет работает»), либо на харизме («обучающиеся его слушаются»). Между тем ни один из этих компонентов самостоятельно не создает подлинного мастерства. Как утверждал Леонардо да Винчи, «знания, не рожденные опытом, матерью всякой достоверности, бесплодны и полны ошибок». При этом личностные качества, лишенные методической и предметной опоры, теряют педагогическую направленность. Истинное мастерство возникает в синтезе – когда педагог гибко адаптирует свои знания к уникальной ситуации, опираясь на прошлый опыт и руководствуясь нравственными установками своей личности.

Важнейшим свойством целостного педагогического мастерства является его рефлексивная природа. Хороший педагог не просто действует – он осмысливает свои действия, анализирует последствия, корректирует подходы и учится на собственной практике. Как верно отмечает И. А. Зимняя, «рефлексия – это механизм, благодаря которому опыт превращается в профессиональное достояние». Именно она позволяет выйти за рамки шаблонов и проявить педагогическую креативность [2, с. 376].

Высокий уровень педагогического мастерства связан с профессионально-педагогическими знаниями, под которыми понимается совокупность представлений и понятий о предметах, явлениях и законах действительности, формируемых в результате целенаправленного педагогического процесса и самообразования.

Современная педагогическая наука выделяет три ключевых блока профессионально-педагогических знаний: предметные (глубинное владение содержанием дисциплины), психолого-педагогические (понимание закономерностей развития, обучения и воспитания личности) и методические (умение проектировать и реализовывать образовательный процесс). Как подчеркивал В. А. Сластёнин, именно их интеграция позволяет перейти от «знания о» к «знанию как» – от теории к осмысленному действию [3, с. 448]. На практике, однако, часто наблюдается дисбаланс между этими компонентами. Начинающие педагоги нередко отлично владеют знаниями по учебным предметам, но испытывают трудности в организации образовательного процесса. В то же время опытные педагоги, опираясь на многолетнюю практику, могут утратить связь с современными научными представлениями, что ведет к неспособности адаптироваться к новым реалиям социума. В обоих случаях страдает осознанность: способность понимать, *почему* выбран тот или иной педагогический прием, какие последствия он повлечет и как он соотносится с целями образования.

Ученые подчеркивают, что профессионально-педагогические знания должны быть не статичными, а динамичными и рефлексивными. Это означает, что педагог постоянно пересматривает, дополняет и адаптирует свои знания под меняющиеся условия. Особенно это важно сегодня, когда некоторые традиционные методы требуют переосмысления, а новые технологии ставят задачи, выходящие за рамки классической дидактики.

Решение этих проблем возможно через формирование профессионального мышления в процессе подготовки педагогов – через проектирование; развитие непрерывного образования, ориентированного на реальные запросы и научные новации; поддержку культуры самообразования и педагогической рефлексии.

Таким образом, профессионально-педагогические знания – это не «багаж», а живой, развивающийся ресурс, без которого невозможно построить эффективный образовательный процесс.

Для реализации данного ресурса в конкретной предметной области необходимо обладать педагогическим опытом, который в рамках образовательного процесса является действенным инструментом в аспекте формирования необходимых компетенций обучающихся.

Педагогический опыт – это средство фиксации, хранения и передачи информации о результатах педагогической деятельности. В современном понимании педагогический опыт перестает быть пассивным накоплением практики и становится активным процессом, в ходе которого преподаватель не только

действует, но и постоянно анализирует, корректирует и обогащает свою деятельность. Исторически педагогический опыт часто отождествлялся с «мастерством по наитию», однако истинная ценность опыта заключается не в его объеме, а в его осмысленности. Опыт становится профессиональным ресурсом только тогда, когда он проходит через призму критического самоанализа.

Одной из ключевых проблем в практике многих педагогов является фиксация на прошлом опыте как на единственно верном. В таких случаях опыт превращается в барьер, а не в ресурс. Напротив, рефлексивный подход позволяет видеть в каждой нестандартной ситуации возможность для профессионального и личностного роста.

Для разрешения этой проблемы существует рефлексивная практика, которая предполагает использование разных инструментов: ведение педагогического дневника, участие в профессиональных сообществах, обратная связь от обучающихся. Все эти методы способствуют переходу от «я так всегда делал» к «почему я это делаю, и как можно сделать лучше?». Как отмечает Дж. Дьюи, один из основоположников концепции рефлексивного мышления, именно осмысление опыта, а не сам опыт, является источником обучения [1, с. 168].

Таким образом, педагогический опыт в его современном понимании – это не статичная категория, а динамический процесс постоянного пересмотра и обогащения практики. Его высшая форма – рефлексивная практика, в которой каждый день преподавания становится этапом осознанного профессионального пути. Развитие именно такой модели опыта – важнейшее условие повышения качества образования и устойчивого роста педагога как субъекта творческой деятельности.

Как известно, педагогическая профессия основана на взаимоотношении с людьми и направленна на удовлетворение запроса другого человека, относится к типу «человек-человек». Для эффективной реализации данных запросов необходимо обладать профессионально значимыми качествами личности, без которых результаты педагогической деятельности не будут успешными.

Личностные качества преподавателя – это индивидуальные качества субъекта деятельности, влияющие на эффективность деятельности и успешность ее освоения.

Педагогическое воздействие в первую очередь происходит не через слово или задание, а через личность самого преподавателя. Обучающиеся интуитивно чувствуют, насколько педагог искренне заинтересован в их росте, уважает их как личность и верит в их потенциал. Именно это формирует мотивацию, доверие и готовность к сотрудничеству.

Особую роль в современной образовательной среде играют эмпатия и эмоциональный интеллект. Способность понимать эмоциональное состояние обучающегося, адекватно реагировать на его переживания и создавать

благоприятную атмосферу напрямую влияет на когнитивные и личностные результаты. Как показывают исследования, даже при высоком уровне предметной подготовки педагог, отличающийся раздражительностью, авторитарностью или безразличием, вызывает у обучающихся тревогу, снижает учебную активность и подрывает самооценку.

Таким образом, структурные компоненты педагогического мастерства образуют целостную систему, где профессиональные знания составляют теоретическую основу, педагогический опыт – практическое воплощение, а личностные качества – духовно-нравственный стержень профессиональной деятельности. Их органичное единство и взаимопроникновение создают тот синтез, который и позволяет говорить о преподавателе как о мастере своего дела. Преподаватель – это активный субъект педагогического взаимодействия, важность которого невозможно переоценить: именно через личность педагога передаются не только знания, но и ценности, установки, отношение к миру и к самому себе. Любой преподаватель должен не просто учить, а вдохновлять, не просто управлять, а сопровождать, не просто оценивать, а видеть в каждом обучающемся личность.

Список источников

1. Дьюи Дж. Школа и общество. М.: Госиздат, 1924. 168 с.
2. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учеб. для вузов. 2-е изд., доп. М.: Логос, 2021. 376 с.
3. Сластёнин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. Педагогика: учеб. для вузов. М.: Академия, 2022. 448 с.
4. Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. М.: Педагогика, 2019. Т. 1. 416 с.

УДК 373. 62

ПРОФИЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ОБУЧАЮЩИХСЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО СУВОРОВСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК БУДУЩИХ СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩИХСЯ НА ПРЕДОТВРАЩЕНИИ, ВЫЯВЛЕНИИ, РАССЛЕДОВАНИИ И РАСКРЫТИИ IT-ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

***О. П. Козловская**, заместитель начальника учебного отдела Санкт-Петербургского суворовского военного училища МВД России*

В статье рассматривается актуальность профильной подготовки обучающихся суворовских военных училищ МВД России в области информационных технологий и кибербезопасности, ориентированной на службу в подразделениях органов внутренних дел, специализирующихся на борьбе с IT-преступностью. Анализируется опыт, выявляются проблемы и определяются перспективы совершенствования образовательного процесса в данном направлении.

Ключевые слова: IT-преступление, кибербезопасность, профильная подготовка, информационные технологии, образовательный процесс.

SPECIALIZED TRAINING OF STUDENTS AT THE ST. PETERSBURG SUVOROV MILITARY SCHOOL OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA AS FUTURE EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS UNITS SPECIALIZING IN THE PREVENTION, DETECTION, INVESTIGATION, AND DISCLOSURE OF IT CRIMES: EXPERIENCE, PROBLEMS, AND PROSPECTS

***O. P. Kozlovskaya**, deputy head of the Academic Department of the St. Petersburg Suvorov Military School of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article examines the relevance of specialized training for students of Suvorov Military Schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia (SVMU MIA of Russia) in the fields of information technology and cybersecurity, with a focus on service in internal affairs units specializing in combating IT crimes. The existing experience is analyzed, problems are identified, and prospects for improving the educational process in this area are determined.

Keywords: IT crime, cybersecurity, specialized training, information technology, educational process.

В современном мире наблюдается стремительный рост количества IT-преступлений, представляющих серьезную угрозу для национальной безопасности, экономики и общественного порядка государства. По данным статистики Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), по-прежнему более трети преступлений совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [1]. Высокая латентность, трансграничный характер и постоянное совершенствование методов совершения этих преступлений требуют от сотрудников органов внутренних дел, специализирующихся на борьбе с IT-преступностью, высокого уровня профессионализма, глубоких знаний в области информационных технологий и кибербезопасности.

В связи с этим возрастает роль образовательных организаций МВД России, в том числе и суворовских училищ, которые готовят будущих сотрудников органов внутренних дел, способных эффективно противодействовать современным вызовам. Профильная подготовка в области IT- и кибербезопасности становится ключевым элементом образовательного процесса, обеспечивающим формирование необходимых компетенций у обучающихся.

Санкт-Петербургское суворовское военное училище МВД России осуществляет образовательную деятельность по основным образовательным программам – образовательным программам основного общего и среднего общего образования, интегрированным с дополнительными общеразвивающими программами, имеющими целью подготовку несовершеннолетних обучающихся к службе в органах внутренних дел Российской Федерации [2].

Урочная деятельность в училище организуется в соответствии с учебными планами, календарным учебным графиком, расписанием занятий, санитарными правилами и гигиеническими нормативами. На уровне среднего общего образования в училище реализуются 2 профиля: гуманитарный и информационно-технологический (с углубленным изучением математики и информатики).

Внеурочная деятельность организуется на добровольной основе с учетом интересов обучающихся и возможностей училища. В рамках общеинтеллектуального направления внеурочной деятельности для обучающихся IT-профиля реализуются программы «Избранные вопросы математики», «Математика после уроков».

С целью реализации дополнительных общеразвивающих программ разной направленности организована работа по привлечению педагогов дополнительного образования в рамках сетевого взаимодействия с ГБНОУ «Дворец учащейся молодежи Санкт-Петербурга» и ГБУ ДО «Дворец детского (юношеского) творчества Кировского района Санкт-Петербурга. В училище реализуются следующие дополнительные общеразвивающие программы технической направленности: «Юный оператор БАС», «IT – миры», «Безопасность в информационном пространстве», «CTF: поиск флага».

В 2022 г. сотрудниками училища был разработан проект «IT-класс». Данный проект реализуется совместно с организациями высшего профессионального образования МВД России, а также IT-подразделениями, специализирующимися на предотвращении, выявлении, раскрытии и расследовании IT-преступлений.

В настоящее время в училище обучение в IT-классах осуществляется по направлениям: программирование, информационная безопасность, моделирование, робототехника (БАС). В таких классах осуществляется углубленная подготовка по профильным предметам (математика, информатика), для изучения которых выделены дополнительные академические часы. Обучающиеся получают представление, что такое IT-технологии, принципы их освоения и оценивают свои силы и способности для дальнейшего их изучения в вузах МВД России.

В рамках олимпиадного и конкурсного движения обучающиеся и педагогический состав училища активно участвуют в различных мероприятиях:

– всероссийская олимпиада школьников по информатике и технологии (информационная безопасность);

– всероссийский образовательный проект в сфере цифровой экономики «Урок цифры»;

– всероссийские соревнования по информационной безопасности MIA CTF, которые организовываются кафедрой информационной безопасности СПбУ МВД России, совместно с НКО «Ассоциация Руководителей Служб Информационной Безопасности (АРСИБ)»;

– онлайн викторина «Азбука кибербезопасности» организованная ФГКОУ ВО ВСИ МВД России;

– конкурс мультимедиапроектов «Цифровые технологии в правоохранительной деятельности», организованном ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России»;

– всероссийская акция «Цифровой диктант»;

– училищные мероприятия, проводимые в рамках метапредметной недели информационной и кибербезопасности;

– кибертурнир «Живая сталь» по трем направлениям: мини-футбол на PlayStation, Counter-Strike, «Мир танков»;

– квиз-турнир «Мир Крипто»;

– олимпиада школьников «Университет цифровой полиции» по информационной безопасности, организованной Московским университетом МВД России имени В. Я. Кикотя.

В 2024 г. 12 обучающихся прошли учебный курс в рамках проекта «Кибердром» и получили сертификаты о прохождении теоретической части учебного курса «Оператор беспилотных авиационных систем (с максимальной взлетной массой 30 кг и менее)» длительность курса составила 102 академических часа.

В 2024 г. 4 обучающихся, а в 2025 – 2 обучающихся получили свидетельства о профессии рабочего, должности служащего с присвоением квалификации «Оператор беспилотных авиационных систем (с максимальной взлетной массой 30 кг и менее)».

Училище активно взаимодействует с образовательными и иными организациями в части реализации профильного обучения по IT-направлению и развития цифровых навыков у обучающихся.

С целью развития предпрофессиональных навыков, совершенствования практических умений в области программирования, веб-разработки, анализа данных, кибербезопасности, а также повышения интереса к сфере информационных технологий в училище разработано положение о конкурсе предпрофессиональных умений «Кодекс цифровых знаний». Данный конкурс был проведен ноябре 2024 г. Информационное сопровождение реализации мероприятий проекта обеспечиваться специалистами и педагогами училища.

Руководством училища уделяется большое внимание обеспечению профессионального роста педагогов в условиях цифровой образовательной среды.

Ежегодно училищем организуются мероприятия по повышению квалификации и профессиональной переподготовке учителей (преподавателей), а также сотрудников и работников учебного отдела и библиотеки по общепедагогическим вопросам и преподаваемым учебным предметам.

Ежегодно выпускники училища поступают для дальнейшего обучения в высшие образовательные организации МВД России. Анализ выбора выпускниками училища направлений подготовки за последние 3 года показывает увеличение числа поступивших на направления, связанные с информационной безопасностью: «безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере», «информационная безопасность автоматизированных систем», «информационная безопасность телекоммуникационных систем». Так, в 2023 и 2024 гг. показатель поступления на данные направления выпускников училища варьировался от 9,8 % до 10,6 %, а в 2025 г. этот показатель составляет 22,3 %. Результаты поступления выпускников училища в высшие образовательные организации МВД России по IT-направлениям свидетельствуют о высокой эффективности развития IT-профиля в нашей образовательной организации.

Несмотря на результаты училища по итогам реализации IT-профиля, наша организация сталкивается с рядом проблем, которые можно условно разделить на следующие категории.

Учебно-методическое обеспечение: устаревание учебных программ, недостаточное количество специализированной литературы.

Кадровый состав: дефицит преподавателей с практическим опытом борьбы с IT-преступностью, недостаточная мотивация преподавателей к повышению квалификации в области IT.

Материально-техническая база: недостаточное оснащение современным оборудованием и программным обеспечением, нехватка компьютеров для работы в системах автоматизированного проектирования (САПР), для комфортного обучения необходимы компьютеры с мощными графическими ускорителями (видеокартами), отсутствие 3D-сканера, нехватка fpv беспилотников и пультов для обучения управлению БПЛА, нехватка оборудования для реализации проектов обучающихся (измерительное оборудование, инструменты для постобработки моделей, вспомогательное оборудование).

Одним из факторов, негативно сказывающихся на реализации IT-профиля в училище, является дефицит времени у обучающихся, обуславливающий снижение мотивации к участию в дополнительных занятиях и мероприятиях IT-направленности.

Обучающиеся 9-х и 11-х классов, являющиеся целевой аудиторией реализации IT-профиля, в значительной степени загружены подготовкой к государственной итоговой аттестации. Это обусловлено высокой конкурсностью при поступлении в образовательные организации системы МВД России,

а также стремлением к достижению высоких результатов на экзаменах. Подготовка к государственной итоговой аттестации требует значительных временных ресурсов, что существенно ограничивает возможности обучающихся для посещения факультативов, кружков, мастер-классов и других мероприятий IT-направленности.

Для повышения эффективности подготовки обучающихся училищу необходимо следующее.

Модернизировать учебно-методическое обеспечение: регулярно обновлять учебные программы и учебные материалы, привлекать к разработке практикующих сотрудников подразделений по борьбе с IT-преступлениями. Внедрять интерактивные методы обучения, такие как кейс-стади, моделирование ситуаций, симуляции расследования IT-преступлений.

Улучшить кадровый состав: привлекать к преподавательской деятельности практических сотрудников подразделений по борьбе с IT-преступлениями, создавать условия для повышения квалификации преподавателей в области IT, мотивировать их на участие в научных исследованиях и разработке новых методик обучения.

Укрепить материально-техническую базу: обеспечить училища современным оборудованием и программным обеспечением, необходимым для проведения практических занятий и моделирования реальных ситуаций.

Повысить мотивацию обучающихся: разрабатывать эффективные стратегии, направленные на повышение мотивации к изучению IT-дисциплин, оптимизацию учебного плана и интеграцию IT-навыков в подготовку к государственной итоговой аттестации.

Профильная подготовка обучающихся Санкт-Петербургского суворовского военного училища МВД России в области IT и кибербезопасности является важным фактором обеспечения национальной безопасности и эффективности деятельности органов внутренних дел в борьбе с современными вызовами. Решение существующих проблем и реализация перспективных направлений развития позволят сформировать у будущих сотрудников органов внутренних дел необходимые компетенции и навыки, обеспечивающие их успешную работу в условиях динамично развивающейся IT-сферы. Дальнейшие исследования и разработки в данной области будут способствовать совершенствованию образовательного процесса и повышению качества подготовки специалистов для подразделений органов внутренних дел, специализирующихся на предотвращении, выявлении, расследовании и раскрытии IT-преступлений.

Результаты поступления выпускников Санкт-Петербургского суворовского военного училища МВД России подтверждают, что усилия училища в направлении развития IT-профиля приносят значимые результаты. Училище не только

успешно формирует IT-компетенции у обучающихся, но и способствует их мотивации к поступлению в высшие образовательные организации МВД России по IT-направлениям, тем самым внося значительный вклад в кадровое обеспечение системы правоохранительных органов.

Список источников

1. Статистика и аналитика. Состояние преступности // Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: // https://мвд.рф/folder/101762 (дата обращения: 30.09.2025).
2. Об утверждении Устава федерального государственного казенного общеобразовательного учреждения «Санкт-Петербургское суворовское военное училище Министерства внутренних дел Российской Федерации»: приказ МВД России от 31.03.2015 г. № 387.

УДК 159.9

САЙТЫ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГАРМОНИЧНОЙ ЛИЧНОСТИ И ПРИЕМОВ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

***З. Р. Мансурова**, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат медицинских наук, доцент;*

***В. В. Михайлова**, слушатель факультета подготовки следователей Уфимского юридического института МВД России*

В статье рассмотрены сайты и цифровые платформы, предназначенные для формирования личности человека и гражданина, а также аспекты, при которых формируется антикоррупционное поведение. Влияние описанных методов позволит эффективно формировать понимние борьбы коррупцией.

Ключевые слова: личность, психологический метод, влияние на психологию, антикоррупционное поведение, социальная сеть.

PERSONAL DEVELOPMENT WEBSITES USED TO DEVELOP A HARMONIOUS PERSONALITY AND ANTI–CORRUPTION BEHAVIOR TECHNIQUES

***Z. R. Mansurova**, associate professor of the Department of Humanities and Socioeconomic Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Medicine, Associate Professor;*

***V. V. Mikhailova**, student Faculty of Investigator Training of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

This article examines websites and digital platforms designed to develop the personality of individuals and citizens, as well as the aspects that shape anti-corruption behavior. The impact of the described methods will effectively contribute to an understanding of this behavior.

Keywords: personality, psychological methods, influence on psychology, anti-corruption behavior, social media.

Интернет-пространство заняло практически все сферы нашей обыденной жизни. Благодаря многим информационным платформам человек не только удовлетворяет физические самобытные потребности и находит ресурсы для развлечения, но также повсеместно занимается личностным развитием и накоплением базы данных, которая формирует его внутреннюю основу. Некоторые психоаналитики, психотерапевты связывают информационное пространство больше с негативными тенденциями, влекущими разрушающие процессы для поведения людей. Но, как правило, существует и оборотная сторона медали, так называемый позитивный фактор цифрового пространства.

Не всегда люди могут получить помощь от другого человека, или специалиста, не всегда хватает денежных средств для познания своих внутренних конфликтов, страхов и предупреждений, и именно поэтому человек старается лично с помощью подручных методов и средств решить свои проблемы и познать себя. Существует ряд сайтов, которые помогают личности в той или иной области в сложившейся ситуации.

Рассмотрим медиа о здоровье и качестве жизни от «Севергрупп Медицины», где есть рубрика «Ментальное». В ней тема психического здоровья рассматривается с разных сторон. Контент разделен на несколько блоков:

– «Ментальная азбука», кратко объясняющая узкие темы;

– «Нейтрализатор токсичности» рассказывает о проблемах коммуникации личности в социуме и устранении проблем;

– «Скорая ментальная помощь» разбирающая самые острые и деликатные вопросы касающиеся личности.

Личностное развитие представляет собой процесс, направленный на улучшение личных качеств, социальных навыков и общую эффективность индивида.

В условиях образования современных государств с определенными установками, но тем не менее, подверженных коррупционным проявлениям на различных уровнях, вопросы формирования гармоничной личности и антикоррупционного поведения становятся особенно актуальными. Важным средством, способствующим этому процессу, являются специализированные сайты, предлагающие ресурсы и материалы, ориентированные на личностное развитие.

Часто такие сайты востребованы в определенной профессии, в более узкой среде, например, для поддержания гармоничного развития личности. В случае воспитания и формирования у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ) антикоррупционных установок поведения применяются информационно-правовые ресурсы, официально-установленные государством на законодательной основе. Для того, чтобы привить гражданам и сотрудникам антикоррупционные установки созданы конкурсы и общественные программы, в которые вовлечены лица разных возрастных, социальных групп [2, с. 58].

Введение каких-либо программ основано на распространении в интернет-пространстве с помощью рекламы определенных сайтов. Под руководством Генерального прокурора Российской Федерации был создан Международный молодежный конкурс социальной антикоррупционной рекламы «Вместе против коррупции». Из приветственной речи И. В. Краснова следует отметить, что вклад в антикоррупционную деятельность подрастающего поколения особенно ценен, поскольку формирует у молодежи негативное отношение к коррупции, воспитывает чувство гражданской ответственности.

Помимо конкурсных программ, существуют памятки для граждан и юридических лиц, направленные на борьбу с повышенной тенденцией коррупции в различных отраслях жизни.

Официальные сайты ведомств предоставляют такие памятки в открытом доступе при входе на страницу, активизируя тем самым подсознание лиц на недопустимость такого проявления и возможность самим скорректировать определенные стандарты.

В соответствии с п. 5 ст. 7 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» антикоррупционные стандарты – единая система запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции [1].

Такие памятки представляют собой систематизированный перечень антикоррупционных стандартов, который базируется на основных ограничениях и запретах, требованиях к служебному поведению, требованиях о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов, обязанностях, установленных федеральными законами от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», а также иными нормативными актами Российской Федерации в целях противодействия коррупции.

Формирование антикоррупционного поведения начинается с осознания ценности таких качеств в человеке: как справедливость, честность и ответственности. И здесь другие современные сайты личностного развития могут сыграть важную роль в этом процессе благодаря инструментам воздействия на внутреннее понимание человеком этих процессов.

Существуют ресурсы общего пользования, где граждане могут найти общую информацию по законодательству Российской Федерации, а также судебные решения и практику по делам разного правового профиля. К ним относятся:

– одна из крупнейших правовых систем в России с актуальными нормативными актами и судебной практикой «Консультант»;

– «Гарант» – аналогичная платформа с широким доступом к правовым материалам и сервисами для юристов;

– «Право» и «Арбитр» также представляют собой площадки с новостями, аналитикой и обширной базой судебных решений.

Каждое образовательное учреждение ведет собственные курсы и вебинары, посвященные антикоррупционному законодательству и принципам этического поведения, с помощью которых возможно создать более четкое понимание вреда коррупции и способов ее предотвращения. Помимо обучения тематике данной отрасли при изучении непосредственно юридических основ проявления коррупции, есть и дополнительные занятия с обучающимися, касающиеся основ реагирования на такие проявления в обществе во избежание серьезных последствий.

В целом, для того чтобы сформировать определенную установку правильного поведения, необходимо воспользоваться сайтами правового развития, ведь каждая отрасль права непосредственно или косвенно касается темы коррупции и масштаба угрозы данного явления в различных сферах жизни. Российские сайты правового развития, чаще всего на платной основе, если затрагивают большой объем получаемой информации.

В условиях современного общества, где коррупция и этические вызовы становятся неотъемлемой частью повседневной жизни, личностное развитие и формирование антикоррупционного поведения приобретают особую значимость. Мы все сталкиваемся с ситуациями, когда необходимо принимать трудные решения, делая выбор между собственными интересами и моральными ценностями. В таких условиях роль ресурсов, предлагаемых сайтами личностного развития, трудно переоценить.

Эти ресурсы открывают перед нами широкие горизонты для обучения и самосознания. Они предоставляют доступ к разнообразным курсам и материалам, которые помогают развивать эмоциональный интеллект и критическое мышление, а также укрепляют этическую ответственность. Это не просто теоретические знания, они представляют из себя практические инструменты, которые мы, в свою очередь, можем использовать, чтобы лучше понимать себя и окружающий мир, а также принимать более взвешенные и сознательные решения.

Обучение на специализированных сайтах направлено на формирование у сотрудников ОВД и граждан глубокого понимания того, как коррупция отрицательно влияет на общество и на нашу жизнь в целом.

Список источников

1. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.09.2025).
2. Куцебо Г. И. Общая и профессиональная педагогика: учеб. для среднего профессионального образования / Г. И. Куцебо, Н. С. Пономарева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2025. 114 с.

УДК 378

СПЕЦИФИКА МЕТОДОВ КОЛЛЕКТИВНОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

***Т. А. Марьина**, преподаватель кафедры психологии и педагогики Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье осуществляется анализ специфики методов коллективного воспитания, рассматриваемых в их диалектическом единстве и противоречии. Подробно рассматриваются философские и психологические основания коллективного воспитания, предлагаются развернутые классификации методов с указанием их дидактического потенциала и ограничений, а также вызовы цифровой эпохи, вносящие коррективы в традиционное понимание воспитательных методов.

Ключевые слова: метод воспитания, коллективное воспитание, индивидуальное воспитание, личностно ориентированный подход, социализация, индивидуализация, интеграция методов, педагогическое взаимодействие, групповая динамика, рефлексия, цифровизация воспитания.

SPECIFIC FEATURES OF COLLECTIVE AND INDIVIDUAL EDUCATION METHODS

***T. A. Maryina**, lecturer of the Department of Psychology and Pedagogy of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article analyzes the specifics of collective education methods, examining their dialectical unity and contradiction. It examines in detail the philosophical and psychological foundations of collective education, offers comprehensive classifications of methods, outlining their didactic potential and limitations, and examines the challenges of the digital age, which are challenging the traditional understanding of educational methods.

Keywords: educational methods, collective education, individual education, student-centered approach, socialization, individualization, integration of methods, pedagogical interaction, group dynamics, reflection, digitalization of education.

Актуальность статьи обосновывается современными этапами развития общества, характеризующимися высокой динамикой, глобализацией, увеличением объема информации и ростом значения «мягких навыков» (soft skills), предъявляет принципиально новые требования к системе воспитания.

Воспитательный процесс сегодня призван решить сложнейшую двуединую задачу: подготовить личность к успешной интеграции в социум, к эффективной коллективной деятельности и, одновременно, сформировать ее как уникальный, автономный, критически мыслящий субъект, способный к постоянному саморазвитию и жизнетворчеству. Историко-педагогический анализ демонстрирует переменчивый и нестабильный характер доминирования то коллективных, то индивидуальных стратегий. Классическая советская педагогика, наследуя и развивая теорию и практику А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, И. П. Иванова, рассматривала коллектив как главный инструмент и цель воспитания. В противовес этому западная гуманистическая психология (К. Роджерс, А. Маслоу) и педагогика акцентировали безусловную ценность индивидуального опыта и самоактуализации. Современная российская педагогика, провозглашая принципы личностно-ориентированного, системно-деятельностного и компетентностного подходов (В. В. Сериков, И. С. Якиманская, А. Г. Асмолов), отрицает саму возможность продуктивного противопоставления этих подходов, настаивая на их взаимодополняемости. Однако на практике сохраняется значительный разрыв между теорией и реалиями образовательного процесса. Педагоги нередко либо используют устаревшие, авторитарные методы коллективного воздействия, нивелирующие индивидуальность, либо, пытаясь реализовать индивидуальный подход, сталкиваются с отсутствием ресурсов, методик и подготовки, что приводит к стихийности и низкой эффективности воспитания. В этой связи комплексное исследование специфики методов коллективного и индивидуального воспитания, выявление условий их гармоничной интеграции представляется чрезвычайно актуальным в современных реалиях.

Идеи коллективного воспитания уходят корнями в глубокую древность. В Спарте система воспитания была целиком подчинена интересам государства и предполагала жесткую регламентацию жизни и деятельности детей в коллективах с целью формирования дисциплинированных воинов. В трудах Платона («Государство», «Законы») разработана модель общественного воспитания, призванная снять противоречия между личными и общественными интересами. В эпоху Просвещения Ж.-Ж. Руссо, критикуя сословные пороки, тем не менее, в «Проекте о воспитании де Сен-Пьера» высказывал идеи о государственной системе воспитания, служащей общественному благу. Значительный вклад в развитие практики коллективного воспитания внесли педагоги-филантрописты (И. Б. Базедов, Х. Г. Зальцман), создававшие закрытые учебно-воспитательные заведения, где жизнь воспитанников была строго регламентирована уставом

и распорядком дня. Однако подлинно научная теория коллектива начала формироваться лишь в XX в. А. С. Макаренко совершил революционный переворот в понимании коллектива. Он определил коллектив как «целеустремленный комплекс личностей», организованных особым образом, обладающих органами самоуправления, ответственностью и взаимозависимостью. Его система была построена на принципах единых требований, перспективных линий (близкой, средней, дальней), параллельного действия (когда коллектив становится субъектом воспитания), сочетания доверия и контроля. Макаренко доказал, что именно в коллективе и через коллектив происходит формирование социально ценной личности. В. А. Сухомлинский, развивая идеи Макаренко, сместил акцент на духовно-нравственную, эмоциональную составляющую коллективной жизни. Его «педагогика сердца» предполагала воспитание коллектива через эмпатию, совместное переживание красоты, творческий труд и заботу об окружающем мире. Он предостерегал от обезличивания, видя в коллективе средство раскрытия индивидуальности каждого ребенка. И. П. Иванов разработал методику коллективных творческих дел (КТД), которая стала практическим инструментом гуманистического коллективного воспитания. КТД – это не мероприятие, проводимое педагогом для детей, а совместная организаторская деятельность, где все участники – творцы. Шесть стадий КТД (предварительная работа, коллективное планирование, подготовка, проведение, итоговый сбор, ближайшее последствие) обеспечивают полное включение каждого в процесс, формируя отношения творческого содружества. Истоки индивидуального подхода можно найти в методе майевтики Сократа, который «извлекал» знание из самого ученика через диалог, учитывая его логику и внутренние противоречия.

Коллективное воспитание опирается на социоцентристские философские концепции, подчеркивающие первичность общества по отношению к индивиду (гегельянство, марксизм). Личность понимается как продукт социальных отношений. Социологическое основание – теория социальных систем (Т. Парсонс) и структурный функционализм рассматривают воспитание как институт социализации, передающий нормы и ценности, необходимые для стабильного функционирования общества. Психологическое основание – культурно-историческая теория Л. С. Выготского: высшие психические функции (мышление, речь, воля) формируются в процессе интериоризации социальных отношений и использования культурных знаков. Теория групповой динамики К. Левина: группа – это не сумма индивидов, а целостная система, в которой действуют силы сплочения, давления, лидерства, подчинения. Теория социального научения А. Бандуры: личность обучается через наблюдение за моделями поведения в группе (научение через наблюдение). Теория коллектива А. С. Макаренко: коллектив проходит стадии развития (становление, зрелость) и становится мощным воспитательным инструментом.

Но несмотря на положительный опыт коллективного воспитания, существуют риски гипертрофии коллективного воспитания. Личность подавляет собственные желания и мнения в угоду групповым. *Развитие «стадного чувства» и «группомыслия»* (И. Джанис). Критическое мышление атрофируется, группа принимает неэффективные решения. *Социальное иждивенчество* («эффект безбилетника»). Часть членов коллектива перекладывает ответственность на других. Внутригрупповой фаворитизм и враждебность к «чужим». Может порождать ксенофобию и буллинг. Однако цифровая среда создает новые формы коллективности – онлайн-сообщества, чаты, игровые кланы, проектные команды в Slack/Trello. Методы коллективного воспитания должны адаптироваться: виртуальные КТД: организация совместных онлайн-проектов, флешмобов, вики-марафонов. Формирование digital-грамотности и сетевого этикета: воспитание ответственности за слова и действия в киберпространстве. Педагог в XXI в. превращается из транслятора знаний и контролера в модератора, фасилитатора, наставника. Его ключевая задача – создавать гибридные (online-offline) воспитательные ситуации, в которых цифровые инструменты служат не заменой, а усилением традиционных методов, способствуя как сплочению сообщества, так и раскрытию потенциала каждой личности.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что специфика методов коллективного воспитания носит фундаментальный характер. Коллективное воспитание является незаменимым инструментом социализации, формирования социального интеллекта, коммуникативной компетентности и гражданской идентичности. Абсолютизация любого из подходов ведет к серьезным педагогическим дисфункциям: от конформизма и нивелировки личности до эгоцентризма и социальной дезадаптации. Выход видится не в механическом сложении методов, а в их глубокой интеграции на основе принципов дополнительности, дифференциации, персонализации и рефлексивности. Современные образовательные технологии (КТД, проектная деятельность, тьюторство, портфолио) предоставляют эффективный инструментарий для такой интеграции, позволяя в рамках коллективной работы обеспечивать персонализацию и учет индивидуальных особенностей. Новым вызовом для теории и практики воспитания становится цифровая среда, которая, с одной стороны, предлагает новые мощные средства для индивидуализации и создания сетевых коллективов, а с другой – порождает риски, связанные с дегуманизацией общения.

Таким образом, профессиональная компетентность современного педагога заключается в способности к тонкому, ситуативно-адекватному сочетанию методов коллективного воспитания, создающему развивающую среду, где каждый воспитанник может ощутить себя и уникальной, самоценной личностью, и значимой частью целого – коллектива, общества, человечества.

Список источников

1. Амонашвили Ш. А. Размышления о гуманной педагогике. М.: Издат. дом Шалвы Амонашвили, 2001. 464 с.
2. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2007. 528 с.
3. Бим-Бад Б. М. Педагогические течения в начале двадцатого века: лекции по педагогической антропологии и философии образования. М.: Изд-во УРАО, 2003. 208 с.
4. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М.: Педагогика-Пресс, 1999. 536 с.
5. Иванов И. П. Энциклопедия коллективных творческих дел. М.: Педагогика, 1989. 208 с.
6. Кларин М. В. Инновации в обучении: метафоры и модели: анализ зарубежного опыта. М.: Наука, 1997. 223 с.
7. Макаренко А. С. Педагогическая поэма. Собр. соч.: в 7 т. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957. Т. 1.
8. Маслоу А. Г. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
9. Сериков В. В. Личностно-ориентированное образование: феномен, концепция, технологии. Волгоград: Перемена, 2000. 148 с.
10. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. Киев: Радянська школа, 1974. 288 с.
11. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Собр. соч.: в 11 т. М.-Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. Т. 8.
12. Щуркова Н. Е. Прикладная педагогика воспитания. СПб.: Питер, 2005. 366 с.
13. Якиманская И. С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе. М.: Сентябрь, 1996. 96 с.
14. Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М.: Смысл, 2001. 365 с.

УДК 159.9

ПРОФАЙЛИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОЧТЕНИЯ ПРЕСТУПНИКА

***Т. А. Марьина**, преподаватель кафедры психологии и педагогики Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***А. А. Иванова**, курсант Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье представлен метод профайлинга с точки зрения пригодности его как научного подхода к изучению человека, эффективности его использования при прочтении преступника и раскрытии преступления. Кроме того, работа содержит анализ международного опыта применения профайлинга.

Ключевые слова: профайлинг, криминальный профайлинг, поведенческий профайлинг, правоохранительные органы, безопасность, международный опыт.

PROFILING AS A TOOL FOR PROFILING CRIMINALS

***T. A. Maryina**, lecturer of the Department of Psychology and Pedagogy of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***A. A. Ivanova**, cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article presents the profiling method in terms of its suitability as a scientific approach to human study and its effectiveness in profiling criminals and solving crimes. Furthermore, the paper analyzes international experience with profiling.

Keywords: profiling, criminal profiling, behavioral profiling, law enforcement, security, international experience.

В современном мире год от года совершенствуются методы изучения человека его вербального и невербального языка тела, что помогает при работе с людьми в разнообразных сферах деятельности. Один из таких методов изучения возможного паттерна поведения человека является профайлинг (от английского profiling), им всё чаще начинает пользоваться и правоохранительная система.

В последние годы наблюдается снижение уровня преступности благодаря улучшению работы правоохранительных органов в том числе благодаря внедрению новых технологий. Однако, несмотря на положительные тенденции, мир продолжает меняться, и вместе с ним эволюционируются методы совершения преступлений. В данной работе мы рассмотрим профайлинг с точки зрения пригодности его как научного подхода к изучению человека, чем он может быть полезен и как его использовать при прочтении преступника и раскрытии преступления.

Профайлинг как технология анализа поведения и психологических характеристик личности активно используется в деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД). Опытные сотрудники правоохранительных органов отмечают эффективность данного метода при раскрытии преступлений, оптимизации процесса сбора и анализа информации, а также прогнозировании действия преступников. Наиболее часто данный метод действующие сотрудники органов внутренних дел применяют для сужения круга подозреваемых в совершении преступления [2]. Стоит отметить, что данный способ результативен в раскрытии преступления в совокупности с доказательствами. Однако на сегодняшний день отсутствует юридическая основа применения профайлинга и внедрения его на официальных позициях в практику сотрудников ОВД.

Целью данной статьи является рассмотрение возможностей и перспектив использования профайлинга как инструмента психологической оценки личности преступника в целях повышения эффективности правоохранительной деятельности в раскрытии преступлений.

Для рассмотрения данного вопроса необходимо обратиться к истокам возникновения метода профайлинга. Считается, что одна из первых попыток составления психологического портрета в полиции была сделана британским хирургом Томасом Бонду в 1888 г. во время расследования дела «Джека-Потрошителя», где специалисту удалось составить подробный портрет личности преступника. Однако американские ученые считают, что одним из первых письменных источников профайлинга является трактат «Молот ведьм» 1486 г., где описаны психологические черты и другие признаки, характерные для ведьмы, а также методы ее выявления и проверки [2]. Несмотря на первые попытки создания такого метода как профайлинг, официальное признание криминалистический профайлинг получил в 1984 г. с образованием Национального центра по изучению насильственных преступлений в США. В дальнейшем многие ученые из разных стран внесли значительный вклад в развитие этой области. Среди них выделяется итальянский исследователь Чезаре Ломброзо, который определил 18 критериев, характеризующих типичного преступника. Так же немецкий ученый Эрик Ваффен, который изучал профили женщин-убийц, и американский эксперт доктор Пол Л. Кирк в своей работе «Расследование преступлений» так же предложили концепцию криминалистического профилирования.

В марте 1999 г. была основана Международная академия поведенческого профилирования (Academy of Behavioral Profiling), став первой международной организацией, объединяющей профессионалов различных областей для изучения и практического применения методик профайлинга [5].

Интерес к криминалистической характеристике личности серийных преступников (особенно убийц) в России начал формироваться ближе к концу XX столетия. В основном эту работу выполняли психиатры и психологи, к которым обращались сотрудники правоохранительных органов во время расследования серийных преступлений. Одним из ярких примеров является составление психологического профиля серийного убийцы Андрея Чикатило известным советским психиатром А. О. Бухановским, который впоследствии оказывал помощь следственным органам на этапе проведения следственных мероприятий при расследовании преступлений, совершенных А. Чикатило. Портрет преступника занимал 85 страниц и включал следующие данные: «не подвержен психическим расстройствам, ведет обычную жизнь, хорошо физически сложен, имеет проблемы в сексуальной сфере, профессия предполагает частые поездки, возраст около 45–50 лет». Этот профиль не только способствовал раскрытию сложного уголовного дела, но и привел к разоблачению виновного.

Со временем данное направление развивалось и адаптировалась к различным сферам человеческой деятельности, превратившись в эффективный инструмент анализа и прогнозирования поведения людей. Сегодня профайлинг включает несколько основных направлений, каждое из которых обладает своими особенностями и применяется в зависимости от целей и контекста:

– криминальный профайлинг – анализ самого преступника, создание детального психологического портрета;

– поведенческий – это методика быстрого анализа и оценки поведения людей в динамичных условиях, позволяющая выявлять потенциально опасные элементы среди больших групп населения;

– психологический профайлинг – анализ мотивации и личности преступника.

Вместе с тем интеграция общих представлений в рассматриваемом методе в различные учебные дисциплины при обучении сотрудников ОВД недостаточна. Данные знания будут являться эффективным инструментом при всестороннем анализе и понимании поведения правонарушителя.

Из вышеизложенного материала можно сделать вывод, что одним из эффективных инструментов правоохранительных органов является профайлинг. Внедрение специалистов-профайлеров, несомненно, усовершенствует работу правоохранительных органов, так как в основном в России криминалистические профайлеры – это бывшие сотрудники, имеющие опыт взаимодействия с серийными преступниками, либо специалисты, имеющие медицинское образование.

В настоящее время открытыми остаются вопросы по разработке учебно-методических комплексов и учебных программ для официальной подготовки специалистов-профайлеров. Необходимо утвердить криминалистическое профилирование как метод криминалистики и юридической психологии.

Список источников

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2024 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр: [сайт]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328 (дата обращения: 10.10.2025).
2. Волчецкая Т. С., Абрамовский А. А. Криминалистический профайлинг в России и за рубежом // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. Выпуск 4. С. 3.
3. Терви Б. Э. Криминальное профилирование. Введение в поведенческий анализ доказательств // Academic Press. 2011. 728 с.
4. Кирк, 1953 г. р. Расследование преступлений. Изд-во Interscience, Нью-Йорк, Нью-Йоркская академия наук. Макнамара, Дж., Мортон, 2007. Расследование дела BTK.TheRCMPGazette, 69 (1).
5. Криминалистика / под ред. В. А. Образцова. М., Юристъ, 1997. 744 с.
6. Комментарий к федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» / по ред. А. И. Савельева М., 2015. С. 60.
7. Лоррен П. Андрей Чикатило. Ростовское чудовище. М., 2021. 384 с.

УДК 378

УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ОБЩЕНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

***А. А. Морозова**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Учебно-педагогическое сотрудничество и общение рассматриваются как фундаментальная основа современного образовательного процесса. В отличие от традиционной субъект-объектной модели, данный подход предполагает партнерские отношения между педагогом и курсантом, направленные на совместное решение учебных задач. В центре такого взаимодействия лежит диалог, который способствует не только передаче знаний, но и развитию критического мышления, коммуникативных навыков и личностных качеств учащихся. Эффективное педагогическое общение создает благоприятный психологический климат, мотивирует к познавательной деятельности и помогает преодолевать трудности в обучении. Таким образом, сотрудничество и гуманистическое общение становятся ключевыми факторами в достижении новых образовательных результатов, отвечающих требованиям федеральных государственных образовательных стандартов.

Ключевые слова: учебно-педагогическое сотрудничество, педагогическое общение, образовательный процесс, диалог в обучении, совместная учебная деятельность, психологический климат, коммуникативный навык.

EDUCATIONAL AND PEDAGOGICAL COOPERATION AND COMMUNICATION IN THE EDUCATIONAL PROCESS

***A. A. Morozova**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

Educational and pedagogical cooperation and communication are considered to be the fundamental basis of the modern educational process. Unlike the traditional subject-object model, this approach involves a partnership between the teacher and the student, aimed at solving educational tasks together. The core of this interaction is dialogue, which not only facilitates the transfer of knowledge but also promotes the development of critical thinking, communication skills, and personal

qualities in students. Effective pedagogical communication creates a positive psychological climate, motivates students to engage in learning activities, and helps them overcome challenges in the educational process. Thus, cooperation and humanistic communication become key factors in achieving new educational outcomes that meet the requirements of the Federal State Educational Standard.

Keywords: educational and pedagogical cooperation, pedagogical communication, educational process, dialogue in teaching, joint educational activities, psychological climate, and communication skill.

Современная образовательная система претерпела кардинальные изменения: на смену традиционной модели, где преподаватель был единственным источником знания, а ученик выполнял пассивную роль, приходит модель, центром которой является активная, самостоятельная и развивающаяся личность обучающегося. В этом контексте учебно-педагогическое сотрудничество и общение перестают быть просто фоном или вспомогательным инструментом, а становятся сущностным ядром и главным условием эффективности всего образовательного процесса. Это не просто обмен информацией, а сложный процесс совместной деятельности, направленный на достижение общих целей развития.

Ключевое отличие современного подхода – переход от субъект-объектных к субъект-субъектным отношениям. В первой модели преподаватель воздействует на обучающегося, который воспринимается как объект обучения. Во второй – и педагог, и ученик выступают как равноправные (хотя и с разной мерой ответственности и опыта) участники, партнеры в совместном поиске знания.

Учебно-педагогическое сотрудничество представляет собой стратегию организации образовательной деятельности, фундаментом которой выступает системное и целенаправленное взаимодействие ее участников. Эта стратегия предполагает не просто совместное пребывание в образовательном пространстве, а глубоко осмысленную совместную работу по постановке общих целей, коллективному планированию и реализации учебного процесса, а также последующей рефлексивной оценке достигнутых результатов.

Важнейшим условием такого взаимодействия является достижение взаимопонимания. Оно подразумевает, что участники процесса стремятся понять не только формальный смысл высказываний, но и стоящие за ними мотивы, эмоциональное состояние, а также интеллектуальные затруднения друг друга. Это создает атмосферу доверия и психологической безопасности, необходимую для открытого диалога.

Содержательным ядром сотрудничества выступает взаимодополнение. В процессе совместной работы происходит объединение различного опыта,

знаний и индивидуальных точек зрения всех участников. Благодаря этому возникает синергетический эффект, позволяющий находить решения учебных задач, которые часто оказываются недоступны для человека, действующего в одиночку.

Педагогическое общение выступает как главный механизм, обеспечивающий сотрудничество. Это профессиональное общение педагога с обучающимися, имеющее определенные педагогические функции и направленное на создание благоприятного психологического климата и оптимальных условий для развития личности.

Основу данного педагогического взаимодействия составляет открытый диалог. В нем важны не только верные ответы, но и способность обучающегося обосновывать свою позицию, развивая самостоятельность мышления. Такое общение возможно в атмосфере доверия и партнерства, где преподаватель выступает в роли опытного наставника, создающего условия для личных открытий обучающегося. Ключевым элементом является искренняя поддержка, выражающаяся в способности педагога понять внутренние трудности ученика и оказать своевременную помощь. Оценочная деятельность в этой системе перестает быть лишь констатацией ошибок и фокусируется на их анализе, позволяя совместно находить пути исправления и дальнейшего развития.

Эффективно организованное учебное сотрудничество представляет собой целостный педагогический феномен, выполняющий комплекс взаимодополняющих функций, фундаментальных для образовательного процесса. Его основой служит образовательная функция, которая трансформирует процесс передачи знаний в активное и осмысленное усвоение. Это происходит благодаря живому диалогу, в котором столкновение различных точек зрения и совместное преодоление познавательных трудностей приводит к более глубокому пониманию материала. Непосредственно в этом процессе реализуется развивающая функция. Совместная деятельность естественным образом способствует становлению ключевых компетенций: коммуникативных навыков, критического и творческого мышления, а также способности к кооперации и конструктивному разрешению конфликтов. Существенную роль играет и воспитательная функция такого сотрудничества. Атмосфера равноправного диалога и коллективного достижения целей способствует формированию личностных качеств, включая ответственность за общий результат, уважение к позиции других, толерантность и готовность к взаимной поддержке. Таким образом, педагогическое сотрудничество выступает как интегративный механизм, одновременно обогащая познавательный опыт, развивая необходимые способности и воспитывая ценные социально-личностные качества обучающихся.

Однако следует учитывать, что учебно-педагогическое сотрудничество в рамках системы МВД России, дополняет данное понятие и содержит

все дополнительные аспекты. Оно трансформируется в модель служебных отношений, где преподаватель выступает в роли не только педагога, но и наставника-руководителя, а курсант – подчиненного и будущего коллеги.

Сотрудничество в образовательном процессе для сотрудников органов внутренних дел представляет собой особую модель, ориентированную на подготовку к конкретной служебной деятельности. Его основная особенность заключается в сугубо прикладном характере: учебные задачи, проекты и обсуждения моделируют реальные профессиональные ситуации, такие как правоприменительная практика, действия в чрезвычайных обстоятельствах или коммуникация с гражданами. Это обеспечивает непосредственную связь обучения с будущими функциональными обязанностями.

Данное взаимодействие закономерно строится на принципах иерархии и субординации, в рамках уставных отношений. Соблюдение правил служебного этикета не подавляет инициативу, а формирует необходимые для правоохранительной деятельности дисциплину и чувство ответственности. Еще одной ключевой чертой является акцент на развитии навыков командного взаимодействия. Поскольку многие оперативно-служебные задачи решаются коллективно, в учебном процессе активно применяются групповые формы –тактические учения, деловые игры и совместные проекты, успех в которых напрямую зависит от слаженности и взаимопонимания всех участников. Таким образом, образовательный процесс целенаправленно воспроизводит основные условия и требования будущей профессиональной среды.

Учебно-педагогическое сотрудничество в образовательных организациях МВД России представляет собой целенаправленно выстроенную систему субъект-субъектных отношений между преподавателем (наставником) и курсантами, основанную на принципах партнерства, взаимного устава и единой целевой ориентации на подготовку высококвалифицированного специалиста.

Развитие сотрудничества является стратегической необходимостью. Оно позволяет преодолеть разрыв между теоретической подготовкой и реальными требованиями службы, сформировать у будущего сотрудника не только профессиональные знания, но и критическое мышление, стрессоустойчивость и высокие морально-нравственные качества.

Таким образом, целенаправленное создание сотрудничества между педагогом и учащимися представляет собой фундаментальное условие, необходимое для достижения современных образовательных целей. Такое взаимодействие напрямую определяет уровень учебной мотивации, способствует формированию благоприятной психологической атмосферы в учебной группе и служит основой для повышения качества образовательных результатов.

Список источников

1. Амонашвили Ш. А. Личностно-гуманная основа педагогического процесса. М.: Просвещение, 2018. 298 с.
2. Кан-Калик В. А. Учителю о педагогическом общении. М.: Просвещение, 2019. 190 с.
3. Леонтьев А. А. Педагогическое общение. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 2020. 256 с.
4. Мудрик А. В. Социальная педагогика: учеб. для академического бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2021. 224 с.
5. Сластёнин В. А. Педагогика: учеб. для вузов / В. А. Сластёнин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2022. 566 с.
6. Бородина М. А. Особенности педагогического общения в ведомственных образовательных организациях / М. А. Бородина, С. И. Петров // Педагогика и современность. 2022. № 4 (56). С. 45–52.
7. Васильев А. И. Психолого-педагогическое сопровождение учебного процесса в образовательных организациях МВД России: моногр. М.: Изд-во Академии МВД России, 2021. 187 с.
8. Организация педагогического взаимодействия в ведомственных образовательных учреждениях: учеб.-метод. пособие / под ред. О. В. Семеновой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России, 2020. 164 с.

УДК 159.99

МОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР В УСЛОВИЯХ ВЛАСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

***И. Ю. Никольская**, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье исследуются психологические аспекты принятия этических решений сотрудниками полиции, обладающими властными полномочиями. Анализируется как обладание властью («синдром власти»), давление групповых норм («кодекс молчания», «групповое мышление») и специфика ситуационного контекста (эксперимент Зимбардо) формируют уникальную среду для морального выбора. Рассматривается влияние когнитивных искажений, вызванных стрессом и профессиональной гипербдительностью, на возникновение этических дилемм и нарушений. Делается вывод о том, что обеспечение этичного поведения в полицейской деятельности требует не только нормативного регулирования, но и целенаправленного развития психологической устойчивости (моральной стойкости) сотрудников, а также системных изменений в организационной культуре, направленных на поддержку этичных решений и минимизацию ситуационных рисков.

Ключевые слова: профессиональная этика полиции, синдром власти, групповое мышление, моральная стойкость, кодекс молчания, когнитивные искажения, этический выбор, психология власти.

MORAL CHOICE IN CONDITIONS OF AUTHORITY: PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL ETHICS OF A POLICE OFFICER

***I. Yu. Nikolskaya**, senior lecturer of the Department of Psychology and Pedagogy of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article explores the psychological aspects of ethical decision-making by police officers with authority. It analyzes how the possession of power ("power syndrome"), the pressure of group norms ("code of silence," "group thinking") and the specifics of the situational context (Zimbardo experiment) form a unique environment for moral choice. The effect of cognitive distortions caused by stress and professional hyperbiddity on the occurrence of ethical dilemmas and violations is considered. It is concluded that ensuring ethical behavior in policing requires not only regulatory regulation, but also the targeted development of the psychological stability (moral fortitude) of employees, as well as systemic changes in the organizational culture aimed at supporting ethical decisions and minimizing situational risks.

Keywords: professional ethics of the police, power syndrome, group thinking, moral fortitude, code of silence, cognitive distortions, ethical choice, psychology of power.

Деятельность сотрудника полиции неразрывно связана с осуществлением властных полномочий, предоставленных ему государством и обществом. Эта власть, выражающаяся в возможности применять принуждение, ограничивать права и свободы граждан для достижения законных целей, создает уникальный контекст для постоянного совершения морального выбора. Профессиональная этика в данном случае выступает не как абстрактный свод правил, а как практический инструмент, ежедневно испытываемый на прочность в условиях стресса, неопределенности и высокой ответственности. Психологические механизмы, лежащие в основе принятия решений сотрудниками полиции, требуют глубокого изучения, так как именно они определяют, будет ли власть использована как инструмент служения обществу или как средство для злоупотреблений. Целью данной статьи является анализ ключевых психологических аспектов, влияющих на этический выбор сотрудников полиции в условиях обладания властными полномочиями.

Наделение человека властью оказывает глубокое влияние на его психологию. Исследования, в русле которых работают Дачер Келтнер, психолог Калифорнийского университета и его коллеги, демонстрируют феномен, известный как «синдром власти» или «опьянение властью» [1]. В исследованиях, длившихся два десятилетия, он обнаружил, что субъекты, которые находились под влиянием власти, поступали так, будто они страдают от черепно-мозговой травмы: становились более импульсивными, более склонными к риску и, что самое главное, менее способными смотреть на вещи с точки зрения других людей. Для полицейского, постоянно находящегося в позиции «контролера», возникает риск развития профессиональной деформации: снижается восприятие граждан

как индивидуумов, они начинают восприниматься как объекты управления или даже препятствия. Данный феномен заключается в том, что, обретая власть и влияние, сотрудники часто начинают проявлять худшие стороны своей натуры, что в конечном итоге ведет к потере этой власти. Этот парадокс иллюстрирует, как власть, которая изначально дает возможность позитивных изменений, может способствовать проявлению таких негативных черт, как эгоизм, жестокость и самонадеянность. Он характеризуется снижением эмпатии, ростом импульсивности и игнорированием точки зрения подчиненных или граждан.

Этот процесс ведет к моральному отчуждению – психологическому явлению, при котором сотрудник дистанцируется от моральных последствий своих решений [2]. В 1971 г. Филип Зимбардо провел эксперимент, в котором студенты-добровольцы были разделены на «охранников» и «заключенных». Эксперимент показал, что «охранники» начали проявлять садистские наклонности и жестокость по отношению к «заключенным», а «заключенные» оказались эмоционально сломлены. Эксперимент был прерван досрочно, спустя шесть дней вместо запланированных двух недель. Данный феномен показывает, что обычные люди могут стать злодеями, если их поместить в определенные ситуации, такие как в Стэнфордском тюремном эксперименте, где участники приняли свои роли и начали демонстрировать жестокость и насилие. Зимбардо утверждает, что ситуации, контекст и социальные роли могут превратить обычного человека в злодея. Так, в деятельности полицейских, ярким примером является оправдание незаконного применения силы «интересами службы» или «обеспечения порядка», где цель подменяет собой этичность средств. Власть может притуплять способность к самокритике, создавая иллюзию собственной непогрешимости и правоты.

Полиция является классическим примером закрытой иерархической организации с сильной корпоративной культурой. Это порождает мощное давление групповых норм. Ирвинг Дженис в своей теории «группового мышления» показал, что в сплоченных группах стремление к консенсусу и единству может подавлять критическое мышление и индивидуальную моральную ответственность [3]. В контексте полицейской деятельности это проявляется в «кодексе молчания», когда сотрудники закрывают глаза на этические проступки коллег из-за лояльности к подразделению, страха быть изгнанным из группы или неверия в возможность справедливого разбирательства. Моральный выбор индивида подавляется групповым императивом, что делает системные нарушения особенно устойчивыми. Новый сотрудник, столкнувшийся с неэтичной практикой, стоит перед дилеммой: сохранить моральную чистоту ценой изоляции или интегрироваться в коллектив ценой компромисса с совестью.

Принятие решений в условиях ограниченного времени и информации неизбежно опирается на когнитивные шаблоны (эвристики), которые часто

приводят к искажениям. Для полицейских характерно повышенное внимание к угрозам, что может вылиться в систематическую ошибку подтверждения – тенденцию искать и интерпретировать информацию в пользу собственных ожиданий (например, воспринимать поведение человека как враждебное) [4].

Этическая дилемма часто возникает в ситуации, когда законное действие противоречит моральному чувству (и наоборот). Например, законное задержание единственного кормильца семьи за незначительное правонарушение. Разрешение таких дилемм требует развитого морального сознания, которое, по данным современных исследований, не является статичным и может развиваться через обучение и рефлексию [5]. Ключевым фактором становится способность к моральной чувствительности – умению распознать наличие этической проблемы в конкретной ситуации, прежде чем искать ее решение.

Эмпирические исследования подтверждают, что сотрудники, сталкиваясь с этическими дилеммами (например, сообщить о коррупционном проступке коллеги или промолчать; применить чрезмерную силу или проявить сдержанность), часто руководствуются не абстрактными принципами кодекса чести, а ситуативными факторами: оценкой рисков (для карьеры, репутации), давлением группы, личными отношениями с вовлеченными лицами и уровнем моральной компетентности, сформированной на момент принятия решения [6].

Постоянное столкновение с негативными аспектами человеческого поведения, стресс, травматический опыт и необходимость подавления эмоций ведут к синдрому эмоционального выгорания и профессиональной деформации. Это истощает психологические ресурсы, необходимые для сложного морального выбора. В состоянии выгорания сотрудник склонен к цинизму, деперсонализации («граждане» превращаются в «проблемы») и ригидности мышления, что сужает его способность к эмпатии и гибкому, ситуативному мышлению. Принятие решений начинает подчиняться упрощенным шаблонам, а не глубокому анализу этической составляющей. Противостояние давлению обстоятельств, группы и собственных когнитивных искажений требует от сотрудника внутренних ресурсов. Важнейшим из них является моральная стойкость – способность выдерживать моральный дистресс и поступать в соответствии со своими принципами даже в неблагоприятных условиях [2].

Ее формирование зависит от ряда факторов. В первую очередь это индивидуальные характеристики, такие как: наличие твердых моральных убеждений, внутренний локус контроля, высокий уровень эмпатии и критического мышления. А также профессиональная подготовка, заключающаяся в наличии не только юридических, но и глубоких прикладных этических знаний, основанных на разборе реальных ситуаций.

Таким образом, моральный выбор сотрудника полиции в условиях властных полномочий является многогранным психологическим феноменом.

Он детерминирован не только личными качествами индивида, но и мощным влиянием групповой динамики, организационной культуры и когнитивных искажений, обостряемых спецификой службы. Власть выступает как катализатор, усиливающий как положительные, так и отрицательные личностные тенденции.

Противодействие этическим деформациям требует комплексного подхода. Обеспечение этичного поведения сотрудников полиции – это не вопрос заучивания кодексов, а задача развития психологической устойчивости и создания среды, поддерживающей правильный моральный выбор.

Список источников

1. Келтнер Д. Парадокс власти: как обретают и теряют влияние / пер. с англ. Ш. Мартыновой. М.: Карьера Пресс, 2018. 336 с.
2. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев / пер. с англ. А. Старовойтовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 768 с.
3. Джанис И. Групповое мышление: психологические исследования политических решений и фиаско / пер. с англ. Д. Голубкова, О. Кузиной. 2-е изд. М.: Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, 2021. 304 с.
4. Канеман Д. Думай медленно… решай быстро / пер. с англ. А. Андреева [и др.]. М.: АСТ, 2022. 656 с. (Психология. Мозговой штурм).
5. Рест Дж. Р. Четыре компонента процесса морального поведения // Современная психология морали: хрестоматия / сост. А. В. Прокофьев, М. О. Медведева, Д. В. Волков; пер. с англ. А. В. Прокофьева [и др.]. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2020. С. 145–165.
6. Киллинджер Дж. К. Этика в криминологии и правосудии: дилеммы и решения / пер. с англ. // Современные зарубежные исследования в области правоохранительной этики: сб. ст. М.: Статут, 2018. С. 145–220.

УДК 159.99

ИНТЕГРАЦИЯ ПСИХОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ И УЧЕТ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВЕДОМСТВЕННЫХ ВУЗОВ

***И. Ю. Никольская**, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***К. В. Рощектаева**, курсант Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В условиях динамично развивающегося мира и высокой конкуренции на рынке труда эффективность образовательного процесса, особенно в системе ведомственного образования, напрямую зависит от качества управления человеческими ресурсами. Статья обосновывает тезис о том, что интеграция принципов психологии управления и глубокого учета личностных особенностей обучающихся (типологии личности, темперамента, акцентуаций характера) трансформируется из полезного дополнения в стратегическую необходимость. На основе анализа ключевых психологических моделей (MBTI, «Большая пятерка», DISC, типология темпераментов, акцентуации по К. Леонгарду) демонстрируется, как их применение позволяет преподавателю адаптировать методы обучения, создавать благоприятную среду, предотвращать конфликты и повышать мотивацию. Делается вывод о том, что персонализированный подход, основанный на психологическом знании, является ключом к повышению качества обучения, развитию профессионально важных качеств будущих специалистов правоохранительных органов и формированию гармоничной учебной среды.

Ключевые слова: психология управления, ведомственное образование, типология личности, темперамент, акцентуация характера, индивидуализация обучения, адаптация образовательного процесса, профессиональная подготовка курсантов.

INTEGRATION OF MANAGEMENT PSYCHOLOGY AND ACCOUNTING FOR STUDENTS' PERSONAL CHARACTERISTICS IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF DEPARTMENTAL UNIVERSITIES

***I. Yu. Nikolskaya**, senior lecturer of the Department of Psychology and Pedagogy of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***K. V. Roshchektaeva**, cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

In a dynamically developing world and a highly competitive labor market, the effectiveness of the educational process, especially in the system of departmental education, directly depends on the quality of human resources management. The article substantiates the thesis that the integration of management psychology principles and a deep consideration of the personal characteristics of students (personality typology, temperament, and character accentuations) is transforming from a useful addition to a strategic necessity. Based on the analysis of key psychological models (MBTI, the Big Five, DISC, typology of temperaments, and K. Leonhard's accentuations), it demonstrates how their application allows a teacher to adapt teaching methods, create a favorable environment, prevent conflicts, and increase motivation. It is concluded that a personalized approach based on psychological knowledge is the key to improving the quality of education and developing the professionally important qualities of future specialists.

Keywords: management psychology, departmental education, personality typology, temperament, character accentuation, individualization of education, adaptation of the educational process, and professional training of cadets.

Современный мир характеризуется высокой динамикой развития и усиливающейся конкуренцией во всех сферах, включая систему профессионального образования. В контексте подготовки специалистов для правоохранительной деятельности, где требования к личностным и профессиональным качествам исключительно высоки, эффективность образовательного процесса становится критическим фактором. Интеграция психологии управления, изучающей закономерности поведения и методы воздействия в организациях [2], и систематического учета личностных особенностей обучающихся перестает быть факультативной практикой, превращаясь в стратегическую необходимость.

Актуальность данного подхода обусловлена несколькими факторами. Во-первых, успех в правоохранительной деятельности напрямую зависит от эффективного управления человеческими ресурсами, что начинается уже на этапе профессионального обучения. Во-вторых, понимание индивидуально-психологических особенностей обучающихся (типа личности, темперамента, акцентуаций) позволяет преподавателю трансформировать образовательный процесс, делая его не только более эффективным, но и комфортным, минимизируя стресс и предотвращая деструктивные конфликты [1]. В-третьих, современный рынок труда ценит не только узкоспециальные знания, но и развитые гибкие навыки: эмоциональный интеллект, коммуникативную компетентность, способность к саморегуляции и работе в команде [12]. Изучение психологии управления способствует развитию этих качеств как у педагогов, так и у обучающихся, повышая их общую конкурентоспособность.

Зная тип личности обучающегося, преподаватель может выделить его сильные и слабые стороны, делая упор на определенные типы упражнений, уделяя особое внимание тому или иному виду учебной активности, приспосабливая процесс обучения к общению человека с окружающим миром и лучшему пониманию предмета дисциплины.

Существует множество моделей типологий личности, каждая из которых предлагает свой подход к классификации индивидуальных особенностей. Их применение в образовании позволяет перейти от унифицированного подхода к персонализированному.

Индикатор типов Майерс-Бриггс (MBTI). Данная модель, основанная на типологии К. Г. Юнга, классифицирует людей по четырем дихотомиям: экстраверсия (E) – интроверсия (I), сенсорика (S) – интуиция (N), мышление (T) – чувство (F), суждение (J) – восприятие (P) [9]. Получающиеся 16 типов личности определяют предпочтения в восприятии информации и принятии решений. Для преподавателя это означает возможность варьировать методы подачи материала: для сенсориков (S) важны факты, детали и практические примеры, в то время как интуиты (N) лучше воспринимают общие концепции и теории; экстраверты (E) эффективно работают в группах и дискуссиях, а интровертам (I) необходимо время для самостоятельного осмысления [8].

Пятифакторная модель личности («Большая пятерка»). Данная модель описывает личность через пять базовых диспозиций: нейротизм (N), экстраверсия (E), открытость опыту (O), доброжелательность (A), добросовестность (C) [10]. Высокий уровень добросовестности (C) является надежным предиктором академической успеваемости, в то время как высокий нейротизм (N) может коррелировать со стрессом в условиях интенсивного обучения. Понимание этих черт позволяет прогнозировать потенциальные трудности и оказывать адресную поддержку.

Модель DISC. Эта модель фокусируется на наблюдаемом поведении, классифицируя его по четырем стилям: Доминирование (D), Влияние (I), Постоянство (S), Соответствие (C) [11]. Курсант с высоким фактором D (доминирование) будет стремиться к лидерству, быстрым результатам и может конфликтовать в команде. Курсант с высоким S (постоянство) ценит стабильность, поддержку и четкие инструкции. Преподаватель, зная эти особенности, может грамотно формировать учебные группы, распределять роли в проектах и выбирать стиль обратной связи.

Говоря о экстравертах и интровертах, справедливо выделить еще и такой тип личности, как «амбиверт». Классическое описание характеристик амбиверта можно найти в работах К. Г. Юнга, К. Янга, Э. Коклина. Амбиверт в психологии – это человек, который сочетает черты интроверта и экстраверта [3]. В отличие от экстравертов, амбиверты хоть и общительные и адаптированные в обществе, но могут держатся в стороне, сосредоточившись на своем внутреннем мире. Они умеренно зависимы от внешней стимуляции, обладают более независимыми взглядами, легко могут отталкиваться от каких-либо групп и сообществ, имеют свое мнение. Такой тип личности обучающегося наиболее адаптивный и гибкий, но его эффективность полностью зависит от условий, которые создает образовательная среда. Амбивертам нужна смена ритма: периоды активного социального взаимодействия должны чередоваться с периодами индивидуальной рефлексии и работы, что, в свою очередь, требует от преподавателя «чередования форматов» занятий в рамках ведения учебной дисциплины, гибкого подхода и вариативности.

Помимо типологий, фундаментальное значение имеют устойчивые биологически обусловленные особенности. Темперамент – это природная особенность каждого человека, которая определяет его эмоциональное реагирование в той или иной ситуации: как быстро возникает эмоция, какую силу и знак (положительная/отрицательная) она имеет. Именно эта характеристика будет обуславливать медлительность или энергичность человека.

Темперамент (в классификации, восходящей к Гиппократу и И. П. Павлову) определяет динамическую сторону психики: скорость возникновения, силу и устойчивость эмоциональных реакций [6].

Сангвиник (подвижный, уравновешенный): легко включается в работу, общителен, но может быть поверхностным. Эффективен в условиях многозадачности и групповой работы.

Холерик (подвижный, неуравновешенный): энергичен, инициативен, но вспыльчив и нетерпелив. Требует динамичных задач и четкого канала для вывода энергии, может испытывать трудности с монотонной деятельностью.

Флегматик (инертный, уравновешенный): надежен, устойчив, но медлителен. Идеален для длительной, систематической работы, требует времени на «раскачку» и освоение нового.

Меланхолик (слабый тип): высокочувствителен, глубоко переживает неудачи. Нуждается в особо поддерживающей, доброжелательной атмосфере, четкой структуре и позитивном подкреплении.

Задача преподавателя – не пытаться изменить темперамент, а помочь курсанту найти наиболее эффективные стратегии учебной и будущей профессиональной деятельности с учетом его природных данных [5].

Влияние типологии личности и темперамента на процесс обучения не возможно переоценить. Понимание этих особенностей позволит преподавателю адаптировать свои методы обучения для разных типов личности, создать благоприятную учебную среду, минимизировать стресс и повысить мотивацию курсантов, которые очень много времени проводят в стрессовых ситуациях, обусловленные направлением обучения и сложностью приобщения к службе.

Но не стоит при анализе личности забывать и про его акцентуации, так как они наравне с темпераментом и типом личности играют важную роль в процессе обучения. Акцентуации – это чрезмерная выраженность определенной черты характера и их сочетаний, которая представляет крайний вариант психической нормы. Акцентуации не стоит сравнивать с психической патологией и расстройствам личности, для которых характерны такие признаки, как тотальность, стабильность и социальная дезадаптация. Рассмотрим типы акцентуаций по К. Леонгарду применимо к учебному процессу [4].

Гипертимы имеют приподнятое настроение, это бодрый весельчак, эдакий живчик, словоохотлив и непоседа – вот отличительные акценты характера. Охотно говорит «ДА», что совсем не говорит о его обязательности, напротив, пообещав с три короба, особо не будет мучиться совестью, если не выполнит данное обещание.

Циклоиды, у которых жизнь делится на периоды активности и вялости. Циклы гипертимности сменяются легкой депрессией. Периоды активности ничем не отличаются от гипертимного типа. А субдепрессивный период характеризуется потерей жизненной энергией, снижением уровня работоспособности, апатией, что значительно влияет на самооценку. Нередко обучающийся начиная проект в гипертимной фазе, отказывается заниматься им в субдепрессивной.

Демонстративные курсанты стремятся к самовыражению и лидерству, что делает их некой опорой у преподавателей, но они довольно эгоистичны и хвастливы, что выделяет их не с лучшей стороны перед другими курсантами. Данный тип курсантов в основном можно увидеть среди бывших командиров или же тех курсантов, которые стремятся занять место младшего начальствующего состава.

«Застревающий» тип обучающегося целеустремлен и настойчив, в учебном процессе играет важную роль, но при этом замкнут, упрям и обидчив, что может стать определенной преградой во взаимоотношениях с другими обучающими.

У возбудимого типа повышенная импульсивность, ослабление контроля над влечениями и побуждениями, в учебной деятельности очень часто будет проявлять агрессию, которую нужно вовремя остановить и направить в нужное русло.

Тревожно-боязливый характеризуется впечатлительностью и неуверенностью в своих силах. При работе с данным типом нужно обращать внимание на тот момент, когда он будет заинтересован и подтолкнуть его к реализации своих идей.

Осознание акцентуаций позволяет преподавателю не только адаптировать методы обучения, но и выступать в роли профилактического агента, смягчая потенциально дезадаптивные проявления.

Применение подходов, основанных на понимании различных типологий личности (например, MBTI, Большая пятерка, Дисковая модель) и темпераментов (по Гиппократу-Павлову), акцентуаций (по К. Леонгарду) позволяет преподавателям адаптировать методы обучения, создавать индивидуальные образовательные траектории и формировать благоприятную учебную среду [7].

Таким образом, интеграция принципов психологии управления в образовательный процесс позволяет повысить качество обучения, увеличить мотивацию курсантов, сформировать более эффективную и гармоничную учебную среду, а также улучшить служебную сферу курсантов. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку более точных методик определения личностных характеристик, а также на создание инновационных педагогических технологий для разработки более эффективных стратегий обучения и управления, максимально учитывающих индивидуальные особенности обучающихся. Это позволит реализовать потенциал каждого курсанта и достичь высоких результатов в образовании, в службе и других направлениях деятельности курсантов.

Список источников

1. Дудкина Е. И., Снежко А. А. Восприятие курсантами преподавателя как фактор эффективного взаимодействия субъектов образовательного процесса ведомственного вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 87-4. С. 104–108.
2. Карпов А. В. Психология управления: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2020. 584 с.
3. Конклин Э. С. Определение интроверсии, экстраверсии и родственных понятий // Журнал ненормальной психологии и социальной психологии. (1923). 17(4). С 367–382.
4. Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов н/Д.: Феникс, 2000. 544 с.
5. Михирев А. В., Шигабетдинова Г. М. Влияние темперамента человека на процесс обучения // Экономика и социум. 2015. № 2–3 (15). С. 900–903.
6. Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М.: Наука, 1973. 661 с.

7. Чимаров С. Ю. Акцентуации характера личности и ее основные виды // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 2–1. С. 174–177.
8. Лоуренс Г. Д. Типы людей и тигриные полоски: практическое руководство по стилям обучения. 4-е изд. Гейнсвилл, Флорида: Центр применения психологических типов, 2009.
9. Майерс И. Б., Макколли М. Х. Руководство по разработке и использованию индикатора типа Майерс-Бриггс. Пало-Альто, Калифорния: Consulting Psychologists Press, 1985.
10. МакКрей Р. Р., Коста П. Т. Личность во взрослом возрасте: перспектива пятифакторной теории. 2-е изд. Нью-Йорк: Guilford Press, 2003.
11. Марстон У. М. Эмоции нормальных людей. Лондон: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1928.
12. Хекман Дж. Дж., Каутц Т. Неопровержимые доказательства гибких навыков // Экономика труда. 2012. Т. 19 (4). С. 451–464.

УДК 159.9

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РАБОТЕ С ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Е. А. Плетнев**, преподаватель кафедры психологии и педагогики Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***Д. В. Паздников**, курсант Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В условиях полиэтнического состава российского общества и трансформации социально-политической среды возрастает роль этнопсихологических компетенций в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел (ОВД). Статья посвящена анализу современных требований к работе с личным составом ОВД с учетом этнокультурной специфики и выявлению психологических особенностей профессионального общения в полиэтнической среде. На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что эффективное правоохранительное взаимодействие в поликультурной России возможно только при условии формирования у сотрудников ОВД высокого уровня межкультурной компетентности, эмоционального интеллекта и рефлексивного мышления.

Ключевые слова: этнопсихология, орган внутренних дел, личный состав, профессиональное общение, межкультурная компетентность, этнический стереотип, психологическое сопровождение, полиэтническая среда, коммуникативная компетентность, правоохранительная деятельность.

CONTEMPORARY REQUIREMENTS FOR WORKING WITH PERSONNEL AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PROFESSIONAL COMMUNICATION IN THE SYSTEM OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

***E. A. Pletnev**, lecturer of the Department of Psychology and Pedagogy of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***D. V. Pazdnikov**, cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

Given the multi-ethnic composition of Russian society and the transformation of the socio-political environment, the role of ethnopsychological competencies in the professional activities of internal affairs officers is increasing. This article analyzes current requirements for working with law enforcement personnel, taking into account ethnocultural specifics, and identifies the psychological characteristics of professional communication in a multi-ethnic environment. Based on the analysis, it is concluded that effective law enforcement interaction in multicultural Russia is only possible if law enforcement personnel develop a high level of intercultural competence, emotional intelligence, and reflective thinking.

Keywords: ethnopsychology, internal affair agency, personnel, professional communication, intercultural competence, ethnic stereotype, psychological support, multi-ethnic environment, communicative competence, law enforcement.

Современная Россия представляет собой сложное полиэтническое пространство, в котором проживает более 190 народов с разнообразными языками, традициями, религиозными убеждениями и системами ценностей. В этих условиях деятельность органов внутренних дел (далее – ОВД) приобретает особую социальную значимость: сотрудники полиции ежедневно взаимодействуют с представителями различных этнических и культурных групп, что требует от них не только профессиональных, но и глубоких этнопсихологических знаний.

В последние годы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) активно внедряются новые подходы к управлению личным составом, ориентированные на повышение качества служебной деятельности, профилактику профессионального выгорания и укрепление

доверия граждан к правоохранительным органам. Однако недостаточное внимание к этнопсихологическим аспектам профессионального общения нередко приводит к межэтническим конфликтам, нарушению прав граждан и снижению легитимности полиции в глазах этнических меньшинств [7].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного осмысления взаимосвязи между этнопсихологическими особенностями личного состава ОВД и эффективностью его профессионального общения в поликультурной среде.

Современная концепция работы с личным составом в системе МВД России основана на принципах человекоцентричности, профилактической направленности и индивидуального подхода. В соответствии с приказом МВД России от 31 июля 2020 г. № 495, при работе с сотрудниками должны учитываться не только профессиональные качества, но и личностные особенности, включая этнокультурную идентичность, ценностные установки, уровень межкультурной чувствительности [2].

Особое внимание уделяется психологическому отбору и адаптации новых сотрудников, особенно в регионах с высокой этнической гетерогенностью (например, Северный Кавказ, Поволжье, Дальневосточный федеральный округ). Здесь особенно важно выявлять склонность к этнической предвзятости, ксенофобии или агрессивным формам профессионального поведения.

Кроме того, в рамках национальной политики РФ (Стратегия государственной национальной политики до 2025 года) органы власти, включая МВД, обязаны способствовать укреплению межэтнического согласия [1]. Это означает, что работа с личным составом должна включать:

– обучение основам межкультурной коммуникации;

– формирование навыков конструктивного взаимодействия с представителями других этносов;

– профилактику этнических стереотипов и дискриминационного поведения.

Таким образом, современные требования выходят за рамки традиционного управленческого подхода и предполагают целостное развитие личности сотрудника как субъекта межкультурного взаимодействия.

Профессиональное общение сотрудников ОВД в полиэтнической среде характеризуется рядом специфических черт, обусловленных контекстом власти, высоким уровнем стресса и культурными различиями.

Во-первых, асимметрия власти в отношениях «сотрудник полиции – гражданин» может усиливать проявления этнической предвзятости, особенно если у сотрудника сформированы негативные стереотипы в отношении определенной этнической группы. Исследования показывают, что в условиях стресса и неопределенности люди чаще полагаются на стереотипы как на когнитивные «ярлыки», упрощающие восприятие реальности (Фёдорова, 2021). Это может

приводить к дискриминационным практикам, таким как избирательные проверки документов, чрезмерное применение силы или недоверие к показаниям представителей определенных этносов.

Во-вторых, языковой барьер значительно усложняет коммуникацию. Непонимание вербальных и невербальных сигналов может привести к ошибочным интерпретациям: например, в некоторых культурах избегание зрительного контакта – знак уважения, тогда как в русской традиции это может восприниматься как признак лукавства или вины. Аналогично, молчание может означать как согласие, так и протест – в зависимости от культурного контекста.

В-третьих, различия в нормах поведения (например, эмоциональная экспрессивность, дистанция в общении, реакция на авторитет) могут провоцировать конфликты. Так, в культурах Кавказа или Центральной Азии высокая экспрессивность и громкая речь являются нормой, тогда как сотрудник, воспитанный в северной или восточнославянской традиции, может воспринять это как агрессию.

Всё это требует от сотрудника ОВД высокого уровня эмоционального интеллекта, рефлексивности и гибкости в коммуникации – качеств, которые формируются не стихийно, а в процессе целенаправленной подготовки.

Этническая психология, наряду со многими другими науками, занимающимися изучением этнокультурных проблем, предлагает свои пути оптимизации межэтнических отношений и гармонизации межэтнического взаимодействия. Психологическая подготовка к толерантному межэтническому взаимодействию, направленная на повышение этнопсихологической компетентности личности, позволит овладеть необходимыми навыками для гармоничных межэтнических контактов с представителями различной этнической принадлежности. Особую важность проблема этнопсихологической подготовки личности приобретает в правоохранительной сфере, поскольку одним из важнейших направлений деятельности по гармонизации межнациональных отношений и созданию толерантной среды является совершенствование правового регулирования и правоприменительной практики в области межэтнических взаимодействий, повышение уровня компетентности сотрудников правоохранительных органов в вопросах миграционной и национальной политики, способах формирования толерантной среды. Одним из немаловажных факторов эффективности работы правоохранительных органов, силовых структур по профилактике экстремизма и дискриминации на расовой, национальной и религиозной почве является повышение уровня доверия в отношениях правоохранительных органов и этнических сообществ. Это, в частности, относится к строгому соблюдению требований закона при найме на работу и использовании труда этнических мигрантов, улучшению работы органов внутренних дел, осуществляющих их регистрацию и учет занятости, предупреждению дискриминации по этническому признаку в сфере трудовых отношений, профилактике экстремизма и противодействию ксенофобии, прежде всего, в молодежной среде.

Другим важным фактором эффективности работы является этнически толерантное сотрудничество правоохранительных органов с общественными организациями, представляющими ту или иную общность в целях взаимной помощи. Необходимо совершенствование профессиональных навыков сотрудников органов правопорядка, работающих с представителями этнических меньшинств, а также занимающихся расследованиями правонарушений и преступлений на почве этнической и религиозной нетерпимости. Насущной задачей является также информирование населения, в первую очередь, из числа иностранных граждан, о необходимости соблюдения мер безопасности.

Реальная практика отношений между представителями различных этнических общностей в системе правоохранительных органов требует всестороннего исследования и изучения ряда этнопсихологических феноменов и закономерностей, которые являются следствием межнационального взаимодействия. Исследовать эти феномены – значит выявить сущностные характеристики психики того или иного этноса, их закономерности и механизмы проявления. Учет этнопсихологических факторов является важной предпосылкой повышения эффективности деятельности органов внутренних дел и представляет собой процесс использования специальных знаний и навыков, которые следует формировать у сотрудников правоохранительных органов. Уважение национальной культуры, традиций, обычаев наций и народов – важное условие правоохранительной деятельности органов внутренних дел.

Таким образом, правоохранительные органы должны поставить перед собой задачу формирования культуры межличностных отношений, которая представляет собой совокупность мировоззренческих, нравственных, эстетических ценностей нашего общества, взаимообогащающихся и творчески развивающихся в процессе деятельности. Одним из основных элементов такой подготовки является этнопсихологическая подготовка личности к толерантным межэтническим контактам.

В заключении важно выделить, что современные вызовы, стоящие перед ОВД РФ, требуют перехода от формально-бюрократического подхода к работе с личным составом к глубоко гуманистической и этнопсихологически осмысленной модели профессионального взаимодействия.

Эффективность правоохранительной деятельности в полиэтнической среде напрямую зависит от способности сотрудников:

– распознавать и преодолевать собственные этнические стереотипы;

– адаптировать стиль общения под культурные особенности собеседника;

– сохранять нейтральность и профессионализм в условиях межкультурного напряжения.

Таким образом, формирование у личного состава ОВД межкультурной компетентности, эмоциональной устойчивости и рефлексивного мышления должно стать приоритетной задачей системы подготовки и психологического

обеспечения МВД России. Только в этом случае возможно достижение главной цели – обеспечение равного, справедливого и доверительного взаимодействия с каждым гражданином независимо от его этнической принадлежности.

Список источников

1. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1662. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об утверждении Наставления по работе с личным составом в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 31 июля 2020 г. № 495. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Галеева А. Р. Психологические особенности профессионального общения сотрудников полиции в полиэтнической среде // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2022. № 3. С. 78–92.
4. Гришина Н. В. Психологическое сопровождение личного состава ОВД в условиях межэтнической напряженности // Сибирский психологический журнал. 2023. № 1. С. 44–58.
5. Зинченко Ю. П., Холмогорова А. Б. Психология профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. М.: Юрайт, 2022. 368 с.
6. Крысько В. Г. Этнопсихология. М.: ВЛАДОС, 2019. 416 с.
7. Лебедева Н. М. Психология межкультурных взаимодействий. М.: Аспект Пресс, 2020. 288 с.
8. Мироненко И. А. Эмоциональный интеллект и межэтническое взаимодействие в профессиональной среде // Национальный психологический журнал. 2021. № 4 (44). С. 55–67.
9. Петров И. А. Межкультурная компетентность в системе правоохранительных органов России // Психология и право. 2023. Т. 13. № 2. С. 112–125.
10. Фёдорова Е. В. Этнопсихология: учеб. М.: Юрайт, 2021. 320 с.

УДК 159.9

О МОТИВАХ ПОСТУПЛЕНИЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Е. А. Плетнев**, преподаватель кафедры психологии и педагогики Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***Д. Е. Соболева**, курсант Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В современном мире ключевой задачей любого высшего учебного заведения является подготовка высококвалифицированных специалистов, обладающих необходимыми компетенциями для решения профессиональных задач. Образовательные организации стремятся обеспечить качественное обучение студентов, способствуя формированию у них профессионально важных качеств. Особое место в системе высшего образования занимают образовательные организации системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, деятельность которых направлена на подготовку сотрудников органов внутренних дел. Данный процесс существенно отличается от обучения в гражданских вузах, поскольку предполагает формирование навыков и качеств, необходимых для выполнения задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. В связи с этим актуальным становится изучение мотивационных факторов, влияющих на выбор абитуриентами профессии сотрудника органов внутренних дел, а также анализ основных критериев, определяющих мотивацию курсантов в период обучения в образовательных организациях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: мотивация, курсант, абитуриент, орган внутренних дел, образовательная организация системы Министерства внутренних дел Российской Федерации.

ON THE REASONS FOR YOUNG PEOPLE TO ADMISSION TO EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

***E A. Pletnev**, lecturer of the Department of Psychology and Pedagogy of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***D. E. Soboleva**, cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

In the modern world, the key goal of any higher education institution is to train highly qualified specialists with the necessary competencies to solve professional problems. Educational institutions strive to provide high-quality education to students, fostering the development of professionally important qualities. Educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia occupy a special place in the higher education system, focusing on training law enforcement officers. This process differs significantly from training at civilian universities, as it involves developing the skills and qualities necessary to perform tasks related to maintaining public order and ensuring public safety. In this regard, it is becoming increasingly important to study the motivational factors influencing applicants' choice of a career as a law enforcement officer, as well as to analyze the key criteria that determine cadets' motivation during their studies at educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: motivation, cadet, applicant, law enforcement agency, educational institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Актуальность исследования внутренней мотивации абитуриентов при выборе профессии обусловлена тем, что данный выбор определяет их социализацию и профессиональный потенциал. Мотивация играет ключевую роль в формировании у курсантов отношения к будущей профессии, образа сотрудника органов внутренних дел, а также перспектив овладения профессионально важными качествами. Специфика деятельности сотрудников полиции характеризуется постоянным участием в конфликтных и стрессовых ситуациях. Эффективное разрешение таких ситуаций зависит не только от наличия профессионально важных качеств, но и от способности использовать навыки профессионального общения, доведенные до автоматизма. Именно в процессе обучения в образовательных организациях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) закладываются ключевые качества, необходимые

для успешной профессиональной деятельности. Недостаточная осознанность и мотивированность выбора могут негативно сказаться на качестве выполнения профессиональных обязанностей в будущем.

Мотивация является одним из ключевых элементов формирования личности сотрудника органов внутренних дел (далее – ОВД) в период обучения. Она определяет поведение курсанта, его успехи в учебе и профессиональной подготовке. Мотивация представляет собой психологическую особенность личности, которая формирует жизненное самоопределение человека.

Профессиональное самоопределение лиц переходного возраста часто характеризуется недостаточной рефлексивной глубиной. На данном этапе образование нередко воспринимается абитуриентами не как ценность само по себе, а в качестве социального инструмента, гарантирующего стабильность и карьерный успех. Однако выбор образовательной траектории, в частности, решение о поступлении в ведомственный вуз, является полимотивированным актом, детерминированным как внутренними устремлениями, так и комплексом внешних детерминант. К последним можно отнести социальный прессинг со стороны референтной группы (семьи, ближайшего окружения), прагматичный запрос на социальную защищенность, а также фактор доступности самого учебного заведения. Совокупность этих причин оказывает прямое влияние на формирование учебной мотивации и, как следствие, на эффективность освоения будущей профессиональной деятельности.

В контексте ведомственных образовательных организаций МВД России значимость осознанного выбора многократно возрастает в силу соледующего ряда институциональных особенностей учебного процесса.

1. Приоритет ранней профессионализации. С первого дня обучения учебно-воспитательный процесс выстроен вокруг формирования профессиональной идентичности курсанта. Происходит не просто передача знаний, а целенаправленное развитие личностных качеств, служебно-профессионального мировоззрения и системы ценностей, адекватных будущим оперативно-служебным задачам.

2. Дуализм образовательной парадигмы. Подготовка носит комплексный, многомерный характер, где академическая составляющая неразрывно связана с физическим и психологическим компонентом. Постоянное совершенствование в области специальной физической, тактико-специальной и огневой подготовки создает уникальную образовательную среду, которая предъявляет повышенные требования к морально-психологической устойчивости обучающихся.

3. Императив практико-ориентированного подхода. Дидактический процесс органично интегрирован с реальной практикой органов внутренних дел. В ходе учебных стажировок курсанты непосредственно включаются в выполнение служебных функций, таких как охрана общественного порядка и содействие в проведении оперативно-розыскных мероприятий, что обеспечивает эффект «погружения» в профессию уже на этапе обучения.

Указанные аспекты требуют высоких моральных качеств курсантов, так как адаптация к таким условиям представляет собой сложный процесс. Недостаточная мотивация может привести к снижению интереса к учебе, формальному отношению к процессу обучения и формированию ошибочных представлений о будущей профессиональной деятельности. Мотивация выступает как побудительная сила, организующая поведение и деятельность субъекта, направляя его на удовлетворение потребностей. При выполнении действий без внутреннего желания (например, под влиянием принуждения или страха наказания) результативность снижается [2]. Положительные результаты возможны лишь при наличии развитого чувства долга, совести и ответственности.

Таким образом, мотивы абитуриентов должны быть ориентированы на освоение профессиональных качеств, а не на второстепенные факторы. Положительными мотивами поступления являются следующие.

1. Патриотизм и стремление служить обществу. Молодые люди, выбирая профессию, могут руководствоваться любовью к своей стране и желанием внести вклад в ее безопасность. Служба в ОВД рассматривается как возможность принести пользу государству и обществу.

2. Семейные традиции. Поступление в образовательные организации МВД России часто обусловлено семейными ценностями. Однако данный мотив считается положительным только при условии, что решение принимается самим абитуриентом, а не под давлением родителей.

3. Интерес к праву и юриспруденции. Абитуриенты, увлеченные изучением законодательства и разрешением правовых конфликтов, видят в образовании МВД России возможность углубленного изучения права и его практического применения.

4. Стабильность и социальные гарантии. Этот фактор является противоречивым, так как абитуриент должен осознавать не только преимущества профессии, но и связанные с ней трудности.

Таким образом, мотивация абитуриентов, поступающих в образовательные организации МВД России, играет ключевую роль в качественном освоении ими профессиональных навыков. Высокий уровень внутренней мотивации способствует активности курсантов в достижении целей, как в учебе, так и в практической деятельности. Осознание значимости будущей службы способствует развитию таких качеств, как настойчивость, усердие и дисциплина. Служба в ОВД требует высокой стрессоустойчивости и эмоциональной устойчивости, которые формируются именно в процессе обучения. Мотивация помогает курсантам развивать терпимость к трудностям, способность преодолевать неудачи и находить внутренние резервы для решения сложных задач.

Список источников

1. «Помочь тому, кто в беде»: зачем молодые люди идут в курсанты МВД и кого считают настоящими героями // Комсомольская правда: [сайт]. URL: https://www.kp.ru/daily/27243/4371933/ (дата обращения: 25.10.2025).
2. Кучерявенко И. А., Шкилев С. В., Зиборова Е. И. Проблема мотивационной готовности курсантов учебных заведений МВД к профессиональной деятельности // Молодой ученый. 2015. № 24 (104). С. 1086–1088.
3. Федотов С. Н., Мальцева Т. В., Милюкова Ю. Д. Психологические особенности мотивации курсантов образовательных организаций МВД России // Прикладная психология и педагогика. 2020. № . 3. С. 105–121.
4. Хамидова И. В., Свинарева О. В., Лопатин Е. А. Психолого-педагогический аспект формирования мотивации к обучению лиц, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 4. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=27811 (дата обращения: 27.10.2025).

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

***Н. А. Покотиленко**, преподаватель кафедры специальной подготовки Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова*

В статье рассмотрен феномен психологического благополучия сотрудников органов внутренних дел как показатель их психологического здоровья. Актуальность статьи заключается в необходимости выявления факторов, определяющих психологическое благополучие сотрудников, гипотезой явилось предположение о различиях в субъективном благополучии в зависимости от специального звания сотрудника органов внутренних дел, установлены значимые различия по уровню психологического благополучия в зависимости от специального звания сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: психологическое благополучие, сотрудник органа внутренних дел, удовлетворенность жизнью, профессиональная деятельность, психологическая устойчивость.

PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF INTERNAL AFFAIRS OFFICERS

***N. A. Pokotilenko**, lecturer of the Department of Special Training of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov*

The article examines the phenomenon of psychological well-being of employees of internal affairs bodies as an indicator of their psychological health. The relevance of this article lies in the need to identify the factors that determine the psychological well-being of employees, and the hypothesis is that there are differences in subjective well-being depending on the special rank of an employee of internal affairs bodies. Significant differences in the level of psychological well-being were found depending on the special rank of employees of internal affairs bodies.

Keywords: psychological well-being, employee of internal affairs body, life satisfaction, professional activity, psychological stability.

Психологическое благополучие сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) является одним из ключевых факторов эффективной профессиональной деятельности правоохранительных органов. Высокий уровень психологической устойчивости позволяет полицейским успешно справляться с эмоциональными нагрузками, стрессовыми ситуациями, сохранять способность эффективно решать служебные задачи и принимать решение в критических ситуациях.

В современных научных публикациях значительное внимание уделяется вопросам повышения уровня качества жизни населения, ключевыми индикаторами которого являются показатели психологического благополучия, удовлетворенности жизненной ситуацией и наличие условий для полноценной реализации личного потенциала. Данная тема приобретает особую значимость применительно к представителям профессиональных групп, деятельность которых сопряжена с повышенными рисками и стрессовыми нагрузками, такими как сотрудники правоохранительной системы.

Спецификой рассматриваемой профессиональной деятельности являются высокий уровень стрессовых воздействий, частые экстремальные обстоятельства и значительные эмоциональные перегрузки, оказывающие негативное влияние на состояние психического здоровья сотрудников, ухудшающие показатели их психологического благополучия и отражающиеся на общем самочувствии.

В научной среде неоднократно подчеркивается, что создание условий для поддержания высокого уровня психологического благополучия сотрудников ОВД является ключевым фактором, обеспечивающим укрепление их психического здоровья, повышение качества профессиональной деятельности и улучшение общего уровня жизни.

Согласно наблюдениям Р. И. Катунникова, значительное воздействие на психоэмоциональное состояние сотрудников ОВД оказывает ряд факторов, среди которых высокая степень эмоциональной нагрузки в процессе исполнения должностных обязанностей, нехватка временных ресурсов либо недостаточная компетентность в применении методик саморегуляции негативных эмоций, недовольство условиями труда, графиком работы, взаимодействием с руководством и коллегами. Эти обстоятельства способствуют формированию неблагоприятных условий, негативно отражающихся на ощущении сотрудниками психологического комфорта и удовлетворенности профессиональной деятельностью [3].

Психологическое благополучие определяется как субъективная оценка качества жизни индивида, включающая эмоциональные переживания положительной направленности, высокий уровень вовлеченности в деятельность и наличие смысла существования.

Данное понятие охватывает разнообразные проявления позитивного человеческого опыта, среди которых выделяются ощущения счастья,

удовлетворения жизнью и осознание достижения значимых целей. Следовательно, психологическое благополучие представляет собой индивидуально воспринимаемый комплекс позитивных психоэмоциональных состояний, характеризующих качество внутренней жизни субъекта.

Одной из первых и наиболее влиятельных концепций психологического благополучия является модель, представленная в книге «Позитивная психология» M. E. Seligman и M. Csikszentmihalyi (2000). Они определяют данное состояние как сочетание двух ключевых факторов: наличие положительных эмоциональных переживаний и высокая степень вовлечения индивидов в значимые виды деятельности.

Концепция предусматривает наличие взаимосвязи между регулярным переживанием положительных эмоций, вовлеченностью в значимую деятельность и высоким уровнем психологического благополучия лиц. Впоследствии данная концепция была дополнена рядом исследователей посредством включения новых аспектов, среди которых выделяются позитивные межличностные отношения, стремление к личностному развитию и осознание смысла жизни. Например, Карлотта Д. Райфф разработала классификацию, включающую шесть ключевых элементов психологического благополучия, наличие четких жизненных целей; постоянное развитие личности; принятие собственной индивидуальности; способность устанавливать конструктивные социальные связи; контроль над социальными взаимодействиями; автономность и независимость действий и решений.

Данные характеристики охватывают ощущение личной автономии индивидуумом, осознанное управление собственной средой обитания, потенциал для самореализации и развития личности, умение устанавливать гармоничные межличностные связи, а также наличие осмысленной жизненной перспективы.

Следует отметить отсутствие единого подхода среди ученых относительно соотношения понятий субъективного и психологического благополучия.

Исследователи подчеркивают значимость ощущения психологического благополучия сотрудников, которое представляет собой комплексный феномен, состоящий из ряда ключевых компонентов. К таким компонентам относятся коммуникабельность, творческое мышление, адаптивность поведенческих реакций, устойчивая система ценностных ориентаций, принятие себя, выраженная профессиональная самоидентификация, благоприятные семейные отношения и личностная зрелость [2].

Отсутствие воздействия стрессовых факторов способствует своевременному осознанию сотрудниками своего состояния, потребностей и возможностей, что создает условия для целенаправленного самосовершенствования, принятия адекватных решений и демонстрации высоких профессиональных результатов [4].

Безусловно, лица, характеризующиеся высоким уровнем психологического благополучия, демонстрируют склонность к переживанию положительных эмоций, вовлеченности в осмысленную деятельность и установлению удовлетворительных межличностных взаимоотношений [5]. Таким образом, психологическое благополучие представляет собой значимый компонент психического и эмоционального здоровья, нуждающийся в систематическом внимании и поддержке. Каждый индивид способен содействовать собственному психологическому благополучию посредством участия в активностях, способствующих личностному развитию, поддержания конструктивных социальных связей, формирования ясного понимания целей и смыслов своей жизнедеятельности.

В ходе проведенного исследования М. Г. Бариновой, Е. Г. Зуевой, Ю. Н. Корепановой психологического благополучия у сотрудников полиции установлено, что сотрудники ОВД, относящиеся к категории рядового состава и младшего начальствующего состава, характеризуются сниженным уровнем доверия к окружающим лицам, пониженной способностью к эмпатии, менее развитыми эмоциональными связями и близостью межличностных взаимоотношений, недостаточными показателями целеустремленности и направленности действий, неудовлетворенностью текущими жизненными обстоятельствами, преобладанием негативных ожиданий относительно окружающей действительности [1].

Чувство предсказуемости, упорядоченности и управляемости происходящих событий, а также ясности собственных эмоциональных откликов наиболее выражено среди сотрудников правоохранительных органов, занимающих высокие должности. Наблюдается направленность на положительное психоэмоциональное благополучие, развитие личности, способность контролировать окружающую среду, независимость поведения. Данные сотрудники демонстрируют ярко выраженную положительную установку восприятия действительности, ориентированную на общий позитивный настрой, проявляющийся в чувстве удовлетворения своей личностью и условиями жизни. Отмечается повышенное восприятие собственного физического состояния, высокая активность, уверенность в себе, развитое чувство оптимизма, коммуникабельность и вера в собственные силы [1].

Можно констатировать, что представители среднего и старшего руководящего звена оценивают свое положение значительно лучше, нежели сотрудники младшего командного и рядового состава.

Работники младшего командного и рядового состава проявляют меньшую степень доверия к окружающим людям, демонстрируют сниженный уровень эмпатии, характеризуются слабостью социальных связей и близких взаимоотношений.

Низкий должностной статус обусловливает недостаточную целеустремленность, склонность к негативному восприятию прошедших и текущих событий, отсутствие выраженной ориентации на достижение целей.

Представители младших должностных категорий отличаются меньшей удовлетворенностью текущими жизненными обстоятельствами, характеризуют окружающую действительность в преимущественно пессимистическом ключе.

Способность воспринимать события как предсказуемые, организованные, контролируемые и понятные в плане эмоций является особенностью сотрудников старших должностей.

Оценивая собственное здоровье, работники среднего и высшего управленческого уровня чаще склонны давать положительные и объективные оценки своему физическому состоянию, демонстрируя большую активность.

Выполнение повседневных служебных обязанностей вызывает больше негативных эмоциональных переживаний среди сотрудников полицейских подразделений, занимающих нижестоящие должности [1].

Анализ полученной информации позволяет сделать вывод о том, что наибольшая потребность в психологической поддержке и одобрении со стороны коллег и руководства характерна для сотрудников ОВД, относящихся к категории рядового и младшего начальствующего состава.

Фактом, не подлежащим доказательству, является признание работы в ОВД в качестве профессии повышенной сложности и социальной значимости, что обусловливает возникновение ряда специфических потребностей среди личного состава. Это обстоятельство объективно требует сосредоточения внимания руководителей на обеспечении высокого уровня психологической устойчивости сотрудников, определяя данную сферу в качестве приоритетной для дальнейшего развития механизмов кадрового обеспечения, эффективного управления персоналом и реализации его потенциальных возможностей.

Полученные результаты исследования целесообразно применять в рамках системы наставничества, а также для оптимизации и повышения качества организационно-управленческих процессов в правоохранительных органах.

Таким образом, обеспечение психологического благополучия сотрудников ОВД требует комплексного подхода, включающего обучение, поддержку и создание благоприятных условий для работы и отдыха. Это позволит повысить эффективность правоохранительной системы и снизить риски профессиональных заболеваний и травматизма.

Список источников

1. Баринова М. Г., Зуева Е. Г., Корепанова Ю. Н. Психологическое благополучие сотрудников полиции // Вестник Самарского юридического института. 2024. № 4(60). С. 87–89.

2. Горбач Н. А., Панюкова Ю. Г., Панина Е. Н. Проблемы психологического благополучия сотрудников ОВД в условиях профессиональной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 3. С. 3–6.
3. Канунников Р. И. Факторы психологического благополучия сотрудников правоохранительных органов // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2024. № 1 (90). С. 204–210.
4. Основные подходы к пониманию благополучия сотрудника: от теории к практике / А. Ю. Лисовская [и др.] // Организационная психология. 2021. Т. 11. № 1. С. 93–112.
5. Стрельникова Ю. Ю. Удовлетворенность трудом и субъективное благополучие сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (100). С. 228–236.

УДК 378

СТРЕСС КАК ФАКТОР РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Н. В. Прокопцева**, начальник кафедры психологии и педагогики Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат педагогических наук, доцент;*

***А. С. Писаренко**, курсант Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В работе рассматривается влияние стресса на процесс обучения курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации, освоения ими учебных дисциплин, а также формирования у них навыка стрессоустойчивости. Актуальность данной темы не вызывает сомнений, ведь курсанты на протяжении всего обучения могут сталкиваться с различными факторами стресса, которые могут оказать влияние на процесс освоения ими новых профессиональных знаний и навыков, необходимых им для успешного становления квалифицированными специалистами.

Ключевые слова: стресс, симптомы стресса, образовательные организации Министерства внутренних дел Российской Федерации, курсанты.

STRESS AS A FACTOR IN THE EFFECTIVENESS OF EDUCATIONAL ACTIVITIES OF CADETS AT EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

***N. V. Prokoptseva**, head of the Department of Psychology and Pedagogy of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Pedagogy, Associate Professor;*

***A. S. Pisarenko**, cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The paper examines the impact of stress on the learning process of cadets in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, their mastery of academic disciplines, and the development of their stress-resistance skills. The relevance of this topic is undeniable, as cadets may face various stress factors throughout their training, which can affect their ability to acquire new professional knowledge and skills necessary for becoming qualified specialists.

Keywords: stress, stress symptoms, educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs, cadets.

Стресс является естественной реакцией организма человека на внутренние и внешние раздражители, которая сопровождает его на протяжении всей жизни и может оказывать влияние на различные сферы деятельности, к числу которых относится процесс обучения. Актуальность данной темы не вызывает сомнений, ведь обучение курсантов сопряжено со стрессом. На протяжении всего обучения они сталкиваются с различными стрессовыми ситуациями, которые создают повышенное физическое и психическое напряжение, обусловленное специфичностью совмещения образовательного процесса и несения курсантами службы.

С момента зачисления гражданина на обучение в образовательную организацию системы Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) он приобретает два специальных правовых статуса: статус сотрудника органов внутренних дел (далее – ОВД) и статус курсанта, именно поэтому курсанты представляют собой особую категорию обучающихся. В процессе получения образования они должны освоить не только определенные учебные дисциплины, но и ряд иных компетенций, составляющих основу их профессиональной подготовки, которая необходима для выполнения возложенных на них обязанностей как сотрудников ОВД. В частности, курсанты должны обладать стрессоустойчивостью и способностью грамотно распоряжаться ресурсами психики. Подтверждение данной мысли можно найти в п. 3.3 приказа Минобрнауки России от 31 августа 2020 г. № 1138 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности», в котором указано, что курсанты должны быть способны «применять методы психической регуляции для оптимизации профессиональной деятельности и психического состояния, в том числе в сложных и экстремальных условиях, применять психологические методы, приемы и средства профессионального общения, предупреждать и конструктивно разрешать конфликтные ситуации в процессе профессиональной деятельности, обеспечивать решение профессиональных задач психологическими методами, средствами и приемами» [2].

Таким образом, в процессе обучения курсанты должны развить в себе профессионально значимое качество «стрессоустойчивость», которое представляет собой способность преодолевать воздействие стресса на организм без негативных результатов для своей трудовой деятельности. Для достижения этой цели курсанты обучаются методам психической регуляции, а также приемам и средствам профессионального общения, которые помогут им эффективно выполнять возложенные на них обязанности, сохранять спокойствие и принимать верные решения в сложных и экстремальных условиях.

Стресс в общем виде представляет собой защитную реакцию организма от воздействия на него неблагоприятных факторов, которая характеризуется повышенным эмоциональным и физическим напряжением. Рассмотрим основные факторы стресса, оказывающие влияние на эффективность учебного процесса. Курсантам необходимо постоянно поддерживать служебную дисциплину на высоком уровне. Данное положение закреплено в п. 6.3 приказа МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» [1]. Неукоснительное соблюдение служебной дисциплины затрачивает большой объем энергии и ресурсов психики, что, в свою очередь, способно привести курсанта в состояние повышенной утомляемости и напряженности.

Обширный поток новой информации, на усвоение которой организм затрачивает большие объемы ресурсов психики, также является стрессором. Новая информация носит характер профессиональных знаний, которыми курсант обязан овладеть для успешного освоения выбранной им профессии. Юридические термины, различные научные концепции не всегда доступны для понимания в силу их комплексности и сложности, в связи с чем у курсантов может возникать чувство тревожности и неуверенности в своих силах.

Адаптация к новому коллективу также выступает фактором, способным спровоцировать стресс. Обучение курсантов происходит в тесном взаимодействии друг с другом. Различия в поведении, привычках, предпочтениях, восприятии мира и окружающей действительности членов группы способны вызвать недопонимания в общении, в связи с чем организму необходимо затрачивать больше сил для предотвращения конфликтов.

К качеству знаний, получаемых курсантами в процессе освоения ими учебных дисциплин, предъявляются особые ожидания, которые могут исходить извне или формироваться самим курсантом. Так, ко внешним можно отнести ожидания преподавателей, родителей или других людей, чье мнение для курсанта является авторитетным, об успешной сдаче сессии, успешном освоении выбранной профессии и т. д., а ко внутренним – ожидания самого курсанта, например, о получении им оценки отлично на экзамене. Данные ожидания независимо

от их источника происхождения способны сформировать страх несоответствия им, что, в свою очередь, способно вызвать повышенную эмоциональную напряженность.

Важными факторами, провоцирующими стресс, являются факторы, которые исходят из личной жизни курсанта: отдаленность от семьи и иных близких людей, конфликты в семье, финансовые трудности – всё это оказывает влияние на мотивацию и настроение обучающегося, которое находит отражение в учебной деятельности. Различные проблемы в личной жизни оказывают влияние на восприятие курсантом окружающей действительности и той информации, которую он получает в учебном заведении, из-за чего может ухудшиться понимание учебного материала.

Неумение эффективно организовать свободное время является опосредованным фактором стресса. Обучение представляет собой динамичный процесс, связанный с изучением одновременно нескольких дисциплин, для овладения которыми необходимо продуктивно работать как на лекциях, семинарах и практических занятиях, так и в периоды самостоятельной подготовки, изучая различную научную и учебную литературу. Всё это затрачивает большое количество времени. Неэффективная организация свободного времени, связанная с самостоятельным изучением учебных дисциплин, способна привести к пробелам в знаниях, чувству тревожности и ощущению постоянной нехватки времени и сил.

Вышеописанные факторы стресса способны оказать деструктивное влияние на учебный процесс курсантов, вызывая у них повышенную напряженность и утомляемость, чувство страха, неуверенности, рассеянности и снижение мотивации. Осознание данных факторов является первым шагом к преодолению как напрямую, так и косвенно отрицательных последствий стресса и формированию качества стрессоустойчивости, что способно привести к повышению эффективности процесса обучения.

Вячеслав Алексеевич Бодров в своей работе «Психологический стресс: развитие и преодоление» писал, что стресс – это «функциональное состояние организма и психики, которое характеризуется существенными нарушениями биохимического, физиологического, психического статуса человека и его поведения в результате воздействия экстремальных факторов психогенной природы (опасность, угроза, сложность или вредность условий жизнедеятельности)» [3]. Необходимо подчеркнуть, что стресс носит индивидуальный характер, он проявляется в зависимости от особенностей психики конкретного индивидуума и ситуации, в которой он находится, при этом поведение человека, находящегося в состоянии стресса, отличается от привычного. Стресс оказывает влияние на психику человека и, как следствие, на его настроение и психоэмоциональное

состояние. Так, можно выделить основные симптомы стресса, которые проявляются на невербальном уровне и служат сигналом для окружающих о стрессовом состоянии, в котором находится человек: резкость движений, обгрызание ногтей, накручивание волос, нервное постукивание пальцами по различным поверхностям или ногой по полу, одергивание одежды и т. д. В свою очередь, организм реагирует на проявления стресса следующим образом: повышенное потоотделение, сухость во рту, бессонница, потеря аппетита, тремор или спазм конечностей, головные боли, повышенная утомляемость. При этом человек может чувствовать себя подавленно, раздраженно или обидчиво. Таким образом, данные симптомы являются внешним и внутренним отражением стресса, по которым его можно распознать. Данные симптомы способны оказать негативное влияние на процесс обучения, а именно: спровоцировать ухудшение внимания и сосредоточенности, снизить мотивацию и желание профессионально самосовершенствоваться.

Однако влияние стресса на учебную деятельность двойственно, оно может проявляться по-разному. Стресс может побуждать человека к активности и продуктивности или, напротив, к разрушительному, апатичному состоянию. В 1936 году канадский физиолог Ганс Селье разработал физиологическую теорию стресса, которая является актуальной и в настоящее время. Согласно данной теории стресс – это неспецефический ответ организма на любое предъявляемое ему требование [4]. Г. Селье выделял стресс, положительно влияющий на человека – эустресс, а также оказывающий отрицательное влияние на организм и деятельность человека – дистресс. Так, курсант испытывающий стресс перед сдачей экзамена, может почувствовать на себе влияние эустресса, что приведет к мобилизации его сил и продуктивности или влияние дистресса, который способен привести его в состояние паники или ступора.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что обучение курсантов образовательных организаций системы МВД России представляет собой комплексный процесс, заключающийся не только в освоении содержания определенных учебных дисциплин, но и в развитии профессионально значимого качества «стрессоустойчивость», помогающего поддерживать свое психологическое состояние на уровне, необходимом для эффективной реализации служебных обязанностей. На протяжении всего процесса обучения курсанты могут сталкиваться с различными стрессовыми ситуациями, которые способны оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на эффективность учебного процесса. Осознание причин и симптомов стресса является первым шагом к минимизации его воздействия на организм и, как следствие, на учебную деятельность.

Список источников

1. Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 26.06.2020 № 460: ред. от 02.05.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности: приказ Минобрнауки России от 31.08.2020 № 1138. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Бодров В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПБР СЭ, 2006. С. 21.
4. Психология стресса: теория и практика: учеб.-метод. пособие / М. Л. Мельникова; Урал. гос. пед. ун-т; науч. ред. Л. А. Максимова. Екатеринбург: [б. и.], 2018. С. 7.

УДК 159.9

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

***О. Ф. Халитов**, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России*

Статья посвящена анализу психологических и педагогических вызовов цифровой трансформации правоохранительной системы. Рассматриваются изменения в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел под влиянием цифровизации, включая формирование нового психологического портрета, проблемы доверия к технологиям, социально-психологические последствия прозрачности деятельности и кадровые трудности, связанные с межпоколенческим разрывом. Особое внимание уделяется роли педагогов и психологов в условиях внедрения дистанционных форм обучения, перспективе использования VR-технологий, а также необходимости развития психологической устойчивости сотрудников при ограниченных возможностях действующих психологических служб.

Ключевые слова: цифровая трансформация, орган внутренних дел, психологическая устойчивость, педагогический вызов, профессиональная подготовка, медиаграмотность, межпоколенческий разрыв, дистанционное обучение, VR-технология, психологическая служба Министерства внутренних дел Российской Федерации, информационная угроза, человеческий фактор.

DIGITAL TRANSFORMATION OF LAW ENFORCEMENT: PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CHALLENGES

***O. F. Khalitov**, senior lecturer of the Department of Humanities and Socioeconomic Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

This article analyzes the psychological and pedagogical challenges of the digital transformation of the law enforcement system. It examines changes in the professional activities of law enforcement officers under

the influence of digitalization, including the formation of a new psychological profile, issues of trust in technology, the socio-psychological consequences of operational transparency, and personnel difficulties associated with the intergenerational gap. Particular attention is paid to the role of teachers and psychologists in the context of the introduction of distance learning, the prospects for using VR technologies, and the need to develop the psychological resilience of officers given the limited capacity of existing psychological services.

Keywords: digital transformation, law enforcement agency, psychological resilience, pedagogical challenge, professional training, media literacy, intergenerational gap, Distance learning, VR technology, psychological service of the Ministry of Internal Affairs, information threat, human factor.

Цифровая трансформация – это внедрение современных технологий (искусственный интеллект, bigdata, автоматизация процессов) во все сферы деятельности, включая правоохранительные органы. Сегодня Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) сталкивается с необходимостью не просто освоить новые инструменты, но и адаптировать под них мышление сотрудников. Она меняет не только техническую базу, но и профессиональную культуру внутри системы. По сути, речь идет о переходе от «традиционного» правоохранителя к сотруднику нового типа – цифровому специалисту с правовыми и психологическими компетенциями.

В этой новой реальности правоохранительная деятельность всё больше связана с обработкой цифровых следов, анализом видеоданных, киберпреступностью. Служба приобретает черты «информационной работы», что требует принципиально новых компетенций. Появляются новые профессии внутри МВД – аналитики данных, специалисты по цифровой криминалистике, специалисты по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий. Всё это вызывает необходимость перестройки организационной структуры и формирования новой философии службы.

Такие изменения влияют и на психологический портрет сотрудника. Сегодня он должен уметь быстро переключаться между задачами, работать с большими объемами информации и критически оценивать цифровые источники. Это меняет традиционный образ полицейского: акцент смещается на аналитические и когнитивные качества. Развиваются новые профессионально важные качества: информационная гибкость, медиаграмотность, устойчивость к перегрузке. Психологическая подготовка должна формировать не только физическую, но и «цифровую выносливость» сотрудника.

Однако столь быстрые изменения порождают и ряд вызовов. Технологическая среда обновляется настолько стремительно, что у сотрудников может возникать чувство «неуспеваемости». Это приводит к стрессу, тревожности, усталости и повышает риск профессионального выгорания. Дополнительное давление оказывает снижение «живого» общения с гражданами, а нередко цифровизация воспринимается как угроза привычному профессиональному опыту. В этой ситуации задача психологов – помочь сотрудникам пройти процесс адаптации и увидеть в новых технологиях ресурс, а не проблему.

Особое внимание требует вопрос доверия к цифровым системам. Алгоритмы и искусственный интеллект всё чаще участвуют в принятии решений. С одной стороны, есть опасность «слепого» доверия машинам, с другой – сопротивление и недоверие сотрудников к автоматизации. Особенно остро это проявляется в ситуациях, где ошибка алгоритма может повлиять на судьбу человека. Поэтому необходимо формировать культуру осознанного взаимодействия с технологиями, обучая сотрудников навыкам критического анализа решений, выдаваемых цифровыми системами.

Цифровизация имеет и социально-психологические последствия. Новые технологии делают деятельность полиции максимально прозрачной. Это усиливает контроль и снижает возможность ошибок, но одновременно создает психологическое давление: любое действие фиксируется. В обществе доверие к органам власти теперь во многом формируется через призму цифровых сервисов. Наличие постоянного контроля может вызывать чувство неуверенности и страх наказания за малейшую ошибку. В то же время при правильной организации оно способствует дисциплине и профессиональной ответственности.

В этих условиях особую значимость приобретают педагогические задачи. Цифровая грамотность становится базовой частью профессиональной компетенции. Учебные программы МВД России должны включать основы киберпсихологии, медиаграмотности и психологию цифровых коммуникаций [1, с. 258]. Это требует пересмотра традиционного подхода к обучению и обновления методик. При этом важно учитывать психологические различия курсантов в освоении технологий: кто-то осваивает цифровые инструменты легко, а кому-то необходима дополнительная поддержка. Современный педагог в системе МВД России всё чаще рассматривается не только как наставник, но и как проводник в цифровой мир. Однако на практике возникает противоречие: нередко сами преподаватели чувствуют себя неуверенно в цифровой среде. Теоретические знания можно почерпнуть из учебников, но реального опыта работы с технологиями это не заменяет. Возникает закономерный вопрос: как педагог может передавать цифровые навыки, если он сам ими не владеет в полной мере?

Обновление содержания подготовки сегодня сопровождается внедрением новых методов обучения. Всё активнее применяются дистанционные

и очно-заочные формы, где значительная часть материала осваивается через цифровые платформы. Однако при таком формате снижается возможность полноценной отработки практических навыков в живой контактной форме, что особенно важно для будущих сотрудников органов внутренних дел. В этой связи особую актуальность приобретают VR-тренажеры и симуляционные технологии, о широком внедрении которых пока можно лишь говорить как о перспективе.

Подобные решения позволяют моделировать ситуации, максимально приближенные к реальности, и тем самым повышают готовность к службе. В то же время важно подчеркнуть, что они не могут заменить «живую» практику, которая формирует эмоционально-волевую устойчивость и умение действовать в реальных условиях. Таким образом, цифровые инструменты должны занимать вспомогательную позицию, усиливая, но не подменяя непосредственный практический опыт.

Одним из факторов, осложняющих процесс цифровой трансформации, является межпоколенческий разрыв. Молодые сотрудники быстрее адаптируются к новым системам, тогда как более опытным коллегам это дается значительно сложнее. Это касается и педагогов, которым зачастую трудно перестроить привычные методики под новые цифровые требования. Возникает риск разрыва внутри коллектива, который можно преодолеть за счет наставничества, тьюторства и использования смешанных форм обучения. Старшее поколение обладает ценным опытом принятия решений в реальных условиях, и его соединение с цифровыми навыками молодежи способно дать максимальный результат.

Однако существует и еще одна, более глубокая проблема межпоколенческого характера. Она связана не столько с технологиями, сколько с самим кадровым составом. В последние годы в ряде подразделений МВД России существенно вырос некомплект личного состава, достигающий в некоторых случаях 30 % [2]. Молодежь приходит в систему, но, не находя соответствия между уровнем оплаты труда и своими ожиданиями, нередко быстро уходит. В то же время «старожилы» нередко просто дорабатывают до пенсии, не успевая в полной мере передать накопленные знания и практический опыт. Это создает серьезный разрыв поколений, который выражается не только в различии цифровых компетенций, но и в утрате преемственности как основы профессиональной культуры органов внутренних дел.

Вместе с этим возрастает необходимость формирования психологической устойчивости. Сотрудники должны уметь защищаться не только от физических, но и от информационных угроз. Для этого нужны тренинги стрессоустойчивости, развитие критического мышления и навыков фильтрации информации. Такие занятия могут включать элементы когнитивно-поведенческих техник и психологической саморегуляции.

Однако реальность такова, что психологическая служба в системе МВД России сегодня в основном сосредоточена на узких задачах – профессиональном отборе кандидатов и проведении скрининговых исследований личного состава. Функции «живого» сопровождения, регулярной поддержки и профилактики выгорания фактически остаются на периферии. Это создает заметный разрыв между объективной потребностью в развитии психологической устойчивости и реальными возможностями ее формирования в профессиональной среде [3, с. 243].

В этих условиях особенно важно искать новые организационные и педагогические решения, которые позволят интегрировать психологическую поддержку в повседневную деятельность сотрудников, а не сводить ее лишь к формальным процедурам.

Несмотря на активное внедрение технологий, нельзя забывать о ключевой роли человека. Ни одна система не способна заменить человеческое суждение и моральный выбор. Сотрудник МВД остается основной фигурой, принимающей окончательное решение. Роль «человеческого фактора» особенно велика в кризисных ситуациях, где необходимы эмпатия и этическая ответственность. Поэтому важно подчеркнуть: цифровизация – это инструмент, призванный усиливать профессионализм, но не заменять личность сотрудника.

Таким образом, цифровая трансформация правоохранительной системы является вызовом не только технологическим, но и гуманитарным. Для ее успешного внедрения необходим комплексный подход: развитие цифровых компетенций, психологическая поддержка сотрудников и адаптация образовательных программ. Только при таком сочетании можно обеспечить эффективность и устойчивость органов внутренних дел в XXI в. Задача науки заключается в том, чтобы сопровождать этот процесс, выявляя риски и предлагая практические решения. Будущее полиции – это гармония технологий и человека.

Список источников

1. Расторопов С. В. Цифровые доказательства в расследовании преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13, № 5. С. 256–259.
2. Колокольцев заявил, что МВД не хватает больше 170 тыс. сотрудников // РБК: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/politics/05/03/2025/67c8375a9a794797bf603045 (дата обращения: 07.09.2025).
3. Халитов О. Ф. Конфликты интересов в психологической работе в современных условиях // Теория и практика психологической работы и профессионального обучения психологов силовых структур: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 21 ноября 2023 года. М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2024. С. 241–244.

УДК 159.99

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

***Е. Р. Чернобродов**, преподаватель предметно-цикловой комиссии «Общегуманитарных и социально-экономических дисциплин» Хабаровского института инфокоммуникаций Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, кандидат психологических наук, доцент*

Статья посвящена психологическим особенностям восприятия личностью сведений, получаемых в информационном пространстве. Показан ряд проблем, порождающих деструктивное воздействие на человека. Фокус внимания смещен в сторону роли информационно-психологической безопасности личности.

Ключевые слова: информационно-психологическая безопасность, деструктивное воздействие, негативные переживания, личность, информационная среда, средства массовых коммуникаций.

PSYCHOLOGICAL SECURITY OF THE INDIVIDUAL IN THE INFORMATION SPACE

***E. R. Chernobrodov**, lecturer of the subject-cycle commission "General Humanities and Socio-Economic Disciplines" of the Khabarovsk Institute of Infocommunications of the Siberian State University of Telecommunications and Informatics, kandidat nauk, degree in Psychology, Associate Professor*

This article examines the psychological characteristics of how individuals perceive information received in the information space. A number of issues that can have a destructive impact on individuals are highlighted. The focus is on the role of information and psychological security in individuals.

Keywords: information and psychological security, destructive impact, negative experiences, personality, information environment, mass media

Человек в XXI в. в процессе своей жизнедеятельности не мыслит себя вне информационного пространства. Информационное пространство служит аккумулятором мировоззренческих постулатов и традиционных представлений об обществе. Поэтому вопросы психологической безопасности личности в нем становятся достаточно актуальными.

«Информационное пространство – совокупность информационных ресурсов и инфраструктур, которые составляют государственные и межгосударственные компьютерные сети, телекоммуникационные системы и сети общего пользования, иные трансграничные каналы передачи информации. Субъектами и объектами информационного пространства являются производители и потребители информации соответственно (ньюсмейкеры, эксперты, лидеры мнений, производители специальной информации (мода, товары, театр и кино, реклама)» [3, с. 143].

В настоящее время наиболее эффективными средствами передачи информации являются социальные медиа (социальные сети, блоги и микроблоги, видеохостинги и фотохостинги).

Если говорить об информационно-психологическом пространстве, то, по аллегоричной оценке Цымбаленко С. Б., оно «… напоминает кровеносные сосуды, питающие информацией все подсистемы общества…» [7, с. 102].

При рассмотрении вопросов психологической безопасности личности в информационном пространстве особое внимание вызывают проблемы, связанные с ее защитой от деструктивного влияния.

В информационном пространстве достаточно много информации неточной, дезориентирующей, а порой и сфальсифицированной. Причин появления ее может мыть достаточно много. От «прагматичности» журналистов и «циничности» различных «экспертов» до непрофессионализма сотрудников пресс-служб. В некоторых случаях происходит специальный взброс дезорганизующей информации. Определение мотивов этих информационных провокаций не составляет большого труда. Главная проблема возникает не только в распознании степени достоверности информационных потоков, а в идентификации используемых методик. Не установив их, обеспечить информационную безопасность личности не предоставляется возможным.

В. М. Поздняков верно отмечает важную роль информационно-психологической безопасности. Она рассматривается им как защита населения страны от деструктивного идеологического и психологического воздействия в информационной среде на фоне формирования общественного мнения, принятия государственных решений, личностных особенностей политических и общественных деятелей [4].

«… информационную безопасность можно определить как состояние информационной системы, при которой не допускается негативного информационного воздействия и обеспечивается способность к противодействию негативной информации. Психологическая безопасность личности включает две основные методологические идеи, единение человека с миром и возможности личности к противостоянию негативному влиянию» [5, с. 204].

По мнению Баришполеца В. А., в настоящее время значимую роль приобретает учет характера информационно-психологического воздействия на людей. Современный человек находится в постоянной «информационной трясине». В таком состоянии он становится зависимым от социальных стереотипов. Проблема в том, что восприятие окружающего мира, выстраивание иерархии ценностных ориентаций, формирование поведенческих сценариев может происходить без должного личностного включения. Особо следует отметить, что потребитель информации, находящийся в отрицательном эмоциональном состоянии, воспринимает ее искаженно. Негативные переживания могут быть вызваны новостными лентами, недопониманием с родными и близкими, конфликтностью с соседями и коллегами, многозадачностью и т. п. С другой стороны, не стоит недооценивать состояния номофобии, при котором человек испытывает стресс от невозможности использования мобильного телефона в силу его оставления где-то или разрядки батареи. В этом случае изолированность от гаджета воспринимается не столько как потеря связи, сколько прерывание инфообмена.

Информационно-психологическое воздействие предполагает использование различных психотехнологий. Оно направлено на индивидуальное, групповое, массовое сознание посредством телевидения, радио, сети Интернет [1].

Информационная безопасность личности в настоящее время определяется степенью влияния интернетаддикции. Современный человек значительное время проводит во всемирной паутине. Степень защищенности личности от негативного контента постоянно находится в состоянии мощного давления. Следует понимать, что негативному информационно-психологическому воздействию подвержены пользователи интернета разных возрастов. К наиболее уязвимым категориям, несомненно, относятся дети, подростки и молодежь до 30 лет. Дефицит жизненного опыта, хрупкость ценностно-смысловых представлений, а также естественные трудности в возможностях прогнозирования последствий восприятия негативного информационного воздействия приводит к трансформации личностной системы (направленности, волевых качеств, самосознания).

Обеспечение эффективной защиты личности от преступного посягательства с использованием интернета является одной из самых серьезных проблем. Бесконтрольное пребывание в информационном пространстве создает угрозу для установления и поддержания процесса вербального общения. Человек способен утратить интерес к реальным эмоционально-значимым отношениям с другими людьми. При этом он способен быстро усвоить паттерны деструктивной агрессии [2]. Так, примером деструктивного воздействия на состояние психики человека могут служить примеры враждебности и жестокости в средствах массовых коммуникаций (далее – СМК). «Согласно «Гипотезе катализатора»

Л. Берковица, сцены насилия являются своеобразными стимуляторами возбуждения и импульсивного поведения у зрителей. Другая гипотеза утверждает, что насилие, увиденное в СМК, копируется аудиторией, становится моделью поведения и в дальнейшем входит в репертуар ее поведенческих реакций» [6, с. 122].

Демонстрация или описание поступков, сопровождающихся физической и вербальной агрессией, способствует появлению как негативных эмоциональных переживаний, так и повышенного интереса к насилию как таковому.

С точки зрения психологической безопасности личности недопустимым является игнорирование или недооценка роли инвективной лексики. В средствах массовой коммуникации использование различных форм инвективной лексики усиливают эффект модуляции речи. Данный факт однозначно указывает на деструктивное информационно-психологическое воздействие на личность.

Реалии развития современного общества демонстрируют, что информационное пространство человека может удивлять, обучать, развлекать, шокировать, воспитывать. Психологические аспекты в процессе обеспечения безопасности личности в информационном пространстве играют значимую роль. Недооценка психологического спектра в разработке систем безопасности личности фактически делают их неэффективными.

Список источников

1. Баришполец В. А. Информационно-психологическая безопасность: основные положения // Радиоэлектроника. Наносистемы. Информационные технологии. 2013. Т. 5, № 2. С. 62–104.
2. Войскунский А. Е. Информационная безопасность: психологические аспекты // Национальный психологический журнал. 2010. № 1(3). С. 48–53.
3. Добровольская И. А. Понятие «информационное пространство»: различные подходы к его изучению и особенности // Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика. 2014. № 4. С. 140–147.
4. Поздняков В. М. О разработке современной модели обеспечения информационно-психологической безопасности // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1, № 1. С. 44–58.
5. Рерке В. И., Бубнова И. С., Демаков В. И. Информационно-психологическая безопасность как научно-исследовательская дефиниция // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2022. Вып. 5 (45). С. 202–211.
6. Хребина С. В., Никулина С. А., Воронкина Л. Б. Влияние деструктивных патернов поведения в средствах массовой коммуникации на повышение выраженности уровня агрессии у аудитории // Гуманитарные науки. 2022. № 1 (57). С. 121–129.
7. Цымбаленко С. Б. Информационно-психологическое пространство в структуре общества // Акмеология. 2007. № 1. С. 100–108.

УДК 811.381

ПРАКТИКООРИЕНТИРОВАННЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ СЛУШАТЕЛЯМИ ПОЛИЦЕЙСКИХ ВУЗОВ РОССИИ И КИТАЯ

***Кожина Ю. Г.**, заведующий кафедрой иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат педагогических наук, доцент;*

***Лю Юньхун**, заместитель начальника научного отдела Хэйлунцзянского института профессиональной подготовки офицеров милиции общественной безопасности Китайской Народной Республики*

Статья рассматривает созданные механизмы сотрудничества, обеспечивающие прочную платформу для взаимодействия в сфере науки, образования, правоохранения и добрососедских отношений между двумя странами. Эти механизмы не только предоставляют ученым и курсантам, будущим офицерам, широкие возможности научного и профессионального общения, но также способствуют совместной работе между Китаем и Россией в правоохранительной сфере.

Ключевые слова: практиоориентированный аспект, языковое сотрудничество, профессиональное взаимодействие, долгосрочное и устойчивое сотрудничество, мотивация обучающихся.

PRACTICE-ORIENTED ASPECT OF LEARNING RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES BY STUDENTS OF POLICE UNIVERSITIES IN RUSSIA AND CHINA

***Kozhina Yu. G.**, head of the Department of Foreign Languages of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Pedagogy, Associate Professor;*

***Liu Yunhong**, deputy head of the Scientific Department of the Heilongjiang Institute of Professional Officer Training of the People's Republic of China*

The paper examines the established mechanisms of cooperation, which provide a solid platform for interaction in the fields of science, education, law enforcement, and good-neighborly relations between the two countries. These mechanisms not only provide scientists and cadets, future officers, with ample opportunities for scientific and professional communication, but also facilitate joint work between China and Russia in the field of law enforcement.

Keywords: practical-oriented aspect, language cooperation, professional interaction, long-term and sustainable cooperation, and student motivation.

В сфере науки и образования российско-китайское взаимодействие распространилось на многие области, включая академические исследования, студенческие и культурные обмены, научно-исследовательское сотрудничество, изучение языков. Мы, со своей стороны, можем гордиться двадцатилетним сотрудничеством в сфере профессионального взаимодействия между Дальневосточным юридическим институтом Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И. Ф. Шилова (далее – ДВЮИ МВД России имени И. Ф. Шилова) и Хэйлунцзянским институтом профессиональной подготовки офицеров милиции общественной безопасности Китайской Народной Республики (далее – ХИППО МОБ КНР).

Наметилась тенденция: по мере углубления профессионального и культурного обмена между двумя странами число изучающих китайский и русский языки постепенно «молодеет» и распространяется на данный момент не только на высшие учебные заведения, все больше энтузиастов изучают национальные языки друг друга.

Нужно отметить, что в последние годы языковое сотрудничество и двустороннее обучение за рубежом между двумя странами продолжают развиваться.

Многие исследователи отмечают, что многоуровневое сотрудничество в сфере образования становится все более обширным и демонстрирует хорошую тенденцию развития.

Важную роль в этом играет образовательное сотрудничество, оказывающее мощную поддержку взаимопониманию и взаимодействию между разными странами и культурами, а также способствующее обмену знаниями и развитию талантов. Такого рода сотрудничество не только способствует развитию науки, технологий, литературы, искусства и т. д. в глобальном масштабе, но и оказывает помощь в построении более инклюзивного и разнообразного международного общества.

Как показывает практика, для российских курсантов изучение китайского языка становится непростой задачей, в сравнении с другими иностранными языками, так же как изучение русского языка для китайских курсантов, поэтому основной задачей долгосрочного и устойчивого сотрудничества Китая и России в области образования по-прежнему является стимулирование мотивации обучающихся к освоению иностранных языков, чему служит языковая стажировка.

Для обеспечения эффективности изучения языка необходимо разрабатывать методические, практические и иные пособия, а также стандартизированные тесты на знание языка, способствующие повышению уровня преподавания языка.

Примером последних разработок является русско-англйско-китайский разговорник «Обеспечение правопорядка в период проведения Восточного экономического форума», необходимость создания была обусловлена потребностью сотрудников органов МВД России эффективно организовать общение с гражданами иностранных государств в условиях выполнения своих должностных обязанностей.

Готовность пользователя данного пособия участвовать в межкультурной коммуникации обеспечивается композиционной структурой, организованной по ситуативно-тематическому принципу и объединяющей в себе функции разговорника и справочника, состоит из следующих разделов: «Знакомство»; «Объяснение маршрута»; «Охрана общественного порядка»; «Восточный экономический форум»; «В отделе полиции»; «На транспорте»; «Здоровье», а также словарь и справочные материалы. В связи со сложившейся обстановкой в стране разработаны разделы, посвященные беспилотным летательным аппаратам, выявлению симптомов COVID-19, Восточному экономическому форуму.

Практическое использование разговорника на X Восточном экономическом форуме в 2025 г. во Владивостоке позволило сотрудникам полиции с помощью языковых средств адаптироваться и адекватно реагировать на конкретные ситуации, возникающие в сфере их профессиональной деятельности, в частности – выяснение личности гражданина, выяснение обстоятельств,

затруднений, что способствовало успешному выполнению возложенных на них функциональных задач.

Необходимо обобщить предыдущий опыт и объединить практические факторы для обновления стратегии развития образования в области языка и правоохранения, оптимизации модели подготовки курсантов и полноценного использования возможностей совместных образовательных проектов. Эту задачу поставили руководители министерств Китая и России на совместном совещании в Санкт-Петербурге в июне 2025 г.

В связи с все более дружескими отношениями между Китаем и Россией обе стороны в настоящее время рассматривают сотрудничество друг с другом как главный приоритет будущего развития, и перспективы сотрудничества в сфере образования очень оптимистичны. Изменения международной ситуации создают больше возможностей для китайско-российского сотрудничества в сфере образования. Это связано с тем, что на национальном уровне у Китая и России очень дружественные отношения, кроме того, географически Россия граничит с китайской провинцией Хэйлунцзян.

Китай и Россия являются дружественными соседями, обладающими богатым образовательным ресурсом, обмены и сотрудничество между Китаем и Россией в сфере образования становятся все более тесными, приобретают все более яркие формы и содержание.

中国和俄罗斯警校学员学习俄语和汉语的实践导向性研究

科日娜·尤利娅·格奥尔基耶夫娜
俄罗斯内务部希洛夫远东法律学院外语教研室主任
教育学副博士，副教授

刘云红
黑龙江公安警官职业学院教务处副处长

在科学与教育领域，中俄两国的合作已广泛拓展至诸多方面，涵盖学术研究、学生及文化交流、科研协作以及语言学习等多个维度。就我方而言，我们完全有理由为黑龙江公安警官职业学院与俄罗斯内务部远东希洛夫法律学院历经二十余载持续推进的专业合作成果感到自豪。两院已成功构建起一套成熟的合作机制，为中俄两国在科学、教育、执法以及睦邻友好关系等领域的深度合作奠定了坚实基础。这些机制不仅为两国学者、学员以及未来警官群体提供了广阔的科研与专业交流空间，更在推动中俄两国执法领域合作方面发挥了积极作用。

当前，一种显著的发展趋势正逐步显现：伴随着中俄两国专业与文化交流的日益深化，汉语与俄语的学习群体呈现出明显的年轻化特征。这一语言学习热潮已不再局限于高等教育范畴，而是吸引了越来越多来自不同社会层面的热心人士投身其中，积极学习对方国家的语言。

我们观察到，基于长期稳定的合作关系，中俄两国高校正致力于构建更为紧密、稳固的合作模式，并积极推动建立共同的教育与科研体系。尤为值得一提的是，近年来，两国在语言合作与双向留学方面的交流与合作持续深化，取得了长足进展。众多研究学者纷纷指出，中俄两国多层次的教育合作正日益广泛，展现出蓬勃的发展活力与良好的发展态势。

在当今全球化时代背景下，国际合作已成为推动社会进步与文化交流不可或缺的关键因素。其中，教育合作更是扮演着举足轻重的角色。它不仅为不同国家与文化之间的相互理解与深度互动提供了强有力的支撑，还极大地促进了知识的广泛传播与高素质人才的培养。此类教育合作不仅有力推动了全球范围内科学、技术、文学、艺术等各个领域的繁荣发展，更为构建一个更加包容、多元的国际社会作出了积极贡献。

实践表明，对于俄罗斯学员而言，汉语学习相较于其他外语更具挑战性，正如中国学员学习俄语亦面临同样情况。故而，激发学员外语学习动力，依旧是中俄教育合作达成长期可持续发展的核心要务，而持续开展多年的外语培训项目，正是实现这一目标的有效路径。

为切实保障语言学习的实效性，有必要系统开发适配的教学方法、详尽的实践指南以及其他多元化的辅助材料。与此同时，制定科学、规范的标准化语言能力测试体系亦势在必行，以此作为有力抓手，推动语言教学整体水平的显著提升。

俄英中三语对照的会话手册《东方经济论坛期间的治安保障》，其编写初衷源于俄罗斯内务部警察在执行勤务过程中，与外国公民进行有效沟通的迫切现实需求。该会话手册对于那些在培训课程中已初步掌握基础英语或汉语知识的警务人员而言，同样具备极高的实用价值。鉴于手册的潜在使用者可能仅具备初级水平的外语能力，手册在呈现英汉词汇及表达时，创新性地采用了俄语注音的方式，这一举措充分彰显了对使用者实际语言能力的细致考量与贴心设计。

本手册在结构设计上独具匠心，采用情境主题式的编排方式，巧妙融合了会话手册的便捷性与参考指南的权威性，确保使用者能够在多元文化交流场景中游刃有余地参与对话。俄英中三语对照的会话手册《东方经济论坛期间的治安保障》内容丰富、结构清晰，涵盖以下核心章节：“初次见面”“路线说明”“维护公共秩序”“东方经济论坛概况”“在警察局的处理流程”“交通工具场景应对与安全错略”“健康相关问题”，同时附有详尽的词汇表及参考资料。尤为值得一提的是，鉴于当前国内复杂多变的形势，手册特别增设了关于无人机操作规范、东方经济论坛特色介绍等专题章节。其中，关于俄罗斯与中国警衔体系的详细介绍章节，更是凸显了手册的专业性与权威性。

在2025年于符拉迪沃斯托克举办的第十届东方经济论坛期间，会话手册在警务人员工作中发挥了显著且关键的作用。凭借会话手册，警务人员得以借助精准、有效的语言手段，迅速适应并妥善处置了如公民身份确认、查明事件经过及帮助解决困难等各类状况。

中俄警察院校需全面梳理并深入总结过往实践经验，对现有实践力量进行系统整合与优化配置。在此基础上，立足时代发展需求与行业动态，及时更新警察教育发展战略规划。这也是2025年6月圣彼得堡举行的中俄公安内务部门干部培训联合工作组第十三次会议达成的共识。

随着中俄两国政治互信持续深化、友好关系不断巩固，双方均将彼此视为未来发展的关键战略合作伙伴，把深化合作置于国家对外战略布局的优先位置，其中教育领域的合作展现出极为广阔且充满活力的发展前景。

值得注意的是，近年来中国教育事业取得了举世瞩目的历史性成就。教育发展水平在全球稳步提升，教育格局正经历结构性变革。在这一背景下，中俄两国的教育交流与合作不断迈向新的高度，合作机制日益健全完善，合作形式更加多元丰富，合作成果愈发丰硕显著。这些成绩的取得，不仅得益于双方在国家层面建立起友好关系，还与两国独特的地理区位优势密切相关。俄罗斯与中国的黑龙江省接壤，这一地理便利为两国开展教育交流与合作提供了天然的有利条件，促进了人员往来、资源共享和文化交流。

参考文献

[1]兹维列娃 YE.V.俄罗斯与中国在创新教育经济和纳米技术领域国际合作发展前景[C].青年学者论空间发展管理方法与算法对提升区域经济韧性、创新性和竞争力的影响：青年学者论文集. 圣彼得堡: “斯基菲亚-印刷”有限责任公司, 2023:73－86.

[2]梅尔库洛娃M. V. ，卢卡舍娃N. Yu，科日娜Yu. G.东方经济论坛期间维护公共秩序：俄英汉会话手册[M].哈巴罗夫斯克：俄罗斯内务部远东希洛夫法律学院出版社，2025: 58.

[3]谢梅奇科夫 A.C.，涅索连娜 A.K. 俄中全面战略协作伙伴关系：起源、特点与发展前景[J]. 俄罗斯民族通讯.2022(6):79－95.

[4]索洛多科夫M.B.，切皮诺加O.A. 现代条件下俄中合作发展前景：经济维度[J]. 俄中研究. 2023(2):136－149.

УДК 372.881

ДИАЛОГ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРИЕМ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЧТЕНИЮ НА ЗАНЯТИЯХ ПО КИТАЙСКОМУЯЗЫКУ

***М. В. Меркулова**, доцент кафедры иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***Сун Линьюй**, Хэйлунцзянский институт профессиональной подготовки офицеров милиции общественной безопасности Китайской Народной Республики*

Обучение чтению на занятиях по китайскому языку должно стать процессом дискурса, где диалог превращается в основное средство и метод преподавания. Правильно поставленные вопросы во время обучения чтению помогают учащимся активно участвовать в учебном процессе, способствуя осознанию красоты китайского языка.

Ключевые слова: чтение, диалог, когнитивные способности, телеологический подход.

DIALOGUE AS A PEDAGOGICAL TECHNIQUE IN TEACHING READING IN CHINESE LANGUAGE CLASSES

***M. V. Merkulova**, assistant professor of the Department of Foreign Languages of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***Sun Liniui**, the officer of the Training Department of Heilongjiang Institute* of Professional Training of the Public Security Militia of China

Teaching reading in Chinese language classes should become a process of discourse, where dialogue becomes the primary means and method of teaching. Asking the right questions during reading instruction helps students actively engage in the learning process, fostering an appreciation of the beauty of the Chinese language.

Keywords: reading, dialogue, cognitive abilities, teleological approach.

Целью обучения китайскому языку в институтах является подготовка высококвалифицированных и всесторонне развитых специалистов, владеющих китайским языком как средством межкультурного общения [1]. Исходя из этого обучающиеся должны не только владеть китайским языком, но и знать и понимать социокультурные явления Китая.

Рассуждая о роли чтения в формировании умений иноязычного общения, стоит подчеркнуть, что текст как единица обучения иностранному языку включает экстралингвистическую информацию о стране изучаемого языка и ее народе [3]. В обучении китайскому языку используются различные тексты, например, сказки, аллегорические тексты, отрывки произведений художественной литературы. Особую роль в обучении чтению представляют аутентичные тексты на китайском языке, так как они наполнены большим количеством фоновых знаний о традициях, культуре и истории Китая.

Художественные тексты обладают большими возможностями приобщения студентов к языку не только как к средству общения, но и как инструменту познания истории и культуры Китая, обычаев и традиций ее народа [2]. Изучая произведения китайской литературы, мы видим связь между предыдущими и последующими поколениями, между историей и реальностью, историческим опытом человечества и отдельными людьми. В процессе чтения данных текстов изучающие китайский язык извлекают и осмысливают новую информацию, содержащую лексические, грамматические и страноведческие явления, знание которых впоследствии значительно упрощает процесс понимания тех или иных особенностей китайской речи и культуры. Основная цель обучения иноязычному чтению заключается в том, чтобы научить обучающихся чтению текстов различной жанрово-стилевой направленности.

Обучение чтению является неотделимым компонентом процесса изучения китайского языка. Развитие навыков чтения – это процесс построения диалога между учащимися, преподавателями, редакторами учебников и текстами, сочетающий в себе динамичное столкновение разнообразных идей. Обучение и общение в процессе чтения должны быть направлены на каждого учащегося. Преподаватели на занятиях не только являются равноправными собеседниками учащихся, но и организаторами читательской деятельности в аудитории и за ее пределами. Во время занятий, для лучшего изучения и понимания художественных текстов, преподавателю необходимо подготовить вопросы, затрагивающие как обучающие моменты, такие как разбор незнакомой лексики и новой грамматики, так и уделять внимание обсуждению содержания текста с моральной точки зрения, останавливаясь на воспитательных моментах. Выбирая актуальные темы для обсуждения, нужно не забывать о необходимости шаг за шагом направлять обучающихся к главной идее произведения. При подготовке к занятию преподавателю следует найти интересные моменты в изучаемом тексте, которые помогут инициировать взаимодействие между учащимися. Связь с текстом должна создать поле диалога между преподавателем и обучающимися, а также между самими обучающимися, что позволит выстроить коммуникацию по изучаемой теме и научит обмениваться информацией.

На сегодняшний день уделяется особое внимание когнитивному процессу чтения, при котором для осмысления и запоминания прочитанного текста задействуются различные мыслительные функции, такие как внимание, память, восприятие, мышление и воображение. Цель такого чтения получить новые знания, развить критическое мышление и расширить кругозор. Можно выделить шесть когнитивных способностей при обучении чтению. К ним относятся пересказ, пояснение, реорганизация, расширение, оценка и творчество. Основываясь на этих учебных целях, можно использовать разнообразные тестовые вопросы для обучения чтению на китайском языке.

Рассмотрим некоторые примеры вопросов по прочитанному тексту.

Тестируемые когнитивные способности соответствуют следующим типам вопросов.

1. Столкнувшись с «золотыми кубками с чистым вином» и «нефритовыми блюдами с деликатесами», почему поэт «отложил кубок и палочки, не в силах есть»? [Реорганизация – Извлечение конкретной информации из текста].

2. “长风破浪会有时，直挂云帆济沧海” – «Всегда найдется время оседлать ветер и волны, чтобы поднять паруса и пересечь безбрежный океан». Эти две строки хорошо знакомы каждому китайцу. Они взяты из стихотворения поэта династии Тан Ли Бо «Трудный путь странствия». Сегодня это часто используется в качестве напутствия выпускникам. Пожалуйста, объясните, почему. [Творчество – Представить уникальные идеи].

3. Объясните подчеркнутые слова в следующих предложениях. [Пояснение – Объясните значение слов и фраз в тексте].

4. Переведите следующие предложения на современный китайский язык. [Пояснение – Объясните поверхностный смысл (пропозициональный смысл) предложений].

5. Какой урок извлек Цзоу Цзи из похвал своей жены, наложницы и гостей? [Реорганизуйте – Извлеките конкретную информацию из определенной части текста].

6. Правитель Ци последовал совету и принес процветание государству. Чему мы можем научиться у него? Кратко обсудите свое понимание. [Творчество – Предложите уникальные идеи].

7. В чем смысл текста? [Расширение – Определите точки зрения и отношения автора или персонажей, подразумеваемые под их словами и действиями].

8. Какова функция первого абзаца в тексте? [Оценка – Оцените выразительные средства: риторику, экспрессию, подачу и структуру текста].

9. Каков смысл подчеркнутого предложения в первом абзаце? Кратко изложите свое понимание, основываясь на контексте. [Расширение – выведите более глубокий смысл предложения (функциональное значение, коммуникативное значение)].

10. Рассмотрите отрывок и ответьте: Как можно научиться быть смелым? [Творчество – Используйте информацию из отрывка для решения задачи].

11. Кратко проанализируйте подчеркнутое предложение в первом абзаце. [Оценка – Оцените язык: убедительность, экспрессию предложения]

12. Основываясь на контексте, поймите значение подчеркнутых слов в следующих предложениях. [Пояснение – Объясните значение слов и фраз в отрывке].

13. К чему конкретно относится «это прошлое событие» в третьем абзаце? Кратко изложите суть. [Реорганизация – Извлеките конкретную информацию из отрывка].

14. Где в отрывке указывается на то, что это пьеса? Кратко ответьте. [Оценка – Оцените выразительные средства: риторику, выразительность, подачу и структуру текста].

15. Какие у вас возникли мысли после прочтения рассказа? Кратко обсудите. [Творчество – Предложите уникальные идеи].

Обучающий диалог во время обсуждения прочитанного текста может быть выстроен с телеологическим подходом. Телеологический подход рассматривает поведение человека в контексте стремления реализовать свои осознанные и спонтанные цели. Эти цели формируются под воздействием личного опыта, культурных факторов и социальных ожиданий. Телеология подчеркивает важность понимания своих действий не только в контексте внешних событий, но и в связи с внутренними мотивациями с учетом социального и культурного контекста. В процессе обучения телеологический подход может помочь в формировании целей для учащихся и будет способствовать развитию критического мышления, так как студенты должны учиться не только запоминать информацию, но и применять ее для достижения своих собственных жизненных целей. Телеологический взгляд помогает увидеть за действием не только причину, но и намерение. Исходя из этого телеологический диалог рассматривает общение как путь к знанию с определенной, заранее заданной конечной целью.

Нетелеологический диалог, с другой стороны, направлен не на поиск истины или достижение последовательных, неоспоримых выводов, а на углубление понимания. Телеологический диалог – это односторонний диалог. В обучении чтению его педагогическая функция заключается в развитии когнитивных способностей учащихся, таких как пересказ, объяснение, реорганизация и расширение. Нетелеологический диалог – это открытый диалог. В обучении чтению его педагогическая функция заключается в развитии когнитивных способностей учащихся, таких как оценка и креативность. Чтобы подчеркнуть субъективность учащихся, расширить их кругозор, способствовать развитию коммуникативных навыков, сформировать навыки чтения, преподавателям необходимо на занятиях чаще использовать нетелеологические диалоги. Например, на прочитанный текст учащиеся должны сформировать сложные и интересные вопросы, что должно

побудить учащихся задавать вопросы как с положительной, так и с отрицательной точки зрения, а затем объяснять свои доводы с конкретной точки зрения, тем самым инициируя диалог между учителями и учащимися, а также между самими учащимися. Например, вопрос «Какие приемы или средства использовал автор для выражения своих эмоций?» – это телеологическая тема для диалога, требующая от учащихся определить пропозициональное значение предложения (воображение и ассоциации; риторические приемы, такие как олицетворение, метафора и параллелизм). При обсуждении прочитанного ставится цель развить у учащихся навыки интерпретации посредством диалога. Построение вопросов и ответов, инициированные прочитанным текстом, могут помочь учащимся понять суть и внутреннюю структуру китайского языка. Подбор интересных текстов, отрывков известных китайских произведений способные затронуть чувства и побуждающие к диалогу или спору, определяется педагогической функцией преподавателя. Ставя на занятии такие вопросы, как «Какова роль риторики в выражении мыслей и эмоций автора? Какие ассоциации возникают у вас после прочтения данного текста? Какие эмоции вызывает у вас данное стихотворение?», вы побуждаете учащихся к участию в обсуждении и глубокому анализу прочитанного. Столкнувшись с таким открытым вопросом, не только каждый учащийся, но и преподаватель сможет высказать свою точку зрения.

В процессе обучения чтению преподаватели могут инициировать и реализовывать различные виды диалога, подбирая разнообразные темы. Это имеет педагогическое значение для развития когнитивных способностей учащихся. Построение диалога на занятии является одной из моделей методов или приемов обучения, доступных преподавателю, которые можно использовать для оценки уровня успеваемости учащихся, создания благоприятной атмосферы в классе, содействия активному обучению и повышению эффективности преподавания. Этот подход можно варьировать в зависимости от таких факторов, как дисциплина в классе, статус учащихся и количество учебных часов. Также необходимо помнить, что диалог – это философия обучения, которая объединяет ценности обучения, концепции знаний и методологию, следуя гуманистическому и творческому подходу. Это основополагающий принцип, который должен быть интегрирован на протяжении всего обучения. Сейчас многие педагоги подчеркивают необходимость отходить от гегемонии преподавателя во время обсуждениях в классе, поощряя учащихся к равноправному участию, смелому выражению собственной точки зрения на разнообразные темы. Диалог на занятиях по иностранному языку должен стать похожим на игру, где целью взаимодействия преподавателя и учащегося становится сам диалог. Одним словом, диалоговое обучение – это форма обучения ради диалога, в диалоге и посредством диалога. Это объясняется тем, что процесс общения может охватить всех обучающихся и решить многие учебные проблемы. Но нужно понимать, что игровой подход иногда может

отклониться от цели и стать неконтролируемым. Следовательно, построение диалога на занятии, это не обязательно весь процесс обучения чтению; это лишь один из многих методов преподавания, служащих достижению учебных целей. Его применение должно быть уместным в нужное время, в нужном месте и при необходимой возможности, поскольку многомерность учебных целей диктует разнообразие методов обучения. Таким образом, обучение чтению на китайском языке посредством диалога должно развивать у учащихся такие способности, как пересказ, интерпретация и реорганизация прочитанного материала, а также расширение общих и культурологических знаний. Более того, на занятиях следует учитывать жизненный опыт учащихся, позволяя им критически осмысливать реальность. Целесообразно больше внимания уделять систематической интерпретации изучаемых текстов, а также переосмыслению себя и открытию новых внутренних миров, что в конечном итоге способствует саморазвитию.

Обучение чтению на китайском языке должно стать процессом дискурса, где диалог превращается в основное средство и метод преподавания. Подход «я спрашиваю, вы отвечаете» характеризуется групповыми обсуждениями и презентацией результатов каждого обучающегося. Использование правильно поставленных вопросов во время обучения чтению помогает при помощи практических методов создать дискурсивный процесс преподавания, способствуя тем самым осознанию красоты и глубины китайского языка.

梅尔库洛娃·玛尔塔·瓦西里耶夫娜
俄罗斯内务部远东法律学院外语教研室高级讲师
孙凌宇
黑龙江公安警官职业学院教务处

高等院校开设汉语课程，旨在培养能掌握汉语这一跨文化交流工具的高素质、全面发展的专业人才。因此，学习者不仅需要掌握汉语语言技能，还需了解并理解中国的社会文化现象。

在探讨阅读对培养外语交际能力的作用时，值得强调的是，文本作为外语教学单位，包含着关于目标语言国家及其人民的超语言信息。在汉语教学中会使用各种文本，例如童话故事、寓言文本、文学作品节选等。汉语原生文本在阅读教学中具有特殊作用，因为它们蕴含着大量关于中国传统、文化和历史的背景知识。

文学作品不仅能让学生将语言视为一种交流工具，更能视为了解中国历史文化、风俗习惯的媒介，具有巨大的教育潜力。通过研读中国文学作品，我们得以窥见代际传承的纽带、历史与现实的交织、人类历史经验与个体命运的关联。在阅读这些文本的过程中，汉语学习者能够提取并理解包含词汇、语法及国情知识的新信息，这些知识的掌握将极大简化对中国语言文化特质的理解过程。外语阅读教学的核心目标在于培养学习者阅读不同体裁与风格文本的能力。

阅读教学是汉语学习过程中不可或缺的组成部分。阅读技能的培养是构建学生、教师、教材编者与文本之间对话的过程，其中蕴含着多元思想的动态碰撞。阅读过程中的教学与交流应面向每一位学生。教师在课堂上不仅是学生平等的对话者，更是课堂内外阅读活动的组织者。为了更好地学习和理解文学文本，教师会准备一些问题，这些问题既要涉及教学要点，如解析陌生词汇和新语法，也要注重从道德层面探讨文本内容，关注其中的教育意义。选择时下热门话题进行讨论时，切记要循序渐进地引导学生理解作品主旨。备课时，教师应在所授文本中发掘趣味点，以此激发学生间的互动；找出文本内容之间的关联，搭建起教师与学生之间、学生彼此之间的对话空间，这有助于围绕所学主题开展交流，培养信息交流能力。

目前，人们特别关注阅读的认知过程，该过程通过注意力、记忆、感知、思维和想象等多种思维功能来理解和记忆所读文本。此类阅读旨在获取新知识、培养批判性思维并拓展视野。在阅读教学中可归纳出六种认知能力：复述、解释、重组、扩展、评价和创造。基于这些教学目标，可以运用多种测试题型来开展汉语阅读教学。

下面我们来看一些针对所读文本能够提出的问题示例。

所测试的认知能力对应以下类型的问题：

1.“金樽清酒斗十千，玉盘珍羞直万钱。”

面对“盛着美酒的金樽和珍贵菜肴的玉盘”，诗人为何“放下杯盏筷子，无心进食”？[重组——从文本中提取具体信息]

2.“长风破浪会有时，直挂云帆济沧海。”

1和2这两句诗每个中国人都不陌生，它们出自唐代诗人李白的《行路难》。如今常被用作对毕业生的寄语。请解释一下原因。[创作——展现独特见解]

3. 解释下列句子中划线词语的含义。[释义——阐释文本中词语和短语的含义]

4. 将下列句子译为现代汉语。[阐释——说明句子的字面含义（命题意义）]

5. 邹忌从妻子、妾室和宾客的赞美中领悟了什么道理？[重组——从特定文本段落中提取具体信息]

6. 齐王采纳建议，使国家繁荣昌盛。我们能从他身上学到什么？简要讨论你的理解。[创造性——提出独特见解]

7. 该文本的寓意是什么？[拓展——确定作者或人物通过言语和行为背后隐含的观点和态度]。

8. 该文本第一段的作用是什么？[评价——评价表现手法：修辞、情感表达、文本呈现方式与结构]。

9. 第一段中划线句子的含义是什么？根据上下文简要阐述你的理解。[拓展——挖掘句子的深层含义（功能意义、交流意义）]。

10. 阅读段落并回答：如何培养勇气？[创造性——运用段落信息解决问题]

11. 简要分析第一段中划线句。[评价——评价语言：句子的说服力、表现力]

12. 根据上下文理解下列句子中划线词语的含义。[解释——解释段落中词语和短语的含义]

13. 第三段中的“过去的事件”具体指什么？简要阐述其要点。[重组——从段落中提取具体信息]

14. 段落中哪些内容表明这是一部戏剧？请简要回答。[评价——评价表现手段：修辞、表现力、文本呈现与结构]。

15. 读完这个故事后你有什么想法？请简要讨论。[创造性思维——提出独特见解]。

在讨论所读文本时，教学对话可采用目的论方法构建。目的论方法将人的行为置于追求实现自身有意识与无意识目标的语境下进行考察。这些目标受个人经历、文化因素及社会期望的影响而形成。目的论强调，不仅要从外部事件的角度，还要结合内在动机，同时考虑社会和文化背景，来理解自身行为的重要性。在教学过程中，目的论方法有助于为学生设定目标，并促进批判性思维的发展，因为学生不仅需要记忆信息，还需运用这些信息实现自身的人生目标。目的论视角能帮助人们

洞察行为背后的动机与意图。基于此，目的论对话将交流视为通向知识的途径，具有特定的、预先设定的最终目标。

非目的论对话则不同，其目的不在于寻求真理或得出连贯、无可辩驳的结论，而在于深化理解。目的论对话是一种单向对话。在阅读教学中，其教育功能在于发展学生的认知能力，如复述、解释、重组和拓展等。非目的论对话则是开放式对话。在阅读教学中，其教育功能在于培养学生的认知能力，如评价和创造力等。为突出学生的主体性、拓展他们的视野、促进交际技能发展、形成阅读技能，教师在课堂上应更频繁地运用非目的论对话。例如，学生应针对所读文本提出复杂而有趣的问题，这将促使学生从正反两方面提出问题，并从具体角度阐述自己的观点，从而引发师生之间以及学生之间的对话。例如，问题“作者运用了哪些技巧或手段来表达情感？”就是一个目的论对话主题，要求学生确定句子的命题意义（想象与联想；修辞手法，如拟人、隐喻和平行结构）。在讨论所读内容时，旨在通过对话培养学生的解读能力。基于所读文本构建的问答环节，有助于学生理解汉语的本质与内在结构。教师应根据教学功能，精选能触动情感、激发对话或辩论的有趣文本及中国名著选段。教师在课堂上提出诸如“修辞在表达作者思想情感中起什么作用？阅读本文后你产生了哪些联想？这首诗唤起了你怎样的情感？”等问题，能有效引导学生参与讨论并深入剖析阅读内容。面对这类开放性问题时，不仅每位学生，连教师也能畅所欲言地表达观点。

在阅读教学过程中，教师可通过选择多样化主题来发起并实施不同类型的对话。这对培养学生的认知能力具有重要的教育意义。课堂对话构建是教师可运用的教学方法或技巧之一，既能评估学生学习成效，又能营造良好课堂氛围，促进主动学习，提升教学效率。这种方法可以根据课堂纪律、学生身份和教学时长等因素进行调整。同时需要记住，对话是一种教学哲学，它融合了教学价值观、知识概念和方法论，遵循人文主义和创造性方法。这是贯穿整个教学过程的基础原则。如今许多教育工作者强调，课堂讨论中应摆脱教师主导的局面，鼓励学生平等参与，大胆表达对各类主题的见解。外语课堂上的对话应当如同游戏般自然，教师与学生互动的目标即对话本身。简言之，对话式教学是以对话为目的、在对话中进行、通过对话实现的学习形式。这是因为交流过程能够覆盖所有学习者，并解决诸多教学难题。但需要认识到，游戏化教学有时可能偏离目标，变得难以控制。因此，课堂对话的构建并不必然涵盖整个阅读教学过程，它只是众多教学方法中的一种，旨在实现教学目标。其应用应在恰当的时间、恰当的地点且具备必要条件时进行，因为教学目标的多维性要求教学方法的多样化。因此，通过对话进行汉语阅读教学应培养学生复述、解读和重组阅读材料的能力，同时拓展其通识知识和文化素养。此外，课堂教学应结合学生的生活经验，引导他们批判性地思考现实。有必要更注重对学习文本的系统性解读，以及自我反思和探索新的内心世界，这最终将促进学生的自我发展。

中文阅读教学应成为一种话语过程，在这个过程中，对话成为主要的教学手段与方法。“我问你答”教学模式的特点是开展小组讨论，并由每位学习者进行成果展示。在阅读教学中运用恰当的方式，有助于通过实践方法构建话语教学过程，从而促进对汉语之美与深邃的领悟。

Список источников

1. Кирова М. Ю. Инкультурация личности будущего учителя иностранных языков // Журнал Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. № 11–3; Центр развития научного сотрудничества, г. Новосибирск. 2010. С. 115–120.
2. Теория и методика обучения иностранным языкам: учеб. пособие / сост. С. Н. Павлова. Киров: Изд-во МЦИТО, 2022.
3. 伍铁平. 语言决定人的思想吗？萨丕尔-沃尔夫假说述 评 // 哲学研究 - 1984
4. 刘珣. 对外汉语教育学引论 // . 北京：北京语言大学出版社 – 2000.

УДК 372.881.1

К ВОПРОСУ О ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТАХ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В АДЪЮНКТУРЕ

***А. В. Акенина**, доцент кафедры иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат педагогических наук*

В статье рассматривается вопрос содержания обучения в адъюнктуре, цель, задачи и предполагаемые результаты обучения. По мнению автора, особенность курса обучения иностранному языку адъюнктов заключается в совокупности психолого-педагогических и методических характеристик. Адъюнкты мотивированы, но это качество взрослых обучающихся работает не всегда, поэтому преподаватель как личность может и должен влиять на процесс обучения, прежде всего как профессионал со всем набором компетенций и педагогического мастерства.

Ключевые слова: содержание обучения, психологическая, педагогическая и методологическая характеристики, результаты изучения.

ON THE ISSUE OF THE PURPOSE AND RESULTS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE TO THE POSTGRADUATE STUDENTS

***A. V. Akenina**, associate professor of the Department of Foreign Languages of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Pedagogy*

The article examines the issue of the content of training in adjunct studies, the purpose, objectives and expected learning outcomes. According to the author, the peculiarity of the adjuncts' foreign language course lies in the combination of psychological, pedagogical and methodological characteristics. Adjuncts are motivated, but this quality of adult learners does not always work, so the teacher, as a person, can and should influence the learning process, primarily as a professional with a full range of competencies and pedagogical skills.

Keywords: teaching content, psychological, pedagogical and methodological characteristics, learning outcomes.

Иностранный язык исторически является важнейшим предметом общеобразовательного обучения. Однако его воспитывающие и развивающие резервы еще полностью не изучены. Считается, что изучение иностранного языка развивает коммуникативные способности, является дополнительным средством расширения социокультурной компетенции, помогая лучше понять общечеловеческие способы речевого общения, способствует развитию нравственных качеств личности, что очень важно для взрослых обучающихся, в нашем случае это адъюнкты очной и заочной форм обучения.

Мы считаем, что особенность обучения иностранному языку в адъюнктуре состоит из совокупности психолого-педагогических и методических подходов. Под методическими особенностями понимается соответствующий для данной группы обучающихся дидактический инструментарий и способы педагогического взаимодействия. Более того, вопросы обучения взрослых в лингвообразовании, относящиеся к андрагогике, рассматриваются нечасто.

Понимание психологопедагогических особенностей (социальных, личностных, мотивационных, когнитивных и коммуникативных проявлений) адъюнктов возможно на основе представлений о взрослых обучающихся, как правило, адъюнктов заочной формы. Это повзрослевшие обучающиеся не только в психофизиологическом, но и в социальном смысле этого слова, так как они работают, и имеют определенный опыт профессиональных успехов и профессиональную самоактуализацию [23, с. 55].

Считается, что обучать взрослых легче, поскольку взрослые обучающиеся мотивированы, их решение отличается продуманностью, при этом они обладают психофизиологическими возможностями, позволяющими воспринимать любой разумный объем материала. Взрослые адъюнкты-заочники действительно нацелены на результат в обучении, они пришли в адъюнктуру осознанно и понимают полноту ответственности своего решения [11, с. 44; 13, с. 28]. Однако это не означает, что педагог должен рассчитывать, что эти качества всегда будут работать сами по себе, поэтому учет возрастных особенностей взрослых необходим.

Осознанность и ответственность как ключевые качества взрослых обучающихся служат исходной точкой для психолого-педагогических характеристик. Взрослая аудитория наиболее критична как в отношении к преподносимому материалу, то есть к содержанию обучения, так и к методам, приемам, стилю работы преподавателя. Нужно принимать во внимание, что адъюнкты-заочники совмещают учебу не только с основной работой, но и с работой над исследованием, которую можно считать отдельным видом деятельности, они более рационально относятся к временным категориям.

Следует уделить особое внимание такому вопросу, как взаимоотношения этой группы обучающихся с преподавателем, который не является безусловным

авторитетом только в силу своего возраста. В данном случае личностный авторитет преподавателя неразрывно связан с его профессиональной компетенцией – общение с педагогом должно представлять вызов для уже сформировавшегося специалиста и личности.

С методической точки зрения процесс обучения иностранному языку в адъюнктуре должен качественно отличаться от иноязычной подготовки на прежних уровнях высшего образования и быть насыщен заданиями, максимально соответствующими тем ежедневным задачам, с которыми сталкивается ученый в процессе обработки информации при подготовке диссертационного исследования и публикаций.

Процесс изучения иностранного языка подразумевает активное общение, что крайне важно, так как в коммуникации с человеком, который интересен как личность, взрослые обучающиеся становятся более активными и сами личностно раскрываются. Так реализуется межличностное коммуникативное взаимодействие – аксиоматическое условие успеха в обучении языкам в современном понимании сущности этого процесса, когда обучение языку полностью приравнивается к обучению общению на нем. Следует также учитывать, что речь идет о работе с людьми, которые уже имеют более чем десятилетний опыт обязательного изучения иностранного языка, при этом этот опыт совершенно разный и часто даже полярный.

Как правило, в группе адъюнктов и очной формы обучения, и заочной есть обучающиеся, которые владеют языком хорошо (для специалиста неязыкового профиля) поскольку они имели опыт обучения и заканчивали даже не один вуз. Эта группа обучающихся часто формально относится к занятиям; другие обучающиеся имеют отрицательный опыт, не владеют языком даже в рамках школьной программы, в этом кроется причина отторжения языка.

С точки зрения методики для преподавателя проблема сводится к тому, что́ именно должно входить в содержание иноязычного обучения людей, которые и так фактически владеют языком. Во втором случае вопрос сводится к тому, насколько эффективно за небольшой отрезок времени можно повысить уровень иноязычных компетенций обучающегося, который по каким-либо причинам не сумел освоить язык за всю свою академическую траекторию. Приходится осваивать вводно-коррективный курс в адъюнктуре, чтобы «выровнять» группу, а времени на этот курс не запланировано.

В этом состоят методические особенности иноязычной подготовки адъюнктов, так как взрослый обучающийся должен выносить что-либо новое для себя после каждого занятия и осознавать реальную пользу затраченного времени для поддержания интереса в иноязычной практике. Отсутствие новых знаний, впечатлений и вызовов когнитивно-коммуникативного характера приведет к формальному отношению к занятиям.

С учетом того, что современная наука является высоко профессионализированной деятельностью и наблюдается тесная взаимосвязь науки и профессиональной практики в самых разных сферах, методические особенности иноязычной подготовки адъюнктов заключаются в том, что она должна быть одновременно нацелена и на обучение научному языку (по очевидным причинам), и на обучение профессиональному иностранному языку – для обеспечения преемственности иноязычной подготовки после освоения курса профессионального иностранного языка в институте.

Следует также учитывать то, что современное профессиональное пространство является частью мирового пространства социально-коммуникативного, которое в силу широко известных глобальных тенденций нашего времени становится всё более открытым. Очевидно, что в таких условиях полноценная научная коммуникация невозможна без коммуникации социальной или общепрофессиональной, в которую ученому, исследователю или специалисту приходится вступать в ситуациях социального взаимодействия, непосредственно сопутствующих профессиональной деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод, что в основе формирования содержания обучения иностранному языку адъюнктов как будущих ученых и профессионалов высокого класса лежат интеграции собственно научного, профессионального и социально-коммуникативного компонентов, которые находятся во взаимосвязи и только при правильном взаимодействии могут дать «методический продукт» реально отличающийся от содержания иноязычных курсов на предыдущих ступенях высшего образования.

Речь, прежде всего, идет о межкультурной парадигме, в основе которой лежат именно компетенции иноязычные. Фактически речь идет об иноязычном варианте всех компонентов коммуникативной компетенции.

Следует учитывать также, что на данном этапе совершенствования полученных ранее коммуникативных компетенций иноязычная подготовка адъюнктов не должна сводиться к обучению письменному переводу, так как процесс и способы использования языка молодым ученым существенно отличаются от тех, что имеет переводчик. По сути, исследователь занимается переводческой деятельностью в том случае, если он цитирует иноязычные источники при выполнении реферативного перевода научного профессионально-ориентированного текста по выбранной им теме, написании научной статьи по теме исследования с использованием иноязычных источников. Этот процесс заключается в восприятии текста на одном языке с последующим его репродуцированием на другом. В остальных случаях, таких как поиск иноязычной информации, написание собственного исследования, то есть изложение собственных мыслей, аннотирование исследования и прочее, речь идет о поиске и обработке иноязычной научной информации, что позволяет физически говорить о научном варианте

иноязычной информационной компетенции. В содержание обучения адъюнктов включено обучение переводу научных текстов, предполагается выполнение заданий. Цитирования текста являются, по сути, точечным переводом, который должен быть включен в комплекс заданий, моделирующих деятельность современного исследователя. Задания на выполнение перевода больших фрагментов текстов, с нашей точки зрения малоэффективны с научно-компетентностной точки зрения и временных затрат на их выполнение.

Таким образом, одним из важных принципов частного дидактического характера, с нашей точки зрения, является моделирование научно-исследовательской работы с учетом ее реальной методологии и особенностей обработки информации в ее процессе. Соблюдение этого принципа направлено на формирование иноязычных вариантов исследовательских компетенций, характерных именно для обучения в адъюнктуре, с учетом качественной сложности кандидатского исследования.

В основе второго принципа лежит понимание слияния узкопрофессиональной коммуникации и коммуникации социальной по причине того, что в современном коммуникативно-ориентированном мире профессиональное взаимодействие осуществляется в социальной среде и подразумевает достаточно большое количество общепрофессиональных и околопрофессиональных ситуаций, в которых специалист должен владеть языком, отличным от профессионального – то есть владеть социально-коммуникативным этикетом и даже элементами разговорного языка.

Слияние профессиональной и общесоциальной коммуникации вызвано тем, что современный успешный человек всё больше времени проводит в рабочей обстановке, реализуя в ней потребности в общении. Поэтому бывает сложно однозначно сказать, является ли та или иная коммуникация узкопрофессиональной, общеделовой, социальной и пр. Поэтому эффективным представляется включение в содержание иноязычной подготовки в адъюнктуре общепрофессиональных ситуаций социального взаимодействия.

Следовательно, процесс профессионально-ориентированного обучения адъюнктов иностранному языку можно охарактеризовать как обучение специальному «профессиональному» подъязыку с использованием коммуникативно- и ситуационно-ориентированного подхода к преподаванию иностранного языка для специальных целей.

Понимание того, что профессионально-ориентированное обучение языку не может приравниваться к лимитированному объему лексических единиц и текстов, соответствует общей трактовке содержания обучения в лингводидактике, где традиционно выделяется также и речевой или коммуникативный компонент. Учитывая то, что речь, в отличие от языка как системы, всегда ситуативно обусловлена, следует заключить, что в содержание обучения профессиональному

языку в адъюнктуре, наряду с профессиональной лексикой, должны входить коммуникативные ситуации, в которых соответствующие языковые явления имеют место.

Таким образом, можно говорить о том, что в коммуникативном иноязычном взаимодействии современного исследователя взаимосвязаны, а иногда и сливаются сразу несколько стилей языка: научный, обиходно-деловой и разговорный. С точки зрения формирования содержания обучения на стыке первых двух из перечисленных можно выделить еще профессиональный язык (профессионально-направленная терминология), хотя такой стиль отдельно в языкознании не выделяется.

При всем этом основным же «языковым инструментом» ученого выступает научный стиль. С учетом достаточно высоких требований, предъявляемых сегодня к исследованиям, которые публикуются на международном уровне, именно этот стиль необходимо наиболее четко дифференцировать на фоне остальных.

В этой связи третий принцип формирования содержания обучения иностранному языку адъюнктов мы можем назвать принципом лингвостилистического взаимодействия и дифференциации.

На методическом уровне учет возрастной специфики проявляется в повышенном внимании к актуальности и качеству материалов не только с дидактической, но и с профессионально-содержательной точки зрения. Речь идет о предметном интересе, связанном с практической пользой, черпаемой из иноязычных источников информации для профессиональной деятельности. Поэтому адъюнкты выполняют реферативные переводы на материалах аутентичных источников по теме исследования, которые удается подобрать после утверждения темы исследования. Эти материалы в идеальном варианте могут быть небольшим источником информации для диссертации, так это параллельно решает проблему наличия ссылок на иноязычные источники в кандидатской работе. При таком подходе ощущается эффективность затрачиваемого на занятия языком времени, что является ключевым для мотивации взрослого обучающегося, как отмечалось выше.

Учебно-практические пособия создаются на основе этих материалов. Обеспечить всё это можно только при помощи аутентичных материалов самим преподавателем.

Опыт работы и проведенные исследования в области обучения иностранному языку в адъюнктуре позволили нам прийти к следующим выводам. Обучение иностранному языку в адъюнктуре подразумевает учет специфики межкультурной коммуникации и использования иноязычного знания современным ученым, либо же профессионалом высокого уровня, чья практическая деятельность в той или иной степени связана с научными исследованиями.

С психолого-педагогической точки зрения обучение адъюнктов базируется на позициях андрагогики, что подразумевает учет возрастных особенностей взрослого как субъекта образовательного процесса, ключевыми из которых являются максимальная ответственность и осознанность.

В проведённом исследовании были выявлены общие концептуальные основы иноязычной подготовки в адъюнктуре, направленные на поиск новых методов, форм, приёмов, средств и технологий обучения адъюнктов иностранному языку с элементами моделирования межкультурной научной коммуникации и использования иностранного языка как инструмента научного исследования.

Список источников

1. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народ. образование. 2003. № 2.
2. Хуторской А. В. Ключевые компетенции и образовательном стандарте // Интернет-журнал «Еждос». 2002. URL: http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm (дата обращения: 24.01.2016).
3. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия. М.: Исследоват. Центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.
4. Серова Т. С. Информация, информированность, инновации в образовании и науке. Пермь, 2015.

УДК 811

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАВЫКОВ ПЕРЕВОДА И АКТИВИЗАЦИЯ В РЕЧИ СЛОЖНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ АНГЛИЙСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Ю. И. Алферова**, доцент кафедры иностранных языков Омской академии МВД России, кандидат филологических наук, доцент*

Грамматическая составляющая иноязычной коммуникативной компетенции будущего сотрудника правоохранительных органов рассматривается с позиций дискурсивного подхода. В статье обращается внимание на важность соблюдения определенной последовательности при работе над сложными явлениями английской грамматики, типичной для юридических текстов, при выполнении перевода.

Ключевые слова: юридический дискурс, грамматическая структура, неличная форма глагола, перевод.

IMPROVING TRANSLATION SKILLS AND ACTIVATING COMPLEX GRAMMATICAL PHENOMENA IN ENGLISH LEGAL DISCOURSE IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF EDUCATIONAL ESTABLISHMENT OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

***Yu. I. Alferova**, associate professor of the Department of Foreign Languages of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Philology, Associate Professor*

The grammatical component of the foreign language communicative competence of the future law enforcement officer is considered from a discursive approach. The article focuses on the importance of maintaining a certain sequence when working on complex phenomena of English grammar, typical for legal texts, when performing translation.

Keywords: juridical discours, grammar structure, non-finite form of the verb, translation.

Целенаправленное изучение иностранного языка для специальных целей, ориентированное на последующее его практическое использование в академическом и профессиональном билингвальном пространстве, является важным компонентом учебного процесса в системе образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации. Обучение иностранному языку для специальных целей направлено на профилизацию иностранного языка, востребованного в рамках профильной специальности и осуществляемого на основе интеграции со смежными дисциплинами.

Одним из основополагающих компонентов профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в высшей школе является обучение навыкам перевода.

Теоретические обобщения являются необходимой частью обучения переводу. Демонстрация поэтапности работы над каждым грамматическим явлением от темы к теме позволяет выработать у обучающихся навык применения определенного алгоритма при переводе и активизации грамматических структур, в том числе самостоятельно вне аудитории. Комплексный анализ нескольких изучаемых грамматических моделей в одном документе способствует пониманию перевода юридического дискурса в рамках более широких, чем отдельное предложение или словосочетание.

Поскольку профессиональный дискурс – распространенный тип коммуникации специалистов, формирование иноязычной коммуникативной компетенции будущего сотрудника правоохранительных органов должно осуществляться с опорой на дискурсивный подход. Дискурсивную компетенцию рассматривают «как важную составляющую коммуникативной компетенции», которая «подразумевает способность коммуникантов оперировать энциклопедическими знаниями, отражающими устройство реального мира (включая области профессиональной деятельности человека), пользоваться арсеналом разноуровневых средств языка для достижения прагматических целей» [6, с. 256]. Под профессиональным дискурсом понимают «вербальное общение для решения теоретических и практических задач, требующее специальной подготовки и опыта в определенной сфере деятельности» [1, с. 145].

Различные аспекты профессионального юридического дискурса анализируются в работах исследователей, занимающихся коммуникативными стратегиями, профессиональной речью представителей юридической профессии [2; 3].

Одним из важных параметров юридического дискурса является сфера его функционирования – область права. Обучение английскому языку будущих сотрудников правоохранительных органов предполагает использование таких

текстов, относящихся к юридическому дискурсу, как протоколы (допроса, осмотра места происшествия и т. д.), законодательные акты, статьи уголовного кодекса и ознакомление с текстами международных соглашений, конвенций, касающихся поддержания правопорядка, и т. д.

Для достижения должного уровня грамматической составляющей коммуникативной компетенции (будущего) профессионала правоприменения целесообразным является выбор материалов, изобилующих грамматическими моделями, наиболее типичными для юридического текста. Критериям отбора текстов, работа с которыми позволит обучающемуся усвоить сложные грамматические структуры, характерные для профессионального подъязыка, посвящены исследования авторов, занимающихся вопросами профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в неязыковом вузе [4; 5].

Проследим последовательность выполнения заданий на примере работы с особенностями перевода инфинитива в функции определения. Сначала даются необходимые пояснения, примеры, варианты перевода. Задания начинаются с перевода на русский язык словосочетаний с инфинитивом в функции определения: *(criminal cases to be investigated*; *the laws to be passed).*

В задании на преобразование словосочетаний обучающиеся должны убрать часть, которая представляет собой придаточное предложение *(rights that are to be protected, statements that are to be received)*, с заменой на инфинитив.

Дальнейшая работа заключается в переводе предложений с инфинитивом в качестве определения с английского языка на русский. *Например:* 1. The agency has also added other tasks to be met by 2025. 2. The issue to consider next deals with crime prevention.

В следующих заданиях обучающиеся дополняют предложения готовыми формами инфинитива из нескольких вариантов.

1. These are issues (…) at trial. 2. The earliest criminal trials had very little, if any, settled law (…). 3. The question is usually the amount of money (…) in damages if liability is found. – Варианты для выбора: *to apply*; *to be paid*; *to be raised.*

Также предлагается завершить предложения, выбрав соответствующее продолжение. Например: 1. He was charged with … 2. Seven young political radicals … 3. The defendants were wrongly convicted of … Варианты для дополнения: а) … were tried in Chicago; б) … the murder of his ex-wife and her male friend and was subsequently acquitted in a criminal trial; в) offences connected with terrorist bombings.

Необходимо подчеркнуть, что текст в заданиях максимально аутентичный: примеры для составления предложений, заполнения пропусков взяты из юридической литературы на английском языке.

Активизация материала продолжается в заданиях на перевод с русского языка на английский сначала словосочетаний, затем целых предложений

с этими же словосочетаниями. Например: *место преступления, которое необходимо осмотреть*; *Место преступления, которое необходимо осмотреть, находится недалеко от супермаркета.*

При выполнении перевода с русского языка на английский обучающиеся, овладевшие необходимым навыком, способны проанализировать всё предложение, определить какую часть необходимо передать инфинитивом.

В качестве примеров текстов, содержащих несколько изученных по отдельности грамматических явлений, целесообразно обращаться к различным документам, относящимся в широком смысле к юридическому дискурсу: например, протоколам допросов, статьям Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и т. п.

При работе с препозитивными атрибутивными словосочетаниями, образованными путем сложения ряда существительных (и других частей речи), стоит обратить внимание обучающихся на сложности перевода в связи с множеством семантических связей между членами словосочетания.

На первом этапе объясняется алгоритм работы над переводом таких словосочетаний. Объяснение иллюстрируется актуальными примерами: *crime prevention – предупреждение преступности*; *Neighbourhood Watch scheme – программа наблюдения за районом* (соседский дозор, охранные меры, проводимые в жилых кварталах; добровольная организация, занимающаяся присмотром за домом или имуществом соседей для предотвращения преступлений).

Курсантам предлагается выполнить задания на перевод с английского на русский язык (*state laws*, *state constitutions*, *state judiciary*, *district attorney)*. Затем дается задание на перевод таких словосочетаний с русского языка на английский, при этом предлагаются исходные словосочетания (как ядро словосочетания), которые необходимо дополнить, чтобы получился эквивалент словосочетания, данного на русском языке. Например: исходное словосочетание *Parliament resolution* необходимо преобразовать, дополнив необходимой лексикой, чтобы получился эквивалент словосочетаниям: *постановление Европейского парламента*; *реализация постановления парламента.*

Таким образом, работа над грамматическим компонентом лингвистической составляющей иноязычной компетенции будущего сотрудника правоохранительных органов в области профессиональной коммуникации требует обращения к аутентичным текстам, относящимся к юридическому дискурсу, что соответствует принципам профессионально-ориентированного обучения. Погружение в аутентичный материал способствует как активизации сложных грамматических структур в письменной и устной речи, так и пониманию особенностей правовых систем стран изучаемого иностранного языка.

Список источников

1. Бейлинсон Л. С. Профессиональный дискурс как предмет лингвистического изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2009. № 1 (9). С. 145–149.
2. Варнавских Н. В. Типологические черты речевого поведения русско- и англоговорящих адвокатов (прагмалингвистический подход): автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2004. 16 с.
3. Денисенко В. Н. Вербальная коммуникация и профессиональная компетентность юриста // Личность, речь и юридическая практика: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6. Ростов н/Д., 2003. С. 64–67.
4. Кожевникова Т. В. Развитие умений профессионально ориентированного онлайн-чтения в неязыковом вузе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 12 (698). Серия: Педагогические науки. С. 141–148.
5. Навроцкая И. Н. Обучение чтению англоязычной юридической литературы в образовательных организациях системы МВД России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 3 (192). С. 28–32.
6. Сакаева А. В. Специфика применения дискурсивного подхода в профессиональной деятельности переводчика профессионально ориентированных текстов юридической направленности // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 11. С. 255–259.

УДК 811.111

ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В СФЕРЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***М. В. Аринина**, доцент кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России, кандидат психологических наук, доцент*

Целью статьи является освещение особенностей использования видеоматериалов на занятиях по иностранному языку профессиональной направленности для сотрудников органов внутренних дел. Представлены виды материалов, цели и задачи их применения. На примере опыта работы с курсантами и слушателями Нижегородской академии МВД России описаны некоторые приемы обучения английскому языку с применением аутентичных англоязычных видеоматериалов профессионально-страноведческого характера.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, видеоматериалы, правоохранительная деятельность, английский язык, аудирование.

VIDEO MATERIALS IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN THE FIELD OF LAW ENFORCEMENT

***M. V. Arinina**, associate professor of the Department of Foreign Language and Culture of Speech of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Psychology, Associate Professor*

The article is aimed at highlighting the features of implementing video materials in foreign language classes for law enforcement officers. The article presents the types of materials, the goals and objectives of their application. Based on the experience of working with cadets and students at the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the article describes some methods of teaching English with the help of authentic English-language video materials of a professional and country-specific nature.

Keywords: foreign language teaching, video materials, law enforcement, English, listening

Видеоматериалы как одно из средств информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) прочно вошли в арсенал современного преподавателя иностранных языков благодаря своей доступности, наглядности и многофункциональности. Задача понимания иноязычной речи на слух часто вызывает особые сложности у обучающихся. Наличие видеоряда облегчают процесс аудирования, поскольку задействует невербальные средства коммуникации. Правильно подобранные аутентичные видео также повышают мотивацию к изучению языка, поскольку отражают реалии жизни в странах изучаемого языка. Поэтому данный ресурс по-прежнему привлекает внимание специалистов в области лингводидактики. Проблемой использования видеоматериалов при обучении иностранному языку для профессиональных целей, в частности, юридической и правоохранительной направленности, занимаются такие авторы, как С. И. Балишин, Е. А. Васкина, Е. Б. Попов и др.

При обучении английскому языку в сфере правоохранительной деятельности особый интерес вызывают экстралингвистические материалы, то есть материалы, не предназначенные изначально для обучения иностранному языку. Это, например, видеоролики, созданные сотрудниками правоохранительных органов англоязычных стран, отражающие будни рядового сотрудника полиции. Это также могут быть видео, специально созданные для работы с гражданами, представителями общественности, документальные фильмы о работе полиции, а также художественные фильмы соответствующей тематики. Такие видеоматериалы Е. Б. Попов относит к числу общедоступных, то есть размещенных в открытом доступе в сети Интернет [1]. Нами отдается предпочтение материалам документальным или записанным сотрудниками полиции, так как они более точно отражают реалии жизни иностранных коллег, нежели художественные фильмы, и поэтому вызывают активный интерес со стороны обучающихся.

Перечисленные видеоматериалы профессионально-страноведческого характера помогают решить сразу несколько групп задач:

1) языковых – изучение примеров использования тех или иных языковых средств в контексте реальной жизни носителями языка;

2) речевых – главным образом связано с обучением аудированию, но также и сопутствующим видам речевой деятельности. На основе материала видео могут даваться задания, связанные с развитием навыков чтения, говорения, письма;

3) экстралингвистических – развивается не только профессиональная коммуникативная компетенция, но и социокультурная. Обучающиеся знакомятся с реалиями жизни и работы своих коллег в странах изучаемого языка, расширяют кругозор, учатся критическому анализу и оценке полученной информации.

Отбор материалов в зависимости от целей, преследуемых преподавателем, может осуществляется с опорой на уровень владения языком, лексическую или грамматическую тематику, а также на основе коммуникативных задач (ситуаций), с которыми может сталкиваться в своей работе сотрудник органов внутренних дел.

Так, в работе с видео, записанным сотрудниками Столичной полиции Лондона [2] для граждан с целью ознакомить их со способами описания внешности подозреваемого для полиции в случае, если они выступают в качестве свидетеля, может осуществляться с обучающимися уровня А1-А-2. Отрабатывается лексическая тема «Описание внешности человека», грамматическая тема «Глагол to be».

Часто используемые нами в работе видео содержат эпизоды из документального фильма БиБиСи о работе Столичной полиции Лондона «The Met» [3]. Они охватывает широкий набор лексических тем, например, «Структура и функции полиции стран изучаемого языка и России», «Виды преступлений и наказаний», «Описание внешности человека», «Оперативно-розыскная деятельность полиции», «Этапы расследования преступления» и многие другие. Однако один из недостатков таких аутентичных видео состоит в том, что не все из них подойдут для низких уровней владения языком.

Рассмотрим на некоторых примерах из опыта обучения курсантов Нижегородской академии МВД России варианты использования видеоматериалов на практических занятиях по дисциплине «Иностранный язык».

В видео «What you should know before pursuing the career of a police officer» [4], записанном сотрудниками полиции Лос-Анжелеса для граждан, желающих поступить на службу в полицию, описываются требования для принятия на службу, а также процесс подготовки полицейских кадров в данном подразделении полиции. Целью практического занятия с применением данных видеоматериалов является обучение осуществлению иноязычной коммуникации в ситуациях, связанных с поступлением на службу в полиции. В работе с данным видео могут решаться следующие задачи: изучение и расширение информации по лексической теме «Подготовка полицейских кадров в странах изучаемого языка и России»; закрепление материала по грамматическим темам «Модальные глаголы и их эквиваленты», группы времен Simple. С точки зрения лексики – осваиваются ключевые лексические единиц по теме: graduate, background investigator, to do a thorough background check on smb, to have a relatively crime free back ground, to look up one's records, a tough process, provide the service to the city, to go on radio calls, months of schooling, to go to probation for (some period of time), to be physically and mentally challenging, to put smb to the test, to have safe tactics, to go out to the field, to work with seasoned people,

ratio of getting hired, to be on salaries. С точки зрения грамматики – осваиваются основные грамматические структуры, используемые для описания требований к поступлению на службу в полицию:

1) инфинитив в качестве обстоятельства цели, например, to become a police officer …;

2) структура предложения с модальными глаголами, функции модальных глаголов и их эквивалентов (долженствование, напр.you must…, необходимость – You have to pass a background test, отсутствие необходимости – You don't have to be a citizen, умение – How you can handle the equipment.

В качестве подготовки к просмотру или речевой зарядки обучающимся предлагается обсудить особенности поступления на службу в полицию в России, их личный опыт, активизируя уже знакомые грамматические структуры и лексику, преподаватель также постепенно вводит лексику, которая будет использована спикером видео. Кроме того, проясняется, какую информацию имеют обучающиеся об особенностях приема на службу в полицию в США, что они хотели бы узнать по этой теме. Могут обсуждаться следующие вопросы.

1. What are the requirements for becoming a police officer in Russia? You have to (be/have/pass/undergo…)
2. What are the steps of becoming a police officer in Russia?
3. Was it a tough process for you?
4. What was the toughest thing for you in this process?
5. Does a job in the police give you any benefits? If yes, what are they?
6. Do you have long vacations?
7. What do you know about the requirements for becoming a police officer in the USA? What would you like to know about it?

В качестве предпросмотрового задания обучающиеся должны законспектировать основные требования к поступлению на службу в полицию в Лос-Анжелесе, а также основные этапы подготовки полицейских кадров.

Далее следует этап просмотра видео, в котором целевой языковой, а также профессионально-страноведческий материал по теме воспринимается посредством аудиального и визуального каналов. После просмотра посредством ответов на вопросы материал активизируется в речи обучающихся. Для дальнейшего закрепления языкового материала и обобщения информации обучающимся предлагается пересказать информацию, полученную ими из видео, с опорой на представленные преподавателем структуры и лексику.

В качестве дальнейшей отработки материала (или задания для самостоятельно подготовки) обучающимся необходимо сравнить особенности входных требований и подготовки полицейских кадров в России и США, а также найти информацию о Великобритании по этому вопросу (что направлено на развитие навыков самостоятельной работы с информацией на иностранном языке).

Помимо самого видео, на занятии используются наглядные средства в форме электронной презентации «Pursuing The Career as a Police Officer», а также раздаточный материал: текст с пропущенной информацией.

Еще одним вариантом использования аутентичных видео является разработка материалов для викторин (quizes) по английскому языку в качестве закрепления и повторения изученного материала. Например, может быть выделен отдельный раунд, посвященный аудированию на основе просмотра видео. В нем представляются такие задания, как:

1) определить, какие из указанных тем не упоминались/упоминались в просмотренном видео;

2) расставить в верном порядке события, показанные в видео;

3) заполнить пропуски недостающими словами в печатном варианте текста видео;

4) определить, какой вид преступления расследуется на видео.

Существует ряд сложностей, связанных с использованием видеоматериалов. Один из них упомянут выше – сложность найти аутентичные видео профессионального характера для уровня А-1, поскольку обычно это материалы, не имеющие своей целью обучение иностранному языку и рассчитанные на носителей языка. Поэтому такого рода материалы чаще всего содержат сложную лексику, темп речи говорящих довольно высок и особенности их произношения могут затруднять понимание. Еще одна сложность связана с тем, что разработка заданий на основе видео требует больших затрат времени со стороны преподавателя. Необходимость подбора из большого обилия доступного в настоящее время видео актуального и релевантного по уровню и содержанию материала требует просмотра большого количество видео. Кроме того, материал должен быть расписан в форме текста для дальнейшей работы с ним и создания системы упражнений.

Подводя итог, необходимо отметить, что использование видеоматериалов на практических занятиях по иностранному языку в сфере правоохранительной деятельности позволяет решить ряд лингвистических и экстралингвистических задач обучения профессиональной коммуникативной компетенции, значительно повышает мотивацию к изучению языка у курсантов, позволяет осуществлять индивидуальный подход к обучению, развивать творческое мышление всех участников образовательного процесса. Но есть и ряд сложностей, связанных с подбором материалов для уровней А1-А2, а также с временными затратами на разработку такого рода материалов. Эти сложности могут быть частично преодолены с помощью использования другого вида ИКТ – искусственного интеллекта, что может послужить темой для дальнейших практико-ориентированных исследований в данной области.

Список источников

1. Попов Е. Б. Использование общедоступных видеоматериалов в обучении будущих юристов английскому языку // Актуальные вопросы теории и практики обучения иностранному языку для профессиональных целей: Материалы межвузовского круглого стола 26 июня 2020 г. Оренбург: МГЮА, 2020. С. 58–64.
2. Metropolitan Police – How to Describe a Suspect // URL: https://www.youtube.com/watch?v=Pt8rycHl2dI (дата обращения: 12.03.2025).
3. The Met Policing London. Series 1, Episode 3 // URL: https://www.youtube.com/watch?v=vNUe9gW7EyE&t=1379s (дата обращения: 12.03.2025).
4. What I Should Know Before Pursuing The Career As A Police Officer // URL: https://www.youtube.com/watch?v=LtDuNRxAlZw (дата обращения: 12.03.2025).

УДК 378

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

***Н. В. Барсукова**, доцент Высшей школы лингводидактики Тихоокеанского государственного университета, кандидат педагогических наук*

В статье отмечается растущая роль искусственного интеллекта (ИИ) в сфере образования в целом и в преподавании иностранных языков в частности. Уделяется внимание преимуществам использования ИИ в организации более эффективной работы преподавателей и рациональному использованию времени подготовки обучающихся. Но отмечаются и некоторые риски и проблемы, которые могут негативно повлиять на качество профессиональной подготовки будущих специалистов.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), инструмент ИИ, интеграция ИИ, сфера образования, обучение иностранным языкам, обучающийся.

USING SOME ARTIFICIAL INTELLIGENCE TOOLS IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

***N. V. Barsukova**, associate professor of the Chair of foreign languages and intercultural communication of the Pacific National University, kandidat nauk, degree in Pedagogics, Associate Professor*

This article notes the growing role of artificial intelligence (AI) in education in general and foreign language teaching in particular. It highlights the benefits of using AI to improve teacher efficiency and the rational use of student preparation time. However, certain risks and problems are also noted that could negatively impact the quality of professional training of future specialists.

Key words: Artificial intelligence (AI), AI tool, AI integration, education, foreign language teaching, learner.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) с момента его изобретения в 50-х гг. прошлого столетия вызывает жаркие споры и породил бесчисленные заголовки публикаций. Споры о влиянии ИИ во всех аспектах человеческой жизни

активизировались, особенно с развитием разговорного ИИ с конца 2022 г. Эти быстро развивающиеся технологии обеспечивают немедленную и долгосрочную перспективу – возможности, вызовы и угрозы для образовательных систем (ЮНЕСКО, 2023). Однако, когда речь заходит об интеграции ИИ в образование, текущие исследования и руководящие принципы ограничены, и существует настоятельная необходимость в более всестороннем изучении этих вопросов. Эти дискуссии очень популярны среди работников сферы образования. Они часто задаются вопросами: «Какое влияние ИИ окажет на то, как обучающиеся получают знания и развивают навыки? Как это повлияет на то, как мы будем набирать и обучать наших учителей? Будут ли учителя в конечном итоге заменены технологиями?».

Поскольку ИИ продолжает интегрироваться в различные сферы жизни общества, его применение в образовании одновременно приветствуется и тщательно изучается.

ИИ представляет собой не только революционное изменение в области технологий. Данные технологии также выступили причиной значительных социальных и экономических изменений, а также изменений в образовании, культуре и мировоззрении людей. В этом процессе необходимо найти новую роль для живых преподавателей иностранного языка. Для решения этой проблемы преподавателям необходимо идти в ногу со временем, постоянно учиться и совершенствоваться, укреплять свои профессиональные качества и уровень владения информационными технологиями, ломать сложившийся образ педагога, как в глазах других людей, так и в собственном сознании.

ИИ обладает потенциалом для решения некоторых из самых серьезных проблем в современном образовании, внедрения инноваций в методы преподавания и обучения. Однако быстрое технологическое развитие неизбежно несет с собой многочисленные риски и проблемы, которые связаны с политикой и сферой нормативно-правовой базы. ЮНЕСКО стремится оказывать поддержку государствам-членам в использовании потенциала технологий искусственного интеллекта для реализации повестки дня «Образование-2030», обращая при этом внимание на то, чтобы их применение в образовательном контексте определялось основными принципами инклюзивности и справедливости.

Преподавание иностранных языков, в частности, открывает множество возможностей для интеграции технологий, основанных на ИИ. Еще до появления инструментов ИИ, таких как ChatGPT, Deep Seek существовало множество успешных приложений, разработанных с использованием искусственного интеллекта для создания адаптивных путей обучения для изучающих язык. Инструменты генеративного ИИ теперь открывают невероятные возможности для языковой практики. Однако осознание этого потенциала требует мотивации и навыков от

обучающихся, преподавателей и многих других заинтересованных сторон. Очевидно, что существуют как барьеры, так и риски, которые необходимо учитывать.

ChatGPT технологии генеративного ИИ несут в себе не только преимущества, но и опасность для системы образования. Обучающиеся повсеместно самостоятельно используют автоматизированные помощники для выполнения заданий, что требует от преподавателя объяснения ограничений этих технологий.

В сфере высшего образования уже создаются правила для внедрения искусственного интеллекта, особенно при изучении иностранных языков [5].

Другим исследованным аспектом мотивации [1] было то, как устройства автоматического перевода на базе искусственного интеллекта могут негативно повлиять на мотивацию человека к изучению языка. Если технология может сделать это за вас, зачем вам вообще тратить время на изучение языка? В этом вопросе может быть как согласие, так и противодействие, поскольку существует множество стимулов для изучения языка даже после улучшения инструментов перевода. Но также следует отметить, что для получения и сохранения работы в сферах, связанных с его активным применением, знание языка может стать еще более важным фактором, чем в настоящее время. На конкурентном рынке умение говорить на иностранном языке может стать еще более востребованным навыком.

Варианты того, как можно использования ChatGPT, Deep Seek и другие AI для подготовки к урокам, создания курсов и планирования, ограничены лишь фантазией учителя и его желанием экспериментировать с различными запросами [3].

AI-системы помогают быстро создать контент под уровень, интересы и потребности ученика. Например, сделать упражнения с лексикой и грамматическими конструкциями, актуальными для конкретного студента, то есть при этом осуществляется принцип индивидуализации.

Для этого нужно отправить текст и задание на английском языке, и бот выдаст ответ в считаные секунды. Например, «Создай 20 предложений/вопросов для обучающихся уровня A2 с использованием слов (список)». Он также создает упражнения, тесты, тексты, статьи, формулирует идеи для отработки навыков устной речи.

Хотя ИИ обладает значительным потенциалом для преобразования технологий обучения, он также имеет ряд недостатков, которые на сегодняшний день являются актуальными и требующими тщательного изучения, чтобы обеспечить сбалансированную и эффективную среду обучения, а именно:

1) проблемы конфиденциальности данных;
2) зависимость от технологий;
3) недостаток человеческого контакта/дегуманизированный опыт обучения;
4) риск мошенничества [4].

Тем не менее, будущее ИИ в образовании является многообещающим благодаря достижениям в области технологий и лучшему пониманию того, как ИИ может улучшить обучение. Персонализированное обучение является ключевой областью, в которой адаптивные и интеллектуальные системы обучения создают индивидуальный опыт для обучающихся. Эти системы адаптируются к сильным и слабым сторонам каждого, делая обучение более эффективным.

Однако обеспечение ответственного развития ИИ предполагает решение этических проблем и обеспечение подотчетности и доверия. Системы ИИ должны разрабатываться с учетом надзора и контроля со стороны человека, и важно решать этические и практические проблемы, чтобы гарантировать, что ИИ принесет пользу всем заинтересованным сторонам в образовательной экосистеме.

Список источников

1. Альтшулер-Феррейра О. Л. Развитие и совершенствование информационных технологий в сфере образования // Наука. Информатизация. Технологии. Образование: материалы XVII междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 10–13 марта 2024 г. С. 6–11.
2. Бурина Е. В. Лингводидактический потенциал технологий искусственного интеллекта для обучения иностранным языкам // Мир науки, культуры, образования. № 6 (103). 2023. С. 323–326.
3. Как использовать ChatGPT и другие AI в преподавании языков. Готовые шаблоны и уроки // URL: https://blog.progressme.ru/resheniya/kak-ispolzovatchatgpt-i-drugie-ai-v-prepodavanii-yazykov-gotovye-shablony-i-uroki (дата обращения: 03.02.2025).
4. Рольгайзер А. А. Перспективы использования искусственного интеллекта в практике преподавания иностранного языка // Актуальные вопросы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков: сб. науч. ст. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2022. С. 243–248.
5. Руководство по использованию генеративного искусственного интеллекта в образовании и научных исследованиях // URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000389639 (дата обращения: 03.02.2024).

УДК 372.881.1

КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК КЛЮЧЕВОЙ АСПЕКТ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ

***Е. В. Гнездилова**, доцент кафедры иностранных языков Барнаульского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент*

В статье рассматривается вопрос применения кросс-культурного подхода в обучении иностранному языку в неязыковом вузе. Актуальность темы обусловлена глобальной интеграцией, требующей от обучающихся не только владения иностранным языком, но и понимания культурной составляющей народа, говорящего на нем. Автором исследуются противоречия, связанные с внедрением кросс-культурного взаимодействия в процесс обучения, подбираются наиболее эффективные методы и приемы, способствующие его интеграции в процесс обучения иностранному языку, обозначаются перспективы использования.

Ключевые слова: кросс-культурное взаимодействие, лингвистическое образование, иностранный язык, культурный контекст, неязыковой вуз.

CROSS-CULTURAL INTERACTION AS A KEY ASPECT OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES

***E. V. Gnezdilova**, associate professor of the Department of Foreign Languages, Barnaul Law Institute of the of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Pedagogy, Associate Professor*

This article examines the application of a cross-cultural approach to foreign language teaching in a non-linguistic university. The topic is relevant due to global integration, which requires students not only to master a foreign language but also to understand the cultural background of the people who speak it. The author examines the contradictions associated with the introduction of cross-cultural interaction into the educational process, selects the most effective methods and techniques for facilitating its integration into foreign language teaching, and outlines potential applications.

Keywords: cross-cultural interaction, linguistic education, foreign language, cultural context, non-linguistic university.

Современное лингвистическое образование основано на системном подходе к организации образовательного процесса, в котором кросс-культурный подход играет не последнюю роль. В условиях глобальной интеграции, при которой стремительно размываются национальные границы, расширяются языковые и культурные связи, само по себе знание иностранного языка является недостаточным. Важно уметь взаимодействовать с носителем языка, опираясь на его культурные особенности – культурные нормы, ценности, традиции. В связи с этим применение кросс-культурного подхода в процессе обучения является актуальным и оправданным.

Изучение психолого-педагогической и методической научной литературы позволило утверждать, что кросс-культурное взаимодействие (далее – ККВ) на занятиях по иностранному языку помогает не просто быстрее и продуктивнее овладеть языковыми навыками и обогатить свой уникальный духовный мир – систему ценностей, идеалов, чувств, эмоций, волю, но и углубить свое представление о языковой картине мира. Это, в свою очередь, способствует более качественному взаимодействию с представителями иной культуры.

Целью исследования является анализ особенностей кросс-культурного взаимодействия как аспекта лингвистического образования и выявления его влияния на развитие языковых компетенций.

Задачи исследования:

1) раскрыть основные аспекты кросс-культурного обучения в условиях лингвистического образования в неязыковом вузе;

2) выявить эффективные методы и приемы, используемые в процессе кросс-культурного обучения;

3) определить противоречия и трудности внедрения кросс-культурного подхода в процесс обучения;

4) обозначить перспективы использования кросс-культурного подхода в процессе обучения иностранному языку.

Противоречие заключается между необходимостью кросс-культурного взаимодействия в процессе обучения и существующими образовательными стандартами с акцентом на лексические и грамматические языковые аспекты.

Кросс-культурное обучение является важным средством развития кросс-культурной компетенции, которая предполагает навыки адаптации к разнообразным культурным условиям, толерантное отношение к культурным различиям, эффективную коммуникацию с носителями языка [1; 2].

Опыт преподавания иностранного языка в неязыковом вузе говорит о том, что рабочие программы дисциплины игнорируют этот подход, что на наш взгляд,

ведет к поверхностному изучению языка. По результатам опроса обучающихся Барнаульского юридического института МВД России были выявлены основные аспекты, которые интересуют их в большей степени.

1. Культура англоговорящих стран в области правоохранительной деятельности (различные модели полицейских подразделений, их структура и функции, подходы к поддержанию правопорядка и защите прав человека и т. д.).

2. Правовая помощь и международное сотрудничество (международные организации уголовной полиции, механизмы сотрудничества, примеры успешных операций, различия в уголовной процедуре и праве и т. д.).

3. Права человека и этика в правоохранительной деятельности (права человека и примеры нарушения этих прав и т. д.).

4. Эффективные методы общения с гражданами (техники устранения конфликтов, взаимодействие полиции с населением, применение социальных сетей для информирования общественности и населения и т. д.).

5. Криминология и криминалистика (специализированная лексика и терминология, анализ преступности – причины и социальные факторы, виды преступлений, кибербезопасность и компьютерная преступность и т. д.).

6. Различия в культурных подходах в правоприменительной деятельности (анализ подходов – взаимосвязь между культурными особенностями граждан и их поведением, различия в социализации, воспитании, влияющие на уровень преступности в стране и т. д.).

Перечисленные аспекты позволяют организовать процесс обучения иностранному языку более эффективно и достичь высокого уровня профессиональной подготовки обучающихся образовательных учреждений МВД России.

Рассмотрим методы и приемы организации занятий по иностранному языку в условиях межкультурного взаимодействия. Исследования данного вопроса позволяют утверждать, что наиболее эффективными являются следующие методы и приемы.

1. Интерактивные методы обучения – ролевые игры, разработанные на основе историй из реальной жизни английской/американской полиции позволяют обучающимся практиковать иностранный язык в контексте и развивать межкультурное взаимодействие. Организация дискуссий и обсуждение культурных особенностей народа и их влияние на общение улучшают навыки критического мышления.

2. Мультимедийное обучение, в котором сочетаются различные форматы (видео, текст, аудио, изображения) для лучшего восприятия информации. Такие форматы позволяют обучающимся обогатить словарный запас, улучшить навыки аудирования, закрепить фонетические навыки и познакомить с культурными аспектами.

3. Кросс-культурные проекты, основанные на исследовании культурных различий и обсуждении того, что является наиболее актуальным для работы в органах правопорядка.

4. Индивидуальный подход, включающий адаптацию образовательных материалов, учитывающих уровень подготовки, культурный фон и интересы обучающихся.

5. Обратная связь – выявление сильных и слабых сторон в обучении, обсуждение его результатов.

Перечисленные выше методы и приемы оказывают положительное влияние на организацию эффективного и увлекательного обучения иностранному языку в рамках кросс-культурного взаимодействия. Однако на пути планирования обучения встречается ряд противоречий и трудностей. Во-первых, это культурные стереотипы. У обучающихся, пользующихся разной и порой недостоверной информацией из интернет-источников, могут быть сформированы ложные представления о культуре страны изучаемого языка, которые приводят к непониманию и искажению истинных ценностей иной культуры. Языковой барьер также является препятствием для данного обучения, поскольку слабое знание языка не позволяет курсантам четко выразить свои мысли, что затрудняет обмен культурным опытом. Консервативный подход к обучению со стороны обучающихся и преподавателей привязывает к традиционным методам обучения и тормозит внедрение инновационных технологий, усложняя процесс обучения [3]. Это также явное препятствие. Кроме того, образовательные учреждения иногда испытывают сложности с наличием качественных ресурсов, учитывающих культурный контекст обучения, нарушая таким образом интеграцию кросс-культурного обучения в основные программы обучения.

Таким образом, противоречия и трудности требуют пристального внимания со стороны образовательных учреждений и преподавателей в отношении введения системных изменений, доступа к ресурсам, развития мотивационной базы среди обучающихся.

Очевидно, что внедрение кросс-культурного обучения и основанного на нем кросс-культурного взаимодействия в процессе обучения иностранному языку имеет множество перспектив, которые в общем повышают качество образовательного процесса [4]. Основные перспективы следующие.

1. Контекстуальное восприятие языкового материала (в контексте культурных особенностей).

2. Развитие критического мышления через способность оценивать информацию и менять ложные культурные стереотипы.

3. Кросс-культурные навыки общения.

4. Повышение внутренней мотивации обучения.

5. Возможность взаимодействия с международными правоохранительными службами.

6. Открытая к диалогу образовательная среда, укрепляющая сотрудничество и командный дух курсантов.

7. Внедрение инновационных методов обучения.

8. Этика и социальная ответственность.

Подводя итог данной работе, отметим, что внедрение кросс-культурного обучения и на его основе кросс-культурного взаимодействия представляет собой действенный элемент современного лингвистического образования. В рамках глобальной интеграции и возрастающей роли кросс-культурного взаимодействия только знаний иностранного языка недостаточно, важно уметь взаимодействовать с носителями языка, опираясь на их культуру. В ходе исследования выяснено, что кросс-культурное взаимодействие не только улучшает языковые навыки, но и ценностные установки курсантов.

Несмотря на трудности обучения, интеграция кросс-культурного взаимодействия открывает новые горизонты в плане развития критического, мышления, прочных кросс-культурных навыков и создания среды для взаимодействия. Это поможет обучающимся в будущем успешно интегрироваться в международное правоохранительное сообщество и взаимодействовать с ним. Таким образом, кросс-культурное обучение не только положительно влияет на развитие языковых навыков, но и формирует более ценностные взгляды на язык и культуру.

Список источников

1. Калугина Е. В., Кусарбаев Р. И., Матушак А. Ф., Мухаметшина О. В., Павлова О. Ю. Кросс-культурный контекст иноязычного образования в педагогическом вузе // БГЖ. 2021. № 3 (36). С. 83–86.
2. Гаврикова М. Г. Иностранный язык как средство развития кросс-культурной компетенции // Обучение и воспитание: методики и практика. 2012. № 1. С. 260–265.
3. Сардалова Л. Р., Товсултанова М. Ш. Кросс-культурные аспекты преподавания английского языка в многоязычной среде вузов России // Управление образованием: теория и практика. 2023. № 13. С. 244–251.
4. Крундышев М. А., Крундышева А. М. Кросс-культурный подход на занятиях по русскому языку как иностранному // Бархударовские чтения. 2024. С. 63–67.

УДК 811.111

ОБ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ НЕКОТОРЫХ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

***В. А. Гордиенко**, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена проблеме подбора эквивалентов для иностранных юридических терминов, с которой сталкиваются обучающиеся в процессе чтения и перевода иноязычных текстов профессиональной направленности. На примере английских терминов «identification» и «burglary» рассматриваются два аспекта данной проблемы.

Ключевые слова: юридический термин, эквивалентность терминов, английский язык, погрешность перевода.

ON THE EQUIVALENCE OF CERTAIN ENGLISH AND RUSSIAN LEGAL TERMS

***V. A. Gordienko**, lecturer of the Department of Humanitarian Disciplines of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This study deals with the problem of selecting equivalents for foreign legal terms, which students meet when reading and translating foreign-language professional texts. On the basis of the English terms “identification” and “burglary”, two aspects of the problem have been examined.

Keywords: legal term, equivalence of term, the English language, translation fault.

В настоящей работе рассматриваются (на ряде примеров) некоторые трудности, возникающие у курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) в процессе овладения ими специальной юридической терминологией английского языка.

Коммуникативная компетенция является неотъемлемой часть ряда профессий, в том числе профессии юриста. Коммуникативная компетентность включает в себя лингвистическую компетенцию, поэтому курсанты образовательных организаций МВД России в дополнение к умению общаться на профессиональные темы на русском и иностранном языках должны овладеть

такой их подсистемой, как юридический язык. Последний представляет собой «особый профессиональный язык, который используется в юридической деятельности для точного отражения государственно-правовой действительности» [10, с. 168].

Точность (наряду с правильностью, уместностью, логичностью и иными) относится к коммуникативным качествам речи в целом. Это же требование касается и юридической терминологии. Согласно одному из определений, термин - это «слово (или сочетание слов), являющееся точным обозначением определенного понятия какой-либо специальной области науки, техники, искусства, общественной жизни и т. п.» [8, с. 357]. Слово «термин» заимствовано в русский язык из латинского где оно имело лексическое значение «предел, граница», то есть термин изначально предполагает некоторые пределы для использования специальных слов и словосочетаний в определенной области человеческой деятельности, не допуская вариативности в толковании их смысла. Однако это требование действует не всегда: существуют термины с несколькими лексическими значениями; одни и те же термины могут встречаться в разных областях науки, имея в них свои особенности значения и употребления. Ситуация дополнительно усложняется при межкультурной коммуникации.

Курсанты образовательных организаций МВД России испытывают трудности в понимании и декодировании (то есть переводе на русский язык) иноязычных терминов по ряду причин. Они начинают изучать юридический аспект иностранного языка на начальном этапе подготовки по своей будущей профессии. С одной стороны, это имеет положительную сторону в виде еще не утраченного обучающимися определенного запаса знаний в области грамматики и общей лексики иностранного языка. Однако, с другой стороны, на начальном этапе у них отсутствуют системные и достаточно широкие знания в области юриспруденции в целом и российского права, в частности, при том что усвоение юридического иностранного языка часто осуществляется на основе сравнительного метода, то есть путем сопоставления разных правовых систем. Соответственно, курсанты сталкиваются с трудностями в усвоении и использовании юридических лексических единиц как из-за отсутствия знаний об особенностях правовых систем стран изучаемого языка, так и вследствие незнания значений специальных терминов, существующих в родном языке.

Проиллюстрируем вышеизложенное с помощью двух английских юридических терминов.

Термин «identification» соответствует признакам интернационализма, поскольку является заимствованной лексической единицей (из латинского языка), функционирует в нескольких языках (русском, английском, французском, немецком, испанском и других) в одном и том же значении и преимущественно сохраняет общую материальную форму с учетом графической, фонетической,

грамматической адаптации в языке-реципиенте [4, с. 123]. Исходя из интернационального характера данного термина, курсанты практически во всех случаях переводят его на русский язык как «идентификация», однако при этом, как выяснилось в результате неоднократно проводимого опроса, они не могут дать точного толкования этого слова. Иначе говоря, за звуковой оболочкой слова отсутствует понимание его смысла.

В толковых словарях русского языка слово «идентификация» сопровождается определением «отождествление, установление личности» [6, с. 288] либо рассматривается в качестве существительного, производного от глагола «идентифицировать» со значением «устанавливать совпадение, сходство чего-либо с чем-либо; уподоблять» [2, с. 42].

В специализированных изданиях можно найти следующее определение: «в криминалистике опознание лица или вещи на основании неизменяемых признаков» [9, с. 173]. Стоит отметить, что термин «идентификация личности» используется как синоним термина «отождествление личности» в оперативно-розыскной деятельности. В последние годы термин вышел за рамки криминалистики, что видно, например, по вступлению к одному из учебных пособий: «Судебная идентификация как отрасль знания, не должна противопоставляться криминалистической идентификации, как методу исследования … В настоящее время этот метод далеко вышел за рамки криминалистики. Он широко используется в судебной медицине …, судебном автороведении, материаловедении, почвоведении, волокноведении, серологии, остеологии, стоматологии, одорологии, ДНК-анализе, взрывотехнике, видеофоноскопии и многих других отраслях прикладного судебно-экспертного, научно-технического знания» [5, с. 9].

Тем не менее, из вышесказанного не следует, что использование русского термина «идентификация» допустимо во всех случаях, когда в англоязычных текстах юридического характера фигурирует слово «identification». Процесс перевода усложняется тем, что по сравнению с русским языком в английском языке лексема «identification» имеет более широкое смысловое поле и способна сочетаться с бóльшим количеством других слов.

Оксфордский учебный словарь дает пять лексических значений слова “identification”: 1) the process of showing, proving or recognizing who or what somebody/something is; 2) the process of recognizing that something exists, or is important; official papers or a document that can prove who you are; 3) a strong feeling of sympathy, understanding or support for somebody/something; 4) the process of making a close connection between one person or thing and another [8]. Соответственно, эквивалентами в русском языке наряду со словом «идентификация» могут быть «отождествление; опознавание, установление личности, распознание, обнаружение, выявление, удостоверение личности *(документ)*», поэтому в англо-русском юридическом словаре С. Н. Андрианова для термина

«identification» даны следующие значения: 1) отождествление; опознание; 2) установление личности; 3) установление подлинности, идентификация; 4) индивидуализация [1, с. 219].

Таким образом, согласно С. В. Гриневу, наблюдается одна из двух ситуаций, которые возможны с лексической точки зрения при подборе эквивалентов для иноязычных терминов - существование в русском языке права эквивалентов иноязычного термина, зафиксированных в переводных словарях [3, с. 261]. При этом возникает необходимость подбора того варианта перевода, наиболее адекватного в каждого конкретном случае, чего невозможно сделать без осмысленного анализа контекста, то есть повода, по которому употреблено слово. Например, словосочетание «suspect identification» следует перевести как «опознание *или* установление личности подозреваемого», в то время как «witness identification» будет означать «опознание свидетелем», а «crime identification» - «установление факта противоправного деяния». Именно это обстоятельство, усугубленное недостатком юридических знаний, и становится причиной трудностей и ошибок в переводе, которые возникают у курсантов.

Второй из рассматриваемых нами терминов - «burglary». В ряде учебных пособий, предназначенных для курсантов образовательных организаций МВД России, этот термин сопровождается переводом «кража со взломом», однако подобное толкование лексемы возможно лишь в немногих случаях. Рассмотрим причину данного утверждения.

Понятие «burglary» сформировалось в странах, придерживающихся системы общего права, но толкование понятия менялось с течением времени, особенно в штатах, входящих в состав США, поскольку каждый из штатов следовал системе общего в разной степени.

В соответствии с системой общего права, противоправное деяние обычно (хотя и не всегда) квалифицировалось как «burglary», если имело место незаконное проникновение путем взлома в ночное время в жилое помещение или дом другого лица с целью совершения в нем тяжкого преступления (фелонии). Такой подход к толкованию термина был пересмотрен в Модельном уголовном кодексе, разработанном в США в 1962 г. Согласно этому кодексу, обязательными признаками для квалификации деяния в качестве «burglary» являются совершение каким-либо лицом незаконного проникновения в принадлежащие другому лицу здание, обитаемое строение либо их отдельно охраняемую часть с целью совершения в них преступления [11].

В законодательстве Англии и Уэльса термин «burglary» обозначает незаконное проникновение в здание или часть здания с умыслом совершить в них хищение, либо причинить тяжкий вред здоровью находящегося в них лица, либо нанести незаконный ущерб зданию или находящимся внутри него предметам [12].

Таким образом, в США и Великобритании понятие «burglary» не обязательно подразумевает факт хищения (кражи) имущества и проникновения в помещение путем взлома.

Кроме того, в ст. 139 и 158 Уголовного кодекса РФ фигурируют такие деяния, как незаконное проникновение в жилище и кража, совершенная с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище, но отсутствует само понятие взлома.

Соответственно, использование термина «кража со взломом» может привести к формированию у курсантов неверного представления об уголовном законодательстве не только ряда иностранных государств, но и РФ.

В англо-русских юридических словарях можно встретить такие варианты перевода термина «burglary», как «берглэри» [9, с. 73] или «насильственное вторжение в ночное время в чужое жилище с намерением совершить в нем грабеж» [8, с. 110]. Использование транскрибирования (то есть воспроизведение звукового образа иностранного слова) или описательного перевода в качестве способа передачи на русский язык значения термина «burglary» свидетельствует о том, что данный термин относится к числу безэквивалентных лексических единиц, не имеющих, как правило, аналога либо однозначного толкования в языке-реципиенте. Как представляется, именно к этим способам и следовало бы прибегнуть при составлении учебных пособий.

В качестве заключения можно отметить, что эффективность усвоения юридических терминов на иностранном языке и умение осознанно ими пользоваться в значительной степени зависят от наличия базовых правовых знаний и умения оперировать соответствующими понятиями в родном языке. Овладение юридическим терминологическим аппаратом является неотъемлемой частью профессионально ориентированного изучения иностранного языка; эффективное формирование правовой и языковой компетенций обучающихся невозможно без междисциплинарных связей и в отсутствие специализированного юридического глоссария, содержащего не только перевод иностранных терминов, но необходимые пояснения к ним.

Список источников

1. Андрианов С. Н. Англо-русский юридический словарь / С. Н. Андрианов, А. С. Берсон, А. С. Никифоров. М.: РУССО, 2003. 512 с.
2. Большой академический словарь русского языка. Т. 7. И - Каюр / гл. ред. А. С. Герд; РАН, Ин-т лингв. исслед. М.; СПб.: Наука, 2007. 728 с.
3. Гринев С. В. Введение в терминоведение / МГУ имени М. В. Ломоносова; Моск. пед. ин-т. М.: Моск. лицей, 1993. 309 с.
4. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
5. Колдин В. Я. Судебная идентификация. М.: ЛексЭст, 2002. 528 с.

6. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с.
7. Мамулян А. С., Кашкин С. Ю. Англо-русский полный юридический словарь. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 816 с.
8. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР; Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 4. С-Я. 1988. 800 с.
9. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю, Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М.: Изд-во г-на Тихомирова М. Ю., 1997. 526 с.
10. Хворостов А. Ю. Юридический язык и язык юриста // Юрислингвистика. 2007. № 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-yazyk-i-yazyk-yurista-1 (дата обращения: 26.06.2025).
11. LawShelf Educational Media // URL: https://www.lawshelf.com/shortvideoscontentview/burglary (дата обращения: 09.11.2025).
12. Theft Act 1968 // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/60/section/9/2004-05-01 (дата обращения: 09.11.2025).
13. The Oxford Advanced Learner's Dictionary // URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/identification?q=identification (дата обращения: 09.11.2025).

УДК 378.147.

ОБУЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ ЧЕРЕЗ ОПОРНЫЕ СХЕМЫ И СИМВОЛЫ

***М. Г. Евдокимова**, доцент кафедры иностранных языков и культуры речи Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат наук, доцент*

Статья посвящена обучению курсантов лингвистическому структурированию материала на практических занятиях по английскому языку в Восточно-Сибирском институте МВД России. В статье рассматривается возможность перехода от традиционного к новому образованию, при котором активность и самостоятельность обучающихся может быть продиктована не только новыми технологиями кодирования языковых и культурных реалий, но гуманистической и культурологической ориентацией обучающихся.

Ключевые слова: лингвистическое структурирование, продуктивная речевая деятельность, опорная схема, символ, опорная карточка.

TEACHING FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATION THROUGH REFERENCE SCHEMES AND SYMBOLS

***M. G. Evdokimova,** associate professor of the Department of Foreign Languages and Speech Culture of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Pedagogy, Associate Professor*

The article is devoted to teaching cadets linguistic structuring of material during the English lessons at the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The article examines the possibilities of transitioning from traditional learning to a new form of education, in which learners' activity and independence can be driven not only by new technologies for encoding linguistic and cultural realities, but also by their humanistic and cultural orientation.

Keywords: linguistic structuring, productive speech activity, reference scheme, symbol, reference card.

Процесс обучения иностранному языку многогранен и требует разных подходов и методик. Обучение иноязычной коммуникации остается востребованной темой для обсуждения для многих педагогов. В отечественной литературе отмечается, что развитие коммуникативных навыков у обучающихся затруднено рядом объективных и субъективных факторов: языковых, методических и психологических. Одним из объективных факторов является окружение обучающегося информационным пространством и неумением в нем ориентироваться. Поступление огромного потока информации по изучаемой программе на практических занятиях, в том числе через разные источники дивайсов не удерживается в памяти, не усваивается и далее утрачивает свою значимость для применения. Материал, который не поддается анализу и отбору для практического применения, перестает быть актуальным, а репродуктивная речь не переходит в продуктивную речевую деятельность. Среди субъективных факторов следует выделить недостаточное или частичное владение языковым опытом в понимании стилистических особенностей текста, определенного порядка слов в предложении, отсутствии односоставных предложений в английском языке. В результате обучения у курсанта наблюдается эмоциональное состояние в концентрации на поступающее сообщение преподавателя или оппонента, боязнь быть непонятным и встретить критику среди одногруппников. Дальнейшее изучение материала встречает препятствие со стороны обучающегося и воспринимается как усиливающаяся нагрузка к отработке и закреплению материала.

Таким образом, мы встречаемся с некоторыми противоречиями. С одной стороны, это – пробуксовывание иноязычного речевого развития обучающегося, неспособного кодировать поступающий поток информации. С другой стороны, это – изменение дидактических принципов обучения коммуникации диалоговым единствам и монологическим высказываниям. Так, К. В. Миньяр-Белоручев выделяет «дифференцированный подход, принцип управления процессом обучения, принцип вычленения отдельных ориентиров, принцип комплексного подхода к обучению иностранного языка» [2, с. 7]. Из выше сказанного следует, перед нами складывается картина подготовленного и самостоятельного молодого человека, готового к усвоению любой программы. Как отмечают Б. Ф. Кваша и В. С. Олейников, цели современного образования направлены «на целостное развитие обучающегося в соответствии с природой его творческих способностей» [1, с. 70]. Как мы видим, требования к усвоению программ по иностранному языку повышаются. Обучающийся сталкивается с новой философией образования. Энциклопедическое усвоение материала по формуле субъект-объектные отношения переходит в раздел «созидания и самосозидания» при условии субъект-субъектных отношений. Чтобы решить сложившиеся противоречия, следует рассмотреть методические приемы при новом образовании.

Восприятие любой информации у каждого человека разное, всё зависит от индивидуальных способностей обучающегося. В большей степени все мы пользуемся зрительным каналом, но кому-то достаточно сопоставить и проанализировать материал для его усвоения, кто-то воспринимает информацию на слух, а кому-то достаточно получить тактильную информацию через ощущения.

Однако практика показывает, чтобы сформировать навык самостоятельного кодирования и раскодирования информации для гибкого применения в речевой деятельности, необходимо прежде освоить технологии структурирования лингвистического материала. Один из таких методов – это применение опорных карточек, схем, диаграмм.

Целевое применение данной технологии рассматривалось еще в середине 20 века известными российскими педагогами (В. Ф. Шаталовым, И. А. Зимней, Р. П. Мильруд, Е. И. Пассовым) и было направлено на:

– развитие логико-смысловых связей в мыслительном процессе при изучении иноязычной лексики и грамматики;

– активизацию речевой деятельности обучающихся, а, следовательно, повышение мотивации к познавательной деятельности.

При современном образовании роль этих технологий усилилась способностью обучающегося кодировать и раскодировать поток информации, умению дозированно усваивать материал и владению самостоятельно добывать дополнительный материал по изучаемой теме.

На практических занятиях по дисциплине «Иностранный язык» активно используются опорные карточки с изображением символико-графических элементов видо-временных форм. Умение работать с таким дидактическим материалом позволяет курсантам интерпретировать перевод глагольных форм с точной передачей интенции говорящего. Например:

Card 1. Use the verb “visit” in the following support schemes:

Vs, is Ving, are Ving, V, have Ved/3, was Ving, Ved/2, had Ved/3, will V, will be Ving, will have Ved/3, has Ved/3, were Ving, am Ving.

Card 2. Translate into Russian:

Visits, is Visiting, are Visiting, Visit, have Visited, was Visiting, Visited, had Visited, will Visit, will be Visiting, will have Visited, has Visited, were Visiting, am Visiting.

Предварительная работа с формами глаголов способствует формированию умений отделять вспомогательный глагол от основного при построении предложения. Популярные опорные схемы на практических занятиях содержат задания по структурированию вопросительных предложений, в частности, схемы составления специальных вопросов.

Таблица 1. What and How questions

Card 1. Find a pair for "what + …", "How + …" and match with Russian equivalents:		
Какой город Сколько (денег) Какой институт Сколько лет Как долго Какую сумму В каком году Сколько раз Какой вид (тип) Сколько времени	What … How …	What sum What year How many times How much What city What time How long How old What institute What kind of

Таблица 2. Grammar scheme of the verb forms

Card 2. Make up the questions in order to answer them. Use the grammar scheme:

WH
How

1	2	3	4	5	6
вспом. сказуемое	подлежащее	сказуемое	дополнение	обст .места	обст. времени
What professional skills	do	you	master?		

Любой элемент схемы может отсутствовать.

1. long, will it take, to the University, you, to get, how?
   Half and hour (1,5)
2. you, do, what, have, for breakfast, food?
   Cheeseburger and a cup of coffee.
3. is, it, much, how?
   50 £ (pounds)
4. institute, what, you, do, study?
   The East Siberian Institute of Interior.
5. times, how, do, many, brush, teeth, your, you?
   Twice a day.
6. rank, of, is, what, British Police force, the highest?
   The commissioner.
7. the Metropolitan police, how, equipped with, are?
   The gas mask, tear gas, shield, weapon.

Резюмируя вышеизложенное, можно утверждать, что в дальнейшем обучении умение задавать вопросы поможет курсантам вести профессиональ-

ной направленности диалоги при опросе свидетелей, допросе подозреваемых; межкультурные диалоги по темам: «Университеты МВД России. Восточно-Сибирский институт МВД России» и «Высшее образование в Великобритании», «Высшее образование в США», «Полиция Великобритании» и «Полиция США».

Изучение темы можно структурировать по сигнальным или опорным словам, которые требуют выбора глагольной формы для построения предложения, далее составления монологического высказывания.

Таблица 3

<table>
<tr><td colspan="5">Card 1. Use the suitable verbs in your retelling:
To be headed; to be composed of; to be divided into; to appointed by; to be proved be; to be provided by, to be governed by, to be exercised by; belong to; to debate, to search questions; to make laws; to evaluate laws, to make amendments.</td></tr>
<tr><td colspan="5">The UK Government: 3 branches of power</td></tr>
<tr><td colspan="2">The executive power</td><td colspan="2">The legislative power</td><td>The judicial power</td></tr>
<tr><td colspan="2">The Government</td><td colspan="2">The Parliament</td><td>European Court</td></tr>
<tr><td>The Cabinet</td><td>The Shadow Cabinet</td><td>The House of Commons</td><td>The House of Lords</td><td>House of Lords</td></tr>
<tr><td>The majority of the Party</td><td>The opposition Party</td><td>The Speaker</td><td>The Lord Chancellor</td><td>Court of Appeal</td></tr>
<tr><td>The Prime Minister</td><td>The Leader of the opposition Party</td><td>Time Question Prime Minister ministers</td><td></td><td>High Court/ Crown Court</td></tr>
<tr><td rowspan="2">ministers</td><td rowspan="2">ministers</td><td rowspan="2">3 reading of the Bill</td><td rowspan="2">3 readings of the Bill</td><td>County Court/ Magistrate Court</td></tr>
<tr><td>Civil Court/ Criminal Court</td></tr>
</table>

Как практика показывает, техническая сторона в пересказе темы зависит от сформированности навыка работы с символико-графическими опорными карточками.

Эффективность использования грамматических схем и опорных карточек на практических занятиях определяется самостоятельным овладением работы с тематическими диаграммами, составлением подобных по идентичным темам.

Преимущества такой технологии позволяет преподавателю сэкономить время на объяснение; представить огромный пласт лексико-грамматического мате-

риала в закодированных схемах и опорных карточках, диаграммах и, вместе с тем, упростить, а значит, улучшить понимание учебного материала обучающемуся

Словесное объяснение часто содержит энциклопедическое понимание материала. Для обучающегося важно не потеряться в таком потоке информации и правильно акцентуировать свое внимание. В связи с этим можно утверждать, что в традиционном обучении обучающийся лишается самостоятельности восприятия и анализа. В современном обучении эффективность усвоения тем через технологии кодирования и раскодирования достигается самостоятельным включением обучающегося в образовательные процессы. Поскольку английский язык относится к аналитическим языкам, то для прочного усвоения стрежневых образов лексико-грамматического материала возможно и актуально применение лингвистического структурирования.

Технология структурирования может меняться в зависимости от различных факторов, однако целевое назначение технологий должно быть направлено на развитие речевой профессиональной деятельности, увеличение словарного запаса, повышения познавательной активности и самостоятельности самих обучающихся.

Список источников

1. Кваша Б. Ф. Акмеология: методологический аспект: учеб. пособие / Б. Ф. Кваша, В. С. Олейников, А. В. Щеглов; под ред. В. С. Олейникова. СПб.: СПбГУ, СПб академия МВД России, 1998. 107 с.
2. Сакаева Л. Р., Баранова А. Р. Методика обучения иностранным языкам: учеб. пособие для студентов Института математики и механики имени Н. И. Лобачевского по направлению «педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)». Казань: КФУ, 2016. 189 с.

УДК 378.147

ЗНАЧЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ В ХОДЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

***Т. А. Землякова**, старший преподаватель кафедры иностранных языков Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина*

В статье определены цели, задачи и принципы персонализированного обучения. Представлен пошаговый алгоритм внедрения технологии персонализации в иноязычную подготовку сотрудников полиции, а также практические рекомендации для преподавателей образовательных организаций МВД России. Также автором осуществлена попытка систематизации типичных ошибок и способов их предотвращения.

Ключевые слова: персонализированное обучение, иностранный язык, диагностика, обучающийся, траектория обучения, обратная связь.

THE IMPORTANCE OF PERSONALIZED LEARNING TECHNOLOGY IN THE COURSE OF FOREIGN LANGUAGE TRAINING OF POLICE OFFICERS

***T. A. Zemlyakova**, senior instructor of the Department of Foreign Languages of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. D. Putilin*

The article defines the goals, tasks, and principles of personalized training. A step-by-step algorithm for introducing personalization technology into foreign language training of police officers is presented, as well as practical recommendations for teachers of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The author also made an attempt to systematize typical errors and ways to prevent them.

Keywords: personalized learning, foreign language, diagnostics, trainee, learning trajectory, feedback.

Современная профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации ориентирована на формирование компетенций, обеспечивающих эффективное выполнение служебных задач в условиях

международного взаимодействия, миграционных процессов и цифровизации. Владение иностранным языком становится одной из значимых составляющих профессиональной культуры полицейского, так как эта «дисциплина обладает самыми широкими возможностями в плане профессионального становления специалиста и, прежде всего, возможностями становления его как субъекта профессионального саморазвития» [1, с. 20].

Однако традиционные формы языковой подготовки, основанные на едином учебном плане и одинаковом темпе обучения, не учитывают индивидуальных различий слушателей: их уровня, профессиональных интересов, стиля восприятия информации, служебных задач.

Технология персонализации обучения направлена на решение этой проблемы. Она предполагает организацию образовательного процесса таким образом, чтобы траектория обучения, методы, темп и содержание подстраивались под индивидуальные особенности обучаемого, повышая эффективность и мотивацию [3].

Целью персонализированного обучения является создание условий для эффективного овладения иностранным языком с учетом индивидуальных характеристик обучающихся и профессиональных задач службы в органах внутренних дел.

Указанной цели служат следующие задачи.

1. Диагностировать уровень владения языком и индивидуальные особенности обучаемых.

2. Разработать индивидуальные образовательные траектории.

3. Интегрировать профессионально-ориентированные задания в образовательный процесс.

4. Использовать цифровые и адаптивные технологии для гибкого обучения.

5. Обеспечить мониторинг прогресса и корректировку траекторий.

6. Развивать самостоятельность и ответственность обучающихся за результаты.

Внедряя персонализацию в иноязычном обучении рекомендуется придерживаться следующих принципов:

– индивидуализация – учет личного темпа, уровня, стиля обучения и мотивации;

– профессиональная направленность – опора на служебные задачи и речевые ситуации, типичные для сотрудников полиции;

– гибкость и адаптивность – возможность корректировать содержание, методы и темп обучения;

– самостоятельность – формирование у обучающегося навыков самообучения и самоконтроля;

– интерактивность – использование цифровых инструментов и обратной связи [2];

– практическая значимость – применение изучаемого материала в реальных или смоделированных профессиональных ситуациях.

Внедрение технологии персонализации должно иметь четкую структуру и состоять из пяти этапов: диагностика и анализ потребностей обучающихся; проектирование индивидуальной образовательной траектории; реализация персонализированного обучения; мониторинг, коррекция и обратная связь, оценка эффективности и рефлексия.

Этап 1. Диагностика и анализ потребностей.

Цель: определить исходный уровень владения иностранным языком, профессиональные цели, стиль обучения и мотивацию.

Действия преподавателя:

– провести входное тестирование (лексика, грамматика, говорение, аудирование, письмо);

– провести анкетирование по профессиональным задачам (в каких ситуациях требуется язык: общение с иностранцами, командировки, документация и т. д.);

– определить ведущий стиль обучения (визуальный, аудитивный, кинестетический, смешанный);

– зафиксировать уровень мотивации и предпочтения.

Инструменты: Google-анкета, Moodle Quiz, форма Needs Analysis, интервью.

Результат: диагностическая карта слушателя.

Этап 2. Проектирование индивидуальной образовательной траектории.

Цель: составить персональный маршрут обучения.

Действия преподавателя:

– определить цели на семестр (например, «овладение профессиональной лексикой при составлении протокола», «умение проводить опрос иностранного гражданина»);

– подобрать модули курса: базовая грамматика, профессиональные диалоги, чтение документов, деловая переписка, ролевые игры;

– распределить учебные задачи по уровням сложности;

– разработать индивидуальный план с гибким графиком.

Инструменты: таблица Excel или электронный журнал с маршрутами; платформа Moodle, Stepik, SkyEng для вузов.

Результат: индивидуальная траектория (карта прогресса).

Этап 3. Реализация персонализированного обучения.

Формы работы.

Индивидуальные мини-задания в LMS: короткие тесты, карточки, видео-вопросы.

Дифференцированные задания на занятиях (варианты по уровням сложности).

Группы по интересам (например, «язык общения с иностранцами», «международное сотрудничество», «документирование»).

Проектные задания: подготовка служебного отчета на иностранном языке, проведение диалога-интервью с иностранцем.

Онлайн-практикумы и мобильные приложения для самостоятельной работы (Quizlet, Duolingo, Lingualeo, BBC Learning English).

Роль преподавателя: не только источник информации, но и модератор, который помогает выстраивать траекторию, дает обратную связь и корректирует процесс.

Этап 4. Мониторинг, коррекция и обратная связь.

Цель: обеспечить контроль продвижения каждого слушателя и оперативное реагирование на затруднения.

Действия:

– использовать формирующее оценивание: мини-тесты, самооценку, взаимную оценку в парах;

– регулярно (раз в 3–4 недели) проводить обратную связь: обсуждение прогресса, корректировка траектории;

– фиксировать результаты в электронной карте достижений.

Инструменты: Moodle Gradebook, Google Sheets, система «Электронный журнал».

Результат: динамика развития каждого слушателя, своевременная корректировка курса.

Этап 5. Оценка эффективности и рефлексия.

Цель: оценить результаты внедрения персонализации и уровень профессиональной языковой готовности.

Критерии оценки:

– прирост уровня владения иностранным языком (по CEFR или ведомственной шкале);

– способность применять язык в профессиональных ситуациях;

– сформированность навыков самостоятельного обучения;

– удовлетворенность обучением (опрос).

Формы итоговой проверки:

– ролевые экзамены (интервью, опрос, диалог в патруле);

– тестирование лексико-грамматических навыков;

– защита проекта.

К особенностям применения персонализации в системе Министерства внутренних дел относятся следующие.

Учет специфики службы. Обучение должно включать реальные ситуации: общение с иностранными гражданами, допрос с переводчиком, оформление документов, участие в международных совещаниях.

Дисциплина и структура. Персонализация не отменяет единых требований и субординации; наоборот, она повышает ответственность обучающегося.

Сочетание аудиторной и самостоятельной работы. Важно выстраивать гибкий баланс между офлайн-и онлайн-активностями.

Конфиденциальность данных. При использовании цифровых систем персонализации соблюдать требования информационной безопасности.

Этический компонент. При моделировании служебных ситуаций избегать провокационных или чувствительных контекстов.

Типичными ошибками при внедрении персонализации являются отсутствие диагностики, чрезмерная индивидуализация без структуры, игнорирование мотивации, сложные цифровые инструменты, отсутствие обратной связи.

Приведем пример структуры персонализированного курса.

Модуль 1. Общий язык (Grammar + Vocabulary):

– дифференцированные задания по уровням A1–B1;

– онлайн-упражнения и видеоуроки.

Модуль 2. Профессиональная коммуникация:

– диалоги: обращение к иностранному гражданину;

– ролевые игры: допрос с переводом, инструктаж.

Модуль 3. Документация и отчетность:

– перевод типовых документов;

– письмо служебных отчетов.

Модуль 4. Международное взаимодействие:

– подготовка доклада на конференции;

– переписка с зарубежным партнером.

Модуль 5. Самостоятельная работа и самооценка:

– индивидуальный словарь;

– портфолио достижений.

Технология персонализации обучения – эффективный инструмент повышения качества иноязычной подготовки сотрудников полиции. Она обеспечивает индивидуальный подход, повышает мотивацию, развивает самостоятельность и профессиональную компетентность слушателей.

Для образовательных организаций системы МВД России внедрение персонализированного подхода требует системных шагов: методической подготовки преподавателей, цифровой инфраструктуры, поддержки руководства и постоянного анализа результатов.

Реализация персонализации в образовательном процессе способствует формированию современного типа полицейского специалиста – компетентного, мобильного, владеющего иностранным языком и готового к международному взаимодействию.

Список источников

1. Алексин А. Ю., Помельникова Е. А., Сухова Л. В. Развитие субъектности в процессе обучения иностранному языку в условиях языковой парасреды // Известия ВГПУ. 2014. № 4 (89). С. 19–23.
2. Дедик О. П. Персонализация в обучении английскому языку // Материалы докладов и сообщений XXV международной научно-методической конференции «Актуальные проблемы преподавания филологических дисциплин» (Санкт-Петербург, 7 февраля 2020 г.). СПб.: СПбГУПТД, 2020. С. 481–486.
3. Мироненкова Н. Н., Сусименко Е. В. Персонализация как условие актуализации субъектной позиции при обучении иностранному языку // АНИ: педагогика и психология. 2021. № 2 (35). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/personalizatsiya-kak-uslovie-aktualizatsii-subektnoy-pozitsii-pri-obuchenii-inostrannomu-yazyku (дата обращения: 10.10.2025).

УДК 378

КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

***С. В. Калашникова**, доцент кафедры иностранных языков Барнаульского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент*

В статье рассматриваются аспекты перевода юридических текстов с учетом особенностей взаимодействия культур. Автор отмечает, что юридический перевод требует владения отраслевой терминологией и наличия специальных лингвокультурологических знаний. Особое внимание уделяется культурные аспектам юридического перевода, которые проявляются на всех языковых уровнях: лексическом, грамматическом, стилистическом, прагматическом.

Ключевые слова: текст, язык, культура, юридический перевод, терминология, правовая система.

CULTURAL ASPECTS OF LEGAL TRANSLATION

***S. V. Kalashnikova**, associate professor of the Department of Foreign Languages of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Pedagogy, Associate Professor*

The article deals with the aspects of translation legal texts considering the featuries of intercultural interaction. The author notes that legal translation requires the knowledge of sectoral terminology and lingvocultural competence. Special attention is paid to the cultural aspects of legal translation which are established at all linguistic levels: lexical, grammatical, stylistic and pragmatic.

Keywords: text, language, culture, legal translation, terminology, law system.

Укрепляющиеся международные отношения и развитие сотрудничества нашей страны в различных областях теоретических знаний, в том числе юридических, требуют от системы высшего профессионального образования подготовки конкурентноспособных специалистов юриспруденции. Обучающиеся образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации должны изучить не только особенности языка для специальных целей, но и освоить практику межкультурной коммуникации. Задача обучения

иностранному языку как средству коммуникации заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывной связи с миром и культурой народов, говорящих на этих языках. Знакомство с миром носителей языка помогает понять особенности речеупотребления, политических, культурных, исторических коннотаций лексических единиц, явлений и фактов, относящихся к повседневной действительности. Работа с юридическим текстом на занятиях по иностранному языку способствует точному извлечению информации, восприятию смысла и адекватной передаче его на русском языке. Актуальность исследования взаимодействия языка и культуры обусловлена необходимостью осуществления качественного перевода юридических текстов. Перевод юридического текста обладает своими особенностями, связанными с функциональным использованием языка в сфере профессиональной коммуникации.

В исследованиях, связанных с правом и политикой, правом и обществом, отмечается важность культурного контекста юридического языка [3]. Понятие правовой культуры зависит от языка, который является частью общей культуры и относится к его основным аспектам: обычаи, традиции, способы действия и мышления. Адекватное восприятие особенностей взаимодействия культур достигается посредством переводов текстов юридической (правовой) тематики [1]. В широком смысле юридический перевод можно определить как перевод любых текстов, в которых встречаются специализированные юридические термины. В узком смысле, юридический перевод представляет перевод текстов в области права и юриспруденции [2].

Юридический перевод относится к одному из самых сложных видов перевода, потому что требует не только владения отраслевой терминологией, но и наличия специальных лингвокультурологических знаний. Переводчик должен учитывать требования узуса, то есть языковые привычки носителей языка, не нарушая восприятие правового документа. Данный перевод характеризуется логичностью изложения, четкостью и ясностью формулировок, точным и ясным доведением информации юридического текста до заинтересованного лица. Ограничения перевода связывают с синтаксическими и семантическими особенностями языковой системы, которые в свою очередь, основаны на различиях правовой системы. Наличие профессиональных жаргонизмов в текстах требует от переводчика знаний о специфике права изучаемого страны. При переводе подобных терминов используется калькирование corporate veil / корпоративная вуаль, транслитерация patent / патент, а также специальный словарь.

Язык каждой нации содержит собственную терминологию. Например, английский язык обсуживает систему права США и Великобритании, немецкий язык отражает правовую систему ФРГ, Дании, Австрии. В случаях, когда язык не является отражением различных систем права, требуется, чтобы терминология охватывала сходные смысловые области. Особую сложность для переводчика

представляют латинизмы и фразеологизмы. Наличие латинизмов в юридических текстах связано с наследием древнеримской цивилизации. Они встречаются в текстах по уголовному праву – de jure / по закону; de facto / в действительности; corpus delicti / состав преступления; ex parte / в одностороннем порядке; международного права – pacta sunt servanda / договоры должны соблюдаться; in consensu – ошибка в согласии. Многие юридические термины на латыни приобрели форму русских слов, поменяли форму, но отчасти сохранили связь с латинским выражением, например, третейский суд, негаторный иск и др. При переводе латинских выражений переводчику следует использовать эквивалентные английские выражения, передающие содержание, но существуют варианты, когда предпочтительнее использовать латинские выражения в силу их краткости, например, ultra vires – beyond the powers – с превышением полномочий. В любом случает от специалиста требуется сопроводить перевод соответствующими комментариями. Фразеологические единицы встречаются в правовом тексте реже, чем латинизмы. Переводчик должен знать особенности их перевода, объясняя его социокультурным наполнением лексического состава носителей языка. Система английского общего права сформировалась под влиянием экономических и политических обстоятельств. Российская кодифицированная система права аналогична немецкой и французской. Данная ситуация определила наличие в языке юридических терминов, которые относятся к безэквивалентной лексике. Для понимания подобных терминов необходимо наличие фоновых знаний у переводчика, которые помогают отразить социокультурную составляющую текста. Неправильное толкование ключевых понятий приводит к сложностям в общении и культурологическим ошибкам при переводе правовой информации.

Юридические тексты правовой тематики обладают сложной структурой. Они изобилуют повторами, тавтологией, которые не считаются нарушением морфологических и синтаксических норм. В синтаксисе преобладает повелительное наклонение, которое при переводе становится изъявительным со значением долженствования. Высокая степень абстракции, сложный понятийный аппарат, стиль изложения вызывают трудности с формулированием и передачей мысли на русском языке. Таким образом культурные аспекты юридического перевода проявляются на всех языковых уровнях: лексическом, грамматическом, стилистическом, прагматическом. Элементы культуры присутствуют в юридическом тексте как эксплицитно, то есть осознаются всеми членами общества, так и имплицитно, что создает трудности интерпретации культурных аспектов действительности.

В заключении отметим, что переводчики любых текстов, в том числе юридических, должны учитывать культурные различия между языками и нивелировать их с помощью трансформаций, имеющихся в профессиональном арсенале.

Юридический перевод является многогранной деятельностью, творческим процессом, требующим ясной, достоверной, точной передачи информации. Для создания перевода высокого качества необходимо иметь представление о различных факторах, в том числе культурных.

Список источников

1. Голев Н. Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвуз. сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 6–37.
2. Киндеркнехт А. С. К вопросу о трудностях перевода юридической терминологии // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 2 (52). С. 242–246.
3. Швейцер А. Д. Перевод в контексте культурной традиции // Литературный язык и культурная традиция. М., 1994. С. 65–73.

УДК 811

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

***А. Ф. Калимуллина**, преподаватель кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России*

Статья посвящена вопросу формирования лексической компетенции у сотрудника органов внутренних дел. Рассматриваются различия в обучении активной и пассивной лексике. На их основе описываются этапы формирования активного вокабуляра с возможными заданиями для знакомства с лексическими единицами, их отработки и воспроизведения. Для расширения пассивного словарного запаса предлагается вести терминологический глоссарий, каждому слову или фразе в котором посвящается словарная статья, составленная обучающимся самостоятельно.

Ключевые слова: специальная лексика, активный вокабуляр, пассивный вокабуляр, терминологический словарь.

FEATURES OF TEACHING SPECIALISED VOCABULARY TO THE POLICE OFFICERS

***A. F. Kalimullina**, instructor of the Department of Russian and foreign languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

The article addresses the issue of developing lexical competence among police officers. It examines the differences in teaching active and passive vocabulary. Based on these differences, the article outlines the stages for forming an active vocabulary, suggesting possible tasks for introduction, practice and production. As for passive vocabulary, it is proposed to maintain a special glossary where each word or phrase is accompanied by an entry compiled by the learner independently.

Keywords: specialized vocabulary, active vocabulary, passive vocabulary, glossary.

Сегодня, учитывая трансформационные тенденции в обществе, расширяется набор умений любого специалиста. Так, сотрудник правоохранительных органов должен обладать профессиональными и универсальными компетенциями.

Владение иностранным языком, в частности, английским, не только расширяет кругозор, но и является основополагающим для успешной профессиональной деятельности.

Понимание особенностей юридического дискурса не обходится без усвоения специальной лексики, которая состоит из общеупотребительных и юридических терминов, а также технических терминов процессуального законодательства.

При обучении иноязычной лексике сотрудников полиции важно учитывать следующие различия в усвоении активного и пассивного запаса слов (таблица 1) [2, с. 41]:

Таблица 1

Различия	Активный вокабуляр	Пассивный вокабуляр
Объем значения лексических единиц	Во избежание интерференции должна сохраняться однозначность слов	Сохранение многозначности слов позволяет развить у обучающихся навыки самостоятельной работы
Сочетаемость лексических единиц	Необходимо указывать на основную и интерферирующую сочетаемость слов	Работа с готовыми словосочетаниями, как правило, совпадающими с семантической структурой фразы на русском языке
Употребление синонимов	Допустимо использование одного синонима: – с широким значением; – широкой сочетаемостью слов; – нейтральной стилевой характеристикой	Обучающимся необходимо проводить структурно-смысловой анализ текста для недопущения неверного толкования терминов

Принимая во внимание данные различия, рассмотрим способы обучения специальной лексике сотрудников органов внутренних дел.

Формирование активного словарного запаса традиционно происходит в три этапа: введение, закрепление и воспроизведение.

Первый этап знакомства с лексикой направлен на овладение обучающимися навыками распознавания изучаемых лексических единиц. Например, сначала им предлагается прослушать аудиозапись, посмотреть видео, а затем выполнить задание на группировку терминов (grouping) и/или сопоставление (matching) английских слов с их русскими эквивалентами или их определениями, либо с картинками.

Закрепление лексических единиц происходит через их активизацию: задания на ассоциативные ряды (odding one out), заполнение пропусков в предложениях (filling in the gaps) или замена синонима на устойчивый термин (replacing), а также различные игры (the crocodile game, taboo, etc.).

Воспроизведение изученных слов и/или фраз может осуществляться посредством коммуникативных заданий: краткий пересказ прослушанного / просмотренного / прочитанного своими словами, ответы на вопросы по содержанию, дискуссия, составление диалога.

В процессе формирования пассивного словарного запаса важную роль играет самостоятельная работа обучающегося, предполагающая непосредственную работу с текстом.

Данным видом самостоятельной работы выступает внеаудиторное чтение. Обучающиеся читают аутентичный текст и выписывают из него незнакомые слова. Здесь следует отметить о целесообразности ведения юридического терминологического словаря. Он является более детализированным в отличие от привычного способа записи слов и, кроме транскрипции с переводом, предусматривает такие пункты, как часть речи, определение на английском, пример, синоним и антоним [1, с. 173].

Работа с текстом в данном случае также строится поэтапно: сначала обучающийся работает самостоятельно, пользуясь онлайн-словарями, затем с целью развития навыков устной и письменной речи он может составить монолог.

Таким образом, ключевой особенностью обучения специальной лексике сотрудника полиции выступает дифференцированный подход, основанный на различиях в формировании активного и пассивного вокабуляра.

Основополагающей стратегией обучения остается последовательность как во время практических занятий с преподавателем, так и во время самостоятельного изучения материала.

Совокупное применение предложенных способов усвоения специальной лексики способствует формированию не только языковой и коммуникативной компетенций, но и развитию наблюдательности, логического и критического мышления, выступающими неотъемлемыми качествами личности сотрудника правоохранительных органов.

Список источников

1. Байбурина Р. З. Составление юридического терминологического словаря как средство формирования профессионально ориентированной лексической компетенции // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 3 (105). С. 169–176.
2. Калашникова С. В. Обучение специальной лексике в образовательных организациях МВД России // МНКО. 2018. № 3 (70). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-spetsialnoy-leksike-v-obrazovatelnyh-organizatsiyah-mvd-rossii (дата обращения: 29.10.2025).

УДК 372.881

ПРАКТИКА ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «РУССКИЙ ЯЗЫК В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» НА БИЛИНГВАЛЬНОЙ ОСНОВЕ

***Кожина Ю. Г.**, заведующий кафедрой иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат педагогических наук, доцент*

Прохождение адаптационного периода для курсантов-билингвов из регионов со вторым государственным языком имеет трудности. Преодоление их возможно в процессе изучения дисциплины «Русский язык в профессиональной деятельности», если на практических занятиях методически верно организовано развитие устной и письменной речи, умение наблюдать, анализировать, делать выводы и осуществляется эмоциональная поддержка обучающихся.

Ключевые слова: адаптационный период, билингвы, язык межнационального общения, профессиональная деятельность, официально-деловой стиль.

PRACTICE OF STUDYING THE DISCIPLINE "RUSSIAN LANGUAGE IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY" ON THE BILINGUAL BASIS

***Kozhina Yul. G.**, head of the Foreign Languages Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Pedagogy, Associate Professor*

Passing through the adaptation period is rather difficult for the cadets-bilinguals having arrived from regions with the second state language. It is possible to overcome difficulties while studying the academic discipline "Russian Language in the Professional Activity", if the development of speaking and writing, the ability to observe, to analyze and to make conclusions is organized in methodically correct way and the cadets are provided with the emotional support.

Keywords: adaptation period, bilinguals, the language of the international communication, professional activity, official and business style.

Практика обучения на билингвальной основе определяется мировой тенденцией к интеграции в экономической, культурной и политической сферах, что в образовательной сфере обуславливает тенденцию к интеграции предметного знания, направленности на познание целостной картины мира, а также повышению мотивации в изучении русского и иностранного языков. Билингвизм по своей природе есть результат и показатель интеграционных процессов в развитии различных этносов. Фактически это не что иное, как лингвистический инструмент теснейшего сосуществования наций и существования одного народа внутри другого. За несколько столетий развития Российской империи, отличавшейся национальным разнообразием и централизованностью, двуязычие стало непреложным фактом культурно-лингвистической жизни народов, населяющих ее. Например, язык Саха в Республике Саха (Якутия) наравне с русским языком имеет статус государственного языка, определенный на основании п. 2. ст. 68 Конституции Российской Федерации, ст. 46 Конституции Республики Саха (Якутия), п. 2 ст. 1 Закона РФ «О языках народов РФ» и ст. 4 Закона РС(Я) «О языках в РС(Я)».

Республика Саха (Якутия) – самая крупная административно-территориальная единица в мире и самый крупный субъект Российской Федерации, является также одним из самых крупных многонациональных ее субъектов и относится к этнически смешанным регионам. Русский язык является стержнем всего многонационального общества республики, он формирует общее гражданское, культурное, образовательное пространство.

Четыреста лет русский язык в Якутии является языком межнационального общения и выполняет роль государственного языка. В начале XX в. основоположник якутской литературы А. Е. Кулаковский в своем послании «Якутской интеллигенции» настойчиво убеждал, что русский язык – единственное средство приобщения народа к российской и мировой культуре. Якутия относится к тем регионам, где значительная часть населения свободно владеет двумя языками.

Ведущая цель в школьного обучения в Якутии русскому языку состоит в том, чтобы обеспечить такой уровень владения русским языком, при котором осуществляется языковое общение по всем видам речевой деятельности. «…Тот, кто хочет развивать способность языка в ученике, должен развивать в нем, прежде всего мыслящую способность», – писал К. Д. Ушинский [7, с. 19]. В процессе обучения русскому языку у учащихся совершенствуются сложившиеся на уроках родного языка и других предметов мыслительные операции (умение наблюдать, способность сравнивать, анализировать, синтезировать, абстрагироваться от конкретных фактов). Обучение русскому языку имеет большое значение в развитии логического мышления. Это в значительной степени определяет то, как строится учебная адаптация курсантов, поступивших в институт и находящихся на первом этапе вхождения в профессию. На этом пути им встречаются

трудности: нужно в большом количестве воспринимать устную речь, которая перегружена терминологией, много писать, составлять конспекты, делать устные сообщения по научным темам и другое.

Учеными определены психофизиологические факторы обучающихся билингвов, «северян», на начальном этапе обучения: дети-саха имеют более медленный природный основной ритм электроэнцефалограммы согласно природно-климатическим условиям. Им трудно подстраиваться под русскоязычные программы, они испытывают языковой барьер, стесняются, испытываю дискомфорт.

В. Ф. Афанасьев пишет: «Медлительность – особенность психологического склада жителей Севера … она связана с такими качествами, как вдумчивость, рассудительность, основательность»[1, с. 1–56]. Следует также прислушаться к мнению, что медлительность имеет свои сильные стороны. У медлительного вследствие прочности локальных связей в коре головного мозга, как правило, наблюдается неторопливость в словах, суждениях, что позволяет ему получать четкие представления об окружающих предметах и явлениях. Е. П. Никифорова подчеркивает, что у коренных жителей Севера почти фотографическое восприятие местности, умение ориентироваться, читать следы людей, зверей, знание анатомии, характера и повадок животных. [3]. Преподавателям следует учитывать эти черты курсантов-северян. Наблюдательность, отличное знание природы, флоры и фауны помогают им в деталях описывать предметы, процессы, явления окружающей среды, подмечать в них невидимые штрихи, краски и нюансы. Эти способности учащихся-якутов необходимо развивать и совершенствовать на протяжении всей учебной деятельности.

Исходя из вышеуказанного, следует выделить особенности работы преподавателя института в адаптационный период:

– знание преподавательским составом этнопсихологии и этнопедагогики, стремление реализовывать их в процессе воспитания и обучения курсантов;

– умение использовать в педагогическом процессе естественную этнопедагогическую среду, то есть поддержку земляков-товарищей;

– умение реализовывать на практике взаимодействие принципов этнопедагогики и современных педагогических технологий, разрабатываемых научной педагогикой;

– знание культуры своего народа, а также культур проживающих этносов, умение организовать деятельность непосредственных участников педагогического процесса в русле диалогического взаимодействия различных культур.

Учебная дисциплина «Русский язык в профессиональной деятельности» требует в короткий период развить навык научного речевого высказывания – стремиться к тому, чтобы речь стала свободной и связной, точной и логичной, выразительной и образной. Формирование логически правильной и точной

речи – предмет заботы в процессе формирования будущего юриста. Такие виды работ как описание предмета, внешности человека, драматургии события, точная фиксация факта – ежедневная работа специалиста правоохранения.

В обучении русскому языку методисты утверждают необходимость различения языка и речи. Язык и речь не одно и то же, язык – исторически развивающееся общественное явление. Творцом и носителем языка является народ. Речь же – явление индивидуально-психологическое. Развитие речи имеет национальные, социальные и возрастные особенности. Творцом и носителем речи является отдельный человек. Язык существует и развивается независимо от жизни отдельного человека и его речи, речь же человека формируется и развивается под влиянием и в зависимости от его языкового окружения. Исходя из такого понимания существенности языка и речи и соотношения их между собой, сформулирована одна из основополагающих идей методики – обучение языку на коммуникативно-речевой основе. Сущность этой идеи выражается в следующем: овладение языком, усвоение его системы и средств возможно только на основе речевой практики.

Практическое владение языком диктуется потребностями общества, умением пользоваться в равной мере двумя языками: и родным, и русским в устной и письменной форме. Это определяется функциональной обязанностью сотрудника оперативного подразделения: необходимо быстро установить контакт, выяснить обстоятельства, отразить эту информацию в письменном документе. При этом может оказаться, что важно и владение родным языком, так как в условиях работы на территории субъекта федерации, например, возникает необходимость называть предметы, устройства, приспособления, используемые в специфических отраслях хозяйства, например, оленеводства.

Устная речь подготавливает к овладению навыками письменной речи. Письменная речь способствует закреплению навыков устной речи, облегчая сознательное овладение ими, так как в процессе овладения устной речью опора делается на речевой слух и речевую память, но еще используются зрительные образы, которые создают условия для более глубокого анализа изучаемого языкового материала. Поэтому изучаемые языковые явления усваиваются и закрепляются в процессе как устных, так и письменных упражнений.

Для достижения лучших результатов языковой адаптации можно выделить несколько методических приемов:

– сообщения преподавателя; самостоятельный анализ с учащимися лингвистического текста учебника (объяснительный прием);

– беседа; самостоятельный анализ языкового материала (эвристический прием);

– воспроизведение готовых речевых образцов (подражательный прием);

– выработка навыка постановки вопросов, обращая их к другим участникам диалога. Этот прием особенно важен в условиях коллективных форм работы: совместное решение практической задачи, согласование действий, взаимоконтроль предполагают умение задавать друг другу вопросы.

Для повышения развивающей функции обучения принципиально важны манипуляции самого обучающегося с изучаемым материалом. Содержанием учебных действий должны быть обобщения, которые чаще всего производится в форме вывода, его обучающиеся делают на основе анализа нескольких примеров, иллюстрирующих одно и то же лингвистическое явление. В этом виде работ эффективно использование словарей, в том числе словарей синонимов и антонимов, что дает возможность расширять словарный запас. При составлении документа (протокола) важно уметь сузить синонимический ряд до базового понятия, умение различить грубые, просторечные и другие слова ограниченного употребления. Навык этот необходим для перевода из устного источника в письменный текст документа. Высокую эффективность обнаруживают те обобщения, когда учащиеся подводятся к языковым нормам и правилам через упражнения, через использование умственного эксперимента (трансформирование слов, словосочетаний, предложений с последующим сопоставлением исходных и преобразованных форм). Способность к абстрагированию и обобщению успешно развивается при моделировании, схематическом изображении структуры слов и предложений, при «чтении» таких изображений, при подборе фактов, иллюстрирующих данное лингвистическое положение. Выполнение заданий по контролю и самопроверке повышает действенность сделанных обобщений.

Эффективным средством развития творческого мышления является проблемность в обучении, создание на занятии ситуации затруднения, которые побуждают учащихся к поиску, доказательству, обоснованию высказанных предположений. Проблемными являются такие задачи и задания, которые курсанты воспринимают как посильные для себя, но для решения которых у них не достает каких-то знаний или умений.

Практические занятия по дисциплине «Русский язык в профессиональной деятельности» открывают большие возможности для использования проблемных заданий. Это могут быть задания по употреблению грамматических форм с правилами делопроизводства и стилистическими нормами.

При изучении синтаксиса стимулированию умственного развития в значительной мере способствует анализ смысловых и грамматических отношений между компонентами словосочетания, предложения и текста. Учащихся надо ввести в систему взаимосвязей между грамматическими значениями слов в словосочетании и способами их выражения. Построение предложения в протоколе вызывает затруднение, связано это с трудностью в различении синтаксических

конструкций простого предложения, таких как причастный и деепричастный обороты, вводные конструкции, приложения. Особое внимание следует обратить на перевод прямой речи в косвенную.

Среди методических приемов, связывающих лингвистическую работу над словом и предложением с развитием мышления и речи, следует отметить комплексный (логико-лингвистический) анализ лексических и грамматических средств связного текста, редактирование неверно построенных предложений или предложений с ошибочным, нелогичным употреблением слов, стилистический диктант, восстановление деформированных сложных предложений, раскрытие прямого и переносного значения пословиц, поговорок, афоризмов, выразительных средств языка. Для совершенствования речевого общения путем возможно более полного использования или целенаправленного создания документальных текстов.

Результатом обучения оказываются не только знания практического прикладного характера и практического умения пользоваться им в устной и письменной речи, но также и умения наблюдать, анализировать, делать выводы на основе навыков учебной деятельности более высокого уровня.

Введение в федеральные государственные образовательные стандарты общего образования единых требований к изучению родного и русского языков создает необходимые условия для реализации вышеуказанного принципа. Данное обстоятельство является шансом в реализации качественной адаптации билингвов в профессиональном образовании. Эффективный процесс возможен, если учитывать данные современной лингвистической, психологической и методической наук, которые способствуют целенаправленному развитию коммуникативных умений и навыков.

Список источников

1. Афанасьев В. Ф. Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1979. с. 143.
2. Закирьянов К. З. Двуязычие и национальная школа. Уфа: БГУ, 1991. 75 с.
3. Никифорова Е. П. Лингвопсихологические основы методики обучения письменной русской речи учащихся якутской школы. М., 2000. 145–146 с.
4. Петрова С. М. Актуальные проблемы методики преподавания русского языка и литературы в национальной аудитории. Якутск, 1994.
5. Самсонова Т. П., Евсеева К. С. Методика преподавания русскому языку и литературе в якутской школе. Якутск, 1987. 87 с.
6. Теория и методика развития речи / сост. М. Г. Евграфова. Якутск, 2001. 91 с.
7. Ушинский К. Д. Собр. соч.: в 11 т. М.-Л., 1949. Т. 5. С. 19.

УДК 378.147

О ФОРМИРОВАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПОЛИЦЕЙСКИХ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Кравчук Л. С., *заведующий кафедрой иностранных языков Белгородского юридического института МВД России имени И. Д Путилина, доцент*

Автором рассматриваются вопросы формирования и развития навыков межкультурной компетенции сотрудников полиции как фактора успешности решения задач профессионального общения. Иноязычная деловая коммуникация и межкультурная компетентность относятся к основным характеристикам профессиональной компетенции полицейских. В ходе изучения иностранного языка осуществляется формирование иноязычной профессионально-ориентированной межкультурной коммуникативной компетенции сотрудников полиции.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, профессиональное образование, иностранный язык, иноязычная деловая коммуникация, межкультурная профессиональная коммуникация.

ON THE FORMATION OF INTERCULTURAL COMMUNICATION OF POLICE OFFICERS WHEN STUDYING A FOREIGN LANGUAGE

L. S. Kravchuk, *head of the Department of Foreign Languages, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. D. Putilin, Associate Professor*

The author examines the development of intercultural competence in police officers as a factor in successfully solving professional communication problems. Foreign-language business communication and intercultural competence are key characteristics of police officers' professional competence. Foreign language study contributes to the development of professionally oriented, foreign-language, and intercultural communicative competence in police officers.

Keywords: intercultural competence, professional education, foreign language, foreign language business communication, intercultural professional communication.

Актуальное международное миграционное движение с потоками людей различного культурного, этнического, религиозного происхождения инициировали процессы изменения в различных странах, которые существенно повлияли на специфику деятельности полиции. Сотрудникам полиции приходится вступать в деловое общение с представителями различных культур для разрешения различных профессионально значимых ситуаций делового общения, что предъявляет новые требования к уровню и содержанию их профессиональных компетенций. Обязательным условием качественного выполнения правоохранительной функции является знание и применение межкультурной компетенции, культурных моделей и различий в вербальной и невербальной коммуникации с гражданами иностранного происхождения, культурных особенностей, обладание развитым сознанием собственной культуры. В силу специфики профессиональной деятельности это напрямую касается сотрудников полиции, поскольку, вступая в деловое общение с иностранными гражданами, они испытывают потребность владения навыками социального и межкультурного взаимодействия, выражающегося в «способности уверенно и эффективно участвовать в повседневном, социокультурном, деловом, профессиональном общении с представителями других культур» [2, с. 67].

Полиция относится к немногим «наиболее эффективно функционирующим ведомственным организациям нашего общества, по отношению к которой граждане не только проявляют высокую степень доверия, но также имеют большие ожидания в плане оказания помощи и услуг различного вида в разрешении проблемных жизненных ситуаций» [4, с. 50]. В связи с этим деятельность сотрудников полиции стала неизмеримо сложнее и многозадачнее, повысились требования к качеству и эффективности осуществления правоохранительной функции. Полиция находится в фокусе внимания общественности, средств массовой информации и политики. Следовательно, большое значение в образовательном процессе имеет развитие навыков межкультурной коммуникации.

Как справедливо считает исследователь Проценко Е. А., «профессиональное общение сотрудников правоохранительных органов представляет собой сложный многоаспектный, прагматически обусловленный и во многом нормативно регулируемый процесс» [3, с. 96]. Исследователь Веретенникова А. Е. утверждает, что «с точки зрения профессиональной коммуникации в правоохранительной сфере должны быть развиты: а) качества личности – эмоциональная устойчивость, самоорганизация, память, внимание, критическое мышление, требовательность, настойчивость, толерантность, готовность к общению, сострадание, доброжелательность; б) профессиональные качества личности – правовая, информационная, визуальная, медийная грамотность; в) качества языковой личности – коммуникативная компетенция, языковые способности, речевое поведение» [1, с. 5].

Очень важным является наличие хорошо развитых иноязычных коммуникативных навыков, являющихся основой эффективности и успешности межкультурной коммуникации с иностранными гражданами, поэтому формирование и развитие иноязычных коммуникативных навыков является одной из важнейших задач обучения иностранному языку.

Как известно, профессия полицейского относится к лингвоинтенсивным профессиям. Соответственно, в условиях современного развития общества, интенсификации международных экономических, туристических связей неизмеримо повышаются требования к качественному выполнению сотрудниками полиции профессиональных обязанностей в ситуациях межкультурной коммуникации с гражданами. Очень важным при этом является наличие хорошо развитых иноязычных коммуникативных навыков. Сегодня важно определить инновационные тенденции в формировании готовности выпускников образовательных организаций системы МВД России к международной кооперации в борьбе с преступностью, осуществлению межличностного и межкультурного общения, международного профессионального взаимодействия, которое предусматривает наличие у сотрудников полиции качественно сформированных лингвокоммуникативных навыков, навыков межкультурной коммуникации, лингвострановедческих знаний, которые способствуют обеспечению успешности и результативности международного взаимодействия правоохранительных органов. Таким образом, формирование навыков иноязычной межкультурной коммуникации и лингвокоммуникативной компетенции сотрудников полиции рассматривается сегодня как основа для осуществления эффективного международного полицейского взаимодействия и служит повышению эффективности правоохранительной деятельности.

В соответствии с новой философией деятельности, максимальному приближению в выполнении задач к интересам граждан, увеличением роли профилактической работы языковая компетентность сотрудника полиции становится важной составляющей профессиональной компетентности.

Большое значение в преподавании иностранного языка имеет использование активных и интерактивных средств и методов обучения, формирующих языковую компетентность, поскольку результатом обучения является достижение сотрудником полиции достаточной степени иноязычной коммуникативной компетенции при осуществлении профессиональных функций и повышению качества выполнения ими профессиональных обязанностей. Поэтому насущной необходимостью является определение инновационных тенденций в формировании готовности выпускников образовательных организаций системы МВД России к международной кооперации в борьбе с преступностью.

Список источников

1. Веретенникова А. Е. Исследование особенностей коммуникативной деятельности сотрудников правоохранительных органов // Юридическая лингвистика в образовательных организациях системы МВД: проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции; Омск, 23 марта 2023 г. Омск: Омская академия МВД России, 2024. С. 3–7. EDN QDZXGK.
2. Лыскова М. И. Специфика профессиональной межкультурной коммуникации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева (Вестник КГПУ). 2017. № 3(41). С. 66–77. DOI 10.25146/1995-0861-2017-41-3-06. EDN ZNLFAP.
3. Проценко Е. А. К проблеме обучения сотрудников полиции профессиональному общению // Проблемы формирования коммуникативной компетенции сотрудника органов внутренних дел в контексте профессиональной деятельности: сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции; Воронеж, 28 сентября 2023 г. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2024. С. 96–101. EDN ADCNEQ.
4. Sterbling Anton Qualifikationsprofil des Polizeiberufs und modularisiertes Polizeistudium / Modernisierung der Polizeiausbildung – allgemeine und hochschuldidaktische Fragen. Ralph Berthel & Anton Sterbling (Hrsg.). Rothenburg/OL: Hochschule der Sächsischen Polizei (FH), 2007. (Rothenburger Beiträge, 35. 179 S. S. 47–69.

УДК 372.881.161.1

НЕКОТОРЫЕ ПРИЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СЛУШАТЕЛЕЙ ПО ТЕМЕ «ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ»

Е. М. Крадожён-Мазурова *– доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат филологических наук*

Статья посвящена вопросу о проблемах изучения имени числительного – одной из сложнейших грамматических тем русского языка как иностранного. На примере групп слушателей из Африки, ранее не изучавших русский язык, мы рассматриваем приемы освоения русского имени числительного на элементарном уровне А1–А2. В статье представлены технологии, одновременно расширяющие лексическую, страноведческую и грамматическую базу обучающихся в курсе довузовской подготовки в Санкт-Петербургском университете МВД России.

Ключевые слова: обучение русскому языку как иностранному, имя числительное, университет МВД России, элементарный уровень.

SOME METHODS OF TEACHING FOREIGN STUDENTS THE TOPIC OF "NUMERALS"

E. M. Kradozhen-Mazurova *– associate professor of the Russian Language Department St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Philology*

The article addresses the challenges involved in studying numerals – one of the most complex grammatical topics in Russian as a foreign language. Using as an example groups of students from Africa who had never studied Russian before, we examine methods for mastering Russian numerals at the elementary A1-A2 level. The article presents techniques that simultaneously expand the lexical-cultural and grammatical foundation of learners enrolled in the pre-university training program at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: teaching Russian as a foreign language, numerals, University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, elementary level.

В последние годы динамично развиваются отношения России с рядом африканских стран: проходят встречи на высшем уровне, заключаются торгово-экономические и гуманитарные соглашения, решаются вопросы борьбы с международным терроризмом.

Укрепление связей России и Африки предполагает обмен специалистами в разных областях и подготовку кадров для дальнейшего сотрудничества. Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации также осуществляет обучение будущих специалистов для работы в полиции стран Африки по нескольким программам.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью подготовки иностранных слушателей к обучению в образовательных организациях системы МВД России.

Практическая значимость работы заключается в материале, который позволяет обучающимся быстрее усваивать лексические единицы, «вживаться» в систему имени числительного.

Цель исследования: представить отдельные учебные материалы для иностранных слушателей по теме «Имя числительное» (дисциплине «Русский язык как иностранный») для освоения элементарного уровня владения языком.

Для достижения указанной цели предполагается решить следующие задачи:

– провести анализ ошибок при использовании имени числительного в устной и письменной речи при обучении русскому языку как иностранному в объеме элементарного уровня (А1);

– систематизировать полученные материалы, разработать задания для корректировки навыков использования имен числительных в курсе довузовской подготовки иностранных слушателей, прибывших из дальнего зарубежья (Африка).

В рамках небольшой статьи мы рассмотрим часть практик, дающих положительные результаты на начальном этапе обучения иностранных слушателей (курс довузовской подготовки). Мы исходим из того, что освоение программы происходит в режиме ежедневных шестичасовых занятий с понедельника по субботу (выходной воскресенье), то есть из расчета 36 аудиторных часов в неделю. Профессиональная подготовка слушателей-инофонов невозможна без корректировки произношения, ударения, интонации, несущих отпечаток того языка, который является родным для обучающегося. При этом в группе из 10 слушателей, прибывших в октябре 2025 г. из Африки для обучения в Санкт-Петербургском университете МВД России и никогда ранее не имевших контактов с русским языком, оказались представители двух африканских государств. Одно из них (Намибия) было колонией Германии и Великобритании, где одним из государственных языков является английский. Слушателей из Намибии мы условно отнесем к англофонам. Другое государство – Центральноафриканская Республика (ЦАР), бывшая колония Франции, следовательно,

эту часть слушателей учебной группы мы отнесем к франкофонам, так как в ЦАР один из государственных языков – французский. Положение осложняется тем, что из 10 человек 8 называют родными различные языки Африки, принадлежащие к разным языковым семьям. Носители этих языков сохраняют в речи фонетические следы родного языка, чрезвычайно отличные от русской фонетической системы.

Практически все слушатели на момент начала обучения не могли произносить вибрант [р], звуки [х], [ц], [щ], [ы], твердый [л]. Условные франкофоны последовательно переносили ударение на финальные слоги, игнорируя разноместность и подвижность русского ударения.

Освоение лексико-грамматического материала по теме «Имя числительное» задействовано во всех видах речевой деятельности иностранных слушателей, включающих чтение, письмо, аудирование, говорение, поэтому необходимо с первого дня обучения решать комплекс задач.

Автор при презентации материалов предоставляет организаторам международной научно-методической конференции небольшой видеоматериал, фиксирующий все особенности речи слушателей через четыре недели после начала занятий русским языком. По-прежнему можно наблюдать отдельные фонетические следы языков, которые являются родными для обучающихся, но понятно, что они уже читают и говорят на русском языке, самостоятельно проводят фонетическую зарядку с одногруппниками, отвечают у доски. Группа разновозрастная: от двадцати с небольшим до сорока одного года, что также создает определенные сложности при освоении материала.

Среди демонстрируемых приемов фонетической коррекции – произнесение русских чистоговорок и скороговорок. Слушатели показывают навыки устного счета в пределах нескольких сотен, произносят вслух простые, сложные и составные числительные, которые записаны цифрами; называют точное время (часы и минуты) при описании стандартного рабочего дня, отвечают на вопросы о собственном возрасте и возрасте членов их семьи.

В течение четырех недель с момента прибытия в Россию иностранные слушатели научились писать словами дату, называть точный адрес своего места жительства и учебы, а также номера маршрутов городского транспорта, который прибывает к университету (например: автобус номер 181, трамвай номер 6 и т. д.).

Обратимся к приемам работы с именем числительным на занятиях по русскому языку на этапе обучения элементарному уровню А1.

Одним из первых систематических приемов, который мы используем в работе с именем числительным, является толкование, заучивание и произнесение ряда русских поговорок, пословиц, скороговорок, которые содержат имена числительные. Все они включены в презентацию и оформлены цветными иллюстрациями, которые позволяют преподавателю давать пояснения, а слушателям

визуализировать предметы. Скороговорки помогают улучшить фонематический слух, развить память, корректировать коммуникативные навыки, пословицы отражают русский менталитет.

Тридцать три корабля лавировали, лавировали, да не вылавировали.

Шли **сорок** мышей и **шесть** нашли грошей, а мыши поплоше нашли по **два** гроша.

У Антипа росла **одна** липа, а Филипп посадил **семь** лип.

У **четырех** черепах по **четыре** черепашонка.

Старый друг лучше новых **двух**.

Скупой платит **дважды**.

За **двумя** зайцами погонишься – ни **одного** не поймаешь.

В приведенных скороговорках содержатся лексемы, позволяющие давать исторический комментарий, развивать страноведческие компетенции, иллюстрировать антонимические и синонимические отношения: «лавировать», «грош», «скупой»; «старый – новый» и т. п.

Ошибки иностранных слушателей, изучающих имя числительное, не оригинальны и соответствуют ошибкам наших соотечественников: это падежные формы русских числительных. Вероятно, причина ошибок кроется в неоднородности разрядов имен числительных по значению и строению. Затруднение у обучающихся вызывает и различение количественных и порядковых числительных.

Самая распространенная группа ошибок – склонение сложных количественных числительных, форма творительного падежа (шестьюдесятью, семьюстами). Достаточно часто встречается неверное употребление числительных об**е** (об**е**их) – для счета лиц женского пола или предметов женского рода и об**а** (об**о**их) для счета лиц мужского пола и предметов мужского и среднего рода. Сложно осваивается падежная система числительных *полтора, полторы, полтораста.*

Для запоминания этой парадигмы мы используем проверенный прием: фрагмент музыкальной части «Веселого урока» из советской радиопередачи для младших школьников «Радионяня». Слушатели с удовольствием поют четверостишие, доводя до автоматизма формулу склонения числительных *полтора* и *полторы*:

Пусть запомнит правило твердо детвора,
Чтобы даже в старости никогда не путала:
В именительном, винительном пишут «**полтора**»,
В остальных падежах пишется «**полутора**».

Разумеется, наряду с игровыми технологиями преподаватель русского языка как иностранного использует традиционные приемы подачи лексико-грамматического материала: таблицы склонения имен числительных разных разрядов, систему упражнений с цифрами, которые необходимо заменить словами-числи-

тельными; чтение небольших текстов, содержащих имена числительные (например, о количестве часовых поясов в Российской Федерации, о самых холодных и жарких местах России, о протяженности границ нашей страны и т. д.).

Работа при освоении элементарного курса русского языка ведется по учебнику «Дорога в Россию» с хорошо организованной системой упражнений и домашних заданий [1]. Преподаватель знакомит иностранных слушателей со справочной литературой, пособиями по русскому языку как иностранному. Так, практический интерес представляет «Словарь числительных», вошедший в состав «Нового орфоэпического словаря русского языка для всех, кто хочет быть грамотным» [2, с. 531–638].

В сотрудничестве между университетами МВД России и зарубежными странами по подготовке офицеров полиции важную роль играет качественное изучение русского языка. Освоение основной профессиональной образовательной программы, а в дальнейшем подготовка и защита выпускной квалификационной работы зависят от организации начального периода обучения на курсе довузовской подготовки.

Список источников

1. Антонова В. Е., Нахабина М. М., Сафронова М. В., Толстых А. А. Дорога в Россию (элементарный уровень). 20-е издание. СПб.: Златоуст. 344 с.
2. Новый орфоэпический словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова, В. В. Бурцева. М.: АСТ, 2013. 639 с.

УДК 81.139

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ КАК ИНОСТРАННОМУ

***Н. В. Кузнецова**, доцент кафедры Краснодарского университета МВД России, кандидат филологических наук*

Данная статья посвящена вопросу изучения юридических терминов на занятиях по русскому как иностранному в группах иностранных слушателей стран Африки и Латинской Америки. Обоснована эффективность применения системного подхода к изучению специальной терминологии при обращении к художественному тексту. Предложены примеры использования текстовых заданий на основе лексико-семантических парадигм, описаны методические приемы изучения структуры и организации терминологических единиц.

Ключевые слова: юриспруденция, термин, системный подход, русский язык как иностранный, лексико-семантическая парадигма.

SYSTEM APPROACH TO THE STUDY OF LEGAL TERMINOLOGY AT THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

***N. V. Kuznetsova**, chair assistant professor of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Philology*

This article is devoted to the study of legal terms in RCT classes in groups of foreign students from Africa and Latin America. The effectiveness of applying a systematic approach to the study of special terminology when referring to a fiction is substantiated. Examples of the use of text tasks based on lexico-semantic paradigms are proposed, methodological techniques for studying the structure and organization of terminological units are described.

Keywords: jurisprudence, ter, system approac, Russian as a foreign languag, lexico-semantic paradigm.

В процессе изучения лексики русского языка как иностранного слушатели стран Африки и Латинской Америки сталкиваются с необходимостью усвоения значительного объема слов, устойчивых выражений, разнообразных

словосочетаний и синтаксических конструкций. Это требует интеграции полученных знаний для последующего воспроизведения и свободного использования в речевой практике. Эффективность овладения новой лексикой и лексико-грамматическими моделями в значительной степени зависит от профессионализма преподавателя, его способности определить минимальное количество грамматических явлений, на основе которых слушатели смогут решать конкретные учебные задачи.

Для будущих юристов, не являющихся филологами, приоритетное значение имеет изучение языка специальности, который служит средством приобщения к будущей профессиональной деятельности. Основной лексической базой для построения высказываний являются термины – слова или словосочетания, обозначающие правовые понятия в конкретной области юриспруденции и использующиеся для передачи содержания закона или иного нормативно-правового акта, судебного решения, постановления.

Иностранным слушателям 1–2 курсов предлагается всесторонне изучить специальные юридические термины, которые являются фундаментом научной сферы, а также правила, по которым эти термины группируются в парадигмы. Такой системный подход позволяет выявить двойственную природу термина: с одной стороны, он является элементом понятийной и логической системы языка, а с другой – составной частью лингвистической системы, связанной с системой специальных понятий [2, с. 68].

Для достижения данной цели применяется метод систематизации лексики, который отражает системную организацию лексического состава языка и помогает передать внутреннюю иерархию, проявляющуюся в характере связей между лексическими единицами.

Лексические единицы являются элементами системы языка, связанными отношениями тождества, сходства, противоположности, включения и другими. Каждая единица представляет собой компонент определенных семантических полей, которые включают множество взаимосвязанных элементов, взаимодействующих с другими полями [1, с. 6]. Считаем, что данное утверждение в полной мере относится к терминам, которые формируют свои системы и связаны с соответствующей системой понятий.

Опыт работы в группах африканских и латиноамериканских слушателей показывает, что иностранные обучающиеся, не владеющие языковой компетенцией, должны начать с изучения логического определения юридических понятий, рассмотреть их в контексте семантических полей. Затем посредством анализа антонимических противопоставлений, выделения синонимических рядов или тематических групп, должны представить альтернативное толкование данного термина.

Анализ различных лексических микросистем, а также выявление определенных связей между их структурными элементами помогает повысить готовность иностранных слушателей к межкультурной коммуникации в профессиональной сфере. Понимание сложных грамматических конструкций, включающих термины, напрямую зависит от уровня освоения иностранными слушателями системы языковых средств и его способности выделять значимые и опорные признаки.

Знание этимологии юридических терминов существенно способствует более эффективному и оперативному освоению специальных понятий при описании профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Анализ текстового материала позволяет обогатить лексический запас иностранных слушателей, избежать лексических повторов и расширить их словарный запас.

Приведем примеры использования текстовых заданий на основе лексико-семантической парадигмы.

1. Внимательно прочитайте рассказ А. Ф. Кошко «Розовый бриллиант» из цикла «Очерков уголовного мира царской России. Воспоминания бывшего начальника Московской сыскной полиции». Продолжите тематический ряд *«наименования преступлений»*. Назовите предложения, в которых выделяются выделенные вами семантические компоненты.

Ответом слушателей будет слово *«кража»* и следующие предложения: «Княгиня стала жертвой дерзкой кражи», «Оказалось, что Петр Ходунов дважды судился за кражи и отбывал за них тюремное заключение» и пр.

Аналогично в рассказах И. Д. Путилина «Вещий сон под Рождество», «Шайка разбойников-душителей» автобиографической книги «Сорок лет среди грабителей и убийц» выделяются номинативные единицы *«убийство»*, *«удушение»* в составе предложений «Значит, убийство совершилось между шестью и семью часами», «Если, говорит, насчет убийства, то Богом клянусь, не повинен!», «Как он, так и я, не сомневались, что в этих убийствах принимает участие не один и не два человека, а целая шайка», «Потом убийство удушением Михеля Корвонена и легкового извозчика Федора Иванова», «Там были убиты удушением веревочной петлей и ограблены друг за другом крестьянин Ковин и жена квартирмейстера Аксинья Капитонова» и др.

2. Опираясь на текст, подберите к вышеназванным существительным *«кража»*, *«убийство»*, *«удушение»* соответствующие глагольные формы. Назовите части речи, к которым они принадлежат.

Иностранными слушателями будут названы предложения «Промежуток времени более чем достаточный для того, чтобы заподозривший беду мог вернуться домой, забрать украденное и исчезнуть бесследно», «Я решил утром и вечером бродить по Сенной, на толкучке до тех пор, пока не найду или украденных вещей, или продавцов», «Один раз нашел украденные деньги у младенца в пеленках!», «Осмотрев труп, я подумал, что убивали в другом месте», «Вначале никто

из местных не мог опознать убитого», «Убили ударом молотка», «Следом за ним на той же Волховской дороге был удушен крестьянин деревни Коколовой Иван Кокко», «Удушили извозчика, что в Царское ехал», где украденный – это пассивная форма причастия, убили, удушили – глаголы прошедшего времени, а убитый – имя существительное, удушен – краткое причастие.

3. Найдите синонимы к глаголам *красть* – грабить, воровать; *убивать* – душить, *убить* – прикончить, зарезать.

Примеры: «Душил извозчиков с Федором Ивановым, Калиной и Пояненом, грабил и воровал в компании со всеми», «Мы его на Волховском шоссе и прикончили».

Подобные практические задания могут быть использованы в отношении омонимичных групп, гиперо-гипонимических объединений. Их использование в иностранной аудитории учит слушателей размышлять над происходящим в тексте, глубже проникать в смысл произведения.

Предложенный системный подход к рассмотрению парадигмы лексических единиц на занятиях с иностранными слушателями может быть дополнен следующими элементами и методиками.

1. Интеграция мультимедийных ресурсов: использование аудио- и видеоматериалов для демонстрации лексических единиц в естественном контексте; работа с интерактивными лексическими картами, такими, как концепт-карты, так как визуализация семантических связей ускоряет запоминание.

2. Когнитивно-ориентированные приемы: этимологический анализ: разбор происхождения слов (например, латинских/греческих корней в юридической терминологии) для осмысленного усвоения; сопоставление образных значений в родном и изучаемом языках; концептуальные поля: группировка лексики по когнитивным схемам (например, «преступление» включает орудие убийства, действия, наказание).

3. Коммуникативно-деятельностные задания: ролевые игры с жесткими лексическими ограничениями (например, обсудить проблему, используя только термины из списка); кейс-методы: анализ реальных ситуаций, таких, как взаимодействие сотрудников ОВД с населением, где требуется активация тематической лексики.

4. Дифференцированный подход: для начинающих – лексико-семантические поля с визуальными опорами; для продвинутого уровня – полисемия и стилистические нюансы; учет профессиональных потребностей: отбор лексики на основе анализа рабочих документов сотрудников ОВД.

5. Рефлексивные стратегии: лексические дневники: фиксация новых слов с личными ассоциациями и примерами; взаимопроверка: парное тестирование через описание изображений или ситуаций с использованием заданной юридической лексики.

6. Культурологический компонент: сопоставление лексических лакун: поиск понятий, отсутствующих в родном языке слушателей; работа с прецедентными текстами (цитаты из литературы, кино) для понимания коннотаций.

7. Оценка и обратная связь: мини-тесты с анализом ошибок, сбор примеров использования новых слов в реальных коммуникативных ситуациях.

Таким образом, изучение структуры и организации терминологических единиц в рамках тематических рядов, лексико-семантических групп, семантических полей является важным инструментом для интеграции иностранных слушателей в процесс овладения профессиональным языком. Что также является ключевым условием для изучения особенностей официально-делового стиля речи. Понимание специфики терминологической системы и корректное использование специальной терминологии способствуют успешному и оперативному формированию профессиональных компетенций и личностному развитию иностранных обучающихся.

Список источников

1. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие для студентов неязыковых факультетов, а также студентов, обучающихся по дополнительной программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» / сост. Т. Г. Николаева. Самара, 2014. 136 с.
2. Реформатский А. А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.

УДК 371.3

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

***Н. В. Кузнецова**, доцент высшей школы лингводидактики Тихоокеанского государственного университета, доцент кафедры филологии и общенаучных дисциплин Хабаровской духовной семинарии, кандидат филологических наук*

В статье представлена методика преподавания английского языка по структурным аспектам, направление подготовки 48.03.01 – теология, профиль «Практическая теология Православия» (квалификация – бакалавр). Основная задача семинаристов – научиться говорить, читать и слушать, опираясь на знание лексики и грамматики. Цель преподавателя – повысить имеющийся у студентов уровень английского языка; познакомить их с лексикой, касающейся будущей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: грамматика, чтение, говорение, письмо, аудирование, эффективное использование.

PROBLEMS OF LEARNING THE ENGLISH LANGUAGE IN A THEOLOGICAL SEMINARY

***N. V. Kuznetsova**, associate professor at the Higher School of Linguodidactics of Pacific National University, associate professor at the Department of Philology and General Academic Disciplines of the Khabarovsk Theological Seminary, kandidat nauk, degree in Philology*

The article presents a methodology for teaching English based on structural aspects for the study program 48.03.01 Theology, specialization "Practical Theology of Orthodoxy" (qualification – Bachelor's degree). The main task of seminarians is to learn to speak, read, and listen, relying on their knowledge of vocabulary and grammar. The teacher's goal is to improve the students' existing level of English and to introduce them to the vocabulary related to their future professional activity.

Keywords: grammar, reading, speaking, writing, listening, effective use.

В рамках данной статьи представляется интересным на примере одной из духовных школ Российской Федерации показать с какими трудностями сталкивается будущий бакалавр теологии при изучении иностранного языка. В учебной нагрузке Хабаровской духовной семинарии за 2025–2026 учебный год на дисциплину «Иностранный язык», которая преподается на подготовительном отделении и на первом курсе, отводится 8 ЗЕ, то есть 288 часов, на втором курсе дисциплина называется «Иностранный язык в профессиональной коммуникации» и на нее отводится 4 ЗЕ, то есть 144 часа, в совокупности на иностранный язык (английский) отводится 432 часа.

Помимо изучения базовой лексики, грамматики и навыков общения, студентам предлагается изучение молитв, псалмов, заповедей, Таинств, лексики Евангелия, убранства храма.

Разберем методику преподавания английского языка по аспектам.

Грамматика.

В рамках дисциплины «Иностранный язык» студентам предлагается ознакомиться с артиклями, таблицей времен английского языка, неличными формами глаголов, местоимениями, модальными глаголами и таблицей четырех основных типов условных предложений. Реализуемая задача также облегчает трудности при чтении, если до поступления в духовную семинарию студент не изучал или не освоил курс английского языка. После сдачи, например, местоимений, в чтении наблюдаются значительные улучшения, поскольку среди частей речи местоимение является наиболее частотным.

Например: *And there was in their Synagogue a man with an unclean spirit; and he gave a cry, saying, What have we to do with you, Jesus of Nazareth? have you come to put an end to us? I see well who you are, the Holy One of God* [1].

В одном предложении мы видим использование неопределенного и определенного артикля, из времен: past simple, present perfect, present simple, есть модальный глагол «have to», герундий «saying» и конечно местоимения, среди которых притяжательное, личное, вопросительное, местоимение объектного падежа.

Трудности, с которыми встречается студент при изучении текстов Священного писания заключаются в сложной структуре предложений, времен группы Perfect, страдательного залога, косвенной речи, условных предложений, фразовых глаголов *(come to pass (произойти), cast the first stone (бросить первый камень), fall from grace (отойти от веры), hide one's light under a bushel (скрывать свой талант), bear one's cross (нести свой крест).*

Лексика.

В долгосрочной перспективе перед студентами стоит задача овладеть специализированной лексикой, с которой они сталкиваются впервые [2]. В рамках усвоения лексического минимума, необходимого для прохождения

промежуточной и итоговой аттестации студенты помимо активного словаря заучивают наизусть молитвы. Для подготовительного отделения это Трисвятое до Отче наш (The Thrice-Holy), молитва мытаря (God, be merciful to me, a sinner), тропарь Пасхи (Christ is risen from the dead). Для студентов первого курса предлагается заучивание молитвы «Отче наш (Our Father)», «Царю Небесный (O Heavenly King)» и также «10 заповедей (Ten Commandments)». Помимо молитвенного минимума студенты сдают неправильные глаголы и активную лексику из Евангелия от Марка, основная задача, которая ставится перед студентом заключается в том, чтобы с любого фрагмента предложенного текста Евангелия семинарист прочитал и смог перевести.

На втором курсе в рамках дисциплины «Иностранный язык в профессиональной коммуникации», лексика, с которой знакомятся семинаристы связана с профессиональными потребностями и целями студентов. Прежде всего, это специализированная лексика, касающаяся религиозных понятий, богословия, библейских текстов (theology: богословие, doctrine: доктрина, faith: вера, prayer: молитва, worship: поклонение, sin: грех, salvation: спасение, sacrament: таинство, scripture: писание, Bible: Библия, Testament: завет (например, Old Testament, New Testament), prophecy: пророчество, parable: притча, Gospel: Евангелие, psalm: псалом, exegesis: экзегеза (критический анализ текста), heresy: ересь, apocrypha: апокрифы, temple: храм, church: церковь, synagogue: синагога, altar: алтарь, relic: реликвия, priest: священник, monk: монах, nun: монахиня, Deity/God: божество, Бог, prophet: пророк, manuscript: рукопись, codex: кодекс (одна из форм древней книги), scroll: свиток).

По окончании изучения курса дисциплины «Иностранный язык» семинаристы должны уметь читать, понимать и обсуждать связанные с теологией тексты на английском языке. Культурный аспект касается изучения христианских традиций, что позволяет глубже понимать историю религиозных текстов. Развитие коммуникационных навыков предполагает умение выступать публично, уверенно подбирать аргументацию для убеждения собеседников.

Трудности, с которыми сталкиваются студенты при заучивании молитв и активной лексики заключаются в том, что помимо лексики, оставшейся в использовании они учат устаревшие формы местоимений («thou» (ты), «thee» (тебя), «thy» (твой), «ye» (вы), окончания глаголов на – «eth» (например, «giveth» вместо «gives»), вышедшие из употребления слова («hark» (слушайте), «alas» (увы), «perchance» (возможно), «forth» (вперед), «wherefore» (почему).

Говорение.

Английский язык теологии – специфическая сфера, поскольку религиозный дискурс говорит такое, о чем никакой иной дискурс не говорит [4].

Периодически встает вопрос: что сложнее, научиться разговаривать на богословские темы на английском языке или изучать англоязычные работы [3], все зависит от уровня подготовки учащихся.

Коммуникативный подход полноценно реализуется на каждом занятии со студентами. Основная трудность, с которой сталкивается преподаватель заключается в том, чтобы совместить разговорную речь и специализированную лексику. На начальных этапах знакомства с разговорным английским языком студентам предлагаются разные диалоги, монологи о своем учебном дне, друзьях, путешествиях. На языковом уровне B1 студентам предлагаются разговорные темы, связанные с их будущей профессиональной деятельностью. Например, предлагаются карточки с предложениями, вопросами и ответами. Задача заключается в том, чтобы студенты смогли задавать вопросы и самостоятельно на них отвечать.

Пример задания: в колонке справа найдите ответ на вопрос из колонки слева:

Why do you go to church?	I feel the presence of God, and I like listening about the saints who glorified our faith
What do you do in the church? Are you just a parishioner, or do you have an obedience	I serve as an altar server in the church; I also ring the bells and sing on the kliros.
Could you please tell me about the church you attend?	The Church of St. Seraphim of Sarov is located near my home. We have very kind and wise priests who are always ready to answer any questions. On Sundays, after the service, the parishioners do not go straight home but gather for a common meal. We discuss the Gospel that was read during the service, read the writings of the Holy Fathers, look for interpretations, and the priest explains the meaning of what was said.
Where should I light the candles in the church – on the right or on the left?	You can put a candle on the stand in front of the icon you choose – it doesn't matter if it's on the right or the left side. Candles for the dead are placed on a special table called the kanun (memorial table), which is usually on the left side near the entrance. Candles for the living can be placed on any other candle stands in the church.
What is the meaning of the prayers of the Third Hour that are read before the Liturgy?	At the Third Hour before the service – around nine in the morning – we remember the coming of the Holy Spirit upon the Apostles. This happened at the third hour of the day on the Feast of the Holy Trinity, and it's the main theme of this part of the service.

What is the Sixth Hour about – the one that's read before the Liturgy?	During the Sixth Hour, we remember Christ's suffering and crucifixion. It was about the sixth hour of the day when our Lord was nailed to the Cross. The prayers of this hour help us reflect on His sacrifice, patience, and love for humankind. They remind us to bear our own difficulties with humility and faith.
What is the Six Psalms (Hexapsalm) about during the Saturday Liturgy?	During the Six Psalms, or Hexapsalm, we hear prayers about repentance, God's mercy, and the hope of salvation. These psalms remind us of God's presence and His judgment, calling us to humility and reflection. During this time, the church is quiet – it's a moment for deep prayer and preparation for the Divine Liturgy.
What is the meaning of the Great Canon of St. Andrew of Crete?	The Great Canon of St. Andrew of Crete is a long penitential hymn of deep repentance. In it, the soul speaks to God, confessing its sins and asking for mercy. The Canon uses many examples from the Bible to show both human weakness and God's forgiveness. Through these prayers, we are called to see our own sins, to turn to God with humility, and to seek spiritual renewal. It is usually read during the first week of Great Lent.
Why do people stand in church during the service?	In the Orthodox tradition, people stand during the service because it is a sign of reverence, humility, and respect before God. It also reminds us that we have come not to rest, but to serve.
Why do Orthodox services last so long?	Orthodox services are long because they are meant to be a time of deep prayer and communion with God. The length of the service helps us leave behind everyday thoughts and enter into a spiritual state. The prayers, hymns, and readings are not rushed – they allow worshippers to reflect, repent, and truly participate in the worship.

Далее в рамках дисциплины «Иностранный язык в профессиональной коммуникации» студентам предлагаются темы, связанные с проповеднической деятельностью. Например, студент заранее выбирает тему и готовит по ней 3-минутное выступление, среди тем можно предложить следующие: The Trinity (Троица), The significance of baptism (Значение крещения), The role of the Holy Spirit (Роль Святого Духа), The future of the church (Будущее церкви), A call to action (Призыв к действию), A time of reflection (Время размышлений), A season of change (Время перемен), A look at current events through a faith lens (Взгляд на текущие события через призму веры).

Трудности, с которыми встречаются студенты, заключаются в поиске понятных фраз и выражений, построении простых предложений, использовании глагольных коллокаций, передающих суть проповеди.

Аудирование.

На занятиях часто проводятся грамматические диктанты, а также предлагаются небольшие фрагменты аудирования, не затрагивающие религиозные

темы. Трудности, с которыми встречаются студенты-теологи, заключаются в сложности восприятия текста на иностранном языке. Уделяется больше времени, чем, например, в светском вузе, на подготовительный этап с тем, чтобы упростить восприятие текста на слух. Сами тексты для прослушивания берутся в основном с образовательных платформ для самостоятельно изучения английского языка.

Чтение.

На занятиях по английскому языку семинаристы в основном читают фрагменты текстов из Евангелия и при формировании и оттачивании навыка чтения, поскольку преподаватель не всегда рядом, студентам предлагается сайт https://freetts.ru [5], в который семинарист может подгрузить интересующий его фрагмент текста и прослушать правильное чтение.

Письмо.

В рамках письменной речи студентам предлагается заполнять небольшие бланки, составлять короткие письма (100–160 слов максимум) описывать интересные события и места, свою учебу, выходные, каникулы, используя развернутые предложения и сложные конструкции. Трудности, с которыми сталкивается студент, связаны в первую очередь с оформлением дружественных писем, поиском клише, фраз начала и конца письма, вводных фраз, а также необходимого лексического минимума для написания дружеских писем.

В целом, основная сложность, с которой сталкивается студент духовной семинарии, заключатся в том, что ему приходится учить устаревшие формы наравне с разговорной речью. В ходе курса обучения в семинарии студенты изучают несколько языков: русский язык и культура речи, церковнославянский язык, английский язык, латинский язык, древнегреческий язык. Студенты, которые хотят понимать тексты Ветхого Завета на языке оригинала, начинают также самостоятельно изучать древний иврит. Однако, на первый взгляд, сложность в связи с одновременным изучением пяти языков идет на пользу, когда изучаемые языки на занятиях сравниваются друг с другом, показывая общие черты в грамматике и словообразовании.

Список источников:

1. Азбука веры // URL: https://azbyka.ru/biblia/? Mk.1&r~en-kjv (дата обращения: 04.11.2025).
2. Крылова Л. В. Английский для теологии: книга для чтения и развития навыков устной речи. Ставрополь, 2009. С. 116.
3. Профессиональный английский язык для теологов: учеб. пособие для бакалавриата теологии / под ред. свщ. Христофора Хилла. М., 2022. С. 39.
4. Porter S. E. The Nature of Religious Language: A Colloquium. Sheffield, England, 1996. С. 326.
5. Образовательная платформа // URL: https://freetts.ru (дата обращения: 02.11.2025).

УДК 81–13

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

***М. Н. Кунина**, доцент кафедры русского и иностранных языков Краснодарского университета МВД России, кандидат филологических наук, доцент;*

***Т. В. Федорова**, старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков Краснодарского университета МВД России*

В тексте рассматриваются особенности преподавания английского языка в системе высшего образования Министерства внутренних дел. Подчеркивается приоритетность профессионально ориентированного подхода в языковой подготовке будущих сотрудников правоохранительных органов. Отмечено, что интеграция обучения иностранному языку со специальными дисциплинами способствует развитию профессионально значимых умений и формированию иноязычной коммуникативной компетенции в сфере правоохранительной деятельности. Особое внимание уделено методике освоения юридической и полицейской терминологии, учитывающей отсутствие прямых эквивалентов многих понятий на разных языках. Описываются современные педагогические технологии (деловые игры, дискуссии, проектная работа и др.), направленные на совершенствование навыков профессионального общения на иностранном языке. Делается вывод о необходимости учета специфических потребностей ведомственного образовательной организации Министерства внутренних дел при разработке курсов и программ обучения иностранному языку, а также о важности повышения мотивации курсантов к изучению языка в контексте задач службы.

Ключевые слова: иностранный язык, образовательная организация Министерства внутренних дел, профессионально ориентированное обучение, юридическая лексика, профессиональная коммуникативная компетенция, методика преподавания.

THE SPECIFICS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AT THE UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

***M. N. Kunina**, associate professor of the Department of Russian and Foreign Languages of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Philology, Associate Professor;*

***T. V. Fedorova**, senior instructor of the Department of Russian and Foreign Languages of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

The article examines the specifics of teaching English in the higher education system of the Ministry of Internal Affairs. The priority of a professionally oriented approach in the language training of future law enforcement officers is emphasized. It is noted that the integration of foreign language teaching with special disciplines contributes to the development of professionally significant skills and the formation of foreign language communicative competence in the field of law enforcement. Special attention is paid to the methodology of mastering legal and police terminology, taking into account the lack of direct equivalents of many concepts in different languages. Modern pedagogical technologies (business games, discussions, project work, etc.) aimed at improving professional communication skills in a foreign language are described. It is concluded that it is necessary to take into account the specific needs of the departmental university of the Ministry of Internal Affairs when developing courses and programs for learning foreign languages, as well as the importance of increasing the motivation of cadets to learn a language in the context of the tasks of the service.

Keywords: foreign language, University of the Ministry of Internal Affairs, professionally oriented education, legal vocabulary, professional communicative competence, teaching methods.

Иностранный язык в современном мире выступает неотъемлемой составляющей профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов. В условиях активной интеграции России в международное сообщество и расширения контактов в сфере обеспечения правопорядка владение английским языком становится необходимым требованием к полицейским кадрам. Международное сотрудничество, участие в миротворческих миссиях, противодействие транснациональной преступности – все эти задачи требуют от сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) свободного ориентирования в иностранном языке. Кроме того,

открытость общества и рост числа иностранных граждан в России приводят к тому, что полицейским все чаще приходится непосредственно общаться с носителями другого языка в повседневной службе (например, при приеме обращений от иностранцев, обеспечении общественного порядка на международных мероприятиях и т. д.). В связи с этим в ведомственных образовательных организациях МВД России иностранному языку придается статус важнейшей дисциплины, а совершенствование системы языковой подготовки признается одним из приоритетных направлений развития учебного процесса. Как отмечают исследователи, иностранный язык в образовательных организациях МВД России рассматривается не только как средство общей коммуникации, но и как инструмент профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел [1; 2].

Ключевая специфическая черта преподавания иностранного языка в системе МВД – его профессионально ориентированная направленность. Обучение строится с учетом профессиональных потребностей будущих полицейских, тесно интегрируясь с профильными юридическими и специальными дисциплинами учебного плана. Такой подход позволяет посредством языка параллельно усваивать дополнительные профессиональные знания и формировать у курсантов качества, значимые для их будущей службы. Иными словами, целью является не просто владение общим языком, а развитие умений использовать язык как рабочий инструмент в типичных ситуациях служебной деятельности. В специализированных образовательных организациях МВД России иностранный язык преподается с опорой на контекст правоохранительной деятельности, что накладывает отпечаток на содержание и организацию обучения. Например, программы включают тексты и задания, связанные с деятельностью полиции, – от выписки протоколов и чтения нормативно-правовых актов на английском языке до ведения профессиональных бесед с зарубежными коллегами. По мнению Н. А. Беломытцевой и Т. Г. Шарухиной, владение иностранным языком служит эффективным средством развития компетенций профессионального общения сотрудников органов внутренних дел [2]. Это означает, что через иностранный язык курсанты осваивают не только лексико-грамматические структуры, но и нормы делового общения, стили речи, принятые в международной полицейской практике.

Цели и результаты обучения иностранному языку в ведомственных образовательных организациях ориентированы на формирование профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции. Под этим понимается способность выпускника эффективно общаться на иностранном языке в пределах своей должностной компетенции, понимать иноязычные материалы по служебной тематике, правильно использовать специальную лексику в речи, вести деловую переписку, участвовать в устном профессиональном общении (брифингах, переговорах, обмене информацией). При разработке учебных программ ставится

цель довести уровень владения языком до такого уровня, при котором будущий сотрудник полиции сможет уверенно выполнить служебные задачи с участием иностранного языка. Достижение этой цели предусматривает реализацию компетентностного подхода, когда усвоение языка рассматривается сквозь призму развития конкретных профессиональных умений (например, умения составить рапорт или провести допрос с участием переводчика). В процессе обучения ставятся промежуточные задачи: расширение словарного запаса по тематике правоохранительной деятельности, отработка навыков аудирования и говорения в профессиональных ситуациях, обучение технике перевода узкоспециальных текстов и др. При этом большое внимание уделяется развитию мотивации к изучению языка как важного элемента профессионального роста. Исследования показывают, что традиционные учебные методы сами по себе не обеспечивают должной эффективности владения языком в специальной сфере. Необходима система инновационных методик и активное включение обучающихся в языковую практику, что актуально для подготовки полицейских кадров [3].

Одним из наиболее сложных аспектов данной специфики является работа с профессиональной лексикой и терминологией. Юридическая и ведомственная терминология на иностранном языке чрезвычайно обширна и трудна для усвоения курсантами. А. И. Тамбовцев отмечает, что изучение профессиональной терминологии, отражающей правовые, технические и функциональные особенности служебной деятельности, сопряжено для курсантов с особыми трудностями. Во-первых, многие понятия системы российского права и работы органов внутренних дел не имеют прямых эквивалентов в английском языке и других языках, и наоборот – зарубежные институты и реалии не всегда находят точное соответствие в русском языке. На практике это нередко приводит к буквальному переводу терминов, который может быть субъективной интерпретацией и оказаться непонятным для носителей другого языка. Поэтому при обучении требуется особое внимание уделять семантике специальных терминов, объяснять их значение в контексте российского права и подбирать адекватные варианты перевода. Во-вторых, обучение языку в неязыковом вузе происходит параллельно с освоением основных профессиональных дисциплин, и возникает несинхронность. Так курсанты сталкиваются с английскими эквивалентами сложных юридических понятий еще до того, как подробно изучат эти понятия на родном языке. Например, уже на первых курсах при изучении иностранного языка вводится лексика по криминалистике, оперативно-розыскной деятельности, уголовному процессу, хотя сами эти предметы читаются на старших курсах. В результате преподавателю иностранного языка приходится разъяснять сущность таких терминов, не будучи узким специалистом в данной области. Решение этой проблемы видится в более тесной межкафедральной координации, взаимодействии преподавателей иностранного языка с профильными кафедрами

при отборе учебного материала, а также в перераспределении языковой подготовки по этапам обучения (например, введение спецкурсов по иностранному языку на старших курсах, когда у обучающихся уже сформирована база по специальным дисциплинам). В общем, специфика терминологической работы в образовательных организациях МВД требует от преподавателя одновременно лингвистической компетентности и определенной эрудиции в области права, чтобы донести до курсантов смысл и правильное употребление профессиональной лексики [4]. Нередко привлекаются аутентичные источники – например, тексты международных конвенций, двуязычные глоссарии юридических терминов, образцы полицейских документов разных стран – для того, чтобы обучающиеся могли видеть терминологию в контексте и учиться ее корректному переводу.

Для эффективного освоения языка важно применять адекватные методы обучения, учитывающие специфику аудитории и цели обучения. Современная методика делает акцент на коммуникативно-деятельностном подходе и интерактивных формах занятий. В учебном процессе активно используются ситуации, приближенные к реальной практике службы (проверка документов у иностранного гражданина, допрос свидетеля через переводчика, телефонные переговоры с зарубежными коллегами и т. п.), имитация служебных процедур (заполнение отчетов, составление записок, перевод приказов), разбор тематических кейсов и решение проблемных задач на иностранном языке. Такие активные методы позволяют не только оживить занятие, но и сформировать у курсантов уверенность в использовании языка по назначению. К примеру, В. Н. Шашкова описывает технологию «академической дискуссии», апробированную в практике обучения английскому языку курсантов МВД России. Суть этого метода в том, что группе обучающихся предлагается профессионально значимая проблемная тема (например, обсуждение методов идентификации личности в расследовании), и организуется дискуссия на английском языке по всем правилам академических дебатов. По итогам исследования Шашковой, такая форма работы способствует развитию у курсантов и слушателей иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции, особенно навыков устной речи. Помимо дискуссий, в арсенале педагогических технологий успешно применяются деловые игры (симуляции переговоров, брифингов), метод проектов (например, подготовка группового проекта на английском языке о правовой системе другого государства), тренинги и кейсы. Эти методы повышают мотивацию обучающихся, делают процесс изучения языка более увлекательным и практически значимым [5]. Важным принципом является приближение учебных материалов к аутентичным: использование реальных документов, видеоматериалов (например, учебных фильмов о работе полиции за рубежом), новостных статей по тематике международной безопасности. Это позволяет курсантам погрузиться в языковую среду профессионального общения. Кроме того, современные исследования отмечают

необходимость более широкого внедрения в процесс обучения информационных технологий – от электронных обучающих программ до дистанционных курсов и языковых тренажеров – с целью расширения возможностей практики и самостоятельной работы курсантов. Инновационные технологии (мультимедийные презентации, онлайн-симуляции, специализированные терминологические базы данных) помогают разнообразить формы занятий и эффективно развивать навыки, важные для работы в поликультурной среде.

В процесс обучения в образовательных организациях МВД России все более интегрируются и межкультурные аспекты. Учитывая, что язык тесно связан с культурой, преподаватели обращают внимание курсантов на различия в нормах общения, этикете, правовых системах разных стран. Формируется понимание того, как культурный контекст влияет на смысл высказываний, на манеру ведения переговоров, на восприятие тех или иных терминов. Это особенно важно при подготовке сотрудников к взаимодействию с зарубежными коллегами и населением: знание культуры собеседника повышает эффективность коммуникации и позволяет избежать многих недоразумений. Таким образом, изучение иностранного языка сопряжено и с воспитательными задачами – расширением кругозора, толерантности, умением действовать в многонациональной среде.

Следует отметить и роль преподавателя иностранного языка в ведомственном вузе. Он выступает не только в привычной роли учителя, но и как методист-разработчик курсов, исследователь и связующее звено между языковым и профильными (правовыми) компонентами обучения. В литературе по методике отмечается, что идеальный преподаватель в сфере English for Specific Purposes (ESP) – то есть английского для специальных целей – сочетает в себе несколько ролей: учителя, составителя учебных материалов, сотрудничающего эксперта, исследователя потребностей учащихся и оценщика результатов обучения. В условиях МВД России это означает, что педагог должен постоянно координировать свои программы с кафедрами профессиональных дисциплин, разрабатывать собственные учебные пособия с учетом специфики правоохранительной лексики, изучать новые запросы практики (например, какие языковые навыки требуются полиции в современных условиях) и оценивать уровень сформированности компетенций у курсантов. Такой многогранный подход соответствует рекомендациям зарубежной методики ESP [6] и обеспечивает более эффективное достижение целей обучения.

Наконец, специфика преподавания иностранного языка в вузе МВД проявляется в том, что результаты этой работы имеют прямой выход на практику служебной деятельности и карьеру выпускников. Высокий уровень языковой подготовки значительно расширяет профессиональные возможности будущего офицера полиции. Курсанты, свободно владеющие английским языком, могут привлекаться к сопровождению иностранных делегаций, к работе

в подразделениях, взаимодействующих с Интерполом, участвовать в международных учебных программах и стажировках за рубежом. Более того, существуют программы обмена и совместной подготовки, в рамках которых российские вузы МВД обучают иностранных слушателей – в таких случаях преподавание специальных дисциплин может вестись на английском языке. Это выдвигает дополнительные требования и к педагогическому составу, который должен обладать достаточными языковыми компетенциями для реализации образовательного процесса в билингвальном формате. Таким образом, качество преподавания иностранного языка влияет не только на успешность учебы, но и на авторитет учебного заведения на международной арене. Выпускники, умеющие полноценно общаться на иностранном языке, более подготовлены к современным реалиям службы, где межгосударственное сотрудничество и коммуникация с разноплеменным населением стали обыденностью. Иностранный язык становится для офицера полиции инструментом, повышающим эффективность работы и позволяющим действовать в глобальном профессиональном пространстве.

Таким образом, специфика преподавания иностранного языка (прежде всего английского) в вузе системы МВД определяется ориентацией на узкопрофессиональные задачи и условия службы. Она требует особого подхода к отбору содержания обучения (преимущественно профессиональная тематика, юридическая и ведомственная лексика), применения эффективных методик (коммуникативные, интерактивные, приближенные к реальной практике формы занятий), а также учета актуальных запросов правоохранительной деятельности и тенденций ее развития. Преподавание строится на принципах профессионально ориентированного и компетентностного подходов, что обеспечивает интеграцию языковой и специальной подготовки. В ходе обучения курсанты осваивают язык как средство решения профессиональных коммуникативных задач, приобретают умения, необходимые для успешного межкультурного взаимодействия и продолжения образования. В образовательных организациях МВД России формируется особая система обучения иностранному языку, призванная подготовить высококвалифицированных, эрудированных и конкурентоспособных специалистов, способных эффективно выполнять служебные обязанности в условиях глобализации и международного сотрудничества.

Список источников

1. Арская М. А. Обучение иностранному языку будущих сотрудников полиции: профессионально ориентированный подход // Управление образованием: теория и практика. 2022. Т. 12. № 7. С. 189–197.
2. Беломытцева Н. А., Шарухина Т. Г. Иностранный язык в вузах МВД России как средство развития компетенций профессионального общения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3(59). С. 144.

3. Гончарова Д. А. Особенности обучения английскому языку курсантов образовательных организаций системы МВД (на примере ВА МВД России) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № Т19. С. 17–19.
4. Тамбовцев А. И. Специфика преподавания иностранного языка в учебных заведениях МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 2(61). С. 91–94.
5. Шашкова В. Н. Использование технологии «академическая дискуссия» на практических занятиях по английскому языку с курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 6. № 4. С. 714–720.
6. Dudley-Evans T., St John M. J. Developments in English for Specific Purposes: A multi-disciplinary approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

УДК 372.881.111.1

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ У КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Н. Ю. Лукашёва**, старший преподаватель кафедры иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье исследуются психологические основы формирования профессиональной рефлексии у курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации. Автор анализирует влияние развития профессиональной рефлексии на будущую профессиональную деятельность курсантов ведомственных образовательных организаций. В результате исследования в статье представлен ряд рекомендаций, позволяющих поддерживать развитие рефлексии.

Ключевые слова: рефлексия, курсанты, Министерство внутренних дел Российской Федерации, профессиональное становление, рефлексивная компетенция, психологические аспекты.

THE PSYCHOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL REFLECTION AMONG CADETS OF THE UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

***N. U. Lukashova**, senior lecturer of the Foreign Languages Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article examines the psychological foundations of the formation of professional reflection among cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The author analyzes the impact of the development of professional reflection on the future professional

activities of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs. As a result of the research, the article presents a number of recommendations to support the development of reflection.

Keywords: reflection, cadets, Ministry of Internal Affairs, professional development, reflexive competence, psychological aspects.

Сегодня система образования образовательных организациях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) сформирована таким образом, чтобы у курсантов развивались не только профессиональные компетенции, но также и личностные качества, среди которых самоанализ, критическое мышление и прочее. Рефлексия при этом выступает в роли одного из наиболее важнейших механизмов личностного роста. С ее помощью у курсанта формируется самостоятельное осмысление своих действий и поведения, успехов и ошибок. В дальнейшем именно за счет этого разрабатываются корректирующие действия.

В условиях обучения в образовательных организациях МВД России за счет рефлексии курсанты начинают осознавать свои профессиональные цели и ориентации, а также самостоятельно формировать умения по собственному развитию и взаимодействию с окружающими. По мнению И. В. Засыпкина и А. Ю. Денисова, качество подготовки будущих сотрудников МВД России значительно повышается за счет непосредственно развития рефлексивных компетенций [4, 5].

Постоянная готовность к осмыслению своего опыта, анализа внутренних установок и ценностей, составляющих достаточно многогранный и сложный процесс – это и есть рефлексия.

Как отмечает И. В. Засыпкин, на развитие рефлексии в рамках учебного процесса оказывает воздействие применение ряда заданий, в числе которых эссе, таблицы, ситуативные задачи, рефлексивные дневники и прочее. Именно они помогают курсанту [5, с. 352]. Данный автор подчеркивает, что развитие рефлексии происходит через внедрение в образовательный процесс разнообразных заданий: эссе, рефлексивные дневники, таблицы, ситуативные задачи и другие активные методы обучения. За счет использования данных задач курсанты могут глубже понять себя, осознать профессиональный путь, который они выбрали для себя.

Денисова А. Ю. же считает рефлексию системообразующим фактором. По ее мнению, она позволяет обеспечить взаимодействие образовательного, профессионального, личностного аспекта. Наибольшая роль в данном случае отводится практике, в рамках которой у курсантов есть возможность изучить все на примере реальной ситуации. «Рефлективная карта», помогающая в дальнейшей подготовке курсанта, формируется именно на этом этапе. Согласно

исследованию данного автора, такая карта помогает развивать аналитические способности, способности к объективной оценке собственный действий, а все вместе это приводит к повышению качества профессиональных навыков и умений [4, с. 287].

Следует отметить, что учебно-профессиональная деятельность в образовательных организациях МВД России достаточно сложная и совмещает теоретические знания с практическими навыками, а также с личностными качествами каждого из курсантов. Все это оказывает воздействие на психологические особенности развития рефлексии.

В вопросах нравственного воспитания курсантов, как отмечает В. Е. Нефедьева, рефлексия также достаточно важна. С ее помощью у обучающихся формируются моральные и этические ориентиры, которые сегодня очень важны ввиду существующего кризиса нравственных ценностей. Для будущей деятельности курсантов крайне важным является наличие устойчивых моральных установок, так как каждый день в своей работе они вынуждены будут сталкиваться со стрессовыми ситуациями [7, с. 390].

В рамках профессиональной подготовки будущих сотрудников МВД России особое значение имеют личностная и коммуникативная рефлексия. Так, развитие рефлексивных навыков, как утверждает О. Е. Лисова, приводит повышению качества общения, развивает способность к эмпатии и позволяет курсанту налаживать контакты с гражданами различных категорий. Критическая оценка собственного поведения и поиск решений эффективного взаимодействия в сложных ситуациях, развиваются за счет коммуникативной рефлексии [6, с. 90].

Соответственно, между способностью решать профессиональные вызовы и способностями рефлексивными существует тесная взаимосвязь. Курсанты должны осознавать особенности своей деятельности на глубоком уровне.

Если говорить о структуре рефлексии, то по мнению А. А. Базулиной, рефлексия курсантов образовательных организаций МВД России состоит из рефлексии себя самого, рефлексии другого человека и непосредственно рефлексии ситуации межличностного взаимодействия. Этот механизм позволяет курсантам объективно взглянуть на себя и свою позицию в профессиональной деятельности. Для более эффективного выполнения своих служебных обязанностей каждый полицейский должен совершенствовать постоянно свои навыки рефлексии [1, с. 7].

Нельзя не отметить огромную роль в развитии рефлексии групповых занятий, в рамках которых происходит коллективное обсуждение полученных результатов практики.

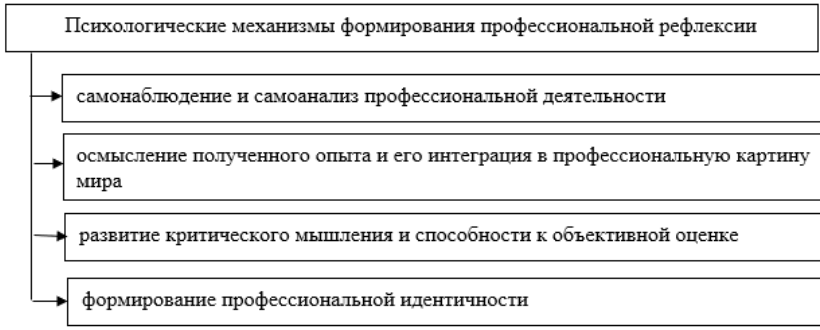
Необходимость интеграции теоретических знаний с практическими навыками, которая возникает у курсантов уже с самого первого дня обучения, запускает процесс развития рефлексивного мышления у курсантов уже в самом

начале их пути, на что указывает О. В. Брусс [2, с. 27]. Также, по мнению данного исследователя, в рамках развития рефлексии особое значение имеет применение системного подхода, в рамках которого не только ставятся цели, но и происходит развитие мотивации и формирование установок на самосовершенствование.

Работа будущих сотрудников МВД России связана с высокой психологической нагрузкой. По этой причине рефлексия очень важна, так как помогает предотвратить профессиональную деформацию и эмоциональное выгорание. Объективная оценка собственного поведения и отношения, адаптация к новым ситуациям и изменениям, которые постоянно происходят в рамках профессиональной деятельности сотрудников полиции, невозможны без навыков рефлексии.

Если говорить о факторах, которые оказывают влияние на развитие профессиональной рефлексии, то среди них можно выделить образовательную среду вуза, непосредственно личностные характеристики курсантов, специфику профессиональной подготовки, педагогическое сопровождение.

Также стоит отметить тот факт, что формирование профессиональной рефлексии и у курсантов связано с рядом психологических механизмов (рисунок).

Психологические механизмы формирования профессиональной рефлексии

Также целесообразно дать ряд рекомендаций по развитию профессиональной рефлексии. В частности, необходимо применять психологическое сопровождение, которое будет включать не только групповую работу, но также и индивидуальные консультации, после которых будет проводиться мониторинг развития рефлексивных способностей. Нельзя забывать также об организационных условиях, которые должны способствовать развитию рефлексии, и применение интерактивных методов обучения, рефлексивных практикумов и прочее.

В качестве важнейшего элемента подготовки курсантов образовательных организаций МВД России выступает профессиональная рефлексия, с ее помощью

у обучающихся формируется навык развития профессиональных и личностных качеств, которые необходимы курсантам в рамках их будущей профессиональной деятельности.

Формирование рефлексивной компетенции должно быть комплексным и систематическим. Именно это позволит повышать профессионализм будущих сотрудников. С помощью различных рефлексивных методик можно развивать такие важные навыки у курсантов, будущих полицейских, которые позволят не только личностно и профессионально вырастать, но и эффективно адаптироваться к служебным обязанностям. Как было отмечено, на психологические особенности развития рефлексии оказывает влияние и сложная учебно-профессиональная деятельность в образовательных организациях МВД России, в рамках которой курсанты должны совмещать теоретические знания с практическими навыками, и личностные качества каждого из курсантов.

Список источников

1. Базулина А. А. Современные подходы к определению структуры профессиональной компетентности курсанта (слушателя) // Правопорядок в России: проблемы совершенствования: редкол.: С. Ю. Бирюков, Д. В. Кайргалиев. Симферополь, 26 июня 2019 г. Симферополь: Издат. дом «Сириус», 2019. С. 7–8.
2. Брусс О. В., Ананьин О. Ю. Способность к рефлексии у курсантов университетов МВД как фактор успешной профессиональной деятельности // Материалы МСНК «Студенческий научный форум 2024». 2022. № 11. С. 27–29.
3. Денисова А. Ю. Актуальные вопросы психолого-педагогического сопровождения при прохождении практик будущими сотрудниками полиции / Научно-методическое сопровождение профессионально-личностного развития участников образовательного процесса: сборник материалов Международной научно-практической конференции, 14–18 ноября 2022 г.; отв. за вып. К. В. Булах, Н. Ю. Демченко, И. П. Макаренко [и др.]. Невинномысск: Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, 2022. С. 77–82.
4. Денисова А. Ю. Феномен рефлексии профессионального опыта курсантов образовательных организаций МВД России на этапах практик // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (103). С. 287–299.
5. Засыпкин И. В. Рефлексивные задания как средство формирования рефлексивной компетенции курсантов образовательной организации МВД России // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 352–355.
6. Лисова О. Е. Рефлексивные механизмы восприятия личности сотрудников ОВД // РГСУ, Диссертация. 2011. С. 89–90.
7. Нефедьева В. Е. Рефлексия как актуальный феномен нравственного воспитания курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 11–2. С. 390–394.

УДК 371.3

ЛИЧНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА ФАКУЛЬТЕТЕ ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Т. Н. Малиновская**, доцент кафедры иностранных языков Барнаульского юридического института МВД России, кандидат филологических наук, доцент*

Статья посвящена анализу основных принципов, методов и технологий личностно ориентированного подхода, используемых при обучении иностранному языку на факультете заочного обучения в Барнаульском юридическом институте МВД России. Специфика использования личностно ориентированного обучения заключается в учете не только личностных особенностей и потребностей, но и профессионального и жизненного опыта слушателей факультета заочного обучения.

Ключевые слова: личностно ориентированное обучение, обучение иностранному языку, заочное обучение, принцип личностно ориентированного обучения, метод личностно ориентированного обучения, технология личностно ориентированного обучения.

A PERSONALITY-ORIENTED APPROACH TO TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AT THE FACULTY OF CORRESPONDENCE STUDIES AT THE UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

***T. N. Malinovskaya**, associate ptofessor of the Department of Foreign Languages at the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Philology, Associate Professor*

The article is devoted to the analysis of the basic principles, methods and technologies of a personality-oriented approach used in teaching

a foreign language at the Faculty of correspondence Studies at the Barnaul Law Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia. The specifics of using personality-oriented learning lies in taking into account not only the personal characteristics and needs, but also the professional and life experience of students of the Faculty of distance learning.

Keywords: personality-oriented learning, foreign language teaching, distance learning, principle of personality-oriented learning, method of personality-oriented learning, technology of personality-oriented learning.

Современная педагогика основывается на идеях гуманизации образования, что, в свою очередь, базируется на принципах индивидуального подхода и учета личностных особенностей и потребностей обучающихся, предполагающих выстраивание определенной траектории, выбор методов и приемов, а также подбор содержания обучения в соответствии с личностными и профессиональными потребностями обучающихся. В русле упомянутых тенденций находится и личностно ориентированный поход при обучении иностранному языку в неязыковых вузах. Обратимся к опыту преподавания иностранного языка на факультете заочного обучения Барнаульского юридического института МВД России.

Основоположниками личностно ориентированного подхода к обучению являются И. С. Якиманская, В. В. Сериков, Е. В. Бондаревская, Н. А. Алексеев и др. Основной идеей данного направления в образовании является представление о том, что обучение должно быть направлено на создание условий для полноценного проявления и развития функций и потребностей личности [3]; личность рассматривается как цель образовательного процесса [4], как субъект знаний, жизнедеятельности и культуры [1]. Личностно ориентированное обучение предполагает не просто овладение стандартным набором знаний, навыков и умений в рамках данной учебной дисциплины, а выработку определенных навыков и умений на основе знаний, приобретаемых в рамках изучения учебной дисциплины, с одной стороны, органично вплетаемых в канву уже имеющегося личностного и профессионального опыта обучающихся, с другой – направленных на личностное и профессиональное совершенствование. В частности, при изучении дисциплины «Иностранный язык» обучающимися факультета заочного обучения основной целью является овладение базовыми навыками и умениями речевого общения на иностранном языке в рамках четко определенных жизненных и профессиональных ситуаций при взаимодействии сотрудников правоохранительных органов с гражданами иностранных государств (в ситуациях установления контакта, оказания помощи, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности).

Основными принципами личностно ориентированного подхода являются: 1) принцип гуманизации образования, заключающийся в постановке гуманитарных целей становления и развития личности, а также в создании условий для ее самореализации; 2) принцип опережающего обучения, устанавливающий, что обучение должно опережать текущий уровень развития обучающегося, чтобы стимулировать его дальнейший рост; 3) принцип рефлексии, заключающийся в процессе самоанализа, осмысления и оценки собственной учебной деятельности, эмоций и состояния; 4) принцип индивидуальности личности, подразумевающий что в центре образовательного процесса стоит уникальная личность обучающегося, и обучение выстраивается с учетом его индивидуальных особенностей (темперамента, интересов, способностей, стиля обучения), что в свою очередь требует адаптации образовательного процесса под конкретного обучающегося, предоставления ему возможности развиваться в собственном темпе; 5) принцип возможности отбора содержания обучения, означающий, что учебный материал должен быть доступным и посильным для обучающихся с учетом их возраста, возможностей и времени на усвоение; 6) принцип самоактивизации способностей, состоящий в создании условий для осознанного развития личностного потенциала обучающегося. Предполагается, что обучающийся не просто усваивает знания, но и использует их для реализации своих способностей, стремится к полному раскрытию своих возможностей и самостоятельному формированию своего мировоззрения; 7) принцип творчества, предполагающий создание условий для развития творческих способностей обучающихся через их активное вовлечение в процесс обучения, предоставление свободы выбора и поощрение нестандартных решений; 8) принцип кооперации преподавателя и обучающихся предполагает совместную деятельность преподавателя и обучающихся для достижения общих целей, где преподаватель выступает в роли организатора и наставника, а обучающиеся – активных участников; и др [2]. Все перечисленные выше принципы несомненно являются значимыми и реализуются при освоении дисциплины «Иностранный язык» обучающимися на факультете заочного обучения.

Ключевым отличием личностно ориентированного обучения детей/подростков и взрослых заключается в различной мотивации к обучению. Если детей/подростков мотивируют скорее внешние факторы (учителя, родители), то взрослых – внутренняя потребность применять полученные знания на практике для решения конкретных задач. Несомненным различием в формировании мотивации к обучению для детей/подростков и взрослых также является различие в так называемых стартовых условиях и целях (основных и дополнительных) обучения: для детей/подростков процесс обучения помимо приобретения определенных знаний, навыков и умений ориентирован на формирование и всестороннее развитие личности, в том числе и на приобретение

в процессе обучения определённого социального и личностного опыта. Взрослые же, уже имея некий багаж знаний, умений и навыков как в определенной научной или практической областях, так и в жизненной и профессиональной сферах, в процессе обучения в основном сфокусированы на развитии навыков и умений для решения личных и профессиональных задач. Следовательно, при обучении взрослых, в частности на факультете заочного обучения, в рамках личностно ориентированного подхода следует сделать акцент на приобретение в процессе обучения определенной дисциплине, в данном случае, иностранному языку, комплекса знаний, навыков и умений решать четко очерченный круг практических профессиональных задач с опорой на уже имеющийся личностный, социальный и профессиональный опыт.

К основным методам личностно ориентированного обучения относятся: диалогические методы, фасилитационный подход, игровые технологии, тренинговые технологии, метод направляющих текстов, индивидуальные и открытые задания. Наиболее часто используемыми и результативными методами и технологиями, используемыми на занятиях по иностранному языку на факультете заочного обучения, являются: 1) диалогические методы, применяемые для развития навыков и умений диалогической речи в рамках бытового и профессионального общения; 2) тренинговые технологии, используемые при формировании и совершенствовании грамматических навыков и умений, а также для обучения использования речевых клише в ситуациях бытовой и профессиональной коммуникации; 3) ролевые игры и игры-драматизации, позволяющие продемонстрировать, а преподавателю – проконтролировать – все навыки и умения, сформированные в ходе освоения обучающимися учебной дисциплины.

Таким образом, принципы, методы и технологии личностно ориентированного подхода позволяют выстроить оптимальную траекторию обучения иностранному языку слушателей факультета заочного обучения образовательных организаций системы МВД России с учетом их личностных особенностей и потребностей, а также профессиональных требований к уровню владения иностранных языком.

Список источников

1. Бондаревская Е. В. Теория и практика личностно ориентированного образования. Ростов н/Д., 2000. 351 с.
2. Новиков А. М. Российское образование в новой эпохе: парадоксы развития, векторы развития. М., 2000. 272 с.
3. Сериков В. В. Личностно-ориентированный подход в образовании: концепции технологии. Волгоград, 1994. 152 с.
4. Якиманская И. С. Основы личностно ориентированного образования. М., 2011. 220 с.

УДК 37(510)

УНИКАЛЬНОСТЬ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В КЛАССИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

***О. В. Маркова**, доцент кафедры иностранных языков Дальневосточного государственного медицинского университета, кандидат филологических наук, доцент*

Пытаясь объяснить неожиданно резко возросшее качество современного китайского образования, автор обращается к особенностям его традиций. Уникальность образования в Поднебесной автор видит в приоритете гуманитарного образования, объясняющегося сложностью и объемом языковой системы, влиянием учения Конфуция, культом образованного человека, важнейшим условием получения высокой чиновничьей должности.

Ключевые слова: гуманитарное образование, иероглифическое письмо, учение Конфуция, авторитаризм, стихийный атеизм, традиционализм, классическая проза, реализм в литературе.

THE UNIQUENESS OF HUMANITARIAN EDUCATION IN CHINA AND ITS REFLECTION IN CLASSICAL PROSE

***O. V. Markova**, associate professor of the Department of Foreign Languages of the Far Eastern State Medical University, kandidat nauk, degree in Philology, Associate Professor*

Trying to explain the unexpectedly sharply increased quality of modern Chinese education, the author turns to the peculiarities of its traditions. The author sees the uniqueness of education in the Celestial Empire in the priority of humanitarian education, which is explained by the complexity and volume of the language system, the influence of the teachings of Confucius, the cult of an educated person, and the most important condition for obtaining a high official position.

Keywords: Humanitarian education, hieroglyphic writing, the teachings of Confucius, authoritarianism, spontaneous atheism, traditionalism, classical prose, realism in literature.

О происхождении уникальной иероглифической письменности Китая существует множество интересных мифов и преданий [1, с. 37]. Что касается научной точки зрения, то иероглиф в китайском языке, прежде всего служит

для передачи смыслового, а не фонетического значения… Благодаря независимости от произношения означаемой лингвистической единицы, иероглифическая письменность приобретает вневременные качества. Тексты древних классических произведений сегодня могут быть прочтены совершенно независимо от того, как они читались в момент создания… Помимо уникальности созданной системы письма иероглифами, поражает и количество созданных знаков (превышает 50 тысяч), в то время как ни одна алфавитная письменность не располагает таким количеством единиц. Уже этот факт предполагает **особенное гуманитарное образование и его непростую эволюцию в Китае**.

В частности, эта «неохватность» подлежащего изучению языкового материала породила несколько традиций в образовании: во-первых, **раннее обучение детей** грамоте (с 3-х лет). Во-вторых, сложность языка на века определила в Китае, что в свою очередь обеспечивает самую эффективную интеллектуальную работу мозга (умственную деятельность), так как именно язык является инструментом мышления. В-третьих, многолетний упорный труд по овладению чтением, навыками письма, изучением канонических текстов объясняет сложившуюся традицию **глубочайшего уважения и почитания людей умственного труда:** ученых, особенно **преподавателей**, **учителей** (**«лаоши»**).

Именно в Китае написание элементов письменности (иероглифов) превращается в **самостоятельный вид искусства – каллиграфию**, – максимально приближенную к живописи.

Важнейшим фактором, обусловившим специфику развития культуры в Китае и, в частности, образования, явилось конфуцианство. Влияние воззрений Кун-цзы (**учителя** Куна, 551–475 гг. до н. э.) продолжается более 2500 лет. Из всех учений Конфуция («Жэнь», «Ли», «Сяо», «Чжен мин», «Цзюнь-цзы») наибольшее и непосредственное влиянме на образование оказали три последние. Учение «**Сяо**» – о сыновьей почтительности и об ответственности отца за воспитание **и обучение** сына. (Увидеть своего сына обладателем ученой степени – мечта каждого китайца на протяжении многих столетий, вплоть до настоящего времени!). Учение «**Чжэн мин**» – об исправлении имен, – требующее неукоснительного исполнения своих социальных ролей: «Император должен быть императором; отец – отцом; сын сыном; **ученик учеником**!». И, наконец, учение «**Цзюнь-цзы**» – о благородном муже, требующее все свои знания и умения поставить на службу обществу, государю.

На современников Конфуция и его последователей в большей мере, чем его учение, повлияла его подвижническая жизнь, постоянное преодоление «судьбы» и совершенствование своей личности. Из сохранившейся биографии известно, что юноша Конфуций, чтобы выжить, вынужден был до 16 лет заниматься «неблагородным» физическим трудом. Затем как аристократ (по рождению) он принимает решение **стать образованным человеком**. В **обучение молодого**

аристократа входило выполнение ритуалов, понимание музыки, стрельба из лука, управление колесницей, умение читать и писать. К 30 годам Конфуций освоил всю программу обучения и счел возможным сам пригласить к себе учеников. На 31-м году он открывает свою **школу**, **в которой изучали мораль и ритуалы, а также древние тексты**. Знания, по мнению Конфуция, должны были служить процветанию государства. После 50 лет, будучи уже известным своей ученостью и мудростью человеком, отважился предложить свои услуги государю.

Индифферентное отношение Конфуция к религии, магии, мистике (не любил историй о чудесном, необычном) «наложилось» на такие архетипические черты китайцев, как **прагматизм**, **рационализм**, – что впоследствии сформировало «**стихийный атеизм**» жителей Поднебесной и, конечно, отразилось на системе **светского образования** (религиозные концепции и практики осваивались преимущественно при монастырях).

В структуре социума, по Конфуцию, человек подчинен государству, авторитету «благородного мужа», в семье – авторитету отца и старшего брата. Это обусловило поведенческий этический принцип «скромности», исключило из сознания понятие «индивид», «индивидуальность», что в свою очередь привело к такому частному методу обучения, как многократное повторение материала за учителем вслух «хором». Что можно наблюдать в школах Китайской Народной Республики и сегодня. При этом практически исключается требование индивидуального подхода к ученику, а тем более развитие в нем творческого потенциала.

Философы западных школ «недолюбливают» Конфуция за его «**традиционализм**», понимают под этим, скорее, **консерватизм**. Конфуций, по свидетельству учеников говорил о том, что, если придется выбирать между многообещающим, но неизведанным будущим или проверенным опытом прошлым, – он предпочтет последнее. Этот постулат «оберегал» китайцев от резких «революционных» скачков во всех сферах жизни (в том числе и в образовании), вплоть до начала XX в.

Педагогическая историография часто «поддерживается» реалистической художественной прозой. Достаточно привести хотя бы выборочно, но последовательно представленные факты (примеры) существования разных форм «образованности» в эпоху «после Конфуция». Так**, Сыма Цянь** (145–86 гг. до н. э.) в своих «Исторических записках», создавая портреты и жизнеописания известных людей, говорит, например**, о** поэте и чиновнике той эпохи Цюй Юаня: «…служил у чуского князя Хуая приближенным «левым докладчиком». Он обладал обширной наслышанностью и начитанностью, память у него была мощная. Он ясно разбирался в вопросах, касающихся государственного благоустройства. Был искусный оратор…, издавал приказы и указы, беседовал с приезжавшими удельными князьями…» [4, с. 337].

Описание же усадьбы Дуань-вана (князя) в романе Ши Най-аня «Речные заводи» (XIV век) не случайно начинается с его «кабинета ученого», призван-

ного подчеркнуть его статус образованного человека: «Замечательные вещицы украшают его дом: «… в библиотеке на письменном столе – два пресса для бумаги в виде львов, вырезанных из белой яшмы. Львы были прекрасно выточены, изящны и красивы… была еще и подставка для кисточек в виде дракона, выполненная тем же мастером» [3, с. 90]. Заметим, что значительной **культурной ценностью** для китайцев издавна считаются «четыре сокровища»: тушь, тушечница, бумага и кисть. Это же произведение рассказывает нам об интересном направлении образования для юношей из аристократических семейств: молодой человек должен был овладеть 18-ю видами боевых искусств! (Борьба на цепях, на трезубцах, на палках, на длинных мечах, на коротких мечах и т. д.). Обучение стоило очень дорого.

Об образовании отпрысков знатных родов мы можем получить представление, обратившись к вершинному произведению китайской литературы **Цао Сюэ-циня** «**Сон в красном тереме**» (1793 г.). Знатный род Цзя (две его ветви Жунго и Нинго), объединившись, **могут содержать школу** для разновозрастных юношей (от 7–9 до 23 лет). Богатые родственники оплачивали обучение отпрысков из обедневших, но знатных семейств сородичей. Учителем обычно назначали пожилого уважаемого представителя клана Цзя. Занимались часов по 5 в день, исключая праздники (а их было великое множество!), изучали при этом чтение, толкование канонических книг (рекомендованных еще Конфуцием!), заучиванием классических стихов и сложением своих; каллиграфией, писали сочинения (задавали и «на дом»). За лень, проказы, малейшее непослушание – следовали очень серьезные наказания: гнев отца и порка до полусмерти (Бао-юй – главный герой романа, вследствие подобного наказания смог подняться с постели только через полгода). То есть **телесные наказания** как метод воспитания практиковались даже в «элитных» школах.

О системе домашнего образования девочек можно кое-что узнать из редких биографий женщин-поэтов, а также из выше упомянутого романа. Узнаем, например, что к Линь Дай-юй (одна из главных героинь) приглашали в качестве домашнего учителя очень образованного человека (он был и соискателем чиновничьего места, и служителем при храме). После смерти родителей она оказывается в многочисленном семействе Цзя, ее окружают двоюродные и троюродные сестры – девушки 13–18 лет. Все они умеют читать, писать, знакомы с тремя – четырьмя каноническими книгами; умеют рисовать, обучены каллиграфии, играют в облавные шашки, занимаются рукоделием (шьют и вышивают), при необходимости могут вести хозяйство, как Фын-цзы и Бао-чай, очевидно, их обучали и основам домоводства, экономики. Все девушки – поклонницы высокой поэзии, устраивают поэтические конкурсы на заданную тему или рифму, издают свой журнал. Бабушка Цзя – настоящий знаток театра, содержит домашнюю труппу, и девушки хорошо знают классическую драматургию

Китая (а по ночам почитывают тайком запрещенные как «нескромные» пьесы «Западный флигель» и «Пионовую беседку») [2, с. 112–118]. Одна из сестер великолепно рисовала: ей понадобилось две повозки красок и бумаги для того, чтобы запечатлеть основные «виды» изумительного сада, созданного за два года к приезду императрицы.

Героини средневековых новелл и пьес (обычно девушки из аристократических семейств, жены и наложницы состоятельных ванов, чиновников, военачальников), а также артистки из театральных трупп и «презренные певички» из увеселительных заведений могли исполнять народные песни; знакомы были с лучшими образчиками классической поэзии, знали наизусть длинные монологи и так называемые арии из пьес. Многие из них могли сочинять стихи. Образованных девушек можно было встретить и в монастырях.

Чтобы продемонстрировать разнообразие образовательных «моделей» в Китае и их работу в разные эпохи, следует обратиться к фильму «Прощай, моя наложница!» (1993 г., режиссер – Чэнь Кайга, отмечен Золотой пальмовой ветвью Каннского фестиваля). События в фильме начинаются в 1928 г. В фильме повествуется о «**народной**» **театральной школе**, куда принимают нищих талантливых мальчиков и растят из них «актеров» для работы в театре Пекинской оперы. Методы обучения крайне жестокие: телесные наказание за малейшую провинность, унижения, оскорбления; во время ломки голоса проводят операцию на связках, (возможно, специально нарушают и гормональный фон) с тем, чтобы голос оставался высоким для исполнения женских ролей; ломают мужскую идентичность.

Уникальность гуманитарного образования в Китае в период «от Конфуция» до радикальных преобразований начала XX в. (Китайской Республики 1911 г.) обусловлены наличием следующих факторов:

– иероглифическая письменность, содержащая более 50000 смыслоразличающих знаков;

– появление каллиграфии как специфической формы искусства (синтез живописи и письма);

– большой объем содержания и сложность родного языка обусловили начальное обучение с раннего возраста (с 3–х лет);

– большой объем, трудность и длительное обучение (10–12 лет) основам чтения и письма обусловили культ образованности, почитание учителя (лаоши) = дословно: «старый, мудрый мастер»;

– приоритет гуманитарного образования как обязательное условие для занятия высокой чиновничьей должности;

– влияние идей Конфуция о неразрывности воспитания и образования гражданина, а также принципы авторитарности, традиционализма, стихийного атеизма.

Список источников

1. Игнатенко А. В., Кондратова Т. И. Введение в китайскую литературу: от древности до наших дней: учеб. М.: Издат. дом ВКН, 2022. 448 с.
2. Маркова О. В. Два романа как две системы эстетического мировидения («Речные заводи» Ши Най-аня и «Сон в красном тереме Цао Сюэ-циня) // Россия и Китай. История и перспективы сотрудничества. Материалы 8 международной научно-практической конференции. Благовещенск–Хэйхэ–Чанчунь–Шиньян, 2018. Т. 2. С. 112–118.
3. Маркова О. В. Мир и человек в средневековом народном китайском романе Ши Най-аня «Речные заводи» (к проблеме творческого метода) // Динамика образовательных процессов в вузе искусства и культуры: Материалы региональной научно-практической конференции. Хабаровск: ХГИИК, 1998. 164 с.
4. Сыма Цянь. Из «Исторических записок» // Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Художественная литература, 1973. 736 с.

УДК 372.881

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭМПИРИЧЕСКОГО МЕТОДА КАК СПОСОБ ИНКУЛЬТУРАЦИИ КУРСАНТОВ

***М. В. Меркулова**, доцент кафедры иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

По мере того, как растет спрос на знание иностранных языков, увеличивается интерес к традициям и культурам разных стран. На современном этапе преподавания иностранных языков в России, знания о культуре страны и народа изучаемого языка становятся не просто значимыми, а начинают играть важную роль при использовании языка в межкультурной коммуникации. Реализация эмпирического метода обучения на занятиях по китайскому языку позволяет учащимся не только расширить свое понимание восточного менталитета, но и помогает лучше раскрыть и понять родную культуру.

Ключевые слова: эмпирический метод, экспериментальное обучение, культура, инкультурация, коммуникация, языковое погружение.

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN CHINESE LANGUAGE CLASSES USING THE EMPIRICAL METHOD AS A WAY TO INCULTURATE CADETS

***M. V. Merkulova**, associate professor of the Department of Foreign Languages of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

As the demand for knowledge of foreign languages grows, so does interest in the traditions and cultures of different countries. At the current stage of foreign language teaching in Russia, knowledge of the culture of the country and people of the target language is not only important but also plays a crucial role in using language in intercultural communication. Implementing the empirical teaching method in Chinese language classes not only allows students to broaden their understanding of Chinese culture but also, in comparison with foreign cultures, helps them better understand and appreciate their own culture.

Keywords: empirical method, experimental learning, culture, enculturation, communication, language immersion.

На современном этапе развития общества в меняющихся социально-экономических и политических условиях значительно возрастает влияние человеческого фактора, что нашло отражение в модернизации образования, ориентированной на построение новой ценностной системы общества, важнейшими компонентами которой являются: открытость общества и личности, духовность, культурная насыщенность и способность к диалогу, в том числе с представителями иной социокультурной среды. Такой диалог предполагает владение иностранным языком как средством межкультурной коммуникации. Одной из основных задач педагогической науки в области преподавания иностранных языков является рассмотрение языка как социального феномена, раскрывающего целый мир иной культуры и образа жизни. Следовательно, изучение языка невозможно в отрыве от постижения культуры [1].

В наши дни в триаде «личность – общество – культура», культуре отводится приоритетная роль. Для современного мира характерна интенсификация глобализационных процессов, сопровождающаяся усилением диалогического взаимодействия между разными культурными моделями. Это можно объяснить желанием людей познавать духовный мир друг друга независимо от национальности, а также расширять свои духовные связи и контакты [5].

Процесс инкультурации продолжается у человека всю жизнь, начиная с момента рождения. Компетентности в культуре человек приобретает через стихийные формы социализации в результате приобретения собственного опыта. Следует подчеркнуть, что инкультурация является неотъемлемой стороной социализации: не существует социализации без инкультурации и наоборот. Становление человека невозможно без вхождения в культуру. Этот процесс происходит поэтапно. Первым и основным этапом инкультурации становится детство, когда человек усваивает основы культуры своего народа, культурные традиции, язык, нормы и ценности культуры. Особое внимание уделяется усвоению родного языка как фактора, который влияет на формирование мировоззрения личности [3].

Сегодня можно часто услышать, что образование – это жизнь. Образование исходит из реальной жизни и опирается на фактическую действительность. Поэтому лучше всего изучить и понять культуру другого народа помогает эмпирический метод обучения.

Эмпирический метод обучения – это процесс получения информации или приобретения навыка путём непосредственного, самостоятельного изучения объекта или выполнения задачи. Суть эмпирического обучения – попробовать сделать что-то самому, даже если не умеешь. Получать знания методом

«проб и ошибок», а не через изучение чужого опыта. Такой метод позволяет учить курсантов мыслить и анализировать информацию и факты, что поможет им в будущем ориентироваться в реальном мире. Основные методы, применяемые на эмпирическом уровне, это анализ научно-методической литературы, научное наблюдение, обобщение опыта, беседа, опытное обучение, пробное обучение, анкетирование, тестирование, статистический анализ результатов работы [2]. Методы, применяемые на теоретическом уровне, направлены на выявление существенных связей и закономерностей явлений и процессов, установление сходства и различий между ними, их систематизацию на основании существующих научных признаков. Данные методы обеспечивают накопление, фиксацию, классификацию и обобщение исходного материала для получения выводов, важных для усвоения изучаемого материала. Во время такого обучения необходимо создавать образовательный контент, который интересен обучающимся. Такие занятия должны знакомить с различными методами получения практического опыта, всесторонне стимулировать интерес и мотивацию к обучению [4].

Применение экспериментального метода обучения при преподавании китайского языка в основном подходит для обучения учащихся со средним уровнем владения китайским языком, то есть на втором курсе обучения. Курсанты изучающие китайский язык второй год имеют определенный фундамент, накопленный словарный запас, грамматические и культурные знания, а также обладают определенными способностями слушать, говорить, читать, писать и общаться на китайском языке. На занятиях постепенно осуществляется обучение на основе собственного опыта, заменяется жесткая механическая память богатым и разнообразным сенсорным опытом создавая в аудитории непринужденную и приятную учебную атмосферу улучшающую восприятие новых знаний. Ценность и значимость экспериментальных методов обучения заключаются не только в объеме знаний, которые учащиеся приобретают, но и в сосредоточении внимания на совершенствовании интернализации личных достижений.

По сравнению с традиционной моделью когнитивного обучения, которая фокусируется на объяснениях учителя, модель экспериментального культурного обучения воплощает в себе ориентированность на учащихся, развитие коммуникативных способностей и межкультурной осведомленности. Главная задача состоит в реализации интегрирования преподавания китайского языка и китайской культуры. Обучение в основном включает в себя три аспекта: объяснение цели и задач, обсуждение и обмен пониманием, а также участие в экспериментальной деятельности.

Например, во время преподавания китайской каллиграфии обучение начинается с объяснения задачи и цели, которые необходимо решить на занятии. Прежде чем начнется формальное содержание урока по изучению китайских иероглифов, необходимо рассмотреть эволюцию и историю развития китайских

знаков, продемонстрировать изображения пяти основных стилей каллиграфии. С помощью быстрых вопросов и ответов проверяются ключевые моменты и выявляются трудности в понимании. Затем, с помощью короткого видеоролика на китайском языке с русскими субтитрами, демонстрируются «четыре сокровища каллиграфии»: кисточка, тушь, бумага, чернильный камень. Курсантам предлагается прочитать фонетику новых слов и разобрать новые иероглифы. Далее демонстрируются изображения и предметы, помогающие учащимся полностью мобилизовать свои тактильные чувства и познакомиться с уникальными предметами. Например, почувствовать мягкость кисти, легкость рисовой бумаги, шероховатую поверхность чернильного камня (для того чтобы при соприкосновении с чернильной палочкой образовывался порошок для изготовления туши). Прежде чем начать писать иероглифы, необходимо показать, как держать кисть, позволяя учащимся почувствовать уникальность и чудо метода удерживания кисти пятью пальцами и ощутить разницу с письмом ручкой. После необходимо подобрать различные работы китайской каллиграфии в различных стилях, и взяв в качестве примера иероглифы «十» и «人», можно проследить изменение основных черт. Умение правильно писать основные черты, играет важную роль в отработке каллиграфии. Необходимо отрабатывать не только написание, но и порядок черт в иероглифах. После ознакомления с историей каллиграфии, можно начинать изучение лексических единиц и грамматики. Преподавателю необходимо подготовить различные упражнения, помогающие учащимся корректно использовать лексические единицы в разных контекстах. Для этого можно использовать видеосюжеты с аутентичными диалогами. В заключении, можно провести конкурс каллиграфии, позволяющий не только практиковать китайскую каллиграфию, но и дать курсантам возможность реализовать творческий потенциал. Отображение результатов обучения также имеет важное значение. Каллиграфические работы учащихся оцениваются и вывешиваются на доску, чтобы была возможность сравнить свои результаты. Таким образом обучение китайской каллиграфии будет сочетать повышение интереса к китайской культуре и практическую отработку навыков иероглифической письменности. Инновации в содержании и форме обучения добавят нотку интереса к изучению китайской письменности. Или, например, во время изучения разговорной темы «В гостях», занятия можно разнообразить чайной церемонией, позволяющей в полной мере ощутить очарование традиционной китайской культуры. Не торопясь попивая чай, под традиционную китайскую музыку, с погружением в восточную атмосферу, учащиеся лучше воспринимают теоретические знания, объясняемые учителем. Разговорная тема «В кафе» может сопровождаться изучением меню китайских ресторанов. Тему «Мой институт» лучше всего сочетать с экскурсией по институту. На таких занятиях инновационная методика преподавания китайского языка, направленна на максимальное вовлечение

учащихся. Курсанты могут не только активно участвовать в ролевых играх, но и смело общаться на китайском языке, получая удовольствие от процесса обучения и уверенности в своих языковых навыках. Конечно, ролевая игра – это всего лишь средство. Настоящая цель – дать курсантам возможность научиться использовать знания языка в жизни, побудить их применять то, что они узнали на занятии, в реальной жизни, смело пробовать и не бояться ошибок, чтобы улучшить свои навыки китайского языка в различных ситуациях.

Во время обучения китайскому языку, необходимо добиваться мультикультурной интеграции. Например, знакомя учащихся с китайской чайной культурой, можно после рассказа о происхождении, развитии и основных характеристик чайной церемонии, провести сравнение с чаепитием в России и обсудить похожие и отличительные моменты чайных культур обеих стран. Благодаря сравнительному анализу обучающие лучше поймут уникальное очарование китайской чайной церемонии.

Инкультурация – продолжающийся всю жизнь процесс усвоения традиций, обычаев и норм родной культуры. Применительно к предмету иностранный язык можно добавить, что родная культура лучше раскрывается при сравнении с иностранной. Язык – главный инструмент культуры, посредник в процессе аккультурации, который можно рассматривать как компонент культуры и как инструмент культуры. Цель инкультурации кроется в понимании чужих смыслов, которые можно принять или отвергнуть. Результатом такого процесса становится интеллигент, культурная личность, способная понимать и ценить феномены культуры. Применение экспериментального метода обучения при преподавании китайского языка имеет большую ценность и значение. Необходимо в полной мере использовать его гуманизированные характеристики и создавать больше практических ситуаций для изучения китайского языка.

Список источников

1. Кирова М. Ю. Инкультурация личности будущего учителя иностранных языков // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. Новосибирск, 2010. № 11-3. С. 115–120.
2. Павлова С. Н. Теория и методика обучения иностранным языкам: учеб. пособие / сост. С. Н. Павлова. Киров: Изд-во МЦИТО, 2022.
3. Солодовникова Н. В. Инкультурация личности как цель этнообразования в современном обществе // Modern Science. 2020. № 8-2. С. 36–41.
4. Столярова А. Н. Теория и практика управления персоналом: традиции и новые направления: учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2023.
5. Понятия и особенности процесса инкультурации // ZAOCHNIK.COM: [сайт]. URL: https://zaochnik.com/spravochnik/kulturologija/sposoby-priobschenija-k-kulture/inkulturatsija/ (дата обращения: 12.03.2025).

УДК 81+132

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЮРИДИЧЕСКОГО ВЫРАЖЕНИЯ NON BIS IN IDEM В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

***Ю. В. Музыка**, старший преподаватель кафедры иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Проводится лингвистический анализ структуры юридических терминов, отдельных слов как языковых кодов в праве, а именно устойчивых выражений. Рассматриваются латинские выражения, служащие универсальным средством современного юридического диалога, способствуя унификации юридической лексики, обеспечению точности в толковании законов и интернационализации правового дискурса.

Ключевые слова: принцип, лингвистический анализ, семантическое поле, правовой дискурс, юридический диалог.

LINGUISTIC ANALYSIS OF THE LEGAL EXPRESSION NON BIS IN IDEM IN THE CONTEXT OF LEGAL TERMINOLOGY

***Yul. V. Muzyka**, senior instructor of the Department of Foreign Languages of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article provides the linguistic analysis of the structure of legal terms and individual words as linguistic codes in law, namely, stable expressions. It examines Latin expressions that serve the universal means of modern legal dialogue, contributing to the unification of legal vocabulary, ensuring accuracy in the interpretation of laws, and internationalizing legal discourse.

Keywords: principle, linguistic analysis, semantic field, legal discourse, legal dialogue.

Язык права отличается своей спецификой, поскольку оперирует юридическими терминами и выражениями для обозначения правовых понятий и важных явлений современной правовой системы. Правовая терминология представляет

собой монолитную систему языковых единиц, которые дают четкие наименования юридически значимым явлениям. В условиях глобализации юридической практики латинские термины стали общепринятыми в юридическом взаимодействии, являясь неотъемлемой частью международного юридического общения, что обусловлено расширением сотрудничества в этой сфере.

Напомним, что юридическое общение – это особый вид диалога, в котором латынь играет ключевую роль в формировании правовой лексики. Это связано с её историческим значением как основы современной юриспруденции; языка, который берет свое начало в римском праве, юридических школах Древнего Рима.

В рамках данной статьи будет проведено исследование структуры юридических терминов, а также отдельных слов как языковых кодов в праве, а именно устойчивых выражений (фразеологизмов) в юридической речи.

Целью статьи является подтверждение того, что латинские выражения служат универсальным средством современного юридического диалога, способствуя унификации юридической лексики, обеспечению точности в толковании законов и интернационализации правового дискурса.

Обратимся к примерам латинских выражений, прочно вошедших в современный юридический язык. Для анализа были сделаны выборки из учебников по римскому праву, справочникам по юридической латыни и юридические словари с латинской терминологией.

1. Curriculum vitae – документ, содержащий подробную информацию о биографии человека, его описание жизни, резюме, карьеры.

2. Dolus malus – «злой умысел» – мошенничество и обман, злоупотрбление доверием, дезинформация с целью получения выгоды.

3. Alter ego – выражение греческого философа Зенона (IV–III века до н. э.) «альтернативня личность, второе я» – другая сторона личности.

4. Contra legem – противоречащий закону, действующий вопреки закону.

5. Ex lege – в силу закона, «из закона», в соответствии с законом.

6. Corpus juris – свод законов, полное собрание правовых норм, систематизированный сборник законов.

7. Non bis in idem – «никто не должен дважды наказываться за одно преступление» принцип недопустимости двойного наказания, одно из фундаментальных латинских выражений в языке права, которое означает, что человек не может быть дважды привлечён к ответственности за одно и то же правонарушение.

Рассмотрим последнее латинское выражение, которое является выражением запрета на повторное судебное разбирательство по одному и тому же делу в качестве примера монолитной системы языковых единиц, которые дают четкие наименования юридически значимым явлениям в современном уголовном праве.

Как уже было упомянуто выше, принцип Non bis in idem, запрещающий повторное привлечение к ответственности за одно и то же правонарушение,

является одним из фундаментальных принципов современного уголовного права. Он уходит корнями в древнеримскую правовую систему и служит важной гарантией защиты прав человека в уголовном процессе.

Рассмотрим кратко историю появления этого выражения.

Римское право заложило основу для принципа Non bis in idem, который впоследствии был включен в правовые системы большинства стран. Историческое развитие этого принципа отражает эволюцию представлений о справедливости и правах личности в рамках уголовного процесса.

Суть принципа Non bis in idem заключается в следующем.

Он запрещает повторное привлечение к уголовной ответственности за одно и то же действие. Это обеспечивает справедливость процесса, предотвращает злоупотребления со стороны обвинения и защищает обвиняемого от многократного наказания за одно и то же деяние.

Международные правовые нормы закрепляют реализацию этого принципа через: Международный пакт о гражданских и политических правах, статью 4 Протокола № 7 к Европейской конвенции о защите прав человека, а также через национальные законодательства различных государств.

Рассмотрим кратко механизм применения принципа «Non bis in idem», который включает в себя следующее.

1. Судебный надзор за соблюдением запрета двойного наказания. Это означает, что суды следят за тем, чтобы никто не был наказан дважды за одно и то же преступление.

2. Процессуальные гарантии для обвиняемого: Предусмотрены специальные правила и процедуры, которые защищают права человека, которому предъявлено обвинение.

3. Юридическая оценка идентичности деяний: Необходимо установить, являются ли разные действия, вменяемые лицу, по сути одним и тем же преступлением.

4. Определение границ применения принципа: Важно четко определить, в каких случаях этот принцип действует, а в каких – нет.

Особые ситуации, когда принцип может применяться иначе, включают следующее.

Преследование разными государствами при наличии договора о выдаче: если между странами заключено соглашение о выдаче преступников, то возможно уголовное преследование одного и того же лица в разных юрисдикциях.

Изменение юридической квалификации деяния: если первоначальная правовая оценка преступления меняется, это может повлиять на применение принципа.

Итак, перейдем к рассмотрению лингвистического аспекта выражения «Non bis in idem».

Как известно, латинский язык в юриспруденции представляет собой особую систему терминов, где каждая формулировка имеет глубокий смысл и практическое значение.

Лингвистический анализ выражения «Non bis in idem» позволяет раскрыть его структурные и смысловые особенности.

Этимологический анализ.

Латинская фраза «Non bis in idem» состоит из следующих элементов:

– Non – это отрицательная частица, выражающая отрицание;

– Bis – означает «дважды» или «два раза»;

– In – предлог, указывающий на направление или контекст действия;

– Idem – переводится как «то же самое» или «одно и то же».

С точки зрения грамматики, это выражение представляет собой отрицательное предложение, в котором используется наречие, указывающее на частоту действия. Эта синтаксическая модель наглядно демонстрирует основополагающий правовой принцип, запрещающий повторение одного и того же действия.

Семантическое поле данного выражения охватывает следующие аспекты.

Запрет: Выражается частицей «non» и несет в себе запрещающий характер.

Количество: указывает на число повторений действия.

Объект: определяет, что речь идет об одном и том же деянии.

Практическое применение выражения. Прагматическая ценность этого выражения проявляется в следующем.

1. Четкое формулирование запрета: оно служит основой для ясного правового запрета.

2. Создание устойчивой юридической формулы: выражение стало общепринятой и прочной юридической формулировкой.

3. Обеспечение точности: способствует ясности и точности в правовой коммуникации.

Грамматические особенности слов. Морфологические характеристики составляющих следующие фразы.

1. Non: Неизменяемая отрицательная частица.

2. Bis: Неизменяемое наречие.

3. In: Предлог, который используется в составе устойчивого сочетания.

Idem: Местоимение, которое может изменять свои формы (склоняться).

Функциональная роль. Функциональная нагрузка данного выражения реализуется через:

1. Формирование правовых норм: оно лежит в основе создания правовых предложений.

2. Закрепление юридического принципа: служит для утверждения фундаментальных правовых правил.

3. Обеспечение правовой определенности: способствует ясности и предсказуемости в правовой сфере.

Сравнительный анализ.

С точки зрения сопоставления разных языков, можно увидеть, что данная формула применима повсеместно в различных правовых системах. Ее структура и смысл остаются неизменными, независимо от того, в какой юрисдикции она используется.

Проведя анализ, мы приходим к следующим выводам.

Лингвистический разбор выражения «Non bis in idem» выявляет его глубокую семантическую и синтаксическую стройность, характерную для юридической латыни. Это выражение служит наглядным примером того, как языковая форма воплощает основополагающие правовые принципы.

Будущие исследования могут быть направлены на более глубокое изучение того, как латинская юридическая терминология влияет на современные правовые системы. Также перспективным является анализ того, как меняется значение юридических формул в зависимости от различных языковых контекстов.

Юридический латинский язык по-прежнему остается важным, поскольку он служит краеугольным камнем правовой терминологии. Он способствует единообразию в международном правовом общении и помогает юристам развивать свои профессиональные навыки. Учитывая глобализацию правовых систем, дальнейшее изучение лингвистических особенностей юридической латыни представляется многообещающим направлением.

Список источников

1. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: 200 тыс. слов и словосочетаний. М.: Русский язык-Медиа, 2005.
2. Петрученко О. А. Латинско-русский словарь. М.: Изд. товарищества «В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. 810 с.
3. Смирнов А. В. Уголовный процесс / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. СПб.: Питер, 2005. 272 с.

УДК 378; 811

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

***М. Д. Мухина**, учитель английского языка высшей категории средней общеобразовательной школы № 5 г. Кировска Мурманской области*

В статье рассматриваются вопросы использования игровых технологий при обучении иностранному языку. Различные виды игры являются одним из древнейших образовательных средств, методом и способом обучения, но в науке нет единого общепринятого определения этого феномена, а также единообразия взглядов на классификацию дидактических игр. Использование игровых технологий при обучении иностранному языку активизирует все познавательные процессы обучающихся.

Ключевые слова: иностранный язык, игровая технология, обучающая игра, тип, функция.

ON THE USE OF GAME TECHNOLOGIES IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

***M. D. Mukhina**, English teacher of the highest category of secondary school No. 5 in Kirovsk, Murmansk region*

The article discusses the use of game technologies in teaching foreign languages. Various types of games are one of the oldest educational tools, methods, and approaches, but there is no unified definition of this phenomenon in science, and there is no consensus on the classification of didactic games. The use of game technologies in teaching foreign languages activates all cognitive processes in students.

Keywords: foreign language, game technology, educational game, type, function.

…тружусь, играя
Ф. Вийон

Используемый в технических науках термин «технология» было предложено употреблять в педагогике, понимая под педагогическими технологиями «систему взаимосвязанных приемов, форм и методов организации учебно-воспитательного процесса, объединенную единой концептуальной основой,

целями и задачами образования, создающую заданную совокупность условий для обучения, воспитания и развития воспитанников» [2]. Любая технология наряду с преобразованием предмета воздействия подразумевает цели, определенную последовательность в действиях, приемы, формы и методы их осуществления, а также скрупулезное диагностирование продукта ее применения и проверку достижения такового.

Игровые технологии, видами которых в педагогике являются деловая, дидактическая, интерактивная и ролевая игры, интенсивно используются преподавателями, учителями и воспитателями, являясь одним из древнейших образовательных средств, методом и способом обучения. Успешное освоение учебного материала через игру подразумевает активное участие в ней обучающихся любых возрастов как во взаимодействии с ведущим занятие и/или товарищами по учебе, так и при самостоятельной подготовке, а также в качестве внеклассной или внеурочной деятельности, побуждая к исследованиям. Вместе с тем, для получения наиболее оптимальных результатов требуется кропотливый анализ целесообразности и условий употребления дидактических игр при планировании каждого конкретного этапа, а также занятия в целом. Решение вопроса о месте и роли игровых технологий, а также их совместимости с другими образовательными компонентами, несомненно, остается прерогативой педагога и во многом зависит от его понимания функций развивающих игр.

Игра, изучаемая многими дисциплинами (психологией, педагогикой, этнографией, историей культуры, теорией управления и другими), до настоящего времени не получила единого общепринятого научного определения. Трактовка этого феномена, как правило, осуществляется в соответствии со спецификой проводимых изысканий. Первые попытки систематизировать знания, имеющиеся в этой области, раскрыть природу и предназначение игры были предприняты в конце XIX в. в Германии и Австрии. Так, К. Гросс, К. Бюллер трактовали ее как «деятельность ради получения "функционального удовольствия"», а последователи Фрейда – как «выражение глубинных инстинктов или влечений». Игра становилась предметом рассмотрения таких отечественных деятелей науки, как Е. А. Аркин, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, И. А. Сикорский, Д. Б. Эльконин и многих других. Так, Л. С. Выготский особенно подчеркивал ее роль в формировании и совершенствовании управления поведением, становления личности, самовоспитания таковой и адаптации к требованиям окружающей среды, называя ее пространством «внутренней социализации». Выдающийся психолог особенно подчеркивал то, что игра ведет за собой развитие [1].

Интерес к этой форме обучающих ресурсов не иссякает и у современных теоретиков и практиков, занимающихся поиском ответов на вопрос «как учить». Публикации на эту тему можно найти в монографиях, курсах лекций, учебных

пособиях, материалах международных, всероссийских, межрегиональных и региональных, научных, научно-практических и научно-методических конференций, семинаров и круглых столов и других подобных мероприятий. К основным целям использования игровых технологий следует отнести развитие познавательной активности, формирование коммуникативных и командных навыков, стимулирование креативности и фантазии, применение на практике знаний, полученных в ходе изучения не только иностранного языка, но и других дисциплин.

Следует отметить, что не существует единообразия взглядов на классификацию дидактических игр. В зависимости от целей и задач обучения учебные игры, используемые на занятиях по иностранному языку, можно разделить на языковые и на речевые. Языковые нацелены на усвоение различных граней языка (фонетики, лексики, грамматики, синтаксиса, стилистики). Они предназначены для активизации знаний и развития речевой инициативы. Речевые игры служат формированию умений в определенных видах речевой деятельности (аудировании, монологической и диалогической речи, чтении и письме). Характер педагогического процесса позволяет говорить об обучающих, развивающих, репродуктивных и коммуникативных дидактических играх. Если в центре внимания находится игровая методика, то речь идет о предметных, сюжетных, ролевых, деловых и имитационных. Исходя из количества участников, игры квалифицируются как индивидуальные, парные, групповые и фронтальные.

М. М. Якуббаев предложил, исходя из функций, выполняемых играми, различать развлекательный, коммуникативный, терапевтический, диагностический, корректирующий структуру личности и социализирующий типы игр, а также таковой, направленный на формирование толерантного межэтнического общения и подразумевающий изучение общечеловеческих ценностей и культуры разных национальностей. Особое внимание, по мнению автора статьи, следует уделять дидактическим играм, способствующим развитию навыки и умения самовыражения [3].

Основной единицей всех аспектов игровой деятельности при изучении иностранного языка (цели, содержание, структура и оценка результатов), является роль. Именно она служит стимулированию познавательной активности обучающихся, развитию у них навыков и формированию устойчивых знаний. Не менее важным элементом, связанным с направленным на достижение успеха использованием игровых сюжетов и персонажей, является уровень увлекательности и интересности игрового материала. Оценка качества обучающей игры и педагогом, и обучающимися включает в себя множество факторов, каждый из которых является значимым при подведении итогов занятия.

В заключение представляется целесообразным отметить, что многолетний опыт работы в школе доказывает, что применение игровых технологий при обучении иностранному языку способствуют не только повышению качества

успеваемости и обогащению лексического запаса обучающихся, но и развитию их личностного творческого потенциала, умения принимать самостоятельные решения, расширению кругозора, формированию личной ответственности за результат труда. Использование игровых технологий при обучении иностранному языку активизирует все познавательные процессы обучающихся, развивая их память, мышление, воображение и творческие способности.

Список источников

1. Выготский Я. С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка. М.: Смысл, ЭКСМО, 2004. 512 с.
2. Дыбина О. В. Игровые технологии ознакомления дошкольников с предметным миром: практико-ориентированная моногр. М.: Педагогическое общество России, 2008. 128 с.
3. Yakubbaev M. M. Die Rolle der Spieltechnologie bei der Erhöhung der interethnischen Toleranz bei Studierenden (am Beispiel der Fremdsprachenunterricht) // Deutsche Internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft. № 16. 2021. S. 38–40.

УДК 811.111

ПРИМЕНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ СПОСОБОВ УСВОЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ И. Ф. ШИЛОВА

***Н. М. Орлова**, преподаватель кафедры иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Словарный запас является фундаментальным аспектом изучения иностранного (английского) языка. Чтобы иметь возможность слушать, слышать и понимать сказанное или прочитанное на иностранном (английском) языке, нашим курсантам необходимо усваивать и обогащать свой словарный запас. В статье рассматриваются некоторые способы овладения лексическим материалом, применяемые на занятиях по-иностранному (английскому) языку в Дальневосточном юридическом институте МВД России имени И. Ф. Шилова.

Ключевые слова: словарный запас, аутентичный материал, сопоставление слов, интеллект-карта, мотивация.

APPLICATION OF SOME METHODS OF FOREIGN LANGUAGE VOCABULARY LEARNING IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES AT THE I.F. SHILOV DEPARTMENT OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION NAMED AFTER I. F. SHILOV

***N. M. Orlova**, instructor of the Department of Foreign Languages of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

Vocabulary is a fundamental aspect of learning a foreign (English) language. To be able to listen, hear, and understand what is said or read in a foreign (English) language, our students have to learn and expand their vocabulary. This article explores some ways to master vocabulary employed in foreign (English) language classes at the FELI of the MIA of Russia named after I. F. Shilov.

Keywords: vocabulary, authentic material, word matching, mind map, motivation.

Основная цель коммуникации – донести до слушателя предполагаемое сообщение говорящего. Язык как средство общения в жизни человека играет важную роль в улучшении качества всех аспектов общественной жизни.

Словарный запас является одним из компонентов языка и определяется как общее количество слов в языке. Как утверждает Торнбери, без грамматики можно передать очень немногое, без словарного запаса ничего нельзя передать. Для того, чтобы уметь выражать свои мысли на иностранном языке, получать и перерабатывать информацию в рамках своей специальности и на основе полученных знаний по профильным предметам, курсанты должны иметь достаточный языковой запас, а также навыки и умения пользоваться этим запасом в процессе говорения, письма, слушания и чтения. Овладение лексическим материалом является важным аспектом языка, который проявляется в каждом из названных навыков, что, в свою очередь, обеспечивает успешное профессиональное иноязычное общение. Тем не менее, большинство курсантов имеют очень ограниченный словарный запас и сталкиваются с трудностями при использовании английского языка в качестве целевого, отсюда их нежелание высказываться на изучаемом иностранном языке, следовательно, расширение профессионально-ориентированного словарного запаса на занятиях по английскому языку является одной из основных задач.

Одним из способов решения этой задачи является использование такой единицы обучения как текст, с помощью которого происходит использование реального языка и изучение языковых блоков в значимых, аутентичных контекстах. Преимущество использования аутентичных материалов, во-первых, заключается в том, что аутентичные материалы позволяют напрямую соприкоснуться с реальным уровнем. Во-вторых, аутентичные материалы всегда актуальны и постоянно обновляются. В-третьих, аутентичные материалы, как правило, работают с противоречивыми областями языка, а в-четвертых, аутентичные материалы предоставляют преподавателям источник актуальных материалов, которые могут иметь прямое отношение к потребностям обучающихся. Текст позволяет распознавать определенные слова не как отдельные элементы, а как часть лексического блока, с их наиболее частыми сочетаниями (collocations). Важно научить курсантов замечать определенные лексические модели и значения, которые может принимать слово, и сознательно и самостоятельно анализировать незнакомые слова в контексте, во взаимодействии с другими словами. Для дальнейшего усвоения и закрепления лексики предлагаются такие коммуникативные упражнения, как, закончить предложения по тексту, согласиться или опровергнуть утверждения, задать вопросы по тексту, пересказать текст. Все эти

упражнения предполагают активную деятельность курсантов во время занятия, которая способствует автоматическому запоминанию языкового материала, а также его использованию в устной и письменной речи.

Другим эффективным подходом вовлечения обучающихся в размышления о связях слов, а также расширения определения слов является картирование слов. Картирование слов представляет собой графическое отображение значения слова, где слово из словаря находится в центральной части в окружении трех отдельных разделов с тремя основными вопросами о слове, связанными с ним: «что это?» – чтобы помочь учащемуся соотнести термин с имеющимися знаниями; «что собой представляет?» – помогает описать новый термин; «какие примеры можно привести?» – из имеющихся знаний учащиеся приводят примеры того, что соответствуют описанию и значению слова. Такая стратегия картирования слов побуждает учащихся перейти от простых утверждений, к более сложным, основанным на критическом мышлении определениям, которые показывают взаимосвязи между категорией слова, его свойством и объяснением. В дополнение к вышеупомянутому подходу усвоения иноязычной лексики действенной считается и стратегия сопоставления слов, помогающая научиться предсказывать значение неизвестных слов. Курсанты учатся определять префиксы, суффиксы и корни и тренируются предсказывать значение слов, используя эти части. Стратегия способствует активному распознаванию отношений между словами, в том числе синонимами и антонимами, что приводит к более глубокому пониманию значений слов за счет развития их концептуальных знаний, связанных со словами, помогает устанавливать связи между предыдущими знаниями и новыми, изучить характеристики понятия слова, классифицировать слова. Стратегия сопоставления слов может быть наиболее эффективной при использовании до, во время и после чтения текстов. При вводе новой лексики задействуются приемы наглядного представления языкового материала, толкования на изучаемом языке и контекстуальная догадка. Комбинирование текста, звука, графики, видео или анимации для обучения лексике становится обычным аспектом учебной практики в изучении языка. Различные картинки, фотографии, видео подборки, относятся к аутентичным материалам, которые можно использовать в процессе преподавания и обучения, особенно для улучшения владения словарным запасом курсантов, что сделает занятие более содержательным и успешным, облегчит пополнение словарного запаса в увлекательной форме, повысит мотивацию в изучении лексики.

Продуктивным решением проблемы недостатка словарного запаса и запоминания языкового материала служат ментальные карты (интеллект-карты, майндмэппинг). Термин «ментальная карта» был впервые популяризирован Тони Бьюзеном в 1960-х гг. С тех пор он стал эффективным инструментом обучения. Ментальное картирование включает в себя различные стратегии, такие как использование образов, ассоциация и проработка нового лексического материала. Ментальная карта представляет собой древовидную структуру с кра-

сочными и высокоорганизованными ключевыми словами. Основная идея формулируется в центре ментальной карты; ответвления, расходящиеся от центра, являются основными темами обсуждения; на ответвлениях рисуются ключевые слова или образы, связывающие тему с основной идеей; второстепенные темы могут быть присоединены к соответствующей ветке в виде побегов; наконец, все ветви и побеги вместе представляют собой связанную узловую структуру. Таким образом обучающиеся отображают свои идеи в запоминающейся и хорошо организованной диаграмме. Майндмэппинг – это творческий метод ведения заметок, который облегчает запоминание и сохранение большого количества информации, в частности словарного запаса. Преимущества использования техники интеллект-карт: 1) простота освоения и применения; 2) стимулирование творчества и самовыражения; 3) предоставление краткого иерархического обзора; 4) простота расширения и добавления дополнительного контента. Эта техника позволяет обучающимся прояснить свои мысли, классифицируя и группируя связанные идеи. Интеллект-карта – это паттерн, состоящий из картинки, символа и цвета, которые связывают новую информацию с существующей, вызывают интерес курсантов к овладению лексическим материалом, стимулирует творчество и делает обучение более спонтанным, гибким и осмысленным.

Для демонстрации влияния использования техники ментальных карт на улучшение навыков запоминания иноязычной лексики преподавателем кафедры было проведено небольшое исследование с курсантами одной из подгрупп 1 курса.

Для сбора необходимых данных в исследовании использовались словарные тесты: один предварительный в начале изучения лексической темы «Будущий офицер полиции» (1 неделя), второй итоговый на завершающем этапе изучения лексической темы «Обучение в юридическом институте МВД» (5 неделя). Словарные блоки для тестов были взяты из учебника «Английский язык. Практический курс. Часть I» (Хабаровск, ДВЮИ МВД России, 2020). Содержание и уровень сложности тестов практически не отличались.

Во время первого занятия по лексической теме «Будущий офицер полиции» курсанты познакомились с 10 новыми словами. Их задачей было запомнить определения незнакомых слов, а затем записать значения этих слов на русском и английском языке. В конце занятия преподаватель объявил, что через одно занятие будет проведен первый словарный тест (тест 1).

В этом тесте обучающимся необходимо было выбрать наиболее подходящий ответ, чтобы закончить предложения. Словарные единицы – это слова, которые курсанты выучили на первом занятии. Тест выполнялся в течение 30 минут. После этого преподаватель проверил и записал результаты предварительного теста (таблица 1).

Далее преподаватель познакомил курсантов с техникой ментальных карт. Инструкция по созданию ментальных карт выглядела следующим образом:

– создайте центральное изображение с основной идей в центре листа (можно раскрасить);

– добавьте несколько основных тем, и разведите их от центрального изображения;

– к основным темам придумайте как можно больше ключевых слов или образов, связанных с основной идеей;

– добавьте несколько ответвлений к основным темам для упорядочивания, используя символы, изображения и цвета;

– продолжайте, пока не соберете достаточно информации для своей ментальной карты.

Обучающиеся практиковались в создании ментальных карт из 5 новых слов по лексической теме «Обучение в юридическом институте МВД». Каждому было предложено запомнить слова с помощью техники ментальных карт.

Преподаватель ознакомил учащихся с новым набором из 10 слов из лексической темы «Обучение в юридическом институте МВД» и дал им определения этих слов. Для запоминания языкового материла курсантам было предложено использовать ментальные карты. В конце занятия преподаватель сообщил, что на следующей неделе будет проведен итоговый тест.

На выполнение итогового отводилось 30 минут. Цель теста – проверить, как курсанты запомнили определения слов, используя технику интеллект-карт. Результаты теста (тест 2) были внесены в таблицу 1.

Таблица 1. Результаты предварительного и итогового тестов

Курсант	**Тест 1 (20 баллов)**	**Тест 2 (20 баллов)**
1	*10*	*15*
2	*8*	*13*
3	*11*	*16*
4	*10*	*16*
5	*6*	*10*
6	*13*	*18*
7	*11*	*18*
8	*12*	*19*
9	*10*	*15*
10	*8*	*12*
11	*11*	*17*
12	*9*	*17*
13	*15*	*20*
14	*15*	*19*
Средний балл	**10,64**	*16,07*

Как показывают результаты, представленные в таблице, средний балл итогового теста выше, чем средний балл предварительного теста, что подтверждает влияние использования техники ментальных карт на улучшение навыков запоминания словарного запаса у обучающихся.

Наличие словарного запаса рассматривается как важнейший инструмент для овладения любыми языковыми навыками и понимания письменных и устных текстов. Несмотря на то, что усвоение и расширение лексического материала является нелегкой задачей для обучающихся, они могут преодолеть ее, имея доступ к различным приемам изучения. Следовательно, задача преподавателей научить их пользоваться такими приемами, поскольку они облегчают хранение и извлечение новой информации, когда она необходима для понимания или воспроизведения.

Список источников

1. Печеникина А. А. Особенности использования технологии mind-mapping в образовании // Молодой исследователь Дона. 2023. № 3 (42). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolzovaniya-tehnologii-mind-mapping-v-obrazovanii (дата обращения: 21.10.2025).
2. Oxford R. L., Language learning strategies: What every teacher should know. New York: Newbury House Publishers, 1990. 342 с.
3. Scott Thornbury, How To Teach Vocabulary. London: Person Education Limited, 2002. 186 с.

УДК 378

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕФЕРИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

***Г. Б. Павлова**, доцент кафедры иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматривается совокупность методов и форм обучения реферированию иноязычного текста, представлен алгоритм организации работы обучающихся в процессе обработки оригинального аутентичного текста. Особое внимание обращается на эффективность обучения реферированию в контексте реализации принципов междисциплинарного обучения.

Ключевые слова: дидактический потенциал, реферирование, компрессия, универсальные и общепрофессиональные компетенции, междисциплинарное обучение.

THE DIDACTIC POTENTIAL OF REFERENCING IN THE CONTEXT OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

***G. B. Pavlova**, associate professor of the Department of Foreign Languages of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article deals with set of methods and forms of teaching referencing of a foreign text, the algorithm for organizing the work of students in the processing the original authentic text is presented. Special attention is paid to the effectiveness of referencing training in the context of implementation of the principles of interdisciplinary learning.

Keywords: didactic potential, referencing, compression, global and general professional competences, interdisciplinary learning.

Реферирование представляет собой сложный когнитивно-лингвистический процесс компрессии информации из первоисточника (оригинального текста: статьи из журнала, главы или параграфа из книги/монографии и т. п.).

В среде обучающихся широко распространено заблуждение, что реферирование равнозначно пересказу текста. Важно помочь аудитории осознать, что близкое к оригиналу воспроизведение текста имеет слишком мало общего с реферированием, в процессе которого информация из первоисточника

перерабатывается с целью определить ключевые элементы содержания и исключить фрагменты второстепенного значения (детали, отступления, примеры и т. д.). Умение концентрироваться на ключевых аспектах и отсеивать несущественное сегодня особенно актуально, поскольку информационное пространство перенасыщено. В таких условиях способность работать с научными и профессиональными источниками становится залогом быстрой и эффективной работы.

Другим существенным отличием реферирования от пересказа текста является уровень интеллектуальной вовлеченности обучающегося (референта). Если в основу пересказа заложено механическое запоминание содержания, то реферирование производится при полноценном понимании проблематики оригинального текста референтом, способности анализировать получаемую информацию, сравнивать новые данные с уже имеющимися, оценивать значимость, улавливать и устанавливать логические связи и синтезировать данные до краткого целостного представления. Работа над рефератом может потребовать привлечения дополнительных источников, чтобы восполнить лакуны в знании и опыте самого референта, которые закономерно выявляются на начальном этапе ознакомления с текстовым материалом.

Как дидактических инструмент реферирование трудно переоценить в контексте преподавания учебной дисциплины «Иностранный язык». Даже если речь идет о неязыковом вузе, где количество учебных часов, отводимых на освоение курса, строго регламентировано, реферирование иноязычных текстов имеет определенные преимущества и активно способствует развитию универсальных и общепрофессиональных компетенций обучающихся, обеспечивающих формирование социально-коммуникативной личности в условиях мультикультурной и многоязычной среды.

Прежде всего, аутентичный текст является богатым источником дополнительного иноязычного материала. Новые слова, термины, понятия, идиомы, фразеологизмы, синтаксические конструкции и т. д. не только расширяют словарный запас обучающихся и закрепляют уже полученные знания, но и позволяют глубже понять социокультурный контекст, авторские цели и замысел.

Работа над аутентичным текстом способствует развитию критического мышления и навыков анализа текстовых источников. «Развитие критического мышления обеспечивается использованием определенного дидактического цикла, каждый этап которого характеризуется целями, задачами и приемами, активизирующими сначала исследовательскую деятельность обучающихся, а впоследствии – анализ, осмысление и обобщение полученных знаний» [2, с. 123]. При этом анализ текста подразумевает не сжатие исходного материала, но концентрированное изложение, отражающее главные тезисы и аргументы автора. Иными словами, получаемый на выходе вторичный текст, должен отражать понимание темы, ключевых идей и логических связей референтом.

Составляя вторичный текст, обучающиеся развивают свои навыки письменного изложения мыслей, т. е. учатся излагать их ясно и лаконично, в логической последовательности, четко структурируя информацию. Это позволяет избежать повторов и излишней детализации, а также повысить оригинальность вторичного текста. Эти навыки необходимы в принципе при проведении какого-либо исследования, письменные результаты которого нужно представить в форме статей, курсовых и дипломных работ в ходе всего обучения в вузе. Кроме того, навыки письменной речи являются ключевыми в профессиональной подготовке специалистов, способных включаться в коммуникацию как в академической, так и в профессиональной среде, где востребованы умения краткого и точного изложения информации.

Другим неоспоримым достоинством реферирования является глубокое погружение обучающихся в его содержание. Это способствует более полному пониманию прочитанного и запоминанию новой информации, чтобы затем применить имеющиеся знания при подготовке к промежуточной аттестации, подготовке докладов на конференциях, семинарах и круглых столах, и т. д.

Не следует забывать и о таком немаловажном факторе педагогического воздействия как развитие навыков самостоятельной работы и ответственности. В процессе реферирования значительный объем работы выполняется обучающимися самостоятельно: поиск адекватных эквивалентов при переводе текста с иностранного языка на русский, поиск и анализ дополнительной информации, сравнительный анализ разных точек зрения с последующим оформлением результатов в письменной форме.

В последствии, умение быстро и эффективно обрабатывать информацию, сжимать ее, фокусируясь на главном, сравнивать разные точки зрения и подходы к той или иной проблеме, формировать собственное мнение помогает обучающимся готовиться к экзаменам, защитам проектов и собственных научных исследований.

Реферирование обладает четко выраженным междисциплинарным характером, что немаловажно сегодня, когда в образовательных организациях проводится интеграция принципов междисциплинарного обучения. Используя аутентичный материал в содержании учебного курса, преподаватель должен быть готов дать необходимые сопутствующие комментарии, чтобы в контексте темпоральной модели действительности объяснить социокультурные, исторические, политические и правовые аспекты. Они могут быть непонятны обучающимся, что серьезно обесценит их труд и снизит эффективность работы.

Важно отметить также, что эффективность работы с аутентичными текстами напрямую зависит от таких факторов как выбор материала, разработка заданий, уровень языковой подготовки обучающихся и цели их обучения. Сложный, перенасыщенный незнакомой терминологией и громоздкими синтаксическими

конструкциями текст оказывает отрицательное влияние на мотивацию аудитории вплоть до снижения ее учебной активности. Соответственно, рекомендуется отдать предпочтение текстам общенаучного плана, которые содержат описание и пояснения [1], которые могли бы дополнить уже имеющиеся знания в рамках других дисциплин, предусмотренных учебной программой вуза.

Задания к иноязычным оригинальным текстам не следует слишком упрощать, но они должны быть четкими и конкретными, направленными на определение ключевых слов и словосочетаний, главной идеи текста или авторской позиции к рассматриваемой проблеме. В целом, работа с аутентичным материалом должна быть выверена и поставлена таким образом, чтобы стимулировать когнитивную и аналитическую деятельность обучающихся.

В заключении можно сказать, что дидактический потенциал реферирования на практических занятиях по иностранному языку в неязыковых вузах очевиден и довольно эффективен при ограниченном количестве учебных часов. Он формирует и развивает навык составления вторичных текстов на основе иноязычного первоисточника, что является важной компетенцией для успешной учебы и будущей профессиональной деятельности, поскольку помогает эффективно обрабатывать, усваивать и передавать информацию в условиях колоссального объема данных, мыслить критически и четко формулировать собственное мнение.

Список источников

1. Маркушевская Л. П., Ермолаева С. А. Методика обучения реферированию и аннотированию на занятиях по иностранному языку // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2003. № 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-obucheniya-referirovaniyu-i-annotirovaniyu-na-zanyatiyah-po-inostrannomu-yazyku (дата обращения: 18.10.2025).
2. Павлова Г. Б. Обучение реферированию и аннотированию англоязычного текста с применением технологии развития критического мышления // Материалы международной научно-методической конференции «Теоретические и прикладные аспекты современного лингвистического образования в условиях неязыкового вуза». 2017. с. 123.

УДК 811.11–12

КОНЦЕПТ «ЧЕСТЬ» В РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

***Я. А. Павлова**, старший преподаватель кафедры иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье анализируется актуальность изучения концептов как опорных ментальных репрезентаций (констант), отражающих социально-исторический опыт и когнитивные структуры иноязычной культуры. В качестве примера приводится концепт «честь» как одна из ключевых составляющих русско- и англоязычной концептосфер. Обобщается практический опыт исследования и сравнительного анализа концепта в русской и англоязычной лингвокультурах.

Ключевые слова: концепт, лингвокультура, понятие, представление, смысл.

CONCEPT "HONOR" IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGUISTIC CULTURE

***Y. A. Pavlova**, senior instructor of the Department of Foreign Languages of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article is devoted to the relevance of researching concepts as supporting mental representations (constants), reflecting social and historical experience and cognitive structures of foreign language culture. The concept «HONOR» as the key element of Russian and English language concept spheres is suggested as an example. Practical experience of research and comparative analysis of the concept in Russian and English language cultures is summarized.

Keywords: concept, linguistic culture, notion, representation, meaning.

«Для познания нравов какого ни есть народа старайся прежде изучить его язык» [1, с. 64]. Эта мысль древнегреческого философа Пифагора Самосского прозвучала в те далекие времена, когда средства массовой информации только начинали формироваться и по своей эффективности и охвату не могли

сравниваться с современными. Единственный способ не пасть жертвой предрассудков, избежать конфликта и наладить торгово-политические связи заключался в непосредственном общении с иноземцами.

Слова философа сохраняют свою актуальность даже сегодня, когда получить доступ к любым источникам информации легче легкого. Однако, учитывая многообразие информационных потоков и их содержания, приходится тщательно выбирать факты, отсеивая ненужные, внимательно изучать разные точки зрения, сравнивать и проверять их, чтобы сформировать собственное мировоззрение. Эта задача представляется не менее сложной, чем та, с которой приходилось справляться нашим предкам.

С одной стороны, оптимальным вариантом может выступать своего рода комплексный формат изучения языка и культуры других народов. В его содержании предполагается не только изучение лексико-грамматических средств иностранного языка, но и ознакомление с литературными произведениями его носителей, историческими и социальными событиями, в контексте которых формировалась и развивалась иноязычная культура мира. Этот подход позволяет сформировать адекватное, то есть максимально приближенное к объективной реальности, представление об иных культурах и народах, равно как и понимание нюансов поведения носителей иностранных языков, логики их речемыслительной деятельности.

С другой стороны, если язык того или иного народа невозможно изучить в относительно полном объеме (например, в условиях неязыкового вуза или филологического факультета иной языковой направленности), не менее эффективным средством является исследование отдельных ментальных репрезентаций, в которых концентрируется уникальный опыт и когнитивные структуры интересующей нас культуры, интерпретирующие поведение ее носителей – концептов [5, с. 209].

Согласно последним исследованиям, в области, посвященной изучению концепта, упрочили свое положение в качестве основных подходов два научных направления – лингвокогнитивный и лингвокультурологический [3, с. 19]. В русле первого направления концепт рассматривается как инструмент когнитивной и речевой деятельности человека. При втором подходе внимание исследователя сосредотачивается на специфической культурной среде, в которой концепт формируется и вербализуется с помощью языковых средств.

В качестве примера рассмотрим концепт «честь» и его положение в двух лингвокультурах – русско- и англоязычной. Для представителей обеих культур ***честь*** имеет большое значение поскольку тесным образом связана с доверием в социуме: безукоризненное соблюдение принятых морально-этических норм, поддержание морального облика и незапятнанной репутации, умение держать данное слово и выполнять свои обязательства. При этом актуальность рас-

сматриваемого концепта очевидна в контексте национальной идентичности и культурного наследия. В каждой культуре присутствуют нюансы, специфицирующие представление о чести ее представителями и заложенные в основе системы ценностей, определяя нормы поведения. То, что приемлемо законами чести в одной культуре, может расцениваться как недопустимое поведение в рамках другой. Например, концепция прямолинейности, откровенности и сострадания, принципы, допускающие компромиссы в конкретных ситуациях, закон кровной мести и т. д.

Если обратиться к этимологии самого слова, ставшего именем концепта, то можно отметить определенное сходство в смыслах для русско- и англоговорящих народов.

В русском языке слово ***честь*** произошло от старославянского ***чьсть***; оно восходит к индоевропейскому корню *ces-*, с которым образованы слова со значением *чтить, почитать, честный* [6, с. 350]. В то же время существует мнение, что предок современного слова ***честь*** был тесным образом связан с древнегреческими *гордость* и *уважение*, корнями уходящими к другому слову – ***совесть.***

В английском языке слово ***honor*** произошло от латинского *honos* или *honor*, значение которых можно трактовать как *уважение, достоинство, почет* и на протяжении всей своей истории был связан с понятиями морали, общественного статуса и целостности человеческой личности [2].

Когнитивный опыт человечества, связанный с осмыслением этого понятия, зафиксирован в толковых словарях, что дает возможность сравнить смысловые поля концепта «честь» в двух лингвокультурах.

«Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова [4]	**Longman Dictionary of Contemporary English [8, с. 503]**
✓ Достойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы.	✓ The great respect and admiration which people have for a person, country, etc, often publicly expressed.
✓ Хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя.	✓ High principles and standards of behavior, nobleness of character.
✓ Целомудрие, непорочность.	✓ A person or thing that brings great pride and pleasure.
✓ Почет, уважение.	✓ The chastity of a woman.

Примечательно, что в толковом словаре русского языка на первое место выносятся высоко ценимые моральные качества, которыми человек уже обладает; оценка общества (почет и уважение) занимают последнее четвертое место.

В англоязычном источнике первое место отводится положительной оценке общества. На втором месте в русском источнике располагается репутация, которая формируется через оценку общества, а в словаре Лонгмана – высоко ценимые в обществе качества человека. Значение целомудрия и непорочности есть в обоих источниках, но в русском они не связаны с конкретным гендером, что говорит о принципиальном их значении во взаимоотношениях внутри русскоязычного общества для поддержания морального порядка и стабильности, и занимают третье место, а в английском – относятся к конкретному, женскому полу и определены на четвертое место. Также стоит отметить, что третье значение, предлагаемое английским толковым словарем (человек или предмет, которыми гордятся), отсутствует в русском лексикографическом источнике.

Отдельного внимания заслуживает лексическая представленность обоих концептов «честь» и «honor», которая также позволяет выявить сходства и различия. Она представляет собой открытую сложную систему, непрерывно взаимодействующую с социально-культурной системой русско- и англоязычных социумов. В структурах концептов содержится довольно широкая синонимическая парадигма, в которую входят варианты:

– **русский язык**: *достоинство, благородство, доблесть, репутация, почет, совесть, реноме, почести, почтение, гордость, почтительность, целомудрие, безгрешность, неиспорченность, безгреховность, чистота* [7];

– **английский язык**: *probity, integrity, repute, glory, title, distinction, award, warship, respect, deference* [9, с. 254].

Синонимический ряд русского слова *честь* длиннее его английского варианта, что говорит о большей нюансированности концепта в русской лингвокультуре, выходящей за рамки общественного мнения и концентрирующейся на внутренние качества человека, его самопознании.

Изучение паремиологического фонда языка позволяет ознакомиться с интерпретационным полем концептов «честь» и «honor». Так в русских пословицах заключены основные смысловые составляющие концепта:

ответственность:	Дай Бог тому честь, кто умеет ее снесть. За честь – хоть голову с плеч.
совесть:	За совесть да честь – хоть голову снесть.
злоупотребление спиртным:	Потерял честь с вином. За хмель не ручайся.
недопустимость бесчестия:	Бесчестие тяжелее смерти. Смерть лучше бесчестия.
связь с умом и добром	Честь ум рождает.

Смысловые составляющие концепта «honor» раскрываются следующим образом:

постоянство:	Riches take wing, honor will cling. A fair death honors the whole life.
бескорыстие:	Honor follows those who flee from it. Honor and profit lie not in one.
общественное мнение:	A prophet is not without honor, save in his own country and in his own house. He that loses his honesty has nothing else to lose. Honors change manners. He who lives without restraint will die without honor.
морально-этическая ценность	No revenge is more honorable than the one not taken. Honor your father and your mother.

Сравнительный анализ русской и английской паремиологии в отношении концептов «честь» и «honor» позволяет установить следующее: в обеих лингвокультурах сохранение чести является одним из главных приоритетов – честь нельзя купить и трудно заслужить. Однако, в представлении носителей русского языка честь сопряжена с совестью, которая выполняет функцию вектора, направляющего человека по верному, честному пути. В англоязычном социуме главенствует общественное мнение, как некое социальное благо и гарант будущего благополучия, которое необходимо оберегать и тщательно поддерживать.

Обобщая вышеизложенное, можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, изучение иноязычных концептов можно расценивать как уникальный и вполне доступный ключ к пониманию носителей иноязычной культуры, обеспечивающий полноценное и эффективное участие в диалоге культур. Последнее является одной из основных компетенций, которыми должны обладать молодые специалисты, чтобы соответствовать современным требованиям рынка труда.

Во-вторых, изучение концептов разных лингвокультур необходимо, чтобы выявить смыслы, отличающие носителей одной культуры от представителей другой. Это позволит избежать недопонимания и возможных разногласий в межкультурном общении, а также достичь целей, с которыми инициируется коммуникативная ситуация. Так исследования концепта «честь» в русско- и англоязычных лингвокультурах показывают, в чем заключается разница смыслов для двух наций: русская культура больше ориентирована на внутренний моральный компас человека (совесть), в то время как в английской акцент ставится на внешнюю оценку, то есть общественное мнение.

Список источников

1. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
2. Ким Э. Honor etymology [сайт]. URL: https://erickimphotography.com/blog/2023/12/26/honor-etymology/ (дата обращения: 19.10.2025).
3. Луговской А. В. Концепт «ISLAND» в английской языковой картине мира: дис. … канд. филол. наук. Хабаровск, 2021. 202 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: [сайт]. URL: https://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_s_q.txt (дата обращения: 19.10.2025).
5. Павлова Я. А. Концепт как системное образование (на примере концепта «CRIMINAL») // Современные международные отношения в пространстве языков, культур, образовательных моделей: материалы Международной научно-практической конференции (г. Хабаровск, 20–21 ноября 2024 г.) / под ред. Л. С. Тороповой. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2025. 297 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т 4 (Т – ящур) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. стер. М.: Прогресс, 1987. 864 с.
7. Энциклопедия Руниверсалис. Словарь: честь [сайт]. URL: https://руни.рф/Словарь: честь#Синонимы_2 (дата обращения: 19.10.2025).
8. Longman dictionary of contemporary English: The compl. guide to written a. spoken English. 3. ed. Harlow (Essex): Longman, 1995. XXII, 1668.
9. The New American Roget's College Thesaurus in Dictionary Form. The New American Library Inc. 1985.

УДК 372.881.1

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ЛИЧНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

***Н. Н. Поддубная**, доцент кафедры иностранных языков Барнаульского юридического института МВД России, кандидат филологических наук*

В статье рассматривается реализация принципов личностно ориентированного подхода в процессе обучения иностранному языку. Обосновывается целесообразность личностно ориентированного подхода в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе. Описываются особенности организации групповой работы при обучении иностранному языку. Подчеркивается, что групповая работа на занятия по иностранному языку способствует формированию и совершенствованию коммуникативных навыков, а также развитию критического мышления и навыков сотрудничества.

Ключевые слова: личностно ориентированный подход, принципы личностно ориентированного подхода, обучение иностранному языку, групповая работа.

THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF A STUDENT-CENTERED APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGE.

***N. N. Poddubnaya**, associate professor of department of foreign languages of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Philology*

The article considers the implementation of the principles of a student-centered approach in the process of teaching foreign languages. The expediency of a student-centered approach to teaching a foreign language at a non-linguistic university is substantiated.

The article describes the features of the organization of group work in foreign language teaching. The study confirms that group work in foreign language classes contributes to the development of communication skills as well as the development of critical thinking and collaboration skills.

Keywords: student-centered approach, principles of a student-centered approach, teaching foreign language, group work.

На основании требований, предъявляемых к качеству образования в высших учебных заведениях, происходят определенные изменения как в педагогической науке, так и в практике преподавания отдельных дисциплин, в том числе в практике преподавания иностранного языка. Происходящие изменения приводят к смене образовательной парадигмы. Ключевой фигурой в образовательном процессе становится обучающийся. Необходимость учета особенностей личности обучающегося, восприятие обучающегося как активного субъекта образовательного процесса ведет к формированию личностно ориентированной парадигмы образования. «Человек является главным вектором в сфере образования, а личностно ориентированное образование рассматривается как ведущее стратегическое направление педагогических исследований 21 века, обеспечивающее потребности общества» [4, с. 105].

Идея личностно ориентированного подхода в системе профессионального образования заключается во всестороннем развитии личности будущего специалиста. Лишь становление личности в активную позицию позволяет задействовать все сферы личности, раскрыть ее потенциал, обеспечить условия для всестороннего развития личности будущего специалиста [1, с. 71].

Цель личностно ориентированного подхода в процессе преподавания иностранного языка заключается в формировании иноязычной коммуникативной компетенции и развитии личностных качеств обучающихся. Принципы личностно ориентированного подхода в процессе формирования иноязычной коммуникативной компетенции отражаются в организации учебного процесса, в выборе и составлении заданий, которые соответствуют интересам обучающихся, учитывают их личный опыт в освоении материала [3, с. 143].

В настоящий момент в педагогике сложилось несколько направлений в разработке концепций личностно ориентированного обучения, которые не противоречат друг другу, а скорее, могут взаимно дополняться (Е. В. Бондаревская, В. В. Серикова, Е. Н. Степанов, И. С. Якиманская).

В личностно ориентированном образовании существует ряд принципов, которые необходимо учитывать, в процессе обучения:

– принцип гуманизации;

– принцип демократизации;

– принцип рефлексии [2, с. 44].

Принцип гуманизации заключается в создании для обучающихся оптимальных условий для усвоения информации и предоставление им необходимых средств для самореализации. Реализация принципа гуманизации в процессе обучения иностранным языкам предполагает учет индивидуальных

особенностей обучающихся, их когнитивных способностей, уровня мотивации, а также создание благоприятной рабочей атмосферы, основанной на доверительных отношениях субъектов образовательного процесса.

Принцип демократизации означает, что в основе образовательного процесса лежит возможность выбора для обучающихся вида и формы работы, средств и способов обучения. В процессе изучения иностранного языка обучающиеся развивают навыки познания, они учатся учиться, таким образом, их самостоятельная работа становится самообучением, саморазвитием.

Принцип рефлексии основывается на осознании обучающимися не только результатов своей деятельности, но и способов, которыми они их достигли. Это позволяет им лучше понять свой субъектный опыт, проанализировать свои действия и скорректировать их в дальнейшем. Рефлексия в этом контексте – это активный процесс самопознания, позволяющий человеку управлять своим развитием.

Поскольку ключевой фигурой в образовательном процессе при личностно ориентированном подходе является обучающийся, то и при выборе методов, средств обучения, а также форм работы преподаватель должен опираться на личность обучающегося. На занятиях по иностранному языку всё чаще используется групповая работа, что позволяет каждому обучающемуся выполнять свои функции.

В группе обучающиеся являются активными субъектами, а не сторонними наблюдателями, они взаимодействует друг с другом, в процессе такого взаимодействия участники группы могут приобретать новые навыки и умения или совершенствовать уже сформированные. Кроме того, учащиеся общаются между собой и решают задачи в команде, что помогает преодолеть языковой барьер. Каждый участник будет вносить различный вклад в работу группы в зависимости от своих способностей. Кроме того, психологическая обстановка в малых группах более комфортна для общения. Участие в групповой работе требует анализа, синтеза и оценки информации, что способствует развитию критического мышления.

При организации групповой работы необходимо учитывать ряд особенностей данной формы организации учебно-познавательной деятельности. Преподаватель должен формулировать задания так, чтобы учащиеся понимали, какие результаты от них ожидаются, а также определяет временные рамки и структуру работы. Задания должны быть подобраны таким образом, чтобы все члены группы были активно вовлечены в работу и продуктивно взаимодействовали несмотря на различия в уровне владения языком. Групповая работа при обучении иностранному языку способствует не только формированию коммуникативной компетенции, но развитию навыков сотрудничества, взаимопомощи и ответственности за общий результат, поскольку успех группы определяется вкладом каждого ее участника.

Реализация личностно ориентированного подхода в образовательном процессе требует соответствующей методической подготовки преподавателя. К задачам преподавателя относится создание благоприятных условий для овладения языком каждым обучающимся, предоставление обучающимся на выбор таких средств обучения, которые позволяют каждому студенту проявить свою активность и творчество, а также активизируют познавательную деятельность обучающихся.

Таким образом, реализация личностно ориентированного подхода в процессе обучения иностранным языкам заключается в направленности на формирование иноязычной коммуникативной компетенции, что отражается в построении учебного процесса, составлении заданий и упражнений, которые отражают реальные интересы обучающихся и учитывают их опыт, а также на развитие навыки самостоятельной работы. Групповая работа, основанная на позитивной взаимосвязи, оказывает стимулирующее взаимодействие, участники группы обучают друг друга в процессе работы, а также приобретают навыки сотрудничества.

Список источников

1. Войтальянова Я. И. Личностно-ориентированный подход в обучении иностранному языку студентов аэрокосмических специальностей в процессе их профессиональной подготовки // Современные тенденции в преподавании иностранных языков в неязыковом вузе. Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции. Красноярск, 2020. С. 70–73.
2. Новиков А. М. Российское образование в новой эпохе: парадоксы наследия, векторы развития. М.: Эгвес, 2000. 272 с.
3. Русаков М. И. Реализация личностно-ориентированного подхода при обучении старшеклассников иностранному языку / М. И. Русаков, С. В. Попова // Наука и Образование. 2022. Т. 5. № 1. С. 142–150.
4. Сафонова В. В. Социокультурный подход к обучению иностранным языкам. М.: Высшая школа, 1991. 115 с.

УДК 372.881.111.1

ДИДАКТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ЮРИДИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***О. В. Селиверстова**, преподаватель кафедры иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Представлен обзор применяемых дидактических принципов и методов в обучении иностранному языку в юридическом институте МВД России. Процесс обучения иностранному языку будущих сотрудников правоохранительных органов характеризуется социокультурной и профессионально-ориентированной направленностью, так как позволяет понимать культуру страны изучаемого языка и применять полученные знания в профессиональных ситуациях. Используемые методики оказывают эффективное влияние на развитие коммуникативных навыков курсантов, их критического мышления, умений в изучении законодательства и правоприменительной практики и юридической письменной речи в освоении юридической терминологии на иностранном языке.

Ключевые слова: дидактико-методические основы, коммуникативная компетенция, переводческая компетенция, личностные, метапредметные и предметные задачи.

DIDACTIC AND METHODICAL FOUNDATIONS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AT LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

***O. V. Seliverstova**, instructor of Foreign Languages Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This study examines the didactic approach for teaching a foreign language to cadets at Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The process of teaching a foreign language to future law enforcement officers integrates sociocultural and professionally oriented elements to better understand a target-language country and apply it professionally.

Applied techniques have significant effects on developing communication abilities of the cadets of Law Institute, as well as their critical thinking, legal research and writing in legal terminology acquisition in a foreign language.

Keywords: didactic and methodical foundations, communicative competence, translator's competence, personal, metasubject and subject tasks.

Специфика процесса обучения иностранному языку будущих сотрудников полиции в юридическом институте Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) требует как социально-культурного, так и профессионально-практического применения. Практические занятия ориентированы на общее культурное владение иностранным языком и на юридическую направленность в целях использования его в сугубо профессиональных ситуациях (допрос, беседа, участие в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности в период проведения экономических форумов, расширение профессиональных знаний и навыков в сфере экономики, кибербезопасности, сопровождение социально-экономических и правовых конференций, зарубежные практические стажировки в области права, криминалистики, правоохранительной деятельности и т. д.). Основная цель обучения курсантов иностранному языку состоит в их адаптации к овладению и развитию уникальных профессиональных способностей необходимых для сотрудников правоохранительных органов в соответствии с общепринятыми дидактико-методическими принципами.

Появление дидактики заложило фундамент для разработки и осмысления теоретико-практического базиса положений, которые прошли методическую и практическую апробацию в развивающем обучении (Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов, Л. В. Занков) наряду с традиционным и проблемным. Дидактические основы исследуют и дают обоснование законам, закономерностям, принципам, целям, содержанию, формам, методам, средствам обучения, направленным на сам процесс обучения. Они предназначены для описания и объяснения процесса обучения вместе с условиями его реализации посредством дидактических принципов.

В свою очередь, методические основы изучают педагогическую действительность через методы наблюдения, описания, теоретического анализа с целью выявления и создания новых закономерностей, рекомендаций, проектов и т. д. [3]. Методика способствует организовать приобретаемые знания, умения и навыки в процессе обучения, но при этом необходимо знать его закономерности, то есть как и чему обучать.

Дидактико-методические основы представляют собой комплексность целей, принципов, содержания и методов обучения, с помощью которых реализуется систематический процесс овладения знаниями, умениями и навыками [1].

Дидактические основы способствуют обеспечению образовательного процесса в соответствии с общепринятыми принципами обучения: принцип научности (научные факты, актуализация знаний), принцип доступности (соответствие возрасту, возможностям познавательного мышления, уровню подготовки обучающихся), принцип систематичности и последовательности (структурированность изучаемых тем), принцип сознательности и активности (понимание и осознание целей обучения, мотивирующий фактор к самостоятельной и творческой деятельности), принцип наглядности (восприятие информации), принцип прочности (усвоение знаний путем последовательной и систематизированной отработки учебного материала) и др.

Соблюдение взаимосвязи личностных, метапредметных и предметных результатов в процессе обучения является важным фактором в организации обучения. Современные педагогические исследования обращают особое внимание на вариативность образовательных методов и подходов в обучении предмету.

В педагогической литературе наряду с применением дидактико-методических принципов выделяют подходы в обучении:

– эвристический (А. В. Хуторской);
– проблемный (М. И. Махмутов, А. М. Матюшкин);
– контекстный (А. А. Вербицкий);
– личностно-ориентированный (И. С. Якиманская);
– модульный (Ю. Б. Алиев);
– культурологический (И. Я. Лернер, М. Н. Скаткин);
– бинарно-интегративный (Л. М. Перминова);
– концептуальный (Ю. К. Бабанский, И. Я. Лернер);
– деятельностный (П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин);
– когнитивный (Л. А. Краснова);
– структурно-функциональный, направленный на познание целостной картины мира (Н. Д. Гальскова, А. Г. Ширин) и др.

Дидактико-методические основы процесса обучения иностранному языку в юридическом институте МВД России нацелены помимо специфических особенностей юридического иностранного языка на мыследеятельностную педагогику, коммуникативность, развитие познавательного мышления, изучение национальной культуры своей страны и изучаемого языка, а также иерархию общепринятых человеческих ценностей общества как воспитательный компонент. В юридическом институте МВД России дидактико-методические основы обучения иностранному языку осуществляются в русле культурологического, интегративного, контекстного и профессионально-деятельностного подхода.

Актуальным в обучении иностранному языку является культурный и межкультурный акцент в качестве движущей силы в понимании и развитии личностного потенциала в осознании своей идентичности в поликультурном социуме

на основе системно-деятельностного и профессионального-ориентированного подхода. Отсюда возникает контрастивное восприятие в сопоставлении культуры на родном и иностранном языке: отбор аутентичной информации, оригинальный иллюстративный материал, культуроведческие тексты с опорой на национальные образы, ценности наряду с овладением профессионально-ориентированной лексики в правоохранительной деятельности.

С. Г. Тер-Минасова считает, «что обучение иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур заключается в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках. Трудность заключается в том, что эффективность вербального процесса (коммуникации) наряду с языковым знанием зависит от условий и культуры общения, правил этикета, наличия глубоких фоновых знаний» [2, с. 27].

Ф. Грожан полагает, что незнание культуры второго языка, ее специфики может привести к языковому конфликту или одноязычному/двуязычному режиму [5]. Необходимо отметить, что языковой режим определяется как состояние активации языков и механизмов языковой обработки в речи на практическом занятии. Культурные особенности иностранных языков специфичны, поэтому понимание их культурного кода играет особую роль в обучении иностранному языку особенно для билингвов (например, курсанты из республики Саха (Якутия).

Применение коммуникативного подхода в обучении иностранному языку сопровождается мотивированностью; целенаправленностью; смысловым содержанием; индивидуальным отношением к происходящему на практическом занятии, к внешним факторам в мире; речемыслительной активностью; взаимодействием; информативностью; новизной; проблемностью при выборе учебного материала, лексико-грамматических упражнений и речевых заданий. В коммуникативном подходе принцип овладения аспектами иноязычной культуры осуществляется через общение, познание и саморазвитие, обмен социальной деятельностью и опытом. Такой принцип позволяет расширить эмоциональное и рациональное взаимодействие между обучающимися в процессе коммуникации, а также реализовать опору на положительно-эмоциональный фон, так как организация педагогического процесса должна быть информативной, живой, интересной, занимательной и профессионально ориентированной.

С учетом специфики учебной дисциплины «Иностранный язык» и «Профессиональный иностранный язык» для будущих сотрудников правоохранительных органов выделяют сравнительно-аналитический подход к отбору и изложению содержания аспектов социальной, правовой, культурной сфер своей страны и страны изучаемого языка; принцип перспективы, рефлексии и интерпретации реалий родной страны в сравнении с иноязычной культурой и ее идентичности [4].

Содержательный компонент учебного материала должен основываться на метапредметной интеграции и функционировании дидактических этапов: а) создание положительной мотивации к изучению иностранного языка; б) изначальное восприятие нового учебного материала на уровне визуального, наглядного запоминания; в) ассимиляция нового знания; г) личностная (собственная) и внешняя (со стороны преподавателя) оценка полученных результатов.

Вышеупомянутые принципы позволяют выделить в дидактико-методических основаниях интенциональную, содержательную, операциональную когнитивно-ориентированную, личностно- и культуро-ориентированную модель обучения.

Обучение иностранному языку сопровождается изучением предметной области, которая призвана обеспечить осознание тесной связи между овладением иностранным языком и личностным, социальным и профессиональным познанием. Дидактико-методические основы обучения иностранному языку предусматривают целостность теоретико-практического содержания учебного материала. Метод структурно-функционального анализа учебного материала на иностранном языке позволяет преподавателю сконцентрироваться на переосмыслении значимости владения иностранным языком, целей и содержания занятия, мета- и предметных результатах. Методы и средства обучения иностранному языку, которыми пользуется педагог на практическом занятии, зависят от смысловых частей содержания учебного материала. Дидактико-методические основания обучения иностранному языку предполагают также содержательность учебной дисциплины.

В дидактико-методических основах обучения иностранному языку в юридическом институте МВД России применяется сопровождающие компоненты (обучающее видео, специфический глоссарий, презентации, латинизмы и т. д.) при описании картинок, юридических понятий, терминов посредством языковых средств, способных выразить предметное содержание. Дополняющий компонент предполагает изучение юридической и социо-культурной информации на иностранном языке, ранее изученной на родном языке. Равный (паритетный) компонент предполагает равноправное использование родного и иностранного языков в предметном содержании. На этом этапе используется коммуникативный подход в целях достижения достаточного языкового уровня с учетом когнитивных особенностей обучающихся (юридические идиомы, лексика, выявляющая смысловые особенности юридических текстов и т. д.). Также применяются общедидактические методы (техника чтения специальных текстов, языковая поддержка, погружение в язык, дискуссии и др.) и специальные методы (визуальность, подсказки-клише, языковое переключение и другие).

Для обучения иностранному языку в юридическом институте МВД России свойственно применение взаимосвязанных аспектов в иноязычной культуре (интегрирование разных видов иноязычной культуры через чтение,

говорение, аудирование, письмо и взаимосвязанность упражнений); моделирование содержания аспектов иноязычной культуры (выстраивание модели развития минимума контентной (содержательной) темы для познания, рациональность подачи учебного материала); выработка системности в организации обучающего процесса иностранному языку (коммуникативность предполагает четкую организацию урока, постановку цели, определение заданий, результативность, учитывая закономерность овладения разными иноязычными аспектами). Преподавателями используются вариации тестов, упражнений, опоры, речемыслительные задачи.

Курсантам предоставляется учебно-методические пособия, которые ставят своей целью закрепление, обобщение и систематизацию уже приобретенных языковых знаний, навыков и умений в школе; развитие их коммуникативных умений во всех видах иноязычной речевой деятельности и формирование новых языковых и речевых умений. В УМК применяется системно-деятельностный, интегративный и коммуникативный подходы, которые предполагают активное учебно-познавательное участие обучающихся в овладении знаний, навыков и умений, необходимые для эффективного использования иностранного языка в ситуациях межкультурного и профессионально-ориентированного общения и актуализации пошагового достижения личностных, метапредметных и предметных результатов обучения.

Обучение курсантов иностранному языку осуществляется на ценностном, когнитивном и прагматическом уровне. Все уровни подразумевают собой овладение коммуникативной компетенцией в комплексе с речевой (аудирование, говорение, чтение, письмо); языковой компетенцией (развитие фонетических, орфографических, лексико-грамматических навыков) и переводческой компетенцией (упражнения на формирование и развитие когнитивной, социально-культурной и информативной компетенций в единстве с речевой компетенцией).

УМК определяет области коммуникативной и переводческой компетенции: языковые навыки (фонетические, орфографические, лексические и грамматические); говорение (диалог в типичных ситуациях, диалог с вопросами и побуждением к действию, монологические высказывания с описаниями себя, своей семьи и других людей, предметов, картинок и персонажей и т. д.); аудирование (понимание на слух речи преподавателя и других обучающихся, восприятие основного содержания несложных аудиотекстов и видеофрагментов на знакомом языковом материале); чтение (воспринимать тексты ограниченного объема, соответствующие изученному тематическому материалу с соблюдением правил чтения и осмысленного интонирования); социокультурный аспект (лингвострановедение).

Когнитивный аспект УМК для курсантов формирует и развивает языковые представления об изучаемом языке (фонетический состав слова, порядок слов,

служебные слова и грамматические словоформы); умение выполнять задания и упражнения по усвоенному образцу (составление собственных диалогических и монологических высказываний по изучаемой тематике; умение использовать учебно-справочный материал и т. д.).

Каждый раздел УМК способствует формированию навыков чтения, перевода юридических текстов, по составлению ответов на вопросы по содержанию прочтенного текста с использованием лексико-грамматических конструкций из содержания. Перевод предложений в юридическом тексте осуществляются при помощи языковых средств (словообразование позволяет распознать и использовать интернациональные слова, синонимы, антонимы, лексическую сочетаемость в исходном языке и языке перевода); перевод профориентированных аутентичных текстов способствует пониманию вариаций языковых явлений и семантических особенностей предложений, понятиям в семантической сети, воспроизведению вариантов использования юридического глоссария при построении высказываний и т. д.

Соблюдение общедидактических и методических основ в обучении иностранному языку обусловлено:

– подготовительным и формирующим этапом за счет включения отдельных дидактических элементов в аудиторную и внеаудиторную деятельность, а также социокультурным развитием обучающихся посредством знакомства с традициями и обычаями страны изучаемого языка;

– переходным этапом, основу которого составляют предметнотематические блоки – единицы содержания, интегрирующие различные образовательные области с предметной областью «Иностранный язык» и «Профессиональный иностранный язык» (на этом этапе объединяются предметные и языковые компоненты с деятельностной стороной обучения, и происходит интеграция моносистемного знания, приобретенного в ходе изучения иностранного языка с другими общеобразовательными и специальными предметами);

– предметным этапом, который обеспечивает расширение синтеза языковой, предметной и межкультурной компетенций преподавания предмета на иностранном языке, а также профильную дифференциацию обучения.

Таким образом, дидактико-методические основы обучения иностранному языку будущих сотрудников правоохранительных органов являются фундаментом для изучения целого образовательного процесса в овладении иностранным языком. Качество их обучения определяется содержательной эффективностью и результативностью учебного занятия и самостоятельного обучения. Для достижения необходимой результативности в обучении иностранному языку важны теоретические закономерности, используемые теоретико-практические методы, цели, содержание, приемы, подходы и принципы занятий.

Список источников

1. Сенькина Г. Е. Методы математического моделирования в обучении: моногр. Смоленск: Смол. гос. ун-т., 2007. 195 с.
2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Слово. М.: Slovo, 2000. 146 с.
3. Хуторской А. В. Тезисы выступления. Функции дидактики и методики обучения в проектировании и реализации образовательного процесса. URL: https://khutorskoy.ru (дата обращения: 28.09.2025).
4. Ширин А. Г. Билингвальное образование в отечественной и зарубежной педагогике: автореф. дис. … д-ра пед. наук. Великий Новгород, 2007. 56 с.
5. Grosjean F. Bilingualism: A short introduction. In F. Grosjean & P. Li (Eds.), The psycholinguistics of bilingualism. 2012. pp. 5–25.

УДК 811.111

О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПУНКТУАЦИОННЫХ ОШИБОК ПРИ РЕДАКТИРОВАНИИ ДОКУМЕНТОВ

***Ю. А. Скоринова**, доцент кафедры иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат педагогических наук, доцент*

В статье рассматриваются причины пунктуационных затруднений у курсантов, обучающихся по программам среднего специального образования. Предлагаются некоторые приемы работы и задания с целью предупреждения пунктуационных ошибок при работе над составлением и редактированием служебных документов. Дидактический материал содержит актуальную для полицейских лексику, профессионально значимые синтаксические конструкции и жанры.

Ключевые слова: пунктуационная ошибка, пунктуационная норма, предупреждение пунктуационных ошибок, эффективные методы и приемы работы.

ABOUT PUNCTUATION ERRORS AVOIDING WHEN EDITING DOCUMENTS

***Yu. A. Skorinova**, associate professor of the Department of Foreign Languages of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Pedagogy, Associate Professor*

This article examines the causes of punctuation difficulties among students studying in secondary vocational education programs. Several work techniques and assignments are proposed to prevent punctuation errors when drafting and editing official documents. The teaching material contains vocabulary relevant to police officers, as well as professionally significant syntactic structures and genres.

Keywords: punctuation error, punctuation norm, punctuation error prevention, effective methods and techniques.

Языковая компетенция выпускников средних и высших учебных заведений Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), являющаяся составной частью их профессиональной компетенции,

предполагает умение составлять документы различных жанров в соответствии со стилистическими, лексическими, грамматическими, орфографическими и пунктуационными нормами. Дисциплина «Русский язык в деловой документации. Культура речи» в учебной программе среднего профессионального образования включает тематический блок, посвященный языку документов, умению их составлять и редактировать. Однако уровень общеязыковой подготовки курсантов недостаточный, чтобы обеспечить полноценное усвоение данной темы за 16 часов. Кроме того, отсутствие опыта составления профессионально значимых документов и фактологических знаний по базовым юридическим дисциплинам (составление и редактирование служебных документов изучается в первом полугодии первого курса), а также неумение редактировать чужие документы как с содержательной стороны, так и с языковой, затрудняют обучение составлению и написанию служебных документов.

В связи с изложенным, нами ведется поиск возможной интеграции изучаемого материала, форм его освоения и закрепления.

В рамках данной статьи остановимся лишь на одном аспекте наших поисков – работе с пунктуацией документа. Этот выбор не случаен. Во-первых, пунктуационные ошибки наиболее частотны в текстах и не всегда поддаются авторедактированию системы, а значит, требуют от автора осознанного анализа синтаксической конструкции и выбора необходимого знака препинания или его отсутствия.

Во-вторых, многие курсанты не в полной объеме владеют пунктуационными нормами, отраженными в пунктуационных правилах, не всегда помнят все условия действия тех или иных норм, затрудняются в смысловом и синтаксическом разборе предложения, не обнаруживают опознавательных признаков пунктограмм, смешивают условия выбора различных знаков препинания, что приводит к пунктуационным ошибкам и созданию ложных правил.

Таким образом, пунктуационная ошибка, противопоставленная пунктуационной норме, осложняет работу с документальным текстом, затрудняет его быстрое и адекватное восприятие.

Справедливости ради необходимо отметить, что для многих выпускников средней школы пунктуация трудна в силу того, что она связана с грамматикой, особенно с синтаксисом – одним из самых сложных разделов языкознания, а грамматический принцип, наряду со смысловым и интонационным является ведущим в методике обучения пунктуации. Вместе с тем, существует много ограничений в постановке знака препинания в одной и той же синтаксической позиции, что создает дополнительные трудности в правильном выборе. Верный выбор знака препинания осложняется возникающей подчас неоднозначностью смыслового членения предложения, а значит, и возможностью вариантной пунктуации [1].

Объективные и субъективные трудности в усвоении пунктуации создают дополнительные сложности в изучении темы в курсе «Русский язык в деловой документации. Культура речи».

Безусловно, вся работа по пунктуации в рамках изучаемой темы предупреждает появление пунктуационных ошибок. Однако, по нашему мнению, этого недостаточно – необходима специальная работа, которая будет направлена на восстановление пунктуационной нормы, нейтрализацию причин возникновения ошибок и предупреждение ошибок при составлении профессионально значимых документов. Достижение поставленной цели требует поиска соответствующих методическим задачам приемов работы.

Организация работы по предупреждению пунктуационных ошибок в текстах документов начинается со статистики – определения типовых пунктуационных ошибок и частоты их встречаемости. Для этого курсантам было предложен текст рапорта, в котором отсутствовали знаки препинания. Анализ работ показал, что чаще всего затруднения возникают при выделении обособленных членов предложения, правильном разделении простых предложений в составе сложных с союзной и бессоюзной связью, а также многочисленные случаи постановки лишних знаков препинания в силу смешения условий различных пунктуационных норм или неумения правильно оценить грамматическую конструкцию. Работа с условиями обособления второстепенных членов и разделения границ сложного предложения была положена в основу предупреждения пунктуационных ошибок при редактировании документов.

В работе с курсантами, обучающимися по программам среднего профессионального образования, мы использовали такие профессионально значимые в работе полицейского жанры документов, как рапорт и протокол. Выбор этих жанров связан с частотой их использования не только при исполнении служебных обязанностей, но и на этапе обучения.

Работе с пунктуацией предшествует жанровый анализ документа, разбор его композиции и языковых особенностей, после чего предлагаются специальные подготовительные задания, позволяющие сфокусироваться на той или иной пунктуационной норме и условиях ее действия.

В связи с тем, что в основе русской пунктуации лежат смысловой, интонационный и грамматический принципы, предлагаем обучающимся задания на разделение текста (без знаков препинания) на смысловые части и наблюдение за интонацией. После чего подключаем синтаксический анализ и принимаем решение о постановке знаков препинания или их необходимом отсутствии.

Например: ***Задание. Разделите текст рапорта на смысловые отрезки, обозначив знаком «//» конец мысли, а более короткую паузу внутри «/». Прочитайте весь текст, соблюдая правильную интонацию. Нужны ли знаки препинания в обозначенных вами позициях и какие? Объясните условия выбора знаков препинания.***

Начальнику УМВД Кировского
административного округа г. Омска
полковнику милиции А. А. Иванову

РАПОРТ

Довожу до Вашего сведения что на обслуживаемом мною административном участке по адресу ул. Путилова д. 5 кв. 45 проживает Никанорова Алевтина Владимировна 1977 года рождения имеющая на иждивении несовершеннолетнего сына Никанорова Виктора 10 ноября 1995 года рождения. В течение года Никанорова А. В. не исполняет обязанности по содержанию и воспитанию сына. Она выезжает по личным делам за пределы г. Омска и оставляет ребенка малознакомым лицам допускает распитие спиртных напитков в своей квартире в ночное время что мешает нормальному отдыху сына и подготовке к занятиям в школе не контролирует его успеваемость не посещает школу не присутствует на родительских собраниях не следит за его внешним видом. Учитывая вышеизложенное в деянии Никаноровой А. В. усматривается состав административного правонарушения предусмотренного статьей 5.35 КоАП РФ.

Инспектор по делам несовершеннолетних
УВД Кировского административного
округа г. Омска
лейтенант милиции *(подпись)* *Семенов И. П.*
21.11. 2016

Подобные задания помогают осознать связь между смыслом конструкции, ее правильным интонированием и знаком препинания, так как в русской пунктуации все три принципа взаимодействуют, за исключением немногочисленных случаев несоответствия.

Правильной расстановке знаков препинания помогает пунктуационная зоркость (по аналогии с орфографической), в основе которой лежит видение и оценка грамматической конструкции. Например, наличие нескольких грамматических основ, связанных союзной или бессоюзной связью, однородные члены предложения, присутствие причастий с зависимыми словами или деепричастий и др. Следовательно, необходимо развивать умение опираться на опознавательные признаки пунктограмм. В этом помогают такие задания: ***Определите, есть ли деепричастия (деепричастные обороты), причастия (причастные обороты) в следующих предложениях, установите их месторасположение, сделайте вывод о необходимости или отсутствии знаков препинания.***

На основании вышеизложенного прошу материал проверки поручить участковому уполномоченному обслуживающему данный административный участок для дополнительной проверки. В дальнейшем мною был проверен предположительный

маршрут движения с целью отыскания вещей имеющих значение для уголовного дела. Установлен водитель мусоровоза спецбазы расположенной по адресу… Также были проверены все свалки расположенные вдоль дороги по маршруту движения, вещей имеющих значение для уголовного дела не обнаружено. Транспортное средство под управлением Сергеева П. И. двигалось с неоправданно низкой скоростью, наблюдалось ничем не обоснованное изменение направления движения. При проверке документов у гр-на Сергеева П. И. я ощутил исходивший от него резкий запах алкоголя и заметил нарушение координации движений, дрожание пальцев рук. Прибыв по указанному адресу мы встретили гр. Погодаева А. И., который пояснил, что в его дом вселился дьявол и его необходимо изгнать.

Поиск причастий и деепричастий осуществляется на основе их формообразующих суффиксов, предлагаемых в таблице.

Или такое задание. ***Определите, сколько простых предложений в составе следующих конструкций, как они связаны. Расставьте необходимые знаки препинания.***

Докладываю что в ходе работы по уголовному делу № … состоялась беседа с Ивановым И. И. по факту убийства его жены в ходе которой он пояснил что 24.08.2013 вывез тело жены в пластиковом контейнере. Также прошу Вас разъяснить в каком «установленном порядке» сотрудники ОП № 2 УМВД России по г. Калуге должны рассматривать данное сообщение. В ходе задержания Фоченков В. Ю. оказал неповиновение в связи с чем к нему было применено спецсредство наручники.

Конечно, при редактировании документов, как и при их написании, обучающиеся сталкиваются с комбинированием различных знаков препинания, а значит, с различными условиями выбора и их взаимодействием. Следовательно, с целью предупреждения контаминации условий выбора различных знаков и пунктуационных ошибок необходимо обратить внимание на подобные конструкции. И эффективным средством предупреждения пунктуационных ошибок в этом случае, на наш взгляд, является опора на графические схемы, которые сжато отображают условия пунктуационной нормы. Задания могут быть построены таким образом: ***Определите, какому предложению соответствует та или иная схема, пронумеруйте их. Спишите, расставив знаки препинания, опираясь на схему. Выбор схемы и знаков препинания обоснуйте.***

[ ], (что … ., прич. об.), (….которого…).
[ ], (что … ., прич. об., …), (что…).
[О, О, а О].
(Когда… , дееприч. об., …), [… , дееприч. об.].
[сущ., (… ли…),].
[ ], (что), (что … , причаст. об., …О, О, причаст. об. и причаст. об.).

1. Докладываю что 16 мая 2005 г. в 22 ч 30 мин на четырнадцатом километре Черлакского тракта мною был остановлен автомобиль ВАЗ 2110, государственный регистрационный знак А 876 ТР 55, под управлением Сергеева Павла Ивановича 1978 г. рождения проживающего по адресу: Омская область, поселок Ачаир, ул. Северная, д. 10 в связи с возникновением подозрения о том что водитель находится в состоянии опьянения.

2. На вопрос употреблял ли он спиртные напитки водитель не ответил.

3. После этого я отстранил Сергеева П. И. от управления автомобиль поместил на площадку около КПМ "Черлакский" а водителя направил на медицинское освидетельствование для установления факта употребления алкоголя и состояния опьянения.

4. Докладываю Вам что получена информация о том что по адресу…. а также по иным адресам расположенным на территории г. Вологды может храниться запрещенная к свободному обороту литература печатные материалы содержащие клевету и оскорбления в отношении представителей органов власти и призывающие к грубым нарушениям общественного порядка. 5. Докладываю Вам что в ходе проведенного 5.10.2013 года ОРМ в 15 ч. 30 мин. возле д. 11 по ул. Локомотивная Железнодорожного района г. Ульяновска сотрудниками УФСКН России по Ульяновской области остановлен Фоченков Вячеслав Юрьевич 03.04.1962 года рождения зарегистрированный по адресу:

г. Ульяновск, ул. Локомотивная, д. 11, кв.34 в ходе личного досмотра которого обнаружен и изъят пакет из полимера с веществом растительного происхождения внутри. 6. Когда милиционеры Хомяков Н. В. и Смагин В. Ф. попытались взяв его под руки усадить в автомобиль с применением физической силы гр-н Лысак В. И. оказал им сопротивление сорвав при этом погон с кителя сержанта милиции Хомякова Н. В.

Кроме уже названных приемов предупреждения пунктуационных ошибок, при редактировании документов предлагаем анализ наиболее часто встречающихся синтаксических конструкций с последующей их трансформацией при составлении рапортов по предлагаемым ситуациям, связанным с различными правонарушениями [2].

Обобщая всё вышеизложенное, отметим: пунктуационные умения являются важным показателем языковой грамотности и не всегда корректно редактируются компьютерной программой, а значит, требуют от автора документа самостоятельности и ответственности. С целью повышения качества работы с курсантами, обучающимися по программам среднего профессионального образования на занятиях курса «Русский язык в деловой документации. Культура речи» при обучении составлению и редактированию служебных документов необходима специально организованная работа по предупреждению грамматических и пунктуационных ошибок. С этой целью мы предложили некоторые приемы работы

и задания с использованием текстов профессионально значимых документальных жанров. Однако методический поиск целесообразных и эффективных приемов работы еще не завершен и ждет своей апробации.

Список источников

1. Блинов Г. И. Методика изучения пунктуационных правил. М.: Изд-во «Просвещение», 1972. 208 с.
2. Культура устной и письменной речи сотрудников полиции: учеб.-практ. пособие для слушателей ФПП, изучающих дисциплину «Русский язык в деловой документации. Культура речи» / авт.-сост. Ю. А. Скоринова. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2020. 284 с.

УДК 8.33

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННО-ВДОХНОВЛЯЮЩИХ ИНТЕРНЕТ-ПОСТЕРОВ

***Н.И. Соломенко**, заведующий кафедрой иностранных языков Дальневосточного государственного медицинского университета, кандидат филологических наук, доцент*

Статья посвящена семантическим и стилистическим, особенно синтаксическим и морфологическим, особенностям интернет-постеров, направленных на позитивное восприятие жизни, мотивирующие на успех, вдохновляющих на достижения во всех сферах жизни, представленных на британских и американских сайтах, форумах и в закрытых группах социальных сетей.

Ключевые слова: мотивирующие и вдохновляющие постеры, семантика, стилистические особенности, интернет.

SEMANTIC-STYLISTIC PECULIARITIES OF MOTIVATINAL AND INSPIRATIONAL WEB POSTERS

***N. I. Solomenko**, head of the department of foreign languages of the Far Eastern State Medical University, kandidat nauk, degree in Philology, Associate Professor*

The article covers different semantic and stylistic, especially syntactical and morphological, peculiarities of the motivational and inspirational posters: positive attitude to life, encouragement, reaching success presented on British and American web sites, forums and closed groups.

Keywords: posters, motivation, inspiration, composition, stylistic peculiarities, Internet.

Актуальность лингвистического изучения плакатного или постерного текста определяется тенденциями развития современной лингвистики, уделяющей большое внимание процессам не только речевого, но и психологического воздействия самых разных типов текста. В последнее время лингвисты стали уделять все больше внимания анализу текстов малых форм различных по содержанию. Материалом для исследования все чаще выступают тексты, взятые из интернет среды. Такие микротексты, как британские и американские интернет постеры

по психологии, направленные на повышение мотивации и вдохновения, еще не становились предметом комплексного изучения, хотя существует огромное количество сайтов, ориентированных на психологическую и эмоциональную поддержку, мотивирующие людей к успеху, вдохновляющие их на изменение жизни к лучшему. Работы, посвященные всестороннему изучению плаката или постера на англоязычном материале, весьма немногочисленны, в то время как прагматическая ориентация плакатного текста диктует необходимость внимательно изучить семантические, лингвистические и стилистические средства, ориентированные на достижение прагматического эффекта в тексте, направленном на психологическое воздействие и манипуляцию.

В настоящей работе под плакатом или постером понимается пространственно и текстуально ограниченный текст, состоящий, как правило, из двух неоднородных элементов – вербальном и визуальном. В качестве объекта изучения выступают вербальные средства, реализуемые в плакате на грамматическом, лексическом, фоносемантическом уровнях, направленные на усиление психологического и эмоционального воздействия на читателя.

Актуальность данной работы состоит в том, что исследуемый текстовой материал начал активно появляться в условиях интернет дискурса: на форумах в социальных группах, на личных страничках, где зачастую участники ищут и обеспечивают психологическую поддержку, помощь и консультирование.

Исследования, посвященные именно этому виду постеров, практически не проводились. Мы попытаемся определить некоторые семантические, лингвостилистические характеристики психологического постера и выяснить, какие языковые и речевые средства наиболее характерны для психологического текста, рассчитанного на широкий круг респондентов.

В соответствии с основной целью исследования были поставлены следующие задачи.

1. Исследовать семантические особенности постеров по психологии и их экстралингвистические характеристики.

2. Определить стилистические и композиционные особенности психологического постера.

3. Установить синтаксические особенности данного вида постеров.

4. Исследовать структурно-семантические особенности психологического постера.

Предметом исследования являются психологические постеры, взятые на британских и американских интернет-сайтах Native American Identity, Daily Motivations, Motivation, Positive Inspiration, Motivational Quotes, Inspiration for Life, Bright side, Warrior's Landing, Learned Living, Be Inspire и другие.

Объектом исследования в данной работе являются постеры, включающие психологические рекомендации, советы по улучшению психологического

и эмоционального состояния и цитаты, способствующие изменению психологического состояния, чаще всего в рамках позитивной психотерапии и когнитивно-поведенческой терапии.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы.

1. Социолингвистический метод корреляции языковых и социальных явлений.

2. Сравнительно-сопоставительный метод.

3. Структурно-семантический анализ.

4. Метод контекстуального и аналитического анализа.

Нами было проанализировано 130 психологических постеров, взятых на различных англоязычных сайтах.

Семантика мотивационных постеров связана с их целью – вызвать положительные изменения в сознании и действиях аудитории или отдельно взятого человека.

Некоторые особенности семантики мотивационных и вдохновляющих постеров.

Строятся на перечислении фактов. Постер представляет жизненный опыт в виде аксиом, которые предлагается переложить на собственный жизненный опыт.

Используют категорию авторитетности. По форме такой постер имеет признаки научного или научно-популярного стиля, но предлагаемые положения не подвергаются доказательству.

Содержат элементы публицистического стиля. Частыми являются эмоционально-чувственные образы, призванные влиять на сознание адресата.

Часто используют элементы разговорного стиля. Это создаёт эффект сближения, стимулирует доверие, вызывает положительные эмоции.

Семантически мотивационные постеры, как правило, можно разделить на несколько тем.

1. Религиозные – благодарность Богу и намерение следовать его заповедям. Важность молитвы и веры.

Start making room for what you prayed for because it's on the way.

God will never put you into any difficult situation alone / He is there to protect you. He stands beside you, and walks beside you to lead and to light your way.

2. Умение находить радость во всем.

Think positive and positive things will happen.

Flow like water – calm, clear and unstoppable.

Способность наполнять себя вдохновением.

Happiness is when you feel good about yourself without feeling the need for anyone else's approval.

A positive mind is a powerful mind!

Вера в себя.

Carry a heart that never hates, carry a smile that never fades, and carry a touch that never hurts.

Stay positive. Forgive others. Invest in yourself. Trust your instincts. Lead with an open heart. Don't let others ruin your day. Do things that bring you joy, be of service to humanity. Find your soul. Tribe love yourself.

Мотивационные постеры могут быть текстовыми, текстовыми и визуализационными и текстовыми и символическими. Фоновый цвет текстового психологического постера, как правило, монохромный. Имеет место цветовое противопоставление цветов фона и текста. Наиболее важные положения могут выделяться разными цветами. Самыми распространенными символами являются: 1. Сердце – в постерах, посвященных любви, семье, межличностным отношениям. 2. Пара людей, руки с сердцем или солнцем встречаются в аналогичных плакатах. 3. Цветы – в плакатах -обращениях, формирующих позитивное отношение к жизни. 4. Картинки природы – в плакатах, направленных на повышение самооценки и улучшения настроения. 5. Огонь, горящая свеча, костер – мотивационные плакаты – мечты. 6. Открытое пространство и дорога символизируют поиск новых решений, желание изменить жизнь, внутреннее сомнение и желание освободиться от рамок и ограничений.

Цветовая гамма и цветовая акцентуация важных концептуальных мотивационных и вдохновляющих положений и символов усиливают эмоциональное и экспрессивное воздействие постера. Мотивационные постеры используют разнообразные средства выразительности на всех языковых уровнях. Весь «арсенал» стилистики интересен при изучении вербального компонента постеров. Аллюзия, метафора, сравнение, параллелизм, повторы, аллитерация, аффилация, концентрация императивных форм, атрибутивных словосочетаний и т. д. – всё это можно встретить в текстах. Рамки данной статьи не позволяют проанализировать все экстралингвистические и лингвостилистические особенности всех мотивационных постеров, поэтому мы остановимся на наиболее частотных и экспрессивно выразительных.

Композиционная структура. Чаще всего мотивационный и вдохновляющий постер состоит из одного абзаца средней длины. Он должен быть емким и экспрессивным. Среднее количество строк в постере – 5–7. Рассмотрим некоторые примеры:

We are not given a Good life or a Bad life. We are given a life. It is up to us to make it Good or Bad.

When life knocks you down, roll over and look at the star.

Композиционная структура может быть прерывистой, когда она разрывается на строки различной длины, в зависимости от логического и эмоционального

акцента. Крайне редко постер делится на абзацы. Как правило, только в том случае, если положения, представленные в постере не связаны тематически. Однако в большинстве случаев разделение на абзацы отсутствует.

Морфолого-синтаксические особенности. Повелительное наклонение – одно из наиболее частотных средств эмоционального воздействия на аудиторию. Императив несет вызов, заряд, призыв, дружеское обращение, совет.

Never regret anything that has happened in your life. It cannot be changed undone or forgotten. So take it as lesson learned and move on.

Remember to take care of yourself. Sometimes you forget because you are too busy taking care of other people. Remember You are important too.

Наиболее эмоционально экспрессивными являются постеры с повелительным наклонением в отрицательной форме:

Don't judge my choices when you don't understand my reasons.

Never cut a tree down in the winter time. Never make a negative decision in the low time. Never make your most important decision when you are in your worst moods. Wait. Be patient. The storm will pass. The spring will come.

Субъективная модальность.

Постеры с выраженной субъективной модальностью имеют высокую экспрессивную окраску, и чаще всего встречаются на форумах или в группах. Вовлечение автора постера напоминает групповую психотерапию, где каждый участник группы делится свой проблемой и получает поддержку от всех членов группы. Субъективная модальность прежде всего выражается местоимением первого лица единственного числа:

I forgive people but that does not mean I accept their behavior or trust them. My weakness is that I care too much! Sometimes I just wish I didn't care at all.

I strongly believe that whoever is meant to be in your life will always gravitate back towards you, regardless of how far they wander.

I like people who get excited about the change of seasons, the sound of the ocean, watching a sunset, the smell of rain and starry nights.

Синтаксические приемы. Условные придаточные первого уровня чаще всего выражают определенные психологические сомнения или колебания. Такие постеры редко имеют яркий цветовой фон и картинки или они не очень яркие и лаконичные.

If you love somebody, let them go…. If they come back with coffee, it is meant to be.

Синтаксический параллелизм. Высокочастотный прием, когда одна и та же грамматическая конструкция выступает каркасной структурой постера. Как правило, параллельные синтаксические блоки имеют одинаковое количество элементов.

If you do not go after what you want, you'll never have it. If you do not ask the answer will always be no. Happiness keeps you sweet. Trials keep you strong. Sorrow keeps you human. Failure keeps you humble. And courage keeps you going.

Семантическое противопоставление. Одной из характерных особенностей мотивационного постера является противопоставление концепций, понятий, чувств и отношения к жизни, людям. Это чрезвычайно экспрессивный способ выражения посыла мотивационного и вдохновляющего постера.

When life knocks you down, roll over and look at the stars. Often it is the deepest pain which empowers you to grow into your highest self. Don't treat people as bad as they are, treat them as good as you are.

И последнее на что хотелось бы обратить внимание, это метафоричность мотивационного постера и использование сравнений. Рамки данной статьи не позволяют подробно проанализировать виды этих стилистических приемов. Вдохновляющий постер может быть полностью метафорическим или включать метафору, как средство усиления психологического воздействия. Сравнение обычно начинает или заканчивает постер, в зависимости от эмоционального акцента.

Grief is like living two lives. One is where you pretend everything is alright, and the other is where your heart silently screams in pain.

The Universe is my country and the human family is my tribe.

Happiness is a way of praying.

Таким образом, как показывает наше исследование, мотивационный и вдохновляющий интернет постер представляет собой малую жанровую форму со специфическим графическим оформлением, характерной композиционной структурой, синтактико-морфологическими и стилистическими особенностями. Дальнейшее изучение лексических характеристик, развернутый анализ всех стилистических приемом представляются важными и интересными для понимания процессов развития языка интернет дискурса.

Список источников

1. Карасик В. И. О типах дискурса. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс // Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
2. Карасик В. И. Языковой круг. Личность. Концепты. Дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
3. Кибрик А., Паршин П. О понятии дискурс.
4. Кланщакова А. Ю. Метафора в структуре экономического дискурса: опыт комплексного исследования (на материале английского языка): дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2003. С. 55–86.
5. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учеб. М., 1990. 398 с.
6. Крупнов В. Н. Пособие по общественно-политической и 141 официально-деловой лексике. М., 1984. 232 с.
7. Макконнелл К. Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика. 486 с.

8. Мильруд Р. П. Введение в лингвистику. М.: Дрофа, 2005. 138 с.
9. Мыркин В. Я. Текст, подтекст и контекст. М.: ВШ, 1976. С. 38–41.
10. Language, context and text: Aspect of Language in a Social–Semiotic Perspective / complited by M.A.K. Halliday, R Hasan. Oxford: Oxford. Univ. Press, 1991. 126 p.
11. Mesmerizingwords.com: [сайт]. URL: http://www. Mesmerizingwords.com (дата обращения: 12.09.2025).
12. Lifeadvancer.com: [сайт]. URL: http://www.lifeadvancer.com (дата обращения: 15.09.2025).
13. Sungazing.com: [сайт]. URL: http://www.sungazing.com (дата обращения: 15.09.2025).
14. Themindunlished.com: [сайт]. URL: http://www.themindunlished.com (дата обращения: 11.10.2025).
15. Apost.comEnglish: [сайт]. URL: apost.comenglish (дата обращения: 11.10.2025).
16. Brightside.me: [сайт]. URL: welcome@brightside.me (дата обращения: 11.10.2025).
17. Englisquotes.com: [сайт]. URL: http://englisquotes.com (дата обращения: 11.11.2025).

УДК 81’25

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КВАЗИРЕАЛИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

***Е. Ю. Стрелкова**, старший преподаватель высшей школы европейской лингвистики и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета*

В статье рассматривается вопрос о переводе квазиреалии как элемента текста художественного произведения жанра научной фантастики – романа Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту». Анализируются методы перевода и варианты перевода на русский язык, выполненные в разные исторические эпохи.

Ключевые слова: перевод художественного текста, научная фантастика, квазиреалия.

PECULIARITIES OF KVAZIREALIA TRANSLATION OF LITERARY TEXTS

***E. Y. Strelkova**, senior lecturer of the Higher School of Eurolinguistics and Cross-cultural Communication Pacific National University*

The paper deals with the analysis of kvazirealia translation in a science fiction novel, namely, R. Bradbury “Fahrenheit 451”. Methods of translation from English into Russian and variants of translation in different epochs are considered.

Keywords: literary text translation, science fiction, kvazirealia.

Продукт художественного перевода представляет собой не копию оригинального произведения, но его точный синтез на языке перевода, без чрезмерной искусственности и перегруженности.

Квазиреалии – это созданные автором-фантастом слова и словосочетания, которые представляют собой описание исключительных научно-технических и фантастических элементов культурно-исторической среды вымышленной вселенной [2; 5], это попытка создать и описать параллельный или мир будущего, его правила и быт, с которым автор хочет ознакомить своего читателя, дать ему проникнуть в фантастический мир, заставить его думать, прогнозировать гипотетическое будущее.

Перевод квазиреалий сложен ввиду их жанро- и сюжетообразующей функции. Квазиреалии изображают разные стороны квазиреальной вселенной: от выдуманных культур и цивилизаций, их теоретических и материальных благ, до сюжетных смыслов, знаков, посланий, проблем и идей.

В данной работе предлагается рассмотреть анализ способов передачи квазиреалии *Seashells* научно-фантастического романа Рэя Дугласа Брэдбери «Fahrenheit 451» в двух переводах: 1956 г. (пер. Т. Шинкарь) и 1999 г. (пер. В. Бабенко).

«451 градус по Фаренгейту» – спекулятивная выдумка «Если так пойдет и дальше, то… », Рэй Брэдбери писал о своем настоящем, которое является прошлым для современного читателя, в форме предупреждения, которое, возможно, с течением времени, выглядит не столь актуальным.

Исходный текст: *And in her ears the little* ***Seashells****, the* ***thimble radios*** *tamped tight, and an electronic ocean of sound, of music and talk and music and talk coming in, coming in on the shore of her unsleeping mind* [6, p. 24] < … > *There was only the singing of the* ***thimble-wasps*** *in her tamped-shut ears, and her eyes all glass, and breath going in and out, softly, faintly, in and out of her nostrils, and her not caring whether it came or went, went or came* [1, p. 25] < … >

Перевод 1956 г.: «В ушах у неё плотно вставлены миниатюрные «Ракушки», крошечные, с напёрсток, радиоприемники втулки, и электронный океан звуков – музыка и голоса, музыка и голоса – волнами омывает берега её бодрствующего мозга» [3, с. 6]; «Только жужжание **ос втулок**, плотно закрывающих уши Милдред, только остекленевший взор и слабое дыхание, чуть колеблющее крылья ноздрей – вдох и выдох, вдох и выдох, – и полная безучастность к тому, что в любую минуту даже и это может прекратиться навсегда» [3, с. 7]. Метод перевода: введение неологизма, полное калькирование во всех версиях слова Seashells.

Перевод 1999 г.: «А в ушах – маленькие «ракушки», крохотные, не больше наперстка, плотно сидящие радиоприемники, и электронный океан звуков – музыка, разговоры, музыка, разговоры, – волны которого накатываются и отступают и снова накатываются на берега ее бодрствующего сознания». [4, с. 21–22]; «Ничего вокруг, только пение осиных наперстков, плотно затыкающих уши, остекленевшие глаза и мягкое, слабое шевеление воздуха, входящего в ноздри и выходящего из них, но ей и дела нет, то ли он сначала входит, а потом выходит, то ли наоборот» [4, с. 23]. Метод перевода: введение неологизма, полное калькирование.

В мире произведения *Fahrenheit 451* квазиреалия Seashells выступает в качестве обозначения технологии, сходной с современными беспроводными наушниками. Различие в том, что наушники подводят напрямую в ушной канал и воспроизводят звук с другого устройства, когда как авторские «наушники»

тем самым иным устройством и являются. *Seashells* – это полностью автономный девайс, воспроизводящий информацию и музыку «из себя», работая как стандартное радио, только в намного меньших размерах и удобнее в эксплуатации. Поэтому вместо известного, более ассоциативного соответствия слов *headphones* и «наушники» Рэй Брэдбери и переводчики подобрали слова *radious* и «радиоприемник», так как через них полностью передается функциональная характеристика квазиреалии.

Художественная, смысловая коннотативная нагрузка квазиреалии *Seashells* заключена в ее эксплицитной внутренней форме, которая открывается читателю при переводе. Стоит полагать, что за этой квазиреалией стоит тема изоляции людей от окружающей их действительности при помощи плодов технологического прогресса. Звуковую реальность герои романа заменяют радиоприемниками «Ракушка». Помимо того, что название устройства «Ракушки» восходит к форме и к русскоязычному названию раковины человеческого уха, куда само устройство эргономично помещается, но, так как оно не сходится с названием ушной раковины в английском языке (в основном употребляется англ. *auricle*, *pinna*, *external ear*, *pavilion* [5]), в квазиреалии *Seashells* может быть заключен более глубокий смысл. Данное слово обладает следующими значениями: морская ракушка, морской моллюск (в раковине), морская раковина [5]. Морские раковины нужны для изоляции и защиты от агрессивного воздействия внешней среды хрупкие организмы улиток / моллюсков и других брюхоногих млекопитающих. Писатель проводит параллель между людьми и моллюсками, которые прячутся, закрываются в мире нереальном, предоставленном и симулируемом для них современной техникой мини-радио «Ракушками», словно улитка пытается уйти от опасности окружающей среды в свою раковину. Главный герой Монтаг, практически ни разу не пользовавшийся «Ракушками» в целях ухода от реальности и развлечения, борется с окружающей действительностью, не прячется в панцирь симулированной жизни и пытается спасти книги, вместо того, чтобы послушно следовать абсурдному закону их сжигать.

Квазиреалия *Seashells* и ее синонимы *thimble radious*, *thimble wasps*, и *earthimbles* обладают эксплицитной внутренней формой, являются полионимами (квазиреалиями 2-го порядка) и подлежат переводу [2]. В обоих случаях переводчики воспользовались методом калькирования; в обеих версиях перевода присутствуют слова «Ракушки», «радиоприемники» и «осы-втулки», благодаря которым передается смысловая нагрузка исходных квазиреалий, иллюстрируется их форма и размер, показывается процесс их работы. Формальное сходство «ракушки» с современными беспроводными наушниками, на котором нет акцента в текстах переводов, все же представляется очевидным для современного читателя и без языкового воплощения.

Список источников

1. Божко Е. М. Квазиреалии мира фэнтези, их классификация и роль в воздействии текста перевода на получателя // Terra Linguistica, 2011. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kvazirealii-mira-fentezi-ih-klassifikatsiya-i-rol-v-vozdeystvii-teksta-perevoda-na-poluchatelya/viewer (дата обращения: 21.10.2025).
2. Рэй Дуглас Брэдбери. 451 градус по Фаренгейту / пер. с англ. Т. Шинкарь. 1956 г. URL: www.100bestbooks.ru (дата обращения: 21.10.2025).
3. Рэй Дуглас Брэдбери. 451° по Фаренгейту / пер. с англ. В. Бабенко. 1999 г. М.: Эксмо, 2019. 288 с.
4. Тараканова Ю. Е. Квазиреалии как лексический элемент научно-фантастического текста на примере перевода рассказа «Февраль 1999: Илла» Рэя Брэдбери на русский язык // Вест. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Лингвистика. М., 2009. № 1. С. 294–299; цит. по Е. М. Божко. Квазиреалии мира фэнтези, их классификация и роль в воздействии текста перевода на получателя URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kvazirealii-mira-fentezi-ih-klassifikatsiya-i-rol-v-vozdeystvii-teksta-perevoda-na-poluchatelya/viewer (дата обращения: 12.11.2025).
5. Электронный мультиязычный словарь «Мультитран» // URL: https://www.multitran.com (дата обращения: 12.11.2025).
6. Ray Douglas Bradbury / Fahrenheit 451, 1953. Pp. 208 // Apple Books release 29 Nov, 2011 // URL: https://books.apple.com/us/book/fahrenheit-451/id459394388 (дата обращения: 14.11.2025).

УДК 8

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

***О. А. Ступина**, доцент кафедры русского и иностранных языков Краснодарского университета МВД России, кандидат педагогических наук*

Статья посвящена анализу особой роли социокультурного аспекта в процессе обучения иностранным языкам российских курсантов и иностранных слушателей.

Ключевые слова: иностранный язык, обучение, билингв, влияние, национальная культура, аспект, многонациональный.

THE SOCIOCULTURAL ASPECT OF FOREIGN LANGUAGES TEACHING

***O. A. Stupina**, assistant professor of the Department of Russian and Foreign Languages of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Pedagogy*

The article illuminates the role of the sociocultural aspect in the process of foreign languages teaching of Russian cadets and foreign listeners.

Keywords: foreign languages, teaching, bilingual, influence, national culture, aspect, multinational.

В эпоху становления и развития многополярного мира каждая страна имеет реальную возможность сохранять свой язык, беречь историческое наследие и вековые традиции, приумножать свои духовные и материальные ценности. Только так представляется возможным передать последующим поколениям чувство национальной гордости и самоидентификации. Язык можно считать высшим проявлением культуры, маркером существования этноса. Он оказывает значительное влияние на менталитет и на сознание в целом.

Обучение иностранным языкам в Краснодарском университете МВД России проводится в языковых группах, представители которых отражают многонациональный состав нашей страны. Большинство курсантов являются билингвами. В учебных взводах вместе с российскими курсантами обучаются и представители ближнего и дальнего зарубежья (стран СНГ и государств Африки). Поэтому обучение европейским языкам превращается в процесс использования языка как средства межкультурного общения. Социокультурный аспект входит в состав

коммуникативной компетенции и соединяет коммуникативно ориентированное языковое образование с социокультурным образованием, при этом образование происходит посредством изучения иностранного языка. Преподаватели кафедры русского и иностранных языков Краснодарского университете МВД России решают задачи формирования умения соотносить родную культуру с иноязычной, выявлять сходства и адекватно воспринимать различия. Специалисты кафедры воспитывают у обучающихся готовность общаться и сотрудничать с представителями разных стран в родной и в иноязычной профессиональной среде, не проявляя предвзятости. Параллельно с изучением иностранного языка происходит ознакомление со страноведческой характеристикой той или иной страны, ее историей, традициями и обычаями, бытом, особенностями национального характера, психологическими проявлениями, культурным наследием.

В процессе обучения реализуются основные цели:

– подготовка к межкультурной коммуникации;

– формирование и развитие навыков соотношения конкретных языковых средств, используемых в профессиональных ситуациями, с нормами речевого поведения;

– возможность погружения в культурное наследие страны изучаемого языка;

– формирование навыков сравнения культурных ценностей своей страны и страны изучаемого языка.

В итоге решается задача формирования социокультурной компетенции, предполагающей овладение речевым поведением в соответствии со знаниями национальных и культурных особенностей страны изучаемого языка. Социокультурный аспект помогает облегчить межкультурное понимание, пропагандировать ценности родную культуры, воспитывать готовность к коммуникации с представителями разных стран.

Использование социокультурного подхода при обучении иностранным языкам и русскому языку как иностранному предполагает наличие следующих элементов:

1) получение обучающимися лингвострановедческих знаний о фоновых знаках (фоновых знаниях), сведений о национально-культурных особенностях страны изучаемого языка, которые обеспечивают речевое общение и соблюдение норм речевого поведения носителей языка. К фоновым знакам относят реалии (знания о предметах и явлениях национальной культуры – национальные названия, факты истории, государственные институты); единицы афористического уровня (пословицы, поговорки, крылатые слова, выражения, цитаты, присущие конкретному народу); литературные фоновые знаки (имена писателей, известных литературных персонажей данной национальной литературы, цитаты из авторского повествования и т. д.). Фоновые знаки формируются в процессе работы обучающихся с различными аутентичными материалами (дают оригинальную

информацию, используемую в реальном общении), при чтении подготовительных учебных текстов (помогают в накоплении общих знаний), активизируются при подготовке концептуальных карт (схематического обзора темы, помогающего связи новой информации с имеющимися знаниями). Уровень сформированности фоновых знаков у обучающихся в процессе изучения иностранного языка определяется в плоскости понимания и решения аналитических задач с использованием полученной информации. Фоновые знаки облегчают восприятие иноязычной речи в связи с литературными, фольклорными, географическими источниками. Они помогают обучающимся ориентироваться в устройстве текстов различных жанров, а также использовать контекстуальные подсказки. Источниками фоновых знаков можно считать образцы художественной литературы, кино – и анимационные фильмы, телепередачи, песни, прецедентные ситуации;

2) знакомство с реалиями страны изучаемого языка. Это направление получило название лингвострановедения. Представим отдельные методы означенного направления:

– ролевые игры и решение профессионально ориентированных задач с учетом использования страноведческих знаний;

– просмотри обсуждение видеоматериала на языке оригинала;

– чтение аутентичной литературы;

– использование медиатекстов;

– выполнение проектов;

3) изучение речевого и неречевого поведения в ситуациях устного общения. Речевое поведение моделируется говорящим, оно отражает трансформацию иноязычных образцов и стереотипов в преломлении через личный опыт. Неречевое поведение базируется, в основном, на невербалику (жесты, позы, мимику, взгляды, язык тела, использование дистанции при общении). Комплексно речевое и неречевое поведение закладывают навыки развития, способствуют успешным личным контактам [1, с. 234]. Способствовать развитию навыков речевого поведения призваны следующие упражнения:

– «Вопрос-Ответ» (отработка роли интонирования фраз);

– «Ритмический счет» (речевая работа в разном темпе);

– «Темп эмоций» (скоростно-эмоциональная тренировка);

– «Рассказ про пословицу» (для российских курсантов и для зарубежных слушателей);

– «Текст без пауз» (чтение текста « на одном дыхании» выразительно, с четкой дикцией и правильной интонацией);

– «Текст с паузами» (обратное предыдущему задание);

– «Разные роли – разный темп» (смена темпа и ритма речи в зависимости от выбранного образа);

4) разбор безэквивалентных речевых единиц. Безэквивалентная лексика представляет совокупность лексических единиц, не имеющих полного прямого соответствия, но точно передающие уникальные культурные реалии в разных языках. Данная лексика может содержать как отдельные морфологические единицы, так и целые синтаксические структуры. К этому ряду относятся названия бытовых предметов, обычаев, хорошо знакомых в одной языковой культуре, но полностью отсутствующие в другой. Этот феномен связан с различиями в мировоззрении культур, в различных речевых характеристиках. При переводе безэквивалентных речевых единиц используются приемы расшифровки, заимствований, кальки. Некоторые виды безэквивалентной лексики:

– слова-реалии (бытовые реалии, топонимы, этнографические реалии, фольклорные реалии, мифологические реалии, общественно-политические реалии, исторические реалии, ономастические реалии);

– случайные безэквивиаленты (предметы и явления окружающей действительности, не имеющие адекватного перевода в другой язык);

– структурные экзотизмы (объясняются сложностью перевода и отсутствием аналогов (морфемы, служебные слова, влияющие на смысл при переводе, например в сказках В. Гауфа – hocherfreut sein; Klapperschnabel; verspeisen);

5) изучение форм невербального общения, способа передачи информации и эмоций без слов, используя исключительно мимику, жесты, позы, язык тела. К элементам мимики относят движение бровей, положение губ, работу глаз. Мимика помогает дополнить вербальное общение, сделать его более убедительным [2, с. 56]. Жесты призваны уточнить или усилить сказанное. Среди видов жестов выделяют иллюстраторы, регуляторы, эмблемы. Позы рассказывают о внутреннем состоянии коммуникантов и передают их намерения к взаимодействию. Немаловажна также и такесика (прикосновения) в общении. Она содержит такие виды как функциональные прикосновения, социальные прикосновения, дружеские и любовные прикосновения [3, с. 25];

6) изучение речевого этикета, правил и принципов общения, поможет успешной коммуникации. Соблюдение правил и принципов речевого этикета станет залогом легкости в общении, бесконфликтности, пригодятся в деловых и личных контактах. В разных культурах речевой этикет имеет свои особенности. Кореец, например, при знакомстве поинтересуется семейным положением, возрастом, местом работы и занимаемой должностью собеседника. Это необходимо, чтобы понять, как разговаривать и насколько низко кланяться при разговоре. Подобные правила есть во многих странах Юго-Западной Азии со строгой иерархией в обществе. В России задавать личные вопросы малознакомому человеку непринято.

Внеаудиторная деятельность сотрудников кафедры способствует развитию страноведческой компетентности обучающихся. Этому способствуют чтение

и обсуждение произведений художественной литературы на иностранном языке (с обязательным ведением читательских дневников), проведение занятий в литературном кружке (для российских курсантов и иностранных слушателей), празднование Дня национальных культур, знакомство зарубежных слушателей с традициями российской культуры (празднование Масленицы, Пушкинский фестиваль), участие обучающихся всех национальностей в мероприятиях в честь 80-летия Великой Победы.

В результате межнациональные отношения в курсантской среде складываются бесконфликтно, культурная ассимиляция зарубежных слушателей проходит удовлетворительно. Мотивация к изучению иностранных языков достаточная.

Список источников

1. Теоретические и практические аспекты обучения иностранным языкам в вузе / Сборник научных трудов; под ред. Е. В. Федоткиной. М., 2019. Т. 6. С. 234–239.
2. Мухамед Амира Мусаад Мухамед. Невербальный язык и проблемы межкультурной коммуникации // Молодой ученый. 2024. № 11 (510). С. 56–58.
3. Собирова Н. Н. Невербальная коммуникация // Проблемы Науки. 2021. № 5-2 (162). С. 22–25.

УДК 378.16

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

***О. В. Цируль**, заведующий кафедрой русского языка Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат педагогических наук*

В статье рассматриваются некоторые тенденции в развитии современной лингвистики и языкового (лингвистического) образования. Автор делится опытом использования некоторых (наиболее эффективных) технологий в преподавании русского языка при подготовке сотрудников правоохранительных органов, в том числе сотрудников иностранных государств. В статье также проведен обзор наиболее значимых нормативных актов Российской Федерации, направленных на сохранение, защиту и укрепление позиций русского языка в мире.

Ключевые слова: современное языковое образование, государственная политика в области русского языка, преподавание русского языка, инновационные технологии, сотрудники правоохранительного органа иностранного государства, ситуация профессионального общения.

SOME ASPECTS OF MODERN LANGUAGE EDUCATION: THEORY AND PRACTICE

***O. V. Tsirul**, head of the Department of the Russian Language of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, kandidat nauk, degree in Pedagogy*

The article discusses some trends in the development of modern linguistics and language (linguistic) education. The author shares his experience in using some (the most effective) technologies in teaching the Russian language to law enforcement officers, including those from foreign countries. The article also provides an overview of the most significant regulatory acts of the Russian Federation aimed at preserving, protecting, and strengthening the position of the Russian language in the world.

Keywords: modern language education, state policy in the field of the Russian language, teaching of the Russian language, innovative technologies, employees of law enforcement agencies of foreign countries, situations of professional communication.

Лингвистика, как и любая наука, в настоящее время развивается достаточно быстрыми темпами, что обусловлено различными факторами: запросами рынка труда, где наиболее востребованными являются специалисты, способные не только общаться на разных языках в повседневной жизни и профессиональной деятельности, но и быстро анализировать, структурировать информацию, с которой работают; появлением и развитием новых технологий, которые позволяют сделать любую деятельность, в первую очередь, процесс обучения, максимально эффективными – малозатратными, результативными. Необходимо также отметить, что лингвистика развивается в тесной связи со смежными науками: нейролингвистикой, психолингвистикой, этнолингвистикой и др., соответственно, качественное лингвистическое (языковое) образование невозможно без изучения взаимосвязи языка с сознанием, культурой и обществом.

Стремительное развитие информационных технологий, постоянно возрастающая мобильность населения, капитала, взаимозависимость государств во всех сферах жизни, интернационализация и, как следствие, превращение мира в единое целое – всё это требует практической направленности современного лингвистического (языкового) образования.

Например, чтобы овладеть навыками устного и письменного перевода в переводческой деятельности, необходимо научиться быстро принимать и анализировать информацию, правильно подбирать языковые эквиваленты, знать и учитывать культурные особенности стран, уметь адаптироваться к различным жанрам и стилям текста.

В настоящее время во многих сферах профессиональной деятельности приходится работать с различными текстами: документами, инструкциями, научными, художественными, рекламными и т. п. Особенной эффективностью для формирования навыков проверки, анализа, интерпретации текста отличаются современные цифровые инструменты (специальные программы, различные сервисы на основе искусственного интеллекта, системы автоматической проверки грамматики и пунктуации и др.). В настоящее время они становится неотъемлемой частью учебного процесса, помогая будущим специалистам быстрее и качественнее решать учебные задачи: приобретать навыки анализа научных текстов, формулирования гипотез и проведения собственных исследований.

С другой стороны, нельзя не сказать о такой тенденции в современной лингвистике, как демократизация языка, когда допустимыми или даже нормативными становятся варианты написания или произношения слов, ранее считавшиеся ошибочными.

По мнению К. А. Балышевой, понятие демократизации формируется за счет двух главных составляющих: общественно-политической (распространение демократических принципов, методов, правил) и собственно лингвистической (ориентация на широкие слои населения, на массовый характер какого-либо

явления, превращение чего-либо в доступное для широкого круга потребителей), то есть демократизация общества обусловливает процесс демократизации языка. Основными сущностными параметрами демократизации языка являются определенные языковые источники и функциональные сферы, характеризующие период демократизации [1].

По мнению авторов статьи «Демократизация языка как примета времени» демократизация языка как снижение стиля, вторжение в активный словарный состав сниженной лексики, наблюдается в нашей стране не впервые. «Активной демократизацией, вторжением канцеляризмов в повседневную речь особенно отличились 20-е гг. X в., когда новый политический строй заговорил на своем «новоязе».

Конец XX – начало XXI века – еще один этап демократизации русского языка, который связан с «вхождением в публичную жизнь таких групп людей, которые в своих привычках и пристрастиях связаны с разного рода жаргонами и другими формами нелитературной речи; отход в области социальной жизни общества от канонов и норм тоталитарного государства, провозглашение свободы как в общественно-политической и экономической сфере, так и в человеческих отношениях, низкая внутренняя (да и внешняя) культура большинства представителей нового, «капиталистического» общества.

В настоящее время наше государство уделяет особое внимание вопросам чистоты русского языка, его сохранения. Об этом свидетельствует ряд документов, принятых в последние годы. Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» закрепил требование о формировании списка нормативных словарей, справочников, в которых фиксируются нормы современного русского литературного языка, которые необходимо соблюдать при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации в ряде сфер [3]. Строго регламентировано использование заимствованных слов.

Важно также отметить, что введена обязательная лингвистическая экспертиза текстов подготавливаемых проектов нормативных правовых актов в целях приведения их в соответствие с нормами современного русского литературного языка, повышения качества правовой техники и точности формулировок юридических документов.

Указом Президента Российской Федерации от 22 августа 2024 г. № 716 в целях совершенствования деятельности по сохранению, развитию, поддержке русского языка и языков народов Российской Федерации, укреплению позиций русского языка в мире создан Совет при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов Российской Федерации, (ранее Совет при Президенте Российской Федерации по русскому языку, Указ Президента Российской Федерации от 9 июня 2014 г. № 409).

В Указе Президента Российской Федерации от 11 июля 2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» обозначены риски, угрозы и проблемы в сфере государственной языковой политики, обусловленные усилением глобализационных процессов в современном обществе и незавершенным процессом нормативно-правового регулирования языковых отношений. К ним относятся:

а) отсутствие федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере сохранения, защиты и развития языков народов Российской Федерации;

б) снижение в сферах официального общения уровня соответствия современной общественно-речевой практики утвержденным языковым нормам государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик Российской Федерации;

в) необоснованное использование в сферах официального общения иностранных слов, имеющих общеупотребительные аналоги в русском языке, и иностранных слов, не вошедших в нормативные словари;

г) попытки некоторых иностранных государств ограничить (сократить) пространство использования русского языка;

д) сокращение численности носителей языков народов Российской Федерации и сфер их использования [2].

Данным документом закреплены требования к соблюдению норм русского языка в публичной коммуникации: вся публичная информация (например, реклама, вывески, указатели) должна быть представлена исключительно на русском языке, в отдельных случаях – на государственных языках регионов России.

В настоящее время создается нормативно-правовая база, касающаяся использования русского языка в официальном общении, печати и СМИ, совершенствуется система централизованной подготовки учителей русского языка и литературы, преподавателей сузов и вузов. Особенно важно, что установлена обязанность ведомств и органов власти обеспечить соблюдение норм русского языка в публичных выступлениях, при оформлении документов. За нарушения предусмотрены административные санкции, включая штрафные взыскания.

В соответствии с государственной политикой меняются подходы к лингвистическому (языковому) образованию в системе высшего образования, в частности в образовательных организациях системы МВД России. Будущие сотрудники правоохранительных органов в той или иной мере (в зависимости от специализации) должны будут решать проблемы, связанные с соблюдением или несоблюдением законодательства в области использования, защиты, сохранения русского языка. Поэтому рекомендуется в программы дисциплин

для курсантов и слушателей «Русский язык в деловой документации», «Русский язык в профессиональной деятельности», «Культура профессиональной научной коммуникации» для адъюнктов включать изучение и анализ нормативно-правовых актов в области государственной политики в отношении русского языка.

Задачи, поставленные в сфере обеспечения условий для сохранения, развития и продвижения русского языка в мировом гуманитарном и научном пространстве, обязывают преподавателей – русистов искать новые пути, технологии, формы, методы в преподавании русского языка как иностранного с учетом уровня владения русским языком у иностранных граждан, прибывающих на учебу в Россию.

Например, в последние годы на учебу в Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя прибывают иностранные слушатели из стран ближнего зарубежья с достаточно высоким уровнем владения русским языком (В2, ТРКИ-II – второй уровень или С1, ТРКИ-III – третий уровень), что позволяет преподавателю быстрее перейти от изучения правил русского языка к решению практических профессиональных (служебных) задач на русском языке (например, моделирование реальных жизненных ситуаций «В незнакомом городе», «Помощь туристу» и др.). Также эффективной формой работы является просмотр и дальнейшее обсуждение короткометражных фильмов на русском языке («На помощь», «Закладчица» «Необъявленное», «Задумайтесь» и др.), в основе сюжетов которых различные истории о работе полиции и борьбе с преступностью.

Искусственный интеллект, одно из последних достижений технологического прогресса, значительно облегчает работу преподавателя: при помощи различных программ можно создавать тексты, схемы, сценарии деловых игр, моделировать ситуации профессионального общения, отвечать на вопросы, решать различные творческие задачи. Например, на занятиях по дисциплине «Русский язык в профессиональной деятельности» можно смоделировать ситуации профессионального общения сотрудников правоохранительных органов иностранных государств (взаимодействие по линии Интерпола, опрос потерпевшего, свидетеля, преступника, вести переговоры в кризисных ситуациях), которые позволят обучающимся применить полученные умения и навыки профессионального общения. Нередко полицейским любой страны приходится участвовать в международных семинарах, конференциях по проблемам, требующим общего, единого для всех решения, с помощью искусственного интеллекта также можно создать игру, которая в виртуальном пространстве позволит будущим сотрудникам правоохранительных органов найти необходимое решение.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современное языковое образование в России определяется тенденциями развития лингвистики и государственной политикой в области защиты, сохранения русского языка и усиления его позиций в мире и имеет практическую направленность.

Список источников

1. Балышева К. А. Демократизация языка в массовой художественной литературе рубежа XX–XXI веков. Йошкар Ола, 2010. URL: http://cheloveknauka.com/demokratizatsiya-yazyka-v-massovoy-hudozhestvennoy-literature-rubezha-xx-xxi-vekov#ixzz54hZovdhA (дата обращения: 30.10.2025).
2. Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 11.07.2025 г. № 474 // Президент России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52143 (дата обращения: 28.10.2025).
3. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»: федер. закон от 28 февраля 2023 г. № 52-ФЗ // Президент России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48976 (дата обращения: 28.10.2025).

УДК 811.111

О ПРАКТИКЕ РАБОТЫ ЦЕНТРА ПОДГОТОВКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОЛИЦЕЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ В КОСОВО ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ УРОВНЯ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ КАНДИДАТОВ ИЗ ЧИСЛА ПОЛИЦЕЙСКИХ (ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ) ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ УЧАСТИЯ В МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЯХ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

***В. А. Шлома**, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева*

В статье (на примере деятельности Центра подготовки международных полицейских Организации Объединенных Наций в Косово) рассматриваются механизмы реализации стандартов Организации Объединенных Наций в области английского языка по определению уровня подготовленности кандидатов из числа полицейских (государств – членов Организации Объединенных Наций) для участия в миротворческой операции Организации Объединенных Наций в Косово.

Ключевые слова: центр подготовки международных полицейских Организации Объединенных Наций, стандартная оперативная процедура, миротворческая операция Организации Объединенных Наций, языковая компетенция, упражнение на понимание прочитанного, написание отчета, устное собеседование.

ON THE PRACTICE OF THE UN INTERNATIONAL POLICE TRAINING CENTER IN KOSOVO IN ASSESSING THE LEVEL OF ENGLISH PROFICIENCY OF CANDIDTES FROM AMONG POLICE OFFICERS (UN MEMBER STSATES) FOR PATICIPATION IN UN PEACEKEEPING OPERATIONS

V. A. Shloma, *senior instructor* at Humanities and Socio-Economical disciplines department of the Far Eastern Branch Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

The article (using the example of the activities of the UN International Police Training Center in Kosovo) examines the mechanisms for implementing UN standards in the field of English to assess the level of preparedness of police candidates (UN member states) to participate in the UN peacekeeping operation in Kosovo.

Keywords: UN international police training center, standard operating procedure, UN peacekeeping operation, language competence, reading comprehension exercise, report writing, oral interview.

Тема данной статьи является продолжением ряда работ, связанных с исследованием роли и значения английского языка, как официального рабочего языка при проведении миротворческих операций Организации Объединенных Наций (далее – ООН).

В начале обратимся к ст. 1 главы I Устава ООН, в которой в качестве основной задачи организации определяется поддержание международного мира и безопасности, а также необходимость принятия эффективных коллективных мер для недопущения угрозы миру и прекращения агрессивных действий или других нарушений мира. И это, безусловно, является одним из ключевых моментов в деятельности ООН, поскольку вооруженные конфликты, происходящие в мире, формируют систему угроз не только отдельному человеку, его фундаментальным правам и свободам, но и отдельным государствам и мировому сообществу в целом [3, с. 2].

Современная обстановка в мире практически во всех областях (политической, экономической, социальной, гуманитарной, военной и других) характеризуется крайней нестабильностью. Количество вооруженных конфликтов в мире не уменьшается. Поэтому сегодня очень важно, эффективно применять все имеющиеся в нашем распоряжении инструменты предотвращения и разрешения конфликтов, защиты и сохранения мира.

Одним из таких инструментов является миротворческая операция ООН. Миротворческая операция ООН – вид миротворческой деятельности (включающий в себя организационные, административные, политические, экономические и военные меры), осуществляемый по решению и под руководством Совбеза ООН. Правовой основой миротворческой операции является резолюция Совета Безопасности ООН, принятая с учетом согласованной воли все заинтересованных в разрешении конфликта сторон.

Следует отметить, что в последние 40 лет в состав миротворческих операций в качестве самостоятельного компонента обязательно входят международные полицейские силы ООН (далее – МПС ООН).

Их возрастающая роль в осуществлении миротворческих миссий заключается не столько в количестве или силе, сколько в высоком качественном уровне содействия разрешению конфликтных ситуаций и реализации всех важнейших задач, стоящих перед МПС в зоне конфликта. Поэтому качество и эффективность выполнения МПС ООН своих функций напрямую зависит от высокого профессионализма сотрудников международной полиции [1, с. 4].

Полицейский компонент миротворческой операции формируется из числа сотрудников правоохранительных органов государств – членов ООН, успешно прошедших отбор (тестирование) и соответствующее обучение в центрах подготовки международных полицейских непосредственно на территории миссии или в своих странах в рамках действующей в ООН программы содействия отбору и аттестации полицейских для участия в миротворческой операции, с учетом согласованных, в установленном порядке, квот по численности.

Военный компонент формируется с учетом действующих в ООН стандартов, а также соответствующих процедур подготовки военнослужащих к миротворческой операции, принятых в странах – членах ООН.

В документе ООН под названием «Принципы и руководящие указания в отношении операций Организации Объединенных Наций по поддержанию мира» отмечено, что: «С начала нового тысячелетия численность военного, полицейского и гражданского персонала, задействованного в миротворческих операциях Организации Объединенных Наций по всему миру, достигла беспрецедентного уровня» [5, с. 6].

Поддержать данный тезис можно примером бывшей Югославии. Так во время проведения миротворческой операции на территории Хорватии в 1992–1995 гг. (UNPROFOR) были представлены 36 стран; в Боснии и Герцеговине (UNMBIH) в 1995–2002 гг. – 48 стран; в Косово (UNMIK) в 1999–2001 гг. – 38/50 стран.

В таких ситуациях потребность в организации оперативного взаимодействия по эффективному выполнению задач, стоящих перед каждой конкретной миротворческой операцией ООН приобретает жизненно важное значение.

Во-первых, внутри каждого компонента (например, МПС ООН), состоящего из полицейских представляющих десятки разных стран, и во-вторых, между другими компонентами (полицейскими, военными и гражданскими участниками) миротворческой операции ООН.

Единственной основой такого взаимодействия, на наш взгляд, является не просто хорошее знание всеми участниками миссии официального рабочего языка миротворческой операции ООН, а практическое владение им на достаточно высоком уровне с учетом специфики каждой конкретной миротворческой операции.

Действенной административно-правовой основой для реализации этой задачи является «Стандартная Оперативная Процедура (СОП). Аттестация отдельных сотрудников полиции для службы в Миссии», разработанная (и периодически обновляемая) Департаментом миротворческих операций ООН (ДМО ООН), входящим в структуру секретариата ООН.

СОП содержит руководящие указания и инструкции для полицейского отдела (ПО) указанного выше департамента в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, компонентов МПС ООН в миротворческой операции (здесь речь идет о центрах подготовки МПС на территории стран, где осуществляется миротворческая операция), и специальных политических миссиях (СПМ) о том, как оценивать отдельных лиц, включая сотрудников полиции, экспертов по гражданской полиции, и другие типы персонала, для развертывания в соответствии с требованиями настоящего СОП для службы в миротворческой операции, СПМ или других миссиях [4, с. 3].

Стандарт устанавливает пять основных (обязательных) для кандидатов в миротворцы требований к необходимому объему знаний, умений и навыков, это: «знание содержания миротворческой деятельности ООН и стандартов работы полиции; знание языков; навыки вождения; навыки обращения с огнестрельным оружием и стрельбы; и навыки работы с компьютером» [4, с. 3].

Следует отметить, что большая часть указанных выше навыков, безусловно, необходимы и востребованы в профессиональной деятельности любого полицейского (в т. ч. в своей стране). Но в рамках миротворческой операции основной компетенцией, как показала практика, всё же является – практическое владение международными полицейскими официальным рабочим языком миссии ООН на высоком уровне с учетом специфики каждой конкретной миротворческой операции.

В качестве подтверждения важности данного тезиса можно сослаться на мнение специалиста в области языковой подготовки военнослужащих НАТО, М. Кросси, который, говоря об языковой совместимости военнослужащих, обратил особое внимание на тот факт, что «потребность в эффективной коммуникации особенно остра в операциях по поддержанию мира, где языковые недоразумения могут привести к ошибкам, которые в худшем случае могут привести к жертвам» [2, с. 4]. И это действительно так.

В соответствии с требованиями СОП кандидат в состав полицейского компонента миротворческой операции ООН: «должен понимать, свободно говорить, легко читать и четко писать на рабочем языке (языках) миротворческой операции, как правило, на английском или французском языках. Это соответствует уровню B1 в оценке языковой компетенции. Дополнительные соответствующие языковые навыки крайне желательны» [4, с. 8].

Рассмотрим на примере деятельности Центра подготовки международных полицейских ООН (далее – ЦПМП ООН) в Косово, как реализовывались эти требования непосредственно в зоне проведения миротворческой операции.

В начале отметим, что автор статьи сам является участником трех миротворческих операций ООН в бывшей Югославии: в Восточной Славонии – UNPROFOR (1993–1994), Боснии и Герцеговине – UNMBIH (1996–1998) и Косово – UNMIK (1999–2001).

По прибытии в Косово в июле 1999 г. автор статьи, как и все другие полицейские российского миротворческого контингента, прошел тестирование сначала по английскому языку, а затем по огневой подготовке и вождению. После успешной сдачи тестов, получив удостоверение международного полицейского, практически сразу был назначен на должность заместителя начальника ЦПМП ООН в Косово, на которой прослужил год (с 1999 по 2000), а затем – на должность начальника указанного центра (2000–2001).

На разных этапах миротворческой операции в Косово на ЦПМП руководством миссии возлагались различные задачи исходя из содержания мандата миротворческой операции для Косово, но одной из основных и постоянных – было тестирование прибывающих в миссию полицейских из разных стран по английскому языку, огневой подготовке, вождению и их последующее обучение (подготовка) в течение 7–10 дней по различным направлениям (дисциплинам), знание которых были необходимы для выполнения служебных задач в рамках миротворческой операции.

Рассмотрим в общих чертах как проходила процедура тестирования по английскому языку. По прибытию на территорию миссии контингент страны (в зависимости от количества) распределялся по группам и (в соответствии с расписанием) приступал к тестированию. Соответствующий инструктаж о порядке выполнения заданий, правилах поведения и само тестирование проводили сотрудники и инструкторы ЦПМП. До сдачи зачетов прибывшие в миссию полицейские рассматривались как кандидаты в миротворцы.

Оценка языковой компетенции проходила в три этапа: 1) упражнение на понимание содержания прочитанного текста; 2) упражнение по составлению полицейского рапорта (отчета); 3) оценка способностей кандидата вести беседы на различные темы [4, с. 17].

На первом этапе кандидатам в аудитории раздавали напечатанный на официальном бланке текст, который они должны были прочитать и ответить на 10 вопросов. На выполнение упражнения давалось 20 минут. Текст содержал описание какого-то конкретного инцидента (или преступления), связанного с миротворческой операцией ООН. Первый этап считался успешно пройденным, если кандидат ответил правильно как минимум на семь вопросов. Во время выполнения данного упражнения кандидатам разрешалось делать записи в том числе на родном языке и сохранять их для выполнения задания на втором этапе. Не сдавшие первый этап тестирования, к последующим этапам по английскому языку и другим тестам не допускались. Как правило, в течение нескольких дней такие кандидаты отправлялись обратно в свою страну.

На втором этапе кандидаты составляли полицейский отчет (рапорт). При выполнении этого задания кандидаты прослушивали аудиозапись текста, которая содержала дополнительную информацию о том же инциденте (преступлении), с которым они уже ознакомились в первом упражнении. Аудиозапись проигрывалась дважды. Как и на первом этапе кандидатам также разрешалось делать дополнительные записи на родном языке во время прослушивания. На этом этапе кандидатам давали 30 минут на составление подробного полицейского отчета об инциденте (преступлении). Отчет (рапорт) должен был содержать все относящиеся к делу факты, расположенные в логической и временной последовательности. Большое внимание уделялось стилю изложенного в отчете материала, орфографии и грамматике. Все черновые записи и отчеты, сделанные кандидатами во время выполнения упражнений, собирались инструкторами ЦПМП по завершении второго этапа.

Для оценки результатов выполненных упражнений по чтению на первом этапе инструкторы центра использовали специально подготовленную таблицу вопросов и правильных ответов, а также стандартную балльную таблицу для оценки выполнения задания по написанию отчета на втором этапе. В данной таблице также содержался перечень обязательных для отражения в отчете фактов и деталей. К кандидату, не прошедшему второй этап, применялись аналогичные меры, как уже указывалось выше.

Третий этап проходил в виде беседы инструктора центра с кандидатом. В ходе этой процедуры определялись и оценивались следующие позиции:

1) умение тестируемого вести беседы на различные темы, с учетом требований СОП уровня B1. Например, кандидату задавались вопросы как общей направленности (о спорте, увлечениях, семье, кулинарных предпочтениях и т. д.), так и о его полицейской деятельности (стаж, звание, вид деятельности), а также широкий круг вопросов о миротворческой деятельности ООН;

2) знание и понимание кандидатом целей и задач миротворческой деятельности ООН, соответствующих руководящих документов организации в этой области, международных профессиональных стандартов поведения полицейских, мандата миссии ООН в Косово и др.;

3) уровень компьютерной грамотности кандидата, практическое владение компьютером. Собеседование с каждым кандидатом длилось, как правило, не менее двадцати (20) минут [4, с. 18].

Следует отметить, что на начальном этапе развертывания миротворческой операции практически весь объем учебно-методических материалов, используемых при тестировании кандидатов по английскому языку на всех трех этапах (включая подготовку упражнений по чтению, тестов и аудиозаписей текстов для прослушивания при составлении отчетов, перечня вопросов для собеседования), был подготовлен при непосредственном участии сотрудников центра в Косово, включая и автора статьи. (Важно указать, что большая часть указанных материалов была изначально разработана именно представителем МВД России.) Наличие в ЦПМП полицейских из англоговорящих (США, Великобритании, Канады) и других стран (России, Германии, Франции, Испании, Швеции, Норвегии, Финляндии, Словении, Нигерии и других) позволили обеспечить объективно-сбалансированный подход к содержанию тестов по английскому языку с учетом требований СОП.

Важным моментом в деятельности центра являлся тот факт, что все сотрудники (включая инструкторов и руководителей центра) на ротационной основе в соответствии с расписанием участвовали в тестировании кандидатов из разных стран по всем трем направлениям (английскому языку, огневой подготовке, вождению) и проведении занятий на официальном рабочем языке миссии с успешно сдавшими входное тестирование полицейскими из стран – членов ООН. Такой подход требовал от всего личного состава ЦПМП постоянного самосовершенствования для поддержания качественно высокого уровня выполнения задач по отбору и обучению полицейских миротворцев.

В целом можно сделать вывод о том, что используемая на том этапе система определения степени подготовленности сотрудников полиции государств – членов ООН по английскому языку в целом обеспечивала достаточный уровень профессиональной языковой компетенции, необходимый им для эффективного выполнения задач в области правоохранительной деятельности в рамках проводимой миротворческой операции ООН в Косово. Сложность и уникальность сложившейся на тот момент ситуации заключалось в том, что в Косово полностью отсутствовала полиция, основной костяк которой ранее составляли сербы. Поэтому все правоохранительные функции в полном объеме были возложены на полицейских ООН.

Безусловно, не все 100 % кандидатов проходили входное тестирование по английскому языку, что свидетельствовало с одной стороны о недостатках в языковой подготовке таких полицейских в своих странах, а с другой – о принципиальной позиции ЦПМП по соблюдению требований СОП к владению рабочим языком миротворческой операции, поскольку практическое владение

им на достаточно высоком уровне не только способствовало решению сложных и ответственных задач, стоящих перед международными полицейскими, но и служило гарантией их безопасности в зоне проведения миротворческой операции ООН в Косово.

Список источников

1. Гридчин А. А. Кадровое обеспечение деятельности международных полицейских сил в условиях экстремальной миграции населения. 2001 // Dissercat.com: библиотека диссертаций: [сайт]. URL: https://www.dissercat.com/content (дата обращения: 12.10.2025).
2. Crossey Mark. Improving linguistic interoperability. NATO Review. Summer, 2005. P. 4.
3. Устав Организации Объединенных Наций //Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/ (дата обращения: 15.10.2025).
4. Standard Operating Procedure (Revised) / Assessment for Mission Service of Individual Police Officers. Ref. DPO/DOS2019.19// Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: https://police.un.org/en/standard-operating-procedure-revised-2019 (дата обращения: 15.10.2025).
5. United Nations Peacekeeping Operations Principles and Guidelines // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/capstone_eng_0.pdf (дата обращения: 25.10.2025).

Материалы Всероссийского круглого стола «Современная коррупция: эффективность уголовно-правового воздействия» (25 ноября 2025 года)

УДК 343.91

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

О. В. Бурдина, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова

В статье на основе актуальных данных официальной статистики рассмотрено современное состояние коррупционной преступности в России, ее динамика. Кроме того, анализируются особенности криминологической характеристики личности преступника-коррупционера, исходя из его социально-демографических характеристик, социальной роли и нравственно-психологических свойств, рассматриваются разные подходы к типологии личности коррупционера.

Ключевые слова: коррупция, криминологическая характеристика, личность преступника, коррупционер, должностное лицо.

SOME FEATURES OF THE CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF A CRIMINAL COMMITTING CORRUPTION CRIMES IN MODERN REALITIES

***O. V. Burdina**, senior lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article examines the current state and dynamics of corruption crime in Russia using current official statistics. It also analyzes the criminological characteristics of corrupt criminals based on their socio-demographic characteristics, social role, and moral and psychological traits, and explores various approaches to the typology of corrupt individuals.

Keywords: corruption, criminological characteristic, personality of a criminal, corrupt criminals, official.

В современных реалиях коррупция, несомненно, относится к числу угроз национальной безопасности России, особенно на фоне проводимой специальной военной операции и, как следствие, больших материальных затрат и людских потерь, когда каждый коррупционный скандал становится резонансным и крайне болезненно переживается обществом.

Если проследить статистику за последние 5–7 лет, то отмечается, что после небольшого снижения количества зарегистрированных коррупционных преступлений в 2020 г. наметилась тенденция к неуклонному росту этих деяний. Так, согласно статистическим данным, размещенным на официальном портале МВД России, за 2020 г. зарегистрировано 30214 преступлений, что на 2,5 % меньше, чем в предыдущем году, а в 2021 г. данные показатели достигли 35051 зарегистрированных преступлений, что свидетельствует о повышении на 13,8 % в сравнении с предыдущим годом, за 2022 г. зарегистрировано 35340 преступлений коррупционной направленности, что на 0,8 % больше, чем в АППГ. В 2023 г. число зафиксированных преступлений коррупционной направленности составило уже 36407 (+3,0 %), в 2024 г. уровень исследуемых преступлений вырос еще на 5,8 % (38503), а за январь-август 2025 г. уже зарегистрировано 32851, что соответствует приросту в 15,1 % [7].

Многие эксперты обоснованно считают, что данные статистические показатели не в полном объеме показывают состояние коррупционной преступности в стране, так как данный вид преступлений обладает крайне высокой латентностью, что свидетельствует о необходимости продолжения поиска и совершенствования мер по борьбе с преступлениями коррупционной направленности.

Не менее важной особенностью является то, что указанный вид преступности распространяется во всех сферах жизнедеятельности общества. Следуя из показателей ВЦИОМ, наиболее коррумпированными сферами по опросам граждан продолжают оставаться: медицина (23%), ГИБДД и полиция (по 16%), сфера ЖКХ (16%), судебная система и прокуратура (14%), 24% респондентов считают, что коррупционные преступления распространены на все сферы общества [3].

Следует отметить, что для коррупционных преступлений характерен определенный круг субъектов. Такие преступления присущи лицам, которые занимают должности в государственных органах, органах местного самоуправления, торговых учреждениях, а именно должностным лицам. Лицо, совершающее коррупционное преступление, получает материальную или иную нематериальную выгоду путем совершения действий вопреки законным интересам общества и государства, что напрямую подрывает авторитет органов, где он осуществляет свои деятельность и государства в целом.

Личность преступника является одним из важнейших элементов преступного поведения. Некоторые причины совершения преступных деяний, связаны именно с особенностями личности преступника и это непременно должно учитываться при формировании уголовно-правовых и криминологических профилактических мер, направленных на борьбу и предупреждение этих преступлений. Таким образом, изучение личности преступника представляет собой часть уголовной политики государства.

Заслуживает внимание мнение Ю. М. Антоняна и Б. Е. Аминова, которые под личностью преступника понимают комплекс социально значимых отрицательных черт, сформировавшихся при взаимодействии преступника с обществом [1, с. 165].

Криминологическая характеристика личности преступника складывается из трех ключевых компонентов:

– социальный статус, с помощью которого определяется принадлежность к какому-либо социальному слою и группе с социально-демографической характеристикой, то есть, пол, возраст, образование, семейное положение, национальность, профессия, материальная обеспеченность;

– социальные роли личности, которые включают в себя уровень умственного развития, знаний, умений, навыков;

– нравственно-психологические свойства, включающие в себя определенные нравственные качества, моральные ценности, социальные интересы, потребности и привычки [9, с. 78].

В соответствии с данной концепцией необходимо более подробно рассмотреть личность лица, совершающего коррупционные преступления.

В частности, Я. А. Разумеева отмечает, что возраст лиц, совершающих коррупционные преступления, составляет 35–45 лет, это обусловлено тем, что именно в таком возрасте люди занимают руководящие должности или должности в государственных органах или органах местного самоуправления [6, с. 994].

Как правило, коррупционерами являются мужчинами. В процентном соотношении лишь 13 % осужденных женщины. Это объясняется тем что, традиционно высокие должностные посты в государственных органах чаще возглавляют мужчины, а во-вторых разными ценностями и опасениями у мужчин и женщин. Так, женщины, психологически более сдержанные и ориентированы на семейные ценности и больше опасаются уголовного преследования, нежели мужчины. Мужчина же, согласно гендерному стереотипу, является добытчиком и современное общество требует от него быть успешным, «достигатором», реализованным, в том числе в материальном плане.

Около 55 % преступников коррупционеров имеют высшее образование, примерно 30 % среднее общее и 15 % специальное [8, с. 222]. Это связано с тем, что при поступлении на службу в государственные органы к лицам предъявляются требования, связанные с наличием высшего образования. В связи с этим отмечается, что данные лица обладают высокими интеллектуальными способностями, эффективно препятствуют привлечению их к уголовной ответственности.

Рассматриваемые лица в 74 % состоят в браке, 16 % – в разводе и лишь 10 % не состоят в браке. Это говорит о стабильно положении данных лиц, некоторые оправдывают свое коррупционное поведение необходимостью содержание семьи и малолетних детей, кроме того, это обусловлено и необходимостью в оформлении приобретенного имущества на супругов, их родственников.

В криминологический портрет лиц, совершающих коррупционные преступления, относят характеристики основных нравственно-психологических качеств личности. Нередко коррупционерам приписывают такие качества как алчность, меркантильность, лживость, но это не главные качества, присущие среднестатистическому взяткополучателю.

Психологические признаки коррупционера: низкие моральные установки (игнорирует нормы и правила, устоявшиеся в обществе, ради материальной выгоды готовы переступать через них); равнодушие к интересам общества (духовная опустошенность, манипуляция другими людьми); самовлюбленность (считают себя особенными, стремятся управлять окружающими, обладают высоким должностным статусом); низкий уровень самоконтроля (отсутствие страха наказания, уязвимы к совершению новых коррупционных преступлений); низкая социальная ответственность (совершают под давлением сложившихся жизненных обстоятельств и не задумываются и последствиях, у них происходит концентрация на собственных интересах) [5, с. 83].

Исходя из рассмотренных психологических признаков, следует сделать вывод о том, что для большинства лиц фактором, способствующим совершению указанного вида преступлений является не нужда, а низкий нравственный уровень, отсутствие моральных ценностей.

Ряд исследователей отмечают, что, как правило, коррупционеры обладают завышенными материальными потребностями, отрицают моральные и правовые нормы.

Выделяют следующие типы коррупционеров:

– «инициативные» (наиболее общественно опасные, сильные личности, которые направили свою деятельность не в том течении) – данные лица изначально идут служить в государственные органы с целью извлечения максимальной выгоды для себя, неотъемлемой частью их службы является коррупционная деятельность;

– «конформные» (безинициативные и покладистые личности) – данные лица при малейшем коррупционном поведении сотрудников структурного подразделения будут совершать аналогичные действия, чтобы не отставать от своих коллег. В отличие от «инициативных» данный тип совершает преступление не из-за корысти, а, чтобы быть как все;

– «вынужденный» (слабохарактерные и внушаемые) – представители двух первых типов, как правило, внушают «вынужденному» типу то, что получение взятки необходимо, из-за того, что не следует выбиваться из коллектива, а в случае неподчинения угрожают неблагоприятными последствиями [2, с. 420].

Г. С. Гончаренко выделяет следующие виды коррупционеров:

– коррупционеры расхитители (совершают преступления путем присвоения чужого имущества, используя свое служебное положение, статус);

– коррупционеры взяткополучатели (лица, которые при помощи занимаемой должности и выполняемых функций за какие-либо действия или бездействия со своей стороны получают взятку от взяткодателя);

– коррупттеры, т. е. взяткодатели (лица, которые осуществляют передачу взятки с целью решения каких-либо дел в своих интересах);

– лица, занимающие определенные должности в органах государственной власти, а также в органах местного самоуправления, которые используют свое служебное положение для удовлетворения каких-либо личных корыстных целей, при этом причиняя существенный вред экономической, политической, социальной сфере, государству и обществу в целом [4, с. 108].

Таким образом, современный среднестатистический коррупционер – должностное лицо с высокой степенью авторитета и широким спектром возможностей, имеет высшее образование и широкий круг общения, мужчина в возрасте около 40 лет, имеет высшее образование, женат, имеет завышенные материальные потребности, при этом низкий нравственный уровень и отсутствие моральных ценностей.

Список источников

1. Антонян Ю. М. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование: моногр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 366с.
2. Байгускаров Т. Т. Типологии личности преступника-коррупционера // StudNet. 2021. № 6. С. 418–422.
3. Всероссийский центр изучения общественного мнения // ВЦИОМ НОВОСТИ: [сайт]. URL: https://tass.ru/proisshestviya (дата обращения: 18.10.2025).
4. Гончаренко Г. С. Личность коррупционного преступника // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. № 4. С. 108–111.
5. Горян Д. С. Характерные психологические признаки лица, совершающего коррупционные преступления // ОВД в системе противодействия коррупции: материалы внутриведомствен. круглого стола. Спб., 2023. С. 81–84.
6. Разумеева Я. А. Личность преступника в криминологии // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 994–999.
7. Состояние преступности в России: сборники за 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, за январь–август 2025 года // МВД России: [сайт]. URL: https://мвд.рф (дата обращения: 01.11.2025).
8. Фарахиев Д. М. Криминологический портрет личности современного преступника коррупционера // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 4(49). С. 220–225.
9. Якоб Е. И. Криминология: учеб. пособие. Хабаровск: РИЦ ХГУЭП, 2020. 132 с.

УДК 343.46

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ НАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

***Д. В. Галкин**, заведующий кафедрой криминалистики Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент*

Статья посвящена проблеме применения мер уголовно-правовой ответственности за преступления, совершаемые участниками контрактной системы. Рассматриваются типичные способы совершения таких преступлений как со стороны должностных лиц государственных органов и бюджетных организаций, так и со стороны коммерческих организаций – поставщиков для государственных нужд.

Ключевые слова: коррупционное преступление, контрактная система, государственная закупка, цифровой след преступления.

ON CRIMINAL LIABILITY FOR CORRUPTION VIOLATIONS IN THE SPHERE OF PUBLIC PROCUREMENT

***D. V. Galkin**, head of the Department of Criminalistics of the Khabarovsk Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Sukharev, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

This article examines the application of criminal liability measures for crimes committed by participants in the contract system. It examines typical methods of committing such crimes, both by officials of government agencies and budgetary organizations, and by commercial organizations that supply government services.

Keywords: corruption crime, contract system, public procurement, digital trace of crime.

Рассматривая сферу государственных закупок с позиций уголовного права, прежде всего следует обратить внимание на то, что она по природе своей содержит большие коррупционные риски, так как связана с перераспределением колоссальных объемов денежных средств.

Реализация конституционного принципа о социальном характере российского государства подразумевает аккумулирование существенной доли национального дохода в государственных бюджетных и внебюджетных фондах и последующего ее распределения для финансирования экономики, общественной безопасности и социальной сферы. Совокупные расходы на государственные и муниципальные закупки Российской Федерации и ее субъектов составляют триллионы рублей ежегодно. Действующее законодательство о контрактной системе отличается высокой нормативной детализацией процедур на всех этапах осуществления закупок, от формирования заявок до оплаты исполненных государственных контрактов. Однако этого недостаточно для нейтрализации противоправных посягательств на государственные финансы, их уголовно-правовая охрана остается важным элементом обеспечения законности в рассматриваемой сфере.

Значение уголовно-правовой охраны контрактной системы обусловлено также тем, что финансовые нарушения при расходовании государственных средств не только нарушают общую законность и провоцируют коррупционные практики, но и причиняют прямой вред самим финансируемым сферам: медицине, образованию, транспорту, строительству и другим, кратно снижая эффективность государственных расходов на них [1].

Государственные закупки (контрактная система) – это конкурентная форма размещения заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд по заранее указанным в документации условиям, в оговоренные сроки на принципах состязательности, справедливости и эффективности. Основной закон в сфере госзакупок – Федеральный закон от 4 мая 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – ФЗ-44, закон о контрактной системе), устанавливающий правила закупки товаров и услуг для государственных нужд у частных лиц.

Закон о контрактной системе регулирует весь комплекс отношений между заказчиком и поставщиком товаров и услуг для государственных и муниципальных нужд, начиная с этапа планирования закупок. Он устанавливает единый порядок процедуры размещения заказа на всей территории России, а также устанавливает способы определения поставщика и процедуру заключения государственных контрактов.

Целями создания контрактной системы являются снижение размера государственных расходов с одновременным повышением их эффективности, прозрачность закупок и развитие конкуренции, опосредованное регулирование цен, поддержка субъектов малого бизнеса.

Противоправное поведение участников контрактной системы искажает указанные принципы, и в большинстве случаев оно мотивировано корыстью, реже –

иными личными интересами: кумовством, карьеризмом, желанием сократить трудозатраты, ложно понимаемыми профессиональными интересами. Такой негативной мотивации отчасти способствует сложный процедурный порядок проведения публичных торгов и тенденция к его дальнейшему усложнению, а также постоянный рост объемов государственного финансирования текущих и проектных общественных нужд.

В результате опасность криминальных угроз в рассматриваемой сфере не снижается, но продолжает расти. По оценкам экспертов, за последнее десятилетие – с 2015 г. – число выявленных преступлений в сфере госзакупок выросло в два раза. Органами предварительного следствия (в основном следователями МВД и СК России) большинство из этих преступлений квалифицированы по статьям Уголовного кодекса о даче и получении взяток, о мошенничестве, а также о злоупотреблении должностными полномочиями. Специальные нормы уголовного закона, посвященные госзакупкам, применяются гораздо реже.

Несмотря на то, что в Уголовном кодексе Российской Федерации присутствует ряд норм, которые ставят под охрану интересы участников и организаторов торгов, многие крайне негативные проявления остаются за рамками уголовно-правового воздействия, что обусловлено как экономической спецификой регулируемых отношений, так и недостатками норм уголовного закона. Кроме этого, преступления, совершаемые в сфере государственных закупок, характеризуются высокой степенью латентности, поскольку конструкции имеющихся в Уголовном кодексе норм не учитывают специфику сферы совершения преступления, а, следовательно, не способствуют и эффективному правоприменению.

Закон о контрактной системе предусматривает различные способы проведения закупок: конкурс, запрос котировок, прямые закупки, но наиболее распространенным в силу законодательных требований и экономической эффективности является такой способ закупок, как аукцион в электронной форме. На электронных аукционах проводится более половины всех торгов.

В следственно-судебной практике встречаются различные способы совершения преступлений в сфере государственных закупок, рассмотрим наиболее типичные из тех, которые реализуются участниками торгов (фирмами – поставщиками для государственных нужд).

Предложения-прикрытия – данный способ заключается в том, что один из конкурирующих участников торгов, вступая в сговор с остальными участниками, подает предложение с ценой выше предложения назначенного победителя, а после заключения с ним контракта, передает его на исполнение третьему лицу. Сложность в расследовании таких материалов состоит в том, что подобными действиями создается иллюзия реальной конкуренции, в результате чего проверяющие органы могут быть введены в заблуждение.

Отзыв предложения – данный способ заключается в том, что участник соглашается за определенное денежное вознаграждение отозвать ранее поданную заявку либо не участвовать в процедуре торгов.

Раздел рынка – по заранее осуществленному сговору, рынок делится не только по отраслям экономики, но и по территориям, при этом участие «постороннего» практически исключается. В такой ситуации, как правило, имеет место и коррупционная составляющая, в виде сговора с должностными лицами заказчика, которые препятствуют участию «посторонних» фирм в торгах.

Карусель предложений – представляет собой соглашение между участниками и заказчиком побеждать по очереди.

Схема «Таран» состоит в том, чтобы заставить добросовестных участников, введенных в заблуждение резким снижением цены одним из участников, отказаться от конкурентной борьбы и дать возможность другому участников сговора заключить контракт по максимально возможной цене [3].

Для должностных лиц заказчиков, в том числе руководителей бюджетных организаций и членов конкурсных комиссий, характерны свои типичные способы нарушений при размещении заказов. Они могут быть реализованы через установление нереальных сроков для выполнения контракта, формальное проведение торгов в условиях, когда работы выполнены заранее, излишняя детализация в описании предмета закупки, которая затрудняет участие в них добросовестных поставщиков; необоснованное укрупнение заказа.

Выявление преступлений, связанных с госзаказом, как правило, происходит в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий [2]. Редкие случаи обращений в правоохранительные органы предпринимателей, разоблачающих членов закупочных комиссий, обусловлены, прежде всего, боязнью мести со стороны коррумпированных должностных лиц и значительными финансовыми потерями для бизнеса, а в отдельных случаях – банкротством субъектов предпринимательской деятельности.

Уголовным кодексом Российской Федерации предусмотрены специальные нормы, предусматривающие ответственность за общественно опасные деяния при осуществлении государственных закупок, как со стороны поставщиков, так и со стороны должностных лиц государственных органов и бюджетных организаций. К ним относятся, в частности, ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции», ст. 200.4 УК РФ «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, ст. 200.5 УК РФ «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок», ст. 200.6 УК РФ «Заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Последние из указанных составов, относительно недавно включенные в Уголовный кодекс, характеризуются относительно немногочисленными примерами судебной практики. Так, Следственным управлением СК России по Республике Адыгея привлечена к ответственности по п. «в» ч. 5 ст. 200.5 УК РФ сотрудник медицинского центра. Обвиняемая, являясь сотрудником государственного медицинского центра, то есть уполномоченным лицом, представляющим интересы заказчика в сфере закупок товаров для обеспечения государственных нужд, незаконно получила более 390 тыс. руб. от индивидуального предпринимателя, работающего в сфере оптовых продаж изделий медицинского назначения. В результате незаконных действий было заключено более 70 контрактов на общую сумму около 2 млн руб. без информирования об этом других поставщиков, ограничивая тем самым число участников закупок. Приговором подсудимой назначено наказание в виде 4 лет лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года.

Список источников

1. Бутырская А. В., Шувалова А. М. Механизм совершения преступлений в сфере государственных закупок // Противодействие преступлениям коррупционной направленности: материалы науч.-практ. конф., посвященной выдающемуся российскому ученому Николаю Сергеевичу Алексееву (Москва, 27 октября 2016 г.) / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. 2016. С. 370–374.
2. Земскова Е. Н. Расследование преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. … канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2018. 296 с.
3. Корякин В. М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности: моногр. М.: Юрлитинформ, 2014.

УДК 343.85

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

***Е. А. Киселёв**, заведующий кафедрой уголовного права криминологии и уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент*

В статье предпринята попытка комплексного анализа детерминант преступлений коррупционной направленности, которые рассматриваются как система взаимосвязанных факторов экономического, социально-политического, правового и социально-психологического характера. Цель исследования заключается в структуризации и выявлении ключевых причин и условий, порождающих и воспроизводящих коррупцию в современном обществе. Методологическую основу работы составили системный подход, сравнительно-правовой и структурно-функциональный анализ. Новизна заключается в интегральном рассмотрении детерминант, где особое внимание уделяется латентным социально-психологическим механизмам, порождающим коррупционное поведение. В результате исследования выделены и детализированы четыре основные детерминанты преступлений коррупционной направленности: институционально-управленческие, социально-экономические, правовые и социально-психологические. Делается вывод о том, что эффективная антикоррупционная политика должна носить комплексный характер, направленный не только на ужесточение репрессивных мер, но и на системные преобразования в институциональной среде и правовой культуре.

Ключевые слова: детерминанта преступления, преступление коррупционной направленности, причина и условие, конфликт интересов, противодействие преступлениям, детерминация.

THE MAIN DETERMINANTS OF CORRUPTION-RELATED CRIMES

***E. A. Kiselev**, head of the Department of Criminal Law, Criminology, and Criminal Procedure at the Khabarovsk Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

The article attempts to analyze the complex determinants of corruption-related crimes, which are considered as a system of interconnected economic, socio-political, legal, and socio-psychological factors. The purpose of the study is to structure and identify the key causes and conditions that generate and reproduce corruption in modern society. The study is based on a systematic approach, comparative legal analysis, and structural-functional analysis. The novelty of the study lies in its comprehensive examination of the determinants, with a focus on the latent socio-psychological mechanisms that generate corruption.

Keywords: determinant of crimes, corruption-related crime, cause and condition, conflict of interest, counteraction to crime, determination.

Коррупция, понимаемая как злоупотребление доверенной властью для получения личной выгоды. Коррупция является одной из наиболее актуальных и деструктивных проблем для государств с независимо от уровня социально-экономического развития. Ее последствия проявляются в подрыве доверия к институтам публичного управления, искажении механизмов конкуренции, неэффективном распределении ресурсов и, в конечном счете, в торможении экономического роста и социального развития всего общества. В этой связи выявление и системный анализ детерминант преступлений коррупционной направленности приобретает первостепенное научное и практическое значение. Детерминанты коррупции не сводятся к единичным причинам, они представляют собой сложный, многоуровневый конгломерат взаимовлияющих факторов [1].

Общеизвестно, что пораженность общества коррупционными преступлениями препятствует главным образом реализации прав и свобод человека и гражданина. В этой связи сохраняет актуальность проблема противодействия коррупционным преступлений во всех сферах общественных отношений.

Говоря о противодействии коррупционным преступлениям, председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин обратил внимание на то, что «нарастающий вал этой преступности требует не только репрессивных, но и научно обоснованных, хорошо выверенных законодательных мер» [4.].

На протяжении ряда лет в России сохраняется сложная криминальная ситуация. Наблюдается не только рост преступлений в сфере государственной службы, но и изменение ее характера в т. ч. в таких важных сферах, как государственное управление, правоохранительная служба и судебная система. Динамику и структуру коррупционных преступлений в последнее время определяют не столько традиционные причины и условия, хотя они и сохраняют свою значимость, сколько многочисленные факторы, вытекающие из современных кризисных явлений в социально-экономической сфере.

Следует согласиться с мнением ученых, что в социально-экономической сфере в последние годы происходили бурные изменения, появились новые непривычные сферы и формы активности, к чему труднее всего приспосабливались властные институты. Именно здесь более всего ощущался рост коррупционной преступности. Преступления данной категории проявлялись в таких важных сферах жизнедеятельности общества, как образование, здравоохранение, автодорожное хозяйство и других отраслях экономики [2, 3].

Системный подход к изучению коррупции позволяет рассматривать коррупцию как элемент социальной системы общества пусть и негативный.

На основе сравнительно-правового анализа нормативной правовой базы и анализа экспертных оценок, имеющихся в научной литературе, можно выделить основные детерминанты коррупционной преступности [1, 2].

Во-первых, институционально-управленческие детерминанты, к которым относятся дефекты в организации и функционировании государственного аппарата: чрезмерная бюрократизация и административные барьеры; неопределенность и дискреционный характер полномочий; широкие рамки для усмотрения должностных лиц при отсутствии прозрачных процедур и критериев принятия решений; слабость институтов публичного контроля. Неэффективная кадровая политика – одна из причин коррупции. Принцип меритократии не всегда является доминирующим при назначении на должности. Кумовство, патронаж, непотизм и неформальные связи создают среду, где лояльность ценится выше профессионализма и добросовестности.

Во-вторых, социально-экономические детерминанты. Экономические условия формируют материальную базу для коррупционных отношений. К таким условиям традиционно относят макроэкономическую нестабильность и высокий уровень теневого сектора в отдельных отраслях экономики государства. Кризисные явления в экономике, высокие налоги и значительный объем неформальных экономических отношений создают спрос на коррупционные услуги по уходу от налогов, получению льгот и «решению» проблем вопреки либо в обход закона. Также выделяют в качестве факторов дисбаланс в распределении экономических ресурсов: значительное социальное неравенство и низкий уровень оплаты труда государственных служащих создают мотивацию для поиска дополнительных,

в том числе противоправных, источников доходов. Теория «рационального выбора» предполагает, что индивид взвешивает потенциальные выгоды и издержки от совершения преступления [4]. Высокая концентрация собственности и ресурсов в руках государства также отмечается как детерминанта коррупционной преступности: монопольное положение государства в ключевых отраслях экономики (недропользование, крупные инфраструктурные проекты) создает стимулы для бизнеса вкладывать средства в лоббирование и подкуп для получения выгодных контрактов и преференций.

В-третьих, правовые детерминанты, к числу которых следует отнести несовершенство правовой системы, что само по себе является катализатором коррупционных процессов.

Все это порождает нестабильность, противоречивость и пробельность законодательства – частое изменение правил игры, наличие коллизий между нормативными актами и их неопределенность вынуждают субъектов права прибегать к коррупционным способам обеспечения правовой определенности и снижения рисков.

Низкая эффективность правоприменительной практики и неотвратимости наказания, обуславливающая высокий уровень латентности коррупционных преступлений, низкий процент раскрытия и реального осуждения по таким делам формируют восприятие безнаказанности. Слабость и зависимость судебной системы подрывают веру в справедливость правосудия.

В-четвертых, социально-психологические и культурные детерминанты. Эта группа факторов относится к сфере общественного сознания и индивидуальной мотивации.

Среди таких детерминант прежде всего необходимо выделить правовой нигилизм, получающий распространение в обществе. Неуважение к закону, восприятие его как несправедливого или необязательного для исполнения создает «благоприятный» социально-психологический фон для коррупции.

В обществе наблюдается трансформация ценностных ориентаций: доминируют ценности потребительства, успеха и обогащения любой ценой. При этом легитимные пути достижения успеха часто воспринимаются как недоступные или неэффективные.

Имеется нормативная двусмысленность и «бытовая» коррупция –сложившиеся в обществе неписаные правила, оправдывающие мелкую коррупцию на бытовом уровне (мелкие взятки врачу, учителю) – формируют устойчивую коррупционную толерантность и размывают границы между нормальным и девиантным поведением.

В отдельных корпоративных и властных структурах может складываться круговая порука, где отказ от участия в коррупционных схемах расценивается как предательство, что ведет к социальной изоляции члена коллектива.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

Детерминанты преступлений коррупционной направленности образуют сложную многоуровневую систему, в которой институциональные, экономические, правовые и социально-психологические факторы находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Неэффективные институты порождают экономические диспропорции, которые, в свою очередь, подпитывают правовой нигилизм и деформацию общественного сознания.

Следовательно, борьба с коррупцией не может ограничиваться исключительно карательными мерами. Эффективная антикоррупционная стратегия должна носить комплексный и упреждающий характер, включающий реформы:

– институциональные: дебюрократизацию, дальнейшее внедрение прозрачных процедур и усиление независимого публичного контроля;

– экономические: обеспечение конкурентной среды, реформу системы оплаты труда госслужащих;

– законодательные: повышение качества правового регулирования, обеспечение стабильности и непротиворечивости правовых норм.

А также необходимо формирование антикоррупционной культуры: воспитание правосознания, пропаганда нетерпимости к коррупции через систему образования и СМИ, разрушение стереотипов о допустимости «бытовой» коррупции.

Только синхронное воздействие на все ключевые кластеры детерминант способно привести к системному снижению уровня коррупции и созданию среды, в которой коррупционное поведение станет не только высокорискованным, но и социально неприемлемым.

Список источников

1. Аванесов Г. А. Криминология: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / под ред. Г. А. Аванесова. 4-е изд., перераб и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 203 с.
2. Квалификация коррупционных преступлений в сфере экономики. Курс лекций: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. А. М. Багмета. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 215 с.
3. Ким Е. П., Киселев Е. А. Детерминанты коррупционных преступлений, совершаемых в сфере здравоохранения // Актуальные вопросы организации оказания медицинской помощи и противодействия преступлениям в сфере здравоохранения: сб. ст. науч.-практ. конф., Хабаровск, 12 апреля 2017 года. Хабаровск: Рекламно-производственная компания «Бамбук» (ИП Пастернак В. А.), 2017. С. 47–51.
4. Следственный комитет Российской Федерации: [сайт]. URL: http://www.sledcom.ru/actual/416890/(дата обращения: 12.10.2025).
5. Эрроу К. Социальный выбор и индивидуальные ценности/ Токио, Япония 1963. 108 с.

УДК 343.85

КОРРУПЦИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

***О. В. Ковальчук**, начальник кафедры уголовного права и криминологии Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук*

В статье поднимаются проблемы коррупционных проявлений в сфере государственных закупок, рассматриваются особенности данного вида преступлений. Автор обращает внимание на механизмы совершенствования борьбы с преступлениями в сфере государственных закупок, рассматривает особенности коррупционных преступлений в сфере государственных закупок. В статье подчеркивается высокая общественная опасность преступлений в сфере государственных закупок, предлагаются профилактические меры.

Ключевые слова: государственная закупка, конкуренция, контракт, коррупция, латентность, противодействие, торги.

CORRUPTION IN PUBLIC PROCUREMENT

***O. V. Kovalchuk**, head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law*

This article addresses the problem of corruption in public procurement and examines the specifics of this type of crime. The author highlights mechanisms for improving the fight against public procurement crimes and examines the specifics of corruption-related crimes in public procurement. The article emphasizes the high social danger of public procurement crimes and proposes preventative measures.

Keywords: public procurement, competition, contract, corruption, latency, counteraction, bidding.

Коррупционные преступления в сфере государственных закупок –одна из сложных и актуальных проблем современной правоприменительной практики. Государственные закупки являются важнейшим инструментом обеспечения государственных нужд поэтому подвержены значительным коррупционным рискам. Это объясняется, прежде всего, большим объемом финансирования в данной сфере, сложностью регулирования процедур закупок [3, с. 12].

Что представляет собой само понятие «коррупционное преступление»? В российском уголовном праве коррупция понимается как злоупотребление властью или должностным положением с целью получения личной выгоды. Коррупционные преступления включают такие деяния, как получение и дача взятки, коммерческий подкуп, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий и служебный подлог. В сфере государственных закупок коррупционные преступления проявляются через сговоры на торгах, манипуляции с документацией, выдвижение необоснованных требований к участникам закупок и иные противоправные действия, препятствующие честной конкуренции [6].

В соответствии с отечественным законодательством коррупционные преступления в сфере государственных закупок могут выражаться в разных формах, включая подкуп должностных лиц, злоупотребление полномочиями, мошенничество при осуществлении закупок, откаты, картельные сговоры и иные схемы, направленные на незаконное обогащение. В основе таких преступлений лежит сознательное искажение установленного порядка проведения закупочных процедур, что влечет нарушение принципов конкурентности, прозрачности и справедливости.

Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» является основным специализированным нормативным правовым актом, регулирующим данную сферу. Он устанавливает единые правила для всех участников закупок, предусматривая строгие требования к исполнителям, поставщикам и заказчикам. Основной целью данного закона является обеспечение эффективности и прозрачности расходования бюджетных средств, предотвращение коррупционных схем и создание условий для добросовестной конкуренции. Однако, несмотря на наличие жесткого регулирования, практика показывает, что злоупотребления в этой сфере остаются широко распространенными [1].

В российской правовой доктрине вопросы коррупционных преступлений в сфере государственных закупок рассматриваются многими исследователями, среди которых можно выделить работы таких ученых, как В. Н. Комиссаров, Ю. И. Скуратов, В. В. Лунеев и С. А. Воронцов. Они отмечают, что коррупция в сфере закупок является системным явлением, обусловленным сочетанием институциональных, правовых и экономических факторов. В своих исследованиях Воронцов и Скуратов подчеркивают, что одной из причин высокой коррупционной активности в данной сфере является сложность законодательного регулирования и наличие большого количества исключений и лазеек, позволяющих участникам закупочных процедур обходить установленные нормы [Приводится по: 3, с. 14].

Представляется возможным разделить коррупционные преступления в сфере государственных закупок на несколько условных категорий. Первая включает преступления, связанные с дачей и получением взятки за заключение контракта на заведомо невыгодных для государства условиях. Вторая охватывает мошенничество при проведении закупок, когда победитель тендера заранее известен, а конкуренция лишь имитируется. Третья связана с недобросовестным исполнением государственных контрактов, когда поставляемые товары или услуги не соответствуют заявленным требованиям, а контроль за качеством осуществляется формально или вовсе отсутствует.

Особенностью таких преступлений является их высокая латентность, что обусловлено как сложностью выявления нарушений, так и заинтересованностью всех сторон в их сокрытии. В связи с этим значительная часть коррупционных схем становится известной правоохранительным органам только в случае утечки информации, жалоб конкурентов или инициирования независимых проверок. В этом контексте особую роль играет система общественного контроля за закупками, которая, однако, пока не достигла достаточной эффективности.

Кроме того, следует отметить, что коррупционные преступления в сфере государственных закупок могут носить как индивидуальный, так и системный характер. В первом случае речь идет о злоупотреблениях со стороны отдельных должностных лиц, которые используют свои полномочия в корыстных целях. Во втором случае имеет место организованная преступная деятельность, в которой участвуют не только государственные служащие, но и представители коммерческих структур, адвокаты, аудиторы и иные посредники. Такой вид преступности наиболее опасен, поскольку он представляет собой целенаправленный механизм незаконного перераспределения бюджетных средств.

Отечественные исследователи также обращают внимание на механизмы совершенствования борьбы с преступлениями в сфере государственных закупок. В частности, Ю. М. Антонян и В. В. Лунеев указывают на необходимость развития цифровых технологий, которые позволяют минимизировать человеческий фактор и, соответственно, снижать уровень коррупционных рисков. В этом направлении активно развивается система электронных закупок, которая делает процесс распределения контрактов более прозрачным. Однако даже при использовании автоматизированных платформ сохраняются риски сговора между участниками торгов, манипуляции с техническими требованиями к товарам и услугам, а также заведомо завышенные стартовые цены на закупки.

Место коррупционных преступлений в сфере государственных закупок в системе должностных преступлений определяется их высокой общественной опасностью. Такие деяния не только наносят прямой материальный ущерб государству, но и подрывают доверие общества к государственным институтам,

что приводит к деградации экономической и социальной сфер. Например, злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) в контексте государственных закупок может выражаться в заключении контрактов на заведомо невыгодных для государства условиях, что наносит ущерб бюджету и снижает эффективность использования общественных ресурсов [2, с. 154].

Анализ правоприменительной практики показывает, что наиболее распространенными коррупционными преступлениями в сфере государственных закупок являются получение взятки (ст. 290 УК РФ) и коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ). В первом случае речь идет о действиях должностных лиц, использующих свои полномочия для получения незаконного вознаграждения за содействие в заключении государственных контрактов. Во втором случае субъектами преступления выступают представители коммерческих организаций, участвующих в закупках, что подчеркивает сложность правоприменения в данной сфере. Часто такие деяния сопровождаются мошенничеством (ст. 159 УК РФ), когда средства бюджета незаконно присваиваются или расходуются не по назначению.

Коррупционные преступления в сфере государственных закупок имеют свои особенности, обосабливающие их в системе должностных преступлений. Одной из таких особенностей является наличие сложных организационно-правовых отношений, регулирующих процесс закупок на всех этапах. На всех этих этапах возможны нарушения коррупционной направленности. Например, при формировании технического задания заказчики могут вводить избыточные требования, чтобы ограничить круг участников и тем самым обеспечить победу определенной компании [4, с. 433].

Высокий уровень латентности – еще одна характерная черта коррупционных преступлений в сфере государственных закупок. Такие преступления часто совершаются в рамках формально законных процедур, что затрудняет их выявление и доказывание. Например, сговор между должностными лицами и поставщиками может быть оформлен в виде законного договора, что требует от правоохранительных органов большого профессионализма в проведении оперативных мероприятий, тщательного анализа документов.

Интересен международный опыт борьбы с коррупцией в сфере государственных закупок. Например, в США действует система федерального регулирования закупок, которая предусматривает строгие правила контроля и отчетности на всех этапах закупочного процесса. Данные нарушения являются тяжелыми преступлениями и влекут за собой солидные штрафы и суровые наказания.

Отечественное законодательство также постоянно совершенствует систему государственных закупок, принимает меры для снижения коррупционных рисков. Начиная с 2021 г. в УК РФ вносятся изменения, усиливающие ответственность

за преступления в сфере закупок. Кроме того, вводятся дополнительные требования к прозрачности процедур закупок, включая обязательное размещение всей информации о закупках и контрактах в единой информационной системе.

Несмотря на активную борьбу с коррупционными проявлениями в сфере государственных закупок и ее положительными плодами, остается ряд проблем, которые требуют выработки соответствующих эффективных мер. Большую критику вызывает недостаточный контроль за эффективностью исполнения государственных контрактов. Несмотря на сторгую отчетность, злоупотребления на этапе исполнения контрактов остаются нередким явлением. В частности, поставщики могут предоставить товары или услуги ненадлежащего качества, очень часто это своевременно не выявляется. Данная проблема требует тесного взаимодействия между контрольными органами и правоохранительными структурами.

Следует также отметить низкую правовую осведомленность участников закупок. Многие субъекты не обладают достаточными профессионализмом и знаниями о нормах и процедурах государственных закупок, что создает благоприятные условия для недобросовестных участников. В связи с этим повышение уровня правовой грамотности должностных лиц и участников закупок, проведение профессиональных тренингов, создание образовательных программ, в частности введение обязательного прохождения повышения квалификации в сфере государственных закупок с определенной периодичностью, является первоочередной задачей в профилактическом русле сферы государственных закупок.

Профилактикоориентированной мерой предотвращения коррупционных преступлений в сфере закупок является внедрение современных технологий, таких как цифровизация и автоматизация процессов. Электронные торги, проводимые через специализированные платформы, значительно снижают коррупционные возможности, так как минимизируют непосредственное участие человека. Кроме того, использование искусственного интеллекта и аналитических систем для анализа заявок и контроля за исполнением контрактов позволяет оперативно выявлять аномалии и предотвращать нарушения [5, с. 252].

Подводя итог, можно сказать, что коррупционные преступления в сфере государственных закупок занимают особое место в системе должностных преступлений. Их высокий уровень общественной опасности обусловлен значительными материальными и социальными последствиями. Для эффективного противодействия таким преступлениям необходимо не только совершенствовать законодательство, но и внедрять комплексные меры, направленные на повышение прозрачности и конкурентности закупочных процедур. Это включает в себя развитие правовой базы, усиление контроля, использование цифровых технологий и повышение уровня правовой грамотности участников. Только комплексный подход позволит снизить уровень коррупции в данной сфере и повысить эффективность использования бюджетных средств.

Список источников

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».1. Бастрыкин А. И. Преступления в сфере экономики: учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2020. 336 с.
2. Беляева О. А. Направления повышения эффективности противодействия коррупции в сфере корпоративных закупок // Журн. рос. права. 2019. С. 12–14.
3. Бугаевская Н. В. Ответственность за коррупционные проявления в сфере закупок для обеспечения государственных или муниципальных нужд: новеллы уголовного законодательства // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Право. 2022. Т. 13, вып. 2. С. 433–451.
4. Криминалистическая характеристика преступной деятельности в госзакупках / И. В. Сошникова, В. И. Шерпаев // Правовое государство: теория и практика. 2019. Т. 56. С. 252.
5. Статистика преступлений в сфере закупок товаров и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (2020–2023) // Следственный комитет Российской Федерации: [сайт]. URL: www.sledcom.ru (дата обращения: 03.11.2025).

УДК 343.9

АНАЛИЗ КОМПЛЕКСА ДЕТЕРМИНАНТ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВУ КАК КОРРУПЦИОННОМУ ПРЕСТУПЛЕНИЮ

***В. В. Кошкина**, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена причинам и условиям взяточничества как коррупционного преступления. Проанализированы статистические данные, подтверждающие динамику роста рассматриваемого преступления. Рассмотрены экономические, политические, нравственные, правовые детерминанты взяточничества; вопрос о высоком уровне латентности данного коррупционного явления.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, статистические данные, причины и условия взяточничества, латентность.

ANALYSIS OF THE COMPLEX OF DETERMINANTS CONTRIBUTING TO BRIBERY AS A CORRUPTION CRIME

***V. V. Koshkina**, senior lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article examines the causes and conditions of bribery as a corruption crime. It analyzes statistical data confirming the growth dynamics of this crime. It examines the economic, political, moral, and legal determinants of bribery; the high level of latency of this corruption phenomenon is also discussed.

Keywords: corruption, bribery, statistical data, causes and conditions of bribery, latency.

Взяточничество как коррупционное преступление, проявляющееся в разных областях государственного управления и социума, является серьезной угрозой. Оно усиливает политическую и экономическую пропасть между людьми, создает благоприятную почву для преступных синдикатов, расшатывает веру граждан в правительственные структуры, создает риски для безопасности государства и негативно влияет на общее экономическое развитие.

В системе коррупционных преступлений взяточничество играет ключевую роль, являясь их основой. Для коррупционных преступлений характерны три основных признака: подкуп (как активный, так и пассивный, включая взяточничество), совершение преступления определенным субъектом (должностное лицо, управленец в организации, арбитр или присяжный заседатель) и злоупотребление этим субъектом своими полномочиями из корыстных побуждений, часто связанное с подкупом. Именно подкуп является определяющим элементом, позволяющим квалифицировать преступление как коррупционное.

Являясь составной частью сложного социального явления – преступности в целом, взяточничество как преступление коррупционного характера в настоящее время проходит стадию встраивания в новые условия глобальных экономических проявлений современной социальной трансформации. Учитывая высокую латентность и проницаемость в систему социальных и экономических отношений, можно говорить о превращении взятки как ядра коррупционизма в самостоятельный социальный феномен, черту антисоциального образа жизни достаточно широкого круга граждан. При этом динамика взяточничества в России имеет явную тенденцию к росту.

В 2024 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 23240 преступлений, непосредственно связанных со взяточничеством. Данный показатель на 14,6 % больше по сравнению с 2023 г. [3]. Структура взяточничества на 2024 год выглядела следующим образом: получение взятки – 50 %, дача взятки – 37 %, а посредничество во взяточничестве – 13 % [4].

По мнению Б. В. Сидорова, взяточничество представляет собой относительно самостоятельное негативное социально-правовое явление, которое стало элементом, определяющим отрицательную сторону современного рыночного общества, пронизанного коррупцией и избравшего незаконное обогащение основным способом существования «благополучной» части общества [7, с. 160].

Из анализа статистических данных следует сделать вывод, что взяточничество в России имеет устойчиво высокие показатели: на протяжении шести анализируемых лет число преступлений, связанных со взяточничеством, только увеличивается. С одной стороны, из статистических данных следует, что происходит рост преступлений в сфере взяточничества, с другой стороны, данные показатели указывают на эффективную работу правоохранительных органов по выявлению преступлений данного вида.

Согласно исследованию, проведенному Всероссийским центром изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ) [2], наиболее коррумпированным видом деятельности является медицина (23 %), далее идут ГИБДД и полиция (16 %), ЖКХ (16 %), суд и прокуратура (14 %). Всего 2 % из опрашиваемых указали на то, что наиболее сильно коррупция процветает в армии, политических партиях, СМИ.

Взяточничество оказывает негативное влияние на общество, государственную власть и влечет за собой ряд негативных последствий, которые являются достаточно ощутимыми для государства в целом.

Мы выдели ряд причин, по которым взяточничество остается на высоком уровне преступности.

1. Экономические причины:

– высокий уровень инфляции и безработицы;

– экономический кризис и экономическая нестабильность страны;

– низкая заработная плата государственных служащих, чиновников;

– монополизация экономики в условиях олигархического капитализма;

– недостаточность ресурсов, направленных на борьбу со взяточничеством;

– неразвитость конкуренции [6, с. 120].

2. Политические причины:

– несформированность политической культуры;

– устройство некомпетентных лиц или представителей преступных организаций в государственные учреждения;

– большое количество чиновников, что затрудняет высокую оплату их труда;

– отсутствие эффективных правовых механизмов регулирования антикоррупционной политики;

– политическая нестабильность [8, с. 72].

3. Социальные, нравственные причины:

– низкий уровень грамотности, а также образования;

– взаимовыгодные отношения, сложившиеся между взяткодателем и взяткополучателем;

– бездействие общества, нежелание бороться с коррупционными преступлениями;

– недостаточная просвещенность общества относительно антикоррупционного поведения;

– отсутствие доверия граждан правоохранительным органам;

– утрата моральных, человеческих ценностей;

– признание коррупции обычным, приемлемым явлением.

4. Правовые причины:

– несовершенство законодательной базы относительно коррупционных преступлений, борьбы с ними;

– противоречивость нормативных правовых актов;

– частое изменение законодательства [5, с. 232].

Статистические данные в полной мере не отражают реальной ситуации и распространенности взяточничества. Это связано с тем, что коррупционные преступления обладают достаточно высоким уровнем латентности, на что указывает ряд авторов.

Латентность коррупционных преступлений всегда была достаточно высокой. Так, в XX в., а именно в 1987 г., коэффициент латентности составлял 18, что следует из информации, полученной в ходе опроса экспертов, принимающих участие в заседаниях коррупционных бюро, связанных с проблемами уголовного права и криминологии. С каждым годом этот коэффициент не понижался, а лишь становился выше, о чем свидетельствуют данные, полученные в 2000 г., когда коэффициент составил 20. В современное время коэффициент уровня латентности достигает 50 [1, с. 516].

Данные показатели говорят о достаточно высоком уровне латентности, что требует принятия кардинальных решений по разработке мер для борьбы со взяточничеством.

Количественные показатели взяточничества указывают на то, что с каждым годом преступления, связанные со взяточничеством, набирают обороты и неуклонно растут, при том что огромная часть таких преступлений остается неизвестна правоохранительным органам, то есть латентна. Латентность связана с тем, что как взяткодателю, так и взяткополучателю выгодно скрывать факт противоправных деяний. Часто факты взятки носят согласительный характер, то есть лица заключают некую выгодную сделку, о которой им невыгодно сообщать в правоохранительные органы.

Кроме того, следует отметить, что еще одной распространенной причиной латентности взяточничества является то, что существует разное количество схем совершения данного вида преступления, которые с развитием общества становятся изощрение, сложнее, что затрудняет выявление таких противоправных деяний.

Подводя итог, следует отметить, что, изучив статистические данные рассматриваемого вида преступлений, следует сделать вывод о том, что с каждым годом преступность в сфере взяточничества неуклонно растет, что сказывается на обществе. Несмотря на усилия, направленные на борьбу со взяточничеством, оно остается одним из наиболее часто встречающихся видов коррупции в современной России. На ежегодное возрастание рассматриваемых видов преступлений влияет ряд причин, таких как экономические, политические, правовые, социально-психологические, нравственные.

Список источников

1. Везломцев В. Е., Везломцева С. Г. Коррупция – качественный портрет явления в количественном измерении // Евразийс. юрид. журн. 2022. № 9 (172).
2. Генпрокуратура составила психологический портрет среднестатистического коррупционера // Всероссийский центр изучения общественного мнения: [сайт]. URL: https://tass.ru/proisshestviya/5879563 (дата обращения: 04.11.2025).

3. Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности за 2024 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=216 (дата обращения: 04.11.2025).
4. Коррупция (мошенничество, взятки) // TADVISER: [сайт]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:_Коррупция_(мошенничество,_взятки):_Россия_и_мир (дата обращения: 05.11.2025).
5. Коррупция. Политические, экономические, организационные и правовые проблемы / под ред. В. В. Лунеева. М.: Юрист, 2004.
6. Пилькевич Б. О. Причины и условия возникновения и развития коррупционных проявлений в современном российском обществе // Молодой ученый. 2021. № 31 (373).
7. Сидоров Б. В., Балаев А. Ш. Взяточничество как система и составная часть коррупции: понятие, социальная и правовая характеристика и вопросы совершенствования уголовного законодательства // Вестн. экономики, права и социологии. 2024. № 2.
8. Фарахиев Д. М., Фарахиева Г. Р. Причинный комплекс взяточничества в России // Науч. компонент. 2022. № 4 (16).

УДК 343.9

ПРИЧИНЫ И ОСНОВАНИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 237 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2024 ГОДУ: ПРИНЯТИЕ МЕР И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

***Т.В. Осипова**, старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева*

В статье рассмотрен алгоритм процессуального контроля уголовных дел, возвращенных прокурору судом на дополнительное расследование в Следственном управлении Следственного комитета России по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области. Также выработаны предложения по повышению качества предварительного расследования, которые позволяют избежать ошибок, допускаемых при расследовании и проверке уголовных дел, направляемых в суд в порядке ст. 220 УПК РФ.

Ключевые слова: процессуальный контроль, предварительное расследование, суд апелляционной инстанции, суд кассационной инстанции, истечение срока давности.

REASONS AND GROUNDS FOR RETURNING CRIMINAL CASES OF CORRUPTION IN ACCORDANCE WITH ARTICLE237 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN2024: MEASURES TAKEN AND ORGANIZATION OF PROCEDURAL CONTROL

***T.V. Osipova**, senior lecturer of Criminal Law, Criminology, and Criminal Procedure of the Department of Criminal Procedure of the Khabarovsk Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Sukharev*

The article considers the algorithm of procedural control of criminal cases returned to the prosecutor by the court for additional investigation in the Investigative Department of the Investigative Committee of Russia for

the Khabarovsk Territory and the Jewish Autonomous Region. Proposals have also been developed to improve the quality of the preliminary investigation, which make it possible to avoid a lot of mistakes made during the investigation and verification of criminal cases sent to court in accordance with Article 220 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: procedural control, preliminary investigation, court of appeal, court of cassation, expiration of the statute of limitations.

Качественное расследование уголовных является одной из первостепенных задач следственного управления. Вместе с тем, несмотря на снижение в 2024 г. данного негативного показателя на 15 %, удельный вес возвращенных судом в порядке ст. 237 УПК РФ дел по-прежнему высок и составляет 2 % от общего числа оконченных с составлением обвинительного заключения (АППГ – 2,3 %), что в абсолютных цифрах составляет 21 дело против 28 за АППГ [1].

Причинами возвращения уголовных дел в порядке ст. 237 УПК РФ являются нарушение требований ст. 73, 171 и 220 УПК РФ, связанные, как правило, с ошибками при описании обвинения, неполнотой предварительного следствия, неверной квалификацией. Допускаются очевидные нарушения, которые могли быть своевременно выявлены руководителями следственных отделов в порядке процессуального контроля.

Например, судом в 2024 г. было возвращено дело по обвинению врача в получении мелкой взятки по ч. 1 ст. 291.2 УК РФ, поскольку отсутствовал состав преступления. Как было установлено, обвиняемый действовал как врач-рентгенолог и проведение рентген-исследования не входило в круг служебных полномочий, однако это было описано в обвинении.

Также следственным управлением расследовалось уголовное дело по обвинению по ч. 1 ст. 109 УК РФ организатора сплава, в результате неосторожных действий которого произошло опрокидывание катамарана и смерть одного из участников сплава. Солнечный районный суд Хабаровского края в декабре 2022 г. вынес обвинительный приговор, организатор сплава был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ, было назначено наказание в виде 1 года исправительных работ с удержанием 10 % из заработной платы в доход государства. На основании ч. 8 ст. 302 УПК РФ осужденный был освобожден от назначенного наказания ввиду истечения срока давности уголовного преследования.

Судами апелляционной и кассационной инстанции приговор Солнечного районного суда Хабаровского края был оставлен без изменения.

Не согласившись с указанными решениями, осужденный обратился в Верховный суд Российской Федерации с жалобой. По результатам рассмотрения

судом указанные решения были отменены, уголовное дело возвращено прокурору Хабаровского края в порядке ст. 401.14 УПК РФ ввиду выявленных существенных нарушений уголовно-процессуального законодательства. Как установлено, по уголовному делу неоднократно принимались решения о его прекращении по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием события преступления.

Сроки давности уголовного преследования по делу истекли, при этом уголовное преследование в отношении конкретных лиц по уголовному делу не осуществлялось. С учетом того, что с момента принятия первоначального решения о прекращении уголовного дела прошел 1 год, перед судом было возбуждено ходатайство о получении разрешения об отмене указанного решения.

Из материалов уголовного дела следует, что после отмены постановления о прекращении уголовного дела и возобновления предварительного следствия организатору сплава было предъявлено обвинение в совершении преступления небольшой тяжести, сроки давности по которому истекли. При рассмотрении уголовного дела по существу и постановлении приговора, согласно которому организатор сплава был признан виновным и осужден по ч. 1 ст. 109 УК РФ с освобождением от отбытия наказания ввиду истечения срока давности уголовного преследования, а также при пересмотре данного приговора судами апелляционной и кассационной инстанций указанное нарушение уголовно-процессуального законодательства, допущенное при производстве по уголовному делу, не было выявлено.

В связи с этим Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации в июне 2024 г. постановление суда о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела, приговор Солнечного районного суда Хабаровского края, апелляционное постановление Хабаровского краевого суда и постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции в отношении организатора сплава были отменены, уголовное дело возвращено прокурору Хабаровского края.

Также судебной коллегией краевого суда в апреле 2024 г. был отменен приговор по ч. 3 ст. 290 и ч. 3 ст. 286 УК РФ в отношении полицейского (водителя) батальона охраны и конвоирования УМВД, который получил через посредника взятку в виде денег за передачу в следственный изолятор запрещенных предметов (телефоны). Основанием для такого возврата послужила неверная квалификация в части передачи взятки через посредника, поскольку денежные средства полицейскому перевела девушка, привлеченная оперативными сотрудниками к эксперименту, то есть не по поручению взяткодателя. В данном случае надлежало квалифицировать дачу взятки лично, так как посредник действовал в рамках оперативно-разыскного мероприятия. В настоящее время вопрос квалификации действий обвиняемого в подобных случаях разрешен Верховным судом Российской Федерации.

В июне текущего года высшей судебной инстанцией было удовлетворено кассационное представление заместителя генерального прокурора Российской Федерации по уголовному делу в отношении инспектора следственного изолятора по ч. 3 ст. 290 и ч. 3 ст. 286 УК РФ, которое было передано на рассмотрение Девятого кассационного суда общей юрисдикции для пересмотра постановления суда первой инстанции о возвращении дела прокурору и апелляционного постановления.

Было установлено, что оснований для возвращения дела прокурору не имелось. Подсудимый, являясь инспектором следственного изолятора, получил взятку в размере 20 тыс. рублей за незаконные действия по проносу и передаче сотового телефона следственно арестованному Д. Для реализации преступного умысла подсудимый связался с двоюродным братом следственно арестованного Д. – В. (участник оперативного эксперимента), с которым договорился о получении взятки и сотового телефона. Участник оперативного эксперимента В., в свою очередь, привлек Ч. (также участник оперативного эксперимента), который перечислил подсудимому первую часть взятки в размере 2 тыс. руб. и при встрече передал ему сотовый телефон. Указанные предметы подсудимый пронес на территорию следственного изолятора, после чего второй участник оперативного эксперимента Ч. перечислил остальную сумму взятки в размере 18 тыс. руб. Суды дважды возвращали дело прокурору. Первоначально в августе 2024 г. суд указал на необходимость квалификации действий должностного лица как на получение взятки лично, а не через посредника, как вменено органом предварительного расследования. После того как требования суда были выполнены и обвинение переформулировано на получение взятки лично, в ноябре 2024 г. суд вновь вернул дело прокурору, указав на необходимость квалификации получения взятки не лично, а через посредника, то есть так как вменялось изначально. В обоих случаях апелляционная инстанция признала решения судов законными, а судом было отказано в передаче кассационного представления на второе апелляционное постановление, что не является правильным.

В соответствии с п. 13.2 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» посредничеством во взяточничестве признается не только непосредственная передача по поручению взяткодателя денег и других ценностей, но и иное способствование в достижении или реализации соглашения между этими лицами о получении и даче взятки.

Как следует из дела, следственно арестованный Д. сообщил своему двоюродному брату В. о готовности должностного лица поспособствовать в передаче сотового телефона за взятку в размере 20 тыс. руб., предоставив номер его телефона и попросив вести с ним переписку. Посчитав действия

подсудимого С. незаконными, он обратился в УФСБ и дальнейшие действия осуществлял под контролем оперативных работников. С взяткополучателем С. он договорился только о передаче денег, однако деньги переводил второй участник оперативного мероприятия Ч. В данном случае посредник В., вступая в контакт с взяткополучателем С., действовал по поручению следственно арестованного Д., а второй участник оперативного эксперимента Ч. был привлечен непосредственно оперативными сотрудниками. С учетом изложенного инспектор следственного изолятора С. для получения взятки третьих лиц не привлекал, денежные переводы осуществлялись участником оперативного эксперимента Ч. непосредственно на банковский счет самого обвиняемого, получившего возможность распоряжаться ими по своему усмотрению, в связи с чем получение взятки за незаконные действия в интересах следственно арестованного Д. осуществлялось им лично.

Постановлением судьи Верховного суда Российской Федерации кассационное представление заместителя генерального прокурора Российской Федерации было передано для рассмотрения в судебном заседании Девятого кассационного суда общей юрисдикции, по результатам которого в июле 2025 г. постановление о возвращении дела прокурору, а также апелляционное постановление были отменены, уголовное дело передано в суд для рассмотрения по существу [2].

В связи с изложенным аппаратом следственного управления на постоянной основе анализируются причины возвращения уголовных дел судами, по результатам анализа подготовлены и направлены информационные письма, методические рекомендации (алгоритмы) по проверке уголовных дел, памятки с характерными нарушениями, влекущими возращение дел судами в порядке ст. 237 УПК РФ. Руководителям отделов направлено поручение о необходимости обеспечить взаимодействие с судами, контроль за ходом рассмотрения уголовных дел в суде, выявление и оперативное устранение недостатков.

Усилен контроль за расследованием уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности, уголовные дела со спорной квалификацией изучаются в аппарате управления, заслушиваются при руководстве.

Следственным управлением на постоянной основе инициируется перед прокуратурой края проведение межведомственных совещаний для выработки единой позиции в части существа и объема предъявляемого обвинения в целях обеспечения рассмотрения уголовного дела судом по существу.

Помимо этого, аппаратом управления оказывается практическая и методическая помощь территориальным следственным отделам.В обязательном порядке обеспечивается дача письменных указаний.

Не реже раза в квартал организовываются и проводятся семинарские занятия по всем вопросам, связанным с качеством расследования уголовных дел. Факты возращения уголовных дел и наиболее характерные процессуальные нарушения разбираются со следователями по конкретным уголовным делам.

По каждому факту возвращения дела проводятся служебные разбирательства, принимаются меры ответственности.

Список источников

1. Статистические данные СУ СК РФ по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области // 2024 год. Режим доступа: ведомственный.
2. Контрольное производство по уголовному делу // Архив СУ СК РФ по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области. Режим доступа: ведомственный.

УДК 343.352.4

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОВЫШЕНИЯ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

***А. Н. Пинтсон**, старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России*

Статья посвящена актуальной теме повышения качества противодействия коррупции как одному из инструментов мобилизации экономики в условиях тотального геополитического соперничества. В качестве перспективных мер предлагается развитие законодательства об автоматизации государственного управления, кратное сокращение управленческого аппарата, поэтапный переход к полному электронному денежному обращению, установление абсолютного государственного контроля за движением электронных денег и любого имущества, внедрение системы социального рейтинга для лиц, находящихся на государственной и муниципальной службе, а также об ужесточении и неотвратимости наказаний за коррупционные преступления.

Ключевые слова: коррупция, неотвратимость наказания, электронное правительство, цифровой рубль, система социального рейтинга.

COMBATING CORRUPTION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND PROSPECTS FOR IMPROVING ITS EFFICIENCY

***A. Pintson**, senior lecturer of the department of operational search activities of internal affairs bodies of the Ufa law institute of the Ministry of interior of Russia*

The article is devoted to the actual topic of improving the quality of countering corruption as one of the tools for mobilizing the economy in the context of total geopolitical rivalry. As promising measures, it is proposed to develop legislation on the automation of public administration, a multiple reduction in the managerial apparatus, a phased transition to full electronic money circulation, the establishment of absolute state control over the movement of electronic money and any property, the introduction of a social rating system for persons in state and municipal service, as well as tightening and inevitability of punishments for corruption crimes.

Keywords: corruption, inevitability of punishment, electronic government, digital ruble, social rating system.

В период специальной военной операции Российской Федерации на Украине с высокой вероятностью перерастания регионального конфликта в Третью мировую войну очевидна необходимость не только повышения фронтовой боеспособности вооруженных сил, но и внутреннего укрепления государственного аппарата, принятия чрезвычайных и исчерпывающих мер по мобилизации экономики и сплочению общества, ужесточения борьбы с элементами, подтачивающими фундамент нашей страны.

Одним из таких элементов, по силе разрушительных последствий не уступающих оружию массового поражения, природному катаклизму, нашествию саранчи или смертоносной пандемии, является коррупция. Опасность коррупции, сводящей на нет справедливость любого законодательства и убивающей веру общества в силу своего государства, осознавалась еще в Древнем мире [14, с. 238]. Неслучайно даже при наличии традиций «кормления» с занимаемых должностей наказания чиновников за взяточничество, злоупотребление властью или бездействие могли быть одними из самых суровых: «… За то, что этот Сисамн, подкупленный деньгами, вынес несправедливый приговор, царь Камбис велел его казнить и содрать кожу. Кожу эту царь приказал выдубить, нарезать из нее ремней и затем обтянуть ими судейское кресло, на котором тот восседал в суде. Обтянув кресло, Камбис назначил судьей вместо Сисамна … его сына, повелев ему помнить, на каком кресле восседая, он судит» [7, кн. 5, гл. 25, с. 311].

Тема коррупции и необходимости борьбы с ней занимает значимое место в отечественном праве, истории и культуре. Казнь за мздоимство судебных чиновников местного земского управления установлена еще Судной грамотой 1561 г. Коррупция была важной причиной народных бунтов XVII–XVIII вв. и поражений в Крымской, Русско-японской и Первой мировой войнах [1; 2]. Вскрытие ее вопиющих фактов стало основным козырем оппозиции самодержавной власти, способствовало революции 1917 г., приведшей к гибели Российской империи. Расцвет коррупции в последней трети XX в. закономерно ускорил развал СССР в 1991 г. и формирование космополитичной олигархии, высасывающей природные богатства и являющейся основным фактором перманентного экономического кризиса и бедности $^{2}/_{3}$ населения Российской Федерации.

Раскрытые коррупционные преступления неизменно вызывают широкий общественный резонанс и одновременно поражают сравнительной мягкостью судебных приговоров. Перечисляемые в средствах массовой информации ассигнования на государственные и муниципальные контракты с последующим смакованием осевших у их руководящих исполнителей денежных сумм, драгоценностей, объектов движимого и недвижимого имущества (в т. ч. за рубежом),

фигурирующих в материалах уголовных дел, свидетельствуют о масштабах проблемы. Ставшие обыденными публикуемые фабулы преступлений и приговоров психологически сливаются у обывателей в обобщенную картину коррумпированного устройства власти и воспринимаются либо как проявление «подковерных» аппаратных игр, либо как вынужденный шаг, когда скрыть последствия произошедшей вследствие коррупции катастрофы невозможно. Эпизоды коррупции, объединенные в совокупность, не только вредят развитию страны и снижают возможности правительства по социальным обязательствам («Денег нет, но вы держитесь!»), но и служат аргументами для внешних и внутренних антироссийских политических сил, а также портят международный имидж Российской Федерации как надежного экономического партнера. Только за последнее десятилетие предметом живого обсуждения в отечественных и иностранных СМИ и интернет-блогах являлись следующие антикоррупционные расследования, названные в основном по фамилиям наиболее известных фигурантов.

Дело ОАО «Оборонсервис» (2012–2015 гг., минимальный ущерб – 6,7 млрд рублей. Один из фигурантов – руководитель аппарата Минобороны России действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса Е. Н. Васильева; приговор – за мошенничество; наказание – 5 лет лишения свободы, куда зачтены домашний арест в элитной квартире с 23 ноября 2012 г., заключение в следственном изоляторе № 6 «Печатники» (Москва, открыт в 2006 г.) с 8 мая 2015 г. и в исправительной колонии во Владимирской области с 23 июля по 25 августа 2015 г.) [10].

Дело бывшего директора ФСИН России генерал-полковника внутренней службы в отставке А. А. Реймера (2015–2017 гг.; минимальный ущерб – 2,2 млрд рублей; приговор – за мошенничество; наказание – 8 лет лишения свободы, лишение специального звания, в 2018 г. взыскано 2,2 млрд рублей, в колонии работал библиотекарем) [11].

Дело врио начальника управления «Т» ГУЭБиПК МВД России полковника полиции Д. В. Захарченко (2016–2019 гг.; в августе 2018 г. в доход государства обращено 8,5 млрд рублей, 2 млн евро, более 120 млн долларов США и иное имущество; приговор – за получение взятки и воспрепятствование производству предварительного расследования; наказание – 13 лет лишения свободы, штраф 118 млн рублей, лишение специального звания и наград) [5].

Дело министра экономического развития Российской Федерации действительного государственного советника Российской Федерации 1 класса А. В. Улюкаева (2016–2017 гг.; приговор – за вымогательство взятки в размере 2 млн долларов США; наказание – 8 лет лишения свободы, штраф 130 млн рублей; в колонии работал библиотекарем, освобожден 12 мая 2022 г.) [8].

Дело начальника 2-го отдела управления «К» Службы экономической безопасности ФСБ России подполковника К. В. Черкалина (2019–2021 гг.;

изъято 12 млрд рублей и иное имущество, приговор – за взяточничество и мошенничество; наказание – 7 лет, лишение звания, взыскание 637 млн рублей в качестве компенсации потерпевшим) [12].

Дело экс-министра Российской Федерации по делам Открытого правительства М. А. Абызова (2019–2023 гг.; приговор – организация преступного сообщества, мошенничество, коммерческий подкуп, незаконное предпринимательство и отмывание преступно нажитых денег и имущества; наказание – 12 лет лишения свободы, взыскание 32,5 млрд рублей и штраф 80 млн рублей; в 2025 г. по открывшимся обстоятельствам возбуждено новое уголовное дело) [2].

Дело заместителя министра обороны Российской Федерации действительного государственного советника Российской Федерации 1 класса Т. В. Иванова (2024–2025 гг., приговор – за получение взятки в особо крупном размере (1,2 млрд рублей), растрата 3,4 млрд рублей; наказание – 12 лет лишения свободы, лишение наград, штраф 100 млн рублей) [9].

Последствия коррупции наглядно продемонстрированы в ходе расследования причин украинской оккупации Курской области 6 августа 2023 г. – 26 апреля 2024 г. Апофеозом многомесячного фиктивного строительства оборонительной линии, в ходе которого было «освоено» 19,4 млрд рублей, стали десятки тысяч убитых местных жителей и погибших в боях российских военнослужащих, тысячи семей беженцев, разрушенные и заминированные врагом населенные пункты и инфраструктура, загрязненные обедненным ураном территории и т. д. К настоящему времени под следствием находятся несколько десятков фигурантов, в том числе бывшие заместители губернатора Курской области. Не являвшийся фигурантом уголовного дела бывший губернатор Курской области, член президиума Государственного совета Российской Федерации, назначенный в мае 2024 г. министром транспорта Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса Р. В. Старовойт застрелился 7 июня 2025 г. через несколько часов после освобождения от должности [6].

Не остаются без внимания расследования в отношении должностных лиц (в том числе бывших) регионального уровня. В числе последних «сенсаций» на момент настоящей публикации – дело председателя Совета ветеранов судебной системы Республики Адыгея доктора юридических наук, профессора А. И. Трахова, председателя Верховного суда Республики Адыгея в 1998–2019 гг., а также его родственников и доверенных лиц, активы которых на общую сумму 13 млрд рублей обращены в доход государства в 2025 г. [3].

Упомянутые процессы происходили на фоне тысяч дошедших и не дошедших до СМИ аналогичных по составам преступлений судебных разбирательств в отношении менее ранговых военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и федеральных государственных гражданских и муниципальных служащих, старавшихся не отстать от «старших» коллег. Изощренность, или,

напротив, незатейливость их действий, переплетение преступных связей с биографическими (родство, свойство, дружба, любовь, соседство, землячество, прежние совместная учеба, работа, деловое партнерство и т. п.) не менее захватывающи, чем полное собрание русских летописей или скандинавские саги. Установленные оперативными сотрудниками и следователями факты не только становятся темами криминальных репортажей, но и ложатся в основу сюжетов детективных сериалов и литературы.

Многократно проводившийся правоведами всех времен и народов анализ причин коррупционных преступлений, принципиальная неизменность их основ и разновидностей сводится к неискоренимым свойствам человеческой натуры, кратко выражаемым пословицами «Своя рубашка ближе к телу», «Рука руку моет», «Ты – мне, я – тебе» и грибоедовской цитатой «Ну как не порадеть родному человечку!». Попытки массового выведения нового индивида с бескорыстными психологическими установками (религиозные и социальные эксперименты, в том числе коммунистический) провалились. Следовательно, единственным логическим путем борьбы с коррупцией остается дихотомия контроля за деятельностью и страха перед неотвратимым наказанием («Меня же посадят!» – «А ты не воруй!»). Упор на борьбу с коррупцией в стиле вышеупомянутого персидского царя Камбиса имеет кратковременный и локальный эффект и требует периодического повторения. В этом контексте не стоит забывать советский шоковый опыт дзержинских и сталинских антикоррупционных репрессий, эффект от которых быстро прошел в следующие сравнительно либеральные периоды оттепели, застоя и перестройки. Поэтому в современных условиях при сохранении принципа неотвратимости уголовного наказания и усилении его жесткости более эффективным инструментом антикоррупционной деятельности с учетом достижений научно-технического прогресса является развитие и оптимизация комплексной системы контроля за всеми должностными лицами любых уровней государственной и муниципальной власти с дальнейшей перспективой охвата этой системой всех граждан. Эти диалектически единые меры являются частью цифровой трансформации общества. Критики данной тенденции называют происходящие процессы построением «цифрового концлагеря», но в силу очевидной выгоды для государства они уже стали необратимыми.

Поскольку целью коррупции и большинства других преступлений является необоснованное получение личных благ, государственная антикоррупционная политика ориентируется на контроль доходов и расходов служащих, членов их семей и других категорий граждан.

Статьей 8 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» государственным гражданским служащим и членам их семей вменено в обязанность представление сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Указами Президента

Российской Федерации от 2 апреля 2013 г. № 309 и 310 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» и «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» установлена ежегодная обязанность предоставления сведений о счетах, ценных бумагах и недвижимости и утверждена форма справки о расходах и источниках получения средств на совершение сделок.

Согласно ст. 216, 227, 227.1 и 228 Налогового кодекса Российской Федерации декларации о доходах физических лиц (3-НДФЛ) обязаны ежегодно предоставлять индивидуальные предприниматели (ИП); адвокаты и нотариусы; лица, ведущие частную деятельность, которая приносит доход; граждане, получившие выигрыши от участия в лотереях, азартных играх или любых розыгрышах; наследники законных авторов, получающие доход от авторских вознаграждений; частные лица, получившие доходы от передачи им денег другими частными лицами, не находящимися в статусе ИП; граждане, получившие доходы от продажи имущества, которое находилось в их собственности менее 3 лет; лица, получающие доходы от сдачи в аренду жилья или транспорта; граждане, получающие прибыль от зарубежного имущества или компаний, находящихся вне территории России; лица, получающие вознаграждение от граждан, не являющихся налоговыми агентами.

В русле этой же политики действуют, например, федеральные законы от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним), от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» и др.

Однако разрозненность или избирательность действия принятых нормативных актов, как показывает судебная практика, оставляет лазейки для коррупции.

Принимая во внимание положительный и отрицательный опыт собственного и иных государств, а также достигнутый в Российской Федерации технологический уровень, в целях повышения эффективности борьбы с коррупцией и другими корыстными преступлениями, полагаем обоснованной трансформацию законодательства и поэтапную реализацию соответствующих мер в следующих направлениях.

1. Кратное сокращение управленческого аппарата и автоматизация государственного и муниципального управления. Разветвленность и дублирование функций многих федеральных и региональных министерств и ведомств, законодательных собраний и муниципальных организаций стали притчей во языцех. В 1913 г. в Российской империи, сопоставимой по численности подданных

с гражданами современной Российской Федерации, служило 0,6 млн чиновников. В 1989 г. в СССР, вдвое превышавшем по населению Российскую Федерацию, насчитывалось менее 1,6 млн служащих. В 2024 г. Российская Федерация располагала 2,4 млн федеральных, региональных и муниципальных госслужащих (с учетом работников силовых ведомств и служащих государственных корпораций). 1 июля 2025 г. Правительством Российской Федерации запущен процесс 10-процентного сокращения госаппарата за счет цифровизации работы территориальных органов федеральных ведомств и судов [13]. Однако для подлинного прорыва необходимо исключение дублирования деятельности и доведение общего числа чиновников до 0,2 млн человек, расширение применения технологий электронного делопроизводства и искусственного интеллекта в принятии административных, хозяйственных, судебных решений. Сокращение двухмиллионного контингента существенно сэкономит бюджетные средства и высвободит дефицитные рабочие руки для реального сектора экономики, вынужденно замещаемые ныне зарубежными «высококлассными специалистами».

2. Минимизация личных физических контактов заявителей с должностными лицами, принимающими решения; использование режима записываемой видео-конференц-связи при личном приеме граждан и возможностей электронного документооборота для приема, рассмотрения и разрешения обращений и заявлений.

3. Поэтапный переход к полному безналичному денежному обращению и установление абсолютного государственного контроля за движением электронных денег («цифрового рубля») и любого имущества. Меры в данном направлении приняты (например, в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») [15]. Однако введение в оборот цифрового рубля с 1 сентября 2026 г. не отменяет движение наличных денег, что сохраняет высокий риск последующего обнаружения в ходе обысков чемоданов, коробок и даже бронированных квартир и подвалов, набитых банковскими упаковками 5-тысячных купюр. Кроме этого, для пресечения коррупционных и иных транзакций в криптовалютах (биткоин и т. п.) необходимо введение уголовной ответственности за их использование.

4. Внедрение системы социального рейтинга для лиц, находящихся на государственной и муниципальной службе. В частности, к числу критериев эффективности деятельности служащих можно отнести количество обоснованных положительных и отрицательных отзывов граждан об их работе. Вынесение уголовного приговора в отношении чиновника должно быть равнозначно обнулению его социального рейтинга.

Гарантией общественной безопасности при реализации данных мер, разумеется, должны служить гласность, общественная доступность информации

о доходах и расходах любого гражданина, особенно должностного лица и членов его семьи, а также соблюдение свободы слова и независимость средств массовой информации.

Для бóльшей эффективности действия некоторых из перечисленных положений, безусловно, потребовались бы реформы государственного устройства в конституционных масштабах, но даже в представленном виде они имеют значительный потенциал. Принятие этих мер в условиях военного времени перезрело.

Список источников

1. Алексеева Л. А. Борьба с коррупцией в дореволюционной России // Науч. вестн. Орлов. юрид. ин-та им. В. В. Лукьянова. 2024. № 1 (98). С. 13–19.
2. Бывшего министра Михаила Абызова обвинили в мошенничестве // РБК: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/politics/02/10/2025/68dea6519a794781fb45319 (дата обращения: 01.11.2025).
3. В доход РФ изъято имущество экс-главы Верховного суда Адыгеи на 13 млрд рублей // RG.RU: [сайт]. URL: https://rg.ru/2025/09/17/reg-ufo/v-dohod-rf-iziato-imushchestvo-eks-predsedatelia-verhovnogo-suda-adygei-na-25-mlrd-rublej.html (дата обращения: 01.11.2025).
4. Варфоломеева Н. П. Исторический опыт борьбы с коррупцией // Основы экономики, управления и права. 2013. № 5 (11). С. 8–13.
5. Все имущество семьи полковника Захарченко обратили в доход государства // РБК: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5b7d6b8d9a794707033ef845 (дата обращения: 01.11.2025).
6. Выяснилось, как разворовывали деньги, выделенные на строительство оборонительных укреплений в Курской области // Репортёр: [сайт]. URL: https://topcor.ru/58923-vyjasnilos-kak-razvorovyvali-dengi-vydelennye-na-stroitelstvo-oboronitelnyh-ukreplenij-v-kurskoj-oblasti.html (дата обращения: 01.11.2025).
7. Геродот. История. В 9 кн. / пер. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999.
8. Дело Улюкаева: главные факты о процессе над бывшим министром // РБК: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/politics/16/08/2017/582c2eaf9a794778b93004a8 (дата обращения: 01.11.2025).
9. Лишен наград, активов и статусов: что известно о деле Тимура Иванова // 1: [сайт]. URL: https://www.1tv.ru/news/2025–07–01/513966-lishen_nagrad_aktivov_i_statusov_chto_izvestno_o_dele_timura_ivanova (дата обращения: 01.11.2025).
10. СК посчитал ущерб от «Оборонсервиса»: Россия потеряла 6,7 млрд рублей // Internet archive: [сайт]. URL: https://web.archive.org/web/20121201022946/ http://top.rbc.ru/incidents/28/11/2012/833893.shtml (дата обращения: 01.11.2025).
11. Суд отменил досрочное освобождение экс-директора ФСИН Реймера // РБК: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/society/27/03/2020/5e7e0d4a9a7947e6f5f02453 (дата обращения: 01.11.2025).

12. Суд приговорил подполковника-миллиардера Черкалина к семи годам колонии // РИА Новости: [сайт]. URL: https://ria.ru/20210422/prigovor-1729462330.html (дата обращения: 01.11.2025).
13. Трутни уволены! Губернатор показал пример остальной России. Чиновничий аппарат пустили под нож // Дзен: [сайт]. URL: https://dzen.ru/a/aPlG6VVOgx6lUVtq (дата обращения: 01.11.2025).
14. Хлус А. М. Представление о коррупции и взяточничестве в древних источниках права и произведениях философов // Эпомен: науч. журн. 2021. № 59. С. 238–255.
15. Что такое цифровой рубль и как он будет работать в России // Рамблер: [сайт]. URL: https://finance.rambler.ru/finansovaya-gramotnost/54993241-zakon-o-tsifrovom-ruble-zarabotaet-s-2026-goda-v-chem-sut/ (дата обращения: 01.11.2025).

УДК 328.185

НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

***Н. В. Подгорная**, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматривается проблема коррупции как транснационального феномена, оказывающего разрушительное воздействие на государственные институты, экономику и социальную сферу. На основе анализа международного опыта борьбы с коррупцией выявлены ключевые факторы эффективности антикоррупционной политики. Анализируются институциональные, правовые, экономические и социальные аспекты противодействия коррупции. На фоне зарубежных достижений дана оценка состоянию антикоррупционной деятельности в Российской Федерации, выявлены системные пробелы и предложены направления совершенствования национальной модели.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, зарубежный опыт, коррупция, противодействие коррупции.

THE MOST EFFECTIVE ANTI–CORRUPTION STRATEGIES: A REVIEW OF INTERNATIONAL EXPERIENCE

***N. V. Podgornaya**, senior lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article examines the problem of corruption as a transnational phenomenon that has a devastating impact on state institutions, the economy and the social sphere. Based on the analysis of international experience in the fight against corruption, key factors of the effectiveness of anti-corruption policy have been identified. The institutional, legal, economic and social aspects of anti-corruption are analyzed. Against the background of foreign achievements, an assessment of the current state of anti-corruption activities in the Russian Federation is given, systemic gaps are identified and directions for improving the national model are proposed.

Keywords: anti-corruption policy, foreign experience, corruption, anti-corruption.

На сегодняшний день коррупция превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает общество и экономику всех стран, что обусловливает большое значение международного сотрудничества в области предупреждения коррупции и борьбы с ней.

Многочисленные исследования показывают, что коррупция существует практически в каждом государстве [2], однако причины ее существования и процветания в каждой стране имеют отличительные черты. В силу этого выработать и внедрить единые меры по предупреждению и недопущению коррупции не представляется возможным.

Тем не менее, в некоторых зарубежных странах попытки найти эффективные меры по противодействию коррупции оказались успешными и принесли положительные результаты. К таким странам можно отнести Новую Зеландию, Финляндию, Данию, Сингапур, Австралию, Нидерланды и др. Указанные страны добились значительных успехов в борьбе с коррупцией, поэтому использование их приемов и средств для противодействия коррупции, а также анализ законодательства представляют особый интерес для других государств в рамках заимствования положительного опыта.

В России, несмотря на принимаемые меры, коррупция в органах государственной власти так и не получила всеобщего осуждения. Часто государственные служащие относятся к коррупции как к легальному заработку и естественному положению вещей. Физические и юридические лица терпимы к коррупции госслужащих и используют в своих интересах посредством подкупа должностных лиц.

В связи с этим в настоящее время одной их приоритетных задач является необходимость направить основной вектор усилий государственных структур, законодательной власти и гражданского общества на противодействие и профилактику коррупции [3]. Для реализации целесообразно изучить положительный опыт других государств.

В первую очередь следует рассмотреть опыт борьбы с коррупцией в Сингапуре, который занимает третье место в рейтинге Transparency International за 2024 год [4].

С 1965 г., когда Сингапур стал независимым суверенным государством, и с приходом к власти нового правителя Ли Куан Ю начинается активная борьба с коррупцией и кумовством. Ли Куан Ю начал борьбу со взяточничеством с высказывания «Начните с того, что посадите трёх своих друзей. Вы точно знаете, за что, и они знают за что» [5].

Поскольку государственные служащие, в отличие от работников частного сектора, получали весьма скромное жалование, они были вынуждены использовать свое положение для получения дополнительной выгоды, что обусловило укоренение коррупции в органах государственной власти. Правительство понимало,

что не в состоянии повысить заработную плату чиновникам, поэтому направило усилия на совершенствование законодательства и ужесточение наказания: штраф был увеличен с 10 тыс. до 100 тыс. сингапурских долларов.

Кроме того, было создано Бюро по расследованию коррупции, в которое обращались граждане, столкнувшиеся со взяточничеством чиновников. Специально созданный антикоррупционный орган сосредоточил внимание на крупных коррупционерах в высших эшелонах власти, в результате чего к уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений были привлечены несколько министров, включая бывших соратников и брата президента.

Таким образом, в качестве основных мер по борьбе с коррупцией можно выделить введение экономических санкций за взяточничество или за отказ в участии в антикоррупционных расследованиях, увольнение с постов чиновников и служащих, пойманных на коррупционных преступлениях, а также тюремное заключение на срок от 5 до 7 лет. Также одним из факторов, повлиявшим на значительное сокращение коррупционных преступлений, стало повышение заработной платы государственным служащим. В совокупности данные меры привели к тому, что чиновники не решались брать взятки из-за ужесточения наказания, особенно тогда, когда их официальный доход стал расти.

Благодаря долголетней и усердной работе в Сингапуре удалось добиться уменьшения уровня коррупции. Ключевой смысл антикоррупционной политики Сингапура состоит в сведении к минимуму условий, создающих возможность склонения личности к совершению коррупционных преступлений.

Достижение указанной цели обеспечивается посредством реализации следующих антикоррупционных принципов:

– принцип соразмерности оплаты труда: уровень денежного содержания государственных служащих должен быть сопоставим с уровнем вознаграждения лиц, занятых в частном секторе;

– принцип контроля и прозрачности, проявляющийся в установлении обязанности государственных служащих представлять сведения о своем имуществе, доходах и обязательствах;

– принцип дебюрократизации: избыточные административные процедуры и барьеры, сдерживающие экономическое развитие, должны быть сокращены.

Высокий уровень адаптации коррупции к современным антикоррупционным методам противодействия прекрасно осознают в Сингапуре. В связи с этим законодатель совершенствует методы противодействия коррупции с целью сократить возможность коррупционных проявлений, а также обхода закона.

Также заслуживает внимания опыт борьбы с коррупцией в Новой Зеландии, которая занимает четвертое место в рейтинге Transparency International за 2024 год [4].

Новая Зеландия стала развиваться как государство лишь в самом конце XIX в. В настоящее время страна является одним из лидеров по многочисленным факторам: уровню жизни, социальному обеспечению, в числе прочего и по уровню противодействия коррупции.

В Новой Зеландии основным учреждением по борьбе с коррупцией выступает SFO (The Serious Fraud Office) – ведомство по борьбе с крупным мошенничеством. Его основная задача состоит в том, чтобы выявлять и пресекать на ранней стадии факты мошенничества, взяточничества и коррупции [3]. Данная организация систематически опубликовывает информацию относительно расходов высокопоставленных лиц – отсюда даже незначительные скандалы ведут к увольнению должностного лица [6]. Сотрудники ведомства могут направить запрос на предоставление сведений о доходах любого гражданина государства. Журналисты же имеют право на открытый доступ к данным о состоянии счетов государственных служащих. Также в качестве положительного момента следует указать на то, что данное ведомство оказывает поддержку как лицам, которые выступают в качестве информаторов, так и лицам, которые стали жертвами или свидетелями коррупционных преступлений.

Отдельно заслуживает внимания зарубежный опыт привлечения населения для помощи полиции в борьбе с коррупцией. Речь идет о Канаде и некоторых штатах Америки, где любое лицо может дать правоохранительным органам информацию о преступлении и получить за это материальное вознаграждение. Особенность такой системы в том, что лицо, предоставившее информацию о преступлении, сохраняет анонимность, ему присваивается определенный код, по которому можно узнать результаты рассмотрения информации и получить вознаграждение. Подобная система в России была введена приказом МВД России от 6 июня 2018 г. № 356, где было утверждено положение о назначении и выплате полицией вознаграждения за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших.

Рассмотренный опыт зарубежных стран позволяет заключить, что эффективность выявления и пресечения коррупционных преступлений напрямую зависит от вовлечения граждан в данный процесс. Чем выше уровень правосознания у населения и формирование в обществе атмосферы нетерпимости к любым коррупционным проявлениям, тем ниже уровень коррупции в государстве.

Международная антикоррупционная практика показывает, что эффективность противодействия данному явлению детерминирована соблюдением следующих ключевых условий:

– публичное признание государством наличия коррупции в качестве системной проблемы;

– формирование стабильной и действенной законодательной базы в сфере противодействия коррупции;

– создание комплексного и институционально обеспеченного механизма реализации антикоррупционной политики.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что полностью и одним разом коррупцию победить не представляется возможным. Анализ зарубежного опыта может способствовать совершенствованию системы противодействия коррупции в нашей стране.

Список источников

1. Об утверждении Положения о назначении и выплате полицией вознаграждения за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших: приказ МВД России от 06.06.2018 № 356. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Григорьева А. А. Причины и факторы распространения коррупции в современном мире // Актуал. исследования. 2023. № 51 (181). С. 16–19.
3. Казанцева М. С. Механизмы противодействия коррупции в зарубежных странах и возможность их имплементации в действующую российскую практику // Плехановский барометр. 2020. № 2. С. 30–33.
4. Рейтинг стран по уровню коррупции // Trading economics: [сайт]. URL: https://ru.tradingeconomics.com/country-list/corruption-rank (дата обращения: 05.11.2025).
5. Сингапурское чудо: чтобы побороть коррупцию, начните с того, что посадите трех своих друзей // KUN.UZ: [сайт]. URL: https://kun.uz/ru/70476301?ysclid=mhu38hlf1x237462172 (дата обращения: 06.11.2025).
6. SFO (The Serious Fraud Office) // GOV.UK: [сайт]. URL: https://www.gov.uk/government/organisations/serious-fraud-office дата обращения: 05.11.2025).

УДК 342.9

К ВОПРОСУ О НЕПРЕРЫВНОМ ПОВЫШЕНИИ УРОВНЯ ЗНАНИЙ НАСЕЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ (ОПЫТ СТРАН СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ)

***В. М. Редкоус**, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор*

В статье представлен опыт Республики Узбекистан в области непрерывного углубления знаний населения и государственных служащих в сфере противодействия коррупции. Выделены приоритетные направления системы непрерывного повышения уровня знаний населения и государственных служащих в сфере противодействия коррупции, организационные меры, направленные на их осуществление. Этот опыт может быть применим и в Российской Федерации, и в государствах – участниках СНГ.

Ключевые слова: государственное управление, национальная безопасность, коррупция, противодействие коррупции, законодательство, непрерывное повышение уровня знаний населения, государственный служащий, сравнительное правоведение.

ON THE QUESTION OF CONTINUOUSLY INCREASING THE KNOWLEDGE OF THE POPULATION AND CIVIL SERVANTS IN THE SPHERE OF ANTI–CORRUPTION (EXPERIENCE OF THE CIS STATES)

***V. M. Redkous**, leading researcher of the administrative law and administrative process sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor*

This article presents the Republic of Uzbekistan's experience in continuously improving the public's and civil servants' knowledge of anti-corruption measures. Priority areas for continuous anti-corruption awareness training for the public and civil servants, as well as organizational measures aimed at implementing them, are highlighted. This experience can be applied in the Russian Federation and other CIS member states.

Keywords: public administration, national security, corruption, anti-corruption, legislation, continuous improvement of public awareness, civil servants, comparative law.

Как мы уже говорили в других работах, вопросам противодействия коррупции и его правовому регулированию в Российской Федерации уделяется достаточно большое внимание, которого, однако, явно недостаточно для выявления всех коррупционных угроз, предотвращения правонарушений коррупционного характера и привлечения виновных к ответственности [См., например: 2]. Возрастает коррупционная угрозозначимость для российской системы государственного управления, когда уже граждане, государственные служащие просто не боятся привлечения к юридической ответственности за коррупционные деяния в силу либеральности российских законов, а также накопления коррупционным путем для себя и своих семей таких материальных ресурсов, которые с лихвой «компенсируют» лишения, связанные с привлечением к юридической ответственности. Последнее обстоятельство все сильнее размывает национальные ценности управления, авторитет государственной службы.

В связи с этим хочется обратить внимание на опыт Республики Узбекистан (далее – РУз) в формировании непрерывного повышения знаний населения и государственных служащих в сфере противодействия коррупции, что имеет важное методологическое и организационное значение в области противодействия коррупции. В этих целях был принято Постановление Президента РУз от 21 июня 2024 г. № ПП-228 «О мерах по внедрению системы непрерывного повышения знаний населения и государственных служащих в сфере противодействия коррупции» [1].

Отмечено, что за последние годы в стране усовершенствованы правовые и институциональные основы предупреждения и противодействия коррупции, осуществлены масштабные реформы, направленные на формирование атмосферы нетерпимости к коррупции в обществе. В частности, в государственных органах и организациях широко внедрены современные механизмы противодействия коррупции, приняты системные меры по обеспечению открытости их деятельности и повышению отчетности перед общественностью. Вместе с тем возникает необходимость поднятия на новый уровень системы формирования у населения и государственных служащих нетерпимого отношения к коррупции, привития им «вакцины добропорядочности», а также повышения знаний и навыков в сфере противодействия коррупции исходя из требований времени.

В целях обеспечения непрерывного повышения знаний населения и государственных служащих в сфере противодействия коррупции в стране внедряется платформа «Виртуальная академия по противодействию коррупции».

В качестве приоритетных направлений системы непрерывного повышения знаний населения и государственных служащих в сфере противодействия коррупции определены: повышение правосознания и правовой культуры населения и государственных служащих, формирование в обществе правового иммунитета к коррупции, привитие в сознание молодого поколения ценностей добропорядочности; повышение на постоянной основе знаний, навыков и квалификации работников, ответственных за противодействие коррупции, а также занимающих должности государственной службы, наиболее подверженные коррупционным рискам; оценку и сертификацию знаний государственных служащих в сфере противодействия коррупции, а также ведение реестра государственных служащих, получивших сертификат; ведение электронной базы данных о национальном и зарубежном опыте, научных, методических и практических разработках, достижениях в сфере противодействия коррупции; реализацию научно-исследовательских программ и проектов по актуальным проблемам противодействия коррупции, в том числе с привлечением национальных, зарубежных и международных грантов.

Организацию и ведение учебной деятельности в Виртуальной академии осуществляют Агентство по противодействию коррупции и Правоохранительная академия (далее – Академия).

При этом Агентство: формирует контингент государственных служащих, подлежащих обучению в сфере противодействия коррупции и по согласованию с Академией утверждает годовой план-график обучения; ведет мониторинг качественной организации учебного процесса; вносит в Академию предложения о внедрении новых учебных модулей с учетом государственной политики по противодействию коррупции, коррупционных рисков и результатов исследований; осуществляет тесное сотрудничество с государственными органами и организациями, привлеченными к учебному процессу, для эффективного функционирования системы обучения; совместно с Академией ежегодно вносит в Национальный совет по противодействию коррупции информацию о деятельности Виртуальной академии.

Академия: обеспечивает непрерывное функционирование Виртуальной академии, регулярное пополнение и обновление учебного контента и материалов; организует учебный процесс в сфере противодействия коррупции, в том числе разрабатывает учебные планы и программы, размещает информацию об учебных курсах в Виртуальной академии; формирует электронную базу данных результатов освоения знаний слушателями, ведет реестр лиц, окончивших учебные курсы; привлекает к учебному процессу квалифицированных специалистов государственных органов и организаций, высших образовательных и научно-исследовательских учреждений, в том числе зарубежных экспертов.

Обучение в Виртуальной академии проводится на основе учебных программ по противодействию коррупции для установленных контингентов лиц.

Источниками финансирования деятельности Виртуальной академии являются: средства, поступающие от обучения на платно-контрактной основе; внебюджетные средства Академии; средства фонда развития Агентства; благотворительные пожертвования физических и юридических лиц; гранты и средства международных организаций; иные источники, не запрещенные законодательством.

Устанавливается порядок, в соответствии с которым: размер оплаты за повышение квалификации на специальных учебных курсах на платно-контрактной основе утверждается Попечительским советом Академии по согласованию с Агентством и Министерством экономики и финансов; лицам, успешно окончившим специальные учебные курсы, выдается сертификат образца, утверждаемого Агентством и Академией; расходы, связанные с повышением квалификации государственных служащих, покрываются в пределах бюджетных средств, выделяемых на эти цели соответствующему государственному органу или организации, либо за счет их внебюджетных средств, а также иных источников, не запрещенных законодательством.

Средства, поступающие от обучения на платно-контрактной основе, аккумулируются на расчетном счете Академии и направляются на следующие цели: размещение заказов на подготовку материалов для использования в деятельности Виртуальной академии; материальное стимулирование и повышение квалификации работников, ответственных за обеспечение деятельности Виртуальной академии; покрытие расходов, связанных с непрерывной работой Виртуальной академии и эффективной организацией ее деятельности; покрытие расходов, связанных с привлечением к учебному процессу соответствующих работников, научно-педагогических кадров и специалистов, в том числе зарубежных экспертов.

В целях системной и эффективной организации научных исследований, направленных на предупреждение и противодействие коррупции, внедряется порядок, предусматривающий: формирование Агентством рекомендуемых ежегодных научно-исследовательских тем, которые могут быть реализованы в сфере противодействия коррупции высшими образовательными и научно-исследовательскими организациями; представление Агентству результатов научных исследований, реализованных в сфере противодействия коррупции, всеми высшими образовательными и научно-исследовательскими организациями; ведение Академией электронной базы данных о достижениях, национальном и зарубежном опыте, научных, методических и практических разработках, а также научно-исследовательских работах в сфере противодействия коррупции с соблюдением авторских прав.

Также следует обратить внимание на «дорожную карту» по реализации закрепленных в Постановлении Президента РУз от 21 июня 2024 г. № ПП-228 «О мерах по внедрению системы непрерывного повышения знаний населения и государственных служащих в сфере противодействия коррупции» мер.

Так, по направлению «Эффективная организация деятельности электронной площадки "Виртуальная Антикоррупционная Академия"» предусмотрено: утверждение порядка организации обучения на электронной платформе «Виртуальная академия противодействия коррупции»; утверждение порядка ведения электронной базы данных о достижениях в сфере противодействия коррупции, отечественном и зарубежном опыте, научно-методических и практических разработках в Виртуальной академии; формирование контингента государственных служащих, подлежащих обучению по вопросам борьбы с коррупцией, утверждение ежегодного графика обучения; формирование электронной базы данных о результатах обучения студентов, ведение реестра лиц, прошедших курсы повышения квалификации; определение порядка осуществления контроля за качеством организации образовательного процесса в Виртуальной академии; утверждение образца удостоверения, выдаваемого лицам, успешно прошедшим курсы специальной подготовки; утверждение образовательных программ для студентов, воспитанников и слушателей образовательных организаций в виртуальной академии; разработка образовательного контента для учащихся, воспитанников и студентов образовательных организаций и обеспечение его постоянного обновления; запуск электронной платформы «Виртуальная академия» и ее мобильного приложения; привлечение к образовательному процессу в виртуальной академии квалифицированных специалистов государственных органов и организаций, высших учебных заведений и научных учреждений, в том числе зарубежных экспертов; обеспечение бесперебойной работы Виртуальной академии, ее регулярное пополнение и обновление образовательным контентом и материалами; проведение мероприятий по повышению квалификации работников государственных предприятий в сфере противодействия коррупции в Виртуальной академии; подготовка и представление в Национальный совет Республики Узбекистан по противодействию коррупции информацию и предложения по вопросам деятельности Виртуальной академии и ряд других мер.

В рамках программы «Глобальный ресурс для антикоррупционного образования и расширения прав и возможностей молодежи» (GRACE) необходимо принять меры по привлечению иностранных инвестиций, грантов и спонсорских пожертвований в целях создания высококачественных репродукционных фильмов, видеокассет и аудиоматериалов; обеспечить перевод учебных материалов на государственный язык (дубляж анимационных фильмов, видео- и аудиоматериалов) и размещение в Виртуальной академии.

В рамках направления «Повышение эффективности научных исследований в сфере противодействия коррупции» необходимо обеспечить: формирование рекомендуемых ежегодных тем научных исследований для высших учебных заведений и научно-исследовательских организаций в сфере противодействия коррупции; представление Агентству результатов научных исследований, проведенных в области противодействия коррупции; внедрение порядка ведения электронной базы данных о достижениях в сфере противодействия коррупции, отечественном и зарубежном опыте, научных, методических и практических разработках, научно-исследовательских работах с соблюдением авторских прав; внедрение порядка ведения электронной базы данных о достижениях в сфере противодействия коррупции, отечественном и зарубежном опыте, научных, методических и практических разработках, научно-исследовательских работах с соблюдением авторских прав; внесение в Национальный совет по противодействию коррупции предложения по целенаправленному и качественному проведению научных исследований в сфере противодействия коррупции и популяризации их результатов; увеличение числа вовлеченных молодых людей путем широкого продвижения возможностей Виртуальной академии среди молодежи и ряд других мер.

В рамках укрепления материально-технической базы Виртуальной Академии необходимо обеспечить: привлечение отечественных, зарубежных и международных грантов для реализации научно-исследовательских программ и проектов, связанных с актуальными проблемами противодействия коррупции; регулярную подписку на отечественные и зарубежные правовые и информационно-аналитические электронные издания для эффективной работы Виртуальной академии; улучшить и оснастить современным оборудованием мультимедийную студию Академии правоохранительных органов в целях обеспечения виртуальной академии высококачественным образовательным контентом и материалами; подключение Виртуальной академии к электронному информационно-библиотечному фонду Национальной библиотеки Узбекистана имени Алишера Навои и ведущим зарубежным информационно-библиотечным фондам; улучшить и оснастить современным оборудованием мультимедийную студию Академии правоохранительных органов в целях обеспечения виртуальной академии высококачественным образовательным контентом и материалами; адаптацию программ обучения и повышения квалификации в виртуальной академии под контингент и подготовку методических пособий, методических материалов и т. д.

Также необходима реализация комплексных мер по развитию международного сотрудничества для эффективного функционирования виртуальной академии, включающая в себя: заключение меморандумов, соглашений о сотрудничестве и реализация совместных программ с ведущими научно-исследовательскими, информационно-аналитическими учреждениями и другими организациями;

повышение квалификации преподавателей-сотрудников, организующих деятельность виртуальной академии, и внедрение практики привлечения иностранных специалистов к процессу обучения; организацию стажировок педагогов-сотрудников в образовательных организациях зарубежных стран.

Этот опыт заслуживает признания в качестве положительного и рекомендации к учету при совершенствовании национальных правовых основ противодействия коррупции в государствах – участниках СНГ.

Список источников

1. О мерах по внедрению системы непрерывного повышения знаний населения и государственных служащих в сфере противодействия коррупции: Постановление Президента Респ. Узбекистан от 21.06.2024 № ПП-228 // LexUZ: [сайт]. URL: https://lex.uz/docs/6977738# (дата обращения: 01.11.2025).
2. Редкоус В. М. О применимости концепции ответственного государственного управления в российских условиях // Сборник научных трудов по итогам научно-представительских мероприятий, проводимых в Уфимском юридическом институте МВД России в 2025 году: Международный круглый стол; Всероссийская научно-практическая конференция (к 80-летию окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 годов); Международный семинар; Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 35-летнему юбилею кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, Уфа, 1 января – 31декабря 2025 г. Уфа: ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2025. С. 520–527.

УДК 343.352.4

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ДАНИИ

***Н. В. Уварова**, начальник кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного юридического института имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук, доцент*

В статье проводится исследование регламентации ответственности за взяточничество по уголовному законодательству Дании. Автор анализирует особенности размещения норм, законодательные конструкции диспозиций, устанавливающих ответственность за дачу и получение взятки. Предлагается учитывать опыт Дании при совершенствовании норм отечественного законодательства в исследуемой сфере.

Ключевые слова: взяточничество, ответственность, должностное лицо, подарок, привилегия, Дания.

FEATURES OF THE CONSTRUCTION OF RULES ON LIABILITY FOR BRIBERY UNDER THE CRIMINAL LEGISLATION OF DANISH

***N. V. Uvarova**, head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law*

This article examines the regulation of liability for bribery under Danish criminal law. The author analyzes the specific placement of provisions and the legislative construction of provisions establishing liability for giving and receiving bribes. The author proposes taking into account Denmark's accumulated experience when improving domestic legislation in this area.

Keywords: bribery, liability, official, gift, privilege, Denmark.

Исследование норм зарубежного законодательства в той или иной области представляет интерес с точки зрения получения опыта для дальнейшего совершенствования отечественного законодательства.

Дания – страна с наименьшим показателем уровня восприятия коррупции. Одной из особенностей Дании в антикоррупционной политике является тот факт, что данная политика направлена на максимально эффективное искоренение коррупционных преступлений как в государственном секторе, так и в частном [4, с. 352].

Наблюдается следующая дифференциация понятия взяточничества в Уголовном кодексе Дании (далее – УК Дании): «публичное активное взяточничество» (§ 122 УК Дании), публичное пассивное взяточничество» (§ 144), «частное взяточничество» (как активное, так и пассивное, § 299). Параграф 299 предусматривает уголовную ответственность за взяточничество в частном секторе [1; 3].

Уголовное законодательство Дании имеет особенности при квалификации деяний, совершаемых должностными лицами. Отметим, что УК Дании, особенная часть которого построена по типу: преступления, посягающие на государство, преступления, посягающие на общество, преступления, посягающие на личность, содержит гл. 14 «Преступления, против государственной власти … ». В отличие от сопоставимой гл. 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», которая содержит всю совокупность деяний, предусматривающих уголовную ответственность за взяточничество, указанная глава содержит § 122, в котором раскрываются признаки дачи взятки. Объективная сторона состава преступления выражена в передаче, обещании передать, предложении передачи предмета взятки. Таким образом, как непосредственная передача, так и лишь обещание или предложение совершить взятку квалифицируются по этому параграфу. В отличие от отечественного законодательства, УК Дании устанавливает единое наказание за такие деяния [2].

Ответственность за получение и вымогательство взятки в УК Дании предусмотрена гл. 16 «Преступления, совершенные при осуществлении государственной функции». Вообще, эта глава содержит разные составы преступлений, совершенных должностными лицами. Например, § 146 предусматривает ответственность должностных лиц за несправедливость при разрешении дел по неопределенному кругу вопросов, касающихся законных прав частных лиц; § 148 – за незаконное проведение следственных действий и нарушение процессуального порядка судопроизводства, § 152 – за нарушение неприкосновенности частной жизни и т. д.

Таким образом, в УК Дании как в перечне отягчающих обстоятельств в Общей части, так и в квалифицирующих признаках преступлений в Особенной части отсутствует такой признак, как совершение преступления должностным лицом или лицом с использованием служебного положения.

Итак, преступления, входящие в гл. 16 УК Дании, систематизированы по субъекту их совершения. Первым преступлением, входящим в эту совокупность

и предусмотренным § 144 является деяние, направленное на незаконное получение, требование предмета взятки или принятие обещания в его получении. Предметом преступления является подарок или иная привилегия. Объективная сторона преступления выражена как в непосредственном получении взятки, так и ее вымогательстве, а также согласии ее получить.

В вышеупомянутом § 122 закреплено, что взятка дается в целях склонения должностного лица совершить или не совершить какие-либо действия, за счет чего он не исполняет свои обязанности. Квалифицирующих признаков преступление не предусматривает, однако содержит положение, согласно которому при наличии смягчающих обстоятельств наказание будет иным, менее суровым. Субъективная сторона преступления выражена умышленной формой вины. Понятие субъекта преступления рассматриваемых составов в УК Дании не закреплено, однако указывается, что это лицо, осуществляющее государственные полномочия или функции.

Ответственность за взяточничество предусматривает § 145 УК Дании. Предметом преступления является вознаграждение в связи с осуществлением функций должностного лица, пошлина, сбор, не подлежащий взиманию. Объективная сторона – как требование, так и получение предмета взятки. Обязательным признаком субъективной стороны наряду с умыслом является цель – личная выгода. Примечательно, что наказание за такие деяния идентично наказанию за преступление, предусмотренное § 144. Параграф 145 предусматривает менее строгое наказание, если вознаграждение должностным лицом было получено при добросовестном заблуждении, но после обнаружения ошибки не было возвращено собственнику.

Итак, в связи с выделением самостоятельной главы в УК Дании, содержащей преступления, совершаемые должностными лицами, ответственность за взяточничество предусмотрена разными главами УК Дании. Несмотря на то, что предмет взяточничества не конкретизирован, в отличие от сопоставимых преступлений по отечественному законодательству, не определен его размер, интересным представляется такая разновидность взятки, как подарок.

УК Дании не дифференцирует наказания за взяточничество при непосредственном получении взятки или лишь при ее обещания на получение взятки. Кроме того, по УК РФ обещание принять взятку на сумму, не превышающую 25 тысяч рублей, является приготовлением к преступлению и не образует состава преступления, поскольку за приготовление к преступлению наступает уголовная ответственность, если оно относится к категории тяжких или особой тяжести.

Итак, Дания является наименее коррумпированной страной в Европе, ее опыт по борьбе с коррупцией может представлять интерес для отечественного законодательства в части противодействия этому негативному явлению.

Список источников

1. Уголовный кодекс Дании / науч. ред. и предисл. С. С. Беляева, пер. с дат. и англ. С. С. Беляева, А. Н. Рычевой. СПб., 2001. 228 с.
2. Волколупова В. А., Сенцов А. С. Компаративистские аспекты противодействия взяточничеству в странах Европы с наименьшим уровнем восприятия коррупции // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. С. 38–39. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/komparativistskie-aspekty-prodivodeystviya-vzyatochnichestvu-v-stranah-evropy-s-naimenshim-urovnem-vospriyatiya-korruptsii (дата обращения: 10.10.2025).
3. Гордынец И. Д., Шишковец И. И. О некоторых особенностях борьбы с коррупцией в Дании // Правовые и социально-экономические аспекты становления Республики Беларусь: материалы 3-й внутривуз. студ. науч.-практ. конф., г. Минск, 18 апреля 2019 г. С. 65–68. URL: http://elib.mitso.by/bitstream/edoc/664/1/65–68.pdf (дата обращения: 10.10.2025).
4. Лионов А. Ю. Антикоррупционная политика Дании // Вопросы студ. науки. 2020. Вып. 5. С. 351–354.

УДК 343.72

КОРРУПЦИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ДЕТЕРМИНАНТ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

***Т. В. Якушева**, доцент кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с вовлеченностью организованной преступности в уголовно наказуемые коррупционные деяния. Обращается внимание на преступную роль, выполняемую подкупающей стороной. Исследуется специфика действий подкупающего лица, если в качестве такового выступает организованный преступник. Рассматривается место и значение наиболее тесно связанной с коррупцией экономической организованной преступности. Сделано предложение о включении примечания в ст. 290 УК РФ, содержащего специальные условия освобождения от уголовной ответственности за позитивное посткриминальное поведение лица.

Ключевые слова: подкуп, коррупер, неправомерное преимущество, экономическая преступность, организованное преступное объединение.

CORRUPTION AS A KEY DETERMINANT OF ORGANIZED CRIME

***T. V. Yakusheva**, associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law*

This article examines issues related to the involvement of organized crime in criminally punishable acts of corruption. It focuses on the criminal role played by the bribing party. The specific actions of the bribing party are examined if the bribing party is an organized criminal. The place and significance of economic organized crime, which is most closely linked to corruption, are considered. A proposal is made to include a note to Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation containing special conditions for exemption from criminal liability for positive post-criminal behavior.

Keywords: bribery, corrupt person, undue advantage, economic crime, organized crime.

О наличии тесной взаимосвязи между коррупцией и организованной преступностью как значимых негативных социально-правовых явлений, подрывающих общественное доверие и усиливающих социальное неравенство, известно давно. Такую связь можно проследить, в частности, при анализе текста ратифицированной Россией 26 апреля 2004 г. Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. (далее – Конвенция ООН), где вопросам коррупции уделено значительное внимание.

В частности, государствам-участникам предлагается криминализовать в национальном законодательстве, помимо участия в организованных преступных группах и отмывания (легализации) доходов от преступлений, также и коррупционные проявления (коррупцию), включая вымогательство или принятие публичным должностным лицом лично или через посредника неправомерного преимущества [1, подп. «b» п. 1 ст. 8].

При этом важно понимать, что коррупция, исходя из ее неразрывной связи с организованной преступностью, может рассматриваться сегодня в двух аспектах: как важнейший детерминант организованной преступности в целом и как структурная составляющая одного из сегментов организованной преступности – сопряженной с коррупцией экономической организованной преступности.

В свете оценки коррупции как ведущего детерминанта организованной преступности нельзя оставлять недооцененной роль взяткодателя, концентрируясь исключительно на роли взяткополучателя, коим выступает должностное лицо. На указанное обстоятельство справедливо обращалось внимание А. И. Долговой, отмечавшей, что «только коррупция характеризуется практически двусторонней сделкой – коррупtера и коррупционера (коррумпируемого субъекта)» [2, с. 23].

Разумеется, нельзя отрицать исключительно негативного, разлагающего влияния коррупции на государственную власть и ее представителей, что препятствует надлежащему исполнению властных полномочий и реализации государством своих функций, влечет существенный имущественный вред и подрывает доверие и авторитет к государственной власти в целом.

Однако значимость действий подкупающей стороны (коррупtера) не менее важна, поскольку при взятке вымогательство предмета подкупа встречается все же реже, чем просто инициативный подкуп. Если же коррупtером становится представитель организованного преступного объединения, роль которого заключается именно в обеспечении надлежащего коррупционного «взаимодействия» с представителями государственной власти для дальнейшего беспрепятственного совершения преступлений, расширения сферы

деятельности и круга преступных интересов или исключения возможности привлечения к уголовной ответственности, коррупционные проявления приобретают системный характер.

Немаловажным становится анализ не только того обстоятельства, что именно становится приобретаемой таким образом «услугой», но и анализ специфических методов, имеющихся в арсенале у организованной преступности. Подкуп может быть сопряжен с шантажом, похищением, уничтожением имущества, насилием (как физическим, так и психическим), угрозами убийством и другими деяниями, предусмотренными, как правило, в качестве отдельных составов преступлений в Особенной части УК РФ. То есть согласие подкупаемого лица на получение взятки может быть как сугубо добровольным, так и носить скорее вынужденный характер, обусловленный запугиваниями и обещаниями последствий как для самого взяткополучателя, так и для членов его семьи.

«Работает» на интересы взяткодателя в целом и организованной преступности как ключевого коррупте́ра в частности и отсутствие до настоящего времени в ст. 290 «Получение взятки» примечания, которое предусматривало бы специальное условие освобождения от уголовной ответственности за положительное посткриминальное поведение лица, как это сделано в ст. 291 «Дача взятки».

С одной стороны, логика законодателя выглядит вполне понятной и заключается в большей степени общественной опасности действий взяткополучателя, коим выступает должностное лицо. С другой стороны, взяткополучатель лишается в итоге мотивации к добровольному сообщению о состоявшемся факте взятки, хотя бы она и была обусловлена, например, его запугиванием, страхом за жизнь и здоровье близких, поскольку легитимная возможность освобождения его от уголовной ответственности за получение взятки в законодательстве отсутствует.

В настоящее время организованная преступность в значительной степени легализовалась, реализуя, наряду с противоправной, также и законную деятельность либо маскируясь под такие виды деятельности [4]. А. И. Долгова верно отмечает, что для организованных преступников коррупция сегодня является средством обеспечения не только корыстного, но и политического интереса, то есть у такого типа преступников наблюдается двойной мотив: сверхдоходы и власть [2, с. 25]. В таком ключе о коррупции следует говорить скорее как о составляющей самого явления – так называемой экономической организованной преступности.

По мнению Р. Ш. Шегабудинова, коррупция сегодня является связующим звеном между экономической и организованной преступностью [3, с. 222]. Вследствие симбиоза этих двух видов преступности возникла новая разновидность преступности, обладающая уникальным набором качественных и количественных

характеристик, таких как: планирование криминальной деятельности по результатам мониторинга состояния рынка, законности, прибыльности отдельных видов деятельности, правопорядка и налоговых требований; использование легальных структур для приумножения полученного преступным путем дохода; создание систем и способов ухода от государственного контроля с использованием коррупционных механизмов; конспиративный характер извлекаемой преступным путем прибыли; вложение «чистой» прибыли (от легальных видов деятельности) в криминальный «бизнес» и наоборот («смешение» преступных и непреступных доходов) и т. д.

Наиболее негативной, на наш взгляд, является тенденция по укрупнению экономического, наиболее коррумпированного, блока в структуре всей организованной преступности. Последствием может стать кратное возрастание угрозы, создаваемой данным видом преступности общественной безопасности, нормальному функционированию основных государственных институтов и суверенитету страны в целом.

Список источников

1. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности: принята резолюцией 55/25 Ген. ассамблеи от 15.11.2000 // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 30.10.2025).
2. Долгова А. И. Коррупция и организованная преступность // Вестн. Ун-та прокуратуры Рос. Федерации. 2007. № 1. С. 22–28.
3. Шегабудинов Р. Ш. О формулировании понятия «организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией» // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2014. № 10. С. 215–225.
4. Якушева Т. В. «Предпринимательское» преступное сообщество: комментарий п. 1 примечаний к ст. 210 УК РФ и анализ судебно-следственной практики // Уголов. право. 2022. № 11 (147). С. 67–77.

Материалы научно-практической конференции «Развитие, совершенствование электронной информационно-образовательной среды и управление ею в условиях цифровой трансформации образовательной деятельности» (27 ноября 2025 года)

УДК 340; 004.02

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК АССИСТЕНТА В РАМКАХ УЧЕБНОГО ЗАНЯТИЯ

***Е. Н. Алешина-Алексеева**, доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук;*

***Ю. А. Шутова**, старший преподаватель кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук*

Игнорировать потенциал искусственного интеллекта в образовательной сфере недопустимо. Рекомендуется на учебных занятиях задействовать его возможности. Один из эффективных подходов – использование искусственного интеллекта как ассистента обучающихся при выборке обвинительных приговоров, которые впоследствии будут использованы для анализа, развивая критическое мышление и, как следствие, улучшенного освоения учебного материала.

Ключевые слова: искусственный интеллект, образование, анализ, судебное решение, ассистент, обучение, эффективность, учебное занятие.

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN ASSISTANT IN THE COURSE OF A LEARNING ACTIVITY

***E. N. Aleshina-Alekseeva**, associate professor of the Department of Criminal Law at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Law;*

***Yu. A. Shutova**, senior lecturer of the Department of Criminal Law at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Law*

It is unacceptable to ignore the potential of artificial intelligence in the field of education. It is recommended to use its capabilities in the course of educational activities. One effective approach is to use artificial intelligence as an assistant for students to select the indictments, which will subsequently be used for analysis, developing critical thinking and, as a result, improved learning of the subject matter.

Keywords: artificial intelligence, education, analys, court decision, assistant, training, efficiency, training session.

Возникающие изменения в обществе, повлекли кардинальные изменения в образовании. Связано это с адаптацией современных реалий, направленных на внедрение инновационных инструментов. В последние годы идут активные дискуссии относительно использования искусственного интеллекта (далее – ИИ) в образовании. По замечанию О. И. Заяц и Н. Ю. Мышковской, использование передовых образовательных технологий не только оптимизирует процесс усвоения знаний, но и формирует у обучающихся навыки и компетенции, необходимые для адаптации. Активное участие в занятиях, обеспечиваемое этими технологиями, помогает воспитывать специалистов, готовых к вызовам современности и уверенных в своих силах [1, с. 234]. Применение ИИ в образовании позволяет разрабатывать более эффективные методы обучения, учитывающие индивидуальные особенности каждого обучающегося [4, с. 86].

Однако, даже Президент России В. В. Путин отмечает, что «ИИ – вызов для системы образования» [2]. Несмотря на это, использование ИИ может быть интегрировано в процесс решения задач, открывая новые горизонты и потенциальные перспективы. В том числе, повышая качество и эффективность организации учебной деятельности, облегчая задачи в поиске информации [3, с. 48]. Важным остается то обстоятельство, что ИИ не должен полностью заменять преподавателя, а дополнять его, улучшая процесс усвоения учебного материала.

В системе высшего образования предусмотрено проведение различных видов занятий: лекции, семинары, практические занятия и т. д. Для более глубокого изучения дисциплины в процессе обучения предусмотрено практическое занятие. В рамках данного вида занятия возможно проведение поиска информации с помощью ИИ. При подготовке к нему стоит исключать возможность нерациональной затраты времени обучающихся, которое можно использовать с большей пользой. В контексте практического занятия, нам видится возможным применение ИИ для сравнения судебных решений по заданной статье Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) в рамках пройденной темы, чтобы выявить ключевые отличия и особенности с выведением в сравнительную таблицу. Тем самым, наглядно и самостоятельно осуществить закрепление материала с использованием ИИ.

В рамках поиска оптимальных решений был осуществлен анализ нескольких различных платформ. В результате данного анализа была отобрана одна из платформ ИИ Perplexity. Выбранная платформа представляет собой соединение поисковой системы и чат-бота на базе ИИ. При входе на указанную платформу, после появления на главной странице вплывающего окна чат-бота, предусмотренного для введения в него конкретного запроса (промта), определяемся с необходимой для нас задачей. Как ранее было указано, в качестве задачи выступает выявление ключевых отличий и особенностей, например, по ч. 1 ст. 176 УК РФ. Для этого, в отдельный документ добавляем тексты судебных решений и нормативных документов, найденные и скопированные на крупнейшей в сети базе судебных актов – интернет-ресурсе «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт) 10 обвинительных приговоров по ч. 1 ст. 176 УК РФ. После этого документ со всеми найденными обезличенными 10 судебными решениями по ч. 1 ст. 176 УК РФ были загружены в диалоговое окно чат-бота.

Определяемся и формулируем промт: «Представь, что ты обучающийся юридического факультета высшего учебного заведения. Готовишься к практическому занятию по дисциплине «Уголовное право», теме «Преступления в сфере экономической деятельности». Обучаемому необходимо обобщить представленные 10 обвинительных приговоров по ч. 1 ст. 176 УК РФ (Незаконное получение кредита) и выявить в них отличительные признаки, которые необходимо представить в таблице. В эту таблицу необходимо включить: год преступления, сведения о потерпевшем, предмете преступления, способе совершения преступления, сумме причиненного ущерба, количестве выплат по кредиту, субъекте преступления».

После этого, нажимаем на осуществление выполнения результата и получаем на основании заданного запроса таблицу. Если что-то в итоге не устраивает, возможна корректировка запроса, даже в части конкретизации.

Тем самым, за короткий срок, получается информативный ответ по обобщению 10 обвинительных приговоров. Его можно использовать в дальнейшем для закрепления материала по теме «Преступлений в сфере экономической деятельности». Помимо этого, в конце ответа, предлагаются дальнейшие варианты действия, обозначенные как «Связанные». Если обучающийся понимает, что он что-то забыл или не указал, то с помощью корректировки это устраняется.

На основании проведенных действий, прибегая к помощи ИИ через платформу Perplexity, была подготовлена таблица со сравнительным анализом отличительных признаков в 10 обвинительных приговорах, которая позволяет выделить основные признаки, необходимые для определенного состава преступления.

Учитывая растущую роль ИИ как инструмента для поиска и анализа материалов, он становится очень ценным ресурсом для обучающихся высших учебных заведений в части критического анализа материала (например, обвинительных приговоров). Возможность ИИ быстро обрабатывать большие объемы информации, доступной в интернете, позволяет обучающимся оптимизировать подготовку к занятиям, сокращая временные затраты на анализ.

ИИ следует применять исключительно как вспомогательный ресурс для исследования, упорядочивания и разработки материалов, сохраняя за учащимся право принимать окончательное решение после проведения критической оценки.

Таким образом, становясь неотъемлемым инструментом современного образования, ИИ существенно повышает продуктивность учебного процесса. Он позволяет более качественно организовать подготовку к занятиям, обеспечивая широкий поиск и систематизацию информации, а также развитие аналитических навыков. Неоспоримым является сохранение самостоятельности обучающихся для формирования необходимых профессиональных навыков и компетенций.

Использование ИИ в образовании допустимо только как средство поддержки, а не как способ избежать самостоятельного критического мышления. При развитии навыков создания качественных промтов появится возможность максимально эффективно использовать ИИ в качестве личного ассистента в рамках учебного процесса и улучшить освоение обучения.

Список источников

1. Басанин К. О. Противоречия использования искусственного интеллекта в образовании // Advances in Science and Technology: сб. ст. LXVI международ. науч.-практ. конф., Москва, 31 января 2025 г. М.: Научно-издательский центр «Актуальность.РФ», 2025. С. 233–234.

2. Выступление В. В. Путина на сессии «Путешествие в мире искусственного интеллекта» на конференции «Сбера» по искусственному интеллекту AI Journey-2025 в Москве 19.11.2025.
3. Долматов А. В., Долматов Л. А. Возможности и перспективы применения технологий искусственного интеллекта в юриспруденции // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 1 (46). С. 44–49.
4. Семенников А. В. Искусственный интеллект – как он изменяет образование и науку в эпоху цифровой трансформации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 7. № 7 (147). С. 84–89.

УДК 519.854.2: 519.876.

ИМИТАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЕКТОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНЫМ УГРОЗАМ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

***К. М. Бондарь**, профессор кафедры информационного и технического обеспечения органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат технических наук, доцент*

В статье отражается мнение автора об объективной необходимости расширения технологической и информационно-технической поддержки в области профессиональной подготовки кадров структурных подразделений МВД России. В деятельности подразделений уголовного розыска могут быть реализованы математические модели противодействия криминальным угрозам. Повышение эффективности подготовки кадров данной специализации возможно на основе внедрения платформ имитационного моделирования для отображения подобных учебных процессов.

Ключевые слова: аппарат уголовного розыска МВД России, математический проект процесса противодействия криминальным угрозам, имитационное моделирование, аналитическая возможность.

SIMULATION MODELING OF CRIME PREVENTION PROJECTS IN PROFESSIONAL EDUCATION

***K. M. Bondar**, professor of the Department of Information and Technical Support of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Technical Sciences, Associate Professor*

The article reflects the author's opinion on the objective need to expand technological and information-technical support in the field of professional training for personnel in the structural units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Mathematical models for countering criminal threats can be implemented in the activities of criminal investigation units. The effectiveness of training for this specialization can be improved by implementing simulation modeling platforms to display such training processes.

Keywords: criminal investigation unit of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, mathematical project for countering criminal threat, simulation modeling, and analytical capability.

Аналитическая оценка путей и тенденций совершенствования профессионального образования в системе МВД России актуально обусловливает расширенное и системное обращение к организационно-технологическим возможностям и потенциалу ведомственных и абонируемых технических средств и систем, выполнение различных информационных и технических процедур поддержки и обоснования решений для реализации процессов раскрытия, расследования преступлений, их профилактики. Следовательно, это влечет новые подходы в образовательной деятельности по подготовке ведомственных кадров. В этой связи выразим некоторые замечания.

Ранее нами были отмечены [1–4] такие особенности в организации учебного процесса, которые необходимы в доведении до обучающихся возможностей интенсификации и профессиональной информативности выдаваемых материалов, ориентации их подготовки на перспективные представления и приложения:

– прежде, дальнейшее развитие в применении функциональных возможностей единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности (ИСОД) МВД России. Она реализует все виды оперативно-служебных и служебно-боевых задач ведомства на основе совокупности специализированных автоматизированных систем обработки данных, программно-аппаратных комплексов и остальных компонентов, необходимых для обозначенного функционирования.

Кроме того, значительные дополнительные перспективы определяются, например, в интеграции (аппаратной, правовой, организационной, технологической и т. д.) с уже развернутыми сетевыми технологиями передачи ведомственных данных с геоинформационными космическими системами. Интересным и также обладающим требуемым потенциалом является опыт и направления развития информационно-технического обеспечения задач специальной военной операции, новых классов задач в период последующей охраны общественного порядка, противодействия противоправным проявлениям, в том числе относимым к киберпреступности;

– создание и развитие концепции обеспечения учебного процесса новыми формами методических материалов. В частности, речь идет об оценке потенциальных возможностей и профессиональной адаптации разнообразных программно-аппаратных инструментов, отражающих методологию цифрового двойника. Их функционал может быть развернут в построении образовательного пространства электронного обучения и дистанционных образовательных технологий подготовки кадров МВД России;

– оценивание путей совершенствования информационного обмена во внешнем управлении системы МВД России. Авторами рассматривался потенциал внедрения современных цифровых технологий в указанную область. Задачи исследования при этом касались социального взаимодействия населения с сотрудниками и обучающимися правоохранительных органов и, в частности, процессов коррегирования данного общения в целях повышения обоюдного интереса и достижения более качественных параметров.

На текущий момент обратим внимание еще на одно перспективное, по нашему мнению, направление. Оно связано с аналитической оценкой возможностей методологии проектного управления, как одного из путей совершенствования деятельности сложных организационных систем. К ним относятся оперативно-розыскные и следственные подразделения МВД России, осуществляющие непосредственные задачи раскрытия и расследования преступлений современной структуры с преобладанием, в частности, компьютерной преступности и требующей в этой связи создания новых тактических решений в их преодолении и профилактике [5].

Ориентация в данном случае на подходы математического моделирования (модели сетевые, поведения отдельных участников проекта, управления командами проекта) опирается на имеющиеся многообразные и разносторонние достижения в различных сферах человеческой деятельности по широкому спектру разноплановых организационных задач, синхронизации этапов выполнения работ, оценке возможности их совмещения, обеспечении непрерывности, перераспределении ресурсов, их экономии и других параметрах. При этом рассматриваются пути адаптации методов и моделей управления проектами в противодействии современным и ожидаемым криминальным угрозам.

Весь обозначенный перечень задач, равно как и многие другие, для своего эффективного решения естественным образом базируются на специализированной ведомственной подготовке кадров. Тем более что в организации данного процесса имеются определенные недостатки, прежде всего, определяемые низким уровнем обеспечения учебных дисциплин в технической и технологической области, отставанием от современных возможностей применяемых средств и систем, поставляемых в территориальные подразделения МВД России для реализации функционала раскрытия и расследования преступлений, профилактической работы.

Прямым решением вопроса напрашивается удовлетворение потребностей образовательных организаций системы МВД России образцами современной компьютерной и специальной техники, да еще с введением возможной нормативно-правовой регламентации о первоочередной, достаточной, своевременной их поставке.

Но в период ограниченных текущих финансовых возможностей страны для удовлетворения указанного спроса возникает актуальность обоснования и отыскания иных путей, хотя бы временного разрешения ситуации.

Одним из таких путей, по нашему мнению, может быть обращение в широком смысле к методам имитационного моделирования. Имеющиеся в данном перспективном направлении разнообразные возможности иллюстрирующих технологий, наглядной эмуляции могут быть положены в развитие дидактических интерпретаций, поясняющих элементов смысловой информации, требуемой в доведении ее до обучающихся. В числе таких основных элементов обучения значатся принципы действия, выполняемые функции конкретных типов, видов информационных и специальных технических средств, систем.

В частности, отмеченная методология вполне применима для динамического отображения процессов противодействия криминальным угрозам. Поясняющие элементы профессионального учебного процесса, например, подготовленные для специализации в оперативно-розыскной деятельности и отражающие математические модели развития ситуаций ресурсного воздействия на снижение эффекта конкретных криминальных угроз [5], доступны для реализации в распространенных имитационных платформах (допустим, *Anylogic*). Гармоничное объединение указанных учебных направлений способно создать активные учебные имитационные модели, интенсифицировать профессиональный учебный процесс, сделать его более наглядным, динамичным, доступным для организации аналитического осмысления и обоснования выдвигаемых тактических решений и отрабатываемых или потенциальных вариантов действий.

Подводя итоги статьи, можно отметить, что автором сделана попытка сосредоточить и отразить некоторые особенности совершенствования профессиональной информационной и технической подготовки кадров силовых структур МВД России. Это следует из объективно существующего и актуального ряда условий новых реалий организации учебного процесса. Основная идея состоит в необходимости гармоничного сочетания больших возможностей математического аппарата, например, в проектировании противодействия криминальным угрозам и программно-аппаратных имитационных платформ, позволяющих отразить данные процессы в динамической, наглядной форме с обеспечением аналитического оценивания ситуаций.

Список источников

1. Бондарь К. М., Дунин В. С. Пути интеграции геоинформационных систем для аналитического обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Новые информационные технологии в научных исследованиях: материалы XXV юбилейной Всерос. науч.-техн. конф. студентов, молодых ученых и специалистов. Рязань: ИП Коняхин А. В. (Book Jet). 2020. С. 248–249.

2. Бондарь К. М., Дунин В. С., Кантышева А. В. Использование инструментов цифрового двойника в построении образовательного пространства электронного обучения и дистанционных образовательных технологий (концептуальный подход) // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 5 (108). С. 172–175.
3. Бондарь К. М., Дунин В. С., Кантышева А. В. Современные цифровые технологии для коррегирования социального взаимодействия населения с сотрудниками и обучающимися правоохранительных органов // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 6 (109). С. 70–73.
4. Бондарь К. М., Едынак И. В. Особенности совершенствования профессиональной информационно-технической подготовки кадров подразделений МВД России // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: материалы XXIX Всерос. науч.-метод. конф., Иркутск, 5–6 марта 2024 г. Иркутск: Вост.-Сибир. ин-т МВД России, 2024. С. 15–18.
5. Жирнов А. А. Методы и модели управления проектами противодействия криминальным угрозам: автореф. дис. … канд. техн. наук. М., 2025. 25 с.

УДК 378.1

РАЗВИТИЕ, СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ И УПРАВЛЕНИЕ ЕЮ В УСЛОВИЯХ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ

***А. В. Боюр**, адъюнкт Академии управления МВД России*

В статье анализируются ключевые направления развития и совершенствования электронной информационно-образовательной среды (ЭИОС) в условиях масштабной цифровой трансформации образования. Дается определение ЭИОС и ее основных компонентов; описываются функции и назначение цифровой образовательной среды в контексте национального проекта «Цифровая образовательная среда»; рассматриваются технологические и организационные факторы развития ЭИОС (модернизация ИКТ-инфраструктуры, создание электронных ресурсов, повышение квалификации педагогов и т. д.). Анализируется управленческий аспект ЭИОС с выделением подсистем (технической, информационной, кадровой и регламентной) и основных вызовов при внедрении электронного обучения. Отмечается, что эффективное функционирование ЭИОС требует согласованных действий на всех уровнях управления образованием и актуализации нормативно-методической базы.

Ключевые слова: электронная информационно-образовательная среда, цифровая трансформация, электронное обучение, управление образовательным процессом, информационно-коммуникационные технологии.

DEVELOPMENT, IMPROVEMENT AND MANAGEMENT OF THE ELECTRONIC INFORMATION-EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF EDUCATIONAL ACTIVITIES

***A. V. Boyur**, adjunct of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

This article examines the key aspects of development and enhancement of the electronic information-educational environment (EIEE)

within the large-scale digital transformation of education. It provides a definition of EIEE and its main components; describes the functions and purpose of the digital educational environment in the context of the national project "Digital Educational Environment"; and discusses technological and organizational factors for its advancement (modernization of ICT infrastructure, creation of electronic resources, upskilling of educators, etc.). The managerial aspect of EIEE is analyzed by identifying its subsystems (technical, informational, personnel, and regulatory) and the main challenges in implementing e-learning. It is noted that effective operation of the EIEE requires coordinated efforts at all levels of education management and updating of regulatory and methodological frameworks.

Keywords: electronic information-educational environment, digital transformation, distance learning, education management, ICT.

Сегодня принята позиция, что электронная информационно-образовательная среда (далее – ЭИОС) должна описываться не как абстрактная совокупность «цифровых возможностей», а как управляемый контур, обеспечивающий полный цикл обучения и подтверждение его результатов. Исходную дефиницию корректно фиксировать в юридико-прикладной парадигме: по мнению О. А. Малакановой, ЭИОС – это совокупность информационных и телекоммуникационных технологий, соответствующих средств и электронных ресурсов, обеспечивающих освоение программ вне зависимости от места нахождения обучающегося [9]. Аналогичную структурную логику развивают О. Ю. Иванова, З. Ю. Кутузова и А. В. Кутузов, акцентируя связь архитектуры среды с функциями образовательного процесса [7]. В практическом измерении это означает, что инфраструктура (серверы, сети, средства видеосвязи, системы хранения), платформы (*LMS*, прокторинг, каталоги ресурсов, *SSO*), контент (электронные курсы и банки оценочных средств) и регламенты обращения с данными должны быть заданы как взаимосогласованные элементы одного процесса, а не как набор разрозненных сервисов.

Содержательный смысл ЭИОС проявляется через устойчивый доступ к актуальным материалам, непрерывную фиксацию образовательных результатов и управляемое взаимодействие участников. По мнению коллектива авторов, именно прозрачная цифровая фиксация траекторий и оценочных событий превращает среду в инструмент профессиональной подготовки, а не в «витрину» курсов [13].

И. О. Лебедева добавляет, что цифровые следы студента (портфолио, журналы, метрики участия) становятся частью доказательной базы качества обучения [8]. Позиция Е. М. Дорожкина, Ю. В. Мочаловой и И. И. Аминова заключается

в прямой увязке качества образовательного процесса с организацией цифровой коммуникации и контролем результатов в пределах одной среды; при разрыве контуров качество предсказуемо снижается [6–7].

Необходимость системного развертывания ЭИОС не может трактоваться вне нормативной регламентации. Согласно ст. 43 Конституции РФ закрепляется право на образование и, следовательно, обязанность государства и образовательных организаций обеспечить доступность и современное качество образовательных услуг [1]. Согласно федеральному закону № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» допускается применение электронного обучения и дистанционных образовательных технологий при условии соблюдения установленного порядка [2]. Согласно приказу Минобрнауки № 816 образовательная организация обязана регламентировать применение ЭО и ДОТ, зафиксировать процедуры оценивания, идентификации и хранения данных [3]. Наконец, согласно паспорту федерального проекта «Цифровая образовательная среда» и сопутствующим методическим материалам Минпросвещения, целевым состоянием является сопряженное цифровое пространство с инфраструктурой и контентом федерального уровня, в которое должна быть встроена ЭИОС каждой организации [4–5].

Современная цифровая повестка задает и содержательные требования к трансформации. По мнению Л. М. Мусиной, цифровая трансформация смещает акцент с воспроизведения содержания на персонализацию, управляемые результаты и гибридность форм, что требует перенастройки программ, методик и контроля качества [10]. В этой логике локальная ЭИОС – не «опция», а механика, обеспечивающая непрерывность программ в смешанных и дистанционных форматах, достоверность аттестации и сопоставимость данных. Практика показывает, что без целенаправленного развития компетенций преподавателей и администраторов среда «не заводится»: по мнению И. В. Детковой и соавторов, дефицит ИКТ-компетентности ППС является системным ограничением [13]; согласно аналитики ИССЕК НИУ ВШЭ, именно навыки работы с данными, цифровыми ресурсами и платформенными инструментами являются текущим приоритетом развития кадров [12]. Вклад О. Ю. Ивановой и соавторов в этой части заключается в артикуляции требований к качеству электронных образовательных ресурсов и к их размещению в целостной информационной архитектуре вуза [7], что в практической плоскости означает централизованный репозиторий с версионированием, экспертизой и публичной актуализацией.

Техническая сторона вопроса не сводится к покупке оборудования. Устойчивость достигается архитектурными решениями: резервирование, отказоустойчивость ВКС, управляемая идентификация и роль-модель доступа, а также регламентная связка с федеральными сервисами. Согласно приказу Минобрнауки России от 23.08.2017 № 816 идентификация обучающихся и фиксация результатов должны быть воспроизводимыми и проверяемыми; в российских

условиях разумно опираться на авторизацию через ЕСИА и сопряжение с ФГИС «Моя школа» при реализации соответствующих уровней образования [3; 5]. По мнению Л. М. Мусиной, отдельного внимания требует «усталость» пользователей от избыточной синхронной коммуникации: нормирование длительности онлайн-сессий и предсказуемые окна обратной связи являются факторами устойчивости процесса [10].

Управление средой продуктивно выстраивать через четыре взаимосвязанных слоя ответственности. Технический слой фиксирует надежность и доступность; информационный слой отвечает за полноту и качество контента и данных; кадровый слой – за компетенции ППС, администраторов и пользователей; регламентный слой – за юридическую валидность процедур и согласованность локальных актов с федеральными требованиями. По мнению коллектива авторов, технологическая готовность без педагогической и управленческой поддержки не дает требуемого эффекта [13]; по мнению О. Ю. Ивановой и соавторов, именно согласование информационного и регламентного слоев делает процессы наблюдаемыми и управляемыми [7]. В управленческой практике это означает назначение владельцев процессов, формализацию *SLA* между ИТ-подразделением, учебно-методическим управлением и библиотекой, а также внедрение процедур экспертизы и рецензирования электронных курсов до их публикации.

Проблематика внедрения хорошо известна и носит, прежде всего, организационный характер. По мнению Д. Н. Сырцова, барьеры возникают на уровне управленческой терминологии и распределения ответственности: трансформация «ломается» там, где нет согласованных определений, зон ответственности и механизмов взаимодействия подразделений [11]. Позиция Е. М. Дорожкина и соавторов подтверждает: при масштабировании дистанционных форм без выстроенных процедур контроля качества и обратной связи предсказуемо растут риски снижения учебной дисциплины и валидности оценивания [6]. Устойчивое решение – на стороне формализованных регламентов (типовые положения об электронном курсе, рубрикаторы оценивания, протоколы прокторинга), регулярной аналитики удовлетворенности и завершенности, а также прицельного повышения квалификации управленческой команды по тематике данных, *EdTech*-портфеля и правового режима ЭО/ДОТ.

В связи с этим итог очевиден. ЭИОС – системообразующий фактор современной школы и вуза лишь постольку, поскольку она выступает не набором сервисов, а управляемым процессом, опирающимся на право и метрики. Технологический контур приобретает смысл только при сопряжении с целями подготовки [13]; целостность архитектуры и прозрачность данных являются критерием зрелости среды [7]; согласно федеральной повестке «Цифровой образовательной среды», организация обязана сопрячь локальные решения с федеральной инфраструктурой и процедурами [12]. Следовательно, практиче-

ская приоритизация работ должна определяться отмеченными нормативными требованиями [4; 9; 10], управленческой дисциплиной (владельцы процессов, *SLA*, экспертиза контента) и набором стабильных показателей качества (доступность, полнота ЭОР, валидность оценивания, удовлетворенность и завершенность). Только в этом случае цифровая трансформация перестает быть лозунгом и формирует устойчивую образовательную практику.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенарод. голосованием 12.12.1993; с изм., одобрен. 01.07.2020 // Офиц. интернет-портал правовой информации: [сайт]. URL: https://pravo.gov.ru/constitution/ (дата обращения: 18.10.2025).
2. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ: ред. от 15.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ: приказ Минобрнауки России от 23.08.2017 № 816. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Методические рекомендации по вопросам внедрения Целевой модели цифровой образовательной среды в субъектах Рос. Федерации: письмо Минпросвещения России от 14.01.2020 № МР-502; см. также материалы к приказу Минпросвещения России от 02.12.2019 № 649 // Офиц. портал Минпросвещения РФ: [сайт]. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/284a92ca7bcb8eb91b2c814141365d1c/download/3438/ (дата обращения: 18.10.2025).
5. Паспорт федерального проекта «Цифровая образовательная среда» (нацпроект «Образование»; срок реализации 01.11.2018–30.12.2024) // Минпросвещения РФ (официальные материалы): [сайт]. URL: https://minobr.gov-murman.ru/files/Nach_proekty/Tsos/ (дата обращения: 18.10.2025).fp_cifrovaya_obrazovatelnaya_sreda_04102019.pdf (дата обращения: 18.10.2025).
6. Дорожкин Е. М., Мочалова Ю. В., Аминов И. И. Роль электронной информационно-образовательной среды в обеспечении качества образовательного процесса // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7. № 1. URL: https://www.mpjournal.ru/jour/article/view/1253 (дата обращения: 18.10.2025).
7. Иванова О. Ю., Кутузова З. Ю., Кутузов А. В. Информационно-образовательная среда вуза: сущность и структура // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2020. № 8. С. 20–29.
8. Лебедева О. В. Электронная информационная образовательная среда и современный студент // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9. № 4. Ст. 11. URL: https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1294 (дата обращения: 18.10.2025).
9. Малаканова О. А. Электронная информационно-образовательная среда университета: понятие и структура // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 4. URL: https:// journals.ssau.ru/semiotic/article/view/9933 (дата обращения: 18.10.2025).

10. Мусина Л. М. Цифровая трансформация в образовании: влияние на образовательную среду // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2024. № 1 (175). С. 143–150.
11. Сырцов Д. Н. Цифровая трансформация в сфере образования: проблемы терминологии и управления // Управленческое консультирование (РАНХиГС, УрИУ). 2024. № 3. С. 76–83.
12. Образование в цифрах: 2024: краткий аналитический обзор и статистика (НИУ ВШЭ, ИССЕК). 2024. URL: https://issek.hse.ru/news/ 969714262.html (дата обращения: 18.10.2025).
13. Электронная образовательная среда вуза как инновационный ресурс профессиональной подготовки будущих психологов и социальных педагогов И. В. Деткова [и др.] // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Т. 13. № 2. С. 62–70.

УДК 371.331: 351.74 (09): 004.7

ЭЛЕКТРОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ УПРАВЛЕНИЯ ОТДЕЛАМИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, СВЯЗИ И ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***А. В. Боюр**, адъюнкт Академии управления МВД России;*

***П. А. Ганишева**, магистрант Института физики, технологии и информационных систем Московского педагогического государственного университета*

В статье рассмотрена взаимосвязь между разработкой алгоритмов управления подразделениями информационных технологий, связи и защиты информации и необходимостью системного применения электронных образовательных систем для повышения квалификации как руководящего, так и исполнительского состава.

Ключевые слова: электронная образовательная система, повышение квалификации, алгоритм управления, кадровое обеспечение, цифровая компетентность.

ELECTRONIC EDUCATIONAL SYSTEMS AS A TOOL FOR IMPROVING QUALIFICATIONS IN THE CONTEXT OF DEPARTMENT OF INFORMATION TECHNOLOGY, COMMUNICATIONS AND INFORMATION SECURITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

***A. V. Boyur**, adjunct of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;*

***P. A. Ganisheva**, master's student, Institute of Physics, Technology, and Information Systems, Moscow State Pedagogical University*

The article examines the relationship between the development of algorithms for managing IT departments and the need for the systematic use of electronic educational systems to improve the qualifications of both management and executive staff.

Keywords: electronic educational system, advanced training, management algorithm, staffing, digital competence.

В условиях турбулентной геополитической обстановки и повышенной необходимости защиты общества и государства от противоправных угроз особую значимость приобретают информационно-технические подразделения Министерства внутренних дел России, выступающие в качестве ключевого звена обеспечения функционирования систем связи, обработки данных и других критически важных сервисов. Для достижения высоких показателей эффективности работы данных подразделений необходимо оперативно реагировать на вызовы, обусловленные стремительным ростом цифровых нагрузок, усложнением технологической среды и возрастающими требованиями к скорости и качеству принятия решений.

Следует отметить, что подразделения информационных технологий, связи и защиты информации МВД России функционируют в условиях уникального институционального контекста, обусловленного спецификой правоохранительной деятельности. Их основная задача – не просто обеспечение функционирования информационных систем, но и поддержка оперативно-служебной деятельности, включая сбор, обработку, хранение и передачу данных, зачастую содержащих сведения, составляющие государственную тайну или ограниченные к распространению в рамках режима служебной и коммерческой конфиденциальности. Это накладывает строгие требования на архитектуру инфраструктуры данных подразделений, процессы управления доступом и кадровую политику.

Одновременно отделы информационных технологий, связи и защиты информации МВД России сталкиваются с хронической нехваткой ресурсов: ограниченным финансированием, кадровым дефицитом и высокой нагрузкой при одновременной необходимости обеспечивать бесперебойную работу критически важных систем. В таких условиях эффективность управления напрямую зависит от способности руководителей балансировать между требованиями безопасности, производительности и экономической целесообразности.

Приоритетной причиной актуальности рассматриваемого вопроса является экспоненциальный рост объемов цифровых данных, генерируемых в процессе повседневной работы органов внутренних дел: от сведений, заносимых в Единую систему информационно-аналитического обеспечения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации (ИСОД МВД России) до информации, содержащейся в автоматизированных системах

дактилоскопического учета (АДИС «Папилон») [1–2]. При этом тенденция роста количества электронных сервисов и цифровой информации, используемой в МВД России, была отмечена еще более 10 лет назад[6]. Несмотря на то, что точную оценку ежегодного прироста дать невозможно, есть основания полагать, что цифровизация и автоматизация процессов внутри ведомства свидетельствует о резком увеличении объемов собираемых и обрабатываемых данных.

Прогнозы дальнейшего увеличения объемов цифровой информации в МВД России на 2025–2028 гг. связаны с масштабным развитием цифровой инфраструктуры и строительством нового Федерального центра обработки данных МВД России. Правительство выделяет значительные средства на развитие информационно-технологической базы, включая 3,1 млрд рублей в 2026 г., 5,3 млрд рублей в 2027 г., и около 951 млн рублей в 2028 г. на поддержание и расширение дата-центра и цифровых систем ведомства [5]. Кроме этого, внедрение искусственного интеллекта и новых аналитических систем, также влияет на рост объемов данных, которые будут генерироваться и использоваться для оперативной и тыловой работы.

Управление нынешними и тем более прогнозируемыми объемами данных, а также обеспечение их защиты требует не только технологичной инфраструктуры, но и высокой квалификации сотрудников, способных организовать эффективный сбор, хранение, обработку, анализ информации и обеспечить безопасность ее использования.

В настоящее время подразделения информационных технологий, связи и защиты информации МВД России управляют гибридными средами, включающими внутренние серверы, облачные сервисы, защищенные каналы связи, системы мониторинга, программно-аппаратные комплексы обеспечения безопасности и специализированное программное обеспечение. Такое положение вещей требует перехода от интуитивного, «ручного» управления к системному, алгоритмизированному подходу.

Исторически сложившаяся модель управления отделами информационных технологий, связи и защиты информации в структуре МВД носит выраженно бюрократический и иерархический характер. Решения принимаются по вертикали, часто без учета оперативных потребностей нижестоящих подразделений. Процессы планирования, распределения задач и контроля качества преимущественно формализованы в виде приказов и распоряжений, что снижает адаптивность и замедляет реакцию на быстро меняющиеся цифровые угрозы или технологические вызовы. Такая модель управления, унаследованная от советской административной системы и усугубленная спецификой силового ведомства, оказывается недостаточно гибкой для обеспечения современных требований к ИТ-сервисам: высокой скорости внедрения решений, итеративному улучшению

процессов и кросс-функциональному взаимодействию. В условиях цифровой трансформации правоохранительных органов такие подходы трансформируются из фактора стабильности в источник системных рисков и неэффективности.

Под алгоритмом управления отделом информационных технологий, связи и защиты информации МВД России в рамках настоящей статьи понимается совокупность стандартизированных процедур, метрик, инструментов и правил принятия решений, направленных на систематическую оптимизацию ключевых управленческих параметров (информационной безопасности, ресурсоэффективности, своевременное выполнение распоряжений и соответствия нормативно-правовому полю). Такой алгоритм не сводится к простому набору инструкций, а представляет собой динамическую управленческую систему, встроенную в ежедневные рабочие процессы и поддерживаемые как организационными, так и технологическими решениями.

Например, необходимо внедрять алгоритмы распределения ресурсов, автоматического масштабирования нагрузки, управления жизненным циклом *IT*-активов, а также современные стандарты для управления информационными технологиями (например, *COBIT* или *Scrum*-методологии). Однако практика показывает, что большинство руководителей подразделений информационных технологий, связи и защиты информации МВД не обладают достаточными знаниями в области современных управленческих решений, что приводит к неэффективному использованию ресурсов, задержкам в реализации проектов и накоплению т. н. «технического долга» – проблем, связанных с компромиссами в качестве ради скорости исполнения [7].

В пользу необходимости внедрения алгоритмов управления также свидетельствует возрастание количества кибератак как на федеральные, так и на региональные структуры МВД России. За последние годы отмечено увеличение числа попыток *DDoS*-атак, фишинговых кампаний, внедрения вредоносного программного обеспечения и целенаправленных *APT*-атак в целях получения доступа к конфиденциальной информации. Согласно данным Роскомнадзора и ФСБ России, в 2024 г. число кибератак на госорганы выросло на 45 % за год, причем более 30 % из них были направлены на силовые структуры. Это требует от *IT*-отделов МВД проактивного подхода к информационной безопасности, включающего оперативное выявление инцидентов, быстрое принятие решений и четко отлаженные процедуры реагирования. Эффективность таких процедур напрямую зависит от того, насколько хорошо руководящий состав понимает алгоритмы реагирования, умеет интерпретировать данные *SIEM*-систем, координировать действия команды и принимать решения в условиях стресса и неопределенности.

Однако, несмотря на наличие технических решений и разработанных методик, ключевым ограничивающим фактором остается человеческий компонент,

особенно со стороны руководителей среднего и высшего звена. Многие из них прошли обучение в эпоху доминирования административных методов управления и не успели адаптироваться к новым цифровым реалиям. Традиционные формы повышения квалификации, такие как очные курсы, лекции и семинары, оказываются недостаточно гибкими, масштабируемыми и практико-ориентированными. Они не обеспечивают повторяемости обучения, не учитывают индивидуальный уровень подготовки и не позволяют моделировать реальные кризисные ситуации.

Согласимся с утверждением О. С. Пановой и С. А. Яковцова, которые отмечают, что целями образовательного процесса в МВД России являются:

– создание условий для быстрой, гибкой, мобильной организации профессионального обучения сотрудников полиции;

– создание предпосылок и условий для возможности сотруднику полиции осваивать образовательные программы профессиональной подготовки, находясь на рабочем месте, в месте постоянного проживания или в месте нахождения, т. е. без отрыва выполнения служебных задач;

– получение способов и возможностей постоянного расширения и охвата количества сотрудников [4].

Именно здесь на первый план выходят электронные образовательные системы (далее – ЭОС) как инструмент непрерывного, адаптивного и ситуационного обучения. Они позволяют не только передавать теоретические знания, но и отрабатывать навыки применения управленческих алгоритмов в условиях, максимально приближенных к реальным. ЭОС могут быть интегрированы с системами МВД России, обеспечивая обратную связь: если руководитель допускает ошибку в симуляции реагирования на кибератаку, система автоматически предлагает дополнительный модуль по анализу логов или управлению инцидентами.

Таким образом, ЭОС могут выступать не просто как инструмент дистанционного обучения для передачи знаний, а как операционная платформа формирования управленческих алгоритмов – т. е. через обучение формируются не только компетенции, но и сама логика принятия решений. По нашему мнению, разработка практических решений по данному направлению является перспективной и внедрение соответствующих решений сможет опровергнуть устоявшееся мнение о том, что «дистанционное обучение имеет крайне ограниченные возможности и может использоваться только как дополнительное по отдельным учебным вопросам» [3].

Представляется, что в современных реалиях только через системное внедрение ЭОС, основанных на принципах адаптивного обучения, непрерывного мониторинга компетенций и интеграции с управленческими информационными системами, возможно формирование у руководителей *IT*-подразделений

когнитивных и операционных навыков. Они необходимы для реализации оптимизированных, алгоритмически обоснованных моделей управления – от планирования ресурсов до прогнозирования киберрисков и координации межведомственных цифровых инициатив.

Список источников

1. Автоматизированные дактилоскопические системы органов внутренних дел, используемые в раскрытии и расследовании преступлений: учеб. для вузов / под общ. ред. А. А. Сафонова. М., 2025. 124 с.
2. Ляпин А. Е. Анализ открытых источников информации в деятельности подразделений экономической безопасности ОВД // Криминологический журнал. 2023. № 3. С. 246–251.
3. Морозов В. В. Особенности применения дистанционного обучения в образовательных организациях МВД России // МНКО. 2022. № 1 (92). С. 97–98.
4. Панова О. С., Яковцов С. А. Дистанционные образовательные технологии в системе профессиональной подготовки сотрудников ОВД России // Kant. 2022. № 3 (44). С. 303–307.
5. Правительство выделит 3 млрд в 2026 году на новый дата-центр МВД. URL: https://www.garant.ru/interview/348616/ (дата обращения: 13.10.2025).
6. Развитие и внедрение современных информационных технологий в системе МВД России. URL: https://www.garant.ru/ interview/348616/ (дата обращения: 12.11.2025).
7. Технический долг: что это и как его управлять в разработке. URL: https://seciva.ru/технический_долг (дата обращения: 13.11.2025).

УДК 378.147

ЭЛЕКТРОННАЯ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК СПОСОБ ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ

***В. В. Бутов**, старший преподаватель кафедры физической подготовки Ростовского юридического института МВД России*

Статья посвящена рассмотрению вопроса о необходимости обучения с помощью электронной информационно-образовательной среды сотрудниками Министерства внутренних дел Российской Федерации в области физической подготовки. Ее преимущества и возможности, проблемы и способы улучшения для более доступного и детального обучения.

Ключевые слова: дистанционное обучение, электронная информационная образовательная среда, физическая подготовка, образовательные программы, индивидуальное обучение, доступность информации, эффективное освоение информации.

ELECTRONIC INFORMATION AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS A WAY TO TRAIN EMPLOYEES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA IN PHYSICAL TRAINING

***V. V. Butov**, senior lecturer at the Department of Physical Training of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article is devoted to the consideration of the need for training using an electronic information and educational system by employees of the Ministry of Internal Affairs in the field of physical training. Its advantages and opportunities, challenges and ways to improve for more accessible and detailed learning.

Keywords: distance learning, electronic information environment, physical training, educational programs, individual training, accessibility of information, effective information acquisition.

В настоящее время технологии являются неотъемлемой частью нашей жизни: общение, медицина, производство, исследования, государственные услуги и, конечно же, образование.

Существует множество форм дистанционного обучения, например, вебинары, видеоконференции, онлайн-тренинги и др. Одним из самых распространенных способов онлайн-обучения стала электронная информационно-образовательная среда (далее – ЭИОС).

ЭИОС представляет собой комплекс информационных, телекоммуникационных технологий, состоящий из электронных образовательных материалов, предоставляющих условия обучения образовательными программами в полном объеме независимо от местоположения человека.

Он является уникальной платформой, благодаря которой учащиеся имеют возможность целиком и полностью сосредоточиться на учебе с помощью образовательных программ, осваивая специальные умения и квалификацию. Это достигается путем предоставления системой доступных учебных материалов, лекций, тестов, онлайн уроков и т. п., в любое время и в любом месте, что является ключевым преимуществом для тех, кто не имеет возможности очного обучения [1–3].

Данная образовательная система предназначена для организации к профессиональным образовательным программам, рабочим программам дисциплин, создания и обеспечения доступа к электронным библиотекам или научным статьям. Также, если обучающийся занимается научной деятельностью, тогда формируется его электронное портфолио, в котором ведется учет его курсовых, научных или же дипломных работ [4].

Электронная информационная образовательная система также становится все более популярной в различных сферах, включая физическую подготовку сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России). Однако перед нами ставится вопрос о необходимости программы для дистанционного обучения в структуре МВД России.

Важно рассмотреть все аспекты данного вопроса, чтобы понять, какую роль может сыграть ЭИОС в подготовке сотрудников, и насколько она оправдана в условиях сегодняшнего времени. Наглядным примером является период пандемии в 2020 г., когда практически вся страна перешла на онлайн образование, и преподавателям, и студентам пришлось адаптироваться к новым условиям обучения.

Анализируя положительные аспекты данной системы, мы можем обратить внимание на практичность свободного доступа к образовательным материалам. Сотрудник может без ограничения по времени и месту получать доступ к лекциям, учебным пособиям, видеоматериалам и сдаче проверочных работ, что значительно облегчает процесс не только для самого обучающегося, но и для преподавателя. Это особенно важно для получения навыков и специальных знаний физической подготовки.

Наряду с этим, с помощью данной системы можно не только отслеживать прогресс каждого сотрудника, но и предоставлять доступ к разнообразным тренировочным программам и методическим материалам.

Однако, наряду с положительными аспектами системы, у нее существует ряд недостатков, которые могут оказывать влияние на эффективность данного подхода в обучении и повышении физической подготовки личного состава. К ним можно отнести:

– отсутствие личного взаимодействия между преподавателем и курсантом, что может негативно повлиять на усвоение материала. Так как каждый учащийся имеет свои индивидуальные особенности, и единая форма получения и освоения специфической информации препятствует полноценному освоению специальных умений курсантами образовательных организаций системы МВД России;

– хотя технический прогресс коснулся большей части населения, к сожалению, не у всех есть возможность иметь равный доступ к техническим средствам и Интернету, что может создавать дополнительные барьеры в процессе обучения;

– невозможность проведения онлайн как лекций, так и практических занятий. Таким образом, отсутствует обратная связь между преподавателем и сотрудниками, невозможно задавать вопросы и получать на них ответы;

– еще одним из основных минусов ЭИОС является недостаточная мотивация обучающихся. Информационная среда, хотя и предоставляет неограниченный доступ к образовательным материалам, не всегда может заменить личное присутствие и непосредственное взаимодействие с преподавателем, что особенно важно в такой специфической области, как физическая подготовка.

Улучшение ЭИОС в данной сфере позволит не только повысить качество подготовки, но и сделать ее более доступной и эффективной для всех сотрудников МВД России.

Таким образом, улучшение ЭИОС в сфере физической подготовки МВД России – это не просто задача, а необходимость, которая позволит обеспечить высокий уровень физической готовности и профессионализма сотрудников, что, в свою очередь, положительно скажется на их работе и безопасности граждан. Использование ЭИОС может стать важным шагом к повышению уровня физической готовности сотрудников МВД России, что, безусловно, скажется на эффективности их работы.

Список источников

1. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ: ред. от 15.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ: ред. от 24.06.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Правила применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ: Постановление Правительства Рос. Федерации от 11.10.2023 № 1678: ред. от 01.09.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Пикалов И. Ю. Современная электронная информационно-образовательная среда ВУЗа: основные компоненты и направления развития // Вестник МГПУ. Серия «Информатика и информатизация образования». 2019. С. 15–23.

УДК 621.396

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ УСТАНОВКА НА БАЗЕ HACKRF ONE ДЛЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ ДЕСТРУКТИВНЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ НА СИСТЕМЫ РАДИОСВЯЗИ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

***И. В. Гилев**, старший преподаватель кафедры инфокоммуникационных систем и технологий Воронежского института МВД России, кандидат технических наук*

В статье рассматривается практическая задача создания доступной и эффективной экспериментальной установки для исследования устойчивости систем радиосвязи специального назначения к преднамеренным помеховым воздействиям. В качестве аппаратной основы предлагается использовать программно-определяемый радиоприемник и передатчик (*SDR*) *HackRF One*. Приведено детальное описание архитектуры стенда, включая программные компоненты и методику проведения экспериментов. На примере генерации аддитивного белого гауссовского шума и узкополосной заградительной помехи демонстрируются возможности установки по воздействию на *OFDM*-сигнал. Результаты экспериментов, представленные в виде графиков спектра, созвездий и зависимостей коэффициента битовых ошибок (*BER*), подтверждают адекватность моделирования и применимость установки для учебных, исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Ключевые слова: *HackRF One*, радиосвязь специального назначения, помехоустойчивость, деструктивное воздействие, *SDR, GNU Radio, OFDM, BER*, АБГШ.

EXPERIMENTAL SETUP BASED ON HACKRF ONE FOR MODELING DESTRUCTIVE EFFECTS ON SPECIAL-PURPOSE RADIO COMMUNICATION SYSTEMS

***I. V. Gilev**, senior lecturer, Department of Infocommunication Systems and Technologies of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Technical Sciences*

The article discusses the practical task of creating an affordable and effective experimental setup for studying the resistance of special-purpose radio

communication systems (SPRS) to intentional interference. The HackRF One software-defined radio receiver and transmitter (SDR) is proposed as the hardware basis. A detailed description of the setup's architecture, including its software components and experimental methodology, is provided. The setup's capabilities for generating additive white Gaussian noise (AWGN) and narrowband jamming are demonstrated by affecting the OFDM signal. The experimental results, presented in the form of spectrum graphs, constellations, and bit error rate (BER) dependencies, confirm the adequacy of the modeling and the applicability of the setup for educational, research, and development activities.

Keywords: HackRF One, special-purpose radio communication, noise immunity, destructive interference, SDR, GNU Radio, OFDM, BER, AWGN.

Проблема обеспечения устойчивой работы систем радиосвязи специального назначения (далее – СРСН) в условиях активных преднамеренных помех является одной из наиболее актуальных в области радиоэлектроники [1, 4]. Проектирование, испытание и сертификация таких систем требуют дорогостоящего и сложного оборудования для генерации помех, что зачастую недоступно для учебных лабораторий и малых исследовательских групп [1].

С появлением недорогих программно-определяемых радиосистем (*SDR*), таких как *HackRF One*, появилась возможность создания компактных, гибких и экономичных экспериментальных стендов [2]. Эти стенды позволяют с высокой степенью достоверности моделировать широкий спектр деструктивных воздействий в контролируемых лабораторных условиях, обеспечивая необходимую повторяемость экспериментов для статистического анализа.

Целью данной работы является описание методики построения и практической реализации экспериментальной установки на базе *HackRF One*, предназначенной для исследования воздействия различных типов радиочастотных помех на тестовые сигналы, имитирующие работу СРСН.

1. Архитектура и состав экспериментальной установки. Установка построена по гибридному принципу, сочетающему генерацию цифровых сигналов и помех на ПК с их преобразованием в радиочастотный сигнал с помощью *HackRF One* [2].

1.1. Аппаратная часть:

SDR-плата *HackRF One*. Является ядром установки. Выполняет функции [2]: передатчика (преобразует цифровые отсчеты комплексного (*IQ*) сигнала, полученные по *USB*, в аналоговый радиочастотный сигнал в диапазоне от 1 МГц до 6 ГГц) и приемника (осуществляет оцифровку принятого РЧ-сигнала и передачу *IQ*-отсчетов на ПК для анализа);

персональный компьютер (ПК) под управлением ОС Linux работает программное обеспечение для управления генерацией сигналов, помех, обработки и визуализации;

аттенюаторы и циркуляторы (опционально), предназначенные для защиты выхода передатчика от перегрузки при приеме и создании реалистичных условий двухсторонней связи могут использоваться аттенюаторы и циркуляторы.

1.2. Программное обеспечение:

GNU Radio Companion (*GRC*) – визуальная среда для проектирования радиосистем. Используется для генерации эталонного *OFDM*-сигнала и его приема/демодуляции.

Python (библиотеки *NumPy*, *SciPy*, *Matplotlib*) – используются для: генерации цифровых моделей помех (АБГШ, узкополосных, импульсных); суммирования отсчетов полезного сигнала и помехи с регулируемым соотношением мощностей; расчета коэффициента битовых ошибок (*BER*) и построения графиков;

драйверы *HackRF* – обеспечивают низкоуровневое взаимодействие с аппаратурой.

2. Методика проведения эксперимента и расчеты.

В качестве примера рассмотрим эксперимент по оценке устойчивости *OFDM*-сигнала к воздействию АБГШ [5].

2.1. Параметры сигнала.

Стандарт: Упрощенный *OFDM* (аналогичный *IEEE*802.11a).

Модуляция на поднесущих: *QPSK*.

Количество поднесущих: 52.

Длина циклического префикса: 16 отсчетов.

Полоса сигнала: 2 МГц.

Несущая частота: 900 МГц.

2.2. Моделирование воздействия АБГШ:

Мощность полезного сигнала нормируется на 1 (0 дБ). Для заданного отношения сигнал/помеха (*SJR*) мощность помехи рассчитывается по формуле (1) [3]:

$$P_{помехи} = P_{сигнала} / (10^{SJR\_дБ / 10}), \quad (1)$$

где $P_{сигнала}$ – мощность полезного сигнала (принимается за 1), *SJR_дБ* – заданное отношение сигнал/помеха в децибелах.

АБГШ $n[k]$ генерируется в цифровом виде для каждого *k-го* отсчета с помощью алгоритма Бокса-Мюллера или встроенных функций *NumPy* (*np.random.normal*). Шум имеет нулевое математическое ожидание ($\mu = 0$) и дисперсию $\sigma^2 = P_{помехи}$ (2) [3].

$$n[k] = N(0, \sigma^2) = N(0, P_{помехи}). \quad (2)$$

Результирующий сигнал $s_{помех}[k]$ формируется путем простого сложения (3):

$$s_{помех}[k] = s_{сигнал}[k] + n[k]. \quad (3)$$

Этот массив отсчетов передается на *HackRF One* для преобразования в радиосигнал.

2.3. Оценка качества связи.

После приема и демодуляции сигнала вычисляется коэффициент битовых ошибок (*Bit Error Rate, BER*) (5):

$$BER = N_{error} / N_{total,} \quad (4)$$

где N_{error} – количество ошибочно принятых бит, N_{total} – общее количество переданных бит.

Эксперимент проводился для серии значений *SJR* от 0 до 20 дБ.

В табл. 1 показаны созвездия сигнала до и после воздействия помехи, наглядно демонстрирующие деградацию сигнала.

Таблица 1

Созвездия *QPSK* на приемной стороне

Чистый сигнал (*SJR* = ∞)	Сигнал + АБГШ (*SJR* = 10 дБ)	Сигнал + АБГШ (*SJR* = 5 дБ)
		

Полученные результаты показывают, что установка на базе *HackRF One* позволяет с высокой точностью моделировать канал с АБГШ. Небольшие отклонения экспериментальных точек от теоретической кривой объясняются собственными шумами аппаратуры *HackRF* [4].

Разработанная экспериментальная установка на базе бюджетного *SDR*-трансивера *HackRF One* доказала свою эффективность для задач моделирования деструктивных воздействий. К ее основным преимуществам относятся следующие.

1. Низкая стоимость по сравнению с профессиональными системами генерации помех.

2. Легкая перенастройка сценариев воздействия (АБГШ, узкополосные, импульсные, релеевские замирания) путем изменения программного кода на *Python*.

3. Интеграция с инструментами визуализации (графики спектра, созвездия) позволяет наглядно демонстрировать эффект от воздействия помех.

Проведенные эксперименты подтвердили, что установка адекватно моделирует воздействие АБГШ, что позволяет рекомендовать ее для применения в учебном и научно-исследовательском процессе.

Список источников

1. Основы построения систем и сетей передачи информации: учеб. пособие для вузов / В. В. Ломовицкий [и др.]; под ред. В. М. Щекотихина. М.: Горячая линия – Телеком, 2005. 382 с.
2. Галкин В. А. Основы программно-конфигурируемого радио. М.: Горячая линия – Телеком, 2015. 372 с.
3. Гилев И. В., Юркин В. В. Использование технологии SDR для мониторинга радиочастотного спектра // Радиолокация, навигация, связь: сб. тр XXXI Международ. науч.-техн. конф. В 6-ти т. Воронеж, 15–17 апреля 2025 г. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2025. С. 307–310.
4. Гилев И. В., Канавин С. В. Программа автоматизации определения местоположения мобильного источника радиоизлучения с использованием приемника программно-определяемого радио // Вестник Воронежского института МВД России. 2025. № 3. С. 148–158.
5. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2025665012 Российская Федерация. «Программа анализа спектров информационных сигналов систем радиосвязи с использованием технологии программно-определяемого радио»: заявл. 07.05.2025: опубл. 09.06.2025 / В. В. Юркин, И. В. Гилев, С. В. Канавин, С. М. Климов.

УДК 378

ПРОБЛЕМЫ И ИННОВАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ СИСТЕМЫ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Д. С. Джурук, начальник кафедры информационных технологий Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат технических наук

Статья посвящена анализу проблем и перспектив цифровизации образовательной системы МВД России в контексте вызовов информационной эпохи. Рассматриваются ключевые противоречия между традиционными методами подготовки кадров и необходимостью интеграции современных IT-решений для противодействия киберпреступности, цифровым угрозам и быстрой адаптации к изменяющимся правовым реалиям. Особое внимание уделено рекомендациям по преодолению сопротивления консервативной среды: создание IT-лабораторий, внедрение блокчейна для защиты документов, межведомственное сотрудничество и реформа кадровой политики.

Ключевые слова: цифровизация образования, IT-инфраструктура, искусственный интеллект, дистанционное обучение, геймификация, блокчейн, кадровая политика, образовательная платформа.

PROBLEMS AND INNOVATIONS IN THE EDUCATION OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS IN THE ERA OF INFORMATION TECHNOLOGY

D. S. Juruk, head of the Department of Information Technology at the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Technical Sciences

The article is devoted to the analysis of the problems and prospects of digitalization of the educational system of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the context of the challenges of the information age. The key contradictions between traditional methods of personnel training and the need to integrate modern IT solutions to counter cybercrime, digital threats and rapid adaptation to changing legal realities are considered.

Special attention is paid to recommendations for overcoming the resistance of the conservative environment: the creation of IT laboratories, the introduction of blockchain to protect documents, interdepartmental cooperation and the reform of personnel policy.

Keywords: digitalization of education, IT-infrastructure, artificial intelligence, distance learning, gamification, blockchain, personnel policy, educational platform.

Образовательная система Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) всегда выступала основополагающим фактором в подготовке кадров. Ее уникальность заключается в сочетании жесткой дисциплины, практико-ориентированности и глубокого изучения правовых норм. Но сейчас традиционные подходы к обучению сталкиваются с беспрецедентными вызовами. В 2010-х гг. основными угрозами считались традиционные имущественные преступления и коррупция [2]. Сегодня это кибермошенничество, атаки на критическую инфраструктуру и манипуляции в информационном пространстве [5]. А перед образовательными организациями МВД России стоит сложная задача: сохранить проверенные десятилетиями методики, но при этом интегрировать инструменты, отвечающие запросам эпохи больших данных (*Big Data*) и искусственного интеллекта (ИИ).

Современные реалии требуют, чтобы в МВД России работали не только сотрудники с классическими навыками охраны правопорядка, но в большей степени *IT*-специалисты, способные расследовать кибермошенничество, предотвращать взломы критически важных систем, анализировать блокчейн-транзакции и выявлять *deepfake*-контент для противодействия цифровой преступности. Однако текущие образовательные программы зачастую отстают от технологического прогресса. Данная ситуация приводит к снижению глубины изучения профильных тем (анализ угроз *APT – advanced persistent threat*), расследование инцидентов, пентестинг), так как значительная часть учебного времени расходуется на ликвидацию пробелов общепрофессионального характера. Парадокс: сотрудники, призванные защищать цифровое общество, сами оказываются недостаточно «цифровыми».

Противоречие между традиционными методами обучения и требованиями цифровой эпохи проявляется на всех уровнях. С одной стороны, система МВД России исторически строилась на принципах секретности, что ограничивает использование открытых образовательных платформ или облачных сервисов. С другой – дистанционное обучение и онлайн-курсы стали неотъемлемой частью мировой образовательной системы [4]. В системе МВД России осуществляется переход на цифровые образовательные платформы, внедряются электронные ресурсы [3].

Но электронные учебные материалы, размещенные на таких платформах, зачастую не выполняют своей основной функции – обеспечение эффективного учебного процесса. Они используются как инструмент демонстрации активности преподавателя в рамках отчетности перед контролирующими органами. Это подмена целей: не создание интерактивных, адаптивных и методически выверенных материалов, а формальное выполнение требований, что снижает реальную ценность таких ресурсов для обучающихся.

Ключевой вопрос: в решении совмещения консервативных основ системы с инновациями без потери ее сути. Цифровизация образования в МВД России – это не установка компьютеров в аудиториях или переход на электронные журналы. Речь идет о трансформации самой парадигмы подготовки кадров: от заучивания уставов к формированию гибкого мышления, способного адаптироваться к непредсказуемым угрозам.

Такие технологии тормозят и административные барьеры, и человеческий фактор. Многие преподаватели старой закалки воспринимают цифровые инструменты как «игрушки», недооценивая их потенциал. В преодолении этого разрыва и есть самая сложная задача в образовательной системе МВД нового типа.

Несмотря на перечисленные вызовы, система демонстрирует потенциал для адаптации. В образовательную деятельность вузов внедрена система АПЕКС-ВУЗ и развернута электронная информационно-образовательная среда (ЭИОС) на базе платформы *Moodle*, что свидетельствует о значительном шаге в направлении цифровизации учебного процесса. Но ключевым аспектом, определяющим эффективность таких систем, остается не столько их техническое внедрение, сколько качественное наполнение: создание методически проработанных, интерактивных и адаптивных учебных материалов для современных образовательных стандартов.

В условиях нестабильности и ограниченных ресурсов ведомственные учебные заведения вынуждены оперативно искать нестандартные решения. Эти решения не просто копируют существующие модели, а адаптируются под конкретные задачи, структуру и требования ведомства, что позволяет преодолевать вызовы и повышать эффективность в новых условиях. Уже сегодня появляются технологии, способные нивелировать существующие барьеры: облачные платформы снижают зависимость от локальной инфраструктуры, а ИИ позволяет персонализировать обучение даже в условиях дефицита ресурсов [6].

Технологические тренды ближайшего десятилетия открывают новые возможности для образовательной системы МВД. ИИ станет ключевым инструментом для персонализации обучения в системе МВД. С помощью алгоритмов машинного обучения можно анализировать успеваемость курсантов, выявлять их слабые места и автоматически корректировать рабочие программы. Например, если сотрудник допускает ошибки в вопросах о сетевых технологиях, ИИ

добавит ему дополнительные часы по этой теме. Кроме того, ИИ способен прогнозировать и кадровые потребности, анализируя статистику преступлений и предлагая, каких специалистов (например, криптоаналитиков или экспертов по *deepfake*) нужно готовить в первую очередь. Потенциал ИИ способен выйти далеко за пределы описанных задач, формируя основу для глубокой трансформации образовательных систем и создания среды, где технологии и человек взаимодействуют для достижения максимальной эффективности [1].

Внедрение технологии блокчейн может решить проблему подделки документов об образовании. Хеширование данных о дипломах и удостоверениях в распределенном реестре сделает их подделку практически невозможной. Кроме того, блокчейн можно использовать для создания прозрачных реестров успеваемости, где каждый этап обучения будет фиксироваться в неизменяемом виде.

Внедрение облачных технологий и закрытых систем управления обучением (*LMS*-платформа) способно решить проблему доступа к учебным материалам для сотрудников из удаленных регионов. Разработка защищенных облачных хранилищ с многоуровневой аутентификацией (например, посредством электронной подписи) обеспечит безопасное хранение и синхронизацию данных.

Организационные изменения должны затронуть в том числе и инфраструктуру. Создание киберполигонов, аналогичных технопаркам в гражданских вузах, представляет собой стратегически важный шаг в модернизации образовательной системы.

Особое внимание следует уделить укреплению социально-психологического климата в коллективе, повышению вовлеченности сотрудников в профессиональную деятельность.

Цифровизация образования в системе МВД – это не просто технологический апгрейд, а ключевое условие, от которого зависит эффективность борьбы с преступностью в XXI в. Однако успех цифровой трансформации зависит от системного подхода: точечные проекты, какими бы яркими они ни были, не заменят пересмотра всей образовательной парадигмы. Необходимо, чтобы каждый элемент – от обновления оборудования до переподготовки преподавателей – работал в связке, как шестерни единого механизма.

Ключевой вывод заключается в необходимости сохранения баланса между инновациями и традициями. Жесткие стандарты МВД, дисциплина и практико-ориентированность – это основа системы, которую нельзя потерять в погоне за технологиями. Например, *VR*-тренажеры не должны вытеснять реальные учения на полигонах, а дополнять их, создавая многоуровневую подготовку [3]. Одновременно важно избегать изоляции: взаимодействие с *IT*-компаниями, вузами и международными экспертами (в рамках разрешенных протоколов) позволит перенимать лучшие практики.

Успех этой трансформации в конечном счете зависит от людей и условий для их работы. Поэтому следующие шаги очевидны: создание привлекательных условий для *IT*-специалистов и обеспечение равного доступа к цифровым ресурсам для всех слушателей, независимо от их местонахождения. Но главное – преодолеть сопротивление консерваторов через демонстрацию результатов. Когда преподаватель получает в свое распоряжение инструмент, который за минуты генерирует сотни уникальных заданий различной сложности для отработки практических навыков, а виртуальный полигон позволяет тысячам сотрудников по всей стране одновременно отрабатывать действия в условиях, максимально приближенных к реальности, скепсис уступает место интересу.

Список источников

1. Антонов В. В., Калимуллин Н. Р. Моделирование образовательной системы на основе искусственного интеллекта // Охрана, безопасность, связь. 2022. № 7-2. С. 55–61.
2. Майоров А. В. Краткий аналитический обзор состояния преступности на территории Российской Федерации (2010–2017 гг.) // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 1 (16). С. 120–123.
3. Разбегаев П. В. Инновационные технологии в образовательной системе МВД России // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 4 (95). С. 76–78.
4. Соловейчик М. В. Организация обучения с использованием дистанционных образовательных технологий в условиях деятельности образовательных учреждений МВД России на современном этапе // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE2021): сб. ст. II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Москва, 11–12 ноября 2021 г. / под ред. В. В. Рубцова, М. Г. Сороковой, Н. П. Радчиковой. М.: Москов. гос. психол.-пед. ун-т, 2021. С. 725–734.
5. Швыряев П. С. Киберпреступность в России: новый вызов для общества и государства // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 89. С. 184–196.
6. Шобонов Н. А., Булаева М. Н., Зиновьева С. А. Искусственный интеллект в образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-4. С. 288–290.

УДК 621.396

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОДГОТОВКУ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ ЦЕНТРОВ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, СВЯЗИ И ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***С. В. Канавин**, доцент кафедры инфокоммуникационных систем и технологий Воронежского института МВД России, кандидат технических наук, доцент*

В статье рассматривается процесс цифровой трансформации системы высшего и дополнительного профессионального образования применительно к подготовке кадров для центров информационных технологий, связи и защиты информации МВД России. Анализируются ключевые тенденции, новые образовательные форматы и технологии, а также их влияние на формирование профессиональных компетенций будущих технических специалистов, отвечающих современным вызовам в сфере информационной безопасности и технологического обеспечения правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: цифровая трансформация образовательной среды, цифровое пространство, программы профессионального обучения, профессиональные компетенции, подготовка специалистов в области связи.

DIGITAL TRANSFORMATION OF EDUCATIONAL ACTIVITIES AND ITS IMPACT ON THE TRAINING OF TECHNICAL SPECIALISTS FOR INFORMATION TECHNOLOGY, COMMUNICATIONS AND INFORMATION SECURITY CENTERS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

***S. V. Kanavin**, associate Professor of the Department of Infocommunication Systems and Technologies at the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Technical Sciences, Associate Professor*

The article examines the process of digital transformation of the system of higher and additional professional education in relation to personnel training for information technology, communications and information security centers of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The article analyzes key trends, new educational formats and technologies, as well as their impact on the formation of professional competencies of future technical specialists who meet modern challenges in the field of information security and technological support for law enforcement.

Keywords: digital transformation of the educational environment, digital space, professional training programs, professional competencies, training of specialists in the field of communications.

Современная правоохранительная система немыслима без высокотехнологичной инфраструктуры, обеспечивающей управление, связь, обработку данных и безопасность информации. Центры информационных технологий, связи и защиты информации (далее – ЦИТСиЗИ) МВД России являются ключевыми элементами этой инфраструктуры. Их эффективная работа напрямую зависит от качества подготовки технических специалистов – инженеров, программистов, аналитиков, специалистов по кибербезопасности.

Цифровая трансформация, охватившая все сферы жизни, кардинально меняет и парадигму образования. Она перестает быть просто процессом передачи знаний и становится гибкой, персонализированной средой для формирования конкретных навыков и профессиональных компетенций, востребованных в условиях быстро меняющейся технологической реальности. ЦИТСиЗИ является структурным подразделением территориального подразделения органов внутренних дел.

Оно обеспечивает и осуществляет в пределах своей компетенции решение задач и выполнение функций в области информационных и телекоммуникационных технологий, автоматизированных информационных систем, систем и средств связи, радио- и радиотехнического контроля, обеспечения электромагнитной совместимости радиоэлектронных средств, противодействия техническим разведкам, технической (в том числе криптографической) защиты информации, радиоэлектронной борьбы, использования электронной подписи, формирования и ведения информационных ресурсов, предоставления государственных услуг в электронном виде, межведомственного информационного взаимодействия, реализации программ в области информатизации, навигационно-мониторинговых систем, реализацию функции шифровального органа.

Ключевые аспекты цифровой трансформации заключаются в подготовке технических специалистов и переходе от «знаний» к «профессиональным компетенциям» в контексте решаемых оперативных задач [5]. Традиционные

учебные планы дополняются практико-ориентированными модулями, симулирующими реальные задачи функционирования ЦИТСиЗИ, реагирование на инциденты информационной безопасности, эксплуатация и техническое обслуживание защищенных систем связи. Акцент смещается на способность применять знания в нестандартных ситуациях, характерных для работы выпускников в территориальных подразделениях МВД России [4].

Применение технологий виртуальной и дополненной реальности в специализированных тренажерных комплексах позволяет использовать *VR/AR*-технологии и создавать безопасные, но максимально приближенные к реальности учебные ситуации. Будущие специалисты могут отрабатывать действия по конфигурированию сетевого и радиооборудования, обнаружению кибератак, проведению виртуальных киберучений по защите критической информационной инфраструктуры без риска для реальных систем.

Дистанционные и гибридные форматы обучения – это не просто трансляция видеолекций онлайн, а создание распределенной образовательной экосистемы. Она позволяет привлекать к проведению занятий практических сотрудников, производителей телекоммуникационного оборудования, ведущих экспертов из разных регионов и даже других силовых ведомств, обеспечивать непрерывное обучение действующих сотрудников без отрыва от службы, оперативно обновлять учебные материалы в ответ на новые угрозы и технологические нововведения [2].

Применение технологий анализа больших данных и искусственного интеллекта в педагогике помогают адаптировать образовательные траектории под индивидуальные способности обучающихся, анализировать успеваемость и прогнозировать показатели сформированности профессиональных компетенций. Кроме того, изучение методов работы с *Big Data* и *AI* становится отдельной, критически важной сферой для будущих *IT*-специалистов МВД России, которым предстоит уметь анализировать огромные массивы оперативной информации [5].

Создание изолированных цифровых симуляторов и киберполигонов в формате «песочниц» – обязательный элемент подготовки. На этих полигонах моделируются полноценные атаки на информационные системы и отрабатываются коллективные действия по их отражению, что формирует навыки командной работы в условиях стресса.

В подготовке технических специалистов для ЦИТСиЗИ необходимо делать акцент на кибергигиену и правовую подготовку. Цифровая трансформация образования включает глубокое погружение не только в технические, но и в правовые аспекты [1]. Специалист ЦИТСиЗИ должен безупречно знать законодательство в сфере связи, защиты информации, персональных данных, противодействия экстремизму и терроризму в информационном пространстве.

Влияние на подготовку кадров для территориальных подразделений ЦИТСиЗИ МВД России.

1. Повышение оперативной готовности. Обучающиеся, прошедшие курс подготовки на современных цифровых тренажерах и полигонах, требуют минимального времени на адаптацию к реальным условиям работы на местах. Они уже знакомы с интерфейсами программного обеспечения, процедурами и типами решаемых оперативно-служебных задач.

2. Формирование опережающей подготовки. Образовательные программы становятся более гибкими и способны быстрее интегрировать информацию о новых киберугрозах и технологических решениях. Это позволяет готовить специалистов «на опережение», а не реагировать на кадровый дефицит постфактум.

3. Развитие междисциплинарного подхода. Современный технический специалист для МВД России – это не просто «айтишник». Цифровые форматы обучения эффективно интегрируют знания из юриспруденции, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности и управления, формируя уникального профессионала, понимающего контекст своей работы.

4. Создание единого образовательного кластера позволяет выстроить непрерывную вертикаль подготовки кадров для органов внутренних дел. Это укрепляет корпоративную культуру и обмен знаниями.

В качестве перспектив развития можно выделить следующие направления. Безопасность образовательных платформ дистанционного обучения так как они нередко становятся целью для кибератак, требуя повышенных мер защиты [3]. Обновление материально-технической базы требует значительных инвестиций в современное ПО, оборудование и инфраструктуру образовательных организаций системы МВД России. Подготовка преподавательского состава включает переподготовку педагогов. Они должны стать не лекторами, а наставниками и модераторами в цифровой среде.

Разработка государственных образовательных стандартов нового поколения, которые закрепят компетентностный подход и использование цифровых технологий в подготовке *IT*-специалистов для государственных нужд.

Цифровая трансформация образовательной деятельности – не дань моде, а объективная необходимость для обеспечения национальной безопасности. Для центров информационных технологий, связи и защиты информации МВД России она становится основным инструментом формирования кадрового резерва, способного противостоять сложным технологическим вызовам современности [1].

Инвестиции в цифровое образование сегодня – это инвестиции в будущую эффективность и безопасность всей правоохранительной системы. Успех будет определяться способностью образовательных организаций МВД России гибко адаптироваться, внедрять лучшие передовые практики и создавать устойчивую,

высокотехнологичную экосистему подготовки технических специалистов, для которых защита национальных интересов в цифровом пространстве является профессиональной миссией.

Список источников

1. Бокова О. И., Канавин С. В., Хохлов Н. С. Обучение потребителей аппаратуры ГЛОНАСС на основе аппаратно-программного моделирующего комплекса навигационно-мониторинговых систем для управления подвижными объектами // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2017. № 4 (19). С. 32.
2. Канавин С. В. Видеоконференцсвязь как элемент инновационных образовательных технологий // Информационные технологии в образовании XXI в.: сб. науч. трудов III Всерос. науч.-практ. конф. М.: НИЯУ МИФИ. 2013. С. 51–53.
3. Канавин С. В., Колесникова А. Ю., Едынак И. В. Модель компетенций специалиста по технической защите информации в органах внутренних дел // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 6 (109). С. 83–86.
4. Хохлов Н. С., Канавин С. В. Подготовка специалистов органов внутренних дел по работе с цифровыми системами радиосвязи // Охрана, безопасность, связь. Воронеж: Воронеж. ин-т МВД России. 2021. № 6-1. С. 180–185.
5. Федорович В. Ю., Минаев В. А. Криминалистические технологии и большие данные в процессе подготовки специалистов по противодействию киберугрозам // Охрана, безопасность, связь. Воронеж: Воронеж. ин-т МВД России. 2024. № 9–3. С. 206–216.

УДК 378.14

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОЛИ УЧЕБНОГО АССИСТЕНТА В СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

***И. А. Кубасов**, профессор кафедры информационных технологий* Академии управления МВД России, доктор технических наук, доцент

В статье рассмотрены актуальные вопросы внедрения искусственного интеллекта (ИИ), играющего ключевую роль в цифровой трансформации образовательной деятельности. Автор подчеркивает необходимость использования ИИ-ассистентов для повышения качества обучения, расширения возможностей индивидуальной траектории обучения и снятия значительной рутинной нагрузки с преподавателей. Раскрываются имеющиеся ограничения и перспективы развития технологий искусственного интеллекта в электронной образовательной среде образовательных организаций, предлагаются возможные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: электронная информационно-образовательная среда, образовательная деятельность, учебный ассистент, искусственный интеллект, цифровая трансформация.

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ROLE OF A TEACHING ASSISTANT IN MODERN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

***I. A. Kubasov**, professor of the Department of Information Technology of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Technical Science, Associate Professor*

This article examines current issues related to the implementation of artificial intelligence (AI), which plays a key role in the digital transformation of education. The author emphasizes the need to use AI assistants to improve the quality of teaching, expand the possibilities for individualized learning paths, and alleviate significant routine workloads for teachers. The article explores the current limitations and prospects for the development of AI technologies in the digital learning environment of educational organizations, and suggests potential areas for further research.

Keywords: electronic information and educational environment, educational activities, educational assistant, artificial intelligence, digital transformation.

Роль и место искусственного интеллекта (далее – ИИ) в деятельности современных образовательных организаций с каждым годом существенно возрастает. ИИ становится основным драйвером цифровой трансформации образовательной деятельности [3–4; 8]. Так, одним из актуальных и важных современных направлений в сфере образования является использование ИИ в роли учебного ассистента, способствующего индивидуальному подходу к обучающимся, улучшению качества предоставляемых образовательных услуг и снижению рабочей нагрузки преподавателей.

Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью адаптации образовательных процессов к современным реалиям, в частности, связанных со стремительными изменениями цифрового мира, высокими темпами увеличения объема необходимых знаний и компетенций будущих специалистов, возрастающей потребностью в персонализированном обучении.

Эволюция использования ИИ в образовании представлена как последовательность сменяющих друг друга трех моделей. В первой модели ИИ управляет когнитивным обучением, обучающиеся являются получателями его услуг; во второй модели обучающийся действует как партнер, ИИ используется для поддержки обучения; в третьей модели, обучающийся является лидером процесса, ИИ расширяет возможности обучения [10].

Массовое распространение ИИ в образовательных организациях началось сравнительно недавно, когда появились доступные и эффективные технологии машинного обучения и обработки естественного языка. Сегодня такие ассистенты выполняют разнообразные функции, включая поддержку обучающихся в освоении учебной программы, предоставление подсказок и комментариев, диагностику успеваемости и многое, многое другое.

В зарубежных исследованиях отмечается, что такие ассистенты значительно улучшают вовлеченность обучающихся и положительно влияют на результаты обучения. Тем не менее, несмотря на очевидные плюсы, существуют серьезные барьеры для полноценного внедрения, среди которых нехватка качественных данных, недостаток экспертизы в создании педагогических приложений на основе ИИ и недоверие со стороны педагогического сообщества [9].

Российские школы и вузы начинают осознавать важность использования ИИ в образовательном процессе [6–7]. Многие институты уже вводят пилотные проекты с элементами ИИ-поддержки, в основном сосредоточившись на системах рекомендательного типа и средствах аналитики успеваемости.

Одним из успешных проектов является платформа дистанционного обучения «Российская электронная школа», использующая элементы ИИ для персонализации обучения школьников [5]. Подобные инициативы показывают, что внедрение технологий ИИ реально и полезно, хотя пока остается недостаточно проработанным вопросом правовой и этической ответственности разработчиков и владельцев подобных систем.

Учебные ассистенты на основе ИИ демонстрируют огромный потенциал в плане повышения доступности и качества образования. Наиболее распространенными функциями таких ассистентов являются:

– поддержка индивидуального подхода к обучающимся;

– консультации и методическая помощь в выполнении домашних заданий;

– автоматизация рутинных задач преподавателя (проведение проверок, подготовка отчетности и т. д.);

– формирование рекомендаций по выбору курсов и карьерному развитию.

Тем не менее, многие специалисты отмечают ряд ограничений, препятствующих широкому распространению этих технологий. Прежде всего, это отсутствие стандартизированных решений, недостаточная открытость данных и высокая стоимость разработки высококачественных продуктов.

Другая важная проблема – дефицит специалистов, обладающих необходимыми знаниями одновременно в области педагогических технологий и технологий ИИ.

В ближайшем будущем ожидается дальнейшее активное развитие ИИ в образовательной сфере. Исследователи предполагают, что в ближайшее десятилетие появятся полноценные ассистенты, способные давать консультации по многим дисциплинам, выступать в роли наставника и оказывать поддержку преподавателям в составлении планов занятий.

Среди перспективных направлений выделяется развитие эмоционально-чувствительных ассистентов, способных распознавать эмоции обучающегося и предлагать соответствующие корректировки курса обучения.

Еще одно важное направление – создание модульных систем ИИ, легко интегрируемых в электронную информационно-образовательную среду образовательной организации.

Исследования в данной области должны проводиться с привлечением представителей различных областей знаний, включая педагогов, инженеров, юристов и экономистов, чтобы учесть все аспекты образовательного процесса и минимизировать возможные негативные последствия.

Использование ИИ в образовательной деятельности предоставляет качественно новые возможности, как для обучающихся, так и для обучаемых, но и обусловливает появление серьезных вызовов, требующих решения

проблемных вопросов: можно ли доверять ИИ-ассистенту, как оценить педагогическую ценность и эффективность использования такой информации, как обеспечить соблюдение ГОСТов в этой сфере деятельности [1–2] и т. д.

Использование ИИ в роли учебного ассистента – весьма перспективное направление, имеющее большой потенциал для развития образовательных организаций. Оно позволяет не только увеличить доступность и качество образования, но и освободить преподавателей от рутины, предоставляя им больше времени для творческой и аналитической работы. Тем не менее, необходимо продолжать исследования и развивать соответствующую нормативно-правовую базу, чтобы избежать рисков и гарантировать соблюдение этических норм.

Список источников

1. ГОСТ Р59276–2020. Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения. М.: Стандартинформ, 2021. 16 с.
2. ГОСТ Р 59895–2021. Технологии искусственного интеллекта в образовании. Общие положения и терминология. М.: Российский институт стандартизации, 2021. 12 с.
3. Вишнякова А. В., Кузема Д. К. Трансформация образовательного процесса в свете цифровизации // Гуманитарная парадигма. 2025. № 1 (32). С. 54–62.
4. Внедрение систем искусственного интеллекта в образовательный процесс в современных вузах / Н. В. Афанасьева [и др.] // Современное педагогическое образование. 2025. № 2. С. 316–319.
5. Интерактивные учебные платформы в структуре современного образования: достоинства и недостатки / Ю. А. Лях [и др.] // Мир образования – образование в мире. 2024. № 2 (94). С. 51–58.
6. Кубасов И. А. Образовательные метрики в парадигме принятия решений на основе анализа данных // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2024. № 3. С. 58–63.
7. Кубасов И. А. О внедрении искусственного интеллекта в ведомственных образовательных организациях // Судебная экспертиза и исследования. 2025. № 1. С. 85–90.
8. Кубасов И. А. Потенциал искусственного интеллекта в цифровой трансформации образования // Информационные системы и технологии. 2025. № 2148). С. 82–89.
9. Кубасов И. А. Современные инструменты вовлеченности обучающихся в процессе обучения в Академии управления МВД России // 95 лет Академии управления МВД России: продолжая и приумножая славные традиции: сб. науч. ст. по материалам Международ. науч.-практ. конф., Москва, 5 июля 2024 г. М.: Акад. управления МВД России, 2024. С. 279–284.
10. Платов А. В., Гаврилина Ю. И. Искусственный интеллект в образовании: эволюция и барьеры // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2024. Т. 10, № 1. С. 26–43.

УДК 004.7

ОТ ЦИФРОВИЗАЦИИ К ЦИФРОВОЙ ЗРЕЛОСТИ: СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

***Н. Н. Орлов**, преподаватель кафедры информационного и технического обеспечения органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***Е. М. Борисова**, слушатель Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматриваются ключевые аспекты развития, совершенствования и управления электронной информационно-образовательной средой в контексте цифровой трансформации образования. Акцент сделан на роли таких технологий, как большие данные, искусственный интеллект, машинное обучение и блокчейн, в формировании персонализированной, гибкой и эффективной образовательной среды. Анализируются стратегические инициативы Российской Федерации, направленные на цифровую зрелость образовательных организаций высшего образования, а также выявляются основные риски и условия успешной реализации цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация образования, большие данные, машинное обучение, электронная образовательная среда.

FROM DIGITALIZATION TO DIGITAL MATURITY: STRATEGIES FOR THE DEVELOPMENT OF EIOS

***N. N. Orlov**, lecturer of the Department of Information and Technical Support of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***E. M. Borisova**, the student of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article examines the key aspects of the development, improvement and management of the electronic information and educational environment in the context of the digital transformation of education. The focus is on the role of technologies such as big data, artificial intelligence,

machine learning and blockchain in creating a personalized, flexible and effective educational environment. The strategic initiatives of the Russian Federation aimed at the digital maturity of higher education institutions are analyzed, as well as the main risks and conditions for the successful implementation of digital transformation are identified.

Keywords: digital economy, digitalization of education, big data, machine learning, electronic educational environment.

Современная эпоха характеризуется интенсивными трансформациями, обусловленными экспоненциальным развитием цифровых технологий. Эти технологии оказывают системное воздействие на все общественные сферы, включая образовательную. Цифровая трансформация образовательной деятельности представляет собой не просто модернизацию инфраструктуры, а радикальное переформатирование содержания, методологии, организационных моделей и управленческих практик в системе высшего и профессионального образования. В Российской Федерации данный процесс получил стратегическое обоснование в рамках Стратегии развития информационного общества и национального проекта «Цифровая экономика», где цифровая трансформация образования определена как один из ключевых векторов обеспечения национального суверенитета, экономического роста и повышения качества жизни граждан.

Центральным элементом цифровой трансформации является электронная информационно-образовательная среда (далее – ЭИОС) – интегрированная экосистема, объединяющая аппаратные средства, программные решения, образовательные ресурсы, данные и управленческие процессы. Совершенствование ЭИОС является необходимым условием для реализации принципов персонализированного, гибкого и доступного образования, отвечающего вызовам четвертой промышленной революции. В условиях ускоренного устаревания знаний и профессиональных компетенций, образовательные организации высшего образования вынуждены трансформироваться от стандартизированных моделей обучения к динамичным, адаптивным и *data*-ориентированным системам подготовки специалистов.

Д. Н. Франтасов, А. В. Балановская и О. Горбунова отмечают, что цифровая трансформация образования базируется на синергии нескольких прорывных технологий, каждая из которых вносит уникальный вклад в изменение образовательной среды. Ключевую роль играют большие данные – массивы структурированной и неструктурированной информации, генерируемые пользователями в процессе взаимодействия с цифровыми платформами, социальными сетями, мобильными устройствами и Интернетом вещей [6, с. 60]. В образовательном контексте *Big Data* включают не только результаты тестирования или посещаемость занятий, но и метаданные: время, проведенное на учебной странице,

последовательность переходов между материалами, частота обращений к справочным ресурсам, реакции на интерактивные задания. Такие данные позволяют не просто фиксировать факт обучения, но и реконструировать когнитивные и мотивационные паттерны обучающегося.

В современных условиях анализ больших данных не обходится без искусственного интеллекта (далее – ИИ), который служит ключевым инструментом для интерпретации информации и построения прогнозов. ИИ способен моделировать поведение, обнаруживать неочевидные закономерности и формировать индивидуализированные рекомендации. Вместе с тем его результативность напрямую определяется качеством исходных данных. Поэтому центральную роль по-прежнему играет человек будь то педагог или аналитик, отвечающий за точность, полноту и этичность сбора и применения информации.

Блокчейн – технология направлена на решение вопросов надежности и подтверждения образовательных результатов. В отличие от обычных бумажных документов об образовании, которые можно легко подделать или потерять, блокчейн гарантирует безопасное, неизменное и открытое хранение академических данных. Российские университеты, в том числе Университет ИТМО, уже изучают, как можно использовать эту технологию. Особый интерес вызывает проект *Disciplina*, который разрабатывается на платформе *TeachMePlease*. Его задача заключается в создании единого цифрового пространства, где будут связаны студенты, учебные заведения и компании-работодатели. В этой системе каждый сможет подтвердить свои навыки и знания напрямую, без привлечения третьих лиц. Это особенно важно сейчас, когда количество выпускников растет, и работодателям требуется быстро проверять квалификацию соискателей.

Следует различать три этапа эволюции цифровой образовательной среды: оцифровку, цифровизацию и собственно цифровую трансформацию. Оцифровка заключается в техническом преобразовании аналоговых материалов таких как учебники, лекции или документы в цифровую форму. Хотя этот шаг является необходимым, его самого по себе недостаточно для глубоких преобразований. Цифровизация идёт дальше: она включает автоматизацию отдельных операций, например, учёт обучающихся через электронные журналы, приём документов онлайн или автоматическую проверку тестов. Настоящая же цифровая трансформация затрагивает фундамент образовательной деятельности меняя культуру взаимодействия, перестраивая ключевые процессы и формируя новую концепцию «цифрового университета».

Популярность открытых образовательных платформ, таких как «Открытое образование», свидетельствует о росте спроса на гибкие формы обучения. Однако наиболее эффективной признается смешанная модель, сочетающая очные занятия с цифровыми инструментами. Она позволяет сохранить эмоциональную и мотивационную составляющую живого общения, одновременно используя преимущества персонализации и аналитики, предоставляемых цифровой средой.

Ю. Я. Еленева, А. А. Можаровская и Д. И. Демушкин указывают, что к 2030 г. Россия активно разовьет цифровую образовательную среду в рамках национальной стратегии. Для этого запущены важные инициативы: «Единая сервисная платформа науки» для упрощения доступа к исследовательской инфраструктуре, «Маркетплейс ПО и оборудования» для прозрачных закупок цифровых решений вузами, федеральный проект «Цифровое образование» для повышения цифровых навыков всех участников образовательного процесса [2, с. 1150].

МГТУ, МАИ и РУТ (МИИТ) в период с 2021 по 2022 гг. провели масштабное обновление своей ИТ-инфраструктуры. Была модернизирована компьютерная техника, установлены актуальные версии программного обеспечения и обеспечен доступ к защищенной сети *VIPNet*. Это позволило соединить внутренние университетские системы (например, «1С: Университет ПРОФ», «1С: Библиотека», «1С: Документооборот») с федеральными государственными сервисами, такими как «Поступление в вуз онлайн», ФИС «ФРДО» и ФИС «ГИА». В результате административные процедуры стали значительно проще, а образовательный процесс – более прозрачным [5].

Следует учитывать, что внедрение цифровых технологий в образовательный процесс открывает множество перспектив. Главное преимущество заключается в возможности индивидуализации обучения: каждый студент может выстраивать свой образовательный путь, ориентируясь на личные интересы, скорость усвоения материала и будущие профессиональные цели. Кроме того, цифровые решения делают образование более доступным для людей с ограниченными возможностями, жителей удаленных территорий и работающих специалистов, которым трудно посещать занятия очно.

Л. В. Грамбовская и С. А. Караказьян считают, что преподаватели также выигрывают, освобождаясь от рутинных задач, таких как проверка работ и составление отчетов, и получая возможность сосредоточиться на более значимой работе – наставничестве и развитии творческого потенциала студентов [1, с. 60].

Старший научный сотрудник института научной информации по общественным наукам РАН Н. А. Коровникова отмечает, что наряду с этими преимуществами, существуют и существенные риски. Технологическое неравенство между различными регионами и учебными заведениями может привести к усилению социального разрыва. Недостаточная подготовка преподавательского состава к работе с новыми цифровыми инструментами может снизить эффективность их применения. Чрезмерная зависимость от цифровых систем может негативно сказаться на развитии критического мышления, памяти и креативности у студентов [4, с. 100]. Важнейшим аспектом остаются вопросы безопасности и защиты персональных данных, поскольку утечка академической информации может иметь долгосрочные негативные последствия как для обучающихся, так и для

образовательных учреждений. Не менее значимы и организационные трудности: сопротивление изменениям со стороны сотрудников, нехватка квалифицированных *IT*-специалистов и высокие финансовые затраты на создание и поддержание цифровой инфраструктуры. Все эти факторы требуют комплексных решений.

Для минимизации рисков и обеспечения устойчивого развития ЭИОС необходимо отказаться от фрагментарного внедрения технологий в пользу системного, стратегически управляемого процесса. Одним из наиболее эффективных инструментов в этом контексте выступает проектный подход.

Проектный подход обеспечивает не только финансовую прозрачность, но и налаживает взаимодействие между всеми участниками – от руководства и преподавателей до студентов, *IT*-специалистов и внешних партнеров. Создание специализированных проектных офисов, как, например, в МФТИ, способствует укреплению инновационной культуры и развитию цифрового лидерства в университетской среде.

Таким образом, электронные образовательные среды эволюционируют из простого набора технических средств в гибкие и адаптивные экосистемы, способствующие непрерывному обучению, персонализированным образовательным траекториям и внедрению инноваций. Они становятся основой целостной стратегии, построенной на анализе данных, проектном подходе и развитии партнёрств. Такие университеты понимают, что технологии лишь инструмент, а не конечная цель. Вместе с тем важно учитывать риски и вызовы, сопряженные с цифровизацией. Только при условии ответственного обращения с данными, обеспечения равных возможностей доступа к цифровым ресурсам и сохранения педагога в роли источника вдохновения и эмоциональной опоры можно сформировать подлинно качественную и устойчивую образовательную среду будущего. Цифровая трансформация должна служить человеку, а не заменять его. В этом заключается основной парадокс и одновременно ключевой смысл всей трансформационной повестки в современном образовании.

Список источников

1. Грамбовская Л. В., Каракзьян С. А. Цифровая трансформация университета с точки зрения приоритетных направлений развития // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 5 (119). С. 59–64.
2. Еленева Ю. Я. Можаровская А. А. Демушкин Д. И. Цифровая трансформация образовательных организаций высшего образования: современное состояние, задачи, риски // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 4. С. 1149–1170.
3. Игнатьев В. П., Иванов М. Д., Абрамова В. Г. Цифровая образовательная среда сельской школы // Современное педагогическое образование. 2021. № 5. С. 172–174.

4. Коровникова Н. А. Искусственный интеллект в образовательном пространстве: проблемы и перспективы // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 2. С. 98–113.
5. Министерство науки и высшего образования: [сайт]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/e16/dv6edzmr0og5dm57dtm0wyllr6u (дата обращения: 10.11.2025).
6. Франтансов Д. Н., Балановская А. В., Горбунова О. Цифровая зрелость как основа стратегического развития и цифровой трансформации образовательных организаций // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2022. № 2 (208). С. 57–64.

УДК 303.725.36

ПРИМЕНЕНИЕ ТИПОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА ПРИ РАЗРАБОТКЕ КУРСОВ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ

***А. В. Рыбак**, профессор кафедры информационного и технического обеспечения органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат технических наук, доцент*

Характерной чертой электронного обучения является отсутствие субъекта образовательного процесса – преподавателя, формирующего мотивацию творческой деятельности обучающегося, его развития, в значительной степени определяющего уровень профессиональных качеств будущего специалиста. В этих условиях при отсутствии единых стандартов и общих критериев качества электронных курсов и связанного с этим нормативно-правового и методического обеспечения электронного обучения формируется реальная угроза, превращения процесса обучения, основанного на традиционной парадигме, включающей социализацию и развитие личности, в технологический процесс передачи знаний при помощи современных информационных технологий. Чтобы уйти от этой проблемы предлагается применить типовое моделирование электронного курса, основанного на типовых компонентах и процедурах системного анализа. Каждый элемент модели наделяется своим функционалом, отвечающим не только за формирование необходимых компетенций будущего специалиста, но и за мотивацию к изучению дисциплины и развитие обучающегося.

Ключевые слова: электронное обучение, социализация, мотивация, воспитание, системный анализ, моделирование.

APPLICATION OF STANDARDIZED SYSTEMS ANALYSIS TECHNOLOGY IN THE DEVELOPMENT OF E-LEARNING COURSES

***A. V. Rybak**, professor of the Department of Information and Technical Support of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Technical Sciences, Associate Professor*

A characteristic feature of e-learning is the absence of a direct educational participant – the instructor – who shapes the motivation for learners' creative activities, supports their development, and significantly determines the level of professional qualities of future specialists. Under these conditions, and in the absence of unified standards and common quality criteria for e-learning courses, along with the corresponding regulatory, legal, and methodological support, there arises a real threat of transforming the educational process – traditionally based on a paradigm including socialization and personal development – into a mere technological process of knowledge transfer using modern information technologies. To address this issue, a standardized modeling approach is proposed for e-learning courses, grounded in typical components and procedures of systems analysis. Each element of the model is assigned specific functionality aimed not only at developing the necessary competencies of future professionals but also at fostering motivation to study the subject and supporting the learner's personal growth.

Keywords: e-learning, socialization, motivation, education, systems analysis, modeling.

По мнению научного сообщества современный мир переживает начало нового цивилизационного этапа в своем развитии [1]. Основной причиной этого является появление новых инфокоммуникационных технологий, которые в силу своей сетевой природы не имеют ограничений в своем развитии и формируют новую инфокоммуникационную среду, в которой любой объект (человек или организация) получает возможность создать свою уникальную информационную систему вне зависимости от масштабов и местоположения объекта. Это обусловлено тем, что деятельность, связанная с работой подключенных к сети компьютеров, может быть организована в любой точке мира в любое время года или даже круглосуточно, что приводит к существенному уменьшению ресурсных издержек и неизбежной децентрализации работ в условиях глобализации экономики. В связи с этим происходят принципиальные изменения в механизмах взаимодействия объектов, что выводит на первый план задачу перестройки принципов, форм и методов управления.

Наиболее значительно эта задача проявляется в наукоемких сферах деятельности человека, к коим следует относить образовательную деятельность. В образовательных организациях в условиях доминирования знаний традиционные управленческие практики не справляются с задачами выпуска специалистов, профессиональные качества которых соответствуют требованиям современного рынка труда, что приводит их в режим стагнации и разрушения. Эти процессы вполне прогрессивны и обуславливают необходимость перехода к новым

инновационным стратегиям организационного развития образовательной системы. Именно поэтому цифровизация образования стала основной парадигмой ее развития.

Следует отметить, что в последние годы начал набирать обороты процесс перехода количественных накоплений (массовая компьютеризация, увеличение количества цифровых платформ, оцифровка различных процессов учебно-воспитательного контента) в новое качественное состояние, когда активно применяется технология искусственного интеллекта, блокчейн, облачные технологии, большие базы данных. Эти тенденции отмечаются по всему миру, что соответственно привело к изменению образовательного стандарта. Основные изменения свелись к разрушению межличностного коммуникативного процесса, где значительный вес имел воспитательный контент, превращения его в технологический процесс передачи знаний при помощи современных информационных технологий [1].

Подтверждением этой тенденции является появление так называемого электронного обучения (в международной практике – *electronic learning* или *e-learning*). Основная идея заключается в использовании современных инфокоммуникационных технологий для дистанционного обучения без личного присутствия обучаемого в учебном заведении.

Электронное обучение предполагает, прежде всего, полную самостоятельность обучаемого во времени и пространстве в процессе обучения. Такая реализация процесса обучения имеет существенные преимущества перед традиционным обучением. Прежде всего это:

– свобода доступа. Обучаемый может заниматься в любом месте и в любое время без отрыва от основного вида деятельности;

– снижение затрат на обучение. Нет необходимости оплачивать транспортные расходы и учебно-методическую литературу;

– возможность своевременного обновления учебного материала в соответствии с инновациями правового и методического обеспечения;

– гибкость процесса обучения. Выбор времени и продолжительность изучения учебного материала обучаемый выбирает сам в зависимости от своих потребностей и возможностей.

– возможность развития своих знаний, умений и навыков владения современными информационными технологиями и пр.

Безусловно, наряду с обозначенными весомыми достоинствами электронное обучение имеет ряд проблемных сторон, которые требуют своего разрешения. Большинство из них связаны с задачей адаптации учебного, воспитательного и методического контента к формату электронного документа. Отсюда возникает сложность, и даже неопределенность в формировании и построении учебных модулей и структурирования их содержания в разных моделях электронного обу-

чения. При этом не следует забывать, что из-за новизны технологии электронного обучения в настоящее время нет единых стандартов и общих критериев качества электронных курсов и связанного с этим нормативно-правового обеспечения электронного обучения. В этих условиях вырисовывается реальная угроза превращения процесса обучения, основанного на традиционной парадигме, включающей социализацию и развитие личности, в технологический процесс передачи знаний, который не предусматривает мотивацию творческой или экспериментальной деятельности обучаемого, определяющих в большой степени уровень профессиональных качеств будущего специалиста.

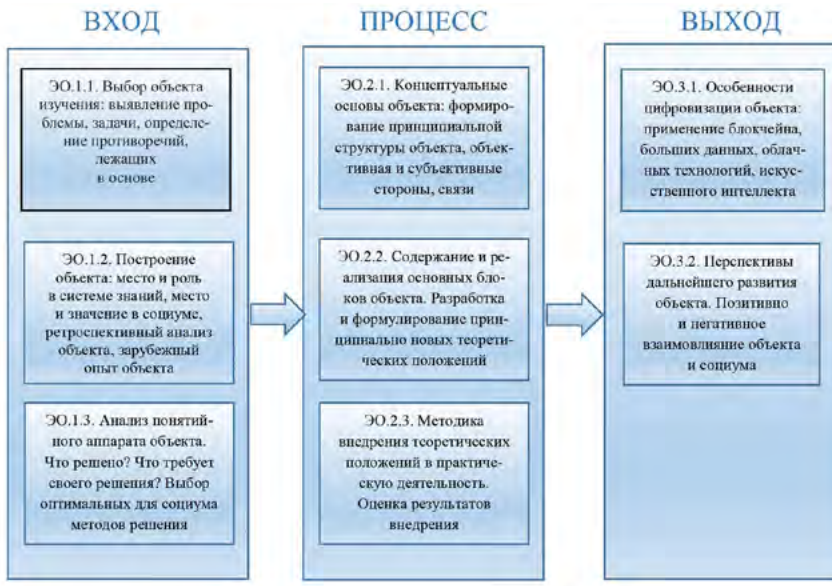
При электронном обучении преподаватель, как активный элемент модели, выпадает из учебного процесса, что, безусловно, приводит не только к уменьшению уровня мотивации обучаемых на изучение дисциплины, но и к снижению эффективности и качества обучения в целом. Причина – отсутствие в электронном обучении контента, включающего элементы воспитания, развития, социализации обучающихся.

В этой связи абсолютно оправданным является вопрос включения в структуру учебных модулей электронного обучения дополнительного контента, позволяющего в некотором роде восполнять мотивационные функции преподавателя, функции воспитания и социализации обучающегося.

Безусловно, практическая реализация этого вопроса является непростой задачей и не имеет однозначного решения в данном контексте из-за большого количества учебных дисциплин, относящихся к разным областям знаний, высокой доли неопределенности в содержании самих процессов мотивации, воспитания и социализации, отсутствии развитого нормативно-правового обеспечения применения этих технологий в учебном процессе. Поэтому речь может идти только о принципиальном подходе, заключающемся в разработке типовой модели электронного обучения, основанной на едином подходе к структурированию контента учебных модулей. Обязательным компонентом таких модулей должен быть типовой набор элементарных объектов и связей между ними, позволяющих реализовать наряду с содержательной частью изучаемой дисциплины вышеупомянутые функции воспитания, развития и социализации.

В качестве инструментария построения этой модели предлагается использовать технологию системного анализа на типовых процедурах и компонентах, представленную автором в опубликованных ранее работах [4; 5].

В основе обозначенной технологии лежит логика применения человеком обязательных и последовательных процедур целенаправленной деятельности: измерение – оценка – принятие решения и постоянных атрибутов этой деятельности: вход – процесс – выход (рисунок).

Модель курса электронного обучения
на базе типовых процедур системного анализа

Координата «время» позволяет моделировать развитие объекта во времени.

На основании типовых процедур, компонентов и оси времени формируется система координат, в рамках которой решается задача моделирования и построения нового объекта: процесса исследования, учебного модуля или дисциплины.

Представленная логика может быть эффективно реализована в модели курса электронного обучения на базе типовых процедур системного анализа.

В соответствии с типовыми координатами системного анализа (см. рисунок) модель формируется по трем компонентам: ВХОД, ПРОЦЕСС, ВЫХОД. Каждый компонент включает набор обязательных элементарных объектов (далее ЭО), решающих строго определенную задачу: от выбора и формулирования базовой проблемы, вокруг которой формируется содержательная часть курса (ЭО 1.1) до перспектив развития курса и его влияния на общество (ЭО 3.2.). При этом содержательная часть дисциплины раскрывается в основном в рамках компонента ПРОЦЕСС, материал для решения задач воспитания, развития и социализации обучаемого размещается большей частью в компонентах ВХОД и ВЫХОД.

Таким образом, представленная модель дает возможность не только системно построить содержательную частью изучаемой дисциплины, но и в значительной степени восполнить мотивационные функции преподавателя, функции воспитания и социализации обучающегося.

Рассмотренная модель может быть полезна не только при построении курса дисциплины для электронного обучения, но и в любом творческом процессе проведения исследований на всех этапах от постановки задачи до ее завершения.

Еще одним важным следствием применения модели является возможность разумного распределения времени обучаемым для познания всех необходимых составляющих курса в зависимости от эмоционального настроя и своих стартовых позиций: нацеленность либо на восприятие, хранение и воспроизведение полученной информации, либо на создание системы собственных знаний.

В этом направлении модель может хорошо работать с адаптивными системами на базе искусственного интеллекта, позволяя создать индивидуальные образовательные маршруты на основе когнитивных особенностей обучающегося.

Список источников

1. Вартанова Е. Л., Вырковский А. В., Максеенко М. И. Индустрия российских медиа: цифровое будущее. М.: МедиаМир, 2017. 160 с.
2. Гаирбекова П. И. Актуальные проблемы цифровизации образования в России // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 2. С. 119–127.
3. Колесов В. И., Седлецкая Т. В., Латышева Е. О. Соотношение понятий «социализация», «адаптация», «воспитание», «развитие» в современном социуме // Вестник Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. 2013. № 1. С. 47–56.
4. Рыбак А. В. Системный анализ в диссертационном исследовании. Технология и особенности применения в сфере юридических наук // Современное педагогическое образование. 2018. № 6. С. 231–236.
5. Рыбак А. В. Системный анализ в деятельности органов внутренних дел: науч.-практ. пособие. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2023. 95 с.
6. Стабин И. П. Автоматизированный системный анализ: учеб. М.: Машиностроение, 1984. 309 с.

УДК: 378.14:004.9

ЦИФРОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА В ХАБАРОВСКОМ ИНСТИТУТЕ ИНФОКОММУНИКАЦИЙ: КЕЙСЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ

***С. Г. Суханова**, доцент кафедры общепрофессиональных и гуманитарных дисциплин Хабаровского института инфокоммуникаций – филиала Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, кандидат педагогических наук;*

***П. Ю. Старченко**, студент Хабаровского института инфокоммуникаций – филиала Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики;*

***И. В. Коваль**, студент Хабаровского института инфокоммуникаций – филиала Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики*

В статье рассматривается практика использования электронной образовательной среды, обеспечивающей доступность образования для всех категорий обучающихся. Описана ее структура и функциональные возможности на базе платформы *Moodle*. Особое внимание уделяется практическому использованию платформы на примере математических и естественно-научных дисциплин. Особое внимание уделено минимизации рисков использования зарубежного программного продукта.

Ключевые слова: электронная образовательная среда, высшее образование, *Moodle*, математика.

DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT AT THE KHABAROVSK INSTITUTE OF INFOCOMMUNICATIONS: PRACTICAL CASE STUDIES

***S. G. Sukhanova**, associate professor of the Department of General Professional and Humanities of the Khabarovsk Institute of Infocommunications – Branch of the Siberian University of Telecommunications and Informatics, kandidat nauk, degree in pedagogy;*

P. U. Starchenko, student of the Khabarovsk Institute of Infocommunications – Branch of the Siberian University of Telecommunications and Informatics;

I. V. Koval, student of the Khabarovsk Institute of Infocommunications – Branch of the Siberian University of Telecommunications and Informatics

The article examines the practice of using an electronic educational environment that ensures accessibility of education for all categories of students. The structure and functional capabilities of the Electronic Information and Educational Environment based on the Moodle platform are described. Special attention is given to the practical application of the platform using the example of mathematics and natural science disciplines. The authors also focus on minimizing the risks associated with the use of foreign software products.

Keywords: electronic educational environment, higher education, Moodle, mathematics.

Президент Российской Федерации В. В. Путин на большой пресс-конференции в декабре 2021 г. отмечал, что ключевым направлением образования является «формирование современной образовательной среды, которая отвечает мировым вызовам и трендам» [4].

Постановление Правительства Российской Федерации от 11 октября 2023 г. № 1678 «Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» определяет электронную информационно-образовательную среду (далее – ЭИОС) как ключевой инструмента для реализации образовательных программ с применением дистанционных технологий [2].

Комплексная система требований к ЭИОС вуза, охватывающая технические, организационные и правовые параметры ее функционирования установлена федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации», федеральными государственными образовательными стандартами, ГОСТ Р 53620–2009 «Электронные образовательные ресурсы. Общие положения» и другими [1; 3; 6].

Таким образом, обеспечение конкурентоспособного доступного образования на любом его уровне для всех категорий граждан Российской Федерации является важнейшей государственной задачей.

Хабаровский институт инфокоммуникаций (далее – ХИИК) является образовательной организацией, где ведется подготовка по образовательным программам высшего, среднего профессионального и дополнительного образования.

Рассмотрим практику использования электронной образовательной среды в ХИИК. ЭИОС института представляет собой комплексную систему, объединяющую информационные и образовательные компоненты, современные телекоммуникационные технологии, а также необходимое техническое и технологическое оснащение [5].

Структура ЭИОС включает: официальный портал института, содержащий общедоступную информацию и защищенный сегмент с персональным кабинетом пользователя; электронные библиотечные системы, обеспечивающие доступ к учебной и научной литературе; систему управления образовательным процессом.

Следует отметить, что общие требования к электронным ресурсам учебных дисциплин установлены в ГОСТе Р 55751–2013 «Электронные учебно-методические комплексы. Требования и характеристики» [3].

Опишем использование ЭИОС на примере цикла математических и естественнонаучных дисциплин. Каждый участник образовательного процесса через личный кабинет получает персональный доступ к страницам учебных дисциплин в соответствии с учебными планами или преподаваемыми курсами (рис. 1).

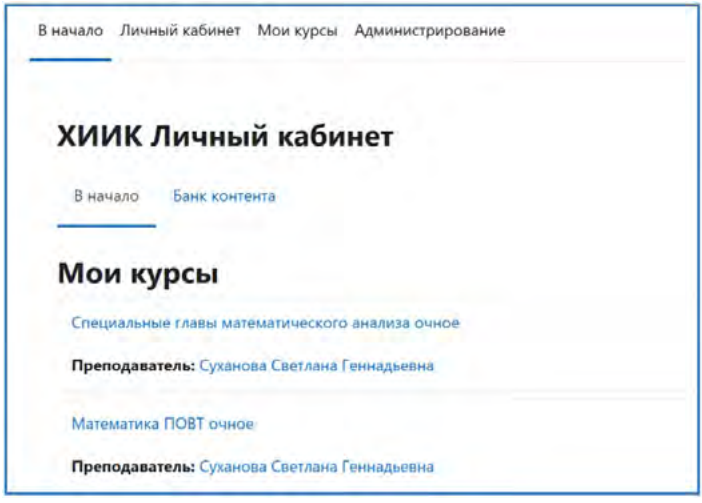

Рис. 1. Личный кабинет ЭИОС do.hiik.ru

Для каждой дисциплины учебного плана на платформе создается страница курса. Структура курса включает следующие элементы: Общее; Лекции; Практикум; Лабораторные работы; Тестирование; Расчетно-графическая работа; Справочные сведения и другие (рис. 2).

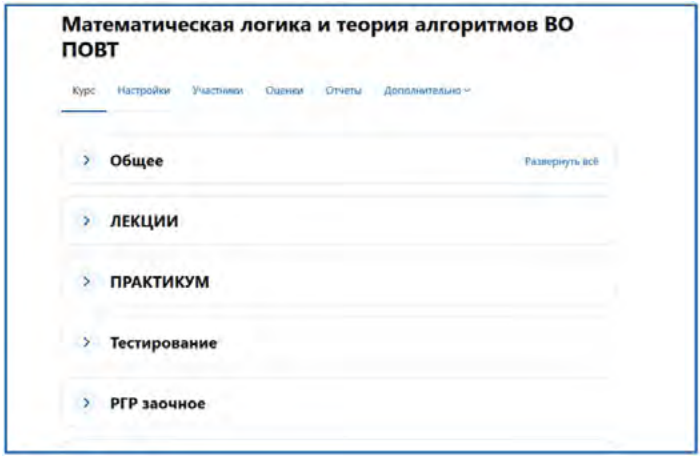

Рис. 2. Главная страница курса

В разделе «Общее» размещается информация о дисциплине, количестве часов по видам работ, формы контроля, вопросы для подготовки к промежуточной аттестации. В разделе «Лекции» содержатся материалы лекций по изучаемым темам, страницы для обратной связи с возможностью для студента отправлять выполненное задание, а также ссылки на видеоматериалы по изучаемым темам (рис. 3).

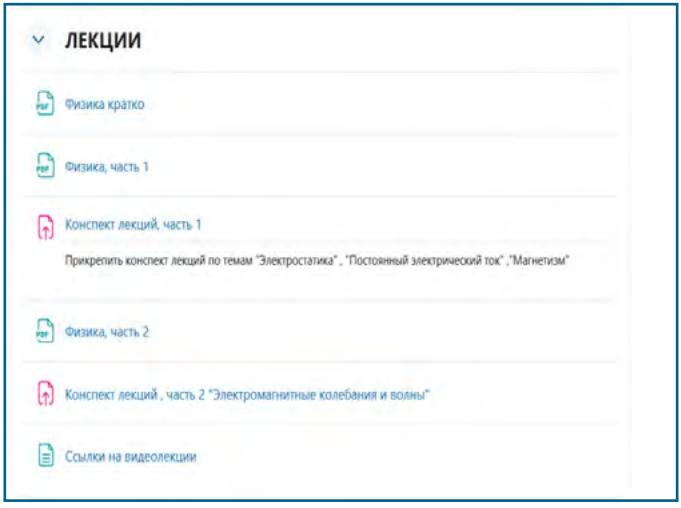

Рис. 3. Раздел «Лекции»

В разделе «Практикум» содержатся примеры и задачи по изучаемым темам, страницы для обратной связи, справочные материалы, таблицы, а также ссылки на видеоматериалы по изучаемым темам (рис. 4).

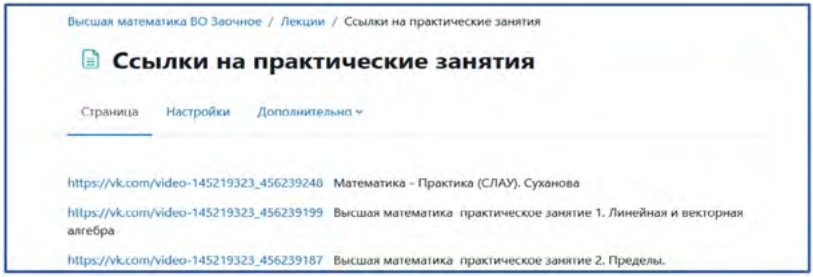

Рис. 4. Раздел «Практикум»

Раздел «Тестирование» состоит из тестов по различным темам и позволяет проводить как текущий, так и промежуточный контроль усвоения изучаемых дисциплин.

Данный учебно-методический продукт позволяет обучающимся применять его для первоначального изучения дисциплины, повторения и закрепления изученного материала, общения с преподавателем, сдачи преподавателю выполненных работ и прохождения различных видов контроля.

Причем, все размещенные материалы доступны в дистанционном формате, если студент по состоянию здоровья или другим объективным причинам не может обучатся очно. Так же материалы представлены в виде текстовых документов, видео и аудио файлов для использования их обучающимися с различными типами ограничений восприятия.

Обратимся к техническим параметрам ЭИОС ХИИК. Информационная система поддержки образовательного процесса (*https://do.hiik.ru*) реализована посредством платформы *Moodle (Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment)*, предназначенной для создания систем дистанционного обучения.

Moodle – зарубежная система управления обучением, разработанная австралийским разработчиком и педагогом Мартином Дугиамасом в 1999 г. В настоящее время проект возглавляется и координируется австралийской компанией *Moodle HQ* при финансовой поддержке партнеров по всему миру и распространяется по лицензии *GPLv3*.

Данная платформа имеет широкое распространение в образовательных организациях Российской федерации. Однако, в текущей политической

ситуации существуют определенные риски использования иностранного программного обеспечения. Рассмотрим возможность минимизации последствий этих рисков.

Существует множество альтернатив *Moodle*, разработанных разными странами. В качестве примеров можно привести следующее.

1. *Canvas LMS*, разработанная в США компанией Instructure система, распространяемая по лицензии *AGPLv3*, однако некоторые официальные плагины являются проприетарными.

2. *Blackboard Learn*, разработаная в США компанией *Anthology Inc*, распространяется на платной основе, ее функционал схож с *Moodle*.

3. *iSpring Learn* – отечественная разработка, больше нацеленная на корпоративный сегмент обучения, распространяется на платной основе.

4. 1С: Образование – отечественный продукт от 1С, направленный на образовательный сегмент, распространяется на платной основе.

Следует отметить, что *Moodle* обладает открытым исходным кодом, поэтому опасения по поводу невозможности использования платформы в связи с возможными ограничениями правообладателей беспочвенны, поскольку помимо собственного облачного сервиса, существует возможность развернуть копию платформы, скачанную из исходных источников – официальный сайт [7], на собственном сервере. Также, благодаря открытому исходному коду, каждый желающий может провести его аудит и удостовериться в безопасности использования.

Таким образом, практика использования ЭИОС в ХИИК показывает возможность обеспечения доступности образования для всех категорий обучающихся, обеспечение гибкости образовательного процесса, что соответствует современным требованиям законодательства и приоритетным задачам развития системы профессионального образования.

Список источников

1. Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ: ред. от 31.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «CONSULTANT.ru».
2. Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ: постановление Правительства Рос. Федерации от 11.10.2023 № 1678 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/1303362603 (дата обращения: 04.11.2025).
3. ГОСТ Р 55751–2013 «Электронные учебно-методические комплексы. Требования и характеристики» / Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. М.: Стандартинформ, 2013. URL: https://rosgosts.ru/file/gost/35/240/gost_r_55751–2013.pdf (дата обращения: 04.11.2025).

4. Путин В. В. Возможности интернета должны дополнять реальную жизнь // Министерство просвещения Российской Федерации: официальный сайт. 2021. URL: https://edu.gov.ru/press/4551/vladimir-putin-vozmozhnosti-interneta-dolzhny-dopolnyat-realnuyu-zhizn/?ysclid=mhk2fp887t198601300 (дата обращения: 04.11.2025).
5. Хабаровский институт инфокоммуникаций. Электронная образовательная среда. URL: https://hiik.ru/about_the_university/elektronno-obrazovatelnaya-sreda.php (дата обращения: 12.10.2025).
6. ФГОС ВО по направлению подготовки 11.03.02 «Инфокоммуникационные технологии и системы связи» (уровень бакалавриата) // Федеральный государственный образовательный стандарт: официальный портал. URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-11–03–02-infokommunikacionnye-tehnologii-i-sistemy-svyazi-930/?ysclid=mhk6l5erhe141003082 (дата обращения: 04.11.2025).
7. GitVerse: платформа для совместной разработки ПО // GitVerse: официальный сайт. URL: https://gitverse.ru/ (дата обращения: 04.11.2025).

УДК 004

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ В УПРАВЛЕНИИ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДОЙ

***О. О. Уманцева**, адъюнкт Академии управления МВД России*

В статье рассматривается трансформационная роль технологий искусственного интеллекта и машинного обучения в управлении электронной информационно-образовательной средой современного университета. Анализируются ключевые вызовы традиционной электронной информационно-образовательной средой, такие как отсутствие персонализации, реактивный характер управления и перегруженность преподавателей рутинными операциями. Детально исследуются направления применения искусственного интеллекта и машинного обучения: интеллектуальная адаптация образовательного контента, прогнозная аналитика для выявления студентов группы риска, автоматизация административных процессов и интеллектуальный анализ образовательного контента. Приводятся примеры успешной реализации подобных систем. В заключении обозначены основные проблемы и барьеры на пути внедрения AI-решений, включая вопросы этики, защиты данных и необходимости развития цифровых компетенций персонала. Делается вывод о том, что интеграция искусственного интеллекта и машинного обучения знаменует переход от автоматизированной электронной информационно-образовательной среды к интеллектуальной образовательной экосистеме, способной к самообучению и адаптации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинное обучение, электронная информационно-образовательная среда, управление образованием, прогнозная аналитика, персонализация обучения, образовательная аналитика, цифровая трансформация.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND MACHINE LEARNING TECHNOLOGIES IN THE MANAGEMENT OF THE ELECTRONIC INFORMATION AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT

***O. O. Umantseva**, associate of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article examines the transformational role of artificial intelligence (AI) and machine learning (MO) technologies in managing the electronic information and educational environment (EIOS) of a modern university. The key challenges of traditional EIOS are analyzed, such as the lack of personalization, the reactive nature of management and the overload of teachers with routine operations. The directions of application of AI and MO are studied in detail: intelligent adaptation of educational content, predictive analytics to identify students at risk, automation of administrative processes and intelligent analysis of educational content. Examples of successful implementation of such systems are given. In conclusion, the main problems and barriers to the implementation of AI solutions are outlined, including issues of ethics, data protection and the need to develop digital competencies of staff. It is concluded that the integration of AI and MO marks the transition from an automated EIOS to an intelligent educational ecosystem capable of self-learning and adaptation.

Keywords: artificial intelligence, machine learning, EIOS, education management, predictive analytics, personalization of learning, educational analytics, digital transformation.

Цифровая трансформация образования обусловила повсеместное внедрение электронной информационно-образовательной средой (далее – ЭИОС), которые стали неотъемлемым элементом инфраструктуры любого университета. Однако зачастую современные ЭИОС представляют собой статичные платформы, функционирующие как репозитории учебных материалов и инструменты для проведения тестирования. Управление такими средами носит преимущественно реактивный характер, а их функционал слабо адаптирован к индивидуальным потребностям обучающихся [1].

В этих условиях технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) и машинного обучения (далее – МО) открывают новые возможности для коренного перелома сложившейся парадигмы. Они позволяют трансформировать ЭИОС из пассивного инструмента в активного участника образовательного процесса,

способного к прогнозированию, адаптации и персонализации. Управление на основе данных становится ключевым принципом развития образовательных систем.

Цель исследования – проанализировать потенциал и конкретные направления применения технологий ИИ и МО для повышения эффективности управления ЭИОС на оперативном, тактическом и стратегическом уровнях [2–4].

1. Вызовы традиционной ЭИОС и потенциал ИИ/МО.

Ключевые ограничения современных ЭИОС, которые могут быть преодолены с помощью ИИ и МО, включают:

– отсутствие персонализации: единый для всех контент и темп обучения не учитывают индивидуальные когнитивные стили, исходный уровень знаний и интересы студентов;

– реактивное, а не проактивное управление: преподаватели и администрация реагируют на проблемы (например, академические задолженности) постфактум, когда возможности для коррекции уже ограничены;

– высокая нагрузка на преподавателей: ручная проверка стандартных заданий, формирование отчетов и консультирование по типовым вопросам отнимают значительные ресурсы;

– неэффективное использование данных: ЭИОС накапливают большие объемы данных (цифровой след), но не обеспечивают их глубокий анализ для поддержки принятия управленческих решений.

ИИ и МО, обладая способностью выявлять сложные паттерны в данных и на их основе строить прогнозы, предлагают путь к решению этих проблем. Они позволяют перейти к модели интеллектуальной ЭИОС (*iLMS – Intelligent Learning Management System*).

2. Направления применения ИИ и МО в управлении ЭИОС:

1) интеллектуальная адаптация и персонализация образовательного пути. Это одно из наиболее перспективных направлений. Алгоритмы МО, анализируя цифровой след студента (время, проведенное на страницах, результаты тестов, активность в форумах), могут:

– рекомендовать контент: предлагать дополнительные материалы, видео, статьи или курсы для углубления знаний или ликвидации пробелов;

– адаптировать сложность: динамически подстраивать уровень сложности заданий и тестов в зависимости от текущей успеваемости студента;

– формировать индивидуальные учебные траектории: создавать уникальные маршруты освоения дисциплины, оптимальные для каждого обучающегося;

2) прогнозная аналитика и раннее предупреждение рисков.

Модели классификации и регрессии в МО позволяют идентифицировать студентов, подверженных риску отчисления или академической неуспеваемости, на ранних стадиях. Анализируются такие признаки, как:

– снижение активности в ЭИОС;

– просроченные дедлайны по заданиям;

– низкие результаты первых тестов;

– отсутствие взаимодействия с сокурсниками в онлайн-среде.

Система автоматически генерирует оповещения для тьюторов или кураторов, позволяя им своевременно вмешаться и оказать адресную поддержку. На стратегическом уровне агрегированные данные помогают выявлять «слабые места» в учебных программах;

3) автоматизация административных и рутинных процессов.

ИИ, в частности чат-боты на базе *NLP* (*Natural Language Processing*), берут на себя функции первой линии поддержки:

– ответы на часто задаваемые вопросы студентов о расписании, дедлайнах, требованиях к заданиям;

– помощь в навигации по ЭИОС;

– автоматизация процесса проверки тестов закрытого типа (выбор, соответствие, упорядочивание) и даже некоторых типов открытых вопросов с помощью продвинутых языковых моделей.

Это высвобождает время преподавателей для творческой и методической работы, индивидуального общения со студентами;

4) интеллектуальный анализ образовательного контента.

Здесь ИИ используется для повышения качества и управляемости самих учебных материалов:

– анализ на плагиат и авторство: современные системы способны выявлять не только дословное заимствование, но и перефразирование, а также определять авторство текстов;

– оценка качества и сложности контента: алгоритмы могут анализировать тексты на читабельность, соответствие заявленному уровню сложности, наличие ключевых понятий;

– автоматическое тегирование и категоризация: система автоматически присваивает метки учебным материалам, что облегчает их поиск и организацию в рамках ЭИОС.

3. Проблемы и этические аспекты внедрения.

Несмотря на огромный потенциал, широкое внедрение ИИ в управление ЭИОС сталкивается с рядом серьезных барьеров:

– качество и репрезентативность данных: алгоритмы МО критически зависят от объема и качества данных для обучения. Неполные или смещенные данные приведут к некорректным и несправедливым прогнозам;

– проблема «черного ящика»: сложные модели, особенно глубокие нейронные сети, часто не позволяют понять логику принятия решений. Это порождает недоверие и вопросы об ответственности за ошибочные рекомендации;

– конфиденциальность и безопасность данных: сбор и анализ цифрового следа студентов требуют безусловного соблюдения законодательства о защите персональных данных. Необходима прозрачная политика информированного согласия;

– цифровой разрыв и доступность: риск усугубления неравенства, если доступ к интеллектуальным функциям ЭИОС будет ограничен для некоторых групп студентов или вузов;

– необходимость развития компетенций: преподавателям и администраторам требуются новые навыки для эффективной работы с *AI*-инструментами и интерпретации их выводов.

Технологии ИИ и МО перестают быть экзотикой и становятся мощным инструментом управления ЭИОС. Они позволяют перейти от унифицированного, реактивного подхода к персонализированному и проактивному управлению образовательным процессом. Внедрение ИИ затрагивает все уровни управления: от оперативной автоматизации рутины до стратегического прогнозирования развития образовательной системы. Однако этот процесс должен быть сопряжен с решением серьезных этических, правовых и методологических проблем.

Университетам, стремящимся сохранить конкурентоспособность в условиях цифровой трансформации, необходимо разрабатывать стратегии интеграции ИИ в свою ЭИОС, инвестируя не только в технологии, но и в развитие человеческого капитала, в формирование доверительной и этичной цифровой культуры. Будущее за гибридными, «человеко-центричными» интеллектуальными средами, где ИИ усиливает, а не заменяет, профессиональное педагогическое образование.

Список источников

1. Коровникова Н. А. Искусственный интеллект в образовательном пространстве: проблемы и перспективы // Социальные новации и социальные науки. М.: ИНИОН РАН, 2021. № 2. С. 98–113.
2. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. ChatGPT и искусственный интеллект в университетах: какое будущее нам ожидать? // Высшее образование в России. 2023. № 6. С. 19–37.
3. Сысоев П. В. Искусственный интеллект в образовании: осведомлённость, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности // Высшее образование в России. 2023. № 10. С. 9–33.
4. Nesterov S., Sazhnova V., Smolina E. Clustering and Analysis of the Participants' Results and Completed Test Tasks on Massive Open Online Course // In: Vasiliev, Y.S., Pankratova, N.D., Volkova, V.N., Shipunova, O.D., Lyabakh, N.N. (eds.) System Analysis in Engineering and Control. SAEC2021. Lecture Notes in Networks and Systems. – Springer, Cham, 2022. Vol 442. Pp. 596–605.

УДК 629.7

ПРИМЕНЕНИЕ АНАЛИЗА БОЛЬШИХ ДАННЫХ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В РАЙОНЕ ГОРОДА ХАБАРОВСКА ДЛЯ ПЛАНИРОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ И ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

***Д. В. Чемарев**, доцент кафедры информационного и технического обеспечения органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье анализируется метеорологическая обстановка в районе города Хабаровска, полученные за 15 лет. Рассматривается результат анализа как основа для планирования применения беспилотных летательных аппаратов на указанной территории в течение календарного года и выработки рекомендаций для подготовки к полету с учетом метеорологических условий.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат, большие данные, планирование эксплуатации беспилотного летательного аппарата, статистические данные, метеорологические условия, оледенение летательного парата.

APPLICATION OF BIG DATA ANALYSIS OF METEORIC SITUATIONS IN THE KHABAROVSK CITY AREA FOR PLANNING THE PREPARATION AND USE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES

***D. V. Chemarev**, associate professor of the Department of Information and Technical Support of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article analyzes meteorological conditions in the Khabarovsk region, covering a 15-year period. The analysis provides the basis for planning the use of unmanned aerial vehicles in the area throughout the calendar year and developing recommendations for flight preparation, taking into account meteorological conditions.

Keywords: Unmanned aerial vehicle, UAV, big data, UAV operation planning, statistical data, meteorological conditions, aircraft icing.

Дальний Восток и Хабаровский край представляют собой яркий пример территории, где потенциал беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) сталкивается с серьезными природными вызовами. Регион характеризуется резкими перепадами температур, сильными ветрами, сложным рельефом и высокой вероятностью опасных явлений погоды.

Традиционные источники погодных данных, такие как обычные прогнозы по территориальным районам, часто недостаточны для планирования конкретных миссий БПЛА. Современным ответом на этот вызов становятся технологии сбора больших данных о метеообстановке с помощью специализированных дронов, оснащенных компактными ультразвуковыми анемометрами, датчиками температуры, влажности и давления. Они позволяют строить точные трехмерные модели атмосферных процессов в реальном времени для конкретной локации. Актуальность интеллектуального анализа таких данных для упреждающего планирования полетов подтверждается мировыми исследованиями, направленными на создание устойчивых к изменению погоды маршрутов для групп БПЛА.

В ходе проведения подразделениями МВД России оперативно-розыскных мероприятий широко распространено применение технических средств визуального наблюдения и фиксации. Набор данных технических средств достаточно обширен [4].

В последние годы к техническим средствам визуального наблюдения и фиксации прибавились БПЛА, оснащенные различными оптическими системами для наблюдения и фиксации получаемой визуальной информации как днем, так и ночью. Данные технические средства дороги, сложны и требовательны к высокой квалификации внешнего пилота и экипажа в целом.

Метеорологические факторы оказывают существенное влияние на взлет, посадку и полет по маршруту летательных аппаратов. БПЛА не являются исключением из правил: в одних случаях это влияние благоприятное, в других – крайне нежелательное [3].

Однако в любом случае оператору БПЛА перед вылетом следует тщательно изучить фактические и ожидаемые значения метеорологических параметров.

Из теории авиационной метеорологии и теории аэродинамики известно, что параметры режима ветра на маршруте полета БПЛА воздействуют на дальность полета, радиус действия и продолжительность полета [1].

Одним из основных требований к полетам, предъявляемых законодательством, является безопасность полета. Одним из критериев безопасности

полета беспилотного летательного аппарата, вес которого может достигать 30 килограммов, является эксплуатация в соответствии с его тактико-техническими характеристиками.

Метеорологические элементы не просто фон – они формируют условия, напрямую влияющие на работоспособность оборудования, видимость, аэродинамику и, в итоге, на безопасность полета. Основное количество летных происшествий происходит в ходе взлёта и посадки летательных аппаратов. Часто причиной летных происшествий становятся порывы ветра.

Порывы ветра в большинстве случаев возникают в местах перепадов высот, границ леса, в местах с плотной застройкой зданий. Следовательно, место запуска и посадки БПЛА следует выбирать на открытых площадках без ветрозащитных полос. На открытых пространствах движение воздушных потоков равномерно как по скорости, так и по направлению [2].

Наиболее распространенными моделями БПЛА, поступившими в подразделения применения и эксплуатации роботехнических комплексов и беспилотных воздушных судов на данный момент, являются мультикоптерный тип: DJI mavic 3T, DJI matrice 30T, DJI matrice 300, Autel EVO II 640 [4].

Анализ тактико-технические характеристики упомянутых БПЛА показывает, что их эксплуатация возможна при допустимой скорости ветра до 12 м/с и температурах окружающего воздуха – 5° С для малых и – 15° С для крупных моделей.

Кроме того, эксплуатация в условиях небольших осадков (моросящий дождь и снег) возможна для моделей с соответствующей защитой (например модели DJI 30T и 300RTK).

Средние и сильные осадки вызывают некорректную работу лопастей двигателей квадрокоптера и у моделей с влагозащитой.

Результаты анализа метеорологических данных в пределах города Хабаровска за 15 лет (с января 2010 по октябрь 2025 г.) приведены на рис. 1–5.

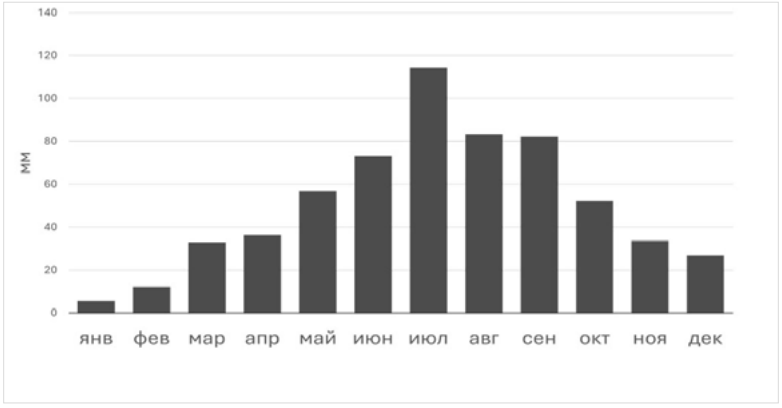

Рис. 1. Количество осадков за год

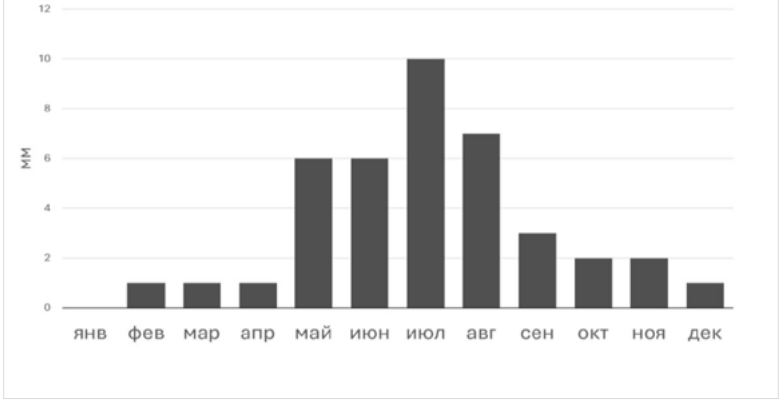

Рис. 2. Количество дождливых дней за год

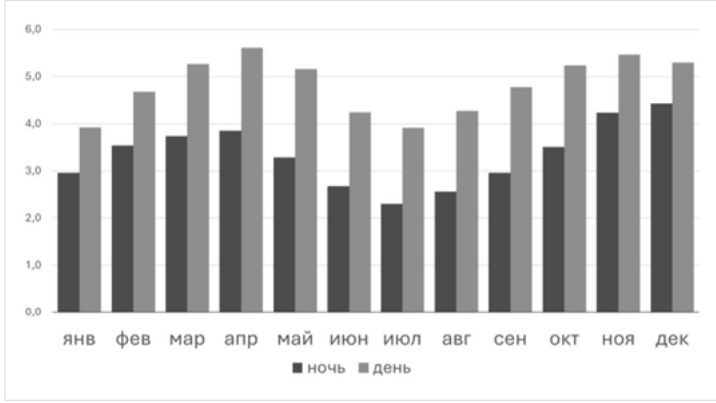

Рис. 3. Средняя скорость ветра на высоте 50–300 м

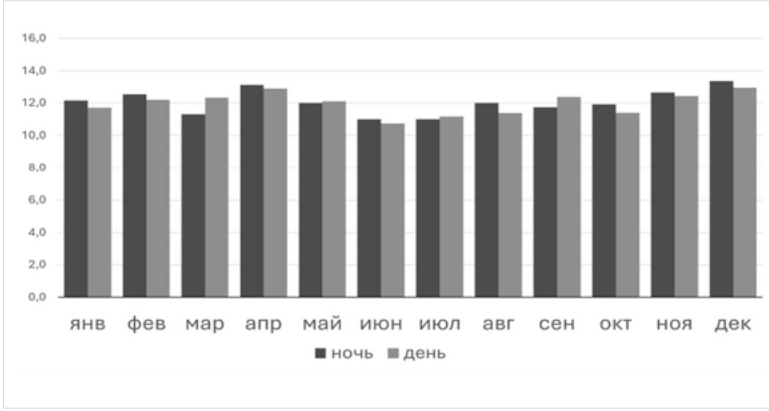

Рис. 4. Средняя скорость порывов ветра
на высоте 50–300 м более 10 мин

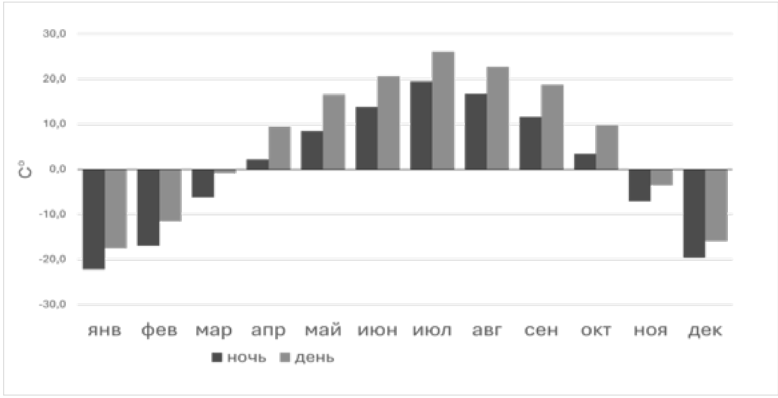

Рис. 5. Средняя температура воздуха на высоте 50–300 м

Отметим, что эксплуатация квадрокоптеров малого класса с диапазоном работы до – 10° С невозможна, а с диапазоном до – 20° С опасна в климатических условиях Хабаровска в декабре, январе и феврале.

Март, апрель, октябрь и ноябрь – опасные месяцы для эксплуатации квадрокоптеров по причине высокой вероятности оледенения.

Следует отметить, что обледенение для БПЛА на сегодняшний день является одной из серьезных проблем. Оно в большинстве случаев происходит в воздушной среде, содержащей капли переохлажденной воды в условиях тумана, мороси, дождя, мокрого снега при отрицательной или околонулевой температуре наружного воздуха. Наибольшая вероятность обледенения существует в условиях повышенной влажности воздуха на малых высотах (менее 3 км) в диапазоне температур от 0 до – 20 °С и, в особенности, от – 5° до – 10 °С.

Входные устройства авиационных двигателей могут подвергаться обледенению и при положительных температурах наружного воздуха (приблизительно до + 5 °С), так как вследствие расширения воздуха во входном устройстве влага конденсируется на его стенках и в последующем замерзает [1].

В целом, при планировании использования беспилотных летательных аппаратов в течение года к безопасным для эксплуатации квадрокоптера можно отнести 6 месяцев из 12.

В качестве заключения можно сказать, что метеорологические факторы оказывают существенное влияние на взлет, посадку и полет БПЛА по маршруту. В ходе применения БПЛА игнорирование метеорологических факторов может привести, в лучшем случае, к неэффективному применению, в худшем – к его потере.

Список источников

1. Горбунов А. А., Галимов А. Ф. Влияние метеорологических факторов на применение и безопасность полета беспилотных летательных аппаратов с бортовым ретранслятором радиосигнала // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2016. № 2. С. 7–15.
2. Мухьянов Э. С., Ефимов С. В. Предпосылки к применению беспилотных воздушных судов в России // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2018. Т. 1. № 9. С. 640–645.
3. Рогозин Е. А., Мельников А. В., Урясьев Д. А. Разработка модели функционирования беспилотного летательного аппарата в условиях влияния дестабилизирующих воздействий // Проблемы обеспечения надежности и качества приборов, устройств и систем: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 2017. С. 109–113.
4. Чемарёв Д. В. К вопросу кадрового обеспечения и возможности применения подразделениями Министерства внутренних дел Российской Федерации беспилотных летательных аппаратов государственной авиации специального назначения как технических средств визуального наблюдения и фиксации при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений // Актуальные проблемы науки и практики: электрон. сб. науч. тр. по итогам науч.-представит. мероприятий. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России имени И. Ф. Шилова. 2024. Вып. 14. С. 175–181.

УДК 378

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И СЛУЖЕБНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Н. Г. Шешера**, доцент кафедры информационного и технического обеспечения органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, доктор технических наук*

Система высшего образования Министерства внутренних дел Российской Федерации выполняет двуединую миссию – образовательную и государственно-воспитательную, направленную на формирование личности, способной нести служебный долг в условиях прямой угрозы, стресса и дефицита времени. Цифровая трансформация, обусловленная ростом киберпреступности и изменением характера профессиональных вызовов, требует баланса между сохранением ценностей дисциплины, этики, ответственности и внедрением инноваций. Поверхностная модернизация – замена аудиторий на онлайн-платформы без переосмысления педагогики – ведет к распаду воспитательной среды и снижению устойчивости курсантов к эмоциональным нагрузкам. Эффективной является гибридная модель обучения. Цифровая среда обеспечивает доступ к симуляциям, аналитике больших данных и ИИ-инструментам. Только такой синтез гарантирует подготовку ответственного профессионала, способного управлять технологиями, не утрачивая служебного достоинства. В статье анализируется трансформация высшего образования в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации в условиях цифровой эпохи. Рассматриваются риски как консервативного сопротивления инновациям, так и некритичного внедрения цифровых технологий без педагогического и этического осмысления.

Ключевые слова: цифровая трансформация, служебная гибридная образовательная модель, педагог-практик, электронная образовательная среда.

DIGITAL TRANSFORMATION AND PROFESSIONAL IDENTITY IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

***N. G. Sheshera**, associate professor of the Department of Information and Technical Support for Internal Affairs Bodies Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, Doctor of Technical Sciences*

The higher education system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation fulfills a dual mission–educational and state-oriented moral-educational–aimed at cultivating individuals capable of fulfilling their official duties under conditions of direct threat, stress, and time constraints. Digital transformation, driven by the rise in cybercrime and evolving professional challenges, necessitates a balanced integration of innovation while preserving core values such as discipline, ethics, and responsibility. Superficial modernization–merely replacing traditional classrooms with online platforms without rethinking pedagogy–leads to the erosion of the moral-educational environment and diminishes cadets' resilience to emotional strain. A hybrid learning model proves to be effective: while the physical, tradition-based component preserves hierarchical interaction, embodied authority, and ritual discipline, the digital environment provides access to simulations, big data analytics, and AI-powered tools. Only such a synthesis ensures the development of responsible professionals capable of harnessing technology without compromising their sense of duty and professional dignity. This article examines the transformation of higher education within the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the context of the digital era. It analyzes the risks associated both with conservative resistance to innovation and with the uncritical adoption of digital technologies devoid of pedagogical and ethical reflection.

Keywords: digital transformation, professional-hybrid educational model, practitioner-instructor, digital educational environment.

Система высшего образования Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) представляет собой уникальный феномен в отечественном образовательном ландшафте, который обусловлен тем, что образовательная организация системы МВД России реализует не просто образовательную, но и государственно-воспитательную миссию, формирует

человека, готового в любой момент принять на себя бремя служебного долга – часто в условиях прямой угрозы, высокой эмоциональной нагрузки и ограниченного времени на принятие решений.

В условиях XXI в. наблюдается цифровая трансформация общества, рост киберпреступности, изменение характера социальных конфликтов, а также трансформация самой молодежи – все это требует адаптации современных моделей обучения [1]. При этом важно избежать двух крайностей: консервативного отторжения инноваций и некритичного «цифрового увлечения», когда внедрение идет без учета их педагогической и воспитательной целесообразности.

Воспитательная функция образовательной организации системы МВД России реализуется через архитектуру повседневности. Распорядок дня, построения, служба в карауле, участие в спортивных соревнованиях, разбор служебных ситуаций на тактической площадке – все это является учебным процессом. Через такие практики формируется чувство принадлежности к институту, готовность к саморегуляции, эмпатия. Создается психологическая устойчивость, необходимая для усвоения сложных, эмоционально нагруженных дисциплин, таких как: криминалистика, тактика задержания, психология общения с потерпевшими, оперативно-розыскная деятельность, информатика и т. д. Курсант, не прошедший этап формирования базовой служебной идентичности, испытывает значительные трудности при освоении этих дисциплин из-за внутреннего сопротивления к самому смыслу их содержания [2].

Электронная образовательная среда выступает конструктивным ресурсом, позволяющим снизить когнитивную нагрузку на этапе профессиональной социализации. Курсант 1–2 курса не тратит ресурсы на выбор – как одеться, когда вставать, как обратиться к старшему. Это высвобождает психические силы для освоения профессиональных задач.

Также стоит учесть, что электронная образовательная среда требует особого подхода к проектированию учебного процесса. Например, дисциплины, связанные с анализом правоприменительной практики, эффективнее осваиваются через коллективный разбор дел с последующим составлением процессуальных документов – в условиях, максимально приближенных к реальным (ограниченное время, необходимость согласования позиций в группе, последующая защита решения перед преподавателем в роли руководителя подразделения).

Широкое внедрение цифровых технологий в образовательные организации системы МВД России началось еще до 2020-х гг. с автоматизации криминалистических лабораторий, введения баз данных по розыску, создания защищенных каналов связи. Однако масштаб трансформации резко вырос в последние годы под влиянием двух факторов: развития искусственного интеллекта и роста объема преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [4].

Особую роль играет контроль качества цифрового контента. В отличие от гражданских университетов, где преподаватель может рекомендовать открытые онлайн-курсы (*Coursera*, *Stepik* и др.), в образовательных организациях МВД России все учебные материалы проходят обязательную служебную экспертизу на соответствие нормам законодательства, оперативной целесообразности и этической допустимости [3]. Это ограничивает «информационную открытость» и обеспечивает профессиональную достоверность – критически важный параметр в подготовке сотрудников, действия которых имеют юридические последствия.

Трансформация образовательной среды неизбежно влечет изменение роли педагога. В прошлом основной функцией преподавателя была передача знаний и контроль за их усвоением. Сегодня ключевая компетенция – интерпретация опыта. Курсант приходит с уже сформированным цифровым багажом: он может находить информацию быстрее, чем преподаватель, монтировать видеоролики, строить графы связей. Задача педагога – не конкурировать в скорости, а помочь курсанту осмыслить этот опыт в рамках профессиональной этики.

Это требует от преподавателя владения не только предметной областью, но и навыками рефлексивного диалога (постановка вопросов, провоцирующих этическую оценку); пониманием цифровой культуры поколения Z – не для ее копирования, а для грамотного встраивания в служебный контекст; готовностью к постоянному самообучению, в том числе через взаимодействие с курсантами как с носителями новых практик [5].

Важно понимать, что преподаватель в образовательных организациях системы МВД – как правило, бывший практик, что придает его слову особый вес. Авторитет строится не на формальном статусе, а на профессиональной достоверности. Поэтому цифровизация не должна превращать его в «модератора онлайн-платформы». Напротив, именно его личный опыт позволяет раскрыть глубинные смыслы цифровых инструментов: не «как работает алгоритм распознавания лиц», а «как интерпретировать его результат при отсутствии прямых доказательств», «как избежать когнитивных искажений при анализе цифровых следов».

На сегодняшний день образовательные организации МВД России стоят перед выбором между поверхностной модернизацией и глубинной трансформацией. Первая предполагает закупку оборудования, перенос лекций в онлайн, формальное обновление программ – без изменения педагогической философии. Вторая – переосмысление того, как сочетать незыблемые ценности служебной чести, дисциплины и ответственности с новыми возможностями, которые дает цифровая эпоха.

Электронная образовательная среда может ускорить обучение, улучшить визуализацию, автоматизировать отчетность.

Для подготовки курсантов и слушателей необходима гибридная образовательная система, где цифровая среда обеспечивает доступ к знаниям и симуляциям, воспитательная среда формирует целостность личности и служебную идентичность, личный опыт преподавателя-практика обеспечивает мост между ними.

Только в таком синтезе возможно подготовить курсанта и слушателя, способного не просто пользоваться технологиями, но и нести за них ответственность – перед законом, перед коллегами и перед обществом.

Список источников

1. Бурляева В. А., Емельянова А. А. Значение и признаки цифровой трансформации образовательных организаций // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 6. URL: https://mir-nauki.com/PDF/46PDMN622.pdf (дата обращения: 14.11.2025).
2. Грамбовская Л. В. Караказьян С. А. Цифровая трансформация университета с точки зрения приоритетных направлений развития // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 5 (119). С. 59–64.
3. Игнатьев В. П., Иванов М. Д., Абрамова В. Г. Цифровая образовательная среда сельской школы // Современное педагогическое образование. 2021. № 5. С. 172–174.
4. Шешера Н. Г. Перспективные подходы к формированию навыков работы с устройствами управления информационной и технической поддержки органов внутренних дел на базе высших учебных заведений МВД России // Опыт и традиции подготовки полицейских кадров: сб. науч. тр. Международ. науч.-практ. конф. Волгоград, 2023. С. 204–209.
5. Шешера Н. Г. Развитие компьютерного спорта с целью обучения и приобретения полезных навыков сотрудниками ОВД. Его интеграция в электронную информационную образовательную среду // Актуальные проблемы науки и практики: сб. науч. тр. по итогам науч.-представит. мероприятий, проводимых Дальневост. юрид. ин-том МВД России. Хабаровск, 2023. С. 35–38.

УДК 378

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМ АВТОМАТИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВЕДОМСТВЕННОМ ВУЗЕ

***К. В. Ярмак**, начальник управления учебно-методической работы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент*

В статье рассматриваются специфические вызовы, связанные с внедрением и эксплуатацией систем автоматизации образовательного процесса в условиях ведомственного высшего учебного заведения, проанализированы ключевые аспекты технологического, организационного и кадрового характера, обусловленные закрытостью информационной инфраструктуры, строгими требованиями информационной безопасности и особым контингентом обучающихся. На основе проведенного анализа предлагаются практические рекомендации, направленные на повышение эффективности автоматизации управления учебным процессом. Исследование базируется на обобщении опыта внедрения одной из систем автоматизации в Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя.

Ключевые слова: системы автоматизации образовательного процесса, ведомственный вуз, электронная информационно-образовательная среда, LMS.

TOPICAL ISSUES OF FUNCTIONING OF AUTOMATION SYSTEMS OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN A DEPARTMENTAL UNIVERSITY

***K. V. Yarmak**, head of the department of educational and methodological work of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

This article examines the specific challenges associated with the implementation and operation of educational automation systems at a departmental higher education institution. The author analyzes key

technological, organizational, and personnel issues related to the closed nature of the information infrastructure, strict information security requirements, and the specific student population. Based on this analysis, practical recommendations are offered to improve the efficiency of automation of educational process management. The study draws on the experience of implementing one of the automation systems at the Kikot Moscow University of the ministry of the interior of Russia.

Keywords: educational automation systems, departmental higher education institution, electronic information and educational environment, LMS.

Курс на цифровизацию образования обусловливает повсеместное внедрение систем автоматизации образовательного процесса (далее – САОП). Особо значимо это в ведомственных вузах по подготовке ответственных кадров для правоохранительной деятельности, обороны и безопасности. В них важна автоматизация управления учебным процессом с обеспечением соответствия не только Федеральным государственным образовательным стандартам (далее – ФГОС), но и внутренним регламентам ведомства.

Имеется существующий разрыв между стандартным функционалом коммерческих, открытых САОП и специфическими требованиями, предъявляемыми к организации обучения в ведомственной среде. Прямой перенос типовых «рыночных» решений в закрытую образовательную экосистему зачастую оказывается малоэффективным. Низкая эффективность такого использования неспециализированных программных продуктов усугубляется тем, что управление образовательным процессом в ведомственном вузе требует интеграции всех ресурсов в единую систему, связанную общим управлением. На практике это приводит к использованию множества разрозненных прикладных решений для аккумуляции данных, их обработки и аналитической поддержки решений [1]. Без целостной, интегрированной автоматизированной системы эти решения становятся «информационными островками», что снижает общую эффективность управления и подтверждает актуальность выявления системных проблем функционирования САОП.

В связи с этим целью данной работы является выявление и систематизация актуальных вопросов функционирования САОП в условиях ведомственного вуза, а также разработка практико-обоснованных направлений их решения.

Показательным примером адаптации цифровых технологий под нужды силового ведомства является опыт использования платформы «Апекс-Вуз» в образовательных организациях МВД России. Успешное применение «Апекс-Вуз» демонстрирует востребованность целевых, а не универсальных решений, которые

учитывают закрытость среды и специфику документооборота ведомства [2]. Но даже успешное их внедрение порождает новые вызовы по дальнейшей интеграции в общую цифровую экосистему.

Аспект проблемы – не только доступность информации, но и ее релевантность и персонификация. Существующие САОП часто генерируют информационный шум, затрудняющий восприятие ключевых сведений [3]. Авторы видят перспективу во внедрении в САОП интеллектуальных модулей по диалоговому формату общения, целевой выдаче информации в зависимости от статуса и роли пользователя (курсант, преподаватель, командир взвода).

В письме Департамента информационных технологий, связи и защиты информации МВД России от 25.06.2025 № 9/6789 подготовлен перечень информационных систем, необходимых для обеспечения служебной деятельности МВД России. Здесь САОП «Апекс-Вуз» – это информационная система для статистической, аналитической, отчетной информации, составления и проверки учебных планов, создания и контроля методических материалов, расчет и учета нагрузки и т. д.

В Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя рассматриваемая САОП используется около 8 лет, автоматизирована разработка образовательных программ, составление расписаний учебных занятий, учет успеваемости, подготовка документов об образовании и т. д. Рассмотрим некоторые аспекты функционирования САОП: организационные, технологические и кадровые.

Пример организационных аспектов – опыт Университета. Так, учебные планы, рабочие программы учебных дисциплин, рабочие программы практик и ГИА представлены в электронном виде в системе автоматизации образовательного процесса «Апекс-Вуз». При этом до 2025 г. компоненты не имели реквизитов электронного документа (электронной цифровой подписи), что не позволяло установить соответствие указанных компонентов образовательных программ на момент их утверждения ФГОС.

Для устранения данного недостатка Университетом введена процедура утверждения компонентов образовательной программы с реализацией функции прохождения документа по маршруту согласования и дальнейшего утверждения руководителем, что позволяет исключить весенние в них изменений без соблюдения процедуры утверждения. Обеспечено наличие доступа всех членов Методического и Ученого советов Университета в качестве авторизованных пользователей САОП к проектам документов для ознакомления. Внесены соответствующие дополнения в Порядок разработки образовательных программ: компоненты ОПОП, утвержденные электронной подписью руководителя, после завершения их реализации, формируются в номенклатурное дело и передаются в архив университета. Это соответствует приказу МВД России от 29.03.2023

№ 170 «Об утверждении Перечня документов, образующихся в процессе деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, с указанием сроков их хранения».

Вместе с тем уже сейчас очевидна необходимость доработки функционала электронной подписи. Ключевым требованием является расширение интерактивных функций согласования: добавление возможности отклонить или вернуть на доработку с обязательным полем для комментария, а также кнопки делегирования права подписи другому сотруднику. Особое внимание уделяется отслеживанию актуальности подписанных документов: при любом изменении содержания документа в его истории должна автоматически появляться четкая визуальная маркировка (например, красный крестик), указывающая на недействительность ранее проставленной подписи, с фиксацией даты и времени внесения правок.

Актуально и совершенствование интерфейса управления документами. Необходима реализация расширенных возможностей фильтрации и сортировки по таким параметрам, как дисциплина, кафедра, учебный план, дата поступления на подпись, владелец документа и его актуальный статус. Для обеспечения административного контроля также требуется создать отдельную группу прав, предоставляющую ответственным пользователям (например, администраторам системы) полный обзор всех документов, находящихся в процессе согласования, включая детальную историю их движения и статусов.

С целью выявления наиболее острых проблем автоматизации учебного процесса, воспринимаемых непосредственными пользователями системы, нами был проведен опрос сотрудников университета. Полученные данные позволяют сформулировать некоторые технологические аспекты.

Так, результаты анкетирования сотрудников учебных отделов институтов и факультетов университета, курсового звена, а также управления учебно-методической работы, отвечающих за учет, анализ и контроль учебного процесса в подразделениях (n = 48) выявили необходимость модернизации аналитического и мобильного функционала САОП: автоматизации формирования сводных отчетов для анализа успеваемости с детализацией по структурным подразделениям. Необходим ежемесячный автоматический расчет среднего балла, количества обучающихся по категориям («отличники», «имеющие академическую задолженность» и т. д.), формирование списков лучших и отстающих курсантов.

Другое значимое направление – развитие мобильного приложения системы. Руководители курсов и факультетов акцентировали необходимость получения доступа к данным с мобильных устройств (оперативный контроль успеваемости и расписания), функционала автоматических *push*-уведомлений (в режиме реального времени информирование ответственных лиц о фактах получения неудовлетворительных оценок курсантами их подразделения).

Результаты анкетирования указывают также на потребность в инструментах оценки итогов обучения. Так, создание специализированного модуля «Тестирование» может быть реализовано через интеграцию существующих платформ («Апекс-ВУЗ» и *Moodle*) или разработкой собственной концепции. Это позволит разместить в САОП полный фонд оценочных средств, прохождение которых будет напрямую подтверждать формирование у курсантов требуемых компетенций.

Актуальна и автоматизация оформления академического отпуска в новом функциональном модуле личного кабинета курсанта – инициирование процедуры подачей электронного рапорта (заявления) по автоматизированному маршруту со всеми согласованиями. Это позволит формализовать и значительно ускорить процедуру. Для уже находящихся в отпуске возможно продление или досрочное прекращения отпуска. В итоге автоматически генерируется справка об академическом отпуске, заверяемая электронной подписью.

Опрос среди сотрудников методического отдела управления учебно-методической работы, а также руководителей и профессорско-преподавательского состава кафедр (n = 74) указывает на актуальность совершенствования работы с таким элементом образовательных программ, как матрица компетенций, например, в части реализации пакетной загрузки индикаторов компетенций с возможностью их построчного редактирования и четкой привязки. Респонденты настаивают на внедрении функции просмотра матрицы компетенций с индикаторами в реальном времени, а также её автоматизированной проверки на предмет полноты и отсутствия внутренних противоречий.

Следующим результатом анкетирования стала потребность в интеграции в расписание прямого доступа к учебно-методическим ресурсам. Ключевым предложением является добавление к каждому занятию ссылки на методические материалы, обеспечивающей переход в САОП к соответствующим лекциям, презентациям и, в перспективе, к пособиям в ЭБС. Также респонденты настаивают на возможности просмотра рабочих программ непосредственно из расписания в мобильном приложении и функции прикрепления внеаудиторных заданий к конкретным занятиям для синхронизации аудиторной и самостоятельной работы.

В качестве кадрового аспекта функционирования и модернизации САОП выделяется перспектива создания комплексной системы обучающих материалов для всех категорий пользователей. Целесообразна разработка серии кратких (до 1–2 мин) видеороликов, наглядно демонстрирующих решение конкретных практических задач: редактирование состава учебных групп, внесение изменений в штатное расписание кафедр, корректировка расписания и других административных процедур. Отдельный блок может быть посвящен обучающим материалам для курсантов, где в доступной форме будут раскрыты

функциональные возможности системы и алгоритмы их практического применения. Данный подход позволит существенно снизить нагрузку на службу технической поддержки и повысить общую цифровую грамотность пользователей.

Проведенное исследование позволило выявить и систематизировать комплекс актуальных вопросов функционирования систем автоматизации образовательного процесса в ведомственном вузе, которые носят технологический, организационно-управленческий и кадровый характер. На основе эмпирических данных, полученных от различных категорий пользователей, определены ключевые направления развития САОП, способствующие существенному повышению эффективности управления учебным процессом и в конечном итоге качества подготовки специалистов.

Список источников

1. Зинякова К. Ю., Соколова А. В. Использование комплексных систем автоматизации образовательного процесса в ведомственных образовательных организациях Федеральной службы исполнения наказаний России // Бизнес. Образование. Экономика: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 7–8 апреля 2022 г. Минск: Институт бизнеса Белорусского государственного университета, 2022. С. 148–152.
2. Кузнецов М. Ю. Технология оценивания качества формирования научно-исследовательской компетентности адъюнктов/аспирантов с использованием автоматизированной системы «АпексВуз» // Психология и педагогика служебной деятельности. 2025. № 2. С. 106–114.
3. Повышение качества образовательного процесса за счет внедрения автоматизированной информационной системы / Е. А. Никуйко [и др.] // Информационные системы и технологии. 2024. № 5(145). С. 58–65.

Материалы Всероссийского круглого стола «Актуальные вопросы уголовного судопроизводства (памяти Э. И. Воронина)» (28 ноября 2025 года)

УДК 343.98

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СРЕДСТВАМИ КРИМИНАЛИСТИКИ

***Е. В. Буянкина**, преподаватель кафедры криминалистики Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассмотрены основные криминалистические средства и методы предотвращения преступлений. Определены характерные особенности криминалистического предотвращения преступлений. Обозначен ряд проблем, связанных с профилактикой преступной деятельности.

Ключевые слова: предотвращение, криминалистическое предупреждение, профилактика преступности и преступлений, технические средства предотвращения, рост преступлений, взаимодействие.

PROBLEMS OF CRIME PREVENTION BY MEANS OF CRIMINALISTICS

E. V. Buyankina, lecturer of the Department of Criminalistics of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov

The article discusses the main criminalistics means and methods of crime prevention. The characteristic features of criminalistics crime prevention are determined. A number of problems related to the prevention of criminal activity are outlined.

Keywords: prevention, forensic prevention, crime prevention and crime control, technical means of prevention, growth of crimes, interaction.

Говоря о предотвращении преступлений, затрагиваем прежде всего профилактику и предупреждение преступной деятельности.

Предупреждение преступлений является одной из основных задач деятельности полиции. Так, в соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» основными задачами полиции являются защита прав и свобод человека и гражданина, борьба с преступностью, а также предупреждение правонарушений и преступлений [4]. Пункт 1 ст. 2 УК Ф определяет одной из задач кодекса предупреждение преступлений: «…и, как известно, целью уголовного наказания является предупреждение совершения новых преступлений» [4, ст. 43]. В соответствии с УИК РФ одной из целей уголовно-исполнительного законодательства является предупреждение преступлений осужденными и предупреждение совершения преступлений иными лицами [2]. Согласно УПК РФ «Обстоятельства, подлежащие доказыванию» при производстве по уголовному делу, наряду с доказыванием события преступления, виновности лица в совершении преступления и прочего, «подлежат выявлению также обстоятельства, способствующие совершению преступления» [3, ч. 2 ст. 73]. В соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ дознаватель, следователь имеют право вносить в соответствующую организацию или должностному лицу представление о принятии мер по ликвидации обстоятельств, которые способствовали совершению преступления, которое подлежит рассмотрению с обязательным уведомлением о принятых мерах не позднее одного месяца со дня его вынесения [3; 7, с. 77].

Вопросы законодательного регулирования профилактической и предупредительной деятельности в стране не раз затрагивались учеными. Закономерности преступности в целом, отдельных видов преступлений во всех их проявлениях, детерминации и причин преступности изучает криминология, и ее основные средства и методы лежат в основе понимания предупредительной деятельности полиции.

Криминалистика и криминология занимаются разработкой мер предупреждения преступности, но предметом криминалистики являются только специальные, в основном технические, меры предупреждения преступлений, основанные на познании закономерностей механизма преступления, возникновения информации о нем, работы с доказательствами; предмет криминологии – разработка широкой системы предупредительных мер, в которую входят как элемент и криминалистические меры.

В криминологических исследованиях особое место занимают конкретно-социологические методы. К ним относится комплекс методов, который напрямую относится и применим к криминалистике. Выделяют такие методы, как изучение документов, опросы в форме анкетирования интервью, наблюдение, эксперимент.

Криминалистическое предупреждение преступлений предполагает использование специализированных методов и инструментов, направленных на выявление и устранение факторов, способствующих совершению преступлений [9, с. 74].

История становления криминалистического предотвращения преступлений началась ещё в первой половине XX в. Уже в 60-е гг. прошлого столетия отечественные ученые начали выделять особую роль правоохранительных органов в предупреждении преступлений помимо их традиционной функции по раскрытию и расследованию [1].

Выдающийся ученый-правовед Г. Н. Александров относил к криминалистическому предупреждению все методы предупреждения преступлений. В его работах рассматривается система мер по предупреждению преступности, включающая в себя как общую профилактику (воздействие на социальные процессы и предпосылки преступности), так и индивидуальную, направленную на конкретных лиц. Ученый-криминалист С. П. Митричев видел криминалистическое предупреждение в создании и внедрении технических приемов и средств предупреждения, а также рассматривал тактические приемы и методы предупреждения. Вопросом криминалистических средств предупреждения преступлений, с технической точки зрения, занимались многие ученые, такие как: Н. В. Терзиев, А. И. Винберг, А. Н. Васильев, Г. М. Миньковский, В. К. Звирбуля, В. Е. Эминов. Также криминалистическое предупреждение рассматривается в работах В. Ф. Зудина, В. П. Колмакова, И. Я. Фридмана. Научные изыскания основоположников криминалистического предупреждения преступлений положили начало формирования современного подхода к пониманию роли криминалистики в борьбе с преступностью. Однако до настоящего времени не существует общепризнанного мнения о том, какие средства и методы предотвращения преступлений относятся к числу криминалистических.

Современными исследователями криминалистического предупреждения преступлений являются: И. Я. Фридман (диссертация «Предупреждение преступлений с помощью технико-криминалистических средств»), М. Е. Игнатьев

(диссертация «Криминалистическая теория и практика установления причинно-следственных связей в расследовании преступлений»), М. М. Шапиевич (диссертация «Проблемы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений»), Иванов И. И. (диссертация «Криминалистическая превенция: Комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив») и др.

Существующие криминалистические средства и методы предотвращения преступлений делят:

– на средства и методы установления причин и условий, способствовавших совершению или сокрытию преступлений. Это включает анализ материалов уголовных дел, статистики, выявление общих тенденций и разработку рекомендаций по улучшению мер профилактики. Например, изучение материалов уголовных дел по кражам автомобилей может привести к рекомендациям по улучшению систем сигнализации и парковки;

– средства и методы получения информации о готовящихся преступлениях. Также становится возможным лишь во взаимодействии с иными службами;

– средства и методы защиты различных объектов от преступных посягательств и создания благоприятных условий для возникновения доказательственной информации. Например, создание систем видеонаблюдения и другие методы технической защиты. Эти меры основаны на понимании способов совершения преступлений и позволяют эффективно предотвращать их совершение. Например, установка камер наблюдения и датчиков движения помогает предотвратить кражи и нападения.

К данным способам предупреждения можем отнести разработку технических и тактических мер профилактики, а также взаимодействие между подразделениями (следственные, оперативные, криминалистические подразделения, подразделения по делам несовершеннолетних, участковые уполномоченные полиции и др.), социальными службами и организациями. Полные, достоверные сведения о современных тенденциях преступности, особенностях личности преступников и их поведении позволят заблаговременно провести необходимую профилактическую работу.

Несмотря на значительные достижения в области криминалистического предупреждения преступлений, существуют определенные проблемы. Так, например, многие научные разработки остаются недостаточно внедренными в практику правоохранительных органов. Более того, расширенное нормативно-правовое регулирование вопросов профилактики преступной деятельности при раскрытии и расследовании разных видов преступлений затрудняет осуществление предупредительных мер на практике. Только перечень нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, насчитывает более двадцати наименований. Отсутствует единый подход к предупреждению преступлений.

Рост преступлений, совершаемых с помощью информационно-коммуникационных технологий. Данная тенденция требует создания специальных подразделений для предупреждения и расследования такого рода преступлений, требуется расширение штата экспертов, выполняющих компьютерные экспертизы [8, с. 98].

Еще одной проблемой является нехватка ресурсов: недостаточное финансирование и отсутствие квалифицированных кадров ограничивают возможности эффективной борьбы с преступностью. Данная проблема связана и с некомплектом личного состава МВД России. Общее количество вакансий в МВД России в марте 2025 г. достигло 172 тыс., заявил министр внутренних дел МВД России Колокольцев В. А. По его словам, деятельность полиции «существенно затруднена» [6].

Перспективы развития криминалистического предупреждения преступлений связаны с внедрением новых технологий и развитием общего междисциплинарного, межведомственного подхода. Важно учитывать современные тенденции в развитии технологий и адаптироваться к новым видам преступлений.

Таким образом, средства криминалистического предупреждения преступлений играют важную роль в профилактике преступлений, способствуют снижению уровня преступности. Они включают выявление обстоятельств, способствующих совершению преступлений, разработку методов и средств предупреждения, а также взаимодействие с иными службами, подразделениями, организациями. Эффективное использование этих средств способствует снижению уровня преступности.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изм., одобрен. в ходе общерос. голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ: ред. от 07.04.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 31.07.2025 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 15.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: ред. от 31.07.2025 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Колокольцев заявил, что МВД не хватает больше 170 тыс. сотрудников // URL: https://www.rbc.ru/politics/05/03/2025/67c8375a9a794797bf603045 (дата обращения: 23.10.2025).

7. Магомедов Д. Б. Законодательное регулирование предупреждения и профилактики преступности в Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. 2013. № 4.
8. Жердев П. А. Тактические особенности изъятия электронных носителей информации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2015. № 4 (33). С. 98.
9. Жердев П. А., Усенко О. В. К вопросу о преодолении противодействия расследованию компьютерных преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 4 (61). С. 74.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В БОРЬБЕ С КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ

***Т. А. Васильева**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с оказанием международной правовой помощи правоохранительным органам при расследовании киберпреступлений. В последние годы взаимоотношения между Россией и рядом некоторых стран осложнены политическим контекстом. В то же время рост исследуемой преступности в стране неумолимо устремлен вверх, а попытки повлиять на успешное раскрытие противоправных деяний становятся тщетны в силу отказа многих стран в содействии.

Ключевые слова: международное сотрудничество, правовая помощь, киберпреступления, информационно-телекоммуникационные технологии, мошенничество, недружественные страны.

ON THE EFFECTIVENESS OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE SPHERE OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE FIGHT AGAINST CYBERCRIMES IN THE CONTEXT OF SANCTIONS IMPACT ON THE RUSSIAN FEDERATION

***T. A. Vasilyeva**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article examines issues related to the application of international agreements on ancillary measures in cybercrime investigations. In the current context, the political context complicates the relationship between Russia and some neighboring countries. At the same time, the country's crime rate is steadily increasing, while the practice of gradually solving criminal offenses is leading many countries to abandon coexistence.

Keywords: international cooperation, legal assistance, cybercrime, information and telecommunications technologies, fraud, unfriendly countries.

Частью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] предусмотрено международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства. К числу первых шагов на пути к его реализации является направление запроса о правовой помощи иностранным государствам. В частности, из ст. 453 уголовно-процессуального законодательства следует, что при необходимости производства на территории зарубежного государства следственных или иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, компетентный орган или должностное лицо вносит запрос об их производстве правомочным органам конкретного государства в соответствии с международным договором РФ, международным соглашением или на основе принципа взаимности.

Механизмы правовой помощи и взаимодействия между государствами в исследуемой области сложны, регулируются значительным объемом нормативно-правовых документов и имеют свои особенности, связанные как с национальным законодательством стран, так и состоянием международных отношений.

Существуют и иные факторы, оказывающие влияние на совместную деятельность государств, но остановимся более подробно на вышеуказанных.

Одной из ключевых проблем в области криминогенной обстановки на сегодняшний день в России являются киберпреступления. Термин сам по себе охватывает большой круг противоправных деяний. Чаще всего на территории нашей страны распространены мошенничества, совершенные посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ).

Как показывает статистика, предоставленная Министерством внутренних дел РФ (далее – МВД России), в период с января по сентябрь 2025 г. совершено 265,8 тыс. актов мошенничества, из которых лишь 27,9 тыс. раскрыто, что составляет 10,5 % от количества совершенных преступлений [9].

Рассматривая аналогичные показатели за предыдущий год, можно отметить схожие результаты. Совершено 281,9 тыс. преступлений, раскрыто 30,2 тыс., что составляет 10,7 % [8].

Более того, проанализированы и соответствующие периоды 2022 и 2023 гг. По данным статистики, показатели раскрываемости среди мошенничеств, совершенных посредством использования ИТТ, остаются приблизительно на одном и том же уровне [7, 6].

Во многом такие данные обусловлены значительным количеством сторонних факторов, связанных с развитием методик совершения преступлений, информационных технологий и др. По нашему мнению, сложности с раскрытием

и расследованием таких преступлений обусловлены не только приведенными выше проблемами, но и с ограниченными возможностями взаимодействия в области международного уголовного судопроизводства с рядом стран.

С началом проведения специальной военной операции Вооруженными силами РФ на территории Украины в феврале 2022 г. во взаимоотношениях правоохранительных органов России со своими зарубежными коллегами за рубежом произошли существенные изменения, а сотрудничество Генеральной прокуратуры РФ с подавляющим числом стран Восточной и Западной Европы по вопросам экстрадиции обвиняемых прекратилось [5, с. 88].

Из последних данных, предоставленных Генеральной прокуратурой РФ по поводу международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, известно, что по состоянию на сентябрь 2024 г. иностранными государствами было отказано в удовлетворении 67 запросов о выдаче, из них 14 – по политическим мотивам. В число стран, отказавшихся от сотрудничества, вошли Австрия, ФРГ, Канада, Латвия, Польша, Словакия, Словения, Финляндия и Чехия.

«После начала специальной военной операции проявления русофобии в западных странах, прежде всего в государствах Европейского союза, достигли такого уровня, что правоохранительные органы этих стран в ряде случаев отказались от сотрудничества с Россией в угоду международной преступности», – заявили в Генеральной прокуратуре РФ.

Тем не менее, сотрудничество продолжают Сербия, Черногория, ОАЭ и Греция. За восемь месяцев компетентными органами перечисленных стран Российской Федерации выдано 120 лиц и исполнено 283 запроса о правовой помощи [3].

Несмотря на, казалось бы, впечатляющие результаты сотрудничества с некоторыми странами, следует отметить, что большинство киберпреступлений совершаются лицами, находящимися на территории некоторых «недружественных» стран, входящих в перечень, утвержденный Распоряжением Правительства РФ № 430 [2] в 2022 г.

Одним из ярких примеров является то, что по сведениям ФСБ России координация мошеннических действий осуществляется с территории Украины, в которой по состоянию на май 2025 г. действует от 120 до 150 колл-центров, причем реализация таких противоправных действий осуществляется с помощью использования информационной инфраструктуры городов Украины и отдельных стран Европейского союза. Здесь же уточняется, что совокупный ущерб от преступлений, совершенных с использованием ИТТ в 2024 г., составил более 170 млрд рублей [10].

Основываясь на приведенных фактах, можно сказать, что имущественный вред, причиненный гражданам РФ и ее отдельным категориям граждан, с каждым годом приобретает все более тенденциозные показатели. Число зарегистрированных преступлений растет, соответственно увеличивается и сумма негативных имущественных последствий.

Такая динамика преступности неблагоприятна и для органов государственной власти, поскольку требует значительных экономических и временных затрат, значительно смещает фокус внимания с решения тождественных и не менее важных задач, направленных на успешную реализацию политики РФ.

Таким образом, противодействие и борьба с ростом киберпреступности в значительной мере укрепляет позиции государства и требует активного международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, однако в условиях санкционного давления на Россию вынуждены отметить, что страны, содействующие в росте такой преступности, естественным образом не заинтересованы в таком благоприятном для нашей страны исходе, а потому активно отказывают в правовой помощи.

Тем не менее, отмечаются некоторые тенденции на пути к укреплению международного сотрудничества. Так в сентябре 2025 г. делегация руководства НЦБ Интерпола МВД России приняла участие в шестом заседании экспертной рабочей группы Интерпола по отслеживанию и возврату активов, полученных преступным путем, в ходе которого представители стран США, Италии, Колумбии, Новой Зеландии и других государств определили дальнейшие шаги по укреплению рабочих контактов и совместному противодействию экономическим преступлениям, коррупции и организованной транснациональной преступности.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 27.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 05.03.2022 № 430-р: ред. от 29.10.2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Генпрокуратура: страны Запада отклоняют запросы РФ по политическим мотивам // Официальный сайт Вести. URL: https://www.vesti.ru/article/4180408 (дата обращения: 20.11.2025).
4. Делегация руководства НЦБ Интерпола МВД России приняла участие в 6-м заседании экспертной рабочей группы Интерпола по отслеживанию и возврату активов, полученных преступным путем // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola/Publikacii_i_vistuplenija/item/69927395/ (дата обращения: 20.11.2025).
5. Карлеба В. А. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства – новые реалии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 8. 162 с.

6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2022 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. URL: https://мвд.рф/reports/item/ 33388812/ (дата обращения: 20.11.2025).
7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2023 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. URL: https://мвд.рф/reports/item/ 42989123/ (дата обращения: 20.11.2025).
8. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2024 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. URL: https://мвд.рф/reports/item/ 56672721/ (дата обращения: 20.11.2025).
9. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2025 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. URL: https://мвд.рф/reports/item/ 72174303/ (дата обращения: 20.11.2025).
10. О противодействии мошеннической деятельности // Официальный сайт ФСБ России. URL: http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm!id=10440275@fsbMessage.html (дата обращения: 20.11.2025).

УДК 343.13

ПРАВОВОЙ СТАТУС СВИДЕТЕЛЯ И ЕГО ЗАЩИТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

***О. А. Голубева**, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России;*

***Ю. В. Загайнова**, доцент кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России*

В статье рассматриваются ключевые вопросы правового статуса свидетеля в уголовном процессе и механизмы его защиты при расследовании преступлений. Анализируются процессуальные права и обязанности свидетеля в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ), особенности реализации гарантий прав личности, участвующей в уголовном процессе, включая право на защиту, участие с адвокатом, отказ от дачи показаний против себя и близких лиц. Освещаются меры государственной защиты свидетелей, а также ответственность за дачу заведомо ложных показаний и отказ от сотрудничества с органами следствия.

Ключевые слова: уголовный процесс, правовой статус, свидетель, процессуальные гарантии, государственная защита.

LEGAL STATUS OF A WITNESS AND THEIR PROTECTION DURING CRIME INVESTIGATION

***O. A. Golubeva**, senior lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;*

***Y. V. Zagaynova**, associate professor of the Department of Criminal Procedure of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Law*

The article discusses the key issues of the legal status of a witness in a criminal trial and the mechanisms for protecting them during the investigation of crimes. It analyzes the procedural rights and obligations of a witness under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as the specifics of ensuring the rights of individuals involved in criminal proceedings, including the right to defense, the right to be rep-

resented by a lawyer, and the right to refuse to testify against oneself or close relatives. The article also covers the measures of state protection for witnesses, as well as the responsibility for giving false testimony and refusing to cooperate with the investigative authorities.

Keywords: criminal proceedings, legal status, witness, procedural guarantees, state protection.

В уголовном судопроизводстве свидетель занимает особое место как источник информации, обладающий знаниями об обстоятельствах, имеющих значение для расследования и разрешения уголовного дела. Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) и Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) устанавливают комплексный механизм защиты прав свидетелей, включающий как процессуальные гарантии при дознании и следствии, так и специальные меры государственной защиты в случае угрозы его жизни, здоровью или имуществу.

Согласно ч. 1 ст. 56 УПК РФ свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний [2].

Правовой статус свидетеля в уголовном судопроизводстве характеризуется как определёнными обязанностями, к которым относятся запрет на уклон от явки по вызову дознавателя или свидетеля без уважительных причин, на дачу заведомо ложных показаний и на разглашение данных предварительного следствия; так и существенными правами, которые закреплены в ч. 4 ст. 56 УПК РФ [4, с. 77].

Одним из основополагающих прав свидетеля является его возможность отказаться от дачи показаний в определённых, законодательно закреплённых ситуациях. Это право берет свое начало из фундаментального принципа справедливости, гарантируется ст. 51 Конституции РФ [1]. Оно позволяет свидетелю не свидетельствовать против самого себя, а также против своего супруга и других кровных родственников. Существенным инструментом защиты прав свидетеля является его право иметь при себе адвоката, которое закреплено в ст. 189 УПК РФ. Эта норма приобретает особую актуальность на стадии предварительного расследования, когда свидетель может оказаться под давлением или подвергнуться иному неправомерному воздействию.

Немаловажным правом свидетеля является возможность ознакомления с составленным протоколом допроса, что предусмотрено ст. 166 УПК РФ. Это позволяет свидетелю убедиться в точности и полноте зафиксированных его показаний. В случае обнаружения неточностей, искажений или упущений, свидетель имеет полное право требовать внесения соответствующих исправлений и дополнений в протокол, что обеспечивает достоверность его показаний и их соответствие действительности.

Свидетель также имеет право выразить своё несогласие с содержанием протокола. Если свидетель не согласен с изложенными в протоколе сведениями, он может отказаться от его подписания, при этом обязательно указав причины такого отказа. Фиксация волеизъявления свидетеля об отказе от дачи показаний в протоколе приобретает статус не только неотъемлемой процессуальной гарантии, но и выступает защитной мерой против нарушений, обеспечивая легитимность досудебного производства. Таким образом, свидетель трансформируется в активного субъекта, содействующего всестороннему и полному выяснению истины, не оставаясь лишь наблюдателем.

Таким же важным правом свидетеля является его законное право инициировать применение соответствующих мер безопасности. Реализация данного права осуществляется посредством подачи мотивированного ходатайства, основанного на положениях ч. 3 ст. 11 УПК РФ, что является фундаментальной гарантией защиты от потенциальных угроз. Эти меры направлены на защиту жизни, здоровья и имущества свидетеля, а также его близких родственников, в случаях, когда существуют реальные угрозы их безопасности в связи с участием в уголовном судопроизводстве. И стоит отметить, что свидетель не может быть принудительно подвергнут судебной экспертизе или освидетельствованию. Эта норма, закрепленная в ч. 5 ст. 56 УПК РФ, является важным ограничением принудительных мер, применяемых к свидетелям.

На допрос свидетель вызывается с помощью повестки, в которой указываются дата и время проведения допроса, кто и в каком процессуальном статусе в нем участвует, к кому и по какому адресу отправлена повестка, а также последствия неявки без уважительных причин. Если лицо, в данном случае – свидетель, не пребывает на допрос, то к нему могут быть применены как повторное извещение (повестка), так и привод или денежное взыскание.

Перед допросом свидетель предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний. Затем следователь выслушивает показания и фиксирует их в протоколе допроса свидетеля, если имеются неясности, то допрашиваемому задаются дополнительные вопросы. По окончании допроса свидетеля ознакамливают с протоколом допроса, в котором он потом ставит подпись.

Обеспечение справедливости и законности в уголовном судопроизводстве напрямую зависит от готовности граждан сообщать достоверные сведения о преступлениях. Для этого законодательство РФ предоставляет свидетелям ряд существенных процессуальных гарантий и мер защиты, призванных обезопасить их от неправомерного давления и обеспечить возможность свободного волеизъявления.

Допрос проводится по месту производства следствия, однако следователь вправе провести его по месту нахождения свидетеля, учитывая различные

обстоятельства (например, состояние здоровья). Продолжительность допроса строго ограничена – он не может длиться непрерывно более 4 часов, а общий временной лимит в течение дня составляет 8 часов, что гарантирует защиту свидетеля от физического и психологического истощения. Перед началом допроса, как предписывает статья 189 УПК РФ, свидетель должен быть надлежащим образом предупрежден об уголовной ответственности за предоставление заведомо ложных показаний или отказ от дачи показаний. Эта мера подчеркивает серьезность его процессуального статуса и последствия, связанные с нарушением данной обязанности. Важной гарантией является право свидетеля являться на следственные действия в сопровождении адвоката. Присутствие адвоката существенно помогает в правильном формулировании ответов, разъяснении правовых аспектов и обеспечении соблюдения прав самого свидетеля.

Помимо процессуальных гарантий, федеральное законодательство, в частности Федеральный закон № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [3], предусматривает комплекс мер государственной защиты. Эти меры применяются, если имеются достаточные основания полагать, что свидетелю, его близким родственникам, родственникам или иным близким лицам угрожает убийство, насилие, уничтожение или повреждение имущества, либо иные опасные противоправные деяния. К таким мерам относятся: физическая защита, включающая охрану, изменение внешности, предоставление документов с измененными анкетными данными, переселение в безопасное место, оказание материальной поддержки и содействие в трудоустройстве, а также обеспечение конфиденциальности личности при участии в уголовном процессе.

Статья 11 УПК РФ также конкретизирует меры безопасности, которые могут быть применены в рамках уголовного процесса. При реальной угрозе жизни, здоровью или имуществу свидетеля допускается изъятие его личных данных из протокола следственного действия, с заменой полного имени на псевдоним. Для обеспечения безопасности при проведении опознания, свидетель может участвовать в следственном действии без визуального наблюдения опознаваемым лицом. В судебном заседании, по ходатайству свидетеля, суд может принять решение о проведении закрытого заседания или допросе свидетеля без оглашения его личных данных, что также служит целям защиты.

Проблемы защиты свидетелей включают недостаточное финансирование и ресурсное обеспечение мер безопасности, что делает их формальными и не всегда эффективными. Также существует сложность и длительность процедуры назначения мер защиты, а также недостаточная координация между ведомствами. Для решения данных проблем необходим комплексный подход. Необходимо увеличить государственное финансирование программ защиты свидетелей, которые будут обеспечивать защиту свидетеля не на формальном

уровне, а реально и продуктивно. Также следует ускорить и упростить процесс назначения мер защиты, возможно, путем внедрения более гибких критериев оценки угроз и расширения оперативных полномочий сотрудников. Кроме того, стоит проводить информационные кампании для повышения осведомленности граждан о праве на защиту и механизмах её получения, а также укреплять доверие к правоохранительной системе.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изм., одобрен. в ходе общерос. голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
4. Коновалов С. И., Моторин А. С. Система уголовно-процессуальных гарантий, детерминирующая производство допроса // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. Вып. 1. Ч. II. С. 77–85.

УДК 343

МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

***Д. С. Димидов**, начальник отдела методического обеспечения и контроля за оперативно-служебной деятельностью управления уголовного розыска УМВД России по Хабаровскому краю*

В статье исследуется феномен массовых мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в контексте стратегических документов, определяющих политику Российской Федерации в сфере национальной и экономической безопасности. На основе анализа данных, полученных в результате исследования одного из ликвидированных мошеннических колл-центров, доказывается, что данные преступления эволюционировали в системную гибридную угрозу, посягающую на основы экономического суверенитета и общественной безопасности. Автор предлагает детализированную классификацию методов атак, анализирует зарубежный опыт противодействия подобным преступлениям и обосновывает необходимость дифференцированного подхода к их квалификации. С учетом анализа современных подходов к криминализации диверсионной деятельности вносятся предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: кибермошенничество, экономическая безопасность, национальная безопасность, стратегия, экономическая диверсия, уголовное право, квалификация преступления, гибридная угроза, информационно-коммуникационные технологии, колл-центр, социальная инженерия.

MASS FRAUD USING INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES AS A THREAT TO NATIONAL SECURITY: CRIMINAL LAW ASPECT

***D. S. Dimidov**, head of the Department for Methodological Support and Control of Operational Activities of the Criminal Investigation Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Khabarovsk Territory*

The article examines the phenomenon of mass fraud committed using information and communication technologies (ICT) in the context of strategic documents defining the policy of the Russian Federation in the field of national and economic security. Based on the analysis of data obtained from the study of one of the eliminated fraudulent call centers, it is proved that these crimes have evolved into a systemic hybrid threat that undermines the foundations of economic sovereignty and public security. The author proposes a detailed classification of attack methods, analyzes foreign experience in combating such crimes and substantiates the need for a differentiated approach to their qualification. Taking into account the analysis of modern approaches to the criminalization of sabotage activities, specific proposals are made to improve the Criminal Code of the Russian Federation, including the introduction of a special qualifying feature, and the prospects for international cooperation are detailed, taking into account possible implementation difficulties.

Keywords: cyber fraud, economic security, national security, strategy, economic sabotage, criminal law, qualification of crime, hybrid threat, information and communication technology, call center, social engineering.

Проблема распространения мошенничеств с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ-мошенничества) на современном этапе приобретает особую актуальность. Так, по оценке Global Anti-Scam Alliance (GASA), совокупный годовой ущерб от мошенничества в мире превысил 1,03 трлн долларов США, что составляет почти 1 % мирового ВВП [14]. В России, по оценкам Сбербанка, основанным на анализе трафика мошеннических звонков, общий ущерб в 2024 г. составил не менее 295 млрд рублей, при этом до 90 % атак исходило с территории Украины [16]. Эти цифры свидетельствуют не просто о криминальной эпидемии, а о возникновении новой формы гибридной угрозы, требующей адекватного уголовно-правового ответа.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации определяет одним из национальных приоритетов «государственную и общественную безопасность», а также «экономическую безопасность». В ней прямо констатируется, что «растет число преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий», а их предупреждение и пресечение отнесены к числу основных задач обеспечения государственной и общественной безопасности [3]. Реалии цифровой эпохи характеризуются тем, что «практически каждое третье преступление совершено в информационно-коммуникационной сфере» [6], что требует адекватной оценки новых рисков.

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года к числу основных угроз относит «высокий уровень криминализа-

ции и коррупции в экономической сфере» и «сохранение значительной доли теневой экономики» [4]. ИКТ-мошенничества являются одним из наиболее латентных и доходных проявлений такой криминализации. Масштабы ущерба, как справедливо отметил Президент России В. В. Путин, достигли «недопустимых размеров». По данным МВД России, в 2024 г. каждое второе киберпреступление – это мошенничество (около 380 тыс. случаев), при этом раскрываемость едва превышает 10 %, а совокупный финансовый ущерб составил более 188 млрд рублей [15].

Для мошеннической деятельности с использованием ИКТ характерно активное использование колл-центров. В качестве примера организованной преступной деятельности рассмотрим колл-центр, ликвидированный в г. Бердянске.

Исследование, проведенное Сбербанком на основе анализа данных, изъятых при ликвидации колл-центра в г. Бердянске, выявило индустриальный характер данной преступной деятельности [16]. Установлено, что такой колл-центр представляет собой не разрозненную группу, а элемент сложной сетевой структуры с четким разделением труда: «звонари» (1-я линия), «клоузеры» (2-я линия), техническая поддержка, группа закупки и «пробива» баз данных. Для управления использовались Telegram-чаты, а для оперативной работы – специализированная CRM-система [16]. Это подтверждает транснациональный и организованный характер преступной деятельности, который прямо соотносится с задачей противодействия «внешним и внутренним угрозам» экономическому суверенитету [4].

Анализ практики совершения данных преступлений, проведенный специалистами Сбербанка и сотрудниками МВД России, позволяет систематизировать методы атак по двум основным векторам. Систематизация необходима для разработки адресных мер противодействия, позволяя дифференцировать методы нейтрализации социально-психологического воздействия и технические средства его обеспечения.

1. Социально-психологические методы (социальная инженерия), направленные на манипуляцию сознанием жертвы.

Имитация авторитетных источников. Использование детализированных скриптов, симулирующих звонки от сотрудников служб безопасности банков, правоохранительных органов.

Создание искусственного цейтнота и паники. Сценарии, требующие от жертвы немедленных действий для подавления критического мышления.

Фишинг и его целенаправленные варианты. Массовая рассылка писем и СМС-сообщений, создание клонов интернет-банков и государственных порталов.

2. Технические средства взлома и обеспечения анонимности, создающие инфраструктуру для реализации социальной инженерии.

Использование IP-телефонии и сервисов подмены номеров для маскировки под официальные номера.

Применение облачной инфраструктуры и зарубежных серверов для размещения фишинговых ресурсов.

Использование шифрованных мессенджеров и специализированного преступного ПО для координации действий и управления базами данных.

Симбиоз этих методов формирует комплексную гибридную угрозу, где техническая составляющая усиливает эффективность психологического воздействия.

Ключевым аргументом в пользу квалификации массовых ИКТ-мошенничеств как гибридной угрозы является использование инструментов гибридного воздействия. Анализ переписки и данных бердянского колл-центра указывает на то, что часть похищенных средств направлялась на финансирование Вооруженных сил Украины, о чем мошенники напрямую заявляли своим жертвам [15]. Это позволяет рассматривать такие преступления не только как способ незаконного обогащения, но и как форму экономической диверсии, направленную на ослабление РФ, что полностью соответствует определению «непрямых методов, направленных на провоцирование долговременной нестабильности» [3].

Для обоснования новой квалификационной парадигмы обратимся к диспозиции ст. 281 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) «Диверсия». Объективная сторона включает такие действия, как «совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на подрыв экономической безопасности».

Проведенный анализ, подкрепленный эмпирическими данными, позволяет утверждать, что массовые ИКТ-мошенничества, особенно совершаемые организованными транснациональными группами, подпадают под признаки «иных действий».

1. Прямое воздействие на экономику. Массированное изъятие средств у населения и юридических лиц, достигающее сотен миллиардов рублей, является прямым посягательством на экономическую безопасность и стабильность.

2. Использование современных деструктивных технологий. Скоординированные кибератаки на финансовый сектор с использованием вредоносного программного обеспечения, фишинга и колл-центров являются современным аналогом разрушительных действий в цифровой среде.

3. Наличие дестабилизирующей цели. Подрыв экономической стабильности, дискредитация государственных институтов и финансирование враждебных действий создают «прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам» [3].

Косвенными признаками умысла, направленного на подрыв безопасности, могут служить следующие.

Целевой «пробив» и атаки на финансово уязвимые категории граждан или сотрудников стратегических предприятий.

Синхронизация волн мошеннических атак с иными дестабилизирующими событиями.

Прямые заявления мошенников жертвам о финансировании деструктивной деятельности, что не только усиливает психологическое давление, но и раскрывает не только корыстные, но и идеологические мотивы организаторов.

Однако прямое применение ст. 281 УК РФ к мошенничествам проблематично из-за сложности доказывания специального умысла, направленного именно на подрыв экономической безопасности. Судебная практика по ст. 281 УК РФ складывается преимущественно вокруг случаев физического разрушения имущества [13]. Эта правовая коллизия указывает на пробел в законодательстве.

В соответствии с федеральным законом «О безопасности», обеспечение безопасности включает в себя «правовое регулирование в области обеспечения безопасности» и «разработку и применение комплекса оперативных и долговременных мер по выявлению, предупреждению и устранению угроз безопасности» [2]. Для адекватной реализации этих положений применительно к ИКТ-мошенничествам предлагается следующий комплекс мер.

1. Введение специального квалифицирующего признака в ст. 159 УК РФ.

Целесообразно дополнить ст. 159 УК РФ частью 8 следующего содержания: «Мошенничество, совершенное организованной группой, в особо крупном размере, с использованием информационно-коммуникационных технологий и направленное на дестабилизацию экономической обстановки или подрыв экономической безопасности Российской Федерации».

Данная мера позволит учесть повышенную общественную опасность деяния, не требуя при этом доказывания прямого умысла на диверсию, что является основной проблемой применения ст. 281 УК РФ. Наказание должно быть сопоставимо с санкциями за диверсию (лишение свободы на срок от 10 до 15 лет).

2. Совершенствование процессуальных механизмов доказывания.

Необходимо закрепить в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ) особенности доказывания по таким делам. Для эффективного расследования ИКТ-мошенничеств требуется также решить фундаментальную проблему использования результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД).

В науке уголовного процесса доминируют две позиции относительно использования результатов ОРД: одни ученые (М. П. Поляков, А. В. Земскова, В. К. Зникин, С. В. Зуев) допускают их преобразование в доказательства при наличии правового механизма [12], другие (А. Р. Белкин, Е. А. Доля, А. Ю. Шумилов, В. И. Зажицкий) отрицают такую возможность, рассматривая результаты ОРД лишь как информационный источник [9]. Сложившийся подход, основанный на решениях Конституционного [7] и Верховного [8] судов РФ 1990-х гг., препятствует прямому использованию результатов ОРД в качестве доказательств,

требуя их повторного закрепления процессуальными средствами. Это приводит к затягиванию расследования и неоправданной нагрузке на следователей.

Предлагается дополнить ст. 74 УПК РФ частью 3 следующего содержания: «В качестве доказательств допускаются результаты оперативно-розыскной деятельности, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, проведенных на основании судебного решения, если они отвечают требованиям настоящего Кодекса и содержат сведения, установление которых путем процессуальных действий невозможно или нецелесообразно».

Изложить ст. 89 УПК РФ в новой редакции, четко регламентирующей использование результатов ОРД в доказывании по уголовным делам.

Кроме того, в рамках предлагаемых правок в УПК РФ следует закрепить возможность использования в доказывании:

– данных финансового мониторинга и трафикового анализа (исходные IP-адреса, паттерны атак);

– заключения экспертов в области экономической безопасности и IT-форенсики подтверждающие способ совершения преступления и его влияние на экономическую безопасность.

3. Усиление международного сотрудничества с учетом современных геополитических реалий.

Учитывая, что до 90 % атак на граждан России исходит с территории Украины [16], приоритет должен быть смещен на площадки дружественных и нейтральных стран. Необходимо активно инициировать на площадках ШОС, БРИКС и ОДКБ разработку многосторонних соглашений, которые признавали бы массовые транснациональные ИКТ-мошенничества, наносящие ущерб экономической безопасности государств-участников, актами экономической агрессии, а также создавали упрощенные механизмы оперативного взаимодействия правоохранительных органов.

Массовые мошенничества, совершаемые с использованием ИКТ, эволюционировали в мощный инструмент гибридного воздействия, реально угрожающий экономическому суверенитету и национальной безопасности РФ. Их индустриальный, транснациональный и идеологически мотивированный характер требует адекватного законодательного ответа.

Реализация предложенного комплекса мер будет способствовать созданию надежного правового барьера на пути этой системной гибридной угрозы.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: ред. от 1 сентября 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О безопасности: федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ: ред. от 10 июля 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.10.2025).
4. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Рос. Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.10.2025).
5. О представлении Президенту Российской Федерации предложения о подписании Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронном формате, относящимися к серьезным преступлениям: Постановление Правительства Рос. Федерации от 21 октября 2025 г. № 1630 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.10.2025).
6. Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 30 декабря 2024 г. № 4154-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.10.2025).
7. Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 4 февраля 1999 г. № 18-О по жалобе граждан М. Б. Никольской и М. И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: Постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 31 октября 1995 г. № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2005.
10. Глазырин С. И. Современный уголовно-правовой подход к обеспечению обороноспособности и экономической безопасности Российской Федерации путем установления запрета на осуществление диверсионной деятельности // Искусство правоведения. 2023. № 4. С. 41–46.
11. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М.: Проспект, 2014.
12. Земскова А. В. Теоретические основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2002.
13. Канкулов А. Х., Степанова Т. В. Вопросы правоприменительной практики по новым статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, направленным на противодействие диверсионным акциям // Аграрное и земельное право. 2023. № 3(219). С. 45–48.

14. Мошенники – угроза, сопоставимая с глобальными катаклизмами // Информационное агентство. 2025. 21 марта. URL: https://example.com (дата обращения: 17.10.2025).
15. Обзор состояния преступности в России за январь – декабрь 2024 года // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф (дата обращения: 12.10.2025).
16. Отчет о противозаконной деятельности колл-центров телефонных мошенников // Аналитический центр ПАО «Сбербанк». 2024. URL: https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/investigations/berdyansk-vvedenie (дата обращения: 13.10.2025).
17. Сергеев Д. Р., Любименко О. А., Савватеева О. В. Мошенничество в сети Интернет как угроза экономической безопасности государства // Теоретическая экономика. 2020. № 3. С. 76–84.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ПРОИЗВОДСТВА НЕКОТОРЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ ЛИЦ, ПРОХОДЯЩИХ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ В ЗОНЕ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

***Д. А. Добрынин**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена вопросам, связанным с перспективами производства некоторых уголовно-процессуальных действий при участии лиц, проходящих военную службу на территории проведения специальной военной операции. Анализируя научную литературу по данной проблематике, автор приходит к умозаключению о том, что учеными-процессуалистами уделено достаточно большое внимание институтам приостановления и прекращения уголовного дела и уголовного преследования в отношении подозреваемых и обвиняемых, заключивших контракт о прохождении военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время, но недостаточно освещены вопросы, связанные с проблематикой производства некоторых следственных действий с участием данных лиц. Именно эти аспекты и являются предметом научного исследования.

Ключевые слова: следственные действия, уголовно-процессуальные действия, специальная военная операция, военнослужащий, уголовно-процессуальные механизмы, отпуск.

ON THE QUESTION OF CRIMINAL PROCEDURAL POSSIBILITIES FOR CONDUCTING CERTAIN INVESTIGATIVE ACTIONS INVOLVING PERSONS DOING MILITARY SERVICE IN THE ZONE OF A SPECIAL MILITARY OPERATION

***D.A. Dobrynin**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.F. Shilov*

The article examines the prospects for certain criminal procedural actions involving individuals serving in the military in the territory of a special military operation. Analyzing the scholarly literature on this topic, the author concludes that while procedural scholars have devoted considerable attention to the mechanisms for suspending and terminating criminal proceedings and criminal prosecutions against suspects and defendants who have signed contracts for military service during mobilization, martial law, or wartime, they have not adequately addressed the issues surrounding certain investigative actions involving these individuals. These aspects are the subject of this research.

Keywords: investigative actions, criminal procedural actions, special military operation, military personnel, criminal procedural mechanisms, leave.

В настоящее время отечественная правоприменительная практика столкнулась с весьма специфичным для себя явлением. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] претерпел изменения, связанные с появлением особых правил судопроизводства в отношении подозреваемых и обвиняемых, заключивших контракт о прохождении военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время. Предпосылки такой модернизации ознаменованы началом проведения специальной военной операции (далее – СВО) в феврале 2022 г. Вооруженными силами Российской Федерации (далее – ВС РФ) на территории Украины и, ввиду этого, резким изменением политической обстановки на международной арене. Следствием таких преобразований стали введение в УПК РФ новых для уголовно-процессуального права модели прекращения уголовного преследования, закрепленной в ст. 28.2 и основания для приостановления предварительного расследования по уголовному делу согласно ч. 1 п. 3.1 ст. 208 в связи с призывом на военную службу или подписанием контракта о прохождении военной службы в вышеуказанные периоды.

Если проанализировать научную литературу по данной проблематике, складывается следующая парадигма: учеными-процессуалистами уделено достаточно большое внимание институтам приостановления и прекращения

уголовного дела и уголовного преследования в отношении подозреваемых и обвиняемых, находящихся на военной службе, однако малой огласке в научных кругах подвержены смежные области исследований. Так, например, по мнению автора, примечательна для рассмотрения проблема производства следственных действий с участием военнослужащих, являющихся участниками СВО; она проявляется во многих аспектах и не имеет детерминированной зависимости от процессуального статуса военнослужащего.

Опираясь на рассмотренные теоретические подходы, перейдем к анализу конкретных данных.

В складывающихся реалиях, возможность участия военнослужащего, находящегося на территории проведения СВО, в следственных действиях при расследовании того или иного уголовного дела затруднена, но достижима.

С точки зрения правоприменительной практики, может показаться, что отсутствие в деле показаний таких лиц не всегда оказывает ключевую роль в эффективности предварительного расследования, а сбор доказательственной базы может быть достигнут альтернативным путем. Тем не менее, учитывая тот факт, что на военной службе сегодня находится большое количество мужчин, занимающих различное социальное положение в обществе, показания, данные ими в результате производства следственных действий, могут являться крайне ценными для доказательной базы элементами. Особенно примечательны те лица, которые имеют уголовно-процессуальные статусы стороны защиты, поскольку нередко они так или иначе связаны с криминальным миром, и им могут быть известны те факты и обстоятельства, которые могут быть неочевидны многим законопослушным гражданам.

Резюмируя вышесказанное, важно отметить, что уголовно-процессуальный инструментарий лица, осуществляющего предварительное расследование, включает в себя возможность производства отдельных следственных действий с помощью использования систем видео-конференц-связи. Такими, согласно ст. 189.1 УПК РФ, являются: допрос, очная ставка и опознание. Опять же возникает вопрос, связанный с реализацией такой возможности ввиду специфики деятельности военнослужащих. Вместе с тем в ряде случаев боевые действия проходят вблизи населенных пунктов, находящихся под контролем ВС РФ, на территории которых могут осуществлять свою деятельность правоохранительные органы. При возможности и особой необходимости участник СВО может посетить их для дачи соответствующих показаний в предложенном автором порядке.

Представленный метод не претендует на прагматичность, но имеет место быть в теории.

Более приближённым к реальности выступает классический способ производства следственных действий, имплементация которого связана не только

с правовыми, но и внешними факторами – проведение уголовно-процессуальных действий в период отпуска военнослужащего, гарантируемого рядом нормативно-правовых актов.

Рассматривая правовой аспект, следует отметить, что ч. 5 ст. 11 федерального закона «О статусе военнослужащих» [2] лицам, заключившим контракт с Министерством обороны РФ (далее – МО РФ) о прохождении военной службы, ежегодно предоставляется основной отпуск, который составляет от 30 суток и более в зависимости от льготного исчисления (выслуги). Мобилизованные приравниваются к лицам, заключившим контракт. Это следует из Указа Президента РФ «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» [3]. Более того, из письма МО РФ от 15 августа 2023 г. «О предоставлении отпусков военнослужащим, призванным на военную службу по мобилизации» [4] известно, что указанной категории лиц отпуск предусмотрен не реже одного раза в 6 месяцев продолжительностью не менее 14 суток без учета времени на проезд к месту проведения отпуска и обратно.

В совокупности с внешними факторами проблематика производства следственных действий в период отпуска военнослужащего, на взгляд автора, заключается в краткосрочном периоде нахождения военнослужащего вне территории проведения СВО и на основе этого нежелания лиц использовать время отпуска в целях, не связанных с личными интересами.

Рассмотрев правотворческую деятельность, можно предположить, что данная проблема находится на рассмотрении субъектов, обладающих законодательной инициативой. Лишь в текущем году в Государственную Думу РФ (далее – ГД РФ) внесено два законопроекта, направленные на увеличение отпуска военнослужащим по окончании прохождения военной службы с 28 календарных дней до 35. Апрельский законопроект № 888502–8 О внесении изменений в статью 115 Трудового кодекса Российской Федерации [5], был отклонен, однако в ноябре текущего года в ГД РФ внесен «обновленный» законопроект № 1068559–8 О внесении изменения в статью 16 Федерального закона «О ветеранах» [6], предлагающий смежные льготы, но уже для ветеранов боевых действий, объединив тем самым все категории лиц, которые принимают участие в СВО.

Возможно, такие преобразования повлекут за собой в том числе и постепенное увеличение срока отпуска непосредственно при несении службы в условиях боевых действий.

Возвращаясь к теме исследования, стоит обратить внимание на то, что недостижимость производства следственных действий с участием военнослужащих может быть связана и с тем, что к моменту их пребывания в отпуске уголовное дело, по которому так важны были показания участника СВО, может находиться на последующих стадиях уголовного судопроизводства, не связанных

с производством предварительного расследования. С другой же стороны, возможность произвести следственное действие с участием военнослужащего может являться основанием для возобновления предварительного расследования по уголовному делу, поскольку могут выясниться те обстоятельства преступления, которые ранее не могли быть известны правоохранительным органам.

Размышляя над вопросами возобновления уголовного дела, важно упомянуть и тот аспект, что нахождение в отпуске подозреваемых и обвиняемых, заключивших контракт о прохождении военной службы в период проведения СВО, с фактической точки зрения предоставляет возможность органам предварительного расследования дополнительно произвести те или иные уголовно-процессуальные действия в целях достижения целей назначения уголовного судопроизводства. С правовой же точки зрения такой механизм невозможен в силу того, что основанием приостановления уголовного дела в отношении подозреваемого или обвиняемого является призыв или заключение ими контракта о прохождении военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время, а не сам факт их нахождения в зоне СВО.

Таким образом, представленное исследование позволяет утверждать, что несмотря на фактические сложности, связанные с правоприменением, механизмы производства следственных действий в отношении лиц, принимающих участие в СВО, в уголовно-процессуальном законодательстве действительно имеются, однако в силу складывающихся в данный момент времени реалиях некоторые из них нуждаются в адаптации, которая и поспособствует практическому применению положений уголовно-процессуального законодательства.

В качестве возможных путей модернизации представлено два ключевых аспекта: стимулирование участников СВО в содействии правоохранительным органам, например внесением изменений в соответствующее законодательство о предоставлении к основному отпуску дополнительного военнослужащим в целях производства органами предварительного расследования следственных действий с их участием и возможность возобновления уголовного дела в период отпуска подозреваемых и обвиняемых, призванных на военную службу или заключивших контракт о прохождении военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время.

Комплексное изучение этих вопросов в рамках последующих научных изысканий представляется актуальным.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 27.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О статусе военнослужащих: федер. закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ: ред. от 12.02.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 21.09.2022 № 647. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О предоставлении отпусков военнослужащим, призванным на военную службу по мобилизации: письмо Министерства обороны Рос. Федерации от 15.08.2023 № 308/4/8598. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант.Ру».
5. Законопроект № 888502–8 О внесении изменений в статью 115 Трудового кодекса Российской Федерации // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/888502–8 (дата обращения: 20.11.2025).
6. Законопроект № 1068559–8 О внесении изменения в статью 16 Федерального закона «О ветеранах» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1068559–8 (дата обращения: 20.11.2025).

УДК 343.9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТ

А. Д. Жарикова, *адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассмотрены основные и наиболее перспективные направления внедрения и эксплуатации искусственного интеллекта в системе МВД России. Проведен анализ научных трудов в области правоохранительной деятельности и применения в ней технологий искусственного интеллекта. Автором проанализированы наиболее важные организационные и правовые проблемы, препятствующие эффективному внедрению искусственного интеллекта в правоприменительную деятельность. Рассмотрены перспективные пути преодоления противодействия расследованию.

Ключевые слова: криптовалюта, электронное средство платежа, искусственный интеллект, киберпреступление, блокчейн.

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO THE USE OF CRYPTOCURRENCIES

A. D. Zharikova, *postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article discusses the main and most promising areas of implementation and operation of artificial intelligence in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The analysis of scientific works in the field of law enforcement and the use of artificial intelligence technologies in it is carried out. The author analyzes the most important organizational and legal problems that hinder the effective implementation of artificial intelligence in law enforcement activities. Promising ways to stop obstruction of the investigation are considered.

Keywords: cryptocurrency, electronic mean of payment, artificial intelligence, cybercrime, blockchain.

Совершенствование телекоммуникационных средств связи оказывает влияние на формирование новых финансовых инструментов, с образованием которых повышается уровень криминализации российского общества. Виртуальная валюта и связанные с ней финансовые услуги хотя и обладают потенциалом для стимулирования финансовых инноваций и расширения доступа к финансовым услугам, однако появляется вместе с тем возможность использовать это в преступных целях при легализации (отмывании) преступных доходов и финансировании террористической деятельности [1, с. 37]. Природа электронных платежей заключается в их способности игнорировать территориальные ограничения, что дает преступным формированиям возможность организовывать и проводить операции в мировом масштабе.

Электронные платежные системы становятся все более привлекательными для преступников, что приводит к устойчивому увеличению числа и объема правонарушений, в то время как традиционные методы расследования преступлений отстают в своем развитии. Это создает прямую угрозу экономической безопасности государства и финансовым правам граждан. Жертвой данных преступлений может быть каждый, что вызывает значительный общественный резонанс и обостряет социальную напряженность. В связи с этим возникает острая необходимость в создании действенных мер для обеспечения безопасности граждан. Преступные действия характеризуются многоаспектностью, охватывая такие составы преступлений, как мошенничество (ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), легализация (отмывание) доходов (ст. 174, 174.1 УК РФ), неправомерный оборот средств платежа (ст. 187 УК РФ) и преступления в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ).

Сложность отслеживания финансовых потоков, особенно при использовании анонимных электронных кошельков и множества промежуточных счетов, создает серьезные препятствия для правоохранительных органов, которые не обладают достаточными возможностями для быстрого и качественного решения этой проблемы. Поскольку транзакции, IP-адреса, логи серверов носят виртуальный и непостоянный характер, что требует разработки специальных методик их обнаружения, фиксации и процессуального оформления. В связи с этим внедрение технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) – это не просто многообещающая перспектива, а насущная потребность для обновления и повышения эффективности работы правоохранительных органов.

Под ИИ понимаются программные алгоритмы, способные к обучению и анализу данных для решения задач, традиционно требующих человеческого интеллекта. Суть ИИ заключается в создании систем, способных к самостоятельному мышлению и обучению, подобно человеку, но без необходимости

постоянного вмешательства человека в их работу. Применительно к расследованию преступлений в сфере криптовалют можно выделить несколько основных направлений применения ИИ.

Выявление подозрительных транзакций и схем отмывания денег. В отличие от человека, ИИ способен обрабатывать огромные массивы данных в реальном времени, выявляя сложные схемы, скрытые от человеческого понимания. «Цифровой мозг» способен распознавать признаки использования миксеров (coin join), тумблеров (tumblers) и других методов сокрытия источника средств. Кроме того, алгоритмы, используемые ИИ, могут определять транзакции, связанные с известными преступными субъектами, например, кошельками ransomware-групп или скомпрометированных бирж, автоматически помечая их как подозрительные.

Кластеризация адресов и деанонимизация. Несмотря на то, что блокчейн (система хранения и передачи информации) записывает не личности, а лишь хеш-коды (уникальные символы, созданные для защиты данных или транзакций) публичных ключей (адресов), его прозрачность позволяет проводить сетевой анализ, являющийся одним из методов использования ИИ. Алгоритмы ИИ, используя анализ общих входов транзакций, позволяют автоматически группировать несколько адресов, не связанных между собой, принадлежащих одному пользователю или сервису (бирже, миксеру). Данный метод, именуемый кластеризацией, представляет собой основополагающий этап в процессе деанонимизации и визуализации финансовых потоков. Такие платформы, как Chainalysis или Elliptic, уже активно используют данные технологии для создания карт транзакций и идентификации подозрительных кластеров. Интеллектуальный анализ открытых источников (OSINT) и данных даркнета. Значительный объем информации о криптопреступниках можно обнаружить на различных онлайн-площадках, включая форумы, социальные сети, мессенджеры и теневой интернет (даркнет). Обработка естественного языка (NLP) как часть ИИ дает возможность автоматизировать процессы сканирования, анализа и структурирования информации. Используя алгоритмы, можно идентифицировать упоминания криптовалютных адресов, распознавать мошеннические схемы и обнаруживать скоординированные преступные действия. Это дает возможность установить связь между цифровым псевдонимом и реальной личностью, формируя тем самым доказательственную базу.

Характер работы ИИ неразрывно связан с первоначальными данными, на основе которых он обучался. Если эти данные не отражают действительность или содержат замаскированные искажения, «цифровой мозг» неизбежно будет воспроизводить и усиливать эти искажения. Подобные действия могут привести к серьезным последствиям, в частности к повышенному риску отмывания денег, что в свою очередь может вызвать несправедливость в отношении

добросовестных граждан и ошибки в осуществлении правосудия. Внедрение ИИ в правоприменительную практику, несмотря на его криминалистическую перспективность, ставит перед юридической наукой и законодательством сложные задачи, требующие тщательного изучения и правового регулирования.

В соответствии со ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), доказательства должны быть получены в установленном законом порядке. Выводы, генерируемые алгоритмами ИИ, представляют собой результат машинной обработки и вызывают целый спектр нерешенных вопросов. Как можно надежно проверить и подтвердить логику, лежащую в основе этих машинных «рассуждений»? Каков правовой статус заключений, полученных от ИИ? Проблема так называемого «черного ящика», при которой даже создатели ИИ не могут полностью объяснить внутренние механизмы принятия решений, делает невозможным для стороны защиты эффективное оспаривание «показаний алгоритма». Это ставит под угрозу основополагающие принципы состязательности и непосредственного исследования доказательств. Благодаря развитию ИИ, расследование преступлений, связанных с криптовалютами, выходит на новый уровень, преодолевая барьеры, присущие традиционным методикам расследования преступлений.

Для снижения юридических рисков и повышения результативности уголовного преследования, представляется целесообразным следующее.

1. Необходимо установить законодательные стандарты для оценки и подтверждения надежности алгоритмов ИИ, используемых правоохранительными органами. Эти стандарты должны гарантировать, что работа «цифрового мозга» будет прозрачной, поддающейся контролю и что его решения будут понятны и объяснимы.

2. Инициировать внесение изменений в УПК РФ, направленных на определение процессуального статуса доказательств, полученных с помощью ИИ. Необходимо установить процедуру их оформления, исследования и оценки в правоприменительной практике, что определит благоприятные возможности расследования преступлений в разумный срок [2].

3. Создать специализированные обучающие программы для сотрудников правоохранительных органов, направленные на формирование компетенций в области цифровой криминалистики и понимания принципов работы ИИ.

4. стимулировать международное партнерство, выходящее за рамки традиционной правовой помощи, и направленное на обмен инновационными технологиями, алгоритмами и передовыми подходами к применению ИИ для противодействия транснациональной киберпреступности

Таким образом, только комплексный, системный подход, сочетающий технологическое развитие с глубокой проработкой правовых аспектов, позволит использовать потенциал ИИ в полной мере, обеспечивая при этом незыблемость принципов справедливого правосудия.

Список источников

1. Жердев П. А., Мерецкий Н. Е., Белозерова А. Д. Криминалистические данные об использовании криптовалюты в финансировании экстремизма // Правовая культура России: современное состояние и тенденции развития: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. ДВГУПС. 2019. С. 37.
2. Нуриев И. Н. Уголовно-процессуальный механизм осуществления досудебного производства в разумный срок: моногр. М., 2024. 224 с.

УДК 343.9

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ OSINT* В КАЧЕСТВЕ ИНСТРУМЕНТА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

П. А. Жердев*, профессор кафедры криминалистики Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук, доцент*

В исследовании анализируются предпосылки развития информационных технологий и систем поиска в интернете. Рассматриваются возможности использования технологии OSINT для анализа и проверки криминалистически значимой информации о преступлениях и лицах, их совершивших.

Ключевые слова: компьютер, программа, информация, поиск, интернет, преступник.

SOME FEATURES OF USING OSINT TECHNOLOGY AS A TOOL FOR COUNTERING CYBERCRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION

P. A. Zherdev*, professor of the Department of Criminalistics of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

This study analyzes the prerequisites for the development of information technologies and search systems on the Internet. It examines the possibilities of using OSINT technology for analyzing and verifying forensic information about crimes and the perpetrators.

Keywords: computer, program, information, search, Internet, criminal.

* OSINT (Open Source Intelligence) – разведка по открытым источникам. Это программа, которая собирает, анализирует и распространяет разведывательную информацию, полученную из публично доступных источников. К открытым источникам относятся: медиа, публичные государственные данные, профессиональные и академические публикации, коммерческие данные, социальные сети, форумы и т. д.

Преступления в сфере экономической деятельности сегодня в нашей стране, как и во все мире, увеличиваются в своем количестве. Наибольшее распространение среди них получили кражи с банковского счета и мошеннические действия, направленные на хищение электронных денежных средств путем обмана или злоупотреблением доверием граждан [1, с. 98].

Согласно исследованию Главного информационно-аналитического центра МВД России (далее – ГИАЦ МВД России), на современном этапе посредством использования информационной базы, которая представлена в виде криминалистической учетной базы, отмечено раскрытие менее трети всех преступлений, которые совершены в нашей стране. Информационно-аналитические технологии в деятельности правоохранительных органов используются не в полной мере, что обусловило остроту проблемы разработки и внедрения информационного и аналитического обеспечения деятельности правоохранительной сферы обновленных и современных технологий, инновационного инструментария, что будет способствовать профилактической работе, предупреждению, раскрытию преступной деятельности, в частности в киберпространстве.

С учетом принимаемых мер и системного обеспечения в части информационно-аналитического анализа оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов, статистический показатель случаев совершения краж и мошенничеств, от общего числа зарегистрированных киберпреступлений во всем мире, составляет 60 %, что почти вдвое выше по сравнению с другими странами. В связи с этим мероприятия по внедрению в деятельность правоохранительных органов современных автоматизированных информационных систем и программно-технических комплексов имеет большую актуальность. Положительным фактором криминалистического обеспечения, в настоящее время являются:

– внедрение типовых программных решений в части интеграции накопленных, систематизированных и обобщенных информационных данных;

– организация единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности полиции (ИСОД МВД России);

– проведение категоризации базовых подходов и определение уровней сформированности информационной базы в стране в целом, в субъектах страны в частности;

– оптимизация уровней доступа и системы порядка сбора информации, определена рациональность технико-криминалистического оборудования и ресурсов.

Данные мероприятия были направлены на упорядочивание и системную организацию всех базовых связей подразделений различных уровней правоохранительной системы – от районного до федерального. Ряд современных информационных технологий, которые поставлены на вооружение в оператив-

ной и служебной деятельности правоохранительных органов, предназначены для использования с целью формирования информационной базы, текстовой документации и т. д.

Применение анализа информации, размещенной в открытых источниках, с помощью различных платформ, ботов и архивов может помочь установить отдельные обстоятельства преступления, после чего зафиксированные материалы проверки могут послужить основанием для возбуждения уголовного дела. Использование полученных доказательств поможет установить отдельные эпизоды преступления в рамках ранее возбужденного уголовного дела (например, время, место, обстановка, способ совершения, мотив, личность преступника и потерпевшего и др.). Указанные возможности обеспечат расследование преступлений в разумный срок [3].

Стоит отметить, что в 2022 г. в подразделениях МВД России впервые было осуществлено обучение специалистов в таких направлениях, как маркетинг в социальных сетях (Social Media Marketing), мероприятия по увеличению видимости сайта в поисковых системах (Search Engine Optimization), а также киберразведка.

В работе оперативно-тактического направления и при решении ряда задач стратегического значения очень важной будет информационно-аналитическая работа. В частности, стоит отметить координацию функционирования различных структурных единиц и ведомств правоохранительной системы в части борьбы с преступлениями, особенно в интернете, в том числе и на международном уровне.

Изучение многолетнего опыта и сферы деятельности в области решения информационных и аналитических задач правоохранительных органов различных ведомств, характеризуется системным, четко спланированным противодействием в области борьбы с преступностью. На основе этого необходимо сформулировать основные принципы работы информационно-аналитических подразделений ведомственного аппарата:

– своевременность выявления в криминальной среде подозрительных элементов, которые представляют интерес в оперативной деятельности;

– систематизация, формирование и накопление данных оперативных, розыскных и экспертно-криминалистических учетов;

– интегрирование различных оперативных и разыскных сведений на основе учетов органов внутренних дел (далее – ОВД) для анализа оперативной ситуации на объектах и для проверки следственных, оперативно-разыскных версий;

– использование интегрированных информационных ресурсов для осуществления планомерной аналитической работы, с учетом применения разнообразных форм, особенно с учетом использования такой технологической базы, как OSINT, что позволит получить сведения о преступнике с источников информации в текстовом и графическом виде.

Предпосылки создания эффективного программно-аппаратного комплекса на основе технологии OSINT для решения задач борьбы с киберпреступлениями предоставит полиции дополнительные ресурсы для увеличения скорости реакции на компьютерные инциденты, причем не только в IT-сфере, но и при раскрытии корыстно-насильственных преступлений.

Для работы с данными в технологии OSINT используются следующие специализированные инструменты.

OSINT Framework – веб-инструмент, который структурирует ссылки на ресурсы OSINT по категориям, таким как социальные сети, анализ доменов и IP-адреса.

Google Dorks – использует специальные поисковые операторы Google для поиска информации, которая не отображается при обычном поиске.

Shodan – поисковая система для поиска устройств, подключённых к интернету (IoT, камеры, серверы), и выявления уязвимостей в этих устройствах.

Maltego – инструмент для визуализации и анализа данных, помогает выявлять взаимосвязи между различными объектами, такими как домены, IP-адреса и люди. Например, идентификация пользователей информационно-телекоммуникационных ресурсов вполне осуществима через деанонимизацию пользователей VPN-сервисами с помощью сторонних сайтов, сопоставления соединений, использования cookie-файлов (текстовых файлов, собираемых веб-сайтами и содержащих данные о пользователе), анализа отпечатков браузера и других методов [2, с. 98].

К наиболее важным возможностям технологии OSINT как инструмента по противодействию киберпреступности и решению задач правоприменительной деятельности ОВД относятся:

1) разработка чат-ботов для эффективного поиска разыскной информации о способах подготовки, совершения и сокрытия следов преступной деятельности;

2) совершенствование облачных технологий для обеспечения безопасности в отношении сведений, составляющих конфиденциальную информацию и персональных данных граждан. Использование цифровых технологий в оперативной деятельности увеличивает уровень конфиденциальности сведений, составляющих государственную и иные виды тайн;

3) создание информационных баз данных и систем для ускорения поиска криминалистической важной информации о преступлении;

4) разработка онлайн-устройств для упрощения работы с цифровыми носителями и информационными массивами данных;

5) продвижение компонентов ИИ для выдвижения и обоснования следственных версий, криминалистического прогнозирования вероятных событий и фактов;

6) улучшение функциональности баз данных для обработки информации, сгенерированной с помощью технологии OSINT.

Вследствие быстро меняющейся информационной среды, вышеуказанные направления обуславливают необходимость последующего всестороннего изучения и построение грамотной стратегии работы правоохранительных органов. В этой связи важную роль по внедрению технологии OSINT выступает налаживание эффективного сотрудничества между ОВД и компаниями, занимающимися информационными технологиями.

Список источников

1. Жердев П. А. Тактические особенности изъятия электронных носителей информации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2015. № 4 (33). С. 98.
2. Кочергин Я. А. Использование открытых источников информации (OSINT) в следственной и оперативно-розыскной деятельности // Вестник науки. 2025. № 5 (86). Том 3. С. 509.
3. Нуриев И. Н. Уголовно-процессуальный механизм осуществления досудебного производства в разумный срок: моногр. М., 2024. 224 с.

УДК 343.98

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

П. А. Жердев, *профессор кафедры криминалистики Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук, доцент;*

Е. Р. Клюзова, *курсант Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

Н. М. Обоскалова, *курсант Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматриваются современные возможности использования информационно-технического и экспертно-криминалистического обеспечения в процессе раскрытия и расследования преступлений. Обосновывается позиция авторов о переходе на электронные формы хранения идентификационной информации в целях дальнейшего их использования в качестве доказательств по уголовным делам.

Ключевые слова: расследование, исследование, следственное действие, информационная система, экспертно-криминалистический учет.

MODERN POSSIBILITIES OF USING FORENSIC ACCOUNTING IN THE ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

P. A. Zherdev, *professor of the Department of Criminalistics of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor;*

E. R. Klyuzova, *cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

N. M. Oboskalova, *cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article examines the modern possibilities of using information technology and forensic expertise in the process of solving and investigating

crimes. The article substantiates the position of the authors on the transition to electronic forms of storage of identification information, in order to further use them as evidence in criminal cases.

Keywords: investigation, research, investigative action, information system, forensic accounting.

Современные научно-технические достижения оказывают большое влияние на все сферы человеческой жизни, в том числе на характер и способы совершения преступлений и правонарушений. В таких условиях ранее разработанная методика их выявления и расследования часто становится неэффективной. Все возрастающее значение приобретает совершенствование деятельности судебно-экспертных учреждений в строгом соответствии с ее основными принципами – законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридических лиц, а также объективности, всесторонности и полноты исследований [1, с. 143].

Современные вызовы, связанные с усложнением преступных схем, ростом киберугроз и транснациональным характером преступности, требуют от правоохранительных органов применения высокотехнологичных инструментов, способных обеспечить оперативный доступ к данным, их обработку и анализ в условиях ограниченного времени и высокой ответственности. В выступлении В. В. Путина на расширенном заседании Коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) 5 марта 2025 г., Президент РФ обозначил задачу во взаимодействии с другими профильными ведомствами – искать новые, более эффективные методы борьбы с этой угрозой, в том числе в рамках единой системы противодействия подобным преступлениям**.

Для решения сложившихся проблем авторы видят необходимость выработки такого комплекса мер, назначением которого будет являться повышение эффективности применяемых средств в борьбе с преступлениями. К предлагаемым мерам относятся: создание и введение автоматизированных информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность, создание автоматизированных информационно-поисковых систем технико-криминалистического назначения; исследование и внедрение инструментов, способных анализировать большие объемы данных, функционирующих на основе технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ); совершенствование выявления, раскрытие и расследование преступлений переводом осуществления такой деятельности в ведение машинного оборудования (роботизация). По мнению ученых, задачей цифровизации в уголовном судопроизводстве в первую очередь является оптимизация и ускорение разбирательства, с уменьшением нагрузки на должностных лиц, которые осуществляют производство по уголовному делу, так и реализация прав или исполнение обязанностей перед гражданами РФ.

** URL: http://kremlin.ru/events/president/news/76408 (дата обращения: 20.11.2025).

Использование информационных технологий (далее – ИТ) в практической деятельности предполагает не просто техническую поддержку работы следователя, а интеграцию современных программных продуктов, компьютерных сетей, баз данных и специализированных криминалистических учетов в оперативно-следственную деятельность. В этом контексте ИТ выступают как универсальный инструмент для повышения эффективности, точности и скорости принятия решений в ходе досудебного производства.

Особая роль отводится криминалистическим учетам – специализированным информационным системам, аккумулирующим сведения о преступлениях, подозреваемых, доказательствах, вещественных уликах и других элементах, имеющих значение для раскрытия и расследования преступлений. Современное состояние таких учетов в сочетании с возможностями ИТ позволяет перейти от фрагментарного подхода к построению единого цифрового пространства, обеспечивающего взаимодействие всех участников уголовного процесса.

Интеграция компьютерных технологий в криминалистическую деятельность на современном этапе развития науки и практики представляет собой неотъемлемую составляющую процесса раскрытия и расследования преступлений. В условиях цифровой трансформации информационные и компьютерные технологии становятся универсальным инструментом, позволяющим оперативно получать, анализировать и использовать криминалистически значимую информацию. Их применение охватывает все этапы расследования: от осмотра места происшествия до формирования экспертного заключения и процессуального оформления доказательств.

Компьютерные технологии на уровне следственных действиях для поиска и фиксации криминалистически значимой информации выступают как средства фиксации, извлечения и первичного анализа доказательственной информации. К ним относятся:

– цифровые устройства для осмотра места происшествия;

– усовершенствованные приборы с функцией визуализации и встроенным программным обеспечением;

– средства записи звука и видео, а также технологии автоматической транскрипции;

– цифровая фотосъемка с возможностью 3D-моделирования обстановки на месте происшествия.

ИТ активно внедряются и в сферу оперативно-разыскной деятельности, которая тесно сопряжена с уголовным судопроизводством. Здесь особенно востребованы средства обнаружения цифровых следов преступной деятельности – извлечение информации с мобильных устройств, персональных компьютеров, серверов и облачных хранилищ. Применяются специализированные

программно-аппаратные комплексы, такие как Cellebrite UFED, «Мобильный криминалист» и др., способные преодолевать защиту данных и обеспечивать их восстановление.

Федеральные, региональные и международные криминалистические учеты (включая базы Интерпола) играют ключевую роль в идентификации лиц, транспортных средств, орудий преступления и других объектов. Разрабатываются и внедряются аппаратно-программные комплексы («Поток», «АвтоУраган», «Безопасный город»), обеспечивающие:

– распознавание госномеров автомобилей;

– поиск лиц по фотороботам;

– фиксацию нарушений;

– сквозное отслеживание перемещений подозреваемых.

Эти системы обеспечивают не только поиск, но и анализ полученных данных с последующей интеграцией в следственные и розыскные процессы.

Создание Единой информационно-аналитической системы МВД России (ИСОД) и аналогичной платформы Следственного комитета РФ стало важным шагом в унификации и централизации правоохранительной информации. Эти системы обеспечивают:

– обмен сведениями между ведомствами;

– автоматизацию учета и контроля материалов дел;

– проведение дистанционных следственных действий (допросов, опознаний и очных ставок), что стало возможным после введения ст. 189.1 УПК РФ.

В судебной экспертизе информационные технологии применяются в автоматизации аналитических процессов: от сбора экспериментальных данных (с помощью спектрометров, хроматографов и др.) до анализа изображений в почерковедческой, трасологической и баллистической экспертизах. Важным направлением становится внедрение ИИ для решения экспертных задач, в том числе – в идентификационных и диагностических процедурах.

На современном этапе развития криминалистики цифровизация криминалистических учётов и использование ИТ становятся неотъемлемым условием повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений. Е. Р. Россинская считает, что важной составляющей этой системы являются автоматизированные информационно-поисковые системы, формируемые на основе цифровых технологий. Они заменяют традиционные картотеки, обеспечивая более быстрый доступ к данным, автоматизированный анализ и интеграцию с другими цифровыми ресурсами [3, с. 23].

Одним из направлений успешной цифровизации криминалистических учётов является переход на электронные формы хранения идентификационной информации. Для объектов, чьи признаки можно зафиксировать в виде описания или изображения (например, отпечатки пальцев, оттиски печатей, образцы

подписей и т. п.), такой переход, как правило, не вызывает методологических трудностей и реализуется с использованием стандартных систем управления базами данных (СУБД). Примерами таких реализованных проектов являются дактилоскопическая система АДИС «Папилон», базы данных «Оттиск», «Абрис», «Девиза-М», а также учёты поддельных денежных знаков и ценных бумаг – «Знак». Эти системы стали важным элементом оперативного обеспечения следственно-розыскной деятельности.

Однако значительно сложнее обстоит ситуация с цифровизацией справочно-вспомогательных учётов, ведущихся экспертно-криминалистическими подразделениями МВД России и другими ведомствами. В отличие от формализованных дактилоскопических или трасологических учётов, эти фонды – так называемые справочно-информационные фонды (СИФы) – включают натурные коллекции и специализированные базы данных, предназначенные для экспертных исследований. Их содержимое охватывает широкий спектр объектов: от самородного золота и огнестрельного оружия до волос животных и наркотических веществ.

Справочно-информационные фонды формируются преимущественно в инициативном порядке. Их основное назначение – обеспечение сравнительного материала для диагностических и идентификационных экспертиз. Ключевыми требованиями к таким образцам являются:

– соответствие по происхождению (достоверность);

– наличие устойчивых признаков, значимых для экспертизы;

– достаточное количество экземпляров, позволяющее выявить вариативность признаков.

Эти параметры критически важны для допустимости и достоверности выводов судебных экспертов.

Несмотря на важность справочно-информационных фондов для экспертной практики, в правовом аспекте их статус остаётся неурегулированным. Российское законодательство не устанавливает порядок формирования и ведения справочно-информационных фондов, что порождает ряд проблем. Во-первых, справочно-информационные фонды создаются разрозненно – в рамках отдельных ведомств, без механизмов координации или обмена данными между ними. Во-вторых, такие фонды часто не соответствуют актуальному уровню развития технологий и объектов исследований, особенно в условиях стремительно развивающейся цифровой среды.

Особую озабоченность вызывает ситуация с доступом негосударственных судебно-экспертных учреждений к этим фондам. В соответствии с существующей практикой, справочно-информационные фонды, сформированные в государственных судебно-экспертных учреждениях, не подлежат распространению за пределами соответствующих ведомств. Это приводит к тому, что негосударственные учреждения вынуждены создавать собственные справочные фонды,

достоверность, актуальность и правовая обоснованность которых нередко вызывают сомнения как у специалистов, так и у судебных инстанций.

Таким образом, несмотря на определённые достижения в цифровизации криминалистических учётов, остаётся необходимость системного реформирования этого направления. Требуется:

– разработка унифицированных стандартов ведения цифровых справочно-информационных фондов;

– создание общегосударственной нормативной базы, регулирующей использование справочно-информационных фондов;

– внедрение механизмов межведомственного взаимодействия, включая безопасный обмен данными;

– обеспечение равного доступа к проверенным источникам сравнительного материала для всех судебно-экспертных учреждений, независимо от формы собственности.

Цифровизация криминалистических учётов не только ускоряет и упрощает процесс расследования, но и позволяет обеспечить высокую степень доказательной надёжности экспертных выводов. Однако для полноценной реализации этого потенциала необходимо преодоление институциональных и правовых барьеров, а также развитие единых цифровых платформ с надёжной системой контроля и верификации информации.

В заключение приходим к выводам, что общество в современных условиях всесторонне окружено информационными коммуникациями, образуя новые требования к правоохранительным органам, полиции в частности. Актуальность обеспечения информационной безопасности и защиты прав граждан вызывает необходимость объединения и включения современных технологий в деятельность сотрудников ОВД. Указанные возможности обеспечат расследование преступлений в разумный срок [2].

Острая нуждаемость в специалистах, способных работать с телекоммуникационными системами и современными средствами документооборота, что благоприятно сказывается на качестве работы правоохранительных органов. Использование цифровых технологий в оперативной деятельности увеличивает уровень конфиденциальности сведений, составляющих государственную и иные тайны.

Научно-технический прогресс является основополагающим элементом в деятельности по противодействию преступности, что с учётом оперативной обстановки позволяет правоохранительным органам с успехом опережать действия преступников, которые используют те же сервисы и службы. В общем и целом, всесторонний подход к проблемам информационной безопасности, внедрение новых ИТ и подготовка специалистов остаются значимыми составляющими в обеспечении защиты прав и свобод граждан, а также в охране общественного

порядка и обеспечении общественной безопасности. Вследствие быстроменяющейся информационной среды, вышеуказанные направления обуславливают необходимость последующего всестороннего изучения и построения грамотной стратегии работы правоохранительных органов.

Список источников

1. Жердев П. А. Использование криминалистических средств и методов в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2016. № 3 (36). С. 143.
2. Нуриев И. Н. Уголовно-процессуальный механизм осуществления досудебного производства в разумный срок: моногр. М., 2024. 224 с.
3. Россинская Е. Р. Цифровизация справочно-информационных фондов криминалистического и судебно-экспертного назначения как часть учения о цифровизации криминалистической регистрации // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 6. С. 23.

УДК 343.13

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА И ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

***Ю. В. Загайнова**, доцент кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук;*

***О. А. Голубева**, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России*

Статья анализирует особенности правового статуса несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации и механизмам обеспечения их защиты. В работе раскрывается содержание процессуальных гарантий их прав и выявляются проблемы их практической реализации. Особое внимание уделяется роли законного представителя, адвоката, педагога и психолога в обеспечении прав несовершеннолетних, а также специфике судебного разбирательства по делам с участием несовершеннолетних.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, несовершеннолетний участник, законный представитель, правовой статус, защита интересов.

FEATURES OF LEGAL STATUS AND PROTECTION OF INTERESTS OF MINORITIES AS PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

***Y. V. Zagaynova**, associate professor of the Department of Criminal Procedure of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Law;*

***O. A. Golubeva**, senior lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

This article analyzes the features of the legal status of minor participants in criminal proceedings in the Russian Federation and the mechanisms for ensuring their protection. The article reveals the content of procedural guarantees for their rights and identifies problems with their practical implementation. Special attention is paid to the role of legal representatives, lawyers, teachers, and psychologists in ensuring the rights of minors, as well as the specifics of court proceedings involving minors.

Keywords: criminal proceedings, minor participant, legal representative, legal status, protection of interests.

Несовершеннолетние, по своей природе и социальному положению, представляют особую категорию участников уголовного судопроизводства, требующую повышенного внимания и специальной защиты со стороны государства. Данное положение обусловлено психофизиологическими особенностями развития подростков, их недостаточным жизненным опытом, низким уровнем социальной адаптации и правовой грамотности.

В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет [1].

При расследовании уголовных дел, касающихся несовершеннолетних, помимо обстоятельств, предусмотренных ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), необходимо дополнительно выяснить следующие моменты.

1. Точный возраст несовершеннолетнего (дата рождения).

2. Социальное окружение и развитие (условия, в которых воспитывался несовершеннолетний, его психологические особенности и индивидуальные черты характера).

3. Влияние взрослых (степень воздействия на несовершеннолетнего со стороны лиц старшего возраста).

В рамках уголовного судопроизводства несовершеннолетние могут выступать в различных ролях: подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля или представителя потерпевшего. Хотя каждая из этих ролей имеет свою специфику, всех несовершеннолетних участников процесса объединяет наличие особых процессуальных гарантий, призванных максимально защитить их права и интересы. В дополнение к общим правам, предоставляемым обвиняемым, несовершеннолетние пользуются расширенными процессуальными защитами. Например, допрос несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого строго ограничен по времени: он не может длиться непрерывно более двух часов и превышать в общей сложности четыре часа в течение дня. Согласно уголовно-процессуальному законодательству допрос с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет, либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, проводятся с обязательным участием педагога или психолога. При производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего, достигшего возраста шестнадцати лет и не имеющего психических отклонений, педагог или психолог приглашаются по усмотрению следователя.

В уголовном деле, касающемся несовершеннолетнего, законные представители обязаны принимать участие. Они имеют право присутствовать при следственных действиях, давать показания, подавать ходатайства и обжаловать решения. Однако следователь, дознаватель или судья могут отстранить законного представителя от участия в отдельных следственных действиях, если это противоречит интересам несовершеннолетнего. В таких случаях следователь обеспечивает привлечение другого законного представителя. Тем не менее, на практике нередко возникают трудности с эффективным выполнением законными представителями своих функций, поскольку родители или иные опекуны часто не обладают достаточными правовыми знаниями для полноценной защиты интересов несовершеннолетнего.

Участие педагога или психолога при допросе несовершеннолетних обязательно, что регламентируется ст. 191 и 425 УПК РФ [2]. Ключевая роль этих специалистов заключается в том, чтобы способствовать получению наиболее точных и полных показаний от несовершеннолетнего, учитывая его возрастные и индивидуально-психологические особенности, и при этом не причинить вреда его психическому здоровью. И. В. Цевелева отмечает, что «Задача психолога заключается в оптимизации взаимодействия между сотрудниками правоохранительных органов и несовершеннолетними, снижении эмоционального напряжения и минимизации негативного психологического воздействия на личность подростка, участвующего в следственных действиях» [3, с. 129]. С разрешения следователя или дознавателя педагог или психолог может задавать вопросы несовершеннолетнему. После завершения допроса им также предоставляется право ознакомиться с протоколом и внести письменные замечания относительно полноты и корректности внесенных записей. Благодаря своим знаниям в детской психологии и педагогике, эти специалисты способны оказать несовершеннолетним более эффективную помощь.

Реализация прав несовершеннолетних в уголовном процессе сталкивается с рядом существенных трудностей. Одной из ключевых является недостаточное финансирование системы ювенального правосудия, что препятствует своевременному привлечению квалифицированных адвокатов, педагогов и психологов, а также обеспечению нормальных условий для защиты интересов несовершеннолетних. Помимо этого, остро стоит проблема надлежащей подготовки специалистов, которые необходимы для эффективной защиты прав несовершеннолетних участников процесса, включая следователей, дознавателей, судей и адвокатов, которым также необходимы специальные знания в области психологии и педагогики. Не стоит забывать, что возникают сложности во взаимодействии между различными субъектами защиты прав несовершеннолетних, что проявляется в недостаточной координации действий и отсутствии четкого распределения функций и ответственности, тем самым приводя к пробелам в защите. Наконец,

значительной проблемой является недостаточная информированность самих несовершеннолетних о своих процессуальных правах и возможностях, поскольку органы расследования и суд не всегда должным образом разъясняют им эти права.

В связи с изложенным, можно выделить два направления совершенствования системы защиты прав несовершеннолетних участников уголовного процесса. Первое направление – совершенствование нормативного регулирования, в которое входят: четкое определение в законодательстве полномочий и функций педагога и психолога; расширение гарантий бесплатной юридической помощи; установление механизма контроля за соблюдением прав несовершеннолетних со стороны органов прокуратуры. Второе направление – организационные моменты, к которым относятся создание специализированных подразделений органов следствия и дознания, а также обеспечение более эффективного взаимодействия между органами юстиции и органами опеки и попечительства.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант.
3. Цевелева И. В. Формы использования специальных знаний в расследовании преступлений с участием несовершеннолетних / Альманах современной науки и образования. 2014. № 12. 129 с.

УДК 343.98

ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗОБЛАЧЕНИЯ ЛОЖНОГО АЛИБИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

***Л. В. Колосова**, старший преподаватель кафедры криминалистики Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье отмечается, что в качестве одного из средств противодействия раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел является выдвижение ложного алиби. В данной статье рассмотрены типичные следственные ситуации выдвижения ложного алиби и тактические приемы и комбинации по их разоблачению.

Ключевые слова: ложное алиби, противодействие расследованию преступлений, типичные ситуации, допрос, тактический прием, тактическая комбинация

TACTICAL ASPECTS OF EXPOSING A FALSE ALIBI IN THE INVESTIGATION OF CRIMES

***L. V. Kolosova**, senior lecturer of the Department of Criminalistics of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article notes that one of the means of countering the detection of crimes and the investigation of criminal cases is to present a false alibi. This article examines typical investigative situations involving false alibis and tactics and combinations to expose them.

Keywords: false alibi, countering the investigation of crimes, typical situations, interrogation, tactical technique, tactical combination

Понятие «алиби» закреплено в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) «алиби – нахождение подозреваемого или обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте» [1].

Как уже было указано, сущностная характеристика алиби исходит из постулата о невозможности нахождения человека как физического тела одновременно в двух местах. Поэтому, если достоверно доказано пребывание

подозреваемого (обвиняемого) вне места преступления в момент его совершения, то делается закономерный вывод, что подозреваемое лицо не могло участвовать в его совершении и оно не виновно [8, с. 123].

В то же время ряд авторов указывает на существование не только объективного алиби (местоположение субъекта в момент совершения преступления), но и субъективного алиби, под которым предлагают понимать некие индивидуально-личностные характеристики субъекта, которые служат объективным доказательством невозможности совершения преступления [6, с. 11].

Их оппоненты настаивают на том, что «алиби в уголовно-процессуальном понимании есть объективная категория, которая не учитывает субъективные характеристики личности подозреваемого (обвиняемого), якобы лишающие его возможности совершить преступление» [8, с. 124].

По нашему мнению, допущение существования субъективного алиби не исключает возможности его использования в качестве средства установления истины по делу.

По мнению А. С. Андреева, «ложное алиби представляет собой совокупность действий обвиняемого и иных лиц по обоснованию, выдвижению и отстаиванию не соответствующей истине информации о нахождении лица, совершившего преступное деяние, в момент совершения преступления» [3, с. 4].

И хотя выдвижение ложного алиби не является самым распространенным способом противодействия расследованию, в трети случаев сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с попытками подозреваемых и обвиняемых уйти от уголовной ответственности, выдвигая ложное алиби.

Безусловно, использование конкретных тактических приемов разоблачения ложного алиби определяется конкретной ситуацией, возникающей при проведении допроса. Следует признать, что в ситуации разоблачения ложного алиби, являющегося частью противодействия следствию, простая ситуация допроса складывается очень редко. Чаще всего в таких случаях речь идет о добросовестном заблуждении свидетеля, подтверждающее ложное алиби подозреваемого (обвиняемого), не имея умысла ввести следствие в заблуждение.

В большинстве же случае следователю приходится работать в сложной и сверхсложной ситуации. В сложной ситуации подозреваемый может давать частично признательные, частично правдивые показания, утаивая по разным причинам от следователя остальную информацию. Сверхсложная ситуация характеризуется полным отказом подозреваемого от дачи показаний и категорическим нежеланием идти на контакт со следователем. В сложной и сверхсложной ситуации допроса успешность проведения допроса во многом определяется умением следователя прогнозировать, предвидеть поведение допрашиваемого и ход его мыслей, держать ситуацию под контролем.

Выделяют четыре типичные ситуации заявления ложного алиби, каждая из которых предполагает определенную модель поведения следователя и использования соответствующих тактических приемов.

Первая ситуация характеризуется активной позицией подозреваемого (обвиняемого), который уже на стадии установления психологического контакта самостоятельно, по собственной инициативе без предложения следователя, приводит доводы о том, что он находился вне места преступления в момент его совершения.

Вторая ситуация характеризуется выдвижением ложного алиби с минимальным количеством фактов и максимальным временным отрезком (гораздо шире отрезка, в котором подготавливалось, совершалось и скрывалось преступление) в стадии свободного рассказа. На вопросно-ответной стадии допроса рассказывает минимальные сведения о фактах, явлениях и событиях, связанных с алиби.

Третья и четвертая ситуации характеризуются как конфликтные. На стадии установления психологического контакта допрашиваемый либо старается создать конфликтную ситуацию, голословно утверждая о своей невиновности, тем самым стремясь получить информацию от следователя об имеющемся подозрении (обвинении) и какими фактами она подтверждается, и только после этого заявляет ложное алиби. Либо заявляет голословное алиби и, пользуясь конституционным правом не свидетельствовать против себя, отказывается от дальнейшей дачи показаний [2].

В процессе разоблачения ложности алиби для определения тактики следственных действий большое значение имеет вид ложного алиби по способу его создания: спонтанное или подготовленное.

Результаты опроса сотрудников правоохранительных органов показывают, что в практической работе им чаще приходится сталкиваться со спонтанными алиби (40,2 % опрошенных лиц) и простым подготовленными алиби (не обеспеченными документально) (42,8 % опрошенных лиц). Число квалифицированных подготовленных алиби (обеспеченных документально) минимально – 14,3 % опрошенных лиц.

Вне зависимости от ситуации, складывающейся на допросе, позиция следователя должна быть активной, рекомендуется использовать следующие тактические приемы:

1) максимальная детализация показаний допрашиваемых лиц;
2) предъявление доказательств, изобличающих допрашиваемого;
3) повторный допрос;
4) использование фактора внезапности;
5) пресечение лжи;
6) выжидание;

7) создание преувеличенного представления осведомленности следователя и другие тактические приемы.

Безусловно, наиболее рационально и эффективно при разоблачении ложного алиби использовать тактические комбинации. А. М. Сажаев, А. Л. Мишуточкин в качестве комбинаций тактических приемов, зарекомендовавших себя на практике в качестве результативных, называют:

1) «создание следователем представления о меньшей, чем есть на самом деле, осведомленности о совершенном событии. Иллюзия у допрашиваемого насчет несокрушимости своих позиций способствует увеличению силы предъявляемых доказательств;

2) создание у допрашиваемого преувеличенного представления об осведомленности следователя об объеме и силе имеющихся в его распоряжении доказательств;

3) предъявление доказательств в различной последовательности, исходя из конкретной следственной ситуации от менее веского доказательства к более вескому и наоборот;

4) выявление субъективных внутренних противоречий в показаниях допрашиваемого, использование этих противоречий в разоблачении его ложных показаний» [10, с. 167].

Таким образом, тактика допроса является одним из основных криминалистических методов разоблачения ложного алиби в деятельности следователя, определяется совокупностью различных факторов: статусом допрашиваемого лица – подозреваемый (обвиняемый), свидетель, потерпевший; желанием/нежеланием допрашиваемого сотрудничать со следствием (простая, сложная, сверхсложная ситуация), ситуацией выдвижения алиби; видом ложного алиби, а также умением следователя эффективно применять тактические приемы и тактические комбинации для разоблачения ложного алиби.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
2. Алексиенко О. Н. Криминалистические методы разоблачения ложного алиби по делам о преступлениях против жизни и здоровья: дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 219 с.
3. Андреев А. С. Ложное алиби и криминалистические методы его разоблачения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. 23 с.
4. Батыщева Е. В., Карабутова К. А. Особенности тактики допроса подозреваемого и обвиняемого в конфликт ной ситуации // Актуальные вопросы науки и практики полиции и иных служб органов внутренних дел: сб. науч. тр. Волгоград, 2018. С. 12–15.

5. Гибадуллин И. И. Тактика допроса в конфликтной ситуации // Студенческие Южно-Уральске криминалистические чтения. 2018. С. 71–75.
6. Елфимов П. В., Виноградова О. П. Ложное алиби как элемент механизма противодействия расследованию преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. № 3. С. 10–18.
7. Криминалистическое обеспечение деятельности правоохранительных органов по разрешению конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования преступлений: учеб. пособие / под ред. Н. Ю. Лебедева. Новосибирск, 2020. 276 с.
8. Левченко О. В. Проблемы доказывания алиби обвиняемого по уголовным делам // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2015. № 4 (359). С. 123–128.
9. Пронина Д. Д. Тактика допроса в конфликтной ситуации // Вестник магистратуры. 2021. № 9–1 (120). С. 52–54.
10. Сажаев А. М., Мишуточкин А. Л. К вопросу о тактике допроса в конфликтной ситуации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 3. С. 164–168.

УДК 343.9

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ХИЩЕНИЯ ДИЗЕЛЬНОГО ТОПЛИВА ИЗ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПОДВИЖНОГО СОСТАВА

***Л. Г. Мазур**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***Н. Е. Мерецкий**, профессор кафедры криминалистики Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации*

Статья посвящена обобщению способов нейтрализации фактов хищений дизельного топлива из железнодорожного подвижного состава. Рассматриваются возможности технических средств защиты, в том числе тактико-криминалистические и организационные меры, способствующие комплексному решению поставленной проблемы.

Ключевые слова: топливный датчик, уровень топлива, расход топлива, несанкционированный слив, кража дизельного топлива.

FORENSIC METHODS FOR PREVENTING THEFT OF DIESEL FUEL FROM RAILWAY ROLLING STOCK

***L. G. Mazur**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***N. E. Meretskiy**, professor of the Department of Criminology of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Far Eastern State University of Communications, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation*

This article summarizes methods for mitigating diesel fuel theft from railway rolling stock. It examines the capabilities of technical security measures, including tactical, forensic, and organizational measures that facilitate a comprehensive solution to this problem.

Keywords: fuel tank, fuel level, fuel consumption, unauthorized leak, diesel fuel theft.

Дальневосточная железная дорога, входящая в структуру ОАО «РЖД», является одним из шестнадцати дорожных филиалов. Она контролирует функционирование железнодорожной инфраструктуры в ряде регионов: Хабаровском и Приморском краях, Амурской и Сахалинской областях, Еврейской автономной области и Республике Саха (Якутия). ОАО «РЖД» (открытое акционерное общество «Российские железные дороги» (далее – РЖД) – государственная компания, 100 % акций которой принадлежат Российской Федерации (далее – РФ). Государство обязано защищать это имущество согласно ст. 35 Конституции РФ, государство гарантирует охрану права собственности. Это означает, что оно должно: принимать законы, запрещающие хищение, обеспечивать правоохранительные меры, создавать условия для восстановления нарушенных прав. Хищение топлива из локомотива РЖД не будет считаться хищением государственной собственности как таковой, но будет квалифицироваться как хищение чужого имущества, принадлежащего коммерческой организации по ст. 158 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ).

Кража дизельного топлива с железнодорожного подвижного состава – особый тип преступлений против собственности, характерный для железнодорожной отрасли. Согласно статистическим данным Управления на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу, в 2024 г. в Хабаровском крае было зафиксировано 20 случаев задержания сотрудников железной дороги при попытке незаконного слива дизельного топлива [3].

Обычно такие кражи осуществляются сотрудниками локомотивных бригад, работающих на магистральных и маневровых тепловозах, непосредственно во время выполнения их рабочих обязанностей.

Согласно Регламенту процесса учета дизельного топлива при выполнении технологических операций эксплуатационного локомотивного депо г. Комсомольска-на-Амуре определены следующие шаги для гарантии защиты дизельного топлива: бригадам локомотивов при приемке тепловозов от предыдущей смены, прибывшей в депо, необходимо контролировать количество дизельного топлива и фиксировать данные в журнале «Регистрация расхода топлива локомотивами»; осуществлять контроль состояния пломб и соответствие их номеров на каждой секции, с обязательной регистрацией в бортовом журнале ТУ-152. Сдающий и принимающий машинисты должны указать фамилию и поставить личную подпись; инспектировать цвет топливных соединений, поднимать крышки всех горловин для заправки топливом и исследовать состояние всех устройств, предотвращающих слив [2]. Несмотря на формально выстроенные процедуры контроля, кражи дизельного топлива продолжаются. Это указывает на то, что текущие меры носят скорее формальный характер и не обеспечивают реальной прозрачности и ответственности на всех этапах обращения с топливом.

По данным Управления на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу в 2024 г. возбуждено 99 уголовных дел по факту хищения дизельного топлива из железнодорожного тягового состава [3].

Подобные цифры демонстрируют серьёзность проблемы краж. Основным фактором, способствующим хищению горючего, является недостаточный надзор за расходом топлива локомотивными бригадами во время рейсов, а также отсутствие контроля за сохранностью пломб на сливных баках. Одним из решений данной проблемы является использование специальной краски для маркировки зон повышенного риска. Любые узлы топливной системы тепловоза, откуда может произойти утечка топлива, подлежат обязательной покраске, а фильтрующие элементы и запорные механизмы – опломбированию. Попытки несанкционированного демонтажа неизбежно приведут к повреждению лакокрасочного покрытия, что позволит обнаружить факт вмешательства в процессе приемки и документально его зафиксировать.

Встроенные контроллеры, используемые в локомотивах, служат для защиты от хищения дизельного топлива. Принцип работы заключается в следующем: система включает в себя ряд сенсоров, расположенных непосредственно в топливном резервуаре. Датчики, измеряющие уровень топлива, устанавливают текущий объём и массу горючего в баке, а дополнительный датчик регистрирует плотность и температуру топлива, что позволяет с высокой точностью выявлять присутствие воды. За счёт точной калибровки системы датчиков любое несанкционированное изъятие топлива мгновенно регистрируется, даже при одновременном сливе горючего и добавлении воды.

Кроме того, система отслеживает координаты тепловоза. Любые изменения параметров дизель-генераторной установки привязываются к конкретной географической точке. Это обеспечивает полный контроль и предотвращает несанкционированные действия.

Использование локомотивной системы обеспечения безопасности движения бортового устройства безопасности (далее – БОРТ), предназначенного для мониторинга функционирования тепловоза, позволяет осуществлять контроль в режиме реального времени. Функциональность БОРТ предоставляет возможность не только выявлять случаи хищения дизельного топлива, но и детально, с точностью до секунды, анализировать действия локомотивной бригады и работу машиниста. Система регистрирует 26 ключевых параметров работы дизель-генераторной установки локомотива. Сопоставляя удельный расход топлива в различных режимах, таких как стоянка или работа под нагрузкой, как после ремонтных работ, так и в процессе эксплуатации, появляется возможность предъявлять претензии как к качеству ремонта, так и к действиям локомотивной бригады.

Установка на тепловозы системы регистрации параметров движения локомотива (РПДА) позволяет не только отслеживать объем и вес потребляемого дизельного топлива. Эта система способна фиксировать и сохранять в памяти 34 различные характеристики функционирования дизель-генераторной установки (ДГУ). Благодаря этому появляется возможность на начальных стадиях предвидеть и предотвращать поломки компонентов локомотивного оборудования при выполнении регламентных ремонтных работ. Оперативная диагностика ключевых узлов дает возможность заблаговременно определить объем предстоящего ремонта, что значительно сокращает время пребывания локомотива в плановом ремонте и повышает качество ремонтных работ.

Определение объема топлива и его потребления в тепловозе осуществляется локомотивной бригадой. Для этого используется мерная рейка, а для вычислений – заданные стандарты. Общепринято, что такой способ приблизителен и субъективен. И кажется, что небольшая погрешность в 10–20 литров не критична. Однако именно эти 10–20 литров могут стать объектом хищения. К сожалению, не все машинисты отличаются честностью. И со временем небольшие утечки в 10 литров перерастают в существенные потери в 100–1000 литров. Для самого тепловоза это может быть незаметно, но для организации – это значительные убытки. Раньше с этим приходилось считаться, применяя корректировки и осуществляя контроль за сотрудниками. Но такие меры лишь боролись с последствиями, а не с самой причиной проблемы. Внедрение системы спутникового мониторинга позволяет радикально решить эту задачу. Подобные системы с высокой точностью фиксируют объем топлива в баке и его расход, предоставляют возможность анализировать соответствие фактического расхода установленным нормам. А установка дополнительных сенсоров многократно расширяет функциональность – появляется возможность контролировать функционирование дизельного двигателя, местоположение перевозимого груза, отслеживать передвижение тепловоза. Кроме того, датчики работают в непрерывном режиме, обеспечивая доступ к данным в любой момент времени.

Нельзя упускать из виду, что в последнее время все больше стала распространена практика установки на производственных объектах, а также во внутренних общих помещениях камер наблюдения. Нередко преступники стараются не совершать краж в подобных местах, однако кража совершена и преступники не предприняли действий по отключению системы видеонаблюдения, то участники следственного осмотра, должны просмотреть записи с камер наблюдения и при обнаружении запечатленной информации, имеющей значение для уголовного дела, изъять видеозапись [1].

Оптимизация потребления ресурсов и предотвращение несанкционированного использования дизельного топлива способствует увеличению

надежности и продуктивности работы локомотивов, а также снижает издержки на их использование и обслуживание. Внедрение и постоянный контроль описанных мероприятий гарантирует устойчивое функционирование транспортной системы и минимизирует риски возникновения хищений дизельного топлива.

Список источников

1. Жердев П. А. Особенности осмотра места происшествия в складских и производственных помещениях // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов IX Международ. науч.-практ. конф. Могилев, 2021. С. 239.
2. Регламент процесса учета дизельного топлива при выполнении технологических операций ДВОСТ Т-39 р от 13.02.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Сборник о состоянии преступности Управления на транспорте МВД России на транспорте по Дальневосточному федеральному округу // ИЦ МВД России. URL: https://mvd.ru/opendata/7727739372-MVD_GIAC_3.4 (дата обращения: 18.10.2025).

УДК 343.13

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТОРОН

***Т. В. Марусенко**, доцент кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***А. А. Клименко**, курсант Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве, введенный в российское уголовно-процессуальное законодательство Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ, представляет собой значимый правовой механизм, направленный на оптимизацию процесса расследования преступлений. Данный институт, закрепленный в гл. 40.1 УПК РФ, предусматривает возможность заключения соглашения между стороной обвинения и подозреваемым или обвиняемым, в рамках которого последний обязуется содействовать расследованию в обмен на смягчение наказания. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа эффективности применения данного института и выявления проблем взаимодействия сторон в процессе его реализации.

Ключевые слова: досудебное соглашение, правовой механизм, расследование преступлений, актуальность исследования, анализ эффективности.

PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT: EFFECTIVENESS OF ITS USE AND PROBLEMS OF COOPERATION BETWEEN THE PARTIES

***T. V. Marusenko**, associate professor of the Department of Criminal Procedure of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***A. A. Klimenko**, cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The institution of pre-trial cooperation agreements, introduced into Russian criminal procedure legislation by Federal Law No. 141-FZ of June 29, 2009, is a significant legal mechanism aimed at streamlining

the criminal investigation process. This institution, enshrined in Chapter 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, allows for the possibility of concluding an agreement between the prosecution and the suspect or accused, whereby the latter agrees to cooperate with the investigation in exchange for a mitigated sentence. The relevance of this study stems from the need to analyze the effectiveness of this institution and identify problems of cooperation between the parties during its implementation.

Keywords: pre-trial agreement, legal mechanism, crime investigation, relevance of the study, effectiveness analysis.

Теоретическая основа досудебного соглашения о сотрудничестве базируется на концепции компромисса в уголовном процессе, предполагающей взаимные уступки сторон для достижения процессуальной экономии и повышения эффективности расследования. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, количество уголовных дел, рассмотренных в особом порядке в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, демонстрирует устойчивую тенденцию к росту. Так, в 2020 г. было рассмотрено 3245 таких дел, что на 15 % больше по сравнению с 2018 г.

Эффективность применения досудебного соглашения о сотрудничестве проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, данный институт способствует раскрытию и расследованию тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами. Информация, предоставляемая лицами, заключившими соглашение, позволяет установить всех соучастников преступления, выявить дополнительные эпизоды преступной деятельности и обнаружить доказательства, которые иным способом получить затруднительно. Во-вторых, применение данного механизма обеспечивает процессуальную экономию, сокращая сроки расследования и судебного разбирательства. В-третьих, институт досудебного соглашения способствует индивидуализации наказания и реализации принципа справедливости в уголовном судопроизводстве.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии ряда проблем взаимодействия сторон при заключении и реализации досудебного соглашения о сотрудничестве. Первостепенной проблемой выступает отсутствие четких критериев оценки «существенности» содействия обвиняемого следствию. Законодатель использует оценочное понятие «активное содействие следствию», не раскрывая его содержания, что порождает субъективизм при принятии решений прокурором о заключении соглашения и последующей оценке его исполнения. Исследование судебной практики показывает,

что в различных регионах России сформировались неодинаковые подходы к определению существенности содействия, что нарушает принцип единообразного применения закона.

Правоприменителям очевидно, что представители обвинения предпочитают заключать соглашения о сотрудничестве с лицами, обладающими наибольшим объемом интересующей информации, а также с лицами наиболее дорожащими личной свободой, – женщинами, имеющими детей, матерями-одиночками и т. д. Часто соглашения о сотрудничестве заключаются прокурорами также с организаторами преступлений либо с лицами, роль которых в преступлении наиболее активна, которые и способствовали вхождению иных лиц в преступную группу.

Опрошенные в ходе исследования прокуроры не видят в подобной практике проблем, поясняя, что если лицо смогло организовать преступное сообщество, подобрать исполнителей, то оно и более интеллектуально развито, знает схемы преступлений, использовавшиеся группой, и способно дать суду наиболее подробные и последовательные показания. Так, Ноябрьским городским судом Ямало-Ненецкого автономного округа Ж., организовавший группу, распространявшую наркотические вещества и психотропные средства на территории округа и Тюменской области, при рассмотрении его уголовного дела в особом порядке, предусмотренном нормами главы 40.1 УПК РФ, за совершение восьми преступлений, предусмотренных пп. «а» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ был приговорен к наказанию в виде лишения свободы на срок шесть лет восемь месяцев. Его соучастники Ф. и Х., которым прокурором в заключении соглашения о сотрудничестве было отказано, в общем порядке осуждены судом к одиннадцати годам пяти месяцам и одиннадцати годам двум месяцам лишения свободы, соответственно.

Заметим, что позиция органов обвинения с точки зрения действующего законодательства абсолютна логична. Руководитель Следственного комитета России А. И. Бастрыкин, выступая в 2009 г. за введение соглашений о сотрудничестве, указывал, что они необходимы для того, чтобы член преступного сообщества, замешанный в серьезном преступлении, но не являющийся его непосредственным исполнителем, выдал следствию заказчиков и исполнителей совершения преступления в обмен на гарантии смягчения наказания [4]. Очевидно, однако, что организатор преступления для заключения с ним каких-либо соглашений гораздо предпочтительнее; зачем прокурору иметь дело с лицом, обладающим минимумом информации? Логична и законна и позиция суда при назначении наказания. Прокурор удостоверил факт выполнения сотрудничающим лицом данных им органом предварительного расследования обязательств, попросил суд назначить максимально мягкое наказание, УК РФ (ст. 64, 73, 80.1) и УПК РФ предусматривают применение льготы при назначении наказания.

Следующая проблема заключается в недостаточной регламентации процедуры расторжения досудебного соглашения при неисполнении обвиняемым

взятых на себя обязательств. Законодательство не предусматривает четкого механизма контроля за исполнением условий соглашения и последствий их нарушения, что создает правовую неопределенность и снижает эффективность данного института. Практика показывает, что в случаях, когда обвиняемый предоставляет заведомо ложные сведения или умалчивает о существенных обстоятельствах дела, прокурор сталкивается с процессуальными сложностями при расторжении соглашения.

Существенной проблемой взаимодействия сторон выступает также отсутствие механизма защиты прав потерпевших при заключении досудебного соглашения. Законодательство не предусматривает обязательного учета мнения потерпевшего, что противоречит принципу состязательности сторон и может восприниматься как ущемление прав лиц, пострадавших от преступления. Исследования показывают, что в 78 % случаев потерпевшие не информируются о заключении досудебного соглашения с обвиняемым, что снижает уровень доверия граждан к правосудию.

Процессуальные сложности возникают также при определении пределов признания вины лицом, заключившим досудебное соглашение. Нередко обвиняемые, стремясь получить смягчение наказания, признают вину лишь частично или формально, что затрудняет последующее судебное разбирательство. Данная проблема усугубляется отсутствием в законодательстве требования о полном признании вины как обязательном условии заключения соглашения.

Проблемным аспектом выступает также обеспечение безопасности лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве. Несмотря на наличие в законодательстве общих норм о государственной защите участников уголовного судопроизводства, специфика положения лиц, сотрудничающих со следствием, требует разработки дополнительных мер безопасности. Статистика свидетельствует о том, что в 35 % случаев лица, заключившие досудебное соглашение по делам о преступлениях, совершенных организованными группами, подвергаются угрозам и давлению со стороны соучастников.

Исследования мнений сотрудников правоохранительных органов выявили интересную тенденцию: подавляющее большинство специалистов, непосредственно применяющих положения гл. 40.1 УПК РФ, считают нецелесообразным выделение дела в отношении лица, заключившего соглашение о сотрудничестве, в отдельное производство. Данная позиция обусловлена несколькими факторами. Прежде всего, опросы следователей, прокуроров, судей и адвокатов демонстрируют, что более 90 % респондентов не сталкивались со случаями угроз или насилия в отношении сотрудничающих со следствием лиц. Это ставит под сомнение один из основных аргументов в пользу выделения дела – обеспечение безопасности сотрудничающего лица.

Сотрудники территориальных органов также отмечают отсутствие реальной конфиденциальности при заключении соглашения, поскольку информация о лицах, сотрудничающих со следствием, как правило, становится известной соучастникам преступления и их окружению. Хранение документов в отдельном конверте воспринимается специалистами как формальность, не обеспечивающая действительной защиты информации. Примечательно, что типичной реакцией на заключение соглашения о сотрудничестве становится не противодействие со стороны изобличаемых лиц, а подача ими аналогичных ходатайств о заключении соглашения. Особую проблему представляет разновременное рассмотрение выделенного и «основного» дела.

Судебная практика свидетельствует о значительных трудностях в обеспечении объективной оценки виновности и степени вины каждого соучастника при раздельном рассмотрении дел. Напротив, одновременное исследование всей совокупности доказательств позволяет более точно и полно определить роль каждого соучастника в совершении преступления. Данное обстоятельство указывает на необходимость пересмотра процессуального порядка рассмотрения дел в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве.

Существенной проблемой взаимодействия сторон выступает также отсутствие механизма защиты прав потерпевших при заключении досудебного соглашения. Законодательство не предусматривает обязательного учета мнения потерпевшего, что противоречит принципу состязательности сторон и может восприниматься как ущемление прав лиц, пострадавших от преступления. Исследования показывают, что в значительном числе случаев потерпевшие не информируются о заключении досудебного соглашения с обвиняемым, что снижает уровень доверия граждан к правосудию.

Процессуальные сложности возникают также при определении пределов признания вины лицом, заключившим досудебное соглашение. Нередко обвиняемые, стремясь получить смягчение наказания, признают вину лишь частично или формально, что затрудняет последующее судебное разбирательство. Данная проблема усугубляется отсутствием в законодательстве требования о полном признании вины как обязательном условии заключения соглашения.

Совершенствование института досудебного соглашения о сотрудничестве требует комплексного подхода, включающего законодательные изменения и разработку методических рекомендаций для правоприменителей. Представляется целесообразным законодательное закрепление критериев существенности содействия следствию, разработка механизма контроля за исполнением условий соглашения и процедуры его расторжения при выявлении недобросовестности обвиняемого. Необходимо также предусмотреть обязательный учет мнения потерпевшего при заключении досудебного соглашения и разработать дополнительные меры обеспечения безопасности лиц, сотрудничающих со следствием.

Таким образом, институт досудебного соглашения о сотрудничестве, несмотря на свою эффективность в раскрытии и расследовании преступлений, сталкивается с рядом проблем, требующих законодательного и методического решения. Совершенствование данного института позволит повысить эффективность уголовного судопроизводства, обеспечить защиту прав всех его участников и способствовать реализации принципа справедливости при назначении наказания.

Список источников

1. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28.06.2012 № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам: приказ Генеральной прокуратуры Рос. Федерации от 15.03.2010 № 107. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Головко Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2002.
4. Интервью председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации А. И. Бастрыкина «Новой газете» 5 июня 2009 года // Следственный комитет : [сайт]. URL: http:/sledcom.ru/press/interview/item/507320 (дата обращения: 02.11.2025).
5. Калугин А. Г., Монид М. В. Компромисс в уголовном судопроизводстве. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2008.
6. Качалова О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2016.

УДК 343.9

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ВРАЧЕБНЫХ ОШИБКАХ

***Т. В. Осипова**, старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии СК России имени А. Я. Сухарева*

В статье рассмотрен алгоритм процессуального контроля уголовных дел, возбужденных по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи гражданам в Следственном управлении Следственного Комитета Российской Федерации по Сахалинской области, а также выработаны предложения по повышению качества расследования, которые позволяют избежать массы ошибок в преступлении, совершенном медицинским работником.

Ключевые слова: процессуальный контроль, ненадлежащее оказание медицинской помощи, расследование, уголовное дело, ошибка, медицинский работник.

IMPLEMENTATION OF PROCEDURAL CONTROL IN CRIMINAL CASES CONCERNING MEDICAL ERRORS

***T. V. Osipova**, senior lecturer of the Department of Criminal Law, Criminology, Criminal Procedure of the Khabarovsk Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Sukharev*

The article considers the algorithm of procedural control of criminal cases initiated on the facts of improper provision of medical care to citizens in the Investigative Department of the Investigative Committee of Russia for the Trans-Baikal Territory, and also develops proposals to improve the quality of the investigation, which avoid a lot of mistakes in the crime committed by a medical professional.

Keywords: procedural control, improper provision of medical care, investigation, criminal case, mistake, medical worker.

Расследование ятрогенных преступлений представляет особую сложность для следователя, причиной является отсутствие специальных медицинских знаний, поэтому адекватно оценить действия медицинского персонала при оказании помощи следователю трудно. Часто медицинские преступления возбуждаются

по ст. 109, 118, 124, 125 и 293 УК РФ и относятся к категории преступлений небольшой и средней тяжести. Тяжкие преступления возбуждаются по ст. 109, 293 УК РФ. Названные преступления особо контролируются, так как расследование такой категории уголовных дел имеет длительные сроки, а перечисленные выше преступления небольшой тяжести часто оканчиваются прекращением, ввиду давности привлечения к уголовной ответственности, не превышающей пяти лет. Пользуясь отсутствием у следствия специальных познаний, медицинские работники, особенно на первоначальном этапе расследования представляют ситуацию в выгодном свете, чтобы сформировать у следствия мнение о невиновности лица.

Так, следственным управлением Следственного комитета РФ по Сахалинской области (далее – управление) в целях повышения качества проведения проверок в порядке ст. 144, 145 УПК РФ и расследования уголовных дел о преступлениях названной категории реализуется ряд мер, направленных на совершенствование организации ведомственного контроля в пределах установленных полномочий за исполнением законодательства при возбуждении и расследовании данных уголовных дел.

В соответствии с распоряжением № 46-р от 28 июля 2022 г. «О распределении обязанностей в контрольно-следственном отделе СУ СК России по Сахалинской области» осуществление контроля за данным направлением деятельности закреплено за отдельным сотрудником, на которого возложена обязанность в полной мере владеть информацией о ходе и результатах проводимых следователями доследственных проверок и расследования уголовных дел о преступлениях данной категории; используя контрольные полномочия, влиять на их ход с целью исключения случаев принятия по ним незаконных решений.

По всем поступившим сообщениям о совершении ятрогенных преступлений в аппарате управления ведется реестр, в который заносятся сведения о дате поступления, сообщения, фабуле, принятом процессуальном решении.

С целью исключения фактов необоснованной передачи сообщений о преступлениях из одного территориального следственного органа в другой, а также в органы внутренних дел, данные решения указано принимать только по согласованию с аппаратом управления.

В целях обеспечения надлежащей работы следователей следственных отделов, исключения нарушений при назначении и производстве судебно-медицинских экспертиз реализуется распоряжение № 42-р от 20 июля 2022 г. «О мерах, направленных на обеспечение полноценного криминалистического сопровождения проведения доследственных проверок, раскрытия и расследования уголовных дел о преступлениях в сфере оказания медицинских услуг (ятрогенные преступления)», в том числе, предусматривающее порядок согласования

с отделом криминалистики постановлений о назначении судебно-медицинских экспертиз и привлечение следователей-криминалистов к проведению следственных и процессуальных действий при расследовании уголовных дел.

В соответствии с указанным распоряжением и п. 3.2 приказа № 49-орг, отдел криминалистики участвует в организации работы по назначению комиссионных судебно-медицинских экспертиз, подготовке необходимых материалов, формулированию вопросов экспертам, выборе экспертного учреждения, определению наиболее оптимального алгоритма исследования вещественных доказательств, а также, при необходимости, оказывает помощь в доставке материалов в экспертные учреждения.

Отделом криминалистики на постоянной основе оказывается практическая помощь в назначении комиссионных судебно-медицинских экспертиз по всем уголовным делам, находившимся в производстве. Фактов назначения следственными отделами данных экспертных исследований без согласования с отделом криминалистики не имелось.

С целью повышения уровня квалификации следователей, расследующих уголовные дела данной категории, а также повышения качества проведения проверок и расследования уголовных дел, в мае текущего года в управлении проведён учебно-методический семинар следователей, на котором, в том числе подробно разобраны недостатки на конкретных примерах, доведена тактика и методика расследования уголовных дел данной категории.

Так, третьим отделом по расследованию особо важных дел Управления расследовалось уголовное дело, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ, по факту ненадлежащего оказания Маркиной А. А. медицинской помощи заведующей родовым отделением, врачом акушером-гинекологом для оказания экстренной помощи ГБУЗ «Сахалинская областная клиническая больница» Беличенко Г. В., повлекшего смерть ее новорожденного ребенка.

Беличенко Г. В. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ.

По результатам расследования 9 января 2023 г. уголовное дело направлено в Южно-Сахалинский городской суд для рассмотрения по существу.

Приговором Южно-Сахалинского городского суда от 27 сентября 2023 г. Беличенко Г. В. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ, и ей назначено наказание в виде 1,5 лет ограничения свободы с запретом осуществлять медицинскую деятельность на 1,5 года [1].

Основной проблемой при расследовании уголовных дел является длительность производства комиссионных судебно-медицинских экспертиз, что обусловлено большой загруженностью Дальневосточного филиала (с дислокацией в г. Хабаровске) ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного комитета

Российской Федерации», наличием очередности, а также необходимостью привлечения специалистов, не состоящих в штате учреждения, в том числе и на платной основе. Данная проблема возникла после введения Следственным комитетом Российской Федерации запрета на назначение экспертиз во все экспертные учреждения, кроме вышеназванного.

Согласно ответам Дальневосточного филиала (с дислокацией в г. Хабаровске) ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» по каждому экспертному исследованию производство и готовность их заключений составит от 12 до 15 месяцев, то есть сроки следствия по данным уголовным делам могут составить свыше 12 месяцев и более.

В этой связи предлагается рассмотреть возможность назначения и производства экспертных исследований в иные учреждения, не подведомственные Министерству здравоохранения Российской Федерации.

Источник

Контрольное производство по уголовному делу // Архив СУ СК РФ по Сахалинской области.

УДК 343.93

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОТБОРЕ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ХОДЕ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

***А. В. Потюпина**, преподаватель кафедры криминалистики Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***Л. В. Колосова**, старший преподаватель кафедры криминалистики Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье обращено внимание на проблемы, возникающие в ходе отбора образцов внешности человека для сравнительного исследования при назначении портретной экспертизы, и сделан вывод о важности взаимодействия следователя и сотрудников экспертно-криминалистических подразделений и привлечения их к отбору таких образцов при подготовке материалов для портретной экспертизы.

Ключевые слова: портретная экспертиза, специалист, эксперт, внешность человека, образцы для сравнительного исследования, видеозапись, видеоизображение, взаимодействие, расследование преступлений.

CURRENT ISSUES ARISING IN SELECTION OF SAMPLES FOR COMPARATIVE EXAMINATION DURING A FORENSIC PORTRAIT EXAMINATION

***A. V. Potyupina**, lecturer of the Department of Criminalistics of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***L. V. Kolosova**, senior lecturer of the Department of Criminalistics of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article addresses the issues that arise during the collection of facial samples for comparative examination during a forensic portrait examination. It concludes that collaboration between investigators and

forensic science department staff is essential, as is their involvement in the collection of such samples during the preparation of materials for the portrait examination.

Keywords: portrait examination, specialist, expert, human appearance, samples for comparative study, video recording, video image, interaction, crime investigation.

В ходе расследования преступлений, при которых внешность подозреваемого в совершении преступления была зафиксирована на видеозаписи, часто назначается судебная портретная экспертиза, в рамках которой решаются как диагностические, так и идентификационные вопросы.

Ни одна портретная экспертиза не обходится без образцов для сравнительного исследования в том случае, если перед экспертом поставлен вопрос идентификационного характера, но способы и условия получения таких образцов нередко вызывают трудности у лица, назначающего экспертизу.

От того насколько качественно и полно следователем проведена работа по отбору образцов для сравнительного исследования, зависит эффективность проведения портретной экспертизы [6].

Портретная экспертиза является одним из традиционных видов экспертиз, но, несмотря на это, у инициаторов назначения возникает немало вопросов, связанных с ее проведением, и их актуальность все только возрастает.

В ходе проведения портретной экспертизы главная идентификационная задача – отождествление конкретного человека по признакам внешности.

Образцы в криминалистике – это предметы, вещества, документы, а также материально фиксированные отображения, подлежащие сравнительному исследованию с целью идентификации объектов или решения других познавательных задач в уголовном процессе.

К образцам для сравнительного исследования в портретной экспертизе относятся фотоснимки или видеоизображения проверяемого лица, которые сравниваются с изображением или видеозаписью, содержащимися в материалах дела, для установления личности. Они должны быть получены от проверяемого лица и соответствовать необходимым требованиям качества для проведения идентификации.

Именно от качества материалов, направляемых на экспертизу, будет зависеть насколько полно и всесторонне эксперт сможет провести исследование, в вероятной или категорической форме будет сделан вывод.

Так как в большинстве целью видеосъемки является не непосредственное отображение лица крупным планом, а запечатление действий людей, на видеозаписи лицо подозреваемого в совершении преступления человека запечатлевается в недостаточно хорошем для портретного исследования качестве.

При этом нередко камера расположена таким образом, что видеосъемка осуществляется сверху вниз, либо сбоку при недостаточном освещении объекта. В таких условиях чаще всего элементы лица человека и их признаки отображаются недостаточно полно и четко.

Определенные трудности при получении образцов для сравнительного исследования возникают в том случае, если внешность лица на видеозаписи зафиксировано не крупным планом, в ракурсах, затрудняющих изучение признаков внешности, занимает малую часть кадра.

Как показал анализ практической работы, очень часто следователи не соблюдают правила получения образцов для сравнительного исследования. В результате образцы внешности исследуемого лица нередко имеют разные ракурсы с изображением внешности человека, запечатленном на исследуемом видеоизображении, имеют плохое качество изображения.

При производстве портретной экспертизы с такими образцами для сравнительного исследования эксперт может сделать вывод только в вероятной форме, либо ответить на вопрос не представится возможным. В результате следствие не будет располагать доказательствами виновности подозреваемого, обвиняемого.

Для того чтобы эксперт мог всесторонне и полно провести исследование, достоверно ответить на поставленные перед ним вопросы, получение образцов для сравнительного исследования должно происходить в условиях, максимально приближенных к тем, в которых происходила видеосъемка лица, подозреваемого в совершении преступления. Кроме того, должны совпадать ракурсы исследуемого лица и лица, запечатленного на видеозаписи. И на этом этапе важно максимальное взаимодействие следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений.

В ходе такого взаимодействия имеет важное значение и совместная работа по сбору вещественных доказательств в ходе осмотра места происшествия, где сотрудник экспертно-криминалистического подразделения будет принимать участие при производстве следственных действий в качестве специалиста. Специалист может оказать не только практическую помощь, но и также проконсультировать следователя по вопросам, касающимся выявления, фиксации, изъятия доказательств.

Специалист может сориентировать следователя на перспективу проведения портретной экспертизы, оказать помощь в постановке вопросов, которые могут быть разрешены портретной экспертизой.

В случае получения образцов следователем самостоятельно для их правильного и качественного отбора, ему необходимо обращаться за консультацией к эксперту с целью выяснения условий освещения, при которых должно быть запечатлено лицо, на каком расстоянии и высоте до исследуемого лица должна

находиться камера, в каком ракурсе должен быть запечатлен человек на видеозаписи, так как именно от качества и полноты представленных материалов во многом зависит результативность исследования.

В случае привлечения эксперта к отбору образцов, следователь должен вынести постановление о получении образцов для сравнительного исследования.

При этом в ходе отбора образцов для сравнительного исследования важно соблюдать общие правила производства следственных действий (ст. 164 УПК РФ), фиксировать ход и результаты получения таких образцов в протоколе с соблюдением требований УПК РФ.

Привлечение к отбору образцов для сравнительного исследования именно эксперта, который будет проводить портретную экспертизу, обусловлено тем, что он будет обращать внимание на те особенности внешнего облика человека, которые должны быть отражены на образцах внешности для сравнительного исследования, и образцы будут наиболее полно отражать ту информацию внешности человека, которая позволит ему сделать вывод не в вероятной, а в категорической форме.

Таким образом, привлечение специалиста к отбору образцов для сравнительного исследования должно быть обязательным правилом не только при подготовке материалов для производства портретной экспертизы, но и при проведении осмотра места происшествия.

Несомненно, тесное взаимодействие эксперта и следователя в целях качественного отбора образцов для сравнительного исследования обеспечит успешное проведение портретной экспертизы, что, безусловно, будет способствовать раскрытию совершенного преступления.

Список источников

1. Давыдов Е. В., Финогенов В. Ф. Судебно-портретная экспертиза по цифровым изображениям: учеб. пособие. Волгоград: Волгоградская академия министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 188.
2. Долженко Н. И. Образцы для сравнительного исследования и тактика получения экспериментальных образцов. М., 2007. С. 169.
3. Еремеев Д. В. Тактика получения образцов для экспертного исследования / Д. В. Еремеев // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Т. 6. 2006. № 8. С. 113–115.
4. Зинин А. М. Актуальные проблемы судебной портретной экспертизы // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 64–66.
5. Зинин А. М. Особенности стадий экспертного исследования при проведении судебной портретной экспертизы // Судебная экспертиза. 2015. № 4 (44). С. 45–51.
6. Зинин А. М., Подволоцкий И. Н. Габитоскопия: учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 187.

7. Иванов А. Н. Понятие, виды и тактика получения образцов для сравнительного исследования / А. Н. Иванов // Тактика следственных действий / под ред. В. И. Комиссарова. Саратов, 2000. С. 226–233.
8. Ильин Н. Н. Видеоизображения, получаемые в качестве образцов для сравнительного исследования // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 4. С. 65–70.
9. Киселевич И. В., Попов В. Л. Габитоскопия и портретная экспертиза: учеб. пособие. М.: Российский университет транспорта, 2024. С. 170.
10. Россинская Е. Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». М.: Юрайт, 2002. С. 115–119.
11. Стельмах В. Ю. Получение образцов для сравнительного исследования по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: понятие, порядок производства и проблемные вопросы / В. Ю. Стельмах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1 (69). С. 78–85.

УДК 343.1.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ И ОЦЕНКИ

***Р. В. Тарасенко**, преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье выявляются ключевые проблемы допустимости и достоверности электронных доказательств, обусловленные отсутствием специального процессуального института, устаревшими нормами и технологической неграмотностью участников процесса. Обосновываются системные меры по их преодолению: введение в УПК РФ отдельной главы об электронных доказательствах, внедрение обязательных технических стандартов, усиление судебного контроля, развитие экспертной базы и международного сотрудничества. Автор подчеркивает, что только комплексный правовой и технологический подход обеспечит легитимность, справедливость и эффективность уголовного судопроизводства в цифровую эпоху.

Ключевые слова: электронное доказательство, цифровая трансформация, цифровые данные, хеширование, метаданные, искусственный интеллект, облачная технология.

ELECTRONIC EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS OF ADMISSIBILITY AND EVALUATION

***R. V. Tarasenko**, lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article identifies the key problems of the admissibility and reliability of electronic evidence due to the lack of a special procedural institution, outdated standards and technological illiteracy of the participants in the process. The author substantiates systematic measures to overcome them: the introduction of a separate chapter on electronic evidence in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the introduction of mandatory technical standards, strengthening judicial control, the development of an expert base and international cooperation.

The author emphasizes that only an integrated legal and technological approach will ensure the legitimacy, fairness and effectiveness of criminal proceedings in the digital age.

Keywords: electronic evidence, digital transformation, digital data, hashing, metadata, artificial intelligence, cloud technologies.

Цифровая трансформация общества необратимо изменила ландшафт уголовного судопроизводства. В условиях повсеместного использования информационно-коммуникационных технологий, интернета вещей, облачных сервисов и мессенджеров преступная деятельность всё чаще оставляет следы не в материальном, а в цифровом пространстве. Электронные доказательства – от переписки в мессенджерах и метаданных мобильных устройств до записей с камер видеонаблюдения и транзакций в блокчейн-сетях – становятся ключевыми или даже исключительными средствами установления истины по делу. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2024 г. более 78 % уголовных дел, возбужденных по ст. гл. 28 УК РФ (преступления в сфере компьютерной информации), а также значительная доля дел о коррупции, мошенничестве и преступлениях против личности, содержали в качестве основных доказательств цифровые данные [5].

Однако интенсивное внедрение электронных доказательств в практику сталкивается с серьезными правовыми, процессуальными и техническими вызовами. Несмотря на формальное признание их доказательственной силы (ст. 74, 86 УПК РФ), действующее законодательство не содержит четкого определения «электронного доказательства», не регулирует специфику его получения, фиксации и проверки, что порождает неоднозначную и часто противоречивую правоприменительную практику [1]. В частности, остаются дискуссионными вопросы допустимости доказательств, полученных с нарушением порядка, установленного ст. 165 УПК РФ (например, без судебного решения при доступе к облачным данным); возможности подтверждения подлинности и неизменности электронной информации без привлечения специальных знаний; оценки доказательств, основанных на алгоритмах искусственного интеллекта или автоматизированных системах мониторинга.

В российском уголовно-процессуальном праве термин *«электронное доказательство»* не закреплен в качестве самостоятельной процессуальной категории. Уголовно-процессуальный кодекс РФ оперирует общими понятиями доказательств (ст. 74 УПК РФ), не выделяя цифровые данные в отдельный вид.

Вместе с тем в научной литературе и судебной практике устоялось доктринальное определение: электронное доказательство – это информация, воспринимаемая с использованием электронных, в том числе цифровых, вычислительных устройств и программных средств, зафиксированная на материальном носителе

или в распределенной среде (включая облачные хранилища и сети), способная подтвердить наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу [2, с. 22–31].

На наш взгляд, данное определение отражает три ключевых аспекта: *информационный* (суть доказательства составляет данные, а не сам носитель), *технологический* (зависимость от технических и программных средств для доступа, извлечения и интерпретации) и *процессуальный* (способность участвовать в доказывании при соблюдении требований закона).

Как отмечает А. В. Козлов, электронное доказательство – это не «новое доказательство», а новая форма проявления традиционных источников (документов, показаний, вещественных доказательств), обусловленная технологическим прогрессом [3, с. 89–104]. Однако именно эта форма требует особых правил обращения, поскольку обладает специфическими свойствами: *изменчивостью* (возможность не оставляющего следов редактирования), *нестабильностью* (зависимость от состояния носителя и программного обеспечения), *многоуровневостью* (наличие видимого контента и скрытых метаданных) и *дистанционностью* (возможность хранения за пределами юрисдикции).

Важно подчеркнуть: носитель (устройство) и информация на нем – это разные объекты процессуального оформления: устройство приобщается как вещественное доказательство, а данные – как документ или иные данные, подлежащие исследованию в рамках доказывания.

Допустимость доказательств – ключевой критерий их юридической силы, обеспечивающий баланс между эффективностью уголовного преследования и защитой прав личности. Согласно ст. 75 УПК РФ, доказательство признается недопустимым, если оно получено с нарушением требований закона, а также в иных случаях, прямо предусмотренных кодексом. Применительно к электронным доказательствам реализация этого принципа сталкивается с системными трудностями, обусловленными как нормативно-правовыми пробелами, так и спецификой цифровых данных, их уязвимостью и технологической зависимостью процесса фиксации.

Несмотря на фактическую доминацию цифровых данных в современном доказывании, российское законодательство не содержит специального регулирования порядка работы с электронными доказательствами. УПК РФ, принятый в 2001 г., не учитывает специфики облачных технологий, мессенджеров, IoT-устройств и распределенных реестров. В результате сложившаяся практика оперирует устаревшими нормами, разработанными для «бумажной» эпохи:

• ст. 182 УПК РФ (основания и порядок производства обыска) и ст. 183 УПК РФ (основания и порядок производства выемки) регулируют действия *с материальными объектами*, но не предусматривают порядка изъятия *информации*, хранящейся удаленно (например, в облаке);

• ст. 164 УПК РФ (общие правила производства следственных действий) и ст. 165 УПК РФ (судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия) не обязывают следователя фиксировать *метаданные* или подтверждать *целостность копий*, что создает риски подмены данных.

Как справедливо отмечает Е. А. Фокина, «отсутствие специального процессуального института «электронного доказательства» приводит к правовому вакууму, в котором формируются спонтанные, нередко противоречивые правила работы с цифровыми данными» [4, с. 34–42].

Анализ практики рассмотрения дел в порядке ст. 125 УПК РФ и жалоб в Конституционный суд Российской Федерации показывает, что подавляющее большинство споров о допустимости связано со следующими нарушениями [6].

Согласно ст. 165 УПК РФ (судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия), доступ к сведениям, составляющим тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений и иных сообщений, возможен *только* на основании постановления суда. Однако на практике широко распространены:

• запросы у операторов связи «в порядке межведомственного взаимодействия» (по письмам-запросам);

• получение геолокационных данных через сервисы Google Location History или Apple Find My без санкции суда;

• изъятие переписки из мессенджеров (Telegram, WhatsApp) на основании «добровольного» предоставления потерпевшим – при этом не исследуется, не являлось ли такое «добровольное» действие следствием скрытого давления.

Электронные данные чрезвычайно уязвимы: их можно изменить, удалить или подменить без видимых следов. Между тем УПК РФ не устанавливает *обязательных* технических стандартов для обеспечения их целостности – в отличие от зарубежных юрисдикций.

Преодоление системных проблем допустимости и оценки электронных доказательств требует комплексного подхода, охватывающего нормативное регулирование, институциональное развитие и повышение квалификации участников уголовного судопроизводства.

Анализ современного состояния уголовно-процессуального регулирования и правоприменительной практики позволяет сделать вывод: электронные доказательства прочно вошли в повседневную реальность российского уголовного судопроизводства, однако их правовой статус, порядок получения и оценки по-прежнему находятся в состоянии нормативной и доктринальной неопределенности. Фактически следователи, прокуроры и суды вынуждены «конструировать» правила работы с цифровыми данными, опираясь на устаревшие нормы УПК РФ, разрозненные разъяснения Пленума Верховного суда РФ и собственный опыт. В результате возникают системные риски – как для

эффективности борьбы с преступностью, так и для защиты конституционных прав граждан. Проблемы допустимости электронных доказательств обусловлены, прежде всего: отсутствием в законодательстве четкого понятия и самостоятельного процессуального института «электронное доказательство»; широким распространением нарушений при получении данных (доступ без судебной санкции, использование ОРМ без оформления, игнорирование требований к сохранности); отсутствием обязательных технических стандартов фиксации (хеширование, видеозапись, метаданные), что подрывает доверие к подлинности доказательств. Проблемы оценки, в свою очередь, связаны: с субъективизмом и технологической неграмотностью отдельных участников процесса; дефицитом квалифицированных экспертов и отсутствием единых методик, особенно в новых областях (deepfake, ИИ-аналитика, криптотранзакции); формальным отношением к экспертным заключениям и нарушением принципа состязательности при ограничении доступа защиты к исходным данным.

В этих условиях назрела необходимость системных преобразований. В качестве первоочередных мер предлагается следующее.

1. Закрепить в УПК РФ отдельную главу об электронных доказательствах, включая понятие, классификацию и обязательные требования к их изъятию и фиксации.

2. Ввести технические стандарты (хеширование, цифровые протоколы, видеозапись), гармонизированные с ISO/IEC27037 и лучшими мировыми практиками.

3. Усилить роль суда как гаранта законности – расширив перечень действий, требующих судебной санкции, включая доступ к облачным и метаданным.

4. Развивать институциональную базу – через создание Федерального центра цифровых расследований, аккредитацию экспертных учреждений и внедрение обязательного обучения участников процесса.

5. Укрепить международное взаимодействие.

Только такой целостный подход позволит превратить электронные доказательства из источника правовых конфликтов и процессуальных рисков – в надежный и легитимный инструмент установления истины. В условиях ускоряющейся цифровой трансформации общества это не просто вопрос совершенствования уголовного процесса, а условие сохранения его справедливости, состязательности и соответствия конституционным ценностям в эпоху цифровых вызовов.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 27.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Баева О. Я. Электронные доказательства: процессуальные и технологические аспекты // Уголовное право. 2024. № 3. С. 22–31.

3. Козлов А. В. Доказывание в цифровую эпоху: вызовы и ответы правовой системы // Журнал российского права. 2025. № 1. С. 89–104.
4. Фокина Е. А. Допустимость электронных доказательств: доктринальные и судебные подходы // Российская юстиция. 2024. № 7. С. 34–42.
5. Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // Генеральная прокуратура Российской Федерации: [сайт]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/statistics/result/ (дата обращения: 20.11.2025).
6. Конституционный Суд Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.ksrf.ru/Decision/generalization/ (дата обращения: 20.11.2025).

УДК 343.13

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ПРОВЕДЕНИЕМ ДОСЛЕДСТВЕННЫХ ПРОВЕРОК И РАССЛЕДОВАНИЕМ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ТРАВМАТИЗМОМ НА ПРОИЗВОДСТВЕ

***И. С. Трубчик**, директор Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, Заслуженный юрист Российской Федерации*

В статье рассматривается деятельность следователя с момента доследственной проверки до возбуждения уголовного дела, которые связаны с несчастным случаем на производстве. Производство осмотра места происшествия должно быть зафиксировано с помощью фотовидеофиксации. В ходе расследования следователь устанавливает лиц, которые осуществляли соблюдение правил техники безопасности труда.

Ключевые слова: следователь, процессуальный контроль, возбуждение уголовного дела, производство осмотра места происшествия, должностное лицо, взаимодействие с государственной инспекцией труда.

ORGANIZATION OF PROCEDURAL CONTROL OVER INSPECTIONS AND INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES OF CRIMES RELATED TO INJURIES AT WORK

***I. S. Trubchik**, director of the Khabarovsk Branch of the Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation*

The presented article examines the activities of the investigator from the moment of the pre-investigation check to the initiation of a criminal case, which are associated with an industrial accident. Inspection of the scene should be recorded using photo-video recording. During the investigation, the investigator identifies the persons who complied with occupational safety rules.

Keywords: investigator, procedural control, initiation of a criminal case, examination of the scene of an accident, official, interaction with the State Labor Inspectorate.

Политика Российского государства осуществляется на основании курса, направленного на обеспечение приоритета сохранения жизни и здоровья работников в современном развивающемся обществе, где соблюдение требований охраны труда на производстве заслуживает особого внимания.

Право на труд закреплено в ч. 3 ст. 37 Конституции Российской Федерации и регламентирует, что «каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности». Следственная практика свидетельствует о том, что поступающие материалы о нарушениях правил техники безопасности, рассматриваются следователями Следственного комитета (ст. 143, 216 и 217 УК РФ).

Экономическое производство в России имеет тенденции к росту, в связи с чем такая отрасль, как производство жилья и реконструкция производственных цехов подталкивают должностных лиц игнорировать нормы безопасности, при этом привлекая неквалифицированную рабочую силу к производству, поэтому и повышается доля противоправных деяний.

В реалиях сегодняшнего дня приказами руководителей следственных управлений Российской Федерации по ДФО закреплены сотрудники контрольно-следственных отделов, которые осуществляют процессуальный контроль по рассмотрению сообщений и расследованию уголовных дел о несчастных случаях на производстве.

При рассмотрении сообщений, расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с получением травм и гибелью граждан в ходе производственного процесса, необходимо осуществлять процессуальные полномочия непосредственного руководителя следственного органа и сотрудника контрольно-следственного отдела.

Проверочные мероприятия незамедлительно должны проводиться сразу после получения сообщения о несчастном случае на производстве. Следователь выезжает на осмотр места происшествия даже в тех случаях, когда сообщение поступило через значительный период времени с момента происшествия либо осмотр проводился ранее должностными лицами иного органа власти.

В ходе осмотра места происшествия необходимо привлекать специалиста для того, чтобы оказывать помощь при описании объектов, которые привели к травмированию и весь ход осмотра фиксировать с помощью фото-, видеосъемки.

На ранних стадиях доследственной проверки необходимо устанавливать причины и условия травматизма, которые способствовали гибели потерпевшего или причинения тяжкого вреда здоровью, а кроме того, даются письменные указания в порядке ст. 39 УПК РФ руководителем следственного органа по

выполнению проверочных мероприятий. Перед следователем стоит задача изучить материалы и особо сосредоточить внимание на протоколе осмотра места несчастного случая, акте о расследовании несчастного случая.

Кроме того, необходимо установить круг лиц, которых необходимо опросить по поводу происшедшего, в их круг входят: руководители организаций, их заместители, руководители структурных подразделений, в обязанности которых входила организация технических работ, результат которых привел к нарушению требований охраны труда, а также сотрудников, на которых возложены обязанности по соблюдению указанных выше требований труда и проведению инструктажа.

Поэтому необходимо при производственном травматизме изымать и осматривать следующие документы: штатное расписание, приказы о приёме на работу, должностную инструкцию лица, который отвечает за организацию труда и технику безопасности; документы, которые должны подтверждать наличие соответствующей квалификации к конкретным видам работ у пострадавшего; задание (наряды), в которых обозначался вид работы, дата, время начала и окончания, состав бригады и ответственных лиц; журнал инструктажа по технике безопасности; материалов расследования несчастных случаев на производстве.

В ходе выполнения проверочных мероприятий непосредственно должен осуществляться процессуальный контроль со стороны руководителя следственного органа, а также следователя контрольно-следственного отдела на которого возложено текущие осуществление процессуального контроля за соблюдением закона при рассмотрении сообщений и расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с нарушением требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных и иных работ.

При отсутствии достаточных данных для возбуждения уголовного дела следователь контрольно-следственного отдела инициирует проверку материала вместе с проектом постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, с целью проверки законности принятых решений об отказе в возбуждении уголовного дела.

Кроме того, по несоблюдению требований по охране труда, которые влекут причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека по неосторожности, а также гибель двух или более лиц либо причинение крупного ущерба (превышающего 500 тыс. руб.), влекут уголовную ответственность по ст. 143, 216 и 217 УК РФ).

Необходимо остановиться на том, что субъектами указанных преступлений могут выступать лица, которые осуществляли соблюдение правил техники безопасности труда. К данной категории должностных лиц относятся: должностные лица, выполняющие функции по соблюдению правил охраны труда в коммерческой или иной организации, не должностные лица, на которых возложены данные обязанности в государственных учреждениях, организациях и предприятиях. После чего установить причинную связь между этими нарушениями и наступившими последствиями

Так, АО «Усть-СреднеканГЭСстрой» осуществляла реконструкцию энергетического производственно-технологического комплекса Владивостокской ТЭЦ-2 с заменой турбоагрегатов, где Д., являлся начальником строительно-монтажного участка, а П., занимал должность производителя работ указанного участка, на них были возложены требования охраны труда и правила безопасности при ведении работ на объекте. Так, 14 августа 2025 г. при производстве ремонтных работ на объекте по ул. Фадеева, 47 г. Владивостока несоблюдение техники безопасности по расширению проема в дымовой трубе № 3 под газопроводом привело к тому, что произошло обрушение кирпичной кладки на строительные леса, в результате чего находящихся на ней рабочих А., М., Э., и М., К., придавило, причинив тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть потерпевших А., М. и Э. [4].

По каждому возбужденному уголовному делу необходимо вносить представления по причинам и условиям, способствующим совершению преступления с целью эффективного устранения этих обстоятельств. Следователь должен принимать непосредственное участие в обсуждении представления в коллективе, где произошло происшествие, отстаивая принципиально свою позицию. Также ориентировать работодателя на необходимость неукоснительного соблюдения положений о полном расчете в связи со смертью работника, начисление соответствующих выплат родственникам погибшего.

Как показывает следственная практика, уголовные дела рассматриваемой категории, которые продлеваются свыше 3 месяцев из-за большого объема работы, а также экспертиз с целью упреждающего процессуального контроля заслушиваются на оперативном совещании у заместителя руководителя следственного управления по субъекту.

Контрольно-следственные отделы по субъектам ДФО ежеквартально проводят с Государственной инспекцией труда сверки несчастных случаев на производстве и поступивших в следственные отделы сообщения о нарушении правил охраны труда.

Можно сделать вывод, что грамотное производство доследственной проверки и в дальнейшем возбуждение уголовного дела рассматриваемой категории дел позволит обеспечить наступательность в производстве расследования и направления уголовного дел в суд в разумные сроки.

Список источников

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ст. 3 (Часть I).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.
3. Уголовное дело № 12502050031000116 находится в производстве СО по Ленинскому району г. Владивостока // СК России по Приморскому краю.

УДК 343.1.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

***М. М. Чепик**, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматриваются вопросы применения технических средств при производстве следственных действий. Анализируются положения УПК РФ, федеральных законов, а также ведомственных нормативно-правовых актов, предписывающих использовать технические средства в процессе раскрытия и расследования преступлений. Делается вывод о необходимости совершенствования действующего законодательства с учетом достижений научно-технического прогресса.

Ключевые слова: техническое средство, следственное действие, научно-техническое средство, изъятие, фиксация, видео-конференц-связь, беспилотный летательный аппарат.

USE OF TECHNICAL MEANS IN THE PERFORMANCE OF INDIVIDUAL INVESTIGATIVE ACTIONS

***M. M. Chepik**, senior lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article examines the issues of using technical means in the production of investigative actions. The provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, federal laws, and departmental regulatory legal acts prescribing the use of technical means in the process of solving and investigating crimes are analyzed. A conclusion is made about the need to improve the current legislation taking into account scientific and technical progress.

Keywords: investigative actions, technical means, scientific and technical means, seizure, recording, video conferencing, unmanned aerial vehicles.

В деятельности органов предварительного расследования используются разнообразные технические средства, направленные на решение стоящих перед ними задач по обнаружению, изъятию и фиксации следов преступления и вещественных доказательств.

На современном этапе развития они превратились из вспомогательного инструмента в неотъемлемый элемент процесса доказывания, значительно повышающий эффективность и объективность производства следственных и процессуальных действий и расследования в целом.

На сегодняшний день одним из перспективных способов решения задач, стоящих перед правоохранительными органами, включая выявление, раскрытие и расследование преступлений, является использование беспилотных воздушных судов, а также устройств и технологий, основанных на искусственном интеллекте.

Мазур Е. С. и А. В. Шалакина, отмечают, что «причинами, обусловливающими необходимость использования беспилотных летательных аппаратов в раскрытии и расследовании преступлений, … является возрастание не только социальной значимости борьбы с преступностью, но и значительное расширение научно-технических возможностей, предоставляемых учеными для борьбы с преступностью» [11, с. 145].

Беспилотные летальные аппараты перестали быть экзотикой и превратились в эффективный инструмент, способный кардинально изменить традиционные подходы к сбору и анализу криминалистической информации [9, с. 46].

Спектр возможностей применения беспилотников прежде всего связан с их использованием при производстве отдельных следственных действий, таких как осмотр места происшествия, следственный эксперимент и проверка показаний на месте.

О перспективах и возможностях искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов неоднократно упоминал глава государства В. В. Путин.

Так, еще в 2024 г. В. В. Путин рекомендовал правоохранительным органам и судам Российской Федерации «проанализировать практику применения технологий искусственного интеллекта при расследовании преступлений и при необходимости представить предложения по ее совершенствованию» [12].

В положениях отдельных федеральных законов [3, 4, 5] и ведомственных нормативных актов МВД России и СК России [6;7] также можно встретить упоминание понятия «техническое средство» и ориентир для правоприменителя в части использования достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем.

Однако имплементация современных технических средств, в том числе беспилотных воздушных судов и устройств, основанных на системе

искусственного интеллекта в процесс расследования преступлений порождает комплекс теоретических и практических вопросов, центральным из которых является определение самого понятия «техническое средство».

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ не предусматривает определения понятия «техническое средство», однако в тексте закона оно упоминается более 30 раз. Ряд норм кодекса прямо указывают на обязанность следователя (дознавателя) применять технические средства для фиксации результатов следственного действия (ст. 170, 178 УПК РФ), другие предусматривают лишь случаи применения технических средств, либо указывают на возможность их применения (ст. 179, 180, 186, 189, 190 УПК РФ).

Также нормы УПК РФ регулируют ситуации, при которых у отдельных участников уголовного судопроизводства возникает право или обязанность по применению технических средств, условия, цели и правила их применения (ст. 42, 47, 53, 54, 81.1, 217 УПК РФ).

Ключевая норма, содержащаяся в ч. 1 ст. 164 УПК РФ, гласит, что при производстве следственных действий «могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств» [2].

В данном случае речь идет о так называемой «криминалистической технике, к которой традиционно относятся физические и химические средства выявления следов, оптические, световые и измерительные приборы, криминалистическая фотография и др.» [10].

Анализируя содержащуюся в вышеупомянутой статье формулировку можно выделить характерные признаки технического средства, отражающие его сущность, а именно функциональное назначение, процессуальный и инструментальный характер.

Функциональное назначение состоит в обнаружении, фиксации и изъятии доказательственной информации. Процессуальный и инструментальный характер проявляется в том, что, являясь вспомогательным инструментом, применяющимся в рамках конкретного следственного действия, техническое средство расширяет возможности органов предварительного расследования и суда.

Закон не содержит исчерпывающего перечня технических средств, допускаемых к использованию в рамках судопроизводства, что позволяет правоприменителю гибко применять достижения научно-технического прогресса.

Однако отсутствие общего определения в УПК РФ приводит к тому, что под техническим средством de facto понимается любое устройство или прибор, используемый для достижения процессуальных целей, что создает избыточную широту толкования.

Так, А. Е. Федюнин отмечает, что «отсутствие законодательно закрепленного понятия технических средств не только влечет за собой неясность

нормативно-правовых формулировок, но и негативно сказывается на качестве дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства уголовных дел» [13, с. 36].

Нет единого понимания, что считать техническим средством в рамках уголовного судопроизводства и среди ученых-процессуалистов. Каждое авторское определение имеет свои отличия и особенности в определении того, что является техническим средством [8, 10, 15]. Также в научной среде нередко происходит подмена понятий «техническое средство», «научно-техническое средство» и «технико-криминалистическое средство».

Такая неопределенность в определении понятия «техническое средство» как со стороны законодателя, так и со стороны научного сообщества, закономерно порождает вопросы, связанные со статусом, полученной в результате их применения информации.

Основная проблема – соответствие полученной доказательственной информации требованиям, предъявляемым к доказательствам.

Представляется логичным, что, вовлекаясь в процесс доказывания подобная информация должна соответствовать требованиям относимости, допустимости и достоверности, установленным уголовно-процессуальным законодательством. Однако действующий УПК РФ не содержит унифицированного порядка применения технических средств, требований к оформлению их использования (помимо общих правил протокола), правил изъятия и хранения информации, полученной техническим путем, что может негативно сказаться на процессе расследования, особенно в случае применения новейших технических средств (беспилотные летательные аппараты, телематическое оборудование, системы искусственного интеллекта и т. п.).

Также одной из проблем остается поиск баланса между необходимостью применения технических средств в целях расследования и защитой персональных данных. Широкое применение технических средств для сбора информации (видеонаблюдение, анализ трафика) часто соприкасается с пределами допустимого вмешательства в частную жизнь граждан.

Для преодоления указанных проблем представляется необходимым следующее.

1. Ввести базовое определение в ст. 5 УПК РФ («Основные понятия»).

2. Дифференцировать правовой режим использования технических средств. Закрепить в УПК РФ:

– общий порядок применения простых технических средств фиксации (фотоаппарат, диктофон);

– специальный порядок для сложных и наукоемких технических средств, результаты которых требуют специальных знаний для интерпрета-

ции (аналогично экспертизе), с обязательным предупреждением об их использовании и возможным участием специалиста;

– исчерпывающий перечень технических средств, использование которых возможно только на основании судебного решения (по аналогии со специальными техническими средствами, применяемыми в рамках в ОРД).

3. Разработать и законодательно закрепить критерии оценки допустимости доказательств, полученных с помощью технического средства.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с изм., одобрен. в ходе общерос. голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 27.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: ред. от 28.11.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О Следственном комитете Российской Федерации: федер. закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ: ред. от 01.04.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ: ред. от 01.04.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О нормах обеспечения криминалистической и специальной техникой в Следственном комитете Российской Федерации: приказ Председателя Следственного комитета Рос. Федерации от 27.12.2011 № 159: ред. от 28.11.2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации: приказ Следственного комитета Рос. Федерации от 08.08.2013 № 53: ред. от 28.11.2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов в 3-х т. 3-е изд., доп. М., 2001. Т. 1. 323 с.
9. Иванов С. П. Криминалистическая техника XXI века: тенденции и перспективы // Вестник криминалистики. 2021. № 4 (48). С. 44–50.
10. Литвин И. И. Технические и электронные средства в уголовном судопроизводстве: понятие, место и роль // Юридические исследования. 2017. № 1. С. 98–104.
11. Мазур Е. С., Шалакин А. В. Современные технико-криминалистические средства, применяемые при проведении поисковых следственных действий // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Томск, 2017. Ч. 74. С. 146–148.

12. Путин поручил продумать более эффективное применение ИИ в расследованиях // URL: https://tass.ru/obschestvo/19747335 (дата обращения: 11.11.2025).
13. Федюнин А. Е. Правовое регулирование технических средств в уголовном процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2008. 46 с.
14. Цомая С. Д. Правовое регулирование и доказательственное значение применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. 239 с.

УДК 343.1.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНСТИТУТА СОКРАЩЕННОГО ДОЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

***М. М. Чепик**, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***А. А Воронецкий**, курсант Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье проведен анализ института сокращенного дознания, введенного в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в 2013 г. Рассматриваются его процессуальная природа, условия и порядок применения, а также практические проблемы реализации на современном этапе. На основе изучения судебной практики и статистических данных выявляются основные тенденции и противоречия, связанные с использованием данной формы предварительного расследования.

Ключевые слова: дознание, сокращенная форма, процессуальная экономия, процессуальная форма, нарушение прав.

THE CURRENT STATE OF THE INSTITUTE OF ABBREVIATED INVESTIGATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

***M. M. Chepik**, senior lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***A. A Voronetsky**, cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article provides a comprehensive analysis of the institution of abbreviated preliminary investigation, introduced into the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in 2013. It examines its procedural nature, conditions, and application, as well as practical challenges of its current implementation. Based on a study of judicial practice and statistical data, the main trends and contradictions associated with the use of this form of preliminary investigation are identified.

Keywords: preliminary investigation, abbreviated form, procedural economy, procedural form, violation of rights.

Институт дознания в своем историческом развитии прошел через ряд процессуальных форм, при этом на каждом этапе законодательное понимание его сущности и задач претерпело существенные изменения.

Эволюция коснулась и такой формы предварительного расследования, как дознание в сокращенной форме. Ее правовым предшественником выступала протокольная форма досудебной подготовки материалов, закрепленная в нормах Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. Ключевым преимуществом указанной формы являлась ее высокая процессуальная эффективность, выражавшаяся в оперативности осуществления уголовного преследования и последующем направлении уголовного дела в суд.

Любое изменение уголовно-процессуальной формы, включая ее упрощение, должно быть детерминировано публичными интересами, соответствовать действующей правовой системе и гарантировать реализацию прав и законных интересов участников судопроизводства [9, с. 18].

Потребность в существовании дознания в сокращенной форме для правоприменителя заключается прежде всего в обеспечении процессуальной и экономической эффективности при расследовании преступлений небольшой тяжести.

С точки зрения лица, привлекаемого к уголовной ответственности, частный интерес в уголовном судопроизводстве заключается в минимизации строгости уголовно-правовых санкций, назначение наказания, соразмерного содеянному, а также исключение возможных судебных ошибок в отношении невиновного.

Частный интерес потерпевшего от преступления включает в себя: незамедлительное реагирование компетентных органов на заявление о преступлении, обеспечение неотвратимости уголовной ответственности для виновного, а также реализацию права на реституцию или иную форму заглаживания причиненного вреда.

Таким образом, институт дознания в сокращенной форме должен функционировать при неукоснительном соблюдении следующих факторов.

1. Сохранение гарантий прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовный процесс.

2. Установление объективной истины и привлечение к ответственности лиц, виновность которых доказана.

3. Назначение виновному соразмерного и справедливого наказания.

4. Возмещение вреда, причиненного потерпевшему.

Сокращенное дознание, введенное в российский уголовный процесс в 2013 г., изначально позиционировалось как инновационный инструмент, призванный разгрузить органы предварительного расследования, сократить сроки производства по малозначительным и очевидным преступлениям и реализовать

принцип процессуальной экономии. Однако более чем десятилетняя практика его применения выявила глубокие внутренние противоречия и системные препятствия, превратившие потенциально эффективный механизм в малоиспользуемую и проблемную процедуру.

В качестве одной из основных причин, не позволяющих в полной мере говорить об эффективности данного института, выступает тот факт, что реальная возможность производства дознания в сокращенной форме ставится в зависимость от волеизъявления потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого) лица.

Положения гл. 32.1 УПК РФ, а именно ч. 6. ст. 226.2 и ч. 3 ст. 226.3 позволяют подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему или его представителю инициировать процедуру прекращения производства дознания в сокращенной форме на любом этапе расследования и судебного разбирательства (до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора), что свою очередь «вынуждает» как дознавателя, так и суд возвратиться к общему порядку дознания.

Такие возможности возврата к первоначальной форме дознания, несомненно, влекут за собой увеличение фактических сроков расследования и препятствуют достижению назначения уголовного судопроизводства в части защиты прав и законных интересов потерпевших.

Подобный дисбаланс между правами потерпевших, подозреваемых и правами дознавателя на выбор формы расследования не побуждает последнего осуществлять дознание в сокращенной форме в силу возможности возвращения ему уголовного дела на дополнительное расследование по обстоятельствам, от него не зависящим [10, с. 133].

Следует согласиться с позицией Гаврилова Я. Б., который справедливо указывает на то, что «решение о производстве расследования в сокращенной форме должно быть за уголовно-процессуальным законом и лицом, производящим расследование [4, с. 21].

Лопатников М. В. и Александров А. С. отмечают, что «стоит вообще отказаться от согласования с потерпевшим производства дознания в сокращенной форме, оставив за ним право обжалования данного решения в порядке ст. 125 УПК РФ» [8, с. 26].

Помимо обозначенной выше проблемы критике нередко подвергается и заложенная в сокращенной форме дознания так называемая «редукция» доказывания. Положения ст. 226.5 УПК РФ существенно сужают круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а именно из него изъяты обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, смягчающие и отягчающие наказание, могущие повлечь освобождение от уголовной ответственности и наказания. Как справедливо отмечает ученый-процессуалист Е. А. Доля, «такое решение породит трудности для судей при назначении меры наказания» [7, с. 44].

Следует также отметить, что положения ст. 226.5 УПК РФ не содержат указаний о необходимости устанавливать такие обстоятельства, как форма вины и мотивы лица, совершившего преступление. На наш взгляд, это существенное упущение, допущенное законодателем. В ряде случаев данные обстоятельства подлежат обязательному установлению при расследовании уголовного дела.

Ускоренный порядок производства дознания создает предпосылки для принятия стандартизированных процессуальных решений, лишенных должной индивидуальной оценки. Как указывает Т. Г. Бородинова, «в 92 % изученных уголовных дел не проверялись альтернативные версии произошедшего, в 87 % случаев не были установлены и исследованы смягчающие ответственность обстоятельства. Кроме того, в 78 % производств в упрощенной форме дознания не были учтены материалы, характеризующие личность подозреваемого (обвиняемого)» [3, с. 33].

Помимо прочего, положения ст. 226.5 УПК РФ приводят к тому, что дознаватели, постоянно находясь под угрозой возвращения дела для производства дознания в общем порядке, в том числе по мотивам спорности доказательственной базы часто производят все следственные действия в полном объеме. Таким образом, фактический объем процессуальных действий при производстве дознания в сокращенной форме на практике не отличается от объема выполняемого в общем порядке.

В связи с обозначенным выше фактом, дознаватели нередко отказываются от проведения расследования именно в форме сокращенного дознания, ведь при сложившейся практике они вынуждены проводить полноценное дознание фактически в десятисуточный срок.

Несмотря на четкое определение в нормах гл. 32.1 УПК РФ необходимых условий для применения обозначенной формы расследования, содержание отдельных из них вызывает сложности в практической плоскости.

Так, правоприменитель сталкивается с проблемой недостаточной определенности таких оценочных категорий, как «очевидность» деяния и «неопровержимость» доказательств.

Стоит отметить, что «очевидность преступления, признание подозреваемым вины, согласие виновного на досудебное производство в формате ускоренной процедуры являются определяющими при принятии решения об упрощенном судопроизводстве по конкретному факту в странах как континентальной, так и англосаксонской систем права» [5, с. 280].

Закон требует, чтобы обстоятельства дела были «очевидны» для лица, совершившего преступление. Однако этот субъективный критерий не имеет объективных юридических параметров для оценки дознавателем, что, как справедливо отмечает Л. В. Головко, приводит к их субъективной трактовке [6, с. 89].

Установленное в действующем законодательстве разграничение понятия «очевидность» порождает проблемы, указанные выше. В целях обеспечения

единообразного применения закона и правовой определенности представляется необходимым закрепить определение «очевидности» через исчерпывающий перечень критериев. К таким могут быть отнесены: наличие видеозаписи деяния, явка с повинной, зафиксированная надлежащим образом, а также вещественные доказательства, изъятые непосредственно на месте происшествия. Параллельно целесообразно рассмотреть вопрос о замене термина «неопровержимость» на более корректный с точки зрения теории доказательств критерий «достаточности доказательств» для принятия соответствующего процессуального решения.

Таким образом, можно сделать вывод, что институт дознания в сокращенной форме не лишен системных дефектов в его законодательной конструкции и нуждается в дальнейшем совершенствовании. Вектор совершенствования должен быть направлен на поиск оптимального баланса между правами участвующих лиц и целями процессуальной экономии.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с изм., одобрен. в ходе общерос. голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 27.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Бородинова Т. Г. Судебная практика по делам сокращенного дознания // Российский судья. 2024. № 3. С. 33–39.
4. Гаврилов Б. Я. Дознание в сокращенной форме: законодательные мифы и реалии правоприменения // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. № 6. С. 21–28.
5. Гирько С. И., Харченко С. В., Долгополов А. А., Камбаров А. М. Российское ускоренное дознание: современные метаморфозы процессуальной формы // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16. № 3 (59). С. 274–284.
6. Головко Л. В. Упрощенные производства в уголовном процессе. М., 2023. 320 с.
7. Доля Е. А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья. 2013. № 6. С. 43–46.
8. Лопатников М. В., Александров А. С. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «Сокращенного дознания» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 16–22.
9. Томин В. Т. Процессуальные гарантии в сокращенном дознании // Уголовный процесс. 2023. № 5. С. 18–25.
10. Шпагина Ю. В. Об ускоренном досудебном производстве как виде уголовно-процессуальной деятельности полиции // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 133–135.

Материалы Всероссийского круглого стола «Проблемы обеспечения общественного порядка и общественной безопасности в современных условиях» (12 декабря 2025 года)

УДК 351.75

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И БЕЗОПАСНОСТИ: ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

***Е. Ш. Абитова**, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена исследованию процессов систем трансформации в сфере обеспечения общественного порядка и безопасности. Рассматриваются современные инновационные технологии, такие как системы видеонаблюдения с искусственным интеллектом и методами распознавания лиц, сбор и обработка больших объемов данных, которые активно внедряются в деятельность правоохранительных органов. Выделены перспективные направления развития цифровых технологий в правоохранительной деятельности для формирования эффективной модели обеспечения общественного порядка и безопасности.

Ключевые слова: цифровая трансформация, информационные технологии, цифровизация, охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, инновационные технологии, искусственный интеллект.

DIGITAL TRANSFORMATION OF PUBLIC ORDER AND SECURITY SYSTEMS: INNOVATIVE TECHNOLOGIES, INTERAGENCY COOPERATION, AND THE ROLE OF CIVIL SOCIETY

***E. Sh. Abitova**, senior lecturer at the Department of Special Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This scientific article aims to study the role and significance of information technologies in the activities of the Russian Interior Ministry, identify current problems, and propose possible solutions. The article analyzes the key areas of use for information technologies, including computer systems, software, databases, and communication tools, which are employed by the Russian Interior Ministry's officers in their daily work. Special attention is given to the legal regulation and organizational aspects of implementing innovative technologies in the practical activities of the Russian Interior Ministry.

Keywords: digital transformation, information technologies, digitalization, public order protection, public safety, innovative technologies, and artificial intelligence.

В связи с тем, что в последнее время стремительно развивается мир цифровых технологий, то вместе с ним необходимо совершенствовать пути обеспечения общественного порядка и безопасности граждан.

Цифровая трансформация – это процесс внедрения цифровых технологий в деятельность правоохранительных органов с целью кардинального изменения способов обеспечения общественной безопасности и охраны общественного порядка, оперативного принятия решений и результативного взаимодействия с гражданами. В контексте обеспечения общественного порядка и безопасности этот термин подразумевает широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), таких как видеонаблюдение, искусственный интеллект, обработка больших объемов данных, облачные сервисы и прочее.

Преимущества цифровой трансформации заключаются в повышении точности и скорости обработки информации, возможности оперативного реагирования на происшествия и предупреждения преступлений, сокращении бюрократических процедур и упрощение доступа граждан к услугам, увеличении прозрачности и подотчетности органов власти.

Однако наряду с преимуществами возникают и серьезные вызовы, связанные с рисками нарушения конфиденциальности, кибератаками и недостаточной квалификацией кадров.

Инновационные технологии играют ключевую роль в цифровой трансформации систем обеспечения общественного порядка и безопасности. Среди них выделяют несколько следующих групп.

1. Видеонаблюдение и системы распознавания. Системы видеонаблюдения с функцией распознавания лиц и объектов получили широкое распространение. Данные технологии способствуют повышению уровня безопасности, помогая в выявлении и пресечении противоправной деятельности, а также содействуя поддержанию общественного порядка. Например, система «Умный город» в г. Хабаровске помогает в поиске преступников, в отслеживании подключения домов г. Хабаровска к отоплению, в обнаружении отсутствия разметок или неочищенных мест на дорогах и во многих других сферах. Для того, чтобы весь город был, как на ладони, операторы мобильной связи и управляющие компании подключают к общей системе единой дежурной диспетчерской службы все свои камеры видеонаблюдения.

2. Искусственный интеллект. Используется для обработки больших объёмов информации, выявления подозрительных действий, опознания лиц. Самой распространённой технологией можно назвать технологию распознавания лиц на видеокамерах, установленных в общественных местах, на улицах. Такие видеокамеры помогают идентифицировать преступников в уличном пространстве: в парках, скверах, на улицах. Примером успешного внедрения технологий служит проект «Безопасный город» в г. Хабаровске, система выполняет две основные функции: профилактика правонарушений – видеокамеры снижают вероятность совершения преступлений и помощь в раскрытии преступлений – информация с камер передаётся в правоохранительные органы. С 2022 г. в рамках системы проходит опытная эксплуатация системы интеллектуального видеонаблюдения (системы распознавания лиц), которая может одновременно анализировать 70 видеопотоков.

3. Большие данные и аналитика. Сбор и обработка больших объемов данных позволяют получать ценную информацию о поведении граждан, перемещениях транспортных потоков и потенциальных угрозах. Применение аналитики больших данных дает возможность принимать обоснованные управленческие решения, предупреждать чрезвычайные ситуации и повышать общий уровень безопасности. Пример такого подхода демонстрирует проект «Городские индикаторы» в г. Казани, где собираются и анализируются данные о состоянии дорог, экологии и криминогенной обстановке.

4. Геоинформационные системы (далее – ГИС). ГИС предоставляют возможность визуализации пространственных данных, что облегчает планирование

и координацию действий различных ведомств. Они широко применяются для отслеживания чрезвычайных ситуаций, эвакуации населения и оперативной помощи пострадавшим. Одним из ярких примеров является система «ЭРА-ГЛОНАСС», обеспечивающая мониторинг транспортных средств и своевременное реагирование на аварии.

Эффективное функционирование механизмов обеспечения общественного порядка и безопасности требует тесного взаимодействия различных ведомств и организаций. Цифровая трансформация создает благоприятные условия для налаживания такого взаимодействия путем объединения информационных ресурсов и автоматизации рабочих процессов. Удачным примером взаимодействия между ведомствами можно назвать проект «Интеграция городских систем безопасности» в г. Сочи. Данный проект объединяет усилия полиции, МЧС, медицинских учреждений и коммунальных служб, результаты данного взаимодействия позволяют оперативно реагировать на разные происшествия, инциденты, минимизировать последствия чрезвычайных ситуаций. Такие проекты реализуются и в других крупных городах России.

Некоторые формы взаимодействия между гражданским обществом и государством для обеспечения общественного порядка и безопасности в связи с развитием информационных технологий.

1. Создание платформ, интернет-сайтов, мобильных приложений, где граждане могут подавать обращения и заявления о нарушении правил дорожного движения. Например, приложение «Народный инспектор», которое действует только в Республике Татарстан. Через приложение можно заявить о таких правонарушениях, как стоянка и парковка на запрещенных участках, пересечение сплошных и стоп-линий на светофорах, движение по обочинам и выделенным полосам.

2. Общественные дискуссии и разработка коллективных решений. На базе различных интернет-платформ осуществляются общественные дискуссии, разработки коллективных решений, в которые вовлекается всё большее количество субъектов.

3. Оценка деятельности государственных структур и правоохранительных органов. Некоторые субъекты Российской Федерации предусмотрели на официальных сайтах возможность для их жителей оценить деятельность государственных органов.

Использование цифровых технологий придаёт взаимодействию государственных органов и общества интерактивный характер: граждане из пассивных потребителей информации превращаются в активных участников, которые незамедлительно публично реагируют на решения и действия органов государственной власти, тем самым осуществляя непосредственный общественный контроль за государственными решениями.

Проведенное исследование показало, какое огромное влияние оказывает развитие информационных технологий на системы обеспечения общественного порядка и безопасности. Внедрение цифровых технологий позволяет значительно повысить эффективность правоохранительной деятельности, сократить уровень преступности и укрепить доверие населения к государственным институтам.

Тем не менее, для полной реализации потенциала цифровой трансформации в сфере обеспечения безопасности необходимо решить ряд актуальных задач. К ним относятся: формирование единого правового пространства, регулирующего применение цифровых технологий в правоохранительной деятельности; повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов в области использования цифровых инструментов; создание необходимой инфраструктурной базы для эффективного внедрения и функционирования цифровых систем. Дальнейшие шаги должны включать усиление межведомственного взаимодействия, привлечение гражданских активистов и формирование устойчивой цифровой экосистемы, способствующей созданию безопасной и комфортной среды для жизни и деятельности граждан.

Список источников

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О персональных данных: федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об электронной подписи: федер. закон Рос. Федерации от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Рос. Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Стратегическое направление в области цифровой трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2030 года: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 5 апреля 2024 г. № 842-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Об утверждении Наставления по организации информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 20 декабря 2016 г. № 860. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Дыбля Т. В., Тарасов В. О., Косников С. Н. технологии обеспечения безопасности в условиях цифровой трансформации // Прикладные экономические исследования. 2023. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-obespecheniya-bezopasnosti-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii (дата обращения: 03.11.2025).
8. Непранов Р. Г., Позднышов А. Н. Формы цифрового взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества // Трансформация механизма государства в период становления и развития инновационного электронного государства: сб. 2024. С. 294–298.

УДК 342.95

К ВОПРОСУ О МНОЖЕСТВЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

***Д. М. Бондаренко**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматривается одна из наиболее сложных категорий административного права – множественность административных правонарушений. Автором проведен анализ теоретических положений и правоприменительной практики. Отсутствие легального законодательного определения множественности, а также ее видов порождают некоторые трудности при принятии процессуальных решений, исходя из чего делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования данного института.

Ключевые слова: множественность, совокупность, повторность, административное правонарушение.

ON THE QUESTION OF MULTIPLE ADMINISTRATIVE OFFENSES

***D. M. Bondarenko**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article examines one of the most complex categories of administrative law: multiple administrative offenses. The author analyzes theoretical principles and law enforcement practice. The lack of a legally defined definition of multiple offenses, as well as their types, creates certain difficulties in procedural decision-making, leading to the conclusion that further improvement of this concept is necessary.

Keywords: multiple offenses, aggregate offenses, repetition, administrative offense.

Современное государство в своем непрерывном развитии неоднократно сталкивается с множеством вызовов и угроз, среди которых преступления и административные правонарушения занимают особое место. Сравнивая приведенные противоправные деяния, важно сказать, что доля административных правонарушений в значительной степени выше. Появляются признаки, что их доля увеличивается, а это в свою очередь говорит о нарастании угроз

для современного общества со стороны лиц, в своем поведении выходящих за обозначенные государством границы правового поля. Несмотря на предпринимаемые усилия, масштабность явления увеличивается.

С учетом того, что административные правонарушения имеют более высокие количественные показатели, тот факт, что им, как и уголовным преступлениям, присуще такое качество, как множественность совершения, наводит на мысли о необходимости изучения данного явления, так как оно концептуально может нанести серьезный вред общественным отношениям в различных сферах. Если обратиться к статистике административных правонарушений судами первой инстанции, то по состоянию на 2024 г. мы увидим следующую картину. Всего за год рассмотрено 5953 669 дел по всем статьям Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ), из которых административное наказание понесли 4910 414 лиц [1]. По мнению Н. А. Ахтаниной, отмеченный разрыв в статистике (почти на 1 млн дел) может быть связан с таким явлением административно-правовой действительности, как множественность правонарушений [3, с. 20–23].

В теории административного права множественность определяется как совершение одним лицом двух или более правонарушений, которые не потеряли юридическую значимость. Кроме того, принято выделять два вида множественности:

– совокупность или совершение двух и более правонарушений, предусмотренных различными статьями Особенной части КоАП РФ. При этом лицо ранее ни по одной из них не было привлечено к административной ответственности;

– повторность или совершение двух и более правонарушений, предусмотренных одной статьей КоАП РФ, если не менее двух из них совершены в течение года без привлечения лица к административной ответственности ранее ни за одно из них.

В действующем административном законодательстве эти два вида не отражены.

Законодательное явление множественности отражено в КоАП РФ в ст. 4.4. Если правонарушение рассматривается как множественность в виде повторности, то наказание предусмотрено ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ. В том же случае, если множественность проявилась в виде совокупности, то наказание предусматривается ч. 2–4, 6 КоАП РФ. Наказание в этом случае более строгое в виду того, что при совершении лицом правонарушений по нескольким составам, общественная вредность деяния считается более высокой. В тоже время мы видим несовершенство законодательного регулирования данного обстоятельства на примере административной преюдиции по ст. 158.1 УК РФ, где аналогичное правонарушение (мелкое хищение), предусмотренное ст. 7.27 КоАП РФ, совершенное в течение одного года, в первом случае рассматривается как административное

правонарушение, во втором случае как уголовно наказуемое деяние. Таким образом, допускается при повторности аналогичного правонарушения появление в действиях правонарушителя признака общественной опасности. Кроме того, имеется ряд практических вопросов, связанных с административными взысканиями в отношении юридических лиц, при проведении одного контрольного мероприятия, в отношении которых выносится несколько постановлений об административных правонарушениях с назначением административного штрафа по каждому из них, что противоречит положениям ч. 2 ст. 4.4 КоАП РФ.

Примером такой ситуации может быть определение Верховного Суда РФ от 3 апреля 2024 г. № 301-ЭС23–25028 по делу № А11-10811/2022 [2]. Компания предоставила в таможенный орган статистические данные по учету перемещения товара с нарушением установленных сроков, за что таможенным органом было составлено 14 протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 ст. 19.7.13 КоАП РФ с назначением административного наказания в виде штрафа по каждому из них. Компания обратилась с апелляцией в Арбитражный суд о признании вынесения наказания по 13 постановлениям из 14, не подлежащих исполнению, с чем суд согласился. Однако суд следующей инстанции в рамках кассационного производства отменил указанный судебный акт, основываясь на том, что составление 14 постановлений об административных правонарушениях не могут свидетельствовать о проведении одного контрольного мероприятия. Определением Верховного Суда РФ это постановление суда было отменено на основании ч. 1 ст. 291.11 АПК РФ.

В данном примере мы видим разночтения в трактовке положений административного законодательства по вопросу применения положений ст. 4.4 КоАП РФ. В приведенном случае определились два разных подхода к вопросу. В одном из них каждое из выявленных правонарушений образует отдельный состав административного правонарушения с вынесением административного наказания за каждый состав. В другом случае только одно из постановлений подлежит административному наказанию, другие однородные в рамках одного контрольного мероприятия подлежат отмене. Такой подход соответствует ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ. Кроме того, он также не вступает в противоречие с ч. 5 ст. 4.1 КоАП РФ.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, мы видим необходимость дальнейшего изучения феномена множественности административных правонарушений в целях ее научного осмысления и последующего совершенствования законодательных норм. Следует уделить внимание необходимости введения и закрепления в статьях КоАП РФ понятий совокупности и повторности административных правонарушений в целях избежания разногласий на практике. Для правоприменителя это имеет решающее значение, что было выше показано на примере судебного разбирательства. Также целесообразно поднять вопрос

об объективности современного института административной преюдиции, так как на сегодняшний день не имеется четких критериев, свидетельствующих о появлении признака общественной опасности административного правонарушения при его повторном совершении в сравнении с иными деликтами. Мы видим необходимость дальнейшего исследования рассматриваемой темы во взаимосвязи с иными институтами административного права, так как в настоящее время, неопределенность положения множественности административных правонарушений вышла за рамки теоретического интереса и стала острой практической проблемой, препятствующей повышению эффективности и обоснованности правоприменительной деятельности.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 04.11.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 03.04.2024 № 301-ЭС23–25028 по делу № А11-10811/2022 // URL: https://base.garant.ru/408632419/ (дата обращения: 16.11.2025).
3. Ахтанина Н. А. Множественность административных правонарушений: дис. … канд. юрид. наук / Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 2022, 176 с.

УДК 343.3/.7

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПРИЗНАКОВ СИСТЕМАТИЧЕСКИХ СЕКСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПОЛУЧЕНИЕ ВЫГОДЫ

И. Г. Бурдинский, *старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье автором предпринята попытка вывести дефиницию «проституция» в современном российском законодательстве, вычленить основные признаки данного противоправного деяния. Актуальность данной темы заключается в том, что нормативно понятие «проституция» в российском законодательстве не нашло своего закрепления, а для правоприменительной практики данный вопрос считается важным и актуальным, чтобы исключить вольное толкование данного термина.

Ключевые слова: проституция, половое поведение, сексуальное поведение, возмездность, форма полового поведения, толкование термина «проституция», признак проституции, периодичность, системность.

PROBLEMS OF LEGAL ASSESSMENT OF SIGNS OF SYSTEMATIC SEXUAL RELATIONS TENDED TO BENEFIT FROM

I. G. Burdinsky, *senior lecturer of the Department of Special Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

In this article, the author attempts to define the term "prostitution" in modern Russian legislation and identify the main characteristics of this illegal act. The relevance of this topic lies in the fact that the concept of "prostitution" has not been legally defined in Russian legislation, and this issue is considered important and relevant for law enforcement practice in order to avoid arbitrary interpretations of the term.

Keywords: prostitution, sexual behavior, sexual activity, remuneration, form of sexual behavior, interpretation of the term "prostitution", sign of prostitution, frequency, and system.

В обыденном понимании все привыкли воспринимать под проституцией оказание сексуальных услуг, преимущественно лицом женского пола, за какое-либо вознаграждение. В переводе с латинского языка под словом «проституция» буквально понимается «выставление для разврата» или же «выставление напоказ». Но при этом, несмотря на относительно аляповатое понимание данного явления, в действующем отечественном законодательстве данное понятие где-либо не раскрыто, но при этом предусмотрена юридическая ответственность за занятие «данным пикантным делом».

Так, в частности, к вопросу об установлении ответственности именно за проституцию посвящены три статьи, а именно ст. 6.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), которая регулирует общественные отношения в сфере занятия проституцией, и ст. 240 и 241 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), которые регулируют отношения в сфере вовлечения в занятие проституцией и организации занятия проституцией. В вышеуказанных нормах законодателем какого-либо определения «проституции» не закреплено.

Также в КоАП РФ содержится ст. 6.12, которая касается получения дохода от занятия проституцией, если данный доход связан с занятием проституцией другого лица. В данной норме законодателем также не дано какой-либо дефиниции.

Формулируя определение какого-либо явления, события, предмета или какой-либо категории следует определиться с признаками, которые их непосредственно определяют. Рассматривая проституцию с правовой точки зрения, следует, в первую очередь, и оно же главное, отметить ее возмездность, т. е. это некое, вне правовой точки зрения, соглашение между субъектами, по которому одна сторона оказывает услугу, а вторая обязуется вознаградить за оказанную услугу. Соответственно, если данного рода услуга находится вне российского правового поля, то и положения ст. 423 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) не распространяются, но тем не менее общие признаки свойственны, а именно договор, по которому сторона должна получить плату или иное встречное предоставление услуг за исполнение своих обязанностей. Предметом вознаграждения могут служить не только денежные средства (не важно в национальной или в не национальной валюте), но и как иные материальные средства, предметы (какое-либо имущество, драгоценные металлы), так и нематериальные, например, какие-либо услуги, покровительство. Именно признак возмездности, определяющий коммерческий характер полового акта, переводит его в статус секс-услуги, которая, в отличие от беспорядочных сексуальных сношений, предполагает

обязательную предварительную договоренность о плате за нее. Таким образом, к проституции, по нашему мнению, ни в коем случае нельзя относить сожительство или же брак «по расчету», т. е. брак, который заключается с обеспеченным человеком. В данном случае со стороны другого лица преследуется не только цель удовлетворения полового влечения, но и цель обеспечения, в первую очередь своего, устойчивого имущественного и общественного положения в целом. Таким образом именно признак возмездности помогает отделить проституцию от других форм сексуального поведения, в частности от так называемого легкого поведения или неразборчивости в половых связях, при которых также имеют место беспорядочные связи, нередко влекущие получение лицом, ведущим такой образ жизни, подарков от его часто меняющихся партнеров.

Также в качестве одного из основных признаков проституции следует отметить форму сексуального, или полового, поведения. Сексуальное (половое) поведение, с точки зрения сексологии, это совокупность соматических, психических и социальных процессов, которыми движет и посредством которых удовлетворяется половое влечение [5]. Традиционно формой сексуального поведения при занятии проституцией понимается совершение полового акта как в естественной форме, так и в неестественной. Но современные тенденции развития общества и сферы оказания сексуальных услуг создают новые формы сексуального поведения, которые оказывают воздействие на партнера без признаков полового акта, вызывающее половое (сексуальное) возбуждение. К таким формам можно отнести различные салоны, оказывающие массажно-сексуальные услуги, которые имеют обширное распространение по городам России (или «мужские спа-салоны» или «салоны эротического массажа»), либо соответствующая демонстрация сексуального контента онлайн или офлайн на различных электронных площадках и интернет-сайтах. По вопросу юридической ответственности во втором случае каких-либо вопросов о квалификации у правоохранительных органов возникнуть не может. Куда сложнее стоит вопрос о квалификации деятельности «салонов эротического массажа». В данном контексте не рассматриваются массажи, которые по внешней форме могут относится к эротическим, но по своей содержательной части оказываются в специальных медицинских учреждениях и по соответствующему назначению лечащего врача. Проблема квалификации данного деяния существует в настоящее время и какой-либо единой правоприменительной практики не сформировано. Так, постановлением мирового судьи судебного участка № 383 Мещанского района г. Москвы от 20 февраля 2025 г. по делу № 5-273/383/2025 субъект административного правонарушения была признана в качестве виновной по ст. 6.11 КоАП РФ «Занятие проституцией». Фабула правонарушения заключалась в том, что девушка, являясь сотрудником массажного салона, оказывала сексуальные услуги в форме интимного массажа посетителям. Данный факт был выявлен в ходе

контрольной закупки, которая проводилась сотрудниками полиции. Доводы субъекта о том, что какие именно массажные услуги оказывались в салоне она не знала, с протоколом была ознакомлена по ошибке в силу усталости. Данные доводы в качестве защиты судом были отклонены, так как противоречили доказательствам по делу [8]. По другому делу № 12-981/2017, рассмотренном в Кировском районном суде г. Уфы, обжаловав постановление мирового судьи о назначении административного наказания гражданке Ш. за совершение ею правонарушения, предусмотренного ст. 6.11 КоАП РФ, защитник акцентировал внимание на то, что в отношении его подзащитной не было доказано совершение полового акта с проникновением за денежное вознаграждение, высказал суду свою позицию, которая выражается в том, что «услуга «эротический массаж» не является проституцией», а также обратил внимание на то, что эти услуги Ш. не оказывались систематически. Сама же гражданка Ш. в суде пояснила, что работает массажистом в салоне, проводит классический массаж расслабляющего характера и эротический массаж. В результате суд пришел к выводу об отсутствии достаточных доказательств в действиях Ш. состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.11 КоАП РФ, в связи с чем постановление мирового судьи отменил, производство по делу прекратил [9]. Исходя из этого видится целесообразным подходить с позиций единого понимания и считать формой поведения не только половой акт, как и формы его различного поведения, так и любое иное воздействие на партнера без признаков полового акта, вызывающее сексуальное (половое) возбуждение.

Традиционным является представление о половой принадлежности лиц, которые занимаются проституцией, хотя какой-либо статистической информации по гендерному признаку вовлеченных в сферу коммерческого оказания сексуальных услуг отсутствует. Между тем именно женщина, в большинстве своем, ассоциируется с исполнителем по данной услуге. В данном аспекте всегда выступают две стороны, гендерная принадлежность которых не оказывает какого-либо воздействия. С одной стороны, предлагается способность, навыки и умения в сексуальных отношениях, а с другой – оплата за половой акт и прочие сексуальные действия. Иными словами, акт проституции по своему содержанию есть двустороннее (взаимное) обязательство участников, к которому применимы гражданско-правовые характеристики [7].

Следующим и крайним характеризующим признаком проституции, который можно встретить в качестве такового как в научной литературе, так и в правоприменительной практике, выделяют периодичность и системность данного рода занятий. В подтверждение данного признака, в частности, приводится, что для признания сексуальных услуг проституцией, требуются минимум два различных по времени факта их оказания за вознаграждение. Именно два и более самостоятельных эпизода вступления в платную половую связь говорят о совершении

однородных действий, связанных единой направленностью, и подтверждают признак систематичности, т. е. сложившуюся систему поведения в конкретный более или менее продолжительный промежуток времени [7]. Нами видится выделение данного признака в качестве обязательного довольно спорным, так как его достаточно сложно установить в практическом плане. Если исходить из позиции неоднократности и/или систематичности совершения подобных действий, то данный признак безусловно является обязательным и неотъемлемым для решения вопроса о привлечении к ответственности за занятие проституцией и, соответственно, для решения вопроса о привлечении к ответственности необходимо доказать наличие двух и более подобных действий. Но если учитывать наличие в деянии только двух обязательных признаков, таких как возмездность и форма сексуального поведения, то рассмотрение систематичности в качестве обязательного признака, необязательно, так как исполнитель задерживается правоохранительными органами в тот момент, когда формальные действия им или ею уже осуществлены.

Подводя итог, можно прийти к выводу, что в силу отсутствия единого понимания термина «проституция» в российском законодательстве создаются трудности в правоприменительной практике как на стадии выявления данного правонарушения, так и на стадии судебного рассмотрения дела и принятия окончательного решения по нему. Таким образом законодателю после тщательных обсуждений в юридическом сообществе следует на федеральном уровне закрепить данное понятие путем, на наш взгляд, внесения изменений в ст. 6.11 КоАП РФ в форме примечания. При формировании дефиниции «проституция» следует учитывать обязательные признаки данного противоправного поведения, такие как возмездность, форма сексуального поведения, гендерная характеристика субъекта правонарушения.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 07.04.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 21.04.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 25.03.2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998. URL: https://vshp.pro/wp-content/uploads/2020/03/Golovin-S.-YU.-Slovar-prakticheskogo-psihologa.pdf (дата обращения: 05.08.2025).
6. Миллеров Е. В. Вопросы юридической оценки деятельности салонов эротического массажа // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 3. С. 64–71. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-yuridicheskoy-otsenki-deyatelnosti-salonov-eroticheskogo-massazha/viewer (дата обращения: 05.08.2025).
7. Минстер М. В., Павловский И. С. Определение понятия и признаки проституции: проблемные аспекты в теории и юридической практике // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9, № 4. С. 452–459. URL: https://doi.org/10.33619/2414–2948/89/55 (дата обращения: 05.08.2025).
8. Постановление мирового судьи судебного участка № 383 Мещанского района г. Москвы от 20 февраля 2025 г. по делу № 5-273/383/2025// Судебные и нормативные акты РФ:[сайт].URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/aV0QPn0d6idC/?magistrate-txt=массаж&magistrate-case_doc=&magistrate-lawchunkinfo=Статья+6.11.+Занятие+проституцией%28КОАП%29& magistrate-date_from=01.01.2024&magistrate-date_to=25.08.2025&magistrate-area=&magistrate-court=&magistrate-judge=&_=1756088477193&snippet_pos=642 #snippet (дата обращения: 05.08.2025).
9. Решение Кировского районного суда г. Уфы от 5 октября 2017 г. по делу № 12-981/2017 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/EZLyUcJEDIJx/?regular-txt=&regular-case_doc=№ 12–981 %2F2017 &regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=1053&regular-court=&regular-judge=&_=1756090131959 (дата обращения: 05.08.2025).

УДК 378.147:343.9

ИНТЕГРАЦИЯ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМУ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

***Н. Г. Грачева**, преподаватель кафедры русского языка Санкт-Петербургского университета МВД России*

В статье рассматривается проблема обеспечения общественного порядка и безопасности в условиях цифровой трансформации общества. Анализируются новые вызовы, связанные с киберпреступностью, цифровыми мошенничествами и использованием информационных технологий для организации противоправной деятельности. Обосновывается необходимость интеграции сетевого взаимодействия в систему подготовки специалистов правоохранительных органов и других субъектов обеспечения общественной безопасности. Предлагается интеграция в образовательный процесс межведомственного сетевого взаимодействия и формирование в процессе обучения компетенций, позволяющих эффективно противостоять современным угрозам общественному порядку.

Ключевые слова: общественный порядок, общественная безопасность, сетевое взаимодействие, киберпреступность, цифровизация, подготовка кадров, правоохранительный орган, межведомственное взаимодействие.

INTEGRATION OF NETWORK INTERACTION INTO THE STAFF TRAINING SYSTEM AS A FACTOR OF ENSURING PUBLIC ORDER AND SECURITY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

***N. G. Gracheva**, lecturer at the Russian Language Department of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

This article examines the problem of ensuring public order and security in the context of the digital transformation of society. It analyzes new challenges related to cybercrime, digital fraud, and the use of information technology to organize illegal activities. It substantiates the need to integrate network interaction into the training of law enforcement

specialists and other public safety agencies. It proposes integrating interdepartmental network interaction into the educational process and developing competencies during training that enable effective counteraction to modern threats to public order.

Keywords: public order, public safety, network interaction, cybercrime, digitalization, personnel training, law enforcement, interdepartmental interaction.

Обеспечение общественного порядка и общественной безопасности представляет собой одну из ключевых функций государства, которая в современных условиях подвергается серьезной трансформации под влиянием процессов цифровизации.

Появление новых форм противоправной деятельности в киберпространстве, использование цифровых технологий для организации массовых беспорядков, распространение деструктивного контента – все это создает принципиально новые вызовы для правоохранительных органов и других субъектов обеспечения безопасности [1].

В этой связи актуализируется проблема подготовки кадров, способных адекватно реагировать на современные угрозы. Традиционные образовательные программы оказываются недостаточно эффективными, что обуславливает необходимость интеграции сетевого взаимодействия в систему профессиональной подготовки как инновационного подхода, позволяющего сформировать комплексные компетенции для обеспечения общественного порядка в цифровую эпоху.

Современные условия характеризуются размыванием границ между физическим и цифровым пространством, что требует новых подходов к обеспечению общественного порядка.

Проблемными вопросами в этой сфере являются: отсутствие единого информационного пространства между различными ведомствами, участвующими в обеспечении общественной безопасности; недостаточный уровень цифровой грамотности сотрудников правоохранительных органов; быстрое изменение методов и способов совершения противоправных деяний с использованием цифровых технологий.

Решение этих проблем видится в интеграции сетевого взаимодействия в систему подготовки кадров. Под сетевым взаимодействием в данной статье понимается не только создание единой образовательной среды, объединяющей правоохранительные органы, образовательные учреждения, IT-компании и общественные организации, но и сама интеграция политико-воспитательной работы в систему подготовки кадров.

Такая интеграция позволяет формировать у сотрудников МВД России профессиональные компетенции, морально-психологическую устойчивость, правовое сознание и гражданскую позицию.

В связи с этим становится актуальным реализовать следующие методы и методики обучения, направленные на решение комплексных кейсов, моделирующих реальные ситуации угроз общественному порядку (кибератаки на критическую инфраструктуру, организация противоправных акций через социальные сети и мессенджеры), использование тренажерных комплексов для отработки взаимодействия между различными службами при возникновении кризисных ситуаций, создание межведомственных коллективов для мониторинга и анализа угроз общественной безопасности в цифровом пространстве.

Данные направления подготовки в учебный процесс требуют разработки дополнительных образовательных программ, интеграция в учебные курсы модулей по кибербезопасности, цифровой криминалистике и правовым основам противодействия киберпреступности.

Как показало тестирование обучающихся по программе подготовки специалистов по борьбе с киберпреступностью, можно провести комплексный анализ, сфокусированный на проблемах обеспечения общественного порядка и безопасности в современных условиях.

Реализация мер предупреждения основывается на подготовке кадрового состава как кадровой единицы, обеспечивающей правопорядок и способной противостоять вызовам киберпреступников. Такая постановка вопроса напрямую влияет на процесс подготовки кадрового состава, так как меняется окружающая обстановка, происходит внедрение различных цифровых технологий, оказывающие влияние на процессы жизнедеятельности общества в целом.

Подобная организация учебного процесса способствует устранению барьеров межведомственного характера, обеспечивает своевременный обмен оперативной информацией и способствует выработке консолидированной позиции по противодействию актуальным рискам.

Внедрение данной образовательной модели ориентировано на формирование у будущих специалистов не только узкопрофессиональных компетенций, но и умения продуктивно функционировать в условиях межведомственной координации при одновременной цифровизации различных сфер общественной жизни.

Для успешной реализации указанных подходов необходима системная работа по созданию соответствующего методического обеспечения и нормативно-правового регулирования, определяющего алгоритмы взаимодействия между профильными образовательными организациями и правоохранительными структурами.

Источник

Состояние преступности в Санкт-Петербурге. Криминологический мониторинг и прогноз: науч.-практ. пособие / В. В. Адамович, В. Н. Бондарчук, Б. А. Булатов [и др.]. Санкт-Петербург: ООО «ТН-ГРУПП», 2025. 368 с.

УДК 342.9

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И ПРЕСЕЧЕНИЮ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НА АДМИНИСТРАТИВНОМ УЧАСТКЕ

***Р. С. Карягин**, преподаватель кафедры административного права и административно-служебной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматриваются организационно-правовые аспекты по предупреждению и пресечению административных правонарушений на административном участке участковым уполномоченным полиции. На основе анализа правоприменительной практики и действующего законодательства автором предлагаются возможные пути совершенствования деятельности участкового уполномоченного полиции по предупреждению и пресечению административных правонарушений.

Ключевые слова: административное правонарушение, участковый уполномоченный полиции, профилактическая мера.

ON THE ACTIVITIES OF POLICE STATION OFFICERS TO PREVENT AND CATCH ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE POLICE STATION

***R. S. Karyagin**, lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative and Service Activities of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article discusses the organizational and legal aspects of preventing and suppressing administrative offenses in an administrative district by a police district commissioner. Based on an analysis of law enforcement practice and current legislation, the author suggests possible ways to improve the activities of a police district commissioner in preventing and suppressing administrative offenses.

Keywords: administrative offenses, district police officer, preventive measures.

Участковый уполномоченный полиции (далее – УПП, участковый уполномоченный) в своей деятельности руководствуется совокупностью законодательных и иных нормативных актов – Конституцией Российской Федерации (далее – РФ), законами Государственной Думы и Совета Федерации, Правительства РФ, законодательными актами аналогичных органов власти и управления субъектов РФ и органов местного самоуправления по вопросам охраны общественного порядка и борьбы с правонарушениями, а также – Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [1], приказами, инструкциями, наставлениями и иными ведомственными нормативными актами, среди которых основное место занимает Наставление по организации службы УПП [3]. Этими актами определяется весь круг задач, возложенных на УПП в настоящее время.

К основным задачам относятся:

– обеспечение личной и имущественной безопасности граждан;

– охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности;

– предупреждение и пресечение административных правонарушений и преступлений;

– раскрытие преступлений по делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно, а также активное участие в раскрытии преступлений по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно;

– оказание в пределах своей компетенции помощи гражданам, должностным лицам, предприятиям, учреждениям, организациям и общественным объединениям в осуществлении их законных прав и интересов.

Так, в настоящее время участковые уполномоченные являются представителями полиции на обслуживаемом административном участке и, в соответствии с Федеральным законом «О полиции» [1], при несении службы руководствуются принципами:

– соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина;

– законности;

– беспристрастности;

– открытости и публичности;

– общественного доверия и поддержки граждан;

– взаимодействия и сотрудничества;

– использования достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем.

УПП назначается на должность и освобождается от должности начальником территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России). На период отсутствия участкового (в связи с вакансией, временной нетрудоспособностью, отпуском, учебой или по иным уважительным причинам) его обязанности на основании приказа начальника территориального органа МВД России исполняет УПП, которому устанавливается дополнительная выплата за совмещение обязанностей в порядке, установленном Правительством РФ.

Основными направлениями деятельности УПП на обслуживаемом административном участке сегодня являются:

– защита личности, общества, государства от противоправных посягательств;

– предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений;

– выявление и раскрытие преступлений;

– производство по делам об административных правонарушениях.

Основными функциями УПП являются следующие [3].

1. Индивидуальная профилактическая работа, включающая выявление лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений; их учет; систематическое наблюдение за поведением и образом жизни и принятие необходимых мер к недопущению с их стороны правонарушений. В этой связи в его поле зрения должны находиться лица:

1) освобожденные из мест лишения свободы, в отношении которых установлены ограничения в соответствии с законом;

2) осужденные к мерам наказания, не связанным с лишением свободы;

3) освобожденные от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям;

4) допускающие правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений;

5) хронические алкоголики и лица, больные наркоманий, а также допускающие потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача, из числа состоящих на учете в учреждениях здравоохранения, систематически допускающие правонарушения;

6) психически больные лица, представляющие непосредственную опасность для себя и окружающих и состоящих на учете в учреждениях здравоохранения;

7) несовершеннолетние правонарушители, состоящие на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних;

8) родители и лица их замещающие, уклоняющиеся от воспитания детей или отрицательно влияющие на них и т. д.

Исходя из анализа оперативной обстановки и состояния правопорядка на обслуживаемой территории, участковому уполномоченному необходимо осуществлять наблюдение и контроль за другими лицами, склонными к совершению правонарушений.

Для осуществления планомерной работы по профилактике правонарушений со стороны лиц, состоящих на учете в органах внутренних дел (далее – ОВД), УПП обязан заводить на них контрольную карточку. В карточке должны фиксироваться все проводимые им мероприятия в отношении состоящего на учете.

2. Организация и осуществление охраны общественного порядка.

При выполнении данной функции необходимо, прежде всего, исходить из того, что участковый уполномоченный является основной фигурой организации охраны общественного порядка на закрепленном участке. Он должен не только взаимодействовать с патрульно-постовыми нарядами полиции, дружинами, другими силами общественности, осуществлять с ними регулярное патрулирование, обучать формам и методам работы, контролировать их деятельность, но и координировать усилия всех участвующих в охране порядка на обслуживаемом участке.

Необходимо отметить, что мероприятия по охране общественного порядка включают в себя и другие функции, в частности, общепредупредительную деятельность участкового уполномоченного: выступления, лекции на правовые темы на сходах граждан; проведение в общественных пунктах охраны порядка бесед с лицами, допускающими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений; оставление на транспортных средствах, находящихся вне гаражей и платных стоянок, памяток с текстом профилактического содержания; установка в организациях, учреждениях химических ловушек и другие мероприятия.

3. Поддержание тесных связей с населением и общественностью.

Осуществление данной функции, прежде всего, обусловлено тем, что без опоры на население и общественность участковому уполномоченному чрезвычайно сложно выполнять свои обязанности. Особенно остро ощущается это в сельской местности, где многие службы ОВД практически представлены лишь УПП. Поэтому, насколько он умело опирается на помощь населения и общественности, настолько велик его успех и вклад в охрану порядка, предупреждение и раскрытие преступлений. Во многих регионах России сохранились общественные пункты охраны порядка, несмотря на их трудное материальное положение.

Согласно Инструкции, прием граждан должен осуществляться не реже трех раз в неделю, в том числе в один из выходных дней, в удобное для населения время [3].

Участковый уполномоченный обязан не реже одного раза в квартал отчитываться о проделанной работе по охране общественного порядка и борьбе с преступностью перед населением обслуживаемого участка, а при необходимости – перед органами местного самоуправления [4, с. 18]. Этим обеспечивается гласность в работе УПП, которая, как показывает практика, стимулирует население к оказанию помощи полиции в охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

В повседневной деятельности участковый уполномоченный взаимодействует:

– со службами полиции по охране общественного порядка: патрульно-постовой службой, вневедомственной охраной, инспекторами по делам несовершеннолетних и лицензионно-разрешительных подразделений, Госавтоинспекции [6, с. 38];

– со службами полиции по оперативной работе: оперуполномоченными уголовного розыска;

– со следственными органами и подразделениями дознания.

Также можно отметить еще один важный элемент в организации работы участкового уполномоченного на его административном участке. Этим элементом будет являться проведение обхода закрепленного за участковым уполномоченным административного участка.

Осуществляя деятельность по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений и административных правонарушений, и их последующему устранению, организации и поддержанию постоянной связи с населением, органами местного самоуправления, руководством организаций (предприятий и учреждений), УПП осуществляет профилактический (поквартирный, подворный) обход административного участка [3].

Обход включает в себя проверку жилого сектора (в том числе: подъездов, чердачных и подвальных помещений жилых домов, пустующих и подлежащих сносу строений), посещение лиц, состоящих на профилактических учетах в ОВД, ознакомление с жильцами квартир, с объектами социального назначения, расположенными на административном участке, в том числе с массовым пребыванием граждан.

Обход жилого сектора УПП обязан осуществлять ежедневно и в течение года посетить все квартиры (частные дома), расположенные на административном участке [5, с. 28].

В ходе обхода УПП должен обращать особое внимание на полученную в соответствии с законодательством РФ следующую информацию.

1. О квартирах (частных домах), сдаваемых в аренду, в том числе гражданам РФ, иностранным гражданам и лицам без гражданства (при установлении юридических или физических лиц), сдающих квартиры (помещения) в аренду без оформления соответствующих документов. При выявлении правонарушений пресекать их либо незамедлительно докладывать непосредственному или прямому начальнику.

2. О лицах, потребляющих наркотические средства и сильнодействующие вещества без назначения врача; о лицах, изготавливающих, приобретающих, хранящих, пересылающих и сбывающих наркотические средства и сильнодействующие вещества; о лицах, содержащих притоны для потребления наркотиков,

и лицах, предоставляющих помещения для этих целей; о лицах, занимающихся незаконными посевами или выращиванием запрещенных к культивированию растений; о лицах, склоняющих к потреблению наркотических средств и сильнодействующих веществ, в том числе несовершеннолетних. При выявлении правонарушений пресекать их либо незамедлительно докладывать непосредственному или прямому начальнику.

3. О лицах, распространяющих экстремистские материалы, включенные в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, а также осуществляющих их производство либо хранение в целях массового распространения.

4. О наличии у граждан гражданского и наградного оружия. При выявлении нарушений порядка его хранения, регистрации (перерегистрации) или сроков постановки на учет составляется протокол об административном правонарушении и докладывается рапортом на имя начальника территориального органа МВД России [3].

Результаты обхода жилого сектора, посещения каждой квартиры (частного дома) незамедлительно заносятся в схему жилого дома с указанием даты в журнал обхода жилого сектора административного участка (приложение № 6 к Наставлению) и являются сведениями для служебного пользования. При наличии электронных версий данных журналов допускается их ведение в указанном виде.

Рассмотрим также иные мероприятия, проводимые УПП по предупреждению и пресечению правонарушений. В первую очередь, к ним относятся выступления и лекции, проводимые при правовом информировании граждан в ходе профилактического обхода, а также при проведении отчета перед населением, где граждане имеют право самостоятельно выразить мнение по совершенствованию профилактической деятельности ОВД.

Одним из важных аспектов реализации профилактической деятельности УУП является проведение индивидуальной работы (беседы). Осуществление по утвержденному графику личного приема граждан и рассмотрение поступивших от них заявлений требует от УУП знания оперативной обстановки на закрепленном за ним участке.

Индивидуальная профилактическая работа является важной составляющей превентивной деятельности государства в области обеспечения и защиты прав и свобод человека, противодействия противоправным деяниям. Данное направление не утрачивает своей актуальности в современных условиях, более того, с учетом высокого уровня правового нигилизма в российском обществе, необходимость в проведении как общих, так и индивидуальных профилактических мероприятий продолжает возрастать.

Правильно организованная профилактическая работа способна в значительной мере повысить уровень правосознания граждан, с тем, чтобы каждый из них был способен адекватно понимать и оценивать те законные требования

и принципы, которые отвечают интересам всего общества и государства. Именно эффективность организованной профилактической работы с гражданами в значительной мере определяет становление его личности: будет ли этот путь просоциален, асоциален или же антисоциален [2].

Однако воздействие проводимых ОВД профилактических мероприятий на состояние и уровень преступности остается недостаточным. Причиной тому является наделение УУП не свойственными для них задачами, на прямую не связанными с их профессиональной деятельностью. Ответственность за проведение профилактических мероприятий, направленных на уменьшение совершения противоправных действий определенного круга лиц, возлагается на УПП.

УУП рассматриваются достаточно весомый объем заявлений, обращений, жалоб граждан, а также сообщений о преступлениях, количество рассматриваемых материалов, значительно превышает количество проводимых профилактических мероприятий, например, личного приема граждан, отчетов перед населением, профилактических обходов, индивидуальных профилактических бесед и т. д. В связи с этим предлагается минимизировать практику производства проверок сообщения о преступлениях УУП. Из-за недостатка времени и всего выше перечисленного они теряют свои оперативные навыки, интерес к работе и к установлению доверительных отношений и взаимопонимания с населением.

Следующим направлением совершенствования профилактической деятельности следует признать повышение эффективности осуществления полномочий в рассматриваемой сфере заинтересованных субъектов. Совместная работа с местными органами власти, общественными организациями и общественными объединениями в решении задач по предупреждению преступлений и правонарушений является слабым и малозначительным. Многие принимаемые решения не согласовываются между заинтересованными субъектами, задачи принимаемых планов исполняются формально. Решением указанной проблемы могло бы быть создание координационного органа в структуре органов исполнительной власти, в полномочиях которого входило бы обеспечение должного взаимодействия заинтересованных служб в области предупреждения преступлений и административных правонарушений.

Таким образом, деятельность УПП, направленная на предупреждение и пресечение административных правонарушений на административном участке, представляет собой одну из фундаментальных функций правоохранительных органов. Главная цель данной деятельности состоит в обеспечении безопасности и порядка на данной территории.

УПП осуществляют широкий спектр профилактических мероприятий, направленных на предотвращение возникновения административных правонарушений. Среди них можно выделить информационные кампании,

встречи с молодежью и школьниками, проведение бесед и тренингов с целью повышения правовой грамотности населения и формирования осознанного отношения к незаконному поведению.

Дополнительно УПП активно занимаются профилактикой и расследованием различных социальных проблем, таких как домашнее насилие, детская безнадзорность, алкогольная и наркотическая зависимость. В рамках своей деятельности они взаимодействуют с социальными службами и центрами помощи подросткам, совместно работая над предоставлением необходимой поддержки людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Список источников

1. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: ред. от 31.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон от 23.06.2016 № 182: ред. от 08.08.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29.03.2019 № 205: ред. от 06.02.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Гракович О. И. Органы внутренних дел в борьбе за укрепление общественного порядка: учеб. пособие. Минск, 2019 г. 129 с.
5. Жетписбаев Б. А., Айкумбаев Т. М. Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и нравственность: учеб. пособие. Алматы: Юр. литература, 2019. 106 с.
6. Куликова Н. С. Обеспечение законности при организации профилактической деятельности подразделений органов внутренних дел. Воронеж, 2020. 57 с.

УДК 342.9

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ, УСЛОВНО-ДОСРОЧНО ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

***Е. Н. Лихолет**, профессор кафедры административного права и административно-служебной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук, доцент;*

***Д. Д. Ленкова**, курсант Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье обосновывается необходимость внедрения передовых информационных технологий, а также создания единой межведомственной цифровой платформы административного надзора в условиях специальной военной операции с целью осуществления эффективного контроля за перемещениями поднадзорных лиц.

Ключевые слова: административный надзор, информационные технологии, единая информационная платформа, специальная военная операция.

PROBLEMS OF IMPLEMENTING ADMINISTRATIVE SUPERVISION OVER PERSONS RELEASED ON PAROLE FROM PLACES OF IMPRISONMENT DURING A SPECIAL MILITARY OPERATION

***E. N. Likholet**, professor of the Department of Administrative Law and Administrative and Service Activities of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor;*

***D. D. Lenkova**, cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article substantiates the need to implement advanced information technologies and create a unified interdepartmental digital platform for administrative oversight during a special military operation to effectively monitor the movements of supervised individuals.

Keywords: administrative oversight, information technology, unified information platform, special military operation.

Административный надзор в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, представляет собой ключевой элемент системы противодействия рецидивной преступности. Ненадлежащая организация профилактической работы со стороны органов внутренних дел (далее – ОВД) в отношении указанных лиц, находящихся под надзором, влечет за собой совершение ими повторных правонарушений, часть из которых может быть отнесена к категории тяжких и особо тяжких.

В период с 1994 по 1998 г. в законодательство Российской Федерации (далее – РФ), регулирующее организацию и порядок осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, был внесен ряд изменений. Следствием этого стало значительное снижение превентивной эффективности данной меры в последующие годы.

Административный надзор за лицами, освобожденными их мест лишения свободы, представляет собой самостоятельную меру профилактического характера, направленную на предупреждение рецидива преступлений и осуществляемую посредством систематического наблюдения. В отличие от наказания, его правовая природа основана на режиме профилактического контроля.

В соответствии со ст. 11 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [1] на поднадзорных лиц возлагается ряд обязанностей, нарушение которых влечет применение мер административной или уголовной ответственности.

Административный надзор реализуется посредством системы контрольных мероприятий, направленных на проверку соблюдения поднадзорными лицами установленных ограничений.

В этих целях ОВД осуществляют систематический контроль, включающий проведение плановых и внеплановых проверок, а также посещение мест проживания поднадзорных лиц.

Важнейшей составляющей данной процедуры выступает ведение персонального учета поднадзорных лиц, которое включает в себя документирование всей значимой информации, связанной с реализацией мероприятий в отношении надзорных лиц.

Профилактические беседы представляют собой активную форму профилактического воздействия в рамках административного надзора. В ходе

указанных бесед с поднадзорными лицами обсуждаются вопросы соблюдения установленных ограничений, недопущения правонарушений и формирования правомерного поведения.

В свою очередь, объявление розыска поднадзорного лица относится к принудительным мерам и применяется в случаях, требующих полного всестороннего установления его местонахождения либо деятельности. Розыскные мероприятия обеспечивают достижение целей надзора в условиях уклонения лица от исполнения возложенных на последнего судом обязанностей.

Таким образом, законодательное разграничение применяемых мер подчеркивает системный и дифференцированные подходы, реализуемые ОВД. Использование указанных форм административного надзора направлено на обеспечение законности, защиту интересов общества и государства, а также на эффективный контроль за поведением лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

В период проведения специальной военной операции (далее – СВО) административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, осуществляется в штатном режиме в соответствии с положениями Федерального закона от от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ, что обусловлено отсутствием в законодательстве специальных норм, регламентирующих его проведение в указанный период.

Административный надзор устанавливается судом по представлению ОВД, исполнение которого возложено на указанные органы.

В рамках применяемой меры на поднадзорное лицо могут быть возложены установленные законом обязанности и ограничения, а установленный срок надзора подлежит продлению.

Осуществление административного надзора в период проведения СВО сопряжено с рядом правоприменительных сложностей. Ключевой проблемой является утрата контроля за лицами с непогашенной судимостью, которые самовольно покинули места постоянного проживания и переместились на территорию, где проводятся боевые действия. Это влечет за собой невозможность обеспечения регулярной явки поднадзорного лица для регистрации в уполномоченный ОВД по месту жительства или пребывания. В отношении данной категории граждан фактически не может быть реализовано одно из ключевых ограничений, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 4 названного федерального закона – запрет пребывания вне жилого помещения или иного помещения в определенное время суток, поскольку отсутствует само место жительства или пребывания, подлежащее контролю.

Отметим, что функция по осуществлению административного надзора возложена на участковых уполномоченных полиции территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России).

В свою очередь, уголовно-исполнительные инспекции осуществляют контроль за условно-досрочно освобожденными лицами (далее – УДО). Процедура взаимодействия предусматривает, что по истечении срока УДО уголовно-исполнительная инспекция направляет в территориальный орган МВД России официальное уведомление о снятии указанного лица с учета. На основании полученных данных и при наличии установленных законом оснований, полиция инициирует в установленном порядке вопрос о применении к данному лицу мер административного надзора. Важно акцентировать внимание на том, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2022 г. № 15 (далее – Постановление) [2] предпринята попытка разрешения вопроса обеспечения соблюдения административных запретов, установленных в отношении поднадзорных лиц. В последнем даны разъяснения относительно правовых последствий неисполнения требований в рамках осуществления административного надзора, с указанием ответственности данной категории лиц в случае нарушения установленных судом ограничений.

Кроме того, в Постановлении содержится расширенное толкование квалифицирующего признака «неоднократность» применительно к правонарушениям, совершенным в период действия надзора. Данная правовая позиция создает предпосылки к активному применению института уголовной ответственности в случаях систематического нарушения ограничительных мер, а также влечет за собой возникновение правовых оснований для приостановления производства по делу об административном правонарушении.

Тем не менее, по-прежнему значительную сложность представляет соблюдение процессуальных сроков. Процедура установления и продления срока административного надзора характеризуется существенной временной протяженностью: с момента подачи заявления в суд до момента вынесения решения по существу проходит в среднем от полутора до двух месяцев (ст. 154 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК РФ), а в случае обжалования судебного акта сроки разрешения дела увеличиваются дополнительно до двух месяцев (ст. 327.2 ГПК РФ) [3].

Розыск и установление местонахождения поднадзорных лиц на территориях, где проводятся боевые действия, сопряжены с повышенной опасностью и оперативными ограничениями, что приводит к их фактической бесконтрольности.

Следствием указанных проблем является снижение эффективности административного надзора как меры профилактики рецидивной преступности и возникновение правовых пробелов в части осуществления эффективного контроля за поведением упомянутой выше категории лиц.

Таким образом, назрела необходимость создания и внедрения концептуальной модели единой межведомственной цифровой платформы административного надзора в условиях СВО.

Актуальность данного предложения заключается, в первую очередь, в том, что существующие в настоящее время информационные системы военных комиссариатов, МВД России и Федеральной службы исполнения наказаний РФ (далее – ФСИН России) функционируют разрозненно, что в условиях проведения СВО приводит к потере контроля за перемещениями поднадзорных лиц, создает угрозы общественному порядку и общественной безопасности.

На наш взгляд, такая платформа может включать в себя несколько модулей: учет и регистрация; контроль за соблюдением ограничений; розыск; взаимодействие с военными комиссариатами для отслеживания мобилизации, демобилизации указанных лиц.

Очевидно, что институт административного надзора за лицами, условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы в условиях проведения СВО, сталкивается с серьезными вызовами. Разрозненность ведомственных информационных систем и процессуальная неурегулированность приводят к существенному снижению его эффективности. Внедрение же инновационных подходов позволит преодолеть существующие ограничения и обеспечить надежный контроль за данной категорией лиц.

Предлагаемая концептуальная модель единой межведомственной цифровой платформы административного надзора представляется перспективным решением, способным изменить ситуацию. Внедрение и успешное функционирование подобной платформы не только повысит эффективность административного надзора, но и окажет существенное позитивное влияние на состояние общественного порядка и общественной безопасности как в отдельных регионах, так и в РФ в целом, а также позволит защитить интересы общества и государства, обеспечив действенный контроль за поведением лиц, освобожденных из мест лишения свободы, в том числе в условиях проведения СВО.

Список источников

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ: ред. от 31.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: федер. закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ: ред. от 06.04.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 года № 15 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»: Постановление Пленума Верхов. суда Рос. Федерации от 22.12.2022 № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 342.9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И МЕССЕНДЖЕРОВ С ЦЕЛЬЮ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

***Е. Н. Лихолет**, профессор кафедры административного права и административно-служебной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук, доцент;*

***А. В. Усатинова**, курсант Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье обосновывается наличие проблем функционирования существующих механизмов противодействия распространению информации экстремистского характера с целью эффективного обеспечения защиты граждан от деструктивного информационного воздействия, а также предложены возможные пути его совершенствования.

Ключевые слова: экстремизм, информация экстремистского характера, информационно-телекоммуникационные сети, пропаганда, радикальные идеологии.

USING SOCIAL NETWORKS AND MESSENGERS TO DISSEMINATE EXTREMIST INFORMATION: PROBLEMS AND POSSIBLE SOLUTIONS

***E. N. Likholet**, professor of the Department of Administrative Law and Administrative and Service Activities of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor;*

***A. V. Usatinova**, cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article substantiates the problems with the functioning of existing mechanisms for countering the dissemination of extremist information, with the goal of effectively protecting citizens from destructive informational influences, and suggests possible ways to improve them.

Keywords: extremism, extremist information, information and telecommunications networks, propaganda, radical ideologies.

В настоящее время особое значение и важность приобрела проблема эффективного противодействия экстремистским проявлениям и распространению радикальных идеологий в Российской Федерации (далее – РФ), в первую очередь, в молодежной среде. Ряд государств используют в качестве инструмента внешнеполитического влияния активную поддержку деструктивной деятельности посредством иностранных и международных неправительственных организаций.

Деятельность таких организаций направлена на дестабилизацию общественно-политической и социально-экономической обстановки в РФ, посягает на ее конституционные основы, включая единство и территориальную целостность, способствует подрыву традиционных духовно-нравственных ценностей, а также содействует деятельности международных экстремистских и террористических структур.

Ключевым средством коммуникации, вербовки и распространения запрещенной идеологии выступают информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть Интернет, которые осуществляются посредством использования специализированных ресурсов и коммуникационных платформ.

Нередко в своей деятельности террористические, экстремистские структуры используют пропагандистские материалы, выполненные в форме мультимедийных продуктов. Содержанием данных материалов являются установки, практические наставления, направленные на оправдание и насаждение идеологий экстремизма и терроризма. Указанная продукция может быть представлена в виде виртуальных сообщений, презентационных материалов, аудио- и видеопродукции, компьютерных игр, разрабатываемых и распространяемых указанными организациями.

Подобные материалы используются в качестве инструмента информационно-психологического воздействия на индивидуальное и общественное сознание. К основным целям такого воздействия относятся: дестабилизация общественно-политической ситуации посредством нагнетания межнациональной и социальной напряженности, возбуждение ненависти или вражды по признакам этнической или религиозной принадлежности, распространение экстремистской идеологии и вовлечение граждан в противоправную деятельность.

Указом Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124 утверждена Стратегия противодействия экстремизму в РФ [5]. Целями ее разработки являются развитие государственной политики в указанной сфере, конкретизация положений федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [3] и указа Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [4].

В соответствии с национальным законодательством уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности установлена ст. 280, 281.1, 282.2, 282.3 Уголовного кодекса РФ [2]; административная ответственность – за совершение деяний, установленных ст. 13.37, 20.3, 20.29 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [1].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 [6] содержится разъяснение о том, что действие по репосту (перепубликации) информации приравнивается к ее цитированию. При этом правовая оценка такого действия должна учитывать сопутствующий комментарий и общий контекст публикации, направленные на установление целей и мотивов лица.

Не смотря на это, судебная практика демонстрирует случаи привлечения к уголовной ответственности за репост без должного учета контекста последнего. Примером может служить уголовное дело в отношении Евгении Чудновец, осужденной по факту распространения материалов, признанных порнографическими, несмотря на то, что ее действия были направлены на информирование общественности о факте жестокого обращения с ребенком [7].

Также, как в отечественной, так и в международной практике существует проблема, связанная с исследованием мемов, стримов, ASMR-видео и музыкальных треков, в которых экстремистские идеи не декларируются открыто, а подаются в виде иронии, шутки или метафоры, понятной целевой аудитории, но незаметной для модераторов.

Более того, в целом прослеживается смещение фокуса с явной пропаганды на скрытые, закодированные формы, которые сложны в процессах выявления и квалификации.

Отметим, что помимо вышеперечисленных проблем наличествуют правовые риски, связанные с распространением запрещенной информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, которые сопряжены с отсутствием действенных механизмов контроля и надзора, порождающим низкий уровень пресечения и раскрываемости совершаемых правонарушений в рассматриваемой сфере; осуществлением вербовочной деятельности граждан РФ со стороны членов международных преступных экстремистских сообществ с учетом возможностей глобального охвата пользователей сети Интернет. Данная деятельность носит дистанционный характер, что осложняет установление лиц, подлежащих привлечению к ответственности; подрывом основ конституционного строя и угрозой информационной безопасности РФ с помощью возможностей многоуровневой системы манипуляции общественным сознанием, так называемого «информационного экстремизма».

Таким образом, противодействие экстремизму в современной России остается острой и многоаспектной задачей. Активное использование информационно-телекоммуникационных сетей, в особенности сети Интернет,

экстремистскими организациями требует постоянного совершенствования методов контроля и профилактики. В этой связи необходимо признать, что существующие механизмы противодействия указанным явлениям не всегда эффективно обеспечивают защиту граждан от деструктивного информационного воздействия. Анонимность в сети Интернет и трансграничный характер распространения информации создают значительные трудности для правоохранительных органов. Кроме того, неоднозначная судебная практика свидетельствует о необходимости совершенствования подходов к оценке контекста и намерений пользователей.

В этой связи предложенная идея исследования скрытых форм экстремистской пропаганды, таких как мемы, стримы и музыкальные треки, представляется весьма актуальной. Смещение акцента на выявление закодированных сообщений, маскирующихся под иронию или шутку, в том числе, может стать важным шагом в борьбе с распространением радикальных идеологий в РФ.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 27.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 15.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ: ред. от 23.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 28.12.2024 № 1124. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О практике применения судами закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: Постановление Пленума Верхов. суда Рос. Федерации от 15.06.2010 № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Начудили с Чудновец: за что осудили и почему освободили молодую мать // РИА: [сайт]. URL: https://ria.ru/20170306/1489364144.html (дата обращения: 19.10.2025).

УДК 342.9

МЕХАНИЗМ УЧЕТА ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПРОСТУПКОВ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОЙ ИНИЦИАТИВЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: БАЛАНС МЕЖДУ ПРОЗРАЧНОСТЬЮ И ДОВЕРИЕМ

***Е. С. Молоков**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В условиях ограниченной гражданской активности возрастает роль проактивных механизмов внутреннего контроля в обеспечении ответственности сотрудников полиции. В статье обосновывается предложение о внедрении институциональной практики публичного, но анонимизированного информирования общества о результатах служебных проверок как при подтверждении дисциплинарных нарушений, так и при установлении правомерности действий сотрудников при осуществлении охраны общественного порядка.

Ключевые слова: гражданское общество, органы внутренних дел, служебная дисциплина, жалоба, дисциплинарное взыскание, пресс-служба, общественный порядок.

THE MECHANISM OF ACCOUNTING FOR DISCIPLINARY MISCONDUCT OF POLICE OFFICERS IN CONDITIONS OF LIMITED INITIATIVE OF CIVIL SOCIETY: THE BALANCE BETWEEN TRANSPARENCY AND TRUST

***E. S. Molokov**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

In conditions of limited civic engagement, the role of proactive internal control mechanisms in ensuring the responsibility of police officers is increasing. The article substantiates the proposal to introduce an institutional practice of publicly but anonymized informing the public about the results of official inspections both when confirming disciplinary violations and when establishing the legality of employees' actions in the protection of public order.

Keywords: civil society, internal affairs bodies, official discipline, complaint, disciplinary action, press service, public order.

Вопрос ответственности сотрудников полиции является одним из ключевых в рамках современной теории правового государства и демократического управления. Эффективные механизмы учета дисциплинарных проступков не только способствуют соблюдению законности внутри правоохранительных структур, но и формируют общественное восприятие легитимности их деятельности. Однако в условиях, когда гражданское общество не обладает достаточной инициативой или возможностями для активного участия в контроле – по причине правовых барьеров, культурных особенностей или институциональной слабости – традиционные модели внешнего надзора теряют свою эффективность. В некоторых ситуациях необходимо переосмыслить соотношение внутренних и внешних механизмов контроля, а также выработать подходы, обеспечивающие одновременно прозрачность процедур и устойчивость института доверия к правоохранительной системе.

Особую роль в формировании общественного доверия к правоохранительным органам играет не только наличие, но и воспринимая эффективность механизмов внутреннего контроля. Важным элементом такой системы может выступать практика публичного уведомления о привлечении сотрудников полиции к дисциплинарной ответственности в случаях, когда их поведение нарушает служебную этику, выходит за рамки установленных компетенций или носит неуважительный характер по отношению к гражданам, особенно в публичных ситуациях с участием значительного числа лиц или сопряженных с повышенным уровнем общественного внимания.

Взаимодействие граждан и сотрудников полиции, особенно в контексте обеспечения общественного порядка при проведении массовых мероприятий, нередко характеризуется напряженностью, обусловленной комплексом социально-экономических, политических и институционных факторов. Недостаточная завершенность реформ в системе МВД России, несоответствие отдельных практик современным требованиям правового государства, а также низкий уровень общественного доверия способствуют формированию негативного восприятия полиции как института публичной власти. В таких условиях сотрудники правоохранительных органов нередко сталкиваются с критикой и недоверием, но с активным сопротивлением, вплоть до физических посягательств, что подрывает эффективность их профессиональной деятельности и осложняет реализацию конституционных функций по охране прав и свобод граждан [1, с. 57].

Примечательно, что такая практика сохраняет свое значение даже в отсутствие инициативы со стороны пострадавшего гражданина – в частности, когда

жалоба не поступала, но факт проступка был выявлен руководством подразделения в ходе внутреннего мониторинга или служебной проверки. При этом результаты служебных проверок обычно не подлежат открытому оглашению и остаются в рамках внутреннего документооборота, что продиктовано нормативными правовыми положениями.

А вот как быть, когда граждане воздерживаются от подачи жалоб на неправомерное или неэтическое поведение сотрудников полиции, будь то из-за недоверия к результативности обращений, страха репрессий или пассивности, остается значительный риск невыявленности дисциплинарных проступков и, как следствие, эрозии общественного доверия. В таких обстоятельствах особую значимость приобретает инициатива со стороны самого правоохранительного ведомства самостоятельному выявлению и публичному фиксированию фактов привлечения сотрудников к дисциплинарной ответственности, даже в отсутствии внешней жалобы.

В целях укрепления прозрачности и доверия предполагается внедрить институциональную практику, при которой руководство подразделений МВД России, выявившее факт дисциплинарного проступка, обязано доводить информацию об этом до общественности через официальные каналы коммуникации, в частности, через пресс-службу МВД России и средства массовой информации. При этом предлагается сознательно не раскрывать персональные данные сотрудника, ограничиваясь обобщенной формулировкой: «Сотрудник полиции привлечён к дисциплинарной ответственности за нарушение служебной этики при исполнении обязанностей по охране общественного порядка». В случае, если проверка не выявила нарушений, допустимо распространение альтернативного сообщения: «По результатам служебной проверки установлено, что действия сотрудника соответствовали требованиям законодательства и служебного регламента».

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что подобный механизм может быть востребован обществом и способствовать устойчивому росту доверия. Согласно мониторингу опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ), за период с 2012 по 2023 г. общий уровень доверия к сотрудникам полиции вырос с 35 % до 62 %, а индекс доверия – разность долей доверяющих и не доверяющих – достиг 32 пунктов из 100 возможных (при минимуме в – 26 п. в 2012 г.). Особенно высок уровень доверия седи молодежи (73 %) и городского населения (до 67 % в городах-миллионниках), что указывает на наличие восприимчивой аудитории, чувствительной к сигналам [2].

Можем предположить, что, если предложенная практика была бы системно внедрена, она могла бы усилить уже наметившийся тренд: демонстрации последовательности в отношении дисциплинарных нарушений даже в тех случаях,

когда граждане не инициируют проведение проверки, что приведет к снижению восприятия полиции как «закрытой корпорации» и укрепит представление о ней как о службе, по умолчанию демонстрирующей ответственность перед обществом.

Список источников

1. Жариков В. А. Роль положительного образа сотрудника полиции в обеспечении охраны общественного порядка // Международный научный вестник. 2024. № 9. С. 55–59.
2. Профессия: полицейский // ВЦИОМ новости: [сайт]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-policeiskii (дата обращения: 15.11.2025).

УДК 351.75:623.746.4–519(470)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

***А. И. Никитин**, доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России*

В статье рассматриваются проблемы и пути их решения с использованием беспилотных летательных аппаратов сотрудниками полиции для обеспечения общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий. Проанализированы служебные, нормативные и финансовые проблемы, связанные с использованием беспилотных летательных аппаратов сотрудниками подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации, занимающихся управлением данных устройств. Автор приводит выводы об эффективном использовании беспилотных летательных судов при обеспечении безопасности жизни и здоровья граждан на общественно-массовых мероприятиях.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат, охрана общественного порядка, культурно-массовое мероприятия, безопасность, сотрудники полиции.

SOME PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM WHEN USING UNMANNED AERIAL VEHICLES BY THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION TO ENSURE PUBLIC ORDER AND SAFETY DURING MASS EVENTS

***A. I. Nikitin**, associate professor of the Department of Fire and Tactical and Special Training of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

The article discusses the problems and ways to solve them when using unmanned aerial vehicles by police officers to ensure public order and safety during mass events. The article analyzes the official, regulatory, and financial issues related to the use of unmanned aerial vehicles by employees of the Russian Ministry of Internal Affairs who manage these devices. The author draws conclusions about the effective use of unmanned aerial vehicles in ensuring the safety of citizens' lives and health at public events.

Keywords: unmanned aerial vehicle, public order protection, cultural events, security, police officer.

Актуальная оперативная обстановка при проведении массовых мероприятий выделяется своей высокой динамичностью, чрезмерно большим количеством людей, повышенным уровнем опасности проявления терроризма и групповых нарушений общественного порядка, других действий, связанных с нарушением конституционного строя страны. В данных условиях, необходимо проведение мероприятий, реализуемых подразделениями Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), по пресечению попыток совершения указанных действий. Исходя из данных практической деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ), традиционные методы патрулирования и наблюдения стали не так эффективны и нуждаются в техническом усилении. В настоящее время на вооружении ОВД РФ находятся технологии, позволяющие осуществлять профилактические мероприятия (патрулирование и наблюдение) и фиксацию обстановки на местности путем использования беспилотных летательных судов, операторы которых осуществляют мониторинг закрепленной за ними территории, с широким полем зрения, в силу наличия у данных устройств камер фотовидеофиксации с высоким разрешением [4, с. 469].

Беспилотные воздушные суда, состоящие на оснащении в системе МВД России, и в современных условиях являются одним из самых важных

и эффективных устройств повышения ситуационной осведомленности, используемые для охраны общественного порядка и безопасности. Также для проведения профилактических действий, на случаи выявления противоправных и преступных посягательств, приносящих вред жизни и здоровью граждан и сотрудников полиции, действий, направленных против законности и конституционного строя РФ, а также для проведения контртеррористических операций, разведывательных и иных оперативных мероприятий. Беспилотные суда предоставляют сотрудникам ОВД РФ возможность в проведении летательной разведки, фиксации факта правонарушения или преступления и оперативной оценке количества населения на общественно-массовом мероприятии. Однако процесс интеграции беспилотных летательных аппаратов в систему МВД России несет за собой следующие проблемы, которые требуют решения [3, с. 101].

1. Нормативно-правовое закрепление. Проблема нормативного закрепления использования беспилотных летательных аппаратов сотрудниками МВД России является одной из самых важных проблем, так как создает риски при использовании беспилотных летательных судов оперативными подразделениями ОВД РФ. Данная проблема характеризуется вовсе не в наличии закона РФ, регламентирующего использование беспилотных летательных аппаратов, а их противоречивость при исполнении служебных обязанностей:

1) противоречия между Воздушным кодексом РФ и служебными задачами сотрудников МВД России. Воздушный кодекс РФ регламентирует под собой, в первую очередь, область гражданской и государственной авиации, где в прерогативе соблюдаются принципы безопасности жизни и здоровья граждан. Данный нормативный акт подразумевает под собой запрет или ограничение в использовании беспилотных летательных судов над большим скоплением граждан.

Противоречивость в исполнении служебных задач сотрудников полиции заключается в том, что при обеспечении охраны общественного порядка сотрудники полиции используют средства беспилотной авиации для эффективности проведения оперативных задач, связанных: с мониторингом толпы; выявлением потенциально опасных граждан, осуществляющих противоправную активность; выявление оставленных подозрительных предметов. В приведенном случае наблюдается противоречивость, заключающаяся в нарушении воздушного законодательства сотрудниками полиции при охране общественного порядка на общественно-массовых мероприятиях.

Пути решения проблемы. По нашему мнению, в воздушное законодательство РФ необходимо внести коррективы, связанные с регламентацией организации использования беспилотных летательных аппаратов сотрудниками полиции при проведении охраны общественного порядка на массовых мероприятиях [5];

2) проблемы, затрагивающие нарушение Федерального закона «Об персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ [1].

Суть коллизии. Осуществление видеозаписи или фотографирование с помощью беспилотных летательных аппаратов в высоком разрешении фиксирует лица большого скопления граждан на общественно-массовом мероприятии. Главная проблема заключается в отсутствии нормативного закрепления, связанного с распространением данных видео- и фотоматериалов, неизвестно условие хранения данных изображений и где они будут распространяться.

Путь решения: в данном нормативно-правовом акте необходимо прописать введение, связанное с сохранением фото- и видеоизображений с лицами граждан, присутствующих на общественно-массовых мероприятиях, для собирания доказательственной базы и поиска лиц, осуществляющих активное влияние на граждан, для осуществления действий нарушения конституционного строя РФ.

2. Кадровые и профессиональные проблемы. Данная проблема характеризует отсутствие должного количества сотрудников полиции, обладающих специальными знаниями и сертификатами по использованию беспилотных летательных аппаратов. На момент 2025 г. созданы подразделения МВД России, осуществляющие управление беспилотными летательными судами, но проблема с дефицитом кадров не решена. Для осуществления организации управления беспилотными судами сотрудникам МВД России необходимо пройти специальные квалификационные экзамены, регламентирующие узаконенное использование беспилотных устройств для организации охраны общественного порядка на культурно-массовых мероприятиях. Путем решения данной проблемы является проведение агитации на специально выделенные должности, занимающиеся управлением беспилотными летательными аппаратами, в средствах массовой информации. Также необходимо проводить специализированные собрания, где специалисты, занимающиеся управлением беспилотными судами, будут делиться опытом и практикой по использованию данных технологий.

3. Финансово-экономические коллизии. Данная позиция характеризует большой уровень финансовых затрат Министерства на покупку беспилотных летательных судов. Согласно статистическим данным МВД России и Федеральному закону от 30 ноября 2024 г. № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов», сумма финансирования, направленная на цифровизацию на 2025 г., составила 1 млрд 390 тыс. руб. Если прогнозировать, что данные средства распределены на все территориальные органы МВД России, находящиеся в субъектах РФ, размера финансирования может не хватить, так как средняя стоимость данных устройств может варьироваться от 80 до 800 тыс. руб., в зависимости от целевого назначения служебной деятельности сотрудников полиции [2]. Также одним из ключевых моментов является быстрое моральное устаревание данных технологий, так как стремительные темпы цифрового развития приводят к тому, что закупленная техника отстает на 2–3 года, требуя постоянного обновления программного обеспечения. Путем решения данной

проблемы будет является увеличение финансовых ассигнований, направленных на цифровую интеграцию подразделений МВД России, осуществляющих управление беспилотными летательными судами, приобретение печатающих установок для 3D-печати комплектующих.

Таким образом, исходя из приведенного анализа, следует сделать вывод, что интеграция беспилотных летательных аппаратов в систему МВД России для осуществления охраны общественного порядка, при проведении общественно-массовых мероприятий, существенно ограничена в силу рассмотренных комплексных проблем, начиная от нормативно-правового закрепления до уровня финансирования системы МВД России. Вследствие этого перевод беспилотных летательных аппаратов из статуса интегрированных технологий в положение основного средства при обеспечении общественного порядка на культурно-массовых мероприятиях возможен лишь после решения правовых, служебных и финансовых проблем. Реализация предложенных мер позволит повысить не только эффективность применения данных устройств для охраны общественного порядка, но и вывести, в целом, служебную деятельность сотрудников полиции на новый уровень.

Список источников

1. О персональных данных: федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ: (последняя редакция) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов: федер. закон от 30.01.2024 № 419-ФЗ: ред. от 24.06.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Егошин И. В., Константинов В. Н. Актуальность практического применения органами внутренних дел беспилотных летательных аппаратов при выполнении оперативно-служебных задач // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3 (35). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-prakticheskogo-primeneniya-organami-vnutrennih-del-bespilotnyh-letatelnyh-apparatov-pri-vypolnenii-operativno-sluzhebnyh (дата обращения: 02.11.2025).
4. Петров П. С. Актуальные вопросы применения беспилотных воздушных судов в правоохранительной деятельности / П. С. Петров, М. А. Огородников, И. Н. Мешков // Евразийский юридический журнал. 2025. № 3(202). С. 469–470.
5. Поспеев К. Ю. Применение современных технологий в деятельности органов внутренних дел по обеспечению правопорядка при проведении массовых мероприятий // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 1 (32). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-sovremennyh-tehnologiy-v-deyatelnosti-organov-vnutrennih-del-po-obespecheniyu-pravoporyadka-pri-provedenii-massovyh (дата обращения: 02.11.2025).

УДК 351

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР КАК МЕРА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

***О. М. Пономарева**, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат педагогических наук*

Автор на основе анализа различных подходов к сущности административного надзора рассматривает указанную меру как меру предупреждения совершения противоправных действий лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а не только как меру государственного принуждения и контроля. Ограничения, применяемые к поднадзорным лицам, являются принудительными мерами, но цель их применения не принуждение как таковое и негативное воздействие на поднадзорное лицо, а недопущение совершения им правонарушений. Административный надзор – мера государственно-социального воздействия, выступающая инструментом управления поведением поднадзорного лица в условиях высокого уровня риска возврата к криминальным действиям.

Ключевые слова: административный надзор, государственный контроль, поднадзорное лицо, субъект административного надзора, предупреждение совершения правонарушений.

ADMINISTRATIVE SUPERVISION AS A PREVENTIVE MEASURE AGAINST OFFENSES

***O. M. Ponomareva**, senior lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Department of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Pedagogy*

Based on an analysis of various approaches to the essence of administrative supervision, the author considers this measure to be a preventive measure against the commission of illegal acts by individuals released from places of imprisonment, rather than just a measure of state coercion and control. The restrictions imposed on supervised individuals are co-

ercive measures, but their purpose is not to coerce or negatively impact the supervised individual, but rather to prevent them from committing offenses. Administrative supervision is a measure of state and social influence that acts as a tool for managing the behavior of a supervised person in conditions of a high level of risk of returning to criminal actions.

Keywords: administrative supervision, state control, supervised person, subject of administrative supervision, prevention of committing offenses.

Необходимость осуществления систематизации видов и субъектов административного надзора органов исполнительной власти определена отсутствием государственной стратегии контрольно-надзорной деятельности, что влечет за собой ситуативность формирования системы субъектов административного надзора и их соответствующей компетенции. Следует указать и на фактическое отсутствие в действующем законодательстве разграничения контроля от надзора и недостаточный уровень учета превентивной направленности административного надзора, который в общественном сознании воспринимается преимущественно как деятельность сугубо принудительного характера.

В Российской Федерации на законодательном уровне урегулирован вопрос осуществления различных видов надзора – прокурорский, государственный, причем некоторые ученые высказывают мнение о том, что «надзор» и «контроль» являются понятиями тождественными, направленными на общие цели и результат.

По мнению Старилова Ю. Н., административный надзор является разновидностью государственного контроля, который осуществляется властными субъектами и заключается в обеспечении законности, направлен на соблюдение специальных норм, имеет систематический характер, инициируется властными субъектами и сопровождается, при необходимости, применением мер административного принуждения [6, с. 183].

Административный надзор можно характеризовать как элемент (институт) государственного механизма, наделенный самостоятельностью, автономией, определенной правовой формой, который реализуется полицией, как специально уполномоченным правоохранительным органом и способствует реализации административно-правовых норм, обеспечивающих общественный порядок, и, как правило, имеет следствием применение мер административного принуждения [4, с. 63].

Можно выделить присущие административному надзору как виду превентивной деятельности элементы, определяющие условия ее реализации.

Первым элементом выступает именно назначение реализации административного надзора – обеспечение соблюдения правовых норм, недопущение

наступления негативных последствий от их несоблюдения и выявления обстоятельств, способствующих правонарушениям.

Вторым элементом выступает внешняя форма производства административного надзора – способы и методы реализации, которые обеспечивают соблюдение режима правопорядка и не допускают совершения правонарушений (охрана, регулирование, контроль, разрешение и т. п.).

Третий элемент – четко регламентированная нормами правая процессуальная форма осуществления административного надзора для обеспечения его правомерности.

Четвертый элемент – достигнутый результат осуществления административного надзора, который имеет значение для оценки достаточности применяемых способов и методов его реализации, и уровня профилактики совершения правонарушений.

Пятый элемент – недопущение ухудшения уровня правосознания и правомерности поведения поднадзорного субъекта и применение, при необходимости, мер процессуального принуждения [3, с. 203].

По мнению А. Н. Смирнова, «административный надзор полиции за лицами, освобожденными из мест лишении свободы», как правовое явление может быть раскрыто через призму таких институтов права: 1) как составляющая общего административного надзора полиции; 2) как элемент индивидуальной профилактической деятельности; 3) как часть правоохранительной деятельности в аспекте борьбы с преступностью; 4) как составляющая административного принуждения [5, с. 133].

Совокупность субъектов административного надзора можно условно поделить на группы по объему и характеру компетенции в соответствующей сфере. Комплексный характер административного надзора как правового явления определяет целесообразность выделения, прежде всего, направлений (сфер, видов) надзора. Так, проведенный анализ субъектного состава отношений в сфере административного надзора доказал целесообразность выделения таких видов административного надзора, перечень которых не является исчерпывающим: общего административного надзора, осуществляемого органами полиции; специального административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы; надзора за осужденными и лицами, взятыми под стражу; надзора за соблюдением антикоррупционного законодательства; государственного надзора (контроля) в сфере хозяйственной деятельности; государственного надзора (контроля) в сфере телекоммуникаций, информатизации; государственного санитарно-эпидемиологического надзора; надзора в сферах пожарной и техногенной безопасности; государственного рыночного надзора и других видов надзора. По признаку компетенции субъекты административного надзора целесообразно систематизировать в две группы: субъекты общей превенции и субъекты специальной превенции.

Компетенция субъектов специальной превенции ограничена действующим законодательством конкретной сферой правового влияния. Круг субъектов общей превенции ограничен органами полиции. Субъектов специальной превенции значительно больше, а их систематизацию целесообразно осуществлять по признаку подведомственности, то есть содержательной специфики предмета административного надзора, осуществляемого такими субъектами.

Субъектов административного надзора можно систематизировать по признаку характера предмета осуществления соответствующей деятельности: сфера публичной безопасности и порядка; сфера противодействия коррупции; сфера безопасности жизнедеятельности населения [2, с. 65].

Вышеупомянутое дает возможность определить административный надзор, как вид превентивной деятельности полиции – универсальным направлением процедурно регламентированной профилактической деятельности уполномоченных подразделений и должностных лиц полиции, в установленных законодательством формах, призванный обеспечить непрерывное влияние на неопределенный круг поднадзорных субъектов административного надзора с целью обеспечения надлежащего уровня правопорядка, результатом которой является оценка правомерности их поведения и предотвращение возможных негативных последствий.

Список источников

1. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: федер. закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ: ред. от 06.04.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Иванцов С. В. Юридическая природа и содержание административного надзора // Вестник Международного юридического института. 2018. № 1 (52). С. 61–70.
3. Мусаев М. Ш. Содержание и формы административного надзора, осуществляемого органами правопорядка // Молодой ученый. 2021. № 3 (345). С. 202–205.
4. Никитин А. Д. Административный надзор в контексте общеправовых принципов // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 1 (7). С. 62–67.
5. Смирнов А. Н. Административный надзор как правовое последствие преступления и наказания // Вестник Кузбасского института. 2018. № 1 (22). С. 129–133
6. Старилов Ю. Н. Административная юстиция. Теория, история, перспективы. М.: Юр. лит., 2017. 564 с.

УДК 342.9

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОВТОРНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ ЛИЦ, ЛИШЕННЫХ ПРАВА УПРАВЛЕНИЯ

***И. А. Симакина**, начальник кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук, доцент*

Статья посвящена рассмотрению особенностей применения как административной, так и уголовной ответственности к лицам, допустившим повторное управление транспортным средством, если ранее данное лицо уже привлекалось к ответственности за подобное нарушение и к нему применялось наказание в виде лишения специального права – права управления транспортным средством. Освещаются вопросы необходимости и действенности такой нормы, как часть первая статьи 264.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также эффективности применения иных мер уголовно-правового характера при совершении указанного преступления.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, ответственность, лишение права управления транспортным средством, состав преступления.

ON THE QUESTION OF LIABILITY FOR REPEAT DRIVING OF VEHICLES BY PERSONS DEPRIVED OF THE RIGHT TO DRIVE

***I. A. Simakina**, head of the Department of Special Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

The article is devoted to the consideration of the specifics of the application of both administrative and criminal liability to persons who have committed repeated driving of a vehicle, if this person has previously been held accountable for such a violation and was punished by deprivation of a special right – the right to drive a vehicle. The issues of the necessity and effectiveness of such a rule as the first part of Article 264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the effectiveness of other criminal law measures in the commission of this crime, are highlighted.

Keywords: road safety, liability, deprivation of the right to drive a vehicle, elements of a crime.

Любое правовое государство в первую очередь в качестве основной ценности провозглашает соблюдение прав и свобод человека, Российская Федерация не является исключением. Права и свободы в различных сферах в нашем обществе охраняются с помощью различных механизмов, все они многогранны и сложны по своей структуре. В настоящей статье хотелось бы остановиться на одном из направлений работы государственной системы – достижение безопасности дорожного движения. Многие ученые, и мы в том числе, неоднократно говорили, что данная задача может быть достигнута только с помощью целого комплекса мероприятий. Внесение изменений в законодательство в части привлечения к ответственности лиц, допустивших в своих действиях нарушение правил дорожного движения, является лишь одной, хотя и немаловажной составляющей такого комплекса.

Как уже отмечалось в наших работах, законодательство нашей страны в последние несколько лет движется по направлению усиления ответственности за нарушение Правил дорожного движения (далее – ПДД). Так, в 2022 г. были внесены как существенные изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [1], так и в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) [2], в части привлечения к ответственности лиц, управляющих транспортными средствами и лишенными такого специального права. Так, 14 июля 2022 г. был принят федеральный закон № 257-ФЗ [3], который дополнил ст. 12.7 КоАП РФ новой частью – повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 этой же статьи. При этом указано важное дополнение – «если такое действие не содержит признаков уголовно наказуемого деяния», которое направляет, наш взгляд, на нормы уголовного закона, так же претерпевшие существенные изменения в указанный период. Рассматривая их более подробно, можно отметить, что так же 14 июля 2022 г. был принят еще один федеральный закон № 258-ФЗ [4], в соответствии с которым в УК РФ внесена ст. 264.3, часть 1 которого устанавливает ответственность за управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию за деяние, ответственность за которое устанавливается как раз ч. 4 ст. 12.7 КоАП РФ.

В литературе высказывается множество мнений о целесообразности ужесточения ответственности практически в двойном размере, поскольку одновременно введены две нормы, при этом если часть 4 ст. 12.7 КоАП РФ единожды повышает ответственность, то часть 1 ст. 264.3 УК РФ устанавливает ответственность «в квадрате», если этот математический термин применить к законодательству.

Несомненно, можно говорить, что в противовес административной ответственности, санкции которой не столь весомы для большинства граждан, возможность привлечения к уголовной ответственности вызывает большую вероятность предупреждения совершения противоправных деяний, что и влечет снижение их числа. Но, как мы уже упоминали в своих работах, хочется отметить, что в целом введение в действие именно ч. 1 ст. 264.3 УК РФ достаточно спорно, поскольку если сравнивать степень общественной опасности данного преступления и ее же для преступлений, предусмотренных ст. 264, 264.1 и 264.2 УК РФ, на наш взгляд, она существенно ниже, так как по своему содержанию состав указанной нормы является формальным и не сопровождается вредными последствиями. Поэтому, разделяя точку зрения, высказываемую в литературе, можно отметить, что можно было бы ограничиться такими изменениями в КоАП РФ, как установление такого размера административного штрафа, который был бы сопоставим со штрафными санкциями статьи УК РФ.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 3.5 КоАП РФ помимо общего максимального размера административного штрафа, установленного для граждан в размере 5 тыс. руб., в зависимости от конкретного административного правонарушения, могут быть установлены иные максимальные размеры. Например, для рассматриваемой ч. 4 ст. 12.7 максимальный размер административного штрафа составляет 100 тыс. руб., но данная цифра не является предельной для других административных правонарушений. Размер штрафа, предусмотренного санкцией ч. 1 ст. 264.3 УК РФ, находится в границах от 150 тыс. до 250 тыс. руб., таким образом, денежное соотношение наказания, предусмотренное этими двумя нормами, в целом, не сложно привести к балансу путем повышения максимального размера административного штрафа. Что же касается иных видов наказаний, которые отличают уголовную ответственность от административной, в первую очередь речь идет о лишении свободы, то если основываться на данных статистики, такое наказание за рассматриваемое преступление практически не назначается [5].

В качестве заключения хотелось бы отметить, что вносимые законодателем изменения по направлению усиления ответственности за нарушение ПДД несомненно несут положительный характер, о чем свидетельствуют статистические данные. Бесспорно, возможность привлечения к уголовной ответственности существенно влияет на желание водителей, лишенных права управления транспортным средством, продолжать управлять автомобилем или иным механическим транспортным средством. Однако полагаем, что именно целесообразность введения одновременно двух норм, настолько ужесточающих ответственность, вызывает некоторые сомнения, возможно был необходим некоторый временной отрезок для апробации сначала эффективности действия ч. 4 ст. 12.7 КоАП РФ, по результатам которого можно было бы рассмотреть вопрос о введении в действие ч. 1 ст. 264.3 УК РФ.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 04.11.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 15.10.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 14.07.2022 № 257-ФЗ: ред. 14.07.2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 14.07.2022 № 258-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 1 полугодие 2025 года // Судебный департамент Российской Федерации: [сайт]. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9303 (дата обращения: 15.11.2025).